

РУССКАЯ

1-2
1908

МЫСЛЬ.

*University of California
Library*

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Второй год.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА	1
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Малахіевой-Мировичъ	10
III. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Сигурда (Хейденшерн).—Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской	13
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. М. Федорова	52
V. ИСТОРИЯ О ТОМЪ, КАКЪ МОННА ПА-ДИ-ТОЛОМЕИ, БУДУЧИ НЕВИННОЙ, ПОГИБЛА ПО ВОЛѢ ЖЕСТОКАГО СУПРУГА.—Г. Л. Щепиной-Куперникъ	53
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Федора Сологуба	71
VII. РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМѢ. Уэльтера Патера.—Перев. П. П. Муратова	72
VIII. ДѢВУШКА СЪ ЗОЛОТОЙ РѢЧКИ. Изъ жизни Печоры.—К. Д. Носилова	91
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Василевскаго	110
X. НА ОЗЕРѢ.—Н. М. Тимковскаго	111
XI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—К. Д. Бальмонта	146
XII. УТРО.—А. М. Федорова	147
XIII. ЕВНУХИ. Андрес Неховскаго.—Перев. съ польск. В. М. Л.	155
XIV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Влад. Фишера	190
XV. СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ ИЛИ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ СПАСО-ЕФИМІЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.—А. С. Пругавина	1
XVI. РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ. (1813—1883 гг.). Къ 25-лѣтію со-дня его смерти.—Винтора Вальтера	17
XVII. ПРОБЛЕМЫ НОВАГО РЕЛИГИОЗНАГО СОЗНАНІЯ. I. О сладчайшемъ Исусѣ и горькихъ плодахъ міра. В. В. Розанова. II. Христось и міръ. Отвѣтъ В. В. Розанову.—Николая Бердяева	38
XVIII. ПАТРИОТИЗМЪ И КОНСТИТУЦІЯ.—Н. А. Гредескула	56
XIX. ВЪ ОБЕЗЪЯНЬИХЪ ЛАПАХЪ. О Леонидѣ Андреевѣ.—Д. С. Меремковскаго	75
XX. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ. („Исторія Россіи въ XIX в.“. Изданіе А. и И. Гранатъ. Вып. I—II).—А. А. Низоветтера	99
XXI. „ЛИКВИДАЦІЯ“.—А. С. Изгоева	119
XXII. ВЕЛИКАЯ РОССІЯ. Изъ размышлений о проблемѣ русскаго могущества.—Петра Струве	143
XXIII. УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ 1906 г.—А. А. Кауфмана	158
XXIV. ТРЕТЬЯ ДУМА.—А. Вергежскаго	176
XXV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. Айхенвальда	184
XXVI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ф. К. Арнольда	192
XXVII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Лида	203
XXVIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Мотларевскаго	219
XXIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія.—Политическая экономія.—Публицистика.—Естествознаніе.—Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.	1
XXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Въ статью *П. Б. Струве* «Великая Россія» вкрались слѣдующія опечатки:

На стр. 143, 2-ая строка снизу напечатано: *идеалъ*; слѣдуетъ читать: *идолъ*.

На стр. 144, 14-ая строка сверху напечатано: *юридическое*; слѣдуетъ читать: *юридически*.

На стр. 144, 20-ая строка сверху напечатано: *и въ дѣйствительности*; слѣдуетъ читать: *и оказывается въ дѣйствительности*.

На стр. 144, 17-ая строка снизу напечатано: *оправдали*; слѣдуетъ читать: *опровергли*.

На стр. 144, 5-ая строка снизу напечатано: *интеллигентнаго*; слѣдуетъ читать: *интеллигентскаго*.

МОСКВА.

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА.	1.
II. СТИХОТВОРЕНИЯ.— В. Малахѣевой-Мировичъ.	10
III. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Сигурда (Хейденшерна).—Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской.	13
IV. СТИХОТВОРЕНИЕ.—А. М. Федорова.	52
V. ИСТОРИЯ О ТОМЪ, КАКЪ МОННА ША-ДИ-ТОЛОМЕИ, БУДУЧИ НЕВИННОЙ, ПОГИБЛА ПО ВОЛЪ ЖЕСТОКАГО СУПРУГА.— Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.	53
VI. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Ведора Сологуба.	71
VII. РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМЪ. Уэльтера Цатера.—Перев. П. П. Муратова.	72
VIII. ДЪВУШКА СЪ ЗОЛОТОЙ РЪЧКИ. Изъ жизни Печоры.—К. Д. Носилова.	91
IX. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Л. М. Василевскаго.	110
X. НА ОЗЕРЪ.—Н. М. Тимовскаго.	111
XI. СТИХОТВОРЕНИЯ.—К. Д. Бальмонта.	146
XII. УЗРО.—А. М. Федорова.	147

XXIV. ТРЕТЬЯ ДОЛЯ.—И. Куперникъ.	
XXV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. Айхенвальда.	184
XXVI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. Н. Арнольда.	192
XXVII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Липда.	203
XXVIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго.	219
XXIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія.—Политическая экономія.—Публицистика.—Естествознание.—Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1907 г. по 1 январю 1908 г.	1
XXX. ОБЪЯВЛЕНИЯ.	1

UNIV. OF
CALIFORNIA

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИГА I

МОСКВА.

1908.

70 100
ABSTRACT

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW idemat 3/29/84

Типо-автография Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1908.

AP50
R875
v. 29:1-2
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Малахѣевой-Мировичъ.	10
III. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Сягурда (Хейденшерна).—Пер. съ шведск. М. П. Благовѣщенской	13
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. М. Федорова	52
V. ИСТОРИЯ О ТОМЪ, БАКЪ МОННА ПА-ДИ-ТОЛОМЕИ, БУДУЧИ НЕВИННОЙ, ПОГИБЛА ПО ВОЛѢ ЖЕСТОБАГО СУПРУГА.— Т. Л. Щепкиной-Нуперникъ	53
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Федора Сологуба.	71
VII. РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМѢ. Уольтера Патера.—Перев. П. П. Му- ратова.	72
VIII. ДѢВУШКА СЪ ЗОЛОТОЙ РЪЧКИ. Изъ жизни Печоры.— Н. Д. Носилова.	91
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Василевскаго.	110
X. НА ОЗЕРѢ.—Н. И. Тимковскаго	111
XI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—К. Д. Бальмонта.	146
XII. УТРО.—А. М. Федорова.	147
XIII. ЕВНУХИ. Андрея Немоевскаго.—Перев. съ польск. В. М. Л.	155
XIV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Влад. Фишера	190
XV. СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ ИЛИ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДѢЛ- ЕНІЕ СПАСО-ЕФИМІЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.—А. С. Пруга- вина.	1

	Стр.
XVI. РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ: (1813—1883 г.). Къ 25-лѣтію со дня его смерти.—Виктора Вальтера.	17
XVII. ПРОБЛЕМЫ НОВАГО РЕЛИГИОЗНАГО СОЗНАНІЯ. I. О Сладчайшемъ Іисусѣ и горькихъ плодахъ міра. В. В. Розанова. II. Христосъ и міръ. Отвѣтъ В. В. Розанову.—Николая Бердяева.	33
XVIII. ПАТРИОТИЗМЪ И КОНСТИТУЦІЯ.—Н. А. Гредескула . . .	56
XIX. ВЪ ОБЕЗЪЯННЫХЪ ЛАПАХЪ. О Леонидѣ Андреевѣ.—Д. С. Мережковскаго.	75
XX. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ. («Исторія Россіи въ XIX в.»). Изданіе А. и И. Гранатъ. Вып. I—II).—А. А. Низеветтера	99
XXI. «ЛИБВИДАЦІЯ».—А. С. Изгоева.	119
XXII. ВЕЛИКАЯ РОССІЯ. Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества.—Петра Струве	143
XXIII. УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ 1906 Г.—А. А. Кауфмана	158
XXIV. ТРЕТЬЯ ДУМА.—А. Вергемскаго	176
XXV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. И. Айхенвальда	184
XXVI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ө. Н. Арнольда	192
XXVII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда	203
XXVIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго	219
XXIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія. — Политическая экономія.— Публицистика.— Естествознаніе.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.	1
XXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, приѣма и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА *).

5 октября.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ!

Мнѣ очень нужно васъ видѣть. Если это письмо, которое я пошлю на удачу, вы получите раньше 12 октября, и если вы продолжаете еще быть земскимъ начальникомъ, то не откажите телеграфировать мнѣ возможно скорѣе, въ какой день и въ какомъ мѣстѣ Нижегородской губерніи я могу застать васъ. 12 октября я буду въ Нижнемъ и въ тотъ же день, если найду вашъ адресъ, выѣду къ вамъ.

А. Чеховъ.

11 декабря.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, вотъ вамъ исторія моего неудавшагося путешествія къ вамъ. Я собирался ѣхать къ вамъ не съ корреспондентскими цѣлями, а по порученію, или вѣрнѣе, по соглашенію съ небольшимъ кружкомъ людей, желавшихъ сдѣлать что-нибудь для голодающихъ. Дѣло въ томъ, что публика не вѣритъ администраціи и потому воздерживается отъ пожертвованій. Ходитъ тысяча фантастическихъ сказокъ и басенъ о растратахъ, наглыхъ воровствахъ и т. п. Епархіальнаго вѣдомства сторонятся, а на Красный Крестъ негодуютъ. Владѣлецъ незабвеннаго Бабкина, земскій начальникъ, отрезалъ мнѣ прямо и категорически: «въ Москвѣ въ Красномъ Крестѣ вѣрятъ!» При такомъ настроеніи администрація едва ли дождется рѣзной помощи отъ общества. А между тѣмъ публикѣ благотворить хочется, и совѣсть ея потревожена. Въ сентябрѣ московская интеллигенція и плутократія собирались въ кружки, думали, говорили, вопились, приглашали для совѣта свѣдущихъ людей; всѣ

*). Оглашаемые письма А. П. Чехова, относящіеся къ „голодному году“, переписаны редакціей г-жей Н. Егоровой, вдовой земскаго начальника Нижегородской

Прим. ред.

толковали о томъ, какъ бы обойти администрацію и заняться организаціей помощи самостоятельно. Рѣшили послать въ голодныя губерніи своихъ агентовъ, которые знакомились бы на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, устраивали бы столовыя и проч. Нѣкоторые главари кружковъ, люди съ вѣсомъ, ѣздили къ Дурново просить разрѣшенія, и Дурново отказалъ, объявивъ, что организація помощи можетъ принадлежать только епархіальному вѣдомству и Красному Кресту. Однимъ словомъ, частная инициатива была подрѣзана въ самомъ началѣ. Всѣ повѣсили носы, пали духомъ; кто озлился, а кто просто омылъ руки. Надо имѣть смѣлость и авторитетъ Толстого, чтобы идти наперекоръ всякимъ запрещеніямъ и настроеніямъ, и дѣлать то, что велить долгъ.

Ну-съ, теперь о себѣ. Я съ полнымъ сочувствіемъ относился къ частной инициативѣ, ибо каждый воленъ дѣлать добро такъ, какъ ему хочется; но всѣ разсужденія объ администраціи, Красномъ Крестѣ и проч. казались мнѣ несвоевременными и непрактическими. Я полагалъ, что при нѣкоторомъ хладновровіи и добродушіи можно обойти все страшное и щекотливое, и что для этого нѣтъ надобности ѣздить къ министру. Я поѣхалъ на Сахалинъ, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, и однако же сдѣлалъ тамъ все, что мнѣ нужно; отчего же я не могу поѣхать въ голодающія губерніи? Вспоминалъ я также такихъ администраторовъ, какъ вы, какъ Киселевъ и всѣ мои знакомые земскіе начальники и податные инспектора—люди въ высшей степени порядочные и заслуживающіе самаго широкаго довѣрія. И я рѣшилъ, хотя на небольшомъ районѣ, если можно, сочетать два начала: администрацію и частную инициативу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе съѣздить къ вамъ и посоветоваться. Мнѣ публика вѣрить, повѣрила бы она и вамъ, и я могъ разсчитывать на успѣхъ. Помните, я послалъ вамъ письмо. Тогда въ Москву пріѣхалъ Суворинъ; я пожаловался ему, что не знаю вашего адреса. Онъ телеграфировалъ Баранову, а Барановъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ вашъ адресъ. Суворинъ былъ боленъ инфлуэнцей; обыкновенно, когда онъ пріѣзжаетъ въ Москву, мы цѣлые дни проводимъ неразлучно и толкуемъ о литературѣ, которую онъ знаетъ превосходно. И на сей разъ толковали, и кончилось тѣмъ, что я заразился отъ него инфлуэнцей, легъ въ постель и сталъ неистово кашлять. Былъ въ Москвѣ Короленко и засталъ меня страждущимъ. Осложненіе со стороны легкихъ сдѣлало то, что я маялся цѣлый мѣсяцъ, безвыходно сидѣлъ дома и ровно ничего не дѣлалъ. Теперь дѣла мои пошли на поправку, но все еще я кашляю и худѣю. Вотъ вамъ и вся исторія. Если бы не инфлуэнца, то, быть можетъ, намъ вмѣстѣ уда-

лось бы сорвать съ публики тысячи двѣ-три или больше, смотря по обстоятельствамъ.

Ваше раздраженіе противъ печати мнѣ понятно. Разсужденія газетчиковъ васъ, знакомаго съ истиннымъ положеніемъ вещей, такъ же раздражаютъ, какъ меня, медика, разсужденія профана о дифтеритѣ. Но что прикажете дѣлать? Что? Россія не Англія и не Франція. Газеты у насъ не богаты и въ своемъ распоряженіи имѣютъ очень немного людей. Послать на Волгу профессора Петровской академіи, или Энгельгарда—это дорого; послать дѣльнаго и даровитаго сотрудника тоже нельзя—дома нуженъ. *Times* на свой счетъ устроилъ бы въ голодающихъ губерніяхъ перепись, посадилъ бы въ каждой волости Беннана, платя ему по 40 руб. суточныхъ—и вышелъ бы толкъ, а что могутъ сдѣлать *Русскія Вѣдомости* или *Новое Время*, которыя доходъ въ сто тысячъ считаютъ уже крзовскимъ богатствомъ? Что же касается самихъ корреспондентовъ, то вѣдь это горожане, знающіе деревню только по Глѣбу Успенскому. Положеніе ихъ фальшиво въ высшей степени. Прилети въ волость, понюхай, пиши и валий дальше. У него ни матеріальныхъ средствъ, ни свободы, ни авторитета. За 200 цѣлковыхъ въ мѣсяць онъ скачетъ, скачетъ, и молитъ Бога только о томъ, чтобы на него не сердились за его невольное и неизбѣжное вранье. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ. Но виноватъ вѣдь не онъ, а русскія потемки. Къ услугамъ западнаго корреспондента—превосходныя карты, энциклопедическіе словари, статистическія изслѣдованія; на западъ корреспонденти можно писать сидя дома. А у насъ? У насъ корреспондентъ можетъ почерпать свѣдѣнія только изъ бесѣдъ и слуховъ. Вѣдь у насъ во всей Россіи до сихъ поръ изслѣдованы только три уѣзда: Череповскій, Тамбовскій и еще какой-то. Это на всю-то Россію! Газеты врутъ, корреспонденты-саврасы, но что же дѣлать? *А не писать нельзя.* Если бы печать наша молчала, то положеніе было бы еще ужаснѣе, согласитесь съ этимъ.

Ваше письмо и ваша затѣя насчетъ покупки скота у крестьянъ сдвинули меня съ мѣста. Я всей душой и всѣми моими силами готовъ слушаться васъ и дѣлать все, что вы хотите. Я долго думалъ, вотъ вамъ мое мнѣніе. На богатыхъ людей разсчитывать нельзя. оодно. Каждый богачъ уже отвалилъ тѣ тысячи, которыя ему суждено было отвалить. Вся сила теперь въ среднемъ чловѣкѣ, жертвующемъ полтинники и рубли. Тѣ, которые въ сентябрѣ толковали частной инициативѣ, нашли себѣ приютъ при разнаго рода комиссіяхъ и комитетахъ и уже работаютъ. Значить, остается средній чловѣкъ. Давайте объявимъ подписку. Вы напишете письмо въ редак-

цію, и я напечатаю его въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и въ *Новомъ Времени*. Чтобы сочетать два вышеписанныхъ начала, мы можемъ оба подписаться подъ письмомъ. Если это для васъ неудобно въ служебномъ отношеніи, то можно написать отъ третьяго лица корреспонденцію, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 5 участкѣ организовано то то и то то, что дѣла идутъ, слава Богу, успѣшно и что пожертвованія просятъ высылать земскому начальнику Е. П. Егорову, живущему тамъ-то, или же А. П. Чехову, или въ редакцію такихъ-то газетъ. Надо только подлиннѣе написать. Напишите подробнѣе, а я прибавлю свое что-нибудь—и дѣло въ шляпѣ. Нужно писать о жертвованіяхъ, но не о займѣ. На заемъ никто не пойдетъ: жутко. Дать трудно, но взять назадъ еще труднѣе.

Въ Москвѣ у меня есть одинъ только знакомый богачъ—это В. А. М., извѣстная благотворительница. Вчера я былъ у нея съ вашимъ письмомъ. Говорилъ, обѣдалъ. Она увлечена теперь комитетомъ грамотности, который устраиваетъ столовыя для школьниговъ, и все отдаетъ туда. Такъ какъ грамотность и лошади—величины не соизмѣримыя, то В. А. пообѣщала мнѣ содѣйствіе комитета въ случаѣ, если вы пожелаете устроить столовыя для школьниговъ и пришлете подробныя свѣдѣнія. Мнѣ *неловко* было просить у нея денегъ сейчасъ же, такъ какъ у нея берутъ и берутъ безъ конца, и треплютъ ее, какъ лисицу. Я только попросилъ ее, что въ случаѣ, если у нея будутъ какіе-либо коммисіи и комитеты, то чтобы она не забывала и насъ, и она дала мнѣ обѣщаніе не забывать. Ваше письмо и ваша идея сообщены также редактору *Русскихъ Вѣдомостей* Соболевскому—это на всякій случай. Всюду я трезвоню, что дѣло уже организовано.

Если будутъ рубли и полтинники, то я буду высылать ихъ вамъ безъ всякой задержки. А вы распорядитесь мной и вѣрьте, что для меня было бы истиннымъ счастьемъ хотя что-нибудь сдѣлать, такъ какъ до сихъ поръ для голодающихъ и для тѣхъ, кто помогаетъ имъ, я ровно ничего не сдѣлалъ. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

14 декабря.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ! Посылаю вамъ собранные мною 116 руб. Продолженіе будетъ. Списокъ жертвователей я пришлю въ слѣдующій разъ.

Собираю я втихомолку, безъ какого-либо шума, и думаю теперь, что письмо въ редакцію, или корреспонденцію, о которой я писалъ, слѣдуетъ помѣстить въ газетѣ не раньше января. Я по-

загаю, что въ январѣ у васъ уже прочно будетъ стоять лошадиное дѣло, картина будетъ ясна, а слѣдовательно и для жертвователей все будетъ ясно; въ январѣ я приѣду къ вамъ *непрѣменно* и вмѣстѣ сочинимъ что-нибудь. Во всякомъ случаѣ, сочинить что-нибудь нужно.

Напишите же насчетъ школьниковъ и ихъ кормленія. Я тотчасъ же помчусь въ комитетъ грамотности, который поможетъ вамъ. Вообще пишите. Безъ вашихъ распоряженій я не ступлю самостоятельно ни одного шага. Я вашъ агентъ, такъ вы и смотрите на меня и почаще пишите руководства ради.

Вашъ А. Чеховъ.

20 декабря.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, посылаю вамъ пока еще 17 руб. Продолженіе будетъ. По полученіи отъ васъ письма я обратился конфиденціально къ предсѣдателю нашего литературнаго фонда, имѣющаго 200 тысячъ основного капитала, съ вопросомъ: нельзя ли мнѣ получить въ ссуду 500 руб.? Эти деньги хотѣлъ я послать въ ссуду вамъ. Но предсѣдатель отказалъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ. На бѣду я никакъ не могу узнать адреса А. Н. Плещеева-поэта, который теперь за границей. Онъ, какъ вамъ извѣстно, получилъ миллионное наслѣдство и мнѣ бы не отказалъ. Когда весной мы съ нимъ встрѣтились въ Парижѣ, онъ просилъ меня взять у него займы.

26 декабря я уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ буду жить до 10 января. Въ случаѣ надобности адресуйте такъ: Петербургъ, Малая Итальянская, 18, кв. Суворина, Чехову. Въ Петербургѣ я попытаюсь достать денегъ.

14 декабря я послалъ вамъ 116 руб., а ранѣ послалъ длинное письмо и отвѣта не получилъ. Все, что мною до сихъ поръ было собрано, жертвователи просятъ употребить на кормежку скота. Желаю вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

26 декабря.

Посылаю еще 11 рублей. А отвѣта отъ васъ нѣтъ и нѣтъ, такъ я начинаю думать, что мои письма не доходятъ по адресу. Сегодня уѣзжаю въ Петербургъ. Благоволите адресоваться туда.

Вышелъ сборникъ въ пользу голодающихъ, который далъ чистыхъ тысячъ. Если бы вы поскорѣе отвѣтили мнѣ, въ какомъ положеніи у дѣла, и уполномочили бы меня, то я могъ бы обратиться въ редакцію *Русскихъ Вѣдомостей*, чтобы онѣ выслали хотя бы 100—) руб. У меня еще осталось вашихъ 20 коп. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

3 января.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, уже давно въ отвѣтъ вамъ я послалъ заказное письмо и нѣсколько денежныхъ пакетовъ. Долго не получая отъ васъ отвѣта и теряясь по этому поводу въ догадкахъ, я остановился на томъ, что вы не получили моихъ писемъ. И эта послѣдняя моя догадка оказалась весьма основательной. Дѣло въ томъ, что я посылалъ вамъ свою корреспонденцію по такому адресу: «Станція Богоявленное, Нижегородскаго уѣзда». Между тѣмъ, оказывается по справкамъ, что ст. Богоявленное въ Нижегородской губ. нѣтъ, а есть станція Богоявленье. Пожалуйста, наведите справки, получите мои письма и напишите мнѣ. Ваше продолжительное молчаніе совсѣмъ парализовало мою волю и мои чувства. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

26 января. Москва.

По подписному листу № 28 вы, добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, получили уже съ меня 25 руб. въ Бѣлой. Теперь по тому же листу посылаю еще 60 руб. Остальные 22 руб. собраны однимъ моимъ пріятелемъ; списокъ жертвователей прилагаю: такъ какъ они не вошли ни въ одинъ изъ подписныхъ листовъ, то благоволите прислать расписочки. 41 коп. осталась у меня до слѣдующаго транспорта.

Можете себѣ представить, я пріѣхалъ домой совсѣмъ больнымъ. Жестокая боль въ обѣихъ лопаткахъ, между лопатками и мышцахъ груди. Должно быть, простудился въ Нижнемъ, послѣ того какъ проспалъ ночь подъ тропически-горячимъ дыханіемъ отдушины. Не могу ни сидѣть согнувшись, ни писать, ни надѣвать сапоги. Просто бѣда. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

29 января.

По подписному листу № 28 имѣете получить 25 руб., пожертвованные *Русскою Мыслью*. Расписки не нужно. Отъ Е. И. Коновницера — 1 руб. Расписка нужна. Итого 26 руб.

Всѣмъ вашимъ привѣтъ.

Устройте столовые.

Вашъ А. Чеховъ.

Воронежъ, 6 февраля.

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, пишу вамъ это изъ Воронежской губ. Произошло то же самое, что и въ Нижнемъ, т. е. губернаторъ пригласилъ меня обѣдать и мнѣ пришлось много говорить и

слышать о голодѣ. Лошадиное дѣло поставлено здѣсь такъ. Губернаторъ Куровскій скупаетъ лошадей, гдѣ только возможно, по вашему способу, и скупилъ ихъ уже около 400 головъ. Цѣна Нижегородская. Если выписать изъ Донской области, то каждая лошадь безъ кормежки обойдется въ 50—60 руб. Куровскій лошадей при себѣ не держитъ, а раздаетъ ихъ мужикамъ тотчасъ же послѣ покупки. Онъ выписываетъ изъ голодныхъ уѣздовъ безлошадниковъ и говоритъ имъ: «Вотъ тебѣ лошадь. Ты будешь возить хлѣбъ». Безлошадникъ возитъ и такимъ образомъ зарабатываетъ на себя и на лошадь. Весною ему скажутъ: «Заработалъ ты столько-то. Лошадь стояла въ покупкѣ столько-то. Значитъ, за тобой осталось еще столько-то (или же имѣешь дополучить столько-то)». Однимъ словомъ, лошадь дается въ ссуду и ссуда выплачивается мало-по-малу теперь.

Воронежъ кипитъ. Голодное дѣло поставлено здѣсь гораздо основательнѣе, чѣмъ въ Нижегородской губерніи. Выдаютъ не только хлѣбъ, но даже переносныя печи и каменный уголь. Устроены мастерскія, много столовыхъ. Вчера въ театрѣ былъ спектакль въ пользу голодающихъ, сборъ полный. Куровскій интеллигентный и искренній человѣкъ; работаетъ такъ же много, какъ Барановъ. Онъ штатскій, а для губернатора—это большое удобство: онъ чувствуетъ себя свободнѣе. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ при свиданіи.

Видѣлъ я Софью Александровну Давыдову и далъ ей вашъ адресъ. Дама дѣловая, добрая и скромная. Она многое можетъ сдѣлать.

Мое письмо о Нижегородской и Воронежской губерніяхъ будетъ напечатано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Поклонъ вашимъ. Будьте здоровы. Пишите. Въ Москвѣ я буду около 10—12.

Вашъ А. Чеховъ.

25 февраля.

Посылаю вамъ, Евграфъ Петровичъ, 12 рублей. На-дняхъ буду писать вамъ подробно, а пока извините. Укладываюсь. Вашимъ сердечнымъ привѣтъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Посылаю не 12, а 14. Вотъ списокъ жертвователей, которымъ ягаговорите прислать расписки: Н. И. Федоровъ—2 руб., редакция *Норма*—1 руб., П. В. Петровъ—1 руб., Б. А. Суворинъ—10 руб. того 14 руб.

Воронежскій губернаторъ Куровскій сказалъ мнѣ, что въ случаѣ дежа какой-либо лошади нужно составлять актъ. Этою формальностью вы интересовались и потому сообщаю вамъ ее.

4 марта.

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, пишите мнѣ теперь по такому адресу: ст. Лопасня, московск.-курской дороги, А. П. Чехову.

Въ девяти верстахъ отъ Лопасни и 20—25 верстахъ отъ Серпухова я купилъ себѣ имѣніе. 213 десятинъ. 5 тысячъ наличными и 8 банк. долгу.

Не пишу вамъ подробно, потому что спѣшу. Сажу въ ресторанѣ. Изъ дому напишу очень подробно. Поклонъ вашимъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Простыя письма желательнѣе заказныхъ.

Ст. Лопасня, 29 марта.

Значить, лошадиное дѣло трахнуло? Вы пишете, что если бы мы начали съ ноября, то дѣло было бы въ шляпѣ. Знаете, когда я въ февралѣ былъ въ Хрѣновскомъ заводѣ, то управляющій его Иловойскій, большой лошадиный знатокъ, сказалъ мнѣ, что ничего нельзя сдѣлать; то же самое говорилъ мнѣ и воронежскій губернаторъ, у котораго были и средства и помощники и всетаки, кажется, ничего не вышло. Суть въ томъ, что тѣмъ дешевле и раньше вы покупаете лошадей, тѣмъ дороже обходится ея кормежка и, стало быть, она сама. Какъ ни вертись, ничего не подѣлаешь.

Статьи моей въ печати не было. Принимался я писать двадцать разъ, но выходило такъ фальшиво, что я всякій разъ бросалъ. Въ статьѣ я не лгалъ, но былъ какой-то фальшивый, натянутый тонъ, какого я не выношу ни въ своихъ, ни въ чужихъ статьяхъ. Выходить, какъ будто я даромъ пробѣжался къ вамъ и даромъ ѣлъ ваши сдобные пироги (очень вкусные—скажу въ скобкахъ). Да, для васъ и для вашего дѣла моя поѣздка оказалась бесполезной, но зато я вспоминаю о ней съ большимъ удовольствіемъ. Она мнѣ пригодится, ибо дала она мнѣ немало интересныхъ впечатлѣній.

Конечно, приѣзжайте ко мнѣ. У меня 213 десятинъ земли, много плохого лѣсу, просторный домъ, садъ, въ саду прудъ, липовая аллея, фрукты, малина, всѣ постройки новыя и вся усадьба (4 дес.) вдоль и поперекъ огорожена частоколомъ, который прежде владѣльцу обошелся въ 700 руб. Такъ что въ садъ никакая курица не пробѣжитъ. Уютно. Домъ не изъ важныхъ, но вполне культурный; хотя, впрочемъ, ватеръ-клозета не имѣется. У меня въ кабинетѣ три большихъ окна съ сплошными окнами, какъ въ магазинахъ. Стѣны оклеены обоями. Тепло. Желѣзная дорога въ 9 верстахъ, а Серпуховъ въ 23. Отъ Москвы—2½ часа пути. Ходитъ 6 поѣздовъ. 3 лошади, одна корова, 4 гуся, 2 собаки и 10 дохлыхъ

гурь. Посѣяно 14 десятинъ ржи. Запахано подъ яровое тоже 14. Доходы получаются со сдачи въ аренду покосовъ и продажи хвороста, фруктовъ, разсады и всякихъ пустяковъ. Впрочемъ, доходность меня мало интересуетъ, такъ какъ созданъ я дачникомъ, а не помѣщикомъ. Процентовъ нужно мнѣ платить 480 руб. въ годъ, т. -е. вдвое меньше, чѣмъ я платилъ въ Москвѣ за квартиру. Черезъ 2 года внесу въ погашеніе 5 тысячъ. Впрочемъ, поживемъ, увидимъ. Если продадутъ имѣніе съ аукціона, то уѣду на югъ.

Вотъ что. Пріѣзжайте-на въ Московскую губ. со всѣми чадами и домочадцами. Продайте вашу Бѣлую и купите что-нибудь недалеко отъ Москвы; тутъ и службу найдете. Вѣдь въ Бѣлой ни сада, ни парка—значить, жалѣть нечего, а Московская губернія мила вамъ по воспоминаніямъ.

На Өоминой недѣлѣ будетъ у меня А. С. Биселевъ.

Буду по ржи сѣять клеверъ.

Непремѣнно пріѣзжайте, буду ждать. Отдамъ вамъ свой кабинетъ въ полное ваше распоряженіе. Всѣмъ вашимъ нижайшій поклонъ. Будьте здоровы и благополучны.

Вашъ А. Чеховъ.

15 іюля, ст. Дюнасы.

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, ничего хорошаго я написать вамъ не могу, такъ какъ не знаю ни одного врача, который теперь не былъ бы занятъ, а студентовъ-медиковъ знакомыхъ у меня нѣтъ. Если же и встрѣчу кого-нибудь изъ медиковъ, то мое посредничество едва ли будетъ имѣть успѣхъ, потому что врачъ едва ли согласится ѣхать въ уѣздъ за 250 руб.

Мы тоже хлопочемъ во всю ивановскую. У насъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ врачей такъ мало, что во время холеры уѣздъ будетъ сидѣть почти безъ помощи. Загарабастали и меня раба Божьяго и назначили санитарнымъ врачомъ. Разъѣзжаю теперь по деревнямъ и читаю лекціи. Послѣ завтра на санитарномъ совѣтѣ будемъ рѣшать вопросъ: гдѣ можно достать врачей и студентовъ. И, вѣроятно, такъ не рѣшимъ этого вопроса.

Значить, вамъ не удастся отдохнуть послѣ голодовки. Досадно и грустная исторія.

Бду сейчасъ въ монастырь просить, чтобы построили баракъ. Будьте здоровы и небожъ хранимы. Вашимъ поклонъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Ф е р е з а.

Могильное дерево, слезы твои
Люблю я осенней порой.
Плачущихъ вѣтвей золотыя струи
Надъ мраморно бѣлой корой.

Усталому сердцу отрадно уснуть
Подъ кровомъ печальнымъ и нѣжнымъ,
И снится мнѣ—конченъ томительный путь
И близокъ покой безмятежный.

И снится мнѣ: Кто-то не можетъ уйти
Съ могилы моей—и тоскуетъ...
И въ позднемъ раскаянѣ шепчетъ: «прости»...
И плачетъ и землю цѣлуетъ...

В. Миревичъ.

Передъ грозой.

Темныя ризы у Господа,
Взоръ омраченный поникъ,
Ангелы съ крыльями черными
Въ страхѣ тѣснятся вокругъ.

Слава померкла небесная,
Стелется вихрь по землѣ...
Съ темнаго Лица Господняго
Тяжко упала слеза.

В. Миревичъ.

Три Парки.

Вынула жребій Лахезисъ слѣпая,
Блото прядущая нити взяла;
Блото безмолвная, Блото глухая,
Черныя нити покорно свила.

Парка сѣдая, привратница Ночи,
Пряжи коснулась Атропа сквозь сонъ.
Черная мгла застилаетъ мнѣ очи...
Слышу, какъ веслами плещетъ Харонъ...

В. Миревичъ.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ.

Сигурда (Хейденшерна.)

(Съ шведскаго.)

I.

Общанія и обязанности.

Троицынъ день наступилъ поздно, — въ началѣ юня, — но зато онъ принесъ съ собою лѣто въ полномъ разгарѣ, какъ это бывало въ добрыя старыя времена, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Деревья цвѣли, хлѣбныя поля зеленѣли, трава на лугахъ становилась выше изо дня въ день и понемногу скрывала отъ взоровъ камни и давала пищу бѣднымъ коровамъ, истощеннымъ зимней голодовкой.

Въ усадьбѣ Брантелидъ всѣ весенія работы были закончены накануне Троицына дня, и нехитрыя полевыя орудія стояли на пригоркѣ въ полномъ праздничномъ уборѣ. Возвращаясь съ поля по окончаніи послѣдней весенней работы, работники украсили телѣгу, плугъ, борону и катокъ зелеными вѣтвями.

Усадьба Брантелидъ была очень живописна въ эту раннюю весну, какъ бываетъ живописенъ всякій уголокъ въ деревнѣ на сѣверѣ въ такую пору. Но въ сущности мѣсто это не отличалось красивымъ положеніемъ, — тамъ не было ни озера, ни горъ. Небольшой низкій, длинный и покосившійся деревянный домъ стоялъ на пригоркѣ, отъ котораго усадьба и получила свое названіе. Какъ домъ, такъ и приающіе къ нему два флигеля были выкрашены въ вульгарный красный цвѣтъ, успѣвшій вылиться на солнцѣ. Изъ-за дома виднѣлся садъ, въ которомъ росли молодыя и старыя плодовые деревья; въ садѣ вперемежку были расположены розовыя клумбы и грядки съ овощами. Весь садъ производилъ впечатлѣніе занущенности, но впечатлѣніе усиливали поломанныя изгороди и усѣянные камнями луга. Но, несмотря на это, въ этотъ весенній день все казалось

красивымъ въ праздничномъ уборѣ изъ молодой зелени и цвѣтовъ. На сѣрыхъ поляхъ, тамъ и сямъ, живописно выдѣлялись курчавыя березки и ярко зеленыя пятна молодой травы, а вдали видѣлась темная стѣна еловаго лѣса.

Около шести часовъ у восточнаго флигеля начали жужжать пчелы, а изъ ближней роши раздалось веселое кукованіе кукушки. Но за исключеніемъ этихъ звуковъ ничего не было слышно: все было еще погружено въ тяжелый отдыхъ послѣ утомительной и долгой рабочей поры.

Но вотъ наверху въ мезонинѣ стукнуло окно, и длинная, худая дѣтская рука открыла половину окна. Вслѣдъ за этимъ въ окнѣ показалось лицо съ полуоткрытыми губами, которыя съ жадностью вдыхали свѣжій утренній воздухъ, напоенный благоуханіемъ цвѣтовъ.

Однако лицо это едва ли можно было назвать дѣтскимъ. Большіе синіе глаза смотрѣли серьезно, щеки утратили дѣтскую округлость и были очень блѣдны, да и на всей длинной, гибкой, неразвившейся фигурѣ лежалъ отпечатокъ вялости и утомленія. Если бы не прекрасные необыкновенно густые каштановые волосы и мягкое выраженіе лица, то едва ли можно было бы заключить, что существо въ ночной рубашкѣ, стоявшее у окна, — женскаго пола. Слишкомъ длинная и слишкомъ широкая рубашка открывала тонкую и неестественно длинную шею и спускалась до самыхъ влючиць, рѣзко обрисовывавшихся подъ кожей. Черты худого лица были изящны, но слишкомъ рѣзки, а прекрасные и глубокіе глаза имѣли страдальческое выраженіе. Вся внѣшность говорила о томъ, что это — благородное тепличное растеніе, которое по какому-то недоразумѣнію попало въ грунтъ и чахнетъ; и хотя во многихъ отношеніяхъ оно представляетъ собою почти карикатуру своего прообраза, но всетаки сохранило природное изящество въ мельчайшихъ чертахъ.

Однако въ это мгновеніе на блѣдномъ лицѣ можно было прочесть нѣчто, напоминающее о радости и оживленіи, которыя, казалось, боролись съ вялостью и грустью, присущими этому ребенку съ лицомъ страдающей женщины. Когда дѣвушка до-сыта надышалась ароматнымъ утреннимъ воздухомъ, она надѣла крючокъ на раскрытую половину окна, быстро проскользнула между двумя кроватями, на головахъ которыхъ покоились двѣ головы — обѣ моложе и свѣтлѣе ея — и, подойдя къ катушкѣ, черезъ которую былъ вбитъ въ углу гвоздь, она сняла платье, которое долго и внимательно разсматривала, — сперва лифъ, а потомъ юбку.

Затѣмъ она снова повѣсила его съ такимъ движеніемъ, которое

напоминало ласку. Через нѣсколько времени она снова подошла къ углу, гладко причесанная и одѣтая настолько, что оставалось только облачиться въ это странное одѣяніе. Она надѣла на себя юбку и лифъ съ торжественной серьезностью; она обтягивалась и ровняла складки, причѣмъ дѣлала многія попытки увидать заразь, по возможности, большой кусокъ своей маленькой персоны въ старое зеркало семи дюймовъ въ ширину и семи дюймовъ въ длину и со стертой мѣстами амальгамой.

Но вотъ одна кровать заскрипѣла, бѣлокурая, всклокоченная дѣтская головка приподнялась съ подушки и воскликнула тономъ самаго искренняго восхищенія:

— Ахъ, Эва, какая ты нарядная!

На Эвѣ было платье изъ стараго добраго чернаго камлота, который вмѣстѣ съ «бумазеей» и «индіаной» представлялъ собою матеріалъ для торжественныхъ платьевъ бѣднаго женскаго населенія Швеціи лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Оно было слишкомъ длинно спереди и слишкомъ коротко сзади, подъ мышками были мѣшки, а вдоль худой покатои спины собиралось множество складокъ, причѣмъ на матеріи ясно выдѣлялись шитыя внутри лифа кости. Форма рукавовъ и ихъ объемъ напоминали собою взбитую перину, а воротъ былъ такъ узокъ, что едва обхватывалъ даже тоненькую шею Эвы Бергъ.

Но, что бы тамъ ни было, а платье это было замѣчательно и великолѣпно, ибо оно было первое одѣяніе Эвы Бергъ въ продолженіе ея шестнадцатилѣтней жизни, которое было сшито изъ матеріи, нарочно купленной для этой цѣли въ лавкѣ, а не представляло собою стараго тряпья, доставшагося ей по наслѣдству отъ мамы, тетушекъ и другихъ родственницъ.

Вскорѣ съ другой постели поднялся также и маленькій соня; онъ потеръ себѣ глаза и сказалъ:

— О, какъ это ужасно красиво! Ты теперь взрослая, Эва?

Братцу Акселю было всего шесть лѣтъ, и онъ въ своей жизни не видалъ ничего, кромѣ усадьбы Брантелидъ.

Сестрицѣ Элинъ, которая передъ тѣмъ поднялась съ другой постели, пошелъ одиннадцатый годъ.

Эва была уже совершенно готова, а до завтрака оставалось еще немного времени. Она протянула къ комоду свою маленькую, некраявую ручку, на которой уже лежала печать работы, и взяла тоненькую маленькую книжку съ рваными листами.

Потомъ она спустилась по скрипучей лѣстницѣ, вышла на дворъ прошла въ садъ, гдѣ сѣла на ветхую скамью. Развернувъ книгу

на колѣняхъ, она начала бормотать нервнымъ и неувѣреннымъ шепотомъ: «Богъ есть духъ, вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный...» Въ книгу она заглядывала только въ тѣхъ случаяхъ, когда память измѣняла ей.

Но вотъ конюхъ Іоганнъ привелъ съ поля лошадей, и она услышала, какъ изъ сарая вытащили коляску. Пора было идти завтракать.

Въ сѣняхъ стояла мама и ждала ее. Мама была старая и сѣдая съ увядшимъ лицомъ и довольно полная. Ей было не болѣе 45 лѣтъ, но она казалась старше, несмотря на то, что принадлежала къ распространенному типу бѣлокурныхъ женщинъ, которыя долго сохраняются. Ни она сама, ни папа не замѣтили, какъ она состарѣлась, — имъ было не до того среди множества заботъ и работы. Это случилось незамѣтно за двадцать лѣтъ тяжелой жизни и упорнаго труда для поддержанія маленькаго имѣнія, доходы съ котораго должны были удовлетворять скромнымъ нуждамъ всей семьи.

Фру Матильда Бергъ нѣжно обняла свою дочь и сказала:

— Добраго утра, милое дитя! Да благословить тебя Богъ въ этотъ важный для тебя день!

А потомъ она прибавила:

— Теперь для моей маленькой Эвы начинается серьезная жизнь. Помни, что съ этого дня ты должна быть маминой помощницей какъ въ работѣ, такъ и въ присмотрѣ за всѣмъ домомъ!

«Серьезная жизнь! Работа!» Въ головѣ Эвы пронеслась мимолетная мысль, и она съ удивленіемъ спросила себя, неужели жизнь была когда-нибудь для нея несерьезной и не наполненной работой?

Въ столовой у накрытаго стола стоялъ помѣщикъ Арвидъ Бергъ, здоровый, коренастый и темноволосый человѣкъ съ добродушнымъ и привѣтливимъ лицомъ. На него-то Эва и походила по внѣшности, и всетаки, какая громадная разница была между ними! Внѣшность пятидесятилѣтняго мужчины свидѣтельствовала о здоровьи и силѣ, и сходство его съ дочерью можно было сравнить со сходствомъ между текстомъ, написаннымъ дрожащей рукой, и тѣмъ же текстомъ, напечатаннымъ самымъ жирнымъ шрифтомъ.

Онъ также прижалъ Эву къ своей груди. Потомъ, отодвинувъ ее отъ себя и не спуская своихъ рукъ съ ея плечъ, онъ воселикнулъ:

— Да, что и говорить! У тебя прямо слишкомъ великолѣпное платье! Ты должна его очень беречь! Матильда, ты, конечно, оставила большіе запасы во всѣхъ швахъ? Такую роскошь нельзя себѣ позволять каждый день.

Эва бросилась сперва на шею отцу, потомъ матери и благодарилъ

ла ихъ горячо и искренно. Ея страхъ запачкать платью яйцомъ, которое она ѣла, былъ трогателенъ. А когда на ея худую грудь упало нѣсколько хлѣбныхъ крошекъ, то она стряхнула ихъ съ такимъ ужасомъ, какъ если бы это были ядовитыя насѣкомыя.

Но вотъ къ крыльцу подали старую, высокую, трясую коляску, запряженную маленькими оландками, Кроной и Турой. Мама влѣзла въ коляску, а папа собрался уже послѣдовать ея примѣру, какъ вдругъ его осѣнила великолѣпная мысль:

— Садись ты съ мамой, мое дитя. Вѣдь сегодня твой торжественный день.

И папа полѣзъ на козла, а Аксель и Элинъ усѣлись на заднемъ сидѣньи въ коляскѣ. Возлѣ мамы сѣла Эва, вся красная отъ чувства гордости.

Черезъ часъ она стояла у алтаря въ кругу тридцати восьми своихъ товарищей. Но всѣ остальные были дѣти простолюдинъ, такъ что дочка помѣщика изъ Брантелида стояла ближе всѣхъ къ алтарю съ лѣвой стороны, куда июньское солнце изливало цѣлые снопы лучей.

Пасторъ, стоявшій въ серединѣ круга, былъ старый школьный учитель, который подъ старость облачился въ священническое одѣяніе, чтобы болѣе спокойнымъ образомъ зарабатывать свой хлѣбъ послѣ того, какъ спина его согнулась и голова посѣдѣла. Это былъ простодушный старикъ патриархальнаго образа жизни, который шелъ по жизненному пути, оставаясь во многихъ отношеніяхъ наивнымъ, какъ ребенокъ. Его понятія были здравы и разговоръ его у себя дома былъ сухъ; но сегодня, въ день священныхъ обѣтовъ передъ алтаремъ, онъ былъ растроганъ и говорилъ искренно и горячо.

Экзаменъ продолжался долго. Эва становилась все блѣднѣе, ей казалось, что у нея отнимаются ноги отъ долгаго стоянія, и она готова была лишиться сознанія. Механически, но вѣрно отвѣтила она на нѣсколько «основныхъ вопросовъ», а когда она читала нѣкоторые тексты наизусть, то ей казалось, что какое-то невидимое существо отвѣчаетъ за нее въ то время, какъ сама она въ нѣмомъ восторгѣ лежитъ, распростертая, передъ алтаремъ.

Но вотъ настала очередь наставленій и предостереженій: противъ лжеученій, противъ невѣрія, противъ утѣхъ жизни и противъ порока, противъ соблазновъ плотскихъ и духовныхъ и противъ вождѣлвнй ока, однимъ словомъ, чуть ли не противъ всѣхъ радостей жизни, какія только можно себя представить. Затѣмъ наступилъ перечень обязанностей: по отношенію къ Богу и къ себѣ самой; послѣднее заключалось въ томъ, чтобы сохранить чистоту сердца,

«ибо это источникъ жизни», той жизни, для которой короткая земная жизнь служить лишь подготовленіемъ. Затѣмъ пошелъ перечень обязанностей по отношенію къ отцу и матери, къ дому и домашнему очагу, къ учителямъ, начальникамъ, обществу и всему свѣту.

Наконецъ настала чередъ обѣтамъ завѣтнымъ и святымъ...

Тогда измученное тѣло Эвы перестало бороться, и ею незамѣтно овладѣла галлюцинація. Изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ тихо отдѣлилось отъ стѣны надъ алтаремъ, вышло изъ золоченой рамы и поплыло прямо къ ней на золотыхъ снопахъ лучей лѣтнаго солнца въ то время, какъ раздавалось рыданье растроганныхъ дѣтей, стоявшихъ у алтаря. Ея обѣты просилъ и принялъ Онъ Самъ. Эва закрыла глаза, и ей казалось, что было бы блаженствомъ умереть именно въ это мгновеніе.

Когда раздались густые звуки органа, она подняла голову и увидела, что у алтаря снова стоитъ одинъ старый священникъ, ослабѣвшій и утомленный послѣ долгаго душевнаго напряженія и необычнаго волненія.

Тогда она въ первый разъ за все время церковной службы бросила взглядъ по направленію къ скамьямъ, гдѣ сидѣли ея милые родные. Папа казался утомленнымъ, и ему, повидимому, было жарко, Аксель спалъ, а Элинь проявляла нетерпѣніе. Но у мамы въ глазахъ стояли слезы.

Когда Эва вышла на паперть, то къ ней подошли съ поздравленіями многіе знакомые: члены семьи священника, капитана, коронаго фохта и другіе. Всѣ дамы выражали надежду на то, что маленькая Эва, которую онѣ всегда считали хорошей и благоразумной дѣвушкой, теперь ясно сознаетъ свою обязанность стать для мамы настоящей и надежной помощницей.

Дома Эву ждалъ хорошій обѣдъ и неожиданный сюрпризъ. Стина, «комнатная дѣвушка», сказала ласково и немного лукаво:

— Мамзель Эва, вѣроятно, очень устала сегодня въ церкви?

«Мамзель!» «Мамзель!» Эва смущенно отвернулась, и лицо ея, только что такое блѣдное, покрылось густой краской, а худая грудь наполнилась гордостью. Въ первый разъ одна изъ прислугъ назвала ее не по имени только. Она посмотрѣла на свое длинное платье и улыбнулась.

Гостей за обѣдомъ не было, и вина, конечно, также не было. Здоровье Эвы никто не пилъ въ этотъ торжественный для нея день, но за ближниками папа сказалъ, что онъ очень радъ, что она такъ хорошо отвѣчала въ церкви.

Потомъ, послѣ обѣда онъ высказалъ надежду на то, что горнич-

ная Стина, которая до сихъ поръ никогда не помогала въ полевыхъ работахъ, можетъ теперь отлучаться изъ дому въ самое горячее рабочее время, «теперь, когда Эва стала взрослой дѣвушкой».

Мама подавила маленькій вздохъ и сказала, что и она надѣется на это. Эва хорошая дѣвушка, работающая и добросовѣстная, и, конечно, она постарается исполнять свои обязанности по отношенію къ родителямъ.

Бъ головѣ Эвы ни на одно мгновеніе не пронеслась мысль о томъ, что она уже давно помогаетъ во всемъ, въ чемъ только можетъ; не подумала она также и о томъ, чтобы сосчитать всѣ обѣщанія, которыя ее сегодня заставили дать, всѣ обязанности, которыя сегодня на нее возложили, или же задуматься надъ тѣмъ, не имѣютъ ли и *другіе* по отношенію къ *ней* извѣстныя обязанности.

Развѣ ей не подарили новое черное платье, новую библію и молитвенникъ съ золотымъ обрѣзомъ! Развѣ не назвала ее горничная Стина «мамзель!»

Когда она улеглась и когда братъ и сестра заснули, она долго еще думала надъ тѣмъ, какъ сдѣлаться полезнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ прежде,—вѣдь это была ея обязанность.

А потомъ она рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы оберегаться отъ грѣха и порока. Она учинила себѣ допросъ по всѣмъ десяти заповѣдямъ, и къ своему ужасу она никакъ не могла понять, какимъ образомъ она согрѣшила противъ нихъ всѣхъ, что присуще каждому человѣку. Дѣло было въ томъ, что она не могла понять двухъ, трехъ изъ нихъ.

Потомъ она начала допрашивать себя, не виновна ли она въ одномъ изъ семи смертныхъ грѣховъ... о, вотъ оно, вотъ оно! Гордость!... Гордость...

Тихо, тихо, чтобы не разбудить маленькихъ, прокралась она къ своему нарядному черному платью, которое ея глаза безсознательно ласкали въ полумракѣ лѣтней ночи, сняла его съ гвоздя и повѣсила его въ чуланѣ на чердакѣ.

II.

Тетушка Густава.

Одна обязанность за другой непосильной тяжестью ложились на слабыя плечи Эвы Бергъ; но эту тяжесть было легче нести въ мирной обстановкѣ домашняго очага въ атмосферѣ любви, нежели гдѣ-нибудь въ чужомъ домѣ.

Однако, нельзя сказать, чтобы родители расточали ласки или сло-

ва признательности. Ихъ собственная жизнь проходила безъ всякихъ развлеченій и была полна лишеній, тяжелаго труда и заботъ, особенно у матери. И если имъ удавалось кое-какъ сводить концы съ концами и даже отлаживать крохи, то вѣдь это дѣлалось для дѣтей, для нихъ и работали. Награда была въ будущемъ, а пока Эва должна была довольствоваться тѣмъ, что папа и мама, а также и сосѣди, называли ее «славной дѣвушкой».

И это они дѣлали отъ всего сердца.

Совѣсть у Эвы была чуткая и чувствительная. Правда, она очень скоро убѣдилась въ томъ, что камлотовое платье не можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ высокомерія и гордости; а такъ какъ люди легко привыкаютъ къ великолѣпю и блеску, то и она вскорѣ надѣвала это роскошное одѣяніе безъ особыхъ размышленій. Но она зорко слѣдила за малѣйшими побужденіями своего сердца и за каждой мимолетной мыслью, которая вызывало въ ней все то, что находилось за предѣлами ея узкаго домашняго круга. А когда ея измученное тѣло и переутомленная нервная система громко протестовали противъ иглы и ткацкаго станка, противъ работы въ кухнѣ и въ кладовыхъ, или противъ большихъ и тяжелыхъ корзинокъ съ провизіей, которыя ей приходилось таскать рабочимъ въ поля, то она считала себя погибшимъ созданіемъ, и вечеромъ она судорожно кусала уголокъ своей небѣленной простыни, чтобы заглушить рыданія и не разбудить сестру и брата.

Собственно говоря, мать не требовала отъ нея ничего необыкновеннаго. Тысячи деревенскихъ дѣвушекъ переносятъ подобную жизнь великолѣпнѣйшимъ образомъ; но она была повидимому изъ другого матеріала, потому что она чахла, становилась прозрачной и худой, и грудь у нея была впалая.

Обитатели Брантелида водили знакомство съ хорошими и честными людьми, но которые были въ то же время старосвѣтскими и простыми. Тетуська Лина (она была просто другомъ дома, но въ тѣ патриархальныя времена люди сердечнѣе относились другъ къ другу), жена священника, сказала однажды:

— Милая Матильда, Эва становится сутуловатой, обрати на это вниманіе. По воскресеньямъ, когда у дѣвочки не такъ много дѣла, ты могла бы привѣшивать къ ея косѣ небольшой утюгъ.

Мама подумала немного, потомъ сказала:

— Пожалуй, ты и права, милая Лина. Но въ ближайшія два воскресенья этого сдѣлать нельзя, потому что ей придется гонять коровъ съ картофельнаго поля, — вѣдь онѣ у насъ пасутся уже въ загороженномъ полѣ.

Позже осенью другая «тетя» обратила вниманіе мамы на то, что у Эвы навѣрное малокровіе, иначе она не была бы такъ блѣдна. Тогда сейчасъ же и очень охотно для Эвы приобрѣли «желѣзные пилюли», и эти пилюли она употребляла всю осень. Когда же къ новому году озабалось, что счетъ въ аптекѣ городка, находящагося въ двухъ миляхъ отъ Брантелида, достигаетъ 17 риксдалеровъ, то бѣдный папа вздохнулъ; но надо прибавить, что онъ сейчасъ же сказалъ съ великодушіемъ, которое къ нему такъ шло:

— Это ужасно; но чего только не дѣлаешь для своихъ дѣтей!

Эва чувствовала себя очень виноватой и несчастной, и дня два послѣ этого она ходила болѣе молчаливая, нежели обыкновенно.

Снова наступила весна, а потомъ пришло и лѣто. И вотъ въ одинъ прекрасный день въ усадьбѣ Брантелидъ началась необыкновенная чистка и уборка. Изгородь починили, на дворѣ скосили траву подъ самый корень, а въ самомъ домѣ комнаты украшались и прибирались самымъ тщательнымъ образомъ.

Въ самый разгаръ хлопотъ мама вдругъ выбѣжала къ папѣ, который сидѣлъ на крыльцѣ и наблюдалъ за внѣшней уборкой, и озабоченно спросила:

— Не знаешь ли ты, любить она виноградь?

Папа отвѣтилъ, что если виноградь хорошо приготовленъ, то нельзя себя представить, чтобы она его не любила. Черезъ нѣсколько времени онъ всталъ съ мѣста, открылъ дверь въ залъ и сказалъ:

— Присмотрите за тѣмъ, чтобы въ ея комнатѣ не было книгъ, которыя ее раздражаютъ. Романовъ она терпѣть не можетъ. Спрячьте всѣ книги «Піетиста»; она находитъ, что онъ слишкомъ «жидокъ», или какъ она тамъ выражалась.

Черезъ мгновеніе мама стояла въ сѣняхъ у лѣстницы, ведущей наверхъ, и кричала:

— Стина, положи поверхъ перины лучшей волосяной матраць! Она терпѣть не можетъ слишкомъ мягкой постели.

Было ясно, что ждали гостью, которую хотѣли принять какъ можно лучше.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный іюльскій вечеръ на гору въѣхала чрая высокая коляска, къ кузову которой былъ привязанъ настоящий американскій сундукъ, и которая была завалена узлами и картонщи до самыхъ козелъ съ возсѣдавшимъ на нихъ конюхомъ Югантъ. Когда экипажъ поворачивалъ къ крыльцу, то изъ-подъ опунчаго колпака раздался рѣзкій голосъ:

— Ты ослѣпъ, что ли, дуралей! Развѣ ты хочешь, чтобы лошаюптали полотно, которое бѣлится!

У крыльца из коляски вышла высокая, прямая и тонкая дама съ сѣдыми волосами, въ платьѣ страннаго покрою, съ дождевымъ и солнечнымъ зонтиками и съ прижатымъ къ сердцу мѣшкомъ внушительныхъ размѣровъ. Лицо у этой дамы было худощавое и рябое и черты были неграсивы, но сѣро-голубые глаза были большіе, добрые и умные. Помѣщикъ Бергъ казался очень растроганнымъ, когда онъ принялъ ее въ свои объятія съ высокой подножки, и онъ сказалъ:

— Добро пожаловать, милая сестра Густава. Восемь долгихъ лѣтъ не видались!

— Нельзя постоянно разгуливать по бѣлу-свѣту, у людей есть и другія занятія. Здравствуй, Арвидъ! Здравствуй, Матильда! Никакъ ты собираешься отѣзжать, прежде чѣмъ отвязали сундукъ, простофія ты этакій! Арвидъ, посмотри, цѣла ли подкова на лѣвой задней ногѣ у пѣгой. Я только что замѣтила, что она припадаетъ на одну ногу.

Матильда Бергъ горячо обняла свою золовку, которая стояла прямо и неподвижно и какъ бы отдала себя въ распоряженіе родственниковъ. Потомъ она замѣтила:

— На вишневомъ деревѣ—черви. Противъ этого хорошо мазать стволъ смолой заблаговременно, мой милый Арвидъ. А, вотъ и дѣти. Маленькаго Акселя я еще пикогда не видала, а Элинъ стала большой дѣвочкой! Да, пожалуй, вы можете не желать быть лучше. Но гдѣ же...

Въ сѣняхъ слышались торопливые шаги, Эва бросилась на шею старушки и воскликнула радостно:

— Здравствуй! Добро пожаловать, милая тетушка Густава!

— Вотъ какъ, такъ ты еще помнишь меня,—сказала тетя,—и въ голосѣ ея прозвучала болѣе ласковая нотка.—Но скажи на милость, что съ тобой, дитя мое? Ты больна?

И потомъ она прибавила, бросивъ укоризненный взглядъ на фру-Матильду:

— Въ мое время семнадцатилѣтнія дѣвушки были не такія.

Между тѣмъ всѣ перешли въ сѣни, гдѣ удалось, наконецъ, снять съ тетушки Густавы верхнее платье.

Густавъ Бергъ было пятьдесятъ семь лѣтъ; когда ее отецъ овдовѣлъ, то она стала матерью для своего младшаго брата, и съ тѣхъ поръ она всегда помогала ему и маленькими ссудами, и всѣмъ, чѣмъ только могла, когда было нужно. Это было все равно, писали ли они другъ другу два раза въ годъ, или одинъ разъ въ мѣсяцъ, и сколько разъ солнце всходило и заходило между ихъ свиданіями: они знали, гдѣ найти другъ друга.

Эва пошла вмѣстѣ съ тетусшкой Густавой наверхъ въ ея комнату, чтобы помочь ей выложить вещи изъ корзины. Но когда онѣ поднялись наверхъ, то тетка взяла ее за плечи, подвела къ открытому окну и покачала головой. Потомъ ея большія, загорѣлыя, костлявыя руки утонули въ громадномъ саквояжѣ и вытащили оттуда кусокъ сахару и большую зеленую бутылку. Накапавъ изъ бутылки нѣскольکو капель на сахаръ, она сунула его Эвѣ въ ротъ, затѣмъ вылила себѣ на лѣвую ладонь ложечку той же жидкости, потеряла ея виски молодой дѣвушки и скомандовала:

— Ложись на диванъ и лежи, пока я буду выкладывать вещи!

Нѣсколько минутъ спустя она выпрямилась, подбоченилась и зашѣтила:

— Этотъ одеколонъ я przygotowляю сама.

Фру Бергъ приложила всѣ старанія къ тому, чтобы ужинъ былъ какъ можно лучше, и тетусшка Густава отдала должное ея хлопотамъ. Когда она кончила ѣсть, то она положила указательный палецъ на скатерть возлѣ своей тарелки и сказала:

— Пропущена нитка во всемъ полотницѣ! Да, нечего сказать, ужъ эти служанки!

Тетусшка Густава чувствовала себя въ Брантелидѣ совсѣмъ, какъ дома, и не стѣсняясь высказывала свое мнѣнiе обо всемъ, даже и о сосѣдяхъ, которые приходили ее навѣщать и которые приглашали ее къ себѣ.

— Мамзель Густава, разрѣшите мнѣ узнать ваше мнѣнiе относительно сегодняшней проповѣди моего Юганна, — сказала однажды пасторша, которая вмѣстѣ со своимъ мужемъ прiѣхала въ воскресенье послѣ обѣда въ Брантелидѣ.

— Какъ вамъ сказать? Пасторъ былъ бы хорошимъ проповѣдникомъ, — отвѣтила тетусшка Густава, — если бы онъ бросилъ эту ужасную манеру говорить безъ подготовленiя. Старанiе у него есть, и ему удастся иногда довольно долго говорить очень складно, но вдругъ у него точно заколодитъ, онъ останавливается и начинаетъ заминаться и спотыкаться, совсѣмъ, какъ когда ѣдешь въ саняхъ по ухабистой дорогѣ.

Два раза въ двѣ недѣли тетусшка Густава ныряла на самое дно своего большого саквояжа и вытаскивала на свѣтъ Божiй старый бушеникъ изъ телячьей кожи. Въ первый разъ дѣло касалось большой бороны, которую она непременно хотѣла подарить брату Арвиду, а во второй разъ — матерiи для обивки мебели въ гостиной золовки. Оба раза необходимая сумма была высчитана до послѣдняго эре, такъ что брату Арвиду, напримѣръ, пришлось дать сдачи восемнадцать

шиллингъ, такъ какъ у тетушки не было ровно той суммы, которая была ассигнована ею заранѣе.

Но вотъ однажды она высказалась въ томъ смыслѣ, что на слѣдующей недѣлѣ ея уже не будетъ больше въ Брантелидѣ.

— Что ты говоришь? А я надѣялся, что ты погостишь у насъ до осени, — сказала помѣщикъ Бергъ.

— Да и я такъ думала, потому что я ничуть не случую по этому гнѣзду сплетенъ въ Нольчѣпингѣ. Но развѣ вы не видите, что дѣвочка умретъ, если я не возьму ея съ собой въ какой-нибудь курортъ и не покажу доктору!

— Эву?

— Ну, да, Эву. Меня удивляетъ, что *вы* этого не видите. Вы должны дать мнѣ это бѣдное созданіе напрокатъ недѣль на шесть, а я постараюсь возвратитъ ее вамъ въ нѣсколько лучшемъ состояніи.

Сперва папа и мама нашли это предложеніе страннымъ. А кромѣ того, вѣдь Эва была очень нужна въ домѣ. Однако, послѣ того, какъ они повнимательнѣе посмотрѣли на свою дочку, то они должны были согласиться, что у нея очень болѣзненный видъ. Да и не принято было въ чемъ-нибудь противорѣчить тетушкѣ Густавѣ.

Когда Эва узнала о великой новости, то ей показалось, что земля уходитъ у нея изъ-подъ ногъ. Неужели это возможно? Не сонъ ли это? Уѣхать далеко, далеко, отдыхать, купаться въ соленой свѣжей прозрачной водѣ, сидѣть за столомъ, который она не накрывала, ѣсть блюда, которыя она сама не готовила! И потомъ еще любоваться на море, которое, какъ увѣряла тетушка, такъ велико, что не видно ни малѣйшей полоски берега, и небо сливается съ водой повсюду, куда только хватается глазъ!

Базалось, точно въ нее влили новыя силы. Она бѣгала то къ прислугѣ, то къ торпорамъ и дѣлилась съ ними своимъ счастіемъ; она шептала объ этомъ лошадямъ Кронъ и Туръ, и вырѣзала на бѣломъ стволѣ большой березы на лугу «прощай» со своими инициалами, — это она сдѣлала на случай, если умретъ на чужбинѣ. Впрочемъ, конечно, случалось также, что у нея на глазахъ навертывались слезы, когда она не спала по ночамъ и думала о папѣ, о мамѣ, о маленькой сестрѣ и о братѣ, и о предстоящей разлукѣ, а также и о томъ, какъ бѣдная мама будетъ справляться безъ нея.

Однако, эти печальныя мысли овладѣвали ею ненадолго, и она скоро засыпала сладкимъ сномъ, и ея маленькое сердечко билось сильно и радостно, когда она видѣла во снѣ, что стоитъ передъ воротами, ведущими въ царство счастья и всѣхъ радостей земныхъ, а тетушка

Густава стучить въ ворота своимъ большимъ зонтикомъ и говорить: «Сезамъ, откройся!» совсѣмъ, какъ въ той удивительной сказкѣ, которую она читала.

III.

Эва и тетушка Густава возстаютъ противъ условностей.

Бадевикъ, даже съ точки зрѣнія 1860 годовъ, не могъ считаться большимъ и фешенебельнымъ курортомъ. И всетаки, какъ онъ, такъ и другіе морскіе курорты того времени были гораздо веселѣе и уютнѣе, нежели современные намъ «водолѣчебныя заведенія». Въ тѣ времена контингентъ больныхъ въ подобныхъ курортахъ не былъ преобладающимъ, такъ какъ на берегъ моря съѣзжались люди не только для лѣченія, но также ради отдыха, развлечения или разнообразія; а что касается до Бадевика, то туда вообще съѣзжалась скромная и непритязательная публика.

Тѣмъ не менѣе оригинальная одежда тетушки Густавы и новый бумазейный нарядъ Эвы возбуждали нѣкоторый интересъ въ этомъ непритязательномъ обществѣ. Тетушка съ достоинствомъ положила свой зеленый саквояжъ на одно изъ оконъ столовой, бросая въ то же время испытующій взглядъ на накрытый столъ, и сказала, обращаясь къ маленькому, скромнаго вида, сѣдоволосому господину, котораго она приняла по его внимательному выраженію лица за слугу:

— Будьте добры, присмотрите за этимъ!

— Буду имѣть честь наблюдать за нимъ съ моего мѣста за столомъ, — отвѣтилъ, кланяясь и улыбаясь, тотъ, къ которому она обратилась.

— Ахъ, простите, ради Бога! Но вѣдь въ нынѣшнее время прислуга такая дерзкая и такая расфранченная... — воскликнула тетушка.

— Ахъ, пожалуйста... Быть можетъ, вы разрѣшите мнѣ представиться! Мое имя Бьёркъ, столоначальникъ Бьёркъ.

Тетушка сдѣлала самый низкій реверансъ.

— Очень, очень пріятно! А меня зовутъ мамзель Бергъ, а это Эва, брата моего дочка.

Столоначальникъ посмотрѣлъ внимательно на обѣихъ. По всей роятности, онъ уже раньше встрѣчалъ дамъ типа тетушки Густавы, оригинальныхъ и прямыхъ, потому что онъ сравнительно довольно рано отвелъ отъ нея глаза. Но отъ странной фигуры Эвы его взоры рвались, повидимому, съ трудомъ. Мучительная застѣнчивость и лашное смущеніе, готовое, казалось, остановить біеніе сердца, дѣлали спину Эвы круглѣе, нежели обыкновенно, и придавали ей безощный видъ, но въ то же время щеки ея пылали, какъ никогда

раньше, и придавали особую прелесть тонким чертамъ, а большіе, синіе глаза горѣли и смотрѣли съ тоскливымъ выраженіемъ затравленнаго животнаго. Въ то мгновеніе было бы невозможно рѣшить, была ли она красива или безобразна!

Вокругъ закусочнаго стола стало рѣдѣть, и всѣ понемногу переходили къ большому общему столу, который растягивался почти во всю длину большого зала.

Тетушка Густава была воспитана въ старинныхъ традиціяхъ и въ благоговѣніи къ Тому, кто даетъ намъ насущный хлѣбъ здѣсь, на землѣ. А потому, подойдя къ своему мѣсту, она сложила свои загорѣлыя, костлявыя руки, легко положила ихъ на спинку стула, закрыла глаза, чтобы не развлекаться созерцаніемъ виѣшняго міра, и прочла предобѣденную молитву съ благодарнымъ вздохомъ, какъ она привыкла это всегда дѣлать.

Когда тетушка подняла голову, то она увидала, что всѣ уже сидятъ по своимъ мѣстамъ, а нѣкоторые уже принялись за супъ. Между тѣмъ у Эвы, которая стояла и молилась не закрывая глазъ, навернулись слезы, такъ какъ она замѣтила насмѣшливыя взоры, которые даже она при всей своей наивности не могла не понять должнымъ образомъ.

— Ну, хороши, нечего сказать, — прошептала тетушка, — заваливаться за столъ, и даже не подумать о своемъ Создателѣ!

Для Эвы Бергъ наступило время пробужденія, время прекрасное и блаженное во многихъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горькое и мучительное. Соленыя ванны, крѣпительный морской воздухъ и полный отдыхъ отъ работъ и освобожденіе отъ какихъ бы то ни было обязанностей сдѣлали ея сонъ послѣ прекрасно проведенныхъ дней глубокимъ, спокойнымъ и продолжительнымъ, какъ у здоровыхъ маленькихъ дѣтей въ первые годы ихъ жизни. Вначалѣ она чувствовала себя утомленной и должна была отдыхать даже днемъ, но потомъ она почувствовала приливъ новыхъ силъ, чего никогда раньше не испытывала, и по утрамъ ея первой мыслью, вначалѣ радостной, а потомъ грустной, было: «Сколько дней намъ осталось еще пробыть здѣсь?»

Ея дремавшій до сихъ поръ умъ и способность воспринимать впечатлѣнія пробудились въ новой обстановкѣ, которая ее окружала, и стали развиваться отъ прилива физическихъ силъ. Съ быстротой, свидѣтельствовавшей о томъ, что ея интеллектуальныя способности были выше среднихъ, она выяснила себѣ, насколько все то, что она до сихъ поръ видѣла у себя дома, не походить на тотъ новый міръ, который теперь раскрылся передъ ея глазами. Она увидала также,

что тетушка Густава и она сама отличаются отъ всѣхъ другихъ собравшихся здѣсь людей. Тетушка этого не замѣчала или же она просто «стояла выше этого» и относилась ко всему съ непоколебимымъ спокойствіемъ. Но отъ взора Эвы не скрылись гримасы, которыя дѣлали за спиной тетушки, и она слышала, какъ фыркали надъ ея собственнымъ платьемъ, которое ей только что казалось такимъ наряднымъ; она не ошибалась и въ значеніи тѣхъ улыбокъ, съ которыми ихъ почти вездѣ встрѣчали.

До ея слуха достигало также то одно, то другое обидное словцо. Однажды она услышала, какъ одна молодая дѣвушка, которая обыкновенно была очень любезна съ ними, сказала, сидя на скамьѣ-качалкѣ подъ ихъ окнами, двумъ господамъ, ухаживавшимъ за ней:

— Да, «тетушка Густава» — настоящій драконъ, хотя маленькую Эву и нельзя назвать собровищемъ.

А нотаріусъ Линдбергъ, не замѣтивъ, что она стоитъ тутъ же рядомъ съ нимъ, назвалъ ее «безобразной красавицей въ бумазейномъ платьѣ».

Ахъ, отчего не могли оставить ихъ въ покоѣ! Вѣдь онѣ никому не мѣшали и не просили ничего, за что тетушка не заплатила бы честно! Для Эвы было бы большимъ утѣшеніемъ, если бы она знала, съ какимъ озлобленіемъ молодыя дѣвушки и ихъ завистливыя мамы относились другъ къ другу; она поняла бы, что онѣ не желали ни малѣйшаго зла ни ея теткѣ, ни ей. Но отъ ея неопытнаго взора скрывались непріязненные чувства подъ маской вѣжливыхъ и любезныхъ словъ, тогда какъ насмѣшливое удивленіе, съ которымъ ихъ встрѣчали, острымъ ножомъ пронзало ея молодое, нѣжное сердце.

Такъ однажды ей казалось, что она умретъ отъ стыда, когда она въ первый разъ, голая, сошла по лѣстницѣ въ дамскій бассейнъ, и увидала веселый рой молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ полосатыхъ, красныхъ, бѣлыхъ и синихъ купальныхъ костюмахъ! Она быстро окунулась нѣсколько разъ и скорѣе вышла изъ воды; а когда она невѣрными шагами поднималась по лѣстницѣ, то она чувствовала, какъ насмѣшливые взоры дѣвушекъ насъвозь прожигаютъ ей спину.

— Нѣтъ, что ты говоришь, мое дитя! Онѣ сидятъ въ водѣ въ платьѣ? — воскликнула тетушка Густава, когда Эва со слезами на глазахъ рассказала ей о своемъ открытіи, и о томъ, что она подъ каменъ-то предлогомъ отложила купанье до вечера.

Однако, благодаря тому, что тетушка была женщина въ высшей степени стыдливая, послѣ нѣкотораго размышленія она рѣшила, что *этотъ* обычай суетнаго свѣта порицать нельзя.

На этотъ разъ тетушка рѣшила покориться.

Она произвела смотръ бѣлью, захваченному съ собой, подробно выспросила Эву относительно фасоновъ «этихъ водяныхъ платьевъ» и затѣмъ принялась за работу и проработала весь вечеръ и все утро подъ неувѣреннымъ руководствомъ Эвы и сообразуясь съ ея сбивчивыми указаніями.

Но зато на слѣдующій день тетушка и Эва стояли на лѣстницѣ бассейна въ бѣлыхъ одѣяннѣхъ и съ гладкими ночными чепцами на головахъ, завязанными подъ подбородкомъ узенькими ленточками.

— Ну, вотъ, мое дитя! — сказала тетушка Густава торжествующимъ тономъ и съ видомъ триумфатора, высокая и бѣлая, подобно статуѣ командора въ «Донъ-Жуанѣ». Затѣмъ, рука объ руку онѣ бросились въ воду, причеиъ вокругъ нихъ раздалось веселое фырканье и настроеніе среди купающихся стало вдругъ очень оживленное.

Но въ другихъ случаяхъ тетушка была непоколебима.

Вѣдь «докторъ» и до сихъ поръ еще представляетъ изъ себя въ каждомъ курортѣ важную персону. А въ тѣ времена онъ былъ маленькимъ божкомъ, онъ занималъ болѣе высокое положеніе, нежели отецъ въ своей семьѣ или капитанъ на своемъ кораблѣ. Въ Бадевигѣ докторъ сидѣлъ у верхняго конца стола, ему первому подавали кушанья, и онъ вставалъ изъ-за стола, когда *онъ* кончалъ ѣсть, и ждалъ, чтобы и всѣ остальные встали вмѣстѣ съ нимъ.

Но за первымъ же обѣдомъ тетушкѣ попалось пирожное, которое ей пришлось по вкусу, и она спокойно продолжала сидѣть за столомъ, не обращая вниманія на то, что всѣ остальные уже встали. Одна любезная дама, которая сидѣла рядомъ съ ней, подумала, что тетушка дѣлаетъ это по разсѣянности, и она шепнула ей:

— Доктора нѣтъ больше...

Тетушка выронила вилку и ножикъ и посмотрѣла на нее взоромъ самаго искренняго сочувствія.

— Что вы говорите! Боже, какое горе! Но я надѣюсь, что сюда сейчасъ же прійдетъ другой докторъ?

— Я хотѣла сказать, что доктора нѣтъ больше за столомъ.

Тогда, наконецъ, тетушка поняла, въ ея глазахъ сверкнулъ насмѣшливый огонекъ, но она отвѣтила не безъ нѣкоторой досады:

— Что за несносная діета... А впрочемъ, благодарю васъ за доброе намѣреніе; но когда я плачу свой кровный риксдамеръ въ день, то я сижу за столомъ, сколько мнѣ заблагоразсудится.

Эва, у которой подгибались колѣни отъ смущенія подъ перекрестными взглядами сидящихъ за столомъ, когда онѣ вдвоемъ съ тетушкой стояли и читали предобѣденную молитву, спросила однажды

очень кротко, не думаетъ ли тетушка, что Богъ услышитъ ихъ, если онѣ дома заблаговременно попросятъ его благословить трапезу. Тетушка нѣжно провела рукой по прекраснымъ, блестящимъ волосамъ Эвы и сказала ласковѣе, нежели обыкновенно:

— Да, дитя мое, конечно, Онъ услышитъ насъ; но я не думаю, чтобы Ему понравилось, что мы стыдимся Его въ обществѣ.

Онѣ обѣ сочили своимъ долгомъ сдѣлать визитъ доктору. «Худосочіе», сказалъ онъ коротко и прописалъ сильныя желѣзныя пилюли и ванны каждый день. Въ тѣ времена доктора не читали еще своимъ пациентамъ лекціи о красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шарикахъ и вліяніи психики на физику.

Тщательный уходъ и взрыхленная, питательная земля иногда удивительно скоро поправляютъ чахнущее дерево, сердцевина котораго еще здорова.

Отдыхъ, ванны и прекрасныя прогулки на лодкѣ, во время которыхъ морской воздухъ имѣетъ особенно благотворное вліяніе, оказали на внѣшность Эвы Бергъ необыкновенно быстрое и поразительное дѣйствіе. Угловатыя очертанія ея дѣтскаго тѣла стали сглаживаться и приобретать мягкую округлость женскихъ формъ, ея подбородокъ уже не казался такимъ безконечно длиннымъ и острымъ, а нѣжный румянецъ, появившійся на слегка закруглившіхся щекахъ, придалъ особенный блескъ прекраснымъ глазамъ.

— Дитя, вы представляетесь мнѣ куколкой, которая превращается въ бабочку, — сказалъ старшій столоначальникъ Бьергъ, который держалъ себя независимо и былъ гораздо ласковѣе какъ съ «оригиналомъ», такъ и съ «безобразной красавицей», чѣмъ кто-либо другой.

Съ радостнымъ изумленіемъ замѣтила Эва, что нѣкоторые молодые дѣвушки и мужчины испытывали такое счастье въ общеніи другъ съ другомъ, что это не могло укрыться даже отъ ея дѣтскихъ глазъ. Она не завидовала этому, и ей не приходило въ голову, что можетъ настать время, когда и у нея явится потребность испытать нѣчто подобное; она смотрѣла на проявленія чувствъ глазами восьмилѣтняго бенка. И эти молодые пары были съ ней ласковѣе другихъ; однажды а отправилась даже съ одной изъ этихъ паръ въ лодкѣ; она гуляла сколько часовъ и ѣла неограниченное количество ягодъ изъ двухъ шквовъ. Эта маленькая Эва была не особенно-то стѣснительной омой.

Отъ времени до времени въ «большой залѣ» устраивались танцы. «Большая зала» представляла изъ себя громадную комнату со стѣнами, выкрашенными клеевой краской и съ незакрытыми балками на

низкомъ потолокъ. Набожность тетушки не имѣла свойства ханжества, а потому она не считала танцы сами по себѣ «грѣхомъ». Что касается до Эвы, то вальсъ въ особенности казался ей такимъ интереснымъ, а главное легкимъ, что когда одинъ любезный пожилой господинъ подошелъ къ ней и съ легкимъ поклономъ положилъ свою руку вокругъ ея талии, то она безъ всякаго колебанія пошла за нимъ почти съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ она въ первый разъ прыгала съ верха сѣновала внизъ.

Любезный господинъ протанцовалъ съ ней только одинъ туръ, а когда онъ остановился, то оказалось, что кромѣ нихъ никто больше не танцевалъ. Тетушка торопливо подошла къ Эвѣ, взяла ее за руку необычайно нѣжно для тетушки и вышла съ ней въ паркъ, а оттуда она поднялась въ ихъ комнату, гдѣ сказала:

— Не обращай на это вниманія, это пустяки!

— Да что случилось, тетя? Я нахожу, что было очень весело.

— О, дѣло въ томъ, что у тебя выходило не совсѣмъ-то хорошо. Ты немощко странно дрыгала ногами, а кромѣ того нельзя сказать, чтобы ты выдерживала тактъ. Но конечно, изъ-за этого имъ всѣмъ нечего было останавливаться и глазѣть на тебя!

Эва, у которой щеки пылали отъ оживленія, сразу поблѣднѣла. Это былъ ея «первый балъ»! Она вспомнила старую книжку безъ переплета, которую прятала дома въ шкапной во время посѣщеній тетушки; въ этой книжкѣ описывался первый балъ молодой дѣвушки, какъ нѣчто восхитительное и самое прекрасное на землѣ.

Однако натура въ такомъ юномъ возрастѣ бываетъ эластична, и физическое состояніе Эвы Бергъ продолжало улучшаться. Нашлись еще двѣ-три молодыя дѣвушки, которыя, хотя далеко и не были такія «странныя», какъ Эва, но которыми пренебрегала остальная молодежь, и съ ними-то Эва и соединилась. Какъ бы то ни было, но это время было для Эвы блаженнымъ, и она глубоко скорбѣла, когда оно пришло къ концу. Но свиданіе съ родителями и съ сестрой и братомъ, съ которыми она разставалась въ первый разъ, было для нея такой радостью, что все остальное осталось въ тѣни. Эта радость увеличивалась еще отъ сознанія, что съ приливомъ силъ она можетъ быть еще полезнѣе дома.

Однако тетушка Густава поговорила наединѣ съ папой и съ мамой и сообщила имъ, что докторъ нашелъ, что здоровье Эвы было серьезно расшатано и что ее давно слѣдовало лѣчить. Онъ предупредилъ также, чтобы ее не переутомляли, и чтобы она не худѣла, иначе ей грозила неизлѣчимая болѣзнь.

Неустанныя заботы о хлѣбѣ насущномъ могутъ сдѣлать родите-

лей невнимательными къ состоянію дѣтей, но сердца ихъ всегда открыты, когда дѣло идетъ о серьезныхъ нуждахъ ихъ дѣтей. Въ аптеку была заказана двойная порція желѣзныхъ пилюль, а изъ книжной лавки выписали хорошее и вполне нравственное описаніе путешествіе по Америкѣ, которое стоило цѣлыхъ два риксдалера. И родители, которыхъ никогда не баловали въ ихъ дѣтствѣ, рѣшили, что они сдѣлали, что могли, и такъ хорошо, какъ они это понимали, для здоровья ихъ ребенка, для его развлечения и для его духовнаго развитія.

IV.

Первая рана на бранномъ полѣ жизни.

Маленькія событія нуждаются лишь въ маленькомъ обществѣ для того, чтобы сдѣлаться большими, и маленькіе люди превращаются иногда въ великановъ въ тѣсномъ помѣщеніи.

Помощникъ пастора—человѣкъ небольшой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ большомъ городѣ не сумѣетъ приобрести себѣ славу «проповѣдника по призванію». Однако пасторъ Іосифъ Росенъ представлялъ собою гораздо болѣе важную особу, чѣмъ онъ самъ это подозрѣвалъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ очень далеко отъ этого въ одинъ прекрасный майскій день въ тотъ годъ, когда весна снова наступила ранѣе обыкновеннаго и когда онъ читалъ свою первую проповѣдь въ Кнютарюдской церкви.

У ветхаго церковнаго сарая стоялъ цѣлый рядъ телѣжекъ, четыре господскихъ экипажа придавали картинѣ нѣкоторый блескъ, а группы разговаривавшихъ прихожанъ оживляли ее.

Возлѣ одного изъ надгробныхъ памятниковъ, расположенныхъ у тропинки, протоптанной къ двери ризницы, стояло съ полдюжины «господскихъ барышень», которыя разговаривали очень чинно и старались дѣлать видъ, будто онѣ имѣютъ обыкновеніе каждый праздникъ стоять тамъ и будто ничего особеннаго не случилось.

Среди этой группы находится также и Эва Бергъ. Мы узнаемъ, нечно, прекрасные глаза и тонкія черты, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно вѣрить, что это Эва Бергъ. Весна жизни произвела свое дѣйствіе «безобразную красавицу». Правда, ее нельзя назвать сильной и вѣтущей, но она кажется довольно здоровой, а ея молодость, красота и изящество выдѣляются рельефнѣе. Фигура ея также стала легче, только плечи еще слишкомъ покаты, а взоръ все еще напоминаетъ взоръ девятнадцатилѣтняго ребенка. Она одна не старалась мѣшать своему интересу и не понижала голоса, когда разговоръ ка-

самся новаго помощника пастора, который являлся чѣмъ-то необыкновеннымъ въ приходѣ Ньютарюдь. Этотъ приходъ былъ такой маленький, что священники обыкновенно старались уйти оттуда раньше, нежели преклонный возрастъ заставлялъ ихъ брать себѣ помощника. Исключеніе представлялъ изъ себя бывший школьный учитель, который переутомился.

Но вотъ онъ идетъ, тотъ, котораго ждали, почтительно привѣтствуемый всѣми, черезъ толпу, собравшуюся на кладбищѣ у церкви. Онъ высокій, стройный и блѣдный; у него аршинный носъ, нѣсколько великоватый, а щеки его слишкомъ худы, волосы небрежно закинута назадъ, какъ у евангелиста Іоанна, взоръ его голубыхъ глазъ кроетъ.

«Красивымъ его назвать нельзя, но видъ у него добрый», рѣшилъ народъ.

Барышни выстроились въ ожиданіи, что онъ имъ поклонится, но онъ спокойно прошелъ мимо нихъ, глядя прямо передъ собой, и ихъ ожиданія были напрасны. Толпѣ прихожанъ, собравшейся возлѣ церкви, онъ поклонился, что же касается до кучки «господскихъ барышень», то, очевидно, онъ примѣнялъ къ нимъ свѣтскія правила съ представленіями и т. п.

Проповѣдь была содержательна и состояла изъ смѣси красивыхъ и строгихъ словъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ проповѣдями молодыхъ, неопытныхъ, но усердныхъ проповѣдниковъ. Но она была проникнута теплотой и искренностью и отвѣчала мѣстнымъ интересамъ.

Деревенскій оракулъ и специалистъ по духовнымъ вопросамъ, сапожникъ Нордбумъ, который былъ духовнымъ сыномъ Пера Ньюмана и нѣсколько разъ слышалъ проповѣдника Хофа, объявилъ, что это «громовой священникъ».

Господамъ понравилась главнымъ образомъ его манера служить обѣдню. Жена короннаго фохта наклонилась къ фру Бергъ, сидѣвшей съ ней рядомъ на скамьѣ, и прошептала:

— Музыкальность у него наследственная, Матильда! Его отецъ былъ барабанщикомъ въ Іенчѣпингскомъ полку.

Всѣ наперерывъ торопились познакомиться съ новымъ священникомъ. Двѣ-три семьи назвали сами послѣ обѣда въ домъ священника, а другія двѣ удержали пастора на весь вечеръ, когда онъ пришелъ къ нимъ съ визитомъ. Что касается до матери купца Петерсона, которую не совсѣмъ-то причисляли къ кругу господъ, и которая не могла рассчитывать на официальный визитъ новаго пастора, то она, не долго думая, притворилась больной, легла въ постель и

послала за Юсифомъ Росеномъ, который и явился къ ней по долгу службы.

Эвъ Бергъ показалось, что этотъ бѣдный, аскетически воспитанный сынъ барабанщика, въ своемъ громадномъ бѣломъ священническомъ воротникѣ и въ дешевенькомъ черномъ сюртукѣ, спитомъ товарищемъ отца, полковымъ портнымъ, внесъ съ собою въ Бюктарюдъ атмосферу «большого свѣта», котораго она не видала больше послѣ тѣхъ незабвенныхъ, хотя и съ примѣсью грусти, но прекрасныхъ и радостныхъ недѣль, проведенныхъ въ Бадевикѣ.

Эти двое сдѣлались друзьями. Ея наивное поклоненіе льстило ему, а онъ—самый скромный изъ своихъ товарищей по университету, былъ для нея вѣстилищемъ всей жизненной премудрости. Онъ разговаривалъ съ ней болѣе, нежели съ другими, давалъ ей наиболѣе подходящія книги изъ своей маленькой библіотеки и понималъ, что она стыдится своей необразованности, такъ какъ она училась только у мамы читать да писать, тогда какъ другія господскія барышни въ той мѣстности получили при помощи гувернантокъ нѣкоторое образованіе, какое въ тѣ времена давали барышнямъ.

Однимъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ развлеченій въ семействахъ въ Бюктарюдѣ, когда онѣ собирались другъ у друга, было составленіе какихъ-нибудь «трудныхъ» словъ изъ буквъ, напечатанныхъ на четырехугольныхъ кусочкахъ картона. Кто-нибудь составлялъ слово, затѣмъ смѣшивалъ буквы и давалъ ихъ другому, чтобы тотъ показалъ свою догадливость и составилъ вѣрное слово. Умственный кругозоръ игравшихъ въ эту игру былъ не великъ и слова не отличались большимъ разнообразіемъ. Но Эвъ Бергъ удалось однажды вечеромъ у короннаго фохта составить слово, надъ разгадкой котораго тщетно бились всѣ присутствующіе. Эва увлеклась игрой, она разгорячилась, глаза ея разгорѣлись и, когда она собрала обратно бумажки съ буквами, то на лицѣ ея появилось выраженіе торжества и гордости, и она сказала съ нѣкоторымъ состраданіемъ:

— Это такъ просто! Вотъ!—и сложила: ц-и-п-п-л-е-н-о-к-ъ.

Раздался такой единодушный взрывъ хохота, какого трудно было ожидать отъ этого маленькаго благопристойнаго общества. Въ продолженіе вечера другія молодыя дѣвушки нѣсколько разъ вызывали на помощь у Эвы слезы, называя ее «цыпленкомъ».

Онъ, онъ, который былъ такъ ученъ, увидалъ всю бездну ея неумѣнья!

Эва какъ разъ разгаръ сѣнокоса, такъ что старшіе не были въ саду, и молодежь отправилась домой пѣшкомъ. Подъ конецъ праздника остался вдвоемъ съ Эвой и, будучи неутомимымъ ходякомъ,

онъ свернулъ съ своей дороги и пошелъ ее проводить, чтобы ей не надо было идти такъ поздно одной.

На свой обычный ладъ, тихо и спокойно, онъ заводилъ разговоръ то на одну тему, то на другую, но Эва не отвѣчала и шла, точно погруженная въ мечты, по другому краю дороги.

Когда онъ, проходя въ ворота изгороди, подошелъ къ ней ближе, то онъ замѣтилъ, что по ея щежѣ скатилась слеза, и что щека ея была очень блѣдна.

— Что съ вами, мамзель Бергъ?

— Мнѣ все еще такъ ужасно стыдно, — прошептала она беззвучно и опустила голову.

— «Стыдно»? Что...? Ахъ, да!... — воскликнулъ онъ.

— Неужели вы успѣли уже забыть это, пасторъ? — спросила она нѣсколько бодрѣе.

— Да, милая мамзель Эва, конечно, я уже забылъ. Какъ «платье не дѣлаетъ человѣка», такъ и правописаніе не можетъ соответствовать образу мыслей. А что касается до вашего образа мыслей, мамзель Эва, то я думаю, что за нихъ вамъ стыдиться не приходится.

— Да... да, пожалуй, передъ «людьми», — сказала она, краснѣя.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча, каждый по своей сторонѣ дороги.

— Это такъ ужасно быть таковой невѣждой, — жаловалась она, какъ дитя, которому не удастся прикрѣпить какъ слѣдуетъ фарфоровую головку на куклѣ.

— Да, недостатокъ знаній всегда тяжелъ. Но если это вамъ можетъ служить утѣшеніемъ, то, увѣрю васъ, мамзель Эва, что я еще никогда не встрѣчалъ болѣе или менѣе одареннаго и сознательнаго человѣка, познанія котораго не заставили бы его увидеть свое невѣжество и все то, что ему еще осталось изучить.

— Неужели? И вы также, пасторъ, принадлежите къ числу такихъ людей?

— Это мнѣніе принадлежитъ не мнѣ. Его высказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ учителей въ Упсалѣ, и тотъ, который, какъ мнѣ кажется, зналъ больше всѣхъ.

— Профессоръ?

— Да, одинъ очень ученый профессоръ, — сказалъ онъ улыбка.

Ей оставалось уже недалеко до дому, а ему пора было повернуть. Онъ промолчалъ нѣсколько минутъ, но продолжалъ, какъ если бы онъ все время читала его мысли:

— Но мнѣ кажется, что тотъ пробѣлъ, который васъ сегодня

такъ огорчилъ, легко было бы заполнить до нѣкоторой степени. Писать по-шведски вполне правильно не такъ-то легко, но выучиться писать по слуху и по навыку зрѣнія, это вполне достижимо. Не хотите ли вы, мамзель Эва, взять у меня простой учебникъ правописанія съ нѣкоторыми упражненіями?

Она поблагодарила его горячо. А когда на слѣдующей недѣлѣ семья Бергъ была въ гостяхъ въ усадьбѣ священника, то молодой пасторъ далъ ей также сокращенную шведскую исторію и географію и научилъ ее, какъ надо употреблять карту.

Зерно познанія въ жаждущей, наивной, но богатой и чистой душѣ — подобно зернамъ, брошеннымъ на плодородную, дѣвственную почву, которую надо засѣвать очень рѣдко, такъ какъ каждое зерно даетъ нѣсколько стеблей. Скрытыя силы бродили у Эвы, какъ въ плодородномъ черноземѣ весеннею порой; домашнія обязанности стали казаться ей легче, на мѣсто того, чтобы казаться тяжелой, съ тѣхъ поръ, какъ ея умственный кругозоръ расширился. Интересъ къ той каплѣ познанія, которая выпала на ея долю, неразрывно связывался съ интересомъ къ учителю.

Однажды, когда отецъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ, онъ попросилъ ее написать письмо настоятелю по дѣлу о попечительствѣ о бѣдныхъ, о которомъ онъ рассказывалъ за завтракомъ.

Росенъ, который былъ во всемъ помощникомъ настоятеля, сказалъ Эвѣ при слѣдующей встрѣчѣ съ ней:

— А вы, мамзель Эва, начинаете выступать на общественномъ поприщѣ?

Она покраснѣла и спросила шепотомъ:

— Много ошибокъ было?

— Двѣ незначительныя.

Росенъ былъ уже семь лѣтъ священникомъ, а потому онъ могъ рассчитывать послѣ двухъ скучныхъ лѣтъ, проведенныхъ въ Бюктарюдѣ, получить мѣсто штатнаго помощника священника въ сосѣднемъ пасторатѣ, худшемъ въ епархіи. Но несмотря на это, сердце его билось сильно при одной только мысли, что онъ можетъ получить это мѣсто. Для бѣднаго, обремененнаго долгами человѣка, эта перспектива сулила счастье, несмотря на всю свою незаманчивость.

Въ день выборовъ, въ ненастный сентябрьскій вечеръ, патронъ Бергъ, Эва и Аксель вышли въ засѣянное поле у большой дороги, чтобы посмотреть, много ли жердей вырвала буря изъ изгороди. Вдругъ послышался съ дороги лошадиный топотъ, и вслѣдъ затѣмъ побазался неуклюжій молодой парень, который трясся на спинѣ рыжей пятнастой лошади. Аксель раскрылъ ворота въ изгороди, а отецъ спросилъ:

— Откуда ты?

Парень сдѣлалъ гримасу, когда вляча его, которую онъ дернулъ за уздечку, вдругъ сразу остановилась, и сказалъ:

— Тпрр... Чтобъ тебя! Да, да, я привезъ новость... Ахъ ты, подлая тварь, перестанешь ты, что ли, щипать траву?... Что мы голосовали такъ, что намъ удалось отнять у васъ священника.

— Подумай, Росенъ получилъ большинство! — воскликнулъ Бергъ, обращаясь къ Эвъ.

— Тпрр... Что вы сказали? Что такое онъ получилъ? Это не опасно?

Эва поблѣднѣла, какъ полотно, и пла, какъ во снѣ, рядомъ съ отцомъ. «Уѣдетъ! Онъ уѣдетъ, и скоро», ибо она знала, что тотъ, кого выберутъ, долженъ немедленно отправляться на новое мѣсто. Правда, что до того прихода не болѣе трехъ миль, а въ деревнѣ это считается сосѣдствомъ; но въ Брантелидѣ всѣ вели слишкомъ трудовую жизнь, чтобы располагать временемъ для поѣздокъ. Всему насталъ конецъ... конецъ...

Наступило нѣсколько тяжкихъ дней, но она какъ будто не сознавала, что именно случилось. Она ничего не желала, ни на что не надѣялась, у нея не было, какъ у другихъ молодыхъ дѣвушекъ, никакихъ «видовъ» на него. Но это было такъ отраднo имѣть болѣе сильнаго друга, который видѣлъ въ ней нѣчто другое, нежели мамину милую помощницу по хозяйству, который вѣрилъ, что она чего-нибудь да стоитъ, и который интересовался ея мыслями, несмотря на всю ея простоту.

Но вотъ однажды онъ пришелъ прощаться. Мама ушла куда-то по дѣламъ, а папа былъ занятъ въ овинѣ послѣ молотьбы.

Они остались въ замѣ одни.

Какъ глаза его сияли и какъ пылали обыкновенно такія блѣдныя щеки, которые однако теперь были круглѣе, нежели когда онъ впервые появился въ Кнютарюдѣ. Человѣкъ, который слишкомъ хорошъ для того, чтобы унизиться до гордости и пошлаго хвастовства, никогда не имѣетъ въ глазахъ женщины болѣе притягательной силы, нежели въ минуты глубокой скорби или въ моментъ торжества и побѣды.

А степень торжества побѣды опредѣляется не тѣмъ, что составляетъ награду за побѣду, а тяжестью перенесенной борьбы и нравственнымъ обликомъ побѣдителя. Для Иосифа Росена скромное маленькое мѣсто съ бѣднымъ домомъ въ сосновомъ лѣсу было Аустерлицомъ надъ соединенными полчищами бѣдности, незначительности и расположеніемъ капризной толпы. Все его существо было

проникнуто счастьемъ, и онъ не замѣтилъ натянутости въ пожеланіяхъ Эвы; онъ крѣпко пожалъ ея руку и сказалъ:

— Да, теперь я дѣйствительно счастливый человѣкъ, мамзель Бергъ.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Мамзель Эва, въ продолженіе этихъ двухъ долгихъ лѣтъ ожиданія вы были здѣсь моимъ лучшимъ другомъ, а потому я подѣлюсь съ вами тѣмъ, что дѣлаетъ мое счастье еще полнѣе, что рисуетъ мнѣ мое будущее въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ. Я мечтаю о счастьѣ въ своемъ будущемъ собственномъ домѣ съ существомъ, которое мнѣ очень дорого, дороже всего на свѣтѣ!

Для своихъ двадцати одного года и своей свѣтлой головы Эва была необыкновенно наивна; но теперь, теперь ей показалось, что она видитъ все такъ ясно, какъ видно въ лѣсу дерево лѣтней ночью, озаренное ослѣпительнымъ свѣтомъ молніи. Она крѣпко прижала обѣ свои загорѣлыя грубыя руки къ сердцу, чтобы оно не разорвалось отъ невыразимаго счастья. О, неужели свѣтъ можетъ быть такъ прекрасенъ и Богъ такъ безгранично добръ!

Она посмотрѣла на него взоромъ безпредѣльной преданности, восхищенія и беззавѣтной любви.

Онъ продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Мы любимъ другъ друга много, много лѣтъ, еще со школьнаго времени, и она, мой бѣдный другъ, не знала, какъ долго будетъ ожиданіе. Но теперь во всякомъ случаѣ ему насталъ конецъ. Она уже не молода, а красивой она никогда не была, она и на десятую долю не такъ красива, какъ вы, мамзель Эва; но она такая же славная и сердеч... Но что съ вами? Что...

— Ахъ, пожалуйста, не беспокойтесь, ничего, равно ничего... Да, такъ позвольте мнѣ, пасторъ, еще разъ вдвойнѣ искренно и сердечно поздравить васъ!—сказала Эва, стараясь побороть надвигающійся обморокъ, который уже застлалъ ея глаза пеленой.

— Благодарю васъ, отъ души благодарю!—сказалъ онъ и крѣпко пожалъ ея руку.—Вы непременно должны пріѣхать къ намъ, когда вы окончательно устроитесь. Ее зовутъ Элизой, Элизой Линдбумъ; не говорите здѣсь объ этомъ никому ни слова. Вы позволите мнѣ клониться ей отъ васъ, мамзель Эва, скажите!

Она крѣпко ухватилась за ручку кресла, стоявшаго въ залѣ у ла, такъ крѣпко, что кожа на ея рукѣ побѣлѣла подъ загаромъ, и ачала:

— Да, передайте ей мой привѣтъ... самый искренній... и... сердечный!

V.

Литературный кружокъ въ Нольчѣпингѣ.

Горе и тоска послѣ спокойной жизни съ проблесками счастья, превращеніе изъ наивнаго ребенка съ тѣломъ двадцатидвухлѣтней взрослой дѣвушки въ женщину, которая страдаетъ,—все это подорвало силы Эвы, которая за послѣднее время такъ быстро возрала. Истощенная бессонными ночами, она изнемогала подъ тяжестью дневныхъ обязанностей.

Но у матери открылись глаза на состояніе здоровья дочери, и она слишкомъ радовалась восстановленію ея силъ послѣ пребыванія въ Бадевицѣ, чтобы теперь не отнестись съ безпокойствомъ къ тому, что Эва блѣднѣетъ и чахнетъ.

Урожай въ этомъ году былъ хорошій, а новый винокуренный заводъ въ сосѣднемъ приходѣ повысилъ цѣны на картофель. Въ семействѣ Бергъ наступило временное экономическое облегченіе, которое позволяетъ людямъ хорошаго общества мѣнять обивку на мебели въ гостиной, а людямъ еще болѣе хорошаго съѣздить на Ривьеру.

На мѣсто всего этого въ Брантелидѣ наняли третью служанку уже въ октябрѣ, тогда какъ раньше ее нанимали только весной, когда начинались полевая работы.

И вотъ было рѣшено, что подготовленіе Элинъ къ конфирмаціи будетъ отложено до слѣдующей зимы, чтобы она теперь была свободнѣе и помогала бы мамѣ.

Такимъ образомъ явилась возможность послать Эву въ Нольчѣпингъ къ тетускѣ Густавѣ, которая заранѣе приглашала ее къ себѣ, «когда противное малокровіе снова дастъ себя почувствовать». Конокху Иоганну предстояло вѣзти ее всѣ шесть миль; а ея родные такъ же, какъ и конокхъ Иоганнъ, не подозрѣвали, что все это путешествіе вызвало назначеніе пастора Росена въ сосѣдную еперхію.

За завтракомъ передъ путешествіемъ Эва получила цѣлую массу наставленій и совѣтовъ отъ папы и отъ мамы. Въ настоящее время не даютъ своему ребенку столько совѣтовъ, если бы даже онъ отправлялся путешествовать въ Конго.

Элинъ, высокая, здоровая и цвѣтущая дѣвушка, почувствовала, что ея дѣтская зависть къ «большой сестрѣ» значительно охладѣла отъ перечня всѣхъ тѣхъ трудностей и неприятностей, которыя ее ожидали вдали отъ родительскаго дома. Она вытаращила глаза и недоумѣвала, почему жизнь въ Нольчѣпингѣ сопряжена съ такими опасностями, и она спрашивала себя, какимъ образомъ удалось тетускѣ

такъ благополучно избѣгнуть всѣхъ непріятностей, — это была прямо неразрѣшимая загадка!

Однако Эва получила въ дорогу не одни только предостереженія и совѣты и немного мелочи на случай непредвидѣнныхъ расходовъ во время путешествія. Когда коляска подъѣхала къ крыльцу, папа торжественно вынулъ изъ кармана двѣ ассигнаціи — каждая по десяти риксдалеровъ — и сказалъ:

— Дитя мое, эта сумма довольно значительная въ нашемъ положеніи, а ты къ тому же будешь жить у тетушки на всемъ готовомъ; но я не хочу, чтобы ты была безъ денегъ, когда тебѣ захочется чего-нибудь или если тебѣ понадобится что-нибудь — не слишкомъ безразсудное, конечно, — а теперь, ты знаешь, винокуренный заводъ даетъ за бочку четыре риксдалера. Богъ да благословить тебя!

У Эвы на сердцѣ стало такъ тепло, такъ тепло! Столько денегъ заразъ въ ея распоряженіи еще никогда не бывало, и она мысленно быстро произвела оцѣнку подарка отца: цѣлый возъ картофеля! Она бросилась отцу на шею и горячо обняла его.

Отецъ былъ тронутъ ея искренней благодарностью, и когда Эва освободилась наконецъ изъ объятій матери, сестры и брата и, счастливая и довольная, сидѣла въ коляскѣ, то этотъ добрый человекъ растрогался еще больше, наклонился къ дочери и прошепталъ:

— И тебѣ вовсе не надо тратить изъ нихъ на желѣзные пилюли. Попроси тетушку уплатить за пилюли, а мы съ ней потомъ сочитаемся.

Тетушка Густава, которая оставалась все той же и которая платила времени дань только въ видѣ нѣсколькихъ новыхъ сѣдыхъ волосковъ да нѣкоторой убылью въ вѣсѣ свего почтеннаго тѣла, нашла, что Эва очень переиѣнилась, несмотря на то, что она такъ недавно видѣла ее весною, а теперь былъ только ноябрь.

Эва понимала теперь свою тетушку лучше, не пугалась ея внѣшней суровости и хорошо знала, что подъ этой внѣшностью скрывается любящее сердце.

Потому-то она довѣрилась ей во всемъ — за исключеніемъ своей *личной* тайны — рассказала ей, какъ она страдала отъ недостатка своего образованія, какъ ей хотѣлось посредствомъ чтенія расширить свой умственный кругозоръ, и какъ было бы хорошо, если бы она крайней мѣрѣ знала хоть столько, чтобы имѣть возможность думать, что она въ сущности совсѣмъ ничего не знаетъ, — тогда ей надо было бы такъ ужасно стыдиться за себя.

Этотъ разговоръ однажды возобновился, и тогда тетушка встала забоченно пошла въ переднюю изъ своихъ двухъ очень просто, но

очень уютно обставленныхъ комнатъ, и остановилась въ нерѣшительности передъ двумя коротенькими книжными полками.

— Да, дитя мое, здѣсь есть, кромѣ самой лучшей «Книги книгъ», «Истинное христіанство» Арндта, «Ома Бемпійскій» и «Священный стыдъ» Богацкаго. А въ «Сокровищѣ души» Шривера такъ много интересныхъ примѣровъ изъ жизни, что для молодого ума это гораздо увлекательнѣе проповѣдей Нордборга. Что же касается до свѣтскихъ книгъ, то ихъ у меня не очень-то много, и изъ нихъ есть и такія, которыя сами по себѣ не дурны, если только онѣ не заставятъ забыть, что «набожность есть источникъ мудрости».

Эва стояла рядомъ съ тетушкой и съ уваженіемъ, но безъ особеннаго интереса смотрѣла на корешки старыхъ книгъ. Но вдругъ тетушку озарила блестящая идея:

— Дитя, я поговорю съ Ловизой Берфельтъ и попрошу ее принять тебя въ литературный кружокъ! У нихъ книгъ прямо слишкомъ много, но Ловиза и капитанъ Оберіусъ не допускаютъ дурныхъ книгъ. Правда, абонироваться до рождества, когда ты уѣдешь, будетъ стоить три риксдалера, но это я заплачу.

Эва была страшно боязлива и застѣнчива, но этотъ литературный кружокъ, въ которомъ покупались даже новыя книги и гдѣ разъ въ недѣлю читали вслухъ ученые магистры и важныя дамы, привлекалъ ее неотразимо, особенно, благодаря рассказамъ тетушки, которая однако никогда въ этомъ кружкѣ не бывала и не особенно подробно распространялась о немъ.

Я почти увѣренъ, что современная молодая деревенская дѣвушка съ меньшимъ благоговѣніемъ вошла бы въ большой залъ на биржѣ въ Стокгольмѣ во время торжественнаго годового акта шведской академіи, нежели Эва Бергъ открыла дверь въ маленькую квартирку изъ трехъ комнатъ фрѣкенъ Берфельтъ однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ разговора съ тетушкой.

Къ счастью, она уже раньше встрѣчалась съ фрѣкенъ Ловизой, маленькой, выцвѣтшей, нѣсколько чванной, но добродушной шестидесятилѣтней старушкой, съ блѣдно-сѣрымъ оттѣнкомъ на лицѣ, душѣ и всемъ своемъ существѣ.

Лѣтъ десять тому назадъ фрѣкенъ Берфельтъ познакомилась на какихъ-то водахъ съ одной четой, сильная половина которой была издателемъ самаго любезнаго сорта. Это знакомство превратилось въ дружбу, послѣдствіемъ чего было появленіемъ въ свѣтъ книжки въ 370 страницъ подъ заглавіемъ: «Тайнственный сундукъ въ Шельдеборгѣ».

Это была дѣйствительно очень хорошая книга, по крайней мѣрѣ

ея этомъ мнѣніи сходились какъ сама авторша, а также издатель и капитанъ Оберіусъ; но ея истинныя достоинства, которыя были выше уровня пониманія современнаго общества, воспрепятствовали ей распространиться и приобрести послѣдователей. Однако появленіе этой книги было достаточно для того, чтобы фрѣкенъ Ловиза заняла мѣсто литературнаго корифея въ Нольчѣпингѣ, что не удивительно, если принять во вниманіе, что въ этомъ городѣ не печаталось ничего за исключеніемъ годового отчета директора школъ и уставовъ страхового отъ огня общества, когда требовались какія-нибудь измѣненія первоначальныхъ правилъ.

Капитанъ Оберіусъ, за исключеніемъ лектора роднаго языка, который обыкновенно имѣетъ ближайшее отношеніе къ литературѣ и искусству въ городкахъ, подобныхъ Нольчѣпингу, былъ мѣстнымъ судьей въ вопросахъ, касающихся литературы и искусства. Это почетное званіе онъ приобрѣлъ отчасти вслѣдствіе того, что въ его гостиной надъ диваномъ висѣлъ большой ландшафтъ, написанный масляными красками, а отчасти благодаря вѣнку, который общество офицеровъ расположеннаго въ городѣ полка возложило на гробъ своего умершаго командира, и для котораго Оберіусъ, будучи тогда лишь поручикомъ, сочинилъ стихотвореніе, напечатанное на концѣ ленты.

Благодаря этимъ-то подвигамъ капитанъ Оберіусъ и сдѣлался председателемъ «общества поощренія художествъ» въ Нольчѣпингѣ, которое устраивало розыгрышъ картинъ по три риксдалера билетъ. Потому также онъ удостоивался посѣщеній наиболѣе тертыхъ антрепренеровъ странствующихъ труппъ, которые беспокоились за «настроеніе райка», и потому же онъ сдѣлался товарищемъ председателя литературнаго кружка въ Нольчѣпингѣ, гдѣ Ловиза Берфельтъ занимала первое мѣсто.

Эву, которая чувствовала мучительную застѣнчивость, представили капитану и другимъ болѣе виднымъ членамъ кружка. Она была проста, скромна и молчалива и производила хорошее впечатлѣніе, какъ человекъ, который никому не встанетъ поперекъ дороги. Со своими большими, выразительными глазами, съ румянцемъ смущенія щекахъ она казалась довольно красивой, и магистръ Лундбергъ верхштатный преподаватель роднаго языка и латыни въ школѣ) гнулъ къ фрѣкенъ Ловизѣ и прошепталъ:

— Мнѣ кажется, точно я вижу передъ собой такъ удивительно рошно начерченный вами образъ Аделаиды изъ «Таинственнаго пдуга».

Фрѣкенъ Берфельтъ смущенно провела правой рукой по лѣвому

рукаву своего свѣтло-сѣраго платья, потомъ слегка поднесла къ своимъ свѣтло-сѣрымъ глазамъ носовой платокъ съ гербомъ и сказала съ застѣнчивостью, которая къ ней тагъ шла:

— О, магистеръ Лундбергъ, не упоминайте о моемъ маленькомъ, незначительномъ произведеніи! Оно и осталось моимъ *единственнымъ*...

— Какъ «Марсельеза» Руже-де-Лилиа, — вставилъ магистръ съ поклономъ.

Дѣло происходило въ 1860 годахъ, и для общества того времени, особенно провинціального, изгнаніе всякаго слѣда какаго бы то ни было тѣлеснаго подкрѣпленія изъ собраній литературнаго кружка въ Нольчѣпингѣ было чѣмъ-то неслыханнымъ; однако, оба главные руководителя кружка, принимавшіе близко къ сердцу вопросъ о духовной пищѣ для народа, строго придерживались этого мудраго правила.

Тѣмъ не менѣе въ первой комнатѣ на большомъ подносѣ стояло два хрустальныхъ графина съ водой и блюдечко съ маленькими леденцами. Но никто изъ старѣйшихъ членовъ кружка не могъ припомнить, что онъ когда-нибудь видѣлъ, чтобы болѣе трехъ человекъ изъ 15 или 25 собиравшихся на чтенія, пользовались этими Божьими дарами. Сперва фрѣкенъ Ловиза сама брала леденецъ и клала его между своими блѣдно-сѣрыми губами, затѣмъ она наливала стаканъ воды и ставила его передъ собой на преддиванный столъ. Послѣ этого капитанъ въ точности слѣдовалъ ея примѣру. Когда же читающій въ этотъ вечеръ доходилъ до первой остановки въ прозѣ или благополучно оканчивалъ первую поэму, то фрѣкенъ Ловиза вставала съ мѣста, наливала третій стаканъ воды, ставила его передъ чтецомъ, протягивала ему блюдце съ леденцами и говорила:

— Пожалуйста! Леденецъ также, прошу васъ! Необходимо чѣмъ-нибудь освѣжиться.

Капитанъ и фрѣкенъ чувствовали себя счастливыми; они были насквозь проникнуты самодовольствомъ и гордились тѣмъ, что способствуютъ развитію культуры или «распространяютъ образованіе», какъ въ тѣ времена выражались. Въ кружкѣ было двое-трое магистровъ, которые были влюблены въ двухъ-трехъ барышень, а другія двѣ-три барышни съ вождельніемъ взирали на магистровъ. Была тамъ еще одна замужня дама, которая никогда не училась въ школѣ и которая, желая обратить вниманіе на свое *образованіе*, совершенно отсутствовавшее, приходила въ экстазъ раза два, три на каждомъ собраніи, — несчастная женщина. Остальные члены кружка находили все это страшно скучнымъ, но они не хотѣли сознаться въ этомъ.

Люди, не участвовавшие въ кружкѣ, смѣялись надъ нимъ, называли его союзомъ «сахарной водицы» и увѣряли, что *всѣ* члены его сидятъ со стаканами колодезной воды и усердно размѣшиваютъ въ немъ маленькій кусочекъ колотаго сахара.

Фрѣкенъ Ловиза постукала ножикомъ изъ буковаго дерева о стаканъ съ водой и сказала:

— Товарищъ предсѣдателя кружка былъ настолько любезенъ, что обѣщаль *самъ* прочесть сегодня нѣчто новое для всѣхъ.

— Bravo!—крикнули ближайшіе изъ сидѣвшихъ въ комнатѣ. Остальные зѣвали за ихъ спинами въ то время, какъ капитанъ, офицеръ-гимнастъ среднихъ лѣтъ, тощій, какъ жердь, и прямой, какъ кочерга, пробрался впередъ, неестественно вычурно шагая, точно пѣтухъ по раскаленной плитѣ. Онъ началъ:

— Съ дилжансомъ сегодня утромъ я получилъ новую книгу Рунеберга «Прапорщикъ Сталь», которую, какъ вы знаете изъ газеты, ждали осенью. Я позволю себѣ прочесть кое-что изъ этой книги.

— О-о!—пробормотали заинтересованные магистры, тогда какъ тѣ, кто не слѣдили за литературой, сидѣли спокойно и имѣли скужающій видъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что капитанъ Оберіусъ былъ смѣшонъ, неестествененъ и имѣлъ обыкновеніе читать съ напускнымъ пафосомъ и отсутствіемъ всякаго пониманія простѣйшихъ правилъ искусства декламации. Но въ остальномъ дѣло обстояло съ нимъ не такъ ужъ плохо; онъ былъ шведскимъ офицеромъ, любилъ свою родину, и въ его груди билось сердце такое же, какъ и у другихъ.

И это сердце билось все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ чтеніе двигалось, а голосъ повышался и дрожалъ отъ счастья, гордости и отъ скорби въ то время, какъ самъ онъ и всѣ слушатели были увлечены, какъ никогда раньше. Когда онъ остановился, чтобы перевести духъ, то та дама, которая никогда не посѣщала школы, закричала:

— *Еще*, капитанъ!—но ея голосъ покрыли другіе, которые обыкновенно никогда не слѣдовали примѣру этой дамы.

Когда капитанъ долженъ былъ, наконецъ, отложить книгу, чтобыдохнуть немного, то фрѣкенъ Ловиза схватила блюдо и воскликнула внѣ себя отъ восторга:

— Богъ да благословитъ васъ! Возьмите *два* леденца, капитанъ!

Эва сидѣла молча и едва дышала, а въ глазахъ у нея стояли слезы.

— Вамъ дурно отъ жары, мамзель?—спросилъ магистръ Лундбергъ, который сидѣлъ излишне близко возлѣ нея.

— О, нѣтъ, но я никогда не слыхала ничего болѣе прекраснаго во всю свою жизнь!—прошептала она съ горящимъ взоромъ и съ высоко поднимающейся грудью.

Магистеръ Лундбергъ посмотрѣлъ на нее, потеръ себѣ немного чернильное пятно на среднемъ пальцѣ правой руки и потомъ вдругъ осторожно просунулъ всю руку подъ широкій рукавъ Эвы и нѣжно взялъ ее за руку.

Такъ какъ въ Бюютарюдѣ никогда ничего подобнаго не дѣлалось, то Эва не догадалась отнять у него руку.

Но слушайте дальше! Фонъ-Дебельнъ заговорилъ снова:

— А теперь ты молодой солдатъ чистѣйшей воды, ты нашъ товарищъ номеръ пятнадцатый, Стольтъ!

О... у Эвы пробѣжали мурашки по кожѣ, на сердцѣ стало такъ тепло, тепло, а по плечамъ прошла дрожь. Магистръ попытался слегка пожать ея руку и получилъ въ отвѣтъ, къ своему удивленію, крѣпкое рукопожатіе.

Ей показалось, что рядомъ съ ней родная душа, которая испытываетъ тотъ же восторгъ и то же наслажденіе, какъ и она.

Но магистеръ Лундбергъ подумалъ, что она флиртуетъ...

Когда Эва тихо прокралась домой и стала ложиться на постеленный для нея диванъ—въ первой комнатѣ, то оказалось, что свѣча еще горѣла у тетюшки въ сосѣдней комнатѣ.

— Добрый вечеръ, дитя! Ну, какъ ты провела время? Я уже стала немного беспокоиться, когда ты такъ долго не приходила. Кто проводилъ тебя домой?

— Магистеръ Лундбергъ.

— Вотъ какъ, онъ. Говорятъ, что онъ свободомыслящій и вообще препротивный во всѣхъ отношеніяхъ, а кромѣ того онъ членъ этого новаго рабочаго общества. Я надѣюсь, что онъ не былъ дерзокъ? Ты такая красная, дитя мое!

— Ахъ, что вы, тетя! Но я такъ растрогана и такъ счастлива, тетя! Подумать только, что на свѣтѣ существуетъ нѣчто такое, какъ «Поручикъ Стольтъ!»

— Смотри, Эва, не вздумай влюбиться въ военнаго. Поручикъ Стольтъ? Онъ, вѣроятно, изъ деревни и уже не молодой, потому что его не знаю, а уже по крайней мѣрѣ двадцать лѣтъ тому назадъ какъ упразднили должность поручиковъ въ полкахъ. Спокойной ночи, дитя мое! Ты найдешь молоко и бутерброды возлѣ птичьей кѣтки.

VI.

Мечты уступают мѣсто культурѣ.

Вполнѣ понятно, что такія незначительныя сами по себѣ событія, какъ пребываніе въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль въ маленькомъ курортѣ и непродолжительное пребываніе въ провинціальному городѣ въ замкнутомъ старосвѣтскомъ домѣ пожилой женщины, должны были представлять изъ себя великія эпохи и рѣшающія стадіи развитія въ такой однообразной и уединенной жизни, каковую вела обыкновенно Эва Бергъ.

О вѣншихъ условностяхъ общественной жизни, о примитивныхъ вопросахъ социальныхъ требованій, а также о различіи между мыслями ближняго и его словами Эва получила маленькое понятіе въ Бадевикѣ. Въ Нольчѣпингѣ этотъ житейскій опытъ нѣсколько расширился, несмотря на ограниченный кругъ новыхъ людей, съ которыми она тамъ встрѣчалась, и несмотря на то, что она большую часть времени проводила со знакомыми тетуски Густавы, которые даже по понятіямъ Нольчѣпинга считались отсталыми. Тамъ она получила также первый толчокъ къ умственнымъ интересамъ. Да, такъ это и было, несмотря на всѣ гримасы, которыя мы строимъ при мысли о «литературномъ кружкѣ». Правда, тамъ было много смѣшного, и большая часть членовъ находила «чтеніе» довольно скучнымъ, а то, что читалось, было часто ниже посредственности, и многіе уходили изъ кружка, не получивъ никакой умственной пищи.

Но дитя природы со своей безграничной жаждой знанія не критиковало и не спрашивало ни о формѣ кубка, ни о цвѣтѣ напитка. Эва Бергъ восхищалась прекраснымъ и добрымъ, часто находила удовольствіе даже въ банальному и реагировала скукой и невниманіемъ во время чтеній на все, что не могло принести ей никакой пользы. Даже ея наивное восхищеніе всѣмъ, чего она не понимала, во что казалось прекраснымъ, не могло повредить ей.

Въ то же время для нея стали яснѣе отношенія между мужчиною и женщиною, когда они, какъ бы играя, такъ безразсудно мучаютъ друга. Дверь въ эту новую область лишь едва приотворилась для нея, и она увидала до смѣшного мало; однако, покидая Нольчѣпгъ, эта двадцатиднолѣтняя дѣвушка знала о любви приблизительно столько же, сколько знаютъ дѣвочки-подростки въ старшихъ классахъ городскихъ школъ.

Въ то время въ Нольчѣпингѣ не было ни опасныхъ, ни безчестныхъ ухаживателей, во всякомъ случаѣ Эвѣ не приходилось съ ними

встрѣчаться,—и флиртъ молодыхъ людей не выходилъ за предѣлы старинныхъ пріемовъ: крѣпкаго «прижиманія» во время танцевъ, пожатія рукъ въ углахъ и послѣ большихъ баловъ поѣздки на саняхъ или рождественскихъ вечеринкахъ съ большимъ количествомъ пунша, дерзкой попытки во время «провожданія домой» поцѣловать подъ воротами дѣвушку, не предложивъ ей предварительно руку и сердце.

Однако даже въ «литературномъ кружкѣ» молодые люди обмѣнивались пламенными взорами, на лѣстницѣ фрѣкенъ Ловизы жали руки дѣвушкамъ изо всей силы, а по дорогѣ домой велись задушевные разговоры.

При своей великой наивности и неопытности Эва могла бы быть легкой добычей; но магистеръ Лундбергъ, который сдѣлалъ ее предметомъ своего ухаживанія, нашелъ, къ своему удивленію, что она не терпитъ даже малѣйшаго рукопожатія, если только не читаютъ «Прапорщика Столя», да и то въ первый разъ. А противъ болѣе глубокаго чувства она была застрахована вслѣдствіе того страданія, которое ей причинилъ Юсифъ Росенъ, самъ не подозревая этого, хотя это страданіе теперь уже не такъ угнетало ее сердце.

Это неправда, что каждый мужчина и каждая женщина рано или поздно должны испытать великое, истинное, все превышающее чувство къ единственной женщинѣ или мужчинѣ, чувство, которое настоятельно говоритъ: «*Этотъ* человекъ будетъ принадлежать мнѣ», или «*долженъ былъ бы* принадлежать мнѣ» (если встрѣчаются слишкомъ поздно) «и моя жизнь была бы счастлива». Большая часть изъ насъ имѣетъ такіа покладистыя и эластичныя сердца, что для нихъ существуетъ множество мужчинъ и женщинъ, которыхъ они могли бы любить и которымъ они могли бы подарить счастье, недорогое и во множествѣ экземпляровъ. Нѣкоторые изъ насъ слишкомъ любятъ самихъ себя и не могутъ заставить свое сердце проникнуться истиннымъ и великимъ чувствомъ къ другому существу. Другіе проявляютъ способности виртуозовъ въ смыслѣ умѣнья любить многихъ другъ за другомъ прекрасной любовью или даже любить нѣсколькихъ заразъ, если не прекрасной, то довольно пылкой любовью. А что касается до женщинъ, то милліоны изъ нихъ не имѣютъ и понятія о томъ, что такое великая и истинная любовь, пока ихъ дѣти не научатъ ихъ этому.

Передъ тѣмъ какъ возвращаться домой, Эва купила себѣ книгъ на четырнадцать риксдалеровъ (изъ двадцати, которые ей подарилъ отецъ), на четыре риксдалера маленькихъ рождественскихъ подар-

ковъ брату и сестрѣ. Два риксдалера она дала Юганнѣ, старой служанкѣ тетушки.

Магистеръ Лундбергъ давалъ ей совѣты въ книжномъ магазинѣ, но главнымъ образомъ она руководствовалась своимъ инстинктомъ, который, къ счастью, указалъ ей на книги, служившія для нея источникомъ радости и утѣшенія и облегчавшія ей работу въ домѣ.

Время проходило дома однообразно и даже безслѣдно, если искать какихъ-нибудь особенныхъ событій, какъ пунктовъ сосредоточія воспоминаній. Между тѣмъ Элинъ стала взрослой дѣвушкой, а что касается до Аксея, то папа напрягъ всѣ усилія въ смыслѣ экономическихъ комбинацій и отправилъ своего сына въ городъ въ школу.

Не одно только государство проявляетъ несправедливость, давая мужчинамъ безвозмездно высшее образование, тогда какъ одиночныя попытки на поприщѣ женскаго образованія оно облагаетъ данью и беретъ себѣ «на чай» съ каждой предприимчивой женщины, имѣющей дерзость высунуть кончикъ своего носа за предѣлы стѣнъ народной школы. И частные люди, которые принуждены жить въ деревнѣ и у которыхъ денегъ мало, поступаютъ такимъ же образомъ: они соскребаютъ послѣднее, чтобы отправить мальчика въ городъ въ школу, тогда какъ на образование дѣвочекъ не обращаютъ особаго вниманія.

Однако Элинъ въ этомъ отношеніи находилась въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели Эва. Она была здоровѣе сестры и у нея былъ неистощимо веселый нравъ. Кромѣ того, она имѣла вѣрную опору въ старшей сестрѣ и въ ея горячей привязанности. Съ каждымъ годомъ пятилѣтняя разница въ ихъ возрастѣ сглаживалась и становилась незамѣтнѣе: онѣ были товарищами по работѣ и друзьями, которые дѣлятъ пополамъ и горе и радость. И Эва дѣлала достояніемъ младшей сестры тѣ крохи, которыя она приобрѣла въ смыслѣ знанія жизни; она поправляла также Элинъ самыя возмутительныя ошибки въ тѣхъ немногихъ письмахъ, которыя ей приходилось писать.

Надо еще сказать, что такая отрѣзанность, какими были Бюктарюдъ и Брантелидъ во время дѣтства Эвы, теперь не могла болѣе вѣствовать. Южное полотно желѣзной дороги проводилось на разстояніи полмили отъ усадьбы, и почта получалась черезъ день. Лѣсогровцы и комиссіонеры по продажѣ земель наводнили деревню, цены на хлѣбъ понизились, тогда какъ лѣсъ и скотъ повысились въ цѣнѣ, молочные продукты получили сбытъ, въ деревнѣ Бюктарюдъ проли ферму, — казалось, будто все старое селеніе ожило, заволновалось въ какихъ-то мучительныхъ потугахъ. Даже самъ патронъ ергъ выстроилъ у себя въ имѣніи каменный скотный дворъ, сорвалъ

съ крыши дома старыя щепки и привезъ съ желѣзно-дорожной станціи черепицу.

Одно изъ тѣхъ именъ, которое чаще всего произносилось въ эти дни нововведеній, было имя Торстена Гудмундсона. Онъ строилъ по подряду сторожки на желѣзно-дорожной линіи, и черезъ него также новая ферма на акціяхъ приобрѣла свою паровую машину. Если случалось, что покупатель предлагалъ слишкомъ низкую цѣну за участокъ лѣса, то собственникъ грозилъ: «Нѣтъ, ужъ я лучше подожду приѣзда Торстена Гудмундсона». А если кто-нибудь нанималъ на станціи товарные вагоны, то смотритель спрашивалъ писаря: «Говорилъ ли Гудмундсонъ, сколько вагоновъ *ему* надо на этой недѣлѣ?».

Одни говорили, что онъ сынъ разносчика изъ Вестеріетланда, другіе, — что онъ началъ свою карьеру въ качествѣ приказчика въ Норландѣ. Но всѣ сходились на томъ, что «этотъ человекъ не дуракъ и чортовски ловокъ». О томъ, что онъ обѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ превратиться въ большую шишку, можно было уже заключить изъ того, что, когда добродушный, но сановитый и старый епископъ изъ Вексіо, Хульманъ, возвращался изъ Іенчѣпинга послѣ освященія новой церкви и остановился на станціи, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, то Гудмундсонъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Меня зовутъ Гудмундсонъ. Что вы скажете, господинъ Хульманъ, о стаканчикѣ тодди?

Опять стояло скверное лѣто. Съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились въ первый разъ съ Брантелидомъ, прошло десять лѣтъ. Но теперь были будни, и все жило и работало, такъ что, когда во дворъ въѣхала коляска, то Эва должна была спустить засученные рукава своего ситцеваго платья, такъ какъ она была занята стиркой, и принять гостя, — всѣмъ остальнымъ было еще неудобіе бросать работу.

Гость былъ молодой человекъ, высокаго роста, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, румяный и блѣлокурый, одѣтый старательно и слишкомъ нарядно для такого медвѣжьяго угла въ деревнѣ. У него были усы, голубые, живые глаза и энергичный носъ, а въ остальномъ, мнѣ кажется, онъ соотвѣтствовалъ тому, что матримоніальныя объявленія подозреваютъ подъ «благопріятной наружностью».

Ловкимъ и сильнымъ прыжкомъ онъ очутился прямо изъ экипажа на крыльцѣ въ тотъ моментъ, когда Эва, поспѣшившая въ домъ черезъ кухонную дверь, вышла на крыльцо.

— Осмѣлюсь ли я быть настолько назойливымъ и спросить, не вы ли фрѣкенъ Бергъ, дочь землевладѣльца Берга? Простите, меня зовутъ Гудмундсонъ, купецъ Гудмундсонъ.

«Фрѣкенъ», «землевладѣлецъ»... Эвъ показалось, что въ Бран-

телидѣ вдругъ распространилась атмосфера новыхъ временъ. Вѣдь она такъ мало видѣла свѣта, и она почувствовала себя смущенной при видѣ этого человѣка, о которомъ она такъ много слышала. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она инстинктивно угадывала въ немъ вульгарныя черты выскочки.

— Пожалуйста, войдите! Мой отецъ сейчасъ возвратится домой. Онъ пошелъ ненадолго въ лѣсъ.

— Благодарю васъ почтительнѣйше! Ахъ, я надѣюсь, что вы будете такъ добры, фрѣвень, и «поконсервируете» со мной въ ожиданіи господина землевладѣльца? Такъ вы говорите, онъ въ лѣсу? А здѣсь, я думаю, лѣсъ недурный?—спросилъ онъ, когда они расположились въ гостиной.

— Да, лѣсъ хорошій,—отвѣтила Эва, которая въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ слышала, какъ отецъ радовался, что лѣсъ приобрѣлъ цѣнность съ тѣхъ поръ, какъ начали проводить желѣзную дорогу.

Послѣ этого разговоръ оборвался. Гудмундсонъ сидѣлъ и въ упоръ, не отрываясь, смотрѣлъ на Эву своими большими, веселыми глазами, которые, какъ будто, становились еще веселѣе по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ. Эвѣ было теперь двадцать шесть лѣтъ, и ея медленно развивавшаяся фигура приобрѣла, наконецъ, вполне гармоничныя очертанія, а тонкія черты лица потеряли грустный отпечатокъ болѣзненности. Вообще она производила необыкновенно пріятное впечатлѣніе своей внѣшностью, и это впечатлѣніе еще увеличивало бѣдное ситцевое платьѣ, плотно облегавшее фигуру, и великолѣпныя волосы, заплетенныя въ одну косу и лежавшія пышнымъ узломъ на головѣ, форма которой была испорчена бывшими тогда въ модѣ боковыми вальками.

— У васъ, вѣроятно, много дѣлъ въ нашихъ мѣстахъ?—спросила Эва, смущенная этимъ упорнымъ осмотромъ.

— Да, собственно я одинъ занимаюсь тѣми дѣлами, о которыхъ стоитъ говорить въ здѣшней мѣстности,—отвѣтилъ онъ самодовольно.

— Вотъ какъ.

— А кромѣ того я занимаюсь различными дѣлами въ другихъ мѣстахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

Онъ задумчиво перебиралъ вязаную салфетку на преддиванномъ столѣ. Потомъ онъ вдругъ поднялъ голову и прибавилъ:

— И по большей части дѣла эти хорошія.

— Это пріятно слышать,—отвѣтила Эва искренно.

Но вотъ, наконецъ, появился папа.

Гудмундсонъ пріѣхалъ торговать у патрона Берга лѣсъ и этотъ послѣдній согласился продать одинъ участокъ.

Поднялся вопросъ о цѣнѣ.

Бергъ заломилъ, какъ ему казалось, порядочную цѣну, но Гудмундсонъ внутренно улыбнулся надъ тѣмъ, что собственники лѣсовъ, расположенныхъ вдоль желѣзно-дорожной линіи, имѣютъ такое превратное понятіе о цѣнахъ на лѣсъ. Но по наружности онъ остался серьезнымъ и принялъ даже нѣсколько озабоченный видъ, когда услышалъ цѣну. Онъ предложилъ три четверти цѣны, причемъ Бергъ готовъ былъ подпрыгнуть на стулѣ отъ радости, но притворился нѣсколько обиженнымъ такимъ предложеніемъ и получилъ прибавку въ 300 кронъ.

Старинное гостепримство было еще въ ходу въ этомъ деревенскомъ углу, а продажа лѣса была довольно важнымъ дѣломъ въ скромныхъ обстоятельствахъ. А потому Гудмундсонъ, которому необходимо было пріѣзжать въ тѣ мѣста по дѣламъ, часто гостилъ въ семействѣ Бергъ.

Онъ приобрѣлъ расположеніе всѣхъ членовъ семьи. Папа находилъ его щедрымъ и аккуратнымъ въ дѣлахъ; мамѣ онъ нравился тѣмъ, что былъ вѣжливѣе молодыхъ людей въ Ньютарюдѣ, а Элинъ находила, что онъ очень остроуменъ. Акселя онъ всецѣло завоевалъ перочиннымъ ножикомъ, какого во всей школѣ ни у одного мальчика не было: четыре лезвія и три различныхъ инструмента. Кому онъ меньше всѣхъ нравился и кого больше всѣхъ возмущали его манеры выскочки, — была Эва. А между тѣмъ становилось все яснѣе, что для нея-то онъ и приходилъ.

Однажды въ декабрѣ, когда погода была сырая, дороги непроходимы отъ грязи, работа давила своей тяжестью, а въ домѣ было неуютнѣе обыкновеннаго, такъ какъ и гардины, и мебельные чехлы были отданы въ стирку, появился онъ, самодовольный, сильный и здоровый, вычурно элегантный и съ драгоцѣнной булавкой въ галстугѣ, почтительный и влюбленный выше ушей.

А всю осень въ той мѣстности только и говорили о великолѣпныхъ дѣлахъ Гудмундсона.

Потому-то, когда онъ остался съ ней наединѣ, взялъ ее за руку и, вспыхнувъ до корней волосъ, сказалъ:

— Фрѣкенъ Эва, осчастливьте меня на всю мою жизнь, будьте такъ любезны и согласитесь быть моей женой! — то она дала ему свое согласіе.

Ничто не говорило въ его пользу, но не было и ничего достаточ-

но серьезнаго, что говорило бы противъ него. Ея сердце молчало съ тѣхъ поръ, какъ его заставилъ заговорить Юсифъ Росѣнъ, и съ тѣхъ поръ въ ея сердцѣ не осталось даже и отзвука прошлаго. Она сохранила только чувство признательности къ человѣку, который понималъ ее, и смотрѣла на весь этотъ эпизодъ изъ ея жизни, какъ на дѣтскія мечты, порожденныя одиночествомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она прониклась увѣренностью, что то чувство, о которомъ она имѣла лишь смутное представленіе, и которое описывалось въ книгахъ, какъ самое прекрасное на свѣтѣ, никогда больше не завладѣетъ ею.

Но когда онъ обнялъ ее своими сильными руками, какъ если бы она была его собственностью, то въ ея головѣ пронеслось воспоминаніе о боа, котораго она видѣла на ярмаркѣ въ Нольчѣпингѣ, и который обвивался вокругъ одной молодой дѣвушки. А вечеромъ, прежде чѣмъ лечь спать, она смывала его поцѣлуи со своихъ губъ до тѣхъ поръ, пока кожа не начала горѣть.

Но вотъ наступилъ рождественскій сочельникъ, и онъ надѣлъ на ея палецъ символъ обрученія и осыпалъ ее прекрасными и дорогими подарками, которыми были надѣлены также и остальные члены семьи.

Свѣчки на елкѣ погасили. Онъ стоялъ съ ней у окна и, обнявъ ее за талию, прильнулъ щекой къ ея прекраснымъ каштановымъ волосамъ и оба они задумчиво смотрѣли на снѣгъ, на голыя деревья и на тихія звѣзды. Она подняла голову и, посмотрѣвъ ему въ глаза, прошептала:

— А я такъ мало могла тебѣ дать, только двѣ-три вещицы, сработанныя моими собственными руками.

Тогда онъ протянулъ свободную руку къ столу съ рождественскими подарками и сказалъ съ жестомъ пренебреженія:

— Какъ я всю эту мелочь своей головой. Это совершенно то же самое, моя милая Эва.

Она обхватила его шею руками и поцѣловала его совершенно добровольно. И этотъ поцѣлуй оставался на ея горячихъ губахъ всю рождественскую ночь, въ которую она мечтала объ удобствахъ богатаго дома и о часахъ, которые бьютъ одинъ за другимъ, а ей не надо вставать, чтобы приниматься за какую-нибудь работу, такъ какъ другія руки исполнять ее.

Но странно, она какъ-то умышленно старалась не представлять себѣ въ этомъ домѣ Торстена Гудмундсона.

Перев. М. Благовѣщенская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ пустынь.

Въ океанѣ сухомъ я плыву. Мой каякъ—
Мой верблюдь; онъ качаетъ меня.
Ослѣпительнымъ блескомъ свергающихъ пикъ
Нижутъ воздухъ лучи полудня.

Тяжелѣютъ глаза. Я плыву такъ давно,
Что состарилось сердце мое.
Надо мной небеса, а пустыня ихъ дно.
Бытіе или небытіе?

Воздухъ, зыблясь, бѣжитъ, льется точно вода.
Все пески, и безмолвье ихъ стражъ.
Кругъ очерченъ судьбой. Нигуда—никогда.
Средь миражей я блѣдный миражъ.

А. Федоровъ.

Исторія о томъ, какъ монна Пиа-ди-Толомеи, будучи невинной, погибла по волѣ жестокаго супруга.

„...Ricorditi di me che son la Pia...
Sienna mi fe, disfece mi Maremma“.
(Dante, Purg., Canto V).

Въ горной Сиеннѣ, — городъ св. Маріи, любимомъ художниками, гдѣ родился Дукчіо, прославившійся тихой красотой своей Мадонны, — жилъ нѣкогда знатный дворянинъ Нелло Панноіески, синьоръ Кастель ди-Пьетра, взявшій себѣ въ супруги прекрасную Пиа ди-Толомеи. Оба принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Сиенны, и не отличались другъ отъ друга ни происхожденіемъ, ни богатствомъ, но весьма отличались возрастомъ и нравомъ: Нелло Панноіески насчитывалъ пятьдесятъ зимъ и былъ суровъ, мраченъ и жестокъ, тогда какъ монна Пиа всего двадцать весень дышала воздухомъ родныхъ горъ, и была кротка, прекрасна и веселаго нрава. Гдѣ была монна Пиа, тамъ, казалось, солнце свѣтило ярче, ибо румяныя уста ея всегда улыбались, смѣхъ звучалъ, какъ журчаніе весенняго горнаго ручья, и подобно нѣжному вѣтерку на разсвѣтѣ вѣяла отъ нея ласковая привѣтливость. Для каждаго находила монна Пиа доброе слово и пріятный взглядъ, хотя бы человекъ стоялъ ниже ея, и былъ бѣденъ или въ немилости.

Любила она также увеселенія, и ни одинъ турниръ въ Сиеннѣ, ни одно состязаніе пѣвцовъ не проходили безъ ея присутствія. Часто ей, какъ одной изъ знатнѣйшихъ дамъ города, приходилось награждать побѣдителя вѣнкомъ или перевязью, и рыцари мечтали о счастіи получить награду изъ бѣлыхъ ругъ ея, а трубадуры, преклоняя колѣни, воспѣвали ее въ стихахъ, называя «сладчайшею алою розой». Сама монна Пиа прекрасно пѣла и играла на віолѣ и на лютнѣ, а въ танцахъ превосходила всѣхъ плавностью и красотой своихъ движеній. Не одинъ художникъ — ибо въ Сиеннѣ почти не было

дома, гдѣ бы кто-нибудь не былъ охваченъ сладкой любовью къ искусству,—когда писалъ Мадонну и сопровождающихъ ее святыхъ дѣвственницъ,—старался передать на холстѣ воспоминаніе свое о моннѣ Піа, о ея темныхъ, шелковистыхъ кудряхъ и лебединой шеѣ и тонкихъ черныхъ бровяхъ, изогнутыхъ нѣжными полугружiami, подобными аркамъ мавританскихъ дворцовъ, надъ глазами цвѣта играющаго золотомъ топаза.

При всемъ томъ, монна Піа была весьма добродѣтельна и благочестива. Каждое утро присутствовала она на мессѣ; каждый день собственноручно раздавала милостыню всѣмъ приходившимъ къ ней; соблюдала посты и чтала своего супруга.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Сиенну раздирали междуусобная война. Знатнѣйшіе дома города—Толомен, Салимбени, Малавольти, Пиволомини и многіе другіе находились въ постоянной враждѣ. Не проходило дня, чтобы гдѣ-нибудь въ темномъ закоулкѣ не поднимали какого-нибудь благороднаго синьора, пораженнаго въ грудь мечомъ открытаго врага или въ спину кинжаломъ наемнаго убійцы. Свирѣпая ненависть и кровавая месть витали надъ городомъ и постоянно вызывали новыя возстанія. Но наступали иногда промежутки, когда всѣ какъ бы утомлялись отъ напряженной вражды, и нѣкоторое время не было слышно о новыхъ убійствахъ. Тогда члены враждующихъ домовъ встрѣчались и даже разговаривали другъ съ другомъ,—и въ одинъ изъ такихъ промежутковъ прекрасная Піа и стала женою Нелло Панноіески, и думали, что это положить конецъ междуусобіямъ. По этому поводу даны были большія празднества, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней вся Сиенна пировала, ибо и простые граждане страдали отъ распрей знатныхъ семействъ, такъ какъ каждый принужденъ былъ открыто стоять за того или другого, и въ кровавыхъ стычкахъ быть готовымъ пожертвовать жизнью за чужое оскорбленіе. Поэтому матери, жены и невѣсты—всѣ были рады браку синьора Нелло, и особенно восхищались ясною красотою новобрачной, говоря:

— Она какъ розовая заря взойдетъ надъ ночью вражды, и прогонитъ ее своей ангельской улыбкой.

Дѣйствительно, долгое время послѣ этого брака все было тихо и благополучно въ Сиеннѣ. По ночамъ рѣдко слышался тревожный рогъ или звонъ набата, заставляющій мужчинъ вскакивать и съ мечомъ выбѣгать на улицу, а женщинъ—кидаться на колѣни передъ статуей Мадонны, охранявшей скромное жилище.

Монна Піа, несмотря на жестокой нравъ стараго супруга, цвѣла подобно розѣ въ пышномъ дворцѣ Бастель ди-Пьетра, и невинно

радовалась жизни, — и радовались всё вокруг нея. Окружавшія ее молодыя дѣвицы изъ дворянскихъ семействъ, проживавшія во дворцѣ, были для нея не столько прислужницами, сколько подругами. Работа у нихъ чередовалась съ пѣніемъ, танцами и хороводами. Госпожа сама дарила имъ наряды, ожерелья и пряжки, сама часто убирала имъ волосы и украшала ихъ цвѣтами. Такъ что кто попадалъ впервые во дворецъ Паннокіески, и видѣлъ, какъ монна Пиа, окруженная юными красавицами въ свѣтлыхъ одеждахъ и съ вѣнками на волосахъ, поетъ или работаетъ, или учитъ ихъ граціозной пляскѣ — тому казалось, что онъ проникъ въ волшебные сады феи Морганы и видитъ толпу воздушныхъ призраковъ.

Зимой, когда въ Сіеннѣ выпадаетъ густой снѣгъ и дуетъ рѣзкій вѣтеръ съ горъ, во дворцѣ продолжало царить молодое веселье. Собираясь вокругъ пылающаго очага, слушали рассказы пилигримовъ, возвращавшихся изъ святой земли, — о гробѣ Господнемъ, о чудѣ только что свершившемся въ Лоретто, куда ангелы перенесли изъ Назарета хижину дѣвы Маріи; или же призывали странствующихъ торговцевъ и покупали у нихъ аравійскіе духи, сарацинскій бархатъ, жемчуга изъ Индіи, палестинскую розовую воду и сладости, которыя дѣлаютъ женщины въ Данаскѣ. Или же слушали трубадуровъ и вздыхали надъ печальною судьбою Рюделя, любившаго графиню Триполійскую и о томъ, какъ она послѣ его смерти ушла въ монастырь, но раньше велѣла списать его стихи золотыми буквами и изъ всѣхъ своихъ несмѣтныхъ богатствъ только ихъ и взяла съ собою въ обитель.

Иногда же устраивались пиры и праздники въ большой дворцовой залѣ, такъ какъ синьоръ Паннокіески любилъ, чтобы знали и прославляли его богатство и роскошь.

На этихъ празднествахъ многіе кавалеры окружали хозяйку дома и вздыхали по ней; но упорнѣе всѣхъ преслѣдовали ее своимъ вниманіемъ двое: Пандольфо Уберти — другъ и товарищъ по походамъ самого Нелло Паннокіески, — и нѣкій Агостино Гизи, молодой человекъ, прекрасный собою, высокаго роста и необыкновеннаго изящества, такъ что, когда онъ показывался въ залѣ, всѣ взоры слѣдили за нимъ съ восхищеніемъ, и даже женская красота меркла передъ нимъ.

Оба они съ сожалѣніемъ смотрѣли на монну Пиа, отданную, какъ имъ казалось, несправедливо такому суровому и тяжелому человеку, каковымъ былъ Нелло Паннокіески, — о которомъ кромѣ того всѣ знали, что онъ не чтитъ святости брака и не сохраняетъ супружеской вѣрности своей молодой женѣ, предпочитая ея обществу и мирнымъ ра-

достигъ домашняго очага—попойки въ народныхъ тавернахъ, гдѣ темноглазыя служанки подливали ему въ кубокъ сладкаго и крѣпкаго Монте-Пульчiano и садились къ нему на колѣни съ веселымъ хохотомъ.

Синьоръ Уберти не боялся выразить моннѣ Пiа свое удивленіе и, не взирая на ея недовольство, пробовалъ очернить ея супруга въ ея глазахъ, на что добродѣтельная Пiа всегда отвѣчала:

— Оставьте эти рѣчи, мессеръ Уберти, супругъ мой поступаетъ, какъ ему угодно, я же обязана повиноваться ему—и только.

Отчего синьоръ Уберти приходилъ въ великую ярость, забывая, что онъ совершаетъ вдвойнѣ дурное дѣло: старается склонить молодую женщину къ нарушенію своего долга, а также предастъ своего друга, который не разъ спасалъ ему жизнь въ крестовыхъ походахъ.

Синьоръ же Агостино ничего не говорилъ моннѣ Пiа, онъ только глядѣлъ на нее взоромъ, исполненнымъ нѣжности, противъ чего монна Пiа возразить не могла; и невольно эти взгляды подобно лучамъ ифсиаца проникали къ ней въ душу и оставались тамъ. Одинъ только разъ, въ соборѣ, на торжественномъ богослуженіи, синьоръ Агостино сталъ возлѣ чаши со святой водой такъ, чтобы передать ее моннѣ Пiа, и когда пальцы ихъ встрѣтились, онъ произнесъ такъ тихо, что никто кромѣ нея не могъ услышать:

— Я умираю!

Святая вода показалась ей жгучей, и, сама не зная какъ, дрожащими губами монна Пiа отвѣтила:

— Я васъ жалѣю, мессеръ!

Но тутъ же стала горько упрекать себя за преступную снисходительность и думала, что совершила великій грѣхъ, послѣ чего три ночи простояла на молитвѣ въ часовнѣ, на каменномъ полу, кладя поклоны до самаго разсвѣта.

Тѣмъ временемъ, изъ-за пустаго предлога, опять разгорѣлась распря въ Сіеннѣ. На ярмаркѣ поссорились двое стрѣлковъ Паннокіески и Салимбени; со своей стороны за нихъ вступились ихъ товарищи, дошло дѣло до господъ, схватились за мечи ихъ друзья и родственники,—и въ Сіеннѣ вспыхнула такая рѣзня, какой давно не видали стѣны города. Кончилось это тѣмъ, что отецъ и братья монны Пiа въ числѣ многихъ другихъ были осуждены въ изгнаніе и имущества ихъ конфискованы республикой. Большимъ ударомъ было это для монны Пiа, тѣмъ болѣе, что она долго и безуспѣшно молила своего супруга о смягченіи участи родныхъ. Затмилась ясность ея глазъ и смолкнулъ звонкій смѣхъ,—но все же она осталась вѣрна своему долгу и не упрекала супруга, снося съ твердостью духа это испытаніе.

не и помня, что долгъ жены повиноваться мужу и раздѣлять во всемъ его желанія, забывая о своихъ.

Въ одно утро, когда монна Пиа задумчиво гуляла въ саду со своею любимою прислужницей, Джіанной, къ нимъ подскочилъ дворцовый шутъ, очень ее любившій, и кривляясь, и смѣясь, незамѣтно передалъ ей записку. Записка эта была отъ любимаго младшаго брата Пиа, съ которымъ они не видались со времени его изгнанія, и который писалъ ей, что скрывается въ горахъ у пастуховъ и хочетъ ночью пробраться къ ней, чтобы проститься передъ окончательной разлукой, такъ какъ собирается отплыть на островъ Мальту. Синьоръ Федерико былъ четырьмя годами моложе, чѣмъ Пиа, и тѣсная дружба связывала ихъ. Еще пушокъ едва показался на его лицѣ, но онъ уже былъ храбрый воинъ, и въ послѣдней битвѣ посвященъ былъ въ рыцари.

Когда монна Пиа вспомнила ихъ дѣтскія игры, и подумала, что можетъ быть никогда болѣе не увидитъ своего свѣтлокудраго Федерико, горькія слезы затуманили ея глаза, и она рѣшила непремѣнно повидаться съ нимъ. Она знала, что Джіанна, такъ же какъ и шутъ, охотно умрутъ за нее, и потому держала съ ними совѣтъ—какъ поступить.

Какъ разъ на слѣдующій день синьоръ Нелло и его приглашенные должны были ѣхать на охоту въ горы, и по обыкновенію заочевать въ охотничьемъ домигѣ, чтобы не пропустить восхода солнца. Монна Пиа, воспользовавшись этимъ, рѣшила отговориться нездоровьемъ и остаться дома. Шутъ же, котораго звали Пассерелло, за то, что онъ былъ маленькій и сѣдой какъ воробей, обѣщалъ привести синьора Федерико къ воротамъ сада.

Такъ и было сдѣлано. Когда всѣ съ весельемъ и шумомъ уѣхали на охоту, и уже стемнѣло, монна Пиа сказала своимъ приближеннымъ, что у нея сильно болитъ голова и она надѣется прогулкой прогнать нездоровье. Взяла съ собою одну Джіанну и вышла въ садъ. У ограды ожидалъ ее вѣрный Пассерелло, и съ нимъ молодой рыцарь, закутанный въ темный плащъ.

Монна Пиа бросилась къ нему, Джіанна и Пассерелло ушли, чтобы не мѣшать прощальной бесѣдѣ. Былъ тихій, теплый вечеръ и, когда монна Пиа и синьоръ Федерико бесѣдовали, забывъ объ окружающемъ и помня только, что расстаются, быть можетъ, навѣки—въ небѣ показалась луна, и освѣтила бѣлое платье и блѣдное отъ горя лицо монны Пиа, синьоръ Федерико же оставался въ тѣни, полускрытый кустами олеандровъ.

Въ это время въ замокъ возвратился синьоръ Уберти. Безпокой-

ство прогнало его съ охоты, все время онъ думалъ, что не напрасно монна Пиа, отговорившись нездоровьемъ, осталась дома, такъ какъ она любила удовольствія охоты и была безстрашной наѣздницей— и рѣшилъ провѣрить свои подозрѣнія.

Онъ отослалъ лошадь у перекрестка; самъ же вернулся во дворецъ и пользуясь тѣмъ, что хорошо зналъ расположеніе его, вышелъ не черезъ главную террасу, у которой сторожили Джіанна и шуть, а боговою калиткой. Зеленый охотничій нарядъ его не отличался отъ зелени сада, и какъ тать онъ прокрадывался по дорожкамъ, ступая неслышно по мягкому дерну, когда долетѣлъ до него звукъ заглушеннаго разговора. Притаивъ дыханіе, онъ поползъ за кустами и вскорѣ увидѣлъ монну Піу. При свѣтѣ луны ея нѣжное лицо было очень блѣдно, и въ глазахъ стояли крупныя слезы. Она обвила стройными руками своими шею стоявшаго съ ней, и крѣпко поцѣловала его, произнеся прерывающимся голосомъ:

— Храни тебя Богъ и святая Дѣва, любимый мой! Не забывай меня, и носи это на память обо мнѣ!

И вручила ему свергнувшее подъ лучомъ луны кровавымъ огонькомъ кольцо, которое синьоръ Уберти хорошо зналъ, ибо неоднократно восхищался величиною украшавшаго его восточнаго рубина.

Синьоръ Уберти стоялъ, сжимая рукоять меча, съ однимъ желаніемъ кинуться на незнакомца, который въ это время съ любовью прощался съ монною Пией. Но поборовъ это желаніе, онъ съ сатанинскою радостью подумалъ о томъ, что монна Пиа теперь въ его рукахъ.

Когда молодые люди разстались, наконецъ, и топоть коня Федерико замеръ въ отдаленіи, а монна Пиа, плача и утирая слезы, направилась къ дому—синьоръ Уберти вдругъ вышелъ изъ-за кустовъ и, преградивъ ей дорогу, сказалъ:

— Вотъ какъ, мадонна! Вы лѣчите ваше нездоровье тѣмъ, что при лунномъ свѣтѣ назначаете свиданія молодымъ рыцарямъ?

Монна Пиа испугалась, какъ если бы самъ Вельзевулъ предсталъ передъ нею, и отъ испуга на нѣкоторое время какъ бы онемѣла, и молча смотрѣла на синьора Уберти, сжимая руки.

Открытъ ему, кто былъ съ нею—монна Пиа не могла, такъ какъ если бы узнали о самовольномъ возвращеніи изгнанника, то Федерико грозила бы смерть или во всякомъ случаѣ темница. Поэтому тутъ же монна Пиа сказала себѣ, что лучше умереть, нежели выдастъ любимаго брата.

— Теперь тайна ваша въ моихъ рукахъ, но вы можете не дро-

жать за нее!—сказалъ синьоръ Уберти,—если вы согласитесь на нѣкоторыя мои условія.

— Какія?— произнесла поблѣднѣвшими губами монна Пиа и взглянула на него такими глазами, какъ лань смотритъ на ранившаго ее охотника.

Синьоръ Уберти наклонился и прошепталъ ей на ухо нѣсколько словъ, отъ которыхъ монна Пиа вся вспыхнула гордымъ румянцемъ и даръ слова мгновенно вернулся къ ней.

— Оставьте меня, коварный другъ!—воскликнула она.— Легче мнѣ смерть, чѣмъ подобное оскорбленіе. Стыдъ и позоръ да падутъ на вашу голову. Въ ней столько же сѣдыхъ волосъ, сколько у моего супруга, и вы еще рыцарь и другъ его!

Въ оскорбленной невинности своей монна Пиа забыла, что не должна казаться невинною синьору Уберти, и горячо упрекала его.

— Да, я знаю, прекрасная синьора, что блѣдурные волосы болѣе нравятся дамамъ, чѣмъ сѣдые; но смотрите, и сѣдые бываютъ полезны!

— Я не хочу слушать ваши гнусныя рѣчи!—воскликнула монна Пиа,—и прошу васъ оставить меня.

— Берегитесь же, монна Пиа,—вы лишаете меня сладости любви: мнѣ останется одно утѣшеніе—сладость мести!

И съ этими словами синьоръ Уберти покинулъ монну Пиа, оставивъ ее взволнованною и разстроенною его угрозою, которую онъ не замедлилъ привести въ исполненіе.

На слѣдующій день, когда возвратился синьоръ Нелло, другъ его заперся съ нимъ въ его покояхъ и подъ страшной клятвой открылъ ему, что застигъ жену его въ то время, какъ она въ саду ночью прощалась съ какимъ-то юношей, съ любовными словами и слезами и многими вздохами.

Синьоръ Нелло потемнѣлъ, какъ вершина горы, когда ее окутаетъ грозная туча, и спросилъ:

— Доказательство?

— Если тебѣ мало моей клятвы, то спроси у нея, гдѣ перстень съ рубиномъ большой цѣнности и красоты, доставшійся ей отъ матери?

— Благодарю тебя за дружескую услугу,—сказалъ синьоръ Нелло.—Я тебѣ спасъ жизнь какъ-то, помнится. Ты мнѣ дашь также новую жизнь, ибо если то, что ты сказалъ—правда, то жизнь моя измѣнится.

Такъ онъ сказалъ потому, что давно уже задумалъ избавиться отъ своей супруги, пресыщенный ея молодой красотой и недовольный неумѣніемъ отвѣчать на его ласки, ибо цѣломудренная монна Пиа и

будучи женою не узнала искусства любви, которому не сумѣла ее научить старый и развратный супругъ, и хотя никогда не противилась его волѣ, но оставалась холодною, чѣмъ сильно заставляла его сожалѣть о пясуньяхъ и уличныхъ пѣвицахъ, дарившихъ ему искусныя ласки въ охотничьемъ домикѣ.

Послѣ бесѣды съ синьоромъ Уберти, синьоръ Нелло пошелъ въ опочивальню супруги—чего давно уже не дѣлалъ—и тамъ засталъ ее распростертую крестомъ на каменномъ полу передъ аналоемъ. Волосы ея распустились, какъ у Мэгдалины, и волнистыми прядями закрыли бѣлыя плечи. Она молилась такъ горячо, что не замѣтила, какъ вошелъ супругъ ея.

Грознымъ обликомъ онъ заставилъ ее подняться. Трепещущая, блѣдная, она встала и стояла передъ нимъ, какъ передъ строгимъ судьей. Уже изъ одного разстроеннаго вида ея синьоръ Нелло заключилъ, что другъ его правъ и жена дѣйствительно передъ нимъ виновна.

Онъ спросилъ, глядя ей въ глаза:

— Гдѣ у васъ перстень съ рубиномъ, доставшійся вамъ отъ матери?

Сильно смѣшалась монна Пиа. Щеки ея вспыхнули такъ, что видно было, какъ подъ тонкою кожей разлилась благородная кровь. Отведя глаза отъ супруга, она отвѣтила:

— Я потеряла его.

Въ сердцѣ же у нея поднялась буря мучительной тревоги, такъ какъ она поняла, что супругъ предложилъ ей внезапный вопросъ этотъ не даромъ.

— Отчего вы не смотрите мнѣ въ глаза?—спросилъ синьоръ Нелло.

Монна Пиа сдѣлала усиліе и подняла глаза на супруга.

Долго стоялъ онъ передъ нею и смотрѣлъ на нее пристально.

Въ глазахъ синьора Нелло никогда не читала его молодая супруга ни нѣжности, ни доброты; но то, что она сейчасъ прочла въ нихъ—строгихъ и каменныхъ, какъ на мозаикахъ собора у гнѣвныхъ пророковъ—заставило ее всю похолодѣть. И сама не зная почему, еще въ эту минуту смертельной тоски, вдругъ вспомнила она другіе глаза, смотрѣвшіе на нее съ тою нѣжностью, съ которою мученики смотрятъ на Мадонну; и закрыла глаза, и пошатнулась. А синьоръ Нелло не сказалъ ни слова, повернулся и вышелъ.

На другое утро синьоръ Паннокіески прислалъ къ супругѣ своей майордома съ приказаніемъ собраться къ отъѣзду въ часъ времени.

Куда и зачѣмъ поѣдутъ они—майордомъ не могъ сказать госпожѣ своей, но сказалъ только, что приготовлена колымага съ мулами, та самая, которую брали въ большія поѣздки; а свитѣ ѣхать не приказано. Когда монна Піа спросила, можетъ ли она взять съ собою Джіанну, то майордомъ объяснилъ ей, что синьоръ Нелло приказываетъ не брать никого и уложить лишь самыя необходимыя вещи.

Поспѣшно собрала монна Піа съ помощью испуганной Джіанны свои платья, нѣкоторыя священныя книги и работу, не зная, что брать и что оставлять, и въ назначенное время была готова и съ біеніемъ сердца ожидала своего повелителя.

Роскошная колымага была подана къ главному входу; монна Піа вышла; синьоръ Нелло вѣжливо подалъ ей руку, помогая садиться. Джіанна упала на колѣни и поцѣловала край платья своей госпожи. Послѣдній взглядъ, который монна Піа увидѣла, выѣзжая изъ дворца, былъ взглядъ синьора Уберти, полный дьявольской радости. Онъ изысканно-учтиво снялъ шляпу и, опустивъ ее до земли, низко поклонился, прибавивъ:

— Счастливаго путешествія, Мадонна!

Колымага покатила сначала по знакомымъ горнымъ дорогамъ, мимо оливковыхъ рощъ и виноградниковъ. Долгое время супруги сидѣли въ молчаніи, наконецъ, Піа рѣшилась и спросила:

— Могу я спросить васъ, куда мы ѣдемъ, супругъ мой?

— Вы это достаточно скоро узнаете,—отвѣтилъ синьоръ Нелло, и больше молчаніе не прерывалось.

Монна Піа перебирала свои четки и мысленно просила помощи у неба. Медленно проходило время; день ѣхали они,—останавливались на ночлегъ въ селеніи,—опять ѣхали.

Впереди ихъ бѣжали скороходы и ѣхали двое слугъ съ факелами и двое всадниковъ съ алебардами и луками; сзади тоже четверо всадниковъ.

Солнце уже стояло высоко, когда послѣ ѣзды по безотраднымъ и выжженнымъ равнинамъ, гдѣ иногда, какъ обломки зеркала, блестяла цѣтна воды, колымага остановилась у воротъ крѣпкаго замка.

Высокія, толстыя стѣны съ зубцами и четырьмя круглыми башнями по угламъ окружали замокъ; передъ ними шелъ глубокій ровъ, до половины наполненный водою.

Передовой затрубилъ въ рогъ; заскрипѣли петли, повернулись ржавые ключи, и медленно спустился на желѣзныхъ цѣпяхъ съ грохотомъ и лязгомъ подъемный мостъ.

Синьоръ Нелло вышелъ, помогъ выйти своей супругѣ и ввелъ ее по мосту во дворъ замка. Когда они вошли, то опять заскрипѣли пет-

ли, и мостъ поднялся, отдѣляя ихъ отъ вѣшняго міра. Пустынный дворъ, гдѣ между камней росла трава, и жилища слугъ, казалось, лишены были жизни; передъ хозяевами шелъ, указывая имъ путь, старый привратникъ, съдой и согбенный, съ трясущейся головой и звенящими въ дрожащихъ рукахъ ключами.

Пройдя многіе переходы и крытыя галереи, супруги вошли въ главную башню и поднялись по винтовой лѣстницѣ въ просторную залу. Тутъ встрѣтило ихъ нѣсколько человѣкъ челяди, мужчинъ и женщинъ, низко поклонившихся имъ, съ колѣнопреклоненіемъ.

Монна Пиа сразу испугалась этихъ людей, такъ какъ всѣ они были странно-блѣдные и похожіе скорѣе на призраковъ, чѣмъ на живыхъ людей. Лица у нихъ были сѣрыя, какъ тѣ камни, изъ которыхъ сложены были вѣрныя стѣны; кожа такъ плотно обтягивала ихъ, что, казалось, можно было сосчитать всѣ кости череповъ. Подобострастныя улыбки обнажали безкровныя десны и не отражались въ потухшихъ глазахъ. Даже дѣти были также блѣдны и худы и походили на маленькихъ стариковъ. И точно живые мертвецы всѣ они кланялись, произнося тусклыми голосами слова привѣтствій, и казалось, что вотъ-вотъ послѣднія лохмотья кожи спадутъ съ нихъ и застучатъ кости скелетовъ одна объ другую.

Въ скудномъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь пробитыя высоко въ толстыхъ стѣнахъ окошки, они казались еще болѣе безплотными, чѣмъ были, и Пиа съ ужасомъ обратила взоры на супруга, желая и не смѣя спросить, что это за люди.

— Я собралъ васъ, чтобы показать васъ госпожѣ вашей! — громко сказалъ синьоръ Панноіески. — Она прибыла сюда, чтобы остаться здѣсь, пока я буду въ отлучкѣ. Берегите ее, какъ зѣницу ока, и запомните твердо, что я скажу вамъ. Я опасюсь за мою возлюбленную супругу и ввѣряю ее только этимъ стѣнамъ: онѣ надежны и выдержали не одну осаду. Въ этихъ стѣнахъ она можетъ ходить, куда ей угодно, и дѣлать, что ей угодно: но одинъ ея шагъ за стѣны — грозитъ всѣмъ вамъ смертью. Слышите? Вы отвѣчаете мнѣ своей жизнью.

Послѣ этихъ словъ онъ отпустилъ челядь, самъ же обратился къ супругѣ и совершенно спокойно сказалъ ей:

— Вы здѣсь останетесь до моего приказанія. По распоряженію моему вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка, и разъ въ недѣлю капелланъ будетъ служить мессу въ часовнѣ замка, ибо я не желаю оставить васъ безъ возможности вымолить прощеніе своихъ грѣховъ.

— Супругъ мой, въ чемъ вина моя? — прошептала монна Пиа.

— Не притворяйтесь овечкой, Мадонна!—грозно возразилъ синьоръ Нелло.

— Блянусь вамъ, я невинна передъ вами!—воскликнула она.

— Не прибавляйте къ вашей винѣ еще и вѣтвопреступленія!—зарычалъ синьоръ Нелло, и съ такой силой схватилъ супругу за руки, что изъ-подъ ногтей ея брызнула кровь, и она со стономъ опустилась на колѣни.

Но потомъ онъ разжалъ руки и, не глядя на нее, вышелъ, оставивши ее въ слезахъ размышлять о своей жестокой судьбѣ.

Въ скоромъ времени услышала монна Піа снова лязгъ цѣпей, вѣщающій, что опустился мостъ, прозвучалъ рогъ, созывающій всадниковъ, и опять все стихло.

И долго была полная тишина.

Брѣнокъ и мраченъ былъ старый замокъ; не даромъ страхъ возводилъ толстыя каменные стѣны и высокія бойницы,—недовѣріе ковало тяжелые, чугунные засовы и желѣзные цѣпи,—жестокость рыла глубокія подземелья, гдѣ томились плѣнники, и хитрость прокладывала тайные подземные ходы въ нихъ.

Извнѣ не проникало никакихъ звуковъ, кромѣ того, и не было обычнаго шума рыцарскаго замка: ржанья коней, лая собакъ, колотушки дозорныхъ стражей, бѣготни челяди, громкихъ шутокъ воиновъ, закованныхъ въ желѣзные доспѣхи и тяжелаго стука ихъ шаговъ по каменнымъ коридорамъ. Базалось моннѣ Піи, что она попала въ мрачное царство смерти.

Долго сидѣла она недвижно на скамьѣ, на которую опустилась по уходѣ супруга,—какъ бы зачарованная непривычной тишиной, стараясь собрать разстроеныя мысли, и утѣшая себя, что гнѣвъ супруга скоро пройдетъ, что когда Федерико будетъ въ полной безопасности—тамъ, гдѣ власть Сіенны не достигнетъ его,—она все откроетъ синьору Нелло, и онъ возвратитъ ей свою милость. Она вытерла слезы и рѣшила предать себя въ руки святой Дѣвы, покровительницы всѣхъ страждущихъ женскихъ сердець. Супругъ ея сказалъ, что здѣсь есть часовня, а тамъ, гдѣ есть Божій храмъ, она уже не будетъ одинокой.

Монна Піа хлопнула въ ладоши, привыкши, что на это всегда является одинъ изъ маленькихъ пажей, дремлющихъ за дверями. Но на зовъ ея вошелъ не пажъ. Отворилась дверь, и показалась юная дѣвушка, почти дитя, съ волосами цвѣта темной мѣди и очень блѣлымъ лицомъ.

Она была тонка, какъ стебель цвѣтка, и казалась такою слабой, что малѣйшаго дуновенія вѣтра довольно было бы, чтобы сломать

ее. Руки ея были такъ прозрачны, что всё голубыя жилки ясно выступали на нихъ. И голосъ у нея былъ тихій и нѣжный, какъ звонъ порвавшейся струны.

— Что угодно мадоннѣ?—спросила она.

— Кто ты, дитя мое?—въ свою очередь, удивившись, спросила монна Пиа.

— Я Симонетта, внучка стараго Филиппо, привратника замка. Мнѣ приказано ходить за госпожей. Я буду служить вамъ вѣрно.

— Благодарю тебя, Симонетта!—отвѣтила монна Пиа, съ сожалѣніемъ глядя на молодую дѣвушку,—но сможешь ли ты служить мнѣ. Ты кажешься такою слабенькой: здорова ли ты?

— Я здорова!—съ удивленіемъ отвѣтила дѣвушка,—мы всё такіе, всё, кто родился и живетъ въ Мареммахъ. Развѣ вы не знаете этого, госпожа моя?

Тутъ поняла монна Пиа, почему такими зловѣщими призраками показались ей всё обитатели замка,—ибо хорошо она знала, что такое Мареммы,—и знала, что кто родился и живетъ въ Мареммахъ, тотъ чахнетъ и блѣднѣетъ, и вянетъ, и рано покидаетъ этотъ міръ. Но не знала она того, что если кто изъ другой страны очутится здѣсь—ядовитое дыханіе Мареммъ несетъ ему быструю смерть.

Сердце ея преисполнилось жалости къ юной дѣвушкѣ, похожей на увядающую травку. Она съ ласкою положила руку на голову Симонетты и сказала:

— Я рада, что ты не больна, и я буду тебѣ доброй госпожею.

Послѣ этого Симонетта показала моннѣ Пии ея покой, рядомъ съ которымъ была моельня. Моельня была затянута чернымъ бархатомъ, на которомъ вышиты были черепа, и два черепа лежали подъ Распятіемъ, и надписи гласили о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ мукахъ и о томъ, что надо бояться Божьей кары.

Но духовникъ монны Пии былъ пламенный почитатель и послѣдователь святого Франциска Ассизскаго; онъ научилъ ее, что Богъ—есть любовь, и потому не бояться надо его, а только любить,—и монна Пиа не устрашилась зловѣщихъ надписей, сдѣланныхъ людскими руками.

Въ своемъ покоѣ монна Пиа нашла небольшой балконъ, выступающій впередъ, съ него можно было видѣть далеко кругомъ. Тянулись болотистыя пастбища, заросшія тростникомъ лагуны и совсѣмъ вдали сверкала полоска моря. Не было видно нигдѣ жилья, только покинутыя лачуги пастуховъ, которые на все лѣто уходили въ горы, такъ какъ лѣтомъ жизнь среди стоячихъ и гниющихъ водъ была невозможна.

Ровно и плоско было все вокруг; выжженные поля чередовались съ пространствами воды, въ которой отражалось красное отъ близкаго захода солнца небо. Солнце, малиновое и такое, что не было больно смотрѣть на него, опускалось въ зловѣщей дымѣ въ море, и кругомъ поднимались и ползли бѣлыя какъ бы полосы тончайшей тлани; это были болотныя испаренія, они затягивали понемногу все кругомъ, и скоро не было видно ни полей, ни воды, — одна бѣлая мгла, савозъ которую видѣлся тяжелый шаръ тлѣющаго солнца.

Странная прохлада коснулась щекъ и груди монны Піи, и какъ бы кто-то невидимый обвѣялъ ее ледянымъ дыханіемъ.

Она вздрогнула, и въ это время Симонетта сказала ей:

— Не оставайтесь на воздухѣ, госпожа моя, закатные туманы несутъ злыя чары.

Сама она была бѣлѣе полотна, и глаза ея, обведенные темными кругами, словно провалились въ глубину и горѣли.

Она увела госпожу свою внутрь покоя, и взяла ея руки, стараясь согрѣть ихъ своимъ дыханіемъ; но хотя дыханіе ея жгло, какъ вѣтеръ, прилетающій съ береговъ Африки, руки монны Піи стали холодѣе, чѣмъ руки мраморныхъ изваяній, отдыхающихъ послѣднимъ сномъ на гробницахъ Сіенскаго собора. Симонетта укутала госпожу свою въ мѣха и принесла ей кубокъ вина, и сидѣла у ногъ ея, — тихо рассказывая ей, какъ они живутъ здѣсь, не видя никого, не выходя почти изъ стѣнъ замка, — пока монна Піа не забылась сномъ.

На утро, проснувшись и сотворивъ молитву, монна Піа увидала яркіе солнечные лучи, игравшіе на стѣнахъ ея покоя, и на душѣ у нея стало мирно и радостно. Она рѣшила спокойно ожидать переменъ своей судьбы и предаться молитвѣ и работѣ. Къ счастью и книги, и работу взяла она съ собой; нашла также здѣсь прялку и пальцы. Обошла весь замокъ, ближе ознакомилась со своими слугами, спросила, какъ кого зовутъ; приласкала блѣдныхъ и жалкихъ дѣтей. Она проходила, сіяющая юною прелестью, съ невинными какъ у ребенка глазами цвѣта играющаго золотомъ топаза, съ улыбкой на устахъ, въ богатомъ свѣтломъ платьѣ, по мрачнымъ коридорамъ среди покрытыхъ проказой сырости и плѣсени стѣнъ — и слуги смотрѣли ей вслѣдъ и тяжело вздыхали, а женщины складывали дрожащія руки и блѣдными, увядшими устами шептали молитву о спасеніи ея.

Увидавъ во дворѣ растущій въ большомъ количествѣ душистый желтоцвѣтникъ, монна Піа хотѣла нарвать его къ Распятію, но Симонетта остановила ее со словами:

— Нѣтъ, мадонна, берегитесь этихъ цвѣтовъ! Ихъ благоуханіе отнимаетъ всѣ силы у человѣка.

День прошелъ за работой, за чтеніемъ и въ бесѣдѣ съ Симонеттой. Но когда солнце начало клониться къ заходу, смертельный холодъ вдругъ охватилъ монну Піу.

Лицо ея поблѣднѣло и приняло синеватый оттѣнокъ, который бываетъ у мертвецовъ. Шелковистая кожа ея прекрасной бѣлой груди стала странно неровной; работа выпала изъ поledenъвшихъ рукъ; она вскрикнула, такъ какъ сильно укололась, но кровь не полилась изъ ранки и только выступила маленькой черной каплей. Глубоко впали глаза и окружились синеватой тѣнью; въ одно мгновеніе ока цвѣтущее лицо красавицы Піи стало похожимъ на ликъ покойницы.

— Что со мною, Симонетта?—воскликнула монна Піа, и не могла говорить, такъ сильно стучали ея зубы. Все тѣло тряслось, какъ отъ сильнѣйшаго мороза. Ей казалось, что ледяная смерть схватила ее въ свои объятія и не выпускаетъ. И вдругъ, точно бы она сразу потеряла упругую силу и округлость нѣжнаго тѣла, съ руки ея упалъ перстень и звена покатились по каменному полу; это показалось ей дурнымъ предзнаменованіемъ, но было только потому, что ознобъ такъ стянулъ ея кожу, что перстень сталъ слишкомъ широкимъ.

Симонетта, зная ужасный недугъ, съ отчаяніемъ прошептала:

— Вотъ, она взяла мою госпожу... теперь не выпустить!

Она собрала всѣ мѣха и покрывала, которые могла найти, уложила монну Піу въ постель и принесла раскаленные кирпичи ей къ ногамъ, сгибаясь подъ ихъ тяжестью.

Но ничто не помогло; долго лежала монна Піа, терзаемая ледянымъ ознобомъ, подкидывавшимъ тѣло ея такъ, какъ будто бы она была несчастною бѣсноватой на церковной паперти. Но вдругъ поднялась она на постели, откинула тяжелыя косы и пожаловалась:

— Меня жжетъ, Симонетта, я горю!

Блѣдность ея исчезла, словно сметенная жгучимъ дыханіемъ огня, какъ исчезаетъ снѣгъ съ земли, когда дровосѣки разложить костеръ на полянѣ. Волна алой крови, вернувшись вспять, залила ея лицо. Все ея молодое, прекрасное тѣло горѣло, охваченное розовой краской жара, румянецъ пылалъ на щекахъ, пересохшія уста алѣли, какъ раскрытые цвѣты гранатоваго дерева; нестерпимымъ блескомъ горячи блестяли потемнѣвшіе, ставшіе совсѣмъ черными, глаза, обведенные темными кругами, какъ послѣ страстныхъ ласкъ. Волосы рассыпались по обнаженнымъ плечамъ, она откидывала ихъ, сорвала

легкую одежду съ плечъ, такъ какъ и тяжелый шелкъ косы и тканъ одежды, подобная паутинѣ, жгли и давили ее.

И она лежала, разметавшись на ложѣ, полунаягая, какъ бы въ нетерпѣливомъ ожиданіи любви, и казалось самый воздухъ пылалъ зноемъ вокругъ нея.

Такъ длилось до поздней ночи, когда странный недугъ покинулъ ее, и она осталась разбитая и изнеможенная, какъ мертвая, пока не заснула крѣпко.

Слабая и блѣдная встала монна Пиа на другой день, надѣясь, что болѣзнь ее прошла, какъ тяжелое сновидѣніе. Она горячо и много молилась, хотя силы измѣняли ей, и, положивъ земной поклонъ, она долго не могла подняться съ пола и лежала, прислонясь щекой къ ступенямъ аналоя.

Но Симонетта глядѣла на нее взоромъ, полнымъ затаеннаго страха и горя и нѣжности, ибо прекрасная госпожа своей кроткой прелестью сразу приковала къ себѣ ея сердце прочіе желѣзныхъ цѣпей. Смотрѣла и ждала. И съ закатомъ солнца опять леденящая струя смерти коснулась монны Пиа и невѣдомая сила охватила ея существо, и она уже не принадлежала себѣ.

Съ этихъ поръ дни ея пошли въ ожиданіи часовъ заката; и знала монна Пиа, что ничто не измѣнитъ велѣнія судьбы, и какъ только кровавые лучи солнца упадутъ на мраморную статую Мадонны въ углу, такъ придетъ что-то невѣдомое и властное, и безпощадное и станетъ предавать ее то терзанію ледяного холода, то мукѣ пламени, какъ бы дыханія изъ геенны, доходящаго до нея.

Съ каждымъ днемъ исчезали силы монны Пии, одежды спадали съ ея похудѣвшаго тѣла. Не могли бы уже теперь трубадуры сравнивать ее съ сладчайшею алою розой, но развѣ надломленной лиліей назвали бы ее, если бы видѣли теперь.

Тщетно молила она Святую Дѣву сократить ея муки и повторяла молитву святого Франциска:

— Братъ мой огонь! Изъ всѣхъ вещей, на красоту имѣющихъ право, создалъ тебя Господь прекраснымъ, полезнымъ и сильнымъ. Братъ мой огонь! Будь милостивъ ко мнѣ въ этотъ часъ, будь моимъ другомъ; ибо сердце мое всегда любило тебя. Пусть Господь, создавшій тебя, смягчитъ твою силу до кроткаго тепла, чтобъ мнѣ возможно было переносить ее, братъ мой огонь!

Но съ каждымъ днемъ сильнѣе были потрясавшія ея тѣло мученія, и странныя видѣнія представлялись ей.

Видѣлся ей небесный городъ, окруженный четырехугольною стѣною, съ тремя воротами, блистающими золотомъ, жемчугами и дра-

гоцѣнными каменьями. Ангелы съ огненными мечами стерегли его. Дома въ немъ были изъ бѣлаго мрамора, украшеннаго лазурью и золотомъ. Улицы же мощены были золотомъ, серебромъ и хрусталемъ. И текла тамъ рѣка въ зеленыхъ берегахъ, обруженная деревьями и цвѣтами, испускавшими сладостное благоуханіе. Птицы пѣли тамъ, и пѣніе ихъ смѣшивалось со звуками виоля, лютней и свирѣлей; и ангелы въ розовыхъ вѣнкахъ, держась за руки, водили хоры и пѣли. Она приближалась къ рѣкѣ, чтобы испить изъ нея, ибо кто пьетъ изъ этой рѣки, тотъ не знаетъ болѣзни и смерти,—но тутъ все темнѣло передъ нею, огненные мечи поднимались надъ нею, и окружала ее мрачная бездна, гдѣ пахло смолой и сѣрой, и рѣки огня и лавы текли, огибая бездну ядовитыми потоками, а около нихъ росли терніи и колючія какъ мечи растенія. Змѣи шипѣли кругомъ, вставая и вытягиваясь на хвостахъ. А ее хватали, тащили куда-то и съ ликованіемъ демоны кричали:

— Въ огонь! Въ огонь!

И она металась, пожираемая неугасимымъ пламенемъ, пока блѣдная луна не заглядывала въ окно башни и не выводила ее изъ страшнаго сна.

И такъ шли дни.

Отъ супруга ея не было извѣстій. Тщетно она молила суроваго капеллана передать синьору Паннокіески просьбу прійхать, выслушать ея оправданія, позволить ей вернуться въ родной городъ, чтобы хоть умереть тамъ, вдали отравленныхъ чумнымъ дыханіемъ горячки Мареммъ. Онъ оставался непоколебимъ, и отвѣчалъ ей только, что она должна сносить испытанія съ кротостью, и что супругъ ея знаетъ, какъ поступать.

Въ одинъ день, утромъ, еще изнеможенная, монна Піа вышла на балконъ освѣжиться послѣ мучительной ночи, пославъ Симонетту за питьемъ себѣ. И что же представилось ея глазамъ? Въ отдаленіи, за воротами замка, на отлогой, едва холмившейся равнинѣ, стоялъ всадникъ на бѣломъ конѣ и жадно смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ она находилась. Монна Піа взглянула—и узнала прекраснаго Агостино Гизи.

Любовь научила его какъ узнать, гдѣ монна Піа.

Съ помощью шута Пасерелло, подкупившаго одного изъ всадниковъ, сопровождавшихъ синьора Паннокіески, малаго молодого и влюбленнаго, которому поэтому важенъ былъ лишній дукатъ, чтобы купить лентъ для своей красотки, онъ выведалъ, куда отвезли монну Піу. И хотя ничего не могъ бы сдѣлать синьоръ Агостино для своей

возлюбленной, но и Мареммы не пугали его, и каждое утро онъ при-
ѣзжалъ на своемъ лихомъ скакунѣ и ждалъ, не увидить ли мон-
ну Пиа.

Увидалъ онъ ее— и сразу не узналъ бы, если бы не прежніе глаза
и волосы прекрасной монны Пиа. Черезъ большое разстояніе теперь
они могли переговариваться только глазами. И сказали другъ другу
то же, что тогда въ соборѣ. Но только теперь монна Пиа сказала ему
взглядомъ:

— Я умираю!

А сеньоръ Агостино, заливаясь слезами, отвѣтилъ:

— Какъ я васъ жалю, мадонна!...

Долго смотрѣли они другъ на друга, и сеньоръ Агостино прости-
ралъ руки къ ней. Она же подняла руку и указала ему на небо. И
скрылась, чтобы больше не выйти.

Вернувшись въ свои покои, долго сидѣла монна Пиа, вся дрожа-
щая, уронивъ голову на руку, въ своемъ большомъ креслѣ, и тщетно
старалась найти слова для молитвы.

Въ это время чьи-то нѣжныя руки тихо коснулись ея, и чу-
десный аромат разлился вокругъ.

Вдрогнула монна Пиа, взглянула и увидала, что въ простотѣ
своей Симонетта, чтобы утѣшить свою госпожу, принесла ей са-
мое драгоценное, что у нея было: кустъ лиліи, который вырастила
съ великой заботой, и курильницу съ эмиамомъ, которую когда-то
принесъ ей странникъ изъ Святой Земли. Все это она берегла,
чтобы въ день, когда ей минеть шестнадцать лѣтъ, принести въ
даръ Святой Дѣвѣ, но такъ велика была любовь ея къ госпожѣ,
что она отдала ей свои сокровища и сказала:

— Вотъ, что у меня было дорогого, я дарю вамъ, мадонна.

— Сегодня прекрасный день для меня!—отвѣтила монна Пиа,
и слабая улыбка освѣтила черты ея, неземная тѣнь той улыбки,
которую воспѣвала вся Сиенна такъ недавно. И въ душѣ своей
сказала себѣ:

«Сегодня прекрасный день! Взглядъ любви, даръ нѣжной дружбы
и бѣлыя лиліи... О, спокойная сестра моя—смерть!... Сейчасъ я
встрѣчу тебя съ радостью».

И безропотно отдалась монна Пиа подкравшейся къ ней холод-
ной лихорадкѣ.

Но въ этотъ день видѣніе слетѣло къ ней иное, чѣмъ всегда.

Когда уже болѣе она не владѣла собой и не могла творить мо-
литву, и лежала пылающая на своемъ ложѣ,—не муки ада предста-
вились ей: иное пламя охватило ее, жгучее дыханіе любви обвѣяло

ее всю, и громко призывала она имя, не бывшее именемъ ея супруга, и говорила такія рѣчи любви и ласки, какихъ нанву никогда не произносили уста ея, и простирала горячія объятія въ истомѣ, и смѣялась тихимъ смѣхомъ блаженства.

Такъ что старая бабка Симонетты, пришедшая было помочь внучкѣ ходить за госпожей, такъ какъ у Симонетты едва хватало силы удерживать монну Піу на ложѣ и не давать ей бѣжать куда-то, испугалась и ушла; и долго рассказывали потомъ между челядью, что старая Белпа сама видѣла, какъ огненный драконъ влетѣлъ черезъ каминъ въ опочивальню ихъ госпожи—и съ нимъ она вела любовныя рѣчи.

Когда огонь горячки оставилъ наконецъ монну Піу, она какъ бы заснула. Долго утромъ Симонетта не смѣла будить ее; и солнце уже высоко стояло на небѣ, когда она окликнула ее. Монна Піа не отвѣчала и не пошевелилась. Душа ея отлетѣла, счастливая и готовая подняться къ звѣздамъ.

На другой день синьоръ Агостино увидалъ монну Піу, когда гробъ съ тѣломъ вынесли изъ воротъ замка, чтобы торжественно отвезти въ Сиенну въ семейный склепъ. Немногимъ блѣднѣе была монна Піа, чѣмъ когда онъ видѣлъ ее послѣдній разъ, стоящею на балконѣ.

И въ первый, и послѣдній разъ онъ коснулся устами чела ея, и взялъ бѣлую лилію съ ея груди, поклявшись, что ни другихъ поцѣлуевъ, ни другихъ цвѣтовъ знать не будетъ,—и уѣхалъ, и въ скорости постригся въ монахи, и кончилъ дни свои весьма святымъ челоуѣкомъ.

Синьоръ же Нелло Панновіески взялъ себѣ въ жены молоденькую красавицу Чангеллу изъ дома Буонкомпаньи.

Т. Щепкина-Куперникъ.

Бто на волѣ? Бто въ плѣну?
Бто своей судьбою править?
Бто чужую волю славить,
Цѣпь куя звено къ звену?

Бто рабы и кто владыки?
Бто наемникъ? Бто творецъ?
Покажите, наконецъ,
Снявъ личины, ваши лики.

Но, какъ прежде, все темно.
Въ душныхъ весяхъ и въ пустынѣ
Мы нѣмотствуемъ и нынѣ,
Цѣпь куя къ звену звено.

Нѣтъ великаго Владыки.
Празденъ тронъ и нѣмъ дворецъ.
Опечаленный творецъ
Далъ личины, отнялъ лики.

Федоръ Сологубъ.

РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМѢ.

1839—1894.

Уолтеръ Патеръ писатель совершенно неизвѣстный въ Россіи. Насколько помнится, былъ переведенъ до сихъ поръ лишь одинъ небольшой очеркъ изъ его книги о Ренессансѣ («Боттичелли» — въ журналѣ *Новый Путь*.) Немногимъ, быть можетъ, знакомо еще признаніе Оскара Уайльда, который однажды сказалъ, что Патеръ былъ единственнымъ современнымъ писателемъ, оказавшимъ на него вліяніе. Слова Уайльда заставляютъ вспомнить одну литературную эпоху, теперь уже прошлую и окончательно, такъ сказать, ликвидированную, — англійскій эстетизмъ 70—80-ыхъ годовъ. Было дѣйствительно время, когда молодой оксфордскій профессоръ Патеръ стоялъ какъ бы въ центрѣ этого движенія. Въ 1873 году вышла книга его о Ренессансѣ, и въ ней восторженные поклонники прерафаэлитовъ, Россетти и Свинберна, хотѣли видѣть литературное выраженіе своихъ эстетическихъ стремленій. Книга выдержала много изданій; культъ Боттичелли и Леонардо, распространявшійся тогда еще только въ избранныхъ кружкахъ, былъ созданъ отчасти ею. Въ публикѣ говорили, что появилась новая «эстетическая школа» и что «Заключеніе», написанное Патеромъ, это и есть манифестъ новыхъ эстетовъ. Кто-то написалъ даже пародію, гдѣ оксфордскій профессоръ былъ представленъ какъ смѣшной, салонный *arbiter elegantiarum*. Слѣдъ такихъ литературно-свѣтскихъ буръ остается надолго, репутаціи, данныя съ завязанными глазами, держатся наиболее прочно. Патеръ былъ записанъ въ отцы эстетизма, его книга о Ренессансѣ и «Воображаемые портреты», переведенныя на французскій и нѣмецкій языки, вошли въ основной каталогъ эстета, наравнѣ съ Гюисмансомъ и Уайльдомъ; такіе эпигоны движенія, какъ Артуръ Симонсъ, продолжаютъ упорно считать его «своимъ» и тѣмъ способствуютъ его забвенію.

Но Патеръ не долженъ быть забытъ. Онъ не можетъ быть забытъ, ибо вовсе не былъ связанъ съ какимъ-нибудь преходящимъ литературнымъ направленіемъ. То, что произошло въ данномъ случаѣ съ эстетизмомъ, было лишь минутнымъ совпаденіемъ. Дороги Патера и Уайльда пересѣкались въ одной точкѣ и сейчасъ же разошлись въ разныя стороны;

правда, онъ встрѣтились еще разъ, но это уже тамъ, куда рано или поздно приходятъ всѣ люди большого сердца, чтобы услышать свое De profundis. Едва ли надо было бы говорить здѣсь о Патерѣ, если бы значеніе его исчерпывалось прикосновенностью къ английскому эстетизму, къ этому блестящему и внутренне-холодному и страшно чужому для насъ излому древней культуры. Нѣчто неизгѣримо большее видится намъ въ этомъ печальномъ, одинокомъ и сдержанномъ писателѣ, — какой-то цѣльный и благородный душевный типъ, можетъ быть вышшее и совершеннѣйшее воплощеніе западной души за много лѣтъ. Патера нельзя отнести къ переходящему моменту литературной жизни уже потому, что онъ почти не жилъ въ настоящемъ. Его мысли всегда обращены въ прошлое, и это прошлое для него не художественная мода, не предметъ научныхъ экскурсій, не красивая обстановка, въ которой такъ пріятно чувствовать себя эстетамъ. Патеръ не изучалъ и не «гутировалъ», онъ просто жилъ въ прошломъ, и оно было для него дѣйствительностью болѣе реальной, чѣмъ настоящее. Онъ былъ очень одинокъ въ жизни и потому могъ называть Платона своимъ учителемъ-другомъ и могъ слышать Дантэ, Паскаля и Тонаса Брауна, какъ интимно-близкихъ и дорогихъ людей.

Ибо странное чувство общности, синтеза было доступно Патеру; ходъ тысячелѣтій, длительное видѣніе міра было открыто ему въ простыхъ, великихъ линіяхъ. Въ статьѣ о Меримэ онъ говоритъ объ этомъ чувствѣ «большихъ пропорцій во всемъ», которое позволяетъ видѣть «всеобъемлющее зрѣлище жизни отъ начала до конца во времени и пространствѣ» и которое доходило до своего крайняго предѣла у тѣхъ, кто смотрѣлъ когда-то на міръ «съ башни средневѣкового собора». Съ особеннымъ, своеобразно-равнымъ вниманіемъ всматривался Патеръ въ творчество греческихъ скульпторовъ и Вордсворта, Леонардо и Меримэ, Кольриджа и Луки дельда Роббіа. Что же искалъ онъ пылливо въ «душевномъ внутреннемъ строѣ» этихъ людей, безконечно разныхъ, раздѣленныхъ столѣтіями духовной жизни? Онъ искалъ въ нихъ волненія своей жизни, загадки своего бытія, переживанія отвѣтныхъ своимъ переживаніямъ. Короче, онъ искалъ въ нихъ себя, потому что, какъ сказано имъ, «стремленіе къ самовозраженію, это и есть истинная причина всякаго вообще творчества, лишь скрытая иногда подъ другими внѣшними побужденіями».

Патеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ трудно узнать. Нѣтъ одного, центрального произведенія, гдѣ бы высказался онъ цѣликомъ, какъ художникъ и мыслитель. Такихъ писателей надо искать на всѣхъ написанныхъ ими страницахъ, во всѣхъ статьяхъ и замѣткахъ, можетъ быть и въ письмахъ. Важнѣйшія признанія, прекраснѣйшіе образы, священнѣйшія движенія души встрѣчаются у нихъ такъ неожиданно, будто случайно, непримѣтно. Такіе писатели «склада Монтаня», какъ говорилъ Патеръ, требуютъ долгаго и внимательнаго общенія; они легко забываются близкими, но ихъ слова, разсѣянные и укрытыя отъ бѣлаго взгляда, живутъ долго, зрѣютъ и ждутъ будущей жатвы.

То, что писалъ Патеръ, можно назвать по большей части художественной критикой. Но значеніе этихъ словъ не будетъ обычно. Патера никогда не занималъ объективный анализъ творчества, его не привлекали исчерпывающія критическія оцѣнки; онъ не стремился провѣрить прежнія репутаціи или установить новыя; схемы культурной и литературной эволюціи мало интересовали его. Въ одной изъ статей Патеръ самъ указалъ на смыслъ того, что онъ дѣлалъ, называя это «творческой критикой». — «Эта критическая работа сама по себѣ уже есть созиданіе и творчество, когда проникаетъ она съвязь данное литературное или художественное произведеніе до внутренняго душевнаго строя, въ которомъ оно могло сложиться». Герой его неоконченнаго романа, Гастонъ де Латуръ понималъ поэзію Ронсара, «самъ раскрывая въ полномъ объемѣ первоначальный замыселъ поэта». Въ этой работѣ *возсозданія души* по даннымъ ею всегда неполнымъ и несовершеннымъ проявленіямъ божескаго дара, заключается истинный смыслъ «творческой критики» Патера.

Но это творчество всегда остается вторичнымъ, отраженнымъ; оно нуждается въ опредѣленномъ мотивѣ. Такимъ остался Патеръ и въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Такъ удачно нашелъ самъ онъ имя, — «Воображаемые портреты». Правда, у него есть еще и романы, «Эпикурецъ Маріи» и «Гастонъ де Латуръ», но эти романы въ сущности тѣ же «Воображаемые портреты» или рядъ портретовъ. Есть неподвижность, безжизненность всегда въ этихъ изображеніяхъ; не люди, но только живопись и живопись блѣдная, фресковая, угашенная. «Воображаемые портреты» написаны всегда по какому-нибудь намеку исторіи или искусства. Такимъ образомъ, по внѣшности, это историческія фантазіи, и эпоха, окруженіе, всегда написано въ нихъ вѣрно, бережно и любовно. Но никогда это не главное, и никогда Патеръ не искалъ предлога, чтобы написать красивую внѣшность жизни, никогда не низводилъ онъ свое творчество до холодной эстетической игры костюмами, стильными предметами, историческими позами. Его живопись, это прежде всего живопись идей; въ его портретахъ, какъ въ портретахъ стариннаго честнаго времени, главное въ самомъ лицѣ, которое живетъ въ тишинѣ, безмолвное и неподвижное, сгущенной въ сто кратъ внутренней жизнью. Но чье лицо, всегда одно, всегда вопрошающее, усталое и печальное мнится намъ въ каждомъ изъ этихъ блѣдныхъ лицъ, всегда овѣянныхъ дыханіемъ смерти? И въ портретѣ больного Ватто, и въ обреченномъ мыслямъ молодомъ Ванъ-Сторкѣ, и въ Эмерольдѣ Утвортѣ, надъ которымъ тяготѣетъ темный рокъ, и въ безумномъ монахѣ, встрѣтившемъ золотокудраго Аполлона среди полей Пикардій, и въ этомъ Эпикурейцѣ Маріи, который услышалъ однажды въ Сабинскихъ горахъ голосъ всевышняго Бога, какъ не узнать тебя, писатель, твою любовь къ прекрасному въ этомъ мірѣ, твою боль тайною смерти?

Только одинъ изъ всѣхъ «воображаемыхъ портретовъ» посвященъ современности; тотъ, гдѣ есть сильныя автобіографическія черты, гдѣ, раз-

сказывая о жизни «Ребенка въ домѣ», Патеръ рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ, о пробужденіи своего сознанія. Въ тихомъ полудеревенскомъ англійскомъ домѣ, за высокими стѣнами сада живетъ ребенокъ, и изъ широкаго окружающаго міра льются ему въ душу два потока впечатлѣній,— «чувство прекраснаго и чувство страданія». Въ старомъ домѣ сложился его внутренній міръ изъ неуволнивыхъ мимолетныхъ опытовъ чувства и мысли. И онъ увезъ съ собой изъ стараго дома и навсегда сохранилъ желаніе красоты и страхъ смерти, который былъ еще сильнѣе отъ его любви къ красотѣ. Есть удивительное постоянство, какая-то странная, старинная прямота въ душевныхъ переживаніяхъ Патера. Стоитъ только прислушаться, чтобы услышать во всемъ когда-либо написанномъ имъ одинъ націвъ и ритмъ, одну щемяще-грустную мелодію.

«Такъ счастливо былъ онъ одаренъ для принятія радостей чувственаго міра,—говоритъ Патеръ въ одномъ изъ своихъ «портретовъ». Онъ могъ бы сказать это о самомъ себѣ. Сколько примѣровъ утонченной, звенящей воспримчивости разсыяно въ его произведеніяхъ! Въ душѣ писателя точно серебряныя струны и есть прикосновенія вещей и силы искусства, отъ которыхъ такъ нѣжно и печально запѣваютъ онѣ. И въ словахъ тогда запечатлѣны образы чистаго и высокаго художества. «Только въ Италіи,—говоритъ онъ,—все кажется сотканнымъ изъ золотыхъ нитей, все, даже кипарисы, скрывающіе золото въ темной своей зелени. И венеціанскіе мастера золотой пряжей работали, золотой пылью»... Но такъ мимолетны эти прикосновенія: «внезапный лучъ свѣта преобразуетъ самыя простыя вещи, флаюгарку на крышѣ, вѣтряную мельницу, цѣль вѣятеля, пыль въ открытой двери житницы,—минута, и все исчезло, потому что было это чистымъ видѣніемъ; но еще осталась жалость объ этомъ, и хочется ждать, что это опять случится». Вотъ почему надо чувствовать тонко и сильно, такъ, какъ Вордсвортъ, котораго впечатлялъ «цвѣтокъ и его тѣнь на камнѣ, крикъ кукушки и его эхо».

Но, «къ желанію красоты рано примѣшался страхъ смерти», который «никогда впоследствии не покидалъ его». Нѣтъ ничего написаннаго Патеромъ, гдѣ бы не «вѣяло дыханіемъ могилы», гдѣ бы не рисовался страшный образъ «со стиснутымъ подбородкомъ, со странной улыбкой, съ прямыми сухими ногами». Герцогъ Карлъ Розенмольдъ, нѣмецкій Аполлонъ, богоподобный юноша, пришедшій «точно съ кубкомъ въ рукахъ на пиръ жизни», слышитъ доходящій до него отовсюду «скрежетъ зауповищаго звона». И онъ бѣжитъ, «точно не просто отъ смерти, но отъ убійства» и «врагъ преслѣдуетъ его по пятамъ». Тѣнь смерти, отъ которой «сѣрѣетъ тѣло и цвѣты становятся увядшими», заставляетъ Патера любить Боттичелли. Вѣдь всѣ великіе флорентійцы «были поглощены мыслью о смерти. *Outre tombe! Outre tombe!*—въ этомъ бремя ихъ дней, отъ Данте до Саванаролы»... Старинный англійскій писатель, сэръ Томасъ Браунъ влечетъ къ себѣ Патера, ибо въ его «Письмѣ къ другу» такъ сильно выражено «глубокое чувство почти физической красоты умранія». «Безко-

вечное будущее,—писалъ Томасъ Браунъ, «вливается въ жизнь примѣтно взору, какъ океанъ, который входитъ далеко внутрь страны, подымаясь по рѣжѣ волной прилива». И потому такъ дорогъ для Патера этотъ «ангійскій Монтанъ», старинный авторъ «Religio Medici» и «Трактата о сожиганіи умершихъ», что нигдѣ ярче него не выражено «вопрошающее благоговѣніе на порогѣ иной жизни».

Въ настойчивыхъ вопрошаніяхъ на порогѣ тайны, «въ сомнѣніяхъ о послѣднемъ выводѣ судьбы человѣка, о согласіи между жизнью и смертью» смыслъ внутренней трагедіи Патера. Такъ мирно, безъ всякихъ внѣшнихъ событій протекала его жизнь. Но лицо его стало блѣднымъ, и въ походкѣ, по словамъ тѣхъ, кто зналъ его въ послѣдніе годы, было замѣтно «полубезсознательное страданіе». Его усталая вѣжливость, эта скрытая душевная боль, не была ли она результатомъ остроты переживаній, той «aigreur», которая по мнѣнію Патера была прирождена Паскалю? И развѣ случайно, что именно Паскалю, именно этому величайшему искателю и страдальцу отдавъ Патеръ мысли и труды послѣднихъ своихъ дней?

Въ статьѣ о Паскалѣ, неоконченной, такъ какъ была она прервана смертью писателя, есть особенный трепетъ, особенная напряженность. Проникая въ трагедію Паскаля, Патеръ послѣдній разъ пріоткрылъ себя, свою трагедію. Вѣдь и Паскалю нѣкогда, «какъ другому юношѣ, котораго возлюбилъ Исусъ, не было недостатка ни въ чемъ, что бы могло сдѣлать для него міръ любовью и радостью»... Но онъ отвернулся отъ міра, ибо искалъ Бога, который отъ міра сокрытъ,—*Deus absconditus*. «Въ мысляхъ Паскаля есть постоянная напряженность, какъ бы вѣчное бодрствованіе, душевная бессонница»... Что же слышалъ онъ въ часы бодрствованія?—*«Le Silence éternel de ces espaces infinis m'effraie»*.

Бываютъ странныя предчувствія... «Ребенокъ въ домѣ» узналъ о смерти своего отца въ далекой Индіи, когда раздались «рыданія на лѣстницѣ, такъ горько откликнувшіяся по всему дому и навсегда вѣзавшіяся ему въ душу». Или вотъ строки изъ «портрета» Ватто.—«Жанъ-Батистъ вернулся внезапно. Я услышала его страшные шаги на лѣстницѣ»... «онъ рассказалъ намъ все. Антуанъ Ватто скончался неожиданно на рукахъ г. Жерсента въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней».

Въ 1893 году Патеръ вернулся въ Оксфордъ, гдѣ жилъ когда-то двадцать семь лѣтъ подъ рядъ. Слѣдующимъ лѣтомъ онъ былъ первый разъ въ жизни серьезно боленъ. Однако поправился и снова работалъ надъ «Паскалемъ». Утромъ 30 іюля онъ вышелъ изъ комнаты и сталъ спускаться по лѣстницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ его нашли тамъ, лежащимъ безъ признаковъ жизни. Онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Послѣднее знаніе, отвѣтъ на «послѣднее любопытство» его, скрытъ отъ насъ. Но вотъ передъ нами книги Патера, и въ нихъ надежда и возвышающая вѣра. Въ этой монашески-чистой, близкой къ прозрачнымъ источникамъ древней мудрости жизни слышится обѣщаніе Вѣчнаго Воз-

рожденія. «Миръ полонъ душъ» и всегда могутъ быть зачаты въ немъ греческіе боги. Вѣчную юность хранять и остатки средневѣковыхъ монастырей и развалины античныхъ храмовъ. «Все, что нѣкогда волновало людей, не можетъ совсѣмъ умереть,—языкъ, какимъ они говорили, орacula, передъ которыми смолкали ихъ голоса, сны, однажды посѣтившіе ихъ воображеніе,—все, чего они нѣкогда страстно желали, чему отдавали свои дни и жаръ своихъ душъ». И оттого каждое произведеніе возсоздающаго искусства есть какъ бы «исполненіе Resurgamъ надъ пустымъ гробомъ» освобожденнаго отъ тлѣнія человѣчества.

П. Муратовъ.

Гуляя въ жаркій день, Флоріанъ Делиль встрѣтилъ бѣднаго старика и, такъ какъ показался онъ усталымъ отъ дороги, помогъ ему нести ношу часть разстоянія. И когда этотъ человѣкъ рассказывалъ о себѣ, то случилось, что онъ назвалъ мѣстность, маленькій поселокъ вблизи отъ большого города, гдѣ Флоріанъ прожилъ свои дѣтскіе годы, но гдѣ онъ больше никогда не бывалъ; и кончивъ рассказъ, онъ продолжалъ свой путь, утѣшенный. А ночью, точно въ благодарность за его милосердіе, явились Флоріану тѣ мѣста во снѣ, и сонъ этотъ замѣнилъ ему тончайшую работу памяти; съ величайшей отчетливостью представало передъ нимъ все прежнее, только было оно, какъ это часто бываетъ во снѣ, немного приподнято надъ дѣйствительностью и надъ простымъ воспоминаніемъ. Подлинный образъ тѣхъ мѣстъ, особенно же дома, въ которомъ жилъ онъ ребенкомъ,—видъ тѣхъ дверей, тѣхъ оконъ и печей, даже запахъ, какой былъ тамъ въ воздухѣ,—не побивалъ на нѣкоторое время его сонъ; но только были краски на стѣнахъ и на полу какъ-то гармоничнѣе, только особенныя, болѣе нѣжные отсвѣты и тѣни бѣжали по угламъ, по закругленіямъ комнатъ, и только казались изящнѣе скромныя рѣзныя украшенія. Онъ проснулся со вздохомъ при мысли о томъ, что почти тридцать лѣтъ легло между нимъ и тѣми мѣстами, но еще съ трепетомъ счастья отъ этого волшебнаго свѣта, который былъ тамъ на всемъ точно улыбка. И произошло такъ, что случайный сонъ былъ именно нуженъ ему, чтобы исполнить одинъ намѣченный замыселъ: замѣтки о нѣкоторыхъ вещахъ изъ исторіи своей души,—изъ того хода внутренняго сложенія, которымъ каждый изъ насъ становится постепенно самимъ собой. Съ этимъ видѣніемъ, такимъ ласковымъ для него и свѣтлымъ, сталъ думать онъ о себѣ, какимъ былъ тогда, и какъ росло тамъ его сознаніе. Лучше всего могъ онъ прослѣдить постепенное развитіе души въ этомъ полуодухотворенномъ домѣ, гдѣ суждено было ей жить, который поистинѣ сдѣлался ея неотъемлемой

частью, по тому закону, что окружающіе предметы входят такимъ важнымъ слагаемымъ въ дѣтскую жизнь. Внѣшнее и внутреннее сплетается въ ней въ одну неразъединимую ткань, — наполовину это отѣнки, черты и особенности домашнихъ красокъ и формъ, дерева и кирпича, наполовину же, чистая душевная пряжа, которая приходитъ Богъ знаетъ откуда. Въ этомъ снѣ своемъ онъ видѣлъ домъ, садъ и ребенка, который тамъ жилъ, и такъ онъ отгадывалъ, по крайней мѣрѣ, главные теченія вѣтровъ, игравшихъ имъ нѣкогда, такъ познавалъ онъ первый этапъ своего духовнаго путешествія.

«Старый домъ», какъ всегда называлъ его Флоріанъ, говоря о немъ впоследствии (такъ дѣлаютъ всѣ дѣти, которыя помнятъ переездъ достаточно рано, но не слишкомъ рано для того, чтобы это отмигло цѣлый періодъ въ ихъ жизни), былъ дѣйствительно стариннымъ домомъ. Французское происхожденіе его обитателей, — отъ Ватто, стариннаго придворнаго художника, чья кокетливая картина еще висѣла тогда въ одной изъ комнатъ, — могло объяснить то изящество и ту красивую бѣлизну, которая тамъ во всемъ преобладала; бѣлы были занавѣси, диваны, бѣлой была окраска стѣнъ, и такъ нѣжно играли на ней перемѣны свѣта и тѣни. Тѣмъ же можно было объяснить и снисхожденіе къ высокому тополю въ саду, дереву по большей части презираемому англичанами, но которое любятъ французы, замѣтившіе особенную свѣжесть въ шорохѣ его листьевъ при вѣтрѣ; малѣйшее колебаніе воздуха заставляетъ ихъ журчать, какъ текущія воды.

Низкая, по старой модѣ, деревянная обшивка обходила вокругъ всѣхъ комнатъ и шла вверхъ по лѣстницѣ съ рѣзными перилами и темными углами; на серединѣ лѣстница приводила къ большому огню съ гнѣздомъ ласточекъ подъ карнизомъ; старая груша въ цвѣту виднѣлась сквозь него въ концѣ апрѣля на фонѣ лазури, а подъ ней такъ свѣжъ и душистъ бывалъ сокъ упавшихъ плодовъ каждую осень. На слѣдующемъ поворотѣ стоялъ шкафъ, и на глубокихъ его полкахъ хранился лучшій фарфоръ. Маленькія ангельскія головки выступали вокругъ камина въ дѣтской. А на самомъ верху дома, надъ чердакомъ, гдѣ бѣгали въ сумеркахъ бѣлыя мыши, гдѣ была неизвѣстная, безконечная страна чудесъ и дѣтскихъ соборовъ, всякихъ стеклянныхъ бусинокъ, все еще душистыхъ флаконовъ отъ духовъ, обрывковъ цвѣтнаго шелка и другого хлама, — надъ всѣмъ этимъ была обнесенная рѣшеткой площадка на крышѣ, откуда открывался видъ на далекія колокольни. Ибо домъ, какъ я уже сказалъ, находился вблизи отъ большого города, откуда часто подымались надъ вьющимися флюгарками гряды влгубящихся облакъ и дыма,

тронуты солнцемъ или грозой. Но ребенокъ, о которомъ я пишу, даже любилъ туманъ изъ-за розоваго оттѣнка, который ложился отъ него на трубы, изъ-за бѣлыхъ лучей, которые лились сквозь него въ лѣтнее утро на вышку и на мостовую внизу. Ибо ошибочно предполагать, что чувство прекраснаго у дѣтей зависитъ отъ изысканности, отъ особеннаго подбора вещей, которыя они видятъ, хотя это можетъ быть и вѣрно для большинства изъ насъ въ позднѣйшіе годы; вначалѣ мы всѣ до извѣстной степени смотримъ еще внутрь себя, и ребенокъ съ безпредѣльнымъ наслажденіемъ находитъ различные оттѣнки своего чувства и въ тѣхъ бѣлыхъ и розоватыхъ отсвѣтахъ, которые ложатся сквозь дымъ на обыкновенныя домашнія постройки и въ золотѣ одуванчиковъ, растущихъ у самыхъ стѣнъ, гдѣ все истоптано, если нѣтъ лучшихъ помощниковъ въ его поискахъ красоты.

И такъ стоялъ этотъ домъ недалеко отъ тумановъ и рокотовъ большого города, среди высокихъ садовыхъ стѣнъ, которыя одѣвались каждое лѣто золотнемъ и золотыми и темными желтофіюлями, — *Flos parietis*, какъ училъ ребенка называть ихъ его знавшій по-латыни отецъ, когда онъ былъ еще съ нимъ. Часто потомъ Флоріанъ возстановлялъ основу своего усложненнаго жизнью душевнаго склада и часто думалъ, что тому дому онъ обязанъ многими тонами чувства, столь обычными для него впоследствии, тѣмъ особеннымъ освѣщеніемъ, въ которомъ вещи наиболѣе естественно ему представлялись. Путники на дорогѣ идущіе въ городъ или изъ города, тѣни на улицахъ, внезапное дыханіе сосѣднихъ садовъ, особенная праздничность хорошихъ дней и особенное уныніе непогоды, которое соединялось въ его представленіи съ нѣкоторыми гравюрами большой семейной Библии; прохлада темныхъ, похожихъ на пещеры лавовъ вокругъ высокой церкви и тѣ головокружительныя, винтовыя лѣстницы, которыя уходили вверхъ, къ колоколамъ и голубямъ, — цитадель мира въ царствѣ суеты, — все это дѣйствовало на дѣтское воображеніе, и позже всякій разъ такія картины и такіе эпизоды повергали его въ давно знакомую задумчивость, которая и стала будто необходимой частью его душевной ткани. Отсюда также могъ Флоріанъ прослѣдить и свою постоянную склонность къ особому роду порядочности и благородства, къ «достоинству», говоря буквально, въ жизненномъ обиходѣ, связанному въ его представленіи съ блѣдными обитателями городовъ; это чувство сдѣлало его подверженнымъ какому-то совершенному удовлетворенію при видѣ изящества и строго-обдуманной красоты нѣкоторыхъ вещей и нѣкоторыхъ людей, съ какими онъ впоследствии встрѣтился на путяхъ своей жизни.

Такъ ребенокъ, о которомъ я пишу, жилъ тамъ тихо; такъ слу-

жилъ ему мѣръ вещей, когда онъ сидѣлъ каждый день у окна, гдѣ висѣла клѣтка съ птицей, и мать учила его читать, удивляясь легкости, съ какой онъ учился и живости его памяти. Благоуханіе маленькихъ цвѣтиковъ липы сѣялось на нихъ сквозъ воздухъ, какъ дождь, и казалось, что все медленнѣе и медленнѣе движется время, сливаясь съ жужжаніемъ пчелъ, и, наконецъ, оно почти останавливалось послѣ юньскаго полдня. Какъ незначительны кажутся намъ сейчасъ впечатлѣнія отъ вещей, которыя насъ окружали, насъ касались, мимо насъ мельгали въ дни ранняго дѣтства. Какъ неизгладимо, открываемъ мы послѣ, поразили они насъ; въ какихъ капризныхъ и плѣнительныхъ сочетаніяхъ запечатлѣлись они на бѣлой бумагѣ, на гладкомъ воскѣ нашихъ незапятнанныхъ душъ, точно «въ скалѣ свинець навѣки», облекая въ формы и въ образы первые опыты чувства и мысли, которымъ точно особый уголъ отведенъ въ нашей памяти, которые не разстаются съ нами больше никогда, всегда тѣ же, всегда неизмѣнные.

Дѣйствительность, страсти, отголоски великаго внѣшняго міра прображдаются къ намъ своими отдѣльными тропинками сквозъ окружающую насъ стѣну привычнаго; но никогда впослѣдствіи нельзя ихъ отдѣлить отъ той случайности, того происшествія, тѣхъ подробностей, которыми отмѣчено ихъ первое вхожденіе въ насъ. Наши воспріятія, раскрытіе нашихъ силъ, наши многократныя испытанія, — напримѣръ, различныя испытанія того, какъ является и проходить физическая боль, — принадлежать тому или иному, хорошо памятному уголку матеріальнаго нашего жилища; той маленькой, бѣлой комнаткѣ съ окномъ, въ которое такъ мучительно бьются тяжелые цвѣты, сорванные съ дерева бурей, такъ же трепетно, такъ же порывисто и съ тѣмъ же щемящимъ чувствомъ, какое было тогда въ то скливающее утро. И первое наше жилище становится постепенно какъ бы вещественнымъ святилищемъ и ковчегомъ нашихъ чувствъ; рядъ видимыхъ символовъ входитъ во всѣ наши мысли и страсти; мимолетные образы, голоса, незначительныя происшествія, — наклонъ, подъ которымъ лучъ солнца падаетъ утромъ на дѣтскую подушку, — все это неизбѣжно дѣлается звеномъ въ той великой цѣпи, къ которой мы прикованы.

Отсюда прежде всего опредѣлилось для Флоріана особенно сильное чувство родного дома, — такое властное побужденіе для всѣхъ насъ, заставляющее насъ еще больше любить жизнь, еще больше бояться смерти и ненавидѣть ее, какъ что-то чужое, неизвѣданное и вражеское; хотя, кажется, еще горше для насъ пожизненное заключеніе или вѣчное изгнаніе. Заглянуть домой хоть на минутку передъ

вонцомъ, вотъ бѣдное ребяческое лакомство, «десертъ», вотъ величайшій источникъ усилій для пилигримовъ и путешественниковъ, для солдатъ въ отдаленныхъ странахъ; и если нѣтъ этой надежды, то какую силу утѣшенія пріобрѣтаетъ тогда мечта объ отдыхѣ на родномъ кладбищѣ, хотя бы только такъ,—рука объ руку въ ряду другихъ покойниковъ подъ проливными дождями, поящими землю!

Такъ могущественъ этотъ инстинктъ, и однако случайности вродѣ тѣхъ, о какихъ я говорилъ, такъ произвольно его опредѣляютъ; сущность его рано знакома намъ, являясь нашимъ идеаломъ или типическимъ понятіемъ уютности и отдыха. Изъ многихъ возможныхъ условій именно это для меня и какъ разъ то для другого составляетъ несомнѣнное осуществленіе дорогого «своего угла»; вотъ это для насъ, англичанъ, съ плотно сдвинутыми бѣлыми занавѣсями и лампой подъ абажуромъ, вотъ то, совсѣмъ другое, для кочующаго араба, который складываетъ каждое утро свою палатку или устраиваетъ ночлегъ среди обитаемыхъ призраками руинъ и въ древнихъ могилахъ.

Чувство родины у Флоріана сдѣлалось особенно острымъ, такъ какъ на его счастье самый характеръ того дома былъ такимъ глубоко роднымъ. Послѣ многихъ странствій я пришелъ къ заключенію, что нѣкоторыя части Бента и Серрея, это настоящая родина, родной ландшафтъ для англичанина,—землистая теплота желтоватыхъ песковъ подъ кустами терновника, голубоватая дымка, остающаяся послѣ дождя въ лощинахъ и между холмовъ,—это такъ ласкаетъ утомленный глазъ и никогда не встрѣчается дальше на югъ. Также думаю я, что домъ, подобный здѣсь описанному, съ точно тѣми же пропорціями зелени и краснаго кирпича, съ точно той же замѣтной монотонностью тихаго уклада и распорядка дней, выражаетъ, по крайней мѣрѣ, для англичанина, понятіе домашней жизни.

Такимъ образомъ общечеловѣческая черта была усилена у Флоріана особенно роднымъ характеромъ того мѣста, гдѣ суждено было однажды затеплиться его блуждающей душѣ и которое стало какъ бы вторичной ея оболочкой и земнымъ храмомъ. Чувство гармоніи между его душой и внѣшнимъ ея окружающимъ было для него подобно иногда совершенно исполненной музыкѣ, и жизнь, которая тамъ текла, казалась чудесно покойной и насыщенной страннымъ ощущеніемъ полноты. Любовь къ уютности, къ никѣмъ не оспариваемому клочку земли подъ ногами или мѣсту ночлега, значило многое въ происхожденіи и укрѣпленіи его сознанія, и она была впослѣдствіи спасительнымъ сдерживающимъ началомъ въ метаніяхъ его духа. Это пристальное обращеніе къ далекому дому, когда сгущались тѣни вечера

и когда онъ слѣдовалъ воображеніемъ за тѣмъ, что дѣлалось тамъ часъ за часомъ, объяснило ему многое въ тѣхъ исканіяхъ и сожалѣніяхъ неизвѣстно о чемъ, которыя онъ узналъ послѣ на странныхъ и одинокихъ путяхъ своихъ мыслей и чувствъ. И въ слезахъ пролитыхъ такъ далеко отъ дома было, казалось ему, подавленное предчувствіе того, чѣмъ будутъ его послѣднія слезы.

И сознание уютности не могло быть еще глубже, ибо миръ дѣтской души былъ одно съ миромъ его дома, мѣста «огражденнаго» и «запечатлѣннаго». Но и въ этотъ обереженный уголокъ и въ эту похожую на него душу ребенка вливались изъ широкаго окружающаго міра, точно въ окно оставленное невзначай полуоткрытымъ или черезъ высокую стѣну сада, два потока впечатлѣній: чувство красоты и чувство страданія; познаніе видимой, слышимой и осязаемой прелести вещей, какъ чего-то очень важнаго и захватывающаго, и рядомъ съ этимъ познаніе печали міра, которой не обойденъ никто, — взрослые, дѣти, животныя. Отсюда онъ могъ прослѣдить два главныхъ теченія въ своемъ духовномъ развитіи: ростъ почти болѣзненной чувствительности ко всякому виду страданія шелъ въ немъ наравнѣ съ быстрымъ раскрытіемъ способности подчиняться очарованію яркихъ красокъ и совершенныхъ формъ, — красивыя очертанія губъ, напимвръ, у людей, которые ему нравились, сочетались для него въ нѣжномъ созвучіи и съ тѣмъ, что они говорили или пѣли; въ немъ рано проснулась не совсѣмъ обычная воспримчивость, «соблазнь ока», какъ сказалъ Учитель, которая могла завести его однажды такъ далеко! Могъ ли онъ предвидѣть усталость на пути?

Иногда въ музыкѣ оба чувства являлись вмѣстѣ, и тогда къ удивленію старшихъ онъ плакалъ. Слезы радости тоже зналъ ребенокъ и тоже удивлялъ этимъ своихъ домашнихъ; одинъ разъ то были настоящія благодатныя слезы послѣ напряженнаго дѣтскаго ожиданія, когда онъ встрѣчалъ вечеромъ сестренку, возвращавшуюся съ новыми розами на щекахъ изъ поѣздки въ большой лѣсъ; она привезла ему всякія сокровища, упавшіе жолуди и черныя птичьи перья, и счастье видѣть ее опять съ собой мѣшалось всю ночь съ какимъ-то близкимъ ощущеніемъ того далекаго лѣса, шума вѣтра въ немъ, качанія вѣтокъ, босо летящихъ черныхъ скворцовъ и совершенно прекрасныхъ маленькихъ чашечекъ, которыя тамъ падаютъ. Такъ оба эти первичныя воспріятія, грусти и прелести вещей, вырастали въ немъ рука объ руку, и скоро впоследствии увидѣлъ онъ, какъ глубоко пустили они корни въ истокахъ его жизни.

Будетъ мнѣ позволено отмѣтить сперва нѣкоторыя подробности, сопровождавшія его знакомство съ началомъ страданія въ мирѣ, —

отдѣльные случайности, которыя внезапно будили въ немъ съ полной силой то чувство, какое Гёте называлъ *Weltsmerz* и въ которомъ вся сгущенная печаль жизни ложилась на него тяжкимъ бременемъ. Въ старинной этажеркѣ лежала книга, и онъ любилъ вспоминать одну картинку изъ нея,—женщина тамъ изображалась съ руками связанными назади, платье, шляпа, волосы ея были убраны съ простотой, которая странно трогала его, точно сдѣлано было это не ею самой, но чужими руками съ какимъ зловѣщимъ тщаніемъ,—королева Марія-Антуанета на пути къ казни, хорошо извѣстный рисунокъ Давида, задуманный лишь для того, чтобы сдѣлать ее смѣшной. Лицо, которое было нѣкогда такимъ высогомѣрнымъ, научилось быть нѣмымъ и покорнымъ, но во всей безответности своей оно зывало къ людямъ о милости, о сожалѣніи; и онъ запоминалъ это, закрывая книгу, какъ то, на что надо опять взглянуть, если придетъ къ нему искушеніе быть жестокимъ. И еще, никогда онъ не могъ позабыть мольбу въ маленькомъ личикѣ сестренки, тамъ въ саду, подъ сиренью, когда она испугалась паука, который взползъ ей на рукавъ. Отъ этого взгляда ея, замѣченнаго имъ тогда, могъ онъ прослѣдить состраданіе, какое послѣ всегда испытывалъ къ тѣмъ, кто боялся, хотя бы даже пустяковъ,—состраданіе, дѣлавшее его на моментъ способнымъ пожертвовать собой для другого. Нервные, впечатлительные люди, у которыхъ было свое горе, окружали его тогда; и своей воспримчивостью онъ былъ отчасти обязанъ ихъ молчаливому вліянію, укрѣплявшему въ немъ признаніе, что есть люди, которымъ назначено пройти жизненный путь какъ бы «неслышными шагами». Наболѣе ярко могъ онъ вспомнить и возстановить во всѣхъ мельчайшихъ и незабвенныхъ подробностяхъ рыданія на лѣстницѣ, такъ горько отгинувшіяся по всему дому и навсегда врѣзавшіяся въ его душу, одной старушки, сестры отца, которая пришла извѣстить о его смерти въ далекой Индіи. Онъ помнилъ, какъ показалось ему, что это сдѣлало старую женщину точно опять ребенкомъ, и какъ, неизвѣстно почему, эта мысль переполнила его сердце жалостью. И у безловесныхъ существъ, у животныхъ было тоже свое маленькое горе. Онъ помнилъ бѣлую ангорскую кошку съ чернымъ, какъ у горноста, хвостомъ и мордочкой, похожей на цвѣтокъ, которая долго болѣла и стала совсѣмъ по-человѣчески ласковой въ своей хилости, и сотни разныхъ оттѣнковъ появились въ ея мяуканьи,—какъ было ей все хуже и хуже, и не могла она даже переносить свѣтъ, и какъ, наконецъ, въ одно ужасное, мучительное утро ея маленькая душа ушла изъ тѣла, которое было уже истерзано смертью и лишь слабо удерживало ее.

Тогда нуженъ былъ ему другой любимецъ, и такъ какъ тамъ было много скворцовъ, которыхъ учили говорить, то для него поймали одну птицу, и онъ думалъ ходить за ней нѣжно; но всю ночь было слышно, какъ звали ее маленькіе птенцы и какъ отзывалась имъ мать. И вотъ, съ первыми лучами свѣта, хотя не безъ борьбы съ самими собой, онъ спустился и отворилъ кѣтку и видѣлъ, какъ порывисто взметнула плѣнница къ своему гнѣзду. Тогда явилось чувство раскаянія, что онъ тоже былъ сообщникомъ и двигалъ по мѣрѣ своихъ силъ рычаги и пружины великаго механизма природы, такъ гениально устроеннаго, чтобы разыгрывать фуги страданія на тонкихъ нервныхъ сплетеніяхъ живыхъ существъ.

Я уже говорилъ, что малѣйшія случайности играютъ роль въ ходѣ строенія нашей души, того долга сознанія, который подобно воздушному гнѣзду складывается въ нѣчто прочное изъ летающихъ пушинокъ и соломинокъ. И такъ случилось, что, когда онъ гулялъ однажды вечеромъ, всегда запертая кѣтка сада была открыта и за ней большой кустъ краснаго боярышника былъ виденъ въ полномъ цвѣту, — тяжело подымались бѣловатыя кривыя вѣтви, такія старыя, что было на нихъ только нѣсколько зеленыхъ листиковъ, и вѣнецъ нѣжнаго алаго пламени выходилъ, казалось, прямо изъ сердцевины сухого дерева. Еще раньше благовуханіе доносилось до него по временамъ вмѣстѣ съ вѣтромъ черезъ стѣну, и всегда думалъ онъ, что бы такое могло быть на той сторонѣ? Теперь ему позволили взять цѣлыя пригоршни цвѣтовъ, которыхъ было столько, что наполнились всѣ старинныя фарфоровыя вазы на каминѣ, и насталъ праздникъ въ дѣтской.

Былъ ли то моментъ въ развитіи его души, или просто подѣйствовалъ жаркій и ароматный лѣтній воздухъ? Но только красота всего этого охватила его лихорадочно, и все время во снѣ ему чудилось, что онъ бродитъ по волшебнымъ дорогамъ изъ алыхъ цвѣтовъ, которые свѣжими, густыми массами краснѣютъ подъ ногами и мягко заполняютъ всѣ углубленія съ обѣихъ сторонъ. И послѣ всегда, годъ за годомъ, когда появлялись цвѣты, красный боярышникъ казался ему рѣшительно самымъ краснымъ изъ всего, что есть на свѣтѣ; и божественный багрянецъ, еще живой въ работахъ старыхъ венеціанскихъ мастеровъ и въ старинныхъ фламандскихъ коврахъ, вызывалъ въ немъ всегда воспоминаніе о пламени тѣхъ маленькихъ увядшихъ лепестковъ, о томъ, какъ постепенно угасало оно, когда онъ долго держалъ ихъ въ ящикахъ стариннаго шкафа. Въ первый разъ проявилась тогда страстность въ его отношеніи къ красивымъ предметамъ и то необъяснимое волненіе при видѣ ихъ, которое охватывало его и

отъ котораго онъ почти мечталъ освободиться. Неясныя сожалѣнія и желанія мѣшались въ немъ всю ночь съ воспоминаніемъ о красныхъ цвѣтахъ и съ благоуханіемъ ихъ въ окружавшей его темнотѣ; мечты о какомъ-то неизвѣданномъ, совершенномъ обладаніи ими положили начало одной главной и по временамъ исключительной склонности, становившейся все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того какъ смѣнялись годы и какъ поля, лѣса и люди снова и снова одѣвались прекраснымъ уборомъ лѣта, той любви къ красивому въ мірѣ вещей, которая сдѣлалась позже тиранніей чувствъ надъ нимъ.

Позже онъ узналъ философовъ, которые больше всего занимали его своей оцѣнкой чувственныхъ и отвлеченныхъ началъ въ человѣческомъ познаніи и отводимыхъ имъ относительныхъ частей; въ своей умственной схемѣ онъ былъ склоненъ отводить лишь немного мѣста абстрактной идеѣ сравнительно съ ея вещественной оболочкой и проявленіями. Такия теоретическія построенія въ сущности лишь укрѣпляли то, что было инстинктивно въ его воспріятіи міра; для него всегда и во всемъ эта вещественная оболочка и эти проявленія были необходимымъ спутникомъ всякаго знанія вещей, которыхъ можно учесть и взвѣсить въ обители мысли. Иногда онъ думалъ, что долженъ все привести къ осязанію или зрѣнію, какъ связующему звену между собой и всѣмъ, что существуетъ, чувствуетъ и живетъ; онъ искалъ въ томъ защиту настоящей жизни отъ простыхъ безцвѣтныхъ и вымышленныхъ абстракцій. И благодарно вспоминалъ онъ, что христіанство соединило такъ много, не меньше чѣмъ религія древнихъ грековъ, духовныхъ истинъ съ вещами доступными зрѣнію, снисходя такимъ образомъ къ намъ и благословляя ту нашу слабость, если это только слабость, по которой міръ чувствъ значитъ для насъ такъ много; эту мысль онъ любилъ, какъ часового на стражѣ своей души. И такъ все меньше и меньше думалъ онъ и заботился о душѣ иначе какъ внѣ дѣйствительно существующаго тѣла, внѣ міра, гдѣ есть настоящія воды и настоящія лѣса, гдѣ встрѣчаются взоры мужчинъ и женщинъ, гдѣ соединяются руки въ живомъ пожатіи. Это странно сказывалось даже въ самомъ его состраданіи, привлекало его къ тѣмъ, кто былъ несчастенъ чѣмъ-нибудь, какою-то почти чувственной привязанностью. Онъ думалъ о Джуліанѣ, заболѣвшемъ неизлѣчимымъ недугомъ, какъ о томъ, кого похитили въ нѣжномъ расцвѣтѣ блѣдно-янтарнаго лица и золотистыхъ какъ медь волосъ, и о Сесилѣ рано умершемъ, точно оторванномъ отъ лилій, отъ золотыхъ лѣтнихъ дней и женскихъ голосовъ; и утѣшала его немного лишь мысль, что ребенокъ станетъ фіалкой, которая вырастетъ на укрывшемъ его дернѣ. Думая о самыхъ несчастныхъ и бѣдныхъ на землѣ, онъ же-

далъ для нихъ не того, чего хочеть для нихъ большинство людей, но можетъ быть прекраснѣйшихъ розъ и свободы наслаждаться столько, сколько угодно безъ всякихъ трудовыхъ заботъ желаннымъ и яснымъ свѣтомъ новаго утра; такого утра какъ тѣ, когда видѣлъ онъ ихъ ничего не знающими объ этомъ свѣтѣ и только спѣшащими въ городъ къ ранней своей работѣ.

Такъ отдавалъ онъ себя всѣмъ этимъ вещамъ, чтобы онѣ играли намъ, какъ на музыкальномъ инструментѣ; такъ сталъ онъ замѣчать съ углубляющейся зоркостью и всегда съ какимъ-то волнующимъ, невыразимымъ ожиданіемъ, примѣшаннымъ къ радости, смѣны года, возрастаніе или уменьшеніе дней и даже игру тѣней, мѣнявшихся на гладкой стѣнѣ или на потолкѣ, запоминая, какъ свѣтъ, отраженный свѣтами, обрисовывалъ самые темные углы въ комнатѣ. Онъ зналъ и тѣ бурные оттѣнки въ облакахъ, которые предвѣщали дождь и ту слишкомъ суровую ясность, которая кажется въ упорномъ свѣтѣ удлиняющихся дней на порогѣ теплаго времени, будто дѣлается это лишь для того, чтобы затянуть дневной трудъ, чтобы учебники открывались раньше и закрывались позже. Наконецъ, однажды утромъ, когда онъ лежалъ въ постели, проснувшись раньше времени, лучъ юньскаго солнца строилъ дорогу изъ золотой пыли сквозь темную комнату, и въ этомъ лучѣ были, казалось, всѣ краски, ароматы и свѣжесть утренняго сада. Или вотъ уже сентябрь, и онъ идетъ по дорожкѣ, усыпанной краснымъ пескомъ, чтобы посмотреть на корзину съ желтыми яблоками, стоявшую въ старинной прохладной гостиной; это онъ помнилъ лучше всего, — какъ ужалила его оса, сидѣвшая на гниломъ яблокѣ, какъ бросился ему въ лицо румянецъ, и онъ испыталъ приступъ внезапной жестокой боли. Вѣдь это тоже навело его на новыя мысли: чтобы забыться, онъ сталъ думать, какъ дѣлалъ тогда въ такихъ случаяхъ, и былъ пораженъ глубиной очарованія или волшебства, которое являлось на моментъ въ простомъ отсутствіи боли. Особенно однажды, когда старшій мальчикъ училъ его дѣлать цвѣты изъ растопленнаго воска и когда онъ больно обжегъ себѣ руку о свѣчку такъ, что не могъ заснуть. Онъ вспоминалъ впоследствии, какъ что-то неотвязное, бѣлый призракъ жара гдѣ-то близко около себя, который приникалъ къ нему вплотную сквозь усыпляющій запахъ примочекъ, наложенныхъ на больное мѣсто.

И вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ власти чувствъ надъ собой являлась къ нему тогда и часто послѣ одна упорная мысль, мысль о томъ, каковы будутъ послѣднія впечатлѣнія его слуха и зрѣнія и какъ они застанутъ его, — ароматъ послѣднихъ цвѣтовъ, матовая желтизна послѣдняго утра, послѣдняя вѣсть того, что любилъ когда-то, руки,

голоса; послѣдніе взоры глазъ передъ тѣмъ, какъ надо имъ закрыться навсегда, должны быть странно живыми, иначе не можетъ быть. Вѣдь умираютъ среди горячихъ слезъ, рыданій и прощальныхъ прикосновеній, среди умоляющихъ взглядовъ и такого глубокаго горя окружающихъ! Или это, быть можетъ, лишь тихое уплываніе всѣхъ вещей, всего великаго и малаго, такое ухожденіе ихъ въ какую-то ровную даль?

Ибо рано примѣшался къ его желанію жизненной красоты страхъ смерти, — страхъ смерти, который былъ еще сильнѣе отъ этой любви къ красотѣ. До тѣхъ поръ онъ еще ни разу не смотрѣлъ въ лицо мертвымъ, какъ случилось ему позже въ парижскомъ Моргѣ или на томъ необыкновенномъ кладбищѣ въ Мюнхенѣ, гдѣ всѣ усопшіе должны предстать передъ погребеніемъ въ послѣднемъ парадѣ за стеклянными окнами, среди цвѣтовъ, ладана и свѣчей, — и престарѣлые священники въ церковномъ облаченіи и юноши въ бальныхъ башмакахъ и безупречно-свѣжемъ бѣльѣ. Послѣ такихъ посѣщеній эти восковые неподвижныя лица жили подолгу съ нимъ неразлучно, и отъ нихъ тоскливымъ дѣлался самый ясный солнечный день. Правда, онъ уже слышалъ тогда о смерти отца, о томъ, какъ въ индійской стоянкѣ унесла его лихорадка, такъ что, хотя и не во время кампаніи, умеръ онъ какъ солдатъ. Но слыша о «воскресеніи праведныхъ», ребенокъ думалъ о немъ, какъ о комъ-то, кто все еще находится гдѣ-то въ здѣшнемъ мірѣ и какъ-то печется о немъ, — величественная, хотя, пожалуй, скорѣе страшная фигура рисовалась ему, одѣтая въ красивыя военныя вещи, вродѣ фигуры на картинкѣ, изображавшей видѣніе Иисуса Навина въ Библии. О томъ же, вокругъ чего такъ тихо двигались провожавшіе и послѣ такъ торжественно пѣли, думалъ онъ, какъ объ изношенной одеждѣ, кинутой въ жилищѣ, которое опустѣло. Такъ было это для него, пока не гулялъ онъ однажды съ матерью на тамошнемъ чудесномъ кладбищѣ. Въ свѣломъ нарядѣ рѣзвился онъ среди могилъ въ тотъ лѣтній день и вдругъ въ одномъ углу наткнулся на зівшую могилу, которая ожидала ребенка, — темный квадратъ въ свѣжей травѣ, — сырая глина громоздилась вокругъ, пригибая къ землѣ драгоценныя вѣточки цвѣтущей нарликовой розы. И тогда вмѣстѣ съ знаніемъ, что и дѣти должны умирать, явился у него и ужъ больше никогда не оставлялъ его физическій ужасъ смерти, смѣшанный съ себялюбивымъ отвращеніемъ отъ близости какихъ-то отталкивающихъ живыхъ существъ и отъ удушающей тяжести сверху. Нѣтъ больше никакой величественной и милосердной фигуры въ красивомъ солдатскомъ уборѣ гдѣ-то въ здѣшнемъ мірѣ и покровительствующей ему! Но только немного бѣдныхъ и жалкихъ костей, и надъ ними, возможно, нѣчто вродѣ фигуры, съ которой однако онъ не хотѣлъ бы встрѣтиться.

Ибо, спя въ саду подъ открытымъ окномъ, онъ услышалъ однажды, какъ говорили, что во время безсонницы одна большая увидѣла мертвеца, сидѣвшаго рядомъ съ ней, который пришелъ звать ее отсюда; изъ этого тѣмъ-то прерваннаго разсказа онъ вывелъ ясное заключеніе, что не всѣ мертвецы на дѣлѣ переселялись на кладбище и что были они совсѣмъ не такъ неподвижны, какъ это казалось, но вели тайную, полускитальческую жизнь въ своихъ прежнихъ домахъ, являясь совершенно открыто по ночамъ, но иногда и днемъ, пробираясь изъ комнаты въ комнату безъ особенно добрыхъ чувствъ къ тѣмъ, кто дѣлитъ съ ними прежній ихъ кровъ. Всю ночь призракъ показывался въ видѣніяхъ его тревожнаго сна и не совсѣмъ исчезалъ на утро, — странный, неудобный новый членъ семьи, отъ котораго милыя домашнія комнаты становились невѣрными, подозрительными, враждебными. За то, что такъ было, онъ могъ почти возненавидѣть мертвыхъ, которыхъ было ему такъ жалко. Впослѣдствіи онъ сталъ думать, что тѣ несчастные, возвращающіеся къ дому призраки, «выходцы», какихъ представляютъ себѣ всѣ люди, плачутъ и тщетно стучатся въ запертыя двери вмѣстѣ съ вѣтромъ, и тогда рыданія ихъ слышны въ вѣтрѣ, какъ внутренній и страшный напѣвъ. И все больше отдаляя и отчуждая отъ него смерть, возвращалось къ нему время отъ времени то прежнее чувство, и даже въ живомъ мельгало ему иногда ея подобіе. Во всякое время и во всякомъ мѣстѣ вдругъ вѣяло на него дыханіемъ могилы, и образъ со стиснутымъ подбородкомъ, со странной улыбкой, съ прямыми сухими ногами рисовался передъ нимъ внезапно на яркомъ коврѣ, среди веселаго общества или въ счастливѣйшія минуты бесѣды съ самимъ собой.

У большинства дѣтей мрачные вопросы, съ которыми связаны подобныя впечатлѣнія, если только они являются вообще, бываютъ обыкновенно навѣяны религіозными книгами, и оттого дѣти часто смотрятъ на такія книги съ тайнымъ отвращеніемъ и стараются изгнать ихъ изъ своихъ обычныхъ мыслей, какъ что-то слышкомъ тягостное. У Флоріана эти чувства и эти сомнѣнія въ послѣднемъ выводѣ судьбы человѣка, въ согласіи между жизнью и смертью, возникли невольно, въ естественномъ развитіи его души, благодаря сильной внутренней склонности къ печальнымъ тонамъ, усиленной въ послѣдствіи различными обстоятельствами. И религіозное сознание, система библейскихъ заветовъ, въ которыхъ былъ онъ воспитанъ, казалось ему тѣмъ, что можетъ смягчить, облагородить и возвысить, какъ бы «живой надеждой», уже глубоко вѣдрившуюся въ немъ душевную боль. И такъ, онъ охотно тянулся навстрѣчу религіознымъ вѣяніямъ, испытывая точно мистическую жажду всего священнаго, тѣмъ болѣе, что они исходили отъ одного благочестиваго лица, кото-

рое любило его такъ нѣжно и полагало, что столь раннее влеченіе въ ребенкѣ уже указывало на его предназначеніе къ святой жизни. Онъ сталъ любить ради нихъ самихъ церковныя свѣчи, праздники, все, что относится къ красивому обиходу алтарей, таинственность ихъ бѣлыхъ покрововъ и священныхъ сосудовъ и купелей, наполненныхъ прозрачною водою; іератическая простота и чистота всего этого сдѣлалось для него образцомъ того, что хотѣлъ бы онъ видѣть въ жизни вокругъ себя. Онъ подолгу сидѣлъ надъ картинками въ религиозныхъ книгахъ и зналъ наизусть, какъ схватилъ Іакова борющійся съ нимъ ангелъ, какимъ былъ Іаковъ въ своемъ таинственномъ снѣ и какъ были пригнѣвлены колокольчики и гранаты къ краямъ Аароновыхъ одеждъ, звенѣвшіе такъ тонко, когда онъ скользилъ по дерну святилища. Религія уже сдѣлалась для него тѣмъ, чѣмъ и осталась впоследствии, — священнымъ преданіемъ, конечно, но еще больше того священнымъ идеаломъ, неземнымъ истолкованіемъ или изображеніемъ, въ которомъ выступаетъ яснѣе и выразительнѣе все свѣтлое и все темное человѣческой жизни и ея обычныхъ или особенныхъ происшествій, рожденія, смерти, брака, юности, старости, слезъ, радости, покоя, сна и бодрствованія, — или зеркаломъ, къ которому люди могутъ обратить свой взоръ отъ скуки и суеты жизни и увидѣть въ немъ себя какъ ангеловъ, со всѣми повседневными дѣлами, даже съ ѣдой и питьемъ, которыя тоже становятся какими-то священными прообразами, — или необходимой силой и противовѣсомъ нашего обыденнаго существованія, благодаря которой разрозненные музыкальные аккорды, звучащіе въ немъ, связываются между собой и соединяются въ общую, высшую и стройную гармонию. Въ его сознаніи отгородился уголокъ, гдѣ поселились эти священные образы, эти отраженія лучшихъ минутъ нашей жизни и въ то же время ихъ высочайшіе приѣмры; дальнѣйшій опытъ лишь еще больше укрѣпилъ и сохранилъ тотъ уголокъ души. Ему всегда было нужно, чтобы какія-то безплотныя іератическія существа жили тамъ и поддерживали теплоту. И онъ едва могъ понять тѣхъ, кто способны считать себя счастливыми безъ такихъ небесныхъ спутниковъ и святыхъ двойниковъ своей жизни гдѣ-то близко около себя.

Такъ постоянно въ его представленіи временное и случайное занялось общимъ. Ангеловъ можно встрѣтить на дорогѣ подъ англійскимъ вязомъ или букомъ; простые посыльные казались иногда ангелами, исполняющими небесныя порученія; глубокая тайна тяготѣла надъ бытовыми свиданіями и разлуками; браки совершались на небажъ; и смерть тоже, руками ангеловъ, которые тихо разъединяли душу и тѣло для назначеннаго имъ успокоенія. Всѣ поступки и про-

исшествія повседневной жизни пріобрѣли священный отгѣнокъ и смыслъ; даже цвѣта вещей стали обременены особымъ значеніемъ и, какъ святая ткань Моисеевой скинии, были полны миромъ или покаяніемъ. Чувство, относившееся сперва лишь къ священнымъ прообразамъ, глубокая, изливающаяся благодать Дома въ Виваніи, сдѣлалось для него постепенно тѣмъ, съ чѣмъ должно принимать наше обыденное существованіе. И одно время онъ ходилъ въ мірѣ со скрытымъ, но скорѣе пріятнымъ благоговѣйнымъ страхомъ, который навѣянъ былъ постояннымъ отгадываніемъ небснаго участія во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни.

Впечатлительность, жажду вещественной красоты, странный библейскій страхъ, въ которомъ каждый намекъ о невидимыхъ силахъ былъ слышенъ ему, какъ торжественная музыка, — эти свойства ребенка увезъ съ собой, когда, двѣнадцати лѣтъ, его перевезли въ другое мѣсто и онъ разстался со старымъ домомъ. Онъ никогда не уѣзжалъ изъ дому раньше и многого ждалъ отъ этой перемѣны, давно мечталъ о ней и ревниво считалъ время, оставшееся до назначеннаго дня; такъ сильно желалъ онъ этого, что былъ даже невнимателенъ къ другимъ, — когда, напримѣръ, заболѣлъ Льюисъ, и пришлось отложить отъѣздъ еще на два дня. Наконецъ, наступило утро, прекрасное утро, и на всемъ, даже на камняхъ и на дорожной пыли былъ бѣловатый, жемчужный отблескъ. Имъ надо было ѣхать по любимой дорогѣ, по которой онъ часто гулялъ прежде до опредѣленнаго мѣста, а въ одинъ изъ тѣхъ дней заточенія, когда былъ боленъ Льюисъ, прошелъ даже немножко дальше, побуждаемый своей сильной жаждой новыхъ мѣстъ. Они тронулись и уже успѣли немного отъѣхать, когда вспомнили, что забыли тамъ птицу въ клеткѣ; и ему уже представилось, что она должна теперь испытывать все отчаяніе и боль и безумную тоску того, кто брошенъ другими на голодную смерть въ запертомъ домѣ. И онъ бросился за ней, самъ въ приступѣ такого же отчаяннаго горя. Но когда въ поискахъ птицы проходилъ онъ по комнатамъ, такимъ блѣднымъ и кроткимъ въ своемъ разореніи, и когда добрался онъ, наконецъ, до той маленькой, бѣлой, опустѣвшей комнатки, это тронуло его такъ, будто онъ вдругъ увидѣлъ лицо умершаго, и прежняя привязанность завладѣла имъ такъ сильно, что онъ понялъ, какъ долго будетъ она жить въ немъ и какъ отниметъ всякую радость въ исполненіи того, чего онъ такъ страстно желалъ. И съ найденной птицей, но самъ въ агоніи тоски по дому, такъ внезапно вспыхнувшей въ немъ, покотился онъ быстро туда, въ дорогія его мечтамъ дали полей, куда уходила эта любимая проселочная дорога.

Перевелъ П. Муратовъ.

ДѢВУШКА СЪ ЗОЛОТОЙ РѢЧКИ.

Изъ жизни Печоры.

Это было на рѣкѣ Печорѣ, въ вершинахъ ея, почти въ предгоріяхъ сѣвернаго, сѣдого, угрюмаго Урала.

Въ тотъ годъ путешествія моего въ этомъ краю я занимался раскопками жилищъ, изслѣдованіями доисторическаго человѣка.

Вотъ жизнь, полная оригинальности, увлеченій, полная любви и восторговъ, когда человѣкъ, надолго оторвавшись отъ родины, кнѣзь и друзей, весь, съ головой и сердцемъ, уходитъ въ какую-то новую обитель, полную таинственныхъ загадокъ. Въ обитель черепковъ, украшенныхъ чьею-то любившей искусство рукою, въ обитель неистлѣвающаго угля, полуистлѣвшихъ костей, зубовъ когда-то, вѣка назадъ съѣденныхъ животныхъ, въ обитель остроконечныхъ стрѣлъ изъ кремня, старинныхъ каменныхъ орудій человѣка, которыми не то онъ сражался съ дикими животными, не то отражалъ нападеніе подобныхъ себѣ людей; въ обитель кагихъ-то неизвѣстныхъ, сдѣланныхъ изъ неизвѣстнаго сплава, идоловъ, которыхъ онъ боготворилъ, съ страшными изображеніями лицъ допотопныхъ животныхъ. Бродишь цѣлое лѣто съ такими же дикими проводниками, какъ эти дикія, неизвѣстныя мѣста, взбираешься на горы, спускаешься въ долины, сплаваешься бурными рѣчками; все заросло кругомъ, все покрылось давно, уже вѣка, лѣсною, дикою растительностью, словно закрывъ отъ человѣка навсегда эти остатки прошлаго далекаго, — какъ вдругъ, на поворотѣ рѣки, на красивой излучинѣ — высокій обросшій мохомъ курганъ, или просто ровъ на мѣстѣ вѣковаго сосноваго бора, или яма среди чащи. Яма, а сердце бьется уже какимъ-то особеннымъ темпомъ, глаза разгораются, и тысячи мыслей одна другой сибѣе кружатся въ головѣ, слѣдя за каждой выброшенной лопатой. И въ результатѣ бессонныхъ ночей, мириадовъ комаровъ, которые васъ измучили, какой-нибудь черепокъ съ оригинальными, невидан-

ными еще, но простыми въ сущности орнаментами, сдѣланными рукой доисторической женщины въ минуты досуга. Хламъ, ненужный, валяющійся въ нашихъ музеяхъ хламъ, который, однако, займетъ вашу любознательную голову, унесетъ ее въ давніе вѣка и нарисуетъ вамъ самую дикую, самую первобытную обстановку человѣка, который жилъ въ этихъ краяхъ, плодился зачѣмъ-то и множился; который воевалъ съ кѣмъ-то, сражался съ дикими звѣрями, или просто укрывался тутъ въ этомъ далекомъ краю, какъ укрывается теперь звѣрь и дикая лѣсная птица отъ человѣка. Хламъ, горшечекъ какой-нибудь съ выбитымъ бокомъ и съ пепломъ внутри вмѣсто вещей, а ваше воображеніе уже рисуетъ вамъ выдѣлывающую его съ любовью и пѣсней нагую женщину, которая вотъ поставила его между своими бѣлыми колѣнями и точить его, красиво согнувшись. И воображеніе уже рисуетъ вамъ обстановку ея жилища, мужа съ накинутаю медвѣжьей шкурою, сѣдого старика, обтачивающаго какой-нибудь камень, маленькихъ полуголыхъ дѣтей, выползающихъ на этотъ берегъ изъ земляного глубокаго жилища, похожаго на медвѣжью берлогу. А сколько невинныхъ восторговъ по поводу найденнаго каменнаго топора! Сколько мечты обогатить музей коллекціей боговъ, которые—увы!—потомъ бесполезно валяются въ музеѣ, въ пыли, лишь изрѣдка останавливая на себѣ взоръ какого-нибудь скупающаго ученаго.

Вотъ въ это-то счастливое время молодости и невинныхъ восторговъ и случилось то, о чемъ я много разъ мечталъ написать, но передъ чѣмъ останавливался, желая сдержать честное слово человѣка.

Случилось такъ, что, забравшись въ вершину рѣки Печоры, я былъ вдругъ оставленъ проводниками своими—вогулами.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ дикомъ краю трудно найти постояннаго проводника на все ваше лѣто: нанимаются къ вамъ изъ милости, ходятъ съ вами, пока не наскучитъ ваша глупая любознательность, —деньги тутъ столько же значать, сколько какой-нибудь раскрашенный лоскутъ бумажки, —обязательствъ ровно никакихъ, и вамъ вдругъ заявляютъ, что вы остаетесь одни, даже не подумавши, что вы въ чужомъ краю и рискуете своею жизнью. Своего рода забастовка неожиданная, только съ тою разницею, что она не на заводѣ, не въ хозяйствѣ, а въ дикомъ лѣсу, и вы можете выпутываться изъ нея, какъ хотите: возвратитесь въ жилище проводниковъ и живите тамъ, ничего не дѣлая, или двигайтесь впередъ, но уже надѣясь только на свое ружье и силы. И ничего, что вы въ 100 и болѣе верстахъ отъ вашей зимовки; ничего и такъ, что у васъ въ сумѣ нѣтъ лишняго сахара про запасъ.

Такъ было и въ этомъ случаѣ, когда я рѣшился сплавиться въ сторону русскаго жилья отъ этихъ дикарей, воспользовавшись долбеной лодкой.

— Смотри, черезъ переборы только на ней не ѣзди: живо вывалишься, какъ наскочишь на камень!—говорили мнѣ, усаживая меня въ это долбленое и немного разведенное дерево, проводники, когда я простился съ ними, отправляясь на Печору. Я обѣщалъ имъ быть какъ можно внимательнѣе; я видѣлъ, что они, хотя покидаютъ меня одного, но жалѣютъ.

— Лыска-то зови, Лыска-то!—кричали они, когда я уже тронулся въ путь, быстро уносимый теченіемъ горной рѣки, и указывали мнѣ на мою оставшуюся непосаженной собаку. Но объ Лыскѣ они напрасно заботились: песь живо сообразилъ, куда я направился, и бросился догонять меня берегомъ, даже и не думая садиться и проситься въ зыбку лодку.

Переката три-четыре я миновалъ самымъ благополучнымъ образомъ, сплавливая душегубку просто свою рукой, идя по берегу; но на пятмѣ мнѣ показалось это совсѣмъ ненужнымъ, и я потерпѣлъ форменное крушеніе.

Лодка на всемъ бѣгу, бѣшеномъ бѣгу, когда мелькаютъ береговые камни, когда подъ вами словно бѣжить каменное дно, лодка налетѣла на какой-то подводный камешекъ. Мгновеніе—она подскочила и что-то хрястнуло; мгновеніе—она повернулась бокомъ и ее захлестнуло водой; мгновеніе, и я сидѣлъ въ ней уже въ водѣ по поясъ и выгребалъ всѣми силами на близкій берегъ...

Лыско встрѣтилъ меня и даже помахивалъ отъ радости хвостомъ, думая, что я, наконецъ, окончилъ это головокружительное путешествіе, заставившее его носиться по берегу; но я, какъ истый морякъ, потерпѣвшій крушеніе, ощущалъ въ себѣ только избытокъ отваги.

— Пустяки, Лыско!—говорилъ я съ собакою, — маленькое крушеніе на перекаѣ, лодка еще держится, можетъ, разбито только дно; нужно вотъ немного высушиться и заняться капитальной починкою, — смолы въ лѣсу сколько угодно!

И я вытацилъ не безъ усилія весь полный свой челнокъ и опрокинулъ его на берегу, — и ахнулъ.

Вдоль всего дна обнаружилия громадныя, зіяющія щели, въ носу, вдобавокъ, была солидная пробоина. Но по размысленіи оказалось, что дѣло еще поправимое, потому что то и другое можно заткнуть и залить смолою, добытою въ лѣсу, если не пожалѣть для этого пару своего бѣлья.

— Пожертвуемъ, что ли? — спрашиваю Лыска, внимательно

обнюхивающего, гдѣ лежатъ мои промокшіе сухари, и рѣшаю по виліянію его хвоста, что нужно пожертвовать, спѣшу развести костеръ и приступить къ починкѣ судна.

Но это оказалось такою не скорою штукою, что ушелъ на нее цѣлый вечеръ. Пришлось поневолѣ провести на несчастномъ перекатѣ скучную ночь, и хотя я спалъ попрежнему невозмутимо, но Лыско лаялъ всю ночь, слыша не то звѣря, не то человѣка.

Разъ даже и мнѣ послышался какъ будто голось человѣка, но я подумалъ, что это галлюцинація.

Утренній уральскій холодокъ разбудилъ меня еще тогда, когда все было въ туманѣ; отъ холода, чтобы разогрѣть свои члены, я рѣшилъ немедленно отправиться; Лыско тоже, казалось, только ожидалъ этого рѣшенія, повиливая своимъ хвостомъ и словно зова куда-то недалеко. Такъ какъ былъ туманъ и пуститься на челнокѣ было слишкомъ уже рискованно послѣ недавняго крушенія, то я двинулся пѣшимъ вдоль берега, ведя на бечевкѣ свое судно.

Какъ вдругъ свѣжій слѣдъ такого же какъ у меня челнока, явственный слѣдъ на сыромъ пескѣ низменнаго берега, и далѣе— слѣды ловли рыбы.

«Неводчики, — думаю; — вѣроятно, зыряне съ Печоры сюда пріѣхали за добычей семги», а Лыско уже принялъ слѣдъ и повелъ поближе къ берегу, гдѣ у самой скалы оказался и челночекъ со свѣжими слѣдами человѣка.

«Кто бы это могъ быть такой? — думаю, рассматривая отпечатокъ лаптя, старую сѣть, повѣшанную на колышки въ укромное мѣсто подъ скалою и новыя гребни отъ лодочки, заложенныя въ известковую пещеру. — Ужъ не доисторическій ли человѣкъ?» — Начинаю искать дальнѣйшаго слѣда, но человѣкъ словно скрылся въ темную пещеру.

— Э-эй! — обликаю я негромкимъ голосомъ предъ этою пещерою и пугаюсь самъ, когда незнакомымъ голосомъ отвѣчаетъ мнѣ эхо. А Лыско уже напалъ на свѣжій слѣдъ и ведетъ въ кусты заросшаго берега, на которомъ я съ трудомъ нахожу маленькую, но торную, свѣжую тропу.

Закладываю пульные патроны въ оба ствола своего неизмѣннаго дорожнаго ружья и осторожно оглядываюсь: не поставлена ли гдѣ сила съ стрѣлою острою, иду за убѣгающимъ, тоже кажется въ недоумѣніи передъ этою таинственностью, Лыскомъ. Какая-то маленькая рѣчка на пути; перебираюсь черезъ нее по камешкамъ и замѣчаю мутную воду.

«Можетъ быть, звѣрь взмутилъ, — думаю, — въ комарное время не мало лосей, оленей и медвѣдей скрывается отъ гнуса въ холодной

водѣ такихъ ключей», и иду далѣе широкой уже тропою, которая направилась прямо въ болото.

Согра самая печальная: низкорослая сосна, морошка на сопочкахъ, кочки и кочки. Бакая-то тетера, зазѣвавшаяся на кормищѣ, бросила меня даже въ дрожь, когда неожиданно захлопала крыльями. Лыско, по обыкновенію, было погнался за ней, но остановился, оглянутый посвистомъ. Весь интересъ былъ въ таинственной тропѣ, по которой въ болотѣ я насчиталъ теперь три человѣческихъ слѣда, одинъ въ лыковыхъ лаптяхъ и два другихъ маленькихъ, женскихъ, босые.

«Не скитъ ли какой?» — подумалъ я и вдругъ остановился отъ злого лая своей собаки, которая залаяла недобрымъ, какъ на звѣря, голосомъ.

Ввожу на всякій случай курки; тихонько выхожу изъ-за ближайшихъ сучковъ развѣсистаго дерева и вижу человѣка. Старого, сѣдого человѣка, безъ шапки на головѣ, въ бѣлой рубахѣ до колѣнъ, въ знакомыхъ лапоткахъ, который стоитъ на дорогѣ, словно поджидая недобрыхъ гостей съ острогою въ рукѣ.

— Здорово, дѣдъ! — весело кричу я ему; но онъ какъ-то поглядываетъ на меня съ недовѣрчивостью; Лыско было наступилъ на него уже окончательно, словно чуя въ немъ врага, а не ближайшаго друга-человѣка, но я бросаюсь предупредить несчастіе, потому что знаю своего пса, который храбро идетъ за меня даже на медвѣдя.

— Тубо! Не тронь! Не тронь! — кричу я на Лыска, который уже ухватился своими бѣлыми зубами за рубище старика, и въ отчаяніи стрѣляю въ воздухъ.

Кажется, этотъ громкій выстрѣлъ ружья, раздавшійся въ окрестности, такъ перепугалъ старика, какъ его не испугала неожиданная встрѣча съ моею собакою: онъ присѣлъ даже на землю и вдругъ замялся, заглаялся мнѣ, бормоча что-то такое.

Я разслышалъ явственно лишь одно:

— Только не троньте насъ, а тутъ возьмите все, что хотите!... Все отдадимъ, ничего не пожалѣемъ для вашего благородія, только не погубите наши души!...

Я остолбенѣлъ отъ этой неожиданной мольбы человѣка и сразу понялъ, что я попалъ на лѣсной скитъ, о которыхъ не разъ уже слышалъ на р. Печорѣ.

— Богу молитесь, дѣдушка? — говорю я ласково, желая успокоить старика, и добавляю: — не бойся, я не становой и не урядникъ, — и начинаю рассказывать ему свое приключеніе, прошу, чтобы онъ помогъ мнѣ выбраться къ Печорѣ.

— Съ тобой никого нѣтъ?—тревожно спросилъ мой старикъ и, когда я увѣрилъ его, что я—безобидный путешественникъ, онъ не пошелъ даже досматривать къ берегу, а повелъ меня прямо къ своему жилищу.

«Вотъ и живой доисторическій человѣкъ, чудь» — подумалъ я, когда увидалъ на горкѣ низенькое, почти врытое въ землю, жилище, окруженное массой костей, углей, золы, рыбьихъ головъ и прочаго хлама. Жилище, дѣйствительно, походило на жилище доисторическаго человѣка: крышу замѣняло дерно, покрывшееся густой уже растительностью; вмѣсто оконъ—кажется, только дымовое отверстіе, стѣны черны, кругомъ никакой хозяйственной постройки, даже нѣтъ саночекъ, кошки, собаки, и все это такъ замаскировано окружающей растительностью, что нужно очутиться по тропѣ возлѣ этого строенія, чуть не упереться въ его стѣну, чтобы замѣтить, что тутъ живетъ человѣкъ, и даже книжный.

«Убьетъ, непременно заведетъ и убьетъ», — подумалъ я на его приглашеніе быть гостемъ; однако, залѣзъ въ маленькую дверцу и очутился вдругъ среди знакомой русской обстановки. Битая, глиняная печь, лавки широкія, темные образа, подъ бревенчатымъ потолкомъ нависшія сѣти рыбакова. Но что совсѣмъ обрадовало меня, это—маленькая въ углу зыбочка съ кроваткою, которая сразу безъ словъ сказала, что тутъ проживаетъ не отшельникъ какой, а цѣлое семейство.

— Ты не одинъ?—спрашиваю я уже спокойно старика, осматриваясь кругомъ и еще находя успокоительные предметы.

— Семья у меня... большая семья, другъ мой...—началъ старикъ; но я прервалъ его вопросомъ:

— Гдѣ же она?

— А какъ, должно быть, услышала, что ты выстрѣлилъ, такъ скрылась недалеко! Ужо я позову,—и онъ вышелъ на улицу и началъ посвистывать самымъ успокоительнымъ образомъ,—и черезъ минуты три на порогъ очутилась молодая дѣвушка, которая такъ и уставилась на меня сѣрыми глазами, немного смутившись.

Я залюбовался ея стройною фігурою; она была покрыта лишь рубашкою, словно она только что спала и соскочила въ испугъ.

— Здравствуй,—сказалъ я ей, улыбаясь, чтобы выйти изъ этого созерцательнаго состоянія; она кивнула головой, но постѣснялась зайти и юркнула снова куда-то на улицу, словно нарочно, чтобы смѣнить себя на порогъ новой женской фігурой.

На этотъ разъ въ дверяхъ остановилась молодая женщина съ ре-

беночкомъ, тоже въ ночной лишь рубашкѣ, качнулась было назадъ, но раздумала; она быстро зашла и, опустившись возлѣ зыбки, стала распеченывать своего маленькаго, чтобы тутъ же при мнѣ, ни-сколько не стѣсняясь, покормить его грудью.

Черезъ минуту вошла еще одна женщина, старше возрастомъ, въ синемъ дубасѣ, за ней ворвалась снова дѣвушка, и онѣ, не обращая на меня вниманія, стали хлопотать около печи, даже не думая придѣться.

Я понялъ, что это ихъ единственное одѣяніе, и вышелъ изъ избы, гдѣ становилось душно отъ ребенка.

На улицѣ, подъ деревомъ, на бревнѣ я засталъ знакомаго старика, который шопотомъ о чемъ-то совѣтовался, повидимому, съ сыномъ. «Убьютъ» — подумалъ я еще; но стоило посмотрѣть на старика, какъ что-то успокаивало. Я началъ просить поправить свой челнокъ, сталъ спрашивать, далеко ли селеніе, рассказалъ еще разъ про себя, что я мирный человекъ и даже интересуюсь ими, соболѣзную ихъ отшельничеству; казалось, это успокоило ихъ, и они стали ко мнѣ дружелюбны.

Однако, въ то время, какъ старикъ, кажется, увѣровалъ въ меня, его сынъ, который посматривалъ на меня болѣе чѣмъ подозрительно, настоялъ на томъ, чтобы я сводилъ ихъ къ лодкѣ на берегу.

— Только ружье оставь, — сказалъ мнѣ, улыбаясь, старикъ, когда я было направился за оружіемъ, — у насъ тутъ хоть и водится медвѣдь, да людей не тронетъ...

«Убьютъ, непременно убьютъ», подумалъ я еще разъ, и покорно направился съ ними къ берегу знакомою тропою.

Тамъ, на берегу, ихъ настроеніе окончательно измѣнилось въ мою пользу: когда они осмотрѣли челнокъ, они узнали его, говоря, что видали, какъ вогулы на немъ плыли на Печору, чтобы достать тамъ лошадей для своего жертвоприношенія. Мой багажъ, жалкій багажъ, съ грязнымъ бѣльемъ тоже произвелъ на нихъ самое выгодное для меня впечатлѣніе, а когда я показалъ имъ мои топографическіе инструменты, которые привели ихъ въ не малое удивленіе, то они окончательно увѣрились, что передъ ними ученый человекъ, котораго, какъ они знаютъ даже по своимъ книгамъ, нечего и опасаться.

Однако, чтобы окончательно увѣрить себя, они попросили у меня одного слова:

— Ты скажи намъ, побожись, что не выдашь насъ начальству ни кому, — тогда мы тебя отпустимъ!

Мнѣ ничего не оставалось, какъ снять съ себя шляпу и осѣнить

себя крестнымъ знамениемъ, чтобы увѣрить этихъ боящихся начальства людей, что я не доносчикъ.

— И не напишешь никому?—спросилъ меня еще старикъ:—ты скрываешься писателемъ.

— И не напишу,—отвѣтилъ я, улыбаясь ему, и онъ улыбнулся мнѣ на этотъ разъ уже самымъ добродушнымъ образомъ и повелъ меня въ свою избу, поручивъ сыну хорошенько починить мой челнокъ, чтобы я могъ отправиться къ вечеру дальше.

Когда я вошелъ въ хижину, тамъ уже готова была для меня трапеза.

Съ какимъ волчьимъ аппетитомъ, помню, я уписывалъ ихъ калиновые пирожки, рыбу малосольную, семожью икру, намазывая ее большими ломтями!..

— Однако,—замѣчаю дѣду,—вы тутъ славно поживаете!..

— Видимъ, что Богъ послалъ. Слава Ему, тутъ всего въ изобилии: и семга въ рѣкѣ—у самаго нашего перекатика, и звѣрь въ лѣсу, а птица лѣсная чуть не садится къ намъ на домъ... Всего есть у Господа въ изобилии, только не надо жадничать человѣку. Жадность наша разгоняетъ звѣря; жадность наша выводитъ рыбу въ рѣкѣ, отъ жадности нашей и птица Божія улетаетъ отъ человѣка...

— Какъ же вы добываете птицу и звѣря? у васъ нѣтъ ружья?

— Не нужно и ружья человѣку, друже: силочкомъ можно пропитаться, былъ бы только живъ человѣкъ, ловушкой, ямкой тамъ можно изловить любую лѣсную скотинушку, сѣтями рыбу...

— А если медвѣдь?—говорю я ему.—У васъ тутъ пропасть медвѣдя.

— И медвѣдь не страшенъ человѣку пустынному, если ты его не тронешь! Къ намъ ходитъ вотъ одинъ ужъ не первое лѣто; недавно еще внучка его видѣла, какъ ставила силочки на тетерю: она къ силку, а онъ ужъ тамъ и ѣсть ее, тетерку. Тронь его на этой пакости—задереть! Видитъ онъ—дѣвушка на него не сердится,—только посмотрѣлъ на нее, даже не поднялся съ мѣста, а она его обошла и дальше къ дому. А поди съ ружьемъ—не бывать тебѣ и съ оружіемъ живу!

Я посмотрѣлъ на дѣвушку, которая такъ и осталась въ рубашкѣ, съ обнаженными плечиками, и спросилъ ее, неужели она не боится медвѣдя.

Но дѣвушка только вспыхнула вся и посмотрѣла на меня съ какой-то укоризною, словно предоставляя отвѣтить кому другому.

Старикъ замѣтилъ:

— Не замай ее разспросами: не къ лицу дѣвѣ-пустынницѣ разговаривать съ мірскимъ человѣкомъ.

Я понялъ ревность этихъ лѣсовъ и не сталъ вида показывать, что интересуюсь женщинами. Но изрѣдка я взглядывалъ на ихъ одѣваніе, которое было для меня такъ странно.

Ихъ бѣлыя рубашки, немного простроченныя на рукавахъ и груди красною ниткою, немного только спускались ниже колѣнъ и производили на меня такое впечатлѣніе, будто я попалъ въ спальню.

Слѣдомъ за первымъ замѣчаніемъ гостю послѣдовало и второе:

— Нельзя ли, друже, привязать куда пса: обнюхалъ всю избенку нашу, рошцуть женщины; не любимъ мы собаки, образа—подобія дьявольскаго.

Пришлось Лыска привязать къ ближайшей лѣсинѣ.

Послѣ трапезы въ тѣни сосны мы разговорились со старикомъ о книгахъ и церковномъ богослуженіи. Старикъ страшно ратовалъ противъ поповщины; я спорилъ съ нимъ, доказывая шаткость ихъ вѣры.

— Ты спасаешься, говорю, старикъ, а развѣ есть спасеніе, живя такъ семейно?

Старикъ съ достоинствомъ возразилъ:

— Не въ семьѣ грѣхъ, друже, — не въ женщинѣ — дьявольскомъ сосудѣ; а въ писаніи сказано: «не согрѣшивый — не спасется...»

— Да, какое же, говорю, спасеніе, дѣдъ, когда полонъ домъ ребятишекъ?

— И дѣти нужны, чтобы быть ангелами.

Я не понялъ этого мудраго отвѣта и продолжалъ:

— Какіе тутъ ангелы: вотъ подрастутъ, схоронять тебя, — и въ міръ. Тебѣ хорошо, ты прожилъ вѣкъ, а вѣдь имъ, поди, хочется пожить на свѣтѣ...

Старика видимо это сильно задѣло, онъ ничего не отвѣтилъ и только послѣ тяжелаго раздумья промолвилъ тихо, но убѣдительно:

— Этого Богъ не допуститъ!

Я перевелъ разговоръ на другую тему и сталъ разспрашивать тарика, какъ они тутъ живутъ, что дѣлаютъ, скучно ли имъ тутъ. О старикъ какъ-то сразу сдѣлался неразговорчивъ, какъ будто его обидѣлъ.

Нашъ разговоръ коснулся горнаго дѣла, съ которымъ старикъ акомъ былъ, — онъ былъ когда-то крѣпостнымъ, заводскимъ человекомъ. Базаюсь, я затронулъ что-то, особенно ему пріятное. Онъ же измѣнился вдругъ въ отношеніи ко мнѣ и сдѣлался ласковъ, что увидалъ родного человѣка.

— И золото знаешь какъ промывается?—спрашивалъ онъ меня.

— Какъ же, — говорю я, — я даже самъ былъ когда-то золотопромы-шленникомъ и знаю это дѣло вотъ какъ!...—Старикъ даже подско-чилъ на мѣстѣ, такъ это было для него неожиданно. Но потомъ какъ-то спохватился, чтобы не выдать себя, и только сказалъ:

— Пойдемъ не то къ лодкѣ.

Я не понималъ, зачѣмъ онъ ведетъ меня, —отправить меня сей-часъ или отдать какія распоряженія. Придя на берегъ, онъ заявилъ сыну:

— Постой, Иване, не торопись починкою, надо сводить этого человѣка въ Золотой ключигъ. —И между ними произошелъ продолжи-тельный, шопотомъ, разговоръ, послѣ котораго ремонтъ лодки былъ остановленъ окончательно, и мы направились другою тропою—вдоль рѣчки.

— Только съ условіемъ: не говорить, дать клятву, чтобы не выдать, —внушалъ мнѣ теперь старикъ важнымъ, серьезнымъ голо-сомъ. —Покажемъ тебѣ все, хочешь—дадимъ и золота, если ука-жешь; только—молчогъ. Жилу потеряли мы другой вотъ годъ, ука-жешь намъ жилу золотую—озолотимъ! Пропала она—найти, какъ бьемся, не можемъ!

— Развѣ вы добываете здѣсь золото?—спрашиваю я, поражен-ный этими открытіями.

— То-то и есть, что добываемъ. Не добывали бы, такъ не по-вели бы...

— И много?

Но старикъ промолчалъ, видимо рѣшивъ, что это—пустое лю-бопытство.

Черезъ полчаса мы были уже на Золотомъ ключигѣ—маленькой рѣчкѣ, вытекавшей изъ горъ, берега которой были буквально разрыты. Тутъ яма, въ другомъ мѣстѣ ровъ саженъ съ десятокъ въ длину, тутъ колодцы глубокіе, тамъ отбросы. Обычный видъ старательскаго золотого уральскаго прииска, гдѣ простой человѣкъ не золота, ка-жется, ищетъ, а только лишь счастья. Облюбуешь мѣстечко, ударить шурфикъ-другой и, если упадетъ на золото—моетъ его тутъ, пока самъ себѣ не зароетъ золота отбросами.

Я подошелъ къ отбросамъ, уже заросшимъ травой, взялъ гор-сточку и сразу замѣтилъ, что это—настоящая золотоносная почва. А старикъ съ сыномъ все шли далѣе и далѣе, уводя меня въ самую вершину маленькой рѣчки.

Мы прошли по крайней мѣрѣ съ версту разстоянія, и все было изрыто. Наконецъ, мы остановились около россыпи, только что раз-

рытой. Поперекъ русла сдѣлана была канава, глубокая и узкая, и тутъ же рядомъ—прудикъ. Около прудика былъ жалкій старый желобокъ, по которому текла вода, обмывая свѣжее дерновище.

— Какъ же вы добываете тутъ золото?—говорю я, смѣясь, и указываю на желобъ съ дерновищемъ и травю.

— Да такъ и моемъ, вотъ тутъ бросаемъ песокъ, а изъ дерна послѣ и вытрясываемъ золото на полотнище.

Ничего не говоря, я взялъ ихъ ковшъ, наложилъ золотого песку, и сталъ промывать его, чтобы узнать, что они моютъ.

Въ первомъ же ковшѣ, на днѣ, блеснула крупная, съ зерно ячменя, золотинка.

— Однако,—говорю,—у васъ тутъ прекрасное золото!...

— Это что, теперь далеко не то, что было раньше: повѣришь—нѣтъ, въ ковшѣ одномъ добывали по три доли золота, бывали и самородки!... Только пропала жила и теперь никакъ ея не сыщешь!

Мы занялись подробными розысками; я взялъ пробы выше по рѣчкѣ и ниже, и сказалъ старику, что просто они потеряли старое русло рѣки, которое осталось, вѣроятно, вправо. Но я замѣтилъ, что и тутъ довольно съ нихъ золота,—только нужно устроить вашгертъ.

Старикъ даже отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ, когда я пообѣщаль ему научить его, какъ нужно сподручнѣй добывать золото. Они тутъ же рѣшили, что я останусь у нихъ, благо я былъ одинъ, и никто не могъ заботиться обо мнѣ, даже если я пробуду у нихъ подольше.

И изъ нечаяннаго, непрятнаго, случайнаго гостя скита раскольническаго я вдругъ обратился въ гостя почетнаго.

Я дѣйствительно пробылъ съ недѣлю у этихъ добрыхъ лѣсныхъ людей, даже позабывъ на время доисторическаго человѣка; я дѣйствительно устроилъ имъ маленькій вашгертъ и показалъ, какъ нужно какъ слѣдуетъ добывать рассыпное золото; добрые люди даже выпарили меня въ своей банѣ; женщины выстирали мое грязное бѣлье, которое меня давно уже стѣсняло; даже Лыско и тотъ пользовался теперь нѣкоторымъ вниманіемъ, хотя его никакъ не пускали близко жилищу: болѣе,—я пользовался полною свободою: надолго ухотъ въ лѣсъ, чтобы поохотиться на крупную лѣсную птицу, скрылся по тропамъ, по которымъ были разставлены у нихъ петли и чупечки, удилъ рыбу въ горномъ ручьѣ, гонялся даже за оленями сограмя, и возвращался спокойно домой, зная, что меня ожидаютъ чай и ужинъ.

Меня не дичились даже женщины; дѣти забирались къ «дядѣ» на чни, укладывались со мною спать, и даже строгая застыбчивая

Ели, которая больше других избѣгала меня и была недоступнѣе, теперь засматривалась на меня до того, что я ловилъ ея взгляды.

Это была какая-то странная, строгая дѣвушка, какая-то тайна этихъ лѣсовъ, диварка молчаливая, такая же строгая и таинственная, какъ этотъ темный лѣсъ, окружавшій ея жилище. Ни разговоровъ, ни шутокъ, и порой такой сердитый, двоеданскій взглядъ, который такъ и обдастъ тебя студеною водою. И я помню, только разъ сказала она мнѣ нѣсколько словъ своимъ груднымъ и нѣсколько суровымъ голосомъ, когда мы вмѣстѣ съ ней тянули ночью неводъ.

Что за чудное время это было—эти ночныя тихія рыбалки! Я какъ сейчасъ вижу ихъ въ этомъ таинственномъ лѣсу.

Лишь только бывало наступить ночь и вышлыветъ изъ-за горъ сіяющій мѣсяць, особенно свѣтлый на этомъ дальнемъ Сѣверѣ, какъ старикъ, руководитель всѣхъ работъ, гонить, ведетъ насъ при свѣтѣ лучины по тропѣ къ ближайшему омуту рѣки. Тихая ночь, полумракъ, известковыя берега скалы въ какомъ-то таинственномъ сіяніи, и мы тихонько прокрадываемся къ рѣкѣ, чтобы тайно закинуть сѣти. Ни шума, ни разговоровъ,—одни всплески воды, когда по ней, при лунномъ сіяніи, скользятъ темныя лодки; тихо, торжественно опускается сѣть, тихо выносятся къ берегамъ рѣки мокрыя бечевки, и на тихомъ темномъ омутѣ лишь темныя поплавки, плывущіе вверхъ по рѣкѣ, вереницей.

Мокрая бечева рѣжетъ плечи, ноги уходятъ глубоко въ мокрый песокъ, грудь высоко и бурно вздымается; по въ этой картинѣ темной рѣки, съ луннымъ сіяніемъ, въ этихъ нависшихъ берегахъ, покрытыхъ темнымъ лѣсомъ, въ этихъ скалахъ съ причудливымъ очертаніемъ столько поэзіи, что все это забыто.

И вдругъ, со стороны переката, шумъ котораго доносится волнами—двѣ огненные съ искрами лодки. Какая-то феерія волшебная среди этой тишины сѣверной природы; какое-то допотопное чудовище, выплывающее вдругъ изъ-за крутого обрыва! Слышно только, какъ валяются угли и искры на воду, угасая тамъ съ шипѣніемъ, да въ воду летятъ маленькіе камешки, пугая чуткую рыбу. И вдругъ, когда лодки уже у самаго невода,—поворотъ кругомъ, бечевы встрѣчаются, сѣть спѣшно вытаскивается на берегъ, и рѣка оживаетъ. Это трепещутъ пойманныя чудовища, которыя, какъ полѣна, выскакиваютъ изъ воды черезъ сѣть, бьются хвостомъ, своими плавнями, мечутся, въ неводѣ, не желая разстаться съ свободой. А человекъ, жадный человекъ, уже столпился на берегу, торопится вытаскивать сѣти, что-то шепчетъ; кричитъ старикъ, что-то вотъ ближе, ближе шумно заплескалось въ неводѣ, и на что-то уже опустилось

громадное глушило... Шумъ, плескъ въ неводѣ, серебро при лунномъ сіяніи, и на берегу, песчаномъ мокрому берегу, уже скачутъ, корчатся, бьются о землю большія и маленькія рѣчныя обитательницы. Громадныя толстыя нельмы, семга серебристая, хариусы, горныя маленькія форельки... Сокровище этой рѣчки, чудное лакомство, и, кажется, что мы его уграли у самой природы...

И такъ всю ночь, и не одно плесо, пройденное неводомъ при лунномъ сіяніи, когда на насъ смотрять, какъ молчаливые свидѣтели, только вершины сѣдого Урала! Пройдетъ такая ночь, забрежитъ на Сѣверѣ, начнутъ валиться звѣздочки съ высобаго небосклона, и старикъ, довольный ловлей, ведетъ насъ снова въ темный лѣсъ, точно какой-нибудь колдунъ, таинственный владѣлецъ этого мѣста.

Такъ же таинственно, съ молитвою по утрамъ, расходилась его семья, отправляясь за ягодами, грибами, смотрѣть ловушки; такъ же таинственно, съ молитвою, она становилась на промывку тайнаго золота, когда выпадала для этого ненастная погода. И грибокъ, и ягоды, и золотыя блестящія крупинки сносились вечеромъ старику, и онъ, осматривая все, говорилъ, что это—даръ Бога. И мнѣ казалось, что я вижу живыхъ доисторическихъ людей, которые теперь только немного измѣнили свой образъ жизни.

Я подружился ужъ съ ними—съ этой лѣсной и дикой семьей, и, помню, когда настало время отправляться дальше, мнѣ даже жаль было расставаться съ ними.

Но нужно было ѣхать. Женщины, добрыя женщины, искренно полюбившія меня, теперь уже наготовили мнѣ пирожковъ въ дорогу и лепешекъ; старикъ мнѣ сунулъ на память въ руку, вѣроятно, какъ награду, маленькій сверточекъ, въ которомъ оказались золотыя самородки, и какъ-то таинственно простилась со мною недоступная дѣвушка, которая только издали бивнула мнѣ своею милой и славною головкой.

Старикъ проводилъ меня самъ до моей лодки, къ которой, словно понимая, что мы отправляемся, весело бѣжалъ, помахивая хвостомъ, и Лыско. И вотъ я снова одинъ, на водѣ, въ моемъ челногѣ, къ горому только придѣлали добрые люди, для безопасности на водѣ, ленькіе борты; вотъ и послѣдній, страшный перекалъ позади, о которомъ меня предупреждалъ старикъ, чтобы я снова не потерпѣлъ крушеніе, уже осталось десять плесъ позади, ужъ этотъ свѣтъ союга старикомъ и молчаливою дѣвушкою словно потонулъ гдѣ-то далеко, оставшись какъ воспоминаніе, какъ вдругъ съ берега летитъ надаютъ передо мной маленькій камешекъ.

Я помню, что даже вздрогнулъ отъ этой неожиданности; но взглянулъ по данному направленію, и я увидѣлъ бѣлый, знакомый платочекъ.

Причалить лодку было однимъ мгновеніемъ, въ другое я взбираюсь на отвѣсную, высокую скалу, и передо мной Ели, прижавшаяся къ дереву; на лицѣ ея — смущеніе и яркая краска.

Я было за руку, но она сердито, попрежнему, выдернула ее и проговорила такъ строго:

— Возьмите меня съ собой, братецъ, я убѣжала изъ дому!

Это было такъ поразительно, что я съ минуту не могъ понять, что случилось. Но дѣвушка объяснила. Ей тяжело, видите ли, въ лѣсу, хочется жить, дѣдушка пугаетъ ее сожженіемъ.

— Но вѣдь насъ нагоняютъ съ тобой?—говорю я, но она увѣряетъ, что у ней весло, которымъ она будетъ быстро, быстро огребаться всю дорогу.

— Но вѣдь тамъ селенія? Насъ могутъ остановить рыбаки?

Дѣвушка ничего не боится и говоритъ:

— Я лучше утоплюсь въ этой рѣкѣ, чѣмъ дамся кому въ неволю! Все равно,—заключила она,—если не возьмешь, я не ворочусь, а брошусь лучше съ этой скалы въ омутъ!

И это сказала она такимъ серьезнымъ голосомъ, что я уже не колебался. Черезъ пять минутъ я ее усаживалъ въ челнокъ, между нами помѣстился мой Лыско, теперь, видимо, даже довольный, что мы ѣдемъ въ такомъ веселомъ обществѣ, и мы взяли за весла, быстро, быстро гребли, и челнокъ словно ожилъ подъ нашими веслами и понесся, какъ будто за нами была уже погоня.

— Тихе, Ели, ты устанешь такъ! Вѣдь за нами еще не гонятся, — говорю я дѣвухѣ, но она только оборачиваетъ ко мнѣ свое блѣдно-нос, немного раскраснѣвшееся личико, и, улыбаясь, говоритъ:

— Ничего, у меня довольно силы!

— Какъ ты догнала меня?—спрашиваю я, когда мы, наконецъ, разговорились съ ней.

— А пока ты огибалъ этотъ мысъ, я бѣжала тропинкою, по которой ставила ловушки тетерямъ.

— Какъ ты ушла? Тебя не замѣтили?

— Нѣтъ,—говоритъ,—меня дѣдушка самъ послалъ посмотрѣть тетери ловушки.

— Гдѣ же тетери?—говорю я, смѣясь.

— Ни одной даже не посмотрѣла ловушечки, такъ торопилась, чтобы ты не проѣхалъ это плесо; потому мнѣ бы не догнать тебя, — ты былъ уже далеко, за перекатомъ.

— Отчего ты не сказала мнѣ этого ранѣе?

— Я боялась, что ты мнѣ откажешь!

И мы гребли и гребли, только оглядываясь назадъ на поворотахъ шеса.

Но тамъ ничего не было, былъ только слѣдъ отъ нашего движенія въ видѣ маленькой полосочки по тихой водѣ, который тотчасъ же пропадалъ за нами, какъ бы скрывая наше бѣгство.

Разъ даже дѣвушка чуть не выбросилась съ лодочки, когда вдругъ рядомъ на скалѣ раздался какой-то подозрительный шорохъ. Оказалось—медвѣдь, который потомъ съ шумомъ понесся по лѣсу, словно выворачивая тамъ съ перепуга деревья. Ели даже выронила весло и поблѣднѣла такъ, что я испугался, чтобы съ ней не сдѣлался припадокъ; я сталъ утѣшать ее, она заплакала—такъ были слабы и натянуты ея нервы. Въ другой разъ она страшно перепугалась, когда на пути мы неожиданно вспугнули оленя. Не то онъ шилъ, не то такъ стоялъ, преслѣдуемый мошгами, какъ мы наѣхали на него чуть не самой лодкой,—не замѣтивъ. Животное съ шумомъ выпрыгнуло на берегъ, поднимая воду. Лыско чуть не потопилъ челнокъ, бросившись за нимъ прямо съ лодки въ погоню, а Ели приникла ко мнѣ и охватила меня руками, блѣдная, дрожащая.

Но, къ счастью, берегъ былъ вблизи, я выскочилъ и вытащилъ и ее, и лодку на берегъ, и мы отдѣлались только испугомъ.

Какъ смѣялась она послѣ, выжимая свою бѣлую курточку и юбку.

Мы были уже далеко, догнать насъ не было возможности, и единственная забота была—это не попасть на глаза рыбакамъ и въ селеніи, которое нужно было проскочить подъ самый уже вечеръ.

— Проѣдемъ, не бойся,—утѣшалъ я Елю, и она глядѣла на меня уже какъ на спасителя, улыбалась довѣрчивой и милой улыбкой.

Мы, дѣйствительно, счастливо миновали партію рыбаковъ, которые, къ нашему счастью, спали послѣ обѣда; селеніе, маленькое селеніе мы проѣхали уже ночью и такъ, что тамъ насъ не слышала даже чуткая собака. Мы только попали было на какого-то рыбака, одинокаго стоявшаго у своей лодки на берегу, но мы прикинулись незнающими и зыгъ вогулами и пронеслись быстро по рѣкѣ, не отвѣчая ни с ва.

Была уже недалеко самая Печора; наша рѣка вдругъ сдѣлалась г. бокою и широкою, окутавшись вечернимъ туманомъ, и мы даже ркнули завернуть въ одну встрѣчную курью, чтобы вздохнуть тамъ и того послѣ сильнаго утомленія, отъ котораго ныло въ рукахъ и сѣ и отвѣчалось во всемъ тѣлѣ болью.

Какой незамѣнимой хозяйкою оказалась Еля на этомъ становищѣ, какъ скоро она добыла огонь, какъ быстро она вскипятила мнѣ маленькій дорожный чайничекъ, съ какимъ умѣніемъ и ловкостью она поддерживала огонь, какъ ласково, мило угощала тѣми же самыми жанежками, которыя сама стряпала мнѣ, быть можетъ уже съ мыслью о бѣгствѣ!

Тутъ, на этомъ памятномъ бережкѣ, подъ высокою, вѣтвистою, громадною елью, развѣсистой, при огнѣ, она повѣдала мнѣ свою жизнь и свое горе.

Она хорошо помнитъ себя, когда мать увела ее въ лѣсъ, и онѣ очутились у этого дѣдушки. Ей приглянулось сначала въ лѣсу, — такъ тихо, уютно, хорошо было тамъ, такъ весело бѣгала шустрая бѣлка. Братья приносили ей какихъ-то невиданныхъ птицъ и звѣрей; однажды принесли ей на носилкахъ сохатаго звѣря... Они ловили рыбу въ рѣкѣ, собирали и ягоды; она привыкла, полюбила ропотъ бора... Не скучно совсѣмъ было и въ трудную, зимнюю пору: они пѣли семьею длинные псалмы, дѣдушка рассказывалъ имъ про заводскія работы, а порой, въ бурную погоду, когда разыгрывался въ лѣсу буранъ, прибѣгали неожиданно и родственники, принося вѣсти изъ міра. Но мало тамъ въ лѣсу говорили про міръ: говорили больше про спасеніе, и эти слова наводили на дѣтское сердце ужасъ. Она страшно боялась огня, которымъ очищались души грѣшныя; она страшно боялась «огненного крещенія»... Приходили зимой откуда-то и неизвѣстные странные люди. Дѣдушка долго съ ними совѣтовался, ихъ угощалъ, потомъ высыпалъ передъ ними кучку золота, которое они уносили...

Потомъ стали ее учить. Ей долго не давалась церковная, трудная грамота, которая странна казалась ей, и какъ бы застлала свѣтъ.

Однажды ушелъ ее братъ за звѣремъ съ ловушками и такъ и не воротился по сю пору. Что только было въ ихнемъ лѣсу, когда дѣдъ узналъ, что онъ предался міру! Онъ хотѣлъ сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, который уже приготовилъ въ лѣсу изъ старыхъ, толстыхъ сучьевъ, но его умолили женщины, просили пощадить дѣтей, которыхъ онѣ носили подъ сердцемъ. Мать такъ сокрушалась о сынѣ, такъ плакала отъ упрековъ старика, который обвинялъ ее, считалъ ее виновницею бѣгства, что она зачахла съ тѣхъ поръ и умерла, не дождавшись слѣдующаго лѣта. Это была первая смерть въ ихъ лѣсу, и дѣвушка помнитъ ее какъ будто въ сновидѣніи. Сходилъ откуда-то разный народъ, мать таскали куда-то къ рѣкѣ на маленькихъ саночкахъ еще полумертвую, принесли обратно и такъ и положили ее

въ мокрой рубашкѣ, обледенѣвшую, въ переднемъ углу подъ образами. Она умерла. Дѣвочка не смѣла даже плакать отъ страха! Куда они унесли ее, что съ ней сдѣлали, она не знаетъ.

Потомъ убѣжала весной старшая сестра въ другой скитъ, гдѣ она полюбила скрывавшагося отъ реврутчины бѣглаго парня. Старикъ проклялъ ее, но воротилъ; она снова бѣжала потомъ, старикъ настигъ ее, и гдѣ она теперь, Ели не знаетъ. Старикъ даже не помнитъ ея: онъ говоритъ, что она ушла къ дьяволу. Она думаетъ, увѣрена, что она утопилась.

Жениха ея нашли вдолгъ послѣ того повѣсившимся на деревѣ. Сколько воронья слетѣлось клевать его тѣло!

Затѣмъ привозили въ ихъ скитъ какую-то богатую, чудную дѣвушку.

Старикъ всю зиму отчитывалъ ее, —она не осушала глазъ. Куда увезли ее потомъ весной съ малюткой-мальчикомъ, она не знаетъ. Все это помнить она, какъ во снѣ; все это страшно ее пугало, волновало. Какимъ-то ужаснымъ ей казался послѣ лѣсъ, какимъ-то дикимъ это лѣсное спасеніе. По временамъ на нее находили сомнѣнія; по временамъ ей жутко становилось въ лѣсу; но бѣжать не было возможно: старикъ сторожилъ ее зорко отъ чужого глаза, и когда зимой приходили родные изъ деревень, являлись странные покупатели золота, онъ уводилъ ее на время въ лѣсъ и заставлялъ вязать тамъ одиноко сѣти.

Это—суровый, жестокосердный старикъ. Чѣмъ старше онъ становится, тѣмъ болѣе онъ суровъ и строгъ: онъ бьетъ женщинъ за самые пустяки, онъ взыскиваетъ съ нихъ неукоснительно за каждый промахъ, или заставляетъ ихъ молиться день и ночь, читать по часамъ старыя книги и власть поклоны.

По временамъ на него находить изступленіе, и онъ готовъ запретить ихъ въ избѣ, сечь поздней ночью, но онѣ отмаливаются слезами своими горячими, просятъ отложить огненное вращеніе.

— Что будетъ теперь!... Что будетъ теперь!...—закончила бѣдная дѣвушка, и даже задрожала вся, затряслась, прижавшись ко мнѣ, и мысли, что будетъ тамъ въ скиту, когда онъ догадается о бѣгствѣ.

— Сожжетъ!... Сожжетъ!... Завтра же сожжетъ всѣхъ!—шепнула она, и слезы душили ее, ея слабыя, полудѣтскія плечики трепали отъ рыданій.

Я утѣшалъ ее: онъ подумаетъ, что ты заблудилась въ лѣсу... подумаетъ, что ты встрѣтилась съ медвѣдемъ... Но она только

— Жегъ бы себя самого, проклятый дѣдушка!—крикнула она въ изступленіи, и сама испугалась своего громко раздавагося въ лѣсу голоса, и прижалась ко мнѣ въ испугѣ.

Я успокоилъ ее, просилъ не волноваться, и мы проговорили съ ней всю ночь, даже позабывъ о страшномъ утомленіи.

Подъ утро ее сломила усталость, и она такъ и заснула у меня на колѣняхъ, обнявши меня рукой, какъ бы боясь, чтобы я не оставилъ ее, не выдалъ ее пустынь.

Насъ разбудила бѣлочка, которая, оказывается, спала на этой толстой и вѣтвистой ели: она уронила на насъ еловую шишку, и это такъ поразило насъ, что мы оба похолодѣли отъ страха. Но я указалъ Ели пушистую виновницу на вѣточкѣ, и она улыбнулась звѣрцу, и сказала:

— Она всегда заигрываетъ со мной въ лѣсу, сколько разъ она пробуждала меня отъ думъ, — и вдругъ заторопилась въ дорогу.

Мы выскользнули изъ ночного убѣжища на лодочкѣ и понеслись по рѣкѣ еще въ утреннемъ туманѣ.

Сегодня Ели была какая-то сіяющая, какой-то румянецъ нѣжный игралъ на ея щекахъ, и она все время оглядывалась въ мою сторону, смотрѣла на меня и улыбалась.

Я спросилъ ее, чему она рада. Она отвѣтила:

— Я сегодня узнала свободу! Теперь не догонять меня: скоро Печора!

— Буда ты, къ кому ты пойдешь?—спрашиваю я ее съ замираніемъ сердца.

— У меня гдѣ-то здѣсь есть добрая тетушка... Она схоронитъ меня, она не прогонитъ.

Когда мы, наконецъ, выѣхали на просторъ большой рѣки, Ели даже заплакала отъ радости, увидавъ вдали деревню. Громадная рѣка шумно катила волны; на серединѣ ея ходили бѣлые, шумящіе гребешки, и я было призадумался переправляться на ту сторону, но Ели заволновалась:

— Все равно!... Все равно!... Пусть захлестнетъ водой... пусть... но только ради Христа скорѣе къ тому берегу, скорѣе!

И мы съ силою загребли противъ теченія, и у Ели закружилась голова.

Насъ спасли только набоины: волны не разъ заглядывали въ нашу несчастную, легкую, какъ перышко, душегубку, но какая-то отвага была въ груди, хотѣлось выбраться отсюда съ дѣвушкой, и я радостно крикнулъ:

— Вотъ берегъ!

Она приподнялась на носу нашей лодочки, гдѣ лежала долго, неподвижно, словно ожидая смерти, и такъ и протянула ручки по направленію къ берегу, какъ будто видя уже свободу.

Я думалъ, что она убѣжитъ отъ меня по направленію къ деревнѣ, не простившись; но она только ждала меня теперь на берегу, чтобы броситься ко мнѣ съ земнымъ поклономъ.

— Спасибо тебѣ, братецъ!—проговорила она и обвила такъ ноги мои, что я пошатнулся на мѣстѣ.

Но прежде чѣмъ я поднялъ ее и опомнился, она разстегнула свою бѣлую рубашку, сняла съ груди свой гайтанчикъ новенькій, съ серебрянымъ, осьмиконечнымъ крестикомъ и надѣла на меня, проговоривши:

— Ты мой крестный братецъ!—и такъ прижалась къ моей груди, такъ заплакала, что у меня заныло сердце.

Она, пошатываясь, ушла отъ меня, словно унося какое-то горе вмѣсто радости и свободы; Лыско порывался даже бѣжать за мою случайною спутницею, но я свиснулъ его и задумчиво отправился своей дорогой.

Гдѣ она, эта чудная дѣвушка, моя крестная сестрица, я не знаю: мнѣ не привелось бывать въ этомъ краю послѣ этого случая, но я увѣренъ, она нашла тамъ счастье, я увѣренъ, она нашла тамъ свободу!

Н. Носимовъ.

Въ сумерки.

Не зажигай огня! Не вспугивай видѣній
Умоленувшаго дня,
Чтобъ не замкнулась цѣпь живыхъ пригосновеній,
Ласкающихъ меня.
Мнѣ хочется вдыхать ихъ ароматъ безцѣльный,
Внимать ихъ смутный зовъ
И плыть задумчиво на лодкѣ безвесельной,
Не видя береговъ.
И въ зыбкихъ сумеркахъ все то, что было свято,
Я смутно уловлю
И снова все пойму, какъ въ дѣтствѣ я когда-то,
И все благословлю...

Л. М. Василевскій.

НА ОЗЕРѢ.

I.

Просыпаясь, Любавинъ еще сквозь дремоту спрашивалъ себя: «какова-то нынче погода?» потомъ поглядывалъ сонными глазами на окна, задернутыя легкими бѣлыми занавѣсками, и морщился. Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ онъ гоститъ у Ислемовыхъ, а ясныхъ дней почти не было: или небо затянуто сплошь какимъ-то грязнымъ, мокрымъ холстомъ, или съ утра сѣетъ дождь неторопливый, равномерный, унылый.

Медленно одѣваясь и умываясь, Любавинъ съ неудовольствіемъ думалъ объ Ислемовѣ: «Артемій Борисовичъ любитъ рассказывать, какъ онъ облагодѣтельствовалъ своихъ орловскихъ крестьянъ: продалъ имъ, видите ли, имѣніе за безцѣнокъ. А я увѣренъ, что онъ просто струсилъ, какъ бы его не разгромили, и поспѣшилъ продать имѣніе черезъ крестьянскій банкъ. Нагрѣлъ при этомъ себѣ руки. Это ужъ всеконечно. Недаромъ онъ такъ хлопоталъ тогда въ Петербургѣ. Вѣдь они тамъ всѣ — друзья-пріятели!»

Причесываясь передъ зеркаломъ, онъ подозрительно всматривался въ свое лицо: оно казалось ему болѣзненно одутловатымъ и преждевременно поблекшимъ. Въ сущности, Николай Петровичъ производилъ впечатлѣніе красиваго и симпатичнаго мужчины, нѣсколько изжившаго себя, но еще свѣжаго и молодого. Его полноватое загорѣе лицо казалось на первый взглядъ мужественнымъ, какъ и вся ея крупная складная фигура. Но уже со второго, болѣе внимательнаго взгляда можно было подмѣтить въ его умныхъ сѣрыхъ глазахъ что-то тревожно-затаенное и неувѣренно-пытливое, да и вся фигура ея начинала казаться нѣсколько вялой, тяжеловѣсной, даже какъ будто развинченной. «Однако, мнѣ ужъ тридцать съ хвостикомъ, — думалъ онъ, повязывая галстукъ и морщась. — Вонъ Байронъ утвер-

ждаешь, что послѣ тридцати лѣтъ и жить не стоитъ. Пожалуй, онъ правъ».

Въ пасмурную погоду кофе пили не на террасѣ, а въ столовой, потому что Софья Андреевна, жена Ислемова, безумно боялась сырости. Любавинъ входилъ съ казеннымъ оживленіемъ на лицѣ, съ дружелюбной улыбкой на губахъ, съ напускной бодростью движеній. Темно-русые волосы и борода, старательно причесанные и приглаженные, отложной крахмальный воротничокъ, веселаго цвѣта, повязанный съ артистической небрежностью бѣлымъ галстуккомъ-шарфомъ, и весь костюмъ его, такъ славно сидящій на его представительной фигурѣ, — все производило впечатлѣніе хорошаго тона и приличной молодцеватости.

Искусно притворяясь пріятно настроеннымъ и довольнымъ всѣмъ и всѣми, онъ терпѣливо выслушивалъ философствованія Ислемова. Съ тѣхъ поръ, какъ Артемій Борисовичъ удачно продалъ свое орловское имѣніе и положилъ въ банкъ крупную сумму, онъ сдѣлался, по его собственному признанію, философомъ: разсуждалъ съ благодушной ироніей о политикѣ, разводилъ садъ и копался въ огородѣ, «подобно древнему Діоклетіану».

— Право, я только теперь, когда мнѣ за шестьдесятъ, начинаю жить въ истинномъ смыслѣ этого слова, — говорилъ Ислемовъ, смачно поглощая свою утреннюю порцію Мечниковской простокваши. — Я только теперь вхожу настоящимъ образомъ во вкусъ жизни и могу увѣрить васъ, что это — весьма недурная штука: надо только не принимать въ серъезъ такъ называемую политику и ѣсть по утрамъ простоквашу. Хе-хе... Повѣрьте мнѣ, дорогой Николай Петровичъ: мудро живетъ лишь тотъ, кто живетъ, такъ сказать, облизывая пальчики... хе-хе.

И въ самомъ дѣлѣ, довольно было взглянуть на румяное загорѣлое лицо Ислемова, на его круглый аппетитный подбородокъ и сочныя красныя губы, чтобы удостовѣриться въ его жизнерадостности. Его жирный благодушный смѣшокъ, его пушистыя и глянцевитыя, точно шелкъ, баки, которыя онъ любилъ расчесывать своими бѣлыми, полными, выхоленными пальцами, все наводило на мысль о чемъ-то вкусномъ и сытномъ, о какомъ-то свѣжемъ и вкусно приготовленномъ блюдѣ съ разными соблазнительными приправами.

Любавинъ вѣжливо выслушивалъ это «мурлыканье сытаго животнаго», поглядывая на дверь, откуда должна была войти Жѣня. Софья Андреевна, очень моложавая для своихъ сорока пяти лѣтъ, тоненькая и хрупкая, молча пила какао и вздыхала, смотря на дождевые потоки, медленно ползущіе по стекламъ. Вѣра Артемьевна,

старшая дочь Ислемовыхъ, полная и пышная, съ аппетитомъ, никогда не измѣнявшимъ ей, кушала яйца въ смятку, облизывая языкомъ пухлыя губы, и тоже молчала. Въ Любавинѣ онѣ обѣ возбуждали досадливое недоумѣніе: «что эти дамы дѣлаютъ по цѣлымъ днямъ? Въ чемъ проходитъ ихъ жизнь? Какъ дѣды и отцы ихъ жили паразитами на крестьянской шеѣ, такъ живутъ и всѣ они, эти Ислемовы».

Въ дверяхъ показывалась Женя, встававшая всегда позже всѣхъ, и Любавинѣ мгновенно добрълъ. Эта худенькая, стройная, еще не совсѣмъ сложившаяся дѣвушка, съ манерами граціознаго ребенка, была общими вумиромъ. Ею любовались и въ институтѣ, который она недавно кончила, и дома, гдѣ на нее продолжали по старой памяти смотрѣть, какъ на маленькую, наивную дѣвочку. И въ самомъ дѣлѣ, въ изящномъ овалѣ ея смуглаго личика было что-то дѣтски-нѣжное и дѣтски-невинное, а въ живыхъ глазахъ, казавшихся Любавину то темно-голубыми, то синими, такихъ ясныхъ и довѣрчивыхъ, играла по временамъ чисто-дѣтская шаловливость.

«Я положительно люблю ее!» говорилъ себѣ Николай Петровичъ, чувствуя, какъ съ появленіемъ Жени всѣ оживились, точно въ комнату ворвалась струя свѣжаго ароматнаго воздуха. Но когда начинался длинный разговоръ о томъ, какъ кто спалъ и какавъ сегодня опять плохая погода, когда Ислемовъ заводилъ свою обычную рѣчь о службахъ, которыя онъ собирался выстроить, и о купальнѣ, которую надо было поправить, Любавинымъ опять овладѣвало странное, почти болѣзненное недоумѣніе, такъ раздражавшее его, и онъ спрашивалъ себя: «да, зачѣмъ, въ сущности, торчу я здѣсь и долго ли еще буду торчать?»

Покончивъ съ кофе, не знали, что дальше дѣлать. Посматривали въ окна на дождь, постукивали по барометру. Софья Андреевна пересаживалась въ качалку и откидывала голову съ видомъ человѣка, выбившагося изъ силъ. Артемій Борисовичъ слонялся по комнатамъ, какъ бы обдумывая что-то, затѣмъ уходилъ бесѣдовать съ поваромъ. Любавинѣ читалъ дамамъ какую-нибудь повѣсть изъ толстаго журнала, а въ душѣ у него все время скребло: «Уѣду... Завтра же уѣду!».

Потомъ долго-долго сидѣли за завтракомъ, и Артемій Борисовичъ странно объяснялъ, что такое, собственно говоря, политика:

— Съ философской точки зрѣнія это есть не что иное, какъ оминая многоголовая вляуза. Да, да... Это—нескончаемая тяжба завахаъ, въ которой въ концѣ-концовъ никто ничего не выигрываетъ, и обѣ стороны платятъ протори и убытки. Она наполняетъ

жизнь враждой, лихорадкой борьбы, громом трескучихъ фразъ, безпрерывной грызней противъ всѣхъ...

Послѣ завтрака, если погода продолжала быть неисправной, Ислюмовъ предлагалъ сыграть въ винтъ, увѣряя, что это очень содѣйствуетъ пищеваренію. Играли всѣ, кромѣ Жени, потомъ наскоро пили чай и опять играли. Любавинъ, мучимый «ржавыми» (какъ онъ называлъ) мыслями, игралъ разсѣянно. Ему казалось страннымъ, что онъ, человѣкъ труда, демократъ по своему происхожденію и взглядамъ, сблизился до такой степени съ праздною барскою компаніей. Это было большимъ мѣстомъ Любавина. Со школьной скамьи привыкъ онъ бранить буржуазію, коситься на капиталистовъ, ворчать на привилегированныхъ. Слова: «дивиденды, проценты, купоны, рента, превосходительство, сѣятельство», онъ произносилъ не иначе, какъ съ усмѣшкой. И въ то же время онъ, Николай Петровичъ Любавинъ, строилъ для богатыхъ людей дома, фабрики, самъ откладывалъ деньги въ банкъ; завелъ незамѣтно для себя самого широкое знакомство съ капиталистами; игралъ съ коммерсантами въ карты, танцевалъ на буржуазныхъ журфиксахъ съ буржуазными барышнями, пилъ шампанское съ «дивидентщиками» и самъ получалъ со своихъ акцій недурные дивиденды.

Онъ объявлялъ, что ему надоѣли карты, и вставалъ изъ-за стола, отыскивая глазами Женю. Она, какъ и онъ, тоже не находить себѣ съ утра мѣста: подойдетъ то къ одному, то къ другому, откроетъ рояль, небрежно сыграетъ что-нибудь, потомъ захлопнетъ крышку, возьметъ книгу и уйдетъ къ себѣ въ комнату, потомъ опять вернется, станетъ у окна и смотритъ на мокрыя деревья, а въ ея прелестныхъ наивныхъ глазахъ свѣтится все время не дѣтская грусть. Улучивъ минуту, Любавинъ удалялся съ нею въ сосѣднюю комнату, чтобы поговорить наединѣ, но ничего не выходило. Во время прогулокъ они разговариваютъ обо всемъ такъ легко и свободно, а въ комнатахъ этого ужъ нѣтъ: едва они остаются съ глазу на глазъ, какъ Любавинъ первый начинаетъ чувствовать неопредѣленную опасливость. Раздается ли поблизости жирный голосъ Артемія Борисовича, пройдетъ ли мимо своей плавной лѣнливой походкой Вѣра Артемьевна, ему мерещется, что и отецъ Жени, и сестра, и мать, всѣ находятъ его поведеніе двусмысленнымъ. И въ продолженіе всего ненастного дня они оба съ Женей ощущаютъ какую-то связанность, которой никакъ не могутъ преодолѣть: оба напряженно ждутъ какой-то развязки и, не дождавшись, расходятся спать, нравственно-разслабленные и недовольные собой. «Уѣду! Завтра же уѣду!» говорилъ Любавинъ, словно угрожая кому-то.

Но наступало «завтра» и «послѣ завтра», а онъ не уѣзжалъ. И каждый день повторялось одно и то же: «ржавыя» мысли, вялое убиваніе времени, постукиванія по барометру и философствованія Артемія Борисовича, вздохи Софьи Андреевны, недоумѣлое ожиданіе въ глазахъ Жени—и дождь, дождь безъ конца.

II.

Въ вечеру стало проясняться, и хмурое небо улыбалось все чаще, все увѣреннѣе. Наконецъ, солнце выпуталось изъ-за густой сѣти тяжелыхъ низкихъ облаковъ и вдругъ показалось низко надъ озеромъ, радостное, торжественное, привѣтливо-побѣдоносное. Можно было ждать великолѣпнаго заката, и Жениа, выйдя на террасу въ шантильѣ и калошахъ, предложила Любавину пойти на откосъ по-смотреть, какъ солнце будетъ погружаться въ озеро.

На самомъ краю откоса стояла когда-то скамейка, отъ которой остались теперь только два почернѣвшихъ столбика.

— Сядемте здѣсь, — сказала Жениа.

— Сыро!

— Ничего.

Жениа усѣлась на мокрый столбикъ и смотрѣла на солнце, быстро спускавшееся по горизонту. Любавинъ остался на ногахъ и глядѣлъ на Жениу.

Смуглая, необыкновенно нѣжная и тонкая кожа ея лица окрашивалась теперь розоватымъ отблескомъ заходящаго солнца, сіявшимъ и въ ея широко открытыхъ счастливыхъ глазахъ. И вся она, такая тоненькая, изящная, съ маленькими руками и ногами, съ сѣрымъ капюшономъ, изъ котораго такъ граціозно высывалась ея головка съ вьющимися каштановыми волосами, казалась Любавину пропитанной этимъ живымъ розовымъ свѣтомъ, искрящимся въ каждой ея чертѣ.

«Конечно, я люблю ее», думалъ онъ, любуясь дѣвухой и начиная ощущать въ себѣ самомъ этотъ розовый праздничный свѣтъ. Ему хотѣлось сейчасъ же сказать ей что-нибудь красивое, задушевное, такое же розовое, но вмѣсто этого онъ произнесъ:

— Встаньте: простудитесь.

— Ничего... Вы посмотрите только, какая прелесть!

Она кивнула ему на солнце и провела рукой широко по горизонту. Любавинъ впервые осмотрѣлся и былъ пораженъ красотой зрѣлища. Солнце, готовое окунуться въ озеро, все увеличиваясь и краснѣя, бросало на водный просторъ золотисто-красныя полосы, бо-

лебавшіяся вмѣстѣ съ переливами волнъ. Озеро, огромное въ длину, еще не успокоившееся послѣ продолжительныхъ вѣтровъ, дрожало мелкой дрожью, и Любавину чудилось, что оно дрожить отъ полноты жизни и радости. Сплошной мелкій кустарникъ, покрывавшій крутую сторону откоса зелеными кудрями, торопливо и радостно сбѣгалъ внизъ къ озеру, сверкавшему величавой красотой; а молчаливый лѣсъ, тянущійся безъ конца по высокому берегу, смотрѣлъ въ воду, скрывая въ глубинѣ своихъ темныхъ нѣдръ какую-то тайну жизни, жуткую и радостную.

Но вотъ солнце зацѣпило краемъ за воду и вдругъ стало быстро-быстро падать, точно кто-нибудь схватилъ его и потащилъ внизъ. Вмѣстѣ съ этимъ стали такъ же быстро спускаться на озеро и на землю прозрачныя мягкія сумерки; затуманился, посинѣлъ, потомъ почернѣлъ лѣсъ, и нерѣшительно, стыдливо выглянулъ изъ-за него блѣдный, наивный серпъ луны, освѣтившій угрюмое лицо Любавина.

— Вы въ послѣднее время чувствуете себя, должно быть, нехорошо?— сказала застѣнчиво Женя своимъ слабымъ, но необыкновенно чистымъ и чарующе-ласковымъ голосомъ. — Вы скучаете у насъ. Я давно замѣтила это.

— Нѣтъ, я не скучаю. О комъ или о чемъ мнѣ скучать?

— Вы бросили свои дѣла въ Петербургѣ. Не знаю, право, но мнѣ кажется, что всегда скучаешь по дѣлу, которое любишь.

— Ну, насчетъ того, люблю ли я... Мнѣ, конечно, нравится разрабатывать свои строительные планы и приводить ихъ въ исполненіе. Если работа идетъ успѣшно, я радуюсь, но чтобы у меня при успѣхѣ духъ захватывало отъ восторга... Нѣтъ, нѣтъ, этого никогда не бываетъ. Настоящей любви, которая поглощаетъ всего человѣка, тутъ нѣтъ. А надо непременно любить что-нибудь всемъ сердцемъ, всеми помыслами, всеми нервами.

Онъ задумался, удивленный тѣмъ неожиданнымъ для него самого оборотомъ, какой приняла ихъ бесѣда, и внезапной томительной грустью, вытѣснившей у него незамѣтно «розовое» настроеніе. Откуда она налетѣла? Повѣяло ли грустью изъ потемнѣвшаго лѣса? Дохнуло ли ею отъ нахмуривагося озера? Или принесъ ее съ собою печальный и робкій свѣтъ луны, взобравшейся уже высоко надъ лѣсомъ?

Дѣлалось сыро. Женя встала со своего столбика и повернула къ Любавину, кутаясь къ мантильи. Ея худенькое, нѣжное личико поблѣднѣвшее отъ мертвенныхъ лунныхъ лучей, казалось серьезнымъ, усталымъ, почти больнымъ.

— Это нехорошо, если вы никого... если вы ничего не любите...—

произнесла она тихо и застычиво, но твердо, почти строго.—Это очень нехорошо. Вы, должно быть, чувствуете себя очень несчастливый?

Любавинъ замеръ, пораженный ея лицомъ и глубоко-серьезнымъ тономъ. До сихъ поръ Женья была въ его глазахъ наполовину прелестнымъ ребенкомъ, любимымъ всѣми, избалованнымъ, но добрымъ и не испорченнымъ отъ баловства. Онъ зналъ, что она любитъ читать, мечтать, что сердце у нея очень отзывчивое и чуткое. Но откуда у нея вдругъ взялся этотъ тонъ глубокаго убѣжденія, такой прочувствованный и даже какъ будто властный,—тонъ, которымъ говорятъ только вещи, много разъ продуманныя и выстраданныя?

— Да, счастливымъ я назвать себя не могу, — началъ было онъ, стараясь собраться съ мыслями, и вдругъ у него невольно вырвались слова, которыхъ онъ за минуту передъ тѣмъ ни за что бы не рѣшился высказать. — Если я кого люблю, такъ это васъ... васъ!...

Глаза Жени блеснули, а потомъ стали загадочно-темными. Она отступила, пряча голову въ капюшонъ, рѣзко повернулась и пошла къ дому, все ускоряя шаги.

Любавинъ долго стоялъ въ смущеніи, не зная, хорошо или дурно онъ поступилъ, умно или глупо? Потомъ медленно побрелъ въ гору по спиральной дорожкѣ, чуть видной среди сосенъ и елей. Сердце сильно билось въ немъ и отъ волненія, и отъ подъема. Онъ дошелъ до подошвы высокаго песчанаго, почти отвѣснаго обрыва, надъ которымъ дерзко свѣсилась терраса, и остановился, съ трудомъ переводя дыханіе.

Здѣсь было почти темно, такъ какъ лунный свѣтъ едва-едва подкрадывался къ обрыву, слабо серебри его голую, песчаную верхушку.

— Покойной ночи!—вдругъ раздался надъ нимъ милый голосъ, въ которомъ дрожала шаловливый и ласковый смѣхъ.

Онъ поднялъ голову и различилъ на террасѣ Женю. Она перегнулась черезъ перила, еще мокрая отъ дождя и тускло блестящая при лунѣ, и искала его въ темнотѣ глазами.

— Пойдите!... Подождите минутку!...—крикнулъ онъ, задыхаясь отъ волненія и одышки.

— Покойной ночи!—повторила она съ тѣмъ же смѣхомъ и скрылась въ комнатахъ.

III.

Погода установилась. Пошли ясные, жаркіе дни.

За дачей въ лугахъ скосили траву, и когда Любавинъ утромъ вставалъ въ своей комнатѣ окна, въ нихъ мягкой волной вливался

ласкающій, уютный запах сѣна, который, казалось, придавалъ всему свой благоуханный колоритъ. Красота Жени, ея молодая, пылкая любовь сливались для Любавина въ одно живое цѣлое съ грандіозной красотой озера, съ ароматами луговъ и рощъ, съ голубой и насквозь прогрѣтой, какъ ему казалось, синевой безоблачнаго неба.

Имъ съ Женей особенно нравилось отъѣхать вдвоемъ въ лодкѣ подалеже отъ берега и чувствовать себя тамъ отрѣзанными отъ всего міра, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ и съ природой. Любавинъ, вспотѣвшій и запыхавшійся отъ гребли, складывалъ весла, и маленькая, бѣлая лодочка сонно побачивалась отъ чуть замѣтной зыби. Дальній край озера сливался съ прозрачнымъ горизонтомъ и производилъ впечатлѣніе необъятнаго моря, а луговой берегъ его, казавшійся съ горы не такъ далекимъ, теперь почти исчезалъ изъ глазъ. Съ неба лились горячіе лучи и, отражаясь сверкающимъ блескомъ въ водѣ, заставляли жмуриться; легкіе вздохи вѣтра, насыщенные запахомъ сѣна и лѣса, ласкали разгоряченные лица. Мало-по-малу и Любавина, и Женю охватывала очаровательная истома, сладкая полудремота, которую Николай Петровичъ называлъ «блаженной нирваной».

Иногда они доѣзжали въ лодкѣ до камышей, составлявшихъ какъ бы преддверіе лугового болотистаго берега. Это они называли: «поѣхать въ лабиринтъ». Здѣсь были цѣлые острова изъ камыша, цѣлая сѣть изъ галлерей, иногда до того правильныхъ, что являлась мысль объ искусственныхъ сооруженіяхъ. Безконечный зеленый камышъ въ сажень и больше вышиною, чередуясь съ гигантской осой, тянулся во всѣ стороны, образуя въ озерѣ то правильные пересекающіеся каналы, то небольшіе круглые и четырехугольные пруды, то глубокія извилистыя бухты. Блуждая по лабиринту, влюбленные чувствовали себя въ какой-то фантастической странѣ, далекой отъ всего жилого, никому невѣдомой и недоступной.

Здѣсь они особенно наслаждались ощущеніемъ своего полнаго одиночества вдвоемъ: нѣтъ въ мірѣ никого, кромѣ нихъ, и никого имъ не нужно. Здѣсь говорили они другъ другу слова, которыя въ комнатахъ показались бы, можетъ быть, даже имъ самимъ странными, почти бессмысленными. Здѣсь они особенно полно и ярко ощущали въ себѣ то неуловимое, но вѣчно живое, что при обычной обстановкѣ спѣшитъ закопаться въ самыя глубокія нѣдра человѣческаго существа. Здѣсь они особенно хорошо понимали другъ друга съ одного жеста или намега; здѣсь какъ будто развертывались и смѣло раскрывались потаенные уголки въ душѣ каждаго, капризные извилины, таинственные для самого человѣка, тѣ причудливо пере-

путанныя и скрытыя отъ всѣхъ противорѣчія въ умѣ и сердцѣ, та сокровенная для постороннихъ глазъ вибрація чувства, которая часто больше, чѣмъ что-либо, образуетъ тембръ индивидуальности.

Мысль, что ему никого, кромѣ Жени, не нужно и что одна ея любовь даетъ ему всю полноту жизни, дѣлала Любавина необыкновенно благорасположеннымъ ко всѣмъ безъ исключенія.

Онъ смотрѣлъ на Ислемовыхъ, на лѣсничаго и съ удивленіемъ находилъ, что они совсѣмъ не такіе, какими представлялись ему прежде. Софью Андреевну, напримѣръ, онъ считалъ всегда недалекой, ни на что не способной барынькой, а теперь онъ видѣлъ, что она очень похожа на Женю: тѣ же нѣжные, наивные глаза, тѣ же маленькія, изящныя руки, пальцы которыхъ казались созданными для тончайшихъ работъ, хотя всю жизнь ничего не дѣлали; та же очаровательная женственность въ движеніяхъ, въ каждой складкѣ платья. Правились ему теперь и ея длинныя, прозрачныя ногти, и какая-то постоянная истома въ ея голосѣ; но особенно милой казалась ему ея манера густо краснѣть при каждомъ неосторожномъ словѣ мужа. Глядя на Софью Андреевну и вспоминая Женю, онъ говорилъ себѣ, что красота есть сама по себѣ большая заслуга.

Да и всѣ другіе окрашивались въ его глазахъ новымъ цвѣтомъ. И остриженная подъ гребенку голова Ислемова съ небольшою розовою лысиной, и шапка черныхъ, курчавыхъ, тоже подстриженныхъ волосъ Вѣры Артемьевны, и густыя, сросшіяся брови лѣсничаго—все это казалось ему гораздо болѣе красивымъ и значительнымъ, чѣмъ раньше, и всѣ эти люди дѣлались для него одновременно и ближе, и дальше, и интереснѣе, и безразличнѣе.

Ислемовъ, всегда въ очень добротномъ и очень просторномъ чесучевомъ пиджакѣ, отлично сшитомъ и безукоризненно выглаженномъ, въ легкихъ сандаляхъ на красивыхъ, пухлыхъ ногахъ, съ утра уходилъ въ огородъ «работать въ потѣ лица»; но въ сущности не столько работалъ, сколько мѣшалъ работать садовнику, а больше всего—молодымъ помолкамъ, къ которымъ онъ лѣзъ съ безцеремонностью закоренѣлаго барина. Онъ очень радовался, когда къ обѣду пріѣзжалъ какой-нибудь случайный гость, чаще всего—Тюриковъ. Онъ любилъ, чтобы около него было весело, чтобы жизнь кругомъ «играла, искрилась, пѣнилась этакъ». Онъ благоволилъ къ лѣсничему, хотя тотъ былъ очень мраченъ: Ислемову нравилось, что тотъ ола слушаетъ его насмѣшки, не мѣшаетъ ему философствовать и обрасывать самыми сложными вопросами жизни съ легкостью опытного жонглера. Онъ любилъ садовника, маленькаго рыженькаго браснолаго мужика, за то, что тотъ весело отвѣчалъ на всѣ проекты Исле-

мова: «Это ничего-сь. Это можно-сь», и охотно брался за все, хотя ничего не дѣлалъ или все портилъ и былъ на руку не чистъ, и не любилъ плотника Кузьму за то, что тотъ скептически относился къ купальнѣ, которую Ислемовъ велѣлъ поставить на «самомъ что ни есть верченомъ» мѣстѣ, такъ что ее то и дѣло сносило; и къ лодкѣ, которая текла потому, что давно «вся сопрѣла», и къ террасѣ, которая «не вѣсть на чемъ утверждается». Хотя Артемій Борисовичъ попрежнему изводилъ Любавина за завтраками и обѣдами своими разглагольствованіями, но его благодушное журчанье не раздражало теперь Николая Петровича. «Всетаки онъ—добрый и не глупый»,—думалъ онъ примирительно про Ислемова, продолжая мысленно жить вдвоемъ съ Женей, въ ихъ особомъ чудесномъ мірѣ, закрытомъ для постороннихъ.

Теперь Любавинъ готовъ былъ всѣмъ улыбаться, всѣмъ сочувствовать. Любовь до такой степени переполняла его сердце, что уже переливалась черезъ край, просачивалась, расплескивалась по дорогѣ, и брызги ея попадали въ каждаго, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился: въ льстиваго плута-садовника, въ его истощенную жену, вѣчно трясущуюся передъ мужемъ, въ старика-нищаго, которому онъ однажды далъ цѣлый полтинникъ.

Женя тоже изливала на всѣхъ свою любовь и ласку: соберетъ около себя безчисленную «саранчу» садовника (какъ пренебрежительно называлъ отецъ своихъ ребятшекъ), шутить съ ними, играть, обормотить малышей печеньемъ, конфетами, шоколадомъ. А Любавинъ глядитъ на нее съ восхищеніемъ, и ему кажется, что для нихъ ужъ началась та идеальная, самоотверженная и красивая жизнь, о которой онъ любилъ мечтать съ Женей.

IV.

По случаю хорошей погоды кофе пили на террасѣ. Утро было такое теплое, что даже зябкая Софья Андреевна не куталась въ мягкій оренбургскій платокъ. За столомъ, кромѣ самихъ Ислемовыхъ и Вѣры Артемьевны, сидѣлъ еще лѣсничій Тюриковъ, человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, угрюмый и неподвижный, весь заросшій волосами. Онъ отпраивался куда-то далеко на охоту и зашелъ на перепутьи въ «Озерное» съ ружьемъ и собакой, старымъ-престарымъ понтеромъ, у котораго одинъ глазъ гноился, а другой слезился.

Увидя собаку, Ислемовъ покатила со смѣху.

— Сколько лѣтъ собачкѣ? Полтораста?

Тюриковъ пробурчалъ что-то въ отвѣтъ.

— А какъ зовутъ?

— «Сенаторъ».

— «Сенаторъ?...» Ха-ха... Это остроумно... Поди-ка ко мнѣ, почтенный сенаторъ, если тебя еще носить ноги.

Тюриковъ пришелъ просить помощи для безработныхъ: заводъ въ «Любимовскомъ» закрылся, и рабочіе бѣдствуютъ.

Любавина поразило, что лѣсничій говорилъ объ этомъ такъ безучастно, а потомъ точно забылъ, зачѣмъ пришелъ, и сидѣлъ, какъ въ воду опущенный.

Артемій Борисовичъ принялся иронизировать надъ безработными и вышучивать рабочій вопросъ.

— Жили голубчики тихо-смирно, честно, «бла-а-родно», шесть дней работали по заповѣди Божьей, а на седьмой шли во царевъ кабакъ, хотя на это соотвѣтствующей заповѣди и нѣтъ. Выпивали, закусывали, играли на гармоникѣ, дрались понемножку, а на другой день—опять за работу. И все шло хорошо, и всѣ были довольны... Да вотъ явились добрые люди, начали увѣрять ихъ, что они вовсе не благоденствуютъ, а даже совсѣмъ напротивъ... И пошла кутерьма! А въ результатъ: «Подайте Христа ради!...» Впрочемъ, кой-чего они достигли: во-первыхъ, рабочій день ихъ сократился теперь до шпішш'а, а во-вторыхъ, они стали теперь богаты... досугомъ. Да здравствуетъ же рабочій вопросъ!

Тюриковъ безмолвствовалъ и только покашивался сумрачно на дамъ, передъ которыми ему было неловко за свои грязные сапоги и сильно поношенную блузу изъ грубаго сукна.

Любавинъ не слушалъ его: онъ былъ полонъ ощущеніемъ того новаго, необычайнаго, что происходило въ немъ. Выйдя на террасу, онъ былъ пораженъ ослѣпительнымъ свѣтомъ утренняго солнца, мягкой теплотой воздуха и какимъ-то особеннымъ ароматомъ сырого, но уже прогрѣтаго лѣса. Жмурясь отъ солнца, онъ отсѣлъ съ чашкой къ широкимъ периламъ террасы и сталъ смотрѣть внизъ, на обрывъ, а еще ниже—на озеро.

Дача Ислемова, или «Усадьба Озерное», какъ любилъ называть ея Артемій Борисовичъ, стояла на высокой горѣ, среди смѣшаннаго лѣса, который тянулся справа и слѣва, спускаясь до самаго озера. Съ террасы начиналась широкая правильная просѣлка, открывавшая живописный видъ на озеро, на его противоположный болотистый берегъ, стлавшійся необъятнымъ зеленымъ ковромъ вплоть до самихъ очей на горизонтѣ лѣсовъ. Такого яснаго радостнаго, лигую-чего утра еще ни разу не было при Любавинѣ. Рѣдкіе, страшно вышуканные вѣточки бѣлыхъ, прозрачныхъ облаговъ быстро неслись къ за-

паду, и нѣжная сплошная лазурь разливалась почти до горизонта. Любавинъ видѣлъ черезъ перила крутой песчаный обрывъ, блестящій на солнцѣ, видѣлъ глубоко внизу подъ горой озеро, тоже сверкавшее, видѣлъ вверху надъ головой голубую бездну, всю насыщенную лучами, и чувствовалъ себя оторваннымъ отъ земли, висящимъ, какъ воздухоплаватель, въ воздушной высотѣ. Моментами ему казалось, что для него не существуетъ ужъ законовъ тяготѣнія, что вотъ-вотъ онъ вмѣстѣ съ террасой сорвется съ мѣста и полетитъ въ высь, подобно ястребамъ, плавно рѣющимъ высоко-высоко надъ лѣсомъ.

Стеглянная дверь террасы отворилась, и вошла Женя. Она щуряла глаза и жмурилась, какъ заспавшійся ребенокъ, улыбаясь отъ мысли, что она такъ долго проспала. Отецъ при видѣ ея захлопалъ въ ладоши, мать сказала съ нѣжной улыбкой: «Женечка всегда спитъ, какъ сурокъ», а сестра прибавила: «Смотри, жениха проспичь», и ея подбородокъ дрожалъ отъ ласковой двусмысленной усмѣшки. Даже у мрачнаго Тюрикова выскочила откуда-то улыбка и, скользя въ по губамъ и носу, застряла потомъ въ глубинѣ бороды.

Пока Женя здоровалась и усаживалась за столъ, Любавинъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, и все въ ней казалось ему очаровательнымъ, необыкновеннымъ. Легкое, бѣлое платье, давно знакомое ему, представлялось теперь удивительно воздушнымъ, и вся она, такая легкая, стройненькая, подвижная, напоминала ему нѣжно-прозрачныя полоски облаковъ, тающихъ высоко въ небѣ. И голосъ ея, такой наивный, почти дѣтскій, ясный и довѣрчивый, производилъ на него впечатлѣніе ласково и игриво журчащаго лѣснаго ручья, непрерывный лепетъ котораго доносился до него все время снизу.

За столомъ шутили, чему-то смѣялись, а Любавинъ продолжалъ плыть по воздуху, и звуки разговора доносились до него какъ будто издали.

— Вы встали пріѣхали, — сказалъ Ислюмовъ лѣсничему: — я васъ послѣ обѣда такимъ мороженымъ угощу, какого никто еще не ѣдалъ. Моего собственнаго изобрѣтенія.

Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и прибавилъ:

— Надо войти въ соглашеніе съ поваромъ.

Онъ вышелъ, словно танцуя на ходу, и вслѣдъ за этимъ изъ комнаты донесся его жирный голосъ, такой звучный и властный:

— Пошли ко мнѣ Михея! Да вели плотнику поправить купальню. А садовникъ гдѣ? Скажи ему, чтобы онъ ѣдалъ меня въ огородѣ.

Софья Андреевна жаловалась на жару и предлагала всѣмъ перейти въ комнаты.

— Мы съ Николаемъ Петровичемъ поѣдемъ рыбу удить. Хотите?—спросила Женья, выглядывая на Любовина изъ-за самовара.

— Разумѣтся, хочу. Разумѣтся.

— Ты въ лодкѣ хочешь?

— Конечно, мамочка, въ лодкѣ.

— Ахъ, не люблю я этого!—вздохнула Софья Андреевна и, обмахиваясь платочкомъ, пошла своей колеблющейся походкой въ комнаты.

— Надо велѣть Малашѣ приготовить удочки да червей накопать,—сказала Женья, и, проходя мимо Любовина, бросила на него быстрый и острый, какъ иголка, взглядъ, отъ котораго сладко дрогнуло его сердце.

На террасѣ молчали. Вѣра Артемьевна кушала варенецъ, а Тюриковъ косился на ея атласныя руки, блещущія бѣлизной подъ широкими рукавами капота. Каждый разъ, какъ онъ бросалъ на нее изъ-подъ густыхъ, сросшихся бровей алчный и подозрительный взглядъ, подбородокъ ея, такой же круглый и аппетитный, какъ у отца, вздрагивалъ отъ небрежной, но многозначительной усмѣшки, и Тюриковъ, сурово сопя носомъ, отворачивалъ отъ нея свое неподвижное, волосатое лицо.

— Можетъ быть, и вы хотите рыбу удить?—спросила Вѣра Артемьевна лѣсничаго.

На ея губахъ опять играла все та же лѣнливая усмѣшка, которую Любовинъ мысленно называлъ «праздной».

Тюриковъ угрюмо и безпокойно уставился на нее.

— А вы?—спросилъ онъ отрывисто, точно срубилъ дерево.

— Я? Нѣтъ, благодарю покорно. Потомъ на гору тащиться? Ужъ и сейчасъ жарко становится. Я лучше пойду куръ кормить.

Она не спѣша стряхнула со своей пышной груди крошки сдобнаго хлѣба, поднялась съ мѣста и стала плавно спускаться по ступенькамъ террасы. Тюриковъ проводилъ ее мрачнымъ и жаднымъ взглядомъ, а когда она скрылась изъ глазъ, вдругъ рѣзко повернулся къ Любовину:

— Баре!... Пирогы круничатые!... Безе!...—произнесъ онъ, губя свои деревья.

Въ его дипломъ голосъ слышалось ожесточеніе. Любовинъ зналъ, ю, обращаясь къ нему, Тюриковъ выдѣляетъ его изъ компаніи семовыхъ, какъ «своего» человѣка, не «круничатаго». Прежде то льстило ему, но теперь онъ посмотрѣлъ на лѣсничаго, какъ бы юря: «мы съ вами слишкомъ мало знакомы для такихъ разговоровъ». Тюриковъ не замѣчалъ или не желалъ замѣчать этого. Вытя-

нущись во весь ростъ и сердито разминаясь послѣ долгаго молчаливаго сидѣнья, онъ продолжалъ выпаливать отрывистыя суровыя фразы, отъ которыхъ отдавало сумракомъ лѣса, ворчливымъ гуломъ сосенъ, завываніемъ волковъ въ темныя зимнія ночи.

— Она ничѣмъ не хочетъ беспокоить себя, эта мадамъ... вотъ эта, что сейчасъ пошла кормить сытыхъ курь... Вѣдь сытые всегда кормятъ сытыхъ, а у голодныхъ отнимаютъ. Голодные для нихъ не интересны: имъ, этимъ барамъ, нужно, чтобы ихъ забавляли, а голодные мало забавны. Вотъ и этой бельфамѣ надо только, чтобы ее не тревожили и развлекали на всѣ лады... Ъсть, спать, улыбается, холить свое тѣло. Кожа-то у нихъ у всѣхъ нѣжная: атласъ, бархатъ, бламанже. Взять бы ихъ корявой рукой да... Мороженымъ собираются угощать... Миѣ тѣфу ваше мороженое!

«Однако, какъ онъ одичалъ за зиму въ своемъ лѣсу, — думалъ Любавинъ, глядя съ состраданіемъ на грязную, неуклюжую фигуру Тюрикова, напоминавшую огромный вывороченный пенъ, весь почернѣвшій и обросшій чертополохомъ и крапивой. — Лучше бы онъ, пошелъ, вымылся, погулялъ, полюбовался на солнце, на озеро».

— Зачѣмъ же вы ѣздите сюда, если хозяева вамъ такъ не по сердцу? — прервалъ онъ сердитое влокотанье лѣсничаго.

Волосатое лицо Тюрикова вдругъ побурѣло, въ глазахъ мелькнуло что-то виноватое.

— Я ѣзжу по дѣлу. Ислемовъ собирается что-то строить: кабіе-то бельведеры, белендрасы. Покупаетъ лѣсъ. Банитель одна.

Любавинъ весело разсмѣялся. Всѣ подозрѣвали, что Тюриковъ неравнодушенъ къ Вѣрѣ Артемьевнѣ и потому ѣздитъ въ «Озерное» подъ разными предлогами: то зоветъ Ислемова въ ненастье ловить рыбу неведомъ, то предлагаетъ купить для Жени верховую лошадь, а потомъ оказывается, что никакой верховой лошади у него пока еще нѣтъ.

— Чего вы покатываетесь? — рявкнулъ Тюриковъ, еще больше бурѣя и злясь. — Вамъ тутъ всѣмъ весело. Безпечальное житіе! Сплошной праздникъ! Вы тоже, кажется, вошли во вкусъ и каждый Божій день чувствуете себя именинникомъ? Ха-ха!

Его прерывистый глухой смѣхъ, похожій на уханье въ пустую бочку, былъ дикимъ и сердитымъ, какъ его лицо; но въ глазахъ опять проскользнуло все то же виноватое, жалобное.

— Тутъ легко войти во вкусъ! Тутъ все вкусно: и люди, и блюда. Эта бельфамистая-то точно на молокѣ сварена... ха-ха! Тутъ и придетъ въ голову думать о мужикѣ, о безхлѣбьѣ, о грязныхъ кс

нурахъ, о чесоточныхъ мужичьихъ ребятишкахъ и тому подобныхъ жорявостяхъ и поветонахъ...

Онъ мрачно замолкъ, увидя Женю, входящую съ удочками.

На ней былъ жокейскій картузикъ, придававшій ей видъ мальчика; изъ-подъ короткаго лѣтняго платья виднѣлись маленькія породистыя ноги въ высокихъ башмакахъ на толстой подошвѣ.

— Ну, идемъ!—весело сказала Женя и взяла Любавина подъ руку.

За обѣдомъ Тюриковъ былъ особенно задумчивъ и мраченъ, а у Вѣры Артемьевны, помѣщавшейся какъ разъ противъ него, все время блуждала на губахъ праздная, шалая усмѣшка, и вздрагивалъ отъ сдержаннаго смѣха атласный подбородокъ. Артемій Борисовичъ расшутился, доказывая, что «влюбленные—плохіе охотники», чокался съ лѣсничимъ, пилъ за «даму его сердца» и дѣлалъ намеки на какую-то его оплошность, отъ которыхъ Тюриковъ то бурѣлъ, то блѣднѣлъ. Софья Андреевна, видимо тоже посвященная въ тайну, останавливала мужа, старалась замаять разговоръ, а Вѣра Артемьевна двусмысленно улыбалась. Наконецъ, послѣ одного ужъ слишкомъ прозрачнаго намека, Тюриковъ всталъ изъ-за стола, блѣдный отъ обиды и гнѣва.

— Я не ожидалъ отъ васъ этого...—хрипло произнесъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ Артемьевнѣ; потомъ взялъ картузь и ружье, стоявшее тутъ же на террасѣ, сказалъ: «Сенаторъ, пойдѣмъ» и ушелъ. Какъ ни уговаривалъ его, крича ему вслѣдъ Ислемовъ, онъ не обернулся и скоро исчезъ изъ глазъ вмѣстѣ съ своимъ престарѣлымъ понтеромъ.

— Ахъ, Вѣрочка, развѣ можно такъ? Зачѣмъ ты рассказала отцу?

— Да ужъ очень потѣшно, мама... Представь собѣ Петра Харитоновича въ роли Ромео... Хоть бы онъ передъ этимъ почистился немножко.

— Ну, онъ впадетъ теперь въ желтую меланхолію,—замѣтилъ Ислемовъ.—Мнѣ досадно только, что онъ не попробовалъ моего орошенаго: это, быть можетъ, охладило бы его африканскія грасти...

У.

Когда Любавинъ, ежась отъ утренней прохлады, вышелъ къ оуду, откуда можно было любоваться восходомъ солнца, его пора- а спокойная и торжественная тишина природы. Это было не су-

меречное усталое затишье, а безмолвное, увѣренное въ себѣ ликование, радостное сознание своей неисчерпаемой силы, ласковая улыбка природы, готовой разсыпать щедрой рукой свои прекрасные дары. Казалось, тамъ, на алѣющемъ горизонтѣ звучить отъ края до края торжественный гимнъ въ честь любви и красоты, дивная симфонія, къ которой, точно замороженные, прислушиваются и серебристые тополи въ саду, напоенные утренней росой, и ветлы, задумчиво склонившіяся надъ гладью пруда, и поля, и луга, уходящія за горизонтъ.

Женя прибѣжала къ пруду какъ разъ въ ту минуту, когда брызнули первые розовые лучи солнца, и съ легкимъ восклицаніемъ восторга остановилась возлѣ Любавина. По пруду, пробираясь сквозь деревья, пошли розоватыя полосы, засверкала живымъ блескомъ роса на листьяхъ, заискрились свѣтлыя точки въ радостно-изумленныхъ глазахъ Жени. Давно Любавинъ не испытывалъ такого глубокаго восторженнаго волненія, какъ въ эти минуты. Это праздничное спокойствіе ранняго утра, полное свѣжей, сочной, неперасходованной жизни, не оравленное еще людскими заботами, дразгами и безпокойными мыслями, не захватанное еще ничѣмъ грязными и жадными руками (какъ мысленно выражался Любавинъ), бросало какъ будто свой здоровый сіяющій отблескъ на его любовь, на Женю, на ихъ будущее. Никогда еще такъ не переполняло душу обоихъ ощущение силы и счастья, такое свѣжее, чистое, спокойно-радостное чувство. Казалось, виѣстѣ съ этимъ сверкающимъ солнцемъ всходить для нихъ новая жизнь, насквозь пропитанная свѣтомъ и лучистымъ тепломъ, роскошный праздникъ, полный очаровательныхъ перспективъ.

Женя взяла Любавина подъ руку, прижалась головой къ его плечу, и они стояли молча, неподвижно, утоая въ солнечныхъ лучахъ. Теперь все въ нихъ было такъ свѣтло, прозрачно. Исчезли безслѣдно тѣ маленькія, но колючія недоразумѣнія, которыя вдругъ омрачаютъ любовь, порождая глухое недовольство не то самимъ собой, не то другъ другомъ. Не было больше и тѣни того безсознательнаго взаимнаго недовѣрія, что внезапно появится откуда-то, отравить ненадолго обоихъ и опять скользятъ въ невѣдомую глубину.

— Однако, надо ѣхать, — сказалъ Любавинъ.

— Да, надо...

Оба вздохнули и медленно, нерѣшительно повернули къ дачѣ, какъ бы покидая за собой огромное свѣтлое счастье, которое, можетъ быть, ужъ не повторится для нихъ.

Женя по дорогѣ зашла въ цвѣтникъ и нарвала цвѣтовъ, чтобы сдѣлать букетъ для Тюрикова.

«А я вѣдь вотъ не додумался до букета», упрекнулъ себя Любавинъ.

Въ залѣ ихъ встрѣтилъ заспанный Артемій Борисовичъ въ пестромъ шелковомъ халатѣ и мягкихъ туфляхъ, обутыхъ на босу ногу.

— Pardon!—сказалъ онъ, извиняясь за свой костюмъ. — Я всталъ, чтобы предупредить васъ. Вы смотрѣли на барометръ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Любавинъ, все еще полный картиной восхода.

— Онъ сильно упалъ... Не отложить ли вамъ поѣздку?

Но Женя шумно запротестовала:

— Такое чудесное утро... На небѣ ни облачка... Нѣтъ, ѣхать! Непремѣнно ѣхать!

— Такъ возьмите, по крайней мѣрѣ, Кузьму съ собой. Онъ довезетъ васъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Они и безъ Кузьмы справятся: всего какихъ-нибудь семь верстъ.

— Да вѣдь вы изжаритесь!

— Мы будемъ останавливаться, отдыхать. Нарочно для этого встали пораньше...

— Ну, съ влюбленными не сговоришь!—махнулъ рукой Артемій Борисовичъ и пошелъ на террасу, шлепая задками туфель.

Тамъ горничная приготовила уже молока, сдобнаго хлѣба, ветчины и еще какихъ-то закусокъ въ закрытыхъ судахъ. Женя торопилась, выпила наскоро чашку молока и, сказавъ Любавину: «догоняйте!» пустилась съ террасы внизъ...

Не было ни малѣйшаго вѣтерка, но озеро медленно и лѣниво колыхалось, позвякивая цѣпью лодки у мостковъ купальни.

— Ахъ, надо воду выкачать, — сказала Женя и, доставъ изъ корзины деревянный черпакъ, принялась за дѣло. Но Любавинъ долго мѣшалъ ей, цѣлуя ея руки, шею и смуглыя, нѣжныя, слегка загорѣвшія щеки. Она смѣялась веселымъ, счастливымъ смѣхомъ и брызгала ему въ лицо водой.

— Я хочу грести, — объявила Женя и сѣла за весла.

Любавинъ сѣлъ на руль, и они поѣхали вдоль берега, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя лѣсную свѣжесть. Тамъ и сямъ виднѣлись мужики, возившіе лѣсъ въ «Озерное». Свѣжіе сосновые обрубки, сложенные въ кучи, блестѣли на утреннемъ солнцѣ, какъ червонное золото. Все казалось такимъ молодымъ, веселымъ, мужественнымъ.

Заломивъ молодецки свой жокейскій картузикъ, Женя, зарумянившаяся отъ усилій, усердно гребла, а Любавинъ смотрѣлъ на нее и переживалъ неиспытанное имъ еще чувство какого-то бодрящаго умиленія: вотъ они пріѣдутъ къ Тюрикову, все устроятъ для него, постараются вмѣстѣ съ нимъ (конечно, если онъ не очень боленъ) организовать помощь для безработныхъ; вообще, для нихъ съ Женей начнется съ этого же дня дѣятельная жизнь. Въ немъ разгоралось желаніе труда, подвиговъ, жертвъ. Онъ опять чувствовалъ себя тѣмъ юношей съ горячей головой и пылкимъ сердцемъ, который рвался со школьной скамьи въ жизнь, какъ въ бой за святое дѣло. Ему хотѣлось вернуться ко днямъ ранней молодости и, вмѣстѣ съ Женей, начать сызнова жизнь... сейчасъ же начать!

Никогда еще не говорилъ онъ объ этомъ съ Женей такъ горячо и убѣдительно, какъ въ это раннее лѣтнее утро, полное красоты и спокойной отваги.

Она слушала его, счастливая и гордая, не отрывая отъ него наивно-расширенныхъ, ласково-внимательныхъ глазъ. Легкая килевая лодочка красиво скользила по волнамъ, такимъ густымъ, маслянистымъ. Теперь они отѣхали довольно далеко отъ берега. Имъ предстояло перерѣзать широкую бухту, образуемую озеромъ; вдали, въ концѣ бухты, уже виднѣлся мысъ, весь заросшій лѣсомъ: тамъ, они знали, стоитъ домъ лѣспичаго.

— Бѣдный Петръ Харитоновичъ! — сказала Женя. — Можетъ быть, онъ лежитъ у себя безъ всякой помощи.

— Но вѣдь все-таки онъ не одинокъ? У него есть жена.

— Да, но они живутъ, кажется, очень бѣдно. Въ лѣсу, далеко отъ всего. Говорятъ — рана тяжелая.

— А вы увѣрены, что онъ ранилъ себя нечаянно? Знаешь, Женя (онъ говорилъ ей то «вы», то «ты»): мнѣ все это кажется подозрительнымъ. Онъ пошелъ тогда отъ насъ на охоту очень разстроенный.

— Да, я знаю, это Вѣра разстроила его: она рассказала обо всемъ мамѣ и папѣ. Петръ Харитоновичъ принялъ это за насмѣшку. Онъ тогда очень обидѣлся. Смотрите, вонъ наше «Озерное»! Я усталъ пересяду на руль.

Съ лодки можно было различить флагъ, украшавшій дачу Ислюмова, и часть террасы, свѣсившуюся надъ обрывомъ. Слѣва отъ «Озернаго» тянулся по тому же гористому берегу рядъ обрывовъ желтыхъ и красноватыхъ, а надъ ними — густая щетина лѣса.

Любавинъ смѣнилъ Женю, и она усѣлась на кормѣ, отирая платкомъ капли пота, выступившія на лбу. Небо было совершенно

безоблачно, только на западѣ, на самомъ горизонтѣ, сѣрѣла какая-то мгла. Становилось жарко, и Любавинъ гребъ нехотя. Достигнувъ середины бухты, онъ сложилъ весла. Лодка въ раздумьи медленно колыхалась, и слышно было, какъ столь же медленно перекачивается вода подъ верхнимъ ея дномъ.

— Господи, какъ много связано у меня съ этимъ озеромъ!— воскликнулъ Любавинъ.—И подумать только, что на географическихъ картахъ оно обозначено какимъ-то едва замѣтнымъ кружкомъ! А мнѣ такъ, напротивъ, представляется, что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ этого маленькаго кружочка.

Онъ какъ будто забылъ о своей недавней жадѣ подвиговъ и жертвъ и блуждалъ задумчивымъ блаженнымъ взоромъ по широкой переливающейся блескомъ глади озера, потомъ останавливалъ взглядъ на Женѣ, видѣлъ ея улыбку, милую и томную, какъ у разнѣжившагося ребенка, и самъ улыбался.

Они долго-долго молчали, какъ бы боясь спугнуть звуками напряженное ощущеніе полноты жизни и счастья, застилавшее въ нихъ всѣ другія мысли, заботы, желанія.

Озеро колыхалось мѣрно, едва замѣтно, какъ будто вздыхая дремотно всей своей широкой грудью. Лодка медленно и плавно покачивалась, убаюкивая сидящихъ въ ней равномернымъ движеніемъ. Душу обволакивало сладостное оцѣпенѣніе, та плѣнительная нирвана, когда перестаешь замѣчать теченіе времени. Не хотѣлось ни думать, ни разговаривать, ни двигаться. Солнце поднялось уже высоко и лило сверху свои жгучія волны.

Вдругъ странный, едва слышный гулъ донесся съ запада.

— Что это? громъ?— молвила Женя, встрепенувшись.

Любавинъ оглядѣлъ небо и въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Откуда грому-то быть?

Однако какая-то тревога пробѣжала по его душѣ почти неощутимой тѣнью. Онъ схватился за весла и принялся работать ими съ такой поспѣшностью, точно боялся погони.

VI.

Домъ Тюрикова былъ похожъ на простую лѣсную избу, сумрачно освѣщенную отъ старыхъ елей, плотно обступавшихъ ее. Черная шершавая скала, привязанная на длинной веревкѣ къ дереву неподалеку отъ входа, бѣшено залаяла; вся оцетинясь, она рвалась и бросалась, залая и злая. Женя схватила Любавина за рукавъ и не отважилась идти дальше.

— Кого надо?—послышался рѣзкій и непріязненный женскій голосъ.

Небольшія окна были плотно закрыты; въ форточку одного изъ нихъ просунулась растрепанная голова пожилой женщины, и маленькіе глаза смотрѣли подозрительно на Женю.

— Петра Харитоновича можно видѣть?—спросилъ Любавинъ.
Голова исчезла.

— Это, должно быть, жена его,—замѣтила Женя.

Прошло нѣсколько минутъ. Собака прыгала на веревкѣ и надры-
валась до сипоты.

— Входите, что ли!—крикнула та же женщина, появляясь на крыльцѣ. Все въ ней расширялось книзу: и лицо, и туловище. Ея безцвѣтные, но острые глаза были и сердиты, и скорбны.

— Вы не изъ больницы?—спросила она, пропуская мимо себя Любавина.

— Нѣтъ... А что?

— Я думала, не докторъ ли.

— А развѣ докторъ еще не былъ?

— Былъ... да больше глазъ не кажетъ. Они вѣдь только по богатенькимъ любятъ ѣздить... Я думала: онъ другого кого замѣсто себя прислалъ.

Они стояли въ просторной комнатѣ, съ темными, какъ будто прокопченными стѣнами, мрачной отъ застилавшихъ окна вѣтвей. На одной стѣнѣ висѣло ружье и пороховница, на другой—оборванное сѣдло и арапникъ; на грязномъ ситцевомъ диванѣ валялся охотничій сапогъ и лукошко... Пахло мышами и плѣсенью.

— Какъ здоровье Петра Харитоновича?—спросилъ Любавинъ.

— А вы отъ кого будете? Кто такіе?

— Мы—изъ «Озернаго».

— Отъ Исемовыхъ?

— Да.

Женщина побагровѣла; ея глаза забѣгали тревожно и озлобленно.

— Нѣтъ, ужъ будетъ! Довольно!.. Исемовы-то у меня вотъ гдѣ сидятъ!... Говорила я ему: «не ѣзди, не суйся къ барамъ». Вотъ и доѣздила... Вамъ-то что здѣсь надо?—крикнула она, поглядывая съ ненавистью на букетъ въ рукахъ Жени.

— Дарья!... Дарья!...—простоналъ откуда-то голосъ.

Женщина вышла съ негодующимъ ворчаніемъ, и скоро изъ-за двери донесся ея взволнованный свистящій шепотъ. Любавинъ и Женя, опѣшенные, стояли среди комнаты. Дико было видѣть здѣсь молоденькую дѣвушку, такую чистенькую, граціозную, въ кокетливомъ

картузикъ, съ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ въ маленькихъ ручкахъ. Вульгарный голосъ Тюриковой, ея грубыя слова такъ подѣйствовали на Женю, что она растерянно озиралась, готовая заплакать. Любавинъ уже хотѣлъ увести ее, но въ дверяхъ снова показалась Тюрикова. Глаза ея были красны отъ слезъ и гнѣва.

— Подите къ нему, полюбуйтесь. Вонъ онъ теперь пластомъ лежитъ... А вы подождите тутъ,—кинула она Женѣ.

Любавинъ колебался, но Тюрикова, угадавъ его мысль, сказала презрительно:

— Не бойтесь: никто вашу барышню не съѣстъ,—и первая вышла за дверь.

Небольшая узенькая комната, гдѣ Тюриковъ лежалъ на старомодной деревянной кровати, была вся заставлена и завалена разной рухлядью. Повсюду были разбросаны старыя газеты, которыя онъ въ разное время бралъ изъ «Озернаго», а на столигѣ у постели лежала книжка журнала съ массивнымъ вложеннымъ въ нее разрѣзнымъ ножомъ. Подъ кроватью дремалъ «Сенаторъ», протянувъ переднія лапы и положивъ между ними голову. При входѣ Любавина онъ поднялся и хотѣлъ было зарычать, но только тяжело вздохнулъ и опять улегся.

Тюриковъ лежалъ на спинѣ, исхудалый, безкровный... По его лбу ползли крупныя капли пота. Въ комнатѣ было душно и смрадно... Онъ смотрѣлъ въ упоръ на вошедшаго и не шевелился.

— Что это вы, голубчикъ? Ай, ай, ай...—заговорилъ Любавинъ тѣмъ громкимъ, развязнымъ и неестественнымъ тономъ, какимъ хотятъ ободрить больного. Тюриковъ продолжалъ молча смотрѣть на него во всё глаза. Взглядъ ихъ не казался ни суровымъ, ни угрюмымъ, какъ прежде: онъ былъ подозрительно спокоенъ и мертвенно безстрастенъ, точно Тюрикову было совершенно безразлично, вошелъ ли кто-нибудь, и кто именно. Любавину сдѣлалось жутко отъ этой новой черты въ глазахъ больного, отъ какой-то крошечной точки тамъ, въ глубинѣ зрачковъ.—«Изъ его глазъ смотреть смерть»...—подумалъ онъ.

— Какъ вы себя чувствуете?—сказалъ Любавинъ, пожимая ку больного, пышащую лихорадочнымъ жаромъ.

— Вы съ кѣмъ сюда? Кто пріѣхалъ съ вами?

И голосъ у него былъ странный: однотонный, апатичный, съ легкимъ присвистомъ, точно у него выпалъ самый нужный зубъ

— Это—Женя... Евгения Артемьевна.

— А!... А я думалъ...

Онъ умолокъ и закрылъ глаза.

Грудь его высоко подымалась подь теплымъ стеганымъ одѣяломъ, и каждый разъ при этомъ слышался звукъ, похожій на отдаленный скрипъ двери.

— Отворите окно: здѣсь мертвечиной пахнетъ,—промямлилъ онъ, точно во снѣ.

Любавинъ открылъ окно, и въ комнату влетѣлъ запахъ хвои.

— Вы ранили себя?

Тюриковъ мотнулъ головой и ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

— Какъ же вы такъ... неосторожно?

— Заприте дверь...

— Дверь?

Любавинъ заперъ... Больной съ усилениемъ протянулъ руку подь подушку и вытащилъ оттуда связку ключей...

— Откройте ящикъ стола... Вотъ этимъ ключомъ... Выньте оттуда. Я не могу самъ...

Любавинъ, продолжая недоумѣвать, отперъ ящикъ.

— Что вынуть?

— Тамъ... въ правомъ углу... Достаньте...

Любавинъ вынулъ портретъ Вѣры Артемьевны, писанный карандашемъ.

— Это?—спросилъ онъ.

— Я рисовалъ...—сказалъ Тюриковъ, и лучъ оживленія скользнулъ на мигъ по его лицу.—Похоже?

Любавинъ, когда-то самъ рисовавшій, тотчасъ же замѣтилъ въ портретѣ нѣсколько техническихъ погрѣшностей, но сходство оставалось поразительнымъ. Ужъ одинъ подбородокъ чего стоилъ: въ немъ отпечатлѣлась, какъ живая, вся Вѣра Артемьевна...

— Когда я умру, отдайте ей...

— Полноте, Петръ Харитоновичъ! Къ чему такія мысли?—Что вамъ сказалъ докторъ?

Какой-то намекъ на насмѣшку дрогнулъ подь усами Тюрикова.

— Докторъ? Онъ говорить: «плохо цѣлились». А я знаю, что хорошо цѣлилъ... Вотъ протяну ноги,—Дарья будетъ выть... да. Она и теперь воеетъ надо мной по ночамъ... Всю жизнь тряслась отъ стуху, какъ бы не отняли у нея ея «барина?»... Вѣдь я для нея—Сринъ... да. Я хоть чему-нибудь учился, а она *самоваръ* пишетъ чрезъ *ять*... Вотъ она и не надышится... У меня вѣдь тоже ест своя — «барыня» въ «Озерномъ»... да. Потому-то я и понимаю Дарью. О чемъ, бишь, я хотѣлъ?... Да,—вотъ насчетъ безработныхъ... А почему она не пришла? Она вѣдь—богиня... Небогательница...

Онъ видимо терялъ нить. Лицо его пылало нездоровымъ жаромъ. Глаза стали мутны... Онъ опустилъ голову на подушку и долго лежалъ въ изнеможеніи съ закрытыми глазами, но не дремалъ: по лицу его пробѣгала дрожь тревожной мысли, лобъ морщился, а по временамъ казалось, что онъ шепчетъ что-то.

— Не можемъ ли мы быть для васъ чѣмъ-нибудь полезны?

— «Мы?» Кто—«мы?»—пробормоталъ съ усиленіемъ Тюриковъ.

— Мы съ Евгеніей Артемьевной. Мы нарочно пріѣхали, чтобы узнать...

Больной раскрылъ глаза и остановилъ на Любовинѣ потемнѣвшій взглядъ...

— Вы вотъ можете съ ними водиться, а я не могу... Дарья правду говорила: мнѣ надо было сидѣть въ своей норѣ... Я одичалъ въ лѣсу: пни, волки... зимой—сугробы... Я одичалъ... да. Если бы не мечтать, еще можно бы было жить; а въ лѣсу всегда мечтаешь... на свою голову. Воображалъ, что боги все еще сходятъ съ Олимпа... что богиня сойдетъ ко мнѣ въ нору... т.-е. снизойдетъ... Ну—тамъ... великодушіе или... какъ называется?... Да, я великодушія искалъ... Что-жъ изъ того, что у меня сапоги были грязные? Сапоги всегда можно вычистить... Вонъ Дарья чиститъ мнѣ сапоги—не стыдится.

Онъ опять какъ будто терялъ нить, и слова его становились похожими на бредъ. Женя выразительно покашливала. Любовинъ вдругъ встревожился за нее.

— Ну, вамъ вредно много разговаривать,—сказалъ онъ, вставая, и взявъ руку больного, бессильно лежавшую на одѣялѣ.

— А она ничего не говорила... обо мнѣ?—тихо и глухо произнесъ Тюриковъ, уперевъ въ гостя тяжелый, какъ свинецъ, взглядъ.

— Она... она, конечно, страшно сожалѣетъ...—пролетѣлъ Любовинъ, захваченный врасплохъ.—Онъ все прислушивался къ нетерпѣливымъ покашливаньямъ...

— Жалѣетъ?—сказалъ Тюриковъ, задыхаясь, и приподнялся со стономъ на локтѣ.—Никого она не жалѣетъ. Они умѣютъ только дѣлать визиты... да расшаркиваться на всѣ стороны... Тамъ все прічтія... хорошій тонъ... комильфотность бездушная... Вотъ я сдоху,—она и не поморщится. Это не къ лицу ей... Это красота вретъ... да.

— Полноте, Петръ Харитоновичъ, не волнуйтесь такъ. Побегите себя...—говорилъ участливо Любовинъ, продолжая думать о нѣ, какъ волнуется Женя.

— Гнусно... презрѣнно... смрадно то, что мы все отдаемъ имъ: аромъ отдаемъ. Всѣ наши труды... идеи... наше самолюбіе... нашу

пролетарскую гордость—все, все бросаешь къ ихъ ногамъ!.. Сами себя высъчемъ на потѣху имъ, потому что тамъ—красота, тамъ—эстетика... О, эта гнусная красота!... Мы корчимся передъ ними, а они и бровью не поведутъ, потому что они изъ червоннаго золота, а мы—мѣдные пятаки... Ха! Ну, да постоитъ: придетъ время,—выльзеть чудище и слопасть ихъ всѣхъ... И ее сожретъ... со всѣми ея прелестями. Все ея бездушное тѣло счавкаетъ... Только кости у богини затрепчатъ... Ха!

Дарья, обезпокоенная выкрикиваньями мужа, уже стучалась въ дверь. Любавинъ отперъ.

— Ну, такъ значить,—до свиданья пока. Выздоровливайте скорѣй,—молвилъ онъ скороговоркой и поспѣшилъ выскользнуть за дверь...

VI.

Опять одичалый пестъ неистово лаялъ, захлебываясь отъ злости и силясь сорваться съ веревки...

Лицо Жени за эти полчаса осунулось и казалось больнымъ.

— Это ужасно! ужасно, — твердила она, сбѣгая съ крыльца въ сопровожденіи Любавина.

Когда домъ лѣсничаго скрылся за деревьями, оба остановились и стали вдыхать въ себя полной грудью сильный, густой запахъ хвои. Этотъ запахъ послѣ душныхъ мрачныхъ комнатъ пьянилъ ихъ.

Внизу воздухъ былъ неподвиженъ, точно замеръ; но по верху проносился порывами вѣтеръ, и старыя ели сердито шумѣли. Надъ головами просвѣчивало чистое, синее небо, но туча, скрытая за деревьями, бросала уже свою тѣнь въ глубину лѣса... Любавинъ заторопился:

— Пожалуй, дождь будетъ... Надо ѣхать скорѣй.

Разговаривая о Тюриковѣ и женѣ его, они вышли къ мосткамъ, гдѣ стояла, запертая на цѣпи, ихъ миниатюрная лодочка рядомъ съ грубой, тяжеловѣсной лодкой лѣсничаго. Озеро грузно волновалось, и лодки стучались одна о другую, гремѣли своими цѣпами, налетали на мостки, гдѣ какая-то старуха, высоко подоткнувъ платье, полоскала бѣлье.

— Я сяду грести,—сказала Жениа.

Когда они отъѣхали отъ берега, вѣтеръ, терявшійся среди деревьевъ, налетѣлъ на лодку и чуть не сорвалъ съ Любавина его соломенную шляпу.

— Вѣтеръ болѣе или менѣе попутный...—сказалъ онъ не безъ страха.

Онъ старался бодриться передъ Женей, но все тревожище поглядывалъ на желто-сѣрый край тучи, медленно выползавшей изъ-за лѣса. Изрѣдка слышалось глухое рычаніе грома, но молніи не было видно. Озеро на всемъ протяженіи безпокойно волновалось; кое-гдѣ на верхушкахъ волнъ бѣлѣлись гребни.

— Какая прелесть!— сказала Женя, переставая грести и осматриваясь. Она уже не чувствовала тяжести на душѣ. Ей было жутко и весело.

— Да, — подтвердилъ Любавинъ, хмурясь.

— Теперь хорошо бы летѣть быстро-быстро, чтобы въ глазахъ мельгало, чтобы духъ захватывало!

— Грести же!... Мы должны торопиться...

Женя взглянула на него, и ея удалъ смѣнилась нервной суетливостью. Она молча гребла изъ всѣхъ силъ, не давая себѣ труда поправить волосы, выбившіеся изъ-подъ картуза. Теперь вѣтеръ дулъ безпрерывно, все усиливаясь. Слышно было, какъ гудѣлъ на берегу лѣсъ, и глухо донбился частый лай все еще не успокоившейся собаки.

Туча поднялась надъ лѣсомъ и сдѣлала его чернымъ. Верхушки деревьевъ упорно гнуло въ одну сторону, не позволяя имъ выпрямиться, и онѣ гнѣвно роптали на такое насиліе.

Было душно, несмотря на вѣтеръ. Туча казалась Любавину горячей, точно она несла въ себѣ кипятокъ, а солнце, еще не прикрытое ею, немилосердно жгло, точно бросая сверху раскаленные гвозди. Женя выбилась изъ силъ и просила смѣнить ее.

— Не надо было садиться на весла, — ворчалъ Любавинъ. — Теперь опасно пересаживаться: того гляди, опрокинетъ.

Онъ медленно, осторожно, почти ползкомъ добрался до веселъ и пустилъ Женю на корму.

— Тише! Не накренивай лодку! — кричалъ онъ ей, когда она, перебираясь черезъ скамейку къ рулю, обняла его за шею.

Онъ налегъ на весла и принялся грести сильными, неловкими движеніями, отъ которыхъ его бросало въ потъ. Оба сидѣли съ озаченными, осунувшимися лицами.

— Ахъ, букеть-то мы и забыли отдать! Я оставила его на ди-
лѣ.

Любавинъ вспомнилъ о портретѣ, который онъ долженъ былъ за-
нять съ собою... — «Ну, да теперь не до того!»

— Какъ жаль, что мы ничего для него не устроили!

Любавинъ продолжалъ молчать и хмуриться. Разговоръ не клея-
брутыя, прыгающія во всѣ стороны волны, теребили и швыряли

лодку, налетали на весла, разбивались о нихъ, падали въ лодку. Вода плескалась на днѣ и подозрительно булькала. У Жени промокли ноги: она высоко подобрала платье и старательно придерживала его рукой. Любавинъ взглянулъ разсѣянно на ея маленькія изящныя ножки, которыми онъ всегда такъ восхищался, и подумалъ: «не вернуться ли?—не переждать ли бурю у Тюрикова?» Но было уже поздно: они слишкомъ далеко отъѣхали отъ мыса, и возвращаться къ нему, плывя противъ вѣтра, не было никакого расчета. Всего выгоднѣе было плыть по кратчайшему разстоянію, по направленію къ берегу, отъ котораго они были менѣе, чѣмъ въ верстѣ, оставить тамъ гдѣ-нибудь лодку и идти домой лѣсными дорогами.

Надъ самымъ лѣсомъ свергнула молнія, и по лѣсу глухо раскатился продолжительный громъ...

— Правь къ берегу! Правь къ берегу!—крикнулъ Любавинъ.— Но едва лодка стала бокомъ къ вѣтру, какъ гребень волны съ шумомъ перебросился черезъ бортъ.

— По вѣтру правь! По вѣтру!—кричалъ Любавинъ, и дрожь въ его голосѣ испугала Женю больше, чѣмъ надвигающаяся туча. Опять поѣхали наискось къ волнамъ, перерѣзывая бухту. Надъ «Озернымъ» небо оставалось еще голубымъ, и Женя уже различала флагъ, раздуваемый вѣтромъ.

Любавинъ, весь потный, задыхающійся, судорожно работалъ веслами, опасливо косясь на бѣлые зловѣщіе гребни, которые казались ему сѣдыми бровями какого-то многоглазаго чудовища. Они все росли, множились, бороздили озеро, напирали со всѣхъ сторонъ на лодку... Подъ ногами Любавина, которыя онъ давно промочилъ, переливалась вода, но онъ ужъ не обращалъ на это вниманія. Одна мысль быстро-быстро вертѣлась въ его головѣ: — «Скорѣе, какъ можно скорѣе добраться до берега»!

Но вотъ клочковатый край темно-бурой тучи проглотилъ солнце, и озеро сначала пожелтѣло, потомъ потемнѣло. Туча была надъ головой, быстро втягивая въ себя нѣжную лазурь. Двѣ-три крупныя тяжелыя капли упали Любавину на руку и на шею, и вдругъ, точно сорвавшись съ цѣпи, яростно налетѣлъ вихрь съ дождемъ, заглушаемый то и дѣло рѣзкими ударами грома. Могучій порывъ вѣтра подхватилъ лодку и погналъ съ такой быстротой, что Любавинъ не успѣвалъ грести. Вода на днѣ все прибывала отъ ливня и съ шумомъ перегаывалась отъ борта къ борту. Любавинъ подумалъ, что лодка сейчасъ начнетъ погружаться, и, обезумѣвъ отъ страха, сталъ кричать обрывающимся голосомъ:

— Къ берегу! Къ берегу!... Да правъ же, чортъ возьми, къ берегу!

Отъ этого бѣшеннаго окрика Женя растерялась и смотрѣла въ испугѣ на его блѣдное, злое, искаженное ужасомъ лицо.

— Да правъ же, чортъ побери! Не слышишь, что ли? Воду черпай! Воду черпай скорѣй!... О чортъ!

Растерявшаяся дѣвушка не знала, что дѣлать: править или вычерпывать воду? Любавинъ, не помня себя, ворочалъ лодку то къ берегу, теперь уже близкому, то отъ берега, когда волны грозили перевернуть утлую лодочку.

«Господи, неужели мы должны погибнуть около самаго берега, когда спасеніе такъ близко?» съ отчаяніемъ думалъ онъ. Онъ видѣлъ, что лодка сидитъ въ водѣ все глубже, подвигается все медленнѣе, а волны все чаще переливаются за бортъ. Берегъ, едва просвѣчивающій сквозь дождевую сѣть, былъ, казалось, въ двухъ шагахъ, и съ него доносились уже возбужденные людскіе голоса, но было несомнѣнно, что лодка не можетъ больше держаться.

— Такъ неужели мнѣ суждено погибнуть такъ рано, такъ глупо?—мелькало въ цѣпенѣющей душѣ Любавина? На мгновеніе вспомнился ему Петербургъ, уютная квартира, журъ-фиксы у знакомыхъ, театры, рестораны... Все это вихремъ пронеслось передъ нимъ, какъ перевернутый на одинъ мигъ передъ глазами калейдоскопъ. Ахъ, лучше бы онъ не ѣздилъ въ «Озерное», не видалъ никогда этого ужаснаго озера! Такъ думалъ онъ почти безсознательно, самъ не различая хорошенько, что гнѣздилося тамъ, въ темныхъ извилинахъ души.

Вдругъ произошло что-то непонятное; налетѣла волна съ шумомъ и пѣной, упавшей на колѣни Любавина, и въ тотъ же моментъ онъ увидалъ бортъ лодки не внизу, около своей лѣвой руки, а у себя надъ головой. Потомъ онъ погрузился весь въ холодную воду, вынырнулъ и, задыхаясь, поплылъ къ берегу. Онъ услыхалъ возлѣ себя странный булькающій голосъ, увидѣлъ волосы Женя, на которыхъ уже не было картуза, потомъ ея смертельно-блѣдное лицо, туманные отъ ужаса глаза. Она сдѣлала отчаянное усиліе, схватила за рукавъ и поплыла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ продолжалъ загресть руками, глотая воду, захлебываясь и испуская почти беззвучные крики: «А-а-а...»

Волны несли его къ берегу, а ему казалось, что онѣ не даютъ плыть, что онъ не подвигается впередъ. Сердце нежстова билось, зло остро подъ ложечкой, руки нѣмѣли... Ротъ и носъ Женя все

чаще опускались въ воду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она все сильнѣе тянула Любавина внизу.

«Тону»!.. — простоналъ мысленно Любавинъ и судорожнымъ движеніемъ оторвалъ отъ своего локтя вѣрнѣе вѣрившуюся руку Жени.

Послѣ этого, ощутивъ на мигъ облегченіе, онъ проплылъ еще нѣсколько шаговъ. Потомъ у него закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько безсильныхъ взмаховъ... и вдругъ пересталъ видѣть передъ собой воду. Ему мерещилось, что онъ идетъ по твердой землѣ, идетъ черезчуръ ужъ тяжело и медленно, какъ бываетъ во снѣ, когда ноги точно прилипаютъ... Чудилось, что съ нимъ идутъ и другіе люди, и разговоръ ихъ похожъ на шумъ дождя, слышимый сквозь затворенныя окна.

Потомъ онъ пересталъ чувствовать себя.

VIII.

Въ комнатѣ было темно. Въ полузабытѣи Любавинъ нашарилъ инстинктивно свѣчку и спички и долго не могъ зажечь огня онѣмѣвшей рукой, странно тяжелой и какъ будто чужой. Наконецъ, это удалось ему, и онъ прежде всего посмотрѣлъ на свои часы, лежавшіе возлѣ него на ночномъ столикѣ. Часы стояли, и это почему-то обезпечило Любавина. Платье его, которое онъ обыкновенно вѣшалъ близъ кровати на ручку кресла, теперь не было видно, и это еще больше встревожило его. Онъ повернулся въ постели и почувствовалъ боль въ груди, въ ногахъ. Тогда онъ вспомнилъ все.

Сознаніе вернулось къ нему давно, когда было еще свѣтло. Онъ уже тогда понималъ, что его привезли въ «Озерное», только не могъ отдать себѣ отчета: кто сдѣлалъ это? Онъ слышалъ голоса Ислемовыхъ, даже понималъ какъ будто, о чемъ они говорятъ. Онъ сознавалъ, что его раздѣваютъ, укладываютъ въ постель, даютъ ему нюхать что-то сильно пахучее, смачиваютъ чѣмъ-то виски, входятъ въ его комнату, уходятъ, опять входятъ... Онъ впадалъ въ забытѣе, просыпался, слышалъ тревожную бѣготню въ домѣ, вспоминалъ о чемъ-то ужасномъ, видѣлъ передъ собой эти страшныя волны, лѣзущія на него, ощущалъ ихъ холодное прикосновеніе. Но все тотчасъ же покрывалось въ немъ чувствомъ противной тошноты, боли въ груди и онѣмѣнія во всемъ тѣлѣ. И онъ опять погружался въ свинцовую дремоту, и тогда ему чудилось, что онъ лежитъ на днѣ сильно раскачавшейся лодки. «Господи, когда она перестанетъ качаться?» Ему такъ бы хотѣлось отдохнуть на чемъ-нибудь неподвижномъ, избавиться отъ этого неприятнаго замиранія сердца.

Теперь все случившееся встало передъ нимъ съ чудовищною ясностью, и первой мыслью, пронзившей все его существо, было: «А Женя? Что она? Гдѣ она?» Онъ силлся припомнить разговоры, слышанные имъ въ полузабытїи, и смутно представлялъ себѣ, что ее тоже какъ будто привезли. «Надо сейчасъ же узнать... Надо видѣть ее... Одѣться не во что... Можно кликнуть горничную... Впрочемъ, въ шкапу есть другой костюмъ...» Онъ поднялся съ постели, но вдругъ мысль, болѣе ужасная, чѣмъ ужасы, которые онъ пережилъ за этотъ день, мгновенно заморозила въ немъ всю душу и кровь, и онъ сидѣлъ какъ скованный, глядя неподвижными глазами въ темноту, чернѣвшую за окнами. Да, это не бредъ, не кошмаръ, какъ ему казалось въ забытїи: это—страшная, отвратительная правда.

Со стономъ упалъ онъ въ постель, уткнувъ лицо въ подушку и лежалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, истлѣвая душой отъ стыда, горя и отчаянїя. За окнами бушевалъ вѣтеръ, бросая въ стекла дождевыя капли, барабанившїя какъ градъ, и Любавину грезилось, что это стучать и ломаться къ нему невѣдомыя злобѣщїя существа, вынырнувшїя несмѣтною толпой изъ глубины озера. И само озеро подступало къ нему все ближе, ближе, готовое поглотить его; волны множатся, растутъ, снѣшаютъ, подстерегаютъ его злорадно; сѣдые гребни гѣзутъ на гору, подбираются къ самымъ окнамъ и, притаившись, ждутъ момента, чтобы врасплохъ обрушиться на лодку, гдѣ онъ сейчасъ лежитъ разбитый, безпомощный, обезумѣвшїй отъ страха. А издали доносится знакомый голосъ, молящїй о спасенїи, и тянутся къ нему руки, взывая о помощи; вотъ онѣ уже ухватились за него вѣмбьющими пальцами, но онъ отдираетъ ихъ отъ себя и спѣшитъ прочь...

— Ну, какъ вы, ангелъ мой, чувствуете себя?—спрашивалъ Артемїй Борисовичъ, стоя у постели Любавина въ своемъ пестромъ халатѣ.

Любавинъ смотрѣлъ на него въ упоръ тѣмъ же неподвижнымъ и зразличнымъ взглядомъ, какимъ наканунѣ встрѣтилъ его самой льсничїей. Лицо Николая Петровича было почти старымъ, и за впалыи и подъ ними рѣзко выдѣлялись темныя ободки.

— Вамъ, должно быть, все еще нехорошо? Выпейте, дорогой, воды.

Любавинъ съ отвращенїемъ оттолкнувъ стаканъ.

— Не хотите? Ну, вотъ постоитъ: докторъ встанетъ... Онъ прїѣтъ поздно, ночь не спалъ... Задала же намъ Женюрка страху!

При словѣ «Женюрка» Любавинъ весь передернулся подъ одѣяломъ, потомъ закрылъ глаза и прильнулъ лицомъ къ подушкѣ.

— Ну, зачѣмъ такъ, мой ангелъ? Все кончилось сравнительно благополучно. Не успѣете высохнуть вашъ костюмъ, какъ вы ужъ будете на ногахъ. За Женюку тоже не бойтесь: она только потрясена, конечно, этимъ пассажемъ, а въ общемъ ничего.

Любавинъ слушалъ его голосъ, полный успокоительныхъ переливовъ, но изъ всего, что говорилъ Артемій Борисовичъ, онъ понялъ только, что Ислемовы самага главнаго про него еще не знаютъ.

Артемій Борисовичъ заставилъ его выпить чашку кофе съ коньякомъ, и это подбодрило Любавина. Потомъ Вѣра Артемьевна спросила его изъ-за двери, какъ онъ себя чувствуетъ? И по ея неизмѣнно лѣнивому голосу онъ еще разъ понялъ, что Ислемовы не знаютъ, какъ было дѣло. Затѣмъ пришелъ докторъ, толстый сангвиникъ, зѣвующій чрезвычайно ободрительно. Онъ своими шуточками и беззаботнымъ тономъ развлекалъ Любавина, и Николай Петровичъ снова заснулъ подъ шумъ дождя и вѣтра.

Спалъ онъ здоровымъ сномъ и, проснувшись, почувствовалъ аппетитъ. Поѣлъ бульону, съѣлъ котлету, выпилъ рюмку очень хорошаго портвейна. Артемій Борисовичъ опять сидѣлъ у него на постели, и теперь Любавинъ самъ спрашивалъ его обо всемъ. Оказалось, что его и Женю вытащили изъ воды мужики, возившіе лѣсъ: они же привезли его въ «Озерное».

— Въ нашемъ мужичкѣ,—говорилъ глубокомысленно Ислемовъ,—есть даже, пожалуй, нѣчто рыцарское, хотя они и очень нечистоплотны. И, главное, въ нашихъ простолюдинахъ есть вѣра... вѣра во что-то высшее... да. Положимъ, я имъ заплатилъ хорошо.

Дождь все плепалъ по стекламъ и, булькая, стекалъ съ крыши по трубамъ. Подъ журчанье дождевой воды и словоохотливаго хозяина, Любавинъ опять началъ подремывать. Ему отраднo было, что онъ уже больше не качается, не видитъ передъ собой коварныхъ волнъ, а лежитъ въ неподвижной постели, ощущая пріятную теплоту отъ питательнаго обѣда и мягкаго одѣяла.

Сквозь дремоту онъ слышалъ голосъ Софьи Андреевны, весь сотканный изъ вздоховъ.

«Вѣдь она всегда поетъ»,—подумалъ онъ.

На другой день дождя не было, но вѣтеръ продолжалъ бушевать, Любавинъ видѣлъ изъ окна поверхъ занавѣсокъ, какъ стремительно несутся по небу разорванныя тучи. Иногда на минуту выбивалась изъ-подъ нихъ голубая полоса и снова затягивалась густымъ, низко нависшимъ облакомъ.

Платье Любавина, просушенное и вычищенное, висѣло на ручкѣ кресла. Онъ всталъ, чувствуя еще слабость въ ногахъ и ломоту во всемъ тѣлѣ, умылся, одѣлся и пошелъ въ столовую.

По радушинымъ восклицаніямъ, какими встрѣтили его Ислемовъ и Вѣра Артемьевна, онъ еще разъ убѣдился, что они «продолжаютъ не знать». Онъ освѣдомился о здоровьѣ Жени и спросилъ, можетъ ли ее видѣть?

— Подите, подите, она одѣта,—сказала Вѣра Артемьевна съ своей ненужной усмѣшкой.

Женя, одѣтая и причесанная, полулежала на убранной уже постели и пила кофе. Около нея, облокотясь о кровать, сидѣла въ своей вѣчно усталой позѣ Софья Андреевна. Нѣжная кожа ея лица припухла отъ слезъ.

— А, Николай Петровичъ!.. А мы вотъ съ Женечкой...

Раздирающій крикъ прервалъ ее. Женя смотрѣла на своего жениха обезумѣвшими отъ испуга глазами и выкрикивала, какъ вликуша. Чашка выскользнула изъ ея рукъ, и кофе разлился по одѣялу.

Любавинъ сдѣлалъ шагъ къ ней.

— Женя... Женя... Ты боишься меня?

Женя въ ужасѣ протянула передъ собой руки, какъ бы обороняясь, и продолжала истерически кричать.

— Уйдите, уйдите!—умоляла его Софья Андреевна.

Любавинъ вышелъ.

IX.

Тяжелые, тоскливые дни проводилъ Любавинъ. Женя не выходила изъ своей комнаты. Софья Андреевна то и дѣло принималась плакать; даже Вѣра Артемьевна, хотя и не утратила аппетита, кушала какъ-то задумчиво. На весь домъ легла тревожная тѣнь. Любавину было стыдно, что онъ здоровъ, между тѣмъ, какъ Женя больна, и чудилось, что Ислемовымъ тоже стыдно за него.

— Вы ужъ погодите видѣться съ ней,—говорилъ Артемій Борисовичъ, смотря въ сторону: вашъ видъ напоминаетъ ей о катастрофѣ слишкомъ дѣйствуетъ на ея нервы.

— Можетъ быть, мнѣ лучше уѣхать... на время?

Любавинъ чувствовалъ себя теперь въ «Озерномъ» одинокимъ, жимъ для всѣхъ, случайнымъ гостемъ, который, можетъ быть, и сталъ хозяевамъ въ тягость.

— Вы полагаете, лучше уѣхать?

Артемій Борисовичъ соображалъ что-то, продолжая смотрѣть въ рону.

— Разсѣяться хотите? Ну что-жь? Когда же думаете?

— Да хоть завтра утромъ.

Любавинъ одѣлся и вышелъ, чтобы побродить около дома. Дождь давно прекратился, но было сыро и пасмурно.

Шлепа калошами по размокшей, вязкой глинѣ, онъ вяло блуждалъ по двору, гдѣ гоготали индюки и пищали крошечные цыплята, по цвѣтнику, гдѣ яркіе георгины возвышались надъ маргаритками и левкоями свои горделивыя головы, вокругъ пруда, по замутившейся поверхности котораго плавали жирныя, прожорливыя утки.

Спускаться внизъ, къ откосу, къ озеру ему было и жутко, и грустно. Побродивъ уныло, онъ вернулся къ себѣ въ комнату и сталъ укладывать вещи. Небо тускло смотрѣло въ окна. Онъ обвелъ глазами сосновый потолокъ и стѣны, такъ нравившіеся ему прежде, и нашель, что они слишкомъ унылы: «Въ нихъ что-то черезчуръ обнаженное: лучше бы оклеить какими-нибудь веселенькими обоями».

Вещи были уложены. Онъ вышелъ на террасу.

Тоска впилась въ его сердце, когда онъ подумалъ, что сегодня въ послѣдній разъ сидитъ здѣсь, видитъ въ послѣдній разъ этотъ обрывъ, эту просьбу. Онъ вспомнилъ дивное ощущеніе полета, пережитое имъ на этой террасѣ, и свои тихія бесѣды съ Женей подъ музыку Вѣры Артемьевны.

— Да развѣ можно, Женечка?—послышался за дверью ноющій и испуганный голосъ.—Теперь такая сырость... Ты распростишься.

Но Женя уже была на террасѣ.

Любавинъ смотрѣлъ на нее и не узнавалъ. Не было больше добраго и прелестнаго ребенка, беззаботно наслаждавшагося жизнью; какой-то рѣзецъ провелъ по ея лицу трагическій слѣдъ, а въ глазахъ ея, какъ у больного Тюрикова, появились новыя точки, отъ которыхъ на Любавина повѣяло чѣмъ-то глубоко грустнымъ, траурнымъ.

— Папа сказалъ, что вы хотите уѣхать?

И въ голосѣ ея было что-то новое, болѣзненно-серьезное, точно за каждымъ ея словомъ таилась пережитая мука.

— Но, Женичка, вѣдь ты совсѣмъ больна. Тебѣ нельзя тутъ.

— Я вовсе не больна... Оставь меня, мама... Поди лучше въ комнату.

Она говорила съ нервнымъ раздраженіемъ, и въ тонѣ ея слышались ноты истерическаго нетерпѣнія и упрямства. Софья Андреевна, махнувъ безпомощно рукой, вышла, а Женя присѣла на низенькій плетеный диванъ и сказала:

— Вы хотите совсѣмъ уѣхать... навсегда?

Любавинъ стоялъ передъ ней съ опущенной головой.

— Какъ же вы будете? Что-жъ вы хотите дѣлать?

— Поѣду въ Петербургъ.

— Зачѣмъ?

— Буду опять строить дома... можетъ быть, для такихъ же ничтожныхъ людей, какъ я самъ.

Она поняла головой; ея молодая, не вполне еще развившаяся грудь часто и нервно дышала.

— Вы не помнили, что дѣлали, когда... когда я тонула...— произнесла она едва слышно.

— Нѣтъ, я помню все, какъ нельзя лучше.

— Ну, да, теперь... А тогда вы были въ безпамятствѣ.

— Я понималъ, что одному выплыть легче, потому и вырвался отъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ... Это ужасно.

— Это ужасно, это чудовищно, но это правда.

— У васъ тогда помутилось въ головѣ... Вы были, какъ во снѣ.

— Да, оттого что я хотѣлъ спасти свою драгоценную жизнь...

Вы тонули на моихъ глазахъ: я долженъ былъ прежде всего объ этомъ помнить.

Она закрыла глаза рукой и молча сидѣла, истерически вздрагивая.

— Надо было или вмѣстѣ тонуть, или вмѣстѣ спастись. Бѣтъ умѣть любить, тотъ умѣть сдѣлать это... Тотъ сумѣетъ пожертвовать своею кровью, своею жизнью. А я никогда ничѣмъ не жертвовалъ.

Женя, слушая его, все ниже клонила голову, все чаще подергивалась, а Любавинъ говорилъ злорадно, ожесточеннымъ тономъ, точно мстя себѣ:

— Въ прошломъ году мой старый товарищъ просилъ у меня двѣ тысячи: онѣ могли спасти его. Я не далъ... Онъ застрѣлился... И всю жизнь такъ было... Я не любилъ беспокоить себя. Копейки, конечно, я давалъ... Я вѣдь и въ деньгахъ, и въ чувствахъ всегда былъ копейчникомъ... Впрочемъ, вы сами могли убѣдиться въ этомъ.

Его губы кривились отъ невеселой усмѣшки, впалые глаза смотрѣли мрачно и тоскливо, и вся фигура его, такая крупная, предельно важная, казалась преждевременно состарившейся, дряхлой и старой.

Изъ комнатъ донесся озабоченный голосъ Артемія Борисовича.

Женя провела себя по лбу исхудалой рукой съ видомъ человека,

не знающего куда дѣваться отъ страшной головной боли, потомъ судорожно выпрямилась, заломивъ пальцы, и встала.

— Пойдемъ куда-нибудь.

— Куда?

— Все равно, куда-нибудь.

И не дожидаясь его отвѣта, она торопливо спустилась по ступенькамъ террасы.

— Мокро, грязно... Калоши надо... — бормотала Любавинъ, слѣдуя за ней.

— Скорѣй, а то мама увидитъ.

Она почти бѣжала внизъ по грязной дорожкѣ, по мокрой травѣ, не обращая вниманія на влажные вѣтки, съ которыхъ обильно сыпались на нее дождевыя капли.

«Всетаки лучше бы пальто взять, калоши надѣть, — вертѣлось въ головѣ Любавина. — Или хоть шляпу».

— Вы промочите ноги, — твердилъ онъ, съ трудомъ поспѣвая за Женей. — Вы простудитесь, захвораете.

— Ахъ, Господи, ну, пусть захвораю! Развѣ это ужъ такъ страшно? — нетерпѣливо сказала Женя и пошла еще быстрее.

«И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ужъ это такъ страшно?» — подумалъ Любавинъ. Теперь ему казалось, что даже очень хорошо идти вотъ этакъ среди мокроты, съ непокрытой головой, не думая ни о калошахъ, ни о простудѣ, что именно такъ и нужно поступать, когда рухнуло самое важное.

Женя шла увѣренно, точно ужъ рѣшила, куда надо идти, и Любавинъ, не думая объ этомъ, тоже зналъ, куда именно они придутъ.

Вечеръ былъ тихій и прѣлый. Въ лѣсу повсюду ощущались слѣды начинающейся осени; желтые листья на березахъ и полусгнившіе листья подъ ногами, пурпуръ осинъ и кленовъ, тишина, не нарушаемая ничьими голосами. Черные, какъ уголь, словно обгорѣлые стволы сосенъ, послѣ дождя, торчали то тутъ, то тамъ, сообщая лѣсу траурный колоритъ. Вдали виднѣлись среди травы темныя точки: это были знакомые столбики на откосѣ.

Дойдя до нихъ, Женя, блѣдная отъ усталости, сѣла на столбикъ и, подперевъ голову руками, стала смотрѣть на озеро. По небу, востока на западъ, двигались правильными рядами гряды то темныхъ, то желтыхъ тучъ, и озеро то темнѣло, то свѣтлѣло. Безчисленныя волны то рыжія, то свинцовыя сновали какъ неугомонныя встревоженные звѣрки. Глубоко внизу видна была почернѣвшая отъ дождей купальня, свороченная бурей на сторону; какіе-то люди хлестали возлѣ нея, стоя по поясъ въ водѣ.

«Зачѣмъ они поправляютъ ее?—думалъ Любавинъ. Никому она теперь не нужна». Да и все казалось ему ненужнымъ: и озеро, и лѣсъ, и откосъ... Ну, вотъ озеро красиво волнуется, а лѣсъ, мокрый, желтѣющій лѣсъ, стоитъ неподвижно, точно отдыхая послѣ бури. Ну, вонъ тучи бѣгутъ по небу, а солнце напрасно силится прорваться сквозь нихъ. Что-жъ изъ всего этого слѣдуетъ? Кому и зачѣмъ это нужно? Вонъ молодая елочка съ вывернутыми корнями повисла печально надъ обрывомъ и, можетъ быть, долго будетъ висѣть такъ... Какой во всемъ этомъ смыслъ?

Или вотъ эти огромныя почернѣвшія сосны... Придетъ время, ихъ срубятъ, настроятъ изъ нихъ домовъ... Какая скука! А главное, какъ все это мертво, бессмысленно, безцѣльно! Гдѣ же радость жизни, гдѣ же ея живая красота? вмѣсто нея онъ видитъ одни голыя ребра. Снова мутныя призраки, попрятавшіеся было въ темныхъ уголкахъ души, вылѣзли оттуда, обступили его безобразной толпой. Снова бездонное недоумѣніе, душевный провалъ и стыдъ за себя, холодный, развѣдающій стыдъ. У него выступили слезы, отъ которыхъ остается рѣжущая боль и въ глазахъ, и въ душѣ.

— Не уѣзжайте...—тихонько произнесла Женья, увидѣвъ эти слезы, и голосъ ея дрожалъ, какъ замирающая вдали грустная нота.

Онъ молчалъ, тоскливо смотря на озеро.

— Не уѣзжайте.. Мнѣ жалко васъ... Жалко нашей любви... Всего жалко... У меня болитъ за васъ душа... Я не хочу, чтобы вы мучились тамъ... одинъ.

Онъ тяжело вздохнулъ и отвернулся. Лицо его нервно кривилось.

— Послушайте,—сказала Женья чуть слышно.—Я никому не рассказывала про это... Никто не знаетъ.

Онъ закусилъ себѣ губу до крови и опустилъ низко голову.

— Какъ же мы... будемъ съ вами... теперь?—пробормоталъ онъ съ тоской.

Она обвела грустнымъ взглядомъ горизонтъ, загроможденный тучами, посмотрѣла на желтое пятно, тускло просвѣчивающее сквозь свинцовый слой, и шепнула уныло:

— Какъ-нибудь.

Хотѣла еще прибавить что-то, вдругъ прижала ладони въ лицу и аплакала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ отъ беззвучныхъ рыданій.

Солнце прорѣзалось сквозь тучи, поиграло съ минутой сверкающими лучами по рыжимъ волнамъ озера и опять потерялось среди чухъ громадь.

Н. Тиховскій.

Наливъ хлѣбовъ.

Наливъ хлѣбовъ. О, намъ дано
Тяжеловѣсное зерно.
Но вдругъ, до жатвеннаго дня,
Падеть на ниву—головня?
И вдругъ—съ росой вредной, мгла?
И спорынья? И столько зла?
Да минеть съ ржавчиною бой,
Да мимо льется дождь слѣпой.

Сухой Перунъ.

Сухой туманъ, когда цвѣтенъ нивъ—
Проклятье дней, хлѣбовъ плохой наливъ.
У нивъ зарницы даже—на счету,
Сухой Перунъ—сжигаетъ рожь въ цвѣту.

Сухой Перунъ—роняетъ въ травы ржу,
И чахнетъ цвѣтъ, что радовалъ между.
Перунъ желаетъ молній—изъ зарницъ,
Небесныхъ—долженъ онъ пьянить дѣвицъ.

Н. Бальмонтъ.

У Т Р О.

Митя вышелъ въ садъ, довольный, что его на этотъ разъ никто не сопровождаетъ.

Няня, горничная и даже кухарка чѣмъ-то заняты въ маминой комнатѣ, куда его нынче не водили даже поздороваться. Отецъ только на минуту вышелъ къ Митѣ, молча поцѣловалъ его и заперся у себя въ кабинетѣ.

Всѣ ходятъ такъ тихо, точно боятся кого-нибудь разбудить.

Пришелъ какой-то черный чужой человѣкъ.

Прислуга засуетилась. Шепотомъ посовѣтовались и боязливо постучались къ отцу. Чужой человѣкъ бокомъ скользнулъ въ дверь, держа картузь за спиною, а потомъ отецъ и онъ прошли въ мамину комнату.

Прислуга осталась въ залѣ и стала по-новому убирать и разставлять мебель.

Больше, однако, онѣ шептались и погачивали головами, чѣмъ прибирали. Няня то и дѣло утирала слезы.

Митя тоже заплакалъ.

— Не надо, чтобъ няня плакала.

— Съ чего ты взялъ, лягушеночекъ? И вовсе я не плакала. Отъ старости это у меня глаза слезятся.

Но, глядя на кончикъ нянькинаго носа съ прозрачной, переливавшейся на немъ капелькой, мальчикъ настойчиво повторилъ:

— Плакала и даже носъ себѣ обслезила. У тебя, няня, опять за умерь?

— Господи! И все-то онъ помнить! Какой тамъ зять! Больше какъ, какъ лишилась его. Что ему два раза, что ли, помирать.

— А зачѣмъ зеркало закрыли?—съ непонятнымъ раздраженіемъ спросилъ мальчикъ.— Не хочу, чтобы зеркало закрыли.

— Иди-ка ты въ садъ. Вишь, погода-то какая нынче выдалась

Но закрытое зеркало почему-то особенно остановило на себѣ раздраженное вниманіе мальчика: онъ привыкъ въ него видѣть всю отраженную залу и себя. И это было такъ чудесно. Теперь все какъ будто лишилось самаго важнаго, и даже тропическія растенія омертвѣли въ бездушномъ попоѣ. Нянька поспѣшила его одѣть и вывести на крыльцо, строго наставляя:

— Только ты играй здѣсь, въ саду, никуда не уходи: ни на улицу, — тамъ тебя трубочистъ въ мѣшокъ возьметъ; ни къ обрыву, — вѣтеръ въ море унесетъ. Тутъ играй. Да я изъ окна буду за тобой присматривать.

И нянька ушла, шаркая больными ногами въ большихъ растоптанныхъ валеныхъ туфляхъ.

Очутившись на крыльцѣ, мальчикъ сразу забылъ и о нянькѣ и обо всемъ, что въ домѣ.

Отъ теплаго весенняго воздуха, который, точно обрадовавшись ребенку, всего его обвѣялъ нѣжнымъ, проникающимъ дыханіемъ, даже закружилась голова. Онъ остановился на минуту, шуря глаза отъ солнца, щекотавшаго рѣсницы и носъ. Поднялъ слегка головку, подобралъ ее въ плечи и чихнулъ разъ-другой, да такъ, что даже кругленькая шапочка его слетѣла на затылокъ.

Это чиханіе заставило поднять голову большую цѣпную собаку Капитана, растянувшуюся на своей будкѣ и внимательно слѣдившую за игрою свѣтотѣней. Она остановила глаза на мальчикѣ и вслухъ привѣтливо зѣвнула.

Два маленькихъ мохнатыхъ щенка, сладко дремавшіе въ солнечныхъ лучахъ около оранжереи, на кучѣ мусора и старыхъ сметенныхъ листьевъ, завозились и обернулись къ нему. Они увидѣли мальчика и разомъ, точно по уговору, взапуски бросились къ своему товарищу, забавно перебирая толстыми мягкими лапами.

Мальчикъ засмѣялся, глядя, какъ щенки старались вскарабкаться къ нему на крыльцо по ступенькамъ!

Рыженькій, усердно работая ногами и головой, ужъ одолѣлъ было одну ступеньку, но, подпрыгивая на вторую, кувырнулся назадъ, какъ разъ въ то время, когда мальчикъ, держась за переплетъ перилъ, самъ спускался щенятамъ навстрѣчу.

Не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ они съ обѣихъ сторонъ стали скакать около него и, наконецъ, оба осторожно вцѣпились зубами въ плотно надѣтыя варежки. Тутъ, смѣшно ворча, щенята затрясли головами, а онъ, еще больше смѣясь, помогалъ имъ движеніями рукъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не стянули съ него варежки.

Освобожденные руки обрадовались, увидѣвъ свѣтъ и чуя на

своей кожѣ ласку мартовскаго солнечнаго утра. Мальчикѣ захлопалъ въ ладоши, и щенята бросились въ разныя стороны, не выпущая изъ зубовъ шерстяной добычи, которую они тутъ же стали терзать зубами и лапами съ торжествующимъ ворчаньемъ; о Митѣ они тотчасъ же забыли, какъ онъ забылъ о нихъ.

Его вниманіе привлекла небольшая шершавая лошадка съ повозочкой, направлявшаяся къ оранжереѣ. Держа вожжи, рядомъ съ ней степенно шелъ рабочій Фролъ, человекъ еще не старый, но до такой степени молчаливый, что многіе считали его за нѣмого.

Противъ оранжереи, у открытой двери дворницкой, откуда вкусно пахло печенымъ, дворничиха раздувала самоваръ; дымокъ изъ него вылеталъ голубымъ фонтаномъ и расплывался тутъ же въ воздухъ. Самъ дворникъ подрѣзывалъ огромными ножницами сухія вѣтки деревьевъ и отбрасывалъ ихъ къ той кучѣ, на которой передъ тѣмъ дремали щенки.

Онъ озабоченно бесѣдовалъ съ женой, то и дѣло посматривая на барскій домъ. Дворничиха особенно собрушалась:

— Какъ же такъ! Если она не исповѣдалась, да не поспособовалась, такъ вѣдь отпущенія грѣховъ не будетъ.

— Молчи! Это понимать надо, — остановилъ ее мужъ. — А, пріѣхалъ! — встрѣтилъ онъ начальственно Фрола. — Вотъ и ладно! Навладывай этотъ соръ и увози его, да смотри, сбрасывай къ сторонѣ съ обрыва, чтобы на дорожку не попало, а то задастъ наша вѣдьма.

Фролъ все это зналъ и безъ него, ничего не сказалъ и сталъ лопатой набрасывать смете въ повозку.

Лошадка смирно стояла, опустивъ несоразмѣрно большую, волосатую морду съ кроткими, умными глазами, которые смотрѣли скорѣе въ себя, чѣмъ на окружающее; она какъ будто понимала и вполне раздѣляла молчаливость своего спутника.

Митя долго, внимательно смотрѣлъ въ лошадиные глаза и спросилъ:

— Отчего лошади не говорятъ?

Фролъ ничего не отвѣтилъ, но взглядъ, который онъ неторопливо обратилъ на мальчика, какъ будто сказалъ: оттого, что умныя воть зачѣмъ люди говорятъ?

Лошади, повидимому, нравилось теплое и яркое солнце, обливающее ея морду и золотившее грубую шерсть; она поводила отъ удовольствія ушами, полузакрывала глаза и шевелила влажными, чуткими ноздрями.

Дворничиха замѣтила мальчугана и, оглянувшись на мужа, на

Фрола, даже на лошадь, точно призывая ихъ всѣхъ въ свидѣтели, подперла рукою щеку и завздохала:

— Ахъ, ты, болѣзнь мой! Ахъ, красавчикъ! Постою-ка-сь, я тебѣ лепешечку принесу.

Ушла въ дверь и тотчасъ же вышла оттуда съ горячей лепешкой въ рукахъ.

— Бушай, родненькій... Легко ли теперь безъ родимой матушки!

Занятый лепешкой, которая очень прилась ему по душѣ ужъ однимъ своимъ запахомъ, мальчикъ едва обратилъ вниманіе на ея слова, но эта ноющая ласковость его совсѣмъ не радовала.

— Вотъ и вѣрь послѣ того докторамъ, коли онъ законную свою жену не могъ вылѣчить! Вѣрно ужъ коли смерть придетъ, такъ никакіе доктора не помогутъ. Нѣтъ противъ нея лѣкарства.

— Н-ну, это понимать надо.

— Нечего и понимать. Ты тамъ старайся не старайся, ничему не можешь, а подуль вѣтеръ—и нѣтъ человѣка.

Она, видимо, желала вызвать вниманіе и сочувствіе Фрола, но тотъ и тутъ остался молчаливъ, какъ его лошадь. Онъ слегка тронулъ ее, и она пошла съ полнымъ возомъ.

Дворничиха посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Не человѣкъ, а идолъ! Хотъ бы слово когда сказалъ!

— Это онъ такой сталъ, какъ съ войны вернулся. Тоже, братъ, война—не жена, ее не обломаешь.

— Смерть, чай, человѣкъ повидаль не разъ передъ собой,—согласилась и жена.

— Эка невидаль—смерть! Живемъ—умираемъ, умремъ—оживаемъ. Жизнь-то наша—видимость одна, вродѣ тѣни. А противъ смерти, это вѣрно, лѣкарства нѣтъ.

Слово смерть какъ-то особенно дико звучало въ это восхитительное утро, которое свидѣтельствовало только о радости воскресенія и о свободѣ.

И все дышало этой радостью, начиная отъ влажной земли, гдѣ весело путались слѣды колесъ и ногъ, и до самаго неба, ярко-синяго межъ пухлыми, млѣющими въ солнечномъ блескѣ облаками.

Земля пахла такъ вкусно и тепло, не то чѣмъ-то вродѣ тѣхъ лепешекъ, что пелись у дворничихи, не то—еще болѣе нѣжно, какъ пахнетъ чистое дѣтское тѣло послѣ сна.

Свѣтились голыя, но уже ожившія вѣточки деревьевъ, отъ которыхъ длинныя тѣни, багъ живыя, переплетались на землѣ и на бѣлой стѣнѣ; свѣтились красныя, черепичныя крыши и стекла оконъ,

и вычищенный самоваръ: въ немъ такъ смѣшно отражалось все и особенно— снова вернувшаяся лошадка, что Митя долго не могъ отвести глазъ отъ этого отраженія.

И само собой припоминалось ему на одно мгновеніе закрытое зеркало и непонятная для него тайна за нимъ.

Откуда-то съ вышины падали тоже свѣтящимися брызгами пѣсни жаворонковъ и, какъ бы осмысливая матовый гулъ города, докатывавшийся сюда ворчливыми волнами, отъ сосѣдней церкви трогательно и нѣжно доносился великопостный звонъ.

Зато какъ душно, должно быть, тѣмъ плѣннымъ цвѣтамъ въ оранжереѣ! Они смотрятъ сквозъ позеленѣлыя стекла большихъ наклонныхъ рамъ, беспомощно и жадно, какъ наказанныя запертыя дѣти. Бѣлыя, лиловыя, фіолетовыя кисти гіацинтовъ — ихъ особенно много тамъ— такъ и молятъ открыть имъ темницу. Имъ мало, что дверь теплицы, ведущая внизъ подъ землю, въ оранжерею, растворена. Среди цвѣтовъ, внимательно слѣдя за ихъ поливкой, рассказываетъ садовникъ— Михаилъ Иванычъ.

Вѣрно, они также растрогали его своей молчаливой мольбой. Онъ медленно и важно оттуда вышелъ, заперъ за собою дверь, какъ будто для того, чтобы не было сквозняка и— чтобы малютки не простудились, и сталъ открывать большія, тяжелыя стеклянныя рамы, аршина на полтора приподнимая ихъ надъ землей и укрѣпляя въ такомъ положеніи подпорками.

Свободный, влажный и нагрѣтый солнцемъ воздухъ встрѣтился съ густымъ тепличнымъ стоячимъ воздухомъ, поднявшимся оттуда, какъ разъ на границѣ этой цвѣточной тюрьмы; нѣкоторое время ни тотъ, ни другой не рѣшались переступить черты. Тепличный воздухъ перелился первый, а на его мѣсто ворвался воздухъ свободы. Цвѣты жадно раскрыли навстрѣчу ему свои истомленные рты и стали вливать вмѣстѣ съ нимъ соки невѣдомыхъ имъ или забытыхъ силъ природы, приобщаясь ко всей вселенной, со всеми восторгами миллиардовъ ожившихъ тамъ, на свободѣ, существъ, со всеми ликующимъ трепетомъ неисчислимыхъ жизней, переполнявшимъ каждый атомъ этого воздуха.

Мальчикъ стоялъ почти вровень съ открытой рамой, и цвѣточный аромат, переливавшийся оттуда, сразу коснулся его лица, рѣсца, носа, губъ, не только почувствовавшихъ этотъ сочный ароматъ, но какъ будто ощутившихъ и его сладковатый, томительный вкусъ.

Гдѣ-то близко, въ тонъ колокольному звону, загудѣла пчела; вѣтно, привлеченная также этимъ запахомъ и яркостью цвѣточной

окраски, легкая, какъ дымокъ, бабочка, затрепетала тутъ же, увлекаемая вмѣстѣ съ воздухомъ въ теплицу.

Дворничиха унесла въ горницу самоваръ и вышла, чтобы позвать мужа пить чай.

— Не угодно ли и вамъ, Михаилъ Ивановичъ, чайку съ нами отбушать?

— Спасибо, некогда.

— Съ лепешечками. Только что спекла.

— Въ другой разъ. Смотри не упади туда, малышъ, — обратился онъ ворчливо къ Митѣ, заглядывавшему внутрь теплицы, куда залетѣла бабочка.

Митя обернулся. Палецъ его, подъ подбородкомъ, было въ крошкахъ отъ съѣденной лепешки; лицо и глаза сіяли.

— Бабочка! — весело указалъ онъ на теплицу.

— Ну, ей можно, она летаетъ.

— А почему человѣки не летаютъ?

— Крыльевъ Богъ не далъ.

— А почему крыльевъ Богъ не далъ?

Но ему никто не отвѣтилъ на вопросъ. Вмѣсто этого дворничиха, обводя пальцемъ губы, опять сказала соболѣзную:

— Только этого къ отцовскому горю не доставало.

— Н-да, дѣла... — опять протянулъ дворникъ, вытирая объ полу налипшій съ деревьевъ клей. — Въ ѣтакое-то время, да въ могилу!

— А не все ли равно, когда ни умирать, — спокойно возразилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Такъ-то оно такъ, а всетаки, каждая травка нынче жизни радуется.

— Живая и радуется, а перестала жить, такъ ей все едино, какое время.

— Тоже сравнили травку съ человѣкомъ! — вступилась обиженнымъ тономъ дворничиха.

— А чего-жъ не сравнить! Всѣ изъ земли, въ землѣ и будемъ.

— Ну, тоже... Чай у человѣка душа.

— И у растенья душа.

— Что ужъ это вы, Михаилъ Ивановичъ! Бто же видѣлъ у растенья душу-то?

— А у человѣка кто ее видѣлъ?

— Ну, что ужъ это вы!

— Чего—что-жъ? Я вѣрно говорю: живетъ, — вотъ тебѣ и душа а умеръ и дунѣ конецъ.

— Какъ же конецъ, когда по смерти душа-то сорокъ дней по мытарствамъ ходить!

— Это это видѣль, какъ она ходить?—насмѣшливо возразилъ садовникъ.

Дворничиха въ испугѣ даже руками всплеснула.

— Господи! Да что вы это такое говорите! Вотъ грѣхъ-то...

— Молчи... Это понимать надо!

— И понимать тутъ нечего, — неожиданно отозвался Фролъ, ни на кого не глядя. — Никакой души нѣтъ. Ничего нѣтъ!... Вотъ, что этотъ навозъ, что люди, — все равно.

Если бы эти слова сказалъ не онъ, а его лошадь, всё были бы удивлены не меньше. Зато дальше онъ не проронилъ ни звука. Взявъ подъ уздцы лошадку; она вся наклонилась впередъ и пошла съ возомъ, отъ котораго пахло сыростью и тлѣнiемъ.

На мѣстѣ кучи хвороста, листьевъ и всякаго сметья осталось сѣрое пятно, которое тутъ же задымилось теплымъ паромъ, и его съ любопытствомъ обнюхивали щенки, въ ключья разорвавшiе Митины варешки.

Дворникъ переглянулся съ женой, потомъ съ садовникомъ и многозначительно покачалъ головой вслѣдъ удаляющемуся рабочему.

— Этотъ ужъ и въ Бога не вѣруеть!—съ ужасомъ произнесла дворничиха.

Садовникъ только неопредѣленно повелъ бровями.

— Н-ну, это... —дворникъ опять хотѣлъ сдѣлать свое обычное глубокомысленное замѣчанiе, но побоялся и только махнулъ на женны слова рукой.

— Не грѣхъ теперь и чайку напиться, — потягиваясь, произнесъ онъ. — Удостоите, Михалъ Иванычъ.

— Спасибо. Некогда, говорю. Время такое, что каждымъ часомъ надо дорожить. И то заговорился съ вами, а тутъ приказано еще для покойницы цвѣтовъ да зелени нарѣзать. Для мертвыхъ—живыхъ вотъ надо губить. Э-эхъ, глупы еще люди!

И садовникъ пошелъ въ сторону, поблескивая лезвiемъ большого за тутаго ножа.

Дворникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, поднимая кверху палець, и, какъ а тотъ исчезъ за поворотомъ аллеи, солидно сказалъ женѣ:

— Умственный человекъ.

— Какъ бы за эту умственность-то ему къ чиганашкамъ, проси Господи, въ пекло не угодить!

— Подъ сюда, подъ, красавчикъ!—ласково обратилась она къ

ребенку.—Подь, я чайкомъ тебя напою, а то, не бойсь, не до тебя теперь дома-то.

Но мальчикъ покачалъ головой.

Ему было не до того: онъ занялся своими мыслями. Небольшое, невѣроятно изогнутое дерево, какъ будто замерзшее въ припадкѣ ужасныхъ корчъ, разбросало по землѣ перепутанныя, иногда шевелившіяся тѣни, и мальчика глубоко поражало, что онъ ни ножкой своей, ни палочкой не можетъ подвинуть этихъ узоровъ хоть немного, между тѣмъ какъ отъ легкаго дуновенія вѣтерка они сами шевелятся.

Не сводя глазъ, онъ присѣлъ на корточки передъ ними и сталъ трогать ихъ сначала прутикомъ, потомъ прямо руками.

Но, видя, что тѣни не шевелятся, онъ сталъ бить ихъ ножкой съ досадой и упрямствомъ.

Слѣды его ударовъ оставались на пескѣ. Онъ вдругъ остановился, и ему ясно представилось, что тѣни обижены, что онъ ихъ такъ топчетъ, что имъ даже больно.

Онъ сразу почувствовалъ себя виноватымъ передъ ними, какъ тогда, когда обижалъ няню, или кошку Мурку. Наклонился передъ ними и сталъ ихъ цѣловать.

Напрасно нянька кликала его пить молоко, онъ не слышалъ.

Увидѣвъ его на колѣняхъ на землѣ, старуха всполошилась и бросилась поднимать ребенка.

— Ахъ, ты, озорникъ этакій! Что же ты по землѣ-то валяешься! Вотъ не присмотри за нимъ минутку, онъ невѣсть чего понатворитъ. Вишь, руки-то какъ выгрязнилъ!

— Я больше не буду, няня,—кратко отвѣтилъ онъ, но нянька истолковала его раскаяніе по-своему.

— Хорошо, хорошо... Никогда больше этого не дѣлай.

— Никогда больше не буду, няня.

Они пошли къ крыльцу, и, когда проходили мимо оранжереи, мальчикъ сказалъ нянѣ:

— Няня, нарвемъ этихъ цвѣточковъ и понесемъ ихъ мамѣ. Пускай, чтобъ они хорошенько для мамы напали.

А. Федоровъ.

ЕВНУХИ.

Андрея Немоевскаго.

Съ польскаго.

Могучь Вавилонъ, свирѣпа Ниневія, но любовь живетъ только въ Гекалѣ, прекрасномъ городѣ падъ синими водами Идиглата.

Тамъ вѣтерокъ лобзаетъ, а листья деревьевъ шепчуть: обними насъ! Тамъ рѣчная пучина, какъ сладостная истома дѣвы, а вино усмѣхается, какъ рубинъ, и говоритъ: восхоти!

Вотъ этого-то вина не дозволялось пить въ Ниневіи. Сарругинъ взрекъ:

Да вкушаютъ мои воины всяческія вина, кромѣ вина этого извѣстнаго города. Ибо пала бы Ниневія, какъ долженъ пасть Гекалъ.

А Вель-Ибни сказалъ:

— Если бы одна капля этого вина упала бы на кирпичи Вавилона, вспыхнулъ бы пожаръ, котораго не угасили бы Двураренныя Воды во время ежегоднаго наводненія.

И всетаки Адаръ-Маликъ, владыка Гекала, пилъ его и смѣялся. Пили также его туртаны и также смѣялись. И очень много этого вина пила супруга Адаръ-Малика, Зибей (что значить газель), и очень весело смѣялась.

Жрецы же утверждали, что каждый разъ, какъ только Аштореть спускаться въ Край Мрака, для воскресенія Таммуза, то всегда вступать въ свой храмъ въ Гекалѣ, чтобы на дорогу натереть себѣ этимъ виномъ виски, ноздри, грудь и чрево...

Храмъ Аштореть воздвигъ Орель (что значить воронъ). Онъ былъ ту гавомъ надо всѣми постройками, которымъ Адаръ-Маликъ украсилъ свою столицу.

Путь къ этому храму лежалъ по Улицѣ Процессій.

Утѣны этой улицы были выложены эмальированными кирпичами и бого цвѣта. А по этой лазури ходили золотые львы.

И вотъ пророческая вѣсть обѣгала пустыню, оазисы, въ особенности же кочевыя палатки хабировъ, весьма завистливыхъ и постоянно порождающихъ изъ своего лона пророковъ уничтоженія.

— Львы ходятъ по Гекалу!

А потомъ:

— Львы пасутся въ Гекалѣ!

И наконецъ:

— Львы гнѣзятся на развалинахъ Гекала!

Когда эта третья вѣсть успѣвала описать уже довольно широкій кругъ по пустынѣ, тогда Адаръ-Маликъ обыкновенно переставалъ смѣяться, осушивалъ шесть чашъ гекальскаго вина и садился въ колесницу. Мутаннаби, туртанъ его войскъ, осушивалъ также шесть чашъ рубинового вина и выѣзжалъ во главѣ шестисотъ колесницъ. Какъ знойный вихрь, они вылетали изъ Гекала, спали на хабировъ, производили жестокую рѣзню и возвращались домой, обремененные обильной добычею. И каждый разъ они набирали много хабирскихъ плѣнниковъ, которые потомъ передъ храмомъ богини Ашторетъ должны были стоять на колѣняхъ, расположенные въ квадратъ, а на ихъ плечахъ во время торжествъ ставили тронъ Адаръ-Малика. Царскіе слуги завивали имъ бороды и волосы на ассирійскій манеръ въ локоны, а портные обували ихъ въ башмаки и надѣвали на нихъ нагольбники, что непомерно огорчало ихъ, потому что всякія украшенія были прогнѣты ихъ пророками. Проливая слезы и стоя на колѣняхъ подъ трономъ Адаръ-Малика, они могли обратить свой взоръ на голубыя стѣны Улицы Процессій и убѣдиться, что по этимъ стѣнамъ ходили не только львы, но также и волы и змѣи съ хвостами, задранными вверхъ.

Въ храмѣ Ашторетъ власть держалъ Баши, туртанъ надъ всѣми хорами. Онъ подбиралъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обладающихъ головами пѣвучихъ пищалокъ, а также и мужей, пѣніе которыхъ напоминало звукъ трубы или глубокой грохотъ отдаменнаго грома. Самъ онъ также пѣлъ удивительно. Хабиры вѣрили, что такъ пѣлъ только Адонихъ, сынъ Давида, и, говоря это, несомнѣнно лгали, потому что не слышали и слышать его не могли, а пѣніе туртана было для нихъ омерзительно. Но хвастливый Баши не вникалъ въ искренность похвалъ, а только приказывалъ выдать имъ по двѣ мѣры хлѣба и по три мѣры фигъ. Баши хотѣлъ было изъ среды ихъ выбрать обладавшихъ отличными голосами, но хабиры не хотѣли пѣть гимновъ въ честь Ашторетъ, ибо имѣли своего Ягу, и никого болѣе. Баши для примѣра приказалъ сотнѣ сопротивлявшихся вырвать языки. Но и это не помогло, напротивъ, увеличило только упорство

этих неотесанныхъ людей, потому что тотчасъ же двѣсти другихъ добровольно вырвали у себя языки сами и съ ними ничего нельзя было подѣлать.

Гимны слагалъ Бубатти, туртанъ надъ всякою наукой, которая процвѣтала въ Гекалѣ. Говорятъ, что онъ исчислилъ путь звѣзды Неграль, что привело въ изумленіе вавилонскихъ ученыхъ, ибо они были убѣждены, что ихъ прежнія исчисленія были безошибочны.

Бубатти обладалъ необычайнымъ даромъ краснорѣчія и великимъ разумомъ. Хабиры клялись, что такой разумъ имѣлъ только Шеломохъ *), царь Урь-Шалема **), самый мудрѣйшій на всемъ востокѣ. Говорятъ, они безстыдно лгали, потому что и этого туртана считали послѣднимъ глупцомъ, который поклонялся идоламъ, змѣямъ и воламъ, чего никогда не сдѣлалъ бы разсудительный Шеломохъ. Правда, этотъ послѣдній воздвигъ алтарь для сидонскаго идола, но только изъ любви къ своей девятой женѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что въ этого идола онъ не вѣрилъ. Придетъ время, когда Ягу истребить всѣ эти блудные народы и низвергнуть ихъ идоловъ.

Священными танцами управлялъ Эллипи, младшій туртанъ, котораго придворныя Зибемъ называли Туртаномъ Очарованія. Легкій, какъ вѣтерокъ мѣсяца Тишприть, благоухающій, какъ цвѣтъ тамарикса, онъ обладалъ стальнымъ ключомъ отъ всѣхъ сердець. Когда онъ танцевалъ передъ статуей Аштореть, окруженный танцующими же дѣвами и юношами, хабиры, колѣнопреклоненные подъ трономъ Адаръ-Малика, клялись, что такъ плясалъ развѣ только царь Давидъ собственною своей персоной. И они снова безстыдно лгали, потому что между собой перешептывались, что танецъ туртана не что иное, какъ круженъя медвѣдя, стоящаго на двухъ лапахъ. Эллипи, осведомившись о дѣлаемыхъ ему похвалахъ, приказалъ привести къ себѣ старѣйшаго хабира и спросилъ:

- Кто такой былъ царь Давидъ?
- То былъ нашъ царь.
- Развѣ онъ платилъ дань предкамъ Адаръ-Малиба?
- Онъ не могъ дѣлать этого, ибо тогда предки Адаръ-Малиба не существовали.
- Лжешь, потому что предкомъ его былъ Хіюнъ, звѣзда котораго блестятъ такъ великолѣпно. Твой Ягъ былъ его посломъ въ землю

Мурри, дабы твоему народу, стонущему въ неволѣ, возвѣститъ освобожденіе.

— Ягъ возвѣстилъ моему народу освобожденіе, но только отъ себя. Ягъ сказала Мессу: азъ есмь Сущій.

— Лжешь, подлый рабъ! Если бы было такъ, ты стоялъ бы на моемъ мѣстѣ, а я дрожалъ бы передъ тобой.

— Никогда нельзя знать, что будетъ дальше...

Тогда туртанъ сильно разгнѣвался и, призвавъ начальника своей стражи, отдалъ такое приказаніе:

— Хабиръ этотъ долженъ жить и смотрѣть на все, что дѣлается, дабы позналъ, что будетъ дальше.

Хабиръ же отвѣтилъ:

— У насъ говорятъ, что Кубатти мудръ, какъ второй Шеломохъ. Но говорящіе это ошибаются. Ибо лишь одинъ ты обладаешь такою неизмѣримою мудростью.

Эллипи отъ радости выпятилъ губы, потому что ненавидѣлъ того туртана, который однажды сложилъ гимнъ въ честь Зибей и сильно подчинилъ себѣ ея сердце.

.....
Пришелъ часъ, когда Адаръ-Маликъ ничего другого не дѣлалъ, только пировалъ и пилъ рубиновое вино.

Дыханіе его стало коротко, а лицо красно. Пади, туртанъ надъ всѣми врачами и предсказателями, очень за него встревожился и совѣтовалъ ему соблюдать большую воздержанность.

Адаръ-Маликъ недоброжелательно посмотрѣлъ на него.

— Я и такъ воздержанъ,—сказалъ онъ.— Утромъ, когда Шамашъ выступаетъ изъ-за горы Дуль-Азагъ, я выпиваю одну чашу въ честь его. Потомъ, направляясь къ храму Аштореть, я выпиваю вторую. Возвратившись, утомленный, я подгрѣпляюсь третьей чашей. Въ полдень, когда злобные демоны бываютъ наиболѣе надоедливы, я осушаю четвертую чашу. Пятую и шестую я выпиваю, навѣщая моихъ наложницъ. Седьмую—во время совѣщанія съ туртанами о дѣлахъ моего царства. Восьмую чашу—во время вечерняго привѣтствія Зибей. И только когда Синъ выйдетъ на небесный сводъ, можно сказать, дѣйствительно, что я пью.

Сказавъ это, онъ засмотрѣлся въ пространство, а черезъ минуту продолжалъ свою рѣчь:

— Царь Шеломохъ былъ весьма мудръ, а пилъ. Также фараонъ Рамессу, прозванный Великимъ, былъ мудръ, храбръ и пьяница. Хаммураби, хотя его страна никогда не обладала виноградной лозой,

добывалъ себѣ со стороны многоцѣнныя вина, а всетаки въ искусствѣ правленія никто еще до сихъ поръ не превысилъ его.

Онъ снова обратилъ глаза на туртана и изрекъ такъ:

— Я пью и буду пить, потому что это вино богини Аштореть. Въ ея объятіяхъ сгорѣлъ Ашуръ-Идиль-Илли-Укинни. Я не удостоюсь такой чести, потому что огонь любви съ нѣкотораго времени пересталъ уже пожирать меня. Но всетаки мои уста еще не потеряли чувства вкуса.

— Но грудь твоя теряетъ дыханіе, а очи—тайну зрѣнія,—отвѣтилъ туртанъ.

Адаръ-Маликъ улынулся.

— Тайну зрѣнія? Ты ошибаешься, Пади. Я вижу все, что творится вокругъ меня. Но что же именно творится? Любовь посягаетъ на заповѣдныя цвѣтокъ. Помни, Пади, что если у владыки разумъ—это правая рука, а снисходительность—лѣвая, то онъ долженъ поступать такъ, чтобы подданные называли его лѣвшою...

Туртанъ поднялъ вверху свои немного подграшенныя брови и отвѣтилъ:

— Ты создалъ новую основу жизни, невѣдомую Верховнымъ Богамъ.

— Иногда и боги должны чему-нибудь поучаться отъ людей.

— Ты сказалъ, что любовь посягаетъ на заповѣдныя цвѣтокъ. Да, но любовь дѣлаетъ и еще нѣчто иное. Она придумала танецъ горящихъ факеловъ. Искры падаютъ на Гекаль, и можетъ вспыхнуть великій пожаръ.

— Такимъ языкомъ говорить Кубатти въ своихъ гимнахъ. Языкъ этотъ привлекателенъ, но мало понятенъ.

— Долженъ ли я быть болѣе точнымъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, только менѣе скучнымъ, любезный туртанъ. Я не Саррукинъ и не Бель-Ибни. Пускай моя Зибя забавляется.

Туртанъ положилъ правую руку на грудь, поклонился и направился къ выходу, но Адаръ-Маликъ вознесъ чашу до высоты глазъ и сказалъ на прощанье:

— За твои успѣхи, Пади!

И Зибя забавлялась.

Забавлялась она пѣніемъ, танцами, пирами, предсказаніями. Та-
и, хабирская предсказательница, каждое утро читала по ея рукѣ,
и ее ожидаетъ до самаго вечера и даже ночью.

Забавлялась она также и любовью. Любила по очереди всѣхъ

боговъ. Отдавалась два раза Белу въ его храмъ. Точно такъ же отдавалась Таммузу. Но этотъ богъ къ ея великому огорченію не былъ такимъ ненасытнымъ, какъ она думала. Среди громъшной темноты, царящей въ храмъ, она, правда, не могла разсмотрѣть его лица, однако чувствовала подъ рукою, что на щекахъ у него были многочисленные морщины, а борода поросла щетиною. Жрецы объясняли ей, что она была права, потому что это совпадало съ осенью, когда Таммузъ бываетъ уже старымъ и вскорѣ умираетъ. Весною у него не бываетъ морщинъ, а борода его отличается необыкновенною мягкостью. Зибей получила впечатлѣніе, что и Белъ уже порядочно старъ. Жрецы тогда объяснили ей, что года Бела не даются точному исчисленію. Все это отбило у Зибей охоту искать любви среди боговъ, зато она начала обращать большее вниманіе на жителей земли.

При дворъ тотчасъ же наступило большое оживленіе. Всѣ туртаны начали обращать особенное вниманіе на свою наружность. Мутанаби тратилъ ежедневно по два часа, чтобы завивать въ трубочки свою бороду, Оребъ принималъ ванны изъ рубинового вина, Каши точно такъ же. Кубатти, который обладалъ необыкновенно маленькою ногою, постоянно носилъ желтые башмаки, потому что Зибей очень любила этотъ цвѣтъ. Эллипи выписывалъ себѣ драгоценныя масла изъ Ниневіи и Вавилона, даже Пади обращалъ особенное вниманіе на то, какъ падаютъ складки его одежды. Вошли въ цѣну чешальщицы, сапожники, портные; купцы, которые посылали свои корабли даже въ Индію, очень расхваливали правленіе Адаръ-Малика. Золото и драгоценныя камни доставляли цѣлыми караванами. Городъ Гебалъ (что значить дворець) вскорѣ сталъ жилищемъ вкуса, роскоши, пѣнія, неустанныхъ танцевъ, излишества, наслажденій.

Туртаны со своими супругами и пріятельницами этихъ супруговъ составляли великолѣпную свиту вокругъ Звѣзды Гекала, какъ называлъ Зибей Кубатти въ одномъ изъ своихъ гимновъ.

Дворцовые сады постоянно оглашались смѣхомъ, весельемъ, пѣніемъ и музыкою. Смѣялось небо и сладострастно смѣялась земля. Смѣялись пальмы, кипарисы и тамарисы. Смѣялись розы желтыя, голубыя и черныя. Даже огромные сфинксы, стоящіе на террасахъ, обращали свои человѣческіе лики въ сторону Зибей и улыбались.

И всетаки Зибей, извѣрившись въ любовь боговъ, не могла сразу сдѣлать выбора среди смертныхъ.

Она пылала, какъ тѣ благовонные огни, которые изъ бронзовыхъ чашъ уносились въ лазурный воздухъ.

Она дрожала, но всетаки протягивала руку Тамаръ, чтобы та говорила ей, что тамъ написано.

Она жаждала, но ея очи напрасно блуждали кругомъ. Она не могла сказать себѣ: только тотъ, никто иной!

И вотъ при дворѣ начался необыкновенный шепотъ, подмигиванія, разставлялись разные ловушки, всякія приманки. Какъ весной, когда пробуждается земля и все хочетъ извлечь изъ себя самое прекрасное и показать это міру, такъ дѣлалъ весь Гекальскій дворъ, дѣлали туртаны, такъ дѣлали ихъ супруги и пріятельницы этихъ супруговъ, которыя въ свою очередь обладали пріятелями, вздыхающими по Звѣздѣ Гекала, и повѣрили имъ свои весьма слабыя, но зато и весьма похотливыя надежды.

Но насталъ второй день мѣсяца Нинибъ и его очаровательный вечеръ.

Какъ богиня Ашторетъ раскрываетъ свои сладостныя объятія, такъ и алебастровый дворецъ распахнулъ свои крылья.

Передъ нимъ идутъ внизъ террасы изъ бѣлаго камня.

На ступеняхъ стоятъ львы, воны и змѣи, лицами обращенные въ бокъ.

Въ огромныхъ бронзовыхъ чашахъ горятъ разноцвѣтные огни. Вверху — ночная лазурь, а въ самомъ зенитѣ свѣтитъ Синь.

Дворъ расположился на террасахъ.

Въ самой серединѣ, возлегая на золотомъ ложѣ, видна Зибя. Одежда ея походитъ на раннее облако, такъ она мягка и прозрачна. Лицо ея обладаетъ смуглостью жемчужины, а черные глаза горятъ пурпуромъ рубина.

Хоры пѣли гимны. Тогда внизу, окруженный двѣнадцатю херувимами, показался туртанъ Бубатти.

Зибя обратила на него свой взоръ.

Изъ курильницъ на него падалъ лиловый отблескъ. Онъ былъ дѣйствительно прекрасенъ. Въ рукахъ онъ держалъ желтую таблицу и началъ читать по ней.

Воцарилась тишина. Голосъ Бубатти струился, какъ пальмовый медъ. По временамъ же въ немъ слышалось бурное влокотаніе водъ или тихій шепотъ листьевъ.

Онъ говорилъ о любви, о ея тоскѣ, о ея пожирающемъ огнѣ.

Онъ описывалъ свою возлюбленную.

Ашторетъ прекрасна, но Ашторетъ творить по образу и подобію сему. Кто любитъ Ашторетъ, тотъ сгоритъ, какъ Ашуръ-Идиль-Иш-Укинни.

Послѣ него останется пепелъ и больше ничего.

Насколько же болѣе жестока любовь къ той, которую Ашторетъ творитъ по образу и подобію своему.

Вотъ онъ... горитъ и не можетъ сгорѣть.

Пожираемый вѣчнымъ огнемъ, онъ будетъ жадать еще сильнѣй и еще больше.

А всетаки онъ не боится, какъ Таммузъ, свѣта, и не требуетъ кромѣшной темноты, какъ Белъ.

Свѣти день, покажи ликъ того, который сгораетъ!

Мягка борода его и кожа на лицѣ безъ морщинъ. Страстны его объятія.

Во всякомъ случаѣ, Игвъ, или, какъ египтяне называютъ, Дыханіе, своею страстностью превосходить въ немъ все.

Такъ говорилъ Кубатти.

Страстное чувство охватило супругъ туртановъ и ихъ пріятельницъ. Онѣ внимательно присматривались къ Зибей, которая обѣими руками подперла горящее чело, прерывисто вздыхала и мѣнялась въ лицѣ.

Вдругъ, незамѣтно наклонившись въ сторону Тамары, своей хабирской служительницы, она шепнула ей:

— Подойдешь къ нему потомъ и скажешь ему, чтобы передъ утромъ, когда звѣзда Дильбатъ пробѣжитъ весь свой путь, онъ троекратно постучалъ бы въ Ворота Ашторетъ.

Въ эту минуту отозвались хоры, а невольники начали разносить чаши вина, и когда онѣ были осушены, другіе невольники, обносящіе большіе бронзовые кувшины, немедленно пополняли убыль.

Зибей впала въ большое безпокойство, постоянно посматривала на Кубатти, до тѣхъ поръ, пока внизу, окруженный двѣнадцатью четырехкрылыми херувимами, не появился Каши.

Зибей недовольно посмотрѣла на него, повернулась на своемъ ложѣ, потомъ опустила голову и утонула въ раздумьи.

Но уже зазвучали инструменты, какъ стеклянные звуки кристалла, заговорили пишалки, вмѣшались цитры, нѣсколько разъ проворчалъ бубень, и вдругъ изъ молодой груди вырвалась волна голоса, точно золотая струя, точно дыханіе гіацинтовъ, точно великая грусть, надзвѣздная, безнадежная, и вмѣстѣ съ тѣмъ полная сладостной истомы.

Зибей поблѣднѣла и сразу выпрямилась.

Голосъ, дойдя до наивысшаго напряженія, стихалъ, ослабѣвалъ, расплывался въ стонъ, рыданіе, вздохъ, — уже его нѣтъ, уже онъ совершенно исчезъ, уже вокругъ царитъ только необычайное молчаніе садовъ, прудовъ и лазурной ночи, — нѣтъ, то эхо разноситъ все это вдоль стѣны кипарисовъ, растеть, достигаетъ наивысшаго на-

пряженія, слабѣтъ, тихнетъ и; наконецъ, расплывается у подножія дрожащей и оцѣмѣвшей отъ изумленія Зибей.

Она порывисто схватила руку Тамары, закусилла губы и дышала такъ шибко, такъ шибко, какъ будто ея сердце перестало биться, потомъ упала на изголовье, а Тамара слышала ясно, какъ нѣсколько разъ проскрежетали ея жемчужные зубы. Наконецъ, она шепнула хабирской прислужницѣ:

— Ты скажешь тому болтуну, тому... Кубатти, чтобы утромъ сегодня онъ не стучался въ Ворота Ашторетъ, потому что я, вѣроятно, буду очень... занята.

Потомъ она еще что-то прошептала ей, указывая глазами на туртана, уходящаго въ сопровожденіи херувимовъ.

Разразилась буря трубъ, какъ будто сорвался вихрь, уносящій увядшіе и опавшіе листья въ золотой метели песка пустыни.

Зибей еще не можетъ собрать мыслей.

Тоска, жалоба, вздохи ходятъ вдалекѣ, протягиваютъ къ ней руки, смотрятъ на нее.

Вдругъ они вздымаютъ огромные столбы сѣрой пыли и, потрясая своими гривами, выются по затмившемуся небосклону.

Пускай такая буря подхватитъ и Зибей!

Пускай она унесетъ ее, какъ листокъ тамарикса!

Безуміе, упоеніе, фантазмагорія,—это тройное сплетеніе обниметъ ее и броситъ на грудь того... того...

Въ эту минуту какая-то тѣнь стала между ней и ея видѣніемъ. Она боязливо вздрогнула и подняла голову.

Передъ ней стоялъ туртанъ Оребъ.

— Чего ты хочешь?—спросила Зибей.

— Убѣдить тебя, что ты ошибаешься.

— Какъ же ты можешь знать, о чемъ я думаю?

— У тебя были двѣ мысли. Одну ты уже отбросила.

— Допустимъ, что ты не ошибаешься.

— Отбросишь такъ же и другую.

Зибей пытливо посмотрѣла на него. Вдругъ она разсмѣялась и си зала:

— Ты очень самонадѣянъ.

— Ты не повторишь этихъ словъ въ новомъ храмѣ передъ только что оконченнымъ изображеніемъ Таммуза и Ашторетъ.

— А что представляетъ это изображеніе?

— Ихъ взаимную любовь.

— Ты возбуждаешь мое любопытство.

— Ты убѣдишься воочию, какъ ничтожно впечатлѣніе, достигнутое при помощи слова и пѣнія. Человѣческая рѣчь, прозвучавъ, оставляетъ только одно воспоминаніе, пѣніе взволнуетъ сердце и улетитъ, какъ обаяніе отъ одного дуновенія чародѣя. Впечатлѣніе, которое производитъ пластическая форма, не можетъ ни съ чѣмъ сравняться.

— Я слышала, что ты очень мудръ. Кажется, ты исчислилъ путь звѣзды Негралъ?

— Да. А теперь я докончилъ исчисленіе пути звѣзды Гекала.

Зибей гордо сорвалась съ ложа. Она измѣрила его глазами, но онъ взглядъ этотъ выдержалъ, какъ воинъ, а не какъ туртанъ.

Зибей прерывающимся голосомъ зашептала:

— Веди меня, сейчасъ же веди. Веди цѣлый дворъ!

Оребъ нѣсколько поднялъ брови.

— Ты не можешь взять съ собою даже служительницы, потому что непосвященные глаза могутъ только осквернить изображеніе.

Тогда Зибей, окинувъ кругомъ своимъ рубиновымъ взглядомъ, крикнула:

— Айя и Зеебъ, ко мнѣ!

То были два туртана полчища евнуховъ. Айя (что значить ястребъ) охранялъ царя, Зеебъ (что значить волкъ) самое царицу.

Съ нѣкотораго времени они оба охраняли Зибей. Вотъ и теперь на ея зовъ они тотчасъ же выдѣлились изъ толпы и стали по обѣимъ сторонамъ Ореба, какъ два дымныхъ облака, нахмуренные и молчаливые. Только ихъ руки покоились на рукояткахъ ножей, заткнутыхъ за поясъ.

Процессія двинулась.

Впереди шли музыканты, потомъ слѣдовалъ Оребъ съ головой, гордо поднятой вверху. Вслѣдъ за нимъ четверо черныхъ невольниковъ изъ страны Кушь несли золотыя носилки Зибей. По обѣимъ сторонамъ ея выступали Айя и Зеебъ, допуская къ царицѣ только Тамару, которая постоянно о чемъ-то перешептывалась съ Зибеей. И только въ разстояніи шести шаговъ, какъ цвѣты, въ большомъ количествѣ смѣшанные другъ съ другомъ, слѣдовалъ весь дворъ, туртаны, ихъ супруги, сановники, жрецы, военные мужи высшихъ достоинствъ и огромная фаланга женщинъ.

Только двухъ туртановъ недоставало въ этой многоцвѣтной процессіи, которая вскорѣ затерялась въ лабиринтъ аллей.

Остался на террасѣ туртанъ Бубатти. Онъ смотрѣлъ внизъ, сжималъ руки, а тѣнь отъ него ложилась съ нимъ рядомъ, какъ чер-

ный пестъ. Надъ прудомъ же остался Каши, котораго душило бѣшенство и который теперь быстро подошелъ къ своему сопернику.

— Счастье иногда ломаетъ одинъ мечъ на двѣ части. Но несчастье, раскаливъ его въ своемъ огнѣ до красна, однимъ ударомъ молота снова соединяетъ оба обломка въ нераздѣлимое цѣлое.

— Ты болтаешь, какъ попугай, выученный человѣческой рѣчи вевольницы. Ты хочешь, чтобы мы вмѣстѣ убрали Ореба?

— Такъ повелѣваетъ голосъ мести.

— А кто же потомъ поможетъ мнѣ убрать тебя?

Каши смѣшался, но покрылъ свое смущеніе улыбкою.

— Мы не станемъ другъ другу поперегъ дороги.

— Напротивъ, я твердо держусь своего намѣренія.

— Наконецъ, послѣ дѣла съ Оребомъ мы должны будемъ уйти.

— Уходи, если у тебя такія же быстрыя ноги, какъ у Эллипи.

Я ничуть не хочу уходить.

— Тогда бросимъ жребій, кому нужно будетъ устраниваться... А потомъ...

— Что потомъ?

— Потомъ... вещь простая!... Тотъ, кому судьба улыбнется...

— Ты думаешь, глупецъ, что въ ворота счастья входятъ на основаніи того или другого правила Гаммураби? Впрочемъ, бросимъ жребій, какъ каждый сумѣетъ. Я уже сдѣлалъ это.

Въ ружь его блеснулъ ножъ. Онъ нанесъ ужасный ударъ, но Каши лѣвой рукой, обернутой плащомъ, отбилъ его руку и, одновременно съ этимъ, выхватилъ свой ножъ. Кубатти направилъ тогда ударъ въ горло противника. Каши сдѣлалъ молниеносный полуоборотъ, и ножъ лишь слегка скользнулъ по его прекрасно завитой бородѣ. Самъ онъ въ свою очередь наступилъ на врага. Завязалась формальная борьба. Соперники отбросили плащи съ лѣвой руки и схватили другъ другу за правую руку повыше локтя. Теперь всякій неожиданный ударъ становился невозможнымъ. Тяжело дыша, они боролись силою мускуловъ. Наконецъ, ножъ туртана Кубатти, какъ сверкающее жало, началъ приближаться къ горлу туртана Каши.

Они страшно покраснѣлись, глаза ихъ наполнились кровью, жлы напряглись на вискахъ, на шеяхъ, на судорожно-сжатыхъ шьцахъ.

Наконецъ, туртанъ Каши началъ наклоняться назадъ, упалъ на шьни, а ножъ туртана Кубатти сначала медленно, а потомъ однимъ юмомъ вонзился ему въ горло.

Хлынула кровь. Кубатти еще разъ повернулъ ножъ въ рагѣ. Онъ захрипѣлъ и упалъ.

Тогда Кубатти вырвалъ ножъ изъ раны и рукояткой его три раза ударилъ по каменной шеѣ ближайшаго быка. Изъ кустовъ выскочило нѣсколько его слугъ, ожидавшихъ приказанія, какъ бдительные псы.

— Убратъ эту падалъ и тотчасъ же зарыть ее гдѣ-нибудь подале. А эту черную грязь смыть поскорѣе, чтобы не оставалось ни малѣйшаго слѣда.

Когда слуги поднимали съ земли трупъ, Кубатти отеръ ножъ его одеждою и спряталъ его за пазуху. Трупъ исчезъ въ заросляхъ. Слуги, снявъ свои рогатые шлемы, сбѣжали внизъ по террасамъ къ пруду за водою.

Кубатти же, окинувъ взоромъ мѣсто столкновенія, спокойно, безъ признаковъ волненія, удалился за линію каменныхъ львовъ, сфинксовъ и воловъ, которые обращали къ нему свои человѣческія лица.

О, какъ ты тиха, голубая ночь Гекала! Безъ шелеста висятъ листья на деревьяхъ, молчитъ вокругъ пустыня, только лазурное небо льетъ потоки звѣзднаго сіянья.

А какъ тамъ, вверху, совершаются состязанія между туртанами сверкающаго Сина, такъ внизу въ завистливомъ молчаніи состязаются туртаны Адаръ-Малика.

Уже трупъ одного погребенъ безъ славы въ землю. Уже и лужа крови на террасѣ смыта.

И только въ заросляхъ слышна пѣсня птицы Аштореть, приманивающей къ себѣ самку.

Пѣсня, не заботящаяся о небесныхъ и земныхъ туртанахъ, о царствахъ, о народахъ.

Пѣсня, которая говоритъ: «Существуйте только для самихъ себя въ этой безднѣ взаимныхъ состязаній, и возстановленій, и паденій!»

И по очереди по направленію этой пѣсни поворачиваются человѣческія головы львовъ, сфинксовъ и воловъ сада звѣзды Гекала.

Процессія минуетъ аллею, приближаясь къ гигантскому пилону. Все большая и большая тревога охватываетъ Зибею.

Она шепчетъ идущей за носилками Тamarъ:

— Скажи мнѣ, правду ли говорилъ Оребъ, или только хвастался?

— Какъ же онъ осмѣлился бы хвастаться въ твоемъ присутствіи?

— Растрогалъ меня Кубатти. Потомъ меня растрогалъ Каши... Теперь я чувствую, что еще сильнѣй меня растрогаетъ Оребъ.

— Я бы не преувеличивала этого.

— А я уже и теперь ясно предчувствую это. Но... когда ты встрѣтишь туртана Каши, скажи ему, чтобы онъ не стучалъ въ условленную пору въ ворота Аштореть, потому что я навѣрно буду... очень занята.

Но Тамара, которая съ нѣкотораго времени смотрѣла на небо, шепнула испуганнымъ голосомъ:

— Въ эту минуту его звѣзда затмилась!

— Чья звѣзда?

— Туртана Каши.

— А какая это звѣзда?

— Она свѣтилась между Кимагу и Маззолоть... Немного влѣво.

— Онъ слишкомъ на многое посягалъ!

— Но она очень затмилась. Это уже не несчастіе, а что-то еще больше.

— Ты все говоришь о печальныхъ вещахъ! Говори мнѣ о томъ, по дорогѣ котораго мы идемъ въ эту минуту.

— По звѣздамъ говорить?

— Говори хоть по звѣздамъ.

— Его звѣзда Нергаль. Ей угрожаютъ нѣсколько звѣздъ.

— Я не хочу, чтобы ей что-нибудь угрожало!

Она сказала это съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, и сейчасъ же крикнула Зеебу:

— Какъ мы медленно подвигаемся!

Зеебъ поднялъ голову и отдалъ приказаніе своимъ дикимъ голосомъ, походящимъ на завываніе волка.

Но вотъ уже изъ-за верхушекъ пальмъ показалась наклонная стѣна гигантскаго пилона.

Оребъ приостановился и далъ знакъ. Черные невольники поставили носилки наземь.

Дворъ тоже остановился. Хоры начали пѣть пѣснь въ честь Аштореть. Зибя, высадившись изъ носилокъ, крѣпко стиснула плечо Тамары, потомъ стала между евнухами.

Оребъ взялъ зажженный факель. Черезъ минуту всѣ перешли черезъ пилонъ.

Хоральный гимнъ терялся за ними въ отдаленіи.

.....
 «О, благо, Аштореть, тому,
 Кто упадетъ къ тебѣ съ мольбою,—
 Въ тому ты свой склоняешь слухъ,
 Взираешь милостивымъ окомъ.»

Легко ярмо твое сносимо,
 Мягка твоя благая длань;
 Ведешь ты свѣтлою дорогой
 Того, кто ввѣрился тебѣ.
 Успѣхъ и радость человѣка
 По правой сторонѣ твоей,
 По лѣвой—милость и добро
 Твоихъ вельнйи ожидаютъ.
 Тебя завидя, небеса
 Весельемъ дивнымъ расцвѣтаютъ,
 Возносятъ радостные гимны
 Бездонной пропасти утесы.
 Вы, боги, радости полны,
 Надеждой всѣ оживлены,
 Что ты на нихъ согласишься вновь,
 О, радость и любовь!

. . . . .
 Теперь всѣ подвигались между двумя голубыми стѣнами, кото-
 рыхъ, точно зеркала, отражали ихъ фигуры, освѣщенные факеломъ
 Ореба. Змѣи, антилопы и львы, которые были изображены на этихъ
 стѣнахъ, вдругъ стали выпуклыми и какъ бы двигались въ воздухѣ.
 Тогда Зибекъ охватило впечатлѣнiе, что она находится въ какомъ-то
 очарованномъ краю, гдѣ люди, подобные духамъ, и чудовища непо-
 нятной формы носятся въ пространствѣ между землею и небомъ.

За стѣною пѣли хоры, напоминая отдаленный шумъ моря, пе-
 рекаты его волнъ, его таинственный плескъ о скалы.

Зибекъ знала каждое слово этой пѣсни. Ее охватила религіозная
 тревога. Идя, она повторяла въ мысляхъ эту пѣсню медленно, какъ
 будто слова заклинаній, направленныхъ къ той, которая «склоняетъ
 свой слухъ и взираетъ милостивымъ окомъ».

. . . . .
 «Ты, которой боги неба всѣ подвластны,
 Возношу къ тебѣ я жаркую молитву,—
 Здѣсь, въ доли смерти, къ бою все стремится,
 Другъ вступаетъ съ другомъ въ яростную битву.
 Ласковымъ названьемъ, именемъ Ирнии,
 Называть тебя давно привыкли люди,—
 Горестью томимый, я съ такимъ названьемъ
 Извлекаю стоны изъ стѣсненной груди.
 Ты своею властью выше всѣхъ Игивовъ,
 Всѣхъ склонить ты можешь къ ладу, къ примиренью,
 Всѣхъ царей корону держишь въ мощныхъ дланяхъ,

Все передъ тобою въ страхѣ и смиренїи.
 Ты Гушемъ грозной имя также носишь,
 Боль въ грозѣ военной ты стремишься къ бою;
 Я шепчу то имя блѣдными устами
 Съ сердцемъ, истомленнымъ горемъ и тоскою...
 Бель, Ану и Эя знаютъ это имя,
 Злобою палимы, Анунаки знаютъ,
 Низвергаясь въ пропасть, всё передъ тобою
 Лигъ, тревоги полный, подъ колпакъ скрываютъ.
 Подъ грозой невзгоды, въ жизни беспощадной,
 Какъ тростникъ подъ бурей я колеблемъ нынѣ,—
 О, приди на помощь слабому созданью,
 Аштореть, Гушея, кроткая Ирнина!
 Аштореть всёмъ слабымъ посылаетъ силы,
 Повелить,—исчезнетъ горе и кручина,
 Мудро управляетъ міромъ дочь благая
 Въ небесахъ бездонныхъ блещущаго Сина».

.....

Теперь процессія вступила въ колоннаду. За нею шелъ отголо-сокъ ея шаговъ и очень слабый звукъ хорального пѣнія.

Наконецъ, всё остановились передъ занавѣсомъ.

Оребъ бросилъ факелъ въ круглую арку водопровода, гдѣ факелъ зашипѣлъ и погасъ. Потомъ онъ прикрылъ мѣдными крышками двѣ чаши съ дымящимися ароматами. Воцарилась полная темнота. Оба евнуха плечо къ плечу стали около Зибей. Слышны были только шаги удаляющагося Ореба, какъ будто онъ удалялся въ безконечность.

Тогда отозвалось медленное пѣніе инструментовъ, которыхъ Зибей еще никогда не слыхала. Инструменты эти имѣли совершенно человѣческій голосъ.

И тотчасъ же занавѣсъ началъ освѣщаться и на немъ показался кругъ съ золотыми языками.

Потомъ занавѣсъ медленно началъ угасать и опять освѣщаться, потомъ какъ будто совершенно исчезъ, а вмѣсто него была видна только лазурь какого-то неизмѣримаго грота.

Кромѣ того, виденъ былъ какой-то мшистый камень. Около него ядять видѣнія. Зибей много слышала объ этихъ видѣніяхъ. Они терегутъ камень Таммуза.

И она мысленно быстро проговорила заклинаніе:

— Таммузъ, пастухъ, избранникъ Аштореть, оберегай меня... Таммузъ, побѣдитель Подземія, сдѣлай мановеніе, чтобы я была въ безопасности...

Въ глубинѣ грота показалась какая-то фигура. То была фигура женщины. Передъ Зибеей предстало новое видѣніе. По ея тѣлу прошла дрожь, и она поспѣшно прошептала заклинаніе:

— Отецъ Наннаръ, владыка Эгипшъ-Ширъ-Гала, охрани меня... Отецъ Наннаръ, владыка Діадемы, не покидай меня... Отецъ Наннаръ, прародитель боговъ и людей, окажи мнѣ покровительство...

Женщина у входа въ голубой гротъ сбросила со лба діадему.

Потомъ она снимаетъ съ рукъ браслеты.

Потомъ послѣдовательно разстегиваетъ поясъ.

Теперь она сбрасываетъ одѣяніе...

Какъ она прекрасна!

Въ эту минуту Зибеея отгадала, кто эта женщина, и поспѣшно произноситъ въ мысляхъ заклинаніе:

— Иль, который разрѣшаешь все на землѣ и на небѣ, не обращай отъ меня своего ока... Иль, который въ своихъ дланяхъ держишь источники огней и водъ, не лишай меня всего покровительства...

Дѣвственная Ашторетъ, словно солнце, закліетомъ заключенное въ форму женщины, приближается къ камню. Вотъ она преклонила колѣни. Видѣнія исчезаютъ при ея приближеніи. Она наклоняется къ Источнику Жизни и окропляетъ камень. И вотъ этотъ камень обращается въ туманъ, туманъ яснѣетъ, видны уже очертанія лежащаго бога, распростертая фигура, завитые волоса и борода, руки, сложенные на груди въ Знакъ Жизни.

Молнія прорѣзываетъ голубой мракъ, раздается ударъ грома. Вдругъ занавѣсъ лопаются сверху до низа, и передъ Зибеей—великолѣпное изваяніе, изображающее Ашторетъ и Таммуза, слившихся въ любовномъ объятіи. Золотой блескъ освѣщаетъ эту группу. Зибеея чувствуетъ, что она на землѣ, что смотритъ на произведеніе искусства, которое представляется необычайнымъ. Нагая Ашторетъ прелестна, очаровательна. Она опирается на плечо Таммуза, пробуждающагося отъ сна. Таммузъ торжествененъ, какъ весна.

Зибеея, страстно содрогаясь, наклоняется впередъ. Грудь ея почти перестаетъ дышать, глаза затуманиваются.

Но она все еще смотритъ. Что это такое?

Таммузъ, ищущій устъ богини, поразительно похожъ на туртана Ореба, а богиня... развѣ она не является живымъ олицетвореніемъ ея, Зибеей?...

Она еще немного наклонилась и безъ сознанія упала на руки егнуховъ.

«Преступно сердце у меня,
 Грѣхи мои обильны,
 Но ихъ по имени назвать
 Уста мои безсильны...
 Слѣпымъ предчувствіемъ влекомъ,
 Соблазну я ввѣряюсь,
 Къ святой Невѣдѣнья груди
 Безтрепетно склоняюсь...
 Безгласенъ разумъ, силы нѣтъ
 Идти противъ теченья,—
 И вотъ земная дочь лежитъ
 Безъ силы и движенья.
 Но если грѣхъ позоренъ мой,
 Сверкаетъ наготою,—
 Молю,—прикрой его своей
 Одеждою святою.
 Иду, куда—не знаю я,
 По волѣ искушенья,
 Грѣшу ли я, или не грѣшу,
 Но жажду наслажденья...»

Во врагѣ храма завязалась короткая борьба. Аія почувствовалъ, какъ какіе-то страшные клещи схватили его за руки. Онъ долженъ былъ выпустить изъ нихъ Зибейю. Послѣ недолгаго состязанія эти клещи подняли его кверху. Онъ слышалъ крикъ Зибей, но вскорѣ этотъ крикъ былъ подавленъ. Могучіе клещи тотчасъ же швырнули его въ какую то глубину, головою внизъ.

Аія потерялъ сознание.

Но длилось это не долго. Онъ пошевелинулся,—оказалось, что онъ былъ цѣлъ. Даже головная боль вскорѣ покинула его.

Руками онъ началъ ощупывать стѣны, ища выхода, но всюду встрѣчалъ стѣну изъ кирпичей, высушенныхъ на воздухѣ, но низкихъ дверей не оказывалось. Напрасно онъ поднимался на цыпочки.

Онъ хорошо зналъ устройство всѣхъ храмовъ,—не даромъ же онъ всюду сопровождалъ Зибейю. На его обязанности лежало изслѣдовать каждый храмъ, прежде чѣмъ царица переступитъ его порогъ.

Но этотъ храмъ былъ неоконченъ, туртанъ Орербъ еще не сдалъ его Адаръ-Малику. Адаръ-Маликъ только и дѣлалъ, что пилъ рубиновое вино и ни во что не вмѣшивался. Новый храмъ ничуть не интересовалъ его.

Посѣщеніе его было постановлено такъ неожиданно, что Аія не имѣлъ времени даже подумать о какихъ-нибудь предосторожностяхъ.

Къ счастью, съ нимъ былъ Зеебъ. Значить, они оба раздѣляютъ отвѣтственность передъ Адаръ-Малигомъ.

Но гдѣ же Зеебъ? Ихъ раздѣлили.

Онъ даже не спрашивалъ себя, гдѣ можетъ находиться Зеебъ. Восточный человѣкъ въ десять разъ подозрительнѣй всякаго другого, внучъ въ десять разъ подозрительнѣе восточнаго человѣка, а Ая былъ въ десять разъ подозрительнѣй всякаго внуха.

Онъ сразу почувствовалъ, что должна наступить какая-то катастрофа. Онъ только не предполагалъ, чтобы туртанъ Оребъ былъ такъ предусмотрителенъ и ловокъ.

Да, отвѣтственность передъ Адаръ-Малигомъ будетъ велика, но дойдетъ ли все это до него?

Быть можетъ, Ая совсѣмъ не выйдетъ изъ этой адской пасти?

Но развѣ тогда не избрали бы для него какой-нибудь болѣе скорой смерти? Впрочемъ, это не представлялось необходимымъ. «Разлитой Духъ» еще болѣе худшій слѣдъ, чѣмъ духъ не разлитой.

Суровый умъ внуха обладалъ способностью къ скорымъ опредѣленіямъ.

Ая сѣлъ, оперся плечами о холодную стѣну, вперилъ взглядъ въ непроглядную темноту и прежде всего пересталъ размышлять.

Прошелъ добрый часъ, и надъ нимъ, наверху, послышался какой-то шелестъ, звуки, пѣніе, и наконецъ изъ всего этого выдѣлился хорошо извѣстный ему гимнъ:

«Въ тревогѣ сердца,
Съ рыданьемъ горькимъ
Сидитъ слуга твой,
Изъ груди тяжкій
Бригъ исторгая.
Чело покрыто
Холоднымъ потомъ...
Какъ голубь, раненый стрѣлой,
Какъ полоненный звѣрь лѣсной
Напрасно стонетъ одинокій...
Вчера свободенъ былъ, какъ левъ,
Позналъ сегодня божій гнѣвъ
И ввергнуть бездны въ мракъ глубокій».

Ая презрительно поморщился. Онъ стоялъ выше жалобнаго содержанія этого печальнаго гимна, который все время клубился надъ нимъ стонущею, протяжною волною.

Онъ пересталъ слушать. Онъ только лучше оперся плечами о

стѣну, выставилъ губы впередъ, опять засмотрѣлся въ темноту и опять пересталъ думать о чемъ бы то ни было.

Зеебъ, который сидѣлъ въ нѣсколькихъ локтяхъ разстоянія, по другой сторонѣ стѣны, и дѣлалъ такіе же точно выводы, какъ и Аія, тоже оперся о стѣну, выставилъ губы впередъ, засмотрѣлся въ темноту и тоже пересталъ думать о чемъ бы то ни было.

Ибо они были туртанами евнуховъ.

Гильгамешъ вавилонскій! Здѣсь потребна твоя божественная рѣчь, или твоя, Пентауръ, пѣвецъ изъ страны Мусри!

Но нѣтъ!

Пентауръ воспѣвалъ военные походы, а въ словѣ Гильгамеша переливаются бурныя волны потопа.

Ты, Утренняя Заря, дай краски для изображенія разрумянившихся щекъ Зибеи послѣ ея любовнаго восторга; ты, гекальскій вѣтерокъ, напоенный благоуханіемъ цвѣтовъ, помоги изобразить сладость ея вздоховъ!

Стекийтесь на землѣ небесныя облачка и разстелитесь мягкимъ ложемъ, чтобы оно подобно было двойному ложу, на которомъ почіетъ Зибея въ обществѣ Избранника.

Весь прекрасный міръ сожмись до размѣровъ одной комнаты, и будешь ты подобіемъ рая, въ которомъ Зибея пребываетъ вотъ уже третій часъ.

Она забыла о своихъ придворныхъ, о туртанахъ и самомъ Адаръ-Маликѣ, который теперь несомнѣнно спитъ послѣ тридцать шестой чаши жидкаго рубина. Она забыла о Кубатти и не спрашиваетъ, попираетъ ли еще землю Баши своими стопами.

Выше всѣхъ словъ сладка чаша любви и учить забывать обо всемъ. То сонъ безъ сна, небо на землѣ, земля въ небесахъ.

Счастлива Зибея и насыщена. Никогда сама Ашторетъ не была такъ насыщена.

И Оребъ насыщенъ, какъ никогда не былъ такъ насыщенъ Таммузь.

Онъ овладѣлъ Зибеей, которую такъ долго жаждалъ и которую и расно жаждутъ другіе.

Царица была его любовницей, могучая царица Гекала.

Блаженство преобразилось въ гордость, а гордость въ надменность. Оребъ возгордился въ мысляхъ своихъ. Въ эту минуту онъ чувствуетъ себя большимъ, чѣмъ самъ Адаръ-Маликъ.

Что можетъ быть болѣе сладостнаго, какъ пить всѣ блаженства тѣхъ, не извѣдывая его горечи?

Божественные любовники!

Ашторетъ радуется ими, а Таммузь ими любитса.

.....
Одновременно съ этимъ надъ ними сверху звучалъ хоральщій гимнь:

«Эруа, сердце бьется такъ страстно!
Набу, блаженства нѣту предѣла!
Ташметъ, буди ихъ, время приспѣло.
Они заснули, спать такъ прекрасно!
То сонъ глубокій смежилъ ихъ вѣжды,
Уста же шепчуть слова надежды»...

Какое это сборище столпилось вокругъ пилона? Откуда взялись эти маститые жрецы рядомъ съ непотребными женщинами, которыя, склонивъ голову на траву, похрапываютъ? Почему достойные туртаны не отвели своихъ супруговъ въ ложницы, а эти супруги, до послѣдней нитки промокшя, расположились, какъ кто могъ?

Это потому, что суровый этикетъ воспрещаетъ кому бы то ни было удаляться до возвращенія царицы.

Тѣмъ временемъ лазурная ночь смѣнилась быстро жемчужной предразсвѣтной порою. Потомъ все сразу на минуту приняло мѣловой оттѣнокъ. Потомъ на востокѣ заволновались фіолетовыя краски. Наконецъ, блеснулъ багрянецъ черезъ минуту.

Шамашъ, въ одеждахъ ярко блестящихъ,
Рукой златою коснулся спящихъ,
Дабы всѣ люди, оставши смѣло,
Взялися бодро за трудъ, за дѣло.

Но храпящій въ заросляхъ дворъ не почувствовалъ на своихъ лицахъ его «златой руки» и не привѣтствовалъ его утренней пѣсней:

Шамашъ, лишь выйдетъ изъ комнатъ тѣсныхъ
И лишь предстанетъ у вратъ небесныхъ—
Померянуть звѣзды, въ свои чертоги
Толпой уходить съ его дороги...

Одна только Тамара, вѣрная хабирская прислужница, не заснула. Она стояла, прислонившись къ рѣзному пилону, дрожа отъ холода утомленія, ежеминутно позѣывая и отряхиваясь. Только она одна повернувъ въ глубь аллеи испуганное лицо, могла запѣть гимнь:

Прогнѣвался Господь во глубинахъ лазури.—
И вотъ проснулся громъ и завываютъ бури,
И валятся лѣса подъ вихря дуновеньемъ,
И ужасъ овладѣлъ всѣмъ Божиимъ твореньемъ.—

потому что тамъ началось какое-то странное движеніе. Всѣ всакивали на ноги, становились въ рядъ, поправляли одежду, прическу, и какой-то робкій шопотъ, какъ первый вѣтеръ передъ бурей, пробѣжалъ по всѣмъ устамъ:

— Адаръ-Маликъ идетъ! Адаръ-Маликъ идетъ!

И дѣйствительно, въ сопровожденіи неотступнаго Пади приближался владыка Гекала, опираясь на трость, рукоятъ которой имѣла форму шара съ придѣланнымъ къ нему крестикомъ—символомъ власти.

Богда онъ проходилъ, всѣ головы склонялись, какъ хлѣбная нива, взволнованная дыханіемъ вѣтра. Владыка ни у кого ни о чемъ не разспрашивалъ, и никто не осмѣливался объяснять ему ничего. Только головы склонялись передъ нимъ все дальше и дальше, рядами, все ближе по направленію къ пилону.

Въ эту минуту владыка остановился, обмѣнялся нѣсколькими словами съ Пади, а тотъ выпрямился и громко спросилъ:

— Здѣсь ли туртанъ Баши?

Ему отвѣчало только одно молчаніе. Спустя минуту Пади крикнулъ вновь:

— Не знаетъ ли кто-нибудь, куда дѣвался туртанъ Баши?

Никто не отозвался.

Пади направилъ свои шаги къ Адаръ-Малику. Оба они нѣкоторое время бесѣдовали другъ съ другомъ, какъ вдругъ за пилономъ послышались какіе-то шаги, и показалась процессія въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ она исчезла за пилономъ нѣсколько часовъ тому назадъ: впереди Оребъ, за нимъ Зибей въ сопровожденіи двухъ евнуховъ. Только лица у Ореба и Зибей были нѣсколько утомлены и прически въ беспорядкѣ. Аяя же и Зеебъ казались еще болѣе угрюмыми, чѣмъ обыкновенно.

Зибей, завидѣвъ Адаръ-Малика, поспѣшно приблизилась къ нему, сложила руки на груди въ Знакъ Жизни, сдѣлала глубокой поклонъ и тотчасъ же приняла видъ свободного, болтливаго ребенка, чѣмъ-то необыкновенно обрадовавшагося.

— Туртанъ Оребъ показывалъ мнѣ прелестную группу, изображающую Ашторетъ и Таммуза,—зашебетала она.—Адаръ, иди за нѣ, иди, я тебѣ сейчасъ же покажу ее.

Адаръ-Маликъ посмотрѣлъ на Ореба и на Зибей и потомъ отвѣтилъ:

— Я ничего не слышалъ объ этомъ новомъ изваяніи.

Оребъ уже раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить, но Зибей предупредила его:

— Тогда пойдемъ вмѣстѣ осмотрѣть его, Адаръ. У Саррукина навѣрно нѣтъ такого, и Бель-Ибни такъ же.

Адаръ-Малигъ повернулъ въ бокъ отъ пилона и отвѣтилъ:

— Хорошо, только не сейчасъ. Правда, Оребъ? Можетъ быть, вечеромъ, а то не лучше ли завтра?

— Низайшій слуга ожидаетъ твоихъ повелѣній, — отвѣтилъ Оребъ съ поклономъ.

— Итакъ, завтра! Будь здорова, Зибей. Мы съ Пади идемъ въ Эбарру, привѣтствовать Шамаша. Пади, наступила пора для чаши рубина.

Съ этими словами онъ съ туртаномъ удалился по боковой аллеѣ, ведущей въ храмъ Шамаша, называемый Эбарра.

Дворъ же съ Зибеей во главѣ въ безпорядкѣ двинулся по направленію къ дворцу.

.....

Когда Оребъ, проводивъ Зибей, удалился въ свой туртаней, борясь со сномъ, который овладѣвалъ имъ, то по счастливой случайности споткнулся. По счастливой потому, что услышалъ за собой ворчанье тетивы, а надъ головой свистъ стрѣлы и тотчасъ же увидалъ ее, какъ она глубоко вонзилась въ стволъ растущаго вблизи тамарикса.

Онъ быстро спрятался за дерево, и какъ разъ въ самую пору, потому что тотчасъ же свиснула вторая стрѣла и скрылась въ заросляхъ.

Вокругъ никого не было видно. Оребъ не имѣлъ при себѣ никакого оружія. Страхъ совершенно отрезвилъ его.

А какъ истинный сынъ всѣхъ земель Суммеръ, Аккадъ, Арамъ, Гекаль, невооруженный, онъ дрожалъ отъ страха и не зналъ, что ему дѣлать.

Кто могъ напасть на него изъ-за угла?

Бъ счастью, по садамъ начали снова невольники, приводя все въ порядокъ. Тогда Оребъ подкрѣпился духомъ, вышелъ изъ своего прикрытія и благополучно добрался до дома.

Хотя за нѣсколько минутъ до этого его клонилъ сонъ, теперь онъ не могъ смежить глазъ.

У него могло быть только двое враговъ, но кто же именно напалъ на него? Можетъ быть, оба?

Около полудня онъ услышалъ, что туртанъ Каши исчезъ таинственнымъ образомъ. Гонцы, разосланные въ разные концы, возвратились ни съ чѣмъ.

Значить, онъ имѣлъ дѣло съ Кубатти.

Именно. Кубатти убралъ съ лица земли туртана Баши, а теперь нацѣревается убрать и его, Ореба.

Оребъ, проникнувъ въ тайну, значительно успокоился. На порогѣ своей опочивальни онъ поставилъ своего самаго вѣрнаго евнуха. Каждое блюдо, которое подавали ему, поваръ долженъ былъ раньше отвѣдать самъ.

Но во всякомъ случаѣ соблюденіе подобныхъ предосторожностей являлось дѣломъ далеко не легкимъ. Если бы онъ могъ не двигаться изъ дому, то оставался бы до нѣкоторой степени въ безопасности, но сейчасъ же послѣ полудня къ нему явилась Тамара «съ напоминаніемъ», чтобы онъ непременно явился во дворецъ на вечерній пиръ.

Оребъ такъ и окаменѣлъ.

Но однако онъ вспомнилъ, что хабирская дѣва умѣетъ читать по линиямъ ладони, поэтому протянулъ ей обѣ руки и приказалъ сдѣлать ему предсказаніе.

Тамара, едва бросила взглядъ на его ладонь, какъ тотчасъ же расплакалась.

— Ты еще сегодня долженъ погибнуть отъ неизвѣстной руки, достойный туртанъ!

— Ты безумна. Если бы я не зналъ, что врагъ подстерегаетъ меня, то навѣрно погибъ бы.

Тамара вытаращила глаза, смѣшалась и забормотала:

— Быть можетъ. Но въ такомъ случаѣ я уже ничего не знаю.

Оребъ напрасно понуждалъ ее, чтобы она сказала ему еще что-нибудь. Прислужница, сбитаая съ толку, болтала, что ей на умъ взбредеть. Тогда онъ отпустилъ ее и призвалъ своего евнуха, Кабурру, мужа весьма ловкаго и проицательнаго.

Они довольно долго совѣтовались другъ съ другомъ, потомъ Кабурра повинулъ туртанеумъ и больше уже не показывался въ немъ.

На горы съ сѣверной стороны Гекала легла вечерняя тишина, а лиловыя воды Идиглата начинаютъ пестрѣться красными пятнами.

Зибей на галерѣ, имѣющей форму змѣя, возвращается изъ бани. Она лежитъ подъ балдахиномъ, а у ея ногъ приютилась хабирская ильница съ короткой ассирійской арфой.

Жаръ спадалъ, отъ прибрежныхъ садовъ шелъ ароматъ. Зибей приказала грести тише.

Зеебъ, который сидѣлъ позади за балдахиномъ, какъ волкъ озирался на всѣ стороны.

Вода ласково шумѣла, издавая отъ времени до времени какіе-то слышимыя звуки.

Галера достигла плотины, гдѣ хабирскіе невольники по приказу Адаръ-Малика, по начертаніямъ туртана Кубатти, сдѣлали каналъ, который долженъ былъ окружить столицу воднымъ объѣтиемъ.

Слышны были понуканія адоновъ, ихъ проклятія и угрозы. Слово муравейникъ, копошился невольничій людъ, низкій, почти нагой, едва опоясанный платкомъ вокругъ бедеръ, грязный, запачканный желтымъ иломъ.

Зибя мечтала о томъ, чтобы можно было ей какъ можно скорѣе плавать въ своей галерѣ вокругъ города. Поэтому съ работами торопились, хотя каналъ удовлетворялъ не одной только прихоти, онъ могъ служить еще и наилучшимъ средствомъ защиты отъ неожиданнаго нападенія непріятеля, чего можно было постоянно опасаться.

Зибя приказала направить галеру къ самому каналу. При видѣ «пловучаго змія» со значкомъ царицы, любопытные невольники выставили впередъ свои головы, адоны тоже предоставили имъ минуту отдыха, не желая своей свирѣпостью огорчать очи прекрасной владычицы, которая, впрочемъ, ничего не имѣла противъ кнута, и только не желала, чтобы это дѣлалось въ ея присутствіи.

Пурпуръ заката озарялъ весь этотъ человѣческій муравейникъ. Взоры Зибей, словно черныя ласточки, перелетали съ мѣста на мѣсто. Вдругъ она спросила Тамару:

- Это твои ближніе?
- Мы приходимъ изъ одного края.
- Есть между ними такіе, которые могли бы считаться твоими родственниками?

Тамара на минуту гордо подняла голову и сказала:

- Я происхожу изъ священническаго рода!

Но въ ту же минуту она сдержалась и снова приняла прежній скромный видъ.

Но Зибя во всякомъ случаѣ замѣтила это движеніе и спросила:

- Развѣ знатные рода тоже попадаютъ въ неволю?
- Да, попадаютъ, но или сразу погибаютъ подъ мечомъ, и платятъ подчасъ очень значительный выкупъ и возвращаются въ отчество. Тѣ, что тамъ работаютъ, принадлежатъ къ низшимъ классамъ.
- Ты дѣйствительно изъ жреческаго рода?
- Отецъ мой былъ священникомъ въ Урь-Шалемѣ.
- Какъ? И онъ изъ притекающихъ къ нему жертвъ не набралъ столько, чтобы выкупить дочь изъ неволи?
- Изъ твоей службы, господа, выкупу нѣтъ...

Зибей, весьма довольная, улыбнулась. Тамара же шепотомъ до-
бавила:

— Да, наконецъ...

Но вдругъ она снова поникла внизъ головою.

— Кончай, — повелительно сказала царица.

— На отца моего во время путешествія напали хабирскіе па-
стухи, ограбили его, убили, а меня продали въ неволю.

— Тогда ты должна ненавидѣть ихъ.

Тамара молчала.

— Развѣ это не грѣхъ продавать ближняго?

— Грѣхъ само по себѣ, но есть и выгода.

— Ты знаешь языкъ этихъ оборванцевъ?

— Знаю.

— Мнѣ говорили, что они умѣютъ пѣть прекрасныя пѣсни. Я
хочу, чтобы они спѣли мнѣ хотя бы одну изъ этихъ пѣсень.

— Увы, они не хотятъ дѣлать этого передъ чужеземцами. Та-
кое приказаніе они считаютъ за издѣвательство надъ ихъ Богомъ.

— Поговори съ ними. Скажи имъ, что сама царица хочетъ слы-
шать ихъ пѣніе.

Тамара встала и пошла на носъ лодки. Гребцы приблизили лодку
еще ближе къ берегу. Тамара, лѣвою рукою опираясь на голову «змія»,
правую протянула впередъ и крикнула на хабирскомъ языкѣ:

— Хабиры! Моя госпожа, Зибей, супруга могущественнаго вла-
дыки Гекала, дочь Сина, повелѣла мнѣ обратиться къ вамъ со сло-
вомъ.

На высокомъ берегу все закопошилось, появлялись все новыя и
новыя толпы, сходились, расходились, до тѣхъ поръ, пока впередъ
не выступилъ какой-то старецъ съ длинной бородой, сѣдою, почти
желтою и воскликнулъ:

— Какое приказаніе даетъ намъ, покорнымъ невольникамъ, наша
могущественная госпожа?

Тамара отвѣтила такимъ же громкимъ голосомъ:

— Госпожа любитъ благозвучное пѣніе и повелѣваетъ вамъ,
— чтобы вы пропѣли одну изъ вашихъ пѣсень.

Въ толпѣ невольниковъ прошелъ тихій, хотя и оживленный го-
рохъ. Напрасно старикъ махалъ руками и объяснялъ что-то. На-
асно Тамара во второй разъ подняла вверхъ правую руку. Зеебъ,
идущій позади балдахина, всталъ и хотѣлъ было уже взять въ свои
ки команду надъ галерою и приказать ей плыть къ берегу. Но Зи-
бей смѣялась громко, ужасно довольная этимъ возбужденіемъ, и не
воляла евнуху совершить того, что онъ намѣревался.

Въ эту минуту, окруженный вооруженнымъ отрядомъ, показался на конѣ туртанъ Кубатти. Окинувъ глазомъ положеніе, онъ загремѣлъ, какъ разъяренный левъ. Но хабирская толпа не поддавалась уже успокоенію. Кубатти уже готовъ былъ дать знакъ своимъ солдатамъ, чтобы они пустили въ ходъ свое оружіе, когда Зибя вдругъ поднялась, выступила на носъ галеры и воскликнула:

— Кубатти, не отваживайся!

Свой крикъ она подтвердила грознымъ движеніемъ руки.

Хабирская толпа услышала ее крикъ и видѣла ее движеніе. И вдругъ воцарилась совершенная тишина, — никто слова не произнесетъ, никто съ мѣста не сдвинется. И вотъ сѣдовласый старецъ простеръ въ сторону галеры обѣ руки съ благословеніемъ, а спустя минуту затанулъ пѣснь, которую мало-по-малу подхватывали все большія и большія толпы невольниковъ, до тѣхъ поръ, пока она не слилась въ мелодическій хоръ:

«На Идигматскихъ берегахъ
Сидѣли мы въ слезахъ и стонѣ,
И горько на судьбу ропща,
Вспоминали о Сіонѣ.
На вербахъ рядъ беззвучныхъ арфъ
Виситъ уныло и безъ цѣли, —
Цари-жъ заставить насъ хотятъ,
Чтобъ мы имъ пѣснь веселья пѣли.
Но какъ намъ пѣть въ странѣ враговъ,
Средь скорби и страданій жгучихъ, —
Сердца у насъ полны тоской,
А очи наши — слезъ горючихъ.
И если вопль исторгнемъ мы, —
Онъ будетъ полонъ сердечной муки:
Тебя забуду, Уръ-Шалемъ, —
Пусть у меня усохнутъ руки!...»

Пѣсня плыветъ величественно, расходится по водному пространству, среди вечерней тишины. Зибя слушаетъ ее внимательно, но Тамара, которая стояла рядомъ съ нею, вдругъ, какъ подкошенная, сваливается на коверъ галеры, скрываетъ лицо въ рукахъ и начинаетъ рыдать.

Зибя не понимала словъ, но они показались ей очень звучны. Тогда она, по восточному обычаю, приложила руку къ сердцу и тѣмъ послала ей привѣтъ старцу, а тотъ вновь воздѣлъ руки, и черезъ минуту загремѣла вторая часть пѣсни невольниковъ:

«Надъ Идиглатомъ небосклонъ
Затмился громоносной тучей.

Пока не виденъ мигъ
 За высями горы могучей.
 Весь гордый градъ погрязъ въ грѣхахъ.
 Нѣтъ правды Божьей, ни закона.
 Не знаютъ участи своей
 Сыны и дщери Вавилона.
 Но Вавилона дщерь, узнай,—
 Отщепеня наступило время,
 Падеть во прахъ твой гордый градъ,
 Твое наѣмъ исчезнетъ племя.
 Сгорятъ въ огнѣ твои сады,—
 Ты слышишь первой бури звуки?
 О, Урь-Шалемъ! Коль это ложь,—
 Пусть у меня усохнутъ руи!...»

Тамара, рыдающая у ногъ Зибен, мало-по-малу поднимала голову, слезы ея обсохли, лицо покрылось густымъ румянцемъ, поздри раздулись. Она подняла арфу, и когда пѣніе ушло, взяла рукою одинъ аккордъ. Потомъ она начала наигрывать еще разъ ту же самую мелодію, но въ ея игрѣ заключалось нѣчто большее, чѣмъ струнный звукъ. Въ ней отзывались голоса многочисленныхъ поколѣній, вырывался крикъ полоненныхъ и восклицанія прибывающихъ на вырубку, жалоба и триумфъ, а прежде всего великая, вѣками не смолкающая вѣра въ лучшее будущее.

Вдругъ багрянецъ еще быстрѣе началъ ползать по водамъ, повсюду образовались голубоватыя пятна, потомъ рѣка сразу стала лиловой, потомъ приняла мѣловой оттѣнокъ и совершенно потемнѣла, потому что Шамашъ, лучезарный богъ, вступилъ въ свою гору.

Только среди голубого сумрака еще звучала арфа, все тише, все слабѣе, какъ эхо, идущее по водѣ изъ безконечности и въ безконечность.

Конь Туртана Кубатти заржалъ. Туртанъ соскочилъ съ него, сбѣжалъ съ насыпи внизъ, къ самой рѣкѣ и крикнулъ Зибей:

— Царица, какъ ты могла такъ запоздать?

— Слушала пѣсни этого безумнаго народа.

— Пѣсни эти глупы. А тѣмъ временемъ среди темноты невозможно провести галеру чрезъ рѣчные водовороты.

— Я такъ возбуждена этимъ пѣніемъ и игрою на инструментѣ, что охотно бы возлегла на мягкой постелѣ Идиглата.

— Царица, или возвратись по садамъ подъ покровительство мое и моихъ солдатъ, или дозвожь, чтобы я собственноручно управилъ твоей галерой.

— Туртанъ! Коль скоро ты мысль свою вложишь въ дерево руля,

то ты не будешь уже имѣть возможности владѣвать ее въ слово, которое всегда составляло наилучшую твою частицу, а безъ этой частицы я, можетъ быть, должна была бы зѣвать въ твоемъ присутствіи.

Кубатти закусила губы, но отвѣтила, улыбаясь:

— Царпца, слуга твой сіяетъ блаженствомъ, когда ему дозволяется пребывать возлѣ тебя, даже зѣвающей, хотя и ты въ свою очередь отдала свою лучшую частицу тому, кто среди мрака и опасности всетаки не сумѣлъ найтись передъ тобою.

Въ свою очередь и Зибей должна была закусить губы. Она почувствовала, что ее ужалили. Ею овладѣлъ гнѣвъ, но она тотчасъ же подавила его въ себѣ.

Только въ мысляхъ ея мелькнуло:

«Подожди же!...»

Но громко она сказала очень ласково:

— Въ такомъ случаѣ, туртанъ, охраняй меня отъ опасности, потому что Адаръ-Маликъ навѣрно сейчасъ наполняетъ двадцатую чашу жидкаго рубина.

Проговоривъ эти слова, она снова заняла мѣсто подъ балдахиномъ, а у ея ногъ попрежнему сѣла Тамара.

Тѣмъ временемъ невольники перебросили доску отъ берега до галеры. Туртанъ вступилъ на нее. Легкой походкой ловкаго воина онъ прошелъ до половины доски, какъ вдругъ изъ толпы, стоящей на берегу, выступилъ какой-то крѣпкій мужчина въ платьѣ евнуха, быстро вбѣжалъ на доску, схватилъ туртана сзади и вмѣстѣ съ нимъ ринулся въ волны рѣки.

Вода брызнула на самую царскую галеру, въ глубинѣ заглохотало, а Зибей съ крикомъ откинулась назадъ. На берегу произошло страшное замѣшательство, воины бросились въ воду одинъ за другимъ, чтобы спасти туртана. Зеебъ тѣмъ временемъ сталъ у руля и своимъ волчьимъ голосомъ завылъ на гребцовъ.

Галера помчалась по чернымъ водамъ, быстро, словно птица, крыльями своихъ веселъ разсѣвая волны.

Царица дрожала отъ испытаннаго впечатлѣнія въ своемъ промокшемъ платьѣ. Тамара поддерживала ее, каждую минуту повертываясь назадъ.

— Что это былъ за человекъ?

— Не знаю, но готова появляться...

— Что онъ...?

— Кабурру, евнухъ туртана Ореба.

Зибей сильно поблѣднѣла, а черезъ минуту сказала:

— Смотри во мракъ. Выплыли они на поверхность?

— О, кого Кабурру схватить, того уже не пустить. Может быть, когда-нибудь ихъ выкинуть воды рѣки Фратъ, а можетъ быть они вмѣстѣ ушлывутъ въ море...

Царская галера вступала уже въ дворцовый каналъ, адюны гнали уже невольниковъ съ работъ въ ихъ сарай, Синъ уже выплылъ на небо, своимъ зеленымъ свѣтомъ озаряя рощи, пальмовые лѣса и рѣчныя глубины, когда вдругъ подавляемая чувства хабировъ прорвалась неудержимымъ потокомъ. Въ сараяхъ царяло странное упоеніе, невольники содрогались отъ конвульсивнаго смѣха, обнимались, плясали, а на устахъ у нихъ неизмѣнно появлялись только два слова: «Кубатти», «Кабурру», «Кубатти», «Кабурру». У берега же рѣки Идиглатъ въ отдаленіи загремѣла пѣсня и поплылъ по водѣ хабирскій напѣвъ:

«О, Ягъ! Настроилъ арфу я,
Пою и, полный вдохновенья,
Въ псалмахъ превозношу Тебя
Превыше всѣхъ Боговъ въ хваленья.
Аллелу-Ягъ!... Еъ моей мольбѣ
Склонилъ Ты благостное ухо,
И мощной дланью подкрѣпилъ
Всѣ силы моего ты духа.
Вѣщаетъ правду твой глаголъ
Сявозъ сумракъ, недоступный взорамъ
И ницъ во прахъ упалъ народъ
Передъ Господнимъ приговоромъ».

Оребъ уже завился. Его борода уложена была въ искусныя буллы, а около ушей видѣлись колечки и равномѣрныя петельки. Отъ него струилось благоуханіе драгоценныхъ маслъ, а одежду онъ надѣлъ праздничную, самую лучшую, которую имѣлъ въ обладаніи, и всетаки онъ съ безпокойствомъ посматривалъ на звѣзды, загорающіяся въ небѣ, а его блѣдныя губы нѣтъ-нѣтъ да и бросали вопросъ привратнику:

— Возвратился ли Кабурру?

Но каждый разъ онъ получалъ отрицательный отвѣтъ.

Тогда онъ опоясался короткимъ мечомъ, спряталъ за пазуху знаменитый ножъ и старался подавить въ себѣ безпокойство, которое прастало съ каждою минутою. Колесница давно уже ожидала его въ преддверіи, кони ржали и били копытами о землю, а Оребъ никакъ не могъ собраться съ отвагой, и съ большимъ гнѣвомъ кричалъ на привратника:

— Развѣ Кабурру еще не возвратился?

Въ это время послышался конскій топотъ. Приѣхалъ на своей колесницѣ туртанъ Мутаннаби.

— Я вступаю въ твой домъ.

— Ты ѣдешь во дворецъ?

— Да. Отпусти свою колесницу, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Меня ожидаютъ важныя извѣстiя.

— И я хотѣлъ подѣлиться съ тобою важнымъ извѣстiемъ. Тебѣ извѣстно, что въ прошлую ночь таинственнымъ образомъ исчезъ туртанъ Каши. А не дальше, какъ два часа тому назадъ туртанъ Кубатти утонулъ въ пучинахъ рѣки Идигмать.

Оребъ облегченно вздохнулъ. Онъ тотчасъ же понялъ, почему Кабурру не возвратился.

— Что ты скажешь на это, туртанъ?

— Я возсяду въ колесницу рядомъ съ тобою.

— Стоитъ хорошенько обдумать эти странныя событiя.

Оребъ помѣстился на колесницѣ рядомъ съ Мутаннаби, возница подобралъ вожжи, кони помчались вдоль аллея, а колесница тихо катилась на своихъ тростниковыхъ колесахъ, изрѣдка поскрипывая въ спайкахъ.

.....

Изъ царскихъ кухонь шли процессiи ярко разодѣтыхъ невольниковъ и несли въ драгоценныхъ сосудахъ разнообразнѣйшiя яства.

Невольники слѣдовали одинъ за другимъ.

Шла процессiя, несущая различныхъ птицъ изъ окрестности и изъ странъ очень отдаленныхъ. Шла процессiя, несущая разную дичину. Шли процессiи, несущiя печенья и сласти. Музыка играла такимъ образомъ, что процессiи эти выступали въ тактъ, подвигаясь необыкновенно торжественно и съ великимъ благоговѣнiемъ. Шли точно такъ же процессiи, очень длинныя, несущiя сосуды, кубки и чаши на перемѣну. И шли процессiи невольницъ, помахивающихъ опахалами изъ павлиньихъ, страусовыхъ перьевъ и изъ перьевъ ибиса. И еще отовсюду появлялись процессiи мальчиковъ съ полными корзинами цвѣтовъ разнообразныхъ и сильно благоухающихъ.

Издаലെка дворецъ Адаръ-Малика представлялся какою-то сказкою, сверкающею всѣми оттѣнками. Онъ переливался на землѣ всѣми цвѣтами, какъ на небѣ переливается великая звѣзда Бимахъ. Онъ весь гремѣлъ пѣснями и звуками инструментовъ, какъ въ цвѣтущемъ мѣсяцѣ Зивъ гремятъ птичьими голосами склоны горъ Лабна.

И вотъ, возставали пророки завистливыхъ хабирскихъ племенъ, которые Гекалъ называли городомъ всюду царящаго разврата и вся-

чскаго нечестія. Они постоянно предрекали, что ихъ Ягъ снизошлетъ огненный дождь на этотъ городъ и его пѣвучіе сады.

Но вмѣсто огненныхъ дождей на городъ падали благодатные дожди, освѣжающіе всю природу, а вмѣсто уничтоженія появлялось все новое богатство, роскошь и могущество.

Хабирскіе пророки! Вы находите прелесть во власяницахъ и пыли, которая цѣлыми слоями осаждается на вашихъ незавитыхъ бородахъ.

Вмѣсто веселья вы находите наслажденіе въ грусти, а вмѣсто упоенія пляской постоянно раздираете свои одежды.

Пляши, дочь Гекала, и радуйся! Пляши, дѣва, рожденная на берегахъ рѣки Идиглатъ!

И ты, гекальскій юноша, хватайся за арфу, а потомъ за чашу жидкаго рубина, потомъ обнимай стройный станъ своей возлюбленной; потомъ снова бери арфу, бери чашу попеременно, до скончанія твоихъ дней.

Пророки пустыни говорятъ, что одна минута размышленія и добрыхъ дѣлъ стоитъ дороже, чѣмъ всё наслажденія Гекала. Но они говорятъ неправду. Одна минута наслажденій Гекала стоитъ дороже, чѣмъ всё долгіе часы поклоненія Ягу, исчисленія путей звѣзды Нергаль, Геди и Гелель, или ломанья головы надъ тѣмъ, почему существуетъ все, что существуетъ, и почему все существуетъ такъ, какъ оно есть.

Грусти же, хабирскій пророкъ, коли грусть составляетъ глубоко скрытое ядро твоего наслажденія.

Обрастай грязью и дѣлайся косымъ отъ вѣчныхъ угрозъ, которыми сверкаютъ твои очи.

Но знай и то, что пріятна чаша вина, и что оно обращается въ дивный огонь, коль скоро къ нему примѣшаешь хоть каплю красной человѣческой «души».

Тогда отдается въ пляскѣ безумію дочь Гекала, а всякій туртанъ становится подобнымъ богу Таммузу.

А такъ какъ ты не знаешь, кто примѣшиваетъ каплю «души» въ твою чашу, то скуки мѣста нѣтъ, и ты пляшешь, не зная, будешь ли плясать завтра. Ничто такъ таинственно не сжимаетъ сердца, какъ не вѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Только тогда наслажденіе стремишься достигнуть своихъ высшихъ предѣловъ, а любовь подшоптыкаетъ: памятью о неизвѣтности завтрашняго дня!

а золотомъ тронѣ сидитъ царица, по бокамъ ея стоятъ туртаны Ол и Мутаннаби, а у ея стопъ лежитъ Тамара съ лицомъ, скрытымъ въ ладоняхъ, чтобы ея очей не осквернялъ видъ гекальскихъ

наслаждений. За балдахиномъ же стоитъ угрюмый Зеебъ съ волчьимъ лицомъ и волчьими глазами, не отнимая руки отъ рукоятки ножа.

Какъ ряды киннамоновыхъ вѣтокъ, тянутся полчища обнаженныхъ дѣвъ; какъ гирлянда цвѣтовъ гранаты, съ ними слетаются хоры юношей.

Оребъ до безумія веселъ и, не сводя глазъ, съ вождельнѣиємъ смотритъ на Зибеею. Зато Мутаннаби блѣденъ, и потъ крупными каплями выступаетъ на его лбу.

Въ воздухѣ передъ нимъ носится смерть двухъ туртановъ.

А надъ Оребомъ въ воздухѣ носится кровавое наслаждение, потому что онъ освободился отъ двухъ завистниковъ.

Въ воздухѣ передъ Зибеей носится страстное вождельнѣе то къ тому, то къ другому, взоръ ея гонится то за тѣмъ, то за другимъ юношей, то схватываетъ движеніе дѣвушки, которой она еще до сихъ поръ не знала, то останавливается на сладострастномъ изгибѣ чьего-нибудь тѣла.

И только передъ закрытыми глазами Тамары проходятъ пурпурноокіе Херувимы и черные, отвратительные Демоны, которые со всѣхъ сторонъ окружаютъ замокъ и чертаютъ на его стѣнахъ три слова: *сосчитанъ, взвѣшенъ, раздѣленъ...*

.....

«Я видѣлъ нынѣ вѣщій сонъ,
И страхъ мой наполнилъ очи,—
Бо мнѣ съ высотъ спустился онъ
На крыльяхъ непроглядной ночи.
Мнѣ снился Херувимовъ сонмъ
И Демоновъ зловѣщихъ тучи,
И снился мнѣ огромный дубъ
Съ густой короной и могучей.
Глубоко корни распустилъ
Онъ всюду подъ сырой землей
И сотни городовъ покрылъ
Своей зеленою листвою.
И снизошелъ съ небесъ Святый,
Воскликнулъ громко: Вотъ сѣкира,
Срубите нечестивый дубъ,
Порочный, гибельный для міра!
И изгоните всѣхъ звѣрей,
И птицъ, и змѣй, подъ дубомъ сухихъ,
Въ его отравленныхъ вѣтвяхъ
Позоромъ и грѣхомъ живущихъ.
Погрязъ въ порокахъ ты своихъ,

Развратенъ тѣломъ, духомъ грѣшенъ,
 Господень судъ свершится днесъ,—
Исчисленъ, раздѣленъ ты, взвѣшенъ...

. . . . .

Въ боковомъ крылѣ дворца сидитъ на креслѣ изъ слоновой кости Адаръ-Маликъ, а передъ нимъ стоитъ пустая чаша.

Сегодня онъ не дотрогивается до нея.

Онъ блѣденъ и очень задумчивъ. Глаза его устремлены въ мозаичный полъ, на которомъ были изображены круги, и кружки, и многоугольники, и различныя фигуры.

Въ отдаленіи шести шаговъ отъ него стоитъ Аяя. Его густыя брови почти совсѣмъ скрываютъ его синіе глаза.

По садамъ плывутъ звуки инструментовъ, и пѣніе, и смѣхъ, и великій шумъ непрекращающагося веселья.

Аяя говоритъ, а Адаръ-Маликъ слушаетъ.

Аяя говоритъ такъ:

— Ты слышишь, царь, что дѣлается вокругъ тебя. Синъ долго смотрѣлъ на это. Смотрѣлъ лѣвымъ окомъ и молчалъ. И смотрѣлъ правымъ и недоумѣвалъ. Наконецъ смотрѣлъ обоими очами и спрашивалъ: неужели это Адаръ-Маликъ, мой потомокъ, считается владыкою Гекала! Неужели наследственная мудрость царить еще надъ его балдахиномъ, а изъ крестика, который онъ носитъ на своей груди, струится еще огонь и свѣтъ разума? Долго можно было терпѣть, и не одно терпѣть слѣдуетъ. Но смотри: двое твоихъ туртановъ пало отъ невѣдомой руки, а за другими въ эту минуту, можетъ быть, ходитъ смерть, какъ алкающій левъ? Безумствуетъ Гекаль. Измѣненность сначала ходила только по домамъ и храмамъ, но нынѣ вторглась въ туртаней и палатки твоихъ воиновъ. Ослабѣла рука вооруженнаго мужа, и оружіе выпало изъ ослабѣвшихъ пальцевъ. Рука схватываетъ цитру и пицалку, а вмѣсто военнаго щита ты у воиновъ видишь только цвѣты и чаши. Даже старцы, которые измѣряли пути звѣздъ, преобразились въ легкомысленныхъ юношей и, вмѣсто того, чтобы стремиться къ знанію, гоняются за прелестницами. Святыя религіозныя танцы стали уже танцемъ распущенности, а религіозная пѣсня существуетъ только для того, чтобы разжигать нечистыя страсти. Какъ измѣнилась Зибей! Какимъ зловѣщимъ блескомъ светится Звѣзда Гекала! Развѣ такою была богобоязненная Саммурантъ, или кроткая Нана? Зибей стала вдохновительницей любви и внесла между туртановъ пламя зависти. Знай же, что это Батти бросился съ ножомъ въ рукахъ на туртана Каши. И то узнай, Чубарру, внухъ туртана Ореба, схвативъ туртана Кубатти, по-

грузился вмѣстѣ съ нимъ въ пучины рѣки Идиглатъ. Тотъ же Оребъ, палимый любострастіемъ, отрываетъ стражей отъ твоей сверкающей супруги, ввергаетъ ихъ въ яму, чтобъ безпрепятственно провести съ Зибеей время, любви посвященное. А тѣмъ временемъ твой дворъ стоитъ подъ пилономъ, весь, сановники, жрецы, туртаны. Восходитъ новый день, а ихъ нѣтъ. Появляешься ты, тебя обманываютъ передъ лицомъ всего двора, который потомъ, въ уголкѣ, непристойно подсмѣивается надъ тобою и осыпаетъ тебя позорящими тебя издѣвательствами. Да и сейчасъ, когда ты слушаешь мои жалобы, безумныя пляски, звонъ чашъ и краденая любовь справляютъ дни своей разнузданной свободы. Поистинѣ, можно повѣрить тому, что пророчить намъ хабирская гольтъба, которая занимается прорытіемъ канала, завистливо и враждебно поглядывая на гекальскіе сады: исчислено и взвѣшено, но, владыка, оно можетъ быть точно такъ же и раздѣлено! Растетъ Вавилонъ и Ниневія растетъ. Среди племенъ пустыни постоянно замѣчаются какіе-то подозрительныя движенія. Подобныя бури появляются неожиданно и уничтожаютъ все, что повстрѣчаютъ по дорогѣ своего непобѣдимаго дуновения. Что исчислено и взвѣшено, то можетъ быть раздѣлено раньше, чѣмъ можетъ предвидѣть самый проникательный умъ!

Такъ говорилъ Аія. Въ его словахъ слышалось что-то, напоминающее карканье ворона. Адаръ-Маликъ слушалъ, отъ времени до времени только хватаясь за завитую бороду.

Наконецъ, онъ поднялъ съ мозаичнаго пола свои царственныя очи и проникательно уставился ими въ лицо туртана евнуховъ.

— Если бы я взглянулся въ твои слова, какой совѣтъ ты далъ бы мнѣ?

Аія отвѣтилъ не сразу.

Прежде всего, онъ долго смотрѣлъ на лицо царя, чтобы отгадать, какое впечатлѣніе произвели на него его выводы. А когда онъ понялъ уже это, то долго размышлялъ, въ какія слова ему облечь свой совѣтъ. А потомъ онъ еще разъ началъ изслѣдовать, дѣйствительно ли его совѣтъ будетъ данъ во-время.

Но когда онъ уже отдалъ себѣ отчетъ во всемъ этомъ, то раскрылъ свои ястребиныя уста и изрекъ такое слово:

— Туртанъ Оребъ долженъ уйти съ своего мѣста и исчезнуть.

Адаръ-Маликъ взялъ пустую чашу и слегка стукнулъ ею объ алебастровый столъ, въ то же самое время кивнувъ головою въ знакъ того, что такъ и должно быть.

Тогда Аія сказалъ снова:

— Уйти съ своего мѣста и исчезнуть долженъ и туртанъ Ма-

таннуби, руки котораго и теперь уже обезсилены заразою нечестивой страсти.

Адаръ-Маликъ думалъ съ минуту, но потомъ взялъ въ руки пустую чашу, слегка стукнулъ ею объ алебастровый столъ и очень серьезно кивнулъ головою въ знакъ того, что такъ и должно быть.

Тогда Аяя, подавляя духъ, который такъ и рвался изъ его груди, сказалъ:

— Въ лѣвомъ крылѣ дворца ты замкнешь Зибейю съ ея невольницами и отдашь ее подъ надзоръ такого безстрастнаго туртана, какииъ есть Зеибъ.

Адаръ-Маликъ въ третій разъ взялъ пустую чашу, стукнулъ ею объ алебастровый столъ и весьма рѣшительно кивнулъ головою въ знакъ того, что этого-то именно онъ и хотѣлъ.

Тогда Аяя сложилъ руки на груди въ Знакъ Жизни, отвѣсилъ поясной поклонъ и, обращаясь къ полу, испещренному кругами и кружками, многоугольниками и различными линиями, проговорилъ:

— Твоего самаго покорнѣйшаго слугу, наименѣе страстнаго, ты сдѣлаешь туртаномъ туртановъ, дабы онъ замѣщалъ всѣ мѣста людьми по своему выбору и подкрѣпилъ бы валяющуюся башню твоего царствованія.

Адаръ-Маликъ поднялъ пустую чашу и съ великою торжественностью троекратно стукнулъ ею объ алебастровый столъ.

Тогда Аяя выпрямился, а по его ястребиному лицу промелькнула улыбка ничѣмъ не сдерживаемаго торжества.

Адаръ-Маликъ ударилъ въ ладоши.

На порогъ появился начальникъ его личной стражи. Адаръ-Маликъ обратилъ лицо въ пространство и отдалъ слѣдующее приказаніе:

— Аяя, туртанъ туртановъ, съ этой минуты получаетъ власть надо всѣми войсками, сановниками, храмами и надо всѣмъ городомъ Гекаломъ. Черезъ него всѣмъ будетъ объявляться моя воля. Что онъ ни прикажетъ, все должно быть исполнено. И это должно быть вплоть до моего послѣдующаго распоряженія.

Аяя во время этихъ словъ снова согнулся въ дугу и какъ будто бы всматривался въ рисунокъ мозаики пола, во всѣ эти кружки, кружки, многоугольники и разныя чудачливыя фигуры, но на самомъ дѣлѣ наблюдалъ, какъ начальникъ стражи приметъ этотъ приказъ.

То лицо начальника стражи было словно каменное и не выражало

Перевелъ В. Л.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Глухою ночью.

Глухою ночью, глухою ночью
На море неба всплыла луна.
И лучь холодный сверкнулъ въ узорахъ,
Блеснулъ въ морозныхъ цвѣтахъ огня.
И было странно—глухою ночью,
И было грустно мнѣ у окна.

Сверкали искры, носились тѣни,
Лучи дрожали,—и у окна
Я горько плакалъ глухою ночью
О жизни бѣдной, о чарахъ сна...
И ждалъ я смерти—холодной, тихой—
Глухою ночью—я у окна... .

И я очнулся. Безъ слезъ, какъ иглы,
Вонзались взоры въ глухую ночь;
Лучи погасли, застыли слезы,
И тѣни въ пляскѣ умчались прочь.
Я былъ недвижимъ; я былъ безъ чувства;
Томила въ тучахъ глухая ночь.

Влад. Фишеръ.

СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ

ИЛИ

арестантское отдѣленіе Спасо-Ефиміевскаго монастыря.

I.

Остатки инквизиціи въ XX вѣкѣ.

Когда три года тому назадъ—въ началѣ 1905 года—сдѣлалось извѣстно Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи лицъ, находившихся въ заточеніи въ монастырскихъ тюрьмахъ Суздальскаго и Соловецкаго монастырей, и когда *Правительственный Вѣстникъ* категорически заявилъ, что, «за освобожденіемъ помннутыхъ лицъ, въ монастыряхъ заключенныхъ за религиозныя преступленія болѣе не имѣется» *),—русское общество и русская печать приняли эти извѣстія съ отраднымъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія.

Всѣ вздохнули свободнѣе. Всѣмъ показалось, что пришелъ конецъ одному изъ самыхъ мрачныхъ пережитковъ средневѣковья, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшимъ вплоть до первыхъ годовъ XX вѣка.

Всѣмъ казалось, что наконецъ Россія будетъ избавлена отъ этого позора, отъ этихъ остатковъ инквизиціонной эпохи, какими въ глазахъ всего культурнаго міра всегда были и будутъ монастырскія тюрьмы, въ которыя безъ всякаго суда заключались люди, виновные лишь въ томъ, что ихъ религиозныя и этическія убѣжденія не укладывались въ официальные рамки.

Поэтому всѣ ждали, что вотъ-вотъ появится указъ, который оповѣститъ объ окончательной отиѣнѣ какъ ссылки въ монастыри, такъ и заточенія въ монастырскія тюрьмы,—который громко и рѣшительно заявитъ раз навсегда о закрытіи и упраздненіи «арестантскаго отдѣленія при Суздальскомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ». Подъ такимъ названіемъ слышать въ официальныхъ кругахъ историческая Суздальская крѣпость.

Но время шло, а такого указа все не появлялось. Когда лѣтомъ 1905 года мнѣ пришлось посѣтить Суздаль, я имѣлъ возможность лично

Правительственный Вѣстникъ, 1905 г., № 51.

убѣдиться, что «крѣпость» при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ существуетъ попрежнему, что монастырская тюрьма остается, остается также и караулъ, т. е. солдаты, во главѣ съ фельдфебелемъ, играющимъ роль «надзирателя за арестантами» *).

Положимъ, казематы монастырской тюрьмы оказались пустыми, за исключеніемъ лишь одного, въ которомъ сидѣлъ какой-то іеродіаконъ Пафнутій. Но, разумѣется, присутствіе и одного арестанта въ этой тюрьмѣ въ июлѣ мѣсяцѣ являлось совершенно непонятнымъ послѣ приведеннаго выше столь категорическаго правительственнаго заявленія, сдѣланнаго еще въ мартѣ мѣсяцѣ, объ освобожденіи *всѣхъ* сидѣвшихъ въ монастырскихъ тюрьмахъ.

Но вотъ прошелъ и 1906 годъ и также не принесъ ничего новаго относительно упраздненія Суздальской крѣпости: монастырская тюрьма, хотя и съ пустыми казематами, продолжала существовать попрежнему, охраняемая военнымъ карауломъ. Невольно являлись вопросы: почему? зачѣмъ?... Все это не могло не вызывать тревоги въ обществѣ, такъ какъ вопросъ о свободѣ совѣсти, о свободѣ религіозныхъ убѣжденій является, безъ сомнѣнія, самымъ элементарнымъ условіемъ политической свободы вообще.

Тревога эта еще болѣе усиливается въ виду недавней исторіи закрытія Шлиссельбургской государственной тюрьмы. Какъ извѣстно, въ концѣ 1905 года и въ самомъ началѣ 1906 года всѣ узники этой тюрьмы также были отчасти освобождены, отчасти переведены въ другія тюрьмы. Шлиссельбургская тюрьма, какъ и Суздальская, опустѣла. Затѣмъ появляется Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи государственной тюрьмы и о томъ назначеніи, какое должны были получить послѣ этого средства, на которыхъ содержались какъ тюрьма, такъ и стража, состоявшая изъ жандармовъ и солдатъ.

Закрытіе Шлиссельбургской государственной тюрьмы вызвало радостное ликованіе русскаго общества и всей прогрессивной печати. Последняя видѣла въ этомъ упраздненіи одну изъ явныхъ и блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ освободительнымъ движеніемъ надъ старымъ режимомъ полицейско-жандармскаго строя.

Но—увы!—это ликованіе продолжалось недолго, недолго пустовали казематы Шлиссельбургской тюрьмы, привлекавшіе за это время тысячи любопытныхъ посѣтителей, желавшихъ видѣть собственными глазами мрачную Шлиссельбургскую крѣпость, съ ея таинственными башнями, тюрьмами и казематами. По мѣрѣ того, какъ реакція брала верхъ надъ общественнымъ движеніемъ, условія рѣзко мѣнялись, и вотъ снова является настоятельная необходимость въ тюрьмахъ и крѣпостяхъ.

Понадобился и старый Шлиссельбургъ: въ его стѣнахъ открывается огромная каторжная тюрьма, въ которую немедленно же запираются сотни

*) Подробнѣе объ этомъ я имѣлъ случай говорить во второмъ изданіи моей книги: „Монастырскія тюрьмы“. М. Изданіе „Посредника“, стр. 9—14.

людей съ бритыми головами и съ кандалами на рукахъ и ногахъ. Это обвиненные въ политическихъ и обще-уголовныхъ преступленіяхъ.

Не произойдетъ ли чего-нибудь подобнаго и съ Суздальской крѣпостью?— съ явной тревогой думаютъ теперь русскіе люди, которые изъ гражданъ снова обратились въ обывателей. Запуганные все растущей реакціей и небывалыми репрессіями, они готовы допустить возможность самыхъ мрачныхъ перспективъ, тѣмъ болѣе, что подобная тревога имѣетъ нѣкоторыя, вполне реальныя, основанія. Судите сами.

Въ смѣтѣ доходовъ и расходовъ святѣйшаго правительствующаго синода на 1907 годъ, между прочимъ, значится: «на наемъ стражи при арестантскомъ отдѣленіи Суздальскаго Спасо-Ефиміева монастыря— 1,020 рублей».

Баять мы уже замѣтили выше, подъ именемъ «арестантскаго отдѣленія Спасо-Ефиміевскаго монастыря» извѣстна та самая знаменитая тюрьма или Суздальская крѣпость, куда въ теченіе долгаго времени безъ всякаго суда заточалось множество людей по самымъ разнообразнымъ причинамъ и мотивамъ и гдѣ эти люди гнили отъ цынги, нерѣдко десятки лѣтъ, сходили съ ума, умирали отъ чахотки и истощенія.

Итакъ, очевидно, святѣйшій синодъ отнюдь не считаетъ Суздальскую крѣпость закрытой или упраздненной. Въ противномъ случаѣ ему, разумѣется, не зачѣмъ было бы испрашивать кредитъ на содержаніе караула или стражи при этой крѣпости. Отсюда слѣдуетъ, что сырые и холодные газематы «арестантскаго отдѣленія Суздальскаго монастыря» пустовали только временно, случайно, быть можетъ, благодаря «царившимъ у насъ безпорядкамъ», и что, быть можетъ, вскорѣ же они снова наполнятся людьми, единственная вина которыхъ состоитъ въ томъ, что они желаютъ вѣрить и молиться такъ, какъ подсказываетъ имъ ихъ совѣсть, ихъ внутреннее убѣжденіе, а не такъ, какъ требуютъ духовныя консисторіи и отцы миссіонеры.

Но это предположеніе такъ неправдоподобно, можно сказать, такъ чудовищно, что хочется думать: не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ простой канцелярской ошибкой? Синодскіе чиновники, составляющіе смѣты доходовъ и расходовъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, такъ привыкли ежегодно выписывать въ расходъ извѣстную сумму на содержаніе стражи при Суздальской крѣпости, что по привычкѣ внесли эту же самую статью расхода и въ смѣту на 1907 годъ. Члены же св. синода, за множествомъ разныхъ дѣлъ, просто не удосужились внимательно разсмотрѣть смѣту, и вотъ, благодаря этому, роковая статья о расходѣ на содержаніе стражи при Суздальскомъ арестантскомъ отдѣленіи просочилась въ печать.

Бъ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть смѣты доходовъ и расходовъ св. синода на 1908 годъ; поэтому мы не знаемъ: уцѣлѣла ли въ ней интересующая насъ статья расхода? На всякій случай, однако, мы написали въ Суздаль своимъ знакомымъ, съ просьбою увѣдомить: суще-

ствуетъ ли еще тюрьма при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ и имѣется ли при ней караулъ, состоящій изъ солдатъ?

Въ отвѣтъ на этотъ запросъ намъ сообщаютъ, что монастырская тюрьма до сихъ поръ существуетъ, хотя, повидимому, заключенныхъ въ ней сейчасъ нѣтъ, существуетъ и тюремная стража изъ солдатъ. Не этого мало. Оказывается, что число солдатъ при тюрьмѣ въ нынѣшнемъ году, т.-е. въ 1907, даже увеличено...

Согласитесь, что все это такіе факты, которые едва ли могутъ содѣйствовать успокоенію той тревоги, о которой мы говорили въ этой главѣ. Увѣренность русскаго общества, что Суздальская монастырская крѣпость, благодаря законамъ 17 апрѣля и 17 октября 1905 г., а также всему пережитому Россіей за послѣднее время, прекратила уже свое печальное существованіе и ждетъ лишь суда исторіи—явно не оправдалась. Монастырская крѣпость—тюрьма, управляемая архимандритомъ, который считается ея комендантомъ,—продолжаетъ существовать и сейчасъ, къ стыду цивилизаціи, къ позору XX вѣка...

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что для русскаго народа и общества вопросъ о монастырскихъ заточеніяхъ и въ частности о Суздальской крѣпости, помимо своего огромнаго историческаго интереса,—какъ оказывается,—и до сихъ поръ не лишень крупнаго *современнаго* значенія.

Въ виду этого, мы полагаемъ, будетъ не лишне подробнѣе познакомиться съ этой крѣпостью хотя бы за самыя послѣдніе годы.

II.

Поѣздки въ Суздаль.

Начиная съ 1902 года, въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ, я почти каждое лѣто посѣщалъ Суздаль. Поѣздки эти имѣли двѣ цѣли. Во-первыхъ, я желалъ лично, на мѣстѣ, ознакомиться съ знаменитой Суздальской монастырской крѣпостью,—о которой всѣ говорили, но о которой въ сущности никто не зналъ ничего достовѣрнаго, точнаго,—хотѣлъ ознакомиться съ условіями содержанія въ ней заключенныхъ и по возможности выяснитъ число и составъ узниковъ, а также причины, вызвавшія ихъ «заточеніе».

Затѣмъ я рассчитывалъ такъ или иначе проникнуть въ монастырскій архивъ, чтобы имѣть возможность ознакомиться съ подлинными дѣлами, относящимися до ссылки и заточенія въ Суздальскую крѣпость и, такъ гь образомъ, по официальнымъ документамъ возстановить исторію этой крѣпости съ начала ея учрежденія и до самаго послѣдняго времени, до нашихъ дней.

Вотъ объ этихъ поѣздкахъ, объ этихъ попыткахъ я и намѣренъ сказать въ очеркахъ, которые предлагаются вниманію читателя.

Конечно, я прекрасно зналъ, что, поставивъ объектомъ своихъ изъ-

дованій столь щекотливныя темы, я рисковалъ навлечь на себя сильное неудовольствіе разныхъ сильныхъ и властныхъ въ то время людей. Багъ припомнить читатель, это было время, когда, съ одной стороны, В. К. Плеве, а съ другой—К. П. Побѣдоносцевъ являлись полными хозяевами положенія и авторитетно направляли всю внутреннюю политику по собственному усмотрѣнію.

Основываясь на прежнихъ прецедентахъ, я опасался, что мнѣ могутъ помѣшать въ моихъ изслѣдованіяхъ и даже просто совсѣмъ лишить меня возможности проникнуть въ тайны русской «религіозной Бастиліи». Поэтому, отправившись въ путь, я рѣшилъ держать, по возможности, въ секретѣ свои планы и цѣль своей поѣздки въ Суздаль, стараясь избѣгать всякой огласки.

Первая моя поѣздка въ Суздаль относится къ лѣту 1902 года. 6 августа, въ 12 часовъ ночи, я выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода по желѣзной дорогѣ. На другой день, послѣ ночи, проведенной въ душномъ и, какъ всегда во время ярмарки, невѣроятно грязномъ вагонѣ, утромъ, въ 6 часовъ, поѣздъ привезъ меня во Владимірѣ на Блязьмѣ.

Оставивъ вещи на вокзалѣ, я отправился въ городъ, чтобы достать себѣ лошадей для поѣздки въ Суздаль. Кстати, мнѣ хотѣлось пройтись по городскимъ улицамъ, чтобы взглянуть на Владимірѣ, который я когда-то зналъ и въ которомъ мнѣ пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ.

Городъ только что начиналъ просыпаться—лѣнливо, медленно и вяло, какъ малокровный неврастеникъ. Около десяти лѣтъ я не былъ во Владимірѣ, и теперь воочию убѣждался, что за все это время городъ ни на шагъ не подвинулся впередъ. Никакихъ переизмѣнъ, никакихъ улучшеній; на всемъ печать застарѣлой захудалости. Конечно, я говорю только о внѣшности, о наружномъ видѣ города. Та же отчаянная мостовая, тѣ же жалкія, грязныя гостиницы, тѣ же дребежущія, ободранныя дрожки у извозчиковъ, тѣ же рѣдкіе, съ вонючимъ керосиномъ фонари, тѣ же невозможные тротуары.

Древній городъ съ громкимъ историческимъ прошлымъ словно замеръ и захирѣлъ. Очевидно, онъ совершенно остановился въ своемъ развитіи, обезсиленный все возрастающимъ могуществомъ своихъ ближайшихъ сосѣдей: съ одной стороны—Москвы, съ другой—Нижняго-Новгорода.

Древніе соборы, которыми такъ гордится Владимірѣ, стоятъ пустыя и сиротливыя. Повидимому, ихъ не радуетъ даже вниманіе, которое удѣлялъ имъ въ послѣднее время и которое выразилось въ подновленіи историческихъ фресокъ и въ позолотѣ главъ. Не лишне, однако, замѣтить, что это золоченіе главъ могло состояться только благодаря какой-то совершенно случайной благотворительницѣ, неизвѣстно откуда-то взявшейся с ружьѣ, которая, предчувствуя свою кончину, вдругъ начала сыпать в карманной рукой деньги на украшеніе храмовъ да на монастыри.

Всѣмъ обращаетъ на себя вниманіе едва ли не единственное вновь

отстроенное зданіе въ центрѣ города—музей владимірской ученой архивной комиссіи.

Но насколько неинтересенъ самъ Владиміръ, настолько же интересна Владимірская губернія, въ которой историкъ, археологъ, этнографъ, экономистъ, социологъ, художникъ—всѣ найдутъ для себя чрезвычайно много новаго, интереснаго, яркаго.

По причинамъ, такъ сказать, конспиративнаго характера, о которыхъ я уже упомянулъ, я рѣшилъ не останавливаться во Владимірѣ и не видѣться съ тѣми немногими знакомыми, которые имѣлись у меня въ этомъ городѣ и которые могли бы быть полезны мнѣ своими свѣдѣніями и своими знакомствами съ Суздалемъ.

Взявши пару лошадокъ и тарантасъ на земской станціи, я слѣшу выѣхать изъ Владиміра на Суздаль, до котораго считается отсюда около 35 верстъ.

Девятый часъ утра. Путь идетъ черезъ Нижегородскую заставу на Красное село, затѣмъ—Суходолъ, Борисовское и Павлово. Дорога плохая въ началѣ, потомъ становится невыносимой. Къ счастью, это неудобство въ значительной степени искупалось прекрасной погодой, чуднымъ воздухомъ, веселыми, ликующими лучами солнца.

Попадавшіеся навстрѣчу крестьяне и особенно врестьянки выглядятъ необыкновенно опрятно, почти щеголевато одѣтыми. На мое замѣчаніе по этому поводу, ящикъ замѣчаетъ мнѣ:

— Чище здѣшняго народа нигдѣ не ходять... Каждый при часахъ!... Другому нсъ нечего, а смотришь,—одѣнется въ лисью шубу... Ужъ такъ у насъ изстари ведется...

Кое-гдѣ сторонкой плетутся загорѣлыя на солнцѣ богомолки, съ котомками за плечами и жестяными чайниками; очевидно, возвращаются изъ суздальскихъ монастырей.

Мы подъѣзжали къ Суходолу, какъ вдругъ навстрѣчу намъ показался четверикъ лошадей, мчавшихъ коляску, въ которой виднѣлись фигуры двухъ сидѣвшихъ въ ней лицъ.

— Кто это?—спросилъ я ящика.

— Архимандрить... настоятель Спасскаго монастыря, изъ Суздаля.

— Серафимъ? Архимандрить Спасо-Ефиміева монастыря?—переспросилъ я.

— Онъ самый.

«Вотъ онъ—комендантъ-то Суздальской крѣпости», подумалъ я.

— Съ кѣмъ же это онъ ѣдетъ?

— Съ лакеемъ.

«Это ново», подумалось мнѣ.

— Почему же не съ послушникомъ?

— Не могу знать... Только онъ всегда ѣздитъ съ лакеемъ.

Коляска быстро пропеслась мимо насъ. Я успѣлъ разглядѣть архимандрита Серафима (въ міру полковникъ Чичаговъ),—довольно высокій и

полный мужчина, съ краснымъ лицомъ въ влобугѣ, лѣтъ около 55, съ завитой просѣдью въ влиновидной бородѣ.

Рядомъ съ нимъ помѣщалась плотная, здоровенная фигура, въ пальто и котелкѣ, съ усами и бритыми щеками, не то съ хищнымъ, не то съ наглымъ выраженіемъ глазъ. Какъ я потомъ узналъ, это былъ Санхо-Панчо Серафима, съ которымъ онъ почти никогда не разлучался,—къ небольшому соблазну монастырской братіи.

— Куда это онъ поѣхалъ?

— Во Владиміръ ѣдетъ, а можетъ, и дальше отправится—кто-жь его знаетъ. Онъ часто катается и въ Москву и въ Питеръ. Монахи напередъ сказывали, что все насчетъ мошей хлопочетъ.

— Какихъ мошей?

— А Серафима Саровскаго...

Я припомнилъ слухи о томъ, что архимандритъ Серафимъ Чичаговъ является главнымъ дѣятелемъ и даже чуть ли не инициаторомъ открытія мошей Серафима Саровскаго, которое должно было состояться лѣтомъ 1903 года.

— Въ Борисовскомъ дозвольте лошадокъ попоить, — просить ямщикъ.

Борисовское — большое село, расположенное какъ разъ на половинѣ пути между Владиміромъ и Суздалемъ. Въ немъ выдѣляется цѣлый рядъ домовъ, построенныхъ на городской ладъ. Это дома здѣшнихъ богачей, братьевъ Пантелѣевыхъ, составившихъ себѣ состояніе подрядами въ Москвѣ «по каменной части», т.-е. по постройкѣ каменныхъ зданій.

Всѣ Пантелѣевы—старобрядцы-безпоповцы поморскаго согласія, за исключеніемъ одного, принадлежащаго къ австрійскому толку. Разбогатѣвъ и обзаведясь собственными домами въ Москвѣ, Пантелѣевы тѣмъ не менѣе продолжаютъ поддерживать связи съ роднымъ селомъ и немало дѣлаютъ на пользу своихъ бывшихъ односельчанъ.

Такъ, они выстроили въ Борисовскомъ и пожертвовали мѣстному земству прекрасный двухъ-этажный домъ подъ училище и каменное зданіе для больницы, съ помѣщеніемъ для врача, акушерки и фельдшера. Затѣмъ, какъ рассказывали мнѣ потомъ крестьяне, Александръ Алексѣевичъ Пантелѣевъ внесъ въ общественный магазинъ извѣстный капиталъ за всѣхъ крестьянъ-однообщественниковъ «на вѣчныя времена», и такимъ образомъ теперь «у крестьянъ уже нѣтъ заботы пополнять магазинъ изъ послѣдняго запаса хлѣба».

Въ первомъ часу дня мы пріѣхали въ Суздаль. Тарантасъ немилосердно запрыгалъ по огромнымъ булыжникамъ мостовой длинной, танушей черезъ весь городъ улицы... Вотъ онъ—древній историческій Суздаль, одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ городовъ Россіи. Теперь это маленький, захолустный уѣздный городокъ, съ населеніемъ въ 4 или 5 тысячъ жителей, не ведущій никакой торговли, не имѣющій никакой промышленности.

Если теперь Суздаль чѣмъ-нибудь богатъ, то единственно только цер-

кнами и монастырями. При въездѣ въ городъ васъ прежде всего невольно поражаетъ огромная масса церквей—справа, слѣва, впереди—все церкви, колокольни, церковныя ограды. На 5 тысячъ человекъ жителей здѣсь имѣется 30 церквей и четыре монастыря. Сѣдой, далекой стариной вѣетъ отъ всѣхъ этихъ церквей и монастырей...

На мой вопросъ: гдѣ здѣсь можно остановиться, ямщикъ начинаетъ соблазнять меня разными гостиницами и постоянными дворами, вроде «Москвы», «Дуная» и т. п., но такъ какъ я по горькому опыту хорошо знакомъ съ прелестями подобныхъ пріютовъ въ нашихъ уѣздныхъ захолустьяхъ, то поэтому рѣшительно отвергаю его рекомендаціи. Узнавъ, что при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ имѣется особая гостиница для пріѣзжающихъ, я направляюсь туда.

III.

Беликокняжеская столица.

За время своего 900-лѣтняго существованія Суздаль пережилъ немало и немало испыталъ разныхъ превратностей судьбы. Было время, когда онъ являлся главнымъ городомъ самостоятельнаго княжества, независимой Суздальской области.

Съ присоединеніемъ къ Москвѣ въ концѣ XIV вѣка Суздальское княжество теряетъ свою самостоятельность. Тѣмъ не менѣе, однако, и послѣ этого въ теченіе долгаго времени Суздаль остается крупнымъ центромъ сѣверной Россіи и средоточіемъ культурной жизни того времени, какъ извѣстно, всецѣло проникнутой церковно-монастырскимъ характеромъ. Суздаль служитъ резиденціей съ одной стороны—воеводы, съ другой—архіерея.

Многіе знаменитые нѣкогда роды князей и бояръ тяготѣли къ Суздалью: князья Суздальскіе, Шуйскіе, Пожарскіе, Бѣльскіе, Хованскіе, Скопины. Имъ принадлежали обширныя помѣстья въ Суздальской, Владимірской, Нижегородской и другихъ сосѣднихъ областяхъ. Могилы многихъ представителей и представительницъ этихъ родовъ вы и теперь найдете при разныхъ церквахъ и монастыряхъ Суздальскаго уѣзда.

Гдѣ теперь всѣ эти княжескіе роды?—Увы, почти всѣ они давно уже пресѣлись и исчезли съ лица земли. Едва ли не первыми исчезли князья Суздальскіе,—родственники князей Шуйскихъ, родъ которыхъ точно такъ же давно прекратился.

Однимъ изъ послѣднихъ представителей рода князей Пожарскихъ былъ сынъ знаменитаго патріота, Дмитрія Михайловича, князь Федоръ Дмитріевичъ Пожарскій, похороненный, какъ и его знаменитый отецъ, въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ, въ Суздаль.

Изъ всѣхъ этихъ родовъ до настоящаго времени уцѣлѣлъ лишь одинъ родъ князей Хованскихъ, игравшихъ нѣкогда крупную историческую роль. Но онъ давно уже захудалъ и сошелъ съ государственной арены. Пред-

ставителей этого рода можно теперь встрѣтить въ роли разныхъ губернскихъ чиновниковъ въ среднемъ Поволжьѣ.

Мѣстные старожилы увѣряютъ, что въ прежнія времена число жителей въ г. Суздали доходило до 50—60 тысячъ. Теперь, какъ мы уже замѣтили выше, населеніе Суздаля едва ли достигаетъ и 5 тысячъ человекъ. Такимъ образомъ современный Суздаль представляетъ собою лишь десятую часть того, чѣмъ онъ былъ во времена далекой старины.

Исчезли цѣлыя улицы, кварталы, цѣлыя части города. Объ этомъ можно догадываться по тѣмъ группамъ домовъ, нерѣдко съ церквями, которые раскиданы то тамъ, то сямъ, среди огородовъ и пустырей. Это все остатки прежняго города, остатки древняго Суздаля. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ сохранились даже части пролежавшихъ здѣсь когда-то улицъ и переулковъ.

Судя по расположенію, а также по названію нѣкоторыхъ ближайшихъ къ городу селъ и деревень, можно думать, что нѣкоторыя изъ нихъ также входили въ черту Суздаля, какъ, напримѣръ, «Михайлова сторона», отдѣленная теперь отъ города лишь широкой лентой огородовъ.

До сихъ поръ сохранились многія названія мѣстностей, указывающія на былую старину. Такъ, напримѣръ, мѣстность въ центрѣ города, на самомъ берегу рѣки Каменки, называется «Теремки». По преданію, здѣсь въ былыя времена были расположены княжескіе терема. Въ одномъ мѣстѣ берегъ рѣки называется «Кабаккой горой» — тутъ нѣкогда стоялъ «царевъ кабакъ».

Нынѣ, обойденный всѣми желѣзными дорогами, пересѣкающими въ разныхъ направленіяхъ Владимірскую губернію, Суздаль съ каждымъ годомъ, на глазахъ у всѣхъ, замѣтно падаетъ, хирѣетъ, ветшаетъ, бѣднѣетъ.

— Я живу здѣсь тридцать пять лѣтъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ о. Лебедевъ, — и за это время на моей памяти Суздаль замѣтно палъ и опустѣлъ. Жители бѣгутъ изъ него въ разные стороны: въ Ивановѣ, въ Шуѣ, во Владимірѣ — вездѣ вы можете встрѣтить суздальцевъ, которые переселились туда и завели какое-нибудь дѣло. За мое время здѣсь нѣсколько каменныхъ домовъ сломано и снесено, я ужъ не говорю о деревянныхъ.

— Чѣмъ вы объясняете столь быстрое паденіе Суздаля? — спросилъ я.

— Въ прежнее время почти все движеніе изъ Москвы на Нижній-Новгородъ шло черезъ Суздаль. Въ то время здѣсь процвѣтала торговля, сюда съѣзжались для закупокъ изъ сосѣднихъ городовъ, селъ и усадебъ. По казѣ здѣсь жили помѣщики; многіе изъ нихъ имѣли здѣсь свои дома. И съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги обошли Суздаль — онъ началъ падать.

— Да, все это было и большею мѣрою поросло, — продолжалъ о. Лебедевъ. — Теперь и помѣщиковъ-то въ Суздальскомъ уѣздѣ почти совсѣмъ нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ богатыхъ, именитыхъ купцовъ. Недаромъ у насъ въ Суздали даже поговорка такая сложилась: «Дворяне здѣсь всѣ Рагозины, а ушцы всѣ Жилины».

Въ настоящее время жители Суздаля занимаются главнымъ образомъ огородничествомъ, разводя въ большихъ размѣрахъ лукъ, хрѣнъ, огурцы, капусту.

— Суздальскій хрѣнъ и въ Москвѣ славится,—не безъ гордости заявилъ мнѣ одинъ мѣщанинъ-огородникъ.—Бонечно, барыши и доходы отъ такого огородничества не могутъ быть значительны.

— Съ хрѣну да луку не разжирѣешь!—говорятъ сами суздальцы.

— Торговля Суздаля—одна печаль. Торгуемъ съ хлѣба на квасъ,—признаются здѣсь сами купцы.

Посреди́въ города на пыльной площади стоятъ каменные «торговые ряды», когда-то знавшіе лучшіе дни, а теперь обветшавшіе, мѣстами покосившіеся, кое-гдѣ съ подпорами, съ облупившейся штукатуркой, мѣстами того гляди вотъ-вотъ рухнуть.

Ежедневно, въ 8 часовъ утра, торговцы «краснымъ, мануфактурнымъ и галантерейнымъ товаромъ» чинно выходятъ изъ своихъ домовъ, снимаютъ шапки и начинаютъ истово креститься по направленію ближайшей церкви. Затѣмъ они отпираютъ свои лавки, снова крестятся и садятся за прилавокъ. Здѣсь они терпѣливо сидятъ вмѣстѣ съ приказчиками и мальчиками цѣлый день, до 8 часовъ вечера. Но покупателей нѣтъ, какъ нѣтъ. Иногда выпадаютъ такіе неудачные дни, въ которые не явится ни одного покупателя. Въ 8 часовъ снова молятся, затворяютъ лавки и расходятся по домамъ.

Базарные дни вносятъ нѣкоторое оживленіе, но лишь на нѣсколько часовъ, съ ранняго утра и до полудня. Съ 2—3 часовъ жизнь снова входитъ въ свою прежнюю колею тишины, неподвижности и скуки.

Собственно говоря, городъ оживаетъ только разъ въ мѣсяць—20-го числа. Чиновники и попы, получивъ жалованье (здѣсь многіе церковные причты на жалованьи) дѣлаютъ закупки, дамы покупаютъ обновки и т. д.

Сами обыватели Суздаля, говоря о своемъ городѣ, почти всегда иронизируютъ надъ нимъ. «Богоспасаемый градъ Суздаль»—такъ обыкновенно, съ явной насмѣшкой, величаютъ они свой городъ.

— Нашъ городъ—мертвый,—говорятъ суздальцы.

— Одно слово—погребальный городъ,—говорятъ другіе.

— Нашъ городъ бѣдный, у насъ здѣсь негдѣ копейку достать,—жалуются суздальскіе обыватели.

— Нашъ городъ ссыльный: сюда въ монастыри ссылаютъ и заточаютъ людей за важныя вины.

Чтобы дать представленіе объ оживленіи Суздаля, достаточно сказать, что въ городѣ нѣтъ ни одного извозчика. Только по временамъ, главнымъ образомъ, въ базарные дни, выѣзжаетъ съ постоялаго двора какой-то древній старецъ въ допотопной калымагѣ на деревянныхъ дрогахъ.

Появленіе въ городѣ каждаго новаго лица, особенно пріѣхавшаго изъ столицы—производитъ настоящую сенсацію. Городовые, стоящіе на перекресткахъ, подозрѣвая въ васъ начальство, вытягиваются въ струнку и,

отдавъ честь, «бдѣть васъ глазами». Встрѣчные прохожіе окидываютъ васъ внимательными и испытующими взглядами отъ головы до ногъ и затѣмъ, пройдя, еще долго смотрятъ вамъ въ слѣдъ.

— Кто такой, а? Чей это? Откуда?—переговариваются между собою обыватели.

Мой прїѣздъ также не могъ не обратить на себя вниманія суздальцевъ, не могъ не вызвать разныхъ толковъ, пересудовъ и предположеній. Исправникъ замѣтно насторожился и, какъ я узналъ, началъ усердно собирать разныя справки. Но вскорѣ все успокоилось: видя, что я усердно изо дня въ день посѣщаю разные монастыри и церкви, и начальство, и обыватели въ одинъ голосъ рѣшили, что прїѣхалъ «новый археологъ», «любитель старины», какіе отъ времени до времени заглядываютъ въ Суздаль. Между прочимъ, какъ разъ передъ моимъ прїѣздомъ сюда здѣсь былъ князь Ширинскій-Шихматовъ, который, какъ извѣстно, давно пользуется репутаціей заядлаго любителя церковной старины.

IV.

Суздальскіе монахи.

Въ настоящее время Суздаль является городомъ монаховъ, священниковъ и монахинь. Черныя рясы, черныя клобуки и скуфейки вы встрѣчаете здѣсь на каждомъ шагѣ.

Вслѣдствіе массы церквей въ Суздаль и незначительнаго числа городскихъ жителей, церковные приходы здѣсь отличаются необычайнымъ малолюдствомъ. Въ самомъ большомъ приходѣ—Базанской Божіей Матери, едва насчитается 350 душъ прихожанъ. Но есть приходы, въ которыхъ число прихожанъ мужского пола не превышаетъ 20 человекъ. Однако, несмотря на это, здѣшнія церкви поддерживаются въ приличномъ видѣ. Мѣстные священники объясняютъ это усердіемъ суздальскихъ жителей къ православнымъ храмамъ, а также полнымъ отсутствіемъ въ Суздаль всякихъ сектантовъ, старообрядцевъ и другихъ религіозныхъ отщепенцевъ.

Изъ четырехъ монастырей въ Суздаль было два мужскихъ и два женскихъ. Но здѣшніе монахи оказались черезчуръ плохими хозяевами: находившіяся въ ихъ рукахъ Васильевскій монастырь они довели до полного упадка и закрытія. Послѣ этого Васильевскій монастырь былъ переданъ женскому Преподобинскому монастырю, и дѣйствительно, нужно отдать справедливость монахинямъ: онѣ очень скоро совершенно справили этотъ монастырь и даже привели его въ цвѣтушее состояніе.

Вообще женскіе суздальскіе монастыри ведутъ большое хозяйство. Между прочимъ у нихъ огромныя огороды, которые обыкновенно воздѣлываются самими монахинями. Онѣ садятъ: капусту, огурцы, картофель, лукъ, рѣпу, рѣдьку, хрѣнъ, и все это въ большихъ размѣрахъ, не только на круглый годъ для своего собственнаго употребленія, но и на продажу. Это одна изъ крупныхъ статей доходовъ въ бюджетъ женскихъ монастырей.

Насколько я могъ присмотрѣться, монахи, повидимому, ведутъ трудовой образъ жизни; вы постоянно видите ихъ въ полѣ и въ огородахъ, гдѣ онѣ работаютъ, не покладая рукъ, встрѣчаете на улицахъ, идущихъ за подводами, нагруженными овощами, сѣномъ и соломой. Зимой онѣ шьютъ, вяжутъ, вышиваютъ на продажу и т. д.

Бъ сожалѣнію, отнюдь нельзя того же сказать о Суздальскихъ монахахъ. Конечно, и между ними встрѣчаются разные типы, но я говорю о большинствѣ, о главной массѣ. Необходимо признать, что пьянство сильно распространено среди здѣшней монашествующей братіи. Пьютъ не только въ тиши своихъ келій, но и въ гостяхъ, у знакомыхъ въ городѣ и соседнихъ селахъ. Нерѣдкость встрѣтить на улицѣ подвыпившаго монаха, съ мутными глазами и пошатывающагося изъ стороны въ сторону.

Было время, когда наши монастыри являлись центрами культурной жизни среди полуязыческаго, темнаго и безграмотнаго населенія. Но съ тѣхъ поръ условія совершенно измѣнились: русская жизнь хотя и туго, медленно, черепашинымъ шагомъ, но все же двигалась впередъ, между тѣмъ какъ наши монастыри оставались вполнѣ неподвижными. И вотъ жизнь обогнала ихъ и даже оставила далеко позади; теперь въ этомъ уже невозможно сомнѣваться.

Образовательный уровень современной монашеской братіи стоитъ на самой низкой степени развитія. Такъ, напримѣръ, среди монастырской братіи Спасо-Ефиміевскаго монастыря, который, замѣтите, считается первокласснымъ, нѣтъ ни одного не только окончившаго духовную академію, но даже ни одного, окончившаго семинарію. Мало этого. Нѣтъ ни одного монаха, который бы побывалъ въ духовной семинаріи. Большинство іеромонаховъ вышли изъ низшаго духовнаго училища. Затѣмъ масса самоучекъ, изъ сельскихъ народныхъ школъ и, наконецъ, многіе монахи почти совсѣмъ неграмотные: съ трудомъ читаютъ по печатному и еле-еле могутъ подписать свою фамилію. При такомъ положеніи дѣла, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи объ умственныхъ интересахъ монашествующей братіи, о любви къ литературѣ, хотя бы только духовной, о научныхъ занятіяхъ и т. д. Все это совершенно чуждо современному православному монаху.

Люди же съ образованіемъ, которые отъ времени до времени появляются въ монастырской средѣ, обыкновенно идутъ туда съ опредѣленною цѣлью—сдѣлать этимъ путемъ служебную карьеру, и стремятся только къ одному: поскорѣе заполучить мѣсто или настоятеля въ первоклассномъ монастырѣ, или же епархіальнаго архіерея, съ присвоенными этимъ должностямъ крупными окладами, часто съ огромными, колоссальными доходами. Люди этого калибра не остаются подолгу въ монастыряхъ, вѣрнѣе сказать, они только скользятъ по ихъ поверхности, быстро поднимаясь по іерархической лѣстницѣ.

Огромная же масса монастырской братіи попрежнему остается темной, невѣжественной и грубой, пребывая почти на томъ же самомъ уровнѣ раз-

вѣтѣ, на которомъ она стояла сто и даже двѣсти лѣтъ тому назадъ. Поэтому не слѣдуетъ особенно удивляться тому, что изъ этой среды у насъ такъ часто выходятъ теперь разные Иллїодоры, Арсенїи и другіе фанатическіе сподвижники черной сотни.

Мы потому такъ долго остановились на культурномъ состояніи современнаго монашества, что у насъ до самаго послѣдняго времени въ монастыри ссылались люди, впавшіе въ ересь, люди, которые тѣмъ-нибудь провинились противъ православной церкви, причемъ на монаховъ этихъ монастырей всегда возлагались непремѣнныя обязанности увѣщевать этихъ людей, опровергать ихъ «заблужденія», доводить ихъ до раскаянія и до «возвращенія въ лоно православія». Особенно это требовалось начальствомъ по отношенію къ тѣмъ изъ еретиковъ и провинившихся противъ церкви, которые заключались въ монастырскія тюрьмы.

Нетрудно представить себѣ, насколько при этихъ условіяхъ могли быть успѣшны и продуктивны подобныя «увѣщанія» со стороны полуграмотныхъ монаховъ разныхъ религіозныхъ отщепенцевъ, изъ которыхъ многіе отличались глубокими убѣжденіями, серьезной начитанностью, обширными знаніями. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ «увѣщанія» монаховъ не оказывали ни малѣйшаго дѣйствія на заключенныхъ, которые продолжали оставаться «непреклонными въ своихъ заблужденіяхъ» и не выражали ни раскаянія, ни желанія возвратиться «въ лоно»...

И за это они платились, платились жестоко. Имъ приходилось томиться и чахнуть въ монастырскихъ казематахъ долгіе, долгіе годы, нерѣдко цѣлыя десятиа лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не приходила на выручку смерть и не забавляла несчастныхъ узниковъ отъ дальнѣйшихъ страданій...

На тускломъ и сѣромъ фонѣ суздальской монастырской жизни яркимъ пятномъ выдѣляется фигура бывшаго архимандрита Спасо-Ефиміевскаго монастыря Серафима Чичагова. Аристократъ по происхожденію и по привычкамъ, артиллерійскій полковникъ по своей прежней службѣ, онъ въ одинъ прекрасный день вдругъ сбрасываетъ съ себя военный мундиръ и облачается въ рясу священника.

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, и онъ постригается въ монахи, быстро дѣлаетъ карьеру, получаетъ санъ архимандрита и вскорѣ назначается на важный постъ настоятеля Суздальскаго Спасо-Ефиміевскаго монастыря и «коменданта монастырской крѣпости». Для бывшаго полковника это послѣднее назначеніе являлось, конечно, особенно кстати.

Впрочемъ, въ Суздаля онъ пробылъ не долго, такъ какъ вслѣдъ за отпугиваніемъ мощей Серафима Саровскаго (какъ извѣстно, онъ игралъ при этомъ главную, выдающуюся роль), Чичаговъ быстро получаетъ цѣлый рядъ повышеній и въ настоящее время занимаетъ постъ архіепископа въ гор. Орлѣ. Къ сожалѣнію, въ силу нѣкоторыхъ причинъ, въ настоящее время мы не имѣемъ возможности дать полную характеристику, нарисовать портретъ и описать ростъ этого своеобразнаго іерарха современной русской церкви.

У.

Герценъ о расколѣ и Суздальской тюрьмѣ.

Съ давнихъ поръ всё суздальскіе монастыри служатъ мѣстомъ ссылки и заточенія разныхъ лицъ, провинившихся противъ церкви или государства. Но особенно громкую извѣстность въ этомъ отношеніи получилъ суздальскій Спасо-Ефиміевскій монастырь, въ которомъ устроена была для этой цѣли особая, специальная тюрьма, а затѣмъ и цѣлая «крѣпость».

И хотя подобныя тюрьмы существовали и во многихъ другихъ монастыряхъ и дѣйствовали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, тѣмъ не менѣе однако *эта сторона* монастырской жизни до сихъ поръ остается очень мало извѣстной публикѣ, даже наиболѣе интеллигентной ея части. Наши историки и ученые изслѣдователи, писавшіе о роли и значеніи монастырей въ русской жизни, обыкновенно рисуютъ монастырь, какъ школу, какъ книгохранилище, какъ центръ просвѣтительной, культурной дѣятельности.

Но тѣ же историки и изслѣдователи религіозной жизни русскаго народа ровно ничего не говорятъ о роли и значеніи монастыря, какъ крѣпости, монастыря-острога, монастыря-тюрьмы. Между тѣмъ эта именно сторона, по многимъ причинамъ, заслуживаетъ серьезнаго и глубокаго вниманія и притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Кто желаетъ изучить исторію религіозныхъ и политическихъ движеній, происходившихъ какъ въ широкихъ слояхъ русскаго народа, такъ и въ средѣ культурнаго общества,—тому волей-неволей придется ознакомиться съ исторіей нашихъ крѣпостей, нашихъ государственныхъ тюремъ, игравшихъ роль русскихъ Бастилій,—все равно будетъ ли то Шлиссельбургъ, Соловецкая тюрьма, «Петропавловка» или Суздальская крѣпость.

Но такъ какъ до послѣдняго времени наша подцензурная печать лишена была всякой возможности касаться подобныхъ темъ, то мы напрасно бы стали искать въ нашей литературѣ статей, посвященныхъ, положимъ, хотя бы описанію Суздальской крѣпости, ея исторіи, выясненію вопросовъ о томъ, какъ и за что попадали въ нее люди и каково имъ жилось въ монастырскихъ казематахъ.

Глубочайшая тайна издавна окружала Суздальскую крѣпость и все, что въ ней происходило. Эту тайну могли нарушить лишь люди, которые имѣли возможность не считаться съ русской цензурой—ни свѣтской, ни духовной. Въ такомъ положеніи находился Герценъ во время своей жизни за границей. Въ *Полярной Звѣздѣ* и въ *Колоколѣ* онъ постоянно затрагивалъ разные щекотливыя и острыя темы, которыя какъ въ то время, такъ и много позднѣе были совершенно недоступны для русской легальной печати.

Между прочимъ Герценъ въ своихъ статьяхъ не разъ касался и вопроса о русскомъ расколѣ-сектанствѣ. Его сочувствіе было всецѣло на сторонѣ «раскольниковъ» и сектантовъ уже по одному тому, что они повергались суровымъ, жестокимъ преслѣдованіямъ какъ со стороны госу-

дарства, такъ и со стороны церкви. Полиція, жандармерія, администрація дѣйствовали рука объ руку съ духовными властями, консисторіями и святѣйшимъ синодомъ. Въ первой же книжкѣ *Полярной Звѣзды* Герценъ нашель нужнымъ коснуться этого большого вопроса русской жизни.

На этотъ разъ въ связи съ вопросомъ о расколѣ, Герценъ коснулся и Суздальской тюрьмы; такая связь вполне, конечно, понятна, такъ какъ главную массу узниковъ Суздальской тюрьмы всегда составляли именно «раскольники» и сектанты. Въ виду того интереса, который несомнѣнно представляетъ отзывъ знаменитаго публициста объ этихъ двухъ явленіяхъ русской жизни, столь характерныхъ и крупныхъ—мы позволимъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ страницу, посвященную имъ этимъ вопросамъ,—какъ всегда яркую и блестящую. Вотъ она.

«У насъ раскольниковъ не постоянно гонять, такъ вдругъ найдеть что-то на синодъ или на министерство внутреннихъ дѣлъ, они и сдѣлають набѣгъ на какой-нибудь скитъ, на какую-нибудь общину, ограбятъ ее и опять затихнутъ. Раскольники обыкновенно имѣютъмышленныхъ агентовъ въ Петербургѣ, они предупреждаютъ оттуда объ опасности, остальные тотчасъ собирають деньги, прячуть книги и образа, поятъ православнаго попа, поятъ православнаго исправника, дають выкупъ; тѣмъ дѣломъ кончается лѣтъ на десять.

«Въ Новгородской губерніи, въ царствованіе Екатерины, было много духоборцевъ. Ихъ начальникъ, старый ямской голова, чуть ли не въ Зайцевѣ, пользовался огромнымъ почетомъ. Когда императоръ Павелъ ѣхалъ короноваться въ Москву, онъ велѣлъ позвать къ себѣ старика, вѣроятно, съ цѣлью обратитъ его.

«Духоборцы, какъ квакеры, не снимають шапки,—съ покрытой головой взомель съдой старикъ...

— Передъ кѣмъ ты стоишь въ шапкѣ?—закричалъ Павелъ, отдуваясь и со всѣми признаками бѣшеннои ярости:—ты знаешь меня?

— Знаю,—спокойно отвѣчалъ раскольникъ,—ты Павелъ Петровичъ.

— Въ цѣпи его! Въ каторжную работу, въ рудники!—продолжалъ рыцарственный Павелъ.

«Старика схватили, и императоръ велѣлъ зажечь съ четырехъ сторонъ село, а жителей выслать въ Сибирь на поселенье.

«На слѣдующей станціи кто-то изъ его приближенныхъ бросился къ его ногамъ и сказалъ ему, что онъ осмѣлился приостановить исполненіе Высочайшей воли и ждетъ, чтобъ онъ повторилъ ее. Павелъ нѣсколько отрезвѣлъ и понялъ, что странно рекомендоваться народу, выжигая селенія и ссылая безъ суда въ рудники.

«Онъ велѣлъ синоду разобрать дѣло крестьянъ, а старика сослать на пожизненное заточеніе въ Спасо-Ефиміевскій монастырь; онъ думалъ, что православные монахи домучать его лучше каторжной работы; но онъ забылъ, что наши монахи не только православные, но люди, любящіе водку и деньги; а раскольники водки не пьютъ и денегъ не жалѣють.

«Старикъ прослылъ у духоборцевъ святымъ; со всѣхъ концовъ Россіи ходили духоборцы на поклоненіе къ нему, цѣною золота покупали они къ нему доступъ. Старикъ сидѣлъ въ своей кельѣ, одѣтый весь въ бѣломъ, его друзья обили полотномъ стѣны и потолокъ. Послѣ его смерти они выпросили позволеніе скоронить его тѣло съ родными и торжественно пронесли его на рукахъ отъ Владиміра до Новгородской губерніи. Одни духоборцы знаютъ, гдѣ онъ скороненъ, они увѣрены, что онъ при жизни имѣлъ уже даръ дѣлать чудеса и что его тѣло нетлѣнно».

Приведа этотъ разсказъ, Герценъ поясняетъ, что все это онъ слышалъ «долею отъ владимірскаго губернатора *), долею отъ ямщиковъ въ Новгородѣ и, наконецъ, отъ посолника въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ». Последняя ссылка указываетъ на то, что Герцену удалось лично побывать въ знаменитомъ Суздальскомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ. И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ его разсказѣ находимъ нѣсколько свѣдѣній о суздальской тюрьмѣ и описаніе одной весьма характерной сцены, подсмотрѣнной имъ въ этомъ монастырѣ.

«Теперь,—говоритъ Герценъ,—въ этомъ монастырѣ нѣтъ больше политическихъ арестантовъ, хотя тюрьма и наполнена разными попами, церковниками, непокорными сыновьями, на которыхъ жаловались родители и прочіе.

«Архимандритъ—плечистый, высокій мужчина, въ мѣховой шапкѣ, показывалъ намъ тюремный дворъ. Когда онъ взошелъ, унтеръ-офицеръ съ ружьемъ подошелъ къ нему и рапортовалъ:

— Вашему преосвященству честь имѣю донести, что по тюремному замку все обстоитъ благополучно... арестантовъ столько-то».

«Архимандритъ въ отвѣтъ благословилъ его».

— «Что за путаница!»—воскликаетъ при этомъ Герценъ.

Къ сожалѣнію, изъ статьи знаменитаго писателя не видно, къ какому времени относится его разсказъ. Слѣдуетъ, однако, думать, что посѣщеніе Герценомъ Суздальскаго монастыря состоялось въ теченіе того времени, которое онъ провелъ въ ссылкѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Какъ извѣстно, Герценъ попалъ во Владиміръ въ концѣ 1837 года, а въ началѣ 1840 г. онъ былъ уже въ Москвѣ. Такимъ образомъ, поѣздка его въ Суздаль, по всей вѣроятности, состоялась именно въ этотъ промежутокъ времени—отъ 1837 до 1840 г.

Изъ разсказа Герцена, между прочимъ, видно, что архимандритъ показывалъ ему лишь «тюремный дворъ», но въ самую тюрьму или въ «тюремный замокъ»—какъ онъ ее называетъ,—очевидно его не пустили, такъ какъ иначе Герценъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ-бы хотя нѣсколько словъ описанію монастырской тюрьмы и ея казематовъ.

А. Пругавинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

*) Вѣроятно, Куруты, съ которымъ Герценъ, живя во Владимірѣ, находился самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Рихардъ Вагнеръ.

(1813—1883 г.).

Въ 25-тилѣтію со дня его смерти.

Въ августѣ 1876 г. произошло одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи искусства событій. Въ маленькомъ баварскомъ городкѣ, Байрейтѣ, въ специально для того выстроенномъ театрѣ дана была опера Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга», занимающая четыре вечера. Чтобы послушать эту оперу, съѣхались со всего свѣта представители интеллигенціи и правящихъ классовъ и, прослушавши ее, преклонились передъ музыкальнымъ гениемъ Вагнера: «Байрейтъ» сдѣлался знаменемъ вагнеріанцевъ, символомъ ихъ вѣры.

Однако, если въ 1876 г. можно было искренно вѣрить, что «идея Байрейта» олицетворяетъ высшее торжество искусства, что постановка «Кольца Нибелунга» и байрейтскій театръ призваны сыграть огромную роль въ искусствѣ и въ самой жизни человѣчества, то въ настоящее время для человѣка, изучавшаго вагнеризмъ—настоящій культъ Вагнера, и присмотрѣвшагося къ сущности байрейтскаго предпріятія, совершенно ясно, что «Байрейтъ» былъ символомъ удовлетворенія величайшей гордости художника, и сталъ символомъ удовлетворенія уже не гордости, а обыкновеннаго тщеславія его жены и дѣтей. Дѣйствительно, едва ли найдется въ исторіи искусства другой примѣръ такой полной побѣды артиста надъ своими личными и принципиальными врагами, которыхъ у Вагнера была тьма. Заставить пріѣхать въ Байрейтъ специально поклониться ему, Вагнеру, тѣхъ самыхъ «Hofräte und Esel» (письмо Вагнера къ Леерсу въ 1842 г.), тѣхъ самыхъ «юннеровъ», борьба съ «всесильной глупостью» которыхъ отравляла существованіе Вагнера, придворнаго капельмейстера въ Дрезденѣ въ 1846 году (письмо Вагнера къ Шпору)! И имъ, этимъ всесильнымъ бюрократамъ, пришлось (вѣдь самъ Вильгельмъ явился въ Байрейтъ въ 1876 г.) идти поклониться художнику, портретъ котораго они же печатали въ 1845 году въ полицейской газетѣ для того, чтобы всякій узнавшій могъ бы кадержать его, какъ опаснаго политическаго преступника. Зрѣлище, во всякомъ случаѣ, любопытное!

Ему пришли поклониться тѣ самые придворные директора театровъ, тѣ самые музыкальные критики, тѣ самые капельмейстеры, тѣ самые артисты, которые такъ недавно объявляли «Кольцо Нибелунга» неисполнимою безсмыслицей. И эта безсмыслица была исполнена въ Байрейтѣ въ 1876 году съ такимъ успѣхомъ, что она, несмотря на яростныя нападки прессы, въ нѣсколько лѣтъ завоевала себѣ всѣ крупныя сцены Германіи, а вскорѣ и всей Европы. Болѣе яркаго торжества артиста надъ борющимся съ нимъ міромъ пошлости исторія искусства не знаетъ.

Но если побѣда Вагнера въ 1876 году была торжествомъ идеи надъ инерціей художественнаго міра, то дальнѣйшая исторія Байрейта являетъ собою картину безмѣрнаго тщеславія человѣка, который подъ вліяніемъ обоготворившей его среды, преимущественно женщинъ, возмнилъ себя кумиромъ, и изъ Байрейта сдѣлалъ себѣ жертвенникъ, еиміамъ съ котораго окуривалъ не только гордую голову артиста, но также пріятно щекоталъ, и еще и теперь щекочетъ, ноздри его честолюбивой жены и дѣтей.

Доказавши въ 1876 году всему міру, что «Кольцо Нибелунга» есть одно изъ величайшихъ художественныхъ произведеній, Вагнеръ долженъ былъ подарить его міру, и остаться въ сторонѣ отъ всякихъ предпріятій, хотя бы имѣвшихъ самый идейный видъ. Но слишкомъ велико было искушеніе—заставить весь міръ кланяться артисту еще и еще разъ—и Вагнеръ не устоялъ. Онъ создалъ «Байрейтъ»—этотъ храмъ тщеславія, этотъ памятникъ той истины, что въ великомъ художникѣ живетъ еще и обыкновенный человѣкъ, который любитъ вкушать человѣческія удовольствія, изъ нихъ же одно изъ самыхъ сильныхъ—поклоненіе толпы, особенно если въ нее вмѣшано достаточное количество сильныхъ міра сего.

Первоначально Вагнеръ хотѣлъ давать «Кольцо Нибелунга» только въ Байрейтѣ—это значило, заставить весь міръ не только поклоняться артисту, но еще и приходить для этого къ нему. Устроить изъ Байрейта мѣсто паломничества правовѣрныхъ поклонниковъ Вагнера—было очень соблазнительно. Но постановка «Кольца» въ 1876 году обошлась такъ дорого, что Вагнеръ вошелъ изъ-за нея въ чрезвычайныя долги. Чтобы привести свои дѣла въ порядокъ, онъ продалъ право постановки «Кольца» бойкому антрепренеру Анжело Нейману, который съ огромнымъ успѣхомъ далъ со своей странствующей труппой «Кольцо» во всѣхъ большихъ городахъ Европы, и тѣмъ доставлялъ и Вагнеру значительныя денежныя средства. Теперь мы видимъ ясно, да Вагнеръ и самъ это видѣлъ и тогда, что Нейманъ сдѣлалъ (изъ-за своихъ матеріальныхъ интересовъ) для распространенія «Кольца» и другихъ оперъ Вагнера гораздо больше, чѣмъ это могъ бы сдѣлать когда-нибудь «Байрейтъ».

Но Вагнеру было мало тѣхъ овацій и привѣтствій, которыми сопровождалось исполненіе его оперъ на главныхъ сценахъ Европы. Онъ хотѣлъ, чтобы люди шли кланяться къ нему въ Байрейтъ, чтобы они кланялись не только ему, но и его женѣ, и его сыну, и онъ на 65-мъ году своей жизни приводить въ исполненіе свою давнишнюю мечту, пашеть по-

свѣдѣнію свою оперу «Парсифаль», закрѣпляетъ исключительное право ея исполненія за Байрейтомъ (съ 1882 г.), и тѣмъ надолго обезпечиваетъ Байрейтскія паломничества (до 1913 г.—30-лѣтіе со дня смерти Вагнера). Вагнеріанцы приводятъ различные возвышенные доводы въ защиту той странной мысли, что художественное исполненіе «Парсифаля» возможно только въ Байрейтѣ. Я участвовалъ въ Байрейтскихъ спектакляхъ въ 1906 году, видѣлъ весь механизмъ этого предпріятія, и считаю возможнымъ утверждать, что назначеніе Байрейта теперь—удовлетвореніе тщеславія семьи Вагнера: его жены, которая, несмотря на свои годы, все еще влѣшивается во всѣ мелочи постановки, его сына Зигфрида Вагнера, самаго посредственнаго дирижера, его зятя Байдлера, также плохо дирижирующаго въ Байрейтскихъ спектакляхъ. Никто лучше Вагнера не понималъ, что мозгъ художественнаго организма, особенно такого, какъ Вагнеровскія оперы, это—капельмейстеръ, и если бы онъ увидѣлъ, что дѣлаютъ изъ его произведеній его сынъ и зять, то при своей вспыльчивости онъ былъ бы въ состояніи разрушить Байрейтскій театръ. Самъ Вагнеръ искренно мечталъ о созданіи образцоваго исполненія въ Байрейтѣ, но мысль объ окончательномъ закрѣпленіи «Парсифаля» за Байрейтомъ, вѣроятно, больше принадлежитъ честолюбивой его женѣ, чѣмъ ему самому. Безъ «Парсифаля» и безъ личнаго присутствія Рихарда Вагнера Байрейтъ потерялъ бы всякое значеніе, и ни князья, ни музыканты не считали бы своимъ долгомъ свидѣтельствовать свое почтеніе Козимѣ и Зигфриду Вагнеръ. Въ 1881 году Вагнеръ, отказывая Нейману въ правѣ постановки «Парсифаля», писалъ ему: «Двадцать лѣтъ моей жизни потратилъ я на то, чтобы основать «Байрейтъ», потому что въ немъ я вижу глубокую идею... То, что я создалъ здѣсь въ уединеніи, куда люди должны придти ко мнѣ, могло бы въ послѣдствіи получить и дальнѣйшее распространеніе, но это уже дѣло кого-либо другаго... «Парсифаль» пойдетъ только въ Байрейтѣ. Никогда (?) не позволю я его дать на какомъ-нибудь придворномъ или городскомъ театрѣ, развѣ только возникнетъ настоящій Вагнеровскій театръ—«ein Bühnen-Weih-Theater», который—конечно, странствуя, распространять по свѣту то, что я въ чистотѣ и полномъ видѣ вырастилъ на моемъ театрѣ въ Байрейтѣ».

Изъ сказаннаго уже очевидно, что въ лицѣ Вагнера мы имѣемъ предъ собою не только покорившаго весь міръ художника, но одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи культуры характеровъ.

Въ Вагнерѣ какъ бы сгустились характерныя національно-нѣмецкія черты, и потому изученіе его біографіи имѣетъ огромный психологическо-національный интересъ. Къ тому же матеріалы къ біографіи Вагнера собраны въ такомъ невѣроятно-огромномъ количествѣ, какъ это едва ли встрѣчается еще разъ по отношенію къ другому великому члену нѣм. нации.

Вокругъ имени Вагнера возвышается огромная вагнеровская бібліотека, состоящая изъ безчисленнаго множества написанныхъ о немъ боль-

шихъ и малыхъ книгъ. Среди всѣхъ этихъ матеріаловъ наибольшій интересъ имѣютъ, конечно, собственные письма Вагнера, обнародованныя уже въ огромномъ количествѣ (издана даже особая книга Альтмана, регистрирующая эти письма съ изложеніемъ ихъ содержанія), и его автобіографическія замѣтки, разсѣяанныя въ 10 томахъ его литературныхъ сочиненій. Написанная Вагнеромъ въ концѣ его жизни автобіографія еще не напечатана. Среди книгъ, написанныхъ о Вагнерѣ, главнѣйшими являются: Glasenapp: «Das Leben Rich. Wagners», въ 4-хъ томахъ (4-е изданіе; біографія доведена до 1872 г.; 5-й томъ еще не вышелъ) и Chamberlain: «R. Wagner» (одинъ большой томъ по-нѣмецки, посвященный главнымъ образомъ изложенію ученій Вагнера и содержанія его оперъ). Огромное значеніе имѣютъ три небольшія статьи о Вагнерѣ Фр. Ницше: «R. Wagner in Bayreuth», написанная въ 1875 году и посвященная прославленію имени Вагнера; «Der Fall Wagner» и «Nietzsche contra Wagner», написанная въ 1888 году и представляющая собою яростный, огненный памфлетъ противъ недавняго своего близкаго друга.

Рихардъ Вагнеръ родился 22 мая 1813 г. въ Лейпцигѣ. Онъ былъ девятымъ ребенкомъ въ семьѣ. Его отецъ, вице-актуаріусъ при лейпцигскомъ городскомъ судѣ, умеръ, когда Рихарду было всего 6 мѣсяцевъ. Черезъ два года его мать вышла вторично замужъ за близкаго друга ихъ семьи Лудвига Гейера, который оставилъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ ребенка, несмотря на то, что онъ тоже умеръ, когда Рихарду было всего 7 лѣтъ.

Перечитывая въ 1870 году переписку Гейера съ его матерью, Вагнеръ пришелъ къ убѣжденію, что Гейеръ былъ его тѣлеснымъ отцомъ. Этотъ Гейеръ былъ выдающимся актеромъ, талантливымъ живописцемъ-портретистомъ, и писалъ имѣвшія успѣхъ пьесы. Черезъ него семья Вагнера стала въ очень близкія отношенія къ театру, благодаря чему его сестры Луиза, Розалія, Клара и братъ Альбертъ уже въ отроческомъ возрастѣ принимали участіе въ спектакляхъ. Изъ нихъ Розалія сдѣлалась извѣстной актрисой (умерла въ 1837 году). Впослѣдствіи приобрѣла большую извѣстность, какъ пѣвица, еще Юганна Вагнеръ, дочь брата Альберта.

Свое научное образованіе Рихардъ получилъ въ средней школѣ сперва въ Дрезденѣ, позже въ Лейпцигѣ. Занятія его шли хорошо, пока не овладѣла имъ страсть къ музыкѣ. Изъ научныхъ предметовъ Вагнера больше всего интересовала филологія: 13 лѣтъ онъ перевелъ двѣнадцать книгъ «Одиссеи». Около этого же времени онъ занялся самостоятельно англійскимъ языкомъ, чтобы читать Шекспира въ подлинникѣ. Подъ впечатлѣніемъ этого драматурга Вагнеръ два года былъ занятъ сочиненіемъ трагедій. Въ лейпцигскій университетъ Вагнеръ поступилъ уже въ качествѣ «студента музыки» въ 1831 году; здѣсь онъ пробылъ всего два года, ведя веселую студенческую жизнь и менѣе всего посвящая свое время какому-нибудь наукамъ. Зато онъ впервые занялся правильнымъ изученіемъ

съ теоріи музыки подъ руководствомъ большого знатока контрапункта Т. Вейнлига. Менѣе чѣмъ въ полгода Вейнлигъ прошелъ съ своимъ ученикомъ всѣ премудрости контрапункта, и могъ сообщить матери своего ученика, что все, чему онъ могъ его научить, Рихардъ уже знаетъ. Это сообщеніе тѣмъ болѣе обрадовало мать Вагнера, что до того времени его учителя музыки (его пробовали учить на рояли и на скрипкѣ, и по теоріи музыки) давали о немъ самые безнадежные отзывы: горячій темпераментъ Рихарда не давалъ ему возможности одолѣть трудности какого-либо инструмента, и на рояли Вагнеръ такъ и не умѣлъ никогда играть порядочно съ технической стороны. Но еще до занятій съ Вейнлигомъ Вагнеръ проникъ въ «святая святыхъ» музыкальнаго міра, услышавъ въ Гевандгаузѣ (концертное учрежденіе въ Лейпцигѣ) оркестровыя сочиненія Бетховена. Это было для него настоящимъ откровеніемъ: онъ переписывалъ Бетховенскія партитуры, и къ семнадцати годамъ былъ такъ глубоко знакомъ съ музыкой Бетховена, что вызывалъ искреннее изумленіе въ тогдашнемъ директорѣ музыки придворнаго театра въ Лейпцигѣ, Генрихѣ Дорнѣ.

Результатомъ занятій Вагнера у Вейнлига было нѣсколько оркестровыхъ и фортепіанныхъ сочиненій, въ томъ числѣ фортепіанная соната, напечатанная въ 1832 году у Breitkopf u. Härtel, и С-dur симфонія, исполненная въ Гевандгаузѣ въ 1833 году съ значительнымъ успѣхомъ. Въ этихъ сочиненіяхъ теперь очень трудно отыскать хотя бы намекъ на будущаго Вагнера, въ нихъ даже не замѣтно зародыша гениальнаго дарованія будущаго драматическаго композитора. Чтобы получить толчокъ къ творчеству, музыкальное дарованіе Вагнера должно было оплодотвориться драматическимъ сюжетомъ. Но и этотъ толчокъ пробудилъ силы Вагнера далеко не сразу: первая попытка сочиненія оперы «Die Hochzeit» была имъ самимъ уничтожена по совѣту сестры Розалии (1832 г.).

Съ 1833 года начинаются годы странствованія Вагнера. Онъ рѣшилъ сдѣлаться музыкантомъ, и началъ свою карьеру съ Вюрцбурга, гдѣ братъ его Альбертъ былъ пѣвцомъ и режиссеромъ. Здѣсь Вагнеръ былъ недолго хормейстеромъ. Въ 1834 г. Вагнеръ дѣлается капельмейстеромъ оперы въ Магдебургѣ. Послѣ банкротства опернаго предпріятія здѣсь, Вагнеръ въ 1837 г. пробылъ недолго капельмейстеромъ оперы въ Кенигсбергѣ, и въ томъ же году получилъ мѣсто капельмейстера городской оперы въ Ригѣ, гдѣ пробылъ до весны 1839 г. Изъ Риги Вагнеръ, тайно перебравшись чрезъ границу (онъ не могъ получить паспорта, не уплативши свои долги кредиторамъ), отправился моремъ черезъ Лондонъ въ Парижъ, имѣя твердое намереніе завоевать этотъ центръ музыкальнаго вліянія: онъ везъ съ собою партитуру двухъ актовъ своей оперы «Риенци».

Протекшія годы имѣли огромное значеніе для развитія Вагнера во всѣхъ отношеніяхъ. Сдѣлавшись впервые самостоятельнымъ, онъ прошелъ школу нужды, испыталъ на себѣ, какъ вліяетъ на дружбу и родственныя отношенія необходимость помочь нуждающемуся (богатый издатель

Фр. Брокгаузъ, женатый на сестрѣ Вагнера Луизѣ, своими упреками за долги довелъ Вагнера до совершеннаго разрыва съ нимъ); но все это только укрѣпляло его способность къ жизненной борьбѣ. Потерявши мѣсто въ Ригѣ изъ-за интригъ вытѣснившаго его Дорна, Вагнеръ пишетъ директору театра просьбу о денежной помощи, общая для уплаты ея взять на себя какой угодно трудъ, «за исключеніемъ чистки сапогъ и ношенія воды, такъ какъ послѣднее вредно для груди; я согласенъ даже переписывать ноты». «Я увѣренъ вы съ восторгомъ воспользуетесь случаемъ мнѣ помочь, хотя бы для того, чтобы мѣръ могъ впоследствии сказать о васъ: это былъ человекъ, который и т. д.».

Не менѣе, чѣмъ денежные затрудненія, испортила отношенія Вагнера съ родными женитьба его на Вальгельминѣ Планеръ, актрисѣ, въ которую онъ влюбился въ Магдебургѣ: когда она уѣхала оттуда въ Берлинъ, Вагнеръ письменно сдѣлалъ ей предложеніе, угрожая въ случаѣ отказа «предаться пьянству и какъ можно быстрѣе отправиться къ чорту». Минна сдѣлалась его женою въ Кенигсбергѣ въ 1836 году. Эта женитьба имѣла очень большое вліяніе на дальнѣйшую жизнь Вагнера. Минна была всего на четыре года старше Вагнера, но по мѣщанской мудрости своего мировоззрѣнія она всегда была старухой рядомъ со своимъ огненнымъ мужемъ, который до самой смерти сохранялъ стремительность юноши-идеалиста, ставящаго достиженіе своего художественнаго идеала выше всякихъ земныхъ благъ. Это коренное различіе въ мировоззрѣніи сказалось очень быстро въ ихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе супруги прожили вмѣстѣ болѣе 20-ти лѣтъ, пока ихъ не разлучила романтическая катастрофа, о которой будетъ рѣчь ниже. Среди отношеній къ роднымъ для Вагнера наибольшей поддержкой была любовь его матери. «Развѣ не ты оставалась неизмѣнно вѣрною ко мнѣ, когда другіе, судящіе единственно по внѣшнимъ событіямъ, философски отъ меня отвернулись? У тебя все исходитъ изъ сердца, изъ милаго добраго сердца, которое да сохранить мнѣ Богъ навсегда—ибо я знаю, если меня все покинетъ, оно будетъ моимъ послѣднимъ, любимымъ убѣжищемъ» (письмо Вагнера къ матери изъ Магдебурга).

Въ музыкальномъ отношеніи капельмейстерство Вагнера дало ему возможность развить свой первоклассный дирижерскій талантъ, изучить весь современный оперный репертуаръ и новѣйшую инструментовку, познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ интимной стороной театральной жизни, приобрести то артистическое чутье и вѣрную оцѣнку сценическихъ впечатлѣній, которыя сдѣлали изъ него выдающагося режиссера при постановкѣ своихъ оперъ.

Езъ этому періоду относятся первыя оперы Вагнера: «Die Feen», въ стилѣ Вебера—была поставлена только послѣ смерти Вагнера), «Das I ebesverbot» (подъ сильнымъ вліяніемъ итальянской и французской оперы — была поставлена всего одинъ разъ, и то очень неудачно, самимъ Вагнеромъ въ Магдебургѣ въ 1836 г.); нѣсколько оркестровыхъ сочиненій и романсовъ. Между прочимъ Вагнеромъ былъ написанъ въ ноябрѣ 1837 г.

гнѣнь въ честь Николая I (текстъ Бракеля), исполнявшійся неоднократно въ Ригѣ (не сохранился). Замѣчательно, что до Вагнера не дошло, повидному, извѣстіе о постановкѣ въ 1836 году «Жизни за Царя», оперы, представляющей послѣ «Фрейшютца» Вебера величайшее событіе въ исторіи музыки. Еще болѣе замѣчательно и характерно для Вагнера, что и позже, въ 1863 г., когда онъ съ такимъ триумфомъ дирижировалъ концертами въ Петербургѣ, имя Глинки совсѣмъ не дошло до его слуха. Съ другой стороны и Глинка, жившій въ Берлинѣ въ 1856—57 г., ни разу не упоминаетъ имени Вагнера, «Тангейзеръ» котораго былъ поставленъ въ Дрезденѣ уже въ 1845 г. Какъ странно, что эти два композитора, создавшіе самое великое, что мы имѣемъ въ оперѣ, жившіе одновременно и иногда такъ близко другъ отъ друга, совсѣмъ не встрѣтились!

Быть можетъ, при видѣ партитуры «Руслана» Вагнеръ былъ бы вынужденъ признать, что его путь не есть единственный путь къ истинѣ. Впрочемъ, едва ли Вагнеръ былъ слишкомъ нѣмецъ, чтобы признать, что есть спасеніе и внѣ «вагнеріанства» *).

Если въ упомянутыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ еще совершенно нельзя было угадать будущаго творца «Нибелунговъ», то также мало проглядываетъ въ его тогдашнихъ литературныхъ статьяхъ будущій идейный реформаторъ оперы. Первая статья Вагнера была напечатана въ 1834 г. въ журналѣ Генр. Лаубе, извѣстнаго представителя тогдашней «юной Германіи», съ которымъ Вагнеръ близко сошелся въ своей недавней студенческой жизни. Въ этой статьѣ Вагнеръ нападаетъ на нѣмецкую оперу за ея педантскую ученость и отсутствіе жизни, и ставитъ выше ея французскую и итальянскую оперу. «Я не хочу, чтобы французская или итальянская музыка вытѣснили нашу, но мы должны узнать, что есть истиннаго у нихъ, и беречься себялюбиваго лицемѣрія». Вагнеръ въ особенности любилъ тогда Беллини, хотя видѣлъ уже и тогда его слабыя стороны. «Пѣніе, пѣніе и еще разъ пѣніе, вы нѣмцы!—пишетъ онъ въ рижской газетѣ.—Пѣніе есть тотъ языкъ, на которомъ человекъ изъясняется музыкально».

Отмѣчу еще одну черту въ писаніяхъ Вагнера, сохранившуюся въ немъ до конца жизни. Онъ уже и тогда не чувствовалъ неловкости самому восхвалять себя и свои произведенія. Это поражаетъ въ его письмахъ, это отталкиваетъ отъ него, когда узнаешь, что впоследствии онъ былъ главнымъ сотрудникомъ въ *Bayreuther Blätter*, журналѣ, посвященномъ съ 1876 г. специально восхваленію личности и дѣланій Байрейтскаго идола.

*) Еще болѣе, можетъ быть, жаль, что Глинка не зналъ оперъ Вагнера. Какой б голчокъ могло бы дать такое знакомство гению Глинки, подавленному пошлостью о джавшей его среды. Подумать только, что Львовъ (авторъ нашего гимна), вытѣснѣншій Глинку съ концертныхъ программъ въ Петербургѣ, умудрился, благодаря с пѣвъ связямъ, добиться постановки въ Дрезденѣ въ 1844 г. (Вагнеръ былъ въ то в лья капельмейстеромъ въ Дрезденѣ) своей оперы „Віанка“ (это въ то время, когда р кая вѣать осмѣивала „Руслана“!), выдержавшей всего три представленія. Вѣдь е бы вмѣсто этой „Віанки“ въ Дрезденѣ дали „Руслана“, встрѣтились бы Глинка и Вагнеръ!

Въ 1835 г. Вагнеръ еще не имѣлъ своихъ жрецовъ, ему приходилось самому курить себѣ олимпіамъ. Онъ пишетъ изъ Магдебурга корреспонденцію въ музыкальную газету Роб. Шумана, въ которой, подъ чужой фамиліей, упрекаетъ публику за непосѣщеніе концертовъ подъ управленіемъ дирижера «полнаго огня и свадебнаго (?) восторга», или восхваляетъ Магдебургскую оперу «подъ управленіемъ молодого, способнаго музика-директора Вагнера»; или жамбѣтъ о неудачномъ исполненіи новой оперы Вагнера «Das Liebesverbot». «Въ ней есть многое, и, что мнѣ нравится, все звучитъ: это та музыка и мелодія, которую намъ приходится отыскивать въ современной нѣмецкой оперѣ». Для начала недурно! Здѣсь уже виденъ зародышъ того самовозвеличенія, которое такъ поражаетъ впоследствии въ Вагнерѣ.

Въ Парижъ Вагнеръ пріѣхалъ осенью 1839 г. съ хорошенькой молодой женой и большой ньюфаундлендской собакой, Роберомъ. Онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлью завоевать музыкальный міръ, какъ это такъ недавно сдѣлалъ Мейерберъ.

Въ нему-то Вагнеръ и обратился за поддержкой и встрѣтилъ самое любовное сочувствіе. Тогдашній властитель оперной сцены въ Парижѣ и Берлинѣ еще не видѣлъ въ молодомъ композиторѣ соперника: то, что Вагнеръ исполнилъ передъ нимъ изъ своего «Ріенци», заставляло Мейербера видѣть въ немъ своего послѣдователя, пока еще для него неопаснаго. И дѣйствительно, тогда Вагнеръ стоялъ еще на точкѣ зрѣнія большой парижской оперы: историческая опера съ участіемъ народныхъ массъ должна была покорить ему міръ; онъ видѣлъ въ Галеви и Мейерберѣ великихъ композиторовъ. Въ статьѣ о нѣмецкой музыкѣ (отрывокъ ея, оставшійся ненапечатаннымъ) онъ пишетъ въ 1840 г. по поводу 4-го акта «Гугенотовъ»: «нельзя себѣ представить, чтобы въ этомъ направленіи можно было создать что-нибудь еще болѣе высокое».

Покровительство Мейербера не дало осязательныхъ для Вагнера результатовъ въ Парижѣ. Всѣ старанія Вагнера добиться постановки его «Liebesverbot» или написаннаго уже въ Парижѣ «Летучаго голландца» остались безуспѣшны. Тѣснимый нуждой, онъ былъ даже принужденъ продать набросокъ либретто «Голландца» за 500 франковъ директору Большой оперы, Пилле, который поручилъ окончательную обработку этого текста Полю Фуше, а музыку нѣкому Дитшу. Но зато именно Мейерберу обязанъ былъ Вагнеръ тѣмъ, что его «Ріенци» былъ принятъ къ постановкѣ въ Дрезденѣ, а «Голландецъ» былъ принятъ (по крайней мѣрѣ, въ видѣ обѣщанія, исполненнаго, впрочемъ, только въ 1844 г.) въ Берлинѣ. Среди непрерывной борьбы за существованіе, поглощавшей почти всѣ силы Вагнера въ Парижѣ, поддержка Мейербера была для него свѣтлымъ лучомъ надежды. Описывая тягость своего положенія въ Парижѣ и потерю надежды добиться постановки «Голландца» здѣсь, Вагнеръ кончаетъ свое письмо къ Мейерберу въ декабрѣ 1841 года: «Тогда открылось для меня Евангеліе, ибо вашей цѣнной рукой тамъ было написано: я постараюсь добиться принятія посланной вами оперы («Голландецъ») графомъ Редернъ (интендантъ

королевской оперы въ Берлинѣ). Ахъ, если бы вы знали, какое неизмѣримое благодѣяніе вы мнѣ этимъ оказали». Не будемъ удивляться эмфатическому слогу этого письма. Письма Вагнера очеѣь часто производятъ впечатлѣніе, какъ будто они писаны не для прочтенія ихъ адресатомъ, а для исполненія ихъ передъ публикой на какой-нибудь большой сценѣ. Въ Вагнерѣ безсознательно жилъ величайшій актеръ. На это настойчиво указывалъ Ницше, бывшій съ нимъ такъ близко нѣсколько лѣтъ. Этимъ же свойствомъ Вагнеровскаго характера объясняется то необыкновенное вліяніе, которое производила его личность на окружающихъ: рѣдко кто изъ великихъ людей могъ бы похвалиться такимъ количествомъ лично преданныхъ ему друзей, которые считали свою жизнь назначенной для служенія не только искусству Вагнера, но и ему лично.

Правда, у мужчинъ *) эта дружба иногда переходила въ жестокую ненависть, нерѣдко личнаго характера, но у женщинъ, эта дружба сохранялась до конца ихъ жизни.

Уже начиная съ Парижа, Вагнеръ всю жизнь имѣлъ вокругъ себя вездѣ хоть нѣсколько человекъ искренно преданныхъ ему друзей.

Такими были для него въ Парижѣ нѣмцы: художникъ Бицъ, бібліографъ Андерсъ и филологъ Леерсъ. Этотъ кружокъ друзей настолько скрашивалъ жизнь четы Вагнеръ въ Парижѣ, что воспоминанія о нихъ были надолго для Вагнера и его жены одними изъ самыхъ дорогихъ въ ихъ жизни. Другія встрѣчи Вагнера (съ Берліозомъ, Генрихомъ Гейне) были болѣе мимолетны.

Матеріальная сторона жизни Вагнера въ Парижѣ (1839—1842 г.) была тяжела, такъ какъ кромѣ своихъ музыкальныхъ и литературныхъ талантовъ онъ не имѣлъ другихъ средствъ къ существованію.

Обращенія его за помощью къ зятю Брокгаузу встрѣчали мало сочувствія и сопровождались совѣтами «перемѣнить направленіе своей жизни». Болѣе дружески относился къ нему мужъ его младшей сестры (по матери), Цецилія, Авенаріусъ, представитель фирмы Брокгаузъ въ Парижѣ; но много помогать ему Авенаріусъ не могъ.

Въ Парижѣ Вагнеръ почти буквально исполнилъ свое юмористическое обѣщаніе (въ письмѣ къ директору рижскаго театра) взять на себя какую угодно работу: онъ работалъ на фирму Шлезингеръ, и поставлялъ ей музыкальныя статьи, переложенія оперъ для какихъ угодно инструментовъ, аранжировки и т. п.

Изъ его статей того времени имѣютъ интересъ по своимъ автобіографическимъ чертамъ двѣ новеллы «Eine Pilgerfahrt zu Beethoven» и «Das Ende eines deutschen Musiker in Paris».

*) „Дитя мое!—пишетъ Вагнеръ Матильдѣ Везендонкъ въ 1859 г.—Я не знаю чѣмъ, кому бы я такъ охотно открывался, какъ вамъ. Съ мужчинами это совсѣмъ не входитъ. При всей ихъ дружбѣ, они не могутъ отрѣшиться отъ себя, для нихъ мое—защищать свое личное мнѣніе. Мужчина уже такъ созданъ: онъ живетъ съ чѣмъ особомъ“.

Музыкальное творчество Вагнера въ Парижѣ дало окончаніе оперы «Риенци» и оперу «Летучій голландецъ»*), сюжетъ которой онъ заимствовалъ съ разрѣшенія Гейне изъ его «Мемуаровъ Шнабельвопскаго». Тексты всѣхъ своихъ оперъ Вагнеръ писалъ самъ. Съ «Голландца» нужно считать начало въ поворотѣ Вагнера на свой собственный путь. Если въ «Риенци» онъ еще вполне стоитъ на почвѣ большой исторической оперы со всеми ея формами, то въ «Голландцѣ» Вагнеръ уже обращается къ романтическому источнику народныхъ преданій; музыкальныя формы (арія, ансамбли) здѣсь еще старыя, но, помимо огромнаго темперамента, виднаго уже и въ «Риенци», въ «Голландцѣ» появляется тенденція къ развитію мотивовъ, ставшая впоследствии основой всей вагнеровской реформы.

Весной 1842 года Вагнеръ покинулъ Парижъ.

Въ 1842 году, отправляясь изъ Парижа, Вагнеръ шелъ навстрѣчу своимъ первымъ музыкальнымъ побѣдамъ: въ Дрезденѣ ставился его «Риенци». Переѣзжая Рейнъ, «бѣдный художникъ, я влился съ свѣтлыми слезами на глазахъ въ вѣчной вѣрности моему нѣмецкому отечеству». Вагнеръ не предвидѣлъ, что черезъ 20 лѣтъ эта вѣрность подвергнется тяжкому испытанію и что только вторичное пораженіе въ Парижѣ окончательно укрѣпшитъ его нѣмецкое національное самосознаніе.

«Риенци» былъ поставленъ въ Дрезденѣ 20 октября 1842 года съ полнымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ обуславливался съ одной стороны огромнымъ музыкальнымъ темпераментомъ Вагнера, проявленнымъ имъ въ любимыхъ публикой формахъ, съ другой стороны превосходнымъ исполненіемъ «Риенци». Опера разучивалась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Вагнера, при необыкновенно воодушевленной поддержкѣ всѣхъ участвующихъ. «Пѣвцы и оркестръ разучиваютъ «Риенци» больше, чѣмъ съ любовью,—пишетъ Вагнеръ Авенаріусу:—я не встрѣтилъ еще ни одного недоброжелателя». Исполнителями были такіе первоклассные пѣвцы, какъ Тишачекъ (теноръ) и Шредеръ-Девриентъ (меццо-сопрано). Вагнеръ радовался успѣху, какъ ребенокъ. «Триумфъ, триумфъ!—пишетъ онъ въ ту же ночь своимъ парижскимъ друзьямъ:—вы добрыя, вѣрныя, милыя сердца! День наступилъ! Пусть свѣтитъ онъ всѣмъ вамъ!»

Успѣхъ «Риенци» имѣлъ для Вагнера огромное значеніе. Прежде всего, онъ далъ нѣкоторую устойчивость его матеріальному положенію. Отъ королевской дирекція онъ получилъ 300 талеровъ (900 марокъ)—тантѣемы (поспектакльной платы) авторы тогда не получали; а въ январѣ 1843 г. онъ уже получилъ мѣсто второго капельмейстера королевской оперы въ Дрезденѣ (первымъ былъ Рейсигеръ, дирижировавшій первые пять представлений «Риенци») съ содержаніемъ въ 1,500 талеровъ въ годъ. Это устраивало Вагнера только до нѣкоторой степени: прежніе его кредиторы,

*) Къ тому же періоду относятся нѣсколько романсовъ и увертюра „Фаустъ“, гениальное произведеніе, въ которомъ особенно замѣчательны проблески различнымъ сторонамъ дарованія будущаго Вагнера.

узнавши о его назначеніи, предъявили къ нему требованія объ уплатѣ, и положеніе его было бы критическое безъ помощи его новаго друга, пѣвицы Шредеръ-Девриентъ, которая предложила ему для уплаты его долговъ 1,000 талеровъ. Женщины и вполнѣдствіи неоднократно выручали Вагнера изъ такого положенія!

Для жены Вагнера успѣхъ «Риенци» и назначеніе ея мужа капельмейстеромъ означали достиженіе ея жизненнаго идеала. Занимать въ обществѣ почетное мѣсто «Frau Kapellmeisterin», получать доходы съ «Риенци», который на всю жизнь остался для нея лучшею въ мірѣ оперой—высшаго она не хотѣла и не могла желать. Для нея непонятна была, и она относилась съ враждою къ дальнѣйшей дѣятельности ея мужа, къ знакомствамъ его съ революционерами въ 1848—49 году, изъ-за которыхъ онъ рисковалъ потерять мѣсто, къ сочиненію имъ оперъ, которыя были ей непонятны и не могли давать доходовъ. Въ этомъ коренномъ различіи въ мировоззрѣніи супруговъ лежала причина ихъ семейныхъ раздоровъ, и можно только удивляться, что они при вспыльчивомъ характерѣ Вагнера такъ долго прожили вмѣстѣ.

Для самого Вагнера успѣхъ «Риенци» означалъ въ художественномъ отношеніи еще очень мало. При сочиненіи «Голландца» онъ уже увидѣлъ, что сила его творчества несовмѣстима съ старыми оперными формами. Бонкурировать съ Мейерберомъ въ сочиненіи арій и хоровъ, столь любимыхъ публикой, онъ не могъ. Ему грезился новый идеалъ. Онъ хотѣлъ перенести въ драму тотъ приѣмъ развитія мотивовъ въ большое цѣлое, который составляетъ сущность Бетховенскаго симфоническаго творчества. Но то, что у Бетховена выросло, какъ чисто музыкальная форма изъ бессознательныхъ глубинъ его души, требовало для своего осуществленія въ творествѣ Вагнера драматическаго жеста, драматическаго движенія.

Только созерцая въ своемъ воображеніи такое драматическое положеніе, могъ Вагнеръ творить: онъ сочинялъ слова и музыку для иллюстраціи сценическаго положенія: одна изъ большихъ ошибокъ музыкальных критиковъ—думать, что Вагнеръ сочинялъ музыку на свои тексты—онъ сочинялъ и музыку, и текстъ, рисующіе драматическое дѣйствіе. Вотъ почему для него оказалось все болѣе необходимымъ передвинуть сущность своей музыки въ оркестръ и строить ее по принципу развитія мотивовъ (который онъ такъ неудачно назвалъ «безконечной мелодіей»), дававшему ему несравненно болѣе просторъ, чѣмъ форма арій, связанная своимъ чисто музыкальнымъ построеніемъ.

Вотъ музыкальный путь Вагнера отъ «Голландца» къ «Нибелунгамъ». Вотъ почему, въ предчувствіи своего истиннаго назначенія, Вагнеръ гораздо болѣе радовался успѣху своего «Голландца», котораго онъ поставилъ въ Дрезденѣ 2 января 1843 года, чѣмъ успѣху «Риенци»: «въ «Риенци» я гораздо болѣе прибѣгъ къ внѣшнимъ средствамъ, и въ общемъ опера гораздо болѣе подходитъ къ нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ о хорошей оперѣ» (письмо къ Юг. Шмидту).

Съ постановки «Голландца» начинается то раздѣленіе публики на друзей и враговъ вагнеровской музыки, которое такъ характеризуетъ положеніе музыкальнаго міра во второй половинѣ XIX вѣка. Первымъ противникомъ Вагнера оказался его недавній другъ и поклонникъ Генр. Лаубе. «До поздней ночи проспорили мы съ нимъ, — пишетъ позже Лаубе, — объ эстетическихъ принципахъ, и я попалъ на его основной принципъ, настаивая на томъ, что онъ хочетъ возвести въ общій законъ *только то*, что онъ самъ можетъ создать». Это замѣчательно характерныя для всей позднѣйшей дѣятельности Вагнера слова! Въ Лаубе присоединились вскорѣ большинство рецензентовъ и огромная часть музыкальнаго міра. Война была объявлена съ постановки «Тангейзера» въ Дрезденѣ 19 октября 1845 года. Замѣчательно, что большая публика и артисты немусыканты были всегда на сторонѣ Вагнера, всѣ его оперы съ первой своей постановки имѣли большой успѣхъ.

Злѣйшими его противниками были именно композиторы (Мендельсонъ, Мейерберъ, Шуманъ, Берліозъ), музыкальные критики и исполнители. Такъ, впрочемъ, было всегда въ искусствѣ, такъ, вѣроятно, всегда и останется: вѣдь признать новое направленіе въ искусствѣ, это — значить для однихъ отказаться отъ того, что привыкъ любить, какъ исполнитель, для другихъ — вовсе уступить свое мѣсто грядущему побѣдителю. Съ успѣхомъ «Риенци» покровительству со стороны Мейербера былъ положенъ конецъ. Онъ былъ слишкомъ свѣтскій человекъ, чтобы обнаружить свое недоброжелательство своему сопернику, но нѣтъ сомнѣнія, что именно его могущественнымъ давленіемъ на дирекціи театровъ объясняются тѣ странныя затрудненія, которыя встрѣтили оперы Вагнера для своего распространенія въ Германіи и въ Парижѣ. Впрочемъ, Вагнеръ не остался въ долгу передъ своими соперниками: онъ очень скоро показалъ имъ свои когти. Уже послѣ перваго представленія «Риенци», когда въ Дрезденѣ всѣ кумушки заговорили, что успѣхъ Вагнера объясняется тѣмъ, что онъ учился въ Парижѣ у Мейербера, Вагнеръ пишетъ Авенариусу: «Эти разговоры вгоняютъ меня въ могилу съ досады». Этой досадѣ онъ далъ выходъ черезъ десять лѣтъ въ своихъ статьяхъ о музыкѣ и іудеяхъ *). Но объ этомъ послѣ.

Но не однихъ враговъ доставили Вагнеру его оперы. Онѣ приобрѣли ему и среди музыкантовъ искреннихъ, преданныхъ друзей. Мы уже назвали Девриентъ и Тишачека. Присоединимъ сюда еще хормейстера Фишера, режиссера Ферд. Гейне, Августа Рекеля и Франца Листа. Рекель былъ

*) Въ 1847 г. въ письмѣ къ Ганслику въ отвѣтъ на восторженную рецензю послѣдняго о „Тангейзерѣ“, въ которой было сказано, что эта опера самое знаменитое явленіе послѣ „Гугенотовъ“ Мейербера, Вагнеръ говоритъ: „Что меня, к дѣлкій міръ, отдѣляетъ отъ васъ, это ваша высокая оцѣнка Мейербера. Я говю это безпристрастно, тѣмъ болѣе, что я съ нимъ друженъ, и имѣю полное основаніе считать его, какъ участливаго, любезнаго человека. Но въ понятіи „Мейерберъ“ соединяю все, что мнѣ противно въ поставщикахъ оперной музыки, какъ внутреннюю разорванность и вѣшняя вымученность“.

третьимъ капельмейстеромъ въ Дрезденской королевской оперѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ, подъ влияніемъ котораго Вагнеръ принялъ участіе въ революціи 1849 года, познакомившись съ Вагнеромъ и его сочиненіями, сдѣлался вѣрнѣйшимъ его другомъ до такой степени, что отказался отъ постановки своей оперы «*Farinelli*» и отъ дальнѣйшей композиторской дѣятельности, видя слабость своихъ творческихъ силъ рядомъ съ Вагнеромъ. Еще большее значеніе для Вагнера имѣла дружба Листа. Этотъ, не только гениальный музыкантъ, но и необыкновенно сердечный человѣкъ, вѣрный другъ всѣхъ начинающихъ талантовъ, проникся восхищеніемъ къ дарованію Вагнера, услышавши его «*Риенци*» и еще болѣе «*Голландца*» и «*Тангейзера*». Въ жизни Вагнера онъ сыгралъ большую роль.

Принимая должность королевскаго капельмейстера, Вагнеръ давалъ себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя ожидаютъ его со стороны дирекціи и со стороны музыкантовъ, если онъ станетъ проводить въ жизнь свои идеалистическія стремленія. Но съ одной стороны желаніе дать матеріальное обезпеченіе своей женѣ, съ другой—вѣра въ свои силы и въ обаяніе своего музыкальнаго идеала заставили его на шесть лѣтъ отдать всѣ свои силы Дрезденскому королевскому театру.

Время съ 1843 по 1849 годъ нужно считать блестящей эпохой въ исторіи Дрезденской оперы. Кромѣ постановки своихъ трехъ оперъ Вагнеръ обнаружилъ свой выдающійся дирижерскій талантъ въ управленіи операми Глюка, Моцарта и Вебера. Здѣсь ему пришлось вынести жестокую борьбу съ критиками и музыкантами, которые видѣли въ темпахъ Вагнера нарушеніе традицій. Для такого дирижера, какимъ былъ Вагнеръ, существуетъ единственная традиція — собственное художественное чувство. Если бы Вагнеръ могъ увидѣть, какъ нынче злоупотребляютъ «вагнеровскими традиціями» въ Байрейтѣ! Какъ будто самая вѣрная традиція можетъ замѣнить талантъ дирижера, какъ будто самый «вѣрный» темпъ въ рукахъ бездарности можетъ предохранить отъ гибели ввѣренное ей исполненію художественное произведеніе!

Къ числу самыхъ важныхъ заслугъ Вагнера нужно отнести исполненіе имъ нѣсколько разъ въ концертахъ, и всегда съ огромнымъ успѣхомъ, 9-й симфоніи Бетховена. До Вагнера эта симфонія считалась неудачнымъ произведеніемъ величайшаго композитора, и въ 1838 г. подъ управленіемъ Рейсигера потерѣла полный провалъ. Для Вагнера именно эта симфонія была величайшимъ откровеніемъ въ музыкѣ (еще студентомъ онъ сдѣлалъ ея фортепіанное переложеніе); въ ней чувствовалъ онъ глубочайшій родъ, питавшій его собственное вдохновеніе, и велика была его радость, да онъ своимъ вдохновеннымъ исполненіемъ заставилъ почувствовать и красоту этой музыки не только публику, но и музыкантовъ, бывъ до того противниками этой симфоніи (знаменитый скрипачъ Липини, концертмейстеръ Дрезденской оперы).

Если борьба съ художественнымъ безвкусіемъ публики и артистовъ

вызывала въ Вагнерѣ только новую охоту и желаніе ихъ переубѣдить, то борьба съ интригами и высокомеріемъ власть имущихъ театральныхъ «юнкеровъ» вызывала въ немъ все большее и большее отвращеніе, и привело его къ тому революціонному настроенію, которое такъ гармонировало съ приближающимися 1848 годомъ.

Распространеніе оперъ Вагнера встрѣчало рѣшительное и непобѣдимое сопротивленіе со стороны дирекцій театровъ особенно въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. Когда въ 1847 году, по желанію самого Вильгельма, Вагнеръ былъ вызванъ въ Берлинъ, чтобы самому дирижировать своей оперой «Риенци», бюрократіи удалось устроить такъ, что король не былъ ни на одномъ изъ представленій этой оперы, когда дирижировалъ Вагнеръ, и послѣ 8 спектаклей опера была снята съ репертуара». «Что могутъ намъ помочь проповѣди къ публикѣ,—пишетъ Вагнеръ Коссаку 23 ноября 1847 г.:—здѣсь нужно разрушить плотину, и средство къ этому называется «революція». Еще значительно хуже были отношенія Вагнера съ его собственнымъ начальникомъ, интендантомъ барономъ Люттихау.

Въ немъ Вагнеръ встрѣтилъ не только противника своихъ художественныхъ начинаній, но и крайне оскорбительное отношеніе къ себѣ лично. Въ отвѣтъ на просьбу объ увеличеніи жалованія, обращенную къ королю, Вагнеръ долженъ былъ въ 1848 году выслушать нотации Люттихау по поводу своей расточительности и угрозу увольненіемъ, если онъ не уплатитъ своихъ долговъ. Особую ненависть къ себѣ со стороны Люттихау вызвалъ Вагнеръ тѣмъ, что подалъ проектъ реорганизации театра, въ которомъ настаивалъ на томъ, что управленіе театрами должно быть изъято изъ рукъ придворной аристократіи. Отвѣтомъ со стороны Люттихау былъ отказъ поставить только что оконченную Вагнеромъ новую оперу «Лоенгринъ» (окончена въ августѣ 1847 года).

Таково было личное настроеніе Вагнера по отношенію къ правящимъ классамъ, когда февральская революція привела въ броженіе всѣ слои населенія въ Саксоніи. Человѣкъ съ такимъ темпераментомъ, какъ Вагнеръ, не могъ молчать, когда заговорили камни.

По своему характеру Вагнеръ всегда испытывалъ отвращеніе къ политической дѣятельности: область его творчества было искусство, но сила вещей увлекла и его въ вихрь политическаго броженія, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ главныхъ дѣятелей саксонской революціи былъ его близкій другъ Августъ Рекель, черезъ котораго онъ познакомился и близко сошелся съ другимъ гораздо болѣе знаменитымъ революціонеромъ Мих. Бакунинымъ. Послѣдній скрывался тогда въ Дрезденѣ подъ чужой фамиліей и произвелъ на Вагнера обаятельное впечатлѣніе своей личностью.

Вагнеръ сдѣлался членомъ наиболѣе радикальнаго Vaterlandsverein и принималъ участіе въ тайныхъ собраніяхъ и въ открытыхъ митингахъ, въ глазахъ дирекціи сталъ лицомъ, котораго слѣдовало бы немедленно удалить, если бы это не было рисковано въ тогдашнее смутное время.

Но и въ революціонныхъ кругахъ рѣчи и статьи Вагнера вызывали рѣзкіе протесты. Онъ былъ противъ республики, онъ отрицалъ также и необходимость конституціи, какъ выдумки иностранной, не соответствующей истинно-нѣмецкому духу. Для него королевская власть была священна, и его лозунгъ былъ: долой аристократическую бюрократію, и да здравствуетъ нѣмецкій король и нѣмецкій народъ. При такихъ воззрѣніяхъ Вагнера исходъ саксонской революціи могъ бы для него оказаться весьма благополучнымъ, если бы не ненависть къ нему бюрократіи. Его участіе въ майскомъ шестидневномъ возстаніи 1849 года въ Дрезденѣ было сравнительно самое невинное, если вспомнить, что знаменитый архитекторъ Земперъ въ это время строилъ баррикады, а пѣвица Шредеръ-Девриентъ съ балкона своей квартиры взывала объ отмщеніи за пролитую кровь гражданъ. Вагнеръ билъ на одной башнѣ въ набатъ и сочувствовалъ возставшимъ, — и этого было довольно, чтобы нагромоздить на него всяческія обвиненія вплоть до обвиненія въ поджогѣ королевскаго театра.

Возстаніе было подавлено прусскими войсками; Рекель, Бакунинъ и другіе были захвачены, Вагнеръ съ помощью Листа бѣжалъ въ Цюрихъ подѣ чужой фамиліей.

Насколько Вагнеръ считалъ себя политически невиннымъ, видно изъ того, что онъ вскорѣ послѣ майскаго возстанія просилъ Листа, игравшаго тогда огромную роль при веймарскомъ дворѣ, выхлопотать ему помощь отъ Веймарскаго герцога. Листъ съ трудомъ убѣдилъ своего друга отказаться отъ этой странной мысли. Дѣйствительно, странно было прибѣгать къ покровительству нѣмецкаго герцога человѣку, котораго Саксонское правительство объявило политическимъ преступникомъ, подлежащимъ изловленію и приведенію въ судъ. Не дешево обошлось Вагнеру егѡ политическое увлеченіе. Несмотря на хлопоты могущественныхъ друзей, несмотря на прямое обѣщаніе Вагнера не вмѣшиваться въ политику, онъ въ теченіе 13 лѣтъ не могъ вернуться на родину. Его друзьямъ революція обошлась нѣсколько дороже: Рекель и Бакунинъ были приговорены къ смертной казни, которую король замѣнилъ пожизненной тюрьмой. Мы увидимъ ниже, какъ «истинно-нѣмецкая» революціонная теорія Вагнера развилась у него въ «ученіе о возрожденіи».

Рекель остался революціонеромъ, и когда въ 1862 году, получивши свободу въ силу амнистіи, онъ свидѣлся въ первый разъ съ Вагнеромъ, то на вопросъ послѣдняго: «Что хочешь ты теперь дѣлать?» отвѣтилъ: «Nun—es wird fortgeföhlt». Къ Вагнеру Рекель навсегда сохранилъ свои дѣтскія чувства, о чемъ свидѣлствуется ихъ переписка.

Основное ощущеніе Вагнера, какъ только онъ почувствовалъ себя въ безопасности въ Цюрихѣ, это было радостное чувство свободы. Нѣтъ большихъ интендантовъ, которыхъ нужно убѣждать, что Веберъ великій композиторъ, нѣтъ больше музыкантовъ, которымъ нужно доказывать, что симфонія хорошая музыка! «Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ

я себя свободнымъ, совсѣмъ свободнымъ, здоровымъ, бодрымъ и веселымъ». Вагнеру только что минуло 36 лѣтъ. Съ окончаніемъ «Лоенгина» онъ почувствовалъ всю свою силу въ новомъ направленіи, которое онъ хотѣлъ дать оперѣ.

Теперь онъ хотѣлъ провести это направленіе послѣдовательно съ полнымъ уничтоженіемъ царившихъ до того времени оперныхъ формъ. къ совершенію этого подвига Вагнеръ имѣлъ въ это время величайшую охоту какъ въ смыслѣ творчества, такъ и въ смыслѣ уничтоженія: ему предстояло свести свои счеты съ старымъ строемъ, со всею его ложью, какъ бы олицетворившейся для него въ лицѣ Мейербера.

Викторъ Вальтеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Проблемы новаго религіознаго сознанія *).

I.

О сладчайшемъ Иисусѣ и горькихъ плодахъ міра **).

Въ нынѣшнихъ «Религіозно-философскихъ собраніяхъ» поднимаются тѣ же темы, которыя волновали собою собранія 1902—1903 года. Это вопросы—о духѣ и плоти, «христіанской общинѣ» и общественности въ широкомъ смыслѣ; объ отношеніи церкви и искусства; брака и дѣвства; евангелія и язычества, и проч. и проч. Въ блестящемъ докладѣ «Гоголь и отецъ Матвѣй» Д. С. Мережковскій страстно поставилъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ искусству, въ частности—объ отношеніи, напр., Православія къ характеру Гоголевскаго творчества. Въ противоположность отцу Матвѣю, извѣстному духовнику Гоголя, онъ думаетъ, что Евангеліе совмѣстимо со сладкою преданностью музамъ, что можно слушать и проповѣди отца Матвѣя, и зачитываться «Ревизоромъ» и «Мертвыми душами», отъ души смѣясь тамошнимъ персонажамъ. Паисій Дмитрія Сергѣевича, по крайней мѣрѣ въ ту пору, заключался въ идеѣ *совмѣстимости* Евангелія со всѣмъ, что такъ любилъ человѣкъ въ своей много-тысячелѣтней культурѣ. Ему охотно поддакивали батюшки, даже архіереи, и всѣ свѣтскіе богословы, согласно кивавшіе, что «конечно, Евангеліе согласно со всѣмъ высокимъ и благороднымъ; что оно *культурно*»: а посему культура и церковь, іерархи и писатели могутъ «гармонично» сидѣть за однимъ столомъ, вести пріятные разговоры и пить одинъ и тотъ же вкусный чай. Все было чрезвычайно пріятно и въ высшей степени успокоительно. Серветъ въ Женевѣ, Саванарола во Флоренціи, оба сожженные, не могли не слыть своего голоса въ нашихъ спорахъ. Съ другой стороны, «Союзъ рус-

Редакція *Русской Мысли*, сохраняя свою по существу совершенно нейтральную позицію по отношенію къ новѣйшему религіозно-философскому движенію, будетъ до живому удѣлять мѣсто на страницахъ журнала этому крупному культурному явленію. По вопросу, затронутому г. Розановымъ, редакція обѣщала еще статья С. Булгакова. Ред.

) Докладъ, читанный въ петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ въ апрѣлѣ 1907 г.

1, 1908 г.

скаго народа» еще не открывала своих дѣйствій. Мы дебатировали въ 1902 г., забывъ прошлое и не предвидя будущаго, отдавшись сладкой минутѣ.

Мнѣ кажется, вопросъ разрѣшается съ помощью мысленной инкрустациі. Если кусокъ изъ прозы Гоголя, самый благожелательный, самый, такъ сказать, бьющій на добрую цѣль, вставить въ Евангеліе,—то получимъ рѣжущую, несносную какофонію, происходящую не отъ одной равнозначественности человѣческаго и Божественнаго, слабого и сильнаго, но отъ разно-категоричнаго: невозможно не только въ евангелиста вставить кусокъ Гоголя, но—и въ посланія котораго-нибудь апостола. Савлъ не до-воспитался до Павла, но *преобразился* въ Павла; къ прежней раввинской мудрости онъ не приставилъ новое звено, пусть новую голову—вѣру во Христа, нѣтъ: онъ извергъ изъ себя раввинство. Отношеніе въ немъ есть именно *Савла и Павла*: взаимно пожирающихъ другъ друга «я». И такъ бывало со всякимъ, обращавшимся ко Христу: пожираніе новымъ стараго. Апостолъ Павелъ вовсе не предлагалъ аэнианамъ: «повѣруйте во Христа *сверхъ того, что вы ходите на олимпійскія игры*». Въ минуту отдыха, ну хоть какого-нибудь отдыха, суточного, часового,—онъ все же не пошелъ въ греческій театръ посмотрѣть трагедію. Тоннымъ чувствомъ психическихъ нюансовъ мы знаемъ твердо, что объ этомъ не только не сказано въ «Дѣяніяхъ», но этого и *не было*. Павелъ въ театрѣ—невозможное зрѣлище!! Одобряющій игру актеровъ—какофонія! разрушеніе всего христіанства!! Между тѣмъ это было бы только то самое «примиреніе», «гармонія», о которой спрашиваетъ Д. С. Мережковскій. Да, Павелъ трудился, ѣлъ, обонялъ, ходилъ, былъ въ матеріальныхъ условіяхъ жизни: но онъ глубоко изъ нихъ вышелъ, ибо уже ничего болѣе *не любилъ* въ нихъ, ничѣмъ не *мобовался*. Онъ бралъ матерію только въ *необходимомъ* и *утилитарномъ*, онъ зналъ и нуждался только въ провѣ плоти. Христорь былъ единственнымъ цвѣткомъ на ней; моно-цвѣткомъ, если позволительно выразиться. «Я хожу, ѣмъ, сплю, вкушаю, но наслаждаюсь только Исусомъ», можетъ сказать о себѣ всякій подлинный христіанинъ.

Христорь никогда не *смѣялся*. Неужели не очевидно, что весь смѣхъ Гоголя былъ преступенъ въ немъ, какъ въ христіанинѣ?! Я не помню, *улыбался* ли Христорь. Печать грусти, пепельной грусти—очевидна въ Евангеліи. Радости въ немъ есть, но совершенно особенныя, схематическія, небесныя; радости съ неизмѣримой высоты надъ землею и человѣчествомъ. Не будемъ обманываться «лиліями полевыми». Это во всякомъ случаѣ не ботаника и не садоводство, не наука и не поэзія, а только схема, улыбка надъ землею. Въ томъ и дѣло, что Евангеліе дѣйствительно не *земная* книга, и все земное въ высшей степени трудно связуемо или вовсе не связуемо съ нимъ въ одинъ узелъ; не связуемо иначе, какъ искусственно и временно. Позволю небольшую параллель. Наше ухо прожужжало слова: «христіанскій бракъ», «христіанская семья», «христіанскія дѣти». Какая иллюзія! Конечно—ничего подобнаго не было, и до

спончания вѣка не будетъ!! Я вамъ предложилъ сдѣлать инкрустацію изъ Гоголя въ Евангелиста, и вы получили какофонію. Теперь я предложу вамъ представить одну изъ юныхъ женъ евангельскихъ, или которагонибудь апостола,—извините за смѣлость,—влюбленнымъ. Я *извиняюсь*, и вы чувствуете, что я *долженъ* былъ извиниться. Отчего? По *мировой несовмѣстимости* влюбленія и Евангелія. Я не читалъ «Жизни Иисуса» Ренана, но слыхалъ, всегда въ словахъ глубочайшаго негодованія, что дерзость этого французскаго вольнодумца простерлась до того, что которое-то изъ евангельскихъ лицъ онъ представляетъ влюбленнымъ. *Вкусъ* всего міра, всѣхъ соимовъ читателей Евангелія почувствовалъ въ этомъ глубочайшее *комунство* надъ его *божественностью*. Это тотъ же вопросъ, что вопросъ объ отцѣ Матвѣѣ и Гоголѣ. Только это другой примѣръ. И, между тѣмъ, апостолы, какъ Петръ и Іаковъ, были *женаты*. Да, но какой-то особенной женитьбой, евангельской. Примѣръ, мною указанный, не пусть даже въ практическомъ отношеніи. Церковь позволяетъ священникамъ жениться, но на *комъ-нибудь* и сейчасъ, *безъ выбора и влюбленія*, т.-е. такъ все обставлено въ ихъ женитьбѣ, что женихъ можетъ или долженъ быть влюбленъ въ невѣсту не больше, чѣмъ офицеръ въ солдата. Отношенія офицера и солдата сохраняются, а любви нѣтъ; отношенія мужа и жены сохраняются въ христіанствѣ, но любовь, изъ которой, казалось бы, и рождается бракъ, пройдена гробовымъ въ немъ молчаніемъ, и даже *предназначеннымъ, роковымъ, по-ту-свѣтлымъ*. Ни смѣха, ни влюбленности нѣтъ въ Евангеліи, и одна капля того или другого испецируетъ всѣ страницы чудной книги, «раздираетъ завѣсы» христіанства.

Да, «мертвые» *возстали*, когда умеръ Христосъ, но зато таинственная «завѣса Соломонова храма»—она «разодралась»... А вѣдь «законъ» этого «храма» *) состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что при постройкѣ его нельзя было употребить, какъ инструмента или какъ части, хотя бы крошечнаго кусочка желѣза: ибо «изъ желѣза—*оружіе*, а оно укорачиваетъ жизнь» **). «Стало быть тайная мысль храма—*удлиненіе жизни*». Но оставимъ эти и многочисленныя другія знаменія. Вернемся къ нашей частной темѣ.

Ни Гоголь, ни вообще литература, какъ *игра, шалость, улыбка, грація*, какъ цвѣтокъ бытія человѣческаго, вовсе не совмѣстимъ съ *монументальнымъ*, «Сладчайшимъ Иисусомъ». Но какъ же тогда *міръ?*—завоплю я съ Мережковскимъ. Какъ же тогда мы, въ *цвѣтѣ* и *радости* своей жизни?

Все, что тогда говорили духовныя лица на довадѣ Д. С. Мережковскаго,—что, напримѣръ, они пошли бы въ театръ, если бы театръ былъ

*) У Иезекииля, въ видѣніи таинственнаго храма, употреблены термины: „надо знать законъ строяемаго храма“, „надо знать законъ жертвенника въ немъ“. Т.-е. *законъ, существо, тайную идею* и храма и жертвенника.

**) Такъ, въ одномъ мѣстѣ „Талмуда“ объясняется полное и тщательное изгнание желѣза и изъ *материаловъ* его постройки, и изъ *орудій, инструментовъ*, посредствомъ которыхъ онъ строился.

лучше, — уклончивы, словесны и вытекают из необходимости что-нибудь сказать, когда они явно не могут *ничего* сказать. Да, конечно, если бы на театральных подмостках вышли актеры и стали реветь о своем окаянствѣ, гг. епископы съ удовольствіемъ пошли бы на такое зрѣлище. Но предложите имъ сыграть на флейтѣ довольно невинную народную пѣсню: «Вд-дузяхъ», — и они откажутся. Имъ вовсе не *истинныя* удовольствія запрещены, имъ запрещено удовольствіе, какъ *такое*. Все не *грустное* — имъ не позволительно. Вино, чай, большія рыбы, варенье, хорошая квартира и мебель — собственно прокрались къ нимъ контрабандою. Но официально, въ законѣ, въ «церковныхъ правилахъ» рѣшительно невозможно сказать: «епископъ можетъ побаловаться хорошимъ рыбнымъ столомъ», а что онъ, напримѣръ, долженъ ѣсть одни сухіе грибы — это можно сказать официально, по формѣ, вслухъ. Говоря такъ, я различаю въ христіанствѣ товаръ и контрабанду. Контрабандою прокрались въ христіанскій міръ и искусства, музы, Гоголь, хорошій столъ, варенье. «Это — позволено»; но никто не прибавитъ: «это — полезно» (формула ап. Павла), а въ этой-то прибавкѣ все и дѣло, вся поэзія, цвѣточекъ: коего рѣшительно не допускаетъ *моно-цвѣтокъ* Иисусъ.

Христіанство и Евангеліе сдѣлало собственно безконечное *расширеніе* объятій, я думаю — расширеніе *охвата*; широкое устье невода оно распустило на безконечность: но это — лишь «позволенное» — есть именно проявленіе его собственной доброты, снисхожденія, прощенія. Ну и Гоголя оно «прощаетъ», и Пушкина, и варенье; даже блудницу и блудъ, безъ конхъ, встать, не попали бы въ неводъ почти всѣ святые, начиная съ бл. Августина, знавшаго бурную молодость. Но *прощеніе* — это вовсе не то, что *призывъ*. Призваны-то христіане только къ *одному* — любви ко Христу. Конечно, Гоголь со всѣмъ своимъ творчествомъ, и ни мало его не прерывая, могъ бы «спастись». Но спасеніе спасенію рознь: есть *герои* спасенія, есть *великіе* въ христіанствѣ, есть поэзія христіанскаго спасенія, въ своемъ родѣ *духовный романъ*. Таковой прошли только мученики; и Гоголь сталъ и долженъ былъ стать мученикомъ, чтобы войти въ романъ и поэзію христіанства.

Дѣло въ томъ, что съ христіанской точки зрѣнія не возможна *акція*, *усиліе*, *прыжокъ*, *игра* въ сферѣ ли искусства, или литературы, или смѣха, гордости и проч. Варенье вообще дозволено, но не слишкомъ вкусное; лучше — испорченное, а еще лучше — если бы его не было; но когда оно есть и даже вкусное, — оно прощается... На этомъ основалась возможность христіанской *шири*. Неводомъ «прощенія», *доброты* своей, снисхожденія — христіанство охватило бездны предметовъ, ему вовсе ненужныхъ, въ его глазахъ ничтожныхъ; схватило «князя міра сего» и повлекло его — къ *уменьшенію*. Христіанство есть религія нисходящей прогрессіи, вѣчно стремящаяся и никогда не достигающая величина: «Христось + 0». Въ каждый день и въ каждый вѣкъ и во всякомъ мѣстѣ и во всякой душѣ человѣческой получалось «Христось + еще что-нибудь», «Христось + богатство»,

«Христось+слава», «Христось+удобства жизни». Но это «что-нибудь», прибавленное ко Христу, въ душѣ нашей всегда только *снисходилось*, и *малилось* по мѣрѣ возобладанія Христа. «Бнязь міра сего» *таялъ*, какъ снѣжный комъ, какъ снѣжная кукла весною около солнца Христа. Собственно былъ оставленъ христіанамъ очеркъ «Бнязя міра сего», семьи, литературы, искусства. Но *первъ* былъ выдернуть изъ него,—осталась кукла, а не живое существо. Какъ только вы попробуете оживлять семью, искусство, литературу, какъ только чему-нибудь отдадитесь «съ душою», — вы фатально начнете выходить изъ христіанства. Отсюда окрики от. Матвѣя на Гоголя. Не въ томъ дѣло, что Гоголь занимался литературою. Пусть бы себѣ занимался. Но варенье должно быть кисло. Гоголь *со страстью* занимался литературою: а этого нельзя! Монахъ можетъ сблудить съ барышней; у монаха можетъ быть ребенокъ; но онъ долженъ быть брошенъ въ воду. Едва монахъ уцѣпился за ребенка, сказалъ: «не отдамъ»; едва уцѣпился за барышню, сказалъ: «люблю и не перестану любить», — какъ христіанство кончилось. Какъ только *серьезна* семья—христіанство вдругъ обращается въ шутку; какъ только серьезно христіанство—въ шутку обращается семья, литература, искусство. Все это есть, но не въ настоящемъ видѣ. Все это есть, но безъ идеала.

Но какъ же тогда? гдѣ *этому* всему мѣсто? Д. С. Мережковскій негодуетъ на *сѣрый*, или *пестрый* видъ христіанства, его полосатость: черная полоска, бѣлая полоска; скорбь, — но не вѣчная; монастырь и постъ, — но среди хорошаго ландшафта. Можно написать оду: «Размышленіе о Божіемъ величїи при видѣ сѣвернаго сіянія», но «Мѣднаго всадника» написать—грѣшно. Но что такое *чистый черный цвѣтъ*? Это—*смерть, гробъ*, о которомъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ своихъ докладовъ и коего рѣшительно невозможно вырвать изъ христіанства. Это его хребетъ и четыре ноги. «Гробомъ» оно бѣжить впередъ, на гробъ зиждется. Что такое чистый бѣлый цвѣтъ? Воскрешенный эллинъ и іудей, воскрешенный Египетъ. Всѣ три въ свѣтозарномъ новомъ воплощенїи, съ какими-нибудь новыми нюансами, но въ существѣ—они. Вънецъ передъ Ковчегомъ Забѣта, «воспойте Господу на арѣахъ», какъ говорила Іудинь. Эллинъ есть успокоенный, не ажитированный іудей; іудей безъ глубины. Іудей есть желтокъ того пасхальнаго яичка, скорлупу и бѣлокъ котораго составляетъ эллинизмъ; скорлупу раскрашенную, литературную, съ надписями «Христось Воскресе», съ изображенїями, живописью, искусствами. Мало ли что на скорлупѣ можно написать: цѣлую эллинскую цивилизацію. Но скорлупа со ісѣми надписями хрупка, а бѣлокъ мало питателенъ и не растителенъ. Въ нѣе всего внутри сокрытый желтокъ и въ немъ зародышевое пятнышко; этъ и есть *жидь* съ его таинственнымъ обрѣзыванїемъ, вѣчный, неуга-ся дѣ! Его сколько ни пинаютъ христіане—не могутъ запинать до смерти. Это—«пархатое» мѣсто всемірной исторїи, крайне не презентабельное и видъ, но которымъ весь міръ держится. Не даромъ египетскїе жрецы цѣ преджали римскихъ воиновъ: «Эй, не громите стѣну Серапеума: если

онъ разрушится, міръ—*не устоитъ*». Безъ Россіи міръ слишкомъ бы прожилъ; безъ Европы исторія была бы только короче. Но безъ вѣсьмъ несимпатичнаго еврея исторія была бы безъ смысла, т. е. безъ души. Еврей есть *душа* челоѣчества, его энтелехія.

Возвращаюсь къ подробностямъ доклада Д. С. Мережковскаго. Богъ имѣеть не одно дитя—Исуса. Но двоихъ—міръ и Исуса. Міръ есть дитя Божіе, потому что сотворенъ Имъ. Какъ осколокъ, правомѣрный на бытіе, въ этомъ мірѣ есть и Гоголь, поэзія, игра, шутка, грація, семья, эллинъ, іудей, да и все язычество. Все это—царство Бога-Родителя и продуктъ Его рожденія. Церковь не сразу, не въ апостольскій вѣкъ, но позднѣе, лѣтъ черезъ 200—300 послѣ Христа, задумалась: «какъ же міръ?» и отъѣнила, вынуждена была отъѣнить: «Сынъ Божій»—объ Исусѣ, «Который стоитъ въ тѣни и подобіи своего *Отца*». Но церковь только *назвала* Отца, не въ силахъ будучи что-нибудь о Немъ подумать;—изобразила Его въ видѣ стараго челоѣка, впавши въ явный антропоморфизмъ. «Бога никогда же никто же видѣлъ»,—слова Новаго Заѣта: «нельзя видѣть Меня и не умереть»,—сказалъ о Себѣ Богъ Моисею. Но христіанскіе учителя всегда какъ-то видятъ и видѣли часть писанія, а *все* его никогда, кажется, не принимали во вниманіе. И вообще всѣ церковныя понятія какъ будто построены сквозъ сонъ: тутъ вы найдете и яростный спиритуализмъ, и самый грубый антропоморфизмъ, и даже фетишизмъ. Все въ эклектическомъ «пестромъ» зданіи умѣщается. Вотъ въ эту *Отчую* Упостась, только нумераціонно названную, и входитъ міръ съ его сіяніемъ, съ его идеалами, съ комедіей, съ трагедіей, съ бытомъ народнымъ; міръ—святой во плоти, но святой—не во плоти *Сына*, но по *исхожденію* изъ плоти Отца. Такимъ образомъ въ кругѣ *Исусо-теизма* вопросъ Мережковскаго не находитъ никакого отвѣта, или получаетъ отвѣтъ рѣзко отрицательный. Но въ кругѣ *Три-Упостаснаго* исповѣданія церкви вопросъ находитъ полное и удовлетворительное разрѣшеніе. Но только церковь сама, кромѣ антропоморфическаго и грѣшнаго живописнаго представленія, кромѣ въ своемъ родѣ «выдачи документа на жительство»—ничего въ отношеніи къ Отцу не сдѣлала. Она, правда, говоритъ: «Творецъ міра», «Промыселъ». Но это—отвлеченные предикаты. Творцу міра и Промыслу молились и евреи, называя его собственнымъ, правда, никогда не произносимымъ именемъ, и египтяне, и вавилоняне. Вообще Промыселъ и Творца міра всегда всѣ народы знали, и признавъ «Отчую Упостась»—учители церковные, хоть безотчетно для себя, признали въ сущности весь языческій міръ. Случись это три вѣка назадъ, апостолу Павлу не съ чѣмъ было бы и бороться. Его борьба съ высихъ точекъ зрѣнія самой церкви была недоразумѣніемъ. Никакихъ не было реальныхъ причинъ изъ Савла обращаться въ Павла, потрясать Синай, становиться презрительною пятою на Олимпъ и Капитолій: гдѣ подъ умаленными именами, не настоящими именами—поклонялись истинному существу Божію; славили въ святыхъ твореніяхъ святого Творца. Но загадка исторіи заключается въ томъ, что былъ именно *Савл*

и затѣмъ сталъ именно *Павелъ*, а не просто былъ Павелъ, прибавившій къ раввинской мудрости знаніе Христа. Навсегда останется тайною: отчего же Никодимъ не призналъ Христа? Отчего Его не принялъ Гамалиилъ, и вообще вроткіе евреи, совершенно будто христіане по очерку души, по быту и характеру? Ничего они объ этомъ не рассказали и скрыли въ какомъ-то молчаніи главную тайну міра. А еслибъ они ее сказали, то не было бы столпновенія оо. Матвѣя и Гоголя. Не было бы инквизиціи, не было бы истребленія ею инковъ и перуанцевъ. Не возникъ бы съ какими-то своими секретами іезуитскій орденъ, фанатичный до сумасшествія и глушій какъ «сорокъ тысячъ братьевъ», по выраженію Шекспира.

Дѣло въ томъ, въ *согласіи* ли дѣти Божіи,—Міръ-Дитя и Иисусъ-Дитя? Вотъ вопросъ, куда подводить насъ довлѣдъ Мерешковскаго. На этотъ вопросъ я отвѣтить не умѣю, и на него нельзя отвѣтить безъ детальнаго изысканія, провѣрокъ, сопоставленій.

Міръ *раздался*—и пало въ него Евангеліе. Міръ его *принялъ*, *принялъ съ любовью*. Евангеліе инкрустировалось въ міръ.

Но Гоголь инкрустаціею не входитъ въ Евангеліе; любовь, влюбленіе не инкрустируются туда. И Евангеліе вообще *не раздвигается для міра*, не принимаетъ его въ себя. Міръ—*за* переплетомъ небесной книги. И съ него сходитъ румянецъ, онъ блѣднѣетъ, какъ только приближается къ этому переплету. Тутъ я вспоминаю Блѣднаго Всадника изъ Апокалипсиса, но сейчасъ не могу хорошенько припомнить, что онъ значить. Вопросъ Мерешковскаго мы разрѣшить не можемъ, и только можемъ подготовить условія къ его разрѣшенію.

Сколько я убѣдился, слушая здѣсь гг. духовныхъ лицъ, они не имѣютъ вовсе, такъ сказать, метафизики христіанства, не только вѣрной, но и никакой. Имъ христіанство просто представляется добрымъ явленіемъ. «Мы—добрые люди, и не понимаемъ, чего вы отъ насъ хотите», вотъ смыслъ всѣхъ ихъ отвѣтовъ на свѣтскія недоумѣнія. Когда раздаются нѣкоторые упреки, они говорятъ: «мы—люди скромные, и сознаемся», и улыбка довольства почти увеличивается на ихъ лицѣ. Съ этой позиціи добродѣтели ихъ невозможно сбить. «Рѣшительно мы исповѣдуемъ самую добродѣтельную вѣру, и сами—самые добродѣтельные люди, добродѣтельнее до скромности, до сознанія своихъ грѣховъ, до высшей деликатности, къ какой способенъ человѣкъ». Между тѣмъ свѣтскія недоумѣнія, такъ сказать, татятся по обручу метафизики. Намъ, свѣтскимъ людямъ, кажется, и эмпирической религіи какъ только добродѣтель, какъ *summa virtutum*. Религія—тайна, тайный узоръ стальной твердости, отнюдь безъ податливости въ себѣ. Мы хотѣли бы, чтобы духовныя лица загремѣли негодованіемъ, анафемами: тогда мы и увидѣли бы *границу* между собою и ими, и ярую теперь рѣшительно не видимъ.—Ну, и мы—«добрые люди», я, Митковскій и др. По негодованію духовныхъ лицъ мы увидѣли бы, что мы любили, и бросили бы анализировать это любимое, рассматривать,

может быть любить. «Христианство есть гробъ и смерть», говорят имъ.— «Ну, что вы, отнюдь нѣтъ», отвѣчаютъ они: «Сочувствуемъ всякой радости».— «Тогда пойдите въ театръ, ну хоть на «Бориса Годунова»— произведение патриотическое, или на «Жизнь за царя», кажется, чего выше». Пропуская молчаніемъ Годунова и Глинку, они говорятъ: «театръ недостаточно серьезенъ». Да что до того, вѣдь есть же у Александро-Невской лавры амбары хлѣбные, а торговля запрещена Спасителемъ? Они это пропускаютъ мимо, или лучше говорятъ: «ну, вотъ, Христось не чуждался земли, ѣлъ съ мытарями и грѣшниками».— «Тогда пойдите въ оперу».— «Не можемъ, низко». Но дѣло не въ томъ, что низко, а въ томъ, что *весело*. Вотъ ничего *веселаго* и *счастливаго* ихъ «уставъ» имъ не позволяеть. Веселое и счастливое—отрицаніе смерти, забвеніе гроба. Семья, искусства—украшенія жизни. И гробъ иногда украшается позументами, серебряными ручками. Вотъ хорошіе ландшафты около монастырей и суть такія серебряныя ручки около гроба. Докладъ Меружковскаго вторично послѣ моего доклада о *смерти*, какъ главномъ идеалѣ христианства, ставитъ вопросъ: «что же такое христианство?», и на него рѣшительно невозможно отвѣчать моральными отвѣтами: «мы добрые люди», а нужно отвѣчать метафизически и доказательно. Мнѣ кажется, намъ нужно отвести одно засѣданіе выслушанію сплошныхъ отвѣтовъ духовенства по этому вопросу, но не краснорѣчивыхъ и закругленныхъ, не моральныхъ и уклончивыхъ, а хотя бы негодующихъ, даже анаематствующихъ, однако прямо отвѣчающихъ на вопросы. Ибо намъ *больно* отъ нашего незнанія. Мучительно.

Позволю себѣ, въ помощь будущимъ разсужденіямъ, маленькую *личную* догадку, вовсе не догматическую. Исусъ дѣйствительно прекраснѣе всего въ мірѣ и даже самого міра. Когда Онъ появился, то какъ солнце—затмилъ Собою звѣзды. Звѣзды нужны въ ночи. Звѣзды,—это искусства, науки, семья. Нельзя оспорить, что начертанный въ Евангеліяхъ Ликъ Христа, такъ, какъ мы Его приняли, такъ, какъ мы о Немъ прочитали—«слаще», привлекательнѣе и семьи, и царствъ, и власти, и богатства. Гоголь—солома предъ главою изъ евангелиста. Такимъ образомъ, во Христѣ—если и смерть, то сладкая смерть, смерть-истома. Отшельники, конечно, знаютъ свои сладости. Они томительно умирають, отрещиваясь отъ всякаго міра. Перейдемъ къ мировымъ явленіямъ. Съ рожденіемъ Христа, съ возсіяніемъ Евангелія всѣ плоды земные вдругъ стали горьки. Во Христѣ прогоркъ міръ, и именно отъ Его сладости. Какъ только вы вкусите сладчайшаго, пельханнаго, подлинно-небеснаго,—такъ вы потеряли вкусъ къ обыкновенному хлѣбу. Кто же послѣ ананасовъ схватится за картофель. Это есть свойство вообще идеализма, идеальнаго, могущественнаго. Великая красота дѣлаетъ насъ безвкусными къ обыкновенному. Все «обыкновенно» сравнительно съ Исусомъ. Не только Гоголь, но и литература вообще, науки вообще. Даже болѣе: міръ вообще и весь, хоть очень загадоченъ, очень интересенъ, но именно въ смыслѣ *сладости*—уступаетъ

Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просіяла, озарила міръ,—сознательнѣйшее мировое существо, человекъ, потерявъ вкусъ къ окружающему его міру. Просто міръ сталъ для него горекъ, плоскъ, скученъ. Вотъ главное событіе, происшедшее съ пришествіемъ Христа. Возьмемъ маленькую параллель. Мы изучали бы средневѣковыхъ князьковъ, если бы не было Карла Великаго. Если бы не было Эллады, мы, пожалуй, внимательнѣйшимъ образомъ изучили бы и исторію разныхъ монгольскихъ племенъ. Мы были бы внимательны къ малому и некрасивому. Но когда есть великое, какой интересъ въ маломъ? Такимъ образомъ міръ сталъ *тонуть* около Иисуса. Наступилъ всеобщій *потопъ* прежнихъ идеальныхъ вещей. Этотъ потопъ и называется христіанствомъ. Тонули «боги», «Леговы», «Діаны»; тонули человѣческіе относительные идеалы предъ мировымъ, небеснымъ идеаломъ. И вѣдь невозможно не замѣтить, что лишь *не глядя на Иисуса внимательно*—можно предаться искусствамъ, семьѣ, политикѣ, наукѣ. Гоголь *взглянулъ внимательно* на Иисуса и бросилъ перо, умеръ. Да и весь міръ, по мѣрѣ того, какъ онъ внимательно глядитъ на Иисуса, бросаетъ всё и всякія дѣла свои—и умираетъ. «Меня тебѣ невозможно увидѣть, и не умереть», сказалъ Богъ Моисею. Юноша изъ Саиса взглянулъ на «Божье существо», и умеръ. Вообще, смерть и познаніе Бога какъ-то взаимно требуются. Богъ все же не міръ. И какъ только вы на Бога взглянули—такъ и стали куда-то переходить изъ міра, «умирать». Я замѣтилъ, что тонъ Евангелія грустный, печальный, «предсмертный». Но грусть выше радости, идеальнѣе. Трагедія выше комедіи. Мы всё сейчасъ хороши; а превосходны станемъ въ минуты грусти, потерявъ жену, дѣтей. Бѣднякъ красивѣе богача: бѣдняка и поэты берутъ въ описаніе. А богача кто же описалъ? Это сатирическій сюжетъ. Такимъ образомъ, одна изъ великихъ загадокъ міра заключается въ томъ, что страданіе идеальнѣе, эстетичнѣе счастья, грустнѣе, величественнѣе. Мы къ грустному невѣроятю влечемся. Не здѣсь ли секретъ религіозной жертвы дѣтей Богу, этотъ никогда неразгаданный секретъ Молоха? Люди переживали небесную грусть, искали ее пережить; всёми для этого жертвовали, *малыми*. «Смерть—уже до смерти»: вотъ—*Молохъ!*

Возвращаемся къ частному нашему вопросу. Всеобщее погребеніе міра въ Христѣ не есть ли самое эстетическое явленіе, высшій пунктъ мировой красоты? Гоголя нельзя инкрустировать въ Евангелія; нельзя, значить, вводить и въ христіанство; его просто надо выкинуть. Но не съ земныхъ точекъ зрѣнія, а именно съ монашеской, какъ сладостнаго умиранія во Христѣ. Гоголь любилъ міръ и насъ привязывалъ къ міру. Это задерживало мировую финаль. Вообще вся исторія, бытъ, пѣсни, литература, сѣбя, суть задержки, теперь уже слабыя, со времени Христа слабыя—задержки мирового испепеленія всёхъ вещей во Христѣ-смерти. Смерть—высшая скорбь и высшая сладость. Таинства смерти никто вѣдь не ридаль. Она вѣнчается скорбью, а въ скорбяхъ истома таинственной эстетики. Трагедія трагедій. Съ этихъ точекъ зрѣнія Христосъ есть трагиче-

ское лицо, какъ всегда и открывалось человѣку, вождь гробовъ—какъ опять же это открывалось человѣку: а мы не знаемъ, что это все—божественное, и именно не знаемъ—поскольку еще живемъ, такъ какъ жизнь есть «та сторона», «изнанка» Бога. Пытаются смерть отождествить съ рожденіемъ. Возможно. Но отчего, напримѣръ, рожденіе не отождествить со смертью? Когда родился человѣкъ—онъ въ сущности умеръ; утроба матери—могила, уже зачатіе меня—переходъ въ смерть. Дѣло въ томъ, что «здѣсь» и «тамъ» пропастью раздѣлены, какъ «низъ» и «верхъ», «наружное» и «внутреннее». И что бы ни поставили на одномъ, какой бы терминъ, какой бы значокъ ни начертали,—на другой придется выставить терминъ противоположный. «Миръ», «бытіе», «жизнь наша»—не божественны: значить «гробъ», «послѣ кончины», «тотъ свѣтъ»—божественны. Или обратно: «миръ», «бытіе», «жизнь наша»—божественны; тогда «гробъ», «послѣ кончины», «тотъ свѣтъ»—демоничны.

Но, очевидно, что Иисусъ—это «Тотъ Свѣтъ», поборающій «этотъ», нашъ, и уже поборовшій. А проповѣди къ нему, изъ которой угодно ли нѣ равно возможныхъ, вы изберете по усмотрѣнію сами. Церковь всегда считала Христа—Богомъ, и ео ipso принуждается считать весь миръ, бытіе наше, самое рожденіе, не говоря о наукахъ и искусствахъ—демоническими, «во злѣ лежащими». Такъ она и поступала. Но это не въ смыслѣ, что чему-то надо улучшаться, а просто,—что всему надо уничтожиться.

В. Розановъ.

II.

Христосъ и миръ.

Отвѣтъ В. В. Розанову *).

В. В. Розановъ очень пугаетъ христіанъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ. Затрудняются отразить его удары, считают самымъ опаснымъ противникомъ Христа, какъ будто у Христа могутъ быть опасные противники, какъ будто дѣлу Христову могутъ быть нанесены неотразимые удары. А Розановъ врагъ не христіанства только, не историческаго христіанства, а прежде всего и больше всего самого Христа. Христіанство не такъ для него отвратительно, все же христіанство было компромиссомъ съ «миромъ», въ христіанство проникло начало домостроительства, въ стихіи христіанства образовался семейственный бытъ, христіанство создало крѣпко-чувственный бытъ блага духовенства, христіанство разрѣшило «варенье» кушать, и тей плодить, восприняло въ себя почти весь «миръ». Христосъ для Розанова хуже христіанства: Христосъ безпощаденъ къ міру, Христосъ ступень своимъ міроотрицаемъ. Христіанство все же человѣчески податливо, снисходительно къ слабостямъ, христіанство въ исторіи не поставило та

*) Докладъ, читанный 12 декабря 1907 года въ С.-петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ.

остро дилеммы: «Христось или міръ»; оно приняло немного Христа и немного міръ. И Розановъ совсѣмъ ужъ не такъ враждебенъ христіанскому быту. Но многому въ этомъ бытѣ онъ приверженъ, елейная его любовь къ семьѣ изъ этого быта вышла. Розановъ врагъ Христа, и только отсутствіе настоящаго мужества заставляетъ его маскировать эту вражду и вводить въ заблужденіе добрыхъ людей, которые продолжаютъ думать, что Розановъ требуетъ лишь поправки къ христіанству, что цѣли его реформаторскія, что онъ готовъ принять христіанство, но съ разводомъ, театрами и вареньемъ, съ сладостями міра. Пора разрушить какъ то, что Розановъ является реформаторомъ христіанства, такъ и то, что онъ страшный и непобѣдимый врагъ вѣры Христовой, болѣе страшный, чѣмъ Ницше. Блестящій, чарующій литературный талантъ, смѣлость и чувственная конкретность въ постановкѣ вопросовъ, сильное мистическое чувство—все это поражаетъ въ Розановѣ, почти гипнотизируетъ при чтеніи его статей. Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Ясное философское и религиозное сознаніе безъ особеннаго труда можетъ вскрыть путаницу въ самой постановкѣ розановской темы и путаницу не случайную, не отъ умственной слабости Розанова проистекающую, а путаницу роковую, высшимъ смысломъ посланную для цѣлей, подобныхъ розановскимъ.

Тема Розанова, а въ значительной степени и «Новаго пути», и прежнихъ и новыхъ «религиозно-философскихъ собраній»: Христось и міръ, отношеніе между Христомъ и міромъ. Тема эта съ необычайнымъ талантомъ и блескомъ развита Розановымъ въ печатаемой выше статьѣ «Объ Иисусѣ Сладчайшемъ и о горькихъ плодахъ міра», и статью эту я, главнымъ образомъ, буду имѣть въ виду въ настоящемъ отвѣтѣ. У Бога есть дѣтя—Христось и дѣтя—міръ. Розановъ видитъ непримиримую вражду этихъ двухъ дѣтей Божьихъ. Для кого сладокъ Иисусъ, для того міръ дѣлается горекъ. Въ Христѣ міръ прогоркъ. Тѣ, что полюбили Иисуса, потеряли вкусъ къ міру, всѣ плоды міра стали горькими отъ сладости Иисуса. Все это написано удивительно красиво, ярко, смѣло и по первому впечатлѣнію опасно. Нужно выбирать между Иисусомъ и міромъ, между двумя дѣтьми Божьими. Нельзя соединить Иисуса съ міромъ, нельзя разомъ ихъ любить, нельзя чувствовать сладость Иисуса и сладость міра. Семья, наука, искусство, радость земной жизни—все горько или безвкусно для того, кто вкусилъ небесной сладости Иисуса. По чудесному выраженію Розанова, Христось моно-цвѣтокъ и что значать всѣ цвѣты міра по сравненію съ Нимъ. У Фомы Кемпгъскаго въ «подражаніи Христу» воспѣваются эта сладость Иисуса и горечь въ ихъ плодахъ міра. Самъ Розановъ не любить ставить точекъ надъ і, с, ѣ—двусмысленъ, никогда не дѣлаетъ рѣшительныхъ выводовъ, предоставляет это догадливости читателя. Но дилемма такова: если Иисусъ божественъ, то міръ демониченъ, если міръ божественъ, то демониченъ Иисусъ. Розановъ пригльпился къ міру всѣмъ своимъ существомъ, влюбился въ міръ и во все мірское, чувствуетъ божественность міра и сладость плодовъ его. Иисусъ Сладчайшій сталъ для него демониченъ, какъ Христа—таменъ.

Розановская постановка вопроса производит очень сильное впечатлѣніе, всѣ возраженія со стороны историческаго христіанства представляются жалкими и слабыми. Розановъ говоритъ конкретно и на первый взглядъ ясно, даетъ почувствовать всю остроту вопроса, онъ ошеломляетъ и гипнотизируетъ. Онъ грубоватъ, когда тащить монаха въ «театръ», но монахъ дѣйствительно представляется безпомощнымъ. Лепетъ официальныхъ защитниковъ церкви не убѣдителенъ, у всѣхъ остается впечатлѣніе, что Розановъ показалъ, наглядно показалъ абсолютную противоположность между Христомъ и міромъ, абсолютную несоединимость сладости Христа со сладостью міра. Для Розанова Христосъ есть духъ небытія, духъ умаленія всего въ мірѣ, а христіанство—религія смерти, апологія сладости смерти. Религія рожденія и жизни должна объявить непримиримую войну Іисусу Сладчайшему, отравителю жизни, духу небытія, основателю религіи смерти. Христосъ загипнотизировалъ человечество, внушилъ нелюбовь къ бытію, любовь къ небытію. Религія его одно лишь признала прекраснымъ—умираніе и смерть, печаль и страданіе. Очень талантливо пишетъ Розановъ, очень красиво говоритъ, много вѣрнаго говоритъ, но самая исходная его точка—ложна, самая его постановка вопроса призрачна и путана. *Розановъ—гениальный обыватель*, и вопросъ его въ концѣ-концовъ есть обывательскій, мѣщанскій, обыденный вопросъ, но формулированный съ блестящимъ талантомъ. Тѣмъ и поражаетъ Розановъ, что онъ говоритъ нѣчто близкое обывательскому сердцу, что вопросъ о сладкихъ и горькихъ плодахъ міра задѣваетъ мѣщанина этого міра, смущаетъ христіанство, давно уже превратившееся въ мѣщанство. Розановская семья, варенье, театры, сладости и радости благополучной жизни понятны и близки всему обывательскому царству, которое въ этомъ и видитъ сущность «міра» и «міръ» этотъ хотѣло бы спасти отъ гипноза Іисуса Сладчайшаго. Для Розанова бытіе есть быть, «міръ» есть сладость бытовой жизни. И это очень глубоко, это—сила.

Розановъ предполагаетъ, что всякій обыватель знаетъ, что такое «міръ», ощущаетъ его, какъ приносящій радости быть, семью, варенье, украшенія жизни и пр. Обыватель знаетъ, а философъ не знаетъ. Вопросъ о *міръ* очень неясенъ и неопредѣленъ и въ этомъ выдаваніи неяснаго и неопредѣленнаго за ясное и опредѣленное, выдаваніи искомаго за найденное—вся хитрость Розанова и весь секретъ его кажущейся силы. Что такое міръ, о какомъ мірѣ идетъ рѣчь? Какое содержаніе вкладываетъ Розановъ въ слово міръ, есть ли міръ совокупность эмпирическихъ явленій или положительная полнота бытія? Есть ли міръ все данное, смѣсь подлиннаго съ призрачнымъ, добраго съ злымъ, или только подлинное, доброе? Если поднимается вопросъ о мірѣ, какъ совокупности всего эмпирически даннаго, въ которомъ сладость варенья занимаетъ такое же мѣсто, какъ и сладость величайшаго художественнаго произведенія, то этотъ вопросъ для насъ почти неинтересенъ. Вѣчное въ мірѣ и тлѣнное въ мірѣ нельзя брать за одну скобку, и самая постановка вопроса о мірѣ безъ всякихъ

разъясняющихъ оцѣнокъ недопустима. Такой міръ есть «міръ» въ ковчѣгахъ. Фактически данный и испытываемый нами міръ есть смѣсь бытія съ небытіемъ, дѣйствительности съ призрачностью, вѣчности съ тлѣніемъ. Какой міръ возлюбилъ Розановъ, какой изъ міровъ хочетъ утверждать, въ какомъ хочетъ жить? Боюсь, что Розановъ требуетъ отъ религіи фактического смѣшенія подлиннаго и цѣннаго съ живымъ и ничтожнымъ. Но религіозенъ не вопросъ о мірѣ, а вопросъ о подлинномъ, реальномъ мірѣ, о полнотѣ бытія, о цѣнностяхъ міра, о вѣвременнои, негнѣющемъ содержаніи міра. Просто утверждать этотъ «міръ» значитъ утверждать законъ тлѣнія, рабскую необходимость, нужду и болѣзнь, уродство и фальсификацію. Міръ во злѣ лежитъ, а положительная полнота бытія есть высшая цѣль и благо, а цѣнное и радостное въ мірѣ есть дѣйствительное бытіе. Розановъ можетъ только безпомощно остановиться передъ зломъ этого міра, отрицать это зло онъ не можетъ, понять происхождение этого зла не въ силахъ. Откуда смерть, одинаково ненавистная и Розанову и всѣмъ намъ, откуда смерть вошла въ міръ и почему овладѣла имъ? Согласится ли Розановъ признать смерть существенной особенностью того міра, который онъ такъ любитъ и который защищаетъ противъ Христа? Не отъ Христа пошла смерть въ мірѣ: Христось пришелъ спасти отъ смерти, а не міръ умертвить.

Христось пришелъ отдѣлать подлинное и цѣнное въ мірѣ отъ живаго и ничтожнаго, божественное отъ дьявольскаго. Христось—Спаситель настоящаго міра, подлиннаго и полнаго бытія, божественнаго космоса, поврежденнаго грѣхомъ, а не поддѣльнаго міра, не хаоса, не царства князя этого міра, не небытія. Христось осудилъ міръ тлѣнный, призрачный, хаотическій: царство Христово не отъ этого міра, Христось училъ не любить этого міра, ни того, что въ этомъ мірѣ. Но мировая фактичность не есть ни этотъ міръ, ни тотъ міръ, а смѣсь, смѣшеніе того міра съ этимъ, поврежденіе, заболѣваніе творенія, и бытіе и небытіе, и цѣнность и ничтожество. Христось долженъ былъ прійти, потому что ветхій міръ, міръ грѣшный, отпавшій отъ Бога, умиралъ, гнилъ, тлѣніе подкосило всѣ основы міра и тоска охватила міръ. Старое, имманентное ощущеніе жизни, такъ угнѣняющее Розанова въ язычествѣ и юданзмѣ, смѣнилось ощущеніемъ трансцендентнымъ. Такъ всегда бывало въ результатѣ трагическаго опыта и на порогѣ всякаго религіознаго переворота. Ветхій міръ, предоставленный самому себѣ, не могъ спастись отъ гибели, внутри этого міра не было силы, спасающей отъ всеобщей смерти. Самообожествленіе есть единственное спасеніе міра и отвергаетъ трансцендентное спасеніе, какъ жизнь и смерть, онъ ощущаетъ божественное въ твореніи, но глухъ и слепъ въ трагедіи, связанной съ разрывомъ между твореніемъ и Творцомъ. Розановское мироощущеніе можно назвать *имманентнымъ пантеизмомъ*, въ немъ заложено могущественное первоощущеніе божественности этой жизни, непосредственной радости жизни, и очень слабо въ немъ

чувство *трансцендентнаго*, чужда ему трансцендентная тоска и ожиданіе трансцендентнаго исхода. Розановщина есть своеобразный мистическій натурализмъ, обожествленіе натуральныхъ таинствъ жизни. Въ XX вѣкѣ, на закатѣ человѣческой исторіи переживаетъ Розановъ натуралистическій фазисъ религіознаго откровенія, жаждетъ всемірно-исторической дѣтскости и наивности, и не замѣчаетъ ветхости и старчества этой реставраціи первыхъ дней человѣчества. Розановскій натуралистическій пантеизмъ есть впавшая въ дѣтство старость человѣчества. Только въ глубокой старости можно вспоминать дни дѣтства и юности, смагуя былыя наслажденія. Розановъ, мистикъ Розановъ, въ которомъ были гениальныя прозрѣнія, обожествляетъ блага и радости этой жизни, поклоняется семейному благополучію, съ дѣтскимъ вожделѣніемъ смотритъ на сладость варенья, и незамѣтно скатывается къ апологій обыденности и мѣщанства. Благополучную жизнь натурального рода онъ отождествилъ съ міромъ. Онъ хотѣлъ бы окончательно обожествить жизнь натурального рода. Но мы видѣли уже, что этотъ дорогой Розанову «міръ» весь подчиненъ закону тлѣнія. А Розановъ не въ силахъ умереть такъ, какъ умирали Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, благословляя потомство свое, въ немъ нѣтъ такой силы безличности, хорошей лишь для той міровой эпохи; даже онъ не согласится жить лишь въ потомствѣ своемъ, и онъ глубоко задѣтъ послѣдующими фазами мірового религіознаго откровенія, и его кровь отравлена Іисусомъ Сладчайшимъ. Реставрація никогда вѣдь не бываетъ тѣмъ, что она реставрируетъ.

И какъ бы ни была хороша религія Вавилоня въ свое время (а она и для своего времени была плоха, такъ какъ и тогда были высшія формы религіи), послѣ Христа и всего опыта новой исторіи реставрація вавилонской религіи есть безуміе или ребячество. Историческая наука достаточно насъ разочаровала въ существованіи золотого вѣка, а религіозное сознаніе можетъ видѣть въ сладкомъ воспоминаніи о золотомъ вѣкѣ не какую-нибудь земную эпоху въ прошлой исторіи человѣчества, а чувство своей довременной и доміровой близости къ Божеству, нарушенной грѣхомъ. Мы потеряли рай, но рай этотъ былъ не Вавилонъ, не юдаизмъ, не язычество, вообще не земное прошлое человѣчества, какъ принужденъ думать Розановъ, а небесное происхожденіе человѣка. Но, какъ увидимъ, Розановъ обращенъ не только назадъ, онъ смотритъ и впередъ и соединяется съ чаяніями земного рая въ будущемъ. Онъ неожиданно для себя готовъ дать мистическую окраску постройкѣ Вавилонской башни, оправдываетъ обоготвореніе ветхаго, натурального міра революціонными строителями дущаго. Онъ незамѣтно приближается къ паэосу позитивизма и наивнаго зеленого революціонизма, быстрыми шагами идетъ почти къ писаревщинѣ, но остается художникомъ, не дѣлается ремесленникомъ.

Розановъ *бытовой* человѣкъ, у него есть напряженное чувство бытія и очень слабое чувство личности. Личнаго самоощущенія и самосознанія у Розанова почти нѣтъ, настолько нѣтъ, насколько можетъ не быть

современнаго человѣка. Потому Розановъ и не сознаетъ трагизма смерти, трагизма личной судьбы, ужаса индивидуальной гибели. У Розанова есть что-то общее съ Л. Толстымъ въ жизнеощущеніи, есть у нихъ точка, въ которой одинаково ветхозавѣтно они чувствуютъ мировую жизнь. Подобно Толстому Розановъ разворачиваетъ передъ міромъ дѣтскую пеленку съ зеленымъ и желтымъ и пеленкой этой хочетъ побѣдить смерть и личную трагедію. «Брейцера соната» была только обратной стороной этой пеленки. И Л. Толстой, и Розановъ приходятъ къ закрѣпленію обыденности, къ мѣщанству, не соответствующему ихъ религиознымъ исканіямъ. Проблему смерти Розановъ рѣшаетъ такъ: было два человѣка, а родилось у нихъ восемь дѣтей, двое умираетъ, а въ восьми торжествуетъ и умножается жизнь. Спасеніе отъ смерти—въ рожденіи, въ дробленіи каждаго существа на множественность частей, въ плохой безконечности, утѣшеніе для личности—въ распаденіи личности. Розановъ противопоставляетъ смерти не вѣчную жизнь, не воскресеніе, а рожденіе, возникновеніе новыхъ, иныхъ жизней, и такъ безъ конца, безъ исхода. Но этотъ способъ спасенія отъ трагедіи смерти возможенъ лишь для существа, которое ощущаетъ реальность рода и не ощущаетъ реальность личности. Утѣшеніе это стоитъ на грани челоуѣководства со скотоводствомъ.

Въ ветхозавѣтномъ и первобытно-языческомъ родѣ личность была затеряна, едва просыпалась отъ сна, въ который повергъ ее грѣхъ. Вся мировая исторія была постепеннымъ пробужденіемъ личности, и въ нашу многотрудную и многосложную эпоху личность проснулась съ крикомъ ужаса и безпомощности, оторвалась отъ рода и можетъ теперь прилѣпиться лишь къ чему-то новому. Розановъ тянетъ личность обратно въ стихію рода и хочетъ увѣрить міръ, что возвратъ возможенъ, что нужно только отказаться отъ Христа, забыть Христа, что Христось виновникъ этой гипертрофіи личнаго ощущенія, что не будь Христа, не было бы трагедіи смерти, она не ощущалась бы такъ болѣзненно и ужасъ смерти и гибели проходилъ бы отъ взгляда на пеленку, запачканную въ зеленое и желтое. Міръ для Розанова есть родъ и родовой бытъ, личности онъ не видитъ въ мірѣ, личность гдѣ-то по ту сторону міра, съ Христомъ. Ощущеніе личности и сознаніе ея трагической судьбы—трансцендентно, переходитъ за грани того, что Розановъ называетъ «міромъ», и потому оно мало ему доступно. Личность не отъ міра сего, и потому такъ трагична и мучительна ея судьба въ мірѣ семъ.

И все, что было цѣннаго, великаго, настоящаго въ исторіи міра, было *не трансцендентно*, было жаждой перейти черезъ грани этого міра, разбить застывшій кругъ имманентности, было выходомъ въ иной міръ, проникло въ міръ иного міра въ нашъ міръ. Трансцендентное становится имманентно по міру—вотъ въ чемъ смыслъ мировой культуры. Все творчество челоуѣческое было томленіемъ по трансцендентному, по иному міру, и никто и творчество не было закрѣпленіемъ радостей естественной родовой жизни, не было выраженіемъ довольства этимъ міромъ.

Творчество всегда было выраженіемъ недовольства, отраженіемъ мучи неудовлетворенности этой жизнью. Не только искусство, философія, культъ и все творчество культуры являли собой трансцендентное томленіе чело-вѣчества, но и любовь, половая любовь, столь для Розанова дорогая и близкая, стоящая въ центрѣ всего, была жаждой трансцендентнаго исхода, томительнымъ желаніемъ разбивать грани этого міра. Половая любовь есть уже болѣе, чѣмъ этотъ «міръ», есть уже неудовлетворенность этимъ «міромъ». Розановъ самъ признаетъ трансцендентный характеръ пола.

Оправдать любовь, искусство, философію, всѣ творческіе порывы и значить открыть ихъ трансцендентный характеръ, увидѣть въ нихъ потенціи выхода изъ этого міра. Семья есть этотъ міръ, есть замыканіе горизонтовъ, а любовь есть уже другой міръ, есть расширеніе горизонта до бесконечности. Позитивизмъ есть этотъ міръ, навѣки замкнутый горизонтъ, а метафизика есть иной міръ, есть даль. Имманентный пантеизмъ, къ которому тяготѣетъ Розановъ, и есть оповѣщенный позитивизмъ, особый видъ мистическаго позитивизма. Общественное устроеніе чело-вѣческаго царства есть этотъ міръ, все тотъ же замкнутый горизонтъ, а мечта о соединеніи людей въ царствѣ Божіемъ на землѣ есть уже другой міръ, преодоленіе всякой замкнутости. Любить говорить о греческой культурѣ и утвержденіе въ ней міра противопоставлять отрицанію міра въ христіанствѣ. Но величайшее въ греческой культурѣ—философія Платона и греческая трагедія—было выходомъ изъ этого міра, сознаниемъ недостаточности имманентно взятаго міра, было уже путемъ къ христіанству. Вся средневѣковая культура, богатая творчествомъ, полная красоты, была построена на трансцендентномъ чувствѣ. Въ культурѣ этой была и любовь съ культомъ Прекрасной Дамы и искусство, и философія, и рыцарство, и всенародныя празднества. Было ли все это по Розанову утверженіемъ или отрицаніемъ міра? Привожу всѣ эти примѣры, чтобы наглядно показать всю шаткость постановки вопроса о «мірѣ». Того «міра», о которомъ хлопочетъ Розановъ, вовсе и не существуетъ.

Оправдать религіозно исторію, культуру, плоть міра не значить оправдать семью, родовой бытъ и «варенье», а значить оправдать трансцендентную жажду по иному міру, *воплощающуюся* въ мировой культурѣ, утверждать въ этомъ мірѣ жажду вселенскаго исхода изъ естественнаго порядка природы, злого и испорченнаго. Я даже осмѣливаюсь думать, что между міромъ и семьей, во имя которой прежде всего Розановъ возсталъ на Христа, существуетъ глубокая, неистребимая противоположность. Семья сама претендуетъ быть міромъ и жить по своему закону, семья отнимаетъ чело-вѣка отъ міра, нерѣдко убиваетъ его для міра и для всего, что въ мірѣ творится. Между міромъ и семьей существуетъ гораздо болѣшій антагонизмъ, чѣмъ между міромъ и Христомъ.

Достаточно уже доказано и показано, что ничто такъ не мѣшаетъ все-ленскому ощущенію мировой жизни и мировыхъ задачъ исторіи, какъ крѣ-

ность родовой семьи. И не только между семьей и миром существует противоположность, противоположность существует между семьей и любовью, въ семьѣ слишкомъ часто хоронится любовь.

Всякій закрѣпленный, замкнутый бытъ противенъ творчеству, въ вѣковомъ находится антагонизмъ со вселенной и вселенскимъ. А Розановъ хочетъ намъ выдать семью и бытъ за вселенную, за великій миръ Божій. Враждебность родового быта и родовой семьи вселенскимъ творческимъ порывамъ не требуетъ особыхъ доказательствъ, это фактъ почти очевидный. Вотъ почему Розановскій «миръ» представляется мнѣ фикціей, которая кажется ясно ошутимой бытовому обывательскому сознанию. «Миръ» этотъ есть смѣсь бытія съ небытіемъ, и религіозно важенъ не вопросъ о «мирѣ», а вопросъ о всемірно-историческомъ торжествѣ въ этомъ «мирѣ» бытія. А имманентная религія этого міра есть апофеозъ мѣщанства, къ которому одной своей стороною и прилегаеть Розановъ. «Миръ» этотъ, самъ по себѣ взятый, достоинъ лишь огня, но въ его исторіи утверждается иной, настоящій миръ, въ немъ есть богочеловѣческія связи, въ немъ есть творческіе порывы къ божественному космосу, въ немъ есть вселенскій путь къ новому небу и новой землѣ, въ немъ есть освобожденіе отъ зла, и съ этимъ связанъ религіозный вопросъ объ утвержденіи міра.

Все болѣе и болѣе вырождающееся монашество отрицаетъ не миръ, — миръ этотъ контрабанднымъ путемъ пронимаетъ въ монашескій бытъ, варенья много въ монастыряхъ и мало въ нихъ «пепельной грусти» Евангелія, — монашество отрицаетъ творчество, проникновеніе въ этотъ миръ иного міра, отрицаетъ исторію освобожденія отъ зла этого міра. Монашество погрязло въ этотъ «миръ», потеряло всякую связь съ аскетической христіанской мистикой; христіанство давно уже превратилось въ бытъ, въ которомъ есть много любезнаго Розановскому сердцу. Но монашество продолжаетъ отрицать цѣмности міра, ненавидитъ порывы творчества, враждебно къ освобожденію отъ власти этого міра, дорожить зломъ міра, какъ оправданіемъ своего существованія. Монахи, епископы, князья церкви, историческіе хозяева религіи, — все это мірскіе, бытовые люди, поставленные царствами этого міра. Мы не вѣримъ, что люди эти не отъ міра сего, ихъ отрицаніе міра есть лишь одна изъ хитростей этого «міра». И мы встаемъ противъ монашества, противъ іерарховъ церкви, противъ историческаго христіанства не во имя этого міра, а во имя міра иного, во имя творчества и свободы, во имя жажды разбить грани этого міра, а не мѣшкать ихъ. Всемірно-историческій смыслъ аскетической христіанской мистики, — въ вызовѣ всему порядку природы, въ противоборствѣ естественной необходимости, въ обожениіи человѣческой природы сліяніемъ съ Христомъ, въ побѣдѣ надъ смертью. Этотъ аскетизмъ христіанскихъ святыхъ не былъ недоразумѣніемъ или зломъ, онъ имѣлъ положительную силу, имѣлъ космическія послѣдствія въ дѣлѣ мірового спасенія. Но гдѣ же святые? Можно ли серьезно говорить въ наше время о существованіи аскетической мистики? Наше преодоленіе христіанскаго аскетизма не

есть отрицаніе его великой миссіи, не есть принятіе этого міра. Новое релігіозное сознаніе утверждаетъ не этотъ хаотическій и рабскій міръ, а космосъ, святую плоть міра. Плоть міра, которая должна быть релігіозно освящена, освобождена и спасена—трансцендентна, такъ же трансцендентна, какъ и духъ. Плоть эта не есть матерія этого міра, плоть эта явится въ результатъ побѣды надъ тяжестью и скованностью матеріальнаго міра. Хилиастическія надежды на завершеніе исторіи царствомъ Божіимъ на землѣ, чувственнымъ царствомъ Христовымъ не есть ожиданіе царства міра сего: хилиазмъ не есть царство отъ міра сего, но въ мірѣ сего. А съ хилиазмомъ связано всемірно-историческое воскресеніе плоти, релігіозное утвержденіе плоти міра. Какую же плоть любить Розановъ, релігію какой плоти онъ проповѣдуетъ?

Вопросъ о происхожденіи и сущности зла для Розанова неразрѣшимъ и даже непонятенъ. Пантеизмъ всегда односторонъ, не ощущаетъ мірового трагизма, въ немъ заключена лишь часть истины. Если міръ такъ хорошъ и божественъ, если въ немъ самоъ есть имманентное оправданіе, если не нуженъ никакой трансцендентный исходъ изъ міровой исторіи, то непостижимо, откуда явилось зло этого міра и ужасъ здѣшней жизни. Для Розанова зло есть какое-то недоразумѣніе, случай, роковая ошибка исторіи, вступившей на ложный путь. Откуда явился Христосъ, откуда власть Его темнаго, по Розанову, Лика? Почему релігія смерти имѣетъ такую гипнотическую власть надъ человѣческими сердцами? Почему смерть коситъ міровую жизнь? Розановъ не могъ бы отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ. Онъ прячется отъ зла въ радости семейной жизни, въ сладость быта, вареньемъ хочетъ подсластить горькую пилюлю жизни. Розановъ кричитъ: надоѣла трагедія, утомили страданія, ничего не хочу слышать о смерти, не могу уже воспринимать темныхъ лучей, хочу радостей жизни, хочу воспринимать лишь божественный міръ. Всѣмъ надоѣла, всѣ утомлены, но ничего не подѣлаешь, зло есть дѣйствительность, а не гипнозъ недоразумѣнія. Полъ, кричитъ Розановъ,—вотъ спасеніе, вотъ божественное, вотъ преодоленіе смерти. Полъ хочетъ Розановъ противопоставить Словоу. Но полъ отравленъ въ своей первоосновѣ, полъ тлѣетъ и поддерживаетъ тлѣніе, полъ темень и лишь Слово можетъ спасти его.

Если видѣть въ Христѣ темное начало небытія, враждебное божественному міру, то это уже очень глубокой провалъ пантеизма, это надломъ, котораго пантеизмъ не въ силахъ выдержать, а Розановъ слишкомъ мистикъ, слишкомъ задѣтъ личностью Христа, чтобы объяснять рационалистически таинственную мощь этой личности. Розановъ ощущаетъ тутъ ирраціональную тайну. Но зло міра—тоже ирраціональная тайна, и чистый пантеизмъ останавливается передъ этой тайной съ чувствомъ беспомощности и неловкости. Розановъ прямо говоритъ, что релігія смерти пошла отъ Христа. Пусть онъ также прямо скажетъ, откуда пошла смерть, какъ совмѣстима она съ имманентной божественностью міра.

Хваленый «міръ» Розанова есть кладбище, въ немъ все отравлено

трупнымъ ядомъ. На кладбищѣ хочетъ Розановъ вырастить цвѣты божественной жизни и утѣшиться плодородіемъ разлагающихся труповъ. Розановъ обоготворяетъ біологическій фактъ рожденія, но мистическая загадка жизни не вмѣщается въ біологическомъ рожденіи во времени, она связана съ тайной смерти. Розановъ какъ бы не хочетъ видѣть *двойственности человеческой природы*, ея принадлежности къ *двумъ мірамъ*, закрываетъ себѣ глаза на противорѣчіе между вѣчными порывами человѣка, между заключенной въ немъ потенціей абсолютной жизни и относительностью здѣшной жизни человѣка, ограниченностью всѣхъ здѣшнихъ осуществленій. А религія имѣетъ этотъ метафизико-антропологическій корень, въ двойственности человеческой природы коренится религіозная жажда. Если бы у Розанова было глубокое ощущеніе личности, ощущеніе трагической антиноміи всякаго индивидуальнаго человѣческаго бытія, то онъ бы не настаивалъ такъ на дилеммѣ: «міръ или Христосъ». Сначала должна быть поставлена дилемма: *міръ или личность*. Въ «розановскомъ мірѣ» личность гибнетъ со всѣми своими абсолютными потенціями. Является Христосъ: въ Христѣ спасается личность и осуществляются всѣ ея абсолютныя потенціи, ея богосыновство, она призывается къ участию въ божественной жизни. Христосъ и есть тотъ міръ, въ которомъ утверждается бытіе личности въ божественной гармоніи. И потому дилемма—«Христосъ или міръ» лишается всякаго религіознаго смысла или пріобрѣтаетъ смыслъ иной, не розановскій. Истинное бытіе есть личность, а не родъ, истинное вселенское соединеніе личностей есть богочеловѣческая соборность, а не безличная природа. Утверждать полноту бытія въ мірѣ, значитъ утверждать иной, настоящій міръ, а не природный порядокъ. Но Розановъ не вѣритъ въ сверхчувственное, онъ стираетъ всякое различіе между чувственностью мистической и чувственностью эмпирической (это и есть имманентный пантеизмъ), и потому религія Христа представляется ему призрачнымъ утѣшеніемъ, а не реальнымъ исходомъ. Я задамъ Розанову одинъ вопросъ, отъ котораго все зависитъ. Воскресъ ли Христосъ и что станетъ съ его дилеммой,—міръ или Христосъ, если Христосъ воскресъ? Повѣривъ въ реальность воскресенія, будетъ ли онъ настаивать на томъ, что религія Христа есть религія смерти? Но Розановъ вмѣстѣ со всѣми рационалистами и позитивистами принужденъ видѣть въ воскресеніи либо обманъ, либо мнѣе, и для него въ Христѣ торжествуетъ смерть, а не жизнь. Вотъ почему борьба Розанова съ Христомъ перестаетъ быть мистически страшной. Страшно было бы, если бы, повѣривъ въ реальность воскресенія, онъ всетаки имѣлъ бы силу показать, что религія Христа есть религія смерти. А что «реальныя» социальныя реформы гораздо дѣйствительнѣе для жизни, чѣмъ «призрачное» воскресеніе Христа, это мы слышали отъ всѣхъ позитивистовъ и нисколько этого не страшимся. Розановъ незаметно сползаетъ по наклонной плоскости къ вульгарному позитивизму, у него пробивается молодой пушокъ позитивизма и странное впечатлѣніе въ немъ производитъ юношеское увлеченіе социально-револю-

ціонними ідеями. То, що говорить тепер Розановъ, обычно говорять въ несравнено болѣе юномъ возрастѣ. Скоро онъ будетъ переживати недовий мѣсяць своего романа съ позитивизмомъ и соціалізмомъ, — послѣдними результатами безрелигіозной европейской культуры.

Бывшій консерваторъ, почти реакціонеръ Розановъ, сотрудникъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*, начинаетъ флиртовать съ стихіей революціи, незамѣтно перерождается въ радикала. Но политическая неосвѣдомленность, а бы сказати, почти малограмотность мѣшаєтъ Розанову разобратися въ существующихъ политическихъ теченіяхъ, онъ остается чуждымъ политикѣ въ собственномъ смыслѣ слова. Въ великому соблазну всѣхъ тѣхъ, которые почитаютъ этого первокласснаго писателя, прислушиваются къ его словамъ, фізіономія его остается друмысленной, радикализмъ его кажется несерьезнымъ, капризомъ его темперамента. Я думаю, что тяготѣніє Розанова къ соціальному радикализму, любовь его къ «лѣвымъ» имѣетъ болѣе глубокіє корни. Розановъ чувствуетъ, что дѣло имманентнаго пантеизма и натуралистической мистики можетъ выиграть отъ союза съ нарождающеюся религіей соціализма, съ прогрессивнымъ соціальнымъ устроєніємъ этой жизни. Соціализмъ обѣщаєтъ обоготворить и устроить природный міръ и природное челоуѣчество. Пантеизмъ розановскаго типа могъ бы обогатить и опoетизировать прозу соціального строительства, одухотворить радости матеріальной жизни. Имманентное отношеніє къ этому міру и радостямъ этой жизни и вражда къ трансцендентному соединяєтъ Розанова съ соціализмомъ и даже съ позитивизмомъ. Но «лѣвые» такіє ремесленники, что не хотять воспользоваться Розановымъ, и Розановъ продолжаетъ терпѣть отъ нихъ не мало обидъ. Розановъ, конечно, всегда останется мистикомъ, въ немъ слишкомъ сильно непосредственное чувство, онъ никогда не согласится переселиться въ кухню, бьющая черезъ край талантливость его всегда будетъ сильнѣе его безтолковой «лѣвості», его дилетантскаго и обывательскаго радикализма. Есть настоящій, глубокий радикализмъ и радикализмъ розановской постановки вопроса о полѣ и плоти гораздо подлиннѣе, искреннѣе и значительнѣе его флирта съ «лѣвостью».

Заслуги Розанова въ критикѣ историческаго христіанства и исторической церкви огромны, своими темами онъ послужилъ новому религіозному сознанію. Онъ оказалъ большое вліяніє на Мережковскаго и «Новый Путь», почти опредѣлилъ темы «религіозно-філософскихъ собраній». Розанова очень боялись, съ нимъ очень носились, и вліяніє его съ одной стороны было благотворнымъ и творческимъ, но съ другой — вреднымъ и слишкомъ давящимъ. Розановъ всѣхъ загнипотизировалъ своей дилеммою «Христосъ или міръ», въ то время какъ такой дилеммы, какую Розановъ ставитъ, не существуетъ. Она порождена смѣшеніємъ и темнотою сознанія. Тема Розанова очень жизненна, очень разрушительна для историческаго христіанства, для церковной ієрархіи, но Христа не касается, къ Христу можетъ быть отнесена лишь по слабости сознанія, лишь въ затме...

Когда Розановъ говоритъ, что христіанскаго брака не существуетъ, что церковь проливаетъ любовь, когда онъ ставитъ вопросъ о таинствѣ брака такъ, что если это таинство подлинно существуетъ, то пусть въ церкви происходитъ соединеніе половъ,—онъ могущественъ и радикаленъ, онъ гениально смѣлъ и для насъ важенъ. Историческая церковь ничего Розанову не могла отвѣтить и не отвѣтила. Но что общаго имѣетъ этотъ религиозно-проникновенный вопросъ съ обоготвореніемъ этого міра, имманентно взятаго, съ попыткой сокрушить Христа бытомъ? Историческая церковь очень даже признаетъ семейный бытъ, да и вообще пытается бытомъ, а таинство любви не признаетъ, не видитъ трансцендентности таинства брака. Историческая христіанская церковь враждебна не этому міру и кристаллизовавшемуся въ немъ быту, она враждебна космосу, божественной плоти міра, и въ этомъ трагедія церкви. Церковь враждебна самой идеѣ церкви, какъ космическаго организма. Въ церкви нѣтъ воскресенія міра. И рождается новое религиозное сознаніе, жаждущее преображенной плоти, а не первобытной плоти. Первобытная, языческая, тлѣющая плоть продолжаетъ контрабандно жить въ церкви, а новой, воскресшей плоти въ ней нѣтъ, не является. Розановъ произноситъ свой судъ надъ церковью, какъ представитель этой старой, языческой, тлѣющей плоти, которая и безъ того слишкомъ много занимаетъ мѣста въ церкви. Вотъ почему «религиозно-философскимъ собраніямъ» не слѣдовало бы такъ поддавать подъ влияніе Розанова.

Христось—совершенное, божественное дитя Бога, образъ космоса. Христось-дитя есть абсолютная норма для міра-дитяти. Во имя Сына Своего Логоса сотворилъ Богъ міръ, черезъ Сына міръ усыновляется Богу, возвращается къ Отцу. Христось божественный посредникъ между Богомъ и міромъ: если бы не было Христа, то міръ не былъ бы дитя Божье, и пантеистъ не могъ бы почувствовать свою частичную истину,—божественность міра. Только міръ, принявшій въ себя Христа и вошедшій въ Христа, становится дитятемъ Бога, божественнымъ. Этотъ міръ есть отпаденіе отъ Бога и потому онъ во злѣ лежитъ, потому божественность его надломлена, болѣзненна, нашъ міръ — сомнительно божественный. Но у міра осталась связка съ Богомъ, эта связка въ мистическомъ порядкѣ бытія есть Сынъ Бога, Бого-Человѣкъ, Бого-Міръ, вѣчный заступникъ. Связка эта воплотилась въ исторіи въ личности Христа. Черезъ Бого-человѣка, Бого-Міра—Міръ становится божественнымъ, обожается. Между истомъ и міромъ существуетъ лишь эмпирически кажущаяся противоположность, отъ слабости человѣческаго сознанія исходящая, но подъ ней лежитъ мистически-реальная соединенность. Въ предѣлахъ историческаго христіанства соединенность Христа и міра, божественность человѣчества міра не видна, такъ какъ не закончилась космическая эпоха искупленія. Только въ божественной діалектикѣ троичности окончательно завершается соединеніе міра съ Богомъ, лишь въ церкви Св. Духа воскресаетъ плоть Божья. Въ Духѣ исчезаетъ всякая противоположность между двумя дѣтьми

Бога, между дитятею-міромъ и дитятею-Христомъ. Христосъ явилъ Собой Бого-человѣка, Духъ свѣтъ явилъ Бого-человѣчество. Въ Бого-человѣчествѣ произойдетъ обоженіе человѣчества, обоженіе мировой плоти. Но новая, святая плоть не можетъ быть плотью старой, языческой, тлѣющей, той, о которой заботится Розановъ: въ новый міръ войдутъ всѣ элементы нашего міра, но преображенные, ничто не уничтожится, но все просвѣтлится. Мы смотримъ впередъ, а не назадъ, на грядущее царство Божіе, а не на потерянный рай прошлаго. Мы хотѣли бы быть религиозными революціонерами, а не реакціонерами. По причудливой исторической ироніи религиозное реакціонерство иногда соединяется съ социальнымъ революціонерствомъ. Розановъ стремится не къ царству Духа, не къ царству Бога Единого и Троичнаго, а къ царству Бога Отца; но царство Бога Отца не можетъ уже быть, оно несовмѣстимо съ мистической діалектикой Троичности, окончательно соединяющей Творца съ твореніемъ, оно ничѣмъ почти не отличается отъ атеизма, отъ котораго пантеизмъ отдѣленъ условимой границей.

Въ мірѣ нарождается новая религиозная душа. Душа эта глубоко связана съ самой старой, съ тѣмъ, что было вѣчнаго въ старой душѣ, но въ ней открываются новые горизонты. Для новаго религиознаго настроенія и сознанія, пережившаго весь опытъ новой исторіи, всю глубину сомнѣній и отрицаній, вопросъ о церкви ставится иначе, чѣмъ для обветшалаго «христіанскаго» сознанія. Мы ищемъ церковь, въ которую вошла бы вся полнота жизни, весь мировой опытъ, все цѣнное въ міру, все, что было подлиннымъ бытіемъ въ исторіи. За стѣнами церкви ничего не должно остаться, кромѣ небытія. Церковь есть космическая сила, обоженная душа міра, церковь и есть божественный міръ, не погибающая связь между Богомъ и міромъ. Вхожденіе въ церковь и есть вхожденіе въ подлинный міръ, а не выходненіе изъ міра. Люди старыхъ религиозныхъ чувствъ и стараго сознанія идутъ въ церковь спасаться отъ мировой жизни, замалывать грѣхи, накопившіеся въ міру, и все, чѣмъ они живутъ, оставляютъ у входа въ ограду церкви, все самое дорогое для нихъ, самое цѣнное въ ихъ жизни, всѣ творческіе порывы, любовныя грѣзы, вся сложность ихъ опыта, весь путь мировой исторіи—все это не входитъ съ ними въ церковь, не смѣетъ войти. Этого дуализма мы уже не можемъ вынести, этотъ дуализмъ сталъ безбожнымъ, онъ умерщвляетъ религиозную жизнь, является хулой на св. Духа. Въ церкви должно быть все наше дорогое, все наше цѣнное, все нами выстраданное въ мірѣ, — наша любовь, наша мысль и поэзія, все наше творчество, отлученное отъ церкви старымъ сознаніемъ, всѣ наши великіе мірскіе люди, всѣ наши неподнимающіе порывы и мечты, все, что было трансцендентнаго въ нашей жизни и жизни мировой. Церковная жизнь есть полнота жизни, божество бытія, а не семинарско-поповско-монашескій колапсъ, который держатъ въ своихъ рукахъ власть имѣющіе.

Достоевскій и Вл. Соловьевъ больше всѣхъ сдѣлали для новаго ре-

гознаго движенія, это самыя большіе наши люди, наши учителя, но ихъ религіозная душа наполовину была еще старая. Достоевскій и Вл. Соловьевъ были очень сложные люди, глубоко пережившіе весь опытъ новой исторіи, прошедшіе черезъ всё соблазны и сомнѣнія, въ нихъ накопилось много новыхъ богатствъ. Но въ церковь они шли по-старому, всё ихъ богатства не входило съ ними въ церковь, весь ихъ опытъ не дѣлалъ этой церкви обширнѣе и помѣстительнѣе, въ церкви они себя лишь отрицали. Религіозно-философская система Вл. Соловьева гораздо шире и глубже его церковной религіозности, въ ней есть идея *Богочеловѣчества*, а въ церкви его нѣтъ богочеловѣчества и богочеловѣческой жизни. Достоевскій въ «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ» открываетъ религіозныя дали, чувствуетъ несказанную религіозную свободу, а ходить въ церковь, въ которой всё горизонты замкнуты. Вотъ почему вмѣстѣ съ Мережковскимъ я думаю, что ни одна изъ существующихъ историческихъ цервей не есть вселенская церковь, не заключаетъ въ себѣ полноты откровенія, а міръ идетъ къ вселенской церкви, жаждетъ освѣтить въ ней свою жизнь.

Розановъ скажетъ, что мы пантеизируемъ идею церкви, но пантеизированіе это ничего общаго не имѣетъ съ его имманентнымъ пантеизмомъ. Вселенская церковь, вмѣщающая всю полноту бытія, есть церковь Бога, Единого и Троичнаго, церковь св. Троицы; въ ней окончательно исчезаетъ кажущаяся противоположность между міромъ и Христомъ. Въ свѣтѣ новаго сознанія рождается иная дилемма: *христіанство или Христосъ*. Христіанство есть старый міръ, быть; Христосъ есть новый міръ, противоположный всякому быту.

Николай Бердяевъ.

Патріотизмъ и конституція.

Однимъ изъ самыхъ тяжкихъ и, на нашъ взглядъ, самыхъ несправедливыхъ обвиненій, какія предъявлялись съ правой стороны нашему освободительному движенію и его дѣателямъ, я считаю обвиненіе ихъ въ отсутствіи у нихъ *патріотизма*, любви къ родинѣ. Это обвиненіе, какъ извѣстно, широко эксплуатировалось, въ частности, и по отношенію къ первой Государственной Думѣ, послѣ того какъ она была распущена и когда противъ нея была предпринята та кампанія, которая хотѣла нравственно ее дискредитировать, добиться по отношенію къ ней того, что у римлянъ называлось *damnatio memoriae*, т.-е. заклеявленія самой ея памяти. Къ этой кампаніи не безъ усердія приложили свою руку даже октябристы, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ А. И. Гучкова, который съ такимъ эмфазомъ восхвалялъ патріотизмъ и національное чувство черносотенцевъ, повидимому, не находя и слѣдовъ ихъ у тѣхъ дѣателей, которые стоятъ лѣвѣе октябристовъ. Наконецъ, это же обвиненіе противъ первой Думы было пущено въ ходъ и съ прокурорской трибуны по дѣлу о выборгскомъ воззваніи. Въ своей, вообще довольно блѣдной обвинительной рѣчи, г. прокуроръ не преминулъ однако бросить обвиняемымъ упрекъ въ томъ, что они призывали населеніе къ неплатежу налоговъ и нечаять рекрутъ въ такое время, когда родина и безъ того переживала годину смуты, когда она, какъ для поддержанія своего внутренняго порядка, такъ и для возвращенія себѣ внѣшняго могущества, нуждалась въ повиновеніи своихъ гражданъ, нуждалась въ деньгахъ и солдатахъ. Г. прокуроръ не безъ эффекта сослался при этомъ на то, что даже германскіе соціалъ-демократы, когда имъ поставили вопросъ, какую займутъ они позицію въ случаѣ внѣшней войны, безъ колебаній отвѣтили: тогда въ Германіи не будетъ партій, а будутъ только одни *тымцы*.

Бывшій предсѣдатель первой Государственной Думы въ своемъ послѣднемъ словѣ на судѣ уже далъ представителю прокурорской власти достойный отвѣтъ на эту ссылку. Онъ правильно указалъ на то, что въ моментъ изданія выборгскаго воззванія передъ Россіей не было *внѣшняго* врага, а если врагомъ *внутреннимъ* считаютъ свой собственный народъ, отъ лица

котораго дѣйствовали «народные представители» первой Думы, — то аналогія далеко не въ пользу тѣхъ, кто ссылается на патриотизмъ германскихъ социалъ-демократовъ.

Однако едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на тотъ отпоръ, какой данъ былъ «официальному» обвиненію на выборгскомъ процессѣ со стороны обвиняемыхъ, получившихъ, благодаря постановкѣ дѣла на судъ, еще разъ счастливую возможность говорить передъ цѣлымъ народомъ и даже передъ всѣмъ свѣтомъ, — едва ли всетаки можно сомнѣваться въ томъ, что тяжкое обвиненіе въ отсутствіи патриотизма будетъ и впредь, всевозможными другими «неофициальными» и «официальными» способами, повторяться противъ ненавистныхъ «кадетовъ», будетъ эксплуатироваться въ качествѣ средства путать тѣ темныя обывательскія массы, которыя глубоко проникнуты *чувствомъ* патриотизма, но которыя не всегда способны разбираться въ его *идейной* сторонѣ. Этотъ споръ о «патриотизмѣ» не только не законченъ, но онъ еще долго будетъ продолжаться, и мы обязаны его принять и отвѣчать на него по существу. Это — большой и важный споръ, въ которомъ вѣковое и всеобщее понятіе патриотизма должно быть сохранено вполнѣ неприкосновеннымъ, но въ которомъ народу съ ясностью должно быть показано, *съ чѣмъ* заключается «истинный» патриотизмъ, и *кого* ему слѣдуетъ считать «истинными» патриотами.

Въ сожалѣнію, до сихъ поръ, съ «лѣвой» стороны этимъ споромъ почти пренебрегали или, во всякомъ случаѣ, оставляли его безъ достаточнаго углубленія. Въ отвѣтъ на нападки «справа» отвѣчали просто указаніемъ на «казенный» патриотизмъ самихъ нападавшихъ и, не безъ брезгливости, отрекались отъ самаго спора объ этомъ казенномъ патриотизмѣ. И это было, конечно, правильно, ибо если у настоящаго, подлиннаго патриотизма есть злѣйшій врагъ, такъ это даже не равнодушіе къ отечеству, а именно этотъ выѣшній, «казенный» патриотизмъ, который не позволяетъ Стесселя или Гурка называть «врагами» отечества, а требуетъ, чтобы мы ихъ, по чину и рангу, непременно величали «защитниками» отечества и его «героями». Равнодушные къ патриотизму не приносятъ пользы родинѣ, но они ей и не вредятъ, а «казенные» патриоты ее губятъ, роютъ ей тѣ историческія ямы и на Дальнемъ Востокѣ, и въ Петербургѣ, изъ которыхъ потомъ самому народу такъ трудно бываетъ выбираться.

Итакъ, чувство брезгливости по отношенію къ «казенному» патриотизму совершенно естественно; спорить о патриотизмѣ съ покойнымъ Грингмутомъ или благополучно здравствующимъ Меньшиковымъ, конечно, бесполезно и противно, ибо это и значить — вращаться въ кругу такихъ «патристическихъ» сюжетовъ, какъ военные подвиги Стесселя или гражданскія доблести Гурка; скажу даже больше: неприятно (не знаю: вполнѣ ли полезно?) указывать и Александру Ивановичу Гучкову на то, что онъ, хваля патриотизмъ союза русскаго народа, умышленно не желаетъ отличить истиннаго патриотизма отъ казеннаго, или даже хуже, чѣмъ казеннаго. Но самымъ вопросомъ о патриотизмѣ не только нельзя пренебрегать,

а къ нему надо подойти вплотную, надо отыскать для него правильный и глубоко заложенный фундаментъ. Вопросъ о патриотизмѣ—есть вопросъ объ историческомъ существованіи народа, и даже больше того: это вопросъ объ его *достойномъ* историческомъ существованіи.

Итакъ, что же такое настоящій патриотизмъ? И кого надо считать настоящими русскими патриотами? Заслуживаютъ ли этого названія, наприм., дѣятели первой Государственной Думы, еще такъ недавно подвергшіеся не только судебной, но, что еще гораздо важнѣе, также и общественной оцѣнкѣ?

Въ качествѣ исходнаго пункта для всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій по этому поводу мы позволимъ себѣ сразу же взять такую формулу патриотизма, которая *естини и безъ спора* могла бы быть принята за правильное его выраженіе. Римляне, этотъ народъ, который былъ проинкнутъ патриотизмомъ, можетъ быть, больше, чѣмъ всякій другой изъ числа тѣхъ, которые играли крупную историческую роль, римляне говорили: *dulce et decorum est pro patria mori*, т.-е. «сладко и почетно (или прекрасно) умереть за отечество». Никто не заподозритъ искренности и силы этого изреченія въ устахъ, его нѣкогда произносившихъ, и оно, дѣйствительно, съ возможнымъ высшимъ паэосомъ выражаетъ чувство патриотизма. Смерть за отечество—для того, кто умираетъ, субъективно не тяжка, а *сладостна*; но и объективно, съ точки зрѣнія тѣхъ, кто ее созерцаетъ, она также не тяжела, а *прекрасна*. Къ смерти за отечество—*субъективно*, можно только стремиться; *объективно*—ей можно только завидовать. Она—высшее проявленіе человѣческой природы и человѣческихъ отношеній, ибо внутренній ея смыслъ—умѣнье и готовность положить душу свою «за други своя».

Итакъ, всё согласны въ томъ, и никто не рѣшится спорить противъ того, что *сладостно и прекрасно умереть за отечество!*

Это и есть правильная и сильная формула патриотизма.

Кто же, съ точки зрѣнія этой формулы, патриотъ и кто не патриотъ?

Если мы желаемъ разобраться въ вопросѣ *идейнымъ* образомъ, если мы желаемъ дать себѣ *сознательный* отчетъ въ томъ, въ чемъ заключается *патриотическій* смыслъ этой формулы,—то мы немедленно же должны будемъ поставить логическое удареніе въ ней на словѣ «отечество»: сладостно и прекрасно умереть, но именно «за отечество», а не за что-либо другое. Смерть за что-либо «другое» можетъ быть также хорошей, а можетъ быть и дурной, но всякая *другая* смерть, во всякомъ случаѣ, не заслуживаетъ ни этого паэоса, ни этой специальной характеристики: *сладостно и почетно* умереть—только «за отечество». Такимъ образомъ вся суть патриотизма именно въ идеѣ «отечества».

Но что же такое «отечество»?

Вотъ вопросъ, надъ которымъ мало когда задумывается обыкновенный обыватель, и по очень простой причинѣ: отвѣтъ на него кажется ему само собой разумѣющимся, вполне понятнымъ, не требующимъ ни малѣйшихъ размышленій.

«Мое отечество—это мое государство; мое отечество—это Россія», говорить самъ себѣ гражданинъ, и не видитъ дальше этого уже никакихъ перспективъ для размышленія.

Да, сказанное—совершенно вѣрно: для всякаго отечествомъ служить его государство, и умереть за отечество—значить умереть за свое государство. Но на этомъ не только нельзя кончить съ вопросомъ о патриотизмѣ, а наоборотъ, для того, кто желаетъ быть *сознательнымъ* патриотомъ, онъ именно здѣсь-то только и начинается. И въ эпохи обыкновенныя, въ эпохи устойчивости, спокойствія и процвѣтанія государствъ это остается непримѣтнымъ. Государство, какъ оно есть, какъ разъ и служить *объектомъ* истиннаго патриотизма, и служеніе этому государству нигдѣ не натывается на противорѣчіе существу патриотизма; здѣсь можно спокойно и увѣренно умирать за *свое* государство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, нисколько не сомнѣваясь, что это и есть та сладостная и почетная смерть, о которой говоритъ римское изреченіе.

Но не то бываетъ въ эпохи переходныя,—въ эпохи, когда государство *должно* быть перестроено и когда оно, съ тяжкими и болѣзненными усліями всего своего организма, совершаетъ эту перестройку. Здѣсь *идейное* уясненіе существа патриотизма должно быть непремѣнно продолжено, ибо иначе, именно въ этой области, приходится натолкнуться на безысходныя и мучительныя противорѣчія, которыя способны *отравить* чувство и совершенно *сгнать* дѣйствіе. При этихъ условіяхъ понятіе патриотизма, безъ его глубокаго идейнаго уясненія, вмѣсто своей нормальной общественной роли—связующаго звена, превращается въ то, во что именно оно у насъ теперь и превратилось—въ яблоко раздора. Позволимъ себѣ тотчасъ же подтвердить сказанное конкретными примѣрами.

«Сладостно и почетно умереть за отечество»... Такою сладкою и почетною смертью умеръ «истинный» герой Портъ-Артура, тотъ, кто былъ «душою» его обороны, генералъ Кондратенко. Вотъ, поистинѣ, римская, героическая смерть: вотъ къ кому римляне, безъ всякихъ оговорокъ, какъ и къ своимъ полководцамъ, примѣнили бы свое классическое изреченіе! Смерть генерала Кондратенка—это и есть «сладкая и прекрасная» жертва, принесенная героемъ на алтарь отечества.

Однако, не чувствуете ли вы, читатель, что римская формула въ прижизненіи ея къ смерти генерала Кондратенка отравлена для насъ какимъ-то *ядомъ*? Послѣ того, какъ мы теперь уже знаемъ, какъ *позаботились* еще до войны о томъ, чтобы Портъ-Артуръ былъ, дѣйствительно, крѣпостью, а не пустымъ мѣстомъ; послѣ того, какъ мы уже знаемъ, *какъ* велась его оборона и *кому* она была поручена, можемъ ли мы съ римскимъ спокойствіемъ и увѣренностью утверждать, что смерть генерала Кондратенка и другихъ защитниковъ нашей дальне-восточной «твердыни»—есть именно жертва, принесенная на алтарь «отечества»? Не есть ли это, скорѣе, жертва, принесенная какому-то Молоху, который завладелъ нашимъ отечествомъ и привелъ его на край гибели? Не есть ли это смерть за тѣхъ, которые

такъ легкомысленно, а можетъ быть и преступно, толкнули насъ въ дальневосточную авантюру и которые, конечно, не только остались живы и по сей день, но награждены чинами, орденами, а также со вкусомъ пользуются и всёми «благопріобрѣтеннымъ»?

Такъ обстоитъ дѣло *объективно*. Но не лучше оно обстояло, вѣроятно, и *субъективно*—для самого генерала Кондратенка. Онъ-то вѣдь и тогда хорошо зналъ все то, что мы узнали только теперь. Онъ воочію видѣлъ и самую «твердыню», и того, кто въ ней распорядился. И весьма возможно, что отчаяніе за «отечество» не разъ овладѣвало душою героя, пока онъ былъ живъ, потому что онъ едва ли не предвидѣлъ фатальнаго исхода порть-артурской эпопеи. И едва ли ему «сладко» было умирать, если только онъ, дѣйствительно, правильно оцѣнивалъ положеніе и достаточно хорошо ознакомился съ дальневосточными «дѣлами» и съ дальневосточными «людьми» *).

Но обратимся къ другимъ—увы!—не менѣе грустнымъ событіямъ японской войны. Во время сраженія при Цусимѣ у насъ опрокидывались наземь цѣлыя броненосцы, и все ихъ населеніе сразу шло ко дну вмѣстѣ со своими гигантскими жилищами. Воображеніе почти не осмѣливается отчетливо нарисовать себѣ картину этой смерти многихъ сотенъ людей въ одно и то же мгновеніе. Всѣ они погибли въ бою съ врагомъ, защищая свое отечество. Но развѣ ихъ ужасная смерть принесла хоть какую-нибудь пользу «отечеству»? Развѣ все то предпріятіе, въ которомъ они участвовали, не было совершенно безнадежнымъ съ самаго начала? Развѣ ихъ не вели на *отрнуто* и притомъ совершенно *безполезную* гибель? «Горечь» и «ужасъ», а не «сладость» и «восхищеніе»—вотъ оцѣнка этой гибели, и не за «отечество» они погибли, а все за того же Молоха, который сдѣлалъ наше отечество безпомощнымъ, отдавъ его въ распоряженіе жалкимъ, бездарнымъ, недобросовѣстнымъ.

Сраженіе при Цусимѣ началось «опрокидываніемъ» броненосцевъ, а окончилось, какъ извѣстно, ихъ «сдачей». Вмѣсто того, чтобы умереть съ своими кораблями, экипажи ихъ сдались японцамъ, отдавъ имъ и тѣ гигантскія морскія ловушки, въ которыя ихъ посадили «управители» несчастнаго «отечества». И мы официально влѣйшимъ «сдавшимся» названіемъ «трусовъ» и «измѣнниковъ». Но не чувствуете ли вы, читатель, что и эти противоположныя предыдущимъ слова застреваютъ у насъ въ горлѣ? Что мы не въ силахъ «требовать» смерти этихъ людей, потому что и она, также какъ и смерть экипажей «Бородина», «Суворова» и другихъ, была бы совершенно безполезной для «отечества»? По *внѣшности*—да, это было сраженіе съ непріателемъ, это была защита отечества, но вѣдь по

*) Въ показаніяхъ одного изъ свидѣтелей по дѣлу Стесселя, а именно полковника Гандурина, промелькнуло указаніе на то, какъ «тяжело» было въ Портъ-Артурѣ его главному герою. „По дорогѣ встрѣчаю Кондратенка,—говорилъ между прочимъ полковникъ Гандуринъ на судѣ,—онъ облакалъ меня, зоветъ къ себѣ и въ дружеской бесѣдѣ разсказалъ, какъ *ему самому тяжело*“. Отчетъ въ *Ръчи*, № 306.

существо, это была просто бойня, это была колоссальная гекатомба, принесенная во славу тѣхъ, кто обворовывалъ нашъ флотъ, кто ни съ какой стороны не сдѣлалъ его пригоднымъ къ современному бою. Если ваши орудія стрѣляютъ на разстояніе меньшее, чѣмъ орудія вашего противника, то какое же это сраженіе? И гдѣ же здѣсь «защита отечества»? Можно, конечно, «умирать» и при этихъ условіяхъ, но эта смерть будетъ единственно во имя тѣхъ, кто поставилъ сражающихся въ такое положеніе, при которомъ они должны быть просто *истреблены*, не оказывая сопротивления. И «сдача» и «смерть» могутъ имѣть при этомъ только одну психологію, весьма далекую отъ той, которою пронизано римское изреченіе, а именно психологію *отчаянія*, отчаянія безысходнаго и безграничнаго, полнаго отчаянія за участь и будущность своего отечества... И «сдача», и «смерть» становятся здѣсь внѣ плоскости «патріотизма», явно переходя въ какую-то иную сферу. вмѣсто простой и ясной постановки вопроса о патріотизмѣ во время войны съ внѣшнимъ врагомъ, въ разгаръ самаго боя, — получается что-то ужасное, кошмарное и ни съ чѣмъ не сообразное. Призванные къ «защитѣ» отечества и къ смерти «за отечество» должны побуждаться въ себѣ инстинктъ самосохраненія не ясной и сладкой мыслью объ этомъ отечествѣ, а какой-то сложной психологіей отчаянія, стыда, позора... При этихъ условіяхъ «сдача» и «смерть» явно теряютъ свое обычное, нормальное значеніе и приобрѣтаютъ какую-то новую, еще неслыханную цѣну. Тотъ, кто умеръ, конечно, герой, можетъ быть, даже двойнѣ герой, — но онъ умеръ не за отечество! Тотъ, кто сдался, можетъ быть, сдался именно потому, что ему было слишкомъ ясно, что его смерть совершенно бесполезна для отечества, — и потому мы не рѣшаемся бросить ему со всей силой въ лицо — слова «трусъ» или «измѣнникъ!» Все здѣсь перепутывается, все теряетъ свой простой и ясный смыслъ, и это опять, конечно, потому что «отечество» было въ цѣну у недостойныхъ, потому что защищать отъ внѣшняго врага приходилось не отечество, а его похитителей и недостойныхъ эксплуататоровъ. И русская военная исторія, столь славная всѣмъ своимъ прошлымъ, запятналась при этихъ условіяхъ цѣлымъ рядомъ неслыханныхъ дотогѣ фактовъ и дѣяній.

Однако, не только на театрѣ войны, въ арміи и флотѣ, но и внутри Россіи послѣдовалъ въ это время цѣлый рядъ «ненормальныхъ» фактовъ. Если привычная и понятная всѣмъ идея патріотизма требуетъ отъ сражающихся готовности умереть за отечество, то она же требуетъ отъ тѣхъ, кто непосредственно не участвуетъ въ битвахъ, готовности помогать сражающимся всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи способами и средствами, какъ матеріальными, такъ и моральными. Сограждане сражающихся должны поддерживать своихъ защитниковъ противъ внѣшняго врага всѣми силами, какъ матеріальнымъ достояніемъ и всѣмъ своимъ нравственнымъ сочувствіемъ. Они должны быть душою вмѣстѣ съ своими воинами на полѣ сраженія, должны вмѣстѣ съ сражающимися жаждать побѣды и страшиться

пораженія, должны укрѣплять духъ сражающихся тѣмъ приливомъ всенароднаго къ нимъ и къ ихъ задачѣ сочувствія, безъ котораго удача въ вооруженной борьбѣ между народами, можетъ быть, даже совсѣмъ невозможна. Словомъ, участвовать въ войнѣ съ врагомъ должно не только войско—*физически*, но и весь народъ—*морально*. Война должна быть дѣломъ всенароднымъ, должна быть близка сердцу каждаго, должна дѣйствительно превращать народъ въ *одно цѣлое*; война должна быть тѣмъ общимъ дѣломъ, по поводу котораго *разныхъ* мнѣній въ средѣ народа не существуетъ; передъ фактомъ войны съ внѣшнимъ врагомъ должна умолкать даже социаль-демократическая доктрина, какъ это недавно призналъ Бебель, хотя, можетъ быть, и съ ущербомъ для ея внутренняго смысла (ибо она дѣлитъ человѣчество не на французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и т. п., а на землевладѣльцевъ, капиталистовъ, крестьянъ, пролетаріевъ, и при этомъ провозглашаетъ: «пролетаріи *всѣхъ странъ*, соединяйтесь!»). Вотъ чѣмъ должна быть война съ точки зрѣнія идеи «отечества!» Вотъ что диктуетъ патриотизмъ населенію страны, вовлеченной въ войну съ внѣшнимъ врагомъ.

Это ли мы видѣли во время японской войны внутри Россіи?

Народъ недоумѣвалъ передъ этой войной; она не только была начата безъ его желанія, но и была ему совершенно непонятна. Что же касается верхняго слоя, такъ называемаго, «общества» и интеллигенціи страны, то они прямо этой войнѣ не сочувствовали. Частью потому, что они, хотя въ то время и не вполне ясно, но все же предчувствовали, въ какое болото попала на дальнемъ востокѣ Россія; частью же потому, что самая побѣда въ этой войнѣ (если бы Японія оказалась чѣмъ-нибудь, вроде Турціи) не сулила намъ ничего хорошаго внутри страны. Извѣстно вѣдь, какія надежды для внутренней политики связывалъ Плеве съ побѣднымъ исходомъ въ этой войнѣ, а между тѣмъ интеллигенція страны слишкомъ хорошо понимала, что настоящая, европейская конституція нужна Россіи, какъ свѣтъ и воздухъ; что безъ нея мы рискуемъ навсегда остаться въ хвостѣ исторіи и превратиться въ экономическое мясо для другихъ, болѣе настойчивыхъ и энергичныхъ, чѣмъ мы, народовъ.

Итакъ, населеніе съ самаго начала частью было равнодушно къ этой войнѣ, частью ей даже не сочувствовало.

Но вотъ, развернулась эта война со всѣми ея ужасами, со всѣми ея неудачами для насъ, со всѣмъ ея позоромъ и стыдомъ для тысячелѣтняго великаго государства... Стало совершенно очевидно, что мы не можемъ выиграть этой войны (послѣ паденія Портъ-Артура и уничтоженія нашего тихоокеанскаго флота въ этомъ уже никто не сомнѣвался),—и все сознательное въ странѣ, вмѣсто того чтобы настаивать на продолженіи бесплодной борьбы, стало взывать къ ея прекращенію, къ заключенію мира.

Однако виновники войны не имѣли мужества хотя бы только своевременно признать свою вину. Потребовался еще многодневный Мукденъ и—о ужась!—потребовалась еще почти мгновенная Цусима, чтобы они, нако-

нецѣ, поняли, что отъ исторіи спрятаться некуда, и что миръ заключать неизбежно. Въ результатѣ графская корона увѣнчала не тѣхъ, кто воевалъ, а тѣхъ, кто ликвидировалъ войну съ помощью американцевъ.

Вотъ каково было отношеніе къ войнѣ внутри Россіи. Иностранцы отказывались понимать происходящее. Они говорили, что русскіе совершенно лишены чувства патриотизма. Да, для иностранцевъ это было непонятно, но мы-то слишкомъ ясно, всѣмъ своимъ нутромъ чувствовали, что это война не «за отечество», а «противъ отечества», что лучше намъ проиграть борьбу за тридевять земель, да исторически спохватиться, чѣмъ въ «плебейскомъ спокойствіи» дожидаться до того времени, когда насъ разгромитъ съ ближняго запада. Война съ Японіей и внутри Россіи не встрѣтила «патриотической» поддержки ея населеніемъ по той же самой причинѣ, по которой она такъ «ненормально» шла на Дальнею Востокъ: эту войну вело не «отечество», а все тотъ же Молохъ, во власти котораго было «отечество».

Однако, что же такое «отечество», если даже война съ внѣшнимъ врагомъ можетъ оказаться веденной не «за него», а «противъ него»? Ясно, что въ идеѣ «отечества» надо разбраться глубже, если мы желаемъ понять тѣ событія, которыя имѣли у насъ мѣсто во время японской войны; если мы не хотимъ успокоиться на томъ выводѣ, который теперь такъ усердно проповѣдуютъ гг. Меньшиковы, что русскій народъ вмѣстѣ съ своей интеллигенціей—просто уродъ, лишенный чувства любви къ родинѣ, лишенный патриотизма.

Что же такое «отечество?»

Наше «отечество»—это есть наше «государство», говорили мы выше. И это есть совершенно правильное начало отвѣта на вопросъ объ «отечествѣ». Но только—*начало*, и надо его поэтому довести до конца.

Что такое само «государство?» вотъ вопросъ, который необходимо поставить дальше.

Если бы мы обратились съ этимъ вопросомъ къ учебникамъ государственнаго права, то мы нашли бы тамъ обычный, шаблонный, но для нашихъ цѣлей вполне достаточный отвѣтъ. Въ понятіе государства, скажутъ намъ государствовѣды, входятъ *три* элемента: *территорія, населеніе и власть*. Иными словами, для того, чтобы существовало государство, необходимо, чтобы была *территорія*, было *населеніе*, и чтобы надъ ними была организована *власть*, которая именно и создаетъ то единое цѣлое, которое именуется государствомъ. Поэтому *власть*—это есть основной и главный элементъ въ понятіи государства, территория и населеніе какъ бы даютъ механическіе или строительные матеріалы для государства, и только организация власти превращаетъ эти матеріалы въ настоящее государство. Государство—есть прежде всего и важнѣе всего *организация власти*.

Но если такъ, то то же самое и «отечество». Оно также не есть только «наша» территория или «нашъ» народъ, но также и «наша» власть или «наша» организация власти. Сражаться «за отечество»—это значитъ

сражаться не только за территорию и народъ, но также и за форму организованной у нихъ власти. Умирать за «отечество»—это значить умирать не только за *народъ*, но и за *власть*. Отсюда-то именно возможность тѣхъ трагедій въ области «патріотизма», одну изъ которыхъ, и притомъ въ такомъ тяжкомъ видѣ, мы пережили во время японской войны.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ изложеннаго съ неизбѣжностью вытекаетъ, что «государство», а слѣдовательно, и «отечество», не можетъ оставаться въ вѣчно неизмѣнномъ видѣ. Однажды организованная въ немъ «форма» власти всегда совершаетъ свой историческій кругъ, приноситъ народу свою долю историческаго добра, и затѣмъ себя изживаетъ, перестаетъ приносить народу пользу, начинаетъ причинять ему *вредъ*, изъ здороваго и крѣпкаго устоя государства превращается въ гнилую подпору, которая уже ничего не способна поддерживать, а становится лишь источникомъ распаденія и разложенія... Тогда для государства (а, слѣдовательно, и для «отечества») наступаетъ кризисъ, тогда государство оказывается какъ бы потерявшимъ свой главный элементъ, а, слѣдовательно, и не существующимъ, какъ нормальное государство, какъ покровитель и защитникъ народа въ его историческомъ существованіи. Тогда и «отечество» какъ бы перестаетъ быть отечествомъ, ибо изъ родной матери для народа («родина-мать») оно превращается въ злую мачеху для него... Тогда-то и начинается для народа та тяжкая трагедія, которую и мы пережили вмѣстѣ съ японской войной.

Война съ Японіей была для Россіи—событіемъ особаго рода и совершенно исключительнаго значенія. Она, какъ блескъ молніи, сопровождающій собою оглушительный ударъ грома, освѣтила намъ наше внутреннее состояніе и показала всѣ опасности, связанныя съ нимъ для народа. При этомъ страшномъ громѣ и ослѣпительномъ блескѣ грозы, къ счастью, разрывшейся не надъ европейской и даже не надъ азиатской Россіей, а гдѣ-то тамъ далеко, на краю свѣта, куда завели насъ нездоровые аппетиты нездоровыхъ людей, мы вдругъ увидѣли наше старое «отечество» совершенно немощнымъ и наше старое государство внутренне изжившимъ свою прежнюю организацію. Мы сразу убѣдились, что, какъ государство и народъ, мы находимся въ смертельной опасности, потому что прежняя организація власти уже не гарантируетъ намъ даже внѣшней безопасности; что надо немедленно же и съ возможной поспѣшностью приняться за внутреннюю перестройку нашего государственнаго организма,—или иначе намъ грозитъ участь такихъ странъ, какъ Испанія. Японская война стала для насъ поэтому грознымъ историческимъ предостереженіемъ; она испепелила безъ остатка нашъ старый «патріотизмъ», съ которымъ мы создали наше огромное государство, и она поставила передъ народомъ неумолимое требованіе создать себѣ новый «патріотизмъ», перестроивъ заново свое «отечество», подъ угрозой иначе—исторической смерти. Это было огненное «жани, факель, фаресь», адресованное съ Дальняго Востока старому нашему государственному строю, а, слѣдовательно, и старому на-

нему «патріотизму». И русскій народъ не остался глухъ къ полученному имъ на Дальнемъ Востоку грозному уроку. Онъ съ пламеннымъ увлеченіемъ и немедленно принялся за перестройку своего государства. И такъ какъ для того, чтобы дать толчокъ государственному переустройству, понадобилось революціонное движеніе, то онъ не остановился и передъ нимъ: онъ создалъ день 9 января въ Петербургѣ, онъ вслѣдъ за этимъ днемъ устраивалъ стачку за стачкой, не давая ни на минуту остыть освободительному движенію; онъ, наконецъ, выдвинулъ октябрьскую политическую забастовку, остановивъ ею всю жизнь страны и весь застывши въ одномъ страстномъ порывѣ: получить желанный «новый» строй и тѣмъ положить прочную основу «новому» отечеству... Свою рѣшимость добыть необходимыя условія для своей «новой», лучшей жизни, народъ запечатлѣлъ своею кровью, пролитую не разъ въ разныхъ мѣстахъ обширной Россіи.

Въ счастію, эта народная кровь пролилась не напрасно. Страстный порывъ народа былъ удовлетворенъ. 17 октября 1905 г. отъ имени самой власти, или, лучше сказать, отъ имени того ея элемента, который исторически не только не отжилъ и не умеръ, но который будетъ жить съ народомъ еще многіе вѣка и вокругъ котораго, какъ вокругъ прочнаго историческаго стержня, будетъ организованъ новый, конституціонный строй,—былъ изданъ актъ, болѣе важный и великій, тѣмъ прямой его историческій предшественникъ—манифестъ 19 февраля 1861 г. Манифестъ 17 октября какъ разъ и совершилъ то, что нужно было народу: онъ въ корнѣ измѣнилъ организацію у насъ государственной власти, онъ объявилъ введеніе у насъ настоящей европейской конституціи, и этимъ вновь вернулъ намъ утраченное нами за полнымъ историческимъ израсходованіемъ самодержавія «отечество». «Наша» территорія, «наше» населеніе и «нашъ» государственный строй, возвѣщенный намъ манифестомъ 17 октября—вотъ отнынѣ наше государство, вотъ—наше нынѣшнее «отечество». «Патріотизмъ» послѣ этого опять имѣетъ въ Россіи совершенно опредѣленный и ясный смыслъ, и онъ долженъ быть направленъ на установленіе въ странѣ настоящей конституціи, т. е. на воплощеніе въ жизнь полностью манифеста 17 октября. Не больше, но и не меньше. *Не больше*, потому что получивъ для себя настоящую конституцію, мы обезпечимъ нормальный, правильный и мирный выходъ для историческихъ силъ народа, и въ рамкахъ конституціи народъ сумѣетъ затѣмъ добиться всего большаго и лучшаго, къ чему онъ только способенъ. *Не меньше*, потому что этимъ силами необходимо нуженъ свободный, конституціонный выходъ, и безъ него народъ будетъ божь, не имѣющимъ энергіи и рѣшимости для того, чтобы разбить свои оковы. Такой народъ не устоитъ среди нынѣшнихъ европейскихъ, американскихъ и азіатскихъ народовъ.

Итакъ, ясно и безспорно, съ одной стороны, что вмѣсто прежняго самодержавія, какъ организаціи государственной власти, намъ нужна настоящая, полная конституція, т. е. народное представительство съ прочными законодательными и бюджетными правами,—народное представительство, которому бы

довѣрять народъ и къ которому съ уваженіемъ относилась бы исполнительная власть. Ясно и безспорно, съ другой стороны, и то, что именно такая настоящая, подлинная конституція, т.-е. введеніе народнаго представительства съ законодательными правами, именно и объявлено всенародно манифестомъ 17 октября... Но только воплощеніе въ жизнь этого манифеста встрѣтило рядъ историческихъ препятствій, которыя еще надо преодолѣть. И вотъ: это именно положеніе вещей и создаетъ теперь для русскаго «патріотизма» совершенно опредѣленную задачу—весь нашъ «патріотизмъ» долженъ быть направленъ на то, чтобы эти препятствія *преодолѣть*.

Что же это за препятствія? преодолѣны ли они уже въ какой-либо мѣрѣ? И какъ ихъ преодолѣть до конца?

Вотъ тѣ вопросы, которые теперь важнѣе всего для сознательнаго русскаго патріота.

Препятствіемъ къ осуществленію манифеста 17 октября, т.-е. къ водворенію у насъ подлинной, настоящей конституціи, служатъ, какъ теперь это уже выяснилось съ полной очевидностью, тѣ эксцессы *влѣво* и *вправо*, которые, можетъ быть, были и неизбѣжны при такомъ грандіозномъ историческомъ кризисѣ, какой пришлось пережить Россіи, но которые, несомнѣнно, должны быть побѣждены, для того, чтобы въ странѣ прочно водворилась настоящая конституція. И скажу тотчасъ же: побѣждены не *физически*, а непременно *морально*. Физически—ни тѣхъ, ни другихъ побѣдить нельзя. Физически ихъ можно только загнать—первые въ *подполье*, вторые, наоборотъ, въ какія-нибудь высшія сферы,—а, между тѣмъ, для блага страны ихъ надо совсѣмъ *уничтожить*, и это можно сдѣлать только *морально*.

И если мы поставимъ эту задачу именно такъ, то для насъ тотчасъ же станетъ ясно, что одержать такую полную и окончательную моральную побѣду надъ эксцессами справа и надъ эксцессами слѣва, т.-е. и надъ революціей и надъ контръ-революціей, можетъ только самъ народъ и только въ томъ случаѣ, если онъ вполнѣ и до конца проникнется конституціонной идеей. Пока народъ недостаточно смышленъ, чтобы понять необходимость своего активнаго участія въ жизни государства; или пока онъ недостаточно благоразуменъ, чтобы дѣйствовать не только въ состояніи запальчивости и раздраженія, но и добиваться своего съ холодной и спокойной настойчивостью,—до тѣхъ поръ онъ всегда будетъ во власти или эксцессовъ справа, или эксцессовъ слѣва. Въ немъ всегда будутъ жить и реакція, и революція, какъ бы въ непрерывномъ или перманентномъ состояніи. На мѣсто ихъ «конституція» становится лишь тогда, когда самъ народъ глубоко проникается настоящимъ конституціоннымъ духомъ, т.-е. рѣшимостью *настаивать* на своихъ правахъ, но настаивать *безъ запальчивости и раздраженія*, а въ спокойномъ сознаніи своей внутренней правоты и съ довѣріемъ къ своей внутренней моральной мощи.

И мы, въ счастья, можемъ сказать теперь, послѣ всего того, что мы

пережили въ послѣдніе два года, что нашъ народъ *усвоилъ* себѣ конституціонную идею, что онъ понялъ все ея значеніе и силу, и что онъ *стоитъ* и *будетъ* стоять за нее, отвергая одинаково какъ отклоненія отъ нея вправо, такъ и отклоненія влѣво. Теперь уже очевидно, что русскій народъ, какъ цѣлое, оаазался на высотѣ своихъ историческихъ задачъ; что онъ пережилъ историческую бурю, но что онъ вывелъ изъ нея и тѣ уроки, какіе необходимы для великаго историческаго народа, желающаго на прочныхъ началахъ устроить свою дальнѣйшую судьбу. Эти прочныя начала—народное представительство, стоящее рядомъ съ Монархомъ, и обладающее, такъ же, какъ и Онъ, *рѣшающимъ* голосомъ въ дѣлѣ законодательства и бюджета. При такихъ условіяхъ вопросъ о томъ, что у насъ *содворится* прочная и подлинная конституція, и что это уже совсѣмъ не за горами—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Народъ—это и есть тотъ прочный фундаментъ, на которомъ возводится государственная постройка, и она будетъ именно такою, какою ее желаетъ, считаетъ нужной и умѣетъ построить народъ. Нашъ народъ желаетъ, считаетъ нужной и сумѣетъ построить именно конституцію—не больше, но и не меньше.

Однако, на чемъ же мы основываемъ столь утѣшительные выводы по адресу русскаго народа? спроситъ насъ читатель.

На всеъ томъ, что мы пережили за эти два критическихъ года послѣ манифеста 17 октября, повторимъ мы снова уже однажды сказанное выше.

Въ самомъ дѣлѣ, какіе важнѣйшіе факты пережили мы послѣ 17 октября, и въ чемъ ихъ внутренній смыслъ?

Мы пережили цѣлую серію погромовъ, опоясавшихъ собою манифестъ 17 октября настоящей цѣпью опасныхъ подводныхъ камней, какъ опоясываютъ коралловые рифы вновь образующіеся въ тропическихъ моряхъ острова, превращая ихъ въ то мѣсто, гдѣ терпятъ крушенія мореплаватели со своими кораблями. Въ такое опасное мѣсто превратили и наши погромы этотъ вновь образовавшійся среди русской жизни благотѣльный островъ.

Мы пережили московское вооруженное возстаніе, которое, по намѣреніямъ революціонныхъ партій, должно было быть первой крупной репетиціей неизбежнаго, по ихъ мнѣнію, «послѣдняго боя» народа за водвореніе у насъ республики и социалистическаго строя.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти грандіозные эксцессы какъ вправо, такъ и влѣво,—народъ, какъ только были объявлены выборы въ первый русскій парламентъ, обратился къ нимъ со страстью, съ вѣрою и съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что это и есть правильный и вѣрный выходъ изъ его историческаго тупика. Онъ отвергъ какъ соблазнъ слѣва—требованіе бойкота, предназначеннаго быть предтечей социальной революціи, такъ и соблазнъ справа—реакціонные выборы, предназначенные быть «жизницей» реставраціей прежняго строя. Въ огромномъ большинствѣ онъ проголосовалъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ и предназначилъ ихъ къ кон-

ституционной работѣ, т.-е. къ проведенію конституціоннымъ путемъ народныхъ требованій и желаній.

Съ такою рѣшительностью въ конституціонномъ направленіи былъ проведенъ народомъ этотъ первый шагъ его конституціонной исторіи. Народъ уполномочилъ вмѣсто себя своихъ «представителей» и поручилъ имъ непосредственное осуществленіе конституціоннымъ путемъ дѣла новаго государственнаго строительства. Онъ въ полной мѣрѣ оказался на высотѣ конституціонныхъ задачъ и всецѣло поддержалъ ихъ всею силою своего всенароднаго авторитета.

Тогда дѣло стало за первыми народными представителями. Имъ надо было, во-1-хъ, твердо стать въ конституціонныя рамки, отвергнувъ всякія революціонныя попытки превращенія Думы въ конвентъ, и, во-2-хъ, въ этихъ рамкахъ оправдать и заслужить оказанное имъ народное довѣріе. Дума, какъ цѣлое, твердо заняла первую позицію, и, въ рамкахъ ея, прежде всего провозгласила народныя требованія (отвѣтъ на тронную рѣчь), а затѣмъ выразила отъ имени народа недовѣріе тому Молоху—бюрократіи, который довелъ насъ до Мукдена и Цусимы и который сразу же занялъ враждебную а, можетъ быть, и предательскую позицію по отношенію къ народному представительству. Народъ съ восторгомъ одобрилъ эти первые шаги своихъ депутатовъ, ибо это прежде всего успокоило его въ томъ отношеніи, что онъ увидѣлъ, что народное представительство является его органомъ и слугою, а не приспѣшникомъ или наперсникомъ правящей бюрократіи и господствующихъ сословій. Связь между народомъ и народнымъ представительствомъ была сразу же прочно закрѣплена. Конституціонныя, по самому существу своему, надежды народа на то, что онъ добьется государственнаго *перестройства* съ помощью народнаго представительства, а не съ помощью революціи,—надежды эти были вполне *оправданы* первой Думой.

Последнее, можетъ быть, звучитъ парадоксально, ибо намъ постоянно твердятъ—особенно охотно съ лѣвой стороны—что народное представительство само по себѣ *бесильно*, что оно ничего не добилося и ничего не можетъ добиться, что на историческую сцену непремѣнно долженъ выступить самъ народъ во всей своей несокрушимой, революціонной мощи, и что иначе у насъ никогда настоящей конституціи не будетъ. Однако, самъ-то народъ едва ли съ этимъ согласенъ. Онъ вѣдь не отбросилъ въ сторону, ради собственныхъ выступленій, такого орудія, какъ народное представительство, онъ взялъ его въ руки и онъ съ удовольствіемъ изъ дѣятельности первой Думы убѣдился въ томъ, что это орудіе ему *не изменяетъ*, что оно *не мется* и *не ускользаетъ* изъ его рукъ, что онъ можетъ вполне на него *положиться*... Этимъ вопросомъ о народномъ представительствѣ былъ рѣшенъ для народа *практически*. Отнынѣ это уже была для него не теоретическая мечта, а практически испытанное убѣжденіе. Отнынѣ уже можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что народъ и впредь будетъ бороться не за какіе-либо фантастическіе планы и не по

фантастическимъ рецептамъ, а за простую и ясную, испытанную не только на Западѣ, но теперь уже и у насъ, идею *народнаго представительства*. Народу стало непререкаемо ясно, что если у него будутъ народные представители, какихъ онъ имѣлъ въ первой Думѣ, и если они будутъ обладать настоящими законодательными правами, то онъ можетъ быть спокоенъ за дальнѣйшую судьбу государства.

Однако народному представительству, и именно въ лицѣ первой Думы, пришлось пройти и еще черезъ одно тяжкое испытаніе передъ лицомъ народа и исторіи.

Дѣло въ томъ, что тотъ Молохъ, который сдѣлалъ столько зла Россіи, а именно правящая бюрократія въ союзѣ съ привилегированнымъ дворянствомъ, не только не захотѣли войти въ дѣловое соприкосновеніе съ первымъ народнымъ представительствомъ, не только не вступили съ нимъ во взаимодѣйствіе, но оставили его какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ, въ полномъ разобщеніи со всей остальной государственной машиной, а затѣмъ, наконецъ, и совсѣмъ выбросили вонъ, какъ ненужную ветошь или какъ вредную заразу.

Что было дѣлать тогда первымъ народнымъ представителямъ? Призвать народъ къ революціи? Воззвать къ тѣмъ неорганизованнымъ, стихійнымъ силамъ народа, которыя, даже въ случаѣ удачи, какъ пожаръ или наводненіе, умѣютъ только все ниспровергать и все разрушать? Иными словами, вернуться къ тому неорганизованному состоянію, въ какомъ находился народъ, пока у него еще не было народныхъ представителей? Или еще иначе: вернуть народу обратно институтъ народнаго представительства и конституціи, сказавъ ему, что для нихъ еще не пришло время и что *все* надо вновь обратить въ тотъ первобытный хаосъ, который одинъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣетъ въ себѣ желаемый творческій геній?

Нѣтъ, народные представители не могли этого сдѣлать, ибо это значило бы *исторично*, и притомъ уже отъ имени ихъ самихъ, распустить Государственную Думу, отвергнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ самую идею народнаго представительства. Это значило бы отъ имени и по уполномочію народа признать, что достигнутый уже результатъ—право народа на народное представительство—ничего не стоитъ и что его надо вновь выбросить въ тотъ первозданный огонь, изъ котораго сами собой будто бы родятся совершенныя формы общественной жизни.

Народные представители не могли этого сдѣлать, и они этого не сдѣлали, хотя въ ихъ средѣ и находились участники, такъ называемыхъ, революціонныхъ партій. Самъ народъ, отвергнувъ идею бойкота передъ первыми выборами, тѣмъ самымъ ясно показалъ, что онъ предпочитаетъ уже избранное народное представительство самымъ заманчивымъ революціоннымъ перспективамъ. Тѣмъ болѣе народные представители въ этотъ критическій часъ ихъ великой исторической отвѣтственности не могли рѣшиться отъ своего имени поставить народъ вновь на революціонную точку зрѣнія. И пусть не говорятъ теперь представители лѣвыхъ партій въ пер-

вой Думѣ, что они *предпочли бы* тогда призывъ народа къ революціи: они говорятъ это *теперь*, въ безответственный моментъ, — но тогда, когда надо было *дѣйствовать* и когда надо было *отвѣчать* передъ народомъ за свои дѣйствія, они избрали тотъ способъ дѣйствія, какой *избрали*. И что они въ то время *думали*, это теперь вполне безразлично.

Но если нельзя было призвать народъ къ революціи, то что же было дѣлать? разойтись молча по домамъ, сдѣлавъ видъ, что ничего особеннаго не случилось и что все обстоитъ благополучно? Но не значило ли бы это показать народу, притомъ въ самый критическій моментъ, что народное представительство, на которое онъ положился, выскользнуло изъ его рукъ, что оно отказалось отъ службы народу, признало себя *оставленнымъ* отъ этой службы, когда народъ его не оставлялъ и въ немъ еще нуждался? Если бы роспускомъ Думы создавалась только нормальная, обычная апелляція къ народу, то, конечно, депутаты могли бы спокойно вернуться къ своимъ избирателямъ и передать на ихъ судъ свою распрю съ министерствомъ... Но слишкомъ много было основаній думать (и многія изъ нихъ потомъ подтвердились), что это не былъ простой роспускъ, — что, наоборотъ, это было рѣшительное нападеніе стараго Молоха-бюрократіи вмѣстѣ съ «объединеннымъ» дворянствомъ на еще юное народное представительство. Значить, надо было сказать это народу и посоветовать, что ему дѣлать.

И народные представители сказали это народу, и они посоветовали ему вѣрѣнно стать на защиту своихъ конституціонныхъ правъ, но не вооруженнымъ возстаніемъ, а крайними конституціонными средствами — неплатежомъ налоговъ, нечаею рекрутъ...

Такъ прошли первые народные представители черезъ это тяжкое историческое испытаніе, въ которомъ они должны были до конца доказать народу, что они принадлежать *ему* и только ему одному...

И много на нихъ посыпалось обвиненій по поводу ихъ воззванія и справа, и слѣва: одни говорили, что они — бунтовщики, разрушители государства, другіе говорили, что они невинные младенцы или шутники. И только народъ остался ими доволенъ, только онъ не шлетъ имъ упрековъ, только онъ цѣнитъ ихъ, какъ своихъ настоящихъ, не погинувшихъ его въ нужную минуту и не слукавившихъ передъ нимъ, избранниковъ. Вѣра народа въ институтъ народного представительства и въ конституцію не только выборгскимъ воззваніемъ не подорвана, но, наоборотъ, она нѣтъ навѣки закрѣплена. Нечего теперь народу растолковывать, что такое конституція и зачѣмъ она ему нужна и почему она лучше самодержавія, с одной стороны, и революціи съ другой: все это онъ теперь очень хорошо знаетъ, и все это навѣки запечатлѣно у него въ совершенно ясный конкретный образъ... Народъ не послѣдовалъ выборгскому призыву, и онъ оцѣнилъ его такъ, какъ слѣдуетъ, — онъ сдѣлалъ изъ него правильные выводы, и самый важный изъ нихъ тотъ, что народное представительство оправдало тѣ надежды, съ которыми онъ посыпалъ своихъ избра-

никовъ въ Таврической дворецъ, требуя отъ нихъ клятвы въ томъ, что они не измѣнятъ народному дѣлу. Народъ призналъ, что народные представители приложили всѣ свои силы къ народному дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увидѣлъ, что это народное дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, и что его осуществленію надо добиваться долгими, непрекращающимися, конституціонными усиліями. Народъ не добился желаннаго ему результата, но онъ нисколько не разочаровался въ выдвинутомъ имъ для достиженія этого результата орудіи,—наоборотъ, онъ теперь-то именно и убѣдился практически, что это орудіе правильное и самое лучшее.

Какіе же изъ всего этого слѣдуютъ выводы?

Я позволю себѣ формулировать ихъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ:

Японская война создала кризисъ нашего «старого» патриотизма и потребовала отъ народа созданія «новаго». Русскій народъ тотчасъ внялъ этому требованію и немедленно принялся за пересозданіе своего староваго «отечества», двинувъ его къ тому новому строю, безъ котораго дальнѣйшая историческая жизнь Россіи была бы невозможна. И такъ какъ безъ революціоннаго почина дѣло не шло въ ходъ, то русскій народъ исторически былъ вполнѣ правъ, развернувъ тотчасъ послѣ войны свое «освободительное» движеніе.

Въ то время (т.-е. до 17 октября 1905 г.) дѣятельность крайнихъ партій была необходима и благодѣтельна для страны, ибо она ставила, такъ сказать, на очередь вопросъ о созданіи необходимаго народу «новаго» отечества.

17 октября 1905 года наше «новое» отечество родилось *юридически*, и его рожденіе было привѣтствовано восторженными кликами народа. Верховная власть манифестомъ 17 октября совершила сама великій патриотическій подвигъ дарованія народу тѣхъ правъ, безъ которыхъ ему жить дальше было невозможно, безъ которыхъ онъ былъ бы обреченъ на историческую гибель и на историческое раствореніе среди другихъ, сумѣвшихъ добиться себѣ этихъ правъ, народовъ.

Въ актѣ 17 октября 1905 г. русскій патриотизмъ вновь получилъ для себя прочную «историческую» точку опоры.

Однако манифестъ 17 октября далъ въ сущности только юридическую «возможность» новой конституціонной Россіи, и очередь послѣ него стала за тѣмъ, чтобы превратить эту «возможную» будущую Россію въ дѣйствительно *существующую*. И что же, далеко мы подвинулись по пути въ этому «превращенію», или нѣтъ?

Вопреки всеобщему теперь пессимизму и унынію, вопреки всеобщему ужденію въ томъ, что мы «что-то» имѣли и затѣмъ безвозвратно «попали»,—что мы послѣ «царскихъ палатъ» вновь очутились передъ прежнимъ «разбитымъ корытомъ», я рѣшаюсь здѣсь утверждать, что мы все время держимо движемся къ указанному «превращенію» Россіи въ конституціонную страну и что *самое главное*, чего надо было желать для этого превращенія, уже *имѣется у насъ въ наличности*. Я утверждаю это по-

тому, что исторія—не сказка, и что въ ней «волшебныхъ» превращеній ни въ хорошую, ни въ дурную сторону не бываетъ. «Конституціи» не водворяются въ странахъ ни волшебной палочкой «сверху», ни волшебной палочкой «снизу». Онѣ «устанавливаются», и притомъ устанавливаются «неудержимо»—у тѣхъ народовъ, которые дорастаютъ до конституціонной идеи и которые ее себѣ твердо усваиваютъ. Это и есть то, что я выше назвалъ *самымъ главнымъ* для конституціи. Безъ «конституціоннаго сознанія» самаго народа конституція невозможна, хотя бы ее провозглашали сверху, (какъ это было въ Турціи въ 70-хъ годахъ), или революціонно требовали снизу (какъ это было сдѣлано у насъ въ извѣстномъ обращеніи исполнительнаго комитета партіи народной воли къ Александру III въ 1881 г.). Но если «конституціоннымъ сознаніемъ» проникается народъ—тогда оно пролагаетъ себѣ путь въ жизнь неудержимо. И мы съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что этотъ главный фактъ—народная воля «къ конституціи», у насъ уже есть. Народъ былъ разбуженъ къ политической жизни японской войной; онъ страстно принялся за переустройство своего государства; онъ пережилъ революціонную бурю; онъ имѣлъ живой опытъ съ народнымъ представительствомъ; его тянули и вправо, и влѣво. Но онъ во всей силѣ обнаружилъ на этомъ историческомъ экзаменѣ свой старый здравый государственный смыслъ. Все, что онъ страстно пережилъ, и все, что онъ глубоко передумалъ послѣ 17 октября 1905 года, привело его къ одному, теперь глубоко засѣвшему въ немъ выводу: что Россіи нужно настоящее народное представительство, и что нужно именно оно, а не что-либо другое. Народъ теперь вполне *понимаетъ* всѣ выгоды конституціоннаго порядка и онъ всѣми своими силами и всѣми своими помышленіями къ нему *стремится*. Народъ глубоко проникся идеей конституціоннаго строя, онъ видитъ въ немъ якорь своего спасенія, онъ хочетъ только его, и онъ со всей силой своего сознанія и воли отвергаетъ какъ планы революціонеровъ, такъ и планы контръ-революціонеровъ. Онъ тотчасъ успокоился бы, если бы «конституція» была у него уже въ рукахъ; и онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока она не будетъ «реализована». Конечно, я разумію здѣсь не такъ называемое успокоеніе «отъ революціи», а то высшее успокоеніе народа, когда онъ увѣренъ въ судьбѣ своего государства и не беспокоится за свою историческую участь, когда онъ «спокойно» занимается своими будничными дѣлами, предоставивъ «политику» ея руководителямъ.

И здѣсь, мнѣ кажется, участники первой Государственной Думы, особенно участники, не покинувшіе ея до самаго конца, могутъ съ понятнымъ удовольствіемъ сказать, что совершившееся превращеніе неопредѣленнаго стремленія народа къ какому-то *новому* строю въ *ясное конституціонное сознаніе*; прочное закрѣпленіе въ народѣ вѣры въ идею народнаго представительства—есть ихъ *патріотическая* заслуга передъ родиной,—заслуга, которой никто не можетъ у нихъ отнять, которая имъ несомнѣнно зачтется и той без-

пристрастной исторіей, которая наступаетъ въ концѣ-концовъ для всякаго общественнаго дѣятеля.

Очевидно теперь и то, что очередной, текущей задачей нынѣшняго времени является—*сократить* и *ускорить* этотъ періодъ перехода Россіи къ настоящему конституціонному строю.

Кто же можетъ ускорить этотъ благотѣльный и необходимый для страны переходъ?

Революціонныя партіи совершили свое—нужное когда-то для Россіи дѣло, и исторія отодвинула ихъ въ сторону. Онѣ теперь внутренне разложились, нравственно дезорганизовались, онѣ не знаютъ, что имъ дѣлать, онѣ сами приходятъ въ ужасъ отъ той метаморфозы, какую претерпѣла идея силы и вооруженной руки—въ революціонныхъ низахъ, въ несовершеннѣйшихъ головахъ, наконецъ, въ рядахъ черносотенцевъ. Ихъ революціонная роль сыграна, и онѣ теперь жаждутъ открытыхъ, какъ въ Европѣ, конституціонныхъ рамокъ для защиты и пропаганды своихъ идей и программъ.

Партіи демократическія, но не революціонныя—тѣ самыя, которыя закрѣпили въ народномъ сознаніи идею народнаго представительства и которыя руководили первой Думой, изъяты теперь закономъ 3 іюня изъ политическаго русла и лишены возможности играть *активную* политическую роль.

На политической аренѣ дѣйствуютъ въ качествѣ «побѣдителей» и распорядителей русскихъ судебъ частью элементы прежней бюрократіи, въ роли «правительства», частью «правые» конституціоналисты (октябристы и «умѣренные») въ роли руководителей парламента. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что именно на нихъ и окажетъ свое неотразимое давленіе «конституціонное» сознаніе народа, его законное стремленіе перейти наконецъ отъ бесплоднаго междоусобія къ согласной и дѣятельной конституціонной жизни, его нетерпѣніе занять вновь среди народовъ то историческое мѣсто, какое принадлежитъ ему въ мірѣ по праву... Но «патріотическій» долгъ и нынѣшняго правительства, и нынѣшняго парламента—не противиться этимъ конституціоннымъ стремленіямъ народа, пойти имъ навстрѣчу и *сократить*, насколько возможно, этотъ переходный періодъ, только напрасно задерживающій историческіе успѣхи народа, которые ему необходимы и къ которымъ онъ тотчасъ перейдетъ, какъ только ему дадутъ къ нимъ свободную дорогу...

Для успѣшной исторической дѣятельности всякаго народа ему, какъ и отдельному человѣку, прежде всего необходимо собственное *внутреннее равновѣсіе и согласіе*, т.-е. согласіе касательно главнаго пункта общей жизни, а именно организаціи государственной власти. Безъ этого внутренняго согласія невозможенъ «нормальный» патріотизмъ, а безъ «патріотизма» невозможно поддержаніе достойнаго существованія народа среди другихъ народовъ, е. неизбежно наступаетъ для него историческая смерть. Поэтому когда къ народу приходитъ кризисъ «патріотизма», то это значить, что ему

какъ можно скорѣе нужно перейти отъ того государственнаго устройства, на которомъ онъ прежде практически имѣлъ «внутреннее согласіе» и которое затѣмъ стало для него предметомъ внутренняго «разногласія», къ новому государственному устройству, которое опять вернуло бы народу это внутреннее согласіе, а вмѣстѣ съ нимъ и необходимый всякому народу одинаковый для всѣхъ его гражданъ «патріотизмъ». У насъ всѣ предпосылки этого перехода къ *новому* согласію и къ *новому* патріотизму уже даны: мы имѣемъ манифестъ 17 октября, обѣщавшій намъ конституціонную жизнь, и мы имѣемъ уже вполне опредѣлившуюся рѣшимость народа вполне сознательно отбросить эксцессы вѣтво и эксцессы вправо и предпочесть правильную конституціонную жизнь всякой другой. Намъ недостаетъ только *реализации* этихъ предпосылокъ... Пусть же нынѣшніе политическіе дѣятели *ускорятъ* этотъ необходимый для русскаго народа результатъ. Всѣ предыдущія стадіи нашего государственнаго перерожденія шли съ поразительной быстротой; надо, чтобы и послѣдняя его стадія: реализація *средняго*, но всѣми признаннаго необходимымъ результата великаго русскаго освободительнаго движенія—осуществленіе настоящей, подлинной конституціи, довершила эту быстроту. Въ заботливости о быстротѣ этой послѣдней стадіи перехода скажется «патріотизмъ» нынѣшнихъ хозяевъ положенія, и, когда это совершится, тогда полный кругъ его будетъ завершонъ,—тогда нравственно-успокоенный и внутренне-согласный народъ вновь двинется къ своей великой будущности, вновь поравняется съ другими народами въ своихъ культурныхъ успѣхахъ, вновь займетъ среди нихъ достойное его мѣсто...

Тогда этотъ народъ вновь, какъ и всегда, будетъ «патріотиченъ» и въ мирѣ, и на войнѣ, ибо у него будетъ опять всѣми одинаково признанное и для всѣхъ одинаково дорогое «отечество».

Н. А. Гредескуль.

Въ обезьяньихъ лапахъ.

О Леонидѣ Андреевѣ.

I.

Обезьяна, подглядѣвъ, какъ мать ласкаетъ ребенка, украла его изъ люльки и заласкала до смерти: есть объ этомъ разсказъ въ какой-то дѣтской книжкѣ съ картинками.

Когда я думаю о судьбѣ такихъ русскихъ писателей, какъ Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ, заласканныхъ, задушенныхъ славой, то мнѣ вспоминается ребенокъ въ обезьяньихъ лапахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая судьба: вчера—«властитель думъ», духовный самодержецъ и первосвященникъ русской интеллигенціи, а сегодня—что онъ, гдѣ онъ?—этого никто не знаетъ или скоро не будетъ знать. Холопство—въ поклоненіи, холопство—въ униженіи. Обезьянья нѣжность, обезьянья лютость. Объявили «конецъ Горькаго»—и выбросили конченнаго писателя, какъ выбрасываютъ выжатый лимонъ. Поступили съ человѣкомъ, какъ съ однимъ изъ тѣхъ резиновыхъ пузырей-куколокъ, которые надуваются до исполинскихъ размѣровъ, — «человѣкъ, это гордо!»—а затѣмъ, по вѣрѣ того, какъ выходитъ воздухъ, ёжятся, морщатся и, наконецъ, съ послѣднимъ жалобнымъ пискомъ, совсѣмъ снигнувъ, становятся тряпкою.

Не хочется вѣрить въ «конецъ Горькаго»; пока живъ человѣкъ, живъ писатель; именно теперь, когда безчисленные мнимые друзья отвернулись отъ него, немногіе мнимые враги продолжаютъ смотрѣть на него съ надеждою, готовые протянуть ему руку и, конечно, рады будутъ, первые, отвѣтствовать возрожденіе Горькаго.

А пока что, новая жертвочка въ обезьяньихъ лапахъ—Леонидъ Андреевъ. Неужели и съ нимъ то же будетъ, что съ Горькимъ?

Чѣмъ-то Горькій казался великимъ художникомъ—и пересталъ казаться; Андреевъ кажется—и перестанетъ казаться. У обоихъ есть маленькіе драгоцѣнные камешки художественнаго творчества; но не эти камешки, а огромные фальшивые брилліанты плѣняли нѣкогда поклонниковъ Горькаго, сейчасъ плѣняютъ поклонниковъ Андреева.

Я себя не обманываю, я знаю: сейчас доказывать, что сила обоих писателей вовсе не въ художественномъ творествѣ, а въ общественномъ дѣйствіи, не тамъ, гдѣ они исполняютъ, а тамъ, гдѣ они нарушаютъ законы прекраснаго, доказывать это—значить толочь воду въ ступѣ: никто не повѣритъ, никто не услышитъ. О вкусахъ, конечно, спорять. Что такое вся критика, какъ не споръ о вкусахъ? Есть однако предѣлы, за которыми споръ прекращается. Нельзя доказать кошке, что валерьянъ пахнетъ хуже фіалки: надо перестать быть кошкою, чтобъ это понять.

«Надъ всею жизнью Василя Фивейскаго тяготѣлъ суровой и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печалей, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Казалось, воздухъ губительный и творный окружалъ его, какъ невидимое прозрачное облако».

Перевертываю страницы и нахожу: «садъ вѣчно таинственный и манящій», «острая тоска», «жгучее воспоминаніе», «молчаливая, творческая дума», «огромное, бездонное молчаніе», «стихійная необъятная дума», «молчаливо-загадочныя поля», «невѣдомая тоска», «необъятная тишина», «чистая творческая дума», «мучительныя воспоминанія», «неизвѣданный счастливый просторъ», «роковая неизбежность», «безвыходное одиночество», «необъятный всевластный иракъ», «холодное отчаяніе», «музыка, играющая такъ обаятельно, такъ задумчиво и нѣжно», «музыка, обладающая волною горячихъ звуковъ», «дикое упоеніе злобою», «безмѣрная печаль нѣжной женской души», «огненная влага въ кубкѣ страданій».

Ну, съ меня довольно. Для моего человѣчьяго носа тутъ запахъ валерьяна слишкомъ чувствителенъ. И гдѣ бы я ни открылъ книгу, мелькаютъ все тѣ же цвѣты краснорѣчія, подобныя цвѣтамъ провинціальныхъ обоевъ. Не живыя сочетанія, а мертвая пыль словъ, книжный соръ. Слова, налитыя не огнемъ и кровью, а типографскими чернилами. Я знаю, что значить: «огурецъ соленый», «столъ круглый», но что значить: «мучительныя воспоминанія», «жгучая тоска»—я не то что не знаю, а знать не хочу, какъ не хочу знать, что опротивѣвшіе обойные цвѣточки имѣютъ притязаніе на сходство съ полевыми васильками и маками: мало ли чего хотѣлъ обойный фабрикантъ, да моя-то душа этого не хочетъ.

Существуетъ два рода писателей: одни пользуются словами, какъ ходячею монетою—стертыми пятиалтынными; другіе—чеканятъ слова, какъ собственную монету, выбивая на каждомъ свое лицо, такъ что сразу видно, чье слово: *кесарево—кесарю*; для однихъ слова—условные знаки, какъ бы сигналы на желѣзно-дорожныхъ семафорахъ; для другихъ—знаменія, деса, магія, «духовныя тѣла» предметовъ; для однихъ слово стало мейкой; для другихъ—«слово стало плотью». Андреевъ, если не вездѣ, больше всего тамъ, гдѣ старается быть художникомъ, принадлежитъ первому роду писателей.

Мнѣ могутъ возразить, что все это мелочи; но вѣдь достаточно оstitь палецъ въ воду и попробовать на языкѣ, чтобы узнать, какая во

прѣсная или соленая; достаточно сдѣлать химическій анализъ наши крови, чтобы узнать, какою болѣзнию заражено тѣло.

Каковы слова, таковы и мысли.

«Бъ звѣздамъ», кажется, единственное произведеніе Андреева, въ которомъ дѣйствующія лица не только вопятъ и скрежещутъ зубами, но и бесѣдуютъ.

«Всякій человекъ долженъ быть сильнымъ». «Астрономія—торжество разума». «У американцевъ—высокая культура». «Вы какъ будто противъ науки, Анна Сергѣевна?»—«Не противъ науки, а противъ ученыхъ, которые уклоняются отъ общественныхъ обязанностей». «Для революціи нуженъ талантъ». «Буржуа—звѣри, они всегда питались человѣческой кровью». «У меня подъ юбкой знамя было—наше знамя, я приколола его англійскими булавками, но какое оно тяжелое». «Собаки нужно время, чтобы привыкнуть къ потерѣ щенка». «Измѣнниковъ и предателей нужно казнить смертью». «Можно убивать электричествомъ, тогда безъ крови». «Среди насъ, евреевъ, родился Христосъ и Марксъ». «Товарищи, солнце вѣдь тоже пролетарій».

По этимъ изреченіямъ я не сузу объ умѣ самого Андреева, только спрашиваю, знаетъ ли онъ или не знаетъ, что его герои одарены нечаяннымъ и самоубійственнымъ остроуміемъ Кузьмы Пруткова.

Иногда говорятъ они въ стихахъ.

Небо такъ ясно, солнце прекрасно,
Солнце зоветъ.
Въ веселой работѣ, чужды заботѣ
Братья, впередъ.
Грозы и бури, ясной лазури
Не побѣдятъ.
Подъ бури покровомъ, въ мракѣ грозномъ,
Молвы горятъ.

Можетъ быть, этотъ пролетарскій гимнъ солнцу внушенъ благородными чувствами, но стихи всетаки прескверные.

Краснорѣчіе дурного вкуса особенно тягостно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о самомъ святомъ для Андреева и для его читателей.

«Гибнетъ свобода, бѣдная невѣста въ бѣлыхъ цвѣтахъ, обрѣтшая гибель въ часъ брачнаго торжества. Но, чу. Слышенъ топотъ. Идутъ. Словно десятки гигантскихъ барабановъ отбиваютъ густую тревожную дробь. Трамъ-трамъ-трамъ. Идутъ предмѣстья. Идутъ защищать свободу. Развѣ можно удержаться падающую лавину? Кто осмѣлится сказать землетрясенію: до сюда я твой, а дальше не трогай... Такъ это народъ! И гордость и чувство силы, и жажда великой, еще невиданной свободы. Свободный народъ—не счастье! Трамъ-трамъ-трамъ... Гремитъ революціонная пѣсня... Бъ жию, граждане! Собирайтесь въ батальоны! Идемъ, идемъ!... Спасена свобода!»

Да вѣдь это же Букольникъ: «Рука Всевышняго отечество спасла», или:

Громъ побѣды раздавался,
Веселися, храбрый Россі!

звернутые наизнанку. Революціонная казенщина, которая хуже правительственной. Стиль арагчеевскихъ казармъ—въ стилѣ «военной диктатуры пролетаріата». Стоило начинать революцію, чтобы не найти въ ней ничего, кромѣ «трамъ-трамъ-трамъ». Неужели Андреевъ не чувствуетъ, что такія молитвы—кощунство?

Какъ всё, кто не владѣеть языкомъ, онъ его насилуетъ.

Въ разсказѣ «Такъ было» рѣчь идетъ о герояхъ французской революціи. Они, говоритъ Андреевъ, «любимыя дѣти грозныхъ дней—окровавленныхъ головъ, которыя носятъ на пикахъ, какъ тыквы; мясистыхъ губчатыхъ сердецъ, изъ которыхъ выжимаютъ кровь; могучихъ титаническихъ рѣчей, гдѣ слово острѣе кинжала и мысль безпощаднѣе, чѣмъ порохъ. Покорные волѣ державнаго народа, они вызвали призракъ таинственной власти—и сейчасъ, холодные, какъ ученые анатомы, какъ судьи, какъ палачи, они изслѣдуютъ его голубое сіяніе, пугающее невѣждъ и суевѣровъ, разнимутъ его призрачные члены, найдутъ черный ядъ тираніи и предадутъ его послѣдней казни».

Что это значить? «Дѣти дней—губчатыхъ сердецъ—изслѣдуютъ голубое сіяніе призрака власти и предадутъ казни ядъ тираніи».

«О, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Не будемъ забывать, что безъ русскаго языка и русской революціи не сдѣлаешь. Кто изъ насъ не возмутится, когда безчестятъ женщину; отчего же мы не возмущаемся, когда безчестятъ языкъ: вѣдь и онъ живой, вѣдь и онъ цѣломудренный. Есть преступленія противъ языка, которыя никому не прощаются.

Горько сознаться, что въ русской революціи дѣла достойныя титановъ совершаются подъ пѣсни пигмеевъ, подъ такія гимназическія вирши, какъ «Вставай, подымайся, рабочій народъ».—Неужели наша свобода родилась глухо-нѣмой, или это все еще древнее косноязычіе рабовъ?

II.

Не только красота, но и уродство, не только ладъ міра, космосъ, но и міровой разладъ, хаосъ, могутъ быть предметомъ искусства, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ обѣихъ эстетикахъ, положительной и отрицательной, въ отраженіи космоса и въ отраженіи хаоса господствовалъ одинъ законъ—художественная мѣра, категорическій императивъ искусства—*volare къ прекрасному*. Художникъ можетъ созерцать уродство, но не можетъ хотѣть уродства; можетъ быть въ хаосѣ, но не можетъ быть хаосомъ.

Художественное творчество Андреева мнѣ кажется сомнительнымъ не потому, что онъ изображаетъ уродство, ужасъ, хаосъ,—напротивъ, подобныя изображенія требуютъ высшаго художественнаго творчества,—а по-

тому, что, созерцая уродство, онъ соглашается на уродство, созерцая хаосъ, становится хаосомъ.

У священника Василя Оивейскаго одинъ сынъ утонулъ, другой—родился идиотомъ и ѣсть живыхъ прусаковъ, жена съ горя шеть запоемъ. Дочь говоритъ отцу, что хотѣла бы убить мать и брата. Въ пожарѣ сгораютъ жена священника, «вмѣсто лица у нея—сплошной бѣлый пузырь». Священникъ сходитъ съ ума и хочетъ воскресить мертвого; мертвый не воскресаетъ. Священникъ со злобою трясетъ гробъ и кричитъ: «Да говори же ты, проклятое мясо!» Въ галлюцинаціи видитъ то встающего изъ гроба сына-идиота, то снова трупъ—«и такъ безумно двонется гниющая масса». Священникъ бѣжитъ въ поле, а за нимъ изъ грозовыхъ тучъ, какъ «изъ огненнаго клубящагося хаоса, несется громopodobный хохотъ и трескъ, и крики дикаго веселья». Онъ «падаетъ, крутится по землѣ, окровавленный, страшный и снова бѣжитъ», и, наконецъ, умираетъ на большой дорогѣ.

Было ли, бываетъ ли такъ въ жизни? Для художника вопросъ не въ томъ, есть ли въ жизни ужасъ, а есть ли въ жизни трагедія. Мало ли ужасовъ въ газетномъ отдѣлѣ происшествій: то колесо ломовика раздавило черепъ Бюри, изобрѣтателя радія, то свинья отъѣла голову трехлѣтнему ребенку. Можно, конечно, и по поводу этихъ происшествій поднять проблему мирового зла; но лучше не подымать—все равно, ничего не выйдетъ, кромѣ метафизическихъ общихъ мѣстъ. Всѣ мы, смертные, знаемъ, что какіе угодно ужасы съ каждымъ изъ насъ могутъ случиться, и мы ужъ тѣмъ, что родились, какъ бы согласились на нихъ. Тутъ нѣтъ еще трагедіи: трагедія начинается тамъ, гдѣ есть борьба, а борьба начинается тамъ, гдѣ есть надежда преодолѣть слѣпую судьбу—свинью, съѣдающую—и колесо, давящее насъ. У Андреева никакой надежды нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ никакой трагедіи.

Главный ужасъ жизни вовсе не въ тѣхъ эмпирическихъ ужасахъ, отъ которыхъ герои Андреева вопять, корчатся и скрежещутъ зубами.

Разумѣется, древніе трагики глубже Андреева заглянули въ ужасъ міра; недаромъ они рѣшили, что «лучше всего человѣку не рождаться, а родившись умереть поскорѣй»; но они вмѣстѣ съ тѣмъ знали, что *земная жизнь такова, что о ней нельзя сказать ни того, что она совсемъ хороша, ни того, что она совсемъ дурна*. Это значитъ, говоря попросту,—жизнь наша сѣренькая, ни то, ни се, серединка на половинкѣ,—и въ этой-то сѣрости ея главный ужасъ. Это—въ сущности то же, что говоритъ Гоголь въ концѣ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»: «опять поле мѣстами изрытое, чужое, мѣстами зеленѣющее, мокрѣя галки и вороны, однообразный видъ, слезливое безъ просвѣту небо... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа». А смерть заживо, эта здѣшняя скука расширяется до той не здѣшней, метафизической тоски, въ которой есть предчувствіе небытія, свидригайской «бани съ пауками по угламъ»—вѣчной смерти. Если же нѣтъ,

какъ для андреевскихъ героевъ, ни вѣчной жизни, ни вѣчной смерти, то временная жизнь и смерть—только «дьяволовъ водевилъ»—жизнь копейка, а судьба индѣйка—и «пусть все летитъ къ чорту», какъ горьковскіе босяки философствуютъ.

Въ Барджелло, одномъ изъ флорентійскихъ музеевъ, есть бронзовая голова Данте; лицо спокойное, почти равнодушное, а между тѣмъ сразу видно, что это лицо того, кто видѣлъ адъ. Въ томъ же музеѣ восковое изображение чумы съ отвратительными подробностями—гниющіе трупы, изъ которыхъ вываливаются внутренности, и въ нихъ кишатъ огромные черви. Поклонники андреевскихъ ужасовъ напоминаютъ мнѣ тѣхъ воскресныхъ зѣвакъ, которые, скучая, проходятъ мимо головы Данте и толпятся съ жадностью у восковой чумы.

Знаетъ ли онъ, что послѣдній ужасъ не въ огнѣ и бурѣ, а въ *спянии тихаго оттра?* Или ему кажется, что слово чѣмъ громче, тѣмъ сильнѣе, что ударъ наглою по головѣ всегда внушительнѣе, чѣмъ сказанное шепотомъ или даже вовсе несказанное. Его герои какъ будто думаютъ, что можно все высказать, все выкрикнуть, только бы хватило голоса. У нихъ нѣтъ недоговореннаго, умолчаннаго. Нѣтъ того, что «въ существѣ разумномъ мы зовемъ возвышенной стыдливостью страданья». Сразу вываливаютъ все, что есть за душой, что въ печи, на столѣ мечи. Похожи на тѣхъ ипщихъ, которые выставляютъ язвы напоказъ, прося копеечки.

Открываю книгу, и нагроможденіе ужасовъ ошеломляютъ меня, я подъ ними барахтаюсь, какъ подъ внезапно свалившейся лавиною. Но опомнаюсь и мало-по-малу догадываюсь, въ чемъ дѣло. А дѣло въ томъ, что меня хотятъ запугать. И во мнѣ пробуждается духъ противорѣчія: такъ вотъ же тебѣ, не боюсь, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. И усмѣхаюсь, и отъ этой усмѣшки наклеваный чортъ, «нѣкто въ сѣромъ» проваливается окончательно. И мнѣ просто весело смотрѣть, какъ на сценѣ «балаганчика» изъ проломленныхъ головъ течетъ вмѣсто крови влюквенный сокъ и какъ бушуетъ игрушечный хаосъ въ стаканѣ воды. Сначала весело, а потомъ скучненько,—черезчуръ долго пустые ужасы ватятся и гремятъ, какъ пустыя бочки. И я закрываю книгу съ безмятежною зѣвотой. Если же снова открою, то уже не для того, чтобы искать въ Андреевѣ художника.

Но тутъ не кончается, а только начинается вопросъ, въ чемъ же сила Андреева. Вѣдь всетаки, по дѣйствию на умы читателей, среди современныхъ русскихъ писателей нѣтъ ему равнаго. Всѣ они свѣчи подъ спудомъ, онъ одинъ свѣча—на столѣ. Они никого не заразили; онъ заражаетъ всѣхъ. Хорошо или дурно, но это такъ, и нельзя съ этимъ не считаться критикѣ, если критика есть пониманіе не только того, что пишется о жизни, но и того, что дѣлается въ жизни.

Эстеты римскаго упадка не хотѣли читать апостола Павла, потому что онъ плохо писалъ по-гречески. Проигралъ не Павелъ, а тѣ, кто его не

читали: проглядѣли христіанство. Я не сравниваю Андреева съ апостоломъ Павломъ. Но боюсь, какъ бы и здѣсь не проглядѣть жизнь.

Тѣ огненные языки, которые знаменуютъ сошествіе Духа, нѣкогда горѣли надъ русскою литературой; теперь потушли или горятъ уже не тамъ. Что-то есть въ русской жизни, чего уже нѣтъ или еще нѣтъ въ русской литературѣ, въ словѣ. Жизнь ушла въ безсловесную глубь. Теперь то, что пишется, значительнѣе того, что печатается; то, что говорится, того, что пишется, и, наконецъ, то, что умалчивается, того, что говорится. Теперь,—что у кого болитъ, тотъ о томъ не говоритъ: сказать—языкъ не поворачивается; написать—рука не подымается,—гдѣ ужъ тутъ печатать.

Недавно заговорили о «зеленой опасности»; въ газетахъ появились дневники и письма гимназистовъ изъ «подполья», которые поступаютъ въ общество «огарковъ» и стрѣляются, потому что не рѣшили міровыхъ вопросовъ. Это, конечно, не литература,—безпомощно, почти безграмотно. Но какъ подлинникъ жизни, можетъ быть, значительнѣе, чѣмъ вся современная литература. Предсмертныя письма самоубійцъ рѣдко бываютъ правдивыми, но въ какомъ-то порядкѣ они всетаки подлиннѣе стиховъ Пушкина.

Произведенія Андреева напоминаютъ письма самоубійцъ: подъ ложью правда, какъ подъ пепломъ огонь; огня не видать, а дотроньтесь—обожжеть.

На сценѣ «балаганчика» изъ головы Пьеро течетъ клюквенный сокъ; но Пьеро все же не кула, а человекъ, и когда ему надоѣстъ быть кулою, онъ, можетъ быть, уйдетъ за сцену и пуститъ себѣ пулю въ лобъ; тогда потечетъ кровь, и балаганчикъ кончится трагедіей.

Я не боюсь того, чѣмъ Андреевъ меня пугаетъ; но боюсь, чтобъ онъ самъ не испугался, какъ дѣти, которымъ однажды, во время игры въ чорта, явился чортъ.

Андреевъ не художникъ, но все же почти гениальный писатель: у него гений всей русской интеллигенціи—гений общественности. Есть у Андреева и нѣчто большее, небывалое въ русской интеллигенціи: прикосновеніе общественности къ религіи. Что изъ этого выйдетъ, добро или зло, сейчасъ трудно рѣшить, но что бы ни вышло, неизмѣримо важно, что это случилось. Нужна небольшая религіозная опытность, чтобы предсказать, что для русской общественности прикосновеніе къ религіи даромъ не пройдетъ; ноготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть. Религіозная безсознательность все равно, что половая дѣвственность: потерявъ, не вернешь.

Богъ Андреевъ не первый задумался въ русской литературѣ, которая эти думы, можно сказать, всосала съ молокомъ матери. Мистика Достоевскаго, по сравненію съ мистикой Андреева—солнечная система Булгакова, по сравненію съ календаремъ. Недостигаемая глубины мистическаго созерцанія, перейдя изъ четвертаго измѣренія во второе, въ общедоступную плоскость, какъ бы немовѣрно расплущились. Елевзинскія таинства превратились въ уличный митингъ. Но это не потеря, а только

превращеніе мистической энергіи—ея переходъ изъ созерцанія въ дѣйствіе, изъ личности въ общество, изъ мысли одного въ волю всѣхъ.

Великіе русскіе мистики, отъ Гоголя до Л. Толстого и Достоевскаго, только и дѣлали, что рвались къ общественности, но вѣдь вотъ почему то такъ не дорвались—остались дневными звѣздами, которыя видимы только въ черной водѣ колодець. Почему? Не потому ли, что для русскихъ мистиковъ донинѣ всегда, сколько бы они этому ни противились, религія кончалась реакціей? Русская интеллигенція зачитывалась ими, какъ художниками, но не жила съ нимъ въ своей единственно подлинной жизни—въ революціонной общественности. Тутъ они чужіе. Андреевъ—свой братъ, типичнѣйшій русскій интеллигентъ. Положеніе необычайное—«властитель думъ»; а лицо, какъ у всѣхъ; говоритъ, чувствуетъ, думаетъ, какъ всѣ. Заражаетъ, потому что зараженъ. На немъ видно, какъ мистика, нѣкогда рѣдчайшая болѣзнь, случай бѣлаго ворона, становится эпидемической: всѣ черные вороны вдругъ побѣжали.

По степени религіознаго сознанія, андреевскіе герои—недоумки, недоросли. Но въ Россіи издавна такъ повелось, что общественность дѣлаютъ не взрослые, а дѣти, эти вѣчные русскіе мальчуганы въ красныхъ рубашкахъ-косовороткахъ и студенческихъ тужуркахъ, которые въ религіозномъ сознаніи ушли немногимъ дальше Писарева и Чернышевскаго. Съ Богомъ навсегда покончено,—такъ думали они вчера, а сегодня, не то чтобы подумали иначе, но зашевелилось у нихъ что-то на днѣ прежнихъ думъ, какъ большая рыба въ мутной водѣ. Откуда, что, зачѣмъ,—они еще сами не знаютъ. Со старой дороги не свернули, а только зашли въ тупикъ и уперлись лбомъ въ стѣну. Конечно, жаль лбовъ, ну, да ничего, пусть поколотятся, и если даже кто-нибудь разобьетъ себѣ голову, зато другіе поймутъ, наконецъ, что религія—не пустое мѣсто; а можетъ быть, и достучатся до той двери, о которой сказано: стучите и отворится.

III.

Главная и непоправимая бѣда священника Василія Фивейскаго не въ безчисленныхъ и фантастическихъ бѣдахъ, а единственно въ томъ, что онъ глупъ; не просто не уменъ, а именно глупъ, потому что истинная глупость заключается не столько въ отсутствіи ума, сколько въ его несоотвѣтствіи съ прочими свойствами души, главнымъ образомъ, съ волею. Слишкомъ большая воля, при маломъ умѣ, приводитъ къ глупости или къ сумасшествію, ибо и глупцы, такъ же какъ умные, могутъ быть, даже чаще умныхъ, сходять съ ума. Во всякомъ случаѣ, для автора, не желающаго принимать на себя отвѣтственность за глупость героевъ,—самый удобный исходъ—сводить ихъ съ ума.

Сказано: не оспаривай глупца. Это вѣрно въ частныхъ дѣлахъ. Но когда глупость становится явленіемъ общественнымъ, какъ въ настоящее время происходитъ въ области религіозной метафизики, то приходится спорить.

Итакъ, согласимся съ Андреевымъ, что Василій Оивейскій не просто глупъ, а только недостаточно мудръ, кое-чего не знаетъ, что знаетъ заго авторъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беспредѣльно несчастенъ, обиженъ судьбою, людьми и Богомъ. Пройдя черезъ горнило страданій, онъ вынесъ изъ это ту огненную вѣру, которая двигаетъ или должна бы, по вѣрѣ вѣрующимъ, двигать горами, воскрешать мертвыхъ. И вотъ, въ церкви, во время отпѣванья покойника, онъ подходитъ къ гробу, «подымаетъ повѣстельно правую руку и говоритъ разлагающемуся трупу»:

«— Тебѣ говорю, встань!»

«Но неподвиженъ мертвецъ».—Тогда о. Василій «понимаетъ все», прокинаетъ Бога и, такъ какъ не имѣетъ силы сдѣлаться мудрымъ безъ ога, то сходитъ съ ума.

Это значить: нѣтъ вѣры безъ чуда; но не можетъ быть чуда и, слѣдствительно, не можетъ быть вѣры.

Нельзя ли, однако, сказать и обратно: не можетъ быть чуда безъ вѣры, а такъ какъ нѣтъ вѣры, то нѣтъ и чуда?

Весь вопросъ въ томъ, вѣрять ли о. Василій. Онъ думаетъ, что вѣрять, упорно твердить: «вѣрую, вѣрую, Господи!»—но думать, что вѣрять и вѣрять—не одно и то же. Мы о вѣрѣ о. Василія слышимъ, но вѣры его не видимъ. Мы только можемъ догадываться, что, согласно съ тѣмъ, что онъ считаетъ своею вѣрою, Богъ посылаетъ вѣрующимъ всѣ житейскія блага и охраняетъ ихъ отъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ; пока Богъ это дѣлаетъ, есть вѣра, а пересталъ, и вѣрѣ конецъ.

У моего друга была бабушка, богомольная старушка; когда она заболѣла ракомъ, то сперва молилась объ исцѣленіи, а потомъ, видя, что молитва не помогаетъ, разсердилась и велѣла вынести иконы. Можетъ быть, я такъ же сдѣлаю, потому что слабъ человекъ и предѣла слабости своей не знаетъ. Но я все-таки не могу не сознавать, что такая вѣра не выше безвѣрія или суевѣрія шамана, который за исполненную молитву жметъ своего боженьку сметаной по губамъ, а за неисполненную бьетъ по щекамъ.

Умень или неумень самъ о. Василій, отъ Бога-то онъ, во всякомъ случаѣ, требуетъ неумнаго чуда. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло бы, если бы мертвецъ всталъ изъ гроба? Увидѣвъ чудо, невѣрующіе повѣрили бы?—Воскресившій Лазаря думалъ иначе: *если Моисея и пророковъ не слушаешь, то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрять.*

Одно изъ двухъ: или Христосъ не воскресъ; тогда во что же вѣрять о. Василій, и не для того ли воскрешаетъ онъ мертвого, чтобы повѣрять въ Бога, помимо Христа? Или Христосъ воскресъ и во Христѣ—мертвые;—тогда иное воскресенье, не властью Христовой, а властью о. Василія, есть чудо не только помимо, но и противъ Христа—чудо Антихристово.

О. Василій воскрешающій вовсе не думаетъ о Христѣ воскресшемъ; ему до Него дѣла нѣтъ, потому что, въ лучшемъ случаѣ, по глубинности человеческой, въ худшемъ—по гордости бѣсовской, онъ себя самого ставитъ на мѣсто Христа, на ту страшную высоту, гдѣ однимъ человекомъ

за все человечество рѣшается вопросъ, быть или не быть религiн;—и на этой высотѣ, какъ Христа на «крылѣ храма», искушаетъ о. Василiя дiаволь: *Если Ты Сынъ Божiй, бросься отсюда внизъ*.—Вмѣсто того, чтобы отвѣтить со смиренiемъ и мудростью Христовой: *сказано: не искушай Господа Бога твоею*,—онъ бросился и разбился.

Когда онъ уже «понялъ все»,—ему чудится въ мертвецѣ то живой сынъ-идиотъ, выходящiй изъ гроба, то снова неподвижный трупъ; «и такъ—безумно двоится гнiющая масса». Андрею кажется, что это только бредъ, галлюцинацiя; но, можетъ быть, самъ Андреевъ еще не «все понимаетъ», и тутъ есть нѣчто большее: можетъ быть, по вѣрѣ, чудо: вѣра бѣсовская—и чудо бѣсовское?

Когда ожидаемое чудо неглѣнiя не совершилось надъ святымъ старцемъ Засимою и, по стыдливому слову монаховъ, онъ «упредилъ естество», или, по циническому слову нигилиста Ракитина, «старецъ протухъ», Алеша Карамазовъ подходит, хотя и съ другой стороны, къ тому же вопросу о «тлѣтворномъ духѣ», какъ Василiй Фивейскiй.—«За что? Кто судилъ? Гдѣ же Провидѣнiе и перстъ Его? Бъ чему сокрыло Оно свой перстъ въ самую нужную минуту и само захотѣло подчинить себя слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ?»—Отвѣтъ—Кана Галилейская:

«Что это? Что это? Почему раздвигается комната? Ахъ, да это бракъ, свадьба, вотъ и гости... Но кто это? Кто встаетъ тамъ изъ-за большого стола? Какъ?... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь...—Да, къ нему подошелъ онъ, сухенькiй старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющiйся. Гроба уже нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ, какъ и вчера сидѣлъ съ ними, когда собрались гости. Лицо все открытое, глаза сияютъ. Какъ? Это онъ, стало быть, тоже на пирѣ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской?»

Для Андреева, какъ и для нигилиста Ракитина, это, конечно, бредъ, галлюцинацiя—«безумно двоится гнiющая масса». Но для Алеши тутъ нѣчто большее; онъ знаетъ не внѣшнимъ, а внутреннимъ знанiемъ, что это не только видѣнiе, а подлинное видѣнiе высшей потусторонней реальнѣйшей реальности. И плоха та критика познанiя, которая вздумала бы отрицать эту реальность. Не ужасаетъ Алешу, а радуется, какъ совершающееся чудо неглѣнiя, то, что тлѣющее тѣло «двоится», что оно одновременно—въ двухъ порядкахъ, и въ эмпирическомъ,—тамъ въ гробу, въ «тлѣтворномъ духѣ», и здѣсь, въ трансцендентномъ—на пирѣ неглѣнiя, со Христомъ воскресшимъ. И пусть еще Алеша не знаетъ, какъ эти два порядка соединить окончательно,—онъ уже всѣмъ существомъ своимъ знаетъ, что въ единой точкѣ мира, въ плоти Христа воскресшаго совершилось послѣднее соединенiе двухъ порядковъ—единое, единственное чудо.

Нѣтъ религiн, потому что нѣтъ чуда? Какой вздоръ! Вотъ опытъ физики: одинъ изъ двухъ подвязанныхъ на ниточкѣ шариковъ ударяетъ въ другой и приводитъ его въ движенiе. Легко сказать: приводитъ въ дви-

женіе. Но что это значитъ? Мы только видимъ, что механическая энергія изъ частицъ одного тѣла передается частицамъ другого, но какъ передача совершается—не знаемъ и даже представить себѣ не можемъ; въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы передаться отъ одного тѣла къ другому, энергія должна быть, хоть на мгновенье, между тѣлами, внѣ матеріи,—логическое представленіе физически непредставимое: тутъ наша логика расходится съ нашею физикою; тутъ для нашего знанія зіяющій прерывъ. И такими прерывами, провалами, концы края какъ бы очерчиваютъ облики невидимыхъ чудесъ, полонъ міръ. Основа всѣхъ явленій—тайна, Непознаваемое, Непредвидимое, то-есть отверстость, готовность къ чуду. Для того чтобы всѣ явленія выступили изъ порядка причинности, какъ звѣзды изъ ночного неба, засвѣтились внутреннимъ свѣтомъ чуда, нужно, чтобы они повернулись къ явленію, соединяющему оба порядка, къ единому Солнцу, къ единому чуду, къ Плоти Воскресшей.

А пока нѣтъ религій, нѣтъ послѣдняго соединенія,—есть только метафизическія сплетенія обомъ порядковъ, тончайшая паутинка, въ которой дрожатъ міры и совѣданія, какъ утреннія капли росы. Въ эту-то страшную звѣздную паутинку, которой и мудрецамъ не распутать,—въ вопрекъ о чудѣ, ступилъ о. Василій, косолапый мужичище своимъ сапожникомъ—ступилъ и провалился. Ему бы не о чудесахъ думать, а вбивать сваи да пѣть дубянушку или участвовать въ боевой организаціи.

Жаль о. Василя. Но кого же винить? Во всякомъ случаѣ, не метафизику, не судьбу, не Бога, а развѣ губернскую консисторію, которая назначаетъ глупыхъ поповъ.—Да, какъ ни повертывай, а приходится кончить тѣмъ, съ чего я началъ: о. Василій просто глухъ.

Но вѣдь и глупые страдаютъ; у нихъ нѣтъ сознанія, зато есть боль, и, можетъ быть, даже чѣмъ слабѣе сознаніе, тѣмъ сильнѣе боль. Объ этой боли умные молчатъ, а глупые вопятъ. Но когда всѣ *религіозные—неструпающіе* люди,—а такихъ теперь съ каждымъ днемъ все больше—поймутъ, что жизнь безъ Бога и смерть безъ воскресенія дѣлаютъ не только каждому человѣку въ отдѣльности, но и все человѣчество «гниющею массой», когда они это поймутъ окончательно, то что же останется имъ всѣмъ, равно глупымъ и умнымъ, какъ не завопить, вмѣстѣ съ Василюмъ Ойвейскимъ, потрясая неподвижный трупъ:

«— Да говори же ты, проклятое мясо!»

IV.

Здѣсь же религіознымъ недоумѣніямъ или, вѣрнѣе, той же религіозной болѣзней, которой Андреевъ коснулся впервые въ «Жизни Василя Ойвейскаго», посвящено главнѣйшее произведеніе его, едва ли случайно написанное въ 1905 до 1907 года, то-есть въ годы русской революціи. Можетъ быть, самъ авторъ не сознавалъ, но для читателя ясно, что «Къ звѣздамъ», «Савва» и «Жизнь Человѣка»—три части одного цѣлаго, одной триады.

Какъ будто испугавшись вопроса о чудѣ въ новой религіи, Андреевъ повернулъ назадъ, къ старой позитивной религіи безъ чуда.

Нѣтъ чуда, нѣтъ воскресенія, нѣтъ личнаго безсмертія; но есть безличное; всѣ умирають, но все живеть; смерть всѣхъ—безсмертіе всего.

Герой первой части трилогіи «Къ звѣздамъ»—великій астрономъ, Сергѣй Николаевичъ, узнавъ о смерти сына, говоритъ: «У меня нѣтъ дѣтей. Для меня одинаковы всѣ люди... Я думаю обо всемъ... Я вижу мириады погибшихъ... и тѣхъ, кто погибнетъ; я вижу космосъ—вездѣ торжествующую безбрежную жизнь,—и я не могу плакать объ одномъ... Жизнь вездѣ... Смерти нѣтъ».—«А Николай? А сынъ твой?»—«Онъ въ тебѣ, онъ во мнѣ, онъ во всѣхъ, кто свято хранитъ благоуханіе его души. Развѣ умеръ Джіордано Бруно?»

Базаровъ говорилъ спокойно: «умру—лопухъ вырастетъ». А Сергѣй Николаевичъ прибавляетъ восторженно: и въ лопухъ буду я.—Но полно, такъ ли? Вѣдь я, да не я; вѣдь самага драгоцѣннаго, единственнаго, неповторимаго, чтó дѣлаетъ меня мною—Петромъ, Иваномъ, Сократомъ, Гете—въ лопухъ уже не будетъ. Не только человѣка, но и травяную вошь можно ли насытить такимъ лопушинымъ безсмертіемъ? И не совершенно ли съ человѣческимъ достоинствомъ вовсе не быть, чѣмъ быть въ лопухъ. Связавши голову, по волосамъ не плачуть; уничтоживъ личность, не притязаютъ ни на какое реальное безсмертіе. Говоря откровенно, мнѣ бы хотѣлось, чтобы съ моимъ уничтоженіемъ все уничтожилось; впрочемъ, такъ оно и будетъ: если нѣтъ личнаго безсмертія, то со мною для меня все уничтожится.

«Развѣ умеръ Джіордано Бруно?»—Еще бы не умеръ! Издохъ, какъ песь, хуже пса, потому что животное не знаетъ, по крайней мѣрѣ, чтó съ нимъ дѣлается, когда умираетъ, а Джіордано Бруно звалъ. Зналъ и то, что «лучше быть живымъ псомъ, нежели мертвымъ львомъ». Передъ несомнѣнною «гниющею массою» чтó значить сомнительное нетлѣніе въ славѣ, въ памяти человѣческой? Попробуйте-ка фотографическимъ снимкомъ съ дѣтей утѣшить Рахиль, «плачущую о дѣтяхъ своихъ, потому что ихъ нѣтъ». А вѣдь по сравненію съ реальностью живого человѣка, между реальностью умершаго въ памяти человѣческой и на фотографической пластинкѣ нѣтъ существенной разницы. Утѣшать такимъ безсмертіемъ все равно что кормить нарисованнымъ хлѣбомъ. Это пустая риторика или злая шутка.

«Какъ это бездушно!» отвѣчаетъ Маруся, дочь Сергѣя Николаевича, на всѣ его утѣшенія. Онъ, впрочемъ, и самъ, кажется, чувствуетъ, что тутъ что-то неладно, и пытается приставить къ ветхой одеждѣ новую заплату, къ позитивной религіи человѣчества мистическую идею «сверхчеловѣка», «человѣкобога».

«Сынъ вѣчности—такъ когда-нибудь назовется человѣкъ... Привѣтъ тебѣ, мой неизвѣстный и далекій другъ... Душа человѣка—алтарь, на которомъ совершается служеніе сыну вѣчности».

Но со смертию-то какъ же встали бытъ? Если «сынъ вѣчности» смертенъ, и лопухъ изъ него вырастетъ, то чѣмъ онъ лучше мертвого пса? А если безсмертенъ, то какъ его побѣда надъ смертию могла совершиться безъ чуда, чудо безъ Бога? И почему легче вѣрить въ грядущаго Сына вѣчности, чѣмъ въ пришедшаго Сына Божьяго? Воскресеніе Христа—воскресеніе всѣхъ; безсмертіе «сына вѣчности»—смерть всѣхъ. Всѣ умираютъ, чтобы онъ одинъ жилъ. Человѣчество — навозъ, удобряющій почву, на которой распустится этотъ единственный цвѣтокъ безсмертія.

«Какъ это бездушно!»—Не только бездушно, но и возмутительно до скрежета зубнаго. Помилуйте, едва перестали мы быть пушечнымъ мясомъ для Наполеона, какъ насъ приглашаютъ сдѣлаться гниющею падалью для «сына вѣчности». Не знаю, какъ другіе, а я заранѣе отъ этой чести отказываюсь, «почтительнѣйше билетъ мой возвращаю». Пропадать, такъ пропадать,—пусть ужъ лучше изъ меня обыкновенный лопухъ вырастетъ. Если вообще кому-нибудь кланяться, то я предпочитаю поклониться доброду старому кесарю, какому угодно самодержцу, тирану, насильнику, только бы не этому гнусному божку, который возсѣдаетъ наверху исполенской горы, сложенной изъ костей человѣческихъ.

Можетъ быть, Сергѣй Николаевичъ не столько бездушенъ, сколько просто глупъ, такъ же какъ Василій Оивейскій, и такъ же заблудился въ двухъ соснахъ метафизики. Съ одной стороны, говоритъ о «железной силѣ тяготѣнія, всѣ міры покоряющей», а съ другой—о «великомъ безсмертномъ духѣ, надо всѣми мірами господствующемъ». Но что же въ концѣ-то концовъ—сила тяготѣнія или безсмертный духъ, необходимость или свобода? Можно, конечно, совсѣмъ отказаться отъ метафизики, но пройти мимо этой антиноміи, даже не замѣтивъ ея, нельзя безъ метафизическаго мошенничества или невинной глупости.

Единственный выходъ изъ отвлеченной религіозно-позитивной путаницы Сергѣя Николаевича—грубый животный опортунизмъ другого героя той же пьесы, нѣкоего американца Трейча:

«Если встрѣтится гора—ее надо срыть. Если встрѣтится пропасть—ее надо перелетѣть. Если земля будетъ разступаться подъ ногами—нужно скрѣпить ее железомъ. Если небо станетъ валиться на головы, надо протянуть руки и отбросить его—такъ... У-ахъ!... Впередъ, всегда и вѣчно!»

Въ ремаркѣ Андреевъ сравниваетъ Трейча съ «Атлантомъ, который поддерживаетъ міръ». А Сергѣй Николаевичъ, однажды, въ минуту откровенности, сравнилъ человѣка съ «блохою, заблудившейся въ слякѣ». Сравненіе довольно странное—откуда бы, кажется, взялся блохъ въ слякѣ? Какое же, однако, сравненіе вѣрнѣе?

«Прямая жизнь! Зачѣмъ жить, если лучшіе погибаютъ?»—религія человечества, хорошо или дурно, но какъ-то отвѣтила на этотъ вопросъ; религія человечества безъ Бога или совсѣмъ не слышитъ вопроса, и отвѣчаетъ двусмысленнымъ сравненіемъ человѣка то съ Атлантомъ, то съ блохою.

Кажется, впрочемъ, и самъ Андреевъ почувствовалъ, что это не отвѣтъ;— по крайней мѣрѣ, во второй части трилогіи, въ «Саввѣ», отъ позитивной религіи человѣчества не остается камня на камнѣ.

Сергѣй Николаевичъ—созидатель; Савва—разрушитель. Сергѣй Николаевичъ утверждаетъ космосъ; Савва утверждаетъ хаосъ. «Человѣчество идетъ къ звѣздамъ», говоритъ Сергѣй Николаевичъ; «человѣчество идетъ къ чорту», говоритъ Савва. Для перваго свѣрхчеловѣкъ есть остріе растущей вверхъ пирамиды, вавилонской башни прогресса; для втораго—нижняя точка воронкообразнаго колодца, какъ бы пустого опрокинутаго конуса, который зазіяетъ подъ скрытую пирамиду.

«Человѣку мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ накопилось цѣлая гора. Теперешніе умные хотятъ строить на этой горѣ,—но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы, не выходитъ. Нужно скрыть ее до основанія—до голой земли... Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался на голой землѣ. Тогда онъ устроить новую жизнь. Нужно оголить землю... уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство... Тиціаны, Шекспіры, Пушкины, Толстые—изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошенкій костерчикъ и польемъ его керосиномъ... Свѣтопреставленіе нужно... нельзя иначе... Надо уничтожить все, и мы это сдѣлаемъ».

Съ чего же начать? Савва понимаетъ, что отвѣсъ, по которому вся пирамида человѣческой культуры или человѣческой «глупости» строится, есть идея о Богѣ, что это та невидимая ось, на которой теперешнее человѣчество держится и движется. Оставить людямъ Бога значитъ оставить все; отнять значитъ отнять все—кинуть «голаго человѣка на голую землю». Для этого всемірнаго оголенія и разрушенія надо, по слову Ивана Бармазова, «прежде всего уничтожить въ человѣчествѣ идею о Богѣ—вотъ съ чего надо начать».—И Савва начинаетъ.

«Бога взорвали!»—кричитъ онъ съ безумною радостью, когда происходитъ взрывъ адской машины въ церкви передъ иконою Спасителя. «Динамитъ сильнѣе ихняго Бога... Вотъ они кланяются, вотъ они молятся, вотъ они прямо взглянуть не смѣютъ, холопы поганые, а пришелъ настоящий человѣкъ и разрушилъ. Готово... Кончилось царство ихняго Бога и наступило царство человѣка. И сколько ихъ подохнетъ отъ ужаса одного, съ ума будутъ сходить, въ огонь бросаться. Антихристъ, скажутъ, пришелъ»...

Предтечею Антихриста Савва считаетъ себя.

«Настало время мнѣ придти—и я пришелъ, и вотъ стою я среди васъ. Будьте готовы... Въ огнѣ и громѣ хочу я перейти мировую грань... А не я, такъ другой... Я только посланный, пославшій же меня безсмертенъ... Я вижу его... Онъ идетъ... Онъ родится въ пламени... Онъ самъ—пламя и разрушеніе. Конецъ землѣ... Онъ идетъ»...

Идетъ свободный, «голый человѣкъ», абсолютный босыакъ, «сынъ вѣчности», побѣдившій Сына Божьяго.—Это обратный Апокалипсисъ съ по-

бѣдой Звѣря надъ Богомъ. Савва постоянно говоритъ объ огнѣ всемірнаго разрушенія. И Апокалипсисъ говоритъ о томъ же: *Кто подобенъ зѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ? Онъ далъ намъ огонь съ неба.*— Савва не безбожникъ, онъ только вѣритъ въ противоположнаго Бога— Діавола.

Онъ предлагалъ свои услуги русскимъ террористамъ; но «они испугались—слабоваты; ну, я и ушелъ отъ нихъ: пусть себѣ упражняются въ добродѣтели—увнѣй народъ, широты взгляда нѣтъ у нихъ».

«Широкий взглядъ» на русскую революцію у одного Саввы; онъ одинъ понималъ ея подлинный смыслъ—всемірное разрушеніе и оголеніе, отрицаніе культуры, науки, искусства, религіи, торжество хаоса, торжество діавола. Но если это такъ, то не праведна ли реакція, и слова, обращенныя къ Саввѣ: «тебя нужно убить, раздавить, какъ гадину», не слѣдуетъ ли обратиться ко всей русской революціи, что, конечно и сдѣлалъ бы Достоевскій, думавшій, что въ революціи—«бѣсы»?—Толпа озвѣрѣлыхъ погромщиковъ убиваетъ Савву «во имя Христа, Царя и Отечества». На чьей же сторонѣ Андреевъ—на сторонѣ Саввы, предтечи Антихриста, или погромщиковъ, «слугъ Христовыхъ»? А если ни на той, ни на другой, то во имя какой истины отрицаетъ онъ эти двѣ лжи?

Что въ русской революціи есть между прочимъ и «бѣсы», въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Но одни ли «бѣсы»? Не происходитъ ли и въ ней, какъ во всякомъ всемірноисторическомъ явленіи, борьба Божескаго съ бѣсовскимъ? Вопросъ не въ томъ, что побѣдитъ; мы этого не можемъ знать; но мы можемъ и должны знать, *чему желать победы*. Савва желаетъ победы діаволу. Хочется вѣрить, что Андреевъ желаетъ много, что для него «широкий взглядъ» Саввы на русскую революцію—безобразная клевета. Но чѣмъ могъ бы Андреевъ возразить Саввѣ,—я не знаю.

«Ты дальше носа своего не видишь, а тоже говоришь. Глупъ ты еще!» обличаетъ кто-то Савву. Савва, конечно, глупъ, но не глупѣе «умнаго» Сергѣя Николаевича и всѣхъ вообще Андреевскихъ умныхъ героевъ.

Тутъ, впрочемъ, дѣло не въ умѣ и не въ глупости. Савва не столько глупъ, сколько дикъ какой-то небывалою, не первою, а послѣднею религіозною дикостью; это—новый гуннъ какихъ-то новыхъ Атилловыхъ полчищъ, Гога и Магога, идущихъ изъ великой пустыни безбожья. Онъ первая ласточка страшной весны: сегодня онъ одинъ, а завтра множество такихъ, какъ онъ. И чѣмъ отъ нихъ защититься, если нѣтъ Бога, нѣтъ Христа?

«Выдержитъ ли человѣкъ» всемірное разрушеніе, не погибнетъ ли «голыиъ, на голой землѣ», или, хуже того, не вернется ли къ старому, не начнется ли снова строить разоренный муравейникъ, вавилонскую башню царева прессы? Это все вопросы, не рѣшенные Саввою. Онъ только рѣшилъ, что если человѣкъ не выдержитъ, то «совсѣмъ надо его уничтожить;—ничего не значить, ошибка произошла... Разъ жизнь челоуѣку не удалась, пусть онъ уйдетъ... И это будетъ благородно, и тогда можно будетъ и пожать плечами, великаго осквернителя и страдальца земли».

Но кто пожалѣетъ человѣка, когда самаго человѣка на землѣ не будетъ? Не «умный ли и страшный Духъ небытія», устроитель «мировой ошибочки»? Вѣдь для него, исполнаго «человѣкоубійцы», это, можетъ быть, вовсе и не «ошибочка», а цѣль; къ ней-то, можетъ быть, онъ все и ведетъ: отъ космоса къ хаосу, отъ хаоса къ ничтожеству. Богъ даетъ вѣчную жизнь; діаволъ — вѣчную смерть. Религія Саввы, религія діавола — религія небытія.

И опять-таки чѣмъ бы могъ на это возразить Саввѣ Андреевъ?

Во всякомъ случаѣ, скорѣе утвердительный, чѣмъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ о «мировой ошибочкѣ» даетъ послѣдняя часть трилогіи — «Жизнь человѣка».

У.

«Въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ человѣкъ — покорно совершить кругъ желѣзнаго предначертанія», предсказываетъ «Нѣкто въ сѣромъ» жизнь человѣка. — Василій Оивейскій вѣрилъ или хотѣлъ вѣрить въ Бога, Сергѣй Николаевичъ — въ безсмертный духъ, Савва — въ сверхчеловѣка. Но вотъ оказывается, что ничего этого нѣтъ и быть не можетъ, а есть только «кругъ желѣзнаго предначертанія», отъ котораго человѣкъ никогда не освободится: онъ былъ, есть и будетъ или жалкимъ, покорнымъ, или еще болѣе жалкимъ, бунтующимъ рабомъ «Нѣкоего въ сѣромъ», Бога — Діавола.

Сначала — рабья благодарность: «Боже, благодарю Тебя за то, что ты исполнилъ мое желаніе... Я всегда буду вѣрить въ Тебя и ходить въ церковь...»

Потомъ — рабій ужасъ: «Я въ прахѣ разостлался передъ Тобой, землю цѣлую, — прости меня!...»

И, наконецъ, — рабій бунтъ: «Ты женщину обидѣлъ, негодяй, ты мальчика убилъ... Я не знаю, кто Ты — Богъ, діаволъ, рокъ или жизнь, — я проклинаю Тебя! Я проклинаю все!...»

«Человѣкъ» знать не хочетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, съ Богомъ или діаволомъ — и правъ: нѣтъ никакой разницы между такимъ Богомъ и діаволомъ: «человѣкъ» смѣшиваетъ ихъ такъ же естественно, какъ Василій Оивейскій или вогульскій шаманъ, который своего боженьку-чортушку то мажетъ сметаной по губамъ, то бьетъ по щекамъ. И Андреевъ полагаетъ, что этимъ исчерпывается вся религія «человѣка», вся религія человечества?

Бога проклинаетъ «человѣкъ» за то, что у него умеръ сынъ. Всѣ люди смертны, это человѣкъ зналъ еще тогда, когда впервые всталъ съ четверенокъ на двѣ ноги. Но только въ 1907 году узналъ онъ, что смертность даетъ ему право ругать Бога, какъ пьяный хулиганъ ругаетъ прохожаго.

Смерть сына — большое горе, но вотъ еще большее: мужикъ Еремѣй

нечаянно убилъ сына. — «Вотъ горе мое, видишь какое, — говоритъ онъ Саввѣ, — на землѣ такого не бываетъ, а призови меня Богъ и скажи: «На тебѣ, Еремѣй, всѣ царства земныя, а горе твое отдай Мнѣ», — не отдашь... Слаще оно мнѣ меду липоваго, крѣпче оно браги хмельной... Правду я узналъ черезъ мое горе... Христа, вотъ Кого... И всегда предомной лигъ Его чистый, куда ни повернись. — Понимаешь, Господи, страданіе мое? — Понимаю, Еремѣй. Я, братъ, все понимаю. — Такъ мы съ Намъ вдвоемъ и живемъ».

Это значить, что человѣкъ за страданіе можетъ не только проклясть, но и благословить Бога, — и ужъ, конечно, для благословенія нужна большая сила, чѣмъ для проклятія.

Снилось ли это андреевскому «человѣку»? Да нѣтъ, куда ему! — «Ты и своего носа-то, какъ слѣдуетъ, не видишь, а тоже говоришь. Глупъ ты еще». — Чтобы страданіе было «слаще меда липоваго, крѣпче браги хмельной», — не за себя одного надо страдать, не себя одного любить. А что «человѣкъ» любить, кромѣ себя? — Жену, дѣтей? Но вѣдь и звѣрь любить самку, дѣтенышей. — Искусство? Но онъ забылъ о немъ, когда оно перестало давать ему деньги и славу. — «Нѣтъ, Савва, ты никого не любишь, ты только себя любишь». — Никого «человѣкъ» не любитъ, кромѣ себя, жилъ въ свое брюхо, какъ звѣрь, и умеръ, какъ звѣрь.

Если бы у него была хоть искра человѣческаго достоинства, онъ вмѣсто того, чтобы проклинать Бога, просто и молча убилъ бы себя. Но онъ подло жилъ и еще подлѣе умираетъ.

«Меня пугаетъ безконечность... Я становлюсь такой маленькій, такой жалкій, какъ, знаете, цыпленокъ, который во время еврейскаго погрома спрятался куда-нибудь, сидитъ и ничего не понимаетъ», — говоритъ еврей Лунцъ, въ драмѣ «Къ звѣздамъ». То же самое могъ бы сказать о себѣ «человѣкъ».

Когда въ кабакѣ, среди пьяницъ, онъ «падаетъ на стулъ и умираетъ, запрокинувъ голову», автору кажется, что эта голова — «грозно прекрасная», какъ у самаго титана Прометей. Бѣдный титанъ — съ головой зачичкавшася погромнаго цыпленка!

«Нѣкто въ сѣромъ» остается побѣдителемъ. Кто же этотъ Нѣкто? — Богъ? Но надо быть не человѣкомъ и даже не звѣремъ, а булыжникомъ, чтобы признать такого Бога. — Діаволь? Но діаволь умнѣе. — Рокъ? Но рокъ правосуднѣе. — Нѣтъ, это просто олицетворенная глупость самого человѣка. Всѣ его отчаянные вопли и провалы — съ «Нѣкоего въ сѣромъ», какъ съ гуся вода; но, можетъ быть, отъ одной тихой усмѣшки Еремѣя, сыноубійцы: «Понимаешь, Господи, страданіе мое?» — это чучело провалилось бы, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ сѣрнаго запаха, который сопровождаетъ провалы театральныя чертей. А если бы у него была хоть капля остроумія, онъ могъ бы, передъ тѣмъ какъ провалиться сказать:

— Я, господа, право же, ни въ чемъ не виноватъ: я только держать

свѣчку, освѣщая всё глубины, которыя дѣлалъ этотъ, съ позволенія сказать, человекъ.

Надъ мертвымъ тѣломъ человекъ какія-то «пьяныя старухи», должно быть, исцадія хаоса, пляшутъ, «топая ногами, визжа и смѣясь дикимъ смѣхомъ. Наступаетъ непроглядный черный мракъ». И опускается занавѣсъ—трилогія кончена.

«Выдержать ли человекъ» всемірное разрушеніе, Савва не знаетъ и хочетъ сдѣлать опытъ. Но послѣ «Жизни человекъ» опытъ ненуженъ; ясно и такъ, что «не выдержать», что «голый человекъ на голой землѣ»—гниющая падалъ, надъ которою торжествуетъ хаосъ.

Такъ вотъ что значить: «кончилось царство Бога и наступило царство человекъ». Такъ вотъ для чего нужно «ворвать Бога», «уничтожить въ человекѣ идею о Богѣ». Да здравствуетъ хаосъ, да здравствуетъ смерть, да здравствуетъ ничто! Богоубійство—самоубійство человекства.

Если это не сплошное безуміе, не кощунственная клевета на жизнь, на человекъ, на Бога, то это религія діавола, религія небытія.

VI.

«Жизнь человекъ» и жизнь Сына Человѣческаго — поставилъ ли Андреевъ знакъ равенства между этими двумя жизнями? Проклятіе Богу Отцу есть ли проклятіе и Сыну Божьему, Христу? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ «Иуда Искариотъ», повѣсть, написанная послѣ трилогіи и которая могла бы къ ней служить эпилогомъ.

— Есть у тебя враги, Савва? ну, такой врагъ, одинъ, что ли, котораго бы ты особенно ненавидѣлъ?

— Такой, пожалуй, есть: Богъ... Ну Тотъ, Бogo вы называете вашимъ Спасителемъ.

— Ты не смѣешь такъ говорить. Ты съ ума сошелъ.

— Ого! Въ чувствительное мѣсто попалъ?

Да, это мѣсто—«чувствительное» не только для враговъ Саввы, но и для него самого. Онъ понялъ, что бороться съ Богомъ значить бороться со Христомъ; что теперь уже нельзя отрицать *только* Бога во имя *только* человекства, а волей-неволей приходится отрицать Богочеловѣчество во имя Человѣкобожества; что атеизмъ не можетъ не быть антиатеизмомъ, и антиатеизмъ не можетъ не быть антихристіанствомъ.

«Пока ходилъ Онъ по землѣ, былъ онъ человекъ такъ себѣ, хорошій, думалъ то да се, то да се; вотъ человекъ, вотъ поговорю, да вотъ научу, да устрою. Ну, а какъ эти самые человекъ потащили Его на крестъ, да кнутъями, тутъ Онъ и прозрѣлъ: «ага, говорить, такъ вотъ оно какое дѣло».—И взмолился: «не могу Я такого страданія вынести. Думалъ Я, что просто это будетъ распятіе, а это что же такое...» А Отецъ Ему: «ничего, ничего, потерпи, Сынокъ, узнай правду-то, какова она».—Вотъ тутъ-то Онъ и затосковалъ, да до сихъ поръ и тоскуетъ».

Въ этихъ словахъ второй, центральной части трилогіи—главная мысль ея эпилога, повѣсти объ Іудѣ Искаріотѣ.

Іуда, будто бы, любитъ Иисуса, не Христа, не Сына Божьяго, а «человѣка такъ себѣ, хорошаго», можетъ быть, даже «лучшаго изъ людей», но всетаки бесполезнаго мечтателя, галилейскаго пастушка, фарфоровую куклолку, «прелестнаго учителя»; *charmant d'écueil*, во вкусъ Ренана: «Петръ, Петръ, развѣ можно слушать Его? Развѣ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ, въ борьбѣ?»

Іуда, будто бы, любитъ Иисуса и предасть Его изъ любви, чтобы поднять народное возстаніе и насильно сдѣлать этого «Царя не отъ міра сего» сначала царемъ Іудейскимъ, а потомъ и всего міра.—«Вдругъ они поймутъ. Вдругъ всею своею грозною массою мужчинъ, женщинъ и дѣтей они двинутся впередъ, молча, безъ крика, сотрутъ солдатъ, зальютъ ихъ по уши своею кровью, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и руками оставшихся въ живыхъ высоко надъ теменемъ земли поднимутъ свободнаго Иисуса. Осанна! Осанна!»—И долой самодержавіе римскаго кесаря, да здравствуетъ всемірная революція.

Не себя, а всѣхъ остальныхъ учениковъ Христовыхъ считаетъ Іуда «предателями».—Отъ нихъ, будто бы, начнется «порода малодушныхъ и лжецовъ».—Но почему же отъ учениковъ, а не отъ самого Учителя? Вѣдь они только приняли то, чему Онъ училъ. Если они во «лжи», то Христось—«ложь». Во всякомъ случаѣ, правда Іудина противоположна правдѣ Христовой, и орудіемъ этой своей высшей, будто бы, правды онъ хочетъ сдѣлать Христа, хочетъ подвигъ Его исправить.

Христось говорить: любите враговъ вашихъ.—«Его любить,—говорить Іуда,—тотъ душитъ врага и кости ломаетъ у него».—Христось отдалъ себя въ жертву за міръ.—«Жертва—это страданіе для одного и позоръ для всѣхъ», говоритъ Іуда.—«Предатели, предатели, что сдѣлали вы съ землею? Теперь смотреть на нее и сверху и снизу, и хохочутъ, и кричатъ: посмотрите на эту землю, на ней распяли Иисуса.—И плюютъ на нее, какъ я».—Онъ плюетъ на жертву Христову,—значить, и на самого Христа. Какая же это любовь?

«Я побѣдилъ міръ», говоритъ Христось.—«Не Ты, а я,—отвѣчаетъ Іуда.—Его вырветъ побѣду изъ рукъ Искаріота? Свершилось. Пусть всѣ народы, какіе есть на землѣ, стекутся къ Голгоѣ и возопіютъ миллионами своихъ глотокъ: Осанна! Осанна!—и моря крови и слезъ прольютъ въ подножію ея—они найдутъ только позорный крестъ и мертваго Иисуса. Христось умеръ и не воскресъ, не побѣдилъ жизнью смерть; Іуда обѣдитъ смертью жизнь; Іудина побѣда въ томъ, что смерть сильнѣе жизни, зло сильнѣе добра, дьяволъ сильнѣе Бога. Умеръ Иисусъ, но живъ Іуда предатель, Іуда Спаситель, Іуда—противоположный Христось—Антихристъ. Онъ побѣдилъ міръ и вернется на землю съ побѣжденнымъ Христомъ.

«Я иду къ Тебѣ... Мы вмѣстѣ съ Тобою, обнявшись, какъ братья, вернемся на землю... Но, можетъ быть, Ты и тамъ не повѣришь? И въ адъ меня пошлешь? Ну, что же. Я пойду въ адъ. И на огнѣ Твоего ада

буду ковать желѣзо, ковать желѣзо, и разрушу Твое небо. Хорошо? Тогда Ты повѣришь мнѣ? Тогда пойдешь со мною назадъ на землю, Исусъ?»

Это Иудино желѣзо—не желѣзо ли адской машины, которою Савва хочетъ «взорвать Бога», не «сила ли желѣзнаго тяготѣнія», которой покорствуютъ звѣзды, не «кругъ ли желѣзнаго предначертанія», въ который «Нѣкто въ сѣромъ» включилъ «Жизнь человѣка» и самого Сына Человѣческаго? По тому, чѣмъ кончилась «Жизнь человѣка», мы можемъ судить и о томъ, чѣмъ кончилась жизнь Сына Человѣческаго.—*Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставилъ Меня?*—«Потерпи, Сынонь, узнай правду-то, какова она».—А правда такова, что Отецъ—Сыноубійца, Человѣкоубійца, Діаволь. Діаволь побѣдитъ Бога, Антихристъ побѣдитъ Христа—и да здравствуетъ хаосъ, да здравствуетъ смерть, да здравствуетъ ничто!

Все такъ и не можетъ быть иначе, если Христосъ не воскресъ. Ну, а если воскресъ? Иуда объ этомъ не думаетъ. Почему? Потому ли, что слишкомъ уменъ, или потому, что «и носа своего, какъ слѣдуетъ, не видитъ».

Замѣчательно, что всѣхъ Андреевскихъ умныхъ героевъ кто-нибудь когда-нибудь нѣтъ-нѣтъ,—да и обличить въ глупости, какъ будто авторъ, забѣгая впередъ, спѣшитъ предупредить догадку читателя о томъ, что у всѣхъ этихъ умниковъ—какая-то слѣпая точка, «темная вода» въ глазахъ.

«Что-жъ мнѣ говорили объ умѣ Иуды изъ Каріота? Это просто дуракъ, очень скучный дуракъ», говоритъ Каиафа.—«Развѣ, дѣйствительно, правъ Каиафа?» спрашиваетъ себя самъ Иуда.

Не умомъ, а сердцемъ онъ глупъ. У него есть умъ человѣческій, но нѣтъ змѣиной мудрости, простоты голубиной. Не понялъ, что значить: *утаилъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ*. Не понялъ умный дуракъ, что тысяча разъ легче было ученикамъ умереть, когда умеръ Христосъ, чѣмъ, оставшись въ живыхъ, повѣрить, что онъ воскресъ,—что для этого нужна была большая сила любви къ Сыну, чѣмъ для того, чтобы проклясть Отца. О, конечно, и другіе, вмѣстѣ съ Иудой, предали Господа: разбѣжались, погнули, думали: умеръ—и кончено. Не только во дворѣ Каиафы отрекся Петръ, но и послѣ Воскресенія;—такъ отяжелѣлъ, окаменѣлъ сердцемъ, что все забылъ, на все махнулъ рукой: какъ будто ничего и не было: «пойду, говорить, ловить рыбу».—И вотъ, однако, повѣривъ же, увидѣлъ Воскресшаго: *Петръ, любишь ли ты Меня?—Ты все знаешь, Господи; Ты знаешь, что я Тебя люблю.*—И Тома Невѣрный палъ къ ногамъ Исуса: *Господь мой и Богъ мой!*

Повѣрили, потому что любили. Иуда не вѣритъ, потому что не любитъ.

Или чудесъ не бываетъ? А ковать желѣзо въ аду и разрушить небо—не чудо? Въ томъ-то и дѣло, что не просто не вѣритъ онъ, а не хочетъ Воскресенія; ему нужно, чтобъ Христосъ не воскресъ: вѣдь иначе онъ погнѣтъ—хуже, чѣмъ погнѣтъ,—въ дуракахъ остался.

Сколько неистовыхъ пролятій, сколько молній и громовъ у Искаріота, а вотъ въ предутреннихъ сумеркахъ тихое вѣяніе, тихій воевъ:

— *Жена! что ты плачешь? кого ищешь?*

— *Господи! если ты вынесъ Ею, скажи мнѣ, что ты положишь Ею, и я созвужу Ею.*

— *Марія!*

— *Раввун!*

И совершилось чудо—единое, единственное чудо любви—Христось воскресъ.

И пусть когда-нибудь «всѣ народы, какіе есть на землѣ, стекуются къ Голгоѣ и найдутъ только позорный крестъ и мертвѣго Іисуса»,—достаточно тихаго зова въ предутреннихъ сумеркахъ: *Жена! что ты плачешь? кого ищешь?*—чтобы вспыхнулъ вновь всемірный пожаръ, въ которомъ истлѣетъ, какъ соломинка, Іудино желѣзо—«кругъ желѣзнаго предначертанія»—«сила желѣзнаго тяготѣнія»,—и все человѣчество воскликнетъ вновь: Христось воскресъ!

О революціи мечтаетъ Іуда. Вотъ—«стерли солдатъ, залили по уши кровью, вырвали изъ земли крестъ и высоко надъ теменемъ земли подняли свободнаго Іисуса—осанна! осанна!»—царь Іудейскій, царь всего міра.—Ну и что изъ того? Кесарь противъ кесаря, Звѣрь противъ Звѣря, папа противъ императора: сначала поборются, а потомъ соединятся, церковь съ государствомъ, мечъ духовный съ мечомъ свѣтскимъ, желѣзо ада съ желѣзомъ земли, чтобы окончательно поработить міръ. Да вѣдь это же и произошло во всемірной исторіи: отъ Константина Равноапостольскаго до Константина Побѣдоносцева, вся государственная церковность и церковная государственность—не что иное, какъ Іудина церковь, Іудино царство.—*Если падши поклонитесь мнѣ, я дамъ Тебѣ вѣстъ царства земли.*

Іуда жметъ: не освободить, а поработить міръ, не революціи, а реакціи во имя Христа хочетъ онъ, подобно всѣмъ государственно-церковнымъ насильникамъ, «великимъ инквизиторамъ»; куетъ въ аду желѣзо, чтобы, разрушивъ небо свободы Христовой, раздавить землю желѣзнымъ сводомъ ада, «силой желѣзнаго тяготѣнія», «кругомъ желѣзнаго предначертанія».

Палъ, палъ Вавилонъ великій—Іудина церковь, Іудино царство: *летите, собирайтесь, птицы, на великую вечерю Божью, чтобы пожрать трупъ царей.*—Такъ совершается Апокалипсисъ, истинная революція, освобожденіе міра во имя Христа.

Но можно, конечно, повернуть и обратно, отъ революціи къ реакціи, можно сказать: да, все было бы такъ, если бы Христось воскресъ; ну, а если не воскресъ, тогда что?—Тогда правъ Іуда, Христа презирающій; правъ Савва, Христа ненавидящій; правъ Сергій Николаевичъ, отвергшій Сына Божьяго во имя «сына вѣчности»; правъ «человѣкъ», проклинаящій Бога, какъ Діавола; правъ о. Василій Швейскій, трясушій мертвеца неволею: «да говори же ты, проклятое мясо!»—Если Христось не воскресъ, то все человѣчество—«проклятое мясо», гнѣющая падалъ, надъ которой «пьяныя старухи», исчадія Хаоса, справляютъ гнусную тризну дьявола пляской и хохотомъ;—а когда отпляшутъ, отхохочутъ, то наступитъ послѣдняя тишина ничтожества, «непроглядный черный мракъ», въ которомъ Нѣкто будетъ плакать надъ погибшимъ человѣчествомъ.

Я не хочу думать, что Андреевъ окончательно повѣрилъ въ это безобразное видѣніе, какъ въ религиозную истину. Но если бы повѣрилъ, то какой выводъ сдѣлалъ бы для русской общественности, для русской революціи?

Христосъ есть вѣчное да всякому бытію, вѣчное движеніе впередъ и впередъ отъ космоса къ Логосу, отъ Логоса, Богочеловѣчества, къ Боговселенной—*да будетъ Богъ все во всемъ*.—Антихристъ есть вѣчное *нѣтъ* всякому бытію, вѣчное движеніе назадъ и назадъ отъ космоса къ хаосу, отъ хаоса къ послѣднему ничтожеству,—да будетъ все ничто въ Діаволѣ, въ Духѣ небытія. Въ этомъ смыслѣ Христосъ—религиозный предѣлъ всякой революціи; Антихристъ—религиозный предѣлъ всякой реакціи. Вотъ почему принявшая религію бытія, христіанская, вѣрнѣе, Христова Европа—вся въ революціи; принявшая религію небытія, антирелигію, буддійская Азія—вся въ реакціи.

Религія и революція—не причина и слѣдствіе, а одно и то же явленіе въ двухъ категоріяхъ: религія—не что иное, какъ революція въ категоріи Божескаго; революція—не что иное, какъ религія въ категоріи человѣческаго. Религія и революція—не два, а одно: религія и есть революція, революція и есть религія.

Увы, я все это пишу, какъ на тонущемъ кораблѣ пишутъ письмо, чтобы запечатать въ бутылку и бросить въ море: авось, доплыветъ до земли, и кто-нибудь прочтетъ, когда писавшаго уже не будетъ въ жи-
вухъ.

Ибо сознаю, что никогда и нигдѣ до такой степени, какъ сейчасъ въ Россіи, не была опрокинута, вывернута наизнанку религиозная истина о революціи. Все, что можно было сдѣлать, сдѣлано, чтобы доказать, что религія есть реакція и революція есть антирелигія.

Въ счастію, вывертъ сдѣланъ слишкомъ неосторожно—перехитрили, переусердствовали: такъ перегнули дугу, что концы внизу разошедшіеся снова сходятся вверху. Получилось доказательство отъ противнаго. Именно здѣсь у Андреева въ противоположеніи религіи и революціи становится яснымъ, что антирелигія, пройдя черезъ революцію, приходитъ къ реакціи.

VII.

Если бы Андреевъ былъ послѣдователенъ и правдивъ до конца,—онъ отрекся бы отъ революціи и предался бы реакціи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему революція, борьба за свободу, когда никакой свободы нѣтъ, а есть только беспощадная и бессмысленная необходимость—«вкругъ желѣзнаго предначертанія»—для человѣчества то же, что кольцо, продѣтое сквозь ноздри быка, котораго ведутъ на бойню? Вѣдь эмпирическое рабство—неизбѣжное слѣдствіе рабства метафизическаго. Послѣ всѣхъ революцій не отойдетъ отъ человѣчества «Нѣкто въ сѣромъ», а слѣдовательно, въ сущности, ничего не измѣнится. Чтѣ было—будетъ, чтѣ будетъ—было. Соціализмъ, капитализмъ, республика, монархія—только разные положенія большого, который ворочается на постели, не находя покоя. Зачѣмъ бо-

роться, если нельзя побѣдить? Опустимъ же руки, сложимъ оружіе, умиримся, уасиримся до послѣдняго смиренія, до ничтожества. Если такова «Жизнь человѣка», то лучше быть не человѣкомъ, а звѣремъ,—не звѣремъ, а деревомъ,—не деревомъ, а камнемъ,—не камнемъ, а ничѣмъ. И кто знаетъ, можетъ быть, добрая тайна добраго діавола именно въ томъ, что онъ ведетъ человѣка сквозь всё проклятія, безумства и муки свободы къ этой послѣдней мудрости вольнаго рабства, къ этому послѣднему отдыху въ сладчайшей тьмѣ небытія.

«Тьма» называется послѣдній разсказъ Андреева, гдѣ террористъ говоритъ проституткѣ: «Пей за нашу братью. За подлецовъ, за мерзавцевъ, за трусовъ, за раздавленныхъ жизнью... за всѣхъ слѣпыхъ отъ рожденія... Зрячіе, выколемъ себѣ глаза... Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, погасимъ же огни и всё полѣземъ въ тьму... Выпьемъ за то, чтобы всѣ огни погасли. Пей, темнота!»

Это и значить: долой революцію, долой солнце свободы! Да здравствуетъ «тьма», да здравствуетъ реакція!

Таковъ исходъ буйный, трагическій, а мирный, идиллическій—именно то, что сейчасъ происходитъ въ Россіи: подъ желѣзнымъ предначертаніемъ самодержавнаго «Нѣкто въ сѣромъ»—сѣренькое житье-бытье, сѣренькое благополучіе, полуреакція, полуреволюція, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Вѣдь на что другое, а на это мы мастера—вися на вѣткѣ надъ бездоннымъ колодеземъ, кушать малинку.

Намедни какая-то младенческая мистическая анархисточка, захлебываясь отъ восторга, сообщила мнѣ, что, при новой постановкѣ «Жизни человѣка» въ московскомъ Художественномъ театрѣ, для изображенія «непрогляднаго мрака», всю сцену сплошь затянуть чернымъ бархатомъ.

Ну такъ вотъ—«погасимъ же огни», задуемъ «Огарки», уляжемся поудобиѣ на черномъ бархатѣ и будемъ кушать малинку: ягодки рдѣютъ угольками ада въ черной тьмѣ. Немного страшно и смрадно, но зато какъ бархатно черно, и тепло, и мягко-мягко—въ обезьяныхъ лапахъ!

Да, богоборчество оношлилось,—вотъ что надо, наконецъ, понять разъ навсегда; можетъ быть, снова когда-нибудь и гдѣ-нибудь облагородится, но сейчасъ въ Россіи оношлилось оно почти до уличной пошлости—до «мистическаго анархизма»—мистическаго шарлатанства—мистическаго хулиганства. Слишкомъ легкимъ промысломъ сдѣлалось «непріятіе міра»: лице, можно сказать, всякая блоха, у которой подвернулась нога, міра ; пріемлетъ и Бога проклинаяетъ. Велико долготерпѣніе Божіе, но надо , наконецъ, и честь знать—нельзя на Бога валить всё наши собственныя пакости.

Ежели воздаяніе загробное состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что ушедшіе видятъ здѣшніе плоды своихъ дѣлъ, то Иванъ Бармазовъ и Чичше, глядя на порожденныхъ ими, несмѣтно вишащихъ сверхчеловѣчювъ, должны испытывать помстинѣ адскія муки—какъ бы потопленіе въ

зловонномъ болотѣ. Былъ «москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ»—сталъ москвичъ въ антихристовой ризѣ. Кажется, самъ діаволъ могъ бы воскликнуть: «нѣтъ, никогда я не былъ такимъ лакеемъ!»

Вѣдь топтаться на мѣстѣ, изощряясь въ богохульствахъ, просто, наконецъ, скучно, такъ скучно, что хочется сказать: а что, господа, не отправить ли намъ все это «непріятіе міра» къ чорту? Не проснуться ли въ одно прекрасное утро и не смыть ли съ нашихъ лицъ балаганныя румяна и бѣлила маленькихъ титановъ-богоборцевъ? Не усмѣхнуться ли?—можетъ быть, въ усмѣшкѣ все наше спасеніе?—усмѣхнуться, встряхнуться и выздороветь,—можетъ быть, здоровье намъ сейчасъ нужнѣе всего? Взглянуть на міръ просто, какъ мы смотрѣли на него въ дѣтствѣ, принять міръ, прежде религіознаго оправданія, «полюбить жизнь прежде смысла жизни». Пусть міръ ужасенъ,—онъ всетаки хорошъ; не по хорошему милъ, а по милу хорошъ,—можетъ быть, это для насъ теперь подвигъ изъ подвиговъ?

Надо, наконецъ, признать разъ навсегда, что не менѣе согласно съ человѣческимъ достоинствомъ, не менѣе благородно, чѣмъ богоборчество,—богосыновство, на худой конецъ—не менѣе, а пожалуй, и болѣе. Трудно человѣку бороться съ Богомъ, но еще труднѣе примириться съ Богомъ. Во всякомъ случаѣ, для русской революціонной общественности это—самое трудное: труднѣе, чѣмъ свергнуть самодержавіе и учредить социаль-демократическую республику, труднѣе, чѣмъ «взорвать Бога» или «поддержать руками валящееся небо»,—труднѣе всего на свѣтѣ сказать просто простые слова: *Вѣрю, Господи, помоги моему невѣрью*. Труднѣе, но и нужнѣе всего, ибо не совершится, можетъ быть, даже не начнется побѣда русской революціи, пока слова эти не будутъ сказаны.

А что сказать ихъ такъ неизмовѣрно, почти сверхъ силу человѣческихъ трудно, въ этомъ, конечно, не вина одной русской революціонной общественности: ужъ слишкомъ долго принадлежала русскому правительству монополія христіанства, «воды жизни», вмѣстѣ съ водкою; слишкомъ долго религія была кощунствомъ,—неумудрено, что теперь, обратно, кощунство стало религіей.

Но путь этотъ пройденъ—дальше идти некуда.

Огромная заслуга Андреева заключается именно въ томъ, что онъ прошелъ этотъ путь до конца, до конца и безстрашно, не сберегая души своей—*потерявшій душу свою, сбережетъ ее*,—высказавъ эту кощунственную, но необходимую правду.

И какъ хотѣлось бы, чтобы онъ, первый въ русской революціонной общественности вспомнившій о Христѣ, первый же и пришелъ ко Христу. Какъ хотѣлось бы, чтобы онъ понялъ—да, можетъ быть, и понялъ уже,—что его «человѣкъ» вовсе не сверхчеловѣкъ, не титанъ, не богоборецъ, а маленький, голенкій ребеночекъ, украденный у матери хитрымъ чудовищемъ. О, если бы ребеночка вырвать изъ обезьяньихъ лапъ!

Д. Мережковский.

Царствованіе Александра I въ новомъ освѣщеніи.

(«Исторія Россіи въ XIX в.», изданіе А. и И. Гранатъ. Вып. I—II.)

Въ небогатой русской исторической литературѣ наиболѣе скудно представленъ отдѣлъ, посвященный исторіи Россіи въ XIX ст. Въ этомъ обстоятельстве, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Непреодолимыя преграды ожидали тѣхъ изслѣдователей, которые пожелали бы приступить къ документальному изученію этой эпохи. Государственные архивы, въ которыхъ хранятся важнѣйшіе историческіе документы, относящіеся до новой русской исторіи, оставались неприступными для ученыхъ специалистовъ до самаго послѣдняго времени. Рѣдко, рѣдко, въ видѣ совершенно исключительной милости, допускались въ эти тайники немногіе избранныки, твердо установившіе за собой репутацію благонадежныхъ писателей. Имъ показывали кое-какіе документы, но это отнюдь еще не значило, чтобы они могли рассчитывать на разрѣшеніе использовать все показанное для печатныхъ историческихъ трудовъ. Нужно ли удивляться тому, что при подобныхъ условіяхъ, когда историкамъ не имѣли возможности читать многихъ историческихъ документовъ, а прочитанное урывками не смѣли воспроизводить въ своихъ сочиненіяхъ,—никому не приходило въ голову намѣреніе посвятить свою изслѣдовательскую дѣятельность изученію русской исторіи XIX столѣтія?

Всѣ какъ бы свыклись съ той мыслью, что названный отдѣлъ отечественной исторіи окончательно забронированъ отъ изслѣдовательской пытливости. И какъ встрепенулась читающая публика, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойному Шильдеру удалось пробить въ этой бронѣ первую широкую брешь своимъ трудомъ по исторіи царствованія Александра I!

Но Шильдеръ былъ не изслѣдователь, а рассказчикъ. Его большая заслуга заключалась въ томъ, что онъ извлекъ изъ открытыхъ для него архивовъ массу интереснѣйшихъ документальныхъ данныхъ и талантливо воспроизвелъ эти данныя въ своемъ живомъ и легкомъ литературномъ изложеніи. Однако, этотъ первый опытъ скорѣе раздражилъ, чѣмъ удовлетворилъ всеобщій интересъ къ новѣйшей исторіи нашей родины.

Последние годы внесли большое оживление в изучение этой эпохи. Засовы у архивных дверей поослабли. В короткое время было опубликовано не малое количество совершенно свежаго и чрезвычайно цѣннаго матеріала, впервые выглянушаго на Божій свѣтъ изъ глубины архивныхъ нѣдръ. И въ настоящій моментъ мы находимся въ самомъ разгарѣ усиленнаго собранія первоначальныхъ матеріаловъ для исторіи Россіи за XIX столѣтіе. Можетъ быть, какъ разъ въ силу этого именно обстоятельства теперь было бы несвоевременно думать о составленіи большого своднаго труда по русской исторіи XIX вѣка. Но наше общество давно уже ждетъ компетентнаго руководства по этой части, а съ другой стороны, и въ интересахъ болѣе успешности дальнѣйшихъ архивныхъ поисковъ не совсѣмъ бесполезно было бы подвести общій балансъ тому, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи. И потому появленіе сводной «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» не могло не составить крупной новинки нашего книжнаго рынка, которая должна была привлечь къ себѣ оживленное вниманіе и специалистовъ, и большой публики.

Такою новинку и преподносятъ русскому читателю издательское товарищество А. и И. Гранатъ. Передъ нами шесть первыхъ выпусковъ этого изданія, объемлющихъ исторію Россіи за первое сорокалѣтіе XIX в. Дальнѣйшіе выпуски, какъ гласитъ проспектъ всего изданія, должны охватить остальные 60 лѣтъ XIX вѣка и начало XX в., кончая 1903 годомъ. Такимъ образомъ, передъ читателемъ пройдетъ вся новѣйшая исторія Россіи до начала русско-японской войны. Составленіе текста для этого изданія распределено между различными авторами. Это не единоличный, а коллективный трудъ. На Западѣ такого рода коллективныя научно-популярныя предпріятія давно уже вошли въ обычай; укажу для примѣра на извѣстное «собраніе» Онгена или на не такъ давно законченную «Всеобщую исторію Европы», составленную французскими историками подъ редакціей Лависса и Рамбо. У насъ, если не ошибаюсь, названное выше изданіе является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ (не считая, конечно, энциклопедическихъ словарей и учебной хрестоматіи по исторіи среднихъ вѣковъ, редактированной проф. Виноградовымъ). Недостатки и погрѣшности болѣе чѣмъ естественны и извинительны во всякомъ первомъ опытѣ; къ тому же особенно важно вскрыть и разсмотрѣть допущенныя ошибки именно въ началѣ всякаго дѣла. Вотъ почему со стороны критики вполне уместно отнестись къ данному интересному предпріятію съ самой строгой требовательностью, и руководители предпріятія, думается намъ, не посѣтуютъ на критику за такое отношеніе.

Большой трудъ, распределенный между многими участниками, разумеется, не можетъ быть выдержанъ въ одномъ тонѣ во всѣхъ своихъ частяхъ. Индивидуальность отдѣльныхъ авторовъ неминуемо наложитъ свой отпечатокъ на его различныя отдѣлы. И, конечно, въ этомъ нѣтъ ровно никакой бѣды. Свободная многоцвѣтная игра разнообразныхъ дарованій, ученыхъ темпераментовъ, литературныхъ пріемовъ можетъ толь-

во придать всему труду особенный блескъ, особенную живость и привлекательность. Но при этомъ рѣшительно необходимо, чтобы вся эта многоцвѣтность озарялась однимъ и тѣмъ же солнцемъ строго-научнаго метода. Иначе вмѣсто многоцвѣтности получится безформенность, а богатство индивидуальныхъ оттѣнковъ превратится въ разноголосицу, которая поставитъ читателя въ положеніе безпомощной растерянности. Для успѣшности подобныхъ коллективныхъ предпріятій необходима объединяющая редакция, которая, нисколько не стѣсняя свободы отдѣльныхъ авторовъ, должна тѣмъ же не менѣе выработать нѣкоторыя основныя методологическія положенія, обязательныя для всѣхъ участниковъ коллективнаго труда. Въ сожалѣнію, это важное условіе не было соблюдено при составленіи вышедшихъ до сихъ поръ частей новой «Исторіи Россіи въ XIX ст.». И въ результатъ получилось нѣчто пестрое, нѣчто похожее на тѣ одѣяла, которыя шиваются изъ кусковъ разноцвѣтныхъ матерій и отъ которыхъ такъ рябитъ въ глазахъ. Что хорошо для одѣяла, то врядъ ли умѣстно въ научно-популярномъ изданіи. На-ряду съ очерками, представляющими собою спокойно-объективное сводное изложеніе историческихъ данныхъ, добытыхъ наукою,—мы встрѣчаемъ здѣсь главы чисто-памфлетнаго характера. Мы не думаемъ отрицать пользы ни научно-популярныхъ очерковъ, ни политическихъ памфлетовъ. Но «смѣшивать два эти ремесла», думается намъ, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ. Въ сожалѣнію, этимъ памфлетнымъ налетомъ испорчены какъ разъ такія главы разбираемаго изданія, въ которыхъ по свойству затронутыхъ въ нихъ темъ прежде всего обратится вниманіе читающаго общества.

И къ вѣщему сожалѣнію эти главы подписаны именемъ компетентнаго спеціалиста, М. Н. Покровскаго, котораго нельзя заподозрить въ незнакомствѣ съ правилами объективнаго анализа историческихъ данныхъ. Я разумѣю главы, посвященныя характеристикѣ царствованій Павла I и Александра I, изложенію преобразовательныхъ опытовъ правительства Александра Павловича, борьбы общественныхъ партій того времени и, наконецъ, политической идеологіи декабристовъ. Все это—весьма обширныя и весьма отвѣтственные отдѣлы разбираемаго изданія. Какъ разъ по этимъ вопросамъ идетъ сейчасъ наиболѣе дѣятельная работа по собиранію и опубликованію документальныхъ матеріаловъ, до сихъ поръ оставшихся неизвѣстными, и потому составленіе названныхъ отдѣловъ требовало особенной осмотрительности, особеннаго напряженія критическаго такта. Отдадимъ справедливость составителю этихъ отдѣловъ; онъ обнаружилъ въ своей новой работѣ обычно присущіе ему свѣжій литературный талантъ тонкое остроуміе въ комбинированіи матеріала; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему удалось ввести въ традиціонную картину изображаемой имъ эпохи нѣкія новыя черточки, которыя придаютъ этой картинѣ болѣе реальныя чертанія, дѣлаютъ ее отчетливѣе и понятнѣе. Эти благіе результаты достигаются авторомъ каждый разъ, когда онъ послушно слѣдуетъ за текстомъ своихъ документальныхъ матеріаловъ. И тѣмъ въ большей степени

приходится пожалѣть о томъ, что авторъ не пожелалъ удержаться на этой надежной почвѣ документальнаго изслѣдованія и значительно испортилъ свою работу, подчинивъ требованія научнаго анализа инымъ задачамъ чисто-публицистическаго характера. Думаемъ, что отъ этого одинаково проиграли и наука, и публицистика.

Во главу угла своей работы авторъ поставилъ идею о классовомъ характерѣ политическихъ и социальныхъ движеній, наполнившихъ исторію Россіи въ теченіе первой четверти XIX ст. Взятая въ общей формѣ, эта идея вполнѣ законна въ научномъ изслѣдованіи и вовсе не такъ уже нова для нашей историографіи. Спорѣе можно сказать обратное: давно уже въ нашей исторической литературѣ стало общимъ мѣстомъ то положеніе, что XVIII вѣкъ и первая половина XIX стол. составили въ нашей исторіи по преимуществу дворянскую эру, чѣмъ и объясняются всѣ особенности развертывавшихся за это время явленій общественной и государственной жизни. Пытаясь примѣнить эту точку зрѣнія къ характеристикѣ социально-политическихъ движеній первой четверти XIX ст., къ характеристикѣ преобразовательныхъ опытовъ правительства Александра Павловича и политической идеологии декабристовъ,—авторъ является новаторомъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ онъ склоненъ, повидимому, предполагать, судя по нѣкоторымъ его полемическимъ вылазкамъ по адресу своихъ предшественниковъ.

И если что и накладываетъ на его трудъ печать своеобразія, то не столько его основная руководящая идея, сколько приемы реализаціи этой идеи на конкретномъ историческомъ матеріалѣ. Желая стать на высоту реалистической науки, и во имя этого реализма развѣнчивая «либеральную романтику» прежнихъ изслѣдователей той же эпохи, авторъ, самъ того не замѣчая, сплошь и рядомъ слѣдуетъ приемамъ составителей старыхъ мелодрамъ. Какъ извѣстно, секретъ мелодраматическаго творчества заключался въ одноцвѣтномъ изображеніи индивидуальныхъ характеровъ. Ужъ если на сцену выведенъ злодѣй, то онъ не долженъ былъ совершить ни одного незлодѣйскаго поступка; онъ и стаканъ воды могъ выпить не иначе, какъ «по злодѣйски». Этотъ чисто-мелодраматическій приемъ нашъ авторъ склоненъ примѣнять къ характеристикѣ цѣлыхъ общественныхъ классовъ. Въ его исторической мелодрамѣ три дѣйствующихъ лица: феодалное дворянство, буржуазія и пролетаріатъ. Роли розданы, и ни одно изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ не смѣетъ ни на іоту выступить изъ рамокъ своего ампула. Первая четверть XIX ст. въ исторіи Россіи принадлежитъ, по мнѣнію автора, къ феодално-дворянской эрѣ, въ которой лишь едва-едва обозначаются зародыши грядущаго господства буржуазіи. Этимъ для автора предрѣшается характеристика не только общаго фона и господствующихъ тенденцій данной эпохи, но и каждого ея отдѣльнаго эпизода, каждого ея единичнаго дѣятели, каждого хотя бы самаго мелкаго жизненнаго штриха.

Все должно быть окрашено въ одинъ цвѣтъ феодално-дворянскаго со-

словнаго эгоизма, и только въ такомъ случаѣ изображаемая эпоха представитъ передъ нами въ своемъ истинномъ видѣ, не прикрашенномъ узорами либеральной романтики. Въ этой одноцвѣтной исторической живописи нашъ авторъ склоненъ видѣть торжество реалистической науки.

Съ нашей точки зрѣнія это—не что иное, какъ возвращеніе къ мелодраматическому трактованію историческихъ сюжетовъ въ стилѣ Карамзина. Карамзинъ мелодраматизировалъ отдѣльныхъ «героевъ», «мужей» нашей исторіи; современный историкъ мелодраматизируетъ цѣлыя общественныя классы. Но приемы мелодраматизаціи при всемъ своемъ видимомъ различіи въ основѣ весьма сходны. И тамъ, и здѣсь передъ нами одно и то же стремленіе: устранить изъ исторической картины все многообразіе, всѣ прихотливыя переделы подлинныхъ жизненныхъ явленій прошлаго, подмѣнить живыя историческія силы схематическими фигурами, заслонить историческую дѣйствительность ея условнымъ иконописнымъ изображеніемъ; и въ концѣ-концовъ не все ли равно, во славу какого бога сооружается такая икона,—во славу абсолютной монархіи, которую Карамзинъ славословилъ въ лицѣ Рюрика, Синеуса и Трувора или во славу теоріи классовой борьбы, на службу которой отдаетъ свое перо современный историкъ. Суть дѣла въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ страдаетъ историческая перспектива; суть дѣла въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ въ историческое изображеніе прошлаго вводятся злободневныя, чисто-партийныя мотивы и лозунги. Историческая наука превращается въ служанку политики.

Я отнюдь не собираюсь оспаривать того неоспоримаго на мой взглядъ положенія нашего автора, что всѣ общественныя движенія, разыгрывавшіяся въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX ст., носили на себѣ отпечатокъ той среды, изъ которой они возникали, и что этой средой былъ классъ тогдашняго помѣстнаго дворянства. Но исторія—не геометрія, и ея чертежи гораздо менѣе правильны и симметричны, чѣмъ это изображается у нашего автора. Главная ошибка этого автора заключается въ томъ, что онъ беретъ слишкомъ крупныя социальныя категоріи, отвлекаетъ отъ нихъ слишкомъ общія отличительныя черты и затѣмъ прилѣпляетъ эти черты къ характеристикѣ всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ и отдѣльныхъ историческихъ фигуръ, не считаясь съ своеобразиемъ каждой изъ нихъ. И отсюда получается неминуемое искаженіе исторической перспективы. На самомъ дѣлѣ, социальный процессъ представляетъ собою гораздо болѣе тонкую, извилистую, ажурную работу. Конечно, историкъ долженъ отыскивать закономерное единство въ этомъ многообразіи. Но отыскивать единство въ многообразіи вовсе не значитъ начисто отрицать самую наличность этого многообразія. Историческій опытъ показываетъ, напримѣръ, что и членамъ помѣстно-дворянскаго класса могутъ быть присущи при извѣстныхъ условіяхъ чисто-демократическія стремленія. Историкъ долженъ вскрыть причины этого явленія и изслѣдовать его своеобразную сущность. А наши правовѣрные сторонники теоріи классовой борьбы предпочитаютъ попро-

сту отрицать самую наличность такого явления, произвольно кромсая факты на прокрустовомъ ложѣ своей предвзятой схемы.

Пусть демократъ изъ дворянъ сохранить свою особую складку сравнительно съ демократомъ, вышедшимъ изъ глубины социальныхъ низовъ. Гораздо интереснѣе изслѣдовать своеобразие дворянскаго демократизма, чѣмъ голословно отрицать самую возможность его появленія. Въ предѣлахъ одного и того же класса жизнь создаетъ тысячи многообразныхъ оттѣнковъ и вариаций, а мы мажемъ себѣ все одной краской и еще воображаемъ при этомъ, что это-то и есть настоящая реалистическая историческая наука! Пусть воздушный шаръ, сколько бы онъ ни поднимался въ высь, никогда не выскользнетъ изъ сферы земного притяженія; все же это обстоятельство не дастъ намъ основанія отождествлять воздушный шаръ съ телѣгой, твердо стоящей на землѣ всѣми своими четырьмя колесами. И съ такимъ же правомъ мы можемъ сказать: пусть какой-нибудь декабристъ-заговорщикъ никогда не отрѣшался вполнѣ отъ своихъ классовыхъ предрасположеній; все же это еще не дастъ намъ основанія отождествлять какого-нибудь Баховскаго съ гоголевской Коробочкой, сосредоточивавшей всѣ свои помѣщичьи помыслы на томъ, какъ бы повыгоднѣе сбыть птичьи перья или масло и яйца. А нашъ поклонникъ теоріи классовой борьбы, характеризуя идеологию декабристовъ, проводитъ, какъ увидимъ, точь въ точь такія параллели, не смущаясь необходимостью насиловать для этого ясный смыслъ своихъ документовъ. Неужели нашъ авторъ полагаетъ, что такимъ образомъ онъ реализуетъ на историческомъ матеріалѣ свою излюбленную теорію?

Мнѣ думается, что это не реализація, а вульгаризація его теоріи.

Не являясь правовѣрнымъ сторонникомъ теоріи классовой борьбы, я думаю въ то же время, что эта теорія вовсе не требуетъ отъ историка тенденціозной ретушевки историческихъ данныхъ. Она вовсе не требуетъ, напримѣръ, чтобы въ научно-историческомъ изображеніи и Сперанскій, и декабристы были представлены, какъ орудія рядовой дворянской массы того времени, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности первый сдѣлался, благодаря своимъ преобразованіямъ, мишенью самой острой злобы тогдашняго дворянства, а вторые—не встрѣтили въ этой массѣ никакой поддержки. Но нашъ авторъ какъ будто полагаетъ, что его теорія не допускаетъ появленія смѣлыхъ новаторовъ, вступающихъ въ конфликтъ съ ходячими воззрѣніями большинства современниковъ (Сперанскій) или даже съ своей собственной социальной средой (декабристы), и потому онъ ставитъ себѣ задачей показать, что все идейное содержаніе преобразовательнаго движенія въ Россіи въ первой четверти XIX ст. почти не выходило за черту обычныхъ стремленій тогдашняго рядового деревенскаго дворянина-помѣщика. Посмотримъ же теперь, насколько удобно накладывается эта схема на историческіе факты.

При первомъ и бѣгломъ прочтеніи статей М. Н. Покровскаго можетъ показаться, что автору настолько же точенъ въ собственныхъ построе-

ніяхъ, насколько безопасенъ въ своей ироніи по отношенію къ предшествующимъ «либеральнымъ» изслѣдователямъ той же эпохи. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что, несмотря на все литературное искусство нашего автора, ему не удалось обойти тѣхъ многочисленныхъ противорѣчій, на которыя онъ былъ обреченъ своей предвзятой точкой зрѣнія. Эти противорѣчія на каждомъ шагу преслѣдуютъ внимательнаго читателя очерковъ М. Н. Покровскаго и въ концѣ-концовъ приводятъ его къ двоякому предположенію: либо невѣрна основная точка зрѣнія автора, либо эта точка зрѣнія требуетъ совсѣмъ иныхъ пріемовъ для своей реализаціи.

Въ очеркѣ, посвященномъ царствованію Павла Петровича, набросана весьма яркая картина этого царствованія и дана чрезвычайно живая характеристика самого этого государя. Дѣло не обходится безъ полемиической нотаціи—на этотъ разъ совершенно заслуженной—по адресу нѣкоторыхъ историковъ, неосновательно желавшихъ придать облику Павла I романтической характеръ.

Нашъ авторъ изображаетъ характеръ и дѣятельность этого государя вполне реальными чертами, но прежде чѣмъ закончить главу, онъ вспоминаетъ о своемъ долгѣ по отношенію къ теоріи классовой борьбы и рѣшается во что бы то ни стало вставить въ рамки этой теоріи и названнаго государя. И съ этого момента вдругъ мѣняются всѣ декорации. Въ основѣ порывистыхъ, маниакальныхъ поступковъ Павла Петровича, вся несообразность которыхъ только что отчетливо была изображена авторомъ, вдругъ оказывается опредѣленная политическая «система». Такъ какъ всѣ процессы данной эпохи, по мысли автора, должны имѣть прежде всего непосредственное отношеніе къ судьбамъ дворянскаго класса и такъ какъ Павла Петровича никоимъ образомъ нельзя было бы зачислить въ продолжатели соціальной политики его матери, то при желаніи найти въ его дѣйствіяхъ «систему» остается одинъ выходъ: представить Павла Петровича борцомъ противъ дворянскихъ привилегій. Нашъ авторъ и вступаетъ на эту именно почву. Онъ приводитъ нѣсколько мѣропріятій, дѣйствительно стѣснявшихъ права дворянства, приводитъ свидѣтельства о томъ, что лишь «простонародье» любило этого государя и вотъ,—внутренняя политика Павла Петровича начинаетъ уже принимать въ глазахъ читателя подъ перомъ нашего автора очертанія какой-то «системы» опредѣленно демократическаго характера. Станнымъ образомъ взглядъ писателя-марсисста XX вѣка на дѣятельность Павла I начинаетъ какъ бы сливаться съ чисто-деревенскимъ взглядомъ тѣхъ самыхъ «крѣпостныхъ мужиковъ въ гвардейскихъ мундирахъ», которые, по словамъ М. Н. Покровскаго, едва не сорвали всего дѣла дворцовой революціи 1801 г.

Не такъ давно по поводу попытокъ нѣкоторыхъ историковъ окружить личность Павла Петровича романтическимъ ореоломъ радѣтеля о крестьянскихъ интересахъ В. И. Семевскій въ специальной статьѣ подвергнул подробному анализу все законодательство и всѣ правительственныя мѣро-

пріятія этого царствованія. Изъ этой статьи нашъ авторъ могъ бы узнать, какъ трудно говорить о какой бы то ни было «системѣ» примѣнительно къ этому царствованію, исполненному во всѣхъ отношеніяхъ самыхъ безпорядочныхъ противорѣчій. На нѣсколько антидворянскихъ мѣропріятій Павла Петровича можно привести весьма немало мѣропріятій антикрестьянскихъ. Но «система» понадобилась нашему автору ради его теорій. Подъ флагомъ теоріи классовой борьбы въ изображеніе Павла I, составленное историкомъ-марксистомъ, незамѣтно для него самого прокрадся въ концѣ-концовъ тотъ самый романтизмъ, за который онъ только что совершенно основательно журилъ «нѣкоторыхъ историковъ».

Правда, нашъ авторъ и тутъ старается отмежеваться отъ «нѣкоторыхъ историковъ», подчеркивая *бесознательность* демократизма Павла Петровича. «Павель, — пишетъ нашъ авторъ (I, стр. 28), — конечно, ни на минуту не думалъ о классовыхъ противорѣчіяхъ, когда издавалъ свои указы. Онъ руководился исключительно минутнымъ капризомъ или инстинктивнымъ отвращеніемъ ко всякому стѣсненію своей личной воли... и тѣмъ не менѣе помимо и даже противъ своей воли *Павель не могъ измѣнить законовъ исторіи* и, сдѣлавшись врагомъ господствующаго класса, сталъ воплощеніемъ надеждъ и чаяній классовъ угнетенныхъ». — Итакъ, развивая демократическое законодательство, Павель не велъ какой-либо сознательной принципиальной политики, а просто явился *бесознательнымъ орудіемъ историческаго процесса*. Согласимся, что это положеніе болѣе наукообразно по внѣшности, чѣмъ простодушный романтизмъ «нѣкоторыхъ историковъ». Однако на повѣрку и это поясненіе не только не улучшаетъ позиціи нашего автора, но наоборотъ еще болѣе запутываетъ его въ самопротиворѣчіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же мы получаемъ? Согласно требованіямъ научно-историческаго мышленія мы привыкли относить къ случайнымъ и переходящимъ элементамъ исторіи *личныя* свойства отдѣльных дѣятелей и наоборотъ устойчивый и законотѣрный элементъ исторіи мы усматриваемъ въ общихъ тенденціяхъ историческаго процесса. Итакъ, если авторъ утверждаетъ, что демократическій характеръ императорскаго законодательства не составлялъ личной черты Павла I, а помимо его воли и сознанія былъ ему навязанъ общей тенденціей историческаго процесса, — то, оставаясь послѣдовательнымъ, авторъ долженъ признать, что той же демократической тенденціей должно было быть окрашеннымъ и императорское законодательство хотя бы ближайшихъ предшественниковъ и преемниковъ Павла Петровича, — Екатерины II, Александра I, ибо вѣдь если «Павель не могъ измѣнить законовъ исторіи», то и сами эти законы исторіи не могли бы измѣниться только на время царствованія Павла съ тѣмъ, чтобы получить другое направленіе при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Но мы думаемъ, что и М. Н. Покровский не будетъ отрицать того, что социальное законодательство русской имперіи XVIII в., включая и царствованіе Екатерины II, было опредѣленно окрашено отнюдь не въ демократическій цвѣтъ, а было послѣдовательно дворянскимъ. «Дворян-

скій» характеръ мѣропріятій Александра I усердно подчеркиваетъ самъ М. Н. Покровский, даже вдаваясь въ этомъ отношеніи въ излишнюю утрировку.—И вдругъ въ главѣ о Павлѣ Петровичѣ оказывается, что «законы исторіи» сдѣлали исключеніе только для одного *этого* государя дореформенной Россіи, сдѣлавъ изъ него помимо его воли и сознанія законодателя-демократа! Всѣхъ этихъ безвыходныхъ противорѣчій благополучно избѣгли столь презираемые М. Н. Покровскимъ «либеральные» историки, для которыхъ было ясно, что въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ Павла Петровича просто-напросто не было ни демократической, ни вообще какой бы то ни было опредѣленной «системы», что эти законодательныя мѣропріятія отражали на себѣ порывистое и неустойчивое настроеніе мятежной души Павла Петровича, а вовсе не скрытно дѣйствующія тенденціи классовой борьбы.

Думаемъ, что въ данномъ вопросѣ «либеральные историки» гораздо ближе къ историческому реализму и гораздо дальше отъ презираемаго М. Н. Покровскимъ романтизма, чѣмъ самъ нашъ историкъ-марксистъ.

Выдавъ въ лицѣ Павла Петровича демократическій аттестатъ политикѣ русской имперіи начала XIX в., М. Н. Покровский затѣмъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ начинаетъ разрушать «легенду» о демократическихъ элементахъ общественныхъ движеній, развернувшихся въ царствованіе Александра Павловича. Наибольше удачнымъ мѣстомъ въ очеркахъ М. Н. Покровскаго мнѣ представляется сдѣланная имъ характеристика работъ извѣстнаго «неофициальнаго комитета», дѣйствовавшаго въ первые годы царствованія Александра I.—Здѣсь автору дѣйствительно удалось вполне основательно исправить нѣкоторыя преувеличенія, нѣкоторую искусственную схематизацію, установившіяся въ предшествующей литературѣ по этому вопросу. Авторъ весьма отчетливо и документально доказалъ, что между партіей «старыхъ служивцевъ», группировавшихся около сената, и молодыми совѣтниками Александра I, составившими «неофициальный комитетъ», вовсе не существовало такой глубокой пропасти, какую предполагали прежніе историки этой эпохи. И политическія и социальныя идеи обѣихъ этихъ группъ развивались, какъ сказали бы мы теперь, въ одной и той же плоскости и если эти группы и боролись другъ съ другомъ, то это была не столько борьба двухъ противоположныхъ теченій, прогресса и застоя, Ормузда и Аримана,—сколько пикировка двухъ кружковъ, раздѣленныхъ гораздо болѣе возрастомъ и личными отношеніями, чѣмъ политическими идеалами и программами. Можетъ быть, авторъ идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что названныя группы боролись исключительно за вліяніе въ высшихъ сферахъ; на самомъ дѣлѣ между ними существовали и нѣкоторыя разногласія принципиальнаго характера, но эти разногласія во всякомъ случаѣ отнюдь не шли такъ глубоко, какъ это изображалось не разъ въ предшествующей литературѣ. Но вѣдь «неофициальный комитетъ» и не былъ органомъ сколько-нибудь широкой общественной группы; это былъ лишь наскоро сколоченный кружокъ

интимныхъ друзей молодости Александра Павловича, помощь которыхъ оказалась для государя необходимой на первый случай. Но дальнѣйшее развитіе общественнаго движенія, направлявшееся громкими политическими событіями того времени, постепенно обостряло конфликты и углубляло идейное содержаніе преобразовательныхъ стремленій.—Историку Александровской эпохи надлежало бы отмѣтить этотъ послѣдовательный подъемъ преобразовательныхъ плановъ, этотъ усиливавшійся прибой оппозиціоннаго общественнаго настроенія. Ему предстояло отмѣтить, какъ подъ вліяніемъ развертывающихся событій отъ рядовой общественной массы начали отдѣляться наиболѣе передовые ея элементы, которые въ концѣ-концовъ подняли весьма высоко для своего времени уровень очередныхъ политическихъ требованій. Нашъ авторъ между тѣмъ увлекся совершенно противоположной задачей. Онъ поставилъ себѣ цѣлью привести и преобразовательные планы Сперанскаго и политическія стремленія декабристовъ по возможности къ тому же невысокому уровню, на которомъ останавливались преобразовательныя предположенія неофіціального комитета. Всѣ эти моменты политической эволюціи развертывались въ одной и той же социальной средѣ, и этого обстоятельства уже достаточно въ глазахъ нашего автора для того, чтобы поставить ихъ за общую скобку. Ничего нельзя было бы возразить противъ такой постановки вопроса, если бы она отвѣчала историческимъ фактамъ. Но характерно то, что для «развѣнчанія» Сперанскаго и декабристовъ авторъ сопоставляетъ ихъ стремленія не съ политическими горизонтами ихъ современниковъ, а... съ социальными-политическими идеалами *нашего* времени. Передовыя стремленія начала XIX в. онъ мѣряетъ аршиномъ тѣхъ идеальныхъ программъ, которыя и въ началу XX ст. все еще не получили практическаго осуществленія, составляя лишь боевые лозунги передовыхъ общественныхъ группъ. Не мудрено, что при такомъ сопоставленіи радикализмъ Сперанскаго и декабристовъ тускнѣетъ и проигрываетъ, и изъ смѣлыхъ новаторовъ своей эпохи они превращаются подъ перомъ нашего историка въ выразителей самыхъ рядовыхъ стремленій современной имъ общественной массы. Но вотъ вопросъ: проясняется ли и выигрываетъ ли отъ такого приѣма историческая перспектива въ трудѣ нашего автора? Увлекаясь предвзятой задачей, авторъ весьма часто не столько анализируетъ взгляды и стремленія историческихъ дѣятелей изучаемой имъ эпохи, сколько полемизируетъ съ ними, какъ будто бы это были его непосредственные политическіе противники. Думаемъ, что интересы текущей партійной борьбы нисколько не выигрываютъ отъ такого приѣма, между тѣмъ какъ интересы точнаго историческаго анализа терпятъ несомнѣнный ущербъ.

Характеризуя политическую роль Сперанскаго въ моментъ составленія имъ его знаменитаго преобразовательнаго плана, авторъ очень хорошо обрисовываетъ ту политическую обстановку, въ которой зародилась идея этого плана. Неудачи, понесенныя Россіей въ ея первой борьбѣ съ Наполеономъ, тяжелыя экономическія послѣдствія для Россіи отъ Тяльзат-

скаго мира, больно ударившія, между прочимъ, и по интересамъ помѣщичьяго класса, быстрый ростъ всеобщаго недовольства создавшимися положеніемъ,—вотъ что послужило побудительнымъ толчкомъ для возобновленія правительственныхъ работъ надъ планами государственнаго переустройства. Непокойное состояніе общества заставило правительственные сферы расширить и углубить содержаніе своихъ первоначальныхъ преобразовательныхъ предположеній. Идея «самодержавной конституціи», которую желали въ первые годы царствованія Александра Павловича и самъ государь и члены «неофициальнаго комитета», смѣняется теперь въ сознаніи правящихъ сферъ на краткое время мыслью о необходимости формально ограничить самодержавную власть Монарха настоящими конституціонными учрежденіями. Преобразовательный планъ, составленный Сперанскимъ въ 1809 году, и представлялъ собою опытъ реализаціи этой мысли. Разбирая этотъ планъ, М. Н. Покровскій отказывается признать въ немъ смѣлый и рѣшительный поступательный шагъ въ движеніи русской политической мысли. Онъ характеризуетъ преобразовательныя предположенія Сперанскаго 1809 года всецѣло какъ хитроумный политическій маневръ, направленный на то, чтобы подъ покровомъ нѣкоторыхъ конституціонныхъ фикцій въ сущности оставить все по старому, и въ этомъ смыслѣ онъ называетъ Сперанскаго въ одномъ мѣстѣ «отдаленнымъ предшественникомъ гр. Витте» (I, стр. 52). На чемъ же основывается такая характеристика? На томъ, что конституціонному проекту Сперанскаго чужда идея парламентаризма, что въ немъ не устанавливается политической отвѣтственности министровъ, что Дума не предоставлена законодательной инициативы и что выборы въ Государственную Думу по проекту Сперанскаго являются не всеобщими и прямыми, а цензовыми и четырехстепенными (I, стр. 50—51). Читая подобныя разсужденія, невольно спрашиваешь себя: неужели ученый историкъ, раскрывая какой бы то ни было русской политической проектъ начала XIX столѣтія, могъ ожидать встрѣтить тамъ полное предвосхищеніе политическихъ требованій передовыхъ партій нашего времени? И неужели одного отсутствія такого предвосхищенія уже достаточно, чтобы отказать автору столѣтняго политическаго проекта въ смѣлости и рѣшительности политическаго мышленія? Нученъ ли подобный приѣмъ историческихъ характеристикъ? Не есть ли это—подмѣна историческаго анализа партійной полемикой заднимъ числомъ съ давно сошедшими съ жизненной сцены дѣятелями? Да, Сперанскій не вводилъ въ своемъ проектѣ ни парламентаризма, ни четырехчленной формулы избирательнаго права, но для характеристики политическаго значенія этого проекта надлежало выяснить его отличие не отъ современныхъ намъ передовыхъ политическихъ требованій, а отъ той постановки, какая придавалась тѣмъ же самымъ вопросамъ въ ту эпоху, когда дѣйствовалъ Сперанскій; нужно было рассмотреть этотъ проектъ въ связи съ той политической атмосферой, которая существовала въ руководящихъ кругахъ русскаго общества въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, и при такой дѣйстви-

тельно *исторической* оцѣнкѣ даннаго проекта тотчасъ же обнаружилось бы то смѣлое новаторство, которое лежало въ его основѣ. Желая подкрѣпить свою мысль о крайней умѣренности и призрачности политическихъ гарантій, представлявшихся въ проектѣ Сперанскаго народному представительству, М. Н. Покровскій обстоятельно исчисляеть все постановленія проекта, направленныя на стѣсненіе правъ Государственной Думы, но въ то же время сущность самихъ этихъ правъ онъ излагаетъ неполно и неточно. Правильно упоминая о томъ, что въ проектѣ Сперанскаго Государственная Дума не получаетъ права почина въ постановкѣ вопросовъ, М. Н. Покровскій умалчиваетъ о двухъ исключеніяхъ, допущенныхъ при этомъ Сперанскимъ: 1) «когда какою-нибудь мѣрою правительства явное дѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону» и 2) «когда правительство въ установленное время не представитъ узаконенныхъ отчетовъ»—то въ этихъ двухъ случаяхъ «законодательное сословіе» получаетъ право «собственными своими движеніемъ предложить дѣло на уваженіе». Такъ какъ Сперанскій указываетъ на эти два случая, какъ на исключеніе изъ того общаго правила, что *предложеніе закона* принадлежитъ не Думѣ, а министрамъ, то отсюда явствуетъ, что въ указанныхъ случаяхъ Сперанскій предоставляетъ Думѣ не только право запроса, но и право настоящей законодательной инициативы, т.-е. право внесенія самостоятельныхъ законопроектовъ. Ни слова не упомянулъ М. Н. Покровскій въ изложеніи проекта Сперанскаго и о другой еще болѣе существенной прерогативѣ, предоставленной этимъ проектомъ народному представительству: по проекту Сперанскаго Государственная Дума собирается ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ «безъ всякаго созыва»,—прерогатива отнюдь не настолько маловажная, чтобы о ней можно было умалчивать при характеристикѣ проекта, хотя бы указаніе на нее и нарушило стройность взгляда нашего автора на конституціонализмъ Сперанскаго. Еще менѣе основаній имѣлъ авторъ умолчать о томъ положеніи проекта, въ которомъ заключался ясно выраженный принципъ ограниченія самодержавной власти и которое было выражено Сперанскимъ въ слѣдующей формѣ: «никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ онъ составленъ въ законодательномъ сословіи», т.-е. Государственной Думѣ. Провозглашеніемъ этого принципа Сперанскій порывалъ съ той идеей «самодержавной конституціи», которая носилась предъ мысленнымъ взоромъ членовъ неофіціального комитета и которой самъ Сперанскій нѣкогда отдалъ дань въ своихъ болѣе раннихъ политическихъ трактатахъ. Для членовъ «неофіціального комитета» казалось неосуществимымъ самое введеніе народнаго представительства въ современной имъ Россіи, и они отодвигали моментъ созданія представительныхъ учреждений въ русскомъ государствѣ въ неопредѣленное далекое будущее, ограничивая свою ближайшую задачу согласованіемъ самодержавія съ единообразнымъ порядкомъ изданія новыхъ законовъ. Сперанскій въ своихъ раннихъ политическихъ трактатахъ тоже говорилъ о «самодержавной конституціи», при которой деспотическое правленіе еще

не переходить въ настоящую законоѣрную монархію, но лишь окружается нѣкоторыми постоянными установленіями, которыя, не нарушая существа самодержавія, «наружною важностію своею и составомъ» постепенно приближаютъ народное мнѣніе къ началамъ истинной законоѣрной монархіи (см. «Записку объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учреждений въ Россіи»). Въ проектѣ 1809 г. Сперанскій опредѣленно и сознательно становится на новый путь. Въ той главѣ проекта, которая названа: «Объ общемъ разумѣ преобразованія», Сперанскій прямо формулируетъ задачу предстоящей реформы, какъ упраздненіе абсолютизма. Реформа, — говоритъ онъ, — можетъ пойти двоякимъ путемъ: первый путь состоитъ въ томъ, чтобы «облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія; второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ». Это не наружное, а внутреннее и существенное ограниченіе самодержавія Сперанскій и видѣлъ въ созданіи народного представительства, помимо котораго ни одинъ законъ не могъ бы получить силы. Эту идею онъ и положилъ въ основу проекта 1809 г. И какъ бы ни были велики тѣ ограниченія, которыми при этомъ онъ нашелъ нужнымъ стѣснить дѣятельность народного представительства, все же не менѣе велика и пропасть, отдѣляющая указанную основную идею проекта отъ робкихъ преобразовательныхъ предположеній первыхъ лѣтъ Александровскаго царствованія. Въ качествѣ провозвѣстника этой идеи онъ явился несомнѣнно очень смѣлымъ новаторомъ для того момента, когда онъ выступилъ съ своимъ проектомъ. Правда, мысль о конституціи была въ то время ходячей. Писались разными лицами и конституціонные проекты. Но, во-первыхъ, многіе авторы такихъ проектовъ имѣли весьма туманное понятіе о существѣ конституціоннаго права, во-вторыхъ, эти проекты представляли собою не болѣе, какъ частныя работы, лишеныя какого-либо официального характера. Проектъ Сперанскаго 1809 г. ясно и точно формулировалъ отличіе конституціонной монархіи отъ монархіи самодержавной и кромя того это былъ не литературно-теоретическій трактатъ, а официальный законопроектъ, предназначенный къ дѣйствительному практическому осуществленію. Своимъ проектомъ Сперанскій бросалъ перчатку не только традиціямъ абсолютизма, но и классовымъ интересамъ рядовой массы тогдашняго дворянства, несмотря на цензовой характеръ проектированной имъ избирательной системы. Конечно, съ точки зрѣнія демократическихъ идей нашего времени проектъ Сперанскаго открытъ для самыхъ сокрушительныхъ полемическихъ нападеній. Но степень радикализма этого проекта необходимо измѣрять съ точки зрѣнія рядовой дворянской массы, современной самому Сперанскому. Изъ характеристики проекта, сдѣланнаго М. Н. Покровскимъ, вытекаетъ то заключеніе, что этотъ «консервативный» проектъ, почти ни

въ чемъ не опережавшій политическія идеи «неофіціального комитета», въ то же время не могъ бы возбудить противъ себя и тогдашнее дворянское общество, благодаря своему дворянско-классовому характеру. И если рядовое дворянство и озлобилось на Сперанскаго, какъ на сокрушителя государственныхъ основъ, то лишь потому, что «конституціонные проекты Сперанскаго были мало кому извѣстны, а во всѣхъ подробностяхъ ихъ не зналъ почти никто», между тѣмъ, какъ нѣкоторые отдѣльные правительственныя мѣропріятія въ родѣ указовъ о служебныхъ правахъ дворянъ и о налогахъ на доходы съ помѣщичьихъ имѣній страшно взволновали дворянство. Но эти мѣры, по мнѣнію М. Н. Покровскаго, въ глазахъ Сперанскаго не имѣли принципиальнаго значенія (?), что и выяснилось бы для дворянства, имѣй оно возможность ознакомиться съ главнымъ конституціоннымъ проектомъ Сперанскаго (I, стр. 59).

Чтобы убѣдиться въ эфемерности всего этого построенія, читателю достаточно перевернуть двѣ странички въ очеркѣ М. Н. Покровскаго, и тогда изъ устъ того же автора читатель узнаетъ, почему и ознакомленіе съ главнымъ конституціоннымъ проектомъ Сперанскаго не могло бы заставить дворянскую массу того времени признать въ Сперанскомъ «своего» человѣка. На стр. 64 читатель узнаетъ отъ того же М. Н. Покровскаго, что наиболѣе многочисленная часть тогдашняго дворянства «и въ своемъ хозяйствѣ и въ своей политической идеологіи твердо стояла на почвѣ традиціи... она инстинктивно чувствовала, что *помѣщійскій произволъ* есть лучшая гарантія крѣпостного хозяйства въ его традиціонной формѣ... и поэтому какъ попытки выписывать машины изъ-за границы, такъ и попытки пересадить къ намъ, хотя бы на бумагѣ, заграничные образцы государственной жизни, одинаково вызывали въ ней къ себѣ самое скептическое отношеніе». — Вотъ, вдумавшись въ это совершенно правильное замѣчаніе, пусть читатель и разсудитъ — научно ли отрицать за проектомъ Сперанскаго значеніе смѣлаго новаторскаго шага только потому, что въ его системѣ конституціонныхъ учрежденій мы не находимъ ни парламентаризма, ни «всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго» голосованія на политическихъ выборахъ?

Отрицая за проектомъ Сперанскаго значеніе такого шага, М. Н. Покровскій вполне послѣдовательно утверждаетъ затѣмъ, что между этимъ проектомъ и дѣйствительно осуществленной при Александрѣ I реформой государственныхъ учрежденій вовсе не было такой большой разницы, какъ это принято признавать. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ приемомъ изложенія историческихъ данныхъ, какового, скажемъ прямо, мы никакъ не могли ожидать отъ нашего автора. Мы не можемъ допустить мысли, чтобы М. Н. Покровскій не читалъ въ подлинникѣ акта Образованія Государственнаго совѣта 1810 года, и тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ намъ приходится указать, что онъ вводитъ своего читателя въ глубокое заблужденіе, излагая содержаніе этого правительственнаго акта.

Станнымъ образомъ не упоминавъ въ своемъ мѣстѣ о томъ, что по

проекту Сперанскаго ни одинъ законъ не могъ быть изданъ помимо согласія «законодательнаго сословія», М. Н. Покровский еще болѣе страннымъ образомъ приписываетъ это положеніе Государственному совѣту 1810 г., чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было. «Въ компетенцію Государственнаго совѣта 1810 г. входило, — читаемъ у М. Н. Покровскаго на стр. 54—55—прежде всего законодательство: ни одинъ новый законъ не будетъ изданъ, ни одинъ старый не будетъ отмѣненъ *безъ согласія совѣта*». Итакъ, учрежденіемъ Государственнаго совѣта въ 1810 г. въ Россіи уже было ограничено самодержавіе, и Государственный совѣтъ получилъ законодательное, а не законосовѣщательное значеніе?

Да не подумаетъ читатель, что мы имѣемъ дѣло съ опечаткой. Какъ бы для устраненія подобнаго предположенія М. Н. Покровский затѣмъ пишетъ: «совѣту предоставлялось *все то, что въ конституціонныхъ странахъ предоставляется собранію народныхъ представителей*». Отъ этихъ собраній совѣтъ отличался только составомъ—не выборнымъ, а короннымъ. Авторъ пронизываетъ затѣмъ надъ этимъ «парламентомъ по назначенію». Увы,—мы должны сказать, что иронія заслуживаетъ всецѣло самъ нашъ историкъ-новаторъ, открывшій никогда не существовавшую русскую конституцію 1810 года и превратившій законосовѣщательный Государственный совѣтъ въ законодательный органъ. Какъ видимъ, авторъ вмѣсто анализа историческихъ документовъ предпочитаетъ либо полемизировать съ ними, либо по своему усмотрѣнію реформировать ихъ содержаніе.

Имѣя въ виду эту склонность нашего автора, читатель съ осторожностью отнесется и къ тому «новому освѣщенію», какое М. Н. Покровский даетъ въ своемъ трудѣ политической идеологіи декабристовъ. Этому важному вопросу посвящена третья глава второго выпуска разбираемаго изданія. Она принадлежитъ перу того же автора.

Главы настоящаго изданія, посвященныя декабристамъ, уже обратили на себя вниманіе критики, которая отмѣтила весьма непріятный и поверхностно-легкомысленный тонъ, какимъ авторы этихъ главъ сочили возможнымъ говорить о пионерахъ русскаго освободительнаго движенія... Источники этого тона скрываютъ весьма ясно чрезъ покровы quasi-научной терминологіи, которой щеколятъ составители этихъ очерковъ. Мы не считаемъ, конечно, задачей историка *прославленіе* декабристовъ. Но мы думаемъ, что историкъ, желающій держаться научной почвы, долженъ противопоставить прославленію декабристовъ не запальчивое *поношеніе* ихъ памяти, а спокойное *изученіе* всѣхъ особенностей декабристскаго виженія. И намъ кажется, что не только уваженіе къ перенесеннымъ ими людьми страданіямъ, но и уваженіе къ требованіямъ спокойной и точной научности, которую наши авторы такъ любятъ противопоставлять «либеральному романтизму», должно было бы удержать этихъ авторовъ отъ приписыванія декабристамъ «отсутствія простой человѣчности и элементарной порядочности» (II, стр. 134).

Не трудно замѣтить, что подъ маской научности передъ нами проходятъ на этихъ страницахъ отголоски борьбы, возгорѣвшейся, очевидно, не въ стѣнахъ ученаго кабинета, а на какой-то иной аренѣ. Въ лицѣ декабристовъ наши авторы клеймятъ умѣренность, непоследовательность и антидемократическій духъ «либеральной буржуазіи». Передъ нами—митинговая полемика въ формѣ историческихъ очерковъ. «Научно» ли однако дворянскую молодежь начала XIX ст. дѣлать ответственной за «грѣхи» либеральной буржуазіи начала XX ст.? М. Н. Покровский понимаетъ всю остроту этого вопроса и для того, чтобы предупредить его, самъ вноситъ поправку въ довольно прочно, по его мнѣнію, утвердившуюся (?) характеристику декабристской идеологіи, какъ буржуазной. Весь свой очеркъ онъ строитъ на той мысли, что декабристы были представителями не буржуазной, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а феодально-дворянской оппозиціи самодержавію.

Впрочемъ, эта поправка не лишаетъ его возможности затѣмъ изобличать въ лицѣ декабристовъ «русскую либеральную буржуазію» (II, стр. 113). Эту возможность онъ оставляетъ за собою при помощи приема, которымъ стоитъ позабавить читателя: хотя декабристское движеніе, по мнѣнію нашего автора, есть всецѣло движеніе помѣщичье, но «если (?) *буржуазный* значить не *пролетарскій*, то едва ли можно спорить, что декабристы являются типичными представителями буржуазнаго міросозерцанія» (II, стр. 102). Итакъ, декабристы М. Н. Покровскаго—весьма занимательные историческіе персонажи: они—бунтовщики-феодалы во вкусѣ Колинки (II, стр. 104) и они же—типичные представители буржуазнаго міросозерцанія; словомъ, все, что угодно, лишь бы не социаль-демократическіе большевики. Вся характеристика декабристской идеологіи, вышедшая изъ-подъ пера нашего автора, соткана изъ подобныхъ внутреннихъ противорѣчій.

Этой характеристикѣ авторъ предпосылаетъ методологическое замѣчаніе о необходимости изучать декабристскую идеологію не только по конституціоннымъ проектамъ декабристовъ, но и по ихъ письмамъ, разговорамъ, заявленіямъ, сдѣланнымъ въ крѣпости, и тому подобнымъ матеріаламъ, представляющимъ не столько «праздничную» формулировку ихъ воззрѣній, сколько болѣе интимное и потому болѣе близкое къ истинѣ обнаруженіе ихъ истинныхъ стремленій. Ничего нельзя возразить противъ такого методологическаго положенія, но лишь при условіи соблюденія и другого еще болѣе элементарнаго методологическаго требованія: какую бы категорію источниковъ ни изучалъ изслѣдователь, будь это официальные государственные акты вродѣ «Образованія Государственнаго совѣта 1810 г.», будь это политическія записки частныхъ лицъ, все равно, «праздничныя» или «будничныя»,—историкъ прежде всего долженъ брать изъ этихъ источниковъ не то, что ему непременно нужно для округленія его схемы, а то, что въ этихъ источникахъ дѣйствительно находится. Въ какой мѣрѣ

слѣдуетъ нашъ авторъ этому правилу, мы увидимъ сейчасъ изъ слѣдующаго примѣра.

Для обличенія декабристовъ съ рыцарями-гугенотами «во вкусъ Колинъ» онъ пользуется письмами, которыя посылалъ изъ крѣпости государю и генералу Левашову «одинъ изъ наиболѣе цѣльныхъ революціонеровъ среди декабристовъ» — П. Г. Баховскій. По мнѣнію М. Н. Покровскаго, изъ этихъ писемъ явствуетъ, что Баховскій шелъ на смерть 14 декабря 1825 г. не за человѣческія права, а исключительно за привилегіи дворянства. И это доказывается тѣмъ, что названныя письма изобилуютъ указаниями на произвольныя нарушенія администраціею предоставленныхъ дворянамъ правъ. Такія указанія дѣйствительно занимаютъ не малое мѣсто въ письмахъ Баховскаго. Не буду спорить противъ того, что принадлежность къ дворянской средѣ оказала извѣстное вліяніе на складъ воззрѣній Баховскаго. Но это обстоятельство все же не освобождаетъ историка отъ обязанности при цитированіи названныхъ писемъ выяснить и самому себѣ и своему читателю истинныя намѣренія ихъ автора. И для этого вовсе не требуется какой-либо особой остроты анализа; стоитъ только прочитать эти письма безъ заранѣе составленнаго предубѣжденія, и тотчасъ же станетъ ясно, что мысль автора состоитъ не въ защитѣ дворянскихъ привилегій, а въ изобличеніи административнаго произвола, не сдерживаемаго даже и тѣми сословными привилегіями, которыя давно закрѣплены въ законѣ. Баховскій хочетъ сказать своимъ адресатамъ приводимыми имъ примѣрами: «смотрите, какъ безграниченъ произволъ, царящій въ Россіи; не говоря уже о дальнѣйшемъ расширеніи общественныхъ правъ, даже тѣ права, которыя сама Верховная власть предоставила высшему сословію еще въ XVIII ст., на каждомъ шагу попираются административными агентами», и въ доказательство этой мысли Баховскій и приводитъ разнообразныя факты, взятые изъ жизни. Эту-то основную тему предсмертныхъ писемъ Баховскаго и проглядѣвъ нашъ «научно-объективный» историкъ, воспользовавшійся письмами исключительно въ цѣляхъ полемической ироніи по адресу «наиболѣе цѣльнаго революціонера изъ среды декабристовъ». Изображая точку зрѣнія декабристовъ на социальные вопросы, какъ обычную *сознъ* тогдашнимъ либеральнымъ помѣщикамъ, М. Н. Покровскій естественно долженъ былъ придти къ отрицанію за декабристами роли социальныхъ реформаторовъ. Опять-таки я не буду спорить противъ того, что социальная часть преобразовательной программы декабристовъ составляла дѣйствительно ихъ ахиллесову пята, и тѣмъ не менѣе я не могу представить себѣ, какимъ образомъ удалось бы автору доказать, что социальныя идеи не только Пестеля, но и Николая Тургенева выражали собою общедворянскую точку зрѣнія того времени. Тѣ попытки доказательства, которыя выдвинуты въ разбираемомъ очеркѣ, приводятъ автора къ большимъ самопротиворѣчіямъ, для характеристики которыхъ достаточно указать хотя бы на слѣдующее. На стр. 100 авторъ называетъ отжившей

легендой взгляды на декабристовъ, какъ на идейныхъ предшественниковъ составителей положенія 19 февраля 1861 г., и пространно старается разъяснить, въ силу какихъ побужденій декабристы сами пустили про себя эту легенду въ своихъ мемуарахъ, составленныхъ ими уже на склонѣ лѣтъ. Разрушая эту легенду на стр. 99—100 своего очерка, авторъ полагаетъ, что социальныя идеи декабристовъ были настолько косны, что между ними и идеями Н. Милютина лежала цѣлая бездна, и 19 февраля не только не выполнило завѣтовъ 14 декабря въ сферѣ социальной реформы, но наоборотъ, «вырвало почву изъ-подъ ногъ у той политической идеи, которую пытались внѣдрить въ сознание русскаго общества дѣятели 14 декабря». Бажется, ясно и опредѣленно. Но переверните пять страницъ и на стр. 106 вы прочтете не менѣе ясныя и опредѣленные строки такого содержанія: «можно сказать, что декабристы на сорокъ лѣтъ опередили свое время, потому что реформа 19 февраля, хотя и въ нѣсколько уже замаскированномъ видѣ, работала...» надъ созданіемъ того же типа крестьянскаго освобожденія, къ которому стремились и декабристы, т.-е. надъ созданіемъ «батрака съ надѣломъ». Когда автору нужно отгнѣить тождество социальныхъ воззрѣній декабристовъ съ общедворянскими взглядами ихъ современниковъ, тогда въ его изложеніи между 14 декабря и 19 февраля оказывается незаполнимая бездна. Когда же ему нужно отгнѣить «буржуазный» характеръ реформы 19 февраля, оказывается, что декабристы предвосхитили идеи Николая Милютина.

Допустимъ же, что социальныя идеи декабристовъ страдали неопредѣленностью и непоследовательностью; справедливость во всякомъ случаѣ требуетъ прибавить, что еще болѣе сбивчивы и неопредѣленны отзывы нашего автора о сущности этихъ идей.

Развивая свою теорію о буржуазно-дворянскомъ характерѣ декабристской идеологии, нашъ авторъ встрѣтилъ-таки одинъ узелъ, который ему пришлось при всемъ его искусствѣ не развязать, а разрубить. Я разумѣю *Русскую Правду* Пестеля. Можно допускать различныя отгнѣнки въ характеристикѣ воззрѣній Пестеля. Но даже и для предубѣжденного человѣка оказывается весьма затруднительнымъ изобразить Пестеля сознательнымъ противникомъ демократическихъ началъ или широкой аграрной реформы. И вотъ, во избѣжаніе какихъ-либо диссонансовъ въ своемъ построеніи декабристской идеологии (кромѣ тѣхъ диссонансовъ, которыхъ самъ авторъ не замѣчаетъ и образчики которыхъ мы привели выше), М. Н. Покровский просто-напросто снимаетъ Пестеля со счетовъ, успокаиваясь на томъ утвержденіи, что Пестель представлялъ собой въ рядахъ декабристовъ совершенно исключительное явленіе, отнюдь не характерное для той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Никто не будетъ отрицать того, что Пестель былъ человѣкомъ исключительнаго ума и характера; имѣются у насъ указанія и на то, что не всѣ взгляды Пестеля раздѣлялись даже тѣми декабристами, которые стояли къ нему всего ближе и всего чаще испытывали

на себѣ его непосредственное вліяніе. Но если уже ставить вопросъ о размѣрахъ вліянія Пестеля на его сотоварищей и о степени типичности его взглядовъ для общедекабристской идеологіи, то отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть данъ путемъ тщательнаго фактическаго изслѣдованія, а отнюдь не въ силу заранее составленныхъ предвзятыхъ рѣшеній о томъ, что должно быть типично для декабристовъ. А фактическое изслѣдованіе показываетъ, что друзья Пестеля склонны были критиковать его программу вовсе не за ея демократизмъ, а за ея якобинизмъ, за чрезмѣрное пристрастіе Пестеля къ государственной централизаціи, въ жертву которой онъ готовъ былъ принести и областную и индивидуальную свободу. Вообще нужно сказать, что М. Н. Покровскій вопреки имъ же самимъ выставленному методологическому положенію въ концѣ-концовъ слишкомъ преувеличилъ значеніе конституціонныхъ проектовъ, составленныхъ отдѣльными видными декабристами, и притомъ еще совершенно произвольно расклассифицировалъ эти проекты по степени ихъ типичности. Безъ достаточныхъ основаній снявъ со счетовъ проекты Пестеля, онъ столь же малоосновательно призналъ проектъ Никиты Муравьева во всѣхъ его частяхъ точнымъ отображеніемъ наиболѣе распространенныхъ среди декабристовъ воззрѣній.

Какъ извѣстно, Никита Муравьевъ вводитъ въ своемъ конституціонномъ проектѣ очень высокій имущественный цензъ для участія въ политическихъ выборахъ и высказывается за безземельное освобожденіе крестьянъ. Какой удобный матеріалъ для того, чтобы изобразить декабристовъ буржуазными либералами! И вотъ, имѣя передъ собой два противоположныя по направленію проекта Пестеля и Никиты Муравьева, нашъ авторъ, категорически и безъ дальнѣйшихъ справокъ, зачисляетъ проектъ Пестеля въ разрядъ чисто индивидуальныхъ произведеній одинокаго ума, а проектъ Никиты Муравьева признаетъ типичнымъ выраженіемъ общедекабристской идеологіи,—и характеристика декабристовъ готова! А между тѣмъ историческія данныя гласятъ совершенно иное. Ни тотъ, ни другой проектъ не пользовались общимъ признаніемъ въ средѣ декабристовъ. То были какъ бы два противоположныя крайніе полюса политической мысли, представленные двумя систематиками изъ среды декабристовъ. Мысль рядовой декабристской массы направлялась по средней между ними линіи. И важно отмѣтить при этомъ, что критики названныхъ проектовъ изъ среды самихъ декабристовъ гдѣнили въ проектѣ Пестеля какъ разъ то, что, по мнѣнію М. Н. Покровскаго, должно было идти вразрѣзъ съ общими декабристскими тенденціями, т.-е. его демократизмъ, и критиковали въ проектѣ Муравьева то, что, по мнѣнію того же автора, должно было находить самый сочувственный откликъ въ декабристской массѣ, т.-е. высокій избирательный цензъ и обезземеленіе крестьянъ. Вопреки характеристикѣ М. Н. Покровскаго, въ средѣ декабристовъ можно усмотрѣть такіи образомъ теченіе, стремившееся сочетать конституціонализмъ Му-

равьева съ демократизмомъ Пестеля. Это теченіе не такъ-то легко уладывается въ схему, предустановленную нашимъ историкомъ, но что же дѣлать? Схемы должны вырастать изъ фактовъ, а не факты передѣлываться по схемамъ.

Въ результатѣ нашего разбора мы должны сказать, что то новое освѣщеніе, какое авторъ стремился придать эпохѣ Александра I, не озарило большею ясностью картины этого царствованія. Скорѣе, наоборотъ, пестрые блики, вновь послѣшно брошенные на эту картину, лишь слугали безъ нужды опредѣленность ея прежнихъ очертаній. И объ этомъ приходится пожалѣть тѣмъ въ большей степени, что авторъ разобранныхъ очерковъ обладаетъ всѣми данными для плодотворной научно-литературной дѣятельности—солидной эрудиціей и яркимъ литературнымъ талантомъ. Но онъ поддался искушенію превратить науку въ служанку партійной полемики, и наука отомстила за себя.

А. Кизеветтеръ.

„Ликвидация“.

I.

Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гостинныхъ разсказывается легенда, будто въ архивахъ департамента полициі хранятся бумаги одного помѣщика, жившаго вблизи Серафима Саровскаго и записывавшаго свои разговоры со старцемъ, уже тогда считавшимся святымъ. Въ этихъ бумагахъ содержится будто бы рядъ предсказаній, сдѣланныхъ Серафимомъ Саровскимъ о судьбахъ Россіи. Легенда утверждаетъ, что святой старецъ предсказалъ и войну съ «желтыми людьми», и разгромъ русскихъ войскъ, и послѣдовавшую затѣмъ сильную внутреннюю смуту. Люди, рассказывающіе про эту легенду, заходятъ такъ далеко, что утверждаютъ, будто въ предсказаніяхъ саровскаго чудотворца содержится точное указаніе, что въ концѣ 1907 года смута уляжется, наступитъ успокоеніе, и Россія оправится отъ пережитыхъ ею бѣдствій.

Слѣдя за тѣмъ, какъ правительство и суды, хорошо понявшіе угрозу деклараціи о возможной отменѣ несмѣняемости судей, съ лихорадочной быстротой спѣшили въ концѣ 1907 года закончить всѣ крупныя политическіе процессы, связанные съ событіями послѣднихъ лѣтъ, невольно приходило въ голову, ужъ не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ попыткой доставить куда слѣдуетъ реальное подтвержденіе справедливости упомянутыхъ предсказаній. Декабрь мѣсяць былъ сплошь занятъ крупными политическими процессами, воскресившими передъ русскимъ обществомъ всѣ тѣни прошлаго. Не было, кажется, ни одной стороны недавней русской жизни, которая въ томъ или иномъ видѣ не фигурировала бы на судѣ. Судили «крестьянскій союзъ» и товарища министра внутреннихъ дѣлъ Гурко, судили и осудили всю социаль-демократическую фракцію депутатовъ второй Государственной Думы. Судятъ порть-артурскихъ генераловъ, кievскихъ погромщиковъ, въ октябрѣ 1905 г. отвѣтившихъ на манифестъ о конституціи массовымъ избиеніемъ и грабежомъ еврейскаго населенія. Эффектно и быстро прошелъ «выборгскій» процессъ, который въ сознаніи всего русскаго общества отразился какъ судъ надъ первой Государственной Думой. По официальной обложкѣ это было «дѣло о дворянахъ С. А. Муромцевъ,

князь П. Д. Долгоруковъ, Н. А. Гредескулъ, князь Д. И. Шаховской и др., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. ст. 51 и 3 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож.», но кто же не видитъ, что перечисленные въ заголовкѣ обвинительнаго акта имена—полный составъ президіума первой Думы! Запоздали нѣсколько процессы московскихъ социалистовъ-революціонеровъ и центрального комитета народно-соціалистической партіи...

Всѣ эти процессы принято называть ликвидационными. Слово ликвидация теперь вообще очень популярно. Если послушать, что кругомъ говорится, такъ и на самомъ дѣлѣ можно подумать, будто мы, действительно, переживаемъ какую-то всеобщую ликвидацию. Ликвидируется старый порядокъ, ликвидируется и революція, ликвидируются и увлеченія, и заблужденія, и старые приемы дѣйствій, и старыя соціально-политическія программы и т. д. и т. д. Да такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ ли тутъ какого-либо оптического обмана?

Русскія Вѣдомости (см. № 293—1907 г.) по поводу этого «ликвидационнаго урагана» говорятъ: «Почти всѣ процессы могутъ быть раздѣлены на двѣ противоположныя категоріи, и въ обѣихъ мы имѣемъ дѣло съ ликвидациями. Съ одной стороны, ликвидируется освободительное движеніе, съ другой — какъ будто дѣлается попытка ликвидировать наиболѣе бьющія въ глаза злоупотребленія стараго порядка». Московская газета подчеркиваетъ, что процессы первой категоріи происходятъ въ «обстановкѣ», которая далека отъ требованій, предъявлявшихся самимъ освободительнымъ движеніемъ: нѣтъ такъ называемаго суда общественной совѣсти». Что же касается процессовъ второго рода, то общество относится къ нимъ довольно хладнокровно, съ извѣстнымъ любопытствомъ, но безъ захватывающаго интереса: «общество не можетъ не видѣть, что наслѣдіе стараго режима старымъ же режимомъ и ликвидируется». *Русскія Вѣдомости*, какъ видимъ, скептически относятся къ этой ликвидации второго рода. Но думается намъ, что и судебные процессы первой категоріи едва ли что на самомъ дѣлѣ ликвидируютъ. И тутъ старый режимъ дѣйствуетъ старыми средствами и приводитъ къ старымъ же результатамъ.

Посмотримъ, что дали намъ всѣ эти такъ-называемыя «ликвидационныя процессы».

II.

Хронологически первымъ изъ большихъ политическихъ процессовъ шло дѣло 55 членовъ соціалъ-демократической фракціи 2-й Думы, закончившееся 1 декабря. Депутаты обвинялись по ст. 102-й, т.-е. за участіе въ сообществѣ, составившемся для «насильственнаго посягательства на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленныхъ законами основными образа правленія». Дѣло разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ, и русское общество узнало кое-что о слѣдствіи, процессѣ и приговорѣ (11 депутатовъ оправдано, 12—сослано на поселеніе, 26—на каторгу отъ

4 до 5 лѣтъ) только изъ «сообщенія по дѣлу о членахъ социаль-демократической фракціи Государственной Думы второго созыва», неизвѣстно откуда исходящаго, но появившагося впервые въ правительственныхъ и офиціозныхъ изданіяхъ. Кто же составлялъ это «сообщеніе», кто взялъ на себя передъ русскимъ обществомъ отвѣтственность за точность сообщаемыхъ фактовъ, кто, наконецъ, вопреки ясному запрещенію закона, грозящаго уголовной карой, позволилъ себѣ огласить дѣло, разбиравшееся при закрытыхъ дверяхъ — этого мы не знаемъ. Передъ нами чрезвычайно яркій примѣръ возвращенія къ старому, восстановленія одного изъ самыхъ нежелательныхъ, противорѣчащихъ основамъ права приѣмовъ правительственнаго воздѣйствія на обывателей.

Столь серьезное обвиненіе, взведенное на нѣсколько десятковъ народныхъ представителей, несомнѣнно требовало гласнаго и открытаго суда. Будучи увѣреннымъ въ своей правотѣ, странно было бы считать публичное разбирательство этого дѣла опаснымъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Прокуроръ палаты г. Камышанскій восклицалъ, что онъ жалѣетъ, что двери суда закрыты, что онъ не можетъ показать народу нѣкоторыхъ его представителей во весь ихъ ростъ. Почему же онъ, сожалея объ этомъ, не возбудилъ вмѣстѣ съ подсудимыми ходатайства объ открытіи дверей? Ходатайство прокурора, надо думать, было бы уважено, и патетическій возгласъ г. Камышанскаго освободился бы отъ столь неприятнаго привкуса лицемерія. Но пойти по новой дорогѣ нехватило силъ. Было рѣшено прибѣгнуть къ старому испытанному способу закрытія дверей при политическихъ процессахъ. Но тогда надо было строго держаться буквы закона и ничего изъ процесса не оглашать, за исключеніемъ приговора, если онъ былъ объявленъ публично. Но до этого не додумались. Прибѣгли къ старому графарету.

До революціи всѣ политическіе процессы разбирались при наглухо закрытыхъ дверяхъ. Отчеты о нихъ, и очень подробные, печатались въ иностранныхъ и русскихъ зарубежныхъ газетахъ. Но время отъ времени, неизвѣстно по какому поводу, то правительственные, то реакціонныя газеты оглашали кое-что о судьбищахъ, разыгравшихся за закрытыми дверями. Прогрессивная печать съ жадностью накидывалась на эти официальные сообщенія и, несмотря на ихъ тенденціозность, односторонность, временами брань по адресу обвиненныхъ, перепечатывала ихъ отъ буквы до буквы. И что всего курьезнѣе, провинціальныя администраторы и цензора смотрѣли на такія перепечатки, дѣлавшіяся безъ всякихъ комментариевъ, весьма неодобрительно и часто воспрещали ихъ. Они чуяли и здѣсь крамолу и съ своей точки зрѣнія были правы. Читатель скоро научился читать: ни тенденціозность, ни односторонность, ни брань на него не дѣйствовали, и изъ правительственныхъ сообщеній онъ вычитывалъ только то, что ему было нужно. Онъ узнавалъ, что борьба за свободу идетъ, что не перевелись еще люди, жертвующіе собой за идею.

Открытый политическій процессъ, разбирающійся при свѣтѣ дня, слу-

жить несомненно проясненію общественнаго сознанія. Мнѣнія раздѣляются, на-ряду со сторонниками обвиняемыхъ сѣбѣ раздаются и голоса людей, ихъ осуждающихъ. Общественная мысль работаетъ. При закрытыхъ дверяхъ осужденные по политическимъ процессамъ всегда превращаются въ героевъ, и это явленіе неустранимо. При системѣ микстъ, когда судебная тайна дополняется одностороннимъ оглашеніемъ отдѣльныхъ данныхъ по выбору побѣдившей стороны, результаты получаются тѣ же, пожалуй, даже хуже. Односторонняя «свобода» печати, когда говорятъ только обвинители, а обвиненные, несущіе наказаніе вынуждены молчать, производитъ чрезвычайно невыгодное впечатлѣніе для побѣдителей. И если официальное сообщеніе будетъ составлено даже со скрупулезной точностью и величайшей добросовѣстностью, этому никогда не повѣрятъ...

Въ процессѣ социаль-демократической фракціи второй Думы мы имѣемъ не ликвидацію, завершившую известный періодъ «преступныхъ заблужденій». Передъ нами воскресла одна изъ страницъ старой русской исторіи, и то, что дѣйствующими лицами выступили люди, носящіе новое для стараго порядка званіе членовъ Государственной думы, не внесло никакого измѣненія въ знакомую картину. Крѣпки старыя привычки и, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, онѣ стремятся вновь завладѣть положеніемъ и усѣсться поудобнѣе. Но воскресеніе старыхъ привычекъ на одной сторонѣ побуждаетъ къ тому же самому и другую сторону...

III.

Трудно усмотрѣть какую-либо «ликвидацію» и въ процессѣ о кievскомъ погромѣ. Это—все старая картинка старой русской жизни, вслѣдъ за которой будетъ поставлено, вѣроятно, немало такихъ же картинъ. Что «ликвидируетъ» кievскій судъ? Погромную эпопею? Разоблачаетъ ли онъ истинную природу нашихъ погромовъ? Пролить ли на все полный свѣтъ? Привлечены ли къ суду настоящіе виновники погрома? Пока что—мы слышимъ только ежеминутно раздающіяся изъ устъ предсѣдателя суда слова: прошу не касаться дѣйствій войскъ, прошу не говорить о полиціи, войска и полиція не находятся въ числѣ обвиняемыхъ и т. д. На скамью подсудимыхъ посажено 86 случайно вырванныхъ «чужезъ», большая часть которыхъ были, вѣроятно, простыми мародерами, грабившими на полѣ сраженія, подготовленнаго другими болѣе высоко стоящими господами, оказавшимися за дверями суда. Курьезный эпизодъ, какъ на самомъ судѣ одинъ изъ обвиняемыхъ былъ пойманъ въ ту минуту, когда залѣзъ въ карманъ къ своему сосѣду по скамьѣ и по несчастью, только дочерчиваетъ картину. И по поводу этихъ хулигановъ нѣкоторые свидѣтели — полицейскіе и адвокаты шмаковского типа, произносятъ громкія рѣчи о революціи, жидовской наглости, возмущенномъ патріотическомъ чувствѣ толпы, отвѣтлившей на красные флаги грабежомъ еврейскихъ лавокъ и убійствами безоружныхъ, беззащитныхъ людей. Приходится сдѣлать самое выгодное для Шмакова и К^о

предположеніе, признавъ, что они сами нисколько не вѣрятъ въ то, что говорятъ, и смѣются надо всѣмъ, мороча глупыхъ людей. Если хоть на одинъ мигъ повѣрить, что въ еврейскихъ погромахъ выражается русскій патріотизмъ, это будетъ равносильно признанію русскаго народа гибнущей, разлагающейся расой, безсильной въ какой бы то ни было культурной борьбѣ за существованіе. Въ счастью, это не такъ... Погромы несомнѣнно организуются опытными руками и развиваются исключительно вслѣдствіе попустительства полиціи и войскъ. Чтобы прекратить погромъ даже въ Кіевѣ, достаточно было всего только роты солдатъ, и при этомъ не было бы пролито ни капли крови ни погромщиковъ, ни ихъ жертвъ.

Свидѣтель Барантбайвель далъ такое показаніе: «Около моего магазина я наблюдалъ такой случай. Человѣкъ 15 солдатъ, не дѣйствуя оружіемъ, подъ предводительствомъ офицера, камнями разогнали толпу громилъ. Въ это время мимо проѣзжалъ полицеймейстеръ Цихоцкій, который, подозвавъ офицера, что-то ему сказалъ; офицеръ тотчасъ ушелъ съ солдатами, а толпа хулигановъ снова стала грабить...»

Свидѣтель Ломакинъ видѣлъ патріотическую манифестацію во главѣ съ епископомъ Платономъ. Ему на дорогѣ разстилали ковры, которые брали изъ разбитаго магазина Пеховича.—Вы видѣли, какъ громилы подходили къ драгунамъ?—спрашиваетъ свидѣтеля прис. пов. Зарудный.—Видѣлъ.—Что же они дѣлали?—Угощали драгунъ папиросами.—А погромъ продолжался? — Продолжался.

Студентъ Гене въ дни погрома во дворѣ Старокіевскаго участка увидѣлъ роту Миргородскаго полка подъ командой офицера. Когда студентъ попросилъ его разогнать громилъ, офицеръ отвѣтилъ: «эка важность, что тамъ жидковъ бьютъ».

Вотъ еще отрывки изъ показаній городского Ковальчука, которому, вѣроятно, предстоитъ тяжело пострадать за свою добросовѣстность: стоялъ я на дежурствѣ около Прорѣзной, когда громилы. Когда я пытался прогнать погромщиковъ, то солдаты приходили и отталкивали меня прикладами...—Что солдаты говорили вамъ?—Они говорили мнѣ, что поставлены охранять громилъ... Когда я обратился къ одному унтеръ-офицеру съ вопросомъ, почему солдаты не разгоняютъ громилъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «пошелъ вонъ, у насъ есть на это разрѣшеніе...» Я спросилъ: какое разрѣшеніе? поважи. Въ отвѣтъ на это онъ показалъ мнѣ прикладъ...

Большинство свидѣтелей, въ томъ числѣ и православныхъ, слышали отъ громилъ, что громить евреевъ дозволено было три дня... Любопытно, что городского Ковальчука всякій разъ, когда онъ заговаривалъ о войскахъ, председатель суда и прокуроръ перебивали другими вопросами. Но Ковальчукъ, заявивъ, что онъ принималъ присягу и долженъ говорить правду, набрался-таки рѣшимости и высказалъ всю свою правду. Для людей, видѣвшихъ погромы своими глазами, эта правда ничего необычнаго не представляетъ. Вездѣ и всюду она одна и та же.

IV.

Техника погромнаго дѣла въ сущности очень проста, хотя въ то же время почти гениальна въ своей простотѣ. Недаромъ специалистъ по этой части ротмистръ Комиссаровъ, какъ удостовѣрилъ бывший товарищъ министра внутр. дѣлъ членъ первой Думы кн. Урусовъ, заявилъ: «погромъ устроить можно какой угодно; хотите на десять человѣкъ, а хотите и на десять тысячъ». Для начала пускается въ ходъ патріотическая манифестація. Въ эту манифестацію откуда-то стрѣляютъ, такъ что стрѣляющихъ никто не видитъ. Этотъ выстрѣлъ служитъ точно сигналомъ, чтобы «разбѣжавшіеся со страху (!?) манифестанты принялись за грабежъ еврейскихъ лавокъ и за убійства отдѣльных лицъ. Такъ какъ въ первые часы «большого» погрома ни полиція, ни войска даже не показываются на улицахъ, то среди части молодежи возникаетъ мысль о самооборонѣ. Быстро организуются небольшіе отряды молодыхъ людей, вооруженныхъ револьверами, и идутъ на погромщиковъ. Тутъ погромщиками, дѣйствительно, овладѣваетъ паника: при приближеніи отрядовъ самообороны погромщики немедленно разбѣгаются. Но затѣмъ моментально происходитъ перемѣна декорацій. На улицахъ появляются полиція и войска, сзади которыхъ идутъ шайки грабителей. Каждый выстрѣлъ въ погромщиковъ объявляется стрѣльбой въ войска и полицію (при этомъ какъ общее правило, раненыхъ среди нихъ почти никогда не бываетъ). Немедленно войска, руководимыя полиціей, открываютъ огонь по самооборонѣ и по тѣмъ домамъ, въ которыхъ предполагается ея присутствіе. Когда домъ достаточно обстрѣлянъ, войска идутъ дальше, а слѣдующія за ними шайки бросаются грабить разстрѣлянные лавки и жилища и добываютъ найденныхъ тамъ людей. Когда спрашиваютъ, почему же полиція и войска не останавливаютъ грабежей, слѣдуетъ сакраментальный отвѣтъ: войска не могутъ разорваться, они вынуждены были обороняться отъ нападеній революціонеровъ, пусть прекратятся выстрѣлы изъ домовъ, и тогда войска получаютъ возможность остановить погромъ... Настоящая сказка про бѣлаго бычка...

Специфическую особенность кievскаго, какъ и многихъ другихъ октябрьскихъ погромовъ, составляло только то, что наканунѣ погрома, въ день опубликованія манифеста 17 октября, городъ былъ охваченъ революціонными манифестаціями, правда, не стоившими никому ни капли крови, но не свободными отъ многихъ эксцессовъ. Этими эксцессами и думаютъ воспользоваться защитники погромщиковъ, мѣшая правду съ ложью и желая выставить толпу грабителей защитниками русскаго знамени, поруганнаго революціонерами. На судѣ не было однако установлено, что Царскіе портреты были изорваны евреями и, даже наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось дознаться, что портреты рвались самими погромщиками съ провокаціонной цѣлью. Съ тою же цѣлью была выпущена изъ одного изъ полицейскихъ участковъ живая телеграмма, что 10.000 евреевъ напали на Голосѣвскій монастырь и вырѣзали всѣхъ монаховъ. Эта телеграмма вызвала въ Кіевѣ большую панику и она въ значительной мѣрѣ

способствовала тому, что мирное киевское население довольно равнодушно отнеслось къ расправѣ съ евреями небольшихъ хулиганскихъ шаекъ.

Но несомнѣнно, что въ день опубликованія Высочайшаго манифеста о свободахъ киевская полиція и многихъ другихъ городовъ совершенно растерялась и выпустила изъ своихъ рукъ всякое управленіе улицей, которое немедленно перешло въ руки таившихся до тѣхъ поръ въ подпольѣ революціонныхъ кружковъ, вынесшихъ наружу свои красныя и черныя знамена. И, быть можетъ, важнѣйшая во всемъ этомъ черта та, что масса городского населенія сама нисколько не протестовала противъ революціонныхъ манифестацій и склонна была простодушно повѣрять даже въ самые фантастическіе толки о происшедшей смѣнѣ начальства и охотно подчиниться новому начальству. Когда администрація оправилась отъ неожиданности, которой былъ для нея манифестъ 17 октября и какія-то невѣдомыя ей свободы, она увидѣла, что реальная, физическая сила попрежнему пребываетъ у нея въ рукахъ. Тогда-то и разыгрался «экспериментъ», отголоски котораго слышатся теперь въ киевскомъ судѣ. Если при уклоненіи полиціи отъ своихъ обязанностей, революціонеры такъ легко могли овладѣть улицей и высоко поднять свои красныя знамена, и этому никто не препятствовалъ, то то же самое, конечно, будетъ, если полиція устранится, когда черносотенные патріоты тоже выйдутъ манифестировать. Пусть-ка евреи и революціонеры узнаютъ, что такое «свобода». «Въ хотѣлкѣ—свободы, вотъ вамъ пшавода!» Психологія событія именно такова. А когда избиваемые подумали о защитѣ, появились войска...

Теперь идетъ судъ... Но будетъ ли этотъ судъ дѣйствительно «ликвидацией», т.-е. осужденіемъ эксперимента междоусобной войны, какъ орудія управленія? Конечно, нѣтъ... Въ тому же обвиненные погромщики, въ томъ числѣ и убійцы, твердо увѣрены, что даже наложенныхъ наказаній имъ отбывать не придется...

V.

Затанувшійся портъ-артурскій процессъ шлетется какъ-то сонно и безтолково. Время отъ времени какой-либо яркій эпизодъ прорѣжетъ густую обывательскую атмосферу, образовавшуюся вокругъ этого дѣла, обильно политаяго человѣческой кровью. Затѣмъ опять затанется сѣрой мутой. Процессъ генеральскій. Среди свидѣтелей много генераловъ, подсудимые—генералы и судьи—всѣ старые почетные генералы. Имъ бы судить хотѣлось по-домашнему, генеральски-патріархальному. Они—люди старые, въ большихъ чинахъ, подвержены многимъ болѣзнямъ. И председатель суда уже смѣнился, и нѣсколько членовъ выбыли уже изъ состава присутствія: одинъ даже, если не ошибаюсь, скончался. А тутъ приходится возиться со сложными формами судопроизводства, съ гласностью, публичной, защитниками «молодыми людьми» изъ юристовъ, которые все чего-то горячатся. Неудивительно, что когда одинъ изъ защитниковъ началъ черезчуръ подробно допрашивать свидѣтеля генерала Горбатовскаго объ условіяхъ боя 19 де-

кабря, председатель суда прервалъ допросъ словами: «Не стоитъ. Защитникъ—человѣкъ молодой, ну и не понимаетъ» (*Гол. Москвы* № 294). Председатель неоднократно вступаетъ въ дружескіе переговоры съ подсудимыми и свидѣтелями, высказываетъ свое мнѣніе по поводу того или иного факта. Все это создаетъ для залы суда очень уютную обстановку, далеко отгоняющую мысль, что въ результатѣ всего этого судоговоренія можетъ получиться нѣсколько смертныхъ приговоровъ... хотя только на бумагѣ.

А между тѣмъ этотъ процессъ имѣетъ огромный общественный интересъ. Судятъ клочокъ Россіи, оторвавшійся отъ родины—матери и на чужбинѣ сохранившій всѣ специфическія прелести домашнихъ порядковъ. Невольно навертывается недоумѣнный вопросъ: почему судятъ именно ихъ, а не кого-либо другого, почему они виновнѣе прочихъ? То, что дѣлалось въ Артурѣ, творилось и творится и раньше и теперь во всѣхъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ вѣдомствахъ. Положимъ, относительно Стесселя существуютъ кое-какія улики въ трусости, Стессель, Рейсъ и Фокъ не безъ основаній обвиняются въ томъ, что послѣ смерти Кондратенка вели крѣпость чуть ли не намѣренно къ сдачѣ. Но вѣдь даже и они рисковали въ крѣпости своею жизнью, тогда какъ десятки и сотни другихъ военныхъ и штатскихъ генераловъ, продѣлывающихъ буквально то же самое, что и эти герои, ничѣмъ не рискуютъ и продолжаютъ благодушествовать. Обидно становится за память настоящихъ портъ-артурскихъ героевъ, имена же ихъ ты, Господи, всѣи, которые за тысячи верстъ отъ родины жертвовали своей жизнью въ фантастической, чуждой народу войнѣ, которые гибли безмолвными жертвами государственнаго разлада, отдавашаго судьбу великаго народа въ руки тупыхъ, самодовольныхъ невѣждъ. Если бы портъ-артурскій процессъ былъ дѣйствительно «ликвидацией», если бы онъ могъ дать намъ ручательство, что въ будущемъ сотни тысячъ русскихъ не очутятся искупительными жертвами за чужіе грѣхи—тогда народъ могъ бы съ легкимъ сердцемъ привѣтствовать этотъ процессъ. А теперь... Начинаешь жалѣть и Стесселя, когда читаешь въ обвинительномъ актѣ такое, напримѣръ, его показаніе: «Что касается того, можно ли было допустить рѣзню на улицахъ, то, по мнѣнію обвиняемаго, физически это возможно при непремѣнномъ условіи, чтобы японцы вмѣсто разгрома внутренности крѣпости снарядами, дали ворваться внутрь войскамъ, а тогда было бы то, что было въ войну 1894—1895 годовъ; памятники же десяти тысячамъ китайцевъ, зарѣзаннымъ въ Артурѣ, всѣ мы видѣли и не одинъ разъ... И этотъ послѣдній актъ былъ бы произведенъ надъ моими боевыми товарищами, ранеными воинами, лежащими по разнымъ госпиталямъ. Этого обвиняемый допустить не могъ и вмѣсто дешевыхъ бумажныхъ лавровъ рѣшилъ сдать остатки героевъ послѣ взятія той высоты, владѣніе которой отдавали въ руки того, кто ею владѣетъ, и крѣпость; крѣпости Портъ-Артуръ послѣ взятія Большого Орлянаго гнѣзда не существовало».

Неужели ради Абазы, Безобразова и Алексѣева необходимо было «пронести» и «этотъ послѣдній актъ».

VI.

Во все время осады въ Портъ-Артурѣ принялся только одинъ, основной и, пожалуй, неискоренимый законъ русской жизни: административная анархія. Вѣдомства, создавшіяся и воспитавшіяся на мысли, что не они для гражданъ, а граждане—для нихъ, безъ передышки грызлись другъ съ другомъ. Шла постоянная борьба властей и самолюбій, завязывались многообразныя интриги. Представители вѣдомства, никогда не чувствовавшіе себя отвѣтственными передъ гражданами и поэтому лишеныя и понятія объ истинномъ патріотизмѣ, не могли и подъ дуломъ непріятельскихъ орудій оставить свои счеты. То же самое происходило и происходитъ и въ остальной Россіи. Если патріотизмъ видѣть въ погромныхъ звѣрствахъ, то понятно, къ чему можетъ привести такой уровень государственнаго сознанія.

Что такое Стессель? Обыкновенный, дюжинный генералъ, желающій играть роль простаго «русачка», отца-командира, не ученаго, скентически относящагося къ «десяти академіямъ», который окончилъ генераль Смирновъ. Эта роль требуетъ отъ него бравурности, молодцоватости, строгости, безпощадности. Задумываться и размышлять не надо: «Я никогда не отиѣняю своихъ приказаній». И вотъ на долю такого человѣка выпала чрезвычайно тяжелая, отвѣтственная роль начальника осажденной крѣпости. Силою вещей онъ, дѣйствительно, сталъ полнымъ, безапелляціоннымъ властелиномъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей. Что хорошаго могло изъ этого произойти? Недаромъ говорятъ, что оцѣнка каждаго государственнаго строя дѣлается на войнѣ. Нужно ли удивляться, что бахвальство не оказалось патріотизмомъ, что самодурство не замѣнило талантовъ и знаній, что беззаконіе родило только анархію, что ложь не оказалась во спасеніе?

Стессель началъ свою дѣятельность беззаконіемъ. Вопреки многократнымъ телеграммамъ главнокомандующаго, онъ лишилъ коменданта крѣпости генерала Смирнова его правъ, скрылъ отъ него служебныя телеграммы и затѣмъ въ теченіе всей осады занимался уже частичнымъ упраздненіемъ и дискредитированіемъ власти ненавистнаго ему ученаго генерала. Это кажется невѣроятнымъ. Но еще невѣроятнѣе то, что Стессель успѣлъ и свое начальство, Куропаткина, убѣдить въ необходимости такого *coup d'état*. Вполнѣ сознавая беззаконность дѣйствій Стесселя, ген. Куропаткинъ послѣ трехъ телеграммъ пересталъ настаивать на восстановленіи генерала Смирнова въ его правахъ коменданта, что Стессель считъ молчаливымъ одобреніемъ его поведенія. Достигнуто это было очень простымъ приемомъ: при помощи безудержной лжи и бахвальства. «Не только войска,—писалъ Куропаткину Стессель—беззавѣтно вѣрять въ меня, такъ какъ я всегда между ними (я двѣ лошади въ день заѣзжаю),—вѣрять въ меня и моряки болѣе, чѣмъ въ своихъ адмираловъ. Вѣрять въ меня и населеніе». Не напоминаетъ ли это слогъ приказовъ генерала Думбадзе и вообще вся исторія отношеній Стесселя—Смирнова не представляетъ ли аналогіи съ тавриче-

скими Думбадзе—Новициниъ, одесскими Каульбарсъ — Григорьевыиъ, съ петербургскими Шауфусъ—Вендрихоиъ и т. д. и т. д.?

Корреспондентъ Ножинъ счелъ долгоиъ явиться къ Стесселю. Тотъ его встрѣтилъ, какъ всегда встрѣчаютъ российскіе властелины газетчиковъ. Онъ напомнилъ ему, что въ крѣпости онъ, Стессель, «царь и богъ» (и любятъ же они эти слова: начиная отъ урядника, всѣ ихъ знаютъ!) и имѣеть право его повѣсить. Когда Стессель узналъ, что Ножинъ «рекламируетъ» его соперника Смирнова, онъ повелъ на несчастнаго корреспондента настоящую травлю. Только чудомъ голова Ножина выскользнула изъ заготовляемой для нея петли. Proportions gardées и это — обычная русская жанровая картинка.

Артурское населеніе, начиная отъ юношей 14-ти лѣтъ, образовало вольныя дружины. Настроеніе дружинъ, какъ говоритъ на судѣ воинскій начальникъ Дмитріевъ, было приподнятое и патриотическое. Дружины участвовали и въ бояхъ, платили родинѣ своею кровью. Однажды во время завтрака, когда нѣсколько дружинниковъ читали газеты, возлѣ нихъ появился Стессель, привѣтствовавшій ихъ крупной бранью. На брань прибѣжалъ командиръ дружинъ. Влетѣло и ему. — Вы порете эту сволочь? — спросилъ Стессель командира. — Нѣтъ. — Почему? — Они этого не заслуживаютъ. — Такъ я самъ буду пороть ихъ, невѣжъ — замѣтилъ Стессель и уѣхалъ. И въ то же время—штрихъ очень характерный!—Стессель, по показанію Дмитріевскаго, требовалъ труда дружинниковъ для своихъ удобствъ, напр, 40 дружинниковъ въ теченіе недѣли уравнивали площадь передъ домомъ, куда Стессель хотѣлъ переѣхать. Вотъ какое употребленіе сдѣлалъ этотъ патриотъ изъ «приподнятаго и патриотическаго настроенія» жителей Артура...

Стессель посылалъ доносенія, вѣжливо выражаясь, несогласныя съ истиной. Представлялъ къ боевымъ наградамъ людей, никакихъ боевыхъ заслугъ не имѣвшихъ... Не присутствуя лично ни въ одномъ сраженіи, онъ тѣмъ не менѣе докладывалъ генералу Куропатину: «Когда бой сталъ обостряться, я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ на позиціи, я отдалъ приказаніе отступать» и т. д. Стессель закрылъ газету «Новый Край» за замѣтки, пропущенныя цензурой его собственнаго штаба. Полковникъ Вершининъ показалъ, что однажды Стессель приказалъ всему населенію въ три дня измѣнить способъ ассенизаціи города, и вмѣсто вывоза нечистотъ рыть для нихъ ямы во дворахъ, что могло бы отравить городской воздухъ. Когда комендантъ Смирновъ приказалъ занавѣшивать въ окнахъ всѣ огни, чтобы японскіе брандеры не имѣли слѣда, одинъ Стессель отказался этому подчиниться, а офицеру, напомнившему его семьѣ о существующемъ постановленіи, пригрозилъ арестомъ. Ничто такъ не чуждо сознанію нашихъ правителей, что они строже, чѣмъ кто-либо, обязаны подчиняться закону...

VII.

Другой любопытной портъ-артурской фигуркой былъ генераль Фокъ. Онъ долгое время не имѣлъ никакого спеціального дѣла и, слоняясь по позиціямъ, писалъ свои «замѣтки», задѣваящія то того, то другого изъ офицеровъ. Замѣтки эти читались въ высшихъ военныхъ артурскихъ кругахъ и производили сенсацію. Онъ вносилъ большое озлобленіе въ ряды офицеровъ и ссорилъ однихъ съ другими. Генераль Горбатовскій, задѣтый одной замѣткой Фока, написалъ контръ-замѣтку, въ которой не безъ остроумія подчеркнул, что «генераль Фокъ желаетъ, очевидно, прослыть за русскаго человѣка, страдающаго за Русь». Генераль Фокъ, дѣйствительно, очень напоминаетъ нѣмца, желающаго во что бы то ни стало прослыть истинно-русскимъ человѣкомъ. Въ тонѣ своихъ замѣтокъ онъ старается подражать Суворову и Драгомирову, онъ за панибрата съ солдатами говоритъ съ ними по простецки. Напр. ген. Горбатовскій показалъ, что, услышавъ однажды отъ солдатъ въ объясненіе своего поступка ссылку на уставъ, Фокъ сказалъ имъ: «уставъ пишутъ измѣнники». «Фокъ ругалъ всѣхъ,—пишетъ въ своемъ показаніи ген. Ирманъ,—всѣ у него обманщики, трусы, воры. Всѣ считали это странностью, но считали это только доказательствомъ авторитета въ военномъ искусствѣ, тѣмъ болѣе, что Фокъ держалъ себя такъ, какъ будто авторитетъ его былъ безусловно незыблемъ». Однажды Фокъ выругалъ и Ирмана. Тотъ обидѣлся, но Фокъ объяснилъ имъ, пишетъ Ирманъ, что «не хотѣлъ меня оскорблять своей замѣткой и содержаніе ея было направлено противъ Смирнова, но выругать Смирнова онъ не имѣетъ права, потому ругаетъ меня, какъ своего подчиненнаго». Милые пошехонскіе нравы были дѣйкомъ перенесены въ портъ-артурскія твердыни...

Ген. Надѣиныхъ, по словамъ обвинительнаго акта, во время боя у Цзинчжоу чуть ли не въ самый моментъ нашего разгрома донесъ, что «орудія непріятеля принуждены огнемъ нашихъ батарей къ молчанію». При отступленіи шт.-кап. Высокихъ донесъ, что «всѣ орудія испорчены», тогда какъ многія достались японцамъ въ неповрежденномъ видѣ. Тяжелое пораженіе, сдачу форта № II Стессель въ приказѣ по войскамъ изобразилъ, какъ побѣду, но по свидѣтельству генер. Мехмандарова, эта ложь не обманула солдатъ: «паденіе форта произвело на войска тяжелое впечатлѣніе, они поняли, что вслѣдъ за фортомъ падеть и вся крѣпость». Донесенія Стесселя часто изобиловали ложью, и даже въ телеграммѣ Государю онъ писалъ объ отсутствіи снарядовъ, получивъ отъ начальника артиллеріи ген. Бѣлаго удостовѣреніе, что снарядовъ хватитъ еще на два большихъ штурма. Но можемъ ли мы удивляться этому, когда теперь на нашихъ глазахъ разыгрывается поразительная исторія съ опроверженіемъ военного министерства въ дѣлѣ варшавскаго военного слѣдователя д. с. с. Шанова, производившаго слѣдствіе по поводу интендантскихъ подвиговъ генераловъ Любы, Модля и Б°. Военное министерство безстрашно назвало полнымъ вымысломъ всякія сообщенія объ этомъ слѣдствіи, появившихся въ *Руси*;

а когда самъ Шановъ вынужденъ былъ сообщить, что газетныя извѣстія правильны, министерство задумало укрыться за тонкой словесной изгородью и въ то же время начало репрессіи противъ слѣдователя. Какъ послѣ этого можно судить Стесселя?

Обвинительный актъ ставить въ вину Стесселю, что передъ сдачей крѣпости «послѣ 22 декабря начальникъ укрѣпленнаго района и его штабъ какъ бы исчезли... личныя и имущественныя права мирнаго населенія Портъ-Артура по капитуляціи совершенно не были ограждены... для женъ офицеровъ японцы назначили 18 китайскихъ арбъ, но изъ нихъ 10 были взяты для генерала Стесселя» и проч. Но развѣ не то же самое было во время октябрьскихъ погромовъ? Гдѣ былъ томскій губернаторъ, когда при бѣдѣйствіи полиціи и войскъ черносотенная толпа живьемъ жгла жгѣзнодорожниковъ, или тверской губернаторъ, когда преступныя банды громили земскую управу, или одесскій Нейдгардъ, когда грабили и рѣзали евреевъ?

Взаимныя отношенія артурскихъ властей дышали враждой, соперничествомъ, ненавистью. Сухопутныя и морскія войска были не въ ладахъ. Когда Стессель просилъ адмираловъ о поддержкѣ, флотъ преспокойно оставался въ гавани. Ссоры Стесселя и Смирнова, Горбатовскаго и Фока притягивали собою всю артурскую жизнь. Будучи подчиненъ Смирнову, Фокъ дѣйствуетъ помимо его распоряженій. Въ критическую минуту для крѣпости по вопросу объ очищеніи батарей Б. полковникъ Лебединскій получаетъ два прямо противоположныя приказанія отъ своихъ начальниковъ: Горбатовскаго и Фока. Ген. Фокъ воевалъ съ инженерами, самъ Стессель не довѣрялъ артиллеристамъ и ихъ начальнику генералу Бѣлому. Ген. Ирманъ жалуется, что «диспозиція Цзинь-чжоускаго боя была получена черезъ нѣсколько дней послѣ боя». Но стоитъ ли говорить объ этомъ, когда самъ Куропаткинъ на судѣ показалъ, что по прибытіи въ армію въ качествѣ командующаго онъ пожелалъ вторично отправиться въ Цзинь-чжоу, но просьба его о разрѣшеніи этой поѣздки была отклонена намѣстникомъ Алексѣевымъ...

VIII.

То, что портъ-артурская анархія являлась только отголоскомъ анархіи всероссійской, вскрылось уже на самомъ процессѣ. Одно неосторожное слово, сказанное на судѣ ген. Куропаткинымъ и задѣвшее С. Ю. Витте, подало поводъ къ полемикѣ, ярко обрисовавшей нашъ правящій механизмъ. Въ качествѣ свидѣтеля ген. Куропаткинъ сказалъ на судѣ: «Что касается вооруженія крѣпости, то въ этомъ отношеніи мы сдѣлали все, что могли, но орудія мы получали лишь по нѣскольку въ годъ. Заказы за границей дѣлать было запрещено, а единственный отечественный заводъ, Обуховскій, давалъ ихъ по нѣскольку штукъ въ годъ. Инженерная и техническая часть тоже была далека отъ совершенства. Но еще большая бѣда произо-

шла, когда безъ нашего вѣдома, безъ вѣдома моего и намѣстника, возникъ Дальній—великогнпная база для непріятели».

Графъ Витте принялъ все это на свой счетъ и представилъ объясненія, поколебать которыя бывшему военному министру не удалось. Правительство,—сказалъ С. Ю. Витте, дѣйствительно сокращало заграничные заказы, но запрета на нихъ не было. Каждый министръ заказывалъ за границей то, что ему было надобно. Министра финансовъ, особенно когда дѣло касалось государственной обороны, при этомъ и не спрашивали. Если орудія для Портъ-Артура не были заказаны за границей, то только потому, что самъ ген. Куропаткинъ *тогда* этого не желалъ. Что же касается города Дальняго, то его исторія, по словамъ С. Ю. Витте, была такова.

Занятіе китайскихъ гаваней русскимъ флотомъ въ 1897 году произошло неожиданно для министра финансовъ и шло вразрѣзъ со всѣми его планами. Когда этотъ фактъ сдѣлался ему извѣстнымъ, то онъ даже прервалъ всякія личныя сношенія съ бывшимъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ покойнымъ нынѣ графомъ Муравьевымъ. За границей дѣйствія нашей дипломатіи произвели большой переполохъ и, чтобы успокоить Англію, графъ Муравьевъ поручилъ нашему посланнику въ Лондонѣ заявить, что русскія дальне-восточныя гавани будутъ открыты для торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Общаніе, такимъ образомъ, было дано и его необходимо было держать. Но ген. Куропаткинъ находилъ безусловно невозможнымъ открыть доступъ иностраннымъ судамъ въ Портъ-Артуръ. Приходилось устраивать другую торговую гавань, и взгляды правительства остановились на Талиенванѣ. *Въ то время* ген. Куропаткинъ не представлялъ ни одного изъ тѣхъ возраженій противъ этого порта, которыя выдвинулъ теперь. «Напротивъ, въ протоколѣ имѣется заявленіе военного министра генераль-лейтенанта Куропаткина, что по вопросу о постройкѣ и эксплуатаціи коммерческаго порта онъ не встрѣчаетъ возраженій противъ осуществленія намѣченныхъ въ семъ отношеніи предположеній, а лишь имѣетъ возраженіе противъ проектированнаго *порядка административнаго управленія* портомъ». Какъ характерно это замѣчаніе. На всѣ вопросы они всегда смотрѣли съ одной точки зрѣнія, «порядка административнаго управленія» и только заднимъ умомъ, послѣ японскаго погрома догадались, что тутъ была и стратегическая и политическая сторона... Въ отвѣтъ на ядовитыя возраженія С. Ю. Витте ген. Куропаткинъ только и могъ указать рядъ случаевъ, когда Витте дѣйствовалъ при помощи Высочайшихъ указовъ, минуя закономъ указанныя учрежденія...

Въ этой полемикѣ С. Ю. Витте безусловно, что говорится, уничтожилъ ген. Куропаткина. Последнему оставалось, дѣйствительно, или признать, что онъ заднимъ умомъ крѣпокъ, что онъ «ошибался», говоря, что за Портъ-Артуръ мы можемъ быть спокойны, какъ «ошибался» и Алексѣевъ, увѣрявшій въ «невозможности» побѣды японскаго флота надъ нашимъ, или же, что военный министръ боялся отстаивать свои взгляды и отказывался отъ необходимыхъ заграничныхъ заказовъ, соглашался на по-

стройку вредной гавани, не желая рисковать своимъ портфелемъ. Ген. Куропаткинъ предпочелъ замолчать. Но нельзя сказать, чтобы и образъ С. Ю. Витте вышелъ чистымъ изъ этой передраги. Онъ былъ противъ занятія Портъ-Артура и Талиенвана, онъ изъ-за этого даже поссорился съ Муравьевымъ, но когда ему приказали, онъ, откинувъ въ сторону свои взгляды, сталъ строить Дальній. Такъ во всемъ... Ни тѣни пониманія гражданскаго долга, истиннаго патриотизма, который неразлученъ съ мужественнымъ отстаиваніемъ того, что считаешь за истину. Сплошной сервильнизмъ, позорный для людей, гибельный для народа.

Таковы были верхи. Понятно, что трудно сдержать негодующую улыбку, когда послѣ всего этого читаешь такое, напр., показаніе ген. Куропаткина на судѣ: «При такихъ важныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась крѣпость, ген. Смирновъ могъ бы даже арестовать Стесселя, и распоряженіе это, основанное на буквѣ закона, было бы, вѣроятно, оправдано». Давая заднимъ числомъ такіе героическіе совѣты, ген. Куропаткинъ, видимо, забылъ, что въ свое время онъ поддерживалъ Стесселя. Мы не говоримъ о практической бесполезности этого совѣта. Смирновъ и адмиралъ Виренъ, узнавши о попыткѣ парламентаря, подумали было о необходимости арестовать Стесселя, Рейса и Фока. Но этотъ переворотъ, вызвавъ междоусобную войну, не спасъ бы крѣпости. Намъ интересуетъ однако другое. Можетъ ли министръ, не давшій своимъ подчиненнымъ въ самыя тяжелыя минуты ни одного примѣра гражданскаго мужества, требовать отъ нихъ съ легкимъ сердцемъ героизма? Въ Россіи, оказывается, можетъ...

IX.

Портъ-артурскій процессъ велся медленно, безтолково и нудно. Зато выборгскій былъ поставленъ какъ первоклассное художественное произведеніе: быстро, дружно, красиво. Только досадливая, чрезмѣрная бездарность обвиненія портила ансамбль, слышеюмъ наклоняя вѣсы на сторону высокоталантливой защиты. Помимо слабости прокуратуры, все остальное, зависящее отъ обвиняемыхъ, было безукоризненно: никакихъ затяжекъ, ни одного лишняго слова, и если прозвучали двѣ дисгармонизировавшіе ноты, то и это было вполне уместно, такъ какъ отразившееся въ нихъ коренное различіе во взглядахъ, дѣйствительно, существовало въ жизни. Процессъ далъ «правду».

Внѣшняя сторона его очень проста и дѣлкомъ выражена въ обвинительномъ актѣ.

Судебное слѣдствіе ничего не прибавило къ обвинительному акту. Обвиняемые не то что не отрицали, они даже не входили въ обсужденіе тѣхъ немногихъ (тринадцати) фактовъ, которые слѣдователь и прокуратура собрали за полтора года. Сами обвиняемые взяли на себя выясненіе политической стороны дѣла, предоставивъ присяжной защитѣ освѣтить юридическую, живущую, какъ увидимъ ниже, первостепенное значеніе не

для личной судьбы обвиняемыхъ, а для опредѣленія того régime-mixte, въ которомъ мы живемъ, по иѣткому слову князя Мещерскаго.

Было бы, конечно, рискованно утверждать, что для выборгскаго дѣла уже наступила «исторія» и потому возможна вполне объективная его оцѣнка. Намъ извѣстны далеко не всѣ фактическія подробности тогдашнихъ отношеній. Особенно много неяснаго въ планахъ и дѣйствіяхъ, страхахъ и надеждахъ правительства. Но все же, думается намъ, мы можемъ сдѣлать попытку объективной оцѣнки.

Х.

Хотя реакціонныя газеты и стараются изъ всѣхъ силъ представить выборгское воззваніе партійнымъ кадетскимъ актомъ, но на самомъ дѣлѣ это совершенно невѣрно. Въ партіи по этому вопросу существуютъ и существовали различныя мнѣнія, и ни одно изъ нихъ, само собою разумѣется, не могло считаться обязательнымъ. Пишущій эти строки держится того мнѣнія, что съ политической точки зрѣнія оно было ошибкой, и не только ошибкой разчета, какъ признаютъ всѣ обвиняемые, но и въ смыслѣ нѣсколько болѣе широкомъ. «Въ оцѣнкѣ момента,—говорилъ С. А. Муромцевъ,—тогда люди не расходились. Ошибались—да; но ошибались всѣ одинаково. Ошибались и наверху, ошибались и внизу, ошибались и среди членовъ Государственной Думы». «Можетъ быть,—заявлялъ на судѣ И. И. Петрункевичъ,—наши соображенія были ошибочны, но ту же ошибку раздѣлило съ нами и правительство». Того же мнѣнія держится и Ѳ. Ѳ. Кошкинъ: «Наше воззваніе осталось безрезультатнымъ въ смыслѣ непосредственныхъ практическихъ послѣдствій; народъ не пошелъ за нами». Такимъ образомъ ошибка въ разчетѣ признана всѣми, и настаивать на ней значило бы ломиться въ открытую дверь. Намъ хотѣлось бы взглянуть на вопросъ нѣсколько шире.

«Ошибка» выборгскаго воззванія заключается въ его второй части, содержащей призывъ населенія къ извѣстнымъ актамъ, но, какъ глубоко замѣтилъ С. А. Муромцевъ, ему, когда онъ прислушивается къ поднятой тревлѣ, кажется, что «въ выборгскомъ воззваніи раздражаетъ не столько вторая его часть, которая вамъ, господа судьи, представляется преступленіемъ, но первая часть воззванія, возмущающая именно тѣмъ обстоятельствомъ, что бывшіе депутаты осмѣлились указать народу на опасность, которая грозитъ самому народному представительству». Вотъ, быть можетъ, одно изъ самыхъ глубокихъ словъ, раздавшихся на процессѣ, и объясняющихъ не только возмущеніе реакціонеровъ, но и то странное на первый взглядъ обстоятельство, что воззваніе подписали и лица, не соглашавшіяся съ нимъ. По моимъ наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ тогдашняго пребыванія въ Выборгѣ, такихъ несогласныхъ было не менѣе 50-ти. На судѣ приводились имена покойныхъ Юлоса и Герценштейна, какъ подвергавшихъ воззваніе рѣзкой критикѣ и все же подписавшихъ его. Чтобы

не выходить изъ круга покойниковъ и не говорить о живыхъ, укажу еще на А. А. Муханова.

Конечно, Герценштейнъ, этотъ знатокъ русскаго бюджета, прекрасно понималъ, что роль прямыхъ налоговъ у насъ ничтожна и, что если бы члены первой Думы хотѣли разрушить финансовую основу русскаго государства, они обратились бы къ населенію не съ призывомъ не платить налоги, а хотя бы съ призывомъ не пить водки. Очень многіе—я утверждаю это на основаніи многочисленныхъ разговоровъ, которые имѣлъ тогда же съ членами Гос. Думы — отлично понимали уже 9 и 10 іюля, что воззваніе — «ошибка». Оно являлось дѣломъ рукъ людей различныхъ партій, по меньшей мѣрѣ трехъ, другъ съ другомъ далеко не солидарныхъ. Какъ всегда, каждая партія, каждая группа въ одни и тѣ же слова вкладывала разный смыслъ, произносила ихъ съ разными, подчасъ противоположными цѣлями. Въ критическія минуты жизни государствъ нерѣдко бываетъ, что представительныя учрежденія, составившіяся изъ людей различныхъ взглядовъ, берутъ въ свои руки власть. Но тогда они выдѣляютъ болѣе или менѣе однородный органъ управленія. Такъ дѣйствовали Законодательное Собраніе во Франціи въ 1792 г., Конвентъ въ 1793 г. У насъ не было и не могло быть ничего подобнаго, и большинство членовъ первой Государственной Думы вполне сознательно отрицали такой способъ дѣйствій. «Всѣхъ насъ,—говорилъ на судѣ И. И. Петрункевичъ,—объединяло одно чувство: невозможность не дать отчета, не дать совѣта народу». Но совѣсть каждымъ можетъ толковаться, а тѣмъ болѣе воплощаться въ жизнь по-своему. И несомнѣнно, что хотя слова были одинаковы, но между совѣтами, который давали народу кадеты и, напримѣръ, социаль-демократы, не могло не быть крупнаго различія.

Намъ предстоитъ попытаться правдиво освѣтить, какъ въ то время смотрѣли авторы воззванія на смыслъ и значеніе этого акта. Ихъ объединяло то, что всѣ они «утратили всякую надежду на дальнѣйшее существованіе Государственной Думы». (И. И. Петрункевичъ). «Мы были правы,—заявляетъ Боккошкинъ,—предвидя уже тогда возможность всѣхъ дальнѣйшихъ событій вплоть до акта 3 іюня». Актъ роспуска не былъ контръ-ассигнованъ, а если подпись предсѣдателя совѣта министровъ на немъ и была, то онъ былъ опубликованъ не въ своемъ подлинномъ, а измененномъ видѣ *)). Условіями роспуска нарушались статьи «основныхъ законовъ» о бюджетномъ правѣ Гос. Думы. Обстановка роспуска, по словамъ И. И. Петрункевича, имѣла всѣ признаки не конституціоннаго роспуска парламента, а скорѣе свидѣтельствовала о государственномъ переворотѣ. Дума была окружена войсками, думскія двери были заперты, никого не пропускали, во дворѣ расположены пулеметы. Обстоятельства, предшествовавшія роспуску и оглашенныя на судѣ С. А. Муромцевымъ, могли только

*) Вслѣдствіи сотрудникъ *Новаго Времени* А. А. Столыпинъ сообщилъ, что актъ о роспускѣ первой Государственной Думы былъ контръ-ассигнованъ И. Л. Горемыкинымъ.

укрѣпить самыя мрачныя предположенія членовъ Думы. Въ первый же день открытія Думы председатель совѣта министровъ предлагалъ председателю Госуд. Думы поскорѣе разѣхаться по домамъ до осени, председатель Думы бомбардировался угрожающими письмами со стороны дворянъ и въ то же время аналогичныя черносотенныя телеграммы съ возмущительной бранью по адресу Думы и призывами къ государственному перевороту ежедневно печатались въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Въ пятницу 7-го іюля, т.-е. за день до роспуска, министръ внутреннихъ дѣлъ разговаривалъ съ С. А. Муромцевымъ по телефону и настаивалъ, чтобы на понедѣльникъ 10 іюля было поставлено на повѣстку его заявленіе. Этотъ фактъ придавалъ особо одиозный характеръ всей обстановкѣ роспуска. Вотъ всѣ эти обстоятельства и породили такое настроеніе, которое и теперь позволяетъ В. Д. Набокову съ полной искренностью утверждать, что 9 іюля былъ одинъ изъ несчастнѣйшихъ дней его жизни. Онъ представлялся ему, одному изъ тѣхъ, на которыхъ возложены были всѣ упованія и явно чрезмѣрныя надежды народа, днемъ полного крушенія народнаго представительства въ Россіи, полной отчѣны октябрьскаго манифеста. Молчать нельзя было. Надо было дѣйствовать и дѣйствовать *не въ одиночку, а естль вмѣстѣ, составомъ Думы*, потому что въ своемъ собственномъ сознаніи и въ сознаніи всѣхъ окружавшихъ ихъ они, бывшіе *первыми* народными представителями, не перестали еще ими быть и несомнѣнно, если бы не была созвана вторая Дума и народное представительство было бы окончательно уничтожено, надолго остались бы въ предствленіи народномъ «депутатами».

Итакъ, надо было что-то сдѣлать, а такъ какъ собраніе было разнородно, то необходимо было вступить въ соглашеніе, изыскать компромиссъ. Такимъ компромиссомъ и явилось выборгское воззваніе. Рамипшивли отъ имени социаль-демократической фракціи заявили на судѣ, что она считала отвѣтъ «слабымъ, не соответствовавшимъ силѣ удара». И. И. Петруновичъ такими словами очертилъ настроеніе другихъ: «Я не могу сказать, чтобы мы всѣ были увѣрены въ томъ, что такой путь вѣрнѣе и цѣлесообразнѣе, я не могу сказать, что мы были увѣрены въ готовности народа привести нашъ совѣтъ въ исполненіе. Но мы знали, что мы, депутаты, *должны* такъ поступать». Должны—вотъ слово, опредѣлявшее въ то время трагедію многихъ. Зная, что воззваніе—«ошибка», предвидя торжество реакціи, они все же *должны* были это сдѣлать, потому что они были одной изъ тѣхъ жертвъ, которыхъ Молохъ исторіи закалывалъ на алтарѣ русской свободы.

Очень многіе, не вѣря въ выборгское воззваніе, подписали его, потому что нравственное сознаніе, интересы «дальняго, а не ближняго» диктовали имъ такой шагъ. Немало было и такихъ, которые ждали и опасались кроваваго бреда въ деревняхъ и вполне искренно полагали, что, указывая народу мирный путь плановѣрнаго пассивнаго сопротивленія, они, какъ выразился С. А. Муромцевъ, «стремятся прорыть каналы и отвести

потокъ по этимъ каналамъ отъ угрожаемыхъ имъ жилищъ». Эти люди несомнѣнно были убѣждены, что рядъ заявленій въ духѣ Выборгскаго воззванія, сдѣланныхъ въ видѣ деревенскихъ приговоровъ, постановленій тѣхъ или иныхъ общественныхъ учреждений, разныхъ корпорацій, группъ, отдѣльныхъ извѣстныхъ лицъ могли бы побудить правительство или созвать Думу, или вообще дать непреложныя удостовѣренія въ томъ, что народное представительство не уничтожено. Были, наконецъ и такіе (на судѣ это обнаружилось изъ заявленія Рамишвили, протестовавшаго отъ имени социаль-демократовъ противъ муромцевскихъ словъ о прорытіи каналовъ), которые совершенно иначе смотрѣли на воззваніе. Они видѣли въ немъ только первый шагъ, за которымъ должны были послѣдовать другіе вплоть до вооруженнаго возстанія. Огромное большинство участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ членовъ первой Думы высказывалось рѣшительно противъ послѣднихъ предположеній.

Вотъ до чего разнообразны были взгляды и стремленія лицъ, объединившихъ свои подписи подъ однимъ и тѣмъ же документомъ, который на второй же день сталъ «историческимъ», но тѣмъ самымъ утратилъ свою непосредственную практическую дѣятельность, потому что разными людьми разнo толковался и въ разнообразныхъ комбинаціяхъ пускался въ ходъ. Общимъ было только то, что это былъ актъ протеста, заставлявшій людей думать о самыхъ основныхъ политическихъ вопросахъ русской жизни, выяснять свое къ нимъ отношеніе. Непосредственнаго практическаго результата не послѣдовало, какъ и надо было ожидать, ниваго. Но для разрушенія революціонныхъ и конституціонныхъ миражей, для развитія общественнаго сознанія людей, впервые начинающихъ жить конституціонною жизнью, всѣ эти событія сдѣлали очень много.

XI.

Только партійной недобросовѣстностью могутъ быть объяснены обвиненія большинства членовъ первой Думы, подписавшихъ Выборгское воззваніе, въ желаніи вызвать въ Россіи смуту, погрузить ее въ анархію. На примѣръ Герценштейна, раскритиковавшаго въ Выборгѣ финансовое значеніе для правительства отказа отъ платежа прямыхъ налоговъ, мы уже показали, что имѣлось въ виду не нанести казнѣ и государственному строю физическій, матеріальный ущербъ, а моральнымъ давленіемъ, отказомъ въ платежѣ налоговъ или громкимъ заявленіемъ о такомъ отказѣ побудить правительство вернуться на законный путь, покинутый имъ по мнѣнію авторовъ воззванія. Провозглашенный же въ іюлѣ отказъ въ дачѣ рекрутовъ, поставляемыхъ зимой, реальнаго значенія не имѣлъ, такъ какъ ясно было, что назначеніе срока новыхъ выборовъ въ Гос. Думу погашало непосредственную силу воззванія.

И. И. Петруневичъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ на судѣ. «не смуту мы хотѣли создать въ странѣ, а укрѣпить тотъ порядокъ ве-

шей, который въ данное время существовалъ и былъ санкціонированъ верховною властью, — порядокъ, который мы, какъ граждане, обязаны были защищать... не всякое дѣйствіе, совершенное въ стравѣ въ извѣстный моментъ ея жизни, является уголовнымъ преступленіемъ». На это прокуроръ отвѣтилъ такими странными словами: «*тѣ цѣли*, на которыя здѣсь указывалось, *не преступны*, и эти лица привлечены не за нихъ, а за то, что для ихъ достиженія употребляли преступныя средства». Едва ли обвинительная власть вполнѣ отчетливо сознавала смыслъ своихъ словъ.

«Тѣ цѣли» — это защита конституціи. Передъ каждымъ народомъ въ моментъ его перехода къ конституціонному строю встаетъ одинъ совершенно новый, незнаемый раньше вопросъ колоссальной важности. Конституціонный строй означаетъ господство закона, обязательнаго не только для гражданъ, но и для власти, обязанной такъ же твердо соблюдать конституцію и законы. Но что дѣлать, если власть, пользуясь своей силой, нарушаетъ основные законы, совершаетъ то, что называется государственнымъ переворотомъ? Какъ защищать нарушенное право, какъ оборонять законъ, какъ побудить власть возвратиться на конституціонный, законный путь? Вотъ вопросы, впервые представшіе передъ русскими гражданами, вотъ цѣли, преслѣдовавшіяся членами первой Государственной Думы. Обвинительная власть признала эти цѣли сами по себѣ не преступными. Но по уголовному уложенію, подъ одну изъ статей котораго прокуроръ насильно хотѣлъ подтянуть обвиняемыхъ, эти цѣли были не только преступны, онѣ были немыслимы, невѣроятны. До 17 октября ничто подобное выборскому процессу не было бы мыслимо. Но [обвинительная власть, какъ бы не чувствуя этого противорѣчія, въ которомъ она бессильно бьется, продолжала примѣрять къ обвиняемымъ ст. 129-ю, одежду для субъектовъ совсѣмъ иного возраста и роста.

Если обвинительная власть сознательно произнесла свое сужденіе, что «тѣ цѣли... не преступны», она должна была глубоко вдуматься въ слѣдующія слова Ковошкина: «Намъ уже говорили нерѣдко, что мы призвали народъ къ дѣйствіямъ анархическимъ, что мы совершили актъ антигосударственный. Нѣтъ, господа судьи, пассивное сопротивленіе предполагаетъ такую высшую степень сознательнаго отношенія населенія къ своимъ обязанностямъ, такую выдержку и дисциплину, что народъ, прибѣгающій къ такому средству защиты своихъ правъ, не можетъ впасть въ анархію. Это подтверждаютъ намъ и примѣры тѣхъ [западно-европейскихъ странъ, гдѣ пассивное сопротивленіе примѣнялось». Остается, конечно, нерѣшеннымъ вопросъ, возможно ли было предполагать, что народъ въ Россіи способенъ къ такой мирной защитѣ своего права. Но несомнѣнно одно: тотъ не конституціоналистъ, который не задумывался надъ вопросомъ о защитѣ конституціи отъ ея нарушеній. Конституціонализму октябристовъ, главнымъ образомъ, потому и не довѣряютъ, что они не только не рѣшаютъ этого вопроса (сдѣлать это не такъ-то легко!), но даже не ставятъ и не хотятъ его ставить.

Что же касается власти, то она труднѣйшій вопросъ конституціоннаго права пыталась механически разурбить при помощи статьи Уголовнаго Уложенія, составленнаго въ то время, когда одна мысль о конституціи была тагчайшимъ преступленіемъ.

ХІІ.

Величайшая, чисто-юридическая путаница, проникающая весь процессъ, и отразила этотъ основной политическій анархизмъ. Защита обвиняемыхъ, въ лицѣ В. А. Мавлакова, подчеркнула это обстоятельство. «Дѣяніе, за которое ихъ судятъ,—сказалъ краснорѣчивѣйшій нашъ ораторъ,— было немислимо въ рамкахъ того историческаго момента, когда Уложеніе составлялось. Какъ бы ни смотрѣть на воззваніе, оно по существу есть попытка дать отвѣтъ на вопросъ, какъ защитить нарушенныя права народнаго представительства; такой вопросъ не могъ быть даже поставленъ въ то время, когда писалось Уголовное Уложеніе, когда самая идея о народномъ представительствѣ была преступленіемъ».

Прокуратура преслѣдовала членовъ первой Думы по ст. 129-ой. Это давало возможность полтора года до суда держать ихъ въ состояніи политическаго безправія и помѣшать имъ предстать передъ избирательнымъ корпусомъ на выборахъ во вторую Думу, когда населеніе могло бы произнести надъ ними свой приговоръ. Но до очевидности ясно, что ст. 129-ая къ выборщикамъ примѣнена быть не можетъ. Весь процессъ вообще изобилуеалъ правонарушеніями, начиная хотя бы съ того, что ихъ судили въ округѣ Петербургской палаты безъ малѣйшаго на то основанія, такъ какъ даже изъ зарегистрированныхъ слѣдственной властью 13-ти случаевъ распространенія воззванія ни одинъ не имѣлъ мѣста въ этомъ округѣ, а постановленія Сената о переводѣ дѣла также не было.

Юридическая несостоятельность всего дѣла и сказалась при установленіи палатой обвинительныхъ вопросныхъ пунктовъ. Случай небывалый въ практикѣ нашихъ судовъ:—палата трижды измѣняла и исправляла вопросы. По обвинительному акту члены первой Думы обвинялись въ томъ, что «по предварительному между собой уговору и дѣйствуя сообща 10 іюля 1906 г. въ г. Выборгѣ *составили для распространенія* среди населенія Россіи и подписали... воззваніе... каковое было затѣмъ или самими или черезъ посредство другихъ лицъ *съ еядома и согласія* участвовавшихъ въ упомянутомъ выше предварительномъ уговорѣ дѣйствительно распространено во множествѣ экземпляровъ въ предѣлахъ Россіи». Прокуратура утверждала, что это преступленіе предусмотрено 51-ой и 3 п. 1 части 129-ой ст. Угол. Улож. На самомъ же дѣлѣ по п. 3-ему ст. 129 карается только «виновный въ произнесеніи или чтеніи публично рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи, или въ публичномъ составленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ... къ неповиновенію или противодѣйствію закону или обязательному постановленію или законному распоряженію власти». Въ этой статьѣ имѣются въ виду только распространеніе, а никакъ не «со-

ставленіе для распространенія», караемое особо. По ст. 129-ой могли, слѣдовательно, привлекаться только тѣ 13 депутатовъ, которые были лично изобличены въ распространеніи. Мало помогала дѣлу и ст. 51-ая, говорящая о соучастникахъ. «Въ преступномъ дѣяніи,—гласить она,—учиновенномъ нѣсколькими лицами, согласившимися на его совершеніе или дѣйствовавшими завѣдомо сообща, соучастниками были тѣ, которые: 1) непосредственно учинили преступное дѣяніе или участвовали въ его выполненіи; 2) подстрекнули другого въ соучастію въ преступномъ дѣяніи; 3) были пособниками, доставлявшими средства или устранявшими препятствія, или оказавшими помощь учиненію преступнаго дѣянія и т. д.». Пунктъ первый можетъ, пожалуй, имѣть примѣненіе. 169 депутатовъ «непосредственно учинили преступное дѣяніе или участвовали въ его выполненіи...» но какое? только *составленіе* возванія для распространенія. Представлять же дѣло такъ, будто 156 депутатовъ были подстрекателями, пособниками, помощниками 13-ти депутатовъ, уличенныхъ въ распространеніи, значить идти на вѣрную натяжку. Прокурорскія слова «съ вѣдома и согласія» говорятъ вѣдь только о недонесеніи, но лица, не донесшія о распространеніи возванія 13-ью депутатами, если даже про нихъ будетъ доказано, что они объ этомъ знали, въ силу ст. 52-ой по статьѣ 129-ой караемы быть не могутъ. Несостоятельность обвиненія, какъ указала защита, произошла отъ того, что въ противность всѣмъ началамъ права по отношенію къ обвиняемымъ въ этомъ дѣлѣ начато было слѣдствіе по 129-ой статьѣ раньше, чѣмъ *хронически* совершился хотя бы одинъ изъ тринадцати фактовъ, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ для доказательства распространенія. Не собранные факты подводились подъ статью закона, а собирались факты для оправданія заранѣе, апріорно выставленной статьи закона.

Неудивительно, что само присутствіе палаты почувствовало слабость юридической позиціи обвинительнаго акта и въ засѣданіи 17 декабря, выбросивъ прокурорскія слова «съ вѣдома и согласія», вставила въ вопросные пункты такое невинное дополненіе: виновенъ ли NN, что вступилъ въ Выборгъ въ соглашеніе возбудить народъ путемъ обращенія... и въ этихъ видахъ совмѣстно съ означенными согласившимися съ нимъ лицами составилъ, подписалъ и самъ или *черезъ другихъ участниковъ соглашенія передалъ другимъ лицамъ для распространенія...* Такимъ образомъ палата контрабандой хотѣла установить въ вопросныхъ пунктахъ, будто каждый изъ 156 обвиняемыхъ *передалъ* черезъ указанныхъ 13 лицъ возваніе другимъ лицамъ, о чемъ во время судебного слѣдствія никѣмъ не было сказано ни слова. Понятно, что защита энергично запротестовала противъ такого нарушенія судопроизводственныхъ нормъ. Прокуроръ тоже призналъ неправильность въ постановкѣ вопросовъ, и палата вынуждена была отказаться отъ своего плана. Въ составленной ею второй редакціи вопросовъ она уже просто вернулась къ обвинительному акту, формулу котораго раньше признавала несостоятельной. По второй редакціи обвиняемымъ опять ставилось въ вину, что распространеніе возванія происходило «съ

ихъ вѣдома и согласія». Понятно защита снова выдвинула сильныя возраженія, которыхъ палата не могла игнорировать. Въ третій разъ измѣнена была редакція вопросовъ. Въ этой третьей редакціи вопросъ ставился такъ: виновенъ ли NN въ томъ, что вслѣдъ за роспускомъ Госуд. Думы перваго созыва, членомъ которой онъ состоялъ, *оступилъ въ городѣ Выборгѣ съ другими бывшими ея членами съ соглашеніемъ возбудить народъ къ отказу отъ платежа налоговъ и поставки новобранцевъ посредствомъ распространенія* среди населенія воззванія... съ этой цѣлью тамъ же, въ Выборгѣ, съ согласившимися съ ними лицами составилъ и подписалъ для распространенія... воззваніе... каковое другими участниками... и было распространено?.. Тутъ, наконецъ, закончились мытарства палаты, и она съ грѣхомъ пополамъ осудила обвиняемыхъ по ст. ст. 129 и 51, хотя защита и доказывала, что слова «посредствомъ распространенія» только искусственный мостъ, положенный палатой отъ ст. 132-ой къ 129-ой. Защита явно стремилась натолкнуть палату на ст. 132-ую, гласящую: виновный въ *составленіи* сочиненія или изображенія, статьями 128 или 129 указанныхъ *съ цѣлью распространенія* или публичнаго ихъ выставленія, если распространеніе или публичное выставленіе оныхъ не послѣдовало». Но ст. 132-ая имѣла много неудобствъ. Преступленіе, ею предусмотрѣнное, подсудно было только финляндскому суду. Она не влекла за собой лишенія политическихъ правъ, тогда какъ осужденный по ст. 129-ой, хотя бы онъ былъ приговоренъ къ ничтожнѣйшему наказанію, политически становился въ силу рѣшенія сената мертвымъ человѣкомъ. Кроме того ст. 132-ая возбуждаетъ нѣкоторое разнорѣчіе. Непослѣдовавшее распространеніе—есть ли это признакъ объективный или субъективный? Прокуроръ держался перваго толкованія и находилъ, что ст. 132-ая можетъ быть примѣнена только тогда, когда распространенія вовсе не послѣдовало или когда оно послѣдовало безъ вѣдома и согласія подсудимыхъ.

ХІІІ.

Чтобы хоть нѣсколько разобраться въ этой юридической путаницѣ и освѣтить ея политическую подошву, вообразимъ, что мы живемъ въ 1903 году, когда было утверждено новое Угол. Уложеніе, но когда не было еще и помину о конституціи, не существовало никакой Государственной Думы. Обвиняемые,—предположимъ, не члены Госуд. Думы, а простые русскіе обыватели. Они поѣхали въ Выборгъ, устроили тамъ нѣсколько собраний, выработали тамъ воззваніе къ народу съ приглашеніемъ не платить податей и не давать рекрутъ и привезли его въ Россію, гдѣ нѣкоторые стали его распространять. Для простоты предположимъ, что свое предложеніе эти люди ничѣмъ не мотивировали. Мы можемъ, конечно, предположить и мотивировку, тогда вопросъ пойдетъ о неспроверженіи существующаго строя (ст. 126). Но допустимъ, что рѣчь шла только о неплатежѣ податей и непадчѣ рекрутъ и что всѣ эти лица не подписали подъ воззваніемъ своихъ именъ, предоставивъ отгрызать ихъ полиціи. Нач

лось дѣло. Слѣдствіе установило, кто ѣздилъ въ Выборгъ, произвело у нихъ обыскъ, установило между ними знакомство, связи, узнало, кто предсѣдательствовалъ на собраніи, кто говорилъ, писалъ проектъ воззванія, голосовалъ, условливался о распространеніи, печатать, распространять и т. д. Прокуроръ составилъ обвинительный актъ и дѣло поступило въ судъ. По какой статьѣ привлечены обвиняемые? Не по 132-ой, но и не по 129-ой, хотя бы и подпирасмой ст. 51-ой. Уголовное Уложеніе имѣетъ для такого дѣянія вполне опредѣленную статью, 125-ую п. 1-ый, гласящую: виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности: 1) возбужденіе къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію или законному распоряженію власти... Отъ отвѣтственности по этой статьѣ не спасся бы никто, даже соучастники, виновные только въ знаніи, но недонесеніи, т.-е. «съ вѣдома и согласія» которыхъ дѣяніе произошло, и тѣ при помощи ст. 52-ой были бы упрятаны въ исправительный домъ или крѣпость по ст. 125-й, влекущей за собой такъ же, какъ и ст. 129-ая лишеніе политическихъ правъ. Вчитайтесь внимательно въ ст. 125-ую. Вѣдь это именно то, въ чемъ обвинялъ прокуроръ выборгцевъ, то, что описано въ вопросныхъ пунктахъ, съ такимъ трудомъ сочиненныхъ судебной палатой.

Почему же прокуратура и судъ такъ беспомощно бились между 129-ой и 132-ой статьями, прибѣгали къ явнымъ недозволительнымъ натяжкамъ, почему прямо не прибѣгли къ 125-ой статьѣ? Да, потому, что имъ пришлось бы тогда доказывать наличность «общества», устанавливать «связь» между всѣми этими лицами. Обвинительный актъ пришлось бы начать приблизительно такъ: въ 1906 году, 27 апрѣля въ городѣ Петербургѣ составилось сообщество, именуемое Государственной Думой, которое выбрало предсѣдателемъ С. А. Муромцева, товарищами кн. Долгорукова и Гредескула, секретаремъ кн. Шаховскаго... распущенное 9 іюля, оно въ количествѣ нижепоименованныхъ 169 членовъ собралось въ Выборгѣ и съ цѣлью возбудить къ неповиновенію закону составило воззваніе и т. д. Вотъ когда защитѣ было бы трудно возражать, ибо въ основѣ всего процесса несомнѣнно лежитъ образованіе Государственной Думы, конституціонный переворотъ въ русской жизни, подкопавшій многія старыя правовыя начала. Вотъ почему не могли найти соответствующей «статьи», почему судебная палата трижды исправляла редакцію вопросныхъ пунктовъ, почему юридическая сторона выборгскаго процесса имѣетъ столь большое политическое значеніе. Обвиняемые вовсе не хотѣли спрятаться отъ ры (кара могла имъ быть только выгодна послѣ «неудачи» воззванія), щитники не занимались юридическимъ врычкотворствомъ. Они дѣлали ромное общественное дѣло: блестяще на яркомъ примѣрѣ демонстрировали несоотвѣтствіе сохранившихся еще старыхъ уголовныхъ нормъ съ новыми началами, ворвавшимися въ жизнь.

С. А. Муромцевъ только вскрылъ глубокое значеніе этого юридическаго ура, когда сказалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ: «мы получили обви-

нительный актъ и обвинительный актъ называется на первыхъ строкахъ: дѣло о такомъ-то, о такомъ-то, о такомъ-то. О комъ же? О лицахъ, составляющихъ президіумъ первой Государственной Думы. Мы поняли, что хотая судить не составителей выборгскаго воззванія, но что на судъ поставили Государственную Думу, и тогда, какъ таковыя, мы и явились сюда».

XIV.

Реакціонная печать подчеркиваетъ мягкость вынесеннаго приговора: трехмѣсячнаго заключенія. Какъ будто бы дѣло въ срокѣ высадки. Будь она срокѣ двѣ недѣли, суть приговора осталась бы та же. Она заключается въ той, такъ сказать, пожизненной политической смерти, на которую осужденъ цвѣтъ русской интеллигенціи и отъ которой осужденные не могутъ быть избавлены даже амнистіей. Людямъ, весь смыслъ которыхъ заключается въ общественно-политической дѣятельности, эта именно дѣятельность и закрыта. Трудно говорить о мягкости...

Что же представляетъ этотъ процессъ? Ликвідацію? Чего? Стараго порядка? Понятно, нѣтъ, за ликвидацией стараго порядка неизбѣжно послѣдовало бы всеобщее прощеніе политическихъ преступленій и ошибокъ, а тутъ искусственно притягивается старый уголовный законъ, чтобы покарать защиту новаго, недавно установленнаго, еще хрупкаго и подверженнаго разнообразнымъ нападеніямъ конституціоннаго права. Но, быть можетъ, это полная ликвидация «революціи», породившей «конституцію»? Тоже нѣтъ. Первымъ признакомъ такой ликвидации было бы если не полное уничтоженіе Государственной Думы, то во всякомъ случаѣ лишеніе ея законодательныхъ правъ, т. е. отмѣна «конституціи». Но и этого еще нѣтъ.

Очевидно, и выборгскій процессъ, какъ и всѣ остальные «ликвідаціонныя» процессы, есть только одинъ изъ фактовъ современной русской жизни, переживаемаго нами переходнаго времени, когда старое борется съ новымъ, когда путемъ борьбы, нарушенія старыхъ и новыхъ законовъ, при помощи множества жертвъ въ странѣ нарождается новое право, новое правосознаніе. Окрѣпнетъ ли оно, выдержитъ ли нашу сѣверную стужу или погибнетъ? На этотъ вопросъ отвѣтъ дастъ только жизнь...

А. С. Изгоевъ.

Великая Россія.

Изъ размышлений о проблемѣ русскаго могущества.

Посвящается Николаю Николаевичу Львову.

Одну изъ своихъ рѣчей въ Государственной Думѣ, а именно программную рѣчь по аграрному вопросу П. А. Столыпинъ закончилъ слѣдующими словами: «Противникамъ государственности хотѣлось бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія» *).

Мы не знаемъ, оцѣнивалъ ли г. Столыпинъ все то значеніе, которое заключено въ этой формулѣ: «Великая Россія». Для насъ эта формула звучитъ не какъ призывъ къ старому, а, наоборотъ, какъ лозунгъ новой русской государственности, государственности, опирающейся на «историческое прошлое» нашей страны и на живыя «культурныя традиціи», и въ то же время творческой и, какъ все творческое, въ лучшемъ смыслѣ революціонной.

Обычная, я бы сказалъ, банальная точка зрѣнія благонамѣреннаго, корректнаго радикализма рассматриваетъ внѣшнюю политику и внѣшнюю мощь государства какъ досадныя осложненія, вносимыя расовыми, національными или даже иными историческими моментами въ подлинное содержаніе государственной жизни, въ политику внутреннюю, преслѣдующую истинное существо государства, его «внутреннее» благополучіе.

Съ этой точки зрѣнія всемірная исторія есть сплошной рядъ недо-разумѣній довольно сквернаго свойства.

Замѣчательно, что съ банальнымъ радикализмомъ въ этомъ отношеніи совершенно сходится банальный консерватизмъ. Когда радикалъ указаннаго типа рассуждаетъ: внѣшняя мощь государства есть фантомъ реакціи, идолъ эксплуататорскихъ классовъ, когда онъ, исходя изъ такого пониманія, во имя внутренней политики отрицаетъ политику внѣшнюю,—онъ

*) Государственная Дума. Стенографическій отчетъ. Сессія II, засѣданіе 36, 10, V, 1907 г.

въ сущности рассуждаетъ совершенно такъ же, какъ рассуждалъ В. Б. фонъ-Шлеве. Какъ извѣстно, фонъ-Шлеве былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые толкали Россію на войну съ Японіей, толкали во имя сохраненія и упроченія самодержавно-бюрократической системы.

Государство есть «организмъ»—я нарочно беру это слово въ кавычки, потому что вовсе не желаю его употреблять въ доктринальномъ смыслѣ такъ наз. «органической» теоріи—совершенно особаго свойства.

Можно какъ угодно разлагать государство на атомы и собирать его изъ атомовъ, можно объявить его «отношеніемъ» или системой «отношеній». Это не уничтожаетъ того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть какъ бы нѣкая личность, у которой есть свой верховный законъ бытія.

Для государства этотъ верховный законъ его бытія гласитъ: всякое здоровое и сильное, т.-е. не только юридически «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самимъ собой держащееся государство желаетъ быть могущественнымъ. А быть могущественнымъ значитъ обладать непременно «внѣшней» мощью. Ибо изъ стремленія государствъ къ могуществу неизбежно вытекаетъ то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборствомъ интересовъ государствъ сильныхъ, является въ возможности (потенціально) и въ действительности (de facto) добычей для государства сильнаго.

Отсюда явствуетъ, на мой взглядъ, какъ превратна та точка зрѣнія, въ которой объединяется банальный радикализмъ съ банальнымъ консерватизмомъ или, скорѣе, съ реакціонерствомъ, и которая сводится къ подчиненію вопроса о внѣшней мощи государства вопросу о такъ или иначе понимаемомъ его «внутреннемъ благополучіи».

Русско-японская война и русская революція, можно сказать, до конца оправдали это пониманіе. Карой за подчиненіе внѣшней политики соображеніямъ политики внутренней былъ полный разгромъ старой правительственной системы въ той сферѣ, въ которой она считалась наиболѣе сильной, въ сферѣ внѣшняго могущества. А съ другой стороны, революція потерпѣла поражение именно потому, что она была направлена на подрывъ государственной мощи ради извѣстныхъ цѣлей внутренней политики. Я говорю: «потому, что»; но, быть можетъ, правильнѣе было бы сказать: «постолюнку, поскольку».

Такимъ образомъ и въ этой области параллелизмъ между революціей и старымъ порядкомъ обнаруживается прямо поразительный!

Разсужденіе банальнаго радикализма слѣдуетъ поставить вверхъ ногами. Отсюда получается тезисъ, который для обычнаго русскаго интеллигентнаго слуха можетъ показаться до крайности парадоксальнымъ:

Оселкомъ и мѣриломъ всей т. н. «внутренней» политики какъ правительства, такъ и партій долженъ служить отвѣтъ на вопросъ: въ какой мѣрѣ эта политика содѣйствуетъ т. наз. внѣшнему могуществу государства?

Это не значить, что «внѣшнимъ могуществомъ» исчерпывается весь смыслъ существованія государства; изъ этого не слѣдуетъ даже, что внѣшнее могущество есть верховная цѣнность съ государственной точки зрѣнія; можетъ быть, это такъ, но это вовсе не нужно для того, чтобы нашъ тезисъ былъ вѣренъ. Но если вѣрно, что всякое здоровое и держащееся самимъ собой государство желаетъ обладать внѣшней мощью,—въ этой внѣшней мощи заключается безошибочное мѣрило для оцѣнки всѣхъ жизненныхъ отправленій и силъ государства, и въ томъ числѣ и его «внутренней политики».

Относительно современной Россіи не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ея внѣшняя мощь подорвана. Весьма характерно, что руководитель нашей самой видной «націоналистической» газеты въ новогоднемъ «маленькомъ письмѣ» утѣшается тѣмъ, что насъ никто въ предстоящемъ году не обидитъ войной, такъ какъ мы «будемъ вести себя смирно». Трудно найти лозунгъ менѣе государственный и менѣе національный, чѣмъ это: «будемъ вести себя смирно». Можно собирать и копить силы, но великій народъ не можетъ—подъ угрозой упадка и вырожденія—сидѣть смирно среди движущагося впередъ, растущаго въ непрерывной борьбѣ міра. Давая такой пароль, наша реакціонная мысль показываетъ, какъ она изумительно беспомощна передъ проблемой возрожденія внѣшней мощи Россіи.

Для того, чтобы рѣшить эту проблему,—нужно ее поставить правильно, т.-е. съ полной ясностью и въ полномъ объемѣ.

Ходячее воззрѣніе обвиняетъ русскую внѣшнюю политику, политику «дипломатическую» и «военно-морскую» въ томъ, что мы были не подготовлены къ войнѣ съ Японіей. Мнѣ неоднократно, во время самой войны на страницахъ *Освобожденія* и позже, приходилось указывать, что ошибка нашей дальневосточной политики была гораздо глубже, что она заключалась не только въ методахъ, но—что гораздо существеннѣе—въ самыхъ цѣляхъ этой политики. У насъ до сихъ поръ не понимаютъ, что наша дальневосточная политика была логическимъ вѣнцомъ всей внѣшней политики царствованія Александра III, когда *реакціонная Россія*, по недостатку истиннаго государственнаго смысла, отвернулась отъ Востока Ближняго.

Въ перенесеніи центра тяжести нашей политики въ область, недоступную реальному вліянію *русской культуры*, заключалась первая ложь, *прѣтокъ* фибдос нашей внѣшней политики, приведшей къ Цусимѣ и Портсмуту. Въ трудностяхъ веденія войны это сказалось съ полной ясностью. Японская война была войной, которая велась на огромномъ разстояніи и исходъ которой рѣшался на далекомъ отъ сѣдалища нашей національной мощи морѣ. Этими двумя обстоятельствами, вытекшими изъ ошибочнаго направленія всей приведшей къ войнѣ политики, опредѣлилось наше поражение.

Тѣ же самыя обстоятельства, которыя въ милитарномъ отношеніи обусловили конечный итогъ войны, опредѣлили полную бессмысленность на-

шей дальневосточной политики и въ экономическомъ отношеніи. Осуществлять пресловутый выходъ Россіи къ Тихому океану съ самаго начала значило, въ смыслѣ экономическомъ, — *travailler pour l'empereur de Japon*. Успѣхъ въ промышленномъ соперничествѣ на какомъ-нибудь рынкѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, опредѣляется условіями транспорта. Совершенно ясно, что, производя товары въ Москвѣ (подразумѣвая подъ Москвой весь московско-владимірскій промышленный районъ), въ Петербургѣ, въ Лодзи (подразумѣвая подъ Лодзью весь польскій районъ), нельзя за тысячи верстъ желѣзнодорожнаго пути конкурировать не только съ японцами, но даже съ итѣмцами, англичанами и американцами. Гг. Абаза, Алексѣевъ и Безобразовъ «отрывали» Дальній Востокъ не для Россіи, а для иностранцевъ. Это вытекало изъ географической «природы вещей». Въ своемъ заграничномъ органѣ я категорически возставалъ противъ дискредитированія нашей арміи на основаніи тѣхъ неудачъ, которыя она терпѣла, указывая на то, что *политика* задала *арміи*, какъ своему орудію, задачу, по существу невыполнимую *).

Теперь пора признать, что для созданія Великой Россіи есть только одинъ путь: направить всё силы на ту область, которая дѣйствительно доступна реальному влиянію русской культуры. Эта область — *весь бассейнъ Чернаго моря*, т. е. всё европейскія и азіатскія страны, «выходящія» къ Черному морю.

Здѣсь для нашего неоспоримаго хозяйственнаго и экономическаго господства есть настоящій базисъ: люди, каменный уголь и желѣзо. На этомъ реальномъ базисѣ — и только на немъ — неустанною культурною работою, которая во всѣхъ направленіяхъ должна быть поддержана государствомъ, можетъ быть создана экономически мощная Великая Россія. Она должна явиться не выдуманной реакціонныхъ политиковъ и честолюбивыхъ адмираловъ, а созданіемъ народнаго труда, свободнаго и въ то же время дисциплинированнаго. Въ послѣднюю эпоху нашего дальневосточнаго «расширенія» мы поддерживали экономическую жизнь Юга отчасти нашими восточными предпріятіями. Отношеніе должно быть совершенно иное. Нашъ Югъ долженъ излучать по всей Россіи богатство и трудовую энергію. Изъ черноморскаго побережья мы должны экономически завоевать и наши собственныя тихо-океанскія владѣнія.

Основой русской внѣшней политики должно быть, такимъ образомъ, экономическое господство Россіи въ бассейнѣ Чернаго моря. Изъ такого господства само собой вытечетъ политическое и культурное преобладаніе Россіи на всемъ такъ называемомъ Ближнемъ Востокѣ. Такое преобладаніе именно на почвѣ экономическаго господства осуществимо совершенно мирнымъ путемъ. Разъ мы укрѣпимся экономически и культурно на этой есте-

*) Въ особенности рѣзко выражено это было въ переходной статьѣ № 47 *Особозаботенія* отъ 2-го мая 1904 г., гдѣ я писалъ: „русская армія побѣждала не разъ, но, если она тутъ не побѣдитъ, знайте, что передъ ней была нелѣпная задача“.

ственной базѣ нашего могущества, намъ не будутъ страшны никакія внѣшнія осложненія, могущія возникнуть помимо насъ. Въ этой области мы будемъ имѣть великолѣпную защиту въ союзѣ съ Франціей и въ соглашеніи съ Англіей, которое, въ случаѣ надобности, можетъ быть соответствующимъ образомъ расширено и углублено. Историческое значеніе соглашения съ Англіей, состоявшагося въ новѣйшее время и связаннаго съ именемъ А. П. Извольскаго, въ томъ и заключается, что оно, несмотря на свою кажущуюся новизну, по существу является началомъ возвращенія нашей внѣшней политики *домой*, въ область, указываемую ей и русской природой, и русской исторіей. Съ традиціями, которыя потеряли жизненные корни, необходимо рвать смѣло, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Но традиціи, которыя держатся сильными, здоровыми корнями, слѣдуетъ поддерживать. Въ такимъ живымъ традиціямъ относится вѣковое стремленіе русскаго племени и русскаго государства къ Черному морю и омываемымъ имъ областямъ. Донецкій уголь, о которомъ Петръ Великій сказалъ: «сей минералъ, если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ», — такой фундаментъ этому стремленію, который значить больше самыхъ блестящихъ военныхъ подвиговъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что только на этомъ черномъ «минералѣ» можно основать Великую Россію.

Изъ такого пониманія проблемы русскаго могущества вытекаютъ важные выводы, имѣющіе огромное значенія для освѣщенія нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ текущей русской политики. Это относится какъ къ вопросамъ внутренне-политическимъ, въ томъ числѣ такъ называемымъ «національнымъ», а въ сущности «племеннымъ», такъ и къ вопросамъ внѣшне-политическимъ, съ вытекающими изъ нихъ проблемами военно-морскими. Вся область этихъ вопросовъ освѣщается совершенно новымъ свѣтомъ, если ее разсматривать подъ угломъ зрѣнія Великой Россіи. Этотъ уголь зрѣнія позволяетъ видѣть лучше и дальше, чѣмъ обычныя позиціи враждующихъ направленій и партій.

Сперва—о политикѣ общества, а потомъ о политикѣ власти.

Политика общества опредѣляется тѣмъ духомъ, который общество вноситъ въ свое отношеніе къ *государству*. Въ другомъ мѣстѣ я покажу, какъ, въ связи съ разными вліяніями, въ русскомъ обществѣ развивался и разливался враждебный государству духъ. Дѣло тутъ вовсе не въ революціи и «революціонности» въ *полцейскомъ* смыслѣ. Можетъ быть революціи во имя государства и въ его духѣ; такимъ революціонеромъ-государственникомъ былъ Оливеръ Кромвелль, самый мощный творецъ англійскаго государственнаго могущества. Враждебный государству духъ скрывается въ непониманіи того, что государство есть «организмъ», который, во имя *культуры*, подчиняетъ народную жизнь началу *дисциплины*, основному условію государственной мощи. Духъ государственной дисциплины былъ чуждъ русской революціи. Какъ носители власти до сихъ поръ смѣшиваютъ у насъ себя съ государствомъ, — такъ большинство тѣхъ, кто борется и борется съ ними, смѣшивали и смѣшиваютъ государство съ но-

сителями власти. Съ двухъ сторонъ, изъ двухъ, повидимому, противоположныхъ исходныхъ точекъ, пришли къ одному и тому же противоположному выводу.

Это обнаружилось въ «забастовочной» тактике, усвоенной собою русской революціей въ борьбѣ съ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ. Основываясь на успѣхѣ, который имѣла стихійная «забастовка», повлекшая за собой манифестъ 17 октября, стали парализовать хозяйственной жизни упражнять какъ тактический приемъ. Что означала эта «тактика»? Что средствомъ въ борьбѣ съ «правительствомъ» можетъ быть разрушеніе народнаго хозяйства. Извѣстный манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ и примкнувшихъ къ нему организацій призывалъ прямо къ разрушенію государственнаго хозяйства.

Теперь должно быть ясно, что эти дѣйствія и лозунги не были «тактическими ошибками», «нерасчитанной» пробой силъ и т. п. Они были внушены духомъ, враждебнымъ государству, какъ таковому, потому что они подрывали не правительство, а, ради подрыва правительства, разрушали хозяйственную основу государства и тѣмъ самымъ государственную мощь.

Эти дѣйствія и лозунги были внушены духомъ, враждебнымъ культурѣ, ибо они подрывали самую основу культуры,—*дисциплину труда*. Если можно въ двухъ словахъ опредѣлить ту болѣзнь, которою пораженъ нашъ народный организмъ, то ее слѣдуетъ назвать исчезновеніемъ или ослабленіемъ дисциплины труда. Въ безчисленныхъ и многообразныхъ явленіяхъ жизни обнаруживается эта болѣзнь.

Политика общества и должна начать съ того, чтобы на всѣхъ пунктахъ національной жизни противоположному духу, не признающему государственной мощи и съ нею не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда, противопоставить новое политическое и культурное сознаніе. Идеаль государственной мощи и идея дисциплины народнаго труда—вмѣстѣ съ идеей *права* и *права*—должны образовать желѣзный инвентарь этого новаго политическаго и культурнаго сознанія русскаго человѣка.

Характеризуемая такимъ образомъ правильная политика общества есть проблема не тактическая, а идейная и воспитательная, на чемъ я уже настаивалъ въ своей статьѣ «Тактика или идея?» *). Великая Россія для своего созданія требуетъ отъ всего народа и прежде всего отъ его образованныхъ классовъ признанія идеала государственной мощи и началъ дисциплины труда. Ибо создать Великую Россію значитъ создать государственное могущество на основѣ мощи хозяйственной.

Политика власти начертана ясно идеаломъ Великой Россіи. То состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время Россія, есть—приходится это признавать съ величайшей горечью—состояніе открытой вражды между

*) *Русская Мысль*, 1907 г., августъ.

властью и наиболѣе культурными элементами общества. До событій революціи власть могла ссыматься—хотя и фактивно—на сочувствіе къ ней молчаливика-народа. Послѣ всего, что произошло, послѣ первой и второй Думы, подобная ссылка невозможна. Разрывъ власти съ наиболѣе культурными элементами общества есть въ то же время разрывъ съ народомъ. Такое положеніе вещей въ странѣ глубоко ненормально; въ сущности, оно есть тотъ червь, который всего сильнѣе подтачиваетъ нашу государственную мощь. Неудивительно, что политика, которая упорно закрываетъ глаза на эту основную язву нашей государственности, вынуждена давать лозунгъ: «будемъ вести себя смирно». Государство, которое разъѣдаемо такой болѣзью, можетъ сказать еще больше: «будемъ умирать». Но государство сильного, растущаго, хотя бы большого народа не можетъ умереть. Оно должно жить.

Положеніе осложняется еще разноплеменностью населенія, составляющаго наше государство. Съ одной стороны, если бы населеніе Россіи было одноплеменнымъ, чисто-русскимъ, существованіе власти, находящейся въ открытомъ разрывѣ съ народомъ, врядъ ли было бы возможно. Съ другой стороны, нашихъ «иностранцевъ» принято упрекать въ томъ, что они заводчики революціи. Объективно-психологически слѣдуетъ признать, наоборотъ, что вся наша реакція держится на существованіи въ Россіи «иностранцевъ» и имъ питается. «Иностранцы»—последній психологическій ресурсъ реакціи.

Изъ вопросовъ «иностранческихъ» два самыхъ важныхъ—«еврейскій» и «польскій». Разсмотримъ ихъ съ точки зрѣнія проблемы русскаго могущества.

По отношенію къ вопросу «еврейскому» власть держится «политики страуса». Она не признаетъ предмета, котораго не желаетъ видѣть. Центръ тяжести политическаго рѣшенія еврейскаго вопроса заключается въ упраздненіи такъ называемой черты осѣдлости. Съ точки зрѣнія проблемы русскаго могущества, «еврейскій вопросъ» вовсе не такъ несущественъ, какъ принято думать въ нашихъ *soit-disant* консервативныхъ кругахъ, пропитанныхъ «нововременствомъ». Если вѣрно, что проблема Великой Россіи сводится къ нашему хозяйственному «расширенію» въ бассейнѣ Чернаго моря, то для осуществленія этой задачи и вообще для хозяйственнаго подъема Россіи евреи представляютъ элементъ весьма цѣнный. Въ томъ экономическомъ завоеваніи Ближняго Востока, безъ котораго не можетъ быть создано Великой Россіи, преданные русской государственности и привязанные къ русской культурѣ евреи прямо незаменимы въ качествѣ пионеровъ и посредниковъ *). Такимъ образомъ, намъ, ради Великой Россіи, нужно создавать такихъ евреевъ и широко ими пользоваться. Очевидно, что единственнымъ способомъ для этого является по-

*) Любопытно, что это недавно доказывалось въ весьма обстоятельной статьѣ официального *Вѣстника Финансовъ*. См. статью «Влжневосточные рынки» въ № 45 1907 г.

сабдовательное и лояльное осуществленіе «эмансипація» евреевъ. По существу, среди всѣхъ «инородцевъ» Россіи—несмотря на всѣ антисемитическіе вопли—нѣтъ элемента, который могъ бы быть легче, чѣмъ еврей, поставленъ на службу русской государственности и ассимилированъ съ русской культурой.

Съ другой стороны, нельзя закрывать себѣ глаза на то, что такая реформа, какъ «эмансипація» евреевъ, можетъ совершиться съ наименьшимъ психологическимъ треніемъ въ атмосферѣ общаго хозяйственнаго подъема страны. Нужно, чтобы создался въ странѣ такой экономической просторъ, при которомъ всѣ чувствовали бы, что имъ находится мѣсто «на ширу жизни». Разрѣшеніе «еврейскаго вопроса» такимъ образомъ неразрывно связано съ экономической стороной проблемы Великой Россіи: «эмансипація» евреевъ психологически предполагаетъ хозяйственное возрожденіе Россіи, а съ другой стороны явится однимъ изъ орудій созданія хозяйственной мощи страны.

«Польскій вопросъ», съ той точки зрѣнія, съ которой мы разбираемъ здѣсь вообще вопросы русской государственности, является вопросомъ политическимъ или международно-политическимъ *par excellence*. Что бы тамъ ни говорили, въ хозяйственномъ отношеніи Царство Польское нуждается въ Россіи, а не наоборотъ. Русскимъ экономически почти нечего дѣлать въ Польшѣ. Россія же для Польши ея единственный рынокъ.

Принадлежность Царства Польскаго къ Россіи есть для послѣдней чистѣйшій вопросъ политическаго могущества. Всякое государство до послѣднихъ силъ стремится удержать свой «составъ», хотя бы принудительныхъ хозяйственныхъ мотивовъ для этого не было. Для Россіи, съ этой точки зрѣнія, необходимо сохранить въ «составѣ» Имперіи Царство Польское. А разъ оно должно быть сохранено въ составѣ Имперіи, то необходимо, чтобы населеніе его было довольно своей судьбой и дорожило связью съ Россіей, было морально къ ней прикрѣплено. Это было бы важно во всякомъ случаѣ для «внутренняго» спокойствія этой части Имперіи. Но эта сторона дѣла, съ точки зрѣнія проблемы могущества, отступаетъ даже на задній планъ передъ значеніемъ, принадлежащимъ польскому вопросу въ виду того международнаго «положенія», въ которое, волею исторіи, двинута Россія.

Существуетъ въ широкой публикѣ мнѣніе, что на Царство Польское можетъ посягнуть въ удобный моментъ Германія. Это недоразумѣніе, основанное на полномъ незнакомствѣ съ политическими отношеніями Германіи. Германія не нужно ни пяди земли, населенной польскимъ народомъ. Для Германіи было бы безуміемъ ввести въ свой нѣмецкій государственный составъ новые милліоны поляковъ—и безъ того Пруссія не можетъ переварить Познани. Германія, съ ея историческими традиціями, не можетъ превратиться въ государство съ сильнымъ инородческимъ элементомъ. Болѣе того, она не можетъ превратиться въ государство съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ. Вотъ почему Германія не можетъ (и не

желаетъ) поглотить нѣмецкія земли Австріи. Такое поглощеніе измѣнитъ соотношеніе культурныхъ силъ, дастъ католикамъ рѣшающую силу въ Германіи.

Польская политика Пруссіи, съ точки зрѣнія международнаго положенія Германіи, представляетъ грубѣйшую ошибку, на что неоднократно указывалъ Гансъ Дельбрюкъ въ своихъ *Preussische Jahrbücher*. Эта ошибка проходитъ Германіи даромъ только потому, что русское правительство ведетъ политику, съ точки зрѣнія государственной мощи и государственной безопасности Россіи, еще болѣе ошибочную. Пруссія стремится—*per fas et nefas*—германизовать Познань; идея руссификаціи Польши въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣмцы германизуютъ (или, вѣрнѣе, стремятся германизовать) свои польскія области, совершенно несбыточная утопія. Денаціонализація русской Польши недоступна ни русскому народу, ни русскому государству. Между русскими и поляками на территоріи Царства Польскаго никакой культурной или національной борьбы быть не можетъ: русскій элементъ въ Царствѣ представленъ только чиновниками и войсками.

Обладаніе Царствомъ Польскимъ есть для Россіи вопросъ не національнаго самосохраненія, а политическаго могущества.

Польская политика Россіи, съ этой точки зрѣнія, должна быть совершенно ясна. Опираясь на экономическую прикрѣпленность Польши къ Россіи, мы должны воспользоваться ея принадлежностью къ Имперіи для того, чтобы черезъ нее скрѣпить наши естественныя связи съ славянствомъ вообще и западнымъ въ частности. Польская политика должна служить нашему сближенію съ Австріей, которая теперь является по преимуществу державой славянской. Либеральная польская политика въ огромной степени подыметъ нашъ престижъ въ славянскомъ мірѣ и психологически совершенно естественно создастъ, впервые въ исторіи, моральную связь между нами и Австріей, какъ государствомъ.

Въ экономическомъ отношеніи мы будемъ даже конкурентами на Ближнемъ Востокѣ, но эта конкуренція будетъ смягчаться и сглаживаться морально-политической солидарностью.

Такова та положительная миссія, которая принадлежитъ разумной польской политикѣ Россіи въ дѣлѣ укрѣпленія ея внѣшней мощи. Но гораздо важнѣе ея отрицательная миссія или функція. Всякое здоровое, сильное государство—сказали мы выше—желаетъ быть могущественнымъ. Австрія, съ великой избирательной реформой, вступила въ періодъ своего внутренняго укрѣпленія, которое будетъ означать и ростъ внѣшней мощи Австро-Венгріи. Славянскій характеръ Австріи вовсе не гарантируетъ насъ отъ нападенія съ ея стороны, если мы будемъ оставаться слабы, такъ же какъ культурное и политическое преобладаніе германскаго элемента въ Австріи до 1866 г. не спасло ея отъ разгрома Пруссіей. Если русская Польша будетъ поврѣжнему очагомъ недовольства, имѣющимъ тѣснѣйшую морально-культурную связь съ австрійскими поляками, если Россія, вмѣсто того, чтобы экономически и культурно укрѣпляться въ бассейнѣ Чернаго моря, будетъ

строить ни для чего ненужный линейный флотъ, предназначенный для Балтійскаго моря и Тихаго Океана, въ одинъ прекрасный день въ Европѣ на западной границѣ можетъ назрѣть для насъ великая бѣда.

Теперь еще идея борьбы не на животь, а на смерть съ поляками торжествуетъ въ Пруссіи, но дни ея сочтены. Идея эта свершить свой кругъ и—хотя бы ради сохраненія своей епенте съ Австріей—Германія вынуждена будетъ отказаться отъ своей польской политики. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что вообще крушеніе реакціи и торжество либерализма во внутренней политикѣ Германіи должно наступить съ безошибочностью естественнаго процесса. Въ этотъ моментъ, если мы не разрѣшимъ своего польскаго вопроса, не создадимъ по всей и во всей странѣ дѣйствительнаго, прочнаго примиренія власти съ народомъ, мы можемъ и неизбежно получимъ жестокий ударъ уже не съ Востока, а съ Запада. У насъ въ широкой публикѣ, а также въ военныхъ сферахъ существуетъ къ Австріи такое же легкомысленное отношеніе, какое до войны было къ Японіи. Мы склонны упиваться суворовской фразой: «австрійцы имѣютъ проклятую привычку быть всегда битыми», и можемъ на собственномъ тѣлѣ испытать всю условность подобныхъ афоризмовъ. Неудачная война съ Австріей—при недоброжелательномъ нейтралитетѣ Германіи—въ лучшемъ случаѣ будетъ имѣть для Россіи своимъ результатомъ потерю Царства Польскаго, которое отойдетъ къ Австріи, и потерю Прибалтійскаго края, который отойдетъ къ Германіи. Если обладаніе русской Польшей не нужно и совершенно неинтересно для Германіи, то этого нельзя сказать о Прибалтійскомъ краѣ. Войдя въ составъ Германской имперіи, онъ сравнительно легко можетъ быть завоеванъ или, въ извѣстномъ смыслѣ, отвоеванъ для германской культуры. Латыши и эсты будутъ либо германизованы, либо оттѣснены на территорію Россіи, куда они и безъ того до сихъ поръ выселяются въ значительномъ числѣ.

Я вовсе не сомнѣваюсь въ полнѣйшемъ миролюбіи Германіи и Австріи и ихъ правительствъ. Но слѣдуетъ же понимать, что столкновения государствъ между собой въ основѣ вытекаютъ изъ конфликтовъ интересовъ и изъ соотношеній могущества, а вовсе не изъ международного бреттерства правительствъ. Мы должны были бы научиться этому изъ опыта нашей войны съ Японіей. Не говоря уже о Бисмаркѣ, даже Наполеонъ III не былъ вовсе политическимъ бреттеромъ.

Можно сказать, что всѣ нарисованныя нами перспективы суть только комбинаціи и предположенія. Но то, что слабыя государства дѣлаются добычей государствъ болѣе сильныхъ, если они не ограждены противоборствомъ ихъ интересовъ, это есть не комбинація, а своего рода «законъ исторіи». А въ столкновеніи слабой Россіи съ сильной Австро-Венгріей, при недоброжелательномъ къ намъ нейтралитетѣ заинтересованной въ нашемъ пораженіи Германіи, ни одинъ палецъ въ Европѣ не пошевелится въ нашу защиту.

Можетъ ли явиться поводъ для такого столкновенія? Мы вѣдь въ на-

лучшихъ отношеніяхъ и съ Австріей, и съ Германіей. Съ первой мы вмѣстѣ дѣйствуемъ на Балканахъ, какъ главныя великія державы, заинтересованныя въ турецкихъ дѣлахъ. Неужели нѣтъ коопераціи можетъ возникнуть конфликтъ? По этому поводу достаточно на справку напомнить, что конфликту Пруссіи съ Австріей предшествовала кооперація этихъ государствъ противъ Даніи, что войнѣ Японіи съ Россіей предшествовала наша съ Японіей кооперація противъ Китая.

Поводъ всегда найдется, если будетъ продолжаться ослабленіе государственной мощи Россіи, которое есть неизбѣжный результатъ того, что за разрухой японской войны и революціи слѣдуетъ не возрожденіе страны конституціей, а разложеніе ея реакціей.

Сигнализировать во-время эту опасность передъ общественнымъ сознаніемъ есть патриотическій долгъ независимой русской печати. Мы можемъ ошибаться въ томъ или другомъ конкретномъ указаніи, но суть нашего анализа—увѣ!—соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей.

Изъ международно-политическихъ перспективъ, которыя мы начертали, вытекаетъ тотъ выводъ, что наша «внутренняя» политика должна быть поставлена такъ, чтобы—безъ ущерба для нашихъ интересовъ, нашей мощи и нашего достоинства—психологически устранить самую возможность войны съ Австро-Венгріей или (худшій для насъ случай!) войны съ Австро-Венгріей и Германіей. Конечно, Россія можетъ просто добровольно сдѣлаться вассаломъ или сателлитомъ Германіи, но только—пожертвовавъ исторической миссіей, мощью и достоинствомъ государства. Такой выходъ будетъ нинимымъ рѣшеніемъ проблемы Великой Россіи. Ключъ къ дѣйствительному ея рѣшенію лежитъ въ урегулированіи русско-польскихъ отношеній. Тутъ обычно выдвигается пугало Германіи. Германія-де не потерпитъ либеральнаго рѣшенія польскаго вопроса. Не говоря уже о томъ, что принципиально никакое вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла не терпимо, гораздо важнѣе то, что одна Германія безъ Австро-Венгріи ничего противъ Россіи предпринять не можетъ. Противъ Германіи, если она не въ союзѣ съ Австро-Венгріей, Россія, даже безъ всякихъ формальныхъ союзовъ и соглашеній, *ipso facto* существующаго противоборства интересовъ, имѣетъ за себя и Францію (первоклассная сухопутная держава!), и Англію (рѣшающая сила на морѣ!).

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что неурегулированность польскаго вопроса, стоящая вообще въ связи съ реакціоннымъ характеромъ нашей внутренней политики, ставитъ насъ совершенно *à la merci* Германіи. Мы либо вынуждены въ международныхъ дѣлахъ и внутренней политикѣ слѣпо, какъ вассалъ, слѣдовать ей, либо будемъ всегда находиться подъ угрозой того, что въ удобный и желательный для себя моментъ она выдвинетъ противъ насъ Австро-Венгрію. Не слѣдуетъ—повторяемъ—въ этомъ случаѣ предаваться иллюзіямъ, что славянскій характеръ Австро-Венгріи гарантируетъ насъ отъ такого оборота дѣлъ. Пока мы не ведемъ настоящей славянской политики, пока мы держимъ Польшу въ «подвластномъ»

положеніи, пока мы не исполняемъ своей исторической миссіи на Черномъ морѣ, гдѣ находится естественная экономическая основа Великой Россіи,— Австро-Венгрія, даже какъ славянская держава или, вѣрнѣе, именно какъ таковая, обязана стремиться къ «расширенію» на нашъ счетъ.

А Германія изъ двухъ возможностей, каковыми являются: 1) одновременный политическій ростъ двухъ славянскихъ державъ, Австро-Венгрии и Россіи, и 2) возвышеніе на счетъ Россіи Австро-Венгрии, во всякомъ случаѣ менѣе славянской, гораздо ближе стоящей къ германскому міру державы—изъ этихъ двухъ политическихъ возможностей Германія обязана, повинаясь здравому государственному эгоизму, выбрать вторую, для нея гораздо болѣе выгодную.

Не слѣдуетъ также думать, что Германія, держава консервативная съ строго «легитимными» традиціями, будетъ—вопреки своимъ государственнымъ интересамъ—церемониться съ консервативной Россіей. Съ «легитимными» традиціями современной Германіи дѣло обстоитъ весьма своеобразно. Несмотря на весь свой прусскій легитимизмъ, Бисмаркъ упразднилъ нѣсколько весьма легитимныхъ нѣмецкихъ троновъ—не слѣдуетъ забывать, что и гессенъ-дармштатскій тронъ уцѣлѣлъ въ разгромѣ 1866 г. *исключительно* благодаря заступничеству Александра II *)—и въ борьбѣ съ Австріей не останавливался даже передъ перспективой союза съ венгерской революціей.

Всякая истинно государственная политика, хотя бы она и была во внутреннихъ вопросахъ весьма консервативна, въ борьбѣ за могущество не останавливается передъ такими мелочами, какъ «легитимность».

Изъ даннаго нами освѣщенія вопроса о великой Россіи вытекаютъ совершенно ясные выводы относительно волнующей въ настоящее время обществу морской проблемы. Въ войнѣ съ Австріей или съ Австріей и Германіей вмѣстѣ такой флотъ намъ ни въ чемъ существенномъ не поможетъ. Ни для Германіи, ни еще менѣе для Австріи дѣйствія на морѣ противъ насъ не будутъ имѣть рѣшающаго значенія.

Отсюда ясно, что *балтійскій флотъ*, какъ это ни странно, *всего меньше нуженъ Россіи*.

Великой Россіи, на настоящемъ уровнѣ нашего экономического развитія, необходимы сильная армія и такой флотъ, который обезпечивалъ бы намъ возможность десанта на любомъ пунктѣ Чернаго моря и въ то же время абсолютно обезпечивалъ бы насъ отъ вражескаго десанта въ этой области. Другими словами, мы должны быть господами на Черномъ морѣ. Совершенно ясно, что это осуществимо только при томъ условіи, если мы изъ числа крупныхъ морскихъ державъ будемъ имѣть своимъ противникомъ тамъ въ худшемъ случаѣ одну Германію, противъ которой у насъ будетъ всегда «покрытіе» въ лицѣ Англій и Франціи. Противъ Англій мы и тамъ

*) Ср. Н. von Sybel. Die Begründung des deutschen Reiches. Band V (München u. Leipzig, 1890), въ особ. стр. 391—394.

бороться никогда не сможемъ. Но вѣдь вообще реальная политика утвержденія русскаго могущества на Черномъ морѣ неразрывно связана съ прочнымъ англо-русскимъ соглашеніемъ, которое для насъ не менѣе важно, чѣмъ франко-русскій союзъ. Вообще это соглашеніе и этотъ союзъ суть безусловно необходимы *отънынѣ* гарантіи созданія Великой Россіи.

Внутреннее содержаніе этой проблемы можетъ быть дано только сочетаніемъ правильной внѣшней политики съ разумнымъ разрѣшеніемъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ.

Интеллигенція страны должна пропитаться тѣмъ духомъ государственности, безъ господства котораго въ образованномъ классѣ не можетъ быть мощнаго и свободнаго государства.

«Правящіе круги» должны понять, что, если изъ великихъ потрясеній должна выйти великая Россія, то для этого нуженъ свободный, творческій подвигъ всего народа. Въ народѣ, пришедшемъ въ движеніе, въ народѣ, конституція котораго родилась вовсе не изъ навѣяннаго извѣстнаго радикализма, а изъ потрясеннаго тяжелыми уронами государства патріотическаго духа, — въ этомъ народѣ нельзя уже ничего достигнуть простымъ приказомъ власти. Изъ скорбнаго историческаго опыта послѣднихъ лѣтъ народъ нашъ вынесъ пониманіе того, что государство есть личность «соборная» и стоитъ выше всякой личной воли. Это огромное неопѣнимое и неистребимое приобрѣтеніе и оправданіе пережитыхъ нами «великихъ потрясеній».

Теперь задача истинныхъ сторонниковъ государственности заключается въ томъ, чтобы понять и расцѣпить всѣ условія, создающія мощь государства. Только государство и его мощь могутъ быть для настоящихъ патріотовъ истинной путеводной звѣздой. Остальное — «блуждающіе огни».

Государственная мощь невозможна внѣ осуществленія національной идеи. Национальная идея современной Россіи есть примиреніе между властью и проснувшимся къ самосознанію и самодѣятельности народомъ, который становится націей. Государство и нація должны органически срастись.

Въ новѣйшей европейской исторіи есть замѣчательный и поучительный примѣръ такого сращенія.

Въ 60-хъ годахъ между націей и властью въ руководящей германской державѣ Пруссіи возгорѣлся жесточайшій конфликтъ, грозившій политической катастрофой. Власть, благодаря Бисмарку, вышла побѣдительницей изъ этого конфликта, овладѣвъ національной идеей, чего не сумѣли сдѣлать ни Стюарты въ Англіи, ни Бурбоны во Франціи. Побѣда власти, однако, не была ни униженіемъ народа, ни разрушеніемъ права. Величіе Бисмарка, какъ государственнаго дѣятеля, заключалось, между прочимъ, въ томъ, что онъ никогда не смѣшивалъ государства ни съ какими лицами. Власть и народъ примирились на осуществленіи національной идеи, и объединенная Германія, утверждающая свою внѣшнюю мощь, сумѣла орга-

нически сочетать историческія традиціи съ новыми государственными учрежденіями на демократической основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Объединеніе Германіи подъ предводительствомъ Пруссіи, которая выбрасываетъ Австрію изъ Германіи и затѣмъ набрасывается на Францію и отнимаетъ у нея завоеванія Людовика XIV *), было рядомъ событій, въ которыхъ и современникъ, и всякій изучающій ихъ теперь, не можетъ не чувствовать какой-то роковой силы.

У Бисмарка, когда онъ ковалъ германскую Имперію, вовсе не было готоваго, до подробностей выработаннаго плана. Творецъ событій, онъ въ то же время былъ влекомою ими. Но онъ, по крайней мѣрѣ, въ каждый данный моментъ выполнялъ свою волю и осуществлялъ дорогую ему идею. О Вильгельмѣ I нельзя сказать даже этого. Прусскій король, если бы дѣла совершались по его волѣ, никогда-бы не былъ германскимъ императоромъ. Но онъ долженъ былъ стать имъ. Самая незамѣтная и въ то же время самая трудная и почетная борьба, которую велъ Бисмаркъ во имя государства, велась имъ не противъ оппозиціи парламента, не противъ внѣшняго врага и его дипломатіи, а противъ главы государства. И онъ, а съ нимъ вмѣстѣ германская государственность оказались побѣдителями въ этой борьбѣ.

Такова сила національной идеи, нашедшей себѣ орудіе въ государствѣ, которое стремится увеличить свою мощь. Или, наоборотъ, такова сила государства, поставившаго себѣ на службу національную идею. Это—двѣ силы, которыя, для того, чтобы перевернуть судьбы народовъ, должны найти одна другую и дѣйствовать въ полномъ союзѣ.

Часто смотрятъ на эти событія съ «отвлеченной» точки зрѣнія. Революціонеры видятъ въ объединеніи Германіи не торжество національной идеи, а лишь возвышеніе консервативной прусской державы—такъ понимали событія многіе старые нѣмецкіе радикалы 40-хъ гг.; такъ оцѣниваютъ ихъ до сихъ поръ нѣкоторые социаль-демократы. Легитимисты видятъ въ этомъ объединеніи, поглотившемъ нѣсколько легитимныхъ троновъ и въ современной Германіи утопившемъ патриархально-консервативную Пруссію съ ея старыми государственными традиціями, не столько торжество государственности, сколько побѣду страннаго, противорѣчиваго союза военно-монархической мощи съ революціонной идеей—такъ смотрѣли на событія не только ганноверскіе легитимисты; такъ чувствовали и представители стараго прусскаго духа, вродѣ генерала Роона и даже самого Вильгельма I.

Первые заблуждаются въ томъ, что не видятъ связи національной идеи съ государственной мощью. Вторые фантазируютъ о возможности по-

*) Когда Тьеръ, въ знаменитой своей повѣдѣ по столицамъ Европы во время войны, встрѣтившись въ Вѣнѣ со своимъ другомъ историкомъ Ранке, спросилъ его съ кѣмъ Германія послѣ паденія Наполеона ведетъ войну, Ранке отвѣчалъ: „съ Людовикомъ XIV“.

ставить государственной мощи, окрыленной національной идеей, «легитимныя» и «традиціонныя» границы.

Государство должно быть революціонно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революціонно, когда и поскольку это подрывает его могущество.

Это «законъ», который властвует одинаково и надъ династіями, и надъ демократіями. Онъ низвергаетъ монарховъ и правительства; и онъ же убиваетъ революціи.

Понять это значитъ понять государство въ его истинномъ существѣ, заглянуть ему въ лицо, которое, какъ ликъ Петра Великаго, по слову величайшаго русскаго поэта, «прекрасно» и «ужасно».

Только, если русскій народъ будетъ охваченъ духомъ истинной государственности и будетъ отстаивать ее смѣло въ борьбѣ со всѣми ея противниками, гдѣ бы они ни укрывались,—только тогда, на основѣ живыхъ традицій прошлаго и драгоцѣнныхъ приобрѣтеній живущихъ и грядущихъ поколѣній, будетъ создана—Великая Россія.

Петръ Струве.

Указъ 9 ноября 1906 года.

Въ ближайшемъ будущемъ третьей Государственной Думѣ предстоитъ заняться междудумскимъ аграрнымъ законодательствомъ, центральный пунктъ котораго составляетъ указъ 9 ноября 1906 г. о мѣрахъ къ облегченію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также объ укрѣпленіи въ личную собственность земель общиннаго владѣнія.

Всѣ помнятъ, какъ былъ встрѣченъ указъ 9 ноября въ моментъ его изданія: общественное мнѣніе съ полнымъ, кажется, единодушіемъ увидѣло въ немъ не столько мѣру аграрной политики, сколько орудіе самозащиты, оказавшейся лицомъ къ лицу передъ грозой бюрократии и ея вдохновителей изъ среды помѣстнаго дворянства; орудіе, притомъ, не оборонительное, а наступательное; орудіе, долженствующее посѣять рознь въ средѣ самого крестьянства, въ его собственной средѣ разбудить и разнудать эгоистическія инстинкты отдѣльныхъ группъ и единицъ и дружный натискъ объединеннаго крестьянства на владѣльческія земли замѣнить взаимною грызней крестьянъ изъ-за надѣльной земли. Этимъ, и только этимъ, общественное мнѣніе могло объяснить себѣ изданіе какъ всей вообще серіи аграрныхъ указовъ, такъ и въ частности—указа 9 ноября, по ст. 87 основныхъ законовъ, предусматривающей *экстренныя* и *неотложныя* мѣры, принимаемыя исполнительной властью въ промежуткахъ между двумя Думами; порядокъ изданія, приведшій въ изумленіе даже людей вроде проф. Билимовича, стоящихъ на одной съ правительствомъ принципиальной почвѣ и, по существу, считающихъ возможнымъ «радошно поддерживать указъ 9 ноября». Отнюдь не будучи экстреннымъ и неотложнымъ, какъ *мѣра аграрной политики*, не будучи таковымъ именно въ силу своей первостепенной важности, указъ являлся, въ самомъ дѣлѣ, экстреннымъ и неотложнымъ, какъ орудіе самозащиты, на-ряду съ военно-полевыми судами и иными подобными актами междудумскаго законодательства.

Едва ли кто-нибудь станетъ утверждать теперь, что общественное мнѣніе ошибалось. Въ правительственной деклараціи, прочитанной П. А. Столыпинымъ въ 3-ей Государственной Думѣ, аграрное законодательство стоитъ непосредственно вслѣдъ за угрозами недостаточно покорнымъ

судьямъ и недостаточно покорному педагогическому персоналу; аграрная политика правительства противопоставляется «безпорядочной раздачѣ земель, успокоенію бунта подачками», и ея смыслъ резюмируется такъ: «признаніе неприкосновенности частной собственности и, какъ послѣдствіе, отсюда вытекающее, созданіе мелкой земельной собственности, реальное право выхода изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшенія землепользованія». Вся аграрная политика правительства—это «послѣдствіе, вытекающее» изъ признанія неприкосновенности той самой частной собственности, которой угрожали «безпорядочная раздача земель» и «успокоеніе бунта подачками». И не простое логическое слѣдствіе: земельная политика, нашедшая себѣ наиболѣе яркое и принципиальное выраженіе въ указѣ 9 ноября, потому признается осью современной внутренней политики правительства, что—какъ недавно выразился П. А. Столыпинъ—отъ успѣшнаго выполненія этой задачи будетъ зависеть «не только экономическое положеніе сельскаго населенія» — для этого, пожалуй, не стоило бы тревожить ст. 87-ую!—«но и укорененіе въ его сознаніи правильныхъ общественныхъ понятій на основѣ законности и уваженія къ чужому праву». Создавать въ средѣ крестьянства собственниковъ, чтобы они уважали и помогали отстаивать помѣстную собственность,—вотъ въ чемъ признанная задача современной аграрной политики, вотъ въ чемъ объясненіе ея экстренности и неотложности.

По существу указъ 9 ноября рѣзко распадается на двѣ почти равныхъ по объему, но совершенно неравныхъ по значенію части. Одна—это раздѣлы II, III и IV, касающіеся земель подворнаго владѣнія (въ томъ числѣ, конечно, и земель, вновь поступающихъ въ таковое владѣніе изъ общиннаго); другая—раздѣлъ I, касающійся «укрѣпленія въ личную собственность» земель общиннаго владѣнія и выдѣла ихъ въ отдѣльные участки. Первая имѣетъ несравненно меньшее принципиальное значеніе, нежели вторая, и если и требуетъ критики, то не той принципиальной и, въ общемъ, отрицательной критики, съ которою неизбежно приходится подходить ко второй (или въ порядкѣ изложенія указа—первой) части указа. Критика раздѣловъ II—IV указа должна быть—я позволю себѣ такъ выразиться—доброжелательною по существу и должна носить, по преимуществу, техническій характеръ; противъ идей, лежащихъ въ основѣ этихъ трехъ раздѣловъ, едва ли приходится особенно возражать,—можно критиковать лишь намѣченные указомъ способы ихъ осуществленія.

Въ самомъ дѣлѣ: раздѣлъ IV, хотя и упоминаетъ о земляхъ общиннаго владѣнія, но касается въ сущности исключительно порядка перехода подворныхъ владѣльцевъ къ отрубному владѣнію; вмѣсто требовавшагося для этого, до сихъ поръ, единогласія, указъ допускаетъ такой переходъ по приговору, постановленному двумя третями голосовъ. По существу противъ этого едва ли могутъ быть какія-либо возраженія: если сравнивать между собою подворное отрубное владѣніе и подворное же чрезполосношнуровое, то колоссальныя преимущества перваго не могутъ подлежать

сомнѣнiю; вопросъ можетъ быть развѣ только въ томъ, не слѣдуетъ ли пойти въ данномъ направленiи значительно *дальше*, чѣмъ пошелъ указъ 9 ноября, не слѣдуетъ ли предоставить половинѣ или даже меньшинству заинтересованныхъ лицъ требовать перехода на отрубные участки; вопросъ можетъ быть, далѣе, въ детальной разработкѣ того принципа, который нашелъ себѣ выраженiе въ IV раздѣлѣ указа; при этой разработкѣ должны быть установлены необходимыя правила распорядительнаго и исполнительнаго характера, въ особенности—приняты мѣры къ огражденiю интересовъ тѣхъ изъ участниковъ чрезполоснаго владѣнiя, которые могли бы пострадать отъ перехода къ отрубному владѣнiю и отъ неразрывно связаннаго съ этимъ уничтоженiя взаимнаго пастбищнаго сервитута.

Раздѣлъ III замѣняетъ создавшiйся, главнымъ образомъ, на почвѣ сенатской интерпретацiи институтъ дворовой собственности на земли подворнаго владѣнiя институтомъ личной собственности тѣхъ домохозяевъ, за которыми участки значатся по землеустроительнымъ и инымъ актамъ, и ихъ правопреемниковъ. Здѣсь споры по существу, разумѣется, возможны. Институтъ семейной собственности имѣетъ сторонниковъ и даже весьма авторитетныхъ сторонниковъ. Въ томъ видѣ, однако, какъ этотъ институтъ существуетъ въ настоящее время, безъ твердой почвы въ законѣ, до крайности неясный по своей юридической природѣ, въ концѣ-концовъ не столько устраняющiй возможность произвола домохозяина, сколько уничтожающiй въ немъ сознание заинтересованности и ответственности за свои дѣйствiя,—этотъ институтъ уже потому едва ли имѣетъ право на дальнѣйшее существованiе, что въ корнѣ противорѣчитъ тому индивидуализму, который дѣлаетъ въ современной деревнѣ все большiя и большiя завоеванiя. Въ принципѣ и этотъ раздѣлъ долженъ быть, поэтому, одобренъ,—вопросъ можетъ идти лишь о детальной разработкѣ даннаго принципа, въ связи, между прочимъ, съ вопросомъ о мѣрахъ къ предотвращенiю легкомысленнаго отчужденiя сдѣлавшихся личною собственностью земель, въ ущербъ прежнимъ соучастникамъ семейнаго владѣнiя.

Трудно возражать, въ принципѣ, и противъ II раздѣла указа 9 ноября, создающаго облегченный порядокъ удостовѣренiя права собственности на предназначенныя къ отчужденiю земли подворнаго владѣнiя. До настоящаго времени не существовало, собственно говоря, законнаго пути установленiя и удостовѣренiя этихъ правъ, откуда происходили безконечныя практическiя затрудненiя и неудобства; разъ не было законнаго способа удостовѣренiя права собственности, то не могло быть и законнаго способа отчужденiя земель подворнаго владѣнiя; продажи совершались въ формахъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ и, слѣдовательно, не имѣющихъ юридической силы, что открывало, разумѣется, широкiй просторъ для всякаго рода злоупотребленiй со стороны какъ продавцовъ, такъ и третьихъ лицъ, и неизбежно обезцѣнивало продаваемыя земли. Разъ отчужденiе подворныхъ земель допущено закономъ, нельзя возражать противъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы поставить его на болѣе твердую, легальную

почву. Можно только сомнѣваться, не пошли ли составители указа 9 ноября слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи облегчить установленіе и удостовѣреніе права собственности на земли подворнаго владѣнія; можно въ частности сомнѣваться, какъ сомнѣвается Н. Н. Бутлеръ, въ компетентности сельскихъ сходо́въ и волостныхъ правленій устанавливать и удостовѣрять наличие *права собственности* на земли подворнаго владѣнія, и опасаться могущихъ отсюда злоупотребленій: даже установить *владѣніе*, при условіяхъ нашей подворной чрезполосицы, весьма нелегкая задача, а тѣмъ болѣе — установить наличие *права собственности* на владѣемую землю. Но это — частность, хотя и существенная, и едва ли встрѣтятся особенныя затрудненія къ тому, чтобы внести въ установленный указомъ 9 ноября способъ установленія и удостовѣренія права собственности на подворные участки такія поправки, которыя не слишкомъ усложняютъ дѣло и въ то же время послужатъ достаточною гарантіею противъ ошибокъ и злоупотребленій. Гораздо серьезнѣе другое: устраненіе формальныхъ препятствій, тормозившихъ переходъ изъ рукъ въ руки земель подворнаго владѣнія, должно идти объ руку съ мѣрами, направленными противъ скупки такихъ земель и вообще концентраціи ихъ въ рукахъ зажиточнаго меньшинства, — хотя бы это меньшинство принадлежало къ крестьянскому сословію.

Но, конечно, суть дѣла *не въ этихъ* постановленіяхъ указа 9 ноября, и *не изъ* П. А. Столыпинъ имѣлъ въ виду, когда заявлялъ третьей Думѣ, что правительство, защищая свои аграрныя мѣропріятія передъ законодательными учрежденіями, ждетъ отъ нихъ «усовершенствованія, можетъ быть (можетъ быть!!) поправо́къ въ нихъ, но въ конечномъ результатѣ твердо надѣется (твердо надѣется!) на приданіе имъ упроченной силы путемъ законодательнаго утвержденія». Суть дѣла, конечно, въ первомъ раздѣлѣ, касающемся «укрѣпленія» и выдѣла земель общиннаго владѣнія.

Когда мнѣ пришлось писать объ этомъ «мѣропріятіи» подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что опубликованнаго указа, я настаивалъ на томъ, что оцѣнка его, — оцѣнка принципиально-отрицательная — должна быть дана «совершенно независимо отъ принципиальнаго отношенія къ вопросу объ общинномъ землевладѣніи, независимо отъ того или другого взгляда на грядущую экономическую эволюцію нашей деревни». На той же точкѣ зрѣнія съ самаго же начала стоялъ и продолжаетъ стоять и главный, въ настоящее время, работникъ партіи народной свободы, по земельной части, Н. Н. Бутлеръ — самъ отнюдь не сторонникъ общиннаго землевладѣнія: критикуя указъ 9 ноября и намѣчая тѣ постановленія, которыя могли бы захѣнуть его, и онъ признаетъ необходимымъ «отрѣшиться отъ всякаго предвзятаго взгляда, отъ желанія непременно поддержать ее или разрушить». И мы оба оказались совершенно правы — правы не только теоретически, но и фактически. Однимъ изъ первыхъ выступилъ съ самымъ рѣшительнымъ осужденіемъ указа 9 ноября въ его части, касающейся «укрѣпленія», кн. Е. Н. Трубецкой, самъ рѣшительный противникъ общины и сторонникъ мелкой

крестьянской личной собственности: «способъ упраздненія общины, — писалъ онъ, также подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ указа, — таково, что онъ долженъ вызвать негодованiе въ особенности среди противниковъ общины и сторонниковъ частной крестьянской земельной собственности». Одними изъ первыхъ выступили съ самымъ рѣшительнымъ осужденiемъ указа видный теоретикъ аграрнаго вопроса въ русскомъ марксизмѣ, П. П. Масловъ, и другой писатель, стоящій на той же идейной и теоретической почвѣ, С. Н. Прокоповичъ. На самыхъ, можно сказать, послѣднихъ дняхъ одинъ изъ ораторовъ оппозици въ 3-ей Государственной Думѣ, въ рѣчи своей по поводу правительственной декларацiи равоблачившiй дѣйствительный смыслъ аграрныхъ начинанiй правительства, открыто заявилъ, что онъ самъ — «поклонникъ» хуторскаго хозяйства. Выступившiй съ подобнымъ же разоблаченiемъ въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* А. С. Изгоевъ подчеркиваетъ свое личное убѣжденiе, «что развитiе среди крестьянъ началъ земельной собственности — явленiе неизбежное, прогрессивное и желательное». Ученикъ Д. И. Пихно, проф. Блиновичъ, всецѣло стоящій на той же принципиальной почвѣ, на какой стоитъ правительство, опредѣленно заявляющiй, что «друзья свободнаго индивидуальнаго сельскаго хозяйства должны радостно поддерживать» ту часть указа 9 ноября, которая направлена къ ликвидацiи общины, въ рѣшенiи одного изъ затронутыхъ данною частью указа вопросовъ видитъ смѣшенiе «правильнаго съ крайне уродливымъ и ложнымъ», въ рѣшенiи другого усматриваетъ «ясный отпечатокъ поспѣшнаго и крайне необдуманнаго законодательнаго творчества послѣдняго времени»; какъ мы увидимъ ниже, онъ критикуетъ самыя существенныя постановленiя указа почти въ тѣхъ самыхъ выраженiяхъ, въ какихъ критиковалъ ихъ, въ свое время, пишущiй эти строки.

На самыхъ послѣднихъ дняхъ мнѣ попалась въ руки небольшая статья *) берлинскаго профессора О. Э. Аугагена, одного изъ лучшихъ на Западѣ знатоковъ русскаго сельскаго хозяйства и русскихъ аграрныхъ отношенiй и — что для насъ въ данную минуту наиболѣе интересно — рѣшительнаго сторонника какъ принциповъ индивидуальной собственности и отрубнаго владѣнiя, такъ и самыхъ героическихъ способовъ проведенiя этихъ принциповъ въ жизнь. Проф. Аугагенъ готовъ прийтти къ русскому общинному крестьянству принципы прусскаго законодательства о регулированiи землевладѣнiя: подвергать раздѣлу цѣлую общину, разъ требованiе объ этомъ предъявлено меньшинствомъ ея членовъ. «Крестьянинъ, — говоритъ онъ, — воспитанный въ общинѣ, долженъ быть принудительнымъ путемъ приведенъ къ своему собственному благу (muss eben zu seinem Wohle gezwungen werden)». Почтенный профессоръ упускаетъ при этомъ изъ виду, что принудительное уничтоженiе общиннаго землевладѣнiя, — это и съ юридической, и съ бытовой точки зрѣнiя совсѣмъ не то, что проведенное

*) „Die Zukunft der russischen Landwirtschaft“, въ издаваемой I. Wolf'омъ *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*.

прусскимъ аграрнымъ законодательствомъ принудительное уничтоженіе чрез-полосности и сервитутныхъ отношеній между *личными земельными собственниками*. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что этотъ поборникъ принциповъ подворнаго владѣнія и героическихъ способовъ «насажденія» этого послѣдняго самымъ рѣшительнымъ образомъ критикуетъ указъ съ точки зрѣнія *интересовъ самого подворнаго владѣнія*: онъ критикуетъ самый порядокъ «укрѣпленія» и выдѣла, установленный указомъ 9 ноября, порядокъ, гдѣ активная роль предоставлена земскому начальнику, этому Mädchen für Alles русской бюрократіи, такъ блистательно доказавшему свою неспособность къ хотя бы формальному исполненію даже и ранѣ лежавшихъ на немъ, гораздо менѣ сложныхъ и трудныхъ обязанностей; онъ совершенно основательно предостерегаетъ и противъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приведетъ превращеніе отдѣльныхъ членовъ общины въ частныхъ собственниковъ, вкрапленныхъ среди земель общиннаго владѣнія: владѣлецъ десятковъ парцеллъ, разбросанныхъ среди общинной земли, будетъ стоять въ такихъ же отношеніяхъ къ остальному крестьянству, въ какихъ стоитъ къ нему сосѣдній помѣщикъ-землевладѣлецъ, и будетъ терпѣть со стороны послѣдняго все то, что терпять въ послѣднее время помѣщикъ.

Мы знаемъ, что правительство во что бы то ни стало хочетъ провести черезъ Государственную Думу свои предположенія и свои указы, направленные къ разрушенію общины и къ созданію на ея мѣсто мелкой крестьянской собственности. Мы знаемъ и то, что правительству, устами одного изъ виднѣйшихъ представителей преобладающей въ третьей Думѣ партіи, г. Шубинскаго, обѣщана поддержка какъ въ данномъ частномъ вопросѣ, такъ и во всей вообще его земельной политикѣ. Мы знаемъ, что оппозиція въ третьей Думѣ бессмысленна, и останется бессмысленною, даже если къ ней примкнуть лучшіе изъ октябристовъ—тѣ, кто стоитъ, дѣйствительно, на почвѣ манифеста 17 октября, а не на почвѣ послѣдняго циркуляра или разъясненія. Но думское большинство, можетъ быть, всетаки задумается надъ тѣмъ, чего отъ него ожидаетъ увѣренное въ его повинновеніи правительство, если убѣдится въ томъ, что критика аграрныхъ указовъ и предположеній г. Столыпина и его сотрудниковъ—отнюдь не синонимъ оппозиціи во что бы то ни стало; что отрицательное отношеніе къ растерзанію общины отнюдь не синонимъ увлеченія общиной и общинными порядками; что критиковать и отвергать тѣ или другія изъ задуманныхъ или уже проведенныхъ въ жизнь аграрныхъ мѣръ правительства можно и должно даже и тѣмъ, кто стоитъ на одной съ правительствомъ принципиальной почвѣ, кто одинаково съ нимъ смотритъ на будущность нашего крестьянства и на условія возможнаго его процвѣтанія. Если же думское большинство останется послушнымъ указующему персту,—пусть оно знаетъ, на чтѣ оно идетъ, и пусть меньшинство категорически и очевидно для всѣхъ сниметъ съ себя отвѣтственность за то, чему оно не имѣетъ силы помѣшать.

Но желательно, чтобы меньшинство сняло съ себя и другую отвѣтственность: отвѣтственность за беспочвенную критику, за аргументы, бьющіе дальше цѣли, за доводы, которые сами собой напрашиваются на возраженія, за предложенія, вытекающія изъ «желанія во что бы то ни стало поддерживать общину».

Критикуя указъ 9 ноября, какъ и всю вообще аграрную политику нынѣшняго правительства, приходится считаться съ тѣмъ, что стремленіе къ выходу изъ общины,—это не выдуманный, а дѣйствительный фактъ, какъ дѣйствительный фактъ—наличность, вообще, теченій внутри самой общины, благопріятствующихъ ея разрушенію; вопросъ только въ томъ, какъ сильны или слабы эти теченія. Гдѣ община стремится къ разрушенію, тамъ ея нельзя и не слѣдуетъ поддерживать искусственными мѣрами; гдѣ есть общинники, желающіе выйти изъ общины, ихъ нельзя и не слѣдуетъ удерживать въ общинѣ насильно. Если—во что я лично вѣрю—община имѣетъ въ себѣ задатки жизни, ее и не къ чему поддерживать извнѣ: она сама сумѣетъ постоять за себя, она сама выживетъ, хотя бы изъ нея и вышли извѣстные, не уживающіеся въ общинѣ элементы.

Критикуя указъ 9 ноября, приходится считаться и съ тѣмъ, что этотъ указъ дѣйствительно стоитъ, принципиально, на той самой почвѣ, на какую стали составители положеній 19 февраля и которая нашла себѣ выраженіе въ ст. 12 общаго положенія о крестьянахъ, статьею 106 положенія о выкупѣ распространенной на окончательно выкупленные надѣльные земли. Составители положеній 19 февраля создали чрезвычайно запутанное положеніе, предоставивъ каждому общественнику, участвовавшему въ выкупѣ *общинною* надѣльной земли, право требованія въ частную собственность участка земли, соразмѣрнаго какой-то неумовимой «*доли въ приобрѣтеніи* земли»; составители указа 9 ноября сдѣлали крайне неудачную попытку выйти изъ этого запутаннаго положенія или, вѣрнѣе, разрубить завязанный освободительнымъ законодательствомъ гордиевъ узелъ. Но принципиальная сущность дѣла отъ этого не измѣняется: положенія 19 февраля не создали, конечно, общины, но они были основнымъ закономъ, въ теченіе почти полулѣта регулировавшимъ земельныя отношенія внутри освобожденной отъ крѣпостной зависимости деревни; они создали такіе прецеденты и сдѣлались основою такихъ приобрѣтенныхъ правъ, съ которыми нельзя не считаться при разрѣшеніи, въ томъ или иномъ смыслѣ, вопроса о выходѣ изъ общины. Но считаю необходимымъ оговориться тутъ же: *не положенія 19 февраля создали общину*, и потому вытекающіе изъ нихъ логическіе и юридическіе выводы приемлемы постольку, поскольку они могутъ быть согласованы съ правами самой общины, какъ юридическаго лица, не положеніями 19 февраля созданнаго и не отъ положеній 19 февраля заимствовавшаго свое право на общинную землю.

Критикуя указъ 9 ноября, необходимо самымъ серьезнымъ образомъ считаться и съ тѣми хозяйственными соображеніями, которые выставляются его защитниками. Было бы большою ошибкой, критикуя указъ, осно-

зывать эту критику на простомъ отрицаніи такихъ вещей, какъ отрубное владѣніе, хуторское хозяйство, свобода въ распоряженіи надѣльной землею и т. п. Конечно, то огульное увлеченіе хуторами и отрубными участками—хутора въ западномъ краѣ, хутора въ центрѣ, хутора въ Сибири, хутора, можетъ быть, на Новой Землѣ или въ средне-азиатскихъ пустыняхъ!—это увлеченіе, появившееся по мановенію начальства, было бы смѣшно, если бы не было... преступно. Но отрицать, что хуторское расселеніе и отрубное владѣніе, при извѣстной комбинаціи топографическихъ и хозяйственныхъ условій, представляетъ большія преимущества предъ чрезполосицей и длинноземельемъ; что извѣстные моменты преобразования основъ крестьянскаго хозяйства требуютъ устраненія принудительнаго хозяйства и предполагаютъ свободу индивидуальнаго распоряженія землею, — это значить аргументировать доводами, стрѣляющими дальше цѣли, это значить вредить тому дѣлу, которое защищаешь. Если община имѣетъ право на существованіе—а я лично убѣжденъ, что она его имѣетъ,—то только потому, что она отнюдь не является синонимомъ чрезполосицы и длинноземелья, что она отнюдь не имѣетъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ принудительнаго хозяйства; но и наоборотъ: уничтоженіе, а тѣмъ паче, растерзаніе общины, отнюдь не синонимы хуторскаго расселенія, отрубнаго владѣнія и свободы хозяйственнаго распоряженія землею...

Принципіально, повторяю, нельзя и не слѣдуетъ отрицать необходимости законовъ, предусматривающихъ и регулирующихъ выходъ изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ, равно какъ и переходъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію, поскольку этотъ выходъ и этотъ переходъ дѣйствительно являются требованіями жизни, а не измышленіями послушныхъ администраторовъ, а тѣмъ болѣе—не мѣрами «внутренней политики», въ спеціфическомъ смыслѣ этого слова. Критикуя указъ 9 ноября, нужно критиковать не столько то, *что* этотъ указъ, по своей основной идеѣ, долженъ былъ достигнуть, сколько то, *какъ* составители указа разрѣшили поставленную ими себѣ задачу; критиковать не столько *идею* указа, сколько намѣченные указомъ *способы ея осуществленія*. И въ этой критикѣ, мнѣ кажется, нельзя быть достаточно строгимъ и даже рѣзкимъ.

Критиковать указъ 9 ноября можно и слѣдуетъ съ двойкой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія справедливости и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Критикуя указъ, можно ставить себѣ вопросъ: въ какой мѣрѣ онъ отвѣчаетъ тѣмъ насущнымъ хозяйственнымъ задачамъ, изъ которыхъ должна исходить и съ которыми должна считаться всякая аграрная политика; и можно ставить себѣ вопросъ: въ какой мѣрѣ права и интересы лицъ, выходящихъ изъ общины и поощряемыхъ въ этомъ правительствомъ, согласованы съ правами и интересами общины, какъ цѣлаго, и тѣхъ изъ членовъ общины, которые не желаютъ выходить изъ ея состава.

Становясь, сначала, на хозяйственную точку зрѣнія, приходится признать, что созданная указомъ 9 ноября форма чрезполоснаго общинноподворнаго владѣнія—это худшая изъ всѣхъ мыслимыхъ формъ землевладѣнія.

Въ цитированной выше интересной статьѣ А. С. Изгоевъ дѣлаетъ попытку выставить аграрную политику предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина какъ непосредственное продолженіе тѣхъ принциповъ, которые пятью годами раньше проповѣдовалъ Гродненскій губернаторъ П. А. Столыпинъ, въ качествѣ предсѣдателя комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Гродненскій губернаторъ, для поднятія благосостоянія Россіи, признавалъ необходимымъ сдѣлать крестьянина самостоятельнымъ мелкимъ собственникомъ, уничтоживъ сервитуты, размежевавъ чрезполосныя земли и создавъ для этого хутора. «Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, — говоритъ А. С. Изгоевъ, — свой гродненскій опытъ распространялъ на всю Россію; спасеніе Россіи онъ по-прежнему видитъ въ созданіи класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, крѣпкихъ людей земли, ведущихъ хуторское хозяйство». Очень можетъ быть, что г. Изгоевъ правъ въ своемъ, впрочемъ не очень лестномъ для П. А. Столыпина, предположеніи: не очень лестномъ, потому что вѣдь не велика честь для вершителя судебъ необъятной Россіи всходить изъ узкаго «опыта» гродненскаго губернатора. Но прежде всего: Изгоевъ, мнѣ кажется, нѣсколько преувеличиваетъ, въ данномъ случаѣ, значеніе личной инициативы и личной убѣжденности нынѣшняго предсѣдателя совѣта министровъ: вѣдь идея превращенія русскихъ крестьянъ въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ пропагандировалась еще С. Ю. Витте, предсѣдателемъ столь шумѣвшаго въ свое время особаго совѣщанія; вѣдь основанные на этой идеѣ землеустроительные проекты перешли къ П. А. Столыпину, ни болѣе ни менѣе, какъ отъ гг. Сташинскаго и Гурко, и идея превращенія крестьянъ въ мелкихъ личныхъ собственниковъ звучала въ рѣчахъ представителей правительства не только въ третьей, но и въ первой Думѣ. Но главное: можетъ быть, предсѣдатель совѣта министровъ г. Столыпинъ, дѣйствительно, остается вѣрней своимъ гродненскимъ идеямъ, когда онъ инструктируетъ землеустроительныя комиссіи, когда онъ ликвидируетъ государственный земельный фондъ, когда онъ всю Россію и Сибирь собираетъ рѣзать на хуторскіе участки. Но онъ безусловно, хотя, вѣроятно, не сознательно, нѣмнѣяетъ этимъ идеямъ, когда подноситъ къ подписи и затѣмъ отстаиваетъ указъ 9 ноября: потому что этотъ указъ создаетъ и, весьма возможно, увѣковѣчиваетъ именно то, противъ чего гродненскій губернаторъ боролся всѣми силами своего убѣжденія.

Какъ извѣстно, указъ 9 ноября совершенно раздѣляетъ два момента: «укрѣпленіе въ личную собственность», по требованію отдѣльнаго домохозяина, «причитающейся ему части» владѣемой имъ на общинномъ правѣ земли, и выдѣлъ укрѣпленной въ собственность земли, по возможности къ одному мѣсту. Первоначально, значить, душевой надѣлъ укрѣпляется въ личную собственность въ томъ самомъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ моментъ предъявленія соотвѣтственнаго требованія, т.-е., какъ правило, въ видѣ десятковъ длинныхъ и узкихъ полосъ, разбросанныхъ вперемежку съ землями общиннаго владѣнія. Переходъ укрѣпившаго за собою землю

домохозяина къ отрубному владѣнію можетъ послѣдовать внѣ передѣла не иначе, какъ по его требованію; такой переходъ, значить, не послѣдуетъ, если ему почему-либо выгодно остаться въ чрезполосномъ владѣніи. По требованію общества выдѣлъ къ одному мѣсту можетъ послѣдовать только при общемъ передѣлѣ. Но если общество принадлежитъ къ числу издавна не совершающихъ коренного передѣла, или если оно просто не собиралось производить передѣла? Составители указа 9 ноября какъ будто бы толкаютъ тѣ общины, гдѣ послѣдуетъ «укрѣпленіе», на передѣлъ или, точнѣе, на передѣлы, каждый разъ, когда понадобится отдѣлаться отъ чрезполосности съ новоявленнымъ чрезполоснымъ собственникомъ (а такіе собственники вѣдь могутъ появляться, когда имъ вздумается, хотя бы вслѣдъ за только что законченнымъ передѣломъ!); но именно только *какъ будто бы* толкаютъ: вѣдь по закону 8 іюня 1893 г. передѣлы могутъ происходить не чаще, чѣмъ черезъ 12 лѣтъ, и тотъ же законъ, пока не отмѣненный, даетъ земскому начальнику власть и вовсе не допускать передѣла; какими же образомъ можетъ общество добиться выдѣла къ одному мѣсту укрѣпленной въ собственность земли, если это будетъ противорѣчить видамъ укрѣпившаго ее домохозяина? А затѣмъ, вѣдь даже и при обоюдномъ согласіи и при отсутствіи формальныхъ препятствій, выдѣлъ отнюдь не такая простая вещь, какъ воображаютъ себѣ нынѣшніе фанатики хуторского расселенія и отрубного владѣнія. И если, опять-таки, такой выдѣлъ окажется почему-либо невозможнымъ или затруднительнымъ, то дробная чрезполосность земель личнаго владѣнія съ землями общины такъ и останется на неопредѣленное время.

Итакъ, по указу 9 ноября въ личную собственность укрѣпляются надѣльные полосы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ими пользовался отдѣльный общественникъ въ моментъ заявленія требованія о выдѣлѣ, — и только когда-нибудь впослѣдствіи имѣетъ послѣдовать, а можетъ и вовсе не послѣдуетъ, замѣна ихъ однимъ или немногими округленными участками. Такая замѣна, притомъ, тѣмъ легче можетъ вовсе не послѣдовать, что разъ въ извѣстномъ обществѣ земля будетъ укрѣплена за нѣсколькими или многими домохозяевами, то остается совершенно невыясненнымъ вопросъ, какъ согласовать требованіе о выдѣлѣ къ одному мѣсту, предъявленное частью или однимъ изъ нихъ, съ собственническими правами другихъ, не предъявляющихъ такого требованія: указъ, какъ будто, не устанавливаетъ для послѣднихъ обязанности подчиняться требованію первыхъ; значить, — либо наличность, вперемежку съ землями общиннаго владѣнія, образовавшихся по указу 9 ноября полосъ личнаго владѣнія, принадлежащихъ однимъ изъ бывшихъ общинниковъ, послужитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ переходу другихъ на отрубные участки, — либо, напротивъ, этимъ «собственникамъ» придется передвигаться съ мѣста на мѣсто всякій разъ, когда кѣмъ-либо будетъ предъявлено требованіе о выдѣлѣ къ одному мѣсту и когда для этого придется дѣлать общую подвижку всѣхъ делось. А пока не послѣдуетъ выдѣла, до тѣхъ поръ, по указу 9 но-

ября, фиксируется как раз то самое чрезполосное и мелкополосное, или, как его называютъ въ западномъ краѣ, шнуровое владѣніе, съ которымъ такъ убѣжденно боролся гродненскій губернаторъ и предсѣдатель гродненскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Когда противникамъ общиннаго владѣнія и уравнительнаго землепользованія возражаютъ, что вѣдь и въ Малороссіи или юго-западномъ краѣ крестьянское хозяйство поставлено отнюдь не лучше, чрезполосица не меньше, а отдѣльный домохозяинъ не свободнѣе въ хозяйственномъ распоряженіи «собственной» землею,—они видятъ въ этомъ недостойный отводъ со стороны возражающихъ; они съ негодованіемъ восклицаютъ: да какое же это подворное владѣніе!... Это такая же община, только безъ уравнительныхъ передѣловъ. И вотъ, указомъ 9 ноября создается и, весьма вѣроятно, во многихъ случаяхъ увѣковѣчивается именно такая уродливая форма земле-владѣнія, какой послѣдовательные и дѣйствительно убѣжденные поклонники подворнаго владѣнія, вроде А. П. Никольскаго съ одной, А. И. Скворцова — съ другой стороны, даже не соглашаются признать за подворное владѣніе. И даже не такая форма, а гораздо худшая. Вѣдь указомъ 9 ноября создается чрезполосность земель общиннаго владѣнія съ полосами выдѣлившейся изъ этого владѣнія частной собственности. Авторы указа—какъ неоднократно отиѣчалось въ повременной печати—даже не задумались при этомъ надъ сложными вопросами, вытекающими изъ чрезвычайно трудной и даже, мнѣ думается, неразрѣшимой задачи: согласовать принадлежащее общинѣ право хозяйственнаго распоряженія угодьями, остающимися въ ея владѣніи, съ личнымъ правомъ и индивидуальнымъ усмотрѣніемъ чрезполосныхъ съ общиною личныхъ собственниковъ: можетъ ли личный «собственникъ» засѣять, чѣмъ ему вздумается, свои чрезполосные участки, можетъ ли онъ при этомъ огородить ихъ и такимъ образомъ перегородить общинныя земли? Или же онъ обязанъ въ хозяйственномъ отношеніи подчиняться устанавливаемымъ общиною распорядамъ?... Это—только одинъ вопросъ изъ безконечной цѣпи вопросовъ, вытекающихъ изъ чрезполосности земель общиннаго владѣнія съ выдѣлившимися изъ нихъ шнурами, владѣемыми на частномъ правѣ. Такого рода условія землевладѣнія, говоря словами Н. Н. Кутлера, «несовмѣстимы съ хозяйственною самостоятельностью общины, съ одной стороны, и выдѣливаемаго домохозяина—съ другой: либо домохозяинъ долженъ подчиниться хозяйственнымъ порядкамъ, установленнымъ въ общинѣ, либо община должна сообразоваться съ условіями хозяйства, введенными выдѣлившимся домохозяиномъ; эта взаимная зависимость исключаетъ какія-либо преимущества смѣшаннаго общинно-подворнаго владѣнія передъ чисто общиннымъ»; и въ концѣ-концовъ «при такомъ владѣніи недостатки общины напротивъ еще усмиваются, а средства къ ихъ ослабленію уничтожаются». Средства къ ихъ ослабленію уничтожаются, между прочимъ, потому, что угроза новыми требованіями объ «укрѣпленіи» со стороны большенадѣльныхъ домохозяевъ будетъ серьезнѣйшимъ препятствіемъ для передѣла, при которомъ могла бы

быть уменьшена наличная череполосяца; недостатки усиливаются, во-первыхъ, потому, что крестьяне, остающіеся въ общинѣ (а можетъ быть, какъ выше отмѣчено, и сами «укрѣпившіе»), будутъ постоянно находиться подъ угрозой всеобщей передвижки, вызванной требованіями о выдѣлѣ укрѣпленныхъ въ собственность земель къ одному мѣсту; а во-вторыхъ, еще и потому, что домохозяинъ, съ выгодой для себя и съ ущербомъ для общины укрѣпившій за собою свой надѣлъ,—это естественный врагъ общины, и владѣнія этого-то естественнаго врага будутъ десятками полосъ включены въ земля общиннаго владѣнія и въ свою очередь охвачены общинными землями.

Еще хуже, конечно, обстоитъ дѣло, если подойти къ вопросу съ точки зрѣнія справедливости. Правительство, всѣми силами возставшее противъ принудительнаго отчужденія у крупныхъ землевладѣльцевъ въ пользу малоземельныхъ крестьянъ, стало въ данномъ случаѣ на путь принудительнаго отчужденія... въ пользу большеземельныхъ у малоземельныхъ крестьянъ. Такой крикъ вырвался у пишущаго эти строки подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ указа 9 ноября,—и почти въ тѣхъ же словахъ оцѣниваетъ данную сторону указа проф. Билимовичъ, одинъ изъ тѣхъ, кто, въ принципѣ, «радно поддерживаетъ» указъ: «правительство,—говоритъ онъ,—въ данномъ случаѣ стало на путь отвергаемаго имъ для другихъ лицъ принудительнаго отчужденія,—и притомъ отчужденія земли у малоземельныхъ крестьянъ въ пользу крупноземельныхъ».

Какъ, конечно, извѣстно читателю, указъ 9 ноября различаетъ два случая: одинъ—общины, болѣе 24 лѣтъ не совершавшія коренныхъ передѣловъ; другой—гдѣ со времени послѣдняго передѣла прошло менѣе указаннаго срока. Общины первой категоріи признаются фактически перешедшими къ подворному владѣнію, и потому въ личную собственность укрѣпляется вся надѣльная земля заявившаго соответственное требованіе домохозяина, въ какомъ бы отношеніи количество ея ни стояло къ наличному составу его семьи. Въ общинахъ второго рода въ личную собственность выходящаго изъ общины домохозяина укрѣпляется земля, отведенная ему по послѣднему передѣлу,—если же составъ его семьи со времени передѣла сократился, то укрѣпленію подлежитъ такое количество земли, какое причитается, на основаніяхъ дѣйствовавшей при послѣднемъ передѣлѣ разверстки, на наличное число разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ.

Остановимся сначала на первомъ случаѣ. Правильно ли признавать общины, гдѣ 24 года не было кореннаго передѣла, фактически-перешедшими къ подворному владѣнію? Мнѣ кажется, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь при томъ до крайности предвзятомъ отношеніи къ общинѣ, какое характеризуетъ современные правительственные сферы. Въ Саратовской губерніи, по даннымъ, собраннымъ Б. Р. Качоровскимъ, число безпередѣльныхъ общинъ за время съ 1890 по 1900 гг., значить, болѣе чѣмъ черезъ 24 года со времени выхода крестьянъ на волю, сократилось съ 42,2 до 33,6%; значить, сотни об-

щинъ, болѣе 24 лѣтъ не производившихъ коренного передѣла, оказались однако *передѣльными* общинами. Но дальше: вѣдь община, кромѣ коренного передѣла, могла проявлять свою жизнеспособность и разнообразными другими способами; вѣдь передѣла не было, можетъ быть, просто потому, что его не допускалъ проникнутый ненавистью къ общинѣ земскій начальникъ, которому законъ 8 июня 1893 года далъ въ этомъ отношеніи фактически-неограниченныя полномочія; вѣдь въ общинѣ, болѣе 24 лѣтъ не производившей коренного передѣла, какъ разъ въ самое послѣднее время могла идти упорнѣйшая борьба за передѣлъ, — особенно упорная именно потому, что вліятельному меньшинству общественниковъ удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ особенно несоразмѣрное количество земли. И вотъ, является указъ 9 ноября и предоставляетъ однодушному или двухдушному, по наличному составу семьи, домохозяину укрѣпить за собою въ собственность хотя бы пять или шесть душевыхъ надѣловъ, когда-то отведенныхъ ему на бывшій налицо, въ моментъ передѣла, значительно ббльшій составъ семьи. Является затѣмъ циркулярное «разъясненіе», предоставляющее желающему выйти изъ общины домохозяину укрѣпить за собою и душевые надѣлы, доставшіеся ему по послѣдовавшимъ послѣ передѣла переверсткамъ, — хотя законъ 8 июня 1893 года не допускаетъ переверстокъ и хотя, по смыслу самого указа 9 ноября, общины, гдѣ были только переверстки, должны признаваться безпередѣльными. Казалось бы, достаточно льготъ будущимъ мелкимъ личнымъ собственникамъ, этимъ излюбленнымъ дѣтищамъ современной бюрократіи? Оказывается, недостаточно. А вдругъ признаваемая безпередѣльною община осмѣлится не признать себя безпередѣльною и постановитъ приговоръ о передѣлѣ раньше, чѣмъ тотъ или другой общественниковъ предъявитъ требованіе объ «укрѣпленіи»? Казалось бы, дѣло ясно: община признала, что она есть община, и значитъ желающій выйти изъ нея долженъ получить столько земли, сколько ему будетъ причитаться по новой разверсткѣ. Такъ нѣтъ же: бюрократія, такъ рѣшительно перешагнувшая черезъ букву закона, когда ей понадобилось признать не производившую коренныхъ передѣловъ общину не-общиною, въ данномъ случаѣ, въ угоду своимъ «излюбленнымъ людямъ», ухватывается за букву закона и въ томъ же циркулярномъ разъясненіи заявляетъ: нѣтъ-съ, позвольте: вѣдь по закону 8 июня приговоръ о передѣлѣ дѣйствителенъ лишь съ того момента, когда онъ утвержденъ земскимъ начальникомъ; а до тѣхъ поръ — спѣшите, излюбленные люди, заявляйте требованія объ укрѣпленіи, и вы можете укрѣпить за собою хоть шесть, хоть восемь душевыхъ надѣловъ, — спѣшите, потому что когда земскій начальникъ утвердитъ приговоръ о передѣлѣ, вамъ достанется только на двѣ или на три души.

На первый взглядъ правильнѣе разрѣшенъ вопросъ о томъ количествѣ земли, какое выходящій изъ общины можетъ «укрѣпить» за собою, для общинъ, гдѣ передѣлы были. Правда, неразрѣшеннымъ остается вопросъ о долѣ участія выходящаго изъ общины въ выкупѣ «укрѣпляемой» въ

собственность земли: если я имѣю право укрѣпить за собою землю, доставшуюся мнѣ, положимъ, пять лѣтъ тому назадъ, по новому передѣлу, — значить я укрѣплю за собою землю, которую сорокъ лѣтъ выкупали *другіе*. Но съ этимъ, пожалуй, ничего не подѣлать, — въ данномъ случаѣ, можетъ быть, приходилось разрубать гордиевъ узелъ, за невозможностью точно установить долю каждаго общественника въ выкупѣ общественной земли.

Если же оставить это въ сторонѣ, то, казалось бы, мысль указа 9 ноября правильна: разъ допустить выдѣлъ изъ общины независимо отъ общаго передѣла, то, пожалуй, нѣтъ другого выхода, какъ предоставить каждому укрѣпить за собою столько, сколько ему причитается на основаніяхъ послѣдней разверстки. Но... что значить «на основаніяхъ разверстки»? Придирчивые критики истолковывали это, на первый взглядъ довольно ясное, выраженіе указа въ смыслѣ льготномъ для выдѣляющихся и направленномъ въ ущербъ остающимся въ общинѣ; критики менѣе придирчивые, вродѣ пишущаго эти строки, полагали, что «основанія разверстки» — это значить «основанія разверстки», и больше ничего. Явилось уже упоминавшееся циркулярное «разъясненіе», и оказалось, что «основанія разверстки» — это значить не основанія разверстки, а нѣчто совсѣмъ иное, — именно размѣръ разверсточной доли: если передѣлъ по работникамъ былъ 20 лѣтъ тому назадъ, и, скажемъ, на каждаго изъ 200 работниковъ досталось по 3 десятины; если теперь въ общинѣ имѣется 300 работниковъ и, значить, на каждаго причитается по двѣ десятины, то сколько земли причитается къ укрѣпленію на основаніяхъ послѣдней разверстки? По циркуляру оказывается — *по три* десятины. Но вѣдь если на такихъ основаніяхъ изъ общины выдѣлится, скажемъ, треть общественниковъ, если они унесутъ съ собою, каждый, по 3 десятины, то остальнымъ двумъ третямъ останется уже только — легко вычислить — по $1\frac{1}{2}$ десятины?... Ну такъ что же изъ этого — лишь бы развивалась мелкая личная собственность, столь милая сердцу нашихъ правителей...

И, наконецъ, вѣдь и тѣ, какъ оказывается, болѣе нежели скромныя гарантіи интересовъ остающихся въ общинѣ, какія установлены указомъ для общинъ, гдѣ были коренные передѣлы, тоже имѣютъ лишь условный характеръ: указъ 9 ноября предоставляетъ заявившему требованіе объ укрѣпленіи домохозяину удержать за собою не только «причитающуюся», но и не причитающуюся землю, — за послѣднюю онъ долженъ только заплатить обществу «по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину предоставленныхъ въ надѣлъ данному обществу угодій», т. е. по цѣнѣ, существовавшей почти полвѣка тому назадъ. *Здѣсь* уже въ полномъ смыслѣ слова принудительное отчужденіе, и притомъ по явно несправедливой оцѣнкѣ; насколько она несправедлива, видно уже хотя бы изъ того, что общество, если оно не желаетъ или не можетъ выдѣлать своего бывшего сочлена «по возможности къ одному мѣсту», должно заплатить ему уже не по первоначальной выкупной цѣнѣ, а «по оцѣнкѣ, установленной волостнымъ судомъ», — значить, не по когда-то бывшей, теперь завѣдомо

слишкомъ низкой, а по дѣйствительной, вѣроятно, въ нѣсколько разъ болѣе высокой цѣнѣ.

Я хотѣлъ оставаться совершенно спокойнымъ въ критикѣ указа 9 ноября. Это мнѣ не удалось—рѣзкая несправедливость этого указа, обусловленная стремленіемъ его составителей во что бы то ни стало поощрить тѣхъ, кто желаетъ образовать контингентъ мелкихъ личныхъ собственниковъ, такъ велика и такъ рѣзка, что о ней нѣтъ возможности говорить спокойно... И полезна ли эта несправедливость хотя бы съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя ставятъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ видъ, что ставятъ, себѣ составители указа? *Нѣтъ*, не полезна, а скорѣе вредна. «Какъ ни желательно,—говоритъ по нѣсколько иному, но аналогичному поводу многократно цитированный мною г. Билимовичъ,—содѣйствіе разверстанію вредной чрезполосности, расселенію на хутора и т. п., но помощь имъ должна состоять въ облегченіи обмѣна земель и другихъ специальныхъ мѣрахъ; земельный фондъ не долженъ раздаваться ради этихъ цѣлей обезпеченнымъ въ ущербъ наиболѣе нуждающейся части хозяевъ». У г. Билимовича рѣчь идетъ о *государственномъ* земельномъ фондѣ. Между тѣмъ указъ 9 ноября поощряетъ выходъ изъ общины даже не за счетъ государственныхъ земель, а *за счетъ земель, принадлежащихъ общинѣ* и должствующихъ, по буквѣ и смыслу закона, по существу самой общины, служить источникомъ равномернаго земельного обезпеченія всѣхъ ея членовъ. И это не только до возмутительности несправедливо,—это и крайне нецѣлесообразно съ точки зрѣнія тѣхъ прямыхъ задачъ, какія ставили себѣ составители указа: вѣдь если желающимъ обратиться въ личныхъ собственниковъ предоставлены особыя выгоды, въ ущербъ остающимся въ общинѣ, то «укрѣпленіе» и выходъ изъ общины изъ способа устраненія «недостатковъ въ землепользованіи» и изъ средства улучшенія хозяйства, какими они должны и только и могутъ быть по идеѣ указа, превращаются въ простую спекуляцію: выходить изъ общины будутъ затѣмъ, чтобы закрѣпить за собою случайный излишекъ земли, а то и просто, чтобы попользоваться деньгами со своихъ однообщественниковъ; превращаются въ собственниковъ будутъ сплошь и рядомъ, можетъ быть и въ видѣ правила, не лучшіе, наиболѣе хозяйственные, а худшіе, наиболѣе беззащитныя элементы; не наиболѣе крѣпкіе, а, наоборотъ, наиболѣе слабыя, тѣ, которые, можетъ быть, подъ напоромъ кредиторовъ, будутъ укрѣплять за собою землю только для того, чтобы перепродать ее, быть можетъ, тѣмъ же кредиторамъ. Неужели въ *этомъ* можно видѣть цѣль «насажденія» мелкой крестьянской собственности?...

Печать прогрессивныхъ направленій осуждала указъ 9 ноября, между прочимъ, въ силу того соображенія, что «торжество возвѣщенныхъ въ немъ идей грозило бы крайнимъ осложненіемъ земельной реформы». *Этотъ* аргументъ, разумѣется, для правительства неубѣдителенъ — скорѣе, наоборотъ; неубѣдителенъ онъ и для современнаго думскаго большинства. Но вѣдь борьба съ малоземельемъ необходима и помимо широкихъ плановъ

земельной реформы. Отъ этой борьбы не отказывается, по крайней мѣрѣ на словахъ, и нынѣшнее правительство; она входитъ и въ программу большинства партій и группъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго думскаго большинства. А между тѣмъ сколько-нибудь широкое примѣненіе указа 9 ноября осложнитъ не только широкую земельную реформу,—оно до крайности затруднитъ и вообще борьбу съ малоземельемъ. «При наличности общины,—справедливо говоритъ Н. Н. Кутлеръ,—государство могло не считаться со случаями малоземелья, обусловленными не недостаточностью крестьянскаго надѣла, а неравномѣрностью его распредѣленія. Малоземелье, какъ слѣдствіе послѣдней причины, не требовало особыхъ мѣръ со стороны государства: устраненіе его являлось задачей самой общины. Но когда каждому члену общины предоставляется требовать укрѣпленія своего общиннаго пая въ личную собственность, то неравномѣрность распредѣленія земли въ общинѣ закрѣпляется навсегда, и она лишается возможности противодѣйствовать малоземелью отдѣльныхъ своихъ членовъ. Потерявъ въ общинѣ своего естественнаго союзника въ борьбѣ съ малоземельемъ, государство затрудняетъ и осложняетъ этимъ борьбу и для себя: землю надо найти не для цѣлыхъ общественныхъ союзовъ, а для отдѣльныхъ личностей; можно найти землю только внѣ фонда надѣльныхъ земель, хотя бы во многихъ мѣстностяхъ онъ оказался достаточнымъ для предотвращенія малоземелья». О расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, путемъ ли передачи соответственной части казенныхъ или банковскихъ земель, или путемъ переселенія, придется думать тамъ, гдѣ малоземелье могло быть устранено, просто, путемъ передѣла; съ требованіями о землѣ обратятся къ правительству всѣ тѣ малоземельные элементы внутри общинъ, которые до сихъ поръ могли надѣяться на передѣлъ. Мало того: съ требованіями о землѣ обратятся къ государству—неизбѣжно—многіе и изъ большеземельныхъ: именно всѣ тѣ, кто подъ давленіемъ нужды «укрѣпить» землю только для того, чтобы обезземелиться, чтобы продать свою новоявленную собственность...

Въ мою задачу совершенно не входитъ проектировать тотъ законъ, который могъ бы быть предложенъ оппозиціей и тѣмъ болѣе принятъ нынѣшнимъ думскимъ большинствомъ, взаимѣнъ указа 9 ноября. Интересующихся детальною разработкой вопроса въ направленіи *de lege ferenda* я позволю себѣ отослать къ прекраснымъ работамъ Н. Н. Кутлера, напечатаннымъ въ сборникѣ «Аграрный вопросъ» и въ недавнихъ номерахъ *Вѣстника Народной Свободы*,—работамъ, одинаково далекимъ какъ отъ безпринципнаго преклоненія передъ совершившимся фактомъ, такъ и отъ чрезмѣрно-доктринерскаго отрицанія его во что бы то ни стало. Мнѣ хотѣлось бы только намѣтить, въ заключеніе настоящаго очерка, тѣ исходные пункты, которые, мнѣ кажется, должны имѣться въ виду при пересмотрѣ указа 9 ноября,—пункты, одинаково пріемлемые какъ для умѣренныхъ сторонниковъ общины, такъ и для благоразумныхъ сторонниковъ

мелкой крестьянской собственности,—сторонниковъ по убѣжденію, а не по приказанію начальства.

Прежде всего: если мелкая личная крестьянская собственность имѣть преимущества передъ общиннымъ владѣніемъ, то только въ формѣ болѣе или менѣе округленнаго, сведеннаго если не въ одинъ, то въ очень небольшое число участковъ, отрубнаго владѣнія, въ хозяйственномъ отношеніи ничѣмъ не связаннаго съ землями ни общинъ, ни другихъ частныхъ владѣльцевъ. Поэтому «укрѣпленіе» въ личную собственность по-лосѣ общинной земли, перемѣшанныхъ съ землями общиннаго владѣнія, не должно быть допускаемо ни въ какомъ случаѣ; «укрѣпленіе» и «выдѣлъ, по возможности къ одному мѣсту», должны быть соединены въ одинъ актъ—актъ выдѣла изъ общиннаго владѣнія округленныхъ и пригодныхъ для самостоятельнаго веденія хозяйства отрубныхъ участковъ подворнаго владѣнія или личной собственности.

Далѣе: постановленія, касающіяся выдѣла изъ общины, должны быть таковы, чтобы не тормозить, но въ то же время и не поощрять такого выдѣла никакими внѣшними приманками, въ особенности же приманками за счетъ тѣхъ, кто остается въ общинѣ. Слѣдуетъ твердо помнить, что такого рода приманки не только являются крупной и ничѣмъ не оправдываемою несправедливостью по отношенію къ большинству членовъ общины, но что онѣ въ корнѣ извращаютъ самый смыслъ выхода изъ общины. Только при полномъ отсутствіи такихъ приманокъ, при полномъ безпристрастіи закона и его исполнителей по отношенію какъ къ выходящимъ изъ общины, такъ и къ остающимся въ ней, выходъ изъ общины можетъ стать, дѣйствительно, средствомъ для образованія самостоятельныхъ, способныхъ къ хозяйственному прогрессу единицъ, а не простою спекуляціею на разницу въ размѣрахъ землепользованія или въ стоимости «укрѣпленной» въ личную собственность земли.

Затѣмъ: общинѣ должно быть предоставлено право замѣнять выдѣлъ земли въ собственность тѣмъ, кто изъ нея выходитъ, денежнымъ вознагражденіемъ въ безобидномъ для обѣихъ сторонъ размѣрѣ, лучше всего—опредѣляемомъ безпристрастнымъ судомъ, причемъ при опредѣленіи размѣра вознагражденія должны быть приняты въ соображеніе и выкупные расчеты. Это, мнѣ кажется, вытекаетъ уже изъ соображеній юридическаго характера: если ст. 12 общаго положенія создала для отдѣльныхъ домохозяевъ нѣкоторое «приобрѣтенное право», то она не уничтожила и не могла уничтожить *правъ общины*, какъ юридическаго лица, владѣющаго общинною землею; и этому лицу должно быть предоставлено рѣшить, предпочитаетъ ли оно удовлетворить уходящаго изъ его среды общественника выдѣломъ въ натурѣ извѣстной части общаго достоянія, или же вознаградить его соответственной суммою денегъ. Но и независимо отъ этого, вѣдь, если каждый общинникъ долженъ пользоваться правомъ свободнаго выхода изъ общины, то изъ этого отнюдь не вытекаетъ его право уносить съ собою часть общинной земли: «естественнаго права» на

землю не признавать—надо полагать!—и авторы указа 9 ноября; если нужно сдѣлать выходъ изъ общины экономически возможнымъ, то эта, пожалуй, вполне законная цѣль будетъ вполне достигнута выдачею выходящему денежной суммы, равноцѣнной стоимости причитающейся ему доли земли. А съ другой стороны: вѣдь если надо позаботиться о выходящемъ, то надо вѣдь подумать и объ остающихся въ общинѣ; надо предусмотрѣть возможность случаевъ, когда выдѣлъ какой бы то ни было части угодій будетъ слишкомъ невыгоденъ для нихъ въ хозяйственномъ отношеніи, и въ такихъ случаяхъ предоставить общинѣ давать уходящимъ, взаменъ земли, денежное вознагражденіе.

И наконецъ: предоставляемое выходящему изъ общины право «укрѣпленія» за собой и выдѣла причитающейся ему доли общинной земли должно быть приурочено къ общему передѣлу общинныхъ земель. Это, во-первыхъ, потому, что лишь при общемъ передѣлѣ есть возможность безобидно для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, — для общины и для тѣхъ, кто изъ нея выходитъ — опредѣлить ту долю общинной земли, которая причитается послѣднимъ, въ соответствіи съ наличнымъ составомъ какъ всего общества, такъ и данной семьи; только этимъ путемъ будетъ избѣгнута грубая несправедливость по отношенію къ общинѣ, какъ цѣлому, только при этомъ условіи выходъ изъ общины перестанетъ быть привилегіей тѣхъ, въ чьемъ владѣніи случайно оказались несообразно большія доли общинной земли, и станетъ въ зависимость отъ тѣхъ мотивовъ, которыми онъ, дѣйствительно, и долженъ опредѣляться, — отъ степени развитія въ отдѣльныхъ участникахъ индивидуализма и хозяйственной инициативы, можетъ быть, дѣйствительно не находящей себѣ въ рамкахъ общины достаточнаго простора. И, во-вторыхъ, выдѣлъ къ одному или къ немногимъ мѣстамъ участковъ, укрѣпляемыхъ въ личное владѣніе, невозможенъ безъ такого или иного измѣненія землепользованія остающихся въ общинѣ членовъ; «удовлетвореніе требованій выдѣляющихся во всякое время, по справедливому замѣчанію опять-таки Н. Н. Кутлера, было бы равносильно лишенію остающихся въ общинѣ членовъ возможности вести какое-либо хозяйство; единственный моментъ, когда община можетъ произвести выдѣлъ безъ затрудненій и стѣсненій для своихъ членовъ—это моментъ передѣла». Необходимо только регулировать дѣло такимъ образомъ, чтобы передѣлъ не могъ быть оттягиваемъ на неопредѣленное время: предоставить желающимъ выдѣла, разъ ихъ набралось болѣе или менѣе значительное число, право требовать передѣла въ теченіе не слишкомъ продолжительнаго, закономъ установленнаго срока, при нежеланіи же общины подчиниться этому требованію, безотлагательно получить соответственное денежное вознагражденіе, сообразованное съ наличнымъ составомъ ихъ семействъ и рассчитанное хотя бы на тѣхъ основаніяхъ разверстки, какія были приняты общиною при послѣднемъ передѣлѣ.

А. Науфманъ.

Третья Дума.

Еще ни разу третья Государственная Дума не заседала при ясномъ свѣтѣ дня. Она родилась въ полутемный, сырой и холодный ноябрьскій день. Вздрагивая отъ жесткихъ ласкъ сѣвернаго вѣтра, не весело качаютъ своими голыми вершинами вѣковыя деревья Потемкинскаго сада и машутъ они длинными черными вѣтвями, точно посылаютъ кому-то послѣднее, прощальное привѣтствіе. Туманъ ползаетъ между стволами, стелется по длиннымъ аллеямъ, припадаетъ холодной влажной грудью къ невысокимъ стѣнамъ блага дворца. Ни разу еще солнце не засмѣялось, не заглянуло въ просторныя окна думской залы.

Здѣсь, какъ въ театрѣ, льется изъ старинныхъ, блѣднаго золота, украшенныхъ Екатерининскими орлами люстръ яркій, щедрый, но мертвенный и искусственный электрическій свѣтъ. Не онъ ли придастъ третьей Думѣ характеръ чего-то ненастоящаго, какого-то зрѣлища, далекаго и чуждаго? Быть можетъ, и первая Дума была театромъ, трагическимъ дѣйствомъ, разыгрывавшимся не только на глазахъ всего народа, но и при непосредственномъ участіи этого народа, какъ когда-то игрались трагедіи. Тамъ дѣйствующія лица и хоръ, и толпа—все было связано однимъ порывомъ, едва ли даже не мистическимъ. Теперь эта связь порвалась, ушла куда-то вглубь, спряталась. Думскіе подмостки стали тѣсными и тоже отошли вглубь. Нѣтъ больше историческаго дѣйства, есть только черныя слухаты китайскихъ тѣней.

Для журналиста это впечатлѣніе усиливается еще и чисто виѣшними условіями. Новыя правила выбросили насъ—кромѣ немногихъ избранныхъ—за бортъ парламентской жизни, сдѣлали насъ публикой, обособили отъ менѣе видныхъ, но часто наиболѣе важныхъ кулуарныхъ впечатлѣній. Мы не можемъ подойти ближе, присмотрѣться, уловить отдѣльныя черточки простую, а не трибунную психологію депутатовъ. А въ этой Думѣ это было бы особенно интересно, такъ какъ тѣ, кто, благодаря закону 3 іюня, явились хозяевами Таврическаго дворца, во многихъ отношеніяхъ для насъ такъ же непонятны, какъ непонятна душевная жизнь какихъ-нибудь племенъ, живущихъ на другомъ полушаріи. Первые Думы были полнѣ

интеллигенцией, давно суйвшею проявиться, высказать и дѣлами и словами все свое мирозерпаніе. Это была все та же интеллигенція, создававшая печать, журналистику, литературу. Это были все старые знакомые, близкіе и понятные, даже при полномъ политическомъ разногласіи. Но третьи выборы распахнули двери къ политической дѣятельности для другихъ, совершенно не сходныхъ съ прежними избранниками.

Отъ этого несходства легко отдѣлаться огульнымъ осужденіемъ, острымъ словомъ, злобой и пренебрежительной кличкой. Такая кличка цѣпко впиалась въ новыхъ хозяевъ еще раньше, тѣмъ они пришли въ Таврическій дворець. Надо отдать должное Марьову 2-му, удачное пустиль онъ въ ходъ слово. И всетаки хочется за старымъ названіемъ «зубры» найти человѣческія лица, особыя примѣты, индивидуальности,—не говоря уже о теченіи или пластѣ, выбросившемъ этихъ людей на поверхность. Какъ они намъ ни чужды, какъ бы ни казались намъ непривлекательны и нежизненны ихъ взгляды, мысли и домогательства, но вѣдь и они вскормлены все той же русской дѣйствительностью, которую мы такъ страстно жаждемъ обновить, перестроить, пересоздать.

Парламентъ встаетъ передъ нашими глазами, точно громадная раскрытая книга, гдѣ мы читаемъ обо всемъ, что есть въ народѣ просвѣтленнаго и затемненнаго, мощнаго и дряхлаго, умнаго и тупого, духовнаго и звѣринаго, творческаго и бесцельнаго. И когда исторія безстрастной рукой переворачиваетъ эти страницы, передъ нами проходятъ все переживанія и возможности, сплетающіяся въ многомилліонной народной душѣ.

Сейчасъ страницы покрыты путанными и темными письменами. Едва ли не яснѣе всего выступаютъ на нихъ слова, сказанныя депутатомъ Келеповскимъ. Именно такой человѣкъ, какъ онъ, грубый, темный, у котораго ноги шевелится съ такимъ усиліемъ, точно онъ сдвигаетъ не мысли, а тяжелые необтесанные камни, именно онъ и долженъ съ циничной откровенностью сказать:

— Справедливость заключается въ томъ, чтобы воздавать всякому той мѣрою, которой онъ мѣритъ.

Этотъ принципъ отищенія, это злобное око за око съ первыхъ же дней нависло надъ третьей Думой, слышалось въ рѣчахъ правыхъ ораторовъ, въ торжествующихъ кликахъ, которыми сопровождался эти рѣчи. Упоеніе побѣдой, сознание, что ненавистная оппозиція въ меньшинствѣ, такъ кружили головы, что порой засѣданія Думы принимали характеръ г-яски надъ поверженными тѣлами враговъ. Гоготанье г. Келеповскаго, ждометія г. В. Бобринскаго, ухарскія восклицанія г. Пуришкевича, прикиванья г. Круженскаго, шуточки г. Маркова 2-го,—все это придало Думѣ непривычный характеръ, который переносился и на суть всѣхъ отношеній. Зажать ротъ противникамъ, не дать имъ высказаться до конца, поставить надъ преніями гильотину, въ видѣ закрытиска, или ограниченія времени, не пустить ихъ въ комиссіи, все безпренятственно продѣлывалось новымъ думскимъ большинствомъ.

Правые, все время твердившіе о порядкѣ и твердой власти, сами на каждомъ шагѣ нарушали порядокъ и не признавали единственной, но зато несомнѣнной думской власти,—власти предсѣдателя. Да и самъ Хомяковъ точно терялся подъ ихъ бурнымъ напоромъ. Полуприкрывъ лицо рукой, поглядывалъ онъ на правыя скамьи, откуда неся беспорядочный шумъ, гулъ, смѣхъ, крики, нерѣдко заглушавшіе оратора, и, быть можетъ, порой въ душѣ предсѣдателя третьей Думы вспыхивала зависть къ властному авторитету предсѣдателя первой Думы. Было что-то въ спокойномъ, величавомъ голосѣ Муромцева, что подчиняло и укрощало не только Аникина но даже самого Аладына. Несмотря на всю страстность, на всю лихорадочность Думы перваго призыва, въ ней была внутренняя дисциплина, свидѣтельствующая прежде всего о глубокомъ пониманіи своей отвѣтственности.

Съ тѣхъ поръ наше представительство необыкновенно опростилось. Нынѣшняя, дворянская дума оказалась гораздо менѣе благовоспитанной, чѣмъ первая, «мужицкая» дума. Точно изъ старыхъ помѣщичьихъ домовъ они привезли съ собою закаменѣлыя традиціи и ухватки какихъ-то гоголевскихъ, дореформенныхъ типовъ.

Пуришкевичъ, неизмѣнно оьяненный самъ собой, неудержимымъ потокомъ собственныхъ рѣчей, лепечетъ что-то о томъ, что онъ «говоритъ не только для Россіи, но и передъ всѣмъ міромъ, передъ Европой». И кажется, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ закричитъ срывающимся голосомъ, какъ 30,000 курьеровъ бѣгутъ къ нему на пятый этажъ. Но уже изъ-за безсмертнаго лица И. А. Хлестасова выглядываетъ трагическое лицо Поприщина-Альфонса XIII: «Для блага русскаго народа я работаю не менѣе 18 часовъ въ сутки». «Васъ прошу не аплодировать, вы оскорбляете меня своими аплодисментами».

И рядомъ вертится Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ пріятель, онъ кланяется, онъ улыбается, его спина гнется въ сторону министерскихъ креселъ съ совершенно юношеской гибкостью. Съ румяныхъ, ласковыхъ устъ каждую минуту готово сорваться священное слово—ваше превосходительство!

— Я никогда не позволю себѣ задавать нескромные вопросы, кто и какъ истратитъ эти деньги. Я увѣренъ, я совершенно увѣренъ, я считаю своимъ долгомъ быть увѣреннымъ, что эти деньги будутъ истратены правительствомъ на пользу населенія.

Такой страстной почтительностью пронизана при этомъ и вся фигура и сладкій голосъ, что хочется поскорѣе разгадать: гдѣ же тутъ спрятаны мертвыя души?

Вотъ въ рѣчахъ Маркова 2-го нѣтъ никакихъ загадокъ, ничего спрятаннаго. Развязный до ухарства, онъ любитъ острить и самъ первый смѣется своимъ тяжелымъ, дубинообразнымъ шуткамъ. Для него нѣтъ ни трудностей, ни сомнѣній. Все упрощено до пещерной простоты. Въ доброе старое время изъ него вышелъ бы отличный шедринскій градоначальникъ, изъ

тѣхъ, что всю силу души вкладывали въ пожарную команду. Летать бы ему, стоя на дрожжахъ, съ рукой на отлетѣ, съ пожара на пожаръ... Но времена пережвигались, и Марковъ 2-й призванъ уже не къ пожарной, а къ государственной дѣятельности.

Впрочемъ, онъ и самъ признался, что онъ не знатокъ государственныхъ дѣлъ, а только скромный «любитель государства». Почему-то въ стенограммѣ это удачное словечко замѣнено несладнымъ—государстволубомъ. И напрасно. Самъ Марковъ и его соратники—именно любители, ставшіе ответственными актерами большого и сложнаго государственнаго дѣйства. И не потому только, что они неопытны въ парламентской техникѣ, путаются въ голосованіи, не умѣютъ слушать, не особенно складно умѣютъ говорить. Нѣтъ, это любительство заложено гораздо глубже, исходитъ изъ полной непривычки думать, обобщать, охватывать мыслью жизнь государственнаго организма въ его цѣломъ. Не безъ простодушія гордятся они этой непривычкой, считая, что такъ и надо, что книжный опытъ затемняетъ опытъ житейскій. Еще на августовскомъ земскомъ съѣздѣ Марковъ 2-й говорилъ съ обычнымъ хихиканьемъ:

— Мы, слава Богу, черпаемъ свои знанія не изъ книжекъ Долгоруковыхъ и Шаховскихъ, а прямо изъ жизни.

Но парламентъ—не дворянское собраніе и не дворянскій съѣздъ. Есть у него свои требованія и своя выучка, отъ которой не уйти даже самобытнѣйшимъ изъ истинно-самобытныхъ людей. Тутъ нельзя отдѣлываться ни выкриками, ни манифестаціями, ни патриотическими цитатами. Надо прежде всего научиться логикѣ, надо умѣть отстаивать и доказывать свои мысли. Конечно, когда нехватаетъ аргументовъ, у большинства есть аргументъ неопровержимый—голосованіе. Но хотя г. предсѣдатель совѣта министровъ и сказалъ, что нельзя превращать Государственную Думу въ древній циркъ, въ зрѣлище для толпы, однако на немъ самомъ видно, какъ новолбно каждаго, вступившаго на думскую трибуну, захватываетъ это сознаніе всенародности, публичности всякаго произнесеннаго въ этой залѣ слова, всякой, хотя бы вскользь брошенной мысли. Это едва ли не единственное во всей Россіи мѣсто, гдѣ даже сторонники простого и обнаженнаго насилія чувствуютъ острую потребность во что бы то ни стало дать этому насилію и логическое обоснованіе и моральную опору. Въ этомъ стремленіи главный трагизмъ нынѣшняго парламента; быть можетъ, въ немъ же таится источникъ спасенія для юнаго, но уже тяжело больного русскаго народнаго представительства.

Эта открытая, не канцелярская, а дѣйствительно политическая работа будитъ въ людяхъ честолюбіе, волю къ власти, опирающуюся уже не на кельеное сословное самодурство, не на простое—чего моя нога хочетъ, а на что болѣе широкое и, если хотите, болѣе благородное. Даже самый дикій юртуей-юнкеръ не можетъ явиться въ Думу съ арапникомъ въ рукахъ, не можетъ тычками загонять «братцевъ-мужичковъ» къ баллотировочнымъ ящикамъ. Если онъ желаетъ занять хоть какое бы то ни было

мѣсто, имѣть хоть какое бы то ни было вліяніе—а это желаніе уже грызетъ душу десятка маленькихъ людей, копошащихся на правомъ флангѣ,—ему приходится исскать не только хорошихъ словъ, но даже и, хоть плохонькихъ, да мыслей. Больше того, надо найти дорогу къ общественному мнѣнію, къ тому самому общественному мнѣнію, которое до 17 октября считалось тѣмъ-то несуществующимъ, какой-то черной нежитью, вызывающей высокоумное пренебреженіе людей, держащихъ въ своихъ рукахъ громы земные. Какъ бы ни старались эти руки загнать въ могилу все, что вышло послѣ 1905 г. изъ подполья на поверхность жизни,—пока существуетъ Дума, имъ всетаки приходится признавать существованіе общественнаго мнѣнія и даже не безъ тревоги заглядывать ему въ глаза. Официальная, оффиціозная, оплачиваемая и просто поощряемая печать никогда не вызвала столько и расходовъ, и вниманія со стороны правительства, какъ сейчасъ.

Какъ испугался въ Думѣ правый депутат Новицкій, когда въ отвѣтъ на его простоватое предложеніе отложить всѣ продовольственные вопросы и ассигновки до принятія земской реформы, раздалась горячая и укоризненная рѣчь Шингарева.

— Да я... да что... да я готовъ мужичкамъ не 7, а 77 милліоновъ дать,—растерянно выкрикивалъ Новицкій.

Но мужицкая «гора», эти неподвижные, молчаливые, послушные крестьяне, наполняющіе собой всю верхнюю правую часть думскихъ скамеекъ, угрюмо слушали эти запоздалые выкрики. Зато слова Шингарева они подчеркнули шумными и неожиданными аплодисментами, вызвавшими не малый переполохъ среди правыхъ диктаторовъ.

Даже Марковъ, этотъ типичнѣйшій представитель прусскаго юнкерства, привитаго къ самобытному корню російскаго помѣстнаго дворянства, быстро освободился въ Думѣ отъ привычки обзывать крестьянъ дикарями, ворами, пьяницами. Давно ли, на съѣздѣ въ Москвѣ, кн. Волконскому пришлось остановить потокъ этихъ ласковыхъ эпитетовъ не менѣе ласковымъ напоминаніемъ о библейскомъ Хамѣ, забывшемъ, чьи труды его вскормили и вспомни. Въ Думѣ такихъ напоминаній дѣлать не приходится. Здѣсь и Марковы не только государстволюбы, но и народолюбы.

Эта, съ позволенія сказать, любовь, конечно, довольно примитивнаго свойства и отмѣчена самымъ плоскимъ, самымъ раздѣтымъ демагогизмомъ. Но и въ ней сказывается повелительность парламентской жизни, которая требуетъ отъ народныхъ представителей умѣнья все облечь въ извѣстныя идейныя формы. И еще требуетъ она отъ нихъ умѣнья работать. Приходите учиться, иначе попадешь въ то шутовское положеніе, которымъ отмѣченъ всѣ дѣловыя выступленія третьей Думы, начиная съ перваго доклада 7 милліонахъ на продовольствіе, когда цѣлая коммиссія не замѣтила, и сообразила, а можетъ быть и не знала, что такимъ путемъ этого кредит испрашивать нельзя. Любопытно, что, когда Колубакинъ просто, ясно и сповойно указалъ и эту неправоильность и какъ надо поступить, то горячъ

всего возражала противъ «пустой формалистики» гибкій конституціоналистъ гр. Уваровъ. Но комиссія загнала Думу въ такой тупикъ, что, несмотря на отчаянное и упорное стремленіе большинства поступать какъ угодно, только бы не такъ, какъ предлагаетъ партія народной свободы, пришлось послушаться Волобукина и направить докладъ по указанному имъ пути. Тѣмъ болѣе, что даже министерскій чиновникъ къ этому применить.

Та же участь постигла мелкій, но характерный докладъ финансовой комиссіи объ отмініи личной подати въ Измайльскомъ уѣздѣ. Г. Крупенскій былъ въ непривычной роли докладчика. До сихъ поръ онъ промозгилъ, вѣрнѣе, выкрикивалъ съ трибуны, а еще чаще съ мѣста, одну, много двѣ фразы, да и то скорѣе рѣшительныя, чѣмъ связныя. И вотъ какіе-то шутники навязали этому отважному рыцарю стараго строя обязанность докладчика. Тутъ уже нельзя было однимъ прыжкомъ вспорхнуть отъ мѣста къ трибунѣ, крикнуть, и вторымъ прыжкомъ упорхнуть обратно. Надо какъ-нибудь развить, обосновать, изложить сущность дѣла и даже отвѣтить потомъ аргументами на аргументы оппонентовъ. Баронъ Мейендорфъ указалъ, что проектъ лишаетъ земскіе и городскіе совѣты права раскладки налоговъ, такъ какъ по этому проекту податной инспекторъ можетъ поставить свое единоличное veto надъ рѣшеніями коллегіи. Эти дебаты дали возможность Пуришкевичу выступить въ защиту самоуправленія. Но даже его выпады противъ чиновничьей опеки не натолкнули бѣднаго г. Крупенскаго на истинный путь, и онъ не нашелъ ничего умнѣе, какъ заявить, что надъ проектомъ долго думали министерскіе чиновники, а если они ничего лучше не придумали, значить и придумать нельзя.

Но оказалось, что для Думы канцеляріи не авторитетъ. Проектъ отправленъ назадъ въ комиссію, и Крупенскому придется снова выступать докладчикомъ, снова исполнять, несвойственную его природѣ, роль человѣка, обязаннаго что-то докладывать и излагать. Быть можетъ, тамъ, въ интимной замкнутости финансовой комиссіи, его на этотъ разъ успѣютъ подготовить къ нелегкому дѣлу.

До сихъ поръ, отчасти благодаря положенію прессы, отчасти изъ-за недобѣрчивой сдержанности депутатовъ, эта интимность соблюдалась довольно строго. Жизнь комиссіи, эта едва ли не важнѣйшая часть всей парламентской жизни, оставалась скрытой таинственнымъ флѣромъ недосказанности и полусвѣдѣній. Правое большинство, захватившее комиссію въ свои руки, вообще не особенно долголюбитъ прессу. Но неутомимые всезнайки-репортеры всетаки добрались и до этихъ невидныхъ источниковъ думскаго бытія. И та вялость, та безтолочь, то настроеніе комиссіонной дѣятельности, о которой рассказываютъ репортеры, даетъ интересное объясненіе несообщительности депутатовъ. Дѣйствительно, пока сообщать почти что и нечего. Нагородили комиссію въ полтора раза больше, чѣмъ ихъ было въ прежнихъ двухъ Думахъ, а что будутъ дѣлать эти 23 комиссіи, оставалось полувзвѣстнымъ. Не только въ Думѣ спорили

о томъ, чѣмъ должна заниматься коммиссія государственной обороны—врагами вѣшними или врагами внутренними,—но и «внутри» коммиссія безъ конца разсуждала о своихъ правахъ и компетенціяхъ. Коммиссія по исполненію росписи, очевидно, исходя изъ той же почтительной скромности, которую изливаетъ на кафедру гр. Уваровъ, весь ноябрь и декабрь спорила о томъ—прилично ли разсматривать цѣлесообразность отдѣльных статей росписи. Не будетъ ли вѣжливѣе ограничиться бухгалтерской прѣвѣркой? Всетаки рѣшили дерзнуть на разсмотрѣніе по существу и въ январѣ собираются приступить къ дѣлу *).

Но о ходѣ коммиссіонныхъ работъ краснорѣчивѣе всего говорить внесенные въ Думу доклады о 7 милліонахъ и о подати въ Измайльскомъ уѣздѣ. Въ счастью, до сихъ поръ идетъ дождь изъ мелкихъ законопроектонъ, которые, быть можетъ, окажутся шеолой, дадутъ не только вѣшній навѣкъ къ думской работѣ, но и вспашутъ дѣвственные мозги людей, не привыкшихъ утруждать себя отвлеченностями.

Впрочемъ, и въ коммиссіяхъ иногда вспыхиваютъ проблески другихъ возможностей. То—спокойное, но язвительное препирательство съ министромъ финансовъ объ условныхъ кредитахъ, израсходованныхъ вопреки законамъ, о неизбежности которыхъ самъ г. Коковцевъ тутъ же въ коммиссіи долго и вѣско распространялся. То—это-нибудь изъ оппозиціи не выдержать и произнесеть укориженную, искреннюю, а главное проникнутую такимъ общегосударственнымъ пониманіемъ рѣчь, что даже самые неизбежно правые депутаты слушаютъ его съ угрюмымъ недоумѣніемъ. Отрывисто, оторванно звучатъ эти рѣдкія рѣчи. Нѣтъ на нихъ отклика. Но разъ, когда одинъ изъ членовъ партіи народной свободы, съ неожиданной даже для него самой горячностью, разразился въ аграрной коммиссіи цѣлой филиппикой и потомъ съ горечью корилъ себя, оглядывая своихъ примолкнувшихъ слушателей, онъ почувствовалъ, что чья-то рука ложится на его плечо и дружескій голосъ говорить:

— Не забывайте, что въ Думѣ вы не будете такъ одиноки, какъ здѣсь...

Онъ съ удивленіемъ обернулся. За нимъ стоялъ одинъ изъ видныхъ и популярныхъ октабристовъ.

Тускло и блѣдно пока въ третьей Думѣ. Точно жизнь сузилась, обмельчала, затаялась.

И всетаки на сѣромъ пологѣ несладныхъ будней вспыхнуло яркимъ пожаромъ могучее, неумирающее, всегда творческое народное самосознаніе. И всетаки въ книгу жизни третьей Думы вписана такая пламенная, такая жгучая страница, отъ которой расправляется душа, уставшая отъ безстыдныхъ воплей кивущаго патріотизма.

* Всѣ свѣдѣнія о коммиссіяхъ почерпнуты мною изъ газетъ, и я всадѣло оставлю ихъ на отвѣтственности репортеровъ. А. В.

Речь Родичева шагнула далеко за предѣлы парламентскаго событія, она стала событіемъ общественнымъ, быть можетъ, даже національнымъ. И не только тѣ, кто имѣли счастье слышать это до экстаза вдохновенное слово, но и тѣ, кто просто читали его въ печати, не могли не испытывать глубокаго чувства облегченія.

Русская интеллигенція въ своей безграничной любви къ родинѣ полна какой-то монашеской, аскетической стыдливости, боится даже произнести слова любовь, патриотизмъ, національность. Родичевъ переступилъ черезъ эту ложную робость, онъ властно поднялъ передъ народными представителями запачканное знамя національной гордости и показалъ, на какихъ незыблемыхъ твердыняхъ права, закона и справедливости должно быть водружено это знамя.

Больше того. Онъ воскресилъ лучшія традиціи славянофильства, заговорилъ о томъ, что Россія можетъ и должна стать очагомъ славянской мысли, славянскаго самосознанія.

И бодрящее, свѣжее вѣяніе глубокой и жизненной національной идеи пронеслось надъ затихшей, пораженной, покоренной думскою залой.

А. Вергемскій.

Литературныя замѣтки.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ *Русской Мысли* (1907 г., IV) намъ приходилось уже говорить о *Жизни человека* Л. Андреева, теперь опять привлекая къ себѣ вниманіе на сценѣ Художественнаго театра. Последний, сообразуясь съ духомъ пьесы, отрѣшился отъ своего обычнаго реализма и воплотилъ произведеніе г. Андреева въ чертахъ легкихъ и намекающихъ, далъ тѣни людей, схему существованія, призракъ вещей. Возникло жуткое впечатлѣніе кошмара, такъ что, напримѣръ, «Балъ у чловека» походилъ на паннихиду и сквозь личину веселья показывала жизнь свое трагическое лицо, и пляской смерти были наши прозаическіе танцы. Эта, столь часто поминаемая нынѣ, стилизація была вполне умѣстна, и если бы не артистъ, очень дурно исполнявшій Нѣмого въ сѣромъ, спектакль создавъ бы стройное впечатлѣніе мистики и фатума. И недаромъ въ наши дни театръ повернулъ въ сторону отъ прежняго натурализма, отказался отъ внутренне-безплодной попытки воспроизводить обыденную жизнь: сама жизнь въ такомъ удвоеніи и повтореніи не нуждается, да и современные зрители не смотрятъ на рампу какъ въ зеркало, — имъ нужно увидѣть со сцены не будничное лицо дѣйствительности, а ея ликъ, ея символъ, ея *другое*. Какъ бы мы ни идеализировали значеніе театра, нельзя отрицать, что онъ — великая игрушка, а психологическій смыслъ и цѣнность игрушки заключаются именно въ томъ, что она незакончена, что она неготова, что она предлагаетъ не самую вещь, а ея идею; педагоги давно уже знаютъ, какъ равнодушны дѣти къ такимъ игрушкамъ, которыя слишкомъ похожи на свой реальный прототипъ. И тѣ взрослые дѣти, которыя послѣ житейскаго дня отдають свой вечеръ обаянію вымысла, не найдутъ себѣ удовольствія и отрады въ точной копіи съ опостылѣвшаго подлинника. Для того чтобы они могли простить театру его пошлую технику, всѣ эти гримы, кулисы, мишуру и бутафорію, и для того чтобы они могли престать ему еще большій грѣхъ — его кощунство, его игру въ людей, игру въ жизнь, смерть, для этого театръ долженъ принять возвышенный характеръ мистіцизма. Вѣдь, строго говоря, нужна только пьеса, а не ея осязательное воплощеніе на сценѣ: оно является лишь уступкой нашей слабости, нашей

стремленію къ иллюстрированности, къ ребяческой книгѣ съ картинками. Мы безсильны въ абстракціи, и оттого мысль поэта, безотносительная и общая, размѣнивается для насъ на всю эту ложь и дѣланность представленія, на все это зрѣлище, или, по-старинному, «поворище»...

Но именно тѣмъ, что Художественный театръ въ значительной степени сдѣлалъ изъ «Жизни человѣка» мистерію и намѣтилъ ее какъ бы художественнымъ пунктиромъ, онъ еще болѣе отгѣнилъ, прикрытую необычной формой, внутреннюю банальность этой пьесы, которая не стоитъ своей постановки. Какое эстетическое празднество было бы, если бы такъ играли твореніе истинно-значительное!

Обобщенія драмы, ея философія были бы чѣмъ-то обѣщающимъ въ устахъ развитого юноши; но писатель, взрослый умомъ и талантомъ, долженъ былъ бы дать нѣчто болѣе тонкое и глубокое. Жизнь г. Андреевъ описалъ внѣшнюю: бѣдность, богатство, смерть близкихъ, смерть самого героя,—всяческія катастрофы. Это обычная черта нашего автора: для того чтобы услышать жизнь, она должна звонить ему во всѣ колокола; для того чтобы увидѣть жизнь, она должна показать ему свои кричащія краски,—для звуковъ тихихъ, для отгѣнговъ нѣжныхъ, Леонидъ Андреевъ, особенно въ своей послѣдней формациі, глухъ и слѣпъ. Порогъ раздраженія лежитъ для него очень высоко. Онъ воспринимаетъ поздно, онъ воспринимаетъ только шажкомъ. Онъ—писатель-максималистъ. Неумимый въ собираніи элементарныхъ ужасовъ, ихъ завзятый коллекціонеръ, всегда имѣющій наготовѣ ящикъ Пандоры, онъ нитается потрясающимъ, живетъ одними событіями и накопляетъ ихъ груды,—чѣмъ больше, тѣмъ для него лучше; онъ силенъ въ беллетристической арифметикѣ. Отдѣлываетъ онъ детально, на мелочи смотреть въ лупу; но предметъ его отдѣлки, то, надъ чѣмъ онъ пристально работаетъ,—всегда крупно. Въ жизненной кунстамерѣ онъ замѣчаетъ только слона,—и этотъ оптический грѣхъ не меньше, а больше той противоположной ошибки, въ которую впасть крыловскій герой.

Оттого и Человѣкъ въ его драмѣ находится подъ властью внѣшняго и рѣзкаго: онъ неожиданно, сразу, переносится отъ нищеты къ роскоши, переѣзжаетъ къ ней на автомобилѣ (о которыхъ такъ часто говорить въ пьесѣ); потомъ онъ снова теряетъ богатство, и у него убиваютъ сына камнемъ, изъ-за угла. Мы видимъ все, что идетъ *на него*; мы не видимъ, что идетъ *отъ него*. Въ пьесѣ нѣтъ психологіи,—единого на потребу. Въ пьесѣ все грубо, не только очертанія. Правда, г. Андреевъ и хотѣлъ показать, что мы—игрушка въ рукахъ судьбы, что мы—только манекены, которыми движетъ Нѣкто въ сѣромъ; правда, въ этомъ и состояло его художническое намѣреніе,—но это нисколько не оправдываетъ его. Вѣдь самъ человѣкъ не сознаетъ, не слышитъ, что за его спиной стоитъ Сѣрый, вѣдь безмолвное дѣйствіе послѣдняго на насъ претворяется въ нашу душу,—я-то во всякомъ случаѣ никто изъ насъ не вынетъ, и если мы—куклы, аріонетки, то куклы одушевленные, съ иллюзіями, съ богатымъ внутреннимъ міромъ, и давно уже устами мудрыми сказано про человѣка,

что онъ—тростникъ мыслящій. Въ пьесѣ г. Андреева есть тростникъ, но нѣтъ мысли. Оттого единственный тонкій и внутренній моментъ, который могъ бы углубить плоскую драму Леонида Андреева, только намѣченъ мимоходомъ, брошенъ случайно, а не развитъ: это—потеря Человѣкомъ своего таланта. Здѣсь—настоящая трагедія; но какъ разъ мимо нея нашъ авторъ быстро прошелъ, потому что легче и способнѣе для него дать въ руки Нѣкоему въ сѣромъ камешъ и пробить имъ голову сына человѣческаго, нежели показать, какъ изсякаетъ живая душа, какъ перестаетъ въ ней бить вдохновенный ключъ дарованія и какую роль въ этомъ изсякновеніи играетъ Нѣкто.

Лишивъ жизнь человѣка и свою пьесу психологін, г. Андреевъ не показавъ изъ-за этого, въ чемъ настоящій трагизмъ бытія. Вѣдь въ томъ, что Человѣкъ утратилъ свое богатство съ автомобилемъ и потерпѣлъ семейное горе, нѣтъ необходимости и типичности. Что же, если бы всего этого не случилось, если бы сынъ героя былъ не убитъ, а, напримѣръ, женился на богатой дѣвицѣ (что бываетъ не менѣе часто...), то, значить, Человѣкъ помнилъ бы Нѣкоему, не прожлялъ бы своей жизни и она была бы въ его глазахъ счастлива и прекрасна, и вся трагедія пошла бы прахомъ? По г. Андрееву какъ будто выходитъ, что такъ; для него драматичны одни исключенія жизни, а не ея правило. Онъ не думаетъ, что трагедію надо искать не въ этой смѣнѣ событій, не среди кровавыхъ праздниковъ существованія, а въ его будняхъ. Не только царство Божье, но и трагедія не внѣ насъ, а внутри насъ. И больше типичнаго матеріала для жизни человѣка, всякаго человѣка, нашелъ бы писатель, если бы онъ погрузился въ глубину психическихъ состояній, если бы онъ подсмотрѣлъ, какъ внутренне мѣняется человѣкъ, вращаясь вокругъ своей собственной оси, какъ уходитъ его прозрачное и призрачное дѣтство, какъ незаметно перестраивается его душа и онъ не узнаетъ себя и другихъ и въ то же время чуетъ въ себѣ и въ другихъ нѣчто знакомое, старое, и вотъ сливаются краски, и малчуга какая-то фантазмагорія, и перестаетъ различать реальность отъ призрака, себя отъ среды, и въ глубокомъ недоумѣніи и удивленіи передъ собою и передъ всѣмъ погружаешься въ послѣднюю загадку—въ послѣднее забытье, какъ это хорошо изобразилъ и самъ г. Андреевъ въ пятой картинѣ своего «представленія», когда въ дикій кошмаръ сплетается вся прожитая жизнь, безобразными старухами сидываются нѣжныя дѣвушки, когда-то въ бѣлыхъ платьяхъ танцовавшія на балу, и слышатся звуки отзвучавшихъ мелодій, и воскресаютъ въ безумномъ ураганѣ всѣ радости и боли, всѣ дары и удары...

Вообще, какъ намъ уже приходилось говорить, пьеса г. Андреева не представляетъ собою проникновенія въ тайники духа. И въ глазахъ читателя эта художественная и философская слабость не возмѣщается тѣмъ, что авторъ вставлялъ жизнь человѣка въ рамку пошлости и взялъ на себя дешевую задачу сатиры. Въ увлеченіи послѣдней и ради нея онъ написалъ Балъ у Человѣка; здѣсь герой совершенно забытъ, имъ писатель не

интересуется, а вмѣсто него онъ такъ много вниманія отдаетъ неинтереснымъ гостямъ, которые все время, все долгое время говорятъ о богатствѣ Человѣка; такъ много занять ими авторъ, что въ концѣ-концовъ кажется, будто и самъ онъ присутствуетъ на балу у своего Человѣка, среди гостей.

Невыдержанная, нецѣльная пьеса г. Андреева, перемежающая безъ синтеза моменты реальный и символическій, хотеть двигаться подъ знакомъ Нѣкоего въ сѣромъ,—но этотъ мистическій ореолъ скоро блекнетъ, потому что Нѣкто вышелъ у автора очень риторичнымъ (впрочемъ, риторика щедро разсыпана по всей драмѣ и, напримѣръ, мечты Человѣка во второй картинѣ поражаютъ своей книжностью, и цвѣты тамъ все бумажные, и олеографію представляютъ собою всѣ эти бѣлые мраморныя виллы въ роцѣ лимонновъ и кипарисовъ и норвежскіе замки, и золотой кубокъ, изъ котораго пили викинги). Нѣкто говоритъ красиво, ритмично, но его философія такъ элементарна и скудна, что иной разъ подозреваешь, не кроется ли подъ его загадочной сѣрой пеленою умный гимназистъ. Онъ, таинственный, великій, божественный, довольно словоохотливъ; при этомъ онъ только и говоритъ, что о счастьи или несчастьи,—между тѣмъ, если бы онъ, дѣйствительно, былъ тотъ Нѣкто, котораго имѣлъ въ виду Леонидъ Андреевъ, то онъ долженъ былъ бы стоять неизмѣримо и несоизмѣримо выше этихъ ничтожныхъ человѣческихъ понятій счастья или несчастья,—онъ долженъ былъ бы ихъ совсѣмъ не понимать. У г. Андреева Нѣкто думаетъ какъ Человѣкъ, ничѣмъ отъ послѣдняго не отличается. Съ такимъ Нѣкто можно и потягаться, можно и договориться. Андреевскій Нѣкто не только сѣрый, но и узкій. Авторъ изъ своего Человѣка незаконно, нетипично сдѣлалъ позитивиста, но позитивистомъ оказался у него и Нѣкто,—и оба движутся они въ одной плоскости, именно въ плоскости.

Бѣдная мыслью, пьеса г. Андреева недостойна той постановки, какую ей дали въ Художественномъ театрѣ, но эта постановка и то талантливое и трогательное, что безспорно есть всетаки въ самой драмѣ, соединились въ одно сильное впечатлѣніе.

Въ третьемъ альманахѣ «Шиповника» тотъ же авторъ напечаталъ рассказъ «Тьма», который лишній разъ подтверждаетъ, что г. Андреевъ не хотеть быть вѣрнымъ и послушнымъ жизни, а все выдумываетъ и сочиняетъ. Можно иногда признавать его выдумки красивыми, но онъ никогда не убѣдительно, и никогда этотъ писатель не бываетъ обязательнымъ и неоспоримымъ. Въ данномъ случаѣ, въ данномъ рассказѣ хитро придуманная психологія только завела Леонида Андреева въ грязный вздоръ. Если исключить отдѣльные приемы въ самомъ концѣ очерка, то все остальное окажется притязательной есмыслицей, которая обволакиваетъ собою основную мысль о томъ, что никому нельзя быть хорошимъ, покуда есть плохіе, что въ этомъ грязномъ ирѣ, среди порочныхъ и несчастныхъ людей, насъ оскверняетъ наша собственная чистота и мы должны сложить ее къ ногамъ тѣхъ, кто не соблюлъ

себя въ нашей проклятой тьмѣ. Эта идея, очевидно, поразила сознание г. Андреева, и вотъ изъ нея онъ выткалъ свой отвратительный узоръ. Писателемъ руководила дедукція, а не живнѣ. Последнюю онъ хотѣлъ приладить къ первой, но отъ этого получилась смерть. Фигуры мертвыя, слова и поступки не мотивированныя, натурализмъ гадкій,—но только все это мертвенное и отталкивающее прикрито яркостью словъ и выразительностью жестовъ, такъ что иногда, на мигъ, и можетъ возникнуть иллюзія, будто здѣсь есть нѣчто живое. Но его на самомъ дѣлѣ нѣтъ. И не могутъ его замѣнить всѣ эти налюбленные Андреевымъ вычурности, напримѣръ, эти олицетворенія сна, то «обиженнаго», то «восхищеннаго», то «взвизгивающаго»: «такой мягкій тамъ, на улицѣ, теперь онъ не гладилъ ласково по лицу волосатой шерстистой ладонью, а крутилъ ноги, руки, растягивалъ тѣло, точно хотѣлъ разорвать его».

Нельзя разсматривать міръ какъ сюжетъ и насильственно привлекать его живое содержаніе какъ иллюстрацію къ авторскому домыслу,—а это часто дѣлаетъ г. Андреевъ. Нельзя безнаказанно сплетать, хотя бы искусною рукою, кольца собственныхъ измышлений и придумывать души, а это часто дѣлаетъ г. Андреевъ. Одинокій, отвернувшійся отъ жизни, онъ любить становиться внѣ ея; но за это можетъ случиться, что онъ уйдетъ и жизнь не замѣтитъ его.

Въ томъ же альманахѣ «Шиповника» помѣщены другіе рассказы, гораздо болѣе талантливыя, чѣмъ «Тьма» Леонида Андреева. Въ тонкихъ и четкихъ линіяхъ, скорѣе черточкахъ и точкахъ, выдержаны прекрасныя страницы Ив. Бунина «Астма». Одухотворена здѣсь болѣзнь, которая «обвивается вокругъ шеи»; и предчувствіе смерти, и самая смерть претворены въ психологію, подавляющую своей трагической вѣроятностью. Астма души, и читатель, который дышитъ, невольно переживаетъ состояніе больного землемѣра, которому въ дыханіи отказано. «Боже мой, какое невыразимое счастье—дышать! Думать, смотрѣть, двигаться—это дивно, сладко, но дышать... люди даже и представить себѣ не могутъ, чего они лишатся, утративъ блаженство пить этотъ божественный напитокъ жизни!» Сильное впечатлѣніе отъ рассказа г. Бунина было бы еще неотразимѣе, если бы въ началѣ, тамъ, гдѣ въ жуткомъ сіяніи отчетливой лунной ночи смерть мерещится землемѣру то въ видѣ бѣлой лошади, то въ видѣ нищенки, былъ болѣе сжато и сосредоточенно осуществленъ синтезъ настроенія,—теперь же читатель слагаетъ его самъ, и какъ-то нелегко дается ему эта работа воссоединенія многихъ, порою излишнихъ и утонченныхъ деталей. Кроме того, чувствуется вліяніе Чехова—и въ томъ фонѣ пошлости, на которомъ выступаетъ никогда не пошлѣющая Смерть, и въ отдѣльныхъ штрихахъ жанра и психологическаго анализа, и даже въ мало-убѣдительнои фигурѣ лавочника Ивана Павлова, который роднымъ каждому покойника такъ выражаетъ свое соболѣзнованіе—вѣжливо, внятно, радостно: «мигъ честь по здравить съ новопредставленнымъ»... Но въ особенности нарушаетъ цѣл-

ность очерка то, что основной его моментъ, ужасъ удушѣнія, физическіе тиски астмы, которая дѣлаетъ свое дѣло, чтобы потомъ уступить честь и мѣсто давно поджидающей смерти,—этотъ психо-физиологическій моментъ авторъ безъ достаточной органичности, почти внѣшне, соединилъ съ мотивами иного, философскаго порядка и заставилъ своего героя (но не своихъ читателей) много думать о человѣческомъ безсміи, завидовать звѣрю, испытывать жуткій восторгъ передъ жизнью звѣриной, передъ живой и страшной силой міра, въ которомъ затеривается хилый человѣкъ,—заставилъ его читать книгу Іова и мыслить его скорбными мыслями и потомъ восторженно покориться Богу: все это важно и высоко, но имѣетъ самостоятельное значеніе и нестройно входитъ въ общую ткань разсказа.

Какъ всегда, хрустальны и цѣломудренны дорогія строки Бориса Зайцева. Нѣжной мелодіей звенитъ его «Сестра»—вѣетъ «ласковый вѣтерокъ любви и дружбы», груститъ обиженное сердце отъ того, что уходитъ жизнь, но сильнѣе грусти и смерти любовь, и когда молодая мать склоняется надъ своею дѣвочкой, такое чувство наполняетъ, переполняетъ ея кроткую и простившую душу, что этого нельзя сказать словами,—нужно молчаніе и молитва. Оттого, когда эта женщина, эта Маша, сразу всѣмъ намъ ставшая сестрою, свѣшивается изъ окна свою бѣлую руку, братъ цѣлуетъ ее въ ладонь,—«благовѣрно, будто приглядывается къ золотой ризѣ». Она, Маша, «очень устала въ жизни», и самая жизнь куда-то ушла, все передвинулось и все неуклонно движется къ смерти, которая, вѣрно, въ такую непробудную ночь, «тихо разгуливаетъ по всѣмъ нашимъ службамъ и старымъ «личардамъ», и около тети Агніи она гуляетъ и все тянется дать ей свою чашу: темную чашу гибели».

Вообще, трудно передавать содержаніе зайцевскихъ разсказовъ,—да его и нѣтъ, этого обыденнаго «содержанія», а есть человѣческая музыка, и хочется только читать и выписывать всѣ эти ласкающія слова. «Вотъ ты иди и скажи: такъ, родились мы съ тобой, жили сестрой и братомъ, и любили другъ друга, и люди мы ничего себѣ; а однако, главнымъ образомъ, страдаемъ... и умремъ, надъ нами все будетъ такая же ночь, да могила еще сверху. Какъ ты думаешь, къ чему все это? Такъ себѣ, зря или не зря?»... Беспомощныя, робкія дѣти міра, они прижимаются другъ къ другу, и братъ хотѣлъ бы отвѣтить сестрѣ,—но какой братъ знаетъ навѣрное отвѣтъ на эти вопросы, кто можетъ обѣщать и сказать что-нибудь утѣшающее или хоть безутѣшное? И они свѣдятъ въ недоумѣніи и тоскѣ, потому что они чувствуютъ себя правыми передъ жизнью и смертью, потому что они любили: «это ничего, что намъ плохо, право это ничего». [у, пусть, пусть мы умремъ всѣ, но мы такъ любили, такъ любили]. И души, въ усталой, но любовной душѣ зарождается какой-то дивный аломъ: «Да будетъ. Намъ дано жить въ тоскѣ и скорби, но дано и быть зрдыми—съ честью и мужествомъ пронести свой духъ сквозь эту юдоль, угасимымъ пламенемъ—и съ спокойной печалью умереть; отойти въ чужую обитель ясности. Это непреложно, и это дастъ сердцу миръ и

твердость. И тишина теперь, не есть ли она отображеніе той вѣчной тишины, что ждетъ насъ? Боже, Боже, пусть будетъ всегда такъ въ нашешъ усталомъ сердцѣ».

О «Творимой легендѣ» Федора Сологуба удобнѣе будетъ сказать, когда будетъ законченъ весь романъ, частью котораго она является. Но и теперь уже видно, что это—произведеніе, совершенно необычное, во многихъ отношеніяхъ необязательное и даже больное: но ему нельзя отказать въ одномъ и главномъ—въ высокой талантливости, въ красотѣ ритмической прозы, какъ-то странно соединяющей вычурность и простоту. «Легенда» не стремится къ убѣдительности и правдоподобию, тѣшитъ себя игрой фантастики и реальнаго, и міръ предстаетъ въ ней въ волшебствѣ различнаго освѣщенія, потому что разными взорами смотритъ на него солнце—этотъ сологубовскій Змій, или Драконъ, то пламенный, то тихій. Въ романѣ ясно намѣчено то, что занимаетъ теперь мысль Федора Сологуба: «роковая противорѣчивость» жизни, «неизбѣжность грѣхопаденія во всякомъ мыслимомъ мірозданіи», «мистическая иронія». Тамъ, какъ это еще глубже проявлено въ замѣчательной драмѣ автора «Побѣда смерти», жизнь выступаетъ (употребляя образъ самого писателя) и въ облигѣ Дульцинеи, и въ облигѣ грубой Альдонсы, которую идеализировалъ и въ Дульцинею претворялъ высоко-лирический духъ Донъ-Кихота. Такими словами начинаетъ Сологубъ свое произведеніе: «Беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной, и творю изъ него сладостную легенду, ибо я—поэтъ. Боснѣй во тьмѣ, тусклая, бытовая, или бушуй яростнымъ пожаромъ,—надъ тобою» жизнь, я, поэтъ, воздвигну творимую мною легенду объ очаровательномъ и прекрасномъ». Воздвигъ ли зодчій свою сладостную легенду изъ матеріала жизни, осуществилъ ли онъ этотъ вѣчный замыселъ,—объ этомъ, повторяю, умѣстнѣе будетъ судить, когда въ законченныхъ линіяхъ поднимется все его странное построеніе.

Въ исполнившемся 26 декабря 1907 г. тридцатилѣтію со дня кончины Некрасова приуроченъ выходъ книги В. Максимова о его литературныхъ дебютахъ (Спб., 1908 г., изданіе *Нашей Жизни*). Она имѣетъ цѣлью вспомнить дѣйствительный пробѣлъ въ критической литературѣ о знаменитомъ поэтѣ—анализъ его раннихъ произведеній, преимущественно стиховъ и драматическихъ опытовъ. Г. Максимовъ исходитъ изъ той мысли, что «пора вступить на путь изученія творчества Некрасова въ извѣстной исторической перспективѣ, такъ какъ только при этомъ условіи возможно вполне объективное къ нему отношеніе». Далекое нельзя сказать, чтобы г. Максимовъ въ своемъ разборѣ проявилъ глубину и самостоятельность критической мысли; но въ тѣсныхъ историко-литературныхъ предѣлахъ онъ выполнилъ свою задачу вполне успѣшно. Въ особенности интересны страницы, посвященные библиографически-рѣдкому, забытому сборнику Некрасова «Мечтанія и звуки». Авторъ изслѣдованія дѣлаетъ любопытныя сопоставленія, которыя показываютъ, какъ вліяли на пѣвца «Убогой и нарядной» Жуковский, Бе-

недвѣтовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ. Въ конечномъ выводѣ г. Максимовъ утверждаетъ, что уже первые опыты некрасовской лиры обѣщали будущаго поэта-гражданина и что, такимъ образомъ, отпадаютъ всѣ упреки, посылаемые Некрасову въ неискренности, «наибренномъ либеральничаньи» и угожденіи духу времени.

Оттого, хотя и заслоненный другими, болѣе сильными художниками, Некрасовъ встаетъ пережилъ его, это свое время, и остался для новыхъ поколѣній. Они цѣнятъ его; даже такой представитель ихъ, такой утонченный модернистъ, какъ Бальмонтъ, эстетически призналъ Некрасова—за то, что душа его прошла «сквозь строй» и изъ городского безобразія умѣла творить образы. И всѣмъ ясно, что поэтось Петербурга, съ его пошлостью и пороками, Некрасовъ сдѣлался въ силу рокового недоразумѣнія, повинаясь жестокому капризу жизни, невольно и неохотно, что первѣе въ немъ была та истинная, здоровая поэзія, которая рождается отъ прикосновенія къ народу и землѣ—и такой гнетущей тоской по родинѣ, по духовной родинѣ звучитъ у него этотъ призывъ: «ахъ, уйдите, уйдите со мной въ тишину деревенскаго поля!»

...Земля моя родная
Вся подъ дождемъ рыдала безъ конца,—

горестно восклицала творецъ «Мороза», и она все рыдаетъ кровавыми слезами, и уже потому одному Некрасовъ, поэтъ болѣющей родины, поэтъ рыдающей Россіи, еще сохраняетъ для насъ всю свою трагическую современность...

Ю. Михенвальдъ.

Журнальное обозрѣніе.

«Если бы меня спросили, какое чувство опредѣляетъ теперешнюю Россію, я не колеблясь бы отвѣтилъ: ненависть». Эта фраза, принадлежащая талантливому перу г. Елпатьевского (*Русское Богатство*: «Люди союза 17 октября»), быть можетъ, наиболѣе полно освѣщаетъ господствующее настроеніе, огненной точкой приговываетъ къ себѣ и воплощаетъ весь тотъ ужасъ, которымъ пропитана наша повседневная жизнь. «Мужикъ не бунтуетъ, не смотритъ звѣреть... Фабричный не бастуетъ, не строить баррикадъ, но кому-то грозитъ кулакомъ... Помѣщикъ бросаетъ усадьбу и снимаетъ номера въ губернскихъ меблированныхъ комнатахъ... Бунецъ, мѣщанинъ, священникъ... Кажется, всѣ ненавидятъ другъ друга, — министерство, союзъ русскаго народа, политическія партіи, сословныя группы...» И тысячи ручьевъ питаютъ это разлившееся море ненависти, тысячи причинъ порождаютъ ее. Освободительное движеніе всколыхнуло всю русскую жизнь, и густое, тягучее тѣсто, на которое она была похожа, подъ вліяніемъ времени, столкнувшихся интересовъ, обрушившихся несчастій, стало принимать болѣе опредѣленныя формы. Совершается процессъ кристаллизаціи, различныя группы и слои населенія самоопредѣляются—и это самоопредѣленіе, идущее ускореннымъ темпомъ, само по себѣ является немаловажной причиной той розни и раздраженія, которыя царствуютъ всюду. Самый трусливый, самый напуганный обыватель не можетъ никуда уйти отъ политики; она вторгается въ его частную жизнь, проникаетъ въ ту скорлупу, въ которую онъ хотѣлъ бы спрятаться, настоятельно требуетъ отвѣта и притомъ отвѣта рѣшительнаго.

Нельзя уже быть просто пассивнымъ, какъ это полагалось въ доброе, старое время, — необходимо такъ или иначе засвидѣтельствовать свое активное самоопредѣленіе. Люди перестаютъ раздѣляться на честныхъ и безчестныхъ, трудящихся и лѣнтаевъ, политическая вражда стерла всѣ привычныя перегородки и ввела упрощенное дѣленіе. На фонѣ тяжелыхъ социальныхъ условій, хроническихъ голодовокъ въ деревнѣ и все возрастающей, непомерной и непереносимой дороговизны жизни въ городѣ каждый день передъ вами проходятъ простыя, но поучительныя исторіи. Вчера

вы бесѣдовали въ кабинетѣ съ маляромъ, который жаловался на то, что пришлось записаться въ союзъ русскаго народа подъ условіемъ, въ противномъ случаѣ, отказа отъ работы въ томъ учрежденіи, гдѣ онъ постоянно работаетъ. Сегодня въ редакціи вы слышали горькія сѣтованія чиновника архива министерства, уволеннаго по третьему пункту и безъ всякихъ объясненій вслѣдствіе какаго-то нечѣпнаго и бессмысленнаго доноса. Завтра въ обществѣ вы встрѣтитесь съ прокуроромъ, уволеннымъ также безъ прошенія и также по чьему-то доносу за то, что онъ будто бы подалъ въ тюрьмѣ руку политической заключенной. Стоитъ ли послѣ этого говорить о десяткахъ тысячъ такъ называемыхъ «неблагонадежныхъ», о той безработицѣ, о томъ голодѣ, который толкаетъ людей, выбитыхъ изъ колен, на ужасныя рѣшенія и безумные поступки.

Процессъ самоопредѣленія происходитъ въ глубоко ненормальной обстановкѣ, и поэтому-то взаимное раздраженіе и рознь достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ жгучей ненависти. «На официальномъ языкѣ это называется успокоеніемъ Россіи,—пишетъ г. Елпатьевскій.—И въ этомъ есть доля правды, такъ какъ именно то успокоеніе Россіи, которое идетъ вотъ уже два года, неизбежно связано съ пробужденіемъ и широкимъ распространеніемъ чувства ненависти въ населеніи. Цифра 100 тысячъ крамольниковъ, конечно, небольшая цифра для 140 милліонной Россіи, но если принять во вниманіе, что у каждаго крамольника есть отецъ, мать, сестры, братья, дѣти, есть, наконецъ, люди, связанные съ нимъ дѣловыми и всякими иными отношеніями, то количество «привлекаемыхъ» и «недовольныхъ» людей возрастетъ въ значительной мѣрѣ и будетъ звучать гораздо болѣе внушительно. Нужно помнить, что не только путешествіе въ Сибирь, но и передвиженіе изъ губерніи въ губернію людей подъ статьей и безъ статьи—не увеселительная прогулка съ тросточкой, что люди разоряются, гибнуть ихъ дѣла, что голодаютъ не только тѣ, которые выслааны или бродятъ, считаются по Россіи, но и семьи ихъ, что ужасъ идетъ теперь по Россіи, и чувство ненависти разливается пропорціонально жестокости, примѣняемой во имя успокоенія общества.

Самыя формы этого успокоенія... Было отмѣчено, что отъ еврейскихъ погромовъ страдали, разорялись не одни евреи, а и русскіе, даже истинно русскіе, такъ или иначе связанные съ евреями коммерческими отношеніями. Отъ военныхъ положеній, чрезвычайныхъ охранъ и вообще исключительныхъ законовъ страдаютъ не только крамольники и анархисты, но и населеніе и опять-таки, случается, и истинно русскіе люди, у которыхъ разстрѣливаются дома, разгоняются жильцы, прекращаются торговые дѣла. А потому система круговой отвѣтственности, которая проводится правительствомъ въ его борьбѣ съ крамолой, по которой карается не только виновный, а и все окрестъ его стоящее; когда карается не только произведеній выстрѣлъ, а разстрѣливается весь домъ, сносятся съ лица земли цѣлыя деревни и кварталы, когда, какъ въ Елизаветполѣ, секвеструются цѣлыя кварталы—больше 70 домовъ,—эта система,—дѣлающая виновникомъ

за отдѣльный фактъ и цѣлый коллективъ,— семью, деревню, кварталъ, цѣлую национальность, евреевъ или армянъ, или грузинъ,—эта система словно нарочно придумана для того, чтобы беспокоить широкіе слои населенія, чтобы втянуть въ водоворотъ всю Россію, чтобы, выражаясь правительственнымъ языкомъ, вырастали все новыя и новыя головы на гидрѣ ненависти и анархій.

Не одно это «успокоеніе» родить ненависть, его родить, и быть можетъ еще въ большей степени, то отсутствіе всякаго закона, которое вотъ уже два года установилось въ Россіи, которое разнесло по вѣтру старыя привычныя нормы людскихъ взаимоотношеній и не дало новыхъ, которое обнажило интересы всѣхъ и не защитило ничьихъ интересовъ, предоставило ихъ голой, неприкрытой, ничѣмъ не урегулированной взаимной враждѣ».

Страшно подумать, до какихъ размѣровъ доходить эта взаимная ненависть. Въ ноябрьской книгѣ *Образованія* помѣщенъ мало художественный, можетъ быть надуманный, но все же характерный рассказъ Арцыбашева «Докторъ». Къ раненому во время погрома полицеймейстеру пригласили единственнаго въ городѣ русскаго доктора. И у постели умирающаго, въ ожиданіи необходимыхъ инструментовъ, въ окружающей темнотѣ передъ докторомъ появляются спутанныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненно яркія видѣнія прошедшаго дня: окровавленные тѣла мужчинъ, знакомыя дѣвушки, изнасилованныя и замученныя до смерти, беременныя женщины, животы которыхъ вспарывали погромщики и набивали ихъ пухомъ изъ подушекъ... Мучительная и запутанная борьба происходитъ въ душѣ доктора; чувство долга, сознаніе профессиональной отвѣтственности борются въ немъ съ омерзѣніемъ, доходящимъ до гадливости ко всѣмъ тѣмъ, кто является виновниками видѣнныхъ имъ ужасовъ. Шатаясь, выходитъ онъ въ залу и въ хаотическомъ томленіи, близкомъ къ отчаянію, говоритъ женѣ полицеймейстера, красявой и страдающей молодой женщинѣ, свое ужасное: не могу!

«Тихо кругомъ,—пишетъ г. Елпатьевскій,—такъ тихо, что слышно хрипѣніе обнявшихся въ предсмертной схваткѣ враговъ. Поблескиваютъ зарева далекихъ пожаровъ, доносятся выстрѣлы браунинговъ, взрывы бомбъ, стоны изъ тюремъ и ссылокъ. Но тихо кругомъ, ненависть не кричитъ. Кричитъ гнѣвъ, вопитъ ярость,—ненависть молчитъ. Она какъ змѣя безшумно ползетъ по землѣ, она какъ пожаръ стелится по сухой землѣ. Вспыхнетъ какъ свѣчка, елочка, далеко освѣтитъ землю огромное пламя хлѣбной скирды, и опять огонь безшумно охватываетъ землю, травка за травкой, кустикъ за кустикомъ. Она ползетъ подъ землей, какъ тотъ торфяной пожаръ, который охватываетъ огромныя пространства, но котораго не видно, не слышно. Земля холодна подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ внутри огонь. Тамъ можно ходить по грибы, собирать бруснику, устраивать веселыя пикники,—только изрѣдка душная гарь и змѣйки дыма вырываются изъ разрѣзовъ земли... Тихо и холодно кругомъ».

Въ декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* извѣстный П. А. Тверской опубликовалъ свою дѣловую переписку съ покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Поводомъ къ этой перепискѣ послужило переселеніе духоборовъ съ Кавказа въ Канаду, начавшееся въ 1898 г. и обратившее на себя всеобщее вниманіе; движеніе это объяснялось въ печати правительственными религіозными преслѣдованіями и приписывалось главнымъ образомъ Побѣдоносцеву. Духоборы обратились къ автору статьи за помощью, и онъ изслѣдовалъ всевозможными путями, до личной поѣздки на мѣста ихъ жительства, ихъ положеніе и надежды на будущее. «Всего больше поразила меня ихъ разрозненность, абсолютное отсутствіе какой-либо общей цѣли, плановъ и предположеній,—пишетъ онъ,—это была ладья «безъ руля и безъ вѣтриль», плывшая совершенно на авось. Немногіе сопровождавшіе ихъ интеллигенты, пытавшіеся облечь стремленіе духоборовъ въ извѣстныя теоретическія формы, не пользовались между ними никакимъ авторитетомъ и поражали меня своей дѣтской непрактичностью и отсутствіемъ какой-либо дѣловой работоспособности; они были непригодны до очевидности къ какому-либо руководству—да и всѣ они очень скоро покинули Канаду и духоборовъ на произволъ судьбы.

Естественные же вожаки изъ ихъ собственной среды были всѣ сосланы въ Сибирь еще до переселенія, такъ что въ Канадѣ очутилась только сѣрая масса безъ какого бы то ни было руководства, масса быстро деморализировавшаяся и распадавшаяся на части. Всѣ они съ какимъ-то суетѣрнымъ почтеніемъ относились къ «Петрушѣ» Веригину, находившемуся гдѣ-то въ Якутскѣ или Березовѣ; кромѣ него упоминали и о другихъ сосланныхъ, семья которыхъ были въ Канадѣ».

П. А. Тверской рѣшилъ придти имъ на помощь и написалъ большое письмо въ 1900 г. къ Побѣдоносцеву, въ которомъ подробно излагалъ ужасное положеніе переселенцевъ и просилъ оказать содѣйствіе въ разрѣшеніи возвращенія къ нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Съ первымъ же оборотомъ почты Тверской получилъ отказъ.

Было ясно, что Америка «изолировала православное населеніе отъ вреднаго вліянія вѣручителей» лучше, чѣмъ это могъ сдѣлать Сахалинъ или даже самыя отдаленныя мѣста Сибири. Отказъ диктовался такимъ образомъ мстью за прошлое, мстью мелкой и ненужной, хотя и обрекавшей переселенцевъ на дальнѣйшія бѣдствія. Тѣмъ не менѣе г. Тверской не ограничился этимъ, и между нимъ и Побѣдоносцевымъ завязалась переписка, которая и напечатана теперь съ оговоркой Тверского о томъ, что онъ не знаетъ, насколько корреспондентъ былъ съ нимъ искрененъ. О послѣднемъ обстоятельстве лучше всего можетъ судить читатель, если онъ приметъ во вниманіе несомнѣнное значеніе г. Тверского въ американской печати, то, что американская печать усиленно интересовалась Побѣдоносцевымъ,—и, наконецъ, то, что все это хорошо было извѣстно послѣднему.

Всѣ письма Побѣдоносцева полны жалобами на то, что ему приписы-

ваютъ то вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ Россіи, котораго онъ не имѣеть. «Я ничего не могу и даже меня вовсе нѣтъ,—пишетъ онъ;—всѣ дѣла идутъ помимо меня, хотя и въ высшей степени отвѣчая моимъ желаніямъ, но ужъ это Божья милость ко мнѣ! Самъ же я, за старостью лѣтъ, лежу и едва дышу, переживъ свою славу, свою силу; и мнѣ остается только созерцать поворотъ колеса судьбы, впрочемъ, влущей туда именно, куда я всегда желалъ». «Вы обращаетесь ко мнѣ,—пишетъ онъ далѣе,—подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, которое вотъ уже лѣтъ восемнадцать тяготитъ ко мнѣ и изъ всей Европы и Америки и даже изнутри Россіи... Въ несчастію утвердилось всюду фантастическое представленіе о томъ, что я являюсь какинъ-то первымъ по фараонѣ лицомъ въ нашемъ правительствѣ и сдѣлали меня козломъ отпущенія за все, чѣмъ тѣ или другіе недовольны въ Россіи и на что тѣ или другіе негодуютъ. Тамъ взвалили на меня и жидовъ, и печать, и Финляндію, и вотъ еще духоборовъ—дѣла, въ коихъ я не принималъ никакого участія,—и всякія распоряженія власти, въ коихъ я нисколько не повиненъ».

Что касается политики, направленной противъ сектантовъ, то всѣ репрессіи въ этомъ отношеніи Побѣдоносцевъ относитъ на счетъ министерства внутреннихъ дѣлъ. «Если бы дѣлами сектантовъ не завѣдывало министерство внутреннихъ дѣлъ, не знающее характера и сущности сектъ,—дѣло мало-по-малу обдѣлывалось бы церковными средствами». «Духоборческое дѣло—читаемъ мы въ другихъ письмахъ—какъ и многое у насъ,—дѣло невѣдѣнія, невѣжества и равнодушія мѣстныхъ властей... Въ сущности одна страна въ мірѣ, гдѣ люди могутъ жить свободно въ своей вѣрѣ,—это Россія. Вѣрьте, что всѣ случаи дикаго насилія и преслѣдованія только дѣло безурядицы (полицейской и всякой), господствующей у насъ на необозримыхъ пространствахъ». Удивляясь намѣренію кавказскихъ молоканъ переселиться въ Америку, Побѣдоносцевъ восклицаетъ: «Чего они хотятъ? Вездѣ имъ хуже будетъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ и въ законахъ и въ администраціи множество прорѣхъ, помощью коихъ люди пользуются свободой...» Получивъ сѣверо-американскую газету, въ которой изображены были ужасы сундальской монастырской тюрьмы, К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ въ письмѣ къ г. Тверскому: «И у насъ пишутъ такой же вздоръ, ничего не зная, только чтобы пустить сенсаціонную новость. Туда отсылаютъ иногда разныхъ совсѣмъ неистовыхъ священниковъ и монаховъ, конъ хуже сумасшедшихъ, но коихъ мѣста нѣтъ въ домѣ умалишенныхъ».

Опубликованныя письма несомнѣнно разбиваютъ тотъ цѣльный образъ фанатика, какинъ казался многимъ Побѣдоносцевъ. Настоящій фанатикъ не станеть скрывать своихъ дѣйствій и намѣреній, прятаться за чужой спиной и сваливать съ себя отвѣтственность. Побѣдоносцевъ приписываетъ репрессіи по отношенію къ сектантамъ министерству внутреннихъ дѣлъ и невѣжеству мѣстныхъ властей. Между тѣмъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ онъ всемірно и энергично наставлялъ самъ на вишательствѣ

свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ. Достаточно упомянуть о томъ, что это онъ рекомендовалъ въ видѣ общей мѣры «выселеніе сектантскихъ руководителей по приговорамъ сельскихъ обществъ или по представленіямъ губернаторовъ», что въ 1889 г. онъ обращался къ министерству внутреннихъ дѣлъ (тому самому министерству, которое онъ въ перепискѣ съ г. Тверскимъ называетъ «не знающимъ характера и существа сектъ») съ просьбой «оказывать духовенству содѣйствіе въ его дѣятельности къ ослабленію штундизма». Менѣе чѣмъ кто-либо онъ довѣрялъ тѣмъ духовнымъ мѣрамъ воздѣйствія, на которыя лицемѣрно ссылается въ своихъ письмахъ, и отлично долженъ былъ понимать, что нельзя же говорить о свободѣ вѣры тамъ, гдѣ, по его же собственному признанію, «люди пользуются свободой вслѣдствіе прорѣхъ въ законодательствѣ и администраціи». Въ новомъ видѣ и освѣщеніи передъ читателемъ воскресаетъ всероссійскій палладіумъ свободы, который знаменитый сатирикъ, какъ извѣстно, усматривалъ во всемогущей взяткѣ. Что касается до мнимаго невмѣшательства Б. П. Побѣдоносцева въ дѣла внутренней политики, то это обстоятельство, противорѣча его собственному утвержденію, что онъ принималъ участіе въ дѣятельности цѣлаго ряда правительственныхъ учрежденій, откуда исходили многія важныя мѣры и законодательные проекты, можетъ быть опровергнуто каждымъ, кто жилъ и дѣйствовалъ въ Россіи въ теченіе долгихъ лѣтъ безпросвѣтной реакціи. О вліяніи на печать Б. П. Побѣдоносцева можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ главноуправляющихъ по дѣламъ печати, М. П. Соловьевъ былъ всецѣло креатурой и ставленникомъ Побѣдоносцева. Объ ужасахъ сурдальской тюрьмы читатель можетъ судить по статьѣ Пругавина, помѣщенной въ *Русской Мысли*.

Еще не настало время окончательной характеристики Б. П. Побѣдоносцева, но несомнѣнно, что онъ является однимъ изъ яркихъ и типичныхъ представителей цѣлой полосы русской исторіи.

Въ послѣдней книгѣ журнала *Былое* (закрытаго теперь навсегда) помѣщена интересная статья г. Иванчина-Писарева: «Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ», рисующая писателя съ той стороны, которая до сихъ поръ была скрыта отъ широкой читающей публики. Гл. Ив. Успенскій, человекъ съ большою совѣстью и съ напряженнымъ развитіемъ чувства чести, искавшій въ людяхъ того равновѣсія, той гармоніи цѣлей и средствъ, мысли и дѣла, которой онъ не находилъ въ себѣ, естественно, испытывалъ постоянное тяготѣніе къ тѣмъ людямъ, которые были безвѣстно преданы родинѣ и которые, какъ онъ самъ любилъ выражаться, выпрямляли его душу.

— Ну, что я?—говорилъ онъ, напримѣръ, про свою литературную дѣятельность. — Пишу ради лавочки! Иной разъ и хочется размахнуться, вспомнишь прачку, мясника, шляпку съ перомъ для Алекс. Вас. — и

начнешь строчить: «Солнце склонилось къ западу... По небу катилось облако... точно бревно къ плотамъ на Ветлугѣ»...

Въ общеніи съ видными революціонерами Гл. Ив. Успенскій почерпалъ бодрость духа, онъ преклонялся передъ ними, какъ преклонялся, наприм., передъ «дѣвушкой монашескаго типа», олицетворявшей для него дорогой образъ В. Фигнеръ, старался помогать имъ въ нуждѣ и несчастіи, и съ ихъ стороны пользовался большой взаимной привязанностью.

Самъ Успенскій по своей натурѣ не могъ быть активнымъ революціонеромъ. Однажды въ Вержоловѣ по предписанію изъ Петербурга онъ былъ подвергнутъ тщательному обыску.

Ротмистръ, производившій обыскъ, заинтересовался тѣмъ, въ какихъ революціонныхъ предпріятіяхъ могъ участвовать этотъ скромный человѣкъ, по паспорту значившійся учителемъ.

— Какой же я революціонеръ, — изумился Успенскій, — такъ искренно я изумился, да и въ самомъ дѣлѣ, какой же я революціонеръ? — что жандармы переглянулись, что-то пошептали другъ другу, и ротмистръ торжественно произнесъ:

— Вы свободны... Въ Петербургѣ разберутъ...

Другой разъ Успенскій былъ подвергнутъ допросу въ Самарѣ за разговоры съ семинаристами въ мѣстной гостиницѣ, которые подслушалъ какой-то деревенскій кулакъ-доносчикъ.

— Какъ же это, Гл. Ив., вели такіе неосторожные разговоры съ семинаристами, — спросилъ полковникъ.

— Это не я, а кн. Мещерскій, — отвѣтилъ Гл. Ив.

— Какъ Мещерскій?

— Да, Мещерскій. У меня былъ въ рукахъ его «Дневникъ», и я читалъ его отзывы о духовенствѣ. Жандармы кое-что уловили — всѣ слова Мещерскаго, а не мои.

— Смѣльковъ расхотѣлся, — разсказывалъ Успенскій, — а всетаки попросилъ меня дать показанія на бумагѣ. Я принялся писать. Такое, знаете, смѣшливое настроеніе охватило меня, что у меня вышелъ преселенскій фельетончикъ. Я изобразилъ, какъ мы сидимъ въ номерѣ, а въ сосѣдней двери прилипло ухо кулака... За нимъ еще два... Каждое съ жаждою голоднаго сыщика ловить... слова Мещерскаго. Привелъ и преступныя цитаты. Никогда такъ живо и легко не писалось!

Дважды въ своей жизни Гл. Ив. пытался принять болѣе активное участіе въ рискованныхъ предпріятіяхъ и оба раза въ высшей степени неудачно. Первый разъ зимою 1877 г. ему была поручена, исключительно по его настояніямъ, причежъ онъ ставилъ даже вопросъ о довѣріи, операція «снятія съ поста городского» при попыткѣ освободить изъ литовскаго замка одного изъ видныхъ лавристовъ, Е. С. Симановскаго.

Въ 5 часовъ утра всѣ «заговорщики» были у литовскаго замка. Побѣгъ не состоялся, потому что, какъ оказалось впоследствии, Симановскому не удалось подпалить тюремную рѣшетку и выскочить изъ окна въ

переулокъ, гдѣ стоялъ знаменитый рысакъ «Варваръ». Тѣмъ не менѣе Гл. Ив. выполнилъ возложенное на него порученіе. Минута въ минуту, какъ было условлено,—разсказывалъ онъ,—я подошелъ къ городовому, вынулъ папироску и говорю: вы не курите? Покуриваю, говорить, а вамъ не спичку ли? Да. Онъ зажегъ спичку, и мы закурили. Скажите, какъ пройти ближе на Садовую?—спросилъ я.—Городовой сталъ объяснять. Я оказался такимъ непонятливымъ (вѣдь такъ полагается по программѣ?), что все переспрашивалъ: сначала, говорить, направо, а потомъ налево?... Всячески старался, да вотъ не вышло!

Другой разъ нѣкто Г., саратовскій уроженецъ, увлекся мыслью, что при крестьянскомъ невѣжествѣ достаточно имени мнѣческаго «Константина», чтобы организовать бунтъ. Не встрѣчая въ саратовскихъ кружкахъ сочувствія, мысль эта оставалась платонической мечтой ея автора, пока судьба не столкнула послѣдняго съ Успенскимъ. Писатель, въ характерѣ котораго въ тѣ годы, по словамъ Иванчина-Писарева, сказывался временами какой-то игривый задоръ, пустился вмѣстѣ съ Г. въ нелѣпное предпріятіе.

Дѣло происходило зимой въ Тульской губерніи въ началѣ 70-хъ гг.

— Мы рѣшили попробовать,—разсказывалъ Гл. Ив.—Ну-ка, давайте, говорю, пустимъ въ ходъ Константина!... Распредѣлили роли. «Константиномъ будете вы, говорить Г., а я вродѣ какъ его молочный братъ—мамкинъ сынъ». Досталъ онъ мнѣ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, чтобы его высочество не замерало въ дорогѣ въ своемъ пальтишкѣ на сторожковомъ мѣху, а себя—короткій полушубокъ по колѣно и треухъ на голову. Вы видали Г.? Нѣтъ. Нельзя сказать про него: «одно изъ славныхъ русскихъ лицъ». А въ этомъ костюмчикѣ съ своимъ кривымъ глазомъ вышелъ... истинный мамкинъ сынъ! Раздобыли лошаденку съ дровнями и поѣхали. Я лежу въ саняхъ, закрывшись изъ скромности воротникомъ, а мамкинъ сынъ—на облучкѣ, въ валенкахъ.

Лошаденка дрянная, не царскаго завода. Былъ воскресный день. Вотъ прѣзжаемъ въ первую деревню, мой лейбъ-кучеръ приворотилъ къ кабаку. Я лежу, закрылся поплотнѣе, а мамкинъ сынъ пошелъ въ кабакъ. Что онъ тамъ говорилъ, что дѣлалъ—не знаю, только выходитъ изъ кабака въ сопровожденіи двухъ-трехъ мужиковъ и несетъ бутылку воды со стаканчикомъ. Снялъ шапку. «Отвѣдайте, говорить, ваше высочество!» Меня такъ и обдало жаромъ. Вѣдь не скоро привыкнешь къ такому титулу! Я взялъ стаканъ, стараясь по возможности скрыть свое царское обличье. А мамкинъ сынъ, вижу, подмигиваетъ мужикамъ; поднялъ руку и произнесъ загадочно: «Будетъ—что будетъ. Не долго ужъ ждать». Онъ почтительно взялъ у меня пустой стаканъ, ушелъ въ кабакъ, за нимъ мужики. Прескверное, скажу вамъ, положеніе: быть высочествомъ и лежать въ дровняхъ въ ожиданіи своего кучера! Угостивши вѣрноподданныхъ остатками воды, мамкинъ сынъ вернулся, наконецъ, вскопчилъ на облучокъ, а на крыльцѣ кабака—уже съ пятокъ мужиковъ. «Помалкивай, ребята! Знай:

будетъ ваша!» крикнуть онъ и съ этими словами стегнуть лошаденку. Такъ мы проѣхали еще двѣ-три деревни. Г. былъ великолѣпенъ! Какая выдержка! Какое умѣнье плести что-то несуразное, загадочное. Кажется, вотъ несуетѣрная чепуха, а суетѣрные умы что-то улавливаютъ, въ простыхъ сердцахъ загорается надежда... Меня охватила даже оторопь, взмолился: «Разжалуйте, говорю, въ простые смертные!» Заночевали гдѣ-то ужъ попросту. На утро двинулись въ обратный путь. Вотъ посмотрите, что сегодня выйдетъ!—сказалъ Г.,—я предупредилъ, что поѣдемъ назадъ.— Въ этотъ разъ уже не заворачивали по кабакамъ. И вдругъ, представьте, у одной околицы—цѣлая толпа!... встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью! Я закутался поплотнѣе. Вижу: снимали шапки, опускаются на колѣни. Г. остановилъ лошадь—толпа хлынула къ санямъ. «Рано, православные—говорить мамкинъ сынъ,—рано! Нельзя ему обозначиться! Молчокъ, ребята, молчокъ!» Я лежу, думаю: унеси, Владычица! Вдругъ: «Ваше высочество, обнадѣжьте ихъ милостивыми словами!» Что тутъ дѣлать? Пробормоталъ что-то не своимъ голосомъ. Ужъ и натерпѣлся я страху!—говорилъ Гл. Ив. и съ большою тоскою въ голосѣ прибавилъ: А вѣдь мамкинъ-то сынъ правъ оказался!

Въ этомъ году появился цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій о Павлѣ I. Едва ли не самымъ цѣннымъ изъ нихъ является работа г. Чижа, печатающаяся въ *Вопросахъ Философiи и Психологiи* и представляющая изъ себя тщательный психологическій анализъ характера несчастнаго императора. Прежде всего при описанiи самой наружности Павла авторъ статьи замѣчаетъ, что рѣзкая покатость лба и вообще прогнатизмъ всего лица, далеко превосходящiй границы нормы, долженъ остановить на себѣ вниманiе опытнаго наблюдателя.

«По самому строенiю черепа Павелъ I долженъ былъ выдѣляться изъ средняго уровня слабостью вниманiя или апперцепцiи, у него не могли достигнуть должнаго совершенства задерживающiе центры, онъ не могъ управлять сочетанiями представленiй, не могъ объединять, регулировать, сводить къ единству всѣ свои умственные акты; у него не было вслѣдствiе неправильности черепа мѣста, гдѣ должны происходить эти процессы».

«Несовершенство умственной дѣятельности Павла I,—пишетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—его неспособность къ анализу, неспособность къ сочетанiямъ въ формѣ сужденiй, неспособность выработывать общiя идеи и главное крайняя слабость апперцепцiи и потому неспособность къ послѣдовательному сочетанiю представленiй и идей для достиженiя заранѣе намѣченныхъ цѣлей, доказываются тѣмъ, что, находясь въ самыхъ лучшихъ условiяхъ для плодотворной дѣятельности въ продолженiе 20 лѣтъ, онъ не сдѣлалъ чего-либо полезнаго, чего-либо заслуживающаго одобренiя».

Главной особенностью умственной дѣятельности Павла I являлось, несомнѣнно, преобладанiе сочетанiя представленiй по контрасту. Самые противоположныя представленiя и идеи мирно уживались въ умѣ этого госу-

даря, и онъ рѣшительно не замѣчалъ ни смѣшного, ни опаснаго въ сочетаніяхъ другъ друга исключających рядовъ представленій. Известна фраза его о томъ, что по утрамъ онъ хотѣлъ бы быть Фридрихомъ II, а по вечерамъ Людовикомъ XIV. Недѣлю спустя послѣ того, какъ онъ провозгласилъ себя главою церкви, онъ въ прусской формѣ и въ далматикѣ парадировалъ передъ московскимъ архіереемъ. Всю жизнь порицая распущенность нравовъ, гордясь своей семейной жизнью, Павелъ I афишировалъ свою связь съ *dame de ses pensées*, во время поѣздокъ къ которой одѣвались жантии мальтійскаго ордена, основнымъ требованіемъ котораго было цѣломудріе. Французскій аристократизмъ сочетался съ прусскимъ капральствомъ и неограниченнымъ самодержавіемъ. «Сильное вліяніе чувствованій на умственную дѣятельность и преобладаніе сочетаній по контрасту вполнѣ объясняетъ намъ, почему Павелъ I, обладавшій хорошей памятью и образованіемъ, имѣлъ самыя неправильныя сужденія о самыхъ важныхъ дѣлахъ, смѣшивалъ дѣйствительность съ продуктами своего воображенія, рядомъ съ вѣрными, жѣткими и остроумными сужденіями высказывалъ то, что приближенные между собой называли «галиматьей».

Г. Чижъ относитъ характеръ Павла I къ тому разряду характеровъ, которые описываетъ Malapert: эти лица всегда возбуждены, одно волненіе быстро переходитъ въ другое; они очень безпокойны, боязливы; ихъ симпатіи и антипатіи всегда живы и измѣнчивы, увлеченія разнообразны, но быстро мѣняются; возбужденіе скоро смѣняется истощеніемъ; эти лица—раздражительно, часто мѣняютъ свои планы, агрессивны, даже злы, легко гнѣваются; гнѣвъ иногда ведетъ къ насиліямъ; крайняя веселость смѣняется мрачной печалью. Въ умственной дѣятельности этихъ лицъ замѣчается отсутствіе равновѣсія, системы и глубины; они увлекаются новыми идеями, любятъ парадоксы, нерассудительны и непрактичны. Слабость воли, какъ преобладающая черта, гордость, боязливость и гнѣвъ, какъ преобладающія чувствованія—таковы основные признаки характера Павла I.

«Характеръ Павла I былъ бы намъ непонятенъ,—пишетъ г. Чижъ,—если бы Фулье не указалъ на значеніе соотношенія между анаболическими и катаболическими процессами. У Павла I рѣзко преобладали катаболическіе процессы: всѣ психическія состоянія его быстро возникали, скоро протекали и быстро исчезали. Онъ былъ человекъ хорошо образованный, не обиженный природою, а потому рядомъ съ злобою и жестокостью онъ проявлялъ благодущіе, былъ любезенъ и даже фамилляренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокъ и грубъ. Однимъ словомъ, въ душѣ Павла I возникали самыя различныя состоянія, и потому тотъ, кто видѣлъ его любезнымъ и лагодущнымъ, могъ считать его добрымъ человекомъ. Всѣ психическія состоянія быстро возникали и были повтому поверхностны; Павелъ I, какъ сказать, не имѣлъ времени хорошенько обдумать, обстоятельно анализировать ни одного своего психическаго состоянія; сейчасъ же возникало другое и часто совершенно противоположное; веселье смѣнялось гнѣвомъ, гнѣвъ боязнью и т. д.

Въ жизни этого государя насъ поражаетъ безпардонность, калейдоскопичность психическихъ состояній, сочетаніе самыхъ разнообразныхъ желаній и мыслей. Прусское капральство непонятнымъ образомъ сочеталось съ французскою ученостью; въ одномъ лицѣ уживался рыцарь и капраль; желаніе быть справедливымъ или, по крайней мѣрѣ, разговоры о справедливости уживались съ ежедневнымъ поруганіемъ самой элементарной справедливости. Павелъ I отъ всѣхъ требовалъ подчиненія, а самъ не хотѣлъ подчиняться никакимъ законамъ».

Г. Чижа подробно анализируетъ отношенія, существовавшія между Екатериной и Павломъ, и приходитъ къ тому убѣжденію, что мнѣніе историковъ, приписывавшее образованіе характера Павла неправильности этихъ отношеній между матерью и сыномъ, глубоко ошибочно. Работа г. Чижа еще не закончена; окончаніе ея будетъ посвящено описанію послѣднихъ дней царствованія и гибели Павла I. Въ беллетристической формѣ описаніе это нашло себѣ мѣсто въ романѣ Энгельгардта: «Окованный тронъ», помѣщенномъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ*; несмотря на явную лубочность этого романа, нѣкоторыя сцены, какъ, наприм., сцена убійства Павла заговорщиками съ вѣдома цесаревича Александра, производятъ сильное впечатлѣніе.

Ө. Арнольдъ.

Законодательство и жизнь.

Судъ надъ членами первой Думы и общественное его значеніе.—Реакція въ Думѣ и въ земствѣ.—Послѣднія земскія собранія.—Земство и переселенческій вопросъ.—Экономическая дѣятельность земства.—Мелкія сельско-хозяйственныя общества.—Профессиональные союзы.—Отрицательныя стороны вышѣвшей народной жизни.—Пьянство и борьба съ нимъ.—Походъ противъ высшей школы.—25-лѣтній юбилей А. И. Южина.

Конецъ 1907 года далъ русскому обществу поразительное зрѣлище двухъ одновременныхъ представительныхъ собраній, изъ которыхъ одно формально было облечено высокою властью, но на дѣлѣ носило въ себѣ явные признаки внутренняго безсилія, другое находилось на срамѣ подсудимыхъ, но своею духовною силою властвовало надъ обществомъ. Съ появленіемъ послѣдняго на общественной сценѣ, оно тотчасъ привлекло къ себѣ главное вниманіе и главный интересъ, такъ какъ оно не только олицетворяло собою воспоминаніе о недавнихъ еще свѣтлыхъ народныхъ надеждахъ, не сбывшихся на этотъ разъ, но и какъ бы воскрешало въ народномъ сознаніи тѣ идеалы, носительницей которыхъ была первая Дума. Въ этомъ воскрешеніи и въ наглядномъ сопоставленіи первой Думы съ третьей, того времени съ настоящимъ, и состоитъ по нашему мнѣнію главное значеніе происходившаго 12—18 декабря процесса о Выборгскомъ воззваніи. Онъ далъ возможность бывшимъ депутатамъ первой Думы снова выступить на общественную арену, съ которой они были удалены, и во всеуслышаніе высказать тѣ завѣтныя мысли о задачахъ истиннаго народнаго представительства, которыя, несмотря на видимое ихъ крушеніе, и по сейчасъ сохранились, не утративъ своей силы, въ глубинѣ народнаго сознанія. По вѣрному выраженію одного изъ подсудимыхъ, князя Баратова, они пришли теперь на судъ не какъ обвиняемые, а какъ обвинители. «Судъ народа насъ оправдалъ,—сказалъ другой депутатъ, Дитцъ,—и если мы говоримъ теперь, передъ судомъ, то лишь потому, что черезъ судъ мы говоримъ съ народомъ и со своими избирателями». А бывший предсѣдатель первой Думы С. А. Муромцевъ сказалъ: «спасибо тѣмъ, кто поставилъ этотъ процессъ, за то, что въ настояще тяжелые дни онъ открылъ возможность съ такой яркостью оживить въ общественномъ сознаніи идею первой Государственной Думы».

Въ рѣчахъ теперешнихъ подсудимыхъ Россія еще разъ услышала голосъ своихъ первыхъ избранниковъ, и могла снова провѣрить, къ кому лежитъ ея сердце, съ кѣмъ она и по сю пору остается солидарной, съ этими ли первыми излюбленными ея людьми, или съ нынѣшней искусственно-составленной помѣщичьей Думой. Въ сравненіи съ этимъ «обращеніемъ къ народу» само Выборгское воззваніе отстываетъ на второй планъ, и то, что на судъ касалось именно его, имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку объясненіями подсудимыхъ разъяснено было взаимоотношеніе первой Думы и правительства и вообще политическое положеніе въ моментъ роспуска. Подсудимые вышли изъ суда осужденными и, несмотря на блистательно доказанную ихъ защитниками непримѣнимость къ данному случаю 129 ст. Угол. Ул., они были осуждены именно по этой статьѣ, лишавшей ихъ права политической и общественной дѣятельности, но передъ судомъ общественнаго мнѣнія они были не только оправданы, но и поставлены на высоту едва ли не большую противъ той, на которой они стояли во время первой Думы. Но еще важнѣе моральнаго удовлетворенія, полученнаго самими подсудимыми, было бодрящее дѣйствіе, произведенное ихъ процессомъ на общество. «Въ залѣ засѣданій, — какъ выразилась *Речь*, — во всю свою ширь развернулась самая яркая полоса нашей исторіи, ослѣпившая взоръ, привыкшій уже къ современнымъ сумеркамъ». Въ такомъ бодрящемъ возбужденіи русское общество очень нуждалось въ послѣднее время, когда сумерки все усиливающейся реакціи, отупляющимъ образомъ дѣйствуя на общество, грозятъ перейти въ полную ночную тьму. Реакціонное направленіе настоящаго момента отличается отъ того, какое было раньше, не только тѣмъ, что оно съ еще большей откровенностью проявляется въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ представителей правительства, но и тѣмъ, что оно приобрѣло господство въ выборныхъ учрежденіяхъ, какъ будто представляющихъ собою народное мнѣніе. Такимъ образомъ съ виду можетъ казаться, что правительственная реакція находитъ себѣ сочувствіе и поддержку въ народѣ, который или «отрезвѣлъ» отъ временнаго увлеченія, какъ говорятъ одни, или испугался революціи, какъ говорятъ другіе. Но усиленіе реакціонныхъ элементовъ въ нынѣшнихъ «представительныхъ» учрежденіяхъ: Государственной Думѣ и земствѣ, вовсе не доказываетъ никакого «отрезвленія» народа или отказа его отъ стремленій, высказывавшихся имъ раньше, а лишь то, что эти учрежденія представляютъ собою не народъ, а ничтожное привилегированное меньшинство. Что правительство и само не вѣрится въ измѣненіе общенароднаго настроенія, доказывается съ одной стороны тѣмъ, что оно сочло необходимымъ для образованія послушной Думы издать избирательный законъ 3 іюля, а съ другой — повсемѣстнымъ сохраненіемъ исключительныхъ положеній и все усиливающимися репрессивными мѣрами всякаго рода. Можно, пожалуй, сказать, что земское положеніе осталось то же, однако составъ и направленіе земства за послѣднее время очень сильно наклонились въ сторону реакціи. Но дѣло въ томъ, что земское положеніе 1890 года даетъ дворянству не меньшее,

если не большее преобладание въ земствѣ, чѣмъ законъ 3 іюля—въ Государственной Думѣ. Такимъ образомъ земство и раньше не было дѣйствительнымъ представительствомъ населенія и, если это не отражалось на его составѣ и дѣятельности съ 1890 года до послѣдняго времени и выразилось только теперь, то причину этого нужно видѣть главнымъ образомъ въ томъ, что реакціонная часть дворянства, и прежде составлявшая въ немъ большинство, вообще мало интересовалась общественнымъ дѣломъ, пока оно ограничивалось лишь вопросами мѣстнаго земскаго хозяйства, затрогивавшаго землевладѣльческіе интересы лишь съ точки зрѣнія болѣе или меньшей величины земскаго сбора. Но когда на очередь былъ поставленъ вопросъ такой капитальной важности для дворянскаго землевладѣнія, какъ вопросъ о принудительномъ отчужденіи помѣщичьихъ земель, причемъ оказалось, что эту мѣру проводили тѣ же люди, которые раньше вели прогрессивную политику и въ земствѣ, то дворянско-помѣщичье большинство прослулось отъ своей апатіи и сплотилось въ своемъ неудовольствіи противъ этихъ прогрессивныхъ земцевъ, въ которыхъ оно стало видѣть своихъ непримиримыхъ враговъ, посягающихъ на самые существенные его интересы. Это неудовольствіе получило особенно рѣзкій характеръ и превратилось въ ненависть въ связи съ крестьянскими волненіями и разгромами помѣщичьихъ усадебъ, и съ подозрѣніями о подстрекательствѣ крестьянъ со стороны земскихъ служащихъ, такъ называемаго третьяго элемента, противъ котораго въ особенности и направлено свою разрушительную работу новое реакціонное земство. Въ то же время либеральные элементы земства, можетъ быть, не дали достаточно энергическаго отпора на земскихъ выборахъ сплотившимся реакціонерамъ, такъ какъ вниманіе ихъ было отвлечено отъ земскихъ дѣлъ болѣе широкими политическими задачами: выборами въ Государственную Думу, работой въ самой Думѣ и партійной борьбой, сосредоточенной около нея. Нельзя не имѣть въ виду также, что очень многіе и самые талантливые и популярныя земцы были устранены отъ земской дѣятельности привлеченіемъ ихъ къ судебной отвѣтственности частью за Выборгское воззваніе, частью по другимъ поводамъ. Какъ бы то ни было, земство, какъ и Государственная Дума, измѣнились въ желательномъ для правительства направленіи. Но приобрѣло ли черезъ это правительство какую-нибудь поддержку? Конечно никакой, потому что ни земство, ни Дума въ своемъ настоящемъ видѣ не имѣютъ никакой моральной силы, ибо эта сила дается только солидарностью с народомъ, которой нѣтъ ни у Думы, ни у земства. Тѣ общественные силы, которые играютъ теперь главную роль въ томъ и другомъ, сами требуютъ себѣ поддержки правительства въ борьбѣ ихъ съ большинствомъ народа и только и держатся благодаря этой поддержкѣ. Конечно, правительство не встрѣчаетъ себѣ въ настоящее время оппозиціи ни въ Думѣ, ни въ земствѣ; но вѣдь оппозиція была бы еще меньше, если бы и то и другое были вовсе сведены къ нулю; однако пустое мѣсто, конечно, не имѣло бы опоры. Въ сферѣ политики, какъ и въ сферѣ физическихъ явле-

ній, опираться можно только на то, что само по себѣ стоитъ прочно и что представляетъ нѣкоторое сопротивленіе оказываемому давленію. Даже само дворянское большинство и примыкающіе къ нему реакціонные элементы, несмотря на все, что сдѣлано для нихъ правительствомъ, всетаки недовольны и не проявляютъ того ликующаго настроенія, которое появилось было у нихъ въ началѣ при поворотѣ правительственной политики. Теперь и то рѣзкое, злобное отношеніе, которое было въ прошлогоднихъ земскихъ собраніяхъ къ земскимъ людямъ и дѣламъ прежняго склада, во многихъ мѣстахъ смѣняется привычной для дворянства индифферентностью къ земскому дѣлу. Изъ многихъ мѣстъ приходятъ извѣстія, что въ земскихъ собраніяхъ участвовало не болѣе половины всѣхъ гласныхъ; другія собранія разѣхались, не разсмотрѣвши большого числа докладовъ; и вообще нынѣшняя сессія многихъ собраній была очень непродолжительна; такъ напр., въ Твери, гдѣ въ прежнее время губернское собраніе рѣдко кончалось, не использовавши всего законнаго двадцатидневнаго срока, въ нынѣшнемъ году оно продолжалось всего девять дней и было закрыто за недостаткомъ законнаго числа гласныхъ. И въ самой дѣятельности собраній не было того неуклонно разрушительнаго характера, какъ въ прошломъ году. Замѣтны были нѣкоторыя колебанія. Такъ, напр., Вологодское губернское собраніе, вопреки прошлогоднему постановленію, согласилось на созывъ въ 1908 году врачебнаго и агрономическаго съѣздовъ, ассигновавъ на это необходимыя средства. Бишиневское губернское собраніе, упраздненное въ прошломъ году всякую агрономическую организацію, теперь рѣшило сдѣлать большія затраты на улучшение и распространеніе посѣвовъ кукурузы, для чего на первый разъ ассигновало 10,000 рублей на приглашеніе специалиста изъ Америки, предположивъ въ будущемъ избрать особую комиссію, которая вмѣстѣ съ уѣздными управами должна будетъ выполнить рядъ мѣропріятій въ этомъ направленіи. Другія земства дѣлали тоже попытки къ удовлетворенію дѣйствительныхъ народныхъ нуждъ, преимущественно въ сферѣ народнаго образованія и экономическихъ мѣропріятій. Такъ, Уфимское земское собраніе постановило открыть въ каждомъ уѣздѣ по школѣ повышеннаго типа имени цесаревича Алексѣя и ассигновать 6,000 руб. на устройство народныхъ библиотекъ; Калужское ассигновало крестьянскимъ обществамъ губерніи 15 т. руб. на травосѣяніе и 200 р. на развитіе пчеловодства. Казанское уѣздное собраніе рѣшило при содѣйствіи мѣстнаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ организовать юридическую помощь крестьянскому населенію, ассигновавъ на это 200 руб. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ велась упорная борьба между реакціонерами и прогрессивными или умѣренными гласными, причемъ побѣда иногда оставалась на сторонѣ послѣднихъ. Такъ, въ Полтавскомъ губернскомъ собраніи вопросъ объ организаціи общеобразовательныхъ курсовъ для народныхъ учителей прошелъ незначительнымъ большинствомъ: реакціонеры, изъ которыхъ выдавался молодой Бочубей, доказывали, что курсы съ такими руководителями, какъ намѣченные управой М. М. Бовалевскій, Д. Н. Овсянко-

Куликовскій и Грушевскій, будутъ угрожать спокойствію губерніи, и управѣ пришлось пообѣщать, что списокъ лекторовъ будетъ измѣненъ. Въ томъ же полтавскомъ собраніи предложеніе объ ограниченіи въ земской фельдшерской школѣ числа евреевъ было замѣнено порученіемъ управѣ выработать проектъ учрежденія стипендій для христіанъ. Обвиненіе субсидируемой земствомъ газеты *Хуторянинъ* въ сепаратизмъ, выразившемся въ изданіи приложеній на малороссійскомъ языкѣ, встрѣтило сильный отпоръ и было отвергнуто. Ходатайство монархическаго блока о субсидіи на союзническую читальню отклонено, но въ то же время отказано въ помощи и общественной библіотекѣ, получавшей ее много лѣтъ. Въ Нижегородскомъ губернскомъ собраніи такого же рода борьба окончилась полной побѣдой реакціонеровъ, особенно выразившейся въ постановленіи собранія по поводу издававшейся земствомъ *Земской газеты*. Губернаторъ оштрафовалъ редактировавшаго газету члена управы за нарушеніе обязательныхъ постановленій, выразившееся въ статьяхъ «Государственная Дума» и «отзывы о книгахъ». На жалобу управы министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что губернаторъ былъ въ правѣ наложить штрафъ. Находя такое толкованіе невѣрнымъ и не видя возможности при такихъ условіяхъ издавать газету, управа предлагала ее прекратить. Прогрессивная часть собранія поддерживала это предложеніе, но большинство нашло, что губернаторъ былъ правъ, что газету слѣдовало оштрафовать, потому что она проводила взгляды, противные интересамъ землевладѣльцевъ. «Мы платимъ деньги, — сказалъ гласный Л. А. Пушкинъ (потомокъ поэта), — а на нихъ пропагандируютъ, какъ насъ разорить». Собраніе рѣшило газету продолжать, но, разумѣется, въ другомъ направленіи. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ борьба съ «революціей» выразилась въ формѣ крупныхъ денежныхъ ассигновокъ. Такъ, Екатеринбургское земское собраніе, выслушавъ при своемъ открытіи рѣчь губернатора объ убійствахъ революціонерами полицейскихъ, постановило ассигновать 10,000 руб. на усиленіе полиціи и борьбу съ грабежами и въ помощь жертвамъ революціи, а также ходатайствовать о реорганизаціи слѣдственнаго дѣла и упрощеніи (?) судопроизводства въ политическихъ дѣлахъ. Еще дальше въ этомъ направленіи пошло Одесское уѣздное земское собраніе, экстренно созданное для обсужденія предложенія уѣзднаго исправника объ ассигнованіи 29,705 рублей на содержаніе одного новаго становаго пристава, одного полицейскаго надзирателя и пятидесяти конныхъ стражниковъ. Управа полагала ограничиться первыми двумя должностями, не видя надобности въ увеличеніи числа стражниковъ. Но собраніе большинствомъ 18 голосовъ противъ 16 (нѣицевъ и крестьянъ) приняло предложеніе исправника въ полномъ объемѣ и ассигновало сполна просимую сумму. Очевидно въ тѣхъ же противореволюціонныхъ видахъ чрезвычайное елисаветградское земское собраніе ассигновало 25 т. руб. для выдачи пособій сельскимъ обществамъ на предметъ высылки порочныхъ ихъ членовъ. Самозащита землевладѣльческаго класса играетъ, конечно, важную роль и въ томъ горячемъ участіи, которое въ послѣднее время земство

приняло въ переселенческомъ вопросѣ. Извѣстно, что въ октябрѣ въ Харьковѣ специально по этому вопросу собирався земскій съѣздъ, въ которомъ кромѣ земцевъ Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Черниговской и Херсонской губерній, участвовали также инспектора сельскаго хозяйства, непрѣбные члены землеустроительныхъ комиссій, начальникъ переселенческаго управленія, переселенческіе агенты, агрономы и, наконецъ, председатель и члены управы общеземской организаціи. Хотя и председатель съѣзда, князь Голицынъ, и представитель правительства, начальникъ переселенческаго управленія г. Глинка, заявили, что ни земство, ни правительство не имѣютъ въ виду рѣшать путемъ переселеній аграрнаго вопроса и что задача съѣзда только урегулировать существующее стремленіе къ переселенію, однако практическія разсужденія съѣзда свелись къ тому, чтобы вмѣсто принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, гдѣ живутъ нуждающіеся въ землѣ крестьяне, переправить послѣднихъ въ возможно большемъ количествѣ на киргизскія земли, отчужденіе которыхъ «не должно встрѣчать препятствія въ недостаткѣ средствъ и противодѣйствія со стороны туземцевъ». Признавая, что переселенческое дѣло должно находиться въ рукахъ центральныхъ правительственныхыхъ органовъ, съѣздъ вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ заключенію о необходимости участія въ этомъ дѣлѣ и земствъ, и въ частности общеземской организаціи, той самой, которая до сихъ поръ имѣла своей задачей продовольственную помощь населенію мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ. Вопреки тому недовѣрчивому отношенію, какое выражено было правительствомъ къ общеземской организаціи при началѣ ея дѣятельности, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда всякое общее участіе земствъ въ продовольственномъ дѣлѣ признавалось неблагонамѣреннымъ, теперь представитель правительства на съѣздѣ, г. Глинка высказалъ свое полное согласіе съ необходимостью широкаго участія земства въ переселенческомъ дѣлѣ. Со своей стороны представитель общеземской организаціи, кн. Г. Е. Львовъ, признавалъ, что какъ санитарная, такъ и продовольственная часть при переѣздахъ переселенцевъ должна быть передана въ вѣдѣніе общеземской организаціи. Въ такомъ смыслѣ и состоялось постановленіе съѣзда, который однако не ограничился этимъ, но включилъ въ свою задачу и устройство переселенцевъ на мѣстахъ ихъ новаго поселенія. Дѣятельность съѣзда и вообще переселенческій вопросъ были предметомъ усиленнаго вниманія и бывшихъ послѣ него губернскихъ собраній. Черниговское, Полтавское и Нижегородское отнесли очень сочувственно къ новому направленію дѣятельности общеземской организаціи и постановили примкнуть къ ней, избравши для участія въ ней своихъ уполномоченныхъ; напротивъ, Тульское собраніе отказалось отъ участія въ общеземской организаціи; Кишиневское собраніе тоже отказалось, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что общеземская организаціи дѣйствуетъ въ настоящее время внѣ сферы земскихъ полномочій. Характерны также постановленія нѣкоторыхъ собраній, какъ, напр., Балужскаго и Базанскаго,

которые оба по своему составу, особенно последнее, вовсе не принадлежать къ либеральнымъ, отказавшихся отъ выбора делегатовъ въ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, на предварительное разсмотрѣніе котораго передавъ министерскій проектъ земской реформы. Последнее собраніе указало и мотивъ своего отказа, состоящій въ томъ, что разсмотрѣніе этого проекта принадлежитъ Государственной Думѣ.

Мы приводимъ этотъ фактъ въ доказательство того, что даже и въ политической сферѣ дѣйствія земскихъ собраній не однообразно реакціонны. Есть даже и такія собранія, которыя высказываютъ принципиально-демократическія и либеральныя мысли, какъ, напр., Новоузенское, постановившее возбудить ходатайство объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ и отъ второго, недворянскаго сѣзда. Наконецъ, есть земства, лучшимъ примѣромъ которыхъ можетъ служить Московское уѣздное, которыя вполнѣ сохранили прежнія традиціи земскаго либерализма. Главной заботой послѣдняго земства въ настоящее время является достиженіе всеобщаго обученія въ Московскомъ уѣздѣ, которое, какъ въ настоящее время точно вычислено, будетъ достигнуто въ теченіе семи лѣтъ устройствомъ 130 «комплектовъ», т.-е. отдѣленій съ нормой 50 учениковъ при одномъ учителѣ. Уѣздная управа испрашиваетъ на развитіе школьнаго дѣла субсидію отъ министерства въ 62 т. р. Что касается до выборовъ земскихъ управъ, то само собой разумѣется, что въ большинствѣ земствъ избранъ реакціонный составъ управъ, соотвѣтствующій направленію собраній. Какъ на самую чувствительную потерю для земства слѣдуетъ указать на отказъ отъ земской службы извѣстныхъ прогрессивныхъ земскихъ дѣятелей: предсѣдателя Нижегородской губернской управы А. А. Савельева и члена ея Г. Р. Билевейна. На мѣсто ихъ избраны лица совсѣмъ другаго направленія. Въ нѣкоторыхъ губернскихъ управахъ переизбраны прежніе предсѣдатели. Въ Калугѣ большинство новой управы прогрессивное. Были случаи и неутвержденія вновь избранныхъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, напр., И. А. Демерта въ Чистополѣ и г. Петерсона въ Ветлугѣ. Въ Костромѣ даже въ дворянскомъ собраніи одержала верхъ либеральная часть дворянства, и 51 голосомъ противъ 43 въ губернскіе предводители былъ избранъ раньше бывший предводителемъ и устранимый во время выборовъ въ Государственную Думу П. В. Шулепниковъ. Впрочемъ, практическаго значенія это избраніе не можетъ имѣть, такъ какъ, за неутвержденіемъ кандидата, должны быть произведены новые выборы. Въ томъ же собраніи избраны были двѣнадцать уѣздныхъ предводителей, изъ которыхъ восемь не утверждены, какъ подписавшіе прошлагоднее постановленіе о принятіи въ среду костромскаго дворянства лицъ, исключенныхъ дворянствомъ нѣкоторыхъ губерній за подписаніе выборскаго воззванія. Изъ этого короткаго обзора всетаки можно видѣть, что прогрессивныя земскія традиціи не вездѣ и не совсѣмъ заглохли, и намъ кажется, что прогрессивныя партіи должны въ настоящее время обратить на земство серьезное вниманіе, пожалуй не меньшее, чѣмъ на выборы въ Государственную Думу, притомъ не только

въ дѣляхъ непосредственной пользы населенія, но и въ дѣляхъ его политическаго развитія. Конечно, область земской дѣятельности гораздо менѣе широка, чѣмъ область Государственной Думы, но она ближе къ населенію и захватываетъ большій кругъ лицъ, непосредственно въ ней участвующихъ. Поэтому и оцѣнка населеніемъ земскихъ дѣятелей проще и распространяется на большее число лицъ. А такъ какъ распределение людей прогрессивнаго и реакціоннаго направленія въ земствѣ очень близко совпадаетъ съ ихъ распределеніемъ въ сферѣ общей политики, да и сама земская дѣятельность въ настоящее время носить на себѣ сильную политически-партийную окраску, то населеніе можетъ на земскихъ дѣлахъ вырабатывать и свое общее сужденіе о значительномъ числѣ людей, принадлежащихъ къ той или другой партіи, и устанавливать свои партійныя симпатіи и антипатіи. Не надо забывать и того очень важнаго обстоятельства, что въ сферѣ земской дѣятельности населеніе встрѣчается не только съ самими земцами, но и съ еще ближе стоящими къ народу представителями такъ называемаго третьяго элемента, общественно-политическая фizioномія которыхъ тоже подвергается его критикѣ и тѣмъ способствуетъ выработкѣ народнаго представленія объ идеалѣ общественнаго дѣятеля. Несмотря на возникшее въ послѣднее время гоненіе на третій элементъ, земство, конечно, не можетъ обойтись безъ учителей, врачей, фельдшеровъ и даже агрономовъ, которыхъ приходится иногда вновь приглашать туда, гдѣ они были упразднены. Конечно, земство новаго направленія старается замѣнить всѣхъ самостоятельныхъ работниковъ послушными чиновниками. Но вотъ тутъ-то и происходитъ въ народномъ мнѣніи та дифференцировка третьяго элемента, которая, въ виду тѣсной связи между общими убѣжденіями челоѣка и характеромъ его практической дѣятельности, значительно способствуетъ развитію и организациі народнаго сознанія и по отношенію къ обще-политическимъ его симпатіямъ. Было бы особенно важно установить прочную связь между земской дѣятельностью и населеніемъ на почвѣ экономической, тѣмъ болѣе, что въ этой области за послѣднее время въ самомъ народѣ проявилось довольно сильное самостоятельное движеніе. Одною изъ формъ этого движенія были организовавшіяся въ деревнѣ мелкія сельскохозяйственныя общества. Люди, близко знакомые съ деревенскою жизнью, утверждаютъ, что за послѣдніе годы все въ ней сильно измѣнилось и не только въ томъ смыслѣ, что она взбудоражена разными революціонными идеями и стремленіями, но и въ смыслѣ мирнаго исканія новыхъ способовъ улучшенія своего положенія. Превжнія косность и равнодушіе во всему, что не касается интереса минуты, исчезли.

Крестьяне серьезно стараются улучшить свое хозяйство и обращаются къ новымъ способамъ его веденія: плугъ повсюду смѣняетъ соху, травосѣяніе распространяется все болѣе, и къ нему переходятъ одна деревня за другой; въ крестьянскомъ хозяйствѣ появляются даже искусственныя удобрения. Многое въ этомъ направленіи было сдѣлано при содѣйствіи превжняго земства и земскихъ агрономовъ. А въ послѣднее время замѣ-

чается значительное распространение среди крестьянства разных мѣстных мелкихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, размножающихся какъ съ помощью, такъ и безъ помощи земства.

Съ развитіемъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ средѣ ихъ возникъ вопросъ объ образованіи ихъ союзовъ. Опытъ такого союза сдѣланъ былъ въ Петербургской губерніи подъ названіемъ центрального сельско-хозяйственного общества. Въ виду нѣкоторыхъ тактическихъ, соображеній оно названо было не союзомъ, такъ какъ это названіе не нравилось администраціи и могло задержать утверженіе, и по тѣмъ же соображеніямъ въ уставъ его было внесено, что членами его могутъ быть не только общества, но и отдѣльныя лица. Но другой § устава ограничилъ права частныхъ лицъ, которыя имѣютъ лишь совѣщательный голосъ и не могутъ быть избираемы на должности.

Послѣ этого уставъ былъ утвержденъ, и въ центральное общество вошли пять мелкихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ Петербургскаго уѣзда, пять Шлиссельбургскаго и два Царскосельскаго, избравшія каждое троихъ представителей. Въ числѣ задачъ центрального общества поставлено содѣйствіе учрежденію новыхъ обществъ и товариществъ. Дальнѣйшая дѣятельность его будетъ, конечно, зависѣть отъ отношенія къ нему главнаго управленія землеустройства и земледѣлія и земства, къ которымъ общество обратилось съ ходатайствами о субсидіи. Эта зависимость и составляетъ главную опасность для такого рода начинаній, вслѣдствіе крайней измѣчивости взглядовъ и правительственныхъ властей и земства. Уже и теперь попытка учрежденія въ Вологдѣ союза сельско-хозяйственныхъ обществъ вродѣ Петербургскаго и съ почти такимъ же уставомъ не могла осуществиться, такъ какъ проектъ устава не былъ утвержденъ мѣстной администраціей. Еще болѣе недовѣрчивое отношеніе къ себѣ администраціи встрѣчаетъ другой видъ народной самопомощи, устройство профессиональныхъ союзовъ, тоже сильно распространяющихся въ послѣднее время. Несомнѣнно профессиональное движеніе развилось бы въ рабочей средѣ и гораздо больше, если бы оно не встрѣчало препятствій не только со стороны хозяевъ-фабрикантовъ, но и со стороны правительственныхъ властей. Дѣятельность профессиональныхъ союзовъ, помимо основного закона о нихъ, изложеннаго въ Высочайшемъ указѣ 4 марта 1906 г., регулируется въ настоящее время циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 30 ноября 1907 г., въ которомъ министръ сообщаетъ, что по внесеннымъ имъ въ Правительствующій сенатъ вопросамъ: 1) имѣютъ ли профессиональныя общества право устраивать: а) публичные собранія и в) чтенія, концерты и т. п. въ цѣляхъ усиленія средствъ обществъ и 2) имѣютъ ли право профессиональныя общества составлять капиталы для выдачи пособій своимъ членамъ во время стачекъ,—а эти вопросы Сенатъ отвѣтилъ такъ: по 1-му вопросу, законъ, говоря о публичныхъ собраніяхъ, предусматриваетъ возможность устройства ихъ лишь отдѣльными лицами, но не цѣлыми обществами и въ немъ не содержится

указаній на право профессиональных обществ устраивать публичные собрания, а потому слѣдуетъ признать, что имъ этого права не предоставлено; равнымъ образомъ не могутъ они устраивать и спектаклей, концертовъ и т. п., такъ какъ все это суть публичные собрания. Этимъ разъясненіемъ очевидно значительно ограничивается свобода дѣятельности профессиональных союзовъ и затрудняется возможность приобрѣтенія ими необходимыхъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляется и значеніе болѣе благоприятнаго отвѣта на другой вопросъ, по которому Сенатъ призналъ, что профессиональные общества могутъ выдавать своимъ членамъ пособие изъ образованныхъ для этой цѣли капиталовъ также и во время стачекъ, такъ какъ по закону 2 декабря 1905 г. стачки, мирно протекающія, почитаются дѣяніемъ не наказуемымъ, кромѣ случаевъ, перечисленныхъ въ этомъ законѣ. Все же это напоминаніе очень важно, такъ какъ изданные во время освободительнаго движенія законы въ настоящее время очень легко забываются на практикѣ. Со времени изданія закона 4 марта 1906 г. Россія покрылась цѣлой сѣтью профессиональных союзовъ (или обществъ, по официальной терминологіи, такъ какъ союзы, т.-е. соединенія обществъ этимъ закономъ запрещены), начиная съ такихъ крупныхъ, какъ петербургскій союзъ рабочихъ по металлу, до мелкихъ, насчитывающихъ лишь десятокъ-другой членовъ. По даннымъ организационной комиссіи по созыву предполагавшагося всероссійскаго съѣзда профессиональных союзовъ, къ томъ 1907 года въ Россіи считалось 652 союза съ 246,272 членами. Въ дѣйствительности число союзовъ было больше, такъ какъ въ эту цифру не вошли сибирскіе и прибалтійскіе союзы; зато число членовъ, если считать только правильно платившихъ, было несомнѣнно меньше. Во всякомъ случаѣ, профессиональные союзы имѣлись во всѣхъ отрасляхъ производства, какъ фабричнаго, такъ и ремесленнаго. Въ профессиональныхъ организаціяхъ остались только сельско-хозяйственные рабочіе. Дѣятельность разныхъ профессиональных союзовъ въ разныхъ мѣстахъ при разныхъ составѣ и различныхъ условіяхъ съ самаго начала пошла неровно. Нѣкоторые болѣе сильные и болѣе культурные союзы пытались стать на почву непосредственнаго воздѣйствія на условія экономическаго положенія рабочихъ массъ. Въ Лодзи посредничество профессиональнаго общества рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ привело къ улаженію конфликтовъ между хозяевами и рабочими на многихъ фабрикахъ. Закрытое нынѣ профессиональное общество рабочихъ печатнаго дѣла пыталось урегулировать взаимоотношеніе владѣльцевъ петербургскихъ типографій и ихъ рабочихъ, организовать смѣшанную тарифную комиссію, въ которую вошли какъ представители владѣльцевъ, такъ и уполномоченные отъ профессиональнаго общества. Комиссія эта очень серьезно и обстоятельно рассматривала поставленные ей вопросы, преимущественно касающіеся внутренняго распорядка въ типографіяхъ, и по нѣкоторымъ изъ нихъ, наприм., о приѣмѣ и увольненіи рабочихъ, о выборныхъ собраніяхъ рабочихъ, о явкѣ на работы и уходѣ съ работъ, пришла къ соглашенію, хотя это

Соглашение и не было потому закрѣплено. Союзъ рабочихъ по металлу преспринималъ анкету на фабрикахъ и заводахъ о причинахъ конфликтовъ между предпринимателями и рабочими. Собрание представителей болѣе крупныхъ союзовъ Петербурга предполагало произвести еще болѣе обширную анкету для обследованія вообще быта и условій труда петербургскихъ рабочихъ. Обсужденіемъ этихъ условій занимались и делегатскія собранія союзовъ; наприм., на одномъ изъ такихъ собраній общества рабочихъ по металлу рѣшено было энергично бороться противъ сверхурочныхъ работъ. Нѣкоторые союзы однородныхъ профессій издавали сообща печатные органы: *Профессиональный Вѣстникъ* и болѣе специальные: *Трудъ Печатника*, *Рабочій по металлу* и друг. Однако вся такая дѣятельность союзовъ была далеко не достаточна для привлеченія въ нихъ не только большинства рабочихъ, но даже и значительнаго ихъ числа, и если въ Петербургѣ развитіе профессиональнаго движенія всетани шло впередъ, то въ провинціи оно шло гораздо медленнѣе, и число союзовъ и ихъ участниковъ послѣ первыхъ вспышекъ часто начинало ослабѣвать или и вовсе падать. Такъ, наприм., по извѣстіямъ изъ Царицына, при общемъ числѣ тамъ рабочихъ разныхъ профессій, доходящемъ до 30 тысячъ, въ концѣ 1906 года было 1,450 человекъ, участвующихъ въ профессиональныхъ организаціяхъ, а въ концѣ 1907 г.—800 человекъ. Главною причиною такого упадка конечно репрессіи администраціи. Но и помимо ихъ существуютъ и внутреннія причины,—это неразвитость и, какъ слѣдствіе ея, индифферентизмъ значительной части рабочей массы. Впрочемъ, и въ этомъ индифферентизмѣ важную роль играетъ конечно неразрѣшеніе, хотя бы и незаконное, общихъ собраній. Поэтому большинство руководящихъ союзовъ правленій и совѣтовъ пришли къ заключенію о необходимости обратить въ настоящее время главныя свои усилія на культурно-просвѣтительную дѣятельность, которая, какъ они надѣются, поможетъ сплотить рабочихъ одной профессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять ихъ умственный уровень, отвлечь ихъ отъ пьянства и т. п. Къ числу видовъ такой культурной дѣятельности, кромѣ изданія своихъ печатныхъ органовъ, должны быть отнесены: устройство библиотекъ и читаленъ, организація общедоступныхъ лекцій и совмѣстныхъ чтеній, организація кружковъ самообразованія, устройство рабочихъ клубовъ, литературныхъ вечеровъ, спектаклей, концертовъ. Нельзя не признать этотъ путь разумнымъ, хотя и на немъ профессиональные дѣятели несомнѣнно будутъ наталкиваться на многія препятствія. Правительство въ послѣднее время становится все болѣе явно несочувствующимъ профессиональному движенію, что и выражается въ неразрѣшеніи однихъ союзовъ и въ массовомъ закрытіи другихъ. Мы уже указывали на закрытіе общества рабочихъ печатнаго дѣла, едва ли не самой культурной изъ профессиональныхъ организацій. Многочисленные случаи закрытія союзовъ были и въ другихъ мѣстахъ по всей Россіи. Въ Новочеркасскѣ тоже закрыть союзъ печатнаго дѣла на томъ основаніи, что онъ «препятствуетъ выполненію заказовъ».

Въ Екатеринбургѣ два союза (одинъ тоже печатный) закрыты за то, что не дали администраціи доказательства отрицательнаго факта «непричастности къ революціонной дѣятельности». Витебское губернское объ обществахъ присутствіе въ одно засѣданіе постановило закрыть десять профессиональныхъ обществъ. Въ Костромской губерніи подверглись огульному гоненію всѣ профессиональные союзы, какъ заподозрѣнные въ «осуществленіи заранѣе намѣченной программы такъ называемой социаль-демократической партіи». Логически разсуждая, преслѣдованіе профессиональныхъ союзовъ правительственными властями можетъ показаться страннымъ, такъ какъ союзы эти именно стремятся къ мирному урегулированію рабочаго движенія, и во многихъ случаяхъ вліяніе ихъ способствовало благополучному окончанію забастовокъ. Но исторически, такое отношеніе понятно, такъ какъ оно входитъ въ общую сферу того реакціоннаго направленія, зачатки котораго были уже и въ кульминаціонный моментъ освободительнаго движенія и которое съ тѣхъ поръ постепенно усиливалось. Уже и тогда нереформированный еще Государственный Совѣтъ высказывалъ, что «свобода союзовъ и стачекъ не соответствуетъ условіямъ нашего государственнаго строя». Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ все того же страха за потрясеніе основами государственнаго строя, законъ 4 марта 1906 года, данный *à contre sens*, какъ и многіе изданные тогда законы, скоро потерялъ свою реальную силу, и что раньше дѣлалось вслѣдствіе отсутствія закона, то теперь стало дѣлаться, несмотря на законъ. И практическіе результаты для профессиональныхъ союзовъ получились тѣ же, — они стали загоняться въ подполье. Но подпольныя, нелегалізованныя организаціи, при существующемъ составѣ профессиональныхъ обществъ, при ихъ вовсе не конспиративныхъ цѣляхъ и при невозможности для нихъ при такихъ условіяхъ имѣть сколько-нибудь достаточныя средства, не могутъ существовать; активной поддержки и содѣйствія профессиональнымъ союзамъ со стороны общества тоже почти не замѣчается, хотя теоретическій интересъ къ нимъ проявилось «Общество содѣйствія русской промышленности», которое нынѣшней осенью обсуждало дѣйствующія правила объ открытіи и закрытіи профессиональныхъ обществъ и пришло къ заключенію, что вѣдать это дѣло должны судебныя учрежденія и въ частности окружныя суды. Больше всего профессиональными обществами интересуются и стремятся дѣятельно сблизиться социаль-демократы. Съ ихъ партійной точки зрѣнія, это, конечно ихъ, — право и обязанность, но едва ли ихъ участіе полезно для самихъ профессиональныхъ обществъ прежде всего уже потому, что оно еще болѣе усиливаетъ подозрительность и недоброжелательство къ нимъ правительственной власти. А затѣмъ и отношеніе социаль-демократической партіи къ профессиональнымъ обществамъ таково, что едва ли оно будетъ способствовать какъ дѣловому развитію самихъ обществъ, такъ и развитію внутренняго сознанія ихъ членовъ. Партія, какъ видно изъ резолюцій, принятыхъ на конференціяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, на которыхъ преобладали большевики, считаетъ нужнымъ

подчинить профессиональные союзы своему партийному влиянию и руководству, для чего признать участие членов партии в союзах обязательным, самые же союзы группировать под руководством органа, объединяющего принадлежащих к партии членов отдельных союзов. Если бы это было достигнуто, то получилось бы партийное единение различных по профессии союзов и вместе с тем внутреннее разьединение союзов одной профессии. Иначе отнеслись к этому вопросу меньшевики, высказавшиеся в своем собрании, бывшем послѣ конференціи, против установления постоянного взаимного представительства, но признавшие болѣе целесообразным устройство совѣщаній представителей, когда потребуется согласование дѣятельности обѣихъ, т.-е. партийной и профессиональной, формъ организациі. Это отношеніе, конечно, гораздо правильнѣе, но и у меньшевиковъ на первомъ планѣ являются интересы партии, а не союзовъ самихъ по себѣ. Между тѣмъ даже для политическаго воспитанія членовъ профессиональных союзовъ желательно было бы участіе въ нихъ такихъ людей, которые бы поставили себѣ главною задачею помогать самому профессиональному движенію даже безъ отношенія его къ программамъ и формуламъ той или иной партии. Партийность придетъ потомъ сама собой не черезъ навязываніе извнѣ выработанныхъ уже и готовыхъ ученій, а путемъ естественнаго развитія сознанія, критики и выбора, подобно тому, какъ мы говорили и по отношенію къ земству. Конечно, для этого развитія свободной критики въ народѣ чрезвычайно важно и желательно распространеніе всякаго рода союзовъ, въ которыхъ люди встрѣчаются на почвѣ обсужденія близкихъ имъ общихъ дѣлъ. И такіе союзы въ настоящее время образуются повсюду, гдѣ ихъ появленіе и распространеніе не задерживаются внѣшнею силой. Мы остановились на двухъ ихъ формахъ: профессиональных союзахъ и мелкихъ сельскохозяйственныхъ обществахъ. Но есть много другихъ формъ, наприм., потребительныя общества, кредитныя товарищества и различныя артели и другіе виды кооперациі.

Базалось бы, что направленіе народной энергіи именно на выработку и развитіе мирнымъ путемъ лучшихъ формъ экономической жизни должно бы возбуждать сочувствіе правительственныхъ круговъ даже въ смыслѣ воздѣйствія такимъ путемъ на политическое успокоеніе народа. Оказывается, что на этотъ счетъ могутъ быть и другіе взгляды. Такъ, по словамъ *Ръчи*, когда кооперативное движеніе стало развиваться въ Петербургѣ, то хозяева-лавочки, рѣшивъ бороться съ нимъ, возложили свою надежду на правыя фракціи Государственной Думы и постановили на собраніи обратиться къ послѣднимъ съ просьбою внести запросъ по поводу кооперативныхъ лавокъ, «подрывающихъ благосостояніе частной торговли в промышленности и имѣющихъ въ своей основѣ тенденцію осуществить социализмъ». Съ такимъ «жупеломъ» не мудрено, если ходатайство петербургскихъ лавочниковъ и не останется безплоднымъ.

При такихъ условіяхъ естественно, что во многихъ случаяхъ здоровая народная энергія не находитъ себѣ примѣненія въ жизни и перерождается у однихъ въ нумачество, а у другихъ—въ тѣ беспорядочныя стремленія,

которые въ концѣ-концовъ нерѣдко выражаются въ безшабашномъ хулиганствѣ и пьянствѣ. Последнее, по отзывамъ даже людей вовсе не склонныхъ къ огульнымъ обвиненіямъ «мужика», очень распространено въ крестьянской и рабочей средѣ. Извѣстно, что вопросъ о пьянствѣ вдругъ выросъ за последнее время и возбудилъ особенный интересъ какъ въ Думѣ, гдѣ его очень энергично, хотя и довольно наивно, пропагандировалъ депутатъ Челышевъ, такъ даже и въ такомъ инертномъ учрежденіи, какъ Государственный Совѣтъ. Сомнительно, конечно, чтобы изъ этого возбужденія могло выйти что-нибудь реальное. Извѣстно, что доходомъ отъ вина покрывается цѣлая третья часть нашего государственнаго бюджета; такимъ образомъ финансовое вѣдомство прямо заинтересовано въ томъ, чтобы этотъ доходъ, а слѣдовательно, и потребление вина не уменьшалось, а увеличивалось, т. е. чтобы народъ платилъ изъ своихъ средствъ за водку какъ можно больше, слѣдовательно, чтобы на другія потребности, дѣйствительно нужныя, у него оставалось меньше. Таково безвыходное противорѣчіе, въ которое ставитъ государство наша питьевая система. Представляя всѣ невыгоды косвенныхъ налоговъ вообще, питьевой налогъ отличается отъ всѣхъ нихъ еще тѣмъ, что, уплачивая другіе налоги, потребитель, хотя и по слишкомъ дорогой цѣнѣ, но все же приобретаетъ нѣчто для себя полезное, тогда какъ въ данномъ случаѣ онъ болѣе чѣмъ втридорога покупаетъ вещь въ лучшемъ случаѣ бесполезную, а въ большинствѣ случаевъ вредную. Притомъ и распределеніе этого налога крайне неправильно: онъ не только почти всей массой своей ложится на бѣднѣйшую часть населенія, но и распределеніе его между отдѣльными лицами таково, что больше всего его платятъ именно люди наиболѣе слабые физически и нравственно. Эта сторона дѣла теоретически не представляетъ ничего труднаго для разрѣшенія. Питьевой налогъ долженъ быть отмененъ и замѣненъ другимъ болѣе справедливымъ. Но такъ какъ выдумать такой справедливый налогъ, не коснувшись имущественныхъ интересовъ господствующихъ теперь классовъ, очень трудно, то едва ли можно ожидать отъ теперешнихъ Думы и Государственнаго Совѣта какой-либо дѣйствительно серьезной мѣры въ этомъ направленіи. Борьба съ народнымъ пьянствомъ объявляется только на словахъ; зато, повидимому, мы готовы вступить въ новую полосу борьбы съ народнымъ просвѣщеніемъ,—но крайней мѣрѣ, появляются уже нѣкоторые симптомы того, что и къ просвѣщенію начинается примѣняться полицейская точка зрѣнія. Характернымъ симптомомъ такого взгляда является, напримѣръ, требованіе удостовѣренія личности отъ посѣтителей петербургской публичной библиотеки. Продолжаютъ закрываться различныя просвѣтительныя учрежденія, вродѣ закрытаго вѣднѣхъ народнаго дома харьковскаго общества грамотности. Повидимому увѣнчается успѣхомъ и предпринятый реакціонерами походъ противъ высшей школы. По этому поводу въ *Московскомъ Ежегодникѣ* ? 49 была напечатана статья кн. Е. Н. Трубецкого, имѣющая большое значеніе, какъ сужденіе человѣка, стоящаго близко къ университету и вполне освѣдомленнаго объ университетскихъ дѣлахъ и въ то же врем.

никоимъ образомъ не могущаго быть заподозрѣннымъ въ какомъ-либо нравственномъ потворствѣ беспорядкамъ, нарушающимъ правильный ходъ университетскаго ученія. Указавъ на предпринятую въ *Новомъ Времени* кампанію противъ университетской автономіи, ничѣмъ по существу не отличающуюся отъ той, кака была въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, авторъ справедливо обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что именно только теперь университетскіе беспорядки, продолжавшіеся постоянно при прежнемъ режимѣ, прекращаются самими студентами, вслѣдствіе внутренней потребности перейти къ правильному и спокойному занятію наукой. «Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ кн. Трубецкой,—вопреки очевидности, среди правыхъ до сихъ поръ распространено мнѣніе, будто основной причиной беспорядковъ является университетская автономія. Вообще ихъ самовѣренность равняется только ихъ незнанію. Весь прошлогодній запросъ объ университетскихъ дѣлахъ въ Государственномъ Совѣтѣ покоился на томъ предположеніи, что въ университетахъ еще существуетъ инспекція. О ея упраздненіи Высочайшимъ указомъ составители запроса не знали. Какъ бы ни были негѣпы обвиненія въ бездѣйствіи власти, они опасны потому, что исходятъ изъ сферъ вліятельныхъ. Правые, дѣйствительно, могутъ добиться назначенія новаго министра, который «разъяснитъ» автономію и возстановитъ «старый порядокъ». Тѣмъ самымъ они подольютъ масла въ огонь, готовый угаснуть. А въ результатѣ университетъ возвратится въ то ужасное состояніе, въ какомъ онъ былъ при Боголюбовѣ, Ванновскомъ и Зенгерѣ. Въ университетѣ, какъ и всюду, хроническое военное положеніе плодитъ хроническую смуту». Въ настоящее время перемѣна министра уже составляетъ совершившійся фактъ. Бывшій министръ просвѣщенія П. М. фонъ-Кауфманъ и его товарищъ О. П. Герасимовъ уволены, и на мѣсто министра назначенъ А. Н. Шварцъ. Безъ сомнѣнія, эта перемѣна лицъ выражаетъ собою и перемѣну направленія. Нельзя, конечно, и ранѣе было ожидать, чтобы общая политика правительства имѣла одинъ характеръ, а по отношенію его къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ—другой. Поэтому ошибочно было рассчитывать на то, что автономія университетовъ поставитъ ихъ въ положеніе какъ бы экстерриторіальности. Въ этомъ случаѣ подтверждается та же связь частнаго съ общимъ, которую мы видимъ всюду, и также приходится сдѣлать тотъ выводъ, что и въ дѣлѣ высшаго образованія—правильная и прочная постановка его зависитъ главнымъ образомъ отъ установленія правильной общегосударственной политики. Это является еще лишнимъ мотивомъ для того, чтобы никому не уклоняться отъ того хотя бы и небольшого участія въ общеполитическихъ дѣлахъ, которое каждый въ предѣлахъ своего права долженъ считать своей обязанностью. По этому поводу нельзя не указать на неправильность, между прочимъ, и того мнѣнія, нерѣдко высказываемаго людьми вовсе не враждебными ни студентамъ, ни университету, что студенты должны устранить себя отъ всякой политики и заниматься исключительно наукой. Говорящіе такъ забываютъ, что цѣль пребыванія студентовъ въ высшемъ учебномъ заведеніи

не есть только приобретение научных свѣдѣній, но и подготовка себя къ дѣятельности практическаго работника и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданина. Къ этому готовятся и юристъ, и медики, и будущій педагогъ, техникъ, инженеръ и т. д. Люди, получившіе уже достаточное развитіе, не могутъ не сознавать связи ихъ будущей дѣятельности съ общимъ ходомъ политической жизни въ странѣ и не имѣть своихъ политическихъ симпатій и антипатій, и не выражать ихъ такъ или иначе. И не только не могутъ, но и не должны. Мы всѣ вообще слишкомъ склонны пребывать въ выжидательномъ положеніи. Часто слышится голоса: «при такихъ условіяхъ ничего нельзя дѣлать, надо переждать». Въ такихъ словахъ мы видимъ большую и вредную ошибку. Условія для дѣла не есть что-нибудь независимое отъ самаго дѣла. Они не сваливаются съ неба, а создаются тою же человѣческою работою, подготовительной работою, которая именно сейчасъ и нужна. Чтобы строить новое зданіе на мѣстѣ, засыпанномъ старымъ мусоромъ, нужно не дожидаться, пока онъ самъ собою куда-то исчезнетъ; такое ожиданіе приведетъ лишь къ тому, что онъ будетъ накапливаться все больше и больше. Нужно самимъ строителямъ приняться за очистку и подготовку мѣста. Не приходите въ отчаяніе и не опускайте рукъ отъ того, что сдѣланное вами сегодня разрушается завтра. Продолжайте то же и завтра, и послѣ завтра, даже если сдѣланное вами будетъ опять разрушено. Особенно не пытайтесь работать Богу и мамонѣ, не возлагайте надеждъ на то, что на старомъ мусорѣ или изъ него можно построить что-нибудь новое. Борьба безнадежна, говорятъ вы; но пассивное выжиданіе еще безнадежнѣе. И надо разъ навсегда признать, что безнадежная въ данную минуту борьба остается все-таки обязательною. Погибшіе при Фермопилахъ не менѣе славны въ исторіи, чѣмъ побѣдившіе при Саламинѣ. Что же, скажете вы, неужели надо попусту кричать и дѣлать демонстраціи? Нѣтъ, хотя иногда и крикъ, исходящій отъ сердца, не крикъ отчаянія, а крикъ негодованія и призыва, можетъ стать пророческимъ гласомъ предтечи, воцѣющаго въ пустынѣ; но, главное, нужно спокойно, не въ спокойствіи равнодушія, а въ спокойствіи рѣшимости, продолжать безустанно подготовительную работу развитія и организаціи народнаго сознанія и народнои воли.

В. Линдъ.

24-го января исполнилось 25-лѣтіе артистическаго служенія А. И. Южина (кн. Сумбатова). Онъ неразрывно связалъ свое имя со сценой Малаго театра и бережно пронесъ черезъ всю свою дѣятельность его славныя традиціи. Артистъ образованный и глубоко культурный, сильный и въ бытовыхъ роляхъ, и въ героическихъ, онъ создалъ рядъ живыхъ образовъ и художественно воплотилъ созданія многихъ поэтовъ.

Редакция нашего журнала, издавна связанная съ Александромъ Ивановичемъ его сотрудничествомъ и дружбой, приноситъ уважаемому артисту и писателю свои душевные поздравленія и свой горячій привѣтъ.

Ред.

Иностранная политика.

Что принесет 1907 г. Россіи въ международномъ мірѣ? Этотъ вопросъ невольно заслоняется тѣми надеждами, слишкомъ часто кратковременными, и разочарованіями, которыя мы переживаемъ, думая о судьбахъ нашей страны. И всетаки, какъ бы ни были сильны и жгучи эти переживанія, мы не можемъ отказаться отъ потребности уяснить себѣ взаимодѣйствіе между послѣдними внутренними событіями и всемірно-исторической картиной, которая отрывается передъ глазами современнаго изслѣдователя.

Какъ отразились русскія событія послѣдней эпохи въ европейскомъ и общественномъ мнѣніи? Можно, конечно, сказать, что послѣднее есть только абстракція, только идеальная равнодѣйствующая совершенно разнородныхъ социальныхъ и культурныхъ силъ. И всетаки подобная средняя оцѣнка существуетъ, и мы можемъ замѣтить, какъ она измѣняется. Всѣмъ памятенъ тотъ тонъ напряженнаго и тревожнаго ожиданія, который господствовалъ въ сужденіяхъ о нашихъ дѣлахъ западной публицистики въ эпоху русско-японской войны, осложненную глубокимъ внутреннимъ кризисомъ; всѣмъ памятны и надежды, связанныя съ введеніемъ въ Россію конституціоннаго порядка,—порядка, который долженъ былъ лишить Россію характера какого-то чужероднаго тѣла въ семьѣ европейскихъ государствъ. Далѣе рядъ разочарованій. Разочарованіе прежде всего въ русскомъ революціонномъ движеніи, которое вырождалось въ социальный бандитизмъ, разочарованіе въ силахъ общества, которое не смогло создать устойчивую позицію, отмежеванную отъ революціи и реакціи. Разочарованіе въ правительствѣ, которое со своей стороны не способно установить примиреніе интересовъ свободы и порядка. Все это иногда сопровождалось какъ бы временнымъ возрожденіемъ надеждъ, что кризисъ всетаки пройдетъ. Какъ характерна была, напримѣръ, прошлой осенью перемена въ тонѣ *Times*, которое, какъ бы внезапно озаренное, стало очень склонно считать Столыпина провиденціальнымъ человѣкомъ, призваннымъ спасти Россію! Но и этотъ расчетъ оказывался невѣрнымъ; выборы во вторую Думу обнаруживали истинное настроеніе страны, а исторія этой Думы доставила только нѣсколько новыхъ весьма врачюрьчивыхъ доказательствъ, съ какими трудностями—внѣшними и внутренними—связано созданіе конституціоннаго режима у насъ.

Актъ 3-го іюня встрѣтилъ очень сочувственную оцѣнку въ консервативной нѣмецкой прессѣ. Знаменитый профессоръ Шманъ привѣтствовалъ его какъ возвратъ къ разуму и порядку: правительство сознало, что масса населенія Россіи совершенно не подготовлена къ политической жизни;

представить ей въ дальнѣйшемъ такое же вліяніе на эту политическую жизнь, которымъ оно пользовалось по старому избирательному закону — значить колебать все зданіе соціального строя. Сильное правительство, опирающееся на олигархическое представительство—таковъ рецетъ, рекомендованный для насъ другомъ императора Вильгельма. Но и въ Германіи, а тѣмъ болѣе въ Англіи и Франціи, достаточно часто можно было встрѣтиться съ пониманіемъ того, насколько это механическое переищженіе правъ въ сторону сравнительно малочисленныхъ соціальныхъ группъ мало въ себѣ заключаетъ задатковъ истиннаго умиротворенія страны.

Результатъ выборовъ въ третью Думу не явился неожиданностью, какъ и то странное, нѣсколько двусмысленное положеніе, которое эта Дума заняла. Достаточно вспомнить хотя бы блестящій анализъ, которому подвергла *Temps* программу октябристской фракціи. Какъ можетъ вновь собранное народное представительство балансировать между волей правительства и желаніями населенія? Замерли ли съ другой стороны тѣ силы, которыя потрясли до основанія русскій государственный механизмъ, или это только временное затишье? Острый кризисъ переходитъ въ хроническій, но онъ попрежнему не имѣетъ ничего общаго съ нормальнымъ состояніемъ. А пока это такъ, Россія остается для западной Европы невыясненной величиной— не только для ея мыслителей и публицистовъ, но и для ея государственныхъ людей и дипломатовъ. Какъ долженъ котироваться ея удѣльный вѣсъ на дипломатическомъ рынкѣ? Какую способность сопротивленія она окажетъ угрозамъ съ западной или восточной границы? Очевидно, Россія въ этомъ смыслѣ въ настоящую минуту далеко не представляется такой опредѣленной величиной, какъ Германія, Франція или Англія, и даже, быть можетъ, она въ этомъ отношеніи уступаетъ Австро-Венгріи, которая тоже въ своемъ родѣ есть дипломатическій сфинксъ переживаемого момента.

А между тѣмъ мировая конъюнктура складывается такъ, что Россія должна занять въ ней совершенно опредѣленное положеніе. Теперь уже мы не можемъ раздѣлять стариннаго представленія, котораго, впрочемъ, весьма цѣлко держатся въ нѣкоторыхъ кругахъ—будто внѣшняя политика фабрикуется ловкими комбинаціями и гениальными приѣмами лицъ, стоящихъ у кормила правленія. За этой кажущейся игрой капризовъ и крупныхъ или мелкихъ самолюбіи мы научились видѣть дѣйствіе великихъ историческихъ силъ, глубокихъ экономическихъ и культурныхъ переворотовъ. И чѣмъ болѣе осложняется жизнь современнаго государства, тѣмъ болѣе многообразными связями свѣрпляется она съ жизнью другихъ странъ—тѣмъ менѣе приложимо это старое представленіе о всемогуществѣ дипломатіи, воспитанно на воспоминаніи о династическихъ спорахъ и войнахъ XVIII вѣка. Новыя силы, выдвинутыя на международную сцену, колеблютъ постоянно столь легко нарушаемое равновѣсіе и вызываютъ запросы на новыя группировки. Въ этомъ, быть можетъ, лучшій залогъ относительной прочности мира. Мы видѣли, какъ беспомощна оказалась въ этой трагической проблемѣ вторая гаагская конференція, хотя она оставила несомнѣнно свой слѣдъ въ болѣе второстепенныхъ вопросахъ техники международнаго общенія и

ВЪ этомъ смыслѣ не заслуживаетъ того презрительнаго и насмѣшливаго отношенія, которымъ она сопровождалась. Мы видимъ, какъ среди самого социализма, который весь основанъ на идеѣ международной солидарности угнетенныхъ классовъ, проповѣдь конкретнаго антимилитаризма, проповѣдь Эрве и отчасти Жореса встрѣтила рѣзкій отпоръ; въ смыслѣ пониманія современной проблемы войны и мира, урокъ Штудтгарта стоитъ урока, полученнаго на гаагской конференціи. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должны мы остановиться на предстоящей перегруппировкѣ. Старая система европейскаго равновѣсія держалась на противоположности двойственнаго союза Россіи и Франціи тройственнаго—Германіи, Австро-Венгрии и Итали, и на «блестательной изолированности» Англіи. Эта система возникла тогда, когда главное вниманіе дипломатіи поглощено было европейскими дѣлами и когда еще не было войны китайско-японской, испано-американской, англо-бурской, союзнической войны въ Китаѣ и, наконецъ, самой ужасной и кровавой изъ нихъ—русско-японской. За послѣднія 20 лѣтъ дипломатическій горизонтъ необычайно расширился; онъ охватываетъ весь земной шаръ, международная жизнь становится въ истинномъ смыслѣ мировой.

Какова же эта новая группировка, на которой должно держаться мировое равновѣсіе? Мы видимъ ея безостановочное развитіе. Съ одной стороны, выходитъ изъ своей изолированности Англія; она еще не союзница Франціи, но уже связана съ ней политикою «сердечнаго соглашенія». Съ другой стороны, Італія не выходитъ изъ тройственнаго союза, но въ ея традиціонныхъ отношеніяхъ къ Франціи происходитъ рѣзкій и очевидный переломъ. Что осталось отъ кристіанскихъ традицій галлофобства, отъ полномочій во Франціи возстановить свѣтскую власть папы надъ Римомъ. Все это *tempi passati*, и итальянское общественное мнѣніе несомнѣнно ближе къ Франціи, чѣмъ къ Германіи и въ особенности къ Австро-Венгрии, съ которой готовится, повидимому, ожесточенная борьба за адриатическое побережье Балканскаго полуострова. Далѣе, несомнѣнно могущественнымъ факторомъ международной жизни стала Японія. Въ моментъ ея перваго активнаго выступленія, послѣ симонсекскаго договора, она имѣла противъ себя Россію, Германію и Францію и встрѣчала поддержку лишь со стороны Англіи. Теперь она связана съ Англіей союзнымъ договоромъ, антагонизмъ съ Франціей также разрѣшился извѣстнымъ раздѣленіемъ интересовъ, выразившимся въ франко-японскомъ договорѣ 1907 г., а послѣдняя русско-японская конвенція ликвидируетъ тяжелое наслѣдіе портсмутскаго мира.

Правда, вся эта конъюнктура не носитъ еще характера полной прочости и законченности. Мы не знаемъ, напримѣръ, какое положеніе въ ней займутъ Соединенные Штаты, центръ тяжести внѣшней политики которыхъ все болѣе и болѣе перемѣщается отъ Атлантическаго океана къ Лихому — перемѣщеніе, которое, очевидно, будетъ еще болѣе заврѣждено прорытіемъ Панамскаго канала. Есть нѣкоторые признаки, что на смѣну давнему роковому по своимъ послѣдствіямъ антагонизму Россіи и Японіи выступитъ другой, имѣющій создать другіе трагическіе конфликты—оиско-американскій. Но это во всякомъ случаѣ дѣло не очень близкаго

будущаго. Основой современной конъюнктуры является, во-первыхъ, англо-французское сближеніе, во-вторыхъ, англо-германскій антагонизмъ. Въ этомъ отношеніи нечего довѣряться ходячему языку дипломатіи и банальнымъ любезностямъ. Визиты, которыми обмѣнялись императоръ Вильгельмъ и король Эдуардъ, дали поводъ и англійской и нѣмецкой прессѣ въ многочисленныхъ и краснорѣчивыхъ статьяхъ засвидѣтельствовать близость обѣихъ державъ и обѣихъ родственныхъ народовъ. Но вѣдь достаточно отвлечься отъ этихъ этикетныхъ формулъ и вдуматься въ истинное положеніе вещей, чтобы понять, насколько англо-германскій антагонизмъ основанъ на реальныхъ силахъ. Противъ кого осуществляетъ Германія, руководимая здѣсь самимъ императоромъ, свою программу созданія военно-морского флота? Противъ кого направленъ девизъ, начерченный на германскомъ павильонѣ всемирной выставки 1900 года: «наше будущее на морѣ»? Кто является опаснѣйшимъ конкурентомъ для англійской индустріи? Мы не знаемъ, конечно, насколько удастся германской имперіи разрѣшить проблему своихъ колониальныхъ интересовъ имперіализмомъ, но мы видимъ, насколько устремлены въ эту сторону ея помыслы.

Едва ли здѣсь имѣетъ силу обычно приводимое возраженіе, что во внѣшней политикѣ дѣйствуетъ не германскій народъ, а германское правительство. Пусть будетъ такъ; но и соотношеніе реальной силы и характеръ конституціоннаго режима таковы, что Германія, какъ государство, во внѣшнемъ мірѣ направляется волей идущей сверху; можетъ быть, когда-нибудь Германія и перейдетъ къ режиму, болѣе обеспечивающему вліяніе и права народнаго представительства, болѣе ограничивающему «*regis voluntas*», которыя въ глазахъ Вильгельма есть «*suprema lex*»—но это вопросъ во всякомъ случаѣ не завтрашняго дня. Въ международномъ мірѣ мы имѣемъ передъ собою Германію не Бебеля, а графа Бюлова. А сверхъ того послѣ январскихъ выборовъ 1907 г. въ рейхстагъ, послѣ ослѣпительнаго и неожиданнаго успѣха, который выпалъ на долю «готтентотскому блоку», приходится ввести нѣкоторыя оговорки въ утвержденіе, будто колониальный имперіализмъ не имѣетъ никакой почвы въ общественномъ мнѣніи Германіи. И когда мы все это представимъ себѣ, мы поймемъ болѣе и англофобію пангерманистовъ, которые обрушиваются на «коварный Альбионъ» съ несравненно большей рѣзкостью, чѣмъ на наследственнаго врага—Францію. Въ этомъ отношеніи необыкновенно поучительна вся исторія марокскихъ осложненій, которая послужила новымъ звеномъ, соединяющимъ Францію и Англію и даже базисомъ для «тройственнаго западнаго союза», какъ окрестили съ нѣкоторой преувеличенной торжественностью состоявшееся соглашеніе Англій, Франціи и Италіи по вопросу о Марокко и смежныхъ районахъ Средиземнаго моря.

Въ этой группировкѣ какое мѣсто должна занять Россія? Положеніе ея носило характеръ весьма запутанный и полный противорѣчій. Съ одной стороны—традиціонный союзъ Франціи, санкціонированный миллиардами французскихъ капиталовъ, отданныхъ Россіи,—союзъ, въ которомъ и событія въ Россіи и эволюція французской политической жизни съ 1899

сдѣлали основательную трещину. Съ другой стороны—еще болѣе традиционная враждебность въ Англіи, питаемая нелѣпыми легендами о возможномъ походѣ Россіи въ Индію, долго культивируемая и на столбцахъ *Новаго Времени* и на страницахъ англійской джингонгстской прессы. Наконецъ, русско-германскія отношенія, отмѣченные какой-то интимностью, которая, впрочемъ, расходится съ официальной внѣшней политикой. Занять какое-нибудь положеніе для Россіи, болѣе опредѣленное, чѣмъ чистый нейтралитетъ, представлялось рано или поздно неизбежнымъ,—и эта неизбежность была поставлена нашимъ пораженіемъ въ японской войнѣ. Въ сущности говоря, результаты этой войны вообще принудили Россію перемѣнить свою внѣшнюю политику. Оказывалось, что дипломатія «приказнаго строя» стоитъ вполне на уровнѣ другихъ сторонъ нашей государственной жизни, поражена общимъ недугомъ. Несомнѣнно, послѣ этого въ нашей иностранной политикѣ произошелъ переломъ, и мы, не останавливаясь въ настоящую минуту надъ соображеніями о его прочности, должны отмѣтить только непосредственные результаты. Въ этой области 1907 годъ не прошелъ даромъ: два первостепенныхъ событія во внѣшней жизни Россіи заставляютъ его отмѣтить.

Во-первыхъ, ликвидированіе наслѣдія русско-японской войны. Всѣмъ памятно, какія тяжелыя осложненія въ этомъ отношеніи стояли передъ нами въ декабрѣ 1904 года. Надо отдать справедливость нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что оно, начиная съ досрочной эвакуаціи Манчжуріи и кончая русско-японскими конвенціями и въ частности наиболее важной изъ нихъ, рыболовной, создало основу для мирнаго и не противорѣчащаго интересамъ и достоинству Россіи *modus vivendi* на Дальнемъ Востокѣ. И прочность этихъ русско-японскихъ отношеній тѣсно связана съ другимъ капитальнымъ фактомъ истекшаго года—англо-русской конвенціей.

Извѣстно, что эта конвенція носитъ совершенно конкретный характеръ и касается разграниченія англо-русскихъ интересовъ въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ: она не упоминаетъ и о Дальнемъ Востокѣ и о европейскихъ отношеніяхъ. И всетаки значеніе ея громадно: удаляя спорные вопросы, нѣкоторые изъ нихъ весьма острые, какъ, напримѣръ, персидскій, создавая въ Азіи извѣстную англо-русскую солидарность, конвенція открываетъ путь къ дальнѣйшему сближенію и даже союзу, который долженъ явиться естественнымъ завершеніемъ франко-русскаго союза. Въ послѣдней рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ Грея указывается, что договоръ заключаетъ въ себѣ хотя и не выраженное прямо намѣреніе измѣнить взаимную политику Англіи и Россіи относительно другъ друга. Въ сущности говоря, эта конвенція опредѣляетъ то мѣсто, которое Россія должна занять въ современной мировой конъюнктурѣ. Она обезпечиваетъ—поскольку вообще дипломатическія комбинаціи могутъ обезпечивать—миръ на Дальнемъ Востокѣ, она же служитъ надежной гарантіей его въ Европѣ. И этотъ актъ нисколько не теряетъ въ своемъ историческомъ смыслѣ отъ того, что онъ не связанъ ни съ какими внѣшними проявленіями какого-нибудь антагонизма между Россіей и Германіей, что онъ, напротивъ того, слѣдовалъ за

свиданіемъ въ Свинемюнде. Искусственное охлажденіе было бы здѣсь такъ же неумѣстно, какъ и искусственная близость, которая въ одно время пропагандировалась въ противовѣсъ франко-русскому союзу. Важно, что англо-русское сближеніе, развитое и укрѣпленное, весьма поможетъ Россіи сохранить самостоятельное положеніе относительно Германіи.

Конечно, русская дипломатическая хроника за 1907 г. не исчерпывается этими фактами и не всѣ части этой хроники могутъ быть оцѣнены одинаково; не будемъ вспоминать о злосчастномъ инцидентѣ г. Гартвига въ Тегеранѣ, но трудно объяснить вообще, что министерство иностранныхъ дѣлъ такъ радикально покончило съ нездоровыми традиционными дальневосточными авантюрами, въ политикѣ, касающейся Балканскаго полуострова, такъ держится за мюрцштегскую программу и вообще за старые приемы, которые, казалось бы, уже осуждены исторіей. Весьма тагостное впечатлѣніе произвела австро-русская нота отъ 1 октября по македонскому вопросу. Это ли способъ возстановить наше вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ? Растущая германизация Ближняго Востока ставитъ неотложные вопросы, и здѣсь сближеніе Россіи, Англии и Франціи можетъ оказать великія услуги дѣлу мира и цивилизаціи. Наконецъ, не выяснившіеся еще переговоры относительно *statu quo* на Балтійскомъ морѣ заставляютъ также опасаться, какъ бы они не стѣснили свободу дѣйствія Россіи и не послужили къ задержкѣ англо-русскаго сближенія. Будемъ надѣяться, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ не отступитъ здѣсь отъ общихъ началъ своей политики.

Къ несчастью, однако, не эти ошибки—самыя важныя, которыя приходится принимать во вниманіе, изучая современное положеніе Россіи въ международномъ мірѣ. Каковы бы ни были достоинства дипломатическаго аппарата, онъ не можетъ замѣнить того воздѣйствія, которое оказывается всѣмъ ходомъ государственной и общественной жизни. Между тѣмъ есть стороны во внутреннемъ управленіи Россіи, которыя отражаются непосредственно во внѣ. Достаточно указать на нашу окраинную политику. Въ основѣ избирательнаго закона 3-го іюня лежитъ глубокое недоверіе къ представительству иноплеменныхъ элементовъ, и въ этомъ смыслѣ были сравнены столь непохожія по культурному типу области, какъ Польша и Кавказъ. И духъ этого закона вполне соответствовалъ общимъ очертаніямъ правительственной политики, надъ послѣдствіями которой въ международной сферѣ приходится очень и очень задумываться. На Кавказѣ намъ угрожаетъ новый подъемъ центробѣжныхъ силъ, могущій вызвать самыя несвоевременныя осложненія съ Турціей. Еще непонятнѣе общій характеръ административной дѣятельности въ Польшѣ и общее отношеніе къ польскому вопросу, выразившееся и въ объясненіяхъ предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ. Казалось бы, именно теперь, когда польско-германскій конфликтъ чрезвычайно обостряется, когда въ Германіи и Пруссіи были поставлены вопросы объ ограниченіи польскаго языка на общественныхъ собраніяхъ и о принудительномъ отчужденіи польскихъ имѣній—казалось бы, именно теперь мудрая и благожелательная политика можетъ не только за-

лѣчить многія стародавнія раны, но и чрезвычайно укрѣпить положеніе Россіи въ славянскомъ мірѣ, и этимъ облегчить разрѣшеніе возможныхъ осложненій въ будущемъ, которыя могутъ быть связаны съ перешагами въ судьбѣ Австро-Венгріи. Все это однако совершенно не принимается во вниманіе, и такіе факты, какъ закрытіе матицы, повидимому доказываютъ, что нинѣшній моментъ будетъ окончательно упущенъ. И что уже совершенно непонятно—можно думать, что мѣстная администрація гораздо менѣе боится германизаціи русской Польши, чѣмъ предоставленія культурной самостоятельности польскому населенію! Все это въ ту минуту, когда въ Австріи начинается объединеніе славянскихъ элементовъ, вызванное отчасти именно этими нѣмецкими законопроектами. Очень можетъ быть, что здѣсь въ нашихъ дѣйствіяхъ нѣтъ даже опредѣленной системы и опредѣленной идеи, а есть только примѣненіе общихъ, столько лѣтъ практиковавшихся, приѣмовъ безъ мысли о послѣдствіяхъ. Этотъ упрощенный взглядъ понятенъ, когда онъ высказывается какими-нибудь безответственными партіями, еще вполне невинными и лишенными какого-нибудь политическаго развитія; но онъ не можетъ не вызывать изумленія, когда мы встрѣчаемся съ его отраженіями въ правительственной средѣ. Тамъ тоже, повидимому, думаютъ, что закрытіе матицы есть лишь мѣра административнаго благоразумія, одна изъ обычныхъ мѣръ, находящихся въ арсеналѣ защиты общественнаго спокойствія и порядка.

Но дѣло, конечно, не только въ окраинной политикѣ, которая непосредственно соприкасается съ международными проблемами; дѣло во всемъ внутреннемъ строѣ русской жизни. Дѣло прежде всего въ той глубокой неопредѣленности, которая до сихъ поръ царитъ относительно нашего будущаго и которая наше настоящее превращаетъ въ царство какихъ-то случайностей. Намъ говорятъ: Россія переживаетъ переходное время—этотъ процессъ естественъ и неизбеженъ. Да, но не надо забывать, какими потерями, матеріальными и культурными, мы уплачиваемъ, когда этотъ процессъ безнадежно затягивается, какую дезорганизацію онъ несетъ съ собой. И здѣсь важно для насъ не установленіе исторической ответственности—вѣроятно, для него не настало время,—важно прежде всего пониманіе и учетъ между прочимъ того, насколько связано положеніе Россіи въ международномъ мірѣ съ ея внутренней судьбой. Утвержденіе такой связи едва ли кѣмъ-нибудь теоретически, отвлеченно будетъ оспариваться, но вѣдь оно должно быть продумано въ совершенно конкретній формѣ. Закладывая основу аграрной реформы, помогая образованію экономически сильнаго крестьянства, идя навстрѣчу требованіямъ рабочаго класса, дѣлая общедоступной начальную школу, обезпечивая въ странѣ ту сумму гражданской свободы, безъ которой невозможны порядокъ и миръ, работаютъ въ интересахъ, нинѣшнихъ великое международное значеніе. И европейское общественное мнѣніе это прекрасно понимаетъ, хотя оно иногда и заблуждается въ оцѣнкѣ законодательныхъ и административныхъ средствъ, которыми отвѣчаютъ на запросы русской жизни; такъ, наприм., отнеслось оно—и вовсе не только съ теоретическимъ интересомъ—къ ноябрьскимъ аграрнымъ законамъ по 87 ст. с

выходѣ изъ общины. Пусть тутъ была иллюзія, будто такіе способы можно создать «Kraftiger Bauernstand»—вѣдь русскія аграрныя отношенія до сихъ поръ остаются въ значительной мѣрѣ загадкой для западныхъ странъ,—но ясно сознавалось, насколько глубоки имущественныя и социальныя перемѣненія въ Россіи будутъ имѣть международные результаты. И если положеніе о Государственной Думѣ совершенно изъѣмлетъ внѣшнюю политику изъ ея вѣдѣнія, то вся органическая работа, въ которой народное представительство участвуетъ по нашимъ основнымъ законамъ, есть крупный факторъ, еще въ гораздо большей мѣрѣ опредѣляющій, какое мѣсто будетъ занимать Россія среди другихъ государствъ Европы въ ближайшемъ будущемъ, чѣмъ даже работа русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, какими бы достоинствами эта послѣдняя ни отличалась. Будемъ надѣяться, что сознаніе этого не чуждо по крайней мѣрѣ значительной части состава наличной Государственной Думы.

Мы видѣли, изъ какихъ элементовъ слагается новая міровая конъюнктура. Эпоха блистательной изолированности проходитъ не для одной Англіи; современная война—и въ особенности война между европейскими великими державами,—была бы такой великой міровой катастрофой, что противъ нея должны быть приняты сугубыя гарантіи. И въ этомъ процессѣ установленія европейскаго равновѣсія Россія есть необходимый элементъ; сама исторія выдвигаетъ союзъ Россіи, Франціи и Англіи. Сила и авторитетъ Россіи въ международномъ мирѣ, при этихъ условіяхъ, являются несомнѣннымъ благомъ не только съ національной точки зрѣнія. Но сила эта не можетъ быть только матеріальной. Необходимо въ корни разрушить то традиционное предубѣжденіе, которое всетаки періодически вышвыбываетъ, что Россія, заключаая въ себѣ стихію непережитаго варварства, представляетъ постоянную угрозу западной культурѣ. Оно всплываетъ, несмотря на то, что русское искусство и русская наука уже перестали быть terra incognita, несмотря на всѣ откровенія, которыя дали западнымъ обществамъ представители нашего національнаго генія. Пусть они часто опережали европейскую мысль, но все же какое разстояніе отдѣляетъ эти вершины отъ всей массы? «Вы имѣете интеллигенцію,—говорилъ какъ-то Леруа Болье, которая живетъ въ XXI вѣкѣ, но вашъ народъ еще не пережилъ XV столѣтія». Вѣрна или невѣрна эта характеристика, она отражаетъ то чувство недоумѣнія и недовѣрія, съ которымъ встрѣчаютъ «свѣтъ съ востока».

Эта пропасть не заполняется въ дни или года, но политическій опытъ западныхъ народовъ указываетъ намъ, какое значеніе имѣютъ здѣсь формы правового государства—тѣ формы, въ которыхъ только и можетъ быть окончательно преодолѣно противорѣчіе Россіи и Европы, противорѣчіе, воскресить идеализацію котораго въ XX вѣкѣ есть дѣло совершенно безнадежное и устранить которое одинаково важно и въ интересахъ европейскихъ, и въ интересахъ русской культуры.

С. Мотляревскій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь

1908 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія.—Политическая экономія.—Публицистика.—Естествознаніе. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го декабря 1907 г. по 1-е января 1908 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Т. I.—*Александръ Ремизовъ.* 1) Лимонарь саръчь дугъ духовный. 2) Прудъ.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Томъ I. К-во Скорпіонъ. Ц. 2 руб. Въ печати появился первый томъ собранія стиховъ В. Я. Брюсова. Крупный и общепризнанный въ настоящее время, быть можетъ, лучший поэтъ современности давно уже требуетъ всесторонней и тщательной оцѣнки, которой не можетъ быть мѣста въ этой краткой рецензіи.

Мы ограничимся только тѣмъ, что напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ ту странную и поучительную судьбу, которая до самаго послѣдняго времени преслѣдовала небольшіе отдѣльные сборники поэтическихъ произведеній Брюсова, и отмѣтимъ тѣ маленькія, скорѣе техническія погрѣшности, которыя, на нашъ взглядъ, допустилъ авторъ, выпуская впервые въ свѣтъ полное собраніе своихъ сочиненій.

Въ 1895 году вышла первая книжка стихотвореній Брюсова подъ заглавіемъ *Chefs d'Oeuvre*; эти стихи встрѣтили не только неблагоклонные отзывы критики, которая твердила, что она ихъ не понимаетъ, но и всеобщее, единодушное глумленіе. Смѣхотворныя пародіи Влад. Соловьева, напечатанныя въ *Вѣстникѣ Европы*, заучивались наизусть даже тѣми, кто никогда не видалъ самыхъ стихотвореній Брюсова. Надо замѣтить, что поводъ къ подобному рода отношенію подалъ отчасти и самъ Брюсовъ: наряду съ прелестными, глубоко поэтическими стихотвореніями въ той же книжкѣ фигурировало знаменитое одностопное: „О закрой свои блѣдныя ноги“, сдѣлавшееся почти апокрифическимъ. Было ли это своеобразнымъ глумленіемъ надъ читающей публикой, или въ этомъ сказался молодой задоръ, о которомъ съ высоты пережитаго времени и достигнутой славы Брюсовъ вспоминаетъ, быть можетъ, теперь съ легкой улыбкой,—во всякомъ случаѣ тогда эти выходы мало способствовали успѣху начинающаго поэта.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени имъ были выпущены въ свѣтъ, кромѣ *Chefs d'Oeuvre*, четыре книги стихотвореній. Эти книги подъ заглавіемъ *Me eum esse*, *Tertia Vigilia*, *Urbi et Orbi*, и *Stephanos*—дѣйствительно представляли изъ себя тѣ пять ступеней, по которымъ поднимался все выше и выше молодой поэтъ. Съ каждымъ новымъ сборни-

комъ на глазахъ изумленнаго читателя росло и крѣпло настоящее поэтическое дарованіе, высоко къ небу подымался священный огонь поэтического таланта.

Юношеская порывистость, горькія раздумья и тревожныя исканія уступали мѣсто зрѣлому и выстрадавшему творчеству, волнующе сердце намеки выливались въ мощные и сильные образы полнозвучнаго и чеканнаго стиха. Многогранность творчества Брюсова поистинѣ изумительна, и, быть можетъ, никто изъ современниковъ не могъ бы съ большимъ правомъ сказать про себя:

На островѣ мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни
Я исследывалъ пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что ярче, что тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней.

И странно полюбить я мгу противорѣчій
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ;
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихи.

Но для современности Брюсовъ особенно, быть можетъ, дорогъ, какъ пѣвецъ ея отраженныхъ миговъ, ея будней, ея большихъ городовъ, ея смутныхъ, но настойчивыхъ исканій и тревогъ. Широкая публика мало по-малу начинала прислушиваться къ голосу поэта, противъ воли училиась любить и понимать его.

Немаловажную роль въ этомъ отношеніи сыграло, несомнѣнно, и общее направленіе молодой поэзіи, приучившее публику къ той „изысканности русской медлительной рѣчи“, о которой писалъ Бальмонтъ. Мы убѣждены, что теперь, перечитывая юношескія стихотворенія Брюсова, средній читатель съ удивленіемъ задается вопросомъ, что находилъ онъ въ нихъ когда-то непонятнаго и особенно экстравагантнаго. Незамѣтно была одержана побѣда, и правъ былъ Брюсовъ, замѣчая въ свое время:

Я знаю бѣглость ночи и зимы,
Молюсь увѣренно зорѣ и маю,
Что въ будущемъ восторжествуемъ мы,—
Я знаю.

Полнаго расцвѣта своего таланта достигъ Брюсовъ въ книгѣ стихотвореній, озаглавленной *Urbi et Orbi*. Лежь равнодушія и насмѣшекъ публики былъ сломанъ окончательно и, кажется, безповоротно. Какъ-то вдругъ, незамѣтно, Брюсовъ дѣлается общепризнаннымъ поэтомъ. Толстые журналы отзываются о немъ почти съ неизмѣнной похвалой, стихи его попадаютъ въ хрестоматію и различные сборники, появляются критическіе очерки, посвященные разбору его произведеній; правда, ихъ не много, но здѣсь уже играетъ роль чрезвычайная трудность оцѣнки поэта, идущаго впередъ крупными шагами, и къ тому же, если такъ можно выразиться, слишкомъ современнаго, чтобы можно было отнестись къ нему съ необходимымъ безпристрастіемъ.

Въ предисловіи къ собранію стиховъ Брюсовъ замѣчаетъ, что онъ избѣгалъ исправлять свои юношескіе стихи, зная, какъ опасно передѣлывать въ пору полной зрѣлости дарованія художественныя произведенія, созданныя при господствѣ иныхъ взглядовъ и переживаній; внесенныя же въ текстъ измѣненія и дополненія были сдѣланы въ различныхъ стихотвореніяхъ вскорѣ послѣ ихъ напечатанія. Мы лишены возможности сравнить напечатанные въ лежащей передъ нами книгѣ стихи съ первоначальной ихъ редакціей, такъ какъ прежніе сборники стиховъ Брюсова

Большей частью уже распроданы. Но насколько намъ не измѣняетъ память, нѣкоторыя стихотворенія измѣнены такъ, что, по нашему мнѣнiю, отъ этого проигрываютъ ихъ непосредственность. Для примѣра можно указать на стихотворенiе, озаглавленное „Скины“. Жаль также, что „взыскательный художникъ“ выпустилъ въ полномъ собранiи своихъ стиховъ нѣсколько прелестныхъ вещицъ, какъ, напр., стихотворенiе „Па дачѣ“. Съ вѣшной стороны изданiе „Путей и переулочковъ“ производитъ прекрасное впечатлѣнiе.

В. Арнольдъ.

Алексѣй Ремизовъ. 1) Лимонарь сирѣчь лугъ духовный. Изд. Оры 1907 г., 132 стр. Ц. 60 к. и 2) Прудъ. Изд. „Сиріусъ“, Спб., 1908 г., стр. 284. Ц. 1 р. 25 к. Недавно вышедшій отдѣльной книгой „Прудъ“ написанъ раньше „Лимонаря“, который появился весной прошлаго года. „Прудъ“ печатался въ „Вопросахъ жизни“ въ 1905 г., такъ что между нимъ и „Лимонаремъ“ разстоянiе двухъ лѣтъ. И за эти два года Алексѣй Ремизовъ такъ выросъ, такъ опредѣленно нашелъ себя, что о „Прудѣ“ можно говорить, какъ о пройденномъ этапѣ его дороги.

Со времени „Посолони“ (1906 г.) его дорога повернула въ дремучій заповѣдный боръ сказокъ и сказанiй, и здѣсь онъ нашелъ въ себѣ такія заговорныя слова, которыя расколдовали въ полузабытомъ лѣсу оцѣпѣвшую жизнь. И она зазеленѣла юными, свѣжими ростками, зацвѣтила цвѣтами сказокъ „Посолони“—и нельзя различить въ краскахъ этихъ цвѣтовъ, какія—отъ весенняго лѣса, какія отъ сѣдой старины, какія отъ сказочной души самого сказочника.

Въ „Прудѣ“ нѣтъ живой жизни. Онъ—мертворожденное дитя, которое лишь нѣкоторыми чертами своими предвѣщаетъ то, чего можно было ждать отъ другихъ дѣтей отца его. Онъ не будить въ душѣ ничего отвѣтнаго, не заражаетъ, не пугаетъ даже, несмотря на вереницу страшныхъ образовъ, напоминающихъ съѣздъ калѣвъ у стѣнъ монастыря въ престольные праздники, при чемъ каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы люди и Богъ какъ можно страшнѣе восприняли ужасы ихъ искалѣченности.

Но если и становится страшно, по прочтенiи книги, за человѣчскія судьбы, отразившіяся въ этомъ „Прудѣ“, то это ужъ какъ результатъ размышлений, на какія наталкиваетъ книга.

Послѣ размышленiя вѣришь автору, что такія существованiя есть и что они—сплошной кошмаръ, и вѣришь, что авторъ съ головой окунулся въ этотъ кошмаръ, долго носилъ его въ себѣ, прежде чѣмъ подѣлиться имъ съ читателемъ.

Но мы остаемся холодны и не можемъ преодолѣть утомленiя и порожденнаго имъ желанiя стряхнуть съ себя кошмарные образы, уйти отъ нихъ подальше. Не по нервной слабости, не по черствости душевной уйти, не по безразличности къ тому, что дѣлается въ подпольѣ. Каждый изъ насъ читалъ Достоевскаго, и какъ ни душно то подземеелье, куда онъ ведетъ насъ за своими подпольными людьми, желанiя бѣжать отъ нихъ у насъ не возникаетъ. Можетъ быть, потому, что въ подполье имѣетъ право вести лишь тотъ, кто самъ уже не боится ужасовъ, кто обрѣлъ среди нихъ не безнадежность, а высшую свою надежду.

Есть страницы въ „Прудѣ“, отъ которыхъ остается физическое впечатлѣнiе какой-то гнойной раны. Эти страницы сами по себѣ сильны и художественны. Но не художественъ приѣмъ нагроможденiя потрясающихъ и подавляющихъ образовъ. Послѣ нѣсколькихъ страницъ „Пруда“ нервы устаютъ и уже никакъ не реагируютъ на то, что всѣ въ этой

книги опозорены, истерзаны, растоптаны и что нѣтъ для нихъ правды ни на землѣ, ни выше.

Одна строчка въ „Лимонарь“ (въ „гнѣвъ Ильи Пророка“) „Земля! Ты будь мнѣ матерью, не торопись обратитъ меня въ прахъ!“—говоритъ больше о трагизмѣ земного жребія человѣка, чѣмъ все изображенное въ „Прудѣ“, съ прибавленіемъ всѣхъ воззваній къ Богородицѣ, всѣхъ воплей о пощадѣ и о томъ, что ея нѣтъ.

Мѣстами въ безформенной темной глыбѣ „Пруда“ блещутъ драгоценные камни—живая роса будущихъ „Посолони“ и „Лимонаря“. Про „землю обѣтованную“, про „крылья бѣлыя“, про осень, которая таже говоритъ о себѣ:

...Я золотомъ и тусклымъ серебромъ устала вся дорога,
Въ моихъ глазахъ послѣдній жаркій трепеть заблесталъ—
Я ужоу отъ васъ...

Любите же меня, любите!

И всюду, гдѣ Ремизовъ говоритъ о природѣ, онъ—поэтъ, поэтъ несомнѣнный и такой своеобразный.

А культура съ ея неизбежными, неисчислимыми человѣческими жертвами—въ глазахъ Ремизова—тотъ же загнившій прудъ у Андроньевскаго монастыря, который онъ описываетъ въ романѣ, прудъ, охраняемый блудницами монахами и каменнымъ изображеніемъ дьявола, „оплеваннаго и опозореннаго людьми“—ибо и дьяволъ не такого смраднаго, гноящагося и въ то же время маленькаго зла ожидалъ отъ людей, какимы они пропитали свою жизнь.

Тѣмъ паѳосомъ автора, какимы окружены семейныя событія купцовъ Огорѣлышевыхъ, они выносятся въ центръ круга, необозримо большаго, чѣмъ семейная жизнь. Семейная хроника грубости, мучительства, всякихъ паденій, извращеній и поочередной гибели всѣхъ становится исторіей человѣка на землѣ, исторіей человѣчества, которому осталась только одна молитва:

„Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставилъ? (Слова, которыми кончается одна изъ главъ „Пруда“).

— А тамъ на небесахъ (въ отвѣтъ на эту молитву) была великая тьма,—прибавляетъ онъ въ концѣ книги, законченной образомъ все еще—какъ въ девятый часъ—распятаго, до нынѣ невоскресшаго Христа.

И вслѣдъ за этой тьмою, какъ алыя лучи весенней зари—Посолони и Лимонарь.

О „Посолони“ писали въ прошломъ году въ *Русской Мысли* (привѣтствовали ее радостно и горячо, какъ она этого заслуживала). „Лимонарь“ меньше извѣстенъ въ публикѣ, чѣмъ она. Заглавіе его не знакомымъ съ древне-русскою литературой (а русскій читатель въ большинствѣ своемъ въ этой области отгѣнно необразованъ) показалось „декадентскимъ“; главная прелесть вещи заключается въ чудѣ оживленія духа древней поэзіи и тонкаго, органическаго претворенія въ формы, близкія и понятныя современности.

Щедрыи избытокъ образовъ, ихъ фантастичность, ихъ быстрая смѣна—все, что дѣлаетъ утомительнымъ „Прудъ“, стало въ „Лимонарь“ его главною красотою.

Въ романѣ его образы метались разбѣденныя, какъ сухіе листья, и вмѣстѣ съ ними метался въ напрасной надеждѣ объединитъ ихъ самъ авторъ.

Здѣсь онъ—творецъ, въ томъ заключающемъ бури творческомъ спокойствіи, въ какомъ человѣкъ имѣетъ право сказать: да будетъ! созда-

нѣмъ своимъ, дать имъ плоть и кровь и вдохнуть въ нихъ дыханіе жизни—душу живую.

Красотою свѣтятся, красотою живыхъ цвѣточныхъ тѣней, живыхъ человѣческихъ лицъ, а не восковыхъ страшилищъ „Пруда“, всѣ апокрифы Лимонаря.

Первый апокрифъ „О безуміи Иродіадиномъ, какъ на землѣ зародился вихрь“, вводитъ насъ въ книжку сильнымъ аккордомъ, сразу и музыкальнымъ, и красочнымъ:

„Ударила крыльями бѣлогрудая райская птица, пробудила ангеловъ. Спихватились ангелы, полетѣли печальные на четыре стороны, во всѣ семьдесятъ и двѣ страны понесли вѣсть.

Бѣлые цвѣты!“

И этотъ внутренній музыкальный ритмъ, сопровождаемый тонко соотвѣтствующей ему красотой словеснаго созвучія и красочнаго сплетенія образовъ, до конца книги ни разу не покидаетъ автора.

У Ремизова—поскольку онъ поэтъ, а не романтикъ—есть рѣдкій и драгоценный даръ оживлять слова (въ противоположность тѣмъ поэтамъ и—увы!—многочисленнымъ въ наши времена, чье одно прикосновеніе умерщвляетъ и ту банальную жизнь, какая есть у слова въ просторѣчьи). Ремизовскія же слова и ихъ сочетанія живутъ живою и въ то же время сказочно-яркою жизнью.

Онъ окропилъ языкъ современной литературы водами древнихъ тайныхъ ключей, долго хоронившихся отъ нашихъ полуосвѣщенныхъ культурою глазъ и забывшихъ навстрѣчу вѣщему взору.

Въ движущихся картинахъ апокрифа выдержанъ тотъ наивный, ярко контрастный въ своихъ краскахъ, выпукло-опредѣленный въ контурахъ стиль древней церковной живописи, которая примитивными средствами умѣла достигать такого впечатлѣнія и реальности и глубокой религиозной настроенности.

Въ глѣбѣ „Ильи пророка“ рядомъ съ драмою на небесахъ и въ аду изъ-за того, что Иуда укралъ у задремавшаго апостола Петра ключи и перенесъ въ адъ всѣ сокровища рая,—развивается земная драма безпомощности и гибели человѣка передъ грозными силами стихій.

...Нѣтъ новаго хлѣба, нѣтъ обилья. Погибла крупа. Погибъ солодъ. Не будетъ ни каши, ни квасу...

Прелестенъ, но уже въ другихъ, нѣжныхъ, точно просвѣчивающихъ насквозь по блѣдно-золотому фону краскахъ апокрифъ „О мѣсяцѣ и звѣздахъ, и откуда они такіе“.

Тамъ хотя и говорится, что воздвиглись на землѣ цѣлыя сѣрыя горы отъ сѣрыхъ—и въ добрѣ и въ злѣ сѣрыхъ—дѣлъ человѣческихъ—есть уже для Ремизова на землѣ тростинка дѣвочка Марія Египетская, выпросившая себѣ золотую нитку отъ ризъ Господнихъ—ту золотую нитку, отъ которой и мѣсяцъ, и звѣзды съ ихъ красотою, и души, пожелавшія скорѣе въ подвигъ.

Кромѣ Маріи Египетской, есть и еще одно, что связываетъ Ремизова по новому съ жизнью. Раньше съ этимъ для него была соединена могила, черви смрада (въ „Прудѣ“).

Въ апокрифѣ (о страстяхъ Господнихъ) онъ такъ говоритъ о смерти: — Она не отходила отъ него неутолимая—Смерть прекрасная.

Не отчаяніе она родитъ въ немъ, а, вопреки всему, вопреки ужасному описанію разложившагося тѣла Христа, будитъ смиренную молитву разбойника:

— Помяни меня, Господи, егда придетъ во царствіе Свое.

Распространившаяся мода быть христіанами и вытекшій отсюда для многихъ современныхъ литераторовъ обычай всею поминать имя Божіе повелѣ въ тому, что, когда встрѣчаешь теперь слова священнаго писанія въ свѣтской книгѣ, становится жутко, какъ было въ дѣтствѣ, когда смотрѣлъ на картину торгующихъ во храмѣ.

Но Ремизовъ—кодунъ и язычникъ—имѣетъ право употреблять ихъ по всему „Лимонарю“, и какъ правдиво его безвѣріе, такъ правдивы и его молитвы.

В. Малахѣва-Мировичъ.

ИСТОРИЯ.

Карлъ Шурцъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера.—*Проф. Александръ Трачевскій.* Наполеонъ I. Первые шаги и консульство.

Карлъ Шурцъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Изданіе журнала „Русское Богатство“. Перев. съ нѣмецкаго А. Н. Анненской. Ц. 30 к., стр. 132. Пылкій участникъ въ годы своего студенчества въ революціонномъ движеніи 48—49 годовъ въ южной Германіи, счастливо ускользнувшій отъ жестокой расправы побѣдоносныхъ прусскихъ усмирителей, позднѣе эмигрировавшій въ Сѣв. Америку и быстро выдвинувшійся тамъ въ качествѣ мирнаго политическаго дѣятеля (настолько, что черезъ нѣкоторое время явился на родину въ качествѣ посланника Соединенныхъ Штатовъ), Карлъ Шурцъ въ прошломъ году издалъ воспоминанія о періодѣ своей жизни съ 1846 до 52 года. Въ этихъ воспоминаніяхъ, встрѣченныхъ съ большимъ интересомъ нѣмецкой публикой, даются яркія картины революціонныхъ настроеній, быстро охватившихъ нѣмецкое студенчество и интеллигенцію въ 48 году. Подъ перомъ автора оживаютъ драматическіе моменты „безумныхъ“ лѣтъ. Читатель видитъ, какъ доктринерскій революціонизмъ интеллигенціи, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ политическаго опыта у выступившихъ на арену борьбы слоевъ населенія, губить всѣ плоды 48 года. Эти страницы воспоминаній необычайно поучительны для современнаго русскаго читателя. Точно рассказъ идетъ не о 1848 годѣ въ Германіи, а о 1905—1906 годахъ въ Россіи. Переводчица очень удачно выбрала для перевода только нѣсколько главъ, относящихся къ студенческимъ годамъ Шурца и его участію въ революціи. Въ ея мастерскомъ переводѣ всѣ эти главы читаются съ захватывающимъ интересомъ и съ неослабывающимъ вниманіемъ къ развертывающимся событіямъ. „Воспоминанія“ начинаются съ осени 1846 года: Шурцъ—еще „страшно застѣнчивый юноша, до того застѣнчивый, что чувствовалъ себя хорошо исключительно въ кругу семьи или самыхъ близкихъ знакомыхъ“. О своемъ будущемъ думаетъ онъ съ полнымъ спокойствіемъ. Воображеніе рисуетъ ему „профессуру по исторіи и блестящую литературную дѣятельность“... По на ступилъ 48-й годъ. Фридрихъ Вильгельмъ IV на умѣренныхъ требованіи „Соединеннаго ландтага“ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ и его роспускомъ. Само правительство толкаетъ общественное мнѣніе на революціонный путь. И дѣйствительно, провозглашеніе республики во Франціи было сигналомъ для стихійнаго возбужденія во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ. Молодой Шурцъ, какъ большинство студенчества, изъ сантиментальныхъ мечтателей о „вѣчной братской любви“ (стр. 5) превращается въ пламеннаго агитатора. Затѣмъ мы находимъ въ воспоминаніяхъ Шурца картину реакціи. Когда національное собраніе выразило свои симпатіи къ

борящемуся населенію Вѣны, то черезъ нѣсколько дней королевскимъ указомъ засѣданія его были отсрочены и перенесены изъ столицы въ провинціальный городъ. Національное собраніе, наконецъ, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи выпустило воззваніе къ народу съ призывомъ не платить налоговъ. Исторія „пассивнаго сопротивленія“ въ Пруссіи извѣстна; оно не удалось и доставило правительству новую „безкровную побѣду“. Мы упрекали учредительное собраніе, пишетъ авторъ, за то, что въ эти критическія минуты оно „ограничивается малодушной политической пассивнаго сопротивленія“ (стр. 41). Совершенно тѣ же упреки, которые сыпались со стороны нашихъ большевиковъ на первую Государственную Думу послѣ Выборгскаго воззванія.

Нѣсколько раньше, когда Фридрихъ Вильгельмъ IV отказался, вопреки постановленію франкфуртскаго національнаго собранія, принять императорскую корону, началось возстаніе во многихъ мѣстахъ Германіи. Авторъ „Воспоминаній“ принималъ участіе въ народномъ ополченіи сначала въ Пфальцѣ, потомъ въ Баденѣ, защищалъ крѣпость Раштатъ и при взятіи ея пруссаками въ послѣдній моментъ бѣжалъ и тѣмъ спасся отъ разстрѣла. Послѣ этого опять былъ нѣкоторое время въ Швейцаріи, гдѣ имъ были выработаны и впоследствии приведены въ исполненіе проектъ освобожденія изъ смирительнаго дома своего друга, осужденнаго на пожизненное заключеніе, нѣмецкаго поэта и ученаго Кинкеля. Нельзя безъ замиранія сердца читать страницы, гдѣ описываются побѣги сначала самого автора, а потомъ Кинкеля.

Чрезвычайно близкое сходство многихъ драматическихъ моментовъ 1848—49 годовъ въ Германіи съ тѣмъ, что пережитыми нами событиями, необычайная простота, искренность и непосредственность передачи переживаній и впечатлѣній авторомъ и достоинства самого перевода обеспечиваютъ успѣхъ „Воспоминаній нѣмецкаго революціонера“.

Л. Френкель.

Проф. Александръ Трачевскій. Наполеонъ I. Первые шаги и консульство. 1769—1804. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к. Лежащая передъ нами книга представляетъ популярную біографію Наполеона, основанную однако на самостоятельной разработкѣ матеріала, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи. Проф. Трачевскій нѣсколько лѣтъ работалъ въ архивахъ въ Парижѣ и Петербургѣ и даже издалъ важнѣйшія бумаги этихъ архивовъ въ „Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества“.

Обширныя данныя, добытыя авторомъ, подтвердили его взглядъ на Наполеона и его дѣятельность. Проф. Трачевскій говоритъ, что „слѣдуетъ доискиваться не столько личной окраски, внесенной Наполеономъ I въ событія, сколько его бессознательнаго служенія дѣлу времени“ (пред., стр. VIII). Вся его дѣятельность, по мнѣнію автора, представляетъ результатъ переходной эпохи послѣ революціи: „Въ данномъ случаѣ роковой исторической законъ воплотился въ почти миеологическомъ гигангѣ, котораго не даромъ горячо ненавидѣли столпы старины, какъ „исчадіе революціи“... Въ этомъ смыслѣ ниня созданія Наполеона, даже во внутренней политикѣ, живутъ и теперь. Вообще же его дѣятельность послужила источникомъ тѣхъ всестороннихъ движеній, которыя наполнили весь только что истекшій вѣкъ“ (пред., стр. X).

Въ томъ же предисловіи проф. Трачевскій говоритъ о томъ, какъ часто съ новой силой возрождался интересъ къ личности и дѣятельности Наполеона. Этотъ интересъ связанъ съ умственнымъ теченіемъ

Европы: сначала „вниманіе цѣлаго поколѣнія занимала Наполеоновская легенда“. Затѣмъ, когда развитіе естественныхъ наукъ и эволюціонная теорія смѣнили былой романтизмъ, исчезъ и интересъ къ Наполеону, какъ ко всякому герою. Но въ концѣ вѣка снова возрождается эстетизмъ, символизмъ, стремленіе къ воплощеніямъ. Карлейль проводитъ „героепоклонство“, и Наполеонъ снова становится любимымъ героемъ, воплощеніемъ великой эпохи. На-ряду съ этимъ политическія событія также способствовали возрожденію такого интереса къ Наполеону: дѣятельность Наполеона „Малаго“ воскресила образъ Наполеона Великаго, Седанъ заставилъ вспомнить о его побѣдахъ, наконецъ, установленіе республики возродило интересъ ко всей революціонной эпохѣ, конецъ вѣка привелъ къ подведенію итоговъ всему истекшему столѣтію,—и взоры всѣхъ снова обратились къ Бонапарту. У насъ, въ Россіи, въ настоящую эпоху, когда создается, по словамъ проф. Трачевскаго, „Россія новая“, вполне естествененъ интересъ къ эпохѣ Наполеона, такъ какъ „невольно сравниваютъ наши вождельнія съ идеалами, возвѣщавшими наступленіе XIX в.“ (пред., стр. III).

„Изъ дали цѣлаго вѣка,—говоритъ авторъ,—передъ нами рѣзко вырисовывается знакомая и дѣтямъ фигура „капральчика“ въ сѣрой шинели, въ треуголкѣ, надѣтой шиворотъ-навыворотъ, съ сложенными на груди руками, съ пронзительнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ пространство“ (стр. III). Таковъ его внѣшній образъ. Проф. Трачевскій старается вызвать передъ читателями и его внутренній образъ, со всѣми его достоинствами и недостатками, съ страстной жаждой дѣятельности, непоколебимой энергіей, съ его военнымъ гениемъ и дипломатическимъ макиавеллизмомъ, со всѣми интригами, коварствомъ, завистью и деспотизмомъ. Проф. Трачевскій указываетъ на то, что возвысіться и прославиться своими гениальными побѣдами „капральчикъ“ могъ только въ ту, полную переменъ и неожиданностей, бурную революціонную эпоху.

Наполеонъ, по мнѣнію многихъ современниковъ, является „исчадіемъ революціи“. И сначала Наполеонъ служитъ дѣлу революціи, помогая Франціи и Европѣ сбросить съ себя одряхлѣвшія цѣпи стараго порядка. Затѣмъ политика Наполеона мѣняется. Развивается политика міродержавія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цезаризма. Утомленная, обезсиленная долгою борьбою Франція послѣ революціи отдавала себя покорно въ руки деспота, дававшего ей миръ, естественныя границы, мировую славу и новый кодексъ. Наполеонъ и въ этомъ былъ только выразителемъ, создателемъ, а не создателемъ новой эпохи.

Въ разбираемой книгѣ проф. Трачевскій останавливается только на первыхъ шагахъ и консульствѣ,—эпоха имперіи составляетъ самостоятельное изслѣдованіе.

Если бы авторъ не злоупотреблялъ порою слишкомъ громкими фразами, вычурными литературными оборотами и названіями, его книга сильно выиграла бы. Въ общемъ проф. Трачевскій умѣетъ излагать живо и интересно, хотя внѣшняя политика Наполеона разработана полнѣе тщательнѣе, чѣмъ внутренняя.

Въ началѣ книги, въ предисловіи, авторъ даетъ очень подробную библиографію по эпохѣ Наполеона, которая можетъ быть очень полезна для желающихъ подробнѣе и серьезнѣе познакомиться съ вопросомъ.

Въ общемъ книга проф. Трачевскаго можетъ быть доступна самому широкому кругу читателей, благодаря своей популярности и недорогой цѣнѣ.

О. Рудченко.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Августъ Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и ученіе.

Августъ Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и ученіе. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Майзеля и В. Серезникова, подъ редакціей В. Базарова. Изд. товарищества „Знаніе“. Стр. 227. Спб., 1906 г. Ц. 60 к. Книжка эта появилась въ Германіи въ 80-хъ годахъ и переведена теперь, повидимому, только въ виду высокаго курса имени Бебеля на книжномъ рынкѣ. Авторъ совершенно не справился съ задачей—дать популярное и ясное изложеніе системы Фурье. Въмѣсто переработки огромнаго матеріала въ цѣляхъ доступнаго изложенія основныхъ положеній и доводовъ ученія, Бебель запутываетъ читателя въ фантастическихъ аналогіяхъ, вычисленіяхъ и формулахъ великаго французскаго утописта, ограничиваясь почти одними цитатами. Къ тому же изложеніе Бебеля вовсе не опирается на дѣйствительное знакомство съ первоисточниками о Фурье и фурьеризмѣ, что также не могло не сказаться на достоинствахъ работы. Въ немногихъ только случаяхъ Бебель прерываетъ цитаты для того, чтобы отмѣчать связь нѣкоторыхъ взглядовъ Фурье съ положеніями современнаго такъ называемаго научнаго социализма.

Л. Шифъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Винаверъ. Конфликты въ первой Думѣ.—„Наканувъ пробужденія“. Сборникъ статей по еврейскому вопросу. Г. В. Гессена, М. Б. Ратнера и Л. Я. Штернберга.

М. Винаверъ. Конфликты въ первой Думѣ. Спб., 1907 г. Стр. 184. Ц. 60 к. Для первой русской Государственной Думы еще не скоро наступитъ время суда. Отдѣльные шаги ея уже и сейчасъ, правда, представляются явно ошибочными. А въ свѣтъ исторической перспективы обнаружатся, безъ сомнѣнія, множество ускользящихъ отъ нашего взгляда крупныхъ и мелкихъ недочетовъ. Трудно сказать, каковъ будетъ общій итогъ. Въ одномъ только можно быть смѣло увѣреннымъ: потомство преклонится предъ тою „холодной уравновѣшенностью“, за которую тогдашній думскій центръ подвергался такимъ легкомысленнымъ и несправедливымъ упрекамъ. Сохранить въ это замѣчательное, но все же смутное время такую ясность программы, такую опредѣленность директивъ, такую твердость въ ихъ осуществленіи—могла только политическая организація столь выдающагося личнаго состава, какъ первая парламентская кадетская фракція. Отличительною чертою партіи явилось именно то, что она уже тогда отдала себѣ полный отчетъ въ тѣхъ особыхъ путяхъ, которыми должно идти народное представительство. Это обнаружилось воочию не мѣе, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ открытія Думы, когда М. М. Жалескій поднялъ вопросъ о роли ея въ качествѣ „посредника между ремь и народомъ“. Отъ имени своей фракціи *Ив. И. Петрункевичъ* теоретически высказался противъ самой постановки подобнаго вопроса. Мы не превратимъ Думу,—сказалъ онъ,—въ законодательнаго учрежденія въ учрежденіе для подачи ходатайствъ за народъ. Мы не желаемъ быть ходатаями, мы хотимъ быть законодателями“. И въ этихъ словахъ зажалась глубоко продуманная идея. Сознаніе необходимости придержать чисто конституціонныхъ формъ сообщено было лидерами всей

массѣ депутатовъ. Именно оно и положило ту рѣзкую грань, которая отдѣляла въ первой Думѣ кадетовъ отъ всѣхъ прочихъ партій, какъ справа, такъ и слѣва. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы о той позиціи, которую заняла небольшая группа демократическихъ реформъ. Болѣе умѣренная по своей программѣ, чѣмъ кадеты,—какъ часто она, неожиданно для самой себя, являлась инициаторомъ самыхъ рискованныхъ проектовъ и предложеній! Парламентскому центру приходилось напрягать всю свою бдительность для того, чтобы разсѣивать, по возможности, надвигавшіяся на Думу съ различныхъ сторонъ грозныя тучи.

Брошюра г. *Винавера* и знакомитъ насъ съ закулисной стороною той тяжелой работы, которую должна была продѣлать партія народной свободы, задавшаяся цѣлью поставить новое законодательное учрежденіе на конституціонные рельсы. Въ литературѣ о первой Государственной Думѣ эта интересная книжка заполняетъ весьма существенный пробѣлъ. Написанная съ большимъ подъемомъ, она проникнута отъ начала до конца опредѣленной руководящей идеей и даетъ отвѣтъ на множество вопросовъ, въ которыхъ трудно было разобраться далеко не одной только широкой публикѣ. Заглавіемъ книжки ея богатое содержаніе не исчерпывается. Излагая событія, энергичнѣйшимъ участникомъ которыхъ онъ самъ былъ, авторъ не пригоняетъ механически своего рассказа къ имѣвшимъ въ дѣйствительности мѣсто конфликтамъ. Брошюра разсматриваетъ всю совокупность явленій и фактовъ, характеризующихъ стройный тактическій планъ, съ которымъ конституціоналисты-демократы вошли въ первую Государственную Думу, и рисуетъ попутно тѣ препятствія, которыя партія приходилось въ борьбѣ за него преодолевать.

Само собой разумѣется, что центр тяжести своего изложенія г. *Винаверъ* долженъ былъ сосредоточить на критикѣ дѣятельности тѣхъ разношерстныхъ элементовъ, которые объединились въ Думѣ подъ общимъ именемъ *трудоваго группы*. Не совсѣмъ объективно по формѣ, но очень убѣдительно по существу, авторъ разрушаетъ здѣсь легенды, образовавшіяся вокругъ главнѣйшихъ шаговъ дѣятельности перваго русскаго парламента. Это относится прежде всего къ отвѣтному адресу Государственной Думы на тронную рѣчь. Многіе органы печати не жалѣли въ свое время красокъ для того, чтобы изобразить давленіе, оказанное въ этомъ вопросѣ на кадетовъ лѣвѣе ихъ стоящими партіями. Неопровержимыя данныя устанавливаютъ крайнюю неосновательность и грубую тенденціозность всѣхъ подобныхъ утвержденій.

Въ образѣ дѣйствій *трудовиковъ* опредѣленно выступала наружу только одна мысль,—провести демаркаціонную линію между собой и кадетами. Брошюра лишь бѣгло указываетъ на то горячее поощреніе, которое подобная тактика встрѣчала извнѣ. Но сколько-нибудь ясной картины движущихъ причинъ этого любопытнаго во всѣхъ смыслахъ явленія мы не получаемъ. Да въ границахъ избранной г. *Винаверомъ* темы это едва ли и возможно было сдѣлать.

Предъ нами вопросъ, заслуживающій, по своей громадной важности, спеціального критическаго изслѣдованія. Исторія покажетъ, какой непоправимый вредъ нанесло всему дѣлу русской свободы сектантское упорство общественныхъ группъ, обанкротившихся на проповѣди бойота и сосредоточившихъ затѣмъ всю свою психологію на томъ, чтобы ишить к.-д. партію плодами одержанной ею грандіозной избирательной побѣды. Изъ этихъ преимущественно круговъ исходили и тѣ директивныя, которыхъ придерживались неизмѣнно трудовики. Вотъ почему вся

кампанія въ Думѣ и страдала столь явно отсутствіемъ какой-либо творческой политической идеи. Это было такое же самое, лишенное внутреннихъ побудительныхъ причинъ, а подсказываемое чисто обывательскими мотивами, стремленіе отмежеваться отъ кадетовъ, какое обнаруживаютъ у насъ, особенно передъ выборами, нѣкоторыя прогрессивныя газеты. Низкій уровень нашего политическаго развитія ни въ чемъ не сказывается съ такой силой, какъ въ этой наивной, но далеко не безопасной игрѣ. Именно она и привела къ процвѣтанію того грубаго декламационнаго жанра, который совѣтъ было отучилъ широкую публику отъ сколько-нибудь объективной оцѣнки элементарныхъ фактовъ нашей дѣятельности.

Поскольку эта безумная, — но далеко еще тогда не достигшая своего кульминаціоннаго пункта, — тактика отразилась на дѣятельности трудовой группы въ первомъ русскомъ парламентѣ, она ярко охарактеризована и сурово заклемена г. Винаверомъ.

Г. Штільманъ.

Наканунъ пробужденія. Сборникъ статей по еврейскому вопросу Г. В. Гессена, М. В. Ратнера и Л. Я. Штернберга. Спб., 1906 г. Стр. Ц. 30 к. Авторы сборника съ разныхъ сторонъ обрисовываютъ вопіющее безправіе 6-милліоннаго еврейскаго народа, выдѣляющееся чернымъ пятномъ даже на темномъ фонѣ правового положенія всего населенія Россіи. Большая часть статей сборника принадлежитъ Гессену. Анализируя „временныя“ законодательныя мѣры по еврейскому вопросу, изданныя въ мрачную, реакціонную эпоху 80-хъ и 90-хъ годовъ „впредь до законодательнаго пересмотра“, авторъ рѣзко подчеркиваетъ всю ихъ противорѣчивость, случайность и произвольность. Г. Ратнеръ въ статьѣ „Современная постановка еврейскаго вопроса“ формулируетъ это отношеніе власти къ цѣлому народу, какъ грубо-утилитарное: „различныя группы населенія распределяются въ отношеніи цѣли и средства“. Авторъ справедливо указываетъ, что даже съ незаконной утилитарной точки зрѣнія подобная политика несостоятельна, гибельно отражаясь на политической и хозяйственной жизни всей страны.

Какъ ни безнадежно самое законодательство о евреяхъ, практическое его примѣненіе невѣжественными, не въ мѣру усердствующими мѣстными властями представляетъ еще болѣе мрачную картину. Краснорѣчивъ ужъ самый фактъ систематической отмѣны сенатомъ безчисленныхъ постановленій мѣстной администраціи, толкующей всякое сомнѣніе о правахъ евреевъ, въ pendant къ тенденціи самаго законодательства, въ неблагопріятномъ для послѣднихъ смыслѣ. Г. Гессенъ приводитъ совершенно невѣроятные факты изъ области примѣненія законовъ о евреяхъ. Особенно замѣчательенъ случай съ евреемъ Майминымъ, домъ котораго одной половиной входилъ въ черту города, другой же половиной находился внѣ ея, т.-е. внѣ черты осѣлости. Въ этомъ случаѣ, какъ въ фокусѣ, отразилась вся чудовищность и дикость ограничительныхъ законовъ о евреяхъ. Г. Гессенъ даетъ достойную саркастическую оцѣнку этого необыкновеннаго факта. „Слѣдовало бы, конечно, — замѣчаетъ онъ, — по всей справедливости разрѣшить Маймину право жительства въ одной половинѣ, а въ другую предоставить право временнаго въѣзда, но витебское губернское правленіе, опасаясь, повидимому, что Майминъ не воздержится отъ соблазна нарушать законъ и будетъ проводить въ запрещенной половинѣ дома слишкомъ много времени, свыше мѣры надобности, постановило выселить его вообще изъ принадлежащаго ему дома. Прошло однако нѣсколько лѣтъ... и правительствующій сенатъ, убѣ-

дившись, что налоги въ пользу гор. Полоцка уплачиваются Майминымъ со всего дома, разрѣшилъ ему всетаки вернуться въ родное пепелище“.

Г. Ратнеръ указываетъ, въ какой мѣрѣ эта полная зависимость еврейскаго населенія отъ благоусмотрѣнннхъ органовъ администраціи вноситъ въ жизнь внутреннее моральное разложеніе, какъ система „кормленія“ развращаетъ обѣ стороны—администрацію и евреевъ, живущихъ въ атмосферѣ подзвупа и униженія. На моральной сторонѣ проклятаго вопроса останавливается также г. Штернбергъ, приводящій рядъ поистинѣ ужасающихъ случаевъ надругательства надъ личностью евреевъ на законномъ основаніи.

Л. Шифъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

А. М. Никольскій. Въ защиту теоріи полового подбора.

А. М. Никольскій. Въ защиту теоріи полового подбора. 22 стр., in 8°. Харьковъ, 1907 г. Дарвиновская теорія полового подбора въ настоящее время имѣетъ все менѣе и менѣе сторонниковъ. Все чаще и чаще появляются то отдѣльныя статьи, то отдѣльныя главы большихъ сочиненій по біологіи животныхъ, въ которыхъ теорія возникновенія и развитія вторичныхъ половыхъ признаковъ, обоснованной Дарвиномъ, отводится немало мѣста, удѣляется немало вниманія, но не съ тѣмъ, чтобы развить ее, а для того, чтобы докончить ту беспощадную критику ея, которая начата знаменитымъ соотечественникомъ творца этой теоріи—Уоллесомъ.

Въ 1906 г. появилась въ Запискахъ Геогр. Общ. статья В. А. Фаусека „Біологическія изслѣдованія въ Закаспійской области“ (Зап., т. XXVII, 1906 г.), въ которой этотъ ученый на основаніи собственныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ животными въ Закаспійской области, приходитъ, подобно Уоллесу, къ отрицанію полового подбора. По мнѣнію Фаусека, яркая окраска не играетъ никакой роли во взаимоотношеніяхъ самцовъ и самокъ; яркая окраска есть лишь орудіе устрашенія противъ самцовъ того же вида. Съ этой точки зрѣнія наиболее ярко окрашенный самецъ отпугиваетъ отъ самки другихъ, менѣе ярко окрашенныхъ, и такимъ образомъ получаетъ больше шансовъ спариться и оставить поколѣніе, къ которому перейдутъ его признаки, чѣмъ послѣдніе. Хвостъ павлина, яркіе наросты индюка, яркая окраска самцовъ фазана имѣютъ именно эту цѣль устрашенія противника, а не прельщенія самки.

Въ защиту теоріи полового подбора на основаніяхъ, данныхъ Дарвиномъ, и выступаетъ противъ Уоллеса и Фаусека профессоръ харьковскаго университета А. М. Никольскій.

Онъ не признаетъ правильной аргументаціи Уоллеса. Всякій разъ, какъ животное по тѣмъ или другимъ причинамъ принуждено бываетъ скоплять въ себѣ запасъ питательнаго матеріала, этотъ матеріалъ отлагается въ видѣ жировыхъ образованій, и избытокъ пластическаго матеріала не выражается непременно въ развитіи яркой окраски наружныхъ покрововъ. Какъ только животное становится уштанымъ, оно дѣлается только болѣе жирнымъ, а не ярко окрашеннымъ. Нерѣдко бываетъ такъ, что старый, слабый и тощій самецъ бываетъ гораздо болѣе ярко окрашенъ, чѣмъ молодой и уштаный. Это—противъ Уоллеса.

Противъ Фаусека же говорить то обстоятельство, что яркія окраски и выставленіе ихъ напоказъ никогда не пускаются въ ходъ противъ

того пола, къ которому принадлежит ихъ посетитель. Павлины никогда не распускаютъ хвоста передъ павлинами же, а только передъ павами, индюки передъ индѣйками и т. д.

Путать же яркими окрасками самца того же вида не имѣло бы никакого значенія, такъ какъ тѣми же красками обладаетъ и тотъ индивидъ, котораго хотятъ испугать; такою окраскою животное никогда бы не испугало своего соперника, помимо того, также, какъ перестала бы пугать всѣхъ та собака, которая постоянно ходила бы съ оскаленными зубами.

Такимъ образомъ, новая попытка замѣнить половой подборъ естественнымъ, сдѣланная В. А. Фаусекомъ, вызываетъ не менѣе возраженій, нежели попытка Уоллеса, и старая теорія Дарвина остается непровергнутой.

Въ заключительныхъ словахъ своей статьи авторъ приводитъ соображенія въ области, близкой къ затронутому вопросу, могущія заинтересовать и большій кругъ читателей, чѣмъ тотъ, для котораго она предназначена (специалисты зоологи).

Разбирая вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ основательны возраженія противъ теоріи полового отбора и останавливаясь на томъ аргументѣ противниковъ ея, что до сихъ поръ не доказанъ самый фактъ выбора самками наиболѣе красиваго самца, Никольскій пытается разрѣшить общій вопросъ: что можетъ считаться красивымъ у человѣка и у животного съ точки зрѣнія ихъ самихъ? Отвѣтъ, который даетъ на этотъ вопросъ авторъ реферируемой брошюры, конечно, давно уже намѣченъ эстетикою натуралистической школы, но въ естествознаніи, если не ошибаемся, онъ формулируется впервые г. Никольскимъ. По его мнѣнію, *то, въ чемъ наиболѣе рельефно отражается окружающая индивида природа*, то считается красивымъ: у человѣка—все то, что на самомъ дѣлѣ существуетъ и всюду находится подлѣ насъ: цвѣты, зелень, вода, солнце, у животныхъ—обычная обстановка той среды, въ которой они живутъ. Напр. у голенастыхъ птицъ красивымъ считается то, что похоже на болотныя растенія, ихъ окружающія, напр. метелки камыша, которыя изображаютъ украшающія ихъ длинныя узкія перья, у куриныхъ птицъ (индюки, куры) красные наросты, которые представляютъ красный цвѣтъ ягодъ, играющихъ въ ихъ жизни не послѣднюю роль и т. д.

Само по себѣ это положеніе, конечно, отнюдь не безспорно, какъ не безспорны и другія утвержденія А. М. Никольскаго. Можно пожалѣть, что авторъ не развилъ своей мысли подробнѣе.

В. Муравевичъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.

- Автобіографическія записки Ив. Мих. Съчнова. М., 1908 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Бахъ, А. Экономическіе очерки. М., 1907 г. Ц. 15 к.
- Березинъ, Н. Украина. Слб., 1907 г. Ц. 40 к.
- Березинъ, Н. Начальная географія. Слб., 1908 г. Ц. 60 к.
- Вершштейнъ, Э. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Слб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Временеръ, М. Венерич. богѣзны. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Брюсовъ, В. Пути и перенутья. Собр. стих. Т. I. Изд. „Скорпионъ“. М., 1908 г. Ц. 2 р.
- Веселовскій, Юрій. Новый изобретель дѣтской психологіи.—Изъ современныхъ скандинав. литературъ. Гл. I и II. М., 1907 г.
- Волховскій, Ф. Швейцарская военная система. М., 1908 г. Ц. 20 к.
- Виллей, Эдм. Избирательное законодательство въ Европѣ. Перев. съ франц. Слб., 1908 г. Ц. 75 к.
- Гарднеръ, В. Стихотв. Слб., 1908 г. Ц. 75 к.
- Глинскій, В. Борьба за конституцію 1612—1861 гг. Слб., 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Гринъ, А. Шапка невидимка. Слб., 1908 г. Ц. 80 к.
- Добросклонскій, С. Опытъ оцѣнки читательнаго достоинства „Голодныхъ хлѣбовъ“. Слб., 1907 г.
- Доллеанъ, Эд. Робертъ Оуанъ. Пер. съ франц. Слб., 1908 г. Ц. 50 к.
- Dr. Mentor Bounatian. Geschichte der Handelskrisen in England.—Wirtschaftskrisen und Ueberkapitalisation. München, 1908 г.
- Дымовъ, О. Земля цвѣтеть. М., 1907 г. Ц. 1 р.
- Записки горнаго института императрицы Екатерины II. Слб., 1907 г.
- Ковалевскій, П. Міродаміе. Слб., 1908 г. Ц. 80 к.
- Кожевниковъ, П. Рассказы. М., 1908 г. Ц. 80 к.
- Константенъ, Ж. Растенія и среда. Перев. съ франц. поъ редакц. Е. Тимряева. Изд. Русская Мысль. М., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котляревскій, Н. Литературнаго правленія Александровской эпохи. Слб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Курловъ, Е. За идею и др. рассказы. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Лебедевъ, А. Дѣтская и народная литература. Вып. I. Ц. 50 к.—Что читать крестьянамъ. Н.-Нов., 1908 г. Ц. 12 к.
- Лебединскій, С. Продовольственными столовья. Пенза, 1907 г.
- Лучанскій, П. Стихотв. Слб., 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Максимовъ, В. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. Слб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Материалы для оцѣнки земель Вологодской губерніи. Т. II. Вып. I и вып. II. Вологда, 1907 г. Ц. 2 р.
- Мерингъ, Фр. Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго. Слб., 1908 г. Ц. 60 к.
- Метерлинкъ, Т. III. Слб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ. Одесса, 1908 г. Ц. 40 к.
- Минскій, Н. Полное собр. стихотв. Т. I, II, III, IV. Слб., 1907 г. Ц. по 1 р.
- Нечаевъ, А. Работа подземной воды. М., 1908 г. Ц. 40 к.
- Новорусскій, М. Земля и ея жизнь. Слб., 1908 г. Ц. 40 к.

- Петровская, Нина.** Sanctus amor. Рассказы. М., 1908 г. Ц. 60 к.
- Переселение и заготовка земель для переселенцевъ.** Слб., 1907 г.
- Погодинъ, А. Л.** Главныя теченія польской политической мысли. Слб., 1908 г. Ц. 3 р.
- Ратнеръ, М.** Аграрный вопросъ и социаль-демократія. М., 1908 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Рекецъ, И.** Народная школа въ арміи. М., 1907 г. Ц. 5 к.
- Рожковъ, Н.** Отъ самовластиа къ народовластию. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. Слб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Соціалистическая исторія.** Подъ ред. Жана Жореса (1789—1900). Т. I, учрежд. собраніе (1789—1791). Жана Жореса. Перев. Е. Бартееновой, М. Львовою и Н. Тютчева. Слб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Сильванскій, Н.** Феодализмъ въ древней Руси. Слб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Степнякъ-Кравчинскій, С.** Собр. соч., ч. IV. Андрей Кожуховъ. Перев. съ англ. Ф. Степнякъ. 3-е изд. Слб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Сухановъ, Н.** Земельная рента и нормы земельного обложения. М., 1908 г. Ц. 85 к.
- Труды первого всероссійскаго съѣзда спиритуалистовъ.** М., 1907 г. Ц. 3 р.
- Украинскій, В.** Крестьянская община и аграрная реформа. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Фальбекъ, проф.** Современный парламентаризмъ. Перев. съ франц. Слб., 1908 г. Ц. 40 к.
- Ферри, Энрико.** Преступные типы въ искусствѣ и литературѣ. Слб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Фирсовъ, Д. и М. Якобій.** Къ пересмотру аграрной программы и ея основанія. М., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Чарнолускій, В.** Къ школьной реформѣ. М., 1908 г. Ц. 80 к.
- Чарнолускій, В.** Ежегодникъ народной школы. Вып. I. М., 1907 г. 1 р. 50 к.
- Шершеневичъ, Г.** Общее учение о правѣ и государствѣ. М., 1907 г. Ц. 40 к.
- Шпицеръ, С.** Рассказы. Слб., 1908 г. Ц. 60 к.
- Щербаковъ, С.** Курсъ космографіи для средн. учебн. завед. Н.-Нов., 1907 г. Ц. 1 р. 10 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: <i>Валерій Брюсовъ</i> . Пути и переутья. Собраніе стиховъ. Т. I.— <i>Алексѣй Ремизовъ</i> . 1) Лимонарь сирѣчь лугъ духовный. 2) Прудъ .	1
Исторія: <i>Карлъ Шурцъ</i> . Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера.— <i>Проф. Александръ Трачевскій</i> . Наполеонъ I. Первые шаги и консульство. . . .	6
Политическая экономія: <i>Августъ Бебеле</i> . Шарль Фурье, его жизнь и ученіе	9
Публицистика: <i>М. Винаверъ</i> . Конфликты въ Первой Думѣ.—„Наканунѣ пробужденія“. Сборникъ статей по еврейскому вопросу. <i>І. В. Гессена</i> , <i>М. Б. Ратнера</i> и <i>Л. Я. Штернберга</i>	9
Естествознаніе. <i>А. М. Никольскій</i> . Въ защиту теоріи полового подбора.	12

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПАВЕЛЪ I. Драма въ 5 дѣйств.—Д. С. Мерешковскаго	1
II. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Л. М. Василевскаго	71
III. ЕВНУХИ. Ахдрах Неховскаго.—Перев. съ польск. В. М. А. <i>Окончаніе</i> .	72
IV. СТИХОТВОРЕНИЯ.—В. Малахѣевой-Мирошичъ	96
V. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Оксурда (Жейденцера).—Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской. <i>Продолженіе</i>	99
VI. ЛУГА.—Петра Кежевнинова	140
VII. ТРИСТАНЪ. Новелла Томазо Манка.—Перев. съ нѣм. А. Полоцкой .	150
VIII. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Винтера Стражана	188
IX. РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ. (1813—1883 гг.). Къ 25-лѣтїю со дня его смерти.—Винтера Вальтера. <i>Окончаніе</i>	1
X. ЧЕРНАЯ СОТНЯ ВЪ ПРОВИНЦІИ. (Изъ провинціальнымъ встрѣтъ и наблюденій).—С. Лисина	20
XI. ГОДЪ КОНСЕРВАТИВНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ. (Письмо изъ Германіи).—К. Дверницкаго	29
XII. ИВАНУШКА-ДУРАЧОКЪ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—А. Смирнова-Кутаческаго	52
XIII. ХАРАКТЕРЪ АНТИЧНОЙ РЕЛИГИИ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ХРИСТИАНСТВОМЪ.—Ф. Ф. Зѣлинскаго	80
XIV. СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ ИЛИ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ОПАСО-ЕФИМІЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.—А. С. Пругавина. <i>Окончаніе</i> .	96
XV. РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ 1908 ГОДА.—Л. И. Яснопольскаго	113
XVI. НОВАЯ ДУМА И СТАРЫЯ ДУМЫ. (Впечатлѣнія и размышленія депутата).—А. И. Шингарова	184
XVII. ИЗЪ ДНЕВНИКА ЖУРНАЛИСТА.—З. Н. Гипписъ	185
XVIII. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.—Петра Струве	174
XIX. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Лида	185
XX. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Нотляревскаго	201
XXI. О ДУШѢ ХОЛОПА. (Полемическая замѣтка).—А. С. Иголова . . .	212
XXII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Боллетриотика.—Исторія, исторія литературы.—Правовѣдніе, социологія.—Публицистика.—Естествознаніе.—Народное образованіе.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1908 г.	17
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИГА II

МОСКВА.

1908.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПАВЕЛЪ I. Драма въ 5 дѣйств.—Д. С. Мережковскаго.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Василевскаго.	71
III. БВНУХИ. Андрея Немоевокаго.—Перев. съ польск. В. М. Л. <i>Окончаніе.</i>	72
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Малахѣевой-Мировичъ.	96
V. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Сигурда (Хейденшерна).—Пер. съ шведск. М. П. Благовѣщенской. <i>Продолженіе</i>	99
VI. ЛУГА.—Петра Кожевникова	140
VII. ТРИСТАНЪ. Новелла Томаса Манна.—Перев. съ нѣмецкаго А. Полоцкой.	150
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Виктора Стражева.	188
IX. РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ. (1813—1883 гг.). Къ 25-лѣтію со дня его смерти.—Виктора Вальтера. <i>Окончаніе.</i>	1
X. ЧЕРНАЯ СОТНЯ ВЪ ПРОВИНЦІИ. (Изъ провинціальныхъ встрѣчъ и наблюденій).—С. Лисенна.	20
XI. ГОДЪ КОНСЕРВАТИВНО-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ. (Письмо изъ Германіи).—Н. Дверницкаго.	29
XII. ИВАНУШКА-ДУРАЧОВЪ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУ- РѢ.—А. Смирнова-Кутаческаго.	52
XIII. ХАРАКТЕРЪ АНТИЧНОЙ РЕЛИГІИ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ХРИ- СТІАНСТВОМЪ.—Ф. Ф. Зѣлинскаго	80
XIV. СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ ИЛИ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДѢЛ- ЕНІЕ СПАСО-ЕФИМІЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.—А. С. Пруга- вина. <i>Окончаніе.</i>	96

	Стр.
XV. РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ 1908 ГОДА.— Л. Н. Яснопольскаго.	113
XVI. НОВАЯ ДУМА И СТАРЫЯ ДУМЫ.— А. М. Шингарева . . .	134
XVII. ИЗЪ ДНЕВНИКА ЖУРНАЛИСТА.— З. Н. Гиппиусъ.	155
XVIII. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.— Петра Струве	174
XIX. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.— В. Н. Ланда.	185
XX. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.— С. А. Котляревскаго.	201
XXI. О ДУШѢ ХОЛОПА. (Полемиическая замѣтка).— А. С. Изгоева .	212
XXII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.— Исторія, исторія литературы.—Правовѣдѣніе, социологія.— Публицистика.—Естествознаніе.—Народное образованіе.— II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1908 г.	17
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукопись хранится въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Д. Шереметевъ—, Павелъ I^й. Право собственности въ Россіи закрѣлено за авторомъ во всѣхъ странахъ, и въ это допускается существующими законами. Гл. переводчикъ проситъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора Ив. П. Ладьяшникову, по слѣдующему адресу: Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 52; „Bühnen-und-Buch Verlag russischer Autoren I. Ladyschnikow“.

ПАВЕЛЪ I

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ I, императоръ.

Александръ, сынъ Павла, наследникъ.

Константинъ, сынъ Павла, великій князь.

Марія Ѳеодоровна, императрица.

Елизавета, супруга Александра.

Гр. Паленъ, военный губернаторъ Петербурга.

Командиры полковъ и другіе чины военные. Придворные. Заговорщики.

Дѣйствіе въ Петербургѣ отъ 9 до 12 марта 1801 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Вахтъ-парадъ. Площадь передъ Михайловскимъ замкомъ. Въ глубинѣ—замокъ и Лѣтній садъ. Справа—деревья; караульная будка и шлагбаумъ, полосатые въ три цвѣта—красный, черный, бѣлый. Слева—крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянною дверью. Раннее зимнее утро. Сѣрое небо. Снѣгъ. Вдали слышны барабаны и трубы.

Павелъ. Александръ. Константинъ. Паленъ. Депрерадовичъ, генералъ, командиръ Семеновскаго полка. Талызинъ, генералъ, командиръ Преображенскаго полка. Яшвилъ, князь, капитанъ гвардіи артиллерійскаго батальона. Мамаевъ, генералъ. Тутолминъ, полковникъ. Фельдфебель. Солдаты.

ПЕРВАЯ БАРТИНА.

Александръ и Константинъ стоятъ на крыльцѣ, утѣясь у походной жаровни.

Александръ.—Вчера троицъ засѣли кнутомъ.

Константинъ.—Однихъ кнутомъ, другихъ шпигрутенемъ.

Александръ.—Прочемъ, наплевать, всё тамъ будемъ...

Александръ.—Холодно, холодно, у-у! Рукъ не согрѣешь. Намедни генераль Кутузовъ ухо отморозилъ, едва саломъ оттерли.

Константинъ.—А у нѣмца Банабиха штаны примерзли. Одна пара лосинъ; самъ съ утра моетъ; не высохли, да на морозъ-то и примерзли; чуть съ кожей не отодрали; денщикъ деретъ, а нѣмецъ оретъ. Ну, да по-дѣломъ ему: какъ собака, на людей кидается; одному солдату усъ выщипнулъ съ мясомъ, другого за носъ укусилъ. А впрочемъ, наплевать...

Александръ.—Вороны-то въ Лѣтнемъ саду какъ раскаркались! Вѣрно, къ оттепели. Когда вѣтеръ съ юга и оттепель, то батюшка сердится.

Константинъ.—Нынче не отъ вѣтра, чай, а отъ княгини Гагариной. Вчера поссорились.

Александръ.—У меня письмо отъ нея къ батюшкѣ.

Константинъ.—Хорошо, что письмо. Боли сердиться будетъ, отдай. Родинка, родинка—все наше спасеніе...

Александръ.—Какая родинка?

Константинъ.—А на правой щекѣ у княгини. Я думалъ сперва, мушка; да нѣтъ, настоящая родинка, и прехорошенькая.

Александръ.—Тише, тише—идеть.

Константинъ.—Спрячемся. Авось не увидить.

Александръ (*крестясь*).—Господи помилуй! Господи помилуй!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ, махая военною тростью.

Павелъ.—Разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! (*Останавливаясь.*) Смирно-о!

Изъ шеренги въ шеренгу повторяется команда: «Смирно-о! Смирно-о!»

Павелъ.—Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

Павелъ.—Строить фронтъ захожденіемъ взводовъ! Направо кругомъ маршъ!

Солдаты маршируютъ въ противоположную сторону. Барабанъ.

Павелъ (*махая тростью*).—Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! Ноги прямо, носки вонъ! Штыкъ равный, штыкъ равный! Ноги прямо, носки вонъ! Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!

Павелъ уходитъ.

Константинъ.—Гляди-ка, Саша, гляди: двѣнадцать шеренгъ.

какъ по нитѣ! Самъ бы король прусскій позавидовалъ. Ахъ, чортъ поberi, вотъ это по-нашему, по-Гатчински! А всетаки быть бѣдѣ...

Александръ.—А что?

Константинъ.—Аль не замѣтилъ: въ углу рта жилка играеть? Какъ у него эта жилка зантраеть, такъ быть бѣдѣ... Я наемднн въ Лаврѣ вликушу видѣлъ, монахи говорятъ, бѣсноватый... Такая же точно жилка... Когда подняли Чашу, упалъ и забился... Тс, тс. Идетъ.

Входитъ Павелъ, окруженный свитою: Талызинъ, Депрерадовичъ, кн. Яшиль, гр. Паленъ и другіе. Солдаты строятся во фронтъ.

Павелъ.—Преображенскаго командира сюда!

Талызинъ подходитъ къ Павлу.

Павелъ.—Свѣдалъ я, сударь, что вашего полка господа офицеры вездѣ разглашаютъ, будто не могутъ ни въ чемъ угодить. А посему извольте объявить, что легкій способъ кончить сіе—вовсе ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочетъ служить, поди прочь—никого не удерживаютъ!

Талызинъ.—Ваше величество...

Павелъ.—Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать.—Съ удивленіемъ усматриваю, что въ исправленіи должности вашей вы все еще старыхъ обрядовъ держитесь, кои болѣе четырехъ лѣтъ искоренить стараюсь. Только плясать да шаркать по паркету умѣете.

Талызинъ.—Государь...

Павелъ.—Молчать! Я изъ васъ Потемкинскій духъ, сударь, вышибу! Туда зашлю, куда воронъ костей не заносилъ!

Павелъ съ Депрерадовичемъ, кн. Яшилемъ и прочею свитою, кроме Талызина и гр. Палена, уходитъ.

Паленъ.—За что васъ, генераль?

Талызинъ.—Солдатъ не въ ногу ступилъ, а у другого разстегнулась пуговица.

Паленъ.—За пуговицу—вотъ такъ штука, не угодно ли стаганъ лафита!

Талызинъ.—Не служба, а каторга. Въ отставку—и кончено!

Паленъ.—Да, крутенько, крутенько. А всетаки съ отставкой погодите-ка, ваше превосходительство. Такіе люди, какъ вы, намъ теперь нужны особенно. *(На ухо.)* Эта кутерьма долго существовать не можетъ...

Депрерадовичъ обѣгаетъ, замыкавшись.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Бѣда! Бѣда!

ПАЛЕНЪ.—Что такое?

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Въ девятой шеренгѣ чортъ дернулъ поручика scomандовать вмѣсто: «Дирекція направо»—«Дирекція налѣво». И пошло, и пошло. Люди съ шагу сбились, ошалѣли со страху, команды не слушаютъ, командиры, какъ угорѣлые, мечутся. А государь только кричить: «Въ Сибирь!»

ПАЛЕНЪ.—Помните, господа, въ прошломъ-то году Измайловскому полку scomандовалъ: «Направо кругомъ маршъ—въ Сибирь!» Такъ вѣдь и пошелъ весь полкъ къ Московской заставѣ и дальше по тракту—остановили только у Новгорода. Вотъ и теперь, пожалуй,—прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Пропали, пропали мы всѣ!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ.

ПАВЕЛЪ.—Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

БОНСТАНТИНЪ (на ухо Александру).—Жилка-то, жилка, смотри. Ну, теперь только держись!

АЛЕКСАНДРЪ (крестясь).—Господи помилуй! Господи помилуй!

ПАВЕЛЪ.—Въ пятой шеренгѣ фельдфебель—коса не по мѣркѣ. За фронтъ!

Фельдфебеля подводятъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ.—Что у тебя на затылкѣ, дуракъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (закчался).—К-коса, ваше величество.

ПАВЕЛЪ.—Врешь! Хвостъ мышей. Мѣрку!

Подаютъ палочку для измѣрентя косы. Мѣрять.

ПАВЕЛЪ.—Вмѣсто девяти вершковъ семь. Булки выше середины уха. Пудра сыпалась, войлокъ торчитъ. Какъ же ты съ этой прической во фронтъ явиться смѣлъ, чучело гороховое?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (закчался).—П-парикмахерь.

ПАВЕЛЪ.—Я тебѣ покажу... парикмахера! Булки долой! Косу долой! Все долой!

Срываетъ съ фельдфебеля парикъ и топчетъ ногами.

ПАВЕЛЪ.—Срамъ! Срамъ! Срамъ! Бить нещадно! Двѣсти... триста... четыреста палокъ! Генералъ Мамаевъ!

Входитъ Мамаевъ.

ПАВЕЛЪ.—Извольте, сударь, слѣдить за экзекуціей. Тутъ же на мѣстѣ, безъ промедленія. Съ васъ взыщется.

Уходитъ. Фельдфебеля седутъ съ экзерцирауза.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (падая на колѣни передъ Александромъ).—Ваше

высочество, тридцать лѣтъ въ походахъ. У свѣтлѣйшаго князя Суворова. На штурмъ Измаила раненъ... И какъ собаку, палками! Ужъ лучше разстрѣляли бы!... Батюшка, смилюйтесь!...

АЛЕКСАНДРЪ (*закрывая лицо руками*).—Господи! Господи!

МАМАЕВЪ (*толкая ногой фельдфебеля*).—Ступай, чортъ, ступай. (*Солдатамъ.*) Ну-ка, ребята, живѣе!

Солдаты таскиваютъ фельдфебеля въ дверь эскерцирауза. Туда же—
Мамаевъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—А вѣдь онъ его запереть, Костя?

БОНСТАНИНЪ.—Запереть. Скотина прелютая. Отца не пожалѣть, только бы выслужиться. Ну гдѣ старику четыреста палокъ выдержать!—Да, жаль... А впрочемъ, наплевать—всѣ тамъ будемъ!—Ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорѣй бы отдалъ? Авось, подобрѣть.

АЛЕКСАНДРЪ.—Сейчасъ.

Входитъ Яшвилъ.

ПАЛЕНЪ.—Что съ вами, князь?

ЯШВИЛЬ.—По щекѣ меня...

ПАЛЕНЪ.—Ай, ай! Вотъ и кровь. Должно быть, зубъ вышибъ. Примочку бы, а то распухнетъ. И за что васъ такъ?

ЯШВИЛЬ.—За цвѣтъ мундирной подкладки у нижняго чина. Сего тиранства терпѣть не можно! Честью клянусь, онъ мнѣ за это...

ПАЛЕНЪ.—Не говорите-ка лишняго. А я вамъ лучше вотъ что скажу. (*Отводя Яшвиля въ сторону.*) Подлецъ—кто говорить, молодецъ—кто дѣлаетъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Господа, глядите: за Тутолминимъ съ палкою гоняется между шеренгами. Точно въ пятнашки играютъ. Сюда бѣгутъ.

Полковникъ Тутолминъ убѣгаетъ.

ТУТОЛМИНЪ.—Не выдавайте! Убѣть!

Перескакиваетъ черезъ шлагбаумъ и убѣгаетъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ (*въ доложку Тутолмину*).—Въ манежъ бѣги, чѣ съновамѣ спрячешься.

БОНСТАНИНЪ.—Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, Сашенька. Вотъ гъ, ступай.

АЛЕКСАНДРЪ.—Не подождать ли, Костя? Видишь, съ палкой. рибъеть.

БОНСТАНИНЪ.—Экій ты, братецъ, мямя. Чего зѣвать? Сколь-еще народу перепортить. (*Подталкивая Александра.*) Да ну-же, идай!

АЛЕКСАНДРЪ (*крестясь*). — Господи помилуй! Господи помилуй!

Павелъ вбѣгаетъ съ поднятой тростью.

ПАВЕЛЪ.—Держи! Держи!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Кого?

ПАВЕЛЪ.—Тутюминъ. Гдѣ онъ?

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Здѣсь нѣтъ, государь.

ПАВЕЛЪ.—Врете! Сюда пробѣжалъ. Я самъ видѣлъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Никакъ нѣтъ, ваше величество.

Александръ подходитъ къ Павлу и подаетъ письмо.

АЛЕКСАНДРЪ.—Батюшка...

ПАВЕЛЪ.—Бѣ чорту!

АЛЕКСАНДРЪ.—Отъ княгини Гагариной...

ПАВЕЛЪ.—Давай.

Павелъ читаетъ письмо. Депрерадовичъ всходитъ на крыльцо и становится рядомъ съ Константиномъ.

КОНСТАНТИНЪ (*крестясь*).—Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Бажись, дѣйствуетъ.

КОНСТАНТИНЪ.—Да, лицо просвѣтлѣло. Усмѣхается. Ну, слава Богу, слава Богу! Вывезла родинка. Молодецъ Аннушка!

ПАВЕЛЪ.—Monseigneur...

АЛЕКСАНДРЪ.—Sire?

ПАВЕЛЪ.—На одно словечко, ваше высочество. Графъ фонъ-деръ-Паленъ, извольте команду принять. А я сію минуту...

Все уходитъ, кромъ Константина и Депрерадовича. Павелъ беретъ Александра подъ руку.

ПАВЕЛЪ.—Ты имѣешь много благородства въ сентиментахъ, Сашенька—ты меня поймешь... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ такъ мало знаютъ люди, что такое любовь и сколь великое таинство скрывается подъ симъ священнымъ именемъ!...

Отходятъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—А тамъ-то, за дверью, слышите, ваше высочество, экзекуція...

КОНСТАНТИНЪ.—Да, востъ бѣдняга, какъ овца подъ ножомъ. Извергъ Мамайба, должно быть, съ него теперъ третью шкуру спускаетъ.

ПАВЕЛЪ.—Анна, Анна! Твой образъ вездѣ предо мною. Мое сердце бьется и вѣчно биться будетъ для тебя одной. Кто изъ смертныхъ, кто станетъ рядомъ съ оною женщиною, несравненною въ

чувствахъ моихъ? Никто изъ земнородныхъ. Богъ и она! Понимаешь, другъ мой, Сашенька?

АЛЕКСАНДРЪ.—Понимаю, батюшка. Ахъ, чего бы стоила жизнь человѣка, если бы любовь не услаждала ее бальзамомъ своимъ!

ПАВЕЛЪ.—Вотъ, вотъ именно—бальзамъ!...

Отходятъ.

БОНСТАНИНЪ.—Спѣлись, видно. На эти дѣла братецъ—мастеръ: ему бы актеромъ быть... А тотъ-то все воетъ!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Просто мочи нѣтъ, ваше высочество! Отойдемте, ради Христа.

БОНСТАНИНЪ.—Нельзя. Батюшка, не дай Богъ, увидеть, подумаетъ, что мы подслушивали. Теперь мѣшать ему не надо, пусть наговорится досыта. (*Прислушиваясь.*) Какъ будто затихъ?...—Нѣтъ, опять, пуще прежняго. Тьфу, даже слушать противно!... А впрочемъ, наплевать—всѣ тамъ будемъ...

ПАВЕЛЪ.—Я одаренъ отъ природы сердцемъ чувствительнымъ, Сашенька. Однажды увидѣлъ я маленькую фіалку: она стояла подлѣ скалы, покрыта камнями, гдѣ ни одна капля росы не освѣжала ее. И нѣжная меланхолія обняла мою душу; слеза упала изъ глазъ моихъ на тотъ цвѣточекъ, и онъ, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя къ Аннѣ...

Барабаны. Солдаты маршируютъ. Входитъ Паленъ и прочіе командиры. Офицеры на ходу салютуютъ Павла эспантонами.

ПАВЕЛЪ.—Молодцы, молодцы! Видишь, Саша,—пробралъ ихъ, какъ слѣдуетъ, и подтянулись.—Разъ-два, разъ-два, ноги прямо, носки вонъ, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два. Молодцы. Утѣшили. Лучше не надо!

Военная музыка.

ПАВЕЛЪ (*махая тростью, напѣваетъ*).—«Ельничъ, мой ельничъ...»

БОНСТАНИНЪ.—Ну, *Ельничъ* запѣлъ,—значить, выгорѣло. Только бы теперь братъ не мамлилъ.

Константинъ дѣлаетъ знаки Александру за спиной Павла.

АЛЕКСАНДРЪ.—Осмѣлюсь ли, батюшка?...

ПАВЕЛЪ.—Говори, братецъ, не бойся.

АЛЕКСАНДРЪ.—Простите, ваше величество, тѣхъ, кто сегодня провинился...

ПАВЕЛЪ.—Прощаю.

АЛЕКСАНДРЪ.—И фельдфебеля...

ПАВЕЛЪ.—Вошъ!

Александръ цѣлуетъ руку Павла и отходитъ къ Константину.

АЛЕКСАНДРЪ.—Скорѣе, Бостя!

БОНСТАНИНЪ.—Ну, братъ, не поздно ли?

Константинъ входитъ въ дверь экзерциргауза.

ПАВЕЛЪ.—Графъ фонъ-дербъ-Паленъ! Послѣдней экзерциціей я, сударь, доволенъ: изряднехонько командовать изволили. Благодарю и виновныхъ прощаю. (*Командирамъ.*) А если погорячился, сказалъ что лишнее, такъ и вы, господа, меня простите. (*Солдатамъ.*) Смирно-о! Стой, ровняйся.

Солдаты останавливаются. Музыка стихаетъ.

ПАВЕЛЪ.—Спасибо, ребята.

СОЛДАТЫ.—Рады стараться, ваше величество!

ПАВЕЛЪ.—По чаркѣ вина, по фунту говядины.

СОЛДАТЫ.—Ура!

Солдаты маршируютъ. Музыка.

ПАВЕЛЪ (*напѣваетъ*).—«Ельничъ, мой ельничъ...»

Уходитъ. Изъ двери экзерциргауза—Константинъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Ну, что?

БОНСТАНИНЪ.—Еле дышитъ. Фельдшеръ говоритъ, до завтра не выживетъ. Я велѣлъ—въ лазаретъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Господи! Господи!

Слѣва изъ-за стѣны экзерциргауза выносятъ на походныхъ носилкахъ фельдфебеля, покрытаго рогожею; справа маршируютъ солдаты съ музыкой и знаменами.

СОЛДАТЫ.—Ура! Ура!

ПАЛЕНЪ (*командирамъ, указывая на знамена и носилки*).—Какъ въ древнемъ Римѣ: Ave, Caesar, morituri te salutant.

БОНСТАНИНЪ.—Что ты, Саша?

АЛЕКСАНДРЪ.—Оставь!...

Александръ опускается на ступеньки крыльца, закрываетъ лицо руками и плачетъ.

БОНСТАНИНЪ.—Вишь, разнюнился. Экая баба!... (*Помочивъ.*) Ну, перестань, перестань же, миленькій, Сашенька, голубчикъ! Не стоитъ же, право... Наплевать,—всѣ тамъ будемъ!

АЛЕКСАНДРЪ.—Не могу! Не могу! Не могу!...

ПАЛЕНЪ.—Поздравляю, господа, съ царскою милостью: всѣхъ простилъ.

ЯШВИЛЬ.—Онъ-то простилъ, да мы...

ПАЛЕНЪ.—Тише, князь. Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше, что я вамъ сказалъ давеча: подлець—кто говоритъ, молодець—кто дѣлаетъ!

Занавѣсъ.

ВТОРАЯ БАРТИНА.

Кабинетъ Александра въ Михайловскомъ замкѣ. Въ глубинѣ—огно на Лѣтній садъ и Фонтанку. Слѣва—дверь во внутренніе покои великаго князя; справа—на лѣстницу, ведущую въ покои государя.

Александръ. Елизавета, великая княгиня, жена Александра. Павелъ. Палень.

Александръ лежитъ на канапѣ, съ книгой въ рукахъ. Елизавета, у окна, играетъ на арфѣ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что это, Лизхень?

ЕЛИЗАВЕТА.—Изъ *Орфея въ аду* пѣснь Евридика. А ты спалъ?

АЛЕКСАНДРЪ.—Нѣтъ, такъ только, дремлется. Читать темно.

ЕЛИЗАВЕТА.—Да, темно. Ужь сколько дней солнца не видно. Живемъ, какъ въ подземельи.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что же ты не играешь? Я люблю мечтать подъ музыку.

ЕЛИЗАВЕТА.—Любишь мечтать. Лежать и мечтать...

АЛЕКСАНДРЪ.—Банапѣ старенькій, еще отъ бабушки, а удобный. Какъ ляжешь, такъ бы и не вставалъ...

ЕЛИЗАВЕТА (*глядя въ окно*).—Небо низкое, темное, точно каменное, а деревья, подъ инеемъ, бѣлыя, какъ въ саванѣ. —Евридика, Евридика подъ сводами ада.—Мужикъ идетъ, шапку снялъ. Удивительно, что люди шапки снимаютъ передъ дворцомъ. На морозѣ-то сколько, должно быть, простудилось...—Ну, а что же Руссо?

АЛЕКСАНДРЪ.—Руссо? Знаешь, я все о немъ думаю. Перво-бытное состояніе натуры... Ахъ, для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями!...

ЕЛИЗАВЕТА.—Какъ старикашка Буракинъ поетъ:

Берега кристальной рѣчки,
И пастушка, и овечки...

АЛЕКСАНДРЪ.—Не смѣйся, Лизанька. Развѣ не правда, что въ простотѣ натуры сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго счастья, вліяннаго благотѣльнымъ шествомъ въ сосудъ жизни человѣческой?...

ЕЛИЗАВЕТА.—Вліяннаго, вліяннаго... Какъ ты хорошо говоришь, Саша!

АЛЕКСАНДРЪ.—Ахъ, единая мечта моя—когда воцарюсь, гнуть престолъ, отречься отъ власти, показать всѣмъ, сколь ненавижу деспотичество, признать священныя Права Человѣка—les

Droits de l'Homme, даровать Россіи конституцію, республику—все, что хотять,—и потомъ уѣхать съ тобою, милая, бѣжать далеко-далеко... Тамъ, на берегахъ Рейна или на голубой Юрѣ, въ пустынной хижинѣ, обвитой лозами, протечетъ наша жизнь, какъ восхитительный сонъ, въ объятіяхъ природы и невинности!...

Е л и з а в е т а.—Да, да, въ пустынной хижинѣ... А вотъ кто-то опять безъ шапки идетъ, вѣрно, чиновникъ—шуба съ орденомъ.—А кучерь въ саняхъ двумя руками править, шапку держать въ зубахъ. Удивительно.—А солдатъ у шлагбаума бьетъ бабу. Баба плачетъ, а солдатъ бьетъ. Долго, долго. Смотрѣть скучно.—А небо все ниже, да ниже... Евридика, Евридика подъ сводами ада...

Перебираетъ струны. Молчаніе.

А л е к с а н д р ь.—О чемъ ты думаешь?—Знаешь, Лизхенъ, когда ты говоришь, мнѣ все кажется, что ты о другомъ думаешь.

Е л и з а в е т а.—О другомъ? Нѣтъ.—А впрочемъ, не знаю, можетъ быть, о другомъ... Ахъ, струна оборвалась...

А л е к с а н д р ь.—Поди сюда.

Е л и з а в е т а (*подходя къ Александру*).—Ну что?

А л е к с а н д р ь.—Какъ тебѣ это бѣлое платье къ лицу! Когда ты такъ стоишь надо мною, свѣтлая-свѣтлая, въ сумеркахъ, то какъ будто Евридика или Психея...

Е л и з а в е т а.—Vous êtes trop aimable, Monseigneur! А руки не цѣлуйте. Оставьте, не надо. Помните, намедни сказали, что мы съ вами, какъ братъ и сестра?—Братъ и сестра...

А л е к с а н д р ь.—Но вѣдь всетаки, Лизхенъ...

Е л и з а в е т а.—Да, всетаки... А правда, что, когда Константинъ цѣлуетъ руки женѣ, то ломаетъ и кусаетъ ихъ, такъ что она кричитъ отъ боли?

А л е к с а н д р ь.—Бто тебѣ сказалъ?

Е л и з а в е т а.—Она сама.—А раньше, будто бы, онъ забавлялся тѣмъ, что въ манежѣ изъ пушки стрѣлялъ живыми крысами?

А л е к с а н д р ь.—Зачѣмъ ты, Лизхенъ?...

Е л и з а в е т а.—Затѣмъ, что я не хочу быть Психеей. Слышите, не хочу! Надоѣло, опротивѣло... Амуръ и Психея—какой вздоръ! (*Молчаніе.*)—А о бригадиршѣ Лихаревой слышали?

А л е к с а н д р ь.—Не помню.

Е л и з а в е т а.—Деревенька у нихъ подъ Петербургомъ. Мужъ заболѣлъ, жена пріѣхала въ городъ за докторомъ. Государь тогда встрѣтился—кучерь не остановилъ. Бригадиршу посадили на съезжую. Отъ страха заболѣла горячкою. Мужъ умеръ, а жена согнала съ ума.

АЛЕКСАНДРЪ.—Ужасно!

ЕЛИЗАВЕТА.—Да, ужасно. «А впрочемъ, наплевать», какъ говорить вашъ братецъ. Мы вѣдь всѣ рабы—и тотъ мужикъ безъ шапки, и я, и вы. Рабы... или нѣтъ, крысы, которыми Константинъ заряжалъ свою пушку. Выстрѣлить, и что отъ крысъ останется?..

АЛЕКСАНДРЪ.—Господи! Господи!

ЕЛИЗАВЕТА.—Отъ раздавленныхъ крысъ пятно кровавое... Какая гадость!... Я, кажется, съ ума схожу, какъ бригадирша Лихарева. Всѣ мы сходимъ съ ума. Лучше не думать... Лежать и мечтать...

Берега кристальной рѣчки,
И пастушка, и овечки...

(*Падая на колѣни и закрывая лицо руками.*) Скучно, скучно, скучно, Сашенька!...

Дверь направо отворяется безшумно. Входитъ Павелъ и останавливается на порогѣ.

АЛЕКСАНДРЪ (*обнимая Елизавету*).—Лизанька, дѣвочка моя бѣдная...

ПАВЕЛЪ.—Амуръ и Психея!

Александръ и Елизавета вскакиваютъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что это?

ЕЛИЗАВЕТА.—Государы!

ПАВЕЛЪ.—Испугались, друзья мои? Думали—привидѣние?

АЛЕКСАНДРЪ.—Простите, ваше величество. Темно. Я свѣчей...

ПАВЕЛЪ.—Не надо. (*Елизавета хочетъ уйти.*) Куда вы, сударыня? Вы намъ не мѣшаете.

Елизавета отходитъ къ окну.

ПАВЕЛЪ (*взявъ книгу*).—Это что? Руссо.—А это? Брутъ, трагедія господина де-Вольтера. (*Читаетъ.*)

...Rome est libre.

Il suffit. Rendons grâces aux dieux.

Значить: «Царя убили, и слава Богу».—Кто подчеркнулъ?

АЛЕКСАНДРЪ.—Не могу знать, ваше величество. Книга отъ бабушки. Не она ли сама изволила?

ПАВЕЛЪ.—Все-то у васъ отъ бабушки, сударь, и сами вы—бабушкинъ внучекъ.—А исторію царевича Алексѣя помните? Вотъ подлинная трагедія, не то что Вольтеровы глупости! Сынъ возсталъ на отца, и отецъ казнилъ сына. Помните?

АЛЕКСАНДРЪ.—Помню.

Павелъ.—Ну, то-то же! А востанки перечесть не мѣшасть. Ужо пришло. —Бстать, правда ли, что у васъ и въ полку Вольтера почитываютъ?

Александръ.—Виновать, государь. Одно только сочиненьце, «Бандидъ». При бабушкѣ отпечатано.

Павелъ.—Опять бабушка!... У кого найдено?

Александръ.—Измайловскаго полка у штабъ-капитана Пузыревскаго.

Павелъ.—Ну и что же?

Александръ.—Книга въ корпусной пекарнѣ сожжена—сдѣланъ выговоръ.

Павелъ.—Что толку выговоръ отъ васъ, когда и сами вы, сударь, Вольтера читаете? Каковъ попъ, таковъ и приходъ.—Однако, шутки въ сторону, наблюдать извольте впредь, дабы изъ чиновъ управленію вашему ввѣренныхъ, чтеніемъ таковымъ упражняться никто не осмѣливался. Понеже слухи до меня доходятъ, что французскими натуральной системы книгами многіе господа военные заражены, по домамъ ходятъ въ платья партикулярномъ, фраки и жилеты носятъ, явно изображая тѣмъ развратное свое поведеніе. Вотъ каковы, сударь, слѣдствія философической вольности или, лучше сказать, бѣшенства, коимъ вводится язва моральная, правила безбожныя и возмутительныя, буйственное воспаленіе разсудка, какъ то показало намъ правленіе богомерзкое во Франціи и оныя режисиды, изверги человѣчества, въ злодѣяніи, учиненномъ надъ королевскою особою...

Александръ.—Батюшка!

Павелъ.—Молчать! Я знаю, сударь, что вы—якобинецъ, но я разрушу всѣ ваши идеи!... Да, знаю, знаю все—и то, какъ бабушкины внучки спать и видятъ во снѣ конституцію, республику, Права Человѣка, а того не разумѣютъ, что въ оныхъ правахъ заключается духъ сатанинскій, уготовляющій путь Звѣрю, Антихристу. О, какъ страшенъ сей духъ! Никто того не знаетъ, я знаю, я одинъ! Богъ мнѣ открылъ, и, Богомъ влечусь, искореню, истреблю, сокрушу, или я не буду Павелъ II!...

Александръ.—Батюшка, я никогда...

Павелъ.—Лжешь! Это кто писалъ? *(Показываетъ письмо.)*
Говори—кто?

Александръ.—Я... но не моя воля...

Павелъ.—А чья?

Александръ.—Бабушки.

ПАВЕЛЪ.—Чортова бабушка!

АЛЕКСАНДРЪ.—Государь, ваша покойная катушка...

ПАВЕЛЪ.—Да, знаю: отца убила и меня, сына, въ Шлиссельбургъ хотѣла заточить, въ тотъ самый казематъ, гдѣ нѣкогда страдальца безвиннаго, Иоанна Антоновича задавили, какъ крысу въ подпольи. Тридцать лѣтъ я томился въ смертномъ страхѣ, ждалъ яда, ножа или петли, терпѣлъ и молчалъ... Тридцать лѣтъ, тридцать лѣтъ!... Какъ только Богъ сохранилъ мнѣ разумокъ и жизнь?... И ты былъ съ нею!... Вотъ что значать слова сіи. Читай: «Всею кровью моею не могъ бы я заплатить за все то, что вы для меня сдѣлали и еще сдѣлать намѣрены».— Это значить: меня съ престола спихнуть, чтобъ тебя...

АЛЕКСАНДРЪ (*падал на колѣни*).—Батюшка! Батюшка! Никогда я не хотѣлъ... Да развѣ вы не видите, и теперь не хочу... Отрѣшите, умоляю васъ, Богомъ заклинаю, отрѣшите меня отъ престола, избавьте, помилуйте!...

ПАВЕЛЪ.—Лжешь, онять лжешь! (*Заносит трость.*) Я тебя!...

ЕЛИЗАВЕТА (*удерживая Павла за руку*).—Какъ вамъ не стыдно?...

ПАВЕЛЪ (*отталкивая Елизавету*).—Прочь!...

ЕЛИЗАВЕТА.—Рыцарь Мальтійскаго ордена—женщину?...

ПАВЕЛЪ (*отступая*).—Да, рыцарь... Вы правы, сударыня. Прошу извиненія. Погорячился.—Какая вы, однако, смѣлая. Я и не зналъ. Психея—и вдругъ... Мнѣ это понравилось. Я бы хотѣлъ, чтобы такъ всѣ... Благодарю. Ручку позвольте, ваше высочество.—Что? Не бойтесь, не укушу. Я еще не кусаюсь... Ха-ха!

Цѣлуетъ руку Елизаветы и кланяется съ изысканною вѣжливостію.

ПАВЕЛЪ.—J'ai l'honneur de vous saluer, madame, Monseigneur. Еще разъ прошу извиненія! (*Отходя къ двери.*) А вѣдь вы тутъ надо мною, пожалуй, смѣяться будете вдвоемъ, Амуръ и Психея?—Ну чтожъ, смѣйтесь на здоровье. Rig a bien qui riga le dernier.— А исторію царевича Алексѣя я вамъ, сударь, пришлю. Почитайте, сравните съ Брутомъ!

Уходитъ.

ЕЛИЗАВЕТА.—Да вѣдь онъ...

АЛЕКСАНДРЪ.—Тише, тише. Пожалуй, подслушаетъ.

ЕЛИЗАВЕТА (*открывая дверь и заглядывая*).—Ушелъ.

Паленъ сходитъ съва.

ПАЛЕНЪ.—Не онъ, а я подслушивалъ. Простите, ваши высочества,—по должности военного губернатора...

Елизавета уходитъ нальво. Александръ сидитъ на кананъ, опустивъ голову на руки. Молчаніе.

ПАЛЕНЪ.—Прескверная штука, не угодно ли стаганъ лафита!

АЛЕКСАНДРЪ.—Знаетъ все?

ПАЛЕНЪ.—Ну все, не все, а кое-что. Не сегодня, впрочемъ, такъ завтра узнаетъ. И тогда пропали мы. Что будетъ съ вами, съ вашею супругою, матушкой, братьями, сестрами, со всею иннеріею,—страшно подумать! Судьбы Россіи, благополучіе и жизнь миллионовъ людей—въ рукахъ сумасшедшаго...

АЛЕКСАНДРЪ.—Сумасшедшаго?

ПАЛЕНЪ.—Ну да, если еще не сошелъ, то сходить съ ума, а это страшнѣе, потому что какъ знать, до чего дойдетъ? Одно знаемъ: Россія гибнетъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что же дѣлать?

ПАЛЕНЪ.—Слѣпить. Остаются не дни, а часы. Нашъ планъ вы знаете: овладѣть особой императора, объявить больнымъ и принудить къ отреченію отъ престола, дабы передать оный вамъ. Не отъ себя говорю, а отъ сената, войска, дворянства—отъ всего народа російскаго, коего желаніе единственное—видѣть Александра императоромъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Принудить? Вы его не знаете: онъ скорѣе умретъ...

ПАЛЕНЪ.—Отъ жестокихъ болѣзней—лѣченіе жестокое: если не отречется, то—въ Шлиссельбургъ...

АЛЕКСАНДРЪ.—Что вы, что вы, графъ?...

ПАЛЕНЪ.—Будьте покойны, ваше высочество: караулъ изъ нашихъ—не выдадутъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Я не о томъ, а не хочу, слышите, не хочу, чтобы вы такъ со мной говорили о батюшкѣ!

ПАЛЕНЪ.—Ахъ, вотъ что. Слушаю-съ. *(Помолчавъ.)* Я знаю теперь, чего вы не хотите, а чего хотите, всетаки не знаю...

АЛЕКСАНДРЪ.—Ничего, ничего я не хочу! Оставьте меня въ покоѣ!...

ПАЛЕНЪ.—Бываютъ случаи, когда ничего не хотѣтъ—бумно или преступно...

АЛЕКСАНДРЪ.—Какъ вы смѣете!...

ПАЛЕНЪ.—Я говорю то, что велитъ мнѣ должность графинина и подданнаго.

АЛЕКСАНДРЪ (*всканчивая и топая ногами, подобно Павлу*).—
Вонь! Вонь! Не могу я больше терпѣть, не могу, не могу... не
хочу быть орудіемъ вашихъ низостей! Вы—измѣнникъ! Никогда не
подыму я руки на государя, отца моего! Лучше смерть! Сейчасъ
иду къ батюшкѣ, все донесу...

ПАЛЕНЪ.—Ну мы, кажется, всё сходимъ съ ума.—Я че-
ловѣкъ откровенный, ваше высочество, хитрить не умѣю: что на
умѣ, то и на языкѣ. Говорилъ съ вамъ прямо и прямо взойду на
эшафотъ! Честь имѣю кланяться.

Идетъ нальво къ дверямъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Петръ Алексѣвичъ! Петръ Алексѣвичъ!

Паленъ останавливается въ дверяхъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Нѣтъ, ничего... Ступайте, ступайте!

*Паленъ уходитъ. Александръ падаетъ на канато и лежитъ, уткнувшись
лицомъ въ подушку. Входитъ слѣва Елизавета.*

ЕЛИЗАВЕТА.—Ну что, какъ? Рѣшили?

Александръ молчитъ. Елизавета обнимаетъ его и гладитъ по волосъ.

ЕЛИЗАВЕТА.—Мальчикъ мой, мальчикъ мой бѣдненькій...

АЛЕКСАНДРЪ.—Не могу, не могу я, Лиззень!...

ЕЛИЗАВЕТА.—Что же дѣлать, Саша? Надо...

АЛЕКСАНДРЪ (*приподнимаясь и глядя на нее пристально*).—
А если кровь?

ЕЛИЗАВЕТА.—Лучше кровь, лучше все, чѣмъ то, что теперь!
Пусть наша кровь...

АЛЕКСАНДРЪ.—Не наша...

Молчаніе.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что же ты молчишь? Говори! Или думаешь,
что мы должны черезъ кровь?

ЕЛИЗАВЕТА.—Не знаю.

АЛЕКСАНДРЪ.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Молчи, не смѣй!... Если
ты скажешь, Богъ не проститъ...

ЕЛИЗАВЕТА.—Не знаю, проститъ ли Богъ, но мы должны...

Занавѣсъ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Зала въ Михайловскомъ замкѣ. Полукруглая колоннада изъ бѣлаго мрамора. Двѣ ниши по бокамъ — справа со статуей Венеры, слѣва — Флоры. Три двери: одна, въ серединѣ—въ Тронную; другая, справа—во внутренніе апартаменты государя; третья, слѣва—въ амфиладу залъ, которыя сообщаются съ парадною лѣстницею. По обѣимъ сторонамъ средней двери большія, во всю стѣну, зеркала. Несмотря на множество горящихъ въ люстрахъ и шандалахъ восковыхъ свѣчей, полумракъ отъ густого тумана.

Концертный вечеръ. Издали слышится музыка Гайдна, Чимарозы, Моцарта. Кавалеры—въ придворныхъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ пудрѣ, бумляхъ, чулкахъ и при шпагахъ; дамы—въ бѣлыхъ, съ тонкимъ золотымъ или серебрянымъ узоромъ, греческихъ туникахъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна. Великая княгиня Елизавета. Великіе князья Александръ и Константинъ—въ нишѣ подъ статуей Венеры. Ихъ окружаютъ фрейлины, Щербатова и Волкова, оберъ-церемоніймейстеръ гр. Головкинъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, шталмейстеръ кн. Голицынъ, отставной церемоніймейстеръ гр. Валуевъ, оберъ-шталмейстеръ гр. Кутайсовъ, военный губернаторъ гр. Паленъ и другіе придворные.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. — Что это какъ темно, графъ?

ГОЛОВКИНЪ. — Туманъ отъ сырости, ваше величество. Зданіе—новое, сразу не высушишь.

ЕЛИЗАВЕТА. — А мнѣ нравится туманъ—бѣлый, мутный, точно опаловый, отъ свѣчей—радуга, и люди—какъ привидѣнія.

ГОЛИЦЫНЪ. — И на дворѣ туманъ—зги не видать.

ВАЛУЕВЪ (*полуслышной дряхлый старикъ, говоритъ, шамкая*). — Деятнадцатый вѣкъ! Деятнадцатый вѣкъ! Нынче дни все такіе туманные, темные. А въ старину, бывало, и зимой-то какъ солнышко свѣтитъ! — Помню, разъ у окна въ Эрмитажѣ стою, солнце прямо въ глаза, а покойная государыня подошли и шторку опустить позволили собственными ручками. — «Что это, говорю, ваше величество, вы себя обезпокоили?» А она, матушка, улыбнулась такъ ласково,—одно солнце тамъ, на небѣ, а другое здѣсь, на землѣ... Отжили, отжили мы красные дни!...

Входитъ статсъ-дама гр. Ливенъ.

ЛИВЕНЪ. — Извините, ваше величество... Уфъ, съ ногъ сбилась... Присяду.

МАРІЯ Ѳеодоровна.—Что съ вами, Шарлотта Барловна?

Ливенъ.—Заблудилась въ коридорахъ да лѣстницахъ...

Головкинъ.—Немудрено, сущій лабиринтъ.

Ливенъ.—Заблудилась, а тутъ часовые, какъ гаркнутъ: «Вонь!» Прежде—«Къ ружью!» командовали, а теперъ: «Вонь!» Съ непривычки-то все пугаюсь.—Подхватила юбки и ну бѣжать, споткнулась, упала и колѣнку ушибла.

МАРІЯ Ѳеодоровна.—Ахъ, бѣдная! Потереть надо арникамъ.

Бонстантинъ.—А я думалъ, привидѣніе.

Ливенъ.—Какое привидѣніе?

Бонстантинъ.—Тутъ, говорятъ, въ замкѣ ходитъ. Батюшка сказывалъ...

МАРІЯ Ѳеодоровна.—Taisez vous, Monseigneur, —cela ne convient pas.

Волкова.—Ахъ, ваше высочество, зачѣмъ вы на ночь? Я ужаси какъ ихъ боюсь...

Нарышкинъ.—О привидѣніяхъ надо спросить Бушелева: онъ—фармазонъ, съ духами водится. Давеча откровенно изъяснилъ намъ о достиженіи къ сверхнатуральному состоянію черезъ пупокъ.

Голицынъ.—Какой пупокъ?

Нарышкинъ.—А ежели, говорить, на пупъ свой глядѣть да твердить: Господи помилуй!—то узришь свѣтъ Ѳаворскій.

Голицынъ.—Чудеса!

Щербатова.—Не чудеса, а магнетизмъ. Въ Парижѣ господинъ Месмъръ втыкаетъ иголки въ сомнамбулу, а та не чувствуетъ и все угадываетъ.

Нарышкинъ.—Есть и у насъ въ Малой Коломнѣ гадальщица...

Валуевъ.—Девятнадцатый вѣкъ! Девятнадцатый вѣкъ!... Чертовщина вездѣ завелась...

Щербатова.—Вы, господа, ни во что не вѣрите, у васъ нынче все—«натура, натура». А мнѣ бы хоть однимъ глазкомъ заглянуть на тотъ свѣтъ, что тамъ такое? L'inconnu est si séduisant...

Голицынъ.—Когда умреть, сударыня, времени будетъ довольно на неосязаемость, и душеньки наши набродятся досыта... А пока живы, милѣе намъ здѣшнія «Душеньки»...

Щербатова.—Ну васъ, шалунъ, отстаньте!

Госъ-фурьеры обмываютъ изъ дверей справа, машутъ руками и шикаютъ.

Гофъ-фурьеры.—Его величество! Его величество!

Всѣ становятся въ рядъ; дамы присѣдаютъ, кавалеры кланяются. Музыка играетъ маршъ. Павелъ, подъ руку съ кн. Анной Гагариной, проходитъ черезъ толпу, едва отъчалъ на поклоны, и садится рядомъ съ Анной, въ нишѣ подъ статуей Флоры.

П А В Е Л Ъ.—Аннушка, моя улыбочка...

Хочетъ взять руку Анны.

А Н Н А.—Не надо, не надо, государь,—увидятъ...

П А В Е Л Ъ.—Пусть видятъ! Я ничего не вижу, не слышу, не знаю, кромѣ тебя. Ты осчастливила жизнь мою, только ты, достойнѣйшая изъ женщинъ, могла влить кроткія чувствованія въ сердце мое, только при взорѣ твоемъ родились въ немъ добродѣтели, какъ цвѣты рождаются при майскомъ солнцѣ. Я хотѣлъ бы здѣсь, ногъ у твоихъ, Анна...

А Н Н А.—Ради Бога, ваше величество! Государыня смотритъ...

П А В Е Л Ъ.—Аннушка, моя улыбочка, отчего ты такая грустная? О чемъ ты думаешь?

А Н Н А.—Я думаю... Ахъ нѣтъ, простите, ваше величество... я не умѣю. Я только хотѣла бы, чтобы всѣ знали васъ, какъ я... Но никто не знаетъ. А я не умѣю... Глупая, глупая... Простите, я не такъ...

П А В Е Л Ъ.—Такъ, такъ, Аннушка! *(Торжественно, подымая руку и глаза къ небу.)* Благодарю, сударыня, благодарю за эти слова... Знайте, что я, умирая, думать буду о васъ.

А Н Н А.—Павлушка, миленькій...

П А В Е Л Ъ.—Ахъ, если бы ты знала, какъ я счастливъ, Анна, и какъ желалъ бы сдѣлать всѣхъ счастливыми! Баждого къ сердцу прижать и сказать: «чувствуешь ли, что сердце это бьется для тебя? Но оно не билось бы, если бы не Анна...» Да нѣтъ, я тоже не умѣю, тоже глупый, какъ ты... Ну и будемъ вмѣстѣ глупыми!...

Н А Р Ы Ш К И Н Ъ *(тихо, указывая на Павла и Анну).*—Голубки воркуютъ.

Г О Л О В К И Н Ъ.—А у княгини-то платье изъ алаго бархата, точно изъ царскаго пурпура.

Г О Л И Ц Ы Н Ъ.—Субретка въ пурпурѣ.

Н А Р Ы Ш К И Н Ъ.—Будь поумнѣе, подъ башмакомъ бы его держала.

Марія Теодоровна и Паленъ говорятъ въ сторонѣ, тихо.

М А Р І Я Т Е О Д О Р О В Н А *(всплескивая руками).*—Aber im Gottes willen, mein lieber Петръ Алексѣевичъ, неужели возможно?...

П А Л Е Н Ъ.—Въ Россіи, ваше величество, все возможно. Да вотъ сами изволите видѣть: въ Вѣдомостяхъ пишутъ. *(Читаетъ.)* «Рос-

сѣйскаго императора, желая положить конецъ войнамъ, уже одиннадцатъ лѣтъ Европу терзающимъ, намѣренъ пригласить всѣхъ прочихъ государей на поединкѣ сразиться».

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Господи, Господи! На чемъ же они сражаются будутъ?

ПАЛЕНЪ.—На мечехъ или копьяхъ, что ли, какъ рыцари, бывало, на турнирахъ.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Рыцари, турниры?... Aber, um Gottes willen, я ничего не понимаю!...

ПАЛЕНЪ.—И я, ваше величество.

ПАВЕЛЪ (*указывая на Марію Феодоровну и Палена*).—А я знаю, о чемъ они судачать.

АННА.—О чемъ?

ПАВЕЛЪ.—Да ужъ знаю. Пойдемъ-ка ихъ дразнить!

АННА.—Ахъ, нѣтъ, ради Бога! И безъ того ея величество...

ПАВЕЛЪ.—Надоѣла мнѣ ея величество! Не въ свое дѣло суется. Ей бы институтской мадамой быть! (*Вставая*.) Пойдемъ же.

АННА.—Ну зачѣмъ, зачѣмъ, Павлушка?

ПАВЕЛЪ.—А зачѣмъ, что весело, шалить хочется. Мы вѣдь съ тобой—глупенькіе!

Павелъ подходитъ къ Марію Феодоровну. За нимъ Анна.

ПАВЕЛЪ.—Votre conversation, madame, me paraît bien animée. О чемъ бесѣдовать изволите?

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА (*держа потихоньку Палена за край мундира*).—О новомъ прожектѣ для Павловска, ваше величество: храмъ Розы безъ шиповъ...

ПАВЕЛЪ.—Только о Розѣ?

ПАЛЕНЪ.—Начали съ Розы, а кончили...

ПАВЕЛЪ.—Шипами?

ПАЛЕНЪ.—Почти что такъ. Кончили вызовомъ, который вашему величеству угодно было сдѣлать иностраннымъ государямъ.

ПАВЕЛЪ.—Ага! Ну и какъ же вы о семъ полагаете, сударыня?

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Aber Paulchen, mein lieber Paulchen...

ПАВЕЛЪ.—Извольте говорить по-русски: вы—императрица Россійская. (*Молчаніе*.) Отвѣчайте же.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Ахъ, Боже мой, Боже мой... Я, право, не знаю, ваше величество... Мысли мои... so verwirrt...

ПАВЕЛЪ.—Ну, а вы, графъ?

ПАЛЕНЪ.—Въ царствованіе императора Павла I Россія удивила Европу, сдѣлавшись не покорительницею, а защитницею слабыхъ противъ сильныхъ, утѣсненныхъ противъ утѣснителей, вѣрующихся

противъ нечестивцевъ. И сія истинно великая, истинно христіанская мысль возникла въ рыцарской душѣ вашего величества. Поединокъ же оный—всему дѣлу вѣнецъ, воскресеніе древняго рыцарства...

Павелъ.—Хотите быть моимъ секундантомъ, ваше сіятельство?

Паленъ (*цѣлуя Павла въ плечо*).—Недостойнъ, государь...

Павелъ.—Достойны, сударь, достойны. Вы меня поняли. Да. Воскресеніе древняго рыцарства! Подъ стягомъ Мальтійскаго ордена соединимъ все дворянство Европы и крестовымъ походомъ пойдемъ противъ яacobинской сволочи, отродія хамова!

Паленъ.—Помоги вамъ Богъ, государь!

Павелъ.—Не имѣю и не имѣю цѣли иной, кромѣ Бога. И пусть меня Донъ-Кихотомъ зовутъ—сей доблестный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ, какъ я люблю человечество! Да вотъ бѣда—хитрить не умѣю и съ господами политиками частенько въ дуракахъ остаюсь. За то себя и казню: любилъ кататься, люби саночки возить. Справедливость требуетъ сего. Не подданные за государей, а государи за подданныхъ должны кровь свою проливать. И я, первый, на поединкѣ ономъ примѣръ покажу.

Молчаніе.

Павелъ.—А господа политики съ носомъ останутся. Меня думали за носъ водить, но къ несчастью для нихъ у меня носъ курносъ. (*Проводя по лицу рукой.*) Ухватиться не за что!

Молчаніе.

Павелъ (*быстро оборачиваясь и подходя къ Аннѣ, напѣваетъ.*)

Quand pour le grand voyage
Margot plia bagage,
Des cloches du village
J'entendis la leçon:
Din-di, din-don.

Анна (*тихо*).—Перестань, Павлушка, ради Бога!

Павелъ.—А что?... Ну, не буду, не буду. Ужъ очень мнѣ сегодня весело—такъ бы и запрыгалъ, завертѣлся на одной ножкѣ, какъ шалунишка маленькій! (*Помолчалъ.*) А примѣтилъ я, что, когда сей родъ веселости найдетъ на меня, то всегда передъ печалью.

Покинешь матерню утробу—
Твой первый гласъ есть горькій стонъ;
И отходя отсель ко гробу,
Отходишь ты, стена, и вонъ.

Стонъ и смѣхъ, смѣхъ и стонъ. Din-di, din-don!

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА (*тихо Палену*).—Aber im Gottes willen, что съ нимъ такое?... Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю... Пожалуйста, графъ, успокойте, развлеките его...

ПАЛЕНЪ (*подойдя къ Павлу*).—Ваше величество, курьеръ изъ Парижа отъ господина Перваго Консула, генерала Бонапарта.

ПАВЕЛЪ.—Принять, принять!

Адмиралъ Кушелевъ подходитъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ.—Наидружественнѣйшіе сантименты господина Перваго Консула... (*Кушелеву*.) А ты что, братецъ, головой качаешь?

КУШЕЛЕВЪ.—Помилуйте, ваше величество, какое же дружество самодержца всероссійскаго, помазанника Божьяго, съ онымъ Бонапартомъ, проходимцемъ безъ роду, безъ племени, выскочкой, говорить, изъ той же якобинской сволочи?...

ПАВЕЛЪ.—Да вѣдь и меня, сударь, «якобинцемъ на тронѣ» зовутъ.

КУШЕЛЕВЪ.—Блветники токмо и персональные оскорбители...

ПАВЕЛЪ.—Нѣтъ, отчего же? По мнѣ пусть такъ: представьте, господа якобинцы, что у меня красная шапка, что я вашъ главный начальникъ,—и слушайте меня!

Входитъ курьеръ Башиловъ.

БАШИЛОВЪ (*ставъ на колѣни и целуя руку Павла*).—Здравія желаю, ваше величество! Отъ господина Перваго Консула.

Подаетъ письмо.

ПАВЕЛЪ (*читаетъ сперва про себя, потомъ вслухъ*).—«La Russie et la France, en tenant aux deux extrémités du globe, sont faites pour le dominer».—Да, Россія и Франція должны міръ пополамъ раздѣлить. А генерала Бонапарта законнымъ государемъ мы признать готовы. Намъ все равно, кто—только бы государь законный. Угмонились господа французы—и слава Богу! А вѣдь давно ли, какъ нѣкій исполинъ бѣснующійся, терзая собственную свою утробу и съ остервенѣніемъ кидаясь на другихъ, наводило ужасъ на Европу сіе издыхающее нынѣ богомерзкое правленіе! (*Башилову*.) Ну, а теперь что, какъ у васъ въ Парижѣ?

БАШИЛОВЪ.—Государь, чувствованія благоговѣйныя къ священной особѣ вашего императорскаго...

ПАВЕЛЪ.—Нѣтъ, попросту, братецъ,—не бойся, говори попросту—какъ тебѣ показался Парижъ?

Башиловъ по знаку Павла встаетъ.

БАШИЛОВЪ.—Сказать правду, ваше величество, показался мнѣ Парижъ большимъ котломъ, въ которомъ что-то свверное ки-

пить. Народъ все еще—звѣрь неистовый. И вездѣ надписи, омерзѣніе вселяющія: *Вольность. Равенство. Братство.* Церкви пусты, а кабаки да театры биткомъ набиты. Господинъ Первый Консулъ между двухъ шеренгъ солдатъ ходитъ въ Оперу, ложа запирается замками, какъ тюрьма. Во время Декадъ—пребольшіе парады; симъ публичнымъ образомъ показуется гражданамъ: «вотъ я васъ, только пниги!» Въ годовщину революціи праздникъ устроили на полмилліона народа. Ночью фейерверки и транспаранты вольности горѣли всюду, но никто уже не кричалъ: «Да здравствуетъ вольность!», а всѣ кричали: «Да здравствуетъ Бонапартъ!»

Павелъ.—Молодецъ! Такъ ихъ и надо.—Завтра же, сударь, назадъ въ Парижъ съ отвѣтомъ. Уповаемъ, что въ союзъ съ господиномъ Первымъ Консуломъ, даруя миръ всему міру, возстановителями будемъ потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей...
(*Куксилеву.*) А ты что, сударь, опять куксишься?

Кушелевъ.—Ваше величество, союзъ съ народомъ безбожнымъ и буйственнымъ, антихристова духа исполненнымъ...

Павелъ.—Заладила сорока Якова! Говорять же тебѣ, господа французы образумились.

Кушелевъ.—Образумились, нѣтъ ли,—что намъ до нихъ? Россія—первая держава въ мірѣ. Когда всѣ другіе народы мятутся, пребываетъ отечество наше покойно, десницею Божьей хранимое. Да не дерзаютъ же равняться съ нами оныя державы, мыльнымъ пузырямъ подобныя.

Гдѣ, гдѣ не слышно имя Россовъ?
Какъ буря, міръ они прошли,—
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли!

А тебѣ, государь-батюшка, побѣдителю Звѣря Антихриста—осанна въ вышнихъ, благословенъ Грядый во имя Господне!

Павелъ.—За патриотическія расположенія ваши, сударь, спасибо. А насчетъ Антихриста, не бойся, братецъ, въ обиду не дамъ!

Патеръ Груберъ подходитъ къ Павлу.

Павелъ.—А, святой отче, Ad majorem Dei gloriam, ты отсюда?

Павелъ и Груберъ, разговаривая, отходятъ въ сторону.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА (*тихо Палену.*)—Зачѣмъ пропустили сюда этого патера? Cela ne convient pas.

Паленъ.—Да вѣдь онъ, ваше величество, и безъ пропуска всюду пролѣзетъ.

ГОЛОВКИНЪ.—Втируша.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—И о чемъ это онъ съ государемъ все шепчется?

ПАЛЕНЪ.—Должно быть, опять оный прожектъ о воссоединеніи церкви.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Какое лицо!...

ПАЛЕНЪ.—Да, рожа скверная: какъ его ни встрѣтишь—быть худу.

НАРЫШКИНЪ.—Зато на всё руки мастеръ: шоколадъ варить, зубы лѣчить, фарфоръ склеиваетъ, церкви соединяетъ.

ГОЛИЦЫНЪ.—Новый Калиостро.

ГОЛОВКИНЪ.—Чортъ въ рясѣ.

НАРЫШКИНЪ.—Господа іезуиты всё таковы.

ГОЛИЦЫНЪ.—И съ чего они къ намъ налетѣли, черные вороны?

ГРУБЕРЪ (*сидя за Павломъ*).—Ваше величество, въ прожектѣ моемъ...

ПАВЕЛЪ.—Надоѣлъ ты мнѣ, братецъ, со своимъ прожектѣмъ хуже горькой рѣдьки. Отстань!

ГРУБЕРЪ.—Въ Писаніи сказано: *Единъ Пастырь, едино стадо*. Когда соединится власть Кесаря, Самодержца Россійскаго съ властью Первосвященника Римскаго—земное съ небеснымъ...

ПАВЕЛЪ.—Отстань, говорю, ну тебя, брысь!...

ГРУБЕРЪ.—Одно только словечко, государь, одно словечко—и его святѣйшество самъ пріѣдетъ въ Петербургъ...

ПАВЕЛЪ.—Вотъ привязался. Ну на что мнѣ твой папа?

ГРУБЕРЪ.—Ваше величество, папа—глава церкви...

ПАВЕЛЪ.—Врешь! Не папа, а я. Превыше всѣхъ папъ, царь и папа вмѣстѣ, Кесарь и Первосвященникъ—я, я, я одинъ во всей вселенной!... Видалъ ли ты меня въ далматигѣ?

ГРУБЕРЪ.—Не имѣлъ счастья, государь.

ПАВЕЛЪ.—Иванъ! Иванъ!

Кутайсовъ подбѣгаетъ къ Павлу.

БУТАЙСОВЪ.—Здѣсь, ваше величество!

ПАВЕЛЪ.—Сбѣгай-ка, братецъ, живѣе, принеси далматигъ, знаешь, тотъ новый, ненадѣванный. Бстати же примѣрю.

БУТАЙСОВЪ.—Слушаю-съ, ваше величество.

Кутайсовъ уходитъ.

ПАВЕЛЪ.—Подобіе саккоса архіерейскаго, древнихъ императоровъ восточныхъ одѣяніе, знаменуетъ оный далматигъ царесвященство таинственное, по чину Мельхиседекову.—Какъ о семъ въ Откровеньи-то, помнишь, Григорій Григорычъ?

Б У Ш Е Л Е В Ъ.—*Жена, облеченная въ солнце, родила Младенца мужеского пола, коему надлежитъ пасти всть народы жезломъ желтънымъ*

П А В Е Л Ъ.—Ну вотъ, вотъ, оно самое. Жена—церковь православная, Младенецъ—царь самодержавный. Се тайна великая. Никто ея не знаетъ, никто, кромѣ меня!

Кутайсовъ выходитъ, неся далматикъ. Павелъ надъваетъ его передъ зеркаломъ.

А Н Н А.—*(тихо).*—Павлушка, миленькій, какъ можно здѣсь, при всѣхъ?... Сидѣться будутъ...

П А В Е Л Ъ *(тихо).*—Пусть. Когда въ багряницу облакали Господа, тоже сидѣлись.

П А В Е Л Ъ *(съ вnezаннымъ тѣломъ).*—Да, что это, какихъ мнѣ зеркалъ понавѣшали? Куда ни посмотрюсь—лицо все на-криво, точно шею свернули, тѣфу!...

Б У Т А Й С О В Ъ *(бросаясь къ зеркалу).*—Помутнѣло, должно быть, занидевѣло. Вытереть надо суконочкой.

П А В Е Л Ъ.—Оставь. Пойдемъ въ Тронную—тамъ лучше зеркало.

Павелъ, Анна, Груберъ и Кутайсовъ уходятъ.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА *(всплескивая руками).*—Aber um Gottes willen, что же это такое, Петръ Алексѣевичъ? Поединокъ... Бонапартъ... папа... далматикъ... царь-священникъ... Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!...

ПАЛЕНЪ.—И я, ваше величество. Спросить бы Роджерсона, что ли?

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Роджерсона? Лейбъ-медика? Зачѣмъ? Что такое?.. Графъ, графъ... неужели вы думаете?..

Паленъ молча разводитъ—Марія Теодоровна, такъ же молча, всплескиваетъ руками.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ *(тихо Константину).*—Что ты?

Б О Н С Т А Н Т И Н Ъ *(прячась за колонну и трясясь отъ хохота).*—О-хо-хо!... Моченьки нѣтъ... лопну... Какъ онъ тутъ, Саша... въ далматикъ-то, передъ зеркаломъ... Поверхъ мундира, да ряса поповская... Балъ-маскарадъ... О-хо-хо!...

А Л Е К С А Н Д Р Ъ.—Перестань, Бостя! Не сидѣшно, страшно...

Б О Н С Т А Н Т И Н Ъ.—Страшно, да... и сидѣшно. Какъ во снѣ...

ГОЛОВКИНЪ.—А туманъ-то, туманъ, господа, посмотрите. Что это будетъ?...

ГОЛИЦЫНЪ.—Того и гляди, подыдемся вмѣстѣ съ туманомъ и разлетимся, какъ сонъ...

ЕЛИЗАВЕТА.—Привидѣнія, привидѣнія!

Стукъ барабана, военные сигналы.

НАРЫШКИНЪ.—Господа, слышите?

ГОЛИЦЫНЪ.—Что такое?

ГОЛОВКИНЪ.—Барабанъ.

НАРЫШКИНЪ.—Да, барабанъ, рожки, трубы... Что за диво? Вѣдь зорю давно уже пробили.

ГОЛИЦЫНЪ.—Да это тревога!

Вбѣгаютъ Гофъ-фурьеры.

ГОФЪ-ФУРЬЕРЫ (*Палену*).— Ваше сіятельство, тревога! Войска во дворцѣ. Сюда идутъ...

Изъ дверей слыа—караульный офицеръ со шпагою наголо.

ОФИЦЕРЪ.—Гдѣ государь?

ПАЛЕНЪ.—Какъ вы смѣете, сударь, въ присутствіи ея величества, со шпагою?...

ОФИЦЕРЪ (*съ дверь*).—Ребята, за мной!

Солдаты съ ружьями на-перевѣсь кидаются въ залу.—Шумъ, крики, свалка.—Слышатся отдѣльные голоса.

ПЕРВЫЙ.—Гдѣ государь? Гдѣ государь?

ВТОРОЙ.—Что случилось?

ТРЕТИЙ.—Бѣда во дворцѣ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.—Маршъ, маршъ! Къ знаменамъ!

ПЯТЫЙ.—Куда, черти, прете?

ШЕСТОЙ.—Пусти!

СЕДЬМОЙ.—Стой!

ВОСЬМОЙ.—Я тебя, сукинъ сынъ, въ морду!

ДЕВЯТЫЙ.—Бей! Бей! Въ штыки ихъ, братцы, измѣнниковъ!

ЖЕНСКІЙ ВИЗГЪ.—Задавили! Ой-ой! Помогите!

ЛИВЕНЪ.—Государынѣ дурно!

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Бѣгите, бѣгите, господа! Спасайте императора! Paulchen, Paulchen!

Марія Феодоровна падаетъ въ обморокъ. Входитъ Павелъ. За нимъ— Анна.

ПАВЕЛЪ (*съ дверяхъ*).—Что это? Что это? Бунтъ?...

ОФИЦЕРЪ (*солдатамъ*).—Стой, ребята! Государь.

ПАВЕЛЪ.—Смирно-о!

Солдаты, взявъ на караулъ, строятся. Шумъ стихаетъ.

ПАВЕЛЪ (*Палену*).—Скажите же, сударь, на милость, что это? Какъ осмѣлились?...

ПАЛЕНЪ.—Не могу знать, ваше величество. Должно быть, опять тревога фальшивая, какъ тогда, въ Павловскѣ, отъ рожка почтового и здѣсь, въ Петербургѣ, отъ бочки пустой...

ПАВЕЛЪ.—Сами вы, сударь, бочка пустая! (*Наступая на солдатъ въ ярости.*) Палокъ! Плетей! Шпицрутеновъ! Я васъ всѣхъ!...

АННА (*бросаясь къ Павлу*).—Государь!

ПАВЕЛЪ.—Нѣтъ, нѣтъ, княгиня, оставьте! Вы не знаете...

АННА (*тихо*).—Знаю, Павлушка, знаю, маленький,—вѣрные всѣ. Развѣ не видишь, какъ испугались?...

ПАВЕЛЪ.—Испугались? (*Старику-гренадеру.*) Чего испугались?

ГРЕНАДЕРЪ.—Такъ точно, ваше величество, душо испугались.

ПАВЕЛЪ.—До чего же, чего, дураки?

ГРЕНАДЕРЪ.—Бѣда, думали, во дворцѣ. На дворѣ туманъ, зги не видать. А тутъ за гауптвахтой тревогу забили, да кто-то изъ ребятъ какъ крикнетъ: «Бѣда во дворцѣ!»—такъ сразу и кинулись. Сами не рады. Чортъ, видно, попуталъ. Померещилось...

ПАВЕЛЪ.—Ахъ, дураки, дураки! Ну, что съ вами дѣлать?...

АННА (*тихо*).—Прости, Павлушка!

ПАВЕЛЪ.—Точно ли нѣтъ между вами измѣнниковъ?

ГРЕНАДЕРЪ.—Государь-батюшка, всѣ слуги вѣрные. Повелѣть изволь—умремъ за тебя!

СОЛДАТЫ.—Умремъ! Умремъ!

ПАВЕЛЪ.—Ну, Богъ съ вами, прощаю!

ГРЕНАДЕРЪ (*становясь на колѣни*).—Отецъ ты нашъ, милостивецъ! Пошли тебѣ Господи!

Крѣстясь, цѣлуетъ ноги Павла.

ПАВЕЛЪ.—Что ты, что ты, старикъ? Этакій бравый солдатъ, а плачетъ, какъ баба.

СОЛДАТЫ (*окружая Павла и становясь на колѣни*).—Государь-батюшка, родимый! Благослови тебя Господи!

Нарышкинъ, Головкинъ и Голицынъ говорятъ въ сторону, тихо.

НАРЫШКИНЪ.—Посмотрите-ка, что съ нимъ дѣлается.

ГОЛОВКИНЪ.—Точно влюбленные.

ГОЛИЦЫНЪ.—Какъ на икону, крестятся... Царь-священникъ.

НАРЫШКИНЪ.—Не человекъ, а Богъ.

АННА (*тихо*).—Видишь, Павлушка, какъ они любятъ тебя.

ПАВЕЛЪ.—Да, любятъ. Вотъ бы на что поглядѣть господамъ якобинцамъ—узнали бы, что крѣпко сажу на престолѣ. (*Солдатамъ.*) Спасибо, ребяташки!

СОЛДАТЫ.—Рады стараться, ваше величество! Ура! Ура!

БУШЕЛЕВЪ.—Осанна въ вышнихъ! Благословенъ Грядый во имя Господне!

ПАВЕЛЪ (*поднимая глаза къ небу*).—Не намъ, не намъ, а имени Твоему, Господи!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Библиотека-приемная Павла. Книжные шкапы красного дерева съ бронзою. На стѣнахъ—виды Гатчины и Павловска. Банкетъ и кресла, обитыя сафьяномъ. Налѣво—дверь въ парадные апартаменты; направо—черезъ коридоръ, въ кабинетъ-спальню Павла. Въ глубинѣ—окно на Нижній Лѣтній садъ. У окна маленькій столикъ съ бумагами, перьями и чернилами. Полдень. Сперва—лучъ блѣднаго зимняго солнца; потомъ—сумерки. Оттепель, мокрый снѣгъ хлопьями.

Павелъ. Марія Θεодоровна. Александръ. Константинъ. Елизавета. Гр. Паленъ. Лейбъ-медикъ Роджерсонъ. Гр. Кутайсовъ. Аргамановъ, плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка. Маринъ, поручикъ.

Марія Θεодоровна входитъ съѣва, лейбъ-медикъ Роджерсонъ—справа; посередитъ комнаты встрѣчаются, почти сталкиваются.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

РОДЖЕРСОНЪ.—Не угодно ли будетъ обождать вашему величеству: государь принимать не изволятъ; меня сейчасъ прогнали.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Aber um Gottes willen, докторъ, что случилось?

РОДЖЕРСОНЪ.—Я и самъ не знаю. Кажется, во время обычной прогулки верхомъ по Лѣтнему саду, его величеству дурно сдѣлалось. Оберъ-штабмейстеръ Кутайсовъ бросился на помощь, но все уже прошло, только молвить изволили: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь». —И вернулись домой.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА (*всплескивая руками*).—Господи, Господи, что-жъ это такое?...

РОДЖЕРСОНЪ.—Не извольте беспокоиться, ваше величество. Дастъ Богъ, обойдется. Маленькій припадокъ удушья — должно быть, дѣйствию оттепели. Надо бы кровь пустить. Ну да, Богъ дастъ, и такъ обойдется.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, развѣ вы не видите, онъ боленъ, не спитъ, не ѣстъ и все такой грустный. Я не знаю, что съ нимъ. Гляжу на него, и сердце болитъ, и страшно, страшно...

Изъ дверей слыва—Александръ и Константинъ; подходятъ къ Маріи Теодоровнѣ и цѣлуютъ у нея руку.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Слышали, дѣти, государь боленъ?

БОНСТАНТИНЪ.—Государь боленъ, а мы подъ арестомъ.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Подъ арестомъ? За что?

БОНСТАНТИНЪ.—Богъ вѣсть.—Сейчасъ водили въ церковь присягать.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Бому? Зачѣмъ?

БОНСТАНТИНЪ.—Государю императору Павлу I. А зачѣмъ — неизвѣстно. Должно быть, усумнились въ первой присягѣ. Только отчего вторая лучше первой, опять неизвѣстно.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА (*всплескивая руками*).—Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю...

Входитъ Паленъ.

ПАЛЕНЪ.—И я, ваше величество.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Графъ! Наконецъ-то...

ПАЛЕНЪ.—Я къ государю...

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Нѣтъ, нѣтъ, постойте, вы намъ должны объяснить. Ради Бога...

ПАЛЕНЪ.—Я уже имѣлъ честь докладывать вашему величеству: я ничего не понимаю...

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Петръ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ!... Я хочу, наконецъ, слышите, я хочу знать все! Я вамъ приказываю. Мы здѣсь всѣ вмѣстѣ, одни, и можемъ обсудить на семейномъ совѣтѣ...

ПАЛЕНЪ.—Какой ужъ тутъ совѣтъ семейный!—А, впрочемъ, одну минутку, ваше величество. (*Говоритъ въ дверь направо.*) Поручикъ Маринъ, вы?—Ну, ладно. Смотрите же, сударь, отъ дверей ни на шагъ, и если кто пройдетъ, доложить извольте немедленно. (*Возвращаясь къ Маріи Теодоровнѣ.*)—Итакъ, вашему величеству угод-

но?... (*Роджерсону.*) Буда вы, господинъ докторъ, подождите, сдѣ-
лайте милость: вы намъ нужны, вы намъ теперь нужныѣ, чѣмъ кто-
либо.

Роджерсонъ.—Дастъ Богъ, обойдется.

Паленъ.—Бажется, безъ васъ не обойдется.

Марія Теодоровна.—Да говорите же, говорите, графъ,—
что такое?...

Паленъ.—А то, ваше величество, что надо быть готовымъ ко
всему. Мы объявляемъ войну пяти-шести сосѣднимъ державамъ.

Марія Теодоровна (*всплескивая руками*).—Nero Iesu!
Пяти-шести...

Паленъ.—Да. Сколько именно, я, признаться, и счетъ поте-
рять. А когда доложить осмѣлился, не много ли будетъ, то отвѣтити
изволили: «Сколько бы мухъ ни жужжало у меня подъ носомъ, я ихъ
гоню».—Но намъ Европы мало, нужно и Азію; походъ на Индію...

Марія Теодоровна.—На Индію!

Паленъ.—Да, по слѣдамъ Александра Македонскаго, къ свя-
щеннымъ водамъ Инда. Двадцать тысячъ Донскихъ казаковъ уже вы-
ступило въ походъ къ Оренбургу и далѣе, по степямъ невѣдомымъ,
безъ обоза, безъ продовольствія, безъ дорогъ и даже безъ маршру-
товъ. Велио завоевать Индію—и завоюемъ...

Марія Теодоровна.—Графъ, графъ... aber um Gottes wil-
len... что вы говорите? Можетъ ли быть, чтобы мы ничего не знали?...

Паленъ.—Я и самъ не зналъ до послѣдней минуты и, чай,
многаго еще не знаю.

Марія Теодоровна.—Господи, Господи, что же будетъ?

Паленъ.—А будетъ, полагаю, то, что англичане Индію да-
ромъ отдать не согласятся и пожалуютъ къ намъ въ гости. Не сего-
дня-завтра флотъ ихъ появится у нашихъ береговъ и начнетъ бом-
бардировать Бронштадтъ, а потомъ и Петербургъ.

Марія Теодоровна.—Петербургъ! Nero Iesu!...

Паленъ.—Да, и мы погибли, погибла Россія.

Марія Теодоровна (*всплескивая руками*).—Господи,
Господи, что же дѣлать?...

Паленъ.—Дѣлать нечего, ваше величество,—погибать, такъ
погибать.

Марія Теодоровна и Паленъ говорятъ тихо.

Константинъ (*Александру, кивая украдкой на Палена*).—
Трехитрая бестія!

Александръ.—А что?

КОНСТАНТИНЪ.—Развѣ не видишь, къ чему клонить?

АЛЕКСАНДРЪ.—Къ чему?

КОНСТАНТИНЪ.—А къ тому, что съ батюшкой неладно.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что ты, Бостя!

КОНСТАНТИНЪ.—Ну да, а то какъ же? И знаешь, Сапа, вѣдь, можетъ быть, и вправду... Голова-то у батюшки умная, умнѣе, пожалуй, всѣхъ нашихъ головъ, да есть въ ней какая-то машинка, на одной ниточкѣ держится,—порвется эта ниточка, машинка завернется и капнуть.

АЛЕКСАНДРЪ.—Страшно...

КОНСТАНТИНЪ.—Да, страшно... А впрочемъ, наплевать—всѣ тамъ будемъ!

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА (*тихо Палену*).—Какъ? какъ? Повторите.

ПАЛЕНЪ.—Я вижу, говорить, что пора нанести великій ударъ.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Великій ударъ? Что-жъ это значить.

ПАЛЕНЪ.—Не знаю, ваше величество, подумать боюсь...

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА (*всплескивая руками*).—Ахъ, понимаю, я теперь все понимаю. Онъ хочетъ меня и насъ всѣхъ... Боже мой! Боже мой!... Такъ вотъ что значить: «Ежели, говорить, сударыня, вы Екатерина II, то я вамъ не Петръ III».—Я тогда не поняла, а теперь... теперь... Да вѣдь это значить, что я хочу его... Негг Jesu!... Это я-то, я... Paulchen! Paulchen!...

Плачетъ. Входитъ поручикъ Маринъ.

МАРИНЪ.—Государь императоръ!

Всѣ ждуть въ оцепенѣннн. Входитъ Павелъ и, остановившись въ дверяхъ, со шляпой на головѣ, съ тростью подъ мышкой, скрестивъ руки, тяжело переводя дыханіе, глядитъ на всѣхъ молча. Потомъ подходитъ, по очереди, къ Маріи Феодоровнѣ, Александру, Константину и Палену, останавливается передъ каждымъ изъ нихъ и глядитъ въ упоръ. Наконецъ, возвращается къ двери; вдругъ, на порогъ, обернувшись, высовываетъ языкъ и, громко хлопнувъ дверью, уходитъ. Марія Феодоровна падаетъ въ обморокъ. Роджерсонъ приводитъ ее въ чувство.—Входитъ Кутайсовъ съ слеза, Маринъ туда же уходитъ.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Что это было?... Что это было?...

РОДЖЕРСОНЪ.—Ничего, ваше величество. Дастъ Богъ, обойдется. Не угодно ли водицы?

ПАЛЕНЪ.—Ну, что, какъ вы полагаете, докторъ?

РОДЖЕРСОНЪ.—А что, графъ?

ПАЛЕНЪ.—Какъ что? Да вотъ что тутъ было сейчасъ?

РОДЖЕРСОНЪ.—Ничего не было.

ПАЛЕНЪ.—А языкъ?

РОДЖЕРСОНЪ.—Ну мы, доктора, къ этому привыкли: всё пациенты намъ языкъ показываютъ.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Что это было?... Что это было?...

ПАЛЕНЪ.—Ничего не было, по мнѣнію господина доктора, — намъ померещилось. Мы всё, должно быть, сходимъ съ ума, — прескверная штука, не угодно ли стаганъ лафита!

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Докторъ! Докторъ! Ступайте же къ нему скорѣе!

РОДЖЕРСОНЪ.—Ваше величество, меня и давеча прогнали да чуть не прибили. Пусть ужъ лучше кто-нибудь другой...

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Графъ!

ПАЛЕНЪ.—Нѣтъ, слуга покорный, я въ сраженіяхъ бывалъ и ядрамъ не впалялся, а туда не пойду, — воля ваша, государыня, хоть казните.

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Александръ! Константинъ!

БОНСТАНТИНЪ.—Да вѣдь мы, матушка, подъ арестомъ — куда ужъ намъ.

БУТАЙСОВЪ.—Ваше величество, позвольте, я...

МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.—Ахъ, mein lieber Иванъ Павловичъ, ради Бога!...

БУТАЙСОВЪ.—Ничего-съ, ничего-съ, будьте благонадежны, ваше величество. Бстати обѣдать пора, — доложить и попробуемъ. Малой мышкѣ левъ не обидитъ: я мышкою-съ, мышкою-съ. Вотъ такъ потихоньку, потихонечку...

Уходитъ.

БОНСТАНТИНЪ (*пріотворяя дверь и заглядывая*).—Подергался.—Слушаетъ.—Въ щелку глядитъ.—Скребется.—Отперли.—Вошелъ.—Ну, что-то будетъ?

Молчаніе.

БОНСТАНТИНЪ.—Вышелъ!

Входитъ Кутайсовъ.

БУТАЙСОВЪ.—Премилостивы! Послѣ дождика — солнышко-съ...

БОНСТАНТИНЪ.—Идетъ! Идетъ!

Входитъ Павелъ.

ПАВЕЛЪ (*съ изысканною любезностью, цѣлуя руку Маріи Феодо-*

ровны). — Прошу извиненія, ваше величество—къ обѣду ждать за-
ставилъ; что-то аппетита нѣтъ. Вы ужъ, господа, не взыщите—безъ
меня за столъ садиться извольте, а я уже подойду.

Молчаніе.

ПАВЕЛЪ.—Да что это всѣ вы, какъ въ воду опущенные? На-
пугалъ я васъ, видно, давеча моею шуточкой? — Ну, не буду, не
буду... Пошутить—и довольно... (*Маріи Θεодоровнѣ.*) А скажите-
ка, сударыня, вѣдь и я человѣкъ?

Молчаніе.

ПАВЕЛЪ.—Ну что-жь? Отвѣчайте, коли спрашиваютъ—чело-
вѣкъ я или нѣтъ?

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Человѣкъ, ваше величество...

ПАВЕЛЪ.—А если человѣкъ, такъ, значить, могу ошибаться.
И вы—человѣкъ?

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—И я...

ПАВЕЛЪ.—Ну такъ, значить, можете простить. Простите же
меня, сударыня. — И вы всѣ, господа, если я въ чемъ вино-
вать...

ВСѢ (*наперерывъ*).—Ваше величество! Ваше величество!

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА (*всплескивая руками*). — Paulchen!
Paulchen!...

Плачетъ и хочетъ броситься на шею Павла.

ПАВЕЛЪ (*отстраняясь*).—Ну, ну, перестаньте же. Что за
комедія? Терпѣть не могу!

Молчаніе.

ПАВЕЛЪ.—Графъ Паленъ, у меня къ вамъ дѣло. А васъ,
господа, не задерживаю...

Всѣ, кромѣ Павла и Палена, уходятъ нальво.

ПАВЕЛЪ.—Докладъ, сударь, готовъ?

ПАЛЕНЪ.—Такъ точно, ваше величество.

Подходятъ къ столуку у окна.

ПАВЕЛЪ.—Прошу садиться.

Паленъ хочетъ сѣсть спиной къ свѣту.

ПАВЕЛЪ (*указывая на другой стулъ противъ себя*). — Нѣтъ,
лицомъ къ свѣту. Когда я съ кѣмъ говорю, то привыкъ смотрѣть
прямо въ лицо, сударь, слышите?—прямо въ лицо!

ПАЛЕНЪ.—Такъ точно, ваше величество

ПАВЕЛЪ.—Ну то-то же! Извольте доглядывать.

ПАЛЕНЪ.—По указу вашего императорскаго величества, два курьера отправлены...

ПАВЕЛЬ.—Что вы дѣлаете, графъ, когда не спится?

ПАЛЕНЪ.—У меня, государь, сонъ—слава Богу.

ПАВЕЛЬ.—Счастливецъ! Значить, совѣсть покойна.

ПАЛЕНЪ (*продолжая докладъ*).—Курьеръ къ его величеству королю Прусскому...

ПАВЕЛЬ.—А дурные сны бываютъ?

ПАЛЕНЪ.—Намедни снился.

ПАВЕЛЬ.—Что?

ПАЛЕНЪ.—Бездѣлица сушая: будто бы я—буколка такая, что никакъ не повалишь—упадеть и встанеть.

ПАВЕЛЬ.—Ванька-встанька? Да это сонъ преселый.

ПАЛЕНЪ.—Нѣтъ, государь, скучный: упалъ и всталъ, упалъ и всталъ—такъ всю ночь и промаялся. (*Продолжая докладъ*).—Боролю прусскому предписаніе княжество Ганноверское войсками занять въ двадцать четыре часа...

ПАВЕЛЬ.—А мнѣ хуже снилось: будто бы кафтанъ парчевый натягиваютъ, узкій-преузкій—никакъ не влѣзу, а все тискаютъ—такъ сдавили, чтодохнуть не могу. Закричалъ и проснулся. Съ тѣхъ поръ и бессонница...

ПАЛЕНЪ (*продолжая докладъ*).—Другой курьеръ—въ Парижъ къ господину Первому Консулу...

ПАВЕЛЬ.—Печку—льдомъ, печку—льдомъ!... Вотъ дураки!...

ПАЛЕНЪ.—Печку льдомъ?

ПАВЕЛЬ.—Ну да. Я головой къ печкѣ сплю. Велѣлъ топить не жарко, а чтобы въ спальнѣ—ровно четырнадцать градусовъ. Пощупаю, бывало, печку—холодна; посмотрю на градусникъ—четырнадцать—и сплю. А намедни проснулся—горячононька. Ничего не сказалъ, только на другой день всталъ пораньше нзъ-за ужина да прямо въ спальню, гляжу—по всему полу рогожи, и печку льдомъ натираютъ: стынетъ до ночи, пока не пощупаю, а за ночь опять нагрѣвается. Шуты гороховые! А все на меня валяютъ—говорять: «съ ума сошелъ!»—А я тутъ при чемъ, сударь, а? При чемъ тутъ я?

ПАЛЕНЪ.—Не при чемъ, государь.

ПАВЕЛЬ.—Ну то-то же!—Извольте, сударь, докладывать.

ПАЛЕНЪ (*продолжая докладъ*).—Въ случаѣ неисполненія королевемъ прусскимъ предписанія, господинъ Первый Консулъ приглашается...

ПАВЕЛЬ.—А скажите-ка, графъ, въ 1762 году, когда государя отца моего убили, вы гдѣ быть изволили?

П а л е н ь.—Здѣсь, въ Петербургѣ, ваше величество.

П а в е л ь.—Здѣсь? И что же дѣлали?

П а л е н ь.—Бывъ молодъ и въ чинахъ малыхъ, конной гвардіи субалтеръ-офицеромъ, ничего не зналъ...

П а в е л ь.—Не знали тогда?—Ну, а теперь знаете?

Оба встаютъ и молча, долго смотрятъ другъ другу въ глаза.

П а в е л ь.—Отвѣчайте же, сударь! Знаете или не знаете, что меня убить хотятъ?

П а л е н ь.—Знаю, государь.

П а в е л ь.—Знаете... и молчите?

П а л е н ь.—Ваше величество, я самъ во главѣ заговорщиковъ.

П а в е л ь.—Вы?... вы?... Что такое?... *(Отступая съ ужасъ.)* Сумасшедшій!...

П а л е н ь.—Никакъ нѣтъ, государь, я въ совершенномъ разсудкѣ...

П а в е л ь.—Такъ я... я... что ли, я съ ума сошелъ?... Печку—льдѣмъ!...

П а л е н ь.—Государь, умоляю, минуту спокойствія. Если бы я не былъ увѣренъ, что ваше величество обладаетъ мудростью высочайшею, не столь человѣкамъ, сколь божеству присущею...

П а в е л ь *(топая ногами въ крести)*. — Да говорите же, говорите, чортъ побери, что, что, что такое?...

П а л е н ь.—Дѣло столь явное, что и говорить почти нечего: я—во главѣ заговорщиковъ, дабы знать все, слѣдить за всѣмъ и тѣмъ вѣрнѣе охранять отъ покушенія злодѣйскаго священную особу вашего императорскаго величества. И слава Богу, уже всѣ нити заговора въ моихъ рукахъ, шагу не сдѣлаютъ, слова не вымолвятъ, чтобы я не узналъ.

П а в е л ь.—Умны, сударь, слишкомъ умны, такъ умны, что съ ума свести можете. Ванька-встанька!—Да какъ же вы смѣли не донести мнѣ тотчасъ же?

П а л е н ь.—Сколько разъ хотѣлъ—уже слово было въ устахъ моихъ. Но не имѣя уликъ достовѣрнѣйшихъ, коихъ и вы, ваше величество, еще не имѣете?... *(Пристально глядитъ на Павла.)*—Не имѣя оныхъ уликъ и милосердствуя,—простите, государь, слово сіе изъ нѣдръ души болящей исторгнуто,—милосердствуя къ вамъ, щадя сердце родительское, я медлилъ—и въ томъ вина моя единственная;—видитъ Богъ, мочи моей не было, мочи моей нѣтъ и сейчасъ сказать отцу, что сынъ его возлюбленный, первенецъ...

П а в е л ь.—Александръ!...

ПАЛЕНЪ.—Да, государь.

ПАВЕЛЪ.—Сгинь, сгинь, пропади!... Никогда не повѣрю я, чтобъ Александръ... Александръ... дитя мое, мальчикъ мой милый!...

ПАЛЕНЪ.—Я полагаю, что ваше величество знать изволить болѣе.—*(Подавая бумагу.)* Вотъ списокъ заговорщиковъ: ихъ высочества, оба сына ваши, обѣ невѣстки, ея величество, и почти всѣ кошандеры полковъ, министры, сановники.

ПАВЕЛЪ *(читая)*. — Всѣ, всѣ, всѣ!... За что, Господи?... Что я имъ сдѣлать?...

ПАЛЕНЪ.—Я зналъ, государь, сколь тяжело...

ПАВЕЛЪ.—Охъ, тяжело, тяжело, тяжело! Ужъ лучше бы сразу убилъ...

Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

ПАВЕЛЪ *(вскакивая)*. — Сію же минуту всѣхъ—въ кандалы, въ Сибирь, въ каторгу! А его... Александра... его... разстрѣлять!

ПАЛЕНЪ.—Ваше величество, взять подъ арестъ всю царскую фамилію безъ явныхъ уликъ—ни у кого рука не подымется—я не найду исполнителей. Смигъ возмутить можно всю Россію, не имѣя черезъ то еще вѣрнаго средства спасти особу вашего величества.

ПАВЕЛЪ.—Такъ что же?...

ПАЛЕНЪ.—Одно изъ двухъ, государь: или казнить меня извольте тотчасъ, какъ измѣнника, или довѣрьтесь мнѣ совершенно.

ПАВЕЛЪ.—Немногого, сударь, хотите!—Ну, а если вы...?

ПАЛЕНЪ *(ставъ на колѣни и подавая шапку)*. —Пронзите, ваше величество, сердце, пламенѣющее вѣрностью, и съ блаженствомъ умру здѣсь, у ногъ моего государя!

Павелъ кладетъ обѣ руки на плечи Палена, наклоняется къ нему и смотритъ въ глаза долу.

ПАВЕЛЪ.—Лжетъ?—Нѣтъ. Такъ лгать нельзя.—А если лжетъ, то не человекъ, а діаволъ, діаволъ, діаволъ!...

ПАЛЕНЪ.—Ваше величество!

ПАВЕЛЪ.—Ну, прости. Вѣрю.

Обнимаетъ и цѣлуетъ Палена, потомъ отходитъ къ столу и сидитъ, молча, опустивъ голову на руки.

ПАЛЕНЪ *(вставая)*. —Угодно вашему величеству знать?

ПАВЕЛЪ.—Нѣтъ... потому... Будетъ съ меня!... А теперь говорю скорѣе, что дѣлать.

ПАЛЕНЪ *(подавая бумагу)*. —Вотъ указъ, на сей случай мною и приготовленный: государя-наслѣдника—въ Шлиссельбургъ, великаго

князя Константина Павловича—въ крѣпость, ея величество—въ Архангельскъ, великихъ княгинь—по монастырямъ отдаленнѣйшимъ.

Павелъ.—Подписать?

Паленъ.—Только указъ оный за вашею подписью въ рукахъ имѣя, дѣйствовать могу безъ промедленія.

Павелъ подписывается.

Павелъ.—Еще что?

Паленъ.—Изъ покоевъ государыни въ спальню вашего величества двери забить наглухо.

Павелъ.—Велѣлъ сегодня. Еще?

Паленъ.—Бавалергардскаго полка офицеровъ со всѣхъ карауловъ снять.

Павелъ.—Что вы, сударь? Налгали вамъ: ребята вѣрные—я ихъ всѣхъ знаю.

Паленъ.—Ежели, ваше величество, лучше знать изволите...

Павелъ.—Ну, ладно, ладно,—дѣлай, какъ знаешь. Надоѣло. Усталъ я что-то. (*Звѣстъ.*) О-хо-хошеньки!... Только бы выспаться... Ну все, что ли?

Паленъ.—Все... Виновать, государь,—еще одно.

Павелъ.—Бончай-ка, братецъ, скорѣе! Говорю, надоѣло.

Паленъ.—Давеча курьеръ задержанъ въ Гатчину съ подложнымъ указомъ...

Павелъ.—Арагчееву? Гдѣ? Покажи!

Паленъ подаетъ указъ.

Павелъ.—Да это—подлинный. Развѣ не видишь—моя рука?

Паленъ.—Вижу, государь, что генералъ Арагчеевъ, врагъ мой злѣйшій, на мѣсто мое назначается военнымъ губернаторомъ, дабы истребить меня,—вижу и глазамъ своимъ не вѣрю...

Павелъ (*разрываетъ указъ*).—Вѣришь теперь?

Паленъ.—Вѣрю.

Павелъ.—Ну, все?

Паленъ.—Все.

Павелъ.—Когда же?...

Паленъ.—Завтра или въ сію же ночь.

Павелъ.—Опять не спать?...

Паленъ.—Почивать извольте съ Богомъ: я за васъ не сплю.

Павелъ.—Спасибо, другъ.—Ну, торопиться, чай,—для много? Ступай.

Паленъ, поцѣловавъ руку Павла, отходитъ къ двери.

Павелъ.—Подожди.

Павелъ идетъ къ Палену и опять, какъ давеча, положивъ обѣ руки на плечи его, смотритъ ему въ глаза.

ПАВЕЛЪ.—Петръ Алексѣвичъ... Петръ, любишь ли ты меня?

ПАЛЕНЪ.—Люблю, государь.

ПАВЕЛЪ.—Любишь?

ПАЛЕНЪ.—Ваше величество, вы сами знаете: у меня только Богъ да вы. Я душу мою положу за васъ!

ПАВЕЛЪ.—«Душу твою за Меня положишь?»—сказалъ Господь Петру—и пѣтухъ пропѣлъ.—Ну, прости. Вѣрю, больше вѣрить нельзя.—Дай, перекрещу. Помоги тебѣ Господи. (*Креститъ, обнимаетъ и цѣлуетъ Палена.*)—Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

Паленъ уходитъ.—Павелъ опускается въ кресло, откидывается головой на спинку, закрываетъ глаза и дремлетъ.—Входитъ Кутайсовъ на цыпочкахъ.

ПАВЕЛЪ (*просыпаясь и вздрагивая*).—Кто? Кто?

БУТАЙСОВЪ.—Я, ваше величество, я, Иванъ.

ПАВЕЛЪ.—А, Иванъ... Ванька-встанька... Вотъ напугалъ! И чего ты все мышью крадешься?

БУТАЙСОВЪ.—Я потихоньку, потихонечку... разбудить боялся...

ПАВЕЛЪ.—Да, вздремнулъ. Такъ-то вотъ днемъ все дремлетъ, а по ночамъ не сплю.—А знаешь, Иванушка, вѣдь насъ убить хотѣть.

БУТАЙСОВЪ.—Что вы, что вы, ваше величество...

ПАВЕЛЪ.—А небось, ежели меня убивать будутъ, такъ вы всѣ разбѣжитесь. «Поражу пастыря—и разсѣются овцы».—И ты, Иванушка, ты первый—мышкою-съ, мышкою-съ.

БУТАЙСОВЪ.—Ваше величество...

ПАВЕЛЪ.—Ну, что мое величество? Струсилъ, а?—Полно. Чего трясешься? Пошутилъ, а ты и повѣрилъ, дуракъ?—Небойсь, братъ, мы еще съ тобою долго будемъ жить, поживать, печку льдомъ натирать.

БУТАЙСОВЪ.—Не я, государь, видитъ Богъ, не я...

ПАВЕЛЪ.—Не ты, такъ я. Оба мы съ тобою, видно, Иванушки д пачки.—Ступай-ка, доложи княгинѣ Аннѣ, что сейчасъ буду.

Кутайсовъ идетъ къ дверямъ направо.

ПАВЕЛЪ.—Постой.

Пишетъ письмо, запечатываетъ и отдаетъ.

ПАВЕЛЪ.—Курьера въ Гатчину къ генералу Аракчееву. Явить-с немедленно. Скагать во весь духъ, чтобъ къ ночи былъ здѣсь.— Да

никому о томъ не говори, никому, слышишь? Ни даже графу Палену-Головой отвѣчаешь!

Б у т а й с о в ъ.—Будьте благонадежны, ваше величество, — я потихоньку, потихонечку!

Кутайсовъ уходитъ.— Павелъ опять, какъ давеча, опускается въ кресло, откидывается головой на спинку и закрываетъ глаза. Потомъ встаетъ, медленно идетъ къ двери направо, зѣваетъ и потягивается.

П а в е л ъ.—О-хо-хошеньки! Спать, спать, спать!...

Павелъ уходитъ направо.—Изъ двери слева входятъ Паленъ и полковникъ Аргамаковъ.

П а л е н ъ.—По всѣмъ городскимъ заставамъ и шлагбаумамъ приказаніе разослать извольте найстрожайшее, дабы никого въ сію ночь не пропускали ни въ городъ, ни изъ города.

А р г а м а к о в ъ.—Слушаю-съ.

П а л е н ъ.—Смотрите же, сударь, если, не дай Богъ, пропустятъ Аракчеева...

А р г а м а к о в ъ.—Будьте покойны, ваше сіятельство.

П а л е н ъ.—Ну, ступайте. А что же наследникъ?

А р г а м а к о в ъ.—Докладывалъ. Будутъ сейчасъ.—Да вотъ и они.

Аргамаковъ уходитъ направо.—Оттуда же входитъ Александръ.

А л е к с а н д р ъ.—Что такое?

П а л е н ъ (*подавая указъ*).—Извольте прочесть, ваше высочество: указъ объ арестѣ вашемъ и всей царской фамиліи.

Александръ читаетъ и, чтобы не упасть, хватается за спинку кресла.

П а л е н ъ (*поддерживая Александра*).—Дурно вамъ, государь?

А л е к с а н д р ъ.—Ничего... пройдетъ...

Опускается въ кресло.

А л е к с а н д р ъ.—Я такъ и зналъ.

П а л е н ъ.—Еще не все.

А л е к с а н д р ъ.—Что же еще?

П а л е н ъ.—Государь сказать изволилъ...

А л е к с а н д р ъ.—Говорите—мнѣ все равно.

П а л е н ъ.—Сказать изволилъ о вашемъ высочествѣ: «Разстрѣлять!»

Александръ закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

А л е к с а н д р ъ (*опуская руки—тихо*).—Ну что-жъ. Одинъ конецъ. Такъ лучше.

П а л е н ъ.—Лучше?

А л е к с а н д р ъ.—Лучше—я, чѣмъ онъ.

ПАЛЕНЪ.—Не вы одни, но и ваша супруга, матушка, братья, сестры, мы всё—вся Россія, вся Европа. За всѣхъ передъ Богомъ отвѣтите вы.

АЛЕКСАНДРЪ.—Я?

ПАЛЕНЪ.—Да, вы можете...

АЛЕКСАНДРЪ.—Что я могу?

ПАЛЕНЪ.—Спаси себя и всѣхъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Да вѣдь завтра же...

ПАЛЕНЪ.—Завтра мы погибли, но эта ночь наша. Онъ повѣрилъ мнѣ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Повѣрилъ, что вы?...

ПАЛЕНЪ.—Что я во главѣ заговора, чтобы предать васъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—И предали?

ПАЛЕНЪ.—Предалъ, чтобы спасти.

АЛЕКСАНДРЪ.—Да, вотъ какъ. Меня—ему, а его—мнѣ. Но въ концѣ-то, въ концѣ, графъ, кого же вы предадите—меня, его? Или обоихъ?

ПАЛЕНЪ.—Рѣшать извольте сами.

АЛЕКСАНДРЪ.—Мнѣ все равно.

Молчаніе.

ПАЛЕНЪ.—Ваше высочество, я человѣкъ терпѣливый, но есть конецъ и моему терпѣнію.

АЛЕКСАНДРЪ.—Угроза?

ПАЛЕНЪ.—Мнѣ ли грозить?—я самъ на волосокъ отъ гибели.

АЛЕКСАНДРЪ.—А скажите-ка, Петръ Алексѣевичъ, вы когда-нибудь плакали?

ПАЛЕНЪ.—Что за вопросъ? Въ младенчествѣ плакалъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—А потомъ—теперь?

ПАЛЕНЪ.—Въ мои годы люди рѣдко плачутъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Не плачете, зато смѣетесь. У васъ на лицѣ всегда усмѣшка. Вотъ и сейчасъ...

ПАЛЕНЪ.—Сейчасъ, кажется, смѣяться изволите вы.—Ну что-жъ, воля ваша. Я ношу сію шпагу не даромъ, но отвѣчать вамъ не могу, государь...

АЛЕКСАНДРЪ.—Какой государь! Приговоренный къ смерти...

ПАЛЕНЪ.—Ужо успѣете плакать, а теперь позвольте же и мнѣ поплакать—я вѣдь тоже умѣю, хотя вы и не вѣрите... Завтра вы—государь или ничто, но сегодня—человѣкъ. Сегодня мы всё—люди—я, и вы, и онъ...

АЛЕКСАНДРЪ.—Да, и онъ—человѣкъ...

П а л е н ь. — Ну, такъ какъ же вы думаете, легко человѣку вынести то, что я вынесъ, когда онъ тутъ сейчасъ обнималъ меня, цѣловалъ, называлъ своимъ другомъ, благодарилъ за вѣрность и самъ довѣрился мнѣ, какъ дитя малое?

А л е к с а н д р ь. — Для кого же вы, сударь, стараетесь?

П а л е н ь. — Для себя, для васъ.

А л е к с а н д р ь. — Благодарю покорно.

П а л е н ь. — Повѣрили?... Какъ вы людей презираете, ваше высочество! — Нѣтъ, не для себя и не для васъ, а для Россіи, для Европы, для всего человѣчества.

А л е к с а н д р ь. — Какъ вы его ненавидите!

П а л е н ь. — Ненавижу? За что? Развѣ онъ знаетъ, что дѣлаетъ?... Не его, Богомъ клянусь, не его, безумца, жалости достойнаго, я ненавижу, а — деспотичество. Нѣкогда вы говорить мнѣ изволили, ваше величество, что гражданскую вольность Россіи даровать намѣрены. Я повѣрилъ тогда. Но вы говорили — я дѣлаю. А дѣлать труднѣе, чѣмъ говорить.

А л е к с а н д р ь. — Петръ Алексѣвичъ...

П а л е н ь. — Нѣтъ, слушайте — ужъ если говорить меня заставили, такъ слушайте! Я думалъ, что Господь избралъ насъ обоихъ для сего высочайшаго подвига — возвратить права человѣческія сорока милліонамъ рабовъ. Вижу теперь, что ошибся. Не мы съ вами — орудіе Божіихъ судебъ. Рабами родились и умремъ рабами. Но не знаю, какъ вы, а я — пусть умру на плахѣ — я счастливъ есмь погибнуть за отечество и на Божій судъ предстану съ чистою совѣстью — я сдѣлалъ, что могъ...

А л е к с а н д р ь. — Петръ Алексѣвичъ, простите меня...

П а л е н ь. — Ваше высочество!...

А л е к с а н д р ь. — Я виноватъ передъ вами — простите меня...

П а л е н ь. — Вы... вы?... Нѣтъ, я... ваше высочество... ваше величество...

Становится на колѣни.

А л е к с а н д р ь. — Что вы, что вы, графъ? Перестаньте...

П а л е н ь. — Да — ваше величество! Отнынѣ для меня государь императоръ Всероссійскій, вы — и никто, кромѣ васъ. Ангель-избавитель отечества, Богомъ избранный, благословенный!...

Цѣлуетъ руки Александра.

А л е к с а н д р ь. — Нѣтъ, нѣтъ, вы не поняли...

П а л е н ь. — Понялъ все...

А л е к с а н д р ь. — Да нѣтъ же, нѣтъ, слышите? — нѣтъ, я не хочу...

ПАЛЕНЪ.—Не хотите?—Ну что-жь, такъ я за васъ!... Я одинъ!... И никто никогда не узнаеть... Пропадай моя голова, только бы вамъ спастись!...

АЛЕКСАНДРЪ.—Не надо, не надо! Ради Бога, общайте, блянитесь...

ПАЛЕНЪ.—Блянусь, что сдѣлаю все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы этого не было.—Но не говорите больше!... Конечно, конечно!... Слава Богу—спасена Россія! (*Подавая бумагу.*) ТОЛЬКО подписать извольте—и кончено.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что это?

ПАЛЕНЪ.—Манифестъ объ отреченіи императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра.

Александръ домо и молча смотритъ на Палена.

АЛЕКСАНДРЪ.—Подписать?

ПАЛЕНЪ.—Да.

АЛЕКСАНДРЪ.—Кровью?

ПАЛЕНЪ.—Зачѣмъ кровью? Чернилами.

АЛЕКСАНДРЪ.—А я думалъ—договоръ съ дѣволомъ—кровью...

ПАЛЕНЪ.—Опять смѣяться изволите.

АЛЕКСАНДРЪ.—Нѣтъ, не я, а вы... опять... (*Вскакиваетъ, жмтя бумагу и бросая на полъ.*) Прочь! Прочь! Прочь! Дѣволы!... (*Падаеть въ кресло, плачетъ и смѣется въмъсть, какъ въ припадкѣ.*) Уходите, оставьте меня! Господи! Господи! Что вы со мною дѣлаете! Не могу! Не могу! Не могу!...

ПАЛЕНЪ (*подавая воды*).—Успокойтесь, ради Бога, успокойтесь, ваше высочество. Водицы испейте...

АЛЕКСАНДРЪ.—Уходите! Уходите! Оставьте меня!...

ПАЛЕНЪ.—Уйду—только не кричите же такъ, ради Бога. Услышать... (*Отойдя къ двери и глядя на Александра—тихо.*)—Прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита,—ребенокъ и женщина!

АЛЕКСАНДРЪ.—Петръ Алексѣичъ...

Паленъ не отвѣчаетъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Петръ Алексѣичъ!

ПАЛЕНЪ.—Государь?

АЛЕКСАНДРЪ.—Ну, давайте же.

ПАЛЕНЪ.—Что?

АЛЕКСАНДРЪ.—Подписать.

ПАЛЕНЬ (*стремительно бросаясь и подбирая съ пола бумагу*).—
Вотъ! Вотъ!

Палень подаетъ манифестъ. Александръ подписываетъ.

ПАЛЕНЬ.—Уфъ! (*Вытираетъ потъ съ лица*.) Ну, а теперь...

АЛЕКСАНДРЪ.—НѢТЬ, НѢТЬ! Уходите! Уходите! Уходите!
Оставьте меня, ради Бога!...

ПАЛЕНЬ.—Ушелъ, ушелъ—только ручку позвольте, ручку,
коей спасено отечество!

Палень цѣлуетъ руку Александра и уходитъ. Александръ сидитъ въ креслѣ, точно такъ же, какъ давеча Павелъ, откинувшись головой на спинку и закрывъ глаза.—Входитъ Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА.—Саша? (*Молчаніе.*) Ты спишь, Саша?

АЛЕКСАНДРЪ.—НѢТЬ.

ЕЛИЗАВЕТА.—Тутъ былъ Палень?

АЛЕКСАНДРЪ.—Былъ.

ЕЛИЗАВЕТА.—Молчи, молчи... не надо... Я знаю... (*Становясь на колѣни и цѣлуя руки Александра*.) Саша, Саша, мальчишкѣ мой бѣдненькій!...

АЛЕКСАНДРЪ.—Все равно.

Молчаніе.

ЕЛИЗАВЕТА.—Это я, Саша, я... Я тебѣ сказала, что мы должны...

АЛЕКСАНДРЪ.—Должны и не должны. Надо и нельзя. Нельзя и надо. Бто-жъ это такъ сдѣлать? Богъ, что ли, а?...—Ты вѣришь въ Бога, Лизхенъ?

ЕЛИЗАВЕТА.—Господи, Господи!... Это я, я...

АЛЕКСАНДРЪ.—Ты? НѢТЬ, не ты и не я. Никто. И всѣ. Ничего понять нельзя. А, можетъ быть, и не надо... Ничего не надо... Ничего и нѢТЬ... И Бога нѢТЬ?...

ЕЛИЗАВЕТА.—Не говори такъ. Страшно, страшно...

АЛЕКСАНДРЪ.—Все равно.

Занавѣсъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Собраніе заговорщиковъ въ квартирѣ генерала Талызина, въ лейбъ-ком-панскомъ корпусѣ Зимняго дворца.

Столовая—большая низкая комната, казарменнаго вида, со сводами и го-лыми выбѣленными стѣнами. По стѣнамъ—портреты царскихъ особъ; портретъ во весь ростъ императора Павла I, въ порфирѣ, въ коронѣ, со скипетромъ. Въ глубинѣ—дверь на лѣстницу. Слѣва—дверь во внутрен-нія комнаты; канапѣ и кафельная печка. Справа—два окна на Неву и Петропавловскую крѣпость; отсюда иногда слышится бой курантовъ. По-серединѣ комнаты—большой накрытый столъ со множествомъ бутылокъ; между окнами—меньшій столъ съ водками и закусками.

Ночь. Шандалы съ восковыми свѣчами. Только что кончили ужинать. Одни сидятъ еще за столомъ и пьютъ, другіе, стоя, разговариваютъ, куч-ками. Заговорщиковъ болѣе сорока человекъ; всѣ—военные. Тѣсно, душ-но, накурено.

Гр. Паленъ, военный губернаторъ Петербурга. Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка. Дѣпрерадовичъ, командиръ Семеновскаго полка. Генералы: Бенингсенъ, Тучновъ, князя Зубовы: Платонъ, Валері-анъ, Николай. Флотскій капитанъ Клокачевъ. Полковники: кн. Яшвицъ, Мансуровъ, Бибиковъ, Татариновъ. Штабъ-капитаны: бар. Розенъ, Ска-рятинъ. Капитанъ Шеншинъ. Ротмистръ Титовъ. Плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка, Аргамаковъ. Поручики: кн. Волконскій, кн. Долгорумій, Ефимовичъ. Подпоручики: Филатовъ и друг. Борзеть Гардановъ. Дежидии: Федя и Кузмицъ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Голоса.—Ура, свобода! Ура, Александръ!

Скарятинъ (*Талызину*).—Ваше превосходительство, еще бы шампанскаго дюжинку.

Талызинъ.—Идите, господа, на здоровье.

Татариновъ—Жонку, жонку несутъ, зажигайте жонку.

Баронъ Розенъ (*стоя у стола, читаетъ по тетрадке*).—Поселику подобаетъ намъ первѣе всего обуздать деспотичество на-шего правленія...

Скарятинъ.—Что онъ читаетъ?

Татариновъ.—Пункты конституціи російской.

Филатовъ.—Вивать, конституція!

Скарятинъ.—Бруглыя шляпы да фраки, вивать!

ТАТАРИНОВЪ.—Пушли, пудру долой!

ФИЛАТОВЪ.—Долой цензуру! Вольтера будемъ читать!

СКАРЯТИНЪ.—Банчишко метать, фараончикъ съ макашкой!

ТАТАРИНОВЪ.—На тройкахъ, съ бубенцами, съ фореиторомъ—
китай, валай, жги! Ура, свобода!

ВОЛКОНСКІЙ (*сидя верхомъ на стулѣ и раскачиваясь, пѣяный, поетъ*).

Allons, enfants de la patrie!

Le jour de gloire est arrivé.—

ДОЛГОРУКІЙ (*сидя передъ кн. Волконскимъ на полу, безъ мундира, съ штарой, пѣяный, поетъ*).

Ахъ ты, сунинъ сынъ, Кабаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачицу убилъ?...

ВОЛКОНСКІЙ (*кн. Доморучику*). — Петинька, Петинька, про-
пьяши казачка, утѣшь, родной!

ДОЛГОРУКІЙ.—Отстань, чортъ!

РОВЕНЬ (*продолжая читать*).—Тогда восприметь Россія новое
бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится...

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ (*указывая на Платона Зубова*).—Что такое
съ княземъ?

ЯШВИЛЬ.—Медвѣжья болѣзнь — разстройство желудка отъ
страха.

ТАЛЫЗИНЪ.—Трусъ!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—А вѣдь чуть не самодержцемъ сталъ.

ТАЛЫЗИНЪ.—А теперь сталъ Брутомъ.

ЯШВИЛЬ.—Брутъ съ разстройствомъ желудка!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Да вѣдь, что, братцы, подѣлаешь? Рево-
люція въ собственномъ брюхѣ важнѣе всѣхъ революцій на свѣтѣ!

ТАЛЫЗИНЪ (*подходя къ Зубову, который лежитъ на каманѣ*).—
Не полегчало, князь?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Какое тамъ...

ТАЛЫЗИНЪ.—Гофманскихъ капель бы приняли.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Ну ихъ, капли! Домой бы въ постель,
да припарки. А я тутъ съ вами возись, чортъ бы побралъ этотъ
заговоръ! Попадемъ въ лапы Аракчееву, тѣмъ дѣло и кончится...

РОВЕНЬ (*продолжая читать*).—По тринадцатому пункту кон-
ституціи російской...

ТАЛЫЗИНЪ.—Всѣхъ-то пунктовъ сколько?

РОВЕНЬ.—Сто девяносто девять.

Т а л ы з и н ъ.—Батюшки! этакъ, пожалуй, и въ утро не кончите.

Р о з е н ъ (*продолжая читать*).—По тринадцатому пункту конституціи российской собирается парламентъ...

С к а р я т и н ъ.—Это что за штука?

Т а т а р и н о в ъ.—Парламентъ—штука нѣмецкая...

Ф и л а т о в ъ.—Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

С к а р я т и н ъ.—А знаете, господа, у княгини Голицыной три обезьянки: когда одинъ самецъ да самочка амуруются, то другой—смотреть на нихъ и, представьте себѣ...

Говоритъ на ухо.

Т и т о в ъ (*ротмистръ*).—Удивительно!

Трое—у закусочнаго стола.

П е р в ы й.—Послѣдняя цѣна—полтораستا.

В т о р о й.—Хочешь сто?

П е р в ы й.—Бога побойтесь! Хотя и крѣпостная, а все равно что барышня. Шестнадцать лѣтъ, настоящій розанзанчикъ! Стирать и шить умѣеть.

В т о р о й.—Сто двадцать—и больше ни копейки.

П е р в ы й.—Ну, чортъ съ вами,—по рукамъ. Ужъ очень деньги нужны, въ пухъ проигрался.

Т р е т ı й.—Такъ-то вотъ и у насъ въ полку штабсъ-капитанъ Раздиршинъ все, бывало, малолѣтнихъ дѣвокъ покупалъ и столько онъ ихъ перепортилъ, страсть!

Трое у печки.

П е р в ы й.—Всѣ люди изъ рукъ природы выходятъ совершенно равными, какъ сказалъ господинъ Мабли.

В т о р о й.—Въ природѣ, сударь, нѣтъ равенства: и на деревѣ листь къ листу не приходится.

Т р е т ı й.—Равенство есть чудовище, которое хочетъ быть королемъ.

П е р в ы й.—Неужели вы, господа, не разумѣете, что политическая вольность націи...

В т о р о й.—Вольность? Что такое вольность? Обманчивый есть и дѣлъ и дымъ пустой.

М а н с у р о в ъ.—Все прахъ, все тѣнь, все тѣнь: умремъ—и в чего не останется!

Т р е т ı й.—Vous avez le vin triste, monsieur.

Ш е н ш и н ъ.—Ахъ ты, птенецъ, птенецъ! И какъ тебя сюда в щипал!

Г а р д а н о в ъ.—Изъ трактира Демута, дяденька, за компа-

нiю. Пили тамъ. Все такiе славные ребята. — «Поѣдемъ, говорятъ, Вася, къ Талызину».— Вотъ я и поѣхалъ.

Шеншинъ.—Ну, куда же тебѣ въ такое дѣло, мальчикъ ты маленький?

Гардановъ.—Какой же я маленький, помилуйте, — мнѣ скоро двадцать лѣтъ—вчера предложенiе сдѣлалъ—стишокъ сочинилъ—хотите скажу? Только на ушко, чтобы никто не слышалъ.

Зачѣмъ въ безумiи стараться
Востокъ съ полуднемъ соединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно Машеньку любить.

Ефимовичъ.—По исчисленiю господина Юнга Штиллинга, кончина мира произойдетъ черезъ тридцать пять лѣтъ.

Татаринъ.—Ого! Да вы, сударь, фармазонъ, что ли?

Ефимовичъ.—Мы—священники, перстъ Горусовъ на устахъ держащiе и книги таинствъ хранящiе.

Татаринъ (*тихо*).—Просто—мошенники: въ мутной водѣ рыбу ловятъ.

Ефимовичъ.—Наша наука въ Эдемѣ еще открылась.

Титовъ.—Удивительно!

Ефимовичъ.—А извѣстно ли вамъ, государи мои, что по системѣ Банта...

Скарятинъ.—Это еще что за Бантъ?

Ефимовичъ.—Нѣмецкiй филозофъ.

Филатовъ.—Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

Скарятинъ.—А я вамъ говорю, братцы, у книжки Голицыной три обезьянки: когда самецъ и самочка...

Блокачевъ.—Какъ же знаю, знаю господина Банта—въ Кенигсбергѣ видѣлъ: старичокъ бѣленькiй да нѣженекiй, точно пуховочка—все по одной аллеѣ ходить взадъ и впередъ, какъ маятникъ—говорить скоро и невразумительно.

Ефимовичъ.—Ну, такъ вотъ, государи мои, по системѣ Бантовой—Божество неприступно есть для человѣческаго разума...

Татаринъ.—А слышали, господа, намереннiи, въ Гостиномъ дворѣ, подпоручикъ Фомкинъ доказалъ публично, какъ дважды два четыре, что никакого Бога нѣтъ?

Титовъ.—Удивительно!

Талызинъ.—Господа, господа, намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ знаетъ о чемъ!

Мансуровъ.—Какiя дѣла! Умремъ—и ничего не останется: все прахъ, все тѣнь, все тѣнь...

ДОЛГОРУКІЙ (*поетъ*).

Ахъ ты, сукинъ сынъ, Кабаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?

СКАРЯТИНЪ.—А я тебѣ говорю, есть Богъ!

ТАТАРИНОВЪ.—А я тебѣ говорю, нѣтъ Бога!

ВОЛКОНСКІЙ.—Петинька, Петинька, пропляши казачка, миленькій!

ДОЛГОРУКІЙ.—Отстань, чортъ!

ГОЛОСА.—Слушайте, слушайте!

ТАЛЫЗИНЪ (*читаетъ*).—Отреченіе отъ престола императора Павла I.—«Мы, Павелъ I, милостью Божьей, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочее, и прочее, безпристрастно и непринужденно объявляемъ, что отъ правленія государства Россійскаго навѣкъ отрицаемся, въ чемъ вляту нашу предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приносимъ. Вручаемъ же престолъ нашъ сыну и законному наслѣднику нашему, Александру Павловичу».

РОЗЕНЪ.—А гдѣ же конституція?

ТАЛЫЗИНЪ.—Александръ—наша конституція!

ГОЛОСА.—Вивать, Александръ!

ТАЛЫЗИНЪ.—Мы, господа, на совѣсть. Извольте и то разсудить, что государь самодержавный не имѣетъ права законно власть свою ограничить, понеже Россія вручила предкамъ его самодержавіе нераздѣльное...

БИБИКОВЪ.—Помилуите, господа, изъ-за чего же мы стараемся? Изъ-за круглыхъ шляпъ да фраковъ, что ли?

ГОЛОСА.—Круглыя шляпы да фраки, вивать! Вивать, свобода!

БЛОКАЧЕВЪ.—Не угодно ли будетъ, государи мои, выслушать прожектъ о соединеніи областей Россійской имперіи, по образцу Сѣверо-американской республики?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—А вотъ, погодите, задасть вамъ ужь Аракчеевъ республику!

Шумъ, крики.

ОДНИ.—Вивать, самодержавіе!

ДРУГІЕ.—Вивать, конституція!

ТУЧКОВЪ.—А мнѣ что-то, ребяташки, боязно, ужь не чортъ ли насъ путаетъ?...

ТАЛЫЗИНЪ.—Господа, господа! Дайте же слово сказать...

ГОЛОСА.—Слушайте, слушайте!

ТАЛЫЗИНЪ.—Россійская имперія столь велика...

ПЕРВЫЙ.—Велика Федора да дура.

Второй.—Ничего въ Россіи нѣтъ,—по внѣшности есть все, а на дѣлѣ нѣтъ ничего.

Третій.—Россія—метеоръ: блеснулъ и пропалъ.

Маноуровъ.—Умремъ—и ничего не останется: все прахъ, все тлѣнь, все тѣнь.

Голоса.—Слушайте, слушайте!

Талызинъ.—Россійская имперія столь велика и обширна, что кромѣ государя самодержавнаго, всякое иное правленіе неудобно-возможно и пагубно...

Голоса.—Вѣрно, вѣрно! Бъ чорту конституцію! Это все нѣмцы придумали, враги отечества, фармазоны проклятые!

Талызинъ.—Ибо что, господа, зримъ въ Европѣ? Просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ народовъ сбросилъ съ себя златыя цѣпи порядка гражданскаго, опрокинулъ алтари и троны и, какъ потокъ, надутый всѣми мерзостями злочестія и разврата, выступилъ изъ береговъ своихъ, угрожая затопить Европу...

Татариновъ.—Европа вскорѣ погрузится въ варварство!

Талызинъ.—Одна Россія, какъ нѣкій колоссъ непоколебимый, стоитъ, и основаніе онаго колосса—вѣра православная, власть самодержавная.

Голоса.—Вивать, самодержавіе! Вивать, Россія!

Скарятинъ.—Россія спасетъ Европу!

Титовъ.—Удивительно!

Подпоручикъ.—Граждане Россійскіе...

Волконскій.—Петинька, Петинька, пропляши казачка.

Долгорукій.—Отстань, чортъ!

Голоса.—Слушайте, слушайте!

Подпоручикъ.—Граждане Россійскіе! Можетъ ли быть вольность политическая тамъ, гдѣ нѣтъ простой человѣческой вольности и гдѣ милліоны рабовъ томятся подъ властью помѣщиковъ? Звѣри алчные, пивяицы ненасытныя, что мы оставляемъ крестьянству? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Обратимъ же взоры наши на человечество и устыдимся, граждане. Низлагая тирана, да не будемъ сами тиранами—освободимъ рабовъ...

Татариновъ.—А Емельку Пугачева забыли?

Скарятинъ.—Освободимъ ихъ, отродіе хамово, такъ о намъ горло перервутъ.

Подпоручикъ.—Граждане Россійскіе...

Одни.—Слушайте, слушайте!

Другіе.—Довольно, довольно!

Подпоручикъ.—Блюдитеся же, граждане! День мщенія г

дѣтъ—возстануть рабы и цѣпями своими разобьютъ намъ головы, и кровью нашею нивы свои обогрѣютъ. Плаха и петля, мечъ и огонь—вотъ что насъ ждетъ! Будетъ, будетъ сіе. Взоръ мой проникаетъ завѣсу временъ. Я зрю сквозъ цѣлое столѣтіе. Я зрю...

Г о л о с а.—Молчите, молчите! Довольно!

Т а т а р и н о в ъ.—Вы оскорбляете, сударь, честь дворянства російскаго! Мы не позволимъ...

Т а л ы з и н ъ.—Господа, мы все не о томъ—намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ знаетъ о чемъ!

Г о л о с а.—Въ чемъ же дѣло, говорите!

Т а л ы з и н ъ.—А дѣло въ томъ, что если государь отреченья не подпишетъ, какъ намъ быть?...

О д н и.—Арестовать!

Д р у г і е.—Въ Шлиссельбургъ!

Т а л ы з и н ъ.—Легко сказать Шлиссельбургъ! Войска ему преданы, освободятъ—и что тогда?

Б е н и г с е н ь—Messieurs, le vin est tiré, il faut le boire...

П л а т о н ъ З у б о в ъ.—Господа, разойдемся, а то аресту-
ють, тѣмъ дѣло и кончится.

Т а л ы з и н ъ.—Что вы, князь? Сами кашу заварили, а теперь напоитный.

П л а т о н ъ З у б о в ъ.—Да вѣдь не я одинъ, а вотъ и они...

О д н и.—Князь правду говоритъ, толку не быть, разойдемся.

Д р у г і е.—Трусы! Шпіоны! Предатели!

П е р в ы й.—Какъ вы, сударь, смѣете?...

Кто-то въ коло-то пускаетъ бутылкою.

Г о л о с а.—Ваше превосходительство, тутъ дерутся!

Г о л о с а.—Тише, тише вы тамъ, черти, анаемы!

Т а л ы з и н ъ.—Господа, господа, какъ вамъ не стыдно? Оте-
чество въ опасности, а вы...

Крики, смятеніе. Платонъ Зубовъ пробирается къ выходу.

В а л е р і а н ъ З у б о в ъ.—Буда ты, Платонъ?

П л а т о н ъ З у б о в ъ.—Домой.

В а л е р і а н ъ З у б о в ъ.—Братъ, а братъ, да ты и вправду
грусилъ, что ли?

П л а т о н ъ З у б о в ъ.—А ты чего хорохоришься? На дере-
шкѣ-то своей далеко не ускачешь. И не самъ ли говорилъ, что уби-
ать не пойдешь?

В а л е р і а н ъ З у б о в ъ.— Не пойду убивать, но умирать
иду за отечество!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Ну, братъ, знаемъ,—Бузькина мать собиралась умирать... Да ну же, полно душить, пусти!

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ.—Не пушу!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (*толкаетъ его*).—Пусти, чортъ!

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ (*обнажая шпагу*).—Стой, подлецъ! Заколю!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (*кидается на него со шпагой*).—Ахъ, ты каракатица безногая! Я тебя!...

Бьются. Ихъ разнимаютъ.

ТАЛЫЗИНЪ.—Платонъ Александровичъ! Валеріанъ Александровичъ! Братъ на брата...

Стукъ въ наружную дверь.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (*съ ужасъ, падал навзничь на стулъ*).—Аракчеевъ!

Смятеніе.

ГОЛОСА.—Аракчеевъ! Аракчеевъ! Бѣгите!

ТАЛЫЗИНЪ.—Господа, что вы? Богъ съ вами, какой Аракчеевъ? Это Паленъ, мы Палена ждемъ!

ГОЛОСА.—Паленъ, Паленъ! Экъ перетрусили!

ТАЛЫЗИНЪ (*у двери*).—Бто тамъ?

ГОЛОСЪ (*изъ-за двери*).—Да я же, я, Николай Зубовъ. Отпирай, чортъ побери, опалѣли, что ли?

Талызинъ отпираетъ. Входитъ кн. Николай Зубовъ.

ТАЛЫЗИНЪ.—Ну, батюшка, напугали.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—А что?

ТАЛЫЗИНЪ.—Думали, Аракчеевъ.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Типунъ вамъ на языкъ—зачѣмъ его поминаете къ ночи?

ТАЛЫЗИНЪ.—А вы гдѣ же, сударь, пропадали?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Болѣлъ.

ТАЛЫЗИНЪ.—Животигъ тоже, какъ у братца?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Не животь, а чортъ.

ТАЛЫЗИНЪ.—Чортъ? Въ какомъ же видѣ?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—А въ видѣ генерала Аракчеева.

ТАЛЫЗИНЪ.—Тьфу, скверность!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Да, сперва по ночамъ душилъ, а потомъ и днемъ являться сталъ: куда ни обернусь—все эта рожа паскудная торчитъ будто бы подъ бокомъ да шепчетъ на ухо: «Поди, донеси, а то арестую».—И такая на меня тоска напала, такая, братцы, тоска—ну просто смерть! Пойду-ка, думаю, къ знахаркѣ: коли порча, съ уголька не спрыснетъ ли? По утру ранешенько иду мимо Лѣт-

няго сада, по набережной; темень, слякоть, слязко—на мостикѣ Лебяжьемъ спотынулся, упалъ, едва ногу не вывихнулъ—ну, думаю, пабашъ, тутъ меня Аракчеевъ и снапаетъ!—Гляжу, а на снѣгу образокъ лежитъ малюсенькій—вотъ этотъ самый—видите? Николай Угодникъ Мценскій.

Титовъ.—Удивительно!

Николай Зубовъ.—Подобралъ его, перебѣжалъ по мосткамъ на Петербургскую, къ Спасу, отслужилъ молебень, да какъ запѣли: «Отче, святителю Николаю, моли Бога о насъ»—такъ меня словно что осѣнило: ахъ, батюшки, думаю, да вѣдь это онъ самъ, святитель-то, ангелъ мой благословилъ меня иконкою!—И все какъ рукой сняло—ничего я теперь не боюсь—и вы, братцы, не бойтесь—Никола вывезетъ!

Талызинъ.—Никола-то Николаю, а мы тутъ, ваше сіятельство, чуть не перессорились...

Николай Зубовъ.—Изь-за чего?

Талызинъ.—А если отреченья государь не подпишетъ, такъ что дѣлать?

Стукъ въ дверь. Опять, какъ давеча, смѣненіе.

Голоса.—Аракчеевъ! Вотъ когда Аракчеевъ! Бѣгите, бѣгите!

Талызинъ (у двери).—Кто тамъ?

Голосъ (изъ-за двери).—Графъ Паленъ.

Талызинъ оттираетъ дверь. Входитъ Паленъ.

Паленъ.—Ну, что, господа, какъ у васъ тутъ? Все ли готово?

Талызинъ.—Все, ваше сіятельство. Только вотъ никакъ сговориться не можемъ...

Паленъ.—Не говорить, а дѣлать надо. Одно, друзья мои, помните: не разбивъ яицъ, не состряпаетъ яичницы.

Татаринъ.—Это что же значить? А?

Паленъ.—Ну, господа, времени терять нечего—идемъ.

Голоса.—Идемъ, идемъ!

Паленъ.—На два отряда раздѣлимся: одни со мною, другіе—съ княземъ Платономъ Александровичемъ.

Платонъ Зубовъ.—Нѣтъ, графъ, на меня не рассчитывайте.

Паленъ.—Что такое?

Платонъ Зубовъ.—Не могу, боленъ.

Паленъ.—Что вы, что вы, Платонъ Александровичъ, батюш-, помиуйте, въ послѣднюю минуту—прескверная штука, не угод- ли стаканъ лафита!

Бенигсенъ.— Не извольте беспокоиться, графъ. Князь,

правда, боленъ. Но это пройдетъ—у меня для него отличное средство... (*Платону Зубову.*) Ваше сиятельство, на два слова. (*Палену.*) А вы, графъ, пока раздѣляйте отряды.

Бенигсенъ отводитъ Платона Зубова въ сторону.

ПАЛЕНЪ.—Господа, кому угодно со мною, сюда пожалуйста, направо, а прочіе съ княземъ—налѣво.

Всѣ стоятъ, не двигаясь.

ПАЛЕНЪ.—Ну что же? Раздѣляйтесь. (*Молчаніе.*)—А, понимаю...

Самъ разставляетъ вѣсѣ по очереди.

ПАЛЕНЪ.—Со мной—съ княземъ, со мной—съ княземъ...

Платонъ Зубовъ и Бенигсенъ—въ сторону.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Что вамъ, сударь, угодно?

БЕНИГСЕНЪ.—А то, что если вы...

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Оставьте меня въ покоѣ!

БЕНИГСЕНЪ.—Если вы...

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Убирайтесь къ чорту!

БЕНИГСЕНЪ.—Если вы сейчасъ не согласитесь идти съ нами, я васъ убью на мѣстѣ.

Вынимаетъ пистолетъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Что за шутки!

БЕНИГСЕНЪ.—А вотъ увидите, какъ шучу.

Взводитъ курокъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Перестаньте, перестаньте же, Леонтій Леонтьевичъ...

БЕНИГСЕНЪ.—Рѣшать извольте, пока сосчитаю до трехъ. Разъ, идете?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Послушайте...

БЕНИГСЕНЪ.—Два, идете?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Э, чортъ...

БЕНИГСЕНЪ.—Три.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Иду, иду!

БЕНИГСЕНЪ.—Ну, давно бы такъ. (*Палену.*) Князь идетъ, мои пилюли изрядно подѣйствовали.

ПАЛЕНЪ.—Ну вотъ и прекрасно. Значитъ, все готово. Хозяинъ, шампанскаго. Выпьемъ, и съ Богомъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—Ваше сиятельство, а какъ же мы въ замокъ войдемъ?

ПАЛЕНЪ (*указывая на Артамакова*).—А вотъ Александръ Васильичъ проведетъ,—ему всѣ ходы извѣстны.

А Р Г А М А К О В Ъ.—Отъ Лѣтнаго сада черезъ канавку по малому подъемному мостику.

Я Ш В И Л Ъ.—А если не опустятъ мостикъ-то?

А Р Г А М А К О В Ъ.—По командѣ моей, какъ плацъ-адъютанта замка, опустятъ.

Д Е П Р Е Р А Д О В И Ч Ъ.—А потомъ?

А Р Г А М А К О В Ъ.—Потомъ чрезъ Воскресенскія ворота, что у церкви, во дворъ и по витой лѣстницѣ прямо въ переднюю къ дверямъ спальни.

Я Ш В И Л Ъ.—Бараула въ передней много ли?

А Р Г А М А К О В Ъ.—Два камеръ-гусара.

Д Е П Р Е Р А Д О В И Ч Ъ.—Изъ нашихъ?

А Р Г А М А К О В Ъ.—Нѣтъ. Да съ двумя-то справимся.

Денщики подаютъ на подносахъ бокалы съ шампанскимъ.

П А Л Е Н Ъ (*подымая бокаль*).—Съ новымъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Ура!

В с ъ.—Ура! Ура!

Б Е Н И Г С Е Н Ъ (*отводя Палена въ сторону*).—Игра-то, кажется, не стоитъ свѣчь?

П А Л Е Н Ъ.—Почему?

Б Е Н И Г С Е Н Ъ.—А потому, что съ этими господами революціи не сдѣлаешь. Низложивъ тирана, только утвердимъ тиранство.

П А Л Е Н Ъ.—Ваше превосходительство, теперь поздно.

Б Е Н И Г С Е Н Ъ.—Поздно, да... или рано. А жаль. Вѣдь можно бы... Эхъ!... Ну, да все равно. *Le vin est tiré, il faut le boire.*

Идемте.

П А Л Е Н Ъ.—Идемте, господа.

Г о л о с а.—Идемъ! Идемъ!

Т а л ы з и н ъ.—Ваше сіятельство, какъ же такъ? Вѣдь мы ничего не рѣшили...

Г о л о с а.—Довольно! Довольно! Идемъ! Идемъ! Ура, свобода!

Гости уходятъ.—Два денщина, старшій—Кузьмичъ и молодой—Федя, взявъ сѣтки, убираютъ со стола, смываютъ изъ бокаловъ остатки вина и пьютъ.

Занавѣсъ.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Комната княгини Анны Гагариной. Натѣво — дверь въ спальню; въ глубинѣ — дверь на лѣстницу, ведущую въ апартаменты государя. Направо — каминъ съ огнемъ. Въ углу стѣнные часы. Ночь.

Павелъ и Анна.

Анна сидитъ въ креслѣ у камина. Павелъ у ногъ Анны, положивъ голову на ея колѣни и дремлетъ.

Анна. — Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненькій.

Павелъ. — Какіе у тебя глазки ясные, точно два зеркальца? Вижу въ нихъ все и себя вижу маленькимъ, маленькимъ... А знаешь, Аннушка, когда я такъ лежу головой на колѣняхъ твоихъ, то будто и вправду я — маленький, и ты на рукахъ меня держишь, баюкаешь...

Анна. — Спи, маленький, спи, дѣточка!

Павелъ. — Сплю, не сплю, а все что-то грезится давнее, давнее, дѣтское, такое же маленькое, какъ вотъ въ глазахъ твоихъ, зеркальцахъ. Большое-то забудешь, а малое помнится. Бывало, за день обидитъ кто, ляжешь въ постель, съ головой одѣяломъ укроешься и плачешь такъ сладко, какъ будто и радъ, что обидѣли... Ты это знаешь, Аннушка?

Анна. — Знаю, милый. Нѣтъ слаще тѣхъ слезъ — пусть бы, важись, всегда обижали, только бы плакать такъ.

Павелъ. — Вотъ, вотъ... А тебя кто обижалъ?

Анна. — Мачеха.

Павелъ. — А меня мать родная... Ну, да не надо объ этомъ... Зато, когда весело, такъ весело — распалился, бывало, съ Борей Буракинымъ, со стола учительскаго сватерть сдернемъ и ну кататься, валяться — пылъ столбомъ. Изъ шкаповъ книжныхъ полкиковытаскаемъ, мосты военные строимъ. А лошадки, солдатки! А тамъ ужъ и дѣла сердечныя. Влюбляться-то чуть не съ колыбели началъ. Въ томахъ энциклопедіи французской, книжищахъ преогромныхъ, больше меня самого, все изъясненія къ слову *Amour* ищу и съ фрейлинами, — противъ насъ жили во флигелѣ, — въ окна переглядываемся. Не зналъ еще, что такое любовь, а ужъ дня не могъ прожить безъ страсти. Подышу на зеркало и выведу пальцемъ имя возлюбленной, а услышу, идутъ — сотру поскорѣе. Разъ на балу персикъ укралъ, спряталъ въ карманъ, чтобъ любезной отдать, да забылъ, съѣлъ, раздавилъ, по штанамъ потекло, — срамъ! А красавицы-то, не шута, на плутишку заглядывались: я вѣдь тогда, не то что теперь, мальчикъ былъ прехорошенькій. Портретикъ мой помнишь? Гдѣ онъ? Покажи-ка.

Анна снимаетъ съ шеи цѣпочку съ медальономъ и подаетъ Павлу.

ПАВЕЛЪ (*глядя на портретъ*). — А-а! Я и забылъ, что мы тутъ вдвоемъ: на одной половинѣ—я, на другой—онъ. Ровесники. Обоимъ лѣтъ по двѣнадцати. И похожи-то какъ! Двѣ капли воды. Не разберешь, гдѣ я, гдѣ онъ. Точно близнецъ аль двойникъ. Ну да и не диво, вѣдь сынъ родной, первенецъ, плоть и кровь моя, мальчикъ мой милый... Александръ, Александръ!...

Домаетъ медальонъ и бросаетъ въ огонь.

ПАВЕЛЪ.—Будь ты проклять! проклять! проклять!

АННА.—Что ты, Павлушка? Сына родного...

ПАВЕЛЪ.—Отцеубійца!

АННА.—Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрь, нагали тебѣ. Александръ невиненъ...

ПАВЕЛЪ.—Невиненъ? Онъ-то невиненъ? Да знаешь ли, что онъ со мною сдѣлать хотѣлъ? Пусть бы просто убилъ, какъ разбойникъ, ночью пришелъ и зарѣзалъ... Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Не тѣло, а душу мою умертвить онъ хотѣлъ, лишить меня разума. Съ ума-то свести можно всякаго, только стой всѣ кругомъ, да подмигивай: вотъ, молъ; сходить, сходить съ ума. Хоть кого, говорю, возьми, не выдержи, взбѣсится... А сошелъ бы съ ума, посадили бы на цѣпь, пришли бы дразнить, какъ звѣря въ клеткѣ, и я бы вылъ, вылъ, вылъ, какъ звѣрь или какъ вѣтеръ, слышишь? въ трубѣ воетъ—у-у-у!...

АННА.—Не надо, не надо, Павлушка миленькій! А то вѣдь и вправду можно...

ПАВЕЛЪ.—Можно! А ты что думала? Когда тяжесть Россіи, тяжесть Европы, тяжесть міра, вся—на одной головѣ, то съ ума сойти можно. Богъ да я—больше никого, вотъ что тяжело, человѣку, пожалуй, и не вынести... Тронъ мой—крестъ мой, багряница—кровь, корона—терновый вѣнецъ, иглы пронзили мнѣ голову... За что, за что, Господи?... Да будетъ воля Твоя... Но тяжело, тяжело, тяжело!...

Падаетъ на колѣни.

АННА (*обнимая и цѣлуя голову Павла*). — Павлушка, бѣдный ты мой, бѣденныйй...

ПАВЕЛЪ.—Да—«Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!»—Знаешь, кто это сказалъ?

АННА.—Кто?

ПАВЕЛЪ.—Петръ.

АННА.—Кто?...

ПАВЕЛЪ.—Государь императоръ Петръ I, мой прадѣдъ.

АННА.—Во снѣ?

ПАВЕЛЪ.—Навуу.

А н н а.—Привидѣніе?

П а в е л ь.—Не знаю. А только видѣлъ я его, видѣлъ, вотъ какъ тебя вижу сейчасъ. Давно было, лѣтъ двадцать назадъ. Шли мы разъ ночью зимою съ Буракинымъ по пабережной. Луна, свѣтло, почти какъ днемъ, только на снѣгу тѣни черныя. Ни души, точно все вымерло. На Сенатскую площадь вышли, гдѣ нынче памятникъ. Буракинъ отсталъ. Вдругъ слышу, рядомъ кто-то идетъ; гляжу—высокій, высокий, въ черномъ плащѣ, шляпа низко,—лица не видать. «Кто это?» говорю. А онъ остановился, снялъ шляпу—и узналъ я—государь императоръ Петръ I. Посмотрѣлъ на меня долго, скорбно да ласково такъ, головой покачалъ и два только слова молвилъ, тѣ же вотъ что ты сейчасъ: «Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!»

А н н а.—И что же?

П а в е л ь.—Не помню. Упалъ, вѣрно, безъ чувствъ. Только, какъ пришелъ въ себя, вижу, Буракинъ надо мною хлопочетъ, снѣгомъ виски третъ. «Это, говоритъ, у васъ отъ желудка».—Что-жъ, можетъ быть, и отъ желудка. Никто ничего не знаетъ... А ты вѣришь въ привидѣнія, Аннушка?

А н н а.—Не знаю... не надо объ этомъ... страшно...

П а в е л ь.—Да, страшно. Все страшно, о чемъ ни подумаешь, какъ въ яму провалишься... Никто ничего не знаетъ... Паскаль говаривалъ, что вещь наималѣйшая такая для него есть бездна темноты, что разсудку на то не достанетъ... Такъ вотъ и я всего боюсь, а больше всего бояться боюсь... Ну, да правда твоя, не надо объ этомъ... Лучше опять такъ, головой на колѣняхъ твоихъ, тихо, тихо—баю-баюшки-баю...

А н н а.—Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненькій.

П а в е л ь.—Давнее, давнее, дѣтское... Квѣточка для чижиковъ, одинъ чижикъ прикованъ къ столбику съ обручемъ, а внизу вода, самъ таскаетъ ведерышкомъ; квѣточка, будто бы пустынь, а чижикъ—пустынникъ. «Дмитрій Ивановичемъ» звать, а другой на волѣ, тотъ «Ванька слуга»... А еще столовые часики фарфоровые, бѣлые, съ цвѣточками золотыми да розовыми... Когда солнце на нихъ, то въ цвѣточкахъ веселіе райское...

Часы на стѣнѣ бьютъ три четверти одиннадцатаго.

П а в е л ь.—Спать пора. Дастъ Богъ, усну сегодня сладко-спиниться будетъ, что баюкаешь... А вѣтеръ-то въ трубѣ опять какаетъ, слышишь?—у-у-у! Точно мой Шпиць. Собачонка проклята весь день выла, подъ ногами все вертится, въ глаза глядитъ и еетъ... Ну, прощай, Аннушка, спи съ Богомъ.

Павелъ встаетъ. Анна, съ внезапнымъ порывомъ обнявъ его, прижимается къ нему.

ПАВЕЛЪ.—Что ты?

АННА.—Не уходи! Не уходи!

ПАВЕЛЪ.—Да что, что такое?

АННА.—Не знаю. Страшно...

ПАВЕЛЪ.—Напугалъ привидѣніями, что ли?

АННА.—Не знаю... нѣтъ... не то...

ПАВЕЛЪ.—Такъ что же?

Молчаніе.—Анна еще крѣпче прижимается къ Павлу и дрожитъ.

ПАВЕЛЪ.—А, вотъ что! Думаешь, убьютъ. Небось, не убьютъ. Пусть-ка сунутся, попробуютъ. Ребятуншекъ моихъ наемни видѣла, какъ любить меня? Коли что, умрутъ,—а не выдадутъ. Ну, да и Паленъ, чай, не дуракъ.

АННА.—Паленъ—измѣнникъ.

ПАВЕЛЪ.—А, вотъ посмотримъ, я уже послалъ за Аракчевымъ, завтра же узнаемъ все.

АННА.—Завтра? А если въ эту ночь?...

ПАВЕЛЪ.—Небось, говорю, не успѣютъ. Да и какъ имъ войти сюда? Послѣ вечерней зори всѣ ворота заперты, мосты подняты: мы тутъ въ замкѣ, какъ въ осажденной крѣпости—рвы глубокіе, стѣны гранитныя, бойницы съ пушками, цѣлымъ войскомъ не взять.

АННА.—А всетаки страшно, Павлишка! Прости ты меня, глупую. Видно, и я, какъ собачка твоя... Ну, роденькій, ну, миленькій, ну, что тебѣ стоять? Останься, побудь со мной до утра...

ПАВЕЛЪ.—Что вы, княгиня? «Cela ne convient pas», какъ говорить ей величество.—Нѣтъ, не шутя, сударыня, я не хочу, чтобы называли любовницей Павла ту, которую скоро назовутъ... Завтра же... Какой завтра день?

АННА.—Понедѣльникъ.

ПАВЕЛЪ.—А, тяжелый день... Ну да для кого—понедѣльникъ, а для насъ—воскресенье. Завтра же я нанесу великій ударъ. Завтра старому конецъ—и новая, новая жизнь—Воскресеніе!... Ну, прощай, а то вѣдь и вправду, пожалуй...

АННА.—Останься! Останься!

ПАВЕЛЪ.—Нѣтъ, нѣтъ! Какъ вамъ не стыдно? Трусь я, что ли? Мнѣ ли, самодержцу, великаго Прадѣда правнуку, бояться этой сволочи? Взгляну—и побѣгутъ, дохну—и разсѣются! Яко таетъ воскъ отъ огня, побѣгутъ нечестивые! Съ нами Богъ! Не бойся же. Анна, и помни—съ нами Богъ!

Павелъ обнимаетъ Анну и уходитъ. Анна падаетъ въ кресло и сидитъ неподвижно, какъ бы въ оцепенѣннѣи, глядя на огонь въ каминѣ. Потомъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ двери, въ которую ушелъ Павелъ.

А н н а.—Павлушка! Павлушка! *(Прислушивается.)* Ушелъ...

Возвращается на прежнее мѣсто у камина, садится и опускаетъ голову на руки.

А н н а.—Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!

Занавѣсъ.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ БАРТИНА.

Двѣ комнаты, раздѣленные стѣною; направо—узкая прихожая, коридоръ; налево—спальня государя. Въ стѣнѣ—двойная дверь, соединяющая обѣ комнаты.

Въ глубинѣ прихожей запертая дверь на маленькую витую лѣстницу во дворъ. Далѣе печка и скамья для часовыхъ. Направо—дверь въ пріемную и окно на нижній лѣтній садъ. На полу фонарь.

Въ глубинѣ спальни—маленькая походная кровать безъ занавѣсокъ, съ ширмами; ночникъ. Направо—голландская печка на ножкахъ и забитая наглухо дверь въ апартаменты государыни. Стѣны обложены деревомъ, крашенымъ въ бѣлый цвѣтъ.

Павелъ, въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ, въ ночномъ колпагѣ спитъ на постели. Въ прихожей два часовыхъ камеръ-гусара, Ропшинскій, помоложе, и Кириловъ, постарше, дремлютъ на скамьѣ у печки. Потомъ—Заговорщики.

Ропшинскій встаетъ, зѣваетъ, потягивается, подходитъ къ двери спальни, приотворяетъ первую наружную дверь, прикладываетъ ухо къ замочной скважинѣ и прислушивается.

Б и р и л о в ъ.—Спать?

Р о п ш и н с к і й.—Спать.

Б и р и л о в ъ.—Ну, слава Богу. Теперь до утра, чай, не проснется. Умаялся, столько-то ночей не спавши.

Р о п ш и н с к і й.—Бакъ легъ, такъ и заснулъ, точно ключъ ко дну пошелъ. И помолиться не успѣлъ.

Б и р и л о в ъ.—Ну, Богъ простить. Что другое, а къ молитвѣ усерденъ. Въ прежніе-то годы, въ Гатчинскомъ дворцѣ, бывало, такъ-то ночью тоже стоишь на часахъ у спальни и все севозъ двери слышишь, бакъ молится, вздыхаетъ да охаетъ, лбомъ объ полъ ко-

лотить, земные поклоны владеть, на паркетѣ протерты, и нынче видать, —словно двѣ ямочки.

ПАВЕЛЪ (*во снѣ*).—Часики фарфоровые бѣлые съ цвѣточками... Когда на нихъ солнце, то въ цвѣточкахъ веселіе райское...

РОПШИНСКІЙ (*прислушивается*).—Бредить.

БИРИЛОВЪ. — Ничего. Всегда во снѣ говоритъ, иной разъ по-русски, а иной по-французски, внятно такъ, будто наяву; ежели въ день былъ веселъ, то бредить спойкойно, а ежели какія противности, то и сквозь сонъ говоритъ угрюмо и гнѣваться изволить... О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе, сохрани и помилуй Матерь Царица Небесная... Ложись-ка, Степа.

РОПШИНСКІЙ.—Нѣтъ, я посижу, Данилычъ, а то какъ лягу, не добудисься.

БИРИЛОВЪ.—Ну, съ Богомъ. А я тутъ у печки приборну, дѣло наше старое, поясницу что-то ломить, —не къ морозу ли? Дай Богъ морозца да солнышка...

Кириловъ разстилаетъ шинель на полу и укладывается. Ропшинскій дремлетъ, сидя на скамьѣ и прислонившись головой къ печкѣ.—Сначала издали, потомъ все ближе и ближе, наконецъ, у самыхъ оконъ, на деревьяхъ Лытняго сада слышится воронье карканье.

РОПШИНСКІЙ.—Слышишь, Данилычъ?

БИРИЛОВЪ.—А что?

РОПШИНСКІЙ.—Вороньѣ-то раскаркалось.

БИРИЛОВЪ.—Да, вишь, проклятые! И съ чего это ночью имъ вздумалось? Не къ добру, ой, не къ добру! То собачонка выла весь день, а то воронье. Какъ бы государя не взбудили. Спугнулъ ихъ, что ли, кто? Да кому ночью по саду ходить? Погляди-ка, Степа, что тамъ такое?

РОПШИНСКІЙ (*глядя съ окна*).—Не видать, стекло замерзло. Вверху, будто, пройснѣло, вызвѣздило, а внизу не то вьюга мететь, не то люди идутъ, много людей... войско...

БИРИЛОВЪ.—Какое тамъ войско, Господь съ тобой! Съ просонокъ, чай, мерещится?

РОПШИНСКІЙ.—Можетъ, и мерещится, мутно, бѣло—не видать...

Отходитъ къ скамьѣ.

БИРИЛОВЪ.—Ну, то-то... Дѣло ночное, всяко бываетъ. А ты оградись крестомъ да молитвою: чуръ насъ, чуръ—тебя и не тронетъ. (*Крестится и зѣваетъ.*) О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе, сохрани и помилуй Матерь Царица Небесная...

Кириловъ и Ропшинскій засыпаютъ. Воронье карканье стихаетъ. Фонарь чадитъ и гаснетъ. Въ окнѣ голубоватый отсветъ лунной выси.

Павелъ (*во снъ*).—Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой миленькій!...

Стукъ съ лестницы въ наружную дверь прихожей.

Бирюловъ (*просыпаясь*).—Стучать!... Степа, а Степа?

Ропшинскій (*въ полуснъ*).—Воронье... воронье... Охъ, Данилычъ, что мнѣ приснилось-то... (*Проснувшись.*) А? Что? Стучать?...

Бирюловъ.—О Господи! Ужъ не бѣда ли какая?... Помилуй, Матерь Царица Небесная!... (*Надѣвъ саблю и подоидя къ двери.*) Бто тамъ?

Голосъ Аргаманова (*изъ-за двери*). Отворяй! Отворяй!

Бирюловъ.—Да кто? Бто такой?

Голосъ Аргаманова.—Оглухъ ты, старая тетеря, не слышишь, что ли, по голосу? Я, я—Аргамановъ, плаць-адъютантъ.

Бирюловъ.—Александръ Васильичъ, ваше высокоблагородіе, чего угодно?...

Голосъ Аргаманова.—Продери-ка глаза, пьяная рожа! Аль забылъ, съ кѣмъ говоришь? Я къ его величеству съ рапортомъ.

Бирюловъ.—Государь почивать изволятъ, ваше высокоблагородіе, будить не велѣно.

Голосъ Аргаманова.—Врешь, дуракъ! О пожарахъ и ночью докладывать велѣно.

Бирюловъ.—Пожаръ? Гдѣ пожаръ?

Голосъ Аргаманова.—Въ адмиралтействѣ. Да чортъ тебя дери, долго ли мнѣ тутъ съ тобой разговаривать? Ужо на гауптвахтѣ выпорю, такъ узнаешь, какъ команды не слушаться. Отворяй!

Бирюловъ.—Сейчасъ, сударь, сейчасъ. Фонарь потухъ, темно, ключа не найду... (*Тихо—Ропшинскому.*) Степа, а, Степа? Бѣды бы не вышло? Не взбудить ли государя, что ли?...

Ропшинскій.—Нѣтъ, Данилычъ, упаси Боже будить—убьетъ. Пусть ужъ полковникъ самъ, какъ знаетъ, а наше дѣло—сторона...

Голосъ Аргаманова.—Отворяй же! Отворяй, чортъ анаеема!

Ропшинскій.—Вишь, какъ лютъ, пожалуй, и вправду за сѣчетъ. Отворяй-ка скорѣе, Данилычъ!

Бирюловъ.—О, Господи, Господи! Помилуй Матерь Царица Небесная...

Отпираетъ дверь. Входитъ Аргаматовъ. За нимъ—Бенигсенъ, кн. Яшвиля, Бибиковъ, Татаринцовъ, Скарятинъ, Николай и Платонъ Зубовы съ мужиками фонарями и шпалами наголо.

БИРИЛОВЪ.—Бто такіе?... Бто такіе?... Ой, ой... батюшки... караулъ!...

РОПШИНСКІЙ (*убылая направо*).—Караулъ!

БИРИЛОВЪ (*выхвативъ саблю изъ ноженъ и становясь передъ дверью спальни*).—Стой! Стой!

Заговорщики окружаютъ Кирилова.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Саблю долой!

Ударомъ шпала выбиваетъ у Кирилова саблю и ранитъ его въ руку.

БИРИЛОВЪ (*падая*).—Государь! Государь! Бунтъ!

ПАВЕЛЪ (*на мимовѣнне проскувшись, приподымается на постели*).—Бто тамъ? Бто тамъ? (*Падаетъ навзничъ и опять, засыная, бредитъ.*) Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой милый... я тамъ и зналъ... ну слава Богу...

ЯШВИЛЬ (*приставивъ дуло пистолета къ виску Кирилова*).—Молчи—убью!

АРГАМАТОВЪ (*хватая кн. Яшвиля за руку*).—Что вы, князь, всѣхъ перебудите!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Ротъ платкомъ! Тащи внизъ!

Кирилову затыкаютъ ротъ и стаскиваютъ по лестницѣ.

АРГАМАТОВЪ.—А другой?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Убѣжалъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Бѣда! Тревогу подыметь.

БЕНИГСЕНЪ.—Не успѣеть. А наши-то гдѣ?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Разбѣжались. Бто на лѣстницѣ да на дворѣ отсталъ, а кто—въ саду, какъ давеча вороны-то раскаркались, всѣ перетрусили.

БЕНИГСЕНЪ.—Ну, чортъ съ ними! Насъ и такъ довольно. Только скорѣе, скорѣе! (*Подойдя къ дверямъ спальни, отворяетъ наружную дверь и пробуетъ отворить внутреннюю.*) Изнутри заперся—значить, тамъ. (*Прислушивается.*) Вѣрно, спать. У кого инструментъ?

АРГАМАТОВЪ.—Здѣсь.

БЕНИГСЕНЪ.—Отпирайте.

АРГАМАТОВЪ (*Платону Зубову*).—Фонарь подержите.

ГОЛОСА ЗАГОВОРЩИКОВЪ (*съ лестницы*).—Бѣгите! Бѣгите! Тревога!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Господа, слышите?...

Дрожитъ и роняетъ фонарь.

БЕНИГСЕНЪ.—Эхъ, князь, теперь не время дрожать.

ПАВЕЛЪ (*просыпаясь*).—Бто? Бто? Бто?...

Соскочивъ съ постели, подбѣгаетъ къ двери и прислушивается.

БЕНИГСЕНЪ.—Инструментъ, что ли, испортился?

АРГАМАКОВЪ.—Нѣтъ, да замокъ аглицкій, съ фокусомъ—отмычка не беретъ.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Ну-ка, плечомъ, авось, подастся!

Напираетъ плечомъ на дверь. Дверь трещитъ.—Павелъ отбѣгаетъ въ противоположенный конецъ спальни, забивается въ уголъ у печки за ширмами и плотно прижимается, какъ будто расплющивается, весь блѣдый, на бѣлой стѣнѣ, почти невидимый.—Дверь открывается. Заговорщики обѣгаютъ въ спальню.

ЯШВИЛЬ (*освѣтивъ постель фонаремъ*).—Убѣжалъ!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Куда? Не въ окно же выскочилъ!

БЕНИГСЕНЪ (*пощупавъ рукою постель*).—Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin.

Идутъ, заглядываютъ въ шкафы, подъ кресла, подъ столъ, подъ кровать.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (*указывая подъ ширмы*).—Ноги!

БИБИКОВЪ.—Тьфу! Точно въ прятки играемъ...

БЕНИГСЕНЪ (*отодвигая ширмы*).—Онъ!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Да что съ нимъ такое? Будто не живой...

БЕНИГСЕНЪ.—Ваше величество...

АРГАМАКОВЪ.—Не слышитъ.

СКАРЯТИНЪ.—Отъ страха—столбнякъ.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—А вотъ посмотримъ.

Подноситъ фонарь къ лицу Павла и тихонько однимъ пальцемъ дотрагивается до руки его. Павелъ, весь, съ головы до ногъ, вздрагиваетъ и отпрядываетъ отъ стѣны, какъ будто хочетъ броситься на заговорщиковъ. Все отступаютъ.

ПАВЕЛЪ (*быстро и неопытно, какъ въ бреду*).—Что?... Что?... Что?... Что?... Что?... Что?...

БИБИКОВЪ.—Экая мерзость!... Господа, нельзя же такъ... Чортъ знаетъ что такое! Кончайте скорѣе!

БЕНИГСЕНЪ (*Платону Зубову*).—Князь, отречение у вас ступайте же, ступайте, говорите, какъ рѣшили. Да ну же, ну!..

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (*вытирая потъ съ лица*).—Сейчасъ сейчасъ... я только немного...

БЕНИГСЕНЪ (*подталкивая Платона Зубова*).—Да ну же, ступайте!... Э, чортъ васъ деря!...

Платонъ Зубовъ выступаетъ впередъ, держа въ рукахъ манифестъ

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.—Sire, nous venons au nom de la patrie... Нѣтъ, не могу... Дурно... Воды!...

БЕНИГСЕНЪ (*вырвавъ у Платона Зубова манифестъ*).—Ну васъ къ чорту! (*Подойдя къ Павлу*).—Ваше величество, вы арестованы.

ПАВЕЛЪ.—Арестованъ? Арестованъ?... Что значить арестованъ?...

БЕНИГСЕНЪ.—Арестованы и низложены. Государь—наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, объявленъ императоромъ. На вашу жизнь никто посягнуть не осмѣлится: я буду охранять особу вашего величества. Только предайтесь намъ совершенно. Въ случаѣ же сопротивленія малѣйшаго, я не отвѣчаю..

ПАВЕЛЪ.—Господи!... Господи!... Господи!... Что я вамъ сдѣлалъ?... Что я вамъ сдѣлалъ?...

БЕНИГСЕНЪ (*Подавая Павлу манифестъ*).—Sire, ayez l'obligance de signer sur le champ cet acte d'abdication...

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ.—Эхъ, генераль, чего французить! Лучше мы по-русски... Ну-ка, Павелъ Петровичъ, добромъ говоримъ—отрекайся, а то, сударь, плохо будетъ!

ПАВЕЛЪ (*подымая руки вверхъ, торжественно, внезапно измѣнившимся голосомъ*).—Я... я... я... помазанникъ Божій... самодержецъ всероссійскій!... Убейте, убейте!... Не отрекусь!... Съ нами Богъ!... Съ нами Богъ!...

Толпа остальныхъ заговорщиковъ вбѣгаетъ съ мѣстными въ прихожую.
Шумъ, крики, смятеніе.

ГОЛОСА (*съ прихожей*).—Бѣгите! Бѣгите! Спасайтесь!

БЕНИГСЕНЪ.—Что такое?

ТАЛЫЗИНЪ (*вбѣгая изъ прихожей въ спальню*).—Скорѣе, скорѣе! Бончайте! Караулъ идетъ!...

ПАВЕЛЪ (*бросаясь къ двери*).—Караулъ! Караулъ! Помогите!...

БЕНИГСЕНЪ (*со штагою на-голо, заступая дорогу Павлу*).—Restez tranquille, Sire, il y va de vos jours!

ПАВЕЛЪ.—Пустите! Пустите! Караулъ!

Николай Зубовъ хватаетъ Павла за руку. Павелъ вырываетъ у него руку. Толпа изъ прихожей врывается въ спальню.

ГОЛОСА.—Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе! Идутъ!

ПАВЕЛЪ (*подымаясь*).—Помогите! Помогите, ребяташки!
Ящикъ кидается на Павла. Обя падаютъ. На нихъ наваливаются другіе, передніе—на заднихъ, образуя кучу копошащихся тѣлъ.
Ширма опрокинута. Ночникъ погасъ. Свалка.

Занавѣсъ.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Парадная лѣстница Михайловскаго замка; гранитныя ступени между двумя балюстрадами изъ сѣраго сибирскаго мрамора и пилластрами изъ полированной бронзы. Двѣ площадки, верхняя и нижняя; съ нижней—двѣ лѣстницы между мраморными колоннами, направо—во дворъ замка, налѣво—въ апартаменты Александра; съ верхней—дверь направо, въ апартаменты Павла, налѣво—въ Тронную залу; въ глубинѣ—большое окно—дверь на балконъ и площадь передъ замкомъ.

Раннее, еще темное утро. Потомъ свѣтаетъ.

Марія Θεодоровна. Александръ. Константинъ. Елизавета. Гр. Паленъ. Беннигсенъ. Талызинъ. Аргамановъ. Кн. Николай и Платонъ Зубовы. Кн. Яшвилъ. Татариновъ. Скарятинъ. Маринъ. Полторацкій. Роджерсонъ. Гр. Головкинъ. Кн. Голицынъ. Нарышкинъ. Кушелевъ. Кн. Ливенъ. Митрополитъ Амвросій. Духовникъ Исидоръ. Духовенство. Придворные чины. Камеръ-гусаръ. Солдаты.

На лѣстницѣ—никого. Темнота. Тишина.

КАМЕРЪ-ГУСАРЪ (*перебѣгая верхнюю площадку справа налево*).—Царя убили! Царя убили!

Опять домо никого. На нижнюю площадку справа выбѣгаетъ Марія Θεодоровна, съ распущенными волосами, въ ночной рубашкѣ, въ туфляхъ на босую ногу, въ шубѣ, накинутой на одно плечо, спадающей и волочащейся по полу. За нею—килина Ливенъ.

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА.—Paulchen! Paulchen! Paulchen!
Взбѣгаетъ наверхъ по лѣстницѣ, спотыкается, падаетъ, теряетъ туфлю, встаетъ и бѣжитъ дальше.

ЛИВЕНЪ.—Ваше величество... погодите... туфля, туфля... ваше величество!...

Марія Θεодоровна убѣгаетъ направо; за нею кн. Ливенъ.—На нижнюю площадку справа входитъ поручикъ Полторацкій, за нимъ—солдаты.

ПОЛТОРАЦКІЙ.—Ребята, за царя!
Полторацкій съ обнаженной шпагой взбѣгаетъ до середины лѣстницы, за нимъ солдаты. На верхнюю площадку справа выходятъ Паленъ и Беннигсенъ.

ПАЛЕНЪ.—Караулъ, стой!
Солдаты останавливаются.

ПАЛЕНЪ.—Его величество государь императоръ Павелъ I съгнулся апоплексическимъ ударомъ. Государь наследникъ Александръ Павловичъ изволилъ вступить на престолъ.

Молчаніе. Потомъ глухой ропотъ солдатъ.

Солдаты.—Не вѣрь, братцы, не вѣрь!... Убили, убили!... Злодѣи!...

Паленъ.—Смирно-о! (*Полторацкому.*) Извольте, поручикъ, сводить караулъ!

Полторацкій.—Ваше сіятельство...

Паленъ.—Молчать! Какъ вы смѣете, сударь, команды не слушаться?... (*Солдатамъ.*) Я васъ всѣхъ ужю, сукины дѣти... пинки только!

Полторацкій (*солдатамъ*).—Смирно-о!

Ропотъ стихаетъ.

Полторацкій.—На плечо-о!

Солдаты берутъ на плечо.

Полторацкій.—Направо кругомъ маршъ!

Полторацкій и солдаты, сойдя по лѣстницѣ, уходятъ направо.

Паленъ.—Уфъ! Еще минута — и бросились бы на насъ, прескверная штука, не угодно ли стабанъ лафита!

Бенигсенъ.—Только покойникъ и спасъ.

Паленъ.—Покойникъ?

Бенигсенъ.—Ну да, —вышкололиъ ихъ такъ, что довольно скомандовать, чтобы стали машинами.

На верхнюю площадку справа входитъ лейбъ-медикъ Роджерсонъ.

Паленъ.—А, докторъ. Ну, что, какъ у васъ тамъ?

Роджерсонъ.—Раньше ночи не поспѣемъ.

Паленъ.—Что вы, сударь, помилуйте! Сегодня же надо выставить.

Роджерсонъ.—Невозможно, графъ. Сами видѣтъ изволили, на что похожъ — узнать нельзя, такъ искалѣчили.

Паленъ.—Мерзавцы! (*Бенигсену.*) Какъ же, генералъ, хотъ вы не удержали?

Бенигсенъ.—Удержишь ихъ! Звѣри! Мертваго били.

Паленъ.—Что же дѣлать, докторъ, а?

Роджерсонъ.—Сдѣлаемъ, что можно — только не тороните. Тамъ теперь два живописца работаютъ...

Паленъ.—Живописцы?

Роджерсонъ.—Да, красятъ. Только, знаете, господа, съ мертвеца-то на мертвецѣ портретъ писать не очень пріятно. Старичокъ, учитель рисованія — изъ академіи художествъ привезли — такъ испугался, что едва параличъ не хватилъ. Другой, помоложе, все храбрится. Только если и онъ за эту ночь посѣдѣеть, я не удивлюсь... Что еще сказать-то я хотѣлъ?... Затѣмъ и пришелъ, да вотъ не вспо-

мню... Кажется, и у меня голова не въ порядкѣ... Да, да, за такія ночи люди сѣдѣють...

П а л е н ь.—Успокойтесь, докторъ! А то, ежели всё мы поте-
ряемъ голову...

Р о д ж е р с о н ь.—Постойте-ка, дайте припомнить... Ахъ, да,
языкъ!

П а л е н ь.—Языкѣ?

Р о д ж е р с о н ь.—Ну да, что съ языкомъ дѣлать? Высуну-
ся, распухъ, никакъ въ ротъ не всунешь,—придется отрѣзывать...

П а л е н ь.—Ну, будетъ, будетъ! Ступайте, дѣлайте, что хо-
тите,—только, ради Бога, оставьте насъ въ покоѣ и кончайте скорѣе.

*Роджерсонъ уходитъ.—Поручикъ Маринъ выходитъ на нижнюю площадку
слева.*

М а р и н ь.—Его величество.

П а л е н ь.—Не пускать! Скажите, что нельзя...

М а р и н ь.—Говорили—не слушаетъ, плачетъ, рвется сюда—
не удержишь—руки на себя наложить хочетъ... Да вотъ и самъ.

Александръ взбѣгаетъ по лестницѣ.

А л е к с а н д р ь.—Батюшка! Батюшка! Батюшка!...

Хочетъ войти въ дверь направо. Паленъ не пускаетъ.

П а л е н ь.—Ваше величество, государь родитель...

А л е к с а н д р ь.—Вы его...

П а л е н ь.—Скончался.

А л е к с а н д р ь.—Убили!

Падаетъ безъ чувствъ на руки Бенюшена и Палена.

П а л е н ь.—Доктора!

*Маринъ выбѣгаетъ и тотчасъ возвращается съ Роджерсономъ. Але-
ксандра кладутъ на полъ и стараются привести въ чувство.*

П а л е н ь.—Ну, что?

Р о д ж е р с о н ь.—Надо быть осторожнѣе, графъ, а то можетъ
скверно кончиться... Пока отнести бы въ спальню.

П а л е н ь.—Несите.

М а р и н ь (въ дверь направо).—Ребята, сюда!

Входятъ караульные солдаты.

М а р и н ь.—Подымай! Легче, легче!

*Маринъ, Роджерсонъ и солдаты сносятъ на рукахъ Александръ по
лестницѣ. Въ ухѣдлѣтъ.—Лѣстница домо остается пустою. Свѣтъ и.*

Въ окнѣ ясное зимнее утро, голубое небо и первые лучи солнца

Роджерсонъ и Маринъ входятъ на нижнюю площадку слева.

М а р и н ь.—Пойду доложу его сіятельству.

Р о д ж е р с о н ь.—Попросите же, чтобъ графъ поосторожи е,

а то, ежели опять, какъ давеча, — я ни за что не отвѣчаю — разсудка можетъ лишиться.

МАРИНЪ. — Слушаю-сь.

Маринъ, взойдя по мѣстничу, уходитъ направо. Роджерсонъ — направо. Кн. Платонъ Зубовъ и оберъ-церемоніймейстеръ гр. Головкинъ входятъ на верхнюю площадку сѣва.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. — Всѣмъ чинамъ военнымъ и гражданскимъ въ Зимній дворецъ, въ Большую церковь съѣзжаться для учиненія присяги. Митрополита и духовенство повѣстить не забудьте.

ГОЛОВКИНЪ. — Митрополитъ внизу, въ церкви ждетъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. — Зачѣмъ? Кто просилъ?

ГОЛОВКИНЪ. — Самъ прѣхалъ. Панихиды служить.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. — Панихидъ не будетъ, пока тѣло не выставятъ. Такъ и скажите ему — пусть во дворецъ ѣдетъ.

ГОЛОВКИНЪ. — Слушаю-сь.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. — Eh bien, comte, qu'est ce qu'on dit du changement?

ГОЛОВКИНЪ. — Mon prince, on dit que vous avez été un des romains.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. — Да, дѣло было жаркое.

Уходятъ. — Александръ входитъ на нижнюю площадку сѣва. Елизавета и Роджерсонъ ведутъ его подъ руки.

РОДЖЕРСОНЪ. — Потихоньку, потихоньку, ваше величество. Присядайте, отдохнуть извольте...

Камеръ-лакей приноситъ стулъ и уходитъ. Александръ садится. Елизавета даетъ ему нюхать спиртъ.

АЛЕКСАНДРЪ. — Ничего... прошло... Только вотъ голова немного... Все забываю... Что, бишь, я говорилъ-то, Лизанька? А?

ЕЛИЗАВЕТА. — Объ отреченіи, Саша.

Роджерсонъ, взойдя по мѣстничу, уходитъ направо.

АЛЕКСАНДРЪ. — Да, отреченіе... А ты мнѣ что? Вотъ опять забылъ...

ЕЛИЗАВЕТА. — Я говорила, что сейчасъ нельзя, послѣ...

АЛЕКСАНДРЪ. — Послѣ... послѣ... всю жизнь... всегда — каждый день, каждый часъ, каждую минуту — то же, что сейчасъ вотъ — это, это, это — и больше ничего... Какъ съ этимъ жить, ты знаешь?... Я не знаю... я не могу!...

ЕЛИЗАВЕТА. — Что же дѣлать, Саша? Надо...

АЛЕКСАНДРЪ. — Надо... и нельзя — опять, какъ тогда, помнишь? — надо и нельзя, нельзя и надо. Что-жъ это, что-жъ это такое, Господи?... Сойти бы съ ума, что ли... не думать, не помнить...

забыть... О-о-о!... Нѣтъ, не забудешь... Годы пройдутъ, вѣчность пройдетъ, а это—никогда, никогда, никогда!...

Елизавета становится на колѣни, обнимаетъ и целуетъ голову Александра.

ЕЛИЗАВЕТА. — Ну, полно же, полно... Сашенька, родненькій...

Марія Θεодоровна входитъ на нижнюю площадку справа. Она въ утрекнемъ шлафроктѣ, волосы не убраны, на голову шаль.

АЛЕКСАНДРЪ.—Матушка!

Подходитъ къ Маріи Θεодоровнѣ, хочетъ обнять ее, но, взявъ ее въ лицо, отступаетъ. Она смотритъ на него долго и пристально, какъ будто не узнаетъ.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—А-а, ваше высочество... ваше величество... Вы—здѣсь. А тамъ были? Нѣтъ? Я оттуда сейчасъ. Не пускали... Заднимъ ходомъ прошла—караулъ поставить забыли... Видѣла... Ступайте же и вы... посмотрите...

АЛЕКСАНДРЪ.—Матушка! Матушка!

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.—Теперь васъ поздравляю: вы—императоръ!

Александръ падаетъ на колѣни, закрываетъ лицо руками. Марія Θεодоровна, не взявъ на него, проходитъ мимо, нальво. Елизавета и Роджерсонъ бросаются къ Александру, поднимаютъ и усаживаютъ.—Паленъ, Беннисенъ, Аргаматовъ, Талызинъ, Десперадовичъ, Николай Зубовъ, Татаринцовъ и другіе заговорщики ездятъ на верхнюю площадку справа.

АРГАМАТОВЪ (*тихо Палену*).—Ваше сіятельство, въ Преображенскомъ неладно.

ПАЛЕНЪ.—Что такое?

АРГАМАТОВЪ.—Шумятъ, команды не слушаются: «покажите, говорятъ, государя покойнаго, а то присягать не будемъ!»

ПАЛЕНЪ.—Сейчасъ нельзя—не убрано...

АРГАМАТОВЪ.—Какъ бы не вышло бѣды, ужъ очень бунтуютъ...

ПАЛЕНЪ (*тихо*).—Подождите, приберемъ немного и пустимъ два ряда, покажемъ издали. Боли такъ преданы,—пускай наглядятся! Съ площади доносятся стукъ барабана, звуки трубъ, возрастающій гулъ голосовъ, крики войскъ. Заговорщики въ смятеніи—приходятъ, уходятъ, бѣгаютъ, кричатъ, машутъ руками, указываютъ и заглядываютъ въ окна.

ГОЛОСА ЗАГОВОРЩИКОВЪ.—Слышите? Бунтъ! бунтъ! Чего же смотрите?... Гдѣ государь?... Государя къ войскамъ... Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе!

Паленъ, Беннсенъ, Николай Зубовъ, Татариновъ и другіе заговорщики сбѣгаютъ по лѣстницѣ и окружаютъ Александра.

ПАЛЕНЪ.—Ваше величество, пожалуйте!.. Что такое? Опять обморокъ?...

ЕЛИЗАВЕТА.—Ничего, пройдетъ. Только погодите минутку...

ПАЛЕНЪ.—Ждать нельзя. Если государь къ войскамъ не выйдетъ тотчасъ же, можетъ быть бунтъ... Пожалуйте, ваше величество!

АЛЕКСАНДРЪ.—Не надо! Не надо! Не надо!... О-о-о!...

ПАЛЕНЪ.—Полно, государь! Не время теперь. Благополучіе сорока милліоновъ людей зависитъ отъ вашей твердости. Пожалуйте, пожалуйте же, ваше величество.

Паленъ и Беннсенъ, съ одной стороны, Николай Зубовъ и Татариновъ—съ другой, берутъ Александра подъ руки и ведутъ вверхъ по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ открываютъ стеклянную дверь на балконъ.

АЛЕКСАНДРЪ.—Что я скажу имъ, что я скажу?...

ПАЛЕНЪ.—Скажите только: «государь императоръ скончался ударомъ—все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ». Но, ради Бога, повеселѣе, ваше величество—нельзя же такъ... Слезки-то, слезки вытереть извольте. Ну, съ Богомъ!

Александръ выходитъ на балконъ.

ВОЙСКА (съ площади).—Ура! Ура! Ура!

Великій князь Константинъ, оберъ-церемоніймейстеръ гр. Головкинъ, оберъ-лобмаршалъ Нарышкинъ, адмиралъ Кушелевъ и другіе придворные въ парадныхъ мундирахъ выходятъ на верхнюю площадку слѣва. На нижнюю справа—дворцовые караулы Семеновскаго, Преображенскаго, лейбъ-гренадерскаго, конно-гвардейскаго и другихъ полковъ со знаменами и штандартами. Караулы становятся по обѣимъ сторонамъ лѣстницы съ эспантонами наголо.

АЛЕКСАНДРЪ (съ балкона).—Государь императоръ скончался... все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ...

ВОЙСКА (съ площади).—Ура! Ура! Ура!

ТАЛЫЗИНЪ (указывая на Александра).—Точно ангелъ въ лазури небесной паритъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ.—А солнце-то, солнце-то, александровыхъ дней восходящее солнце!

БОНСТАНТИНЪ (Кушелеву, указывая на заговорщиковъ).—Я бы ихъ всѣхъ повѣсилъ!... А, впрочемъ, наплевать...

На верхней площадкѣ толпа разступается. Митрополитъ Амвросій съ духовенствомъ входитъ справа.

ГОЛОВКИНЪ.—Пожалуйте, владыка, карету подали.

АМВРОСІЙ.—Иду, иду, только вотъ государя поздравить...

Александръ выходитъ съ балкона.

АМВРОСІЙ (*подойдя къ Александру и благословляя его*). — Во имя Отца и Сына, и Духа Святаго.

Александръ опять, какъ давеча, падаетъ на колѣни, закрывъ лицо руками.

АМВРОСІЙ (*положивъ руки на голову Александра*). — Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего, императора Александра Павловича спаси, Господи, и помилуй. Силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется. Положивъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна, дася ему благословеніе вѣвѣи вѣговъ. Аминь.

ПАЛЕНЪ. — Господа, въ Зимній дворецъ. Владыка, пожалуйте. Пожалуйте, ваше величество.

Паленъ и другіе заговорщики берутъ Александра подъ руки и сводятъ по мѣстницѣ. Караулъ, отдавая честь императору, склоняетъ къ ногамъ его знамена и штандарты. Съ площади слышатся «ура!» и военная музыка — Екатерининскій маршъ:

*Славься, славься снмъ Екатерина,
Славься, такъная къ намъ мать.*

ВОЪ. — Ура! Ура! Ура, Александръ!

ТАЛЫЖИНЪ (*заговорщикамъ*). — Господа, слышали, Аракчеевъ здѣсь — у государя просить аудіенціи.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. — А вотъ посмотримъ, приметъ ли...

ПЛАТОНЪ ЗУВОВЪ. — Какъ не принять? Рубашками-то съ тѣла помѣнялись недаромъ, братья названные!

БЕНИГСЕНЪ. — Помяните слово мое, господа: умеръ Павелъ, живъ Аракчеевъ.

БУШЕЛЕВЪ (*забывая впередъ и становясь на колѣни передъ Александромъ*). — Благословенъ грядый во имя Господне. Осанна въ вышнихъ!

ВОЪ. — Ура! Ура! Ура, Александръ!

Занавѣсъ.

Д. Мерзиковскій.

Въ дорогѣ.

Покинувъ бѣглое кочевье,
Вошли мы въ хлопчатый туманъ.
Осиротѣлыя деревья,
Тоскуя, ропщутъ на обманъ.
Березъ продрогшихъ сѣть сѣвзная
Бѣлѣтъ смутно за окномъ
И зелень хвои неживая
Ложится тягостнымъ пятномъ.
Здѣсь были жалобы и стоны...
На окнахъ слѣдъ недавнихъ слезъ,
Уныло тянутся вагоны,
Пыхтитъ устало паровозъ.
Метнулась рѣчка... Весь въ извивахъ
Холодный, вздувшійся бугоръ.
— Скорѣй отъ хмурыхъ на просторъ.
Скорѣй на волю отъ тоскливыхъ!

Л. М. Василевскій.

ЕВНУХИ*).

Андрея Немоевскаго.

Съ польскаго.

Видалъ ли ты когда-нибудь орла, сваливающагося съ неба на безопасное стадо газелей? Онѣ беззаботно щипали траву, плясали, уставившись другъ къ другу рогами, какъ вдругъ среди нихъ появилась тревога, и онѣ разсыпаются во всѣ стороны или сбиваются въ кучку съ жалобнымъ блеяніемъ?

А видѣлъ ли ты, какая тревога падаетъ на развеселившуюся толпу, какъ пирующие выскакиваютъ изъ-за столовъ, какъ выпускаютъ изъ рукъ граненый хрусталь, который разбивается о полъ, какъ опрокидываютъ стулья и, задѣвая о пиршественныя ложа, падаютъ сами, еще болѣе увеличивая общій беспорядокъ?

Танцовщицы бѣгутъ, какъ испуганныя перепелки, а музыканты, — зачѣмъ они бросаютъ свои инструменты и прячутъ свои лица въ пушистыхъ коврахъ?

Вотъ такое-то именно и произошло замѣшательство, когда во время сладострастнаго пиршества какъ съ неба свалился Аія во главѣ отряда воиновъ и безцеремонно протискивался черезъ толпу, къ балдахину, чтобы захватить туртановъ Ореба и Мутаннаби.

Но тѣ не привыкли отдавать себя, какъ бараны пастухамъ на закланіе. Не прошло и минуты, какъ каждый изъ нихъ держалъ уже въ правой своей рукѣ мечъ, а въ лѣвой ножъ.

Изъ груди каждаго вырвалось могучее рычаніе. Рычаніе это шло до слуха ихъ воиновъ, которые еще не знали ничего о расряженіи царя.

И вотъ, въ двери, въ окна, изъ-за колоннъ начали стекать другія полчища, сверкая мечами, копьями, натягивая луки.

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1908 г.

Айя, поднявъ голову надъ клубящеюся толпой, наркнулъ въ сторону балдахина:

— Зеебъ!

Они мимолетно обмѣнялись взглядами. И вотъ Зеебъ, схвативши Зибею поперекъ стана, поднявъ ее, а потомъ его со всѣхъ сторонъ окружилъ полкъ евнуховъ, которые только и дожидались этого движенія.

Засверкали мечи, засвистали стрѣлы, а къ запаху цвѣтовъ и благовоній началъ примѣшиваться острый запахъ крови, распространяя вокругъ удушливый туманъ и окутывая всѣ предметы багровыми испареніями.

Но Оребъ, который обладалъ необыкновенно зоркимъ взглядомъ, замѣтилъ, что на сторону Айи переходятъ все болѣе увеличивающіеся ряды воиновъ и что при дворѣ совершился какой-то неожиданный и неблагоприятный для него переворотъ. Его удивляло только то, что и на Мутаннаби съ ожесточеніемъ набросились осы Айи, направляя противъ него свои острые жала. Тогда онъ кривнулъ Мутаннаби, чтобы тотъ держалъ себя на-сторожѣ. Окруженные вѣрными союзниками, они направлялись влѣво, по направленію къ двору.

Это движеніе удалось имъ. Незамѣченные вслѣдствіе общаго переполоха, они пробрались на дворъ и достигли колесницы Мутаннаби. Колесница какъ вихрь понесла ихъ по садамъ, по аллеямъ, по улицамъ, вплоть до туртаней главнаго предводителя войскъ.

Но туда ихъ не пустили.

Тогда они помчались въ туртаней Ореба. Но и тутъ передъ воротами стояла стража, которая заявила имъ, что имъ не приказано впускать кого-нибудь. Солдаты Ореба не узнавали или притворялись, — для него это было болѣе благоприятно, — что не узнаютъ его.

Туртаны рѣшительно недоумѣвали, куда имъ направиться.

Но надъ Гекаломъ уже носились какіе-то крики, слышенъ былъ шумъ тяжело передвигающихся войскъ, голоса какой-то команды.

Они посмотрѣли другъ на друга и почти одновременно произнесли одно слово, которое сулило имъ хоть какую-нибудь надежду.

— Пустыня...

Возница подобралъ вожжи, и кони бѣшенымъ аллюромъ помчали къ восточнымъ воротамъ.

Но и эти ворота были заперты, а передъ ними стоялъ отрядъ конной пехоты съ выставленными впередъ копьями.

Возница почти на одномъ мѣстѣ повернулъ и направилъ колесницу въ другую сторону. Оставались ворота Сина.

Оказалось, что и тѣ были заперты.

Оребъ заскрежеталъ зубами:

— Насъ заперли и хотять поймать!

Мутаннаби же крикнулъ возницѣ:

— Поѣзжай въ сторону Идиглата.

Кони понеслись, какъ на крыльяхъ. Колесница чуть не поднялась на воздухъ. По стѣнамъ, сбоку, летѣла за ними вслѣдъ какая-то чудовищная тѣнь, словно черный змѣй о восьми ногахъ, а за нимъ сбившіеся въ клубокъ три человѣческихъ фигуры.

Они уже вѣхали въ аллею, ведущую къ рѣкѣ. Вотъ и Идиглатъ маячитъ передъ ними, переливаясь шумливыми волнами съ злобщимъ ропотомъ.

Движеніе воздуха оглушало, туча пыли вздымалась за бѣгущими. Вдругъ Оребъ выхватилъ вожжи изъ рукъ возницы, а его самого оттолкнулъ назадъ.

Еще минута, и вокругъ нихъ заклокоталъ настоящій потопъ. Оребъ потерялъ сознание, что дѣлается. Онъ только точно клещами впился въ вожжи, а грудью припалъ къ передку колесницы. Надъ его головою переливались волны, у него уже нехватало дыханія, но съ сверхъестественной силой кони въ своемъ безумномъ размахѣ шли все впередъ и впередъ...

Оребъ лишился было чувствъ, но вдругъ почувствовалъ, какъ до его лица коснулось прикосновеніе вѣтра. Онъ жадно вдохнулъ.

Кони мчались по какому-то синему пространству. Оребъ осмотрѣлся. На колесницѣ онъ былъ одинъ.

Взмывенные кони тяжело дышали. Оребъ посмотрѣлъ на руки, въ которыхъ сразу почувствовалъ сильную боль. Вожжи впивались ему въ ладони. Онѣ были въ крови.

Оребъ наклонился впередъ, отпуская болѣе свободно вожжи, и кони тотчасъ же уменьшили свой бѣгъ.

Тогда туртанъ оглянулся назадъ.

Гекаль уже исчезалъ въ отдаленіи. Посмотрѣлъ онъ впередъ, — передъ нимъ развертывалась пустыня.

Онъ все дальше и дальше углублялся въ нее.

Въ слѣдующіе дни, когда вечеромъ Шаманъ удалялся въ свою гору, которая называлась Дуль-Азагъ, среди хабирскихъ невольниковъ, работающих у канала, раздавалась слѣдующая пѣснь:

«Когда съ мольбой падемъ мы ницъ
Передъ твоей, о, Ягъ, десницей,
Мы вѣримъ, грѣхъ падеть во прахъ
И зло восплатится сторицей.»

Ударить громко мечъ о мечъ
И тетивою дрогнуть луки...
О, Урь-Шалемъ! коль это ложь,
Пусть у меня усохнутъ руки...
Свирѣпо левъ на льва рычитъ,
Свирѣпо змѣя змѣй кусаетъ,
На башню налетаетъ вихрь
И въ основаніи качаетъ...
Въ Сионъ вернется Божій людъ,
О, Урь-Шалемъ! Не будетъ тамъ,
Пусть у меня усохнутъ руки».

.....

Дочь Гекала, какъ измѣнился твой ликъ!

Какъ измѣнился твой городъ!

Въ твоихъ садахъ не раздаются уже бряцанія струнъ и свистъ
пищалокъ.

Инструменты отзываются только во храмахъ и палаткахъ воору-
женнаго мужа.

И ни одна стопа не пляшетъ среди садовъ около прудовъ. Свя-
щенные танцы вернулись въ храмы и тѣшатъ только обличія бо-
говъ.

Какъ скромны твои пиры!

Гдѣ маленькія птички? Гдѣ всѣ эти перепелки, голуби? Гдѣ эти
миски пирожковъ и печеній?

А вино твое гдѣ, этотъ жидкій рубинъ?

Дочь Гекала, тебя и узнать невозможно!

Ибо Аія, туртанъ туртановъ, направляетъ твои пути. А онъ—
евнухъ.

Онъ засадилъ тебя за прялку и приказалъ тебѣ твать одежды.
Ты должна работать, дочь Гекала, хотя создана для наслажденій.

Старцы возвратились на свои высокія башни, взяли за ваяла
и снова на кирпичахъ изсѣкаютъ свои знаки. Точно также они
вычисляютъ пути звѣздъ, забывъ погоню за престелницами.

Воины не облакаются въ роскошныя одежды, а на вино взираютъ
съ отвращеніемъ. Они только упражняются во владѣніи оружіемъ, и
любопытно натягиваютъ лукъ ради опыта.

Суровы они, неласковы, улыбка покинула ихъ уста. Они должны
быть жестки и незнакомы съ наслажденіемъ.

Ни одна легкомысленная пѣсня болѣе не оскверняетъ усть, пѣсня
о прелести женскаго тѣла, пѣсня о наслажденіяхъ любви и пѣсня о
невнимомъ мужѣ, надъ которымъ всѣ смѣются, а самъ онъ еще ни
чемъ не знаетъ.

Женщины отдѣлены отъ мужчинъ, живутъ порознь, а на лица надѣваютъ покрывала, ибо отъ каждаго лица проходящаго мужчины исходитъ непреоборимое очарованіе и ведетъ къ несчастію.

Ведеть къ похищенію женъ, къ мужеубійству и всеобщему замѣшательству.

Всюду должно царствовать только одно согласіе, ладъ. Ладъ во всемъ.

Ладъ въ трудѣ и ладъ въ отдыхѣ. Ладъ въ посѣвѣ и ладъ въ собираніи плодовъ. Ладъ въ вождедѣніи и ладъ въ самоотреченіи.

Ладъ въ творествѣ и ладъ въ разрушеніи. Ладъ въ поискахъ любви и ладъ въ пользованіи этою любовью.

Ладъ во вдохновеніи и ладъ въ наслажденіи плодами этого вдохновенія.

Такъ поучалъ туртанъ туртановъ, Ая—что значить ястребъ,— главный евнухъ, нынѣ воля Адаръ-Малика.

Воля и голова. Голова и сердце. Разумъ государства и разумъ каждаго подданнаго.

И водворилъ Ая повсюду свои порядки.

Самъ онъ принялъ начальство надо всѣми войсками, и власть эту не дѣлилъ ни съ кѣмъ. Онъ сказалъ самому себѣ: тогда только хорошо, когда власть находится въ однѣхъ рукахъ, и хорошо, если эти руки будутъ мои.

А потомъ на всѣ высшія должности онъ назначалъ только однихъ евнуховъ.

Итакъ, евнухъ Биламцахъ завѣдывалъ изслѣдованіемъ путей, которые звѣзды свершаютъ по ночному небу.

А евнухъ Хардисия принялъ въ свое завѣдываніе всѣ зданія, которыя воздвигались.

Евнухъ же Хархаръ занялся окончаніемъ канала, который долженъ былъ опоясать столицу широкимъ воднымъ объятіемъ.

Такъ же евнухъ Тиль-Бирсипъ занимался писаніемъ хроникъ и царскихъ указовъ.

Танцамъ и вообще всякимъ изящнымъ искусствамъ обучалъ евнухъ Нагиту.

Обученіемъ дѣвицъ, окружающихъ царицу, хорошимъ манерамъ и веденію хозяйства занялся евнухъ Хупапану.

Всѣхъ же скульпторовъ, живописцевъ и составителей гимновъ взялъ подъ свое исключительное покровительство евнухъ Анзали, который ввелъ хорошій стиль и необыкновенную умѣренность.

Евнухъ Мухезибъ принялся за составленіе законовъ, кото

вникали въ каждую подробность жизни, во всѣ занятія и намѣренія, осуществленные и даже неосуществившіяся.

Гекаль, городъ трутней и назойливыхъ шершней, превратился въ пчелиный улей, отличающійся великимъ ладомъ, ни въ чемъ не измѣняющимся, долженствующимъ существовать вѣка и тысячелѣтія.

Ладомъ и порядкомъ, которымъ держатся небеса и земля, котораго недоставало въ Гекаль при сластолюбивыхъ туртанахъ, кроваважидныхъ и весьма страстныхъ, и который наступилъ нынѣ, въ эпоху, названную позднѣйшими лѣтописцами разныхъ народовъ эпохою евнуховъ.

И вотъ, спустя нѣсколько лѣтъ, ладъ чисто внѣшній, становился также ладомъ и внутреннимъ.

Изъ рукъ и ногъ онъ переходилъ въ умы и души.

Воцарилась необычайная тупость.

Гекаль, прекрасный городъ, который дышалъ вѣчною весною, сталъ подобенъ преждевременно увядающей осени.

Каждый цвѣтокъ, нарисованный на стѣнѣ, былъ мертвый, каждый гимнъ, которымъ оглашались храмы, былъ очень торжественъ, но и очень скученъ.

Каждая хроника, которую молодое поколѣніе должно было читать въ школахъ, дѣйствовала, какъ превосходнѣйшее усыпительное средство.

Молодое поколѣніе въ этихъ школахъ заучивало гимны богамъ и богинямъ, написаннымъ евнухами.

Гимны эти были полны благочестія, но составлялись они безъ всякаго смысла, и такимъ образомъ блестящее краснорѣчіе гекальское начинало мало-по-малу исчезать.

Пѣсни, которыя наигрывались на разныхъ инструментахъ, были очень мудры, но въ нихъ уже не шумѣли вѣтры мѣсяца Нинибъ, не слышно въ нихъ было щебетанія птицъ, не струилось отъ нихъ благоуханіе, какъ это было раньше.

Священные танцы были очень пристойны, но тѣмъ не менѣе, и ицовщицы среди пляски не разъ зѣвали, а жрецы, въ прежнее время къ жадно посматривавшіе на танцующихъ, теперь только широко тращили свои воловьи глаза.

Въ пищу употреблялись вещи простыя, но ѣли очень много. Люди жирѣли и становились тучными.

Противъ этого и даже самъ туртанъ туртановъ не могъ найти никакого средства.

И дѣти стали рождаться какія-то особенныя.

Лбы у нихъ были необыкновенно низки, лица очень глуны, какъ будто они родились не отъ любви, а отъ скуки, или чего-нибудь вродѣ этого.

Въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ, когда дѣвушки уже обзаводятся мужьями, а мальчики вступаютъ въ брачный союзъ, ихъ никакимъ способомъ невозможно было обучить даже такимъ простымъ вѣщамъ, какъ лѣвый—правый, правый—лѣвый.

Дѣти становились молодыми людьми, молодые люди гражданами, и вотъ въ теченіе немногаго числа лѣтъ городъ жидкаго рубина обратился въ городъ тупости, твердой какъ сіенскій камень.

Даже предсказатели имѣли инструкціи, какъ смотрѣть въ будущее. И вотъ, предсказанія ихъ стали бессмысленны, насколько бессмысленно и однообразно равна небесная лазурь въ полуденный часъ.

Смотришь и ничего не говоришь. Осматриваешься кругомъ и ничего не замѣчаешь.

Струится только одинъ великій, непрекращающійся блескъ, ослѣпляющій глаза и не дающій ничего видѣть. Тотъ необычайный блескъ, какъ объясняли позднѣйшіе лѣтописцы, — блескъ эпохи евнуховъ.

Вокругъ росла и измѣняла свои формы жизнь. Гекаль оставался неизмѣннымъ.

Вокругъ являлись новыя условія жизни, а прежнія быстро исчезали. Гекаль ничего этого не замѣчалъ.

Ибо онъ любовался только самимъ собою и своимъ необыкновеннымъ ладомъ. А ладомъ этимъ и лучшимъ его нутромъ была незнаемая нигдѣ, незнаемая никому, незнаемая никогда ровная, правильная, безстрастная, скромная, приравненная къ пчелиному улью, эпоха евнуховъ.

Приравненная къ улью. Да. Улей, не заботящійся объ остальномъ мірѣ, строятъ свои ячейки, собираетъ медъ, но однако и тамъ летучія работницы развертываютъ свои прозрачныя крылышки, а иногда залетаютъ куда какъ далеко на цвѣты, за сладкимъ медомъ.

А здѣсь наступилъ разладъ между пчелами и цвѣтами.

Цвѣты не родили меда, а пчелы только лѣпили изъ добываемаго воска свои ячейки.

Медъ же изъ неизслѣдованныхъ источниковъ пчеламъ и цвѣтамъ доставляли евнухи.

И вотъ, когда порою къ такому улью подберется какой-нибудь медвѣдъ и заглянетъ въ него, то уже не сожретъ его, а только по-

валить навзрыд и истопчетъ, а потомъ пойдеть дальше, искать другой улей.

Зибя, замкнутая въ лѣвомъ крылѣ дворца, начала очень скучать.

А такъ какъ она уже привыкла къ скукѣ, то начала быстро старѣться.

А старѣясь, она почти по цѣлымъ днямъ спала, даже съ боку на бокъ не поворачиваясь.

У ея изголовья постоянно сидѣла Тамара съ неразлучной арфой въ рукѣ.

И лишь тогда, когда царица засыпала крѣпкимъ сномъ и начинала храпѣть, хабирская невольница, изъ священническаго рода, мысли свои, какъ птицы, выпускала въ пространства, которые ни одинъ туртанъ не ограждалъ стражемъ.

И вотъ тогда-то, случайно затронувъ струны, она впадала въ необыкновенную тоску.

Тихо, такъ какъ пальцы у нея были необычайно легкіе, она наигрывала Шир-га-Ширимъ великаго царя Шеломоха, и тоскливо напѣвала:

«Благоуханье мирры,
Лицо бѣлье манны.
Всѣхъ дѣвъ ты привлекаешь
Бъ себѣ, о мой желанный!
Шени свое велѣнье;
Шени ты мнѣ украдкой.
И обниму тебя я,
Принавъ въ истомѣ сладкой...»

«Понстинѣ прекрасна,
Свѣтла моя подруга.
Подай свою мнѣ руку,
Лицо открой для друга.
Изъ кедра, кипариса
Мой домъ передъ тобою.
Мое широко ложе—
Склонись къ нему главою...»

«Моя сіяеть ярко
И блещеть діадема;
Приди, о мой избранникъ,
Ты къ дочери Урь-Шалема!
Прекрасенъ другъ мой юный,

Какъ пляшущая серна,—
Приди скорѣй въ чертоги
Бъ своей подружѣ вѣрной»...

«Прижму тебя я къ груди,
Приди въ объятья брата,—
Твои прекрасны зубы,
Какъ бѣлые агната;
Сверкаетъ ожерелье,
Блеститъ на шеѣ бѣлой,—
Твои прекрасны перси,
Какъ плодъ гранаты спѣлой»...

«И ты благоухаешь
Струюю аромата,—
Я жду тебя съ расвѣтомъ,
Волненіемъ объята.
Твой носъ, какъ кедръ Ливана,
Какъ дубы, крѣпки ноги...
Приди, о, мой желанный,
Приди въ мои чертоги»...

Однажды Аія, проходя мимо, услышалъ это тихое, тоскливое пѣніе. Въ бѣшенствѣ онъ ворвался во дворецъ, вырвалъ арфу изъ рукъ Тамары, разбилъ ее въ мелкіе куски, а непослушную невольницу приказалъ отдать въ прачки.

Зибя въ время этого происшествія даже и не проснулась.

Въ пустыняхъ Шамъ среди кочевыхъ племенъ явился новый пророкъ.

Онъ провозглашалъ величіе и гнѣвъ бога Ягъ.

Богъ Ягъ раньше обиталъ въ Бабъ-Илѣ, но этотъ городъ опротивѣлъ ему, и онъ оставилъ его.

Ибо этотъ городъ былъ городомъ великаго несчастія. Богъ Ягъ ушелъ очень далеко и нынѣ обитаетъ на горѣ Сина.

А порою онъ нисходитъ въ долину Фаранъ и тамъ собираетъ многочисленныя войска.

Первый слуга его—Мессу. Туртанъ Мессу предводительствуетъ его войсками.

Войска эти неисчислимы. У нихъ бѣлыя крылья, но они ни въ чемъ не похожи на херувимовъ и различныхъ змій, потому что херувимы обладаютъ цвѣтными крыльями, а змій крыльевъ вовсе не имѣютъ.

Они были у нихъ когда-то. Но Ягъ обстригъ ихъ.

Ягъ водворить великій порядокъ въ мірѣ и собственно съ этою цѣлью собираетъ неисчислимыя войска.

Ягъ свершитъ свой судъ. Онъ унизитъ царей всей земли, а дворцы ихъ обратитъ въ развалины.

Ягъ заключилъ договоръ съ избраннымъ народомъ.

«Я обижу тѣхъ, которые обижаютъ тебя, уничтожу въ конецъ тѣхъ, которые уничтожаютъ тебя».

А какъ высшій богъ не вступаетъ въ союзъ ни съ какими иными богами, такъ и избранный народъ ни съ кѣмъ въ союзъ вступать не долженъ, чтобы не впасть въ грѣхъ.

Ягъ уже разослалъ черезъ Мессу своихъ вождей по всему свѣту и трубнымъ гласомъ возвѣщаетъ свои вѣдѣнія.

Изъ трубъ его посланниковъ исходитъ пронзительный звукъ. Гора трепещетъ въ своихъ основаніяхъ, а испуганныя рѣки текутъ вспять.

— Дрожите передъ Ягомъ! Повинуйтесь его словесамъ! Кто не послушаетъ, тотъ погибнетъ, кто пойдетъ противъ его воли, тотъ пропадетъ!

Такъ гласилъ этотъ пророкъ, и люди толпою внимали ему.

Пустыня начала волноваться. И какъ подъ дуновеніемъ вихря въ разныхъ мѣстахъ поднимаются тучи пыли, такъ волновались различные племена, мѣняли мѣста своихъ жилищъ, безпокойныя, ожидающія послѣдней минуты и не знающія, по чему ее можно было бы распознать.

Тогда поднимались огромныя тучи пыли, которыя на подобіе огромныхъ стѣнъ ходили взадъ и впередъ по пустынѣ, такъ что Саррукинъ въ Ниневіи, а въ Вавилонѣ Бель-Ибни выходили на свои островерхія башни изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, и спрашивали:

— Что бы это могло быть?

Тогда они высылали гонцовъ, но тѣ возвращались рѣдко. Пустыня обратилась въ какой-то кипящій котель. И что попадало въ этотъ котель, то погибало.

Но въ этомъ котлѣ влохотали различные элементы. Тамъ много было бѣглецовъ изъ Вавилона, Ниневіи, Гекала и другихъ городовъ.

Бѣглецы эти имѣли большое вліяніе и умѣли направлять умы по своему желанію. Среди нихъ въ особенности отличался одинъ очень знатный гекальскій бѣглець, котораго пророкъ, предвѣщающій гнѣвъ Яга, особенно выдѣлялъ изъ остальной толпы.

Имя его было Баль-Бить. Оно обѣгало все племена, какъ орелъ, на котораго обращается взоръ каждаго.

Вѣроятно, раньше онъ назывался иначе. Вѣроятно, онъ измѣнилъ свое имя потому, что оно обладало чудодѣйственной силой. Если его упомянуть передъ крѣпостью, то крѣпость падала въ прахъ, а если его произнести у границы какого-нибудь государства, то это государство становилось подвластнымъ произнесшему.

Такого имени не будешь называть напрасно, ибо оно или талисманъ, или великое сокровище.

Нужно его хранить въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока не придетъ послѣдняя минута. А когда придетъ эта послѣдняя минута, это лучше всего было извѣстно тому, кто служилъ хранилищемъ великаго сокровища.

Имя Баль-Бить, летя на крыльяхъ вѣсти, дошло и до Гекала. Аія, у котораго спрашивали, что обозначаетъ это имя, отвѣчалъ:

— Нынѣ имя это обозначаетъ тревогу. А завтра это будетъ пыль, которая пронеслась вдаль.

Однако Аія говорилъ невѣрно, ибо въ пустынѣ уже не разъ вставала пыль, которая заметала не одинъ городъ.

Пустыня, мать вѣчныхъ тайнъ, распростирала свои объятія далеко и широко. На ея необъятныхъ пространствахъ крылась свобода.

Мечъ вавилонскій, ниневійскій, гекальскій, мечъ Уру, Уруку, поражалъ ее не разъ, но онъ былъ слишкомъ коротокъ.

Въ Бабъ-Илъ, въ Ниневіи, Гекаль, Уру, Уруку, Эриду, Ларсѣ, Ниппурѣ правили боги извѣстные.

Но въ великой пустынѣ, которая называется Шамъ, правилъ богъ незнаемый.

По временамъ являлся какой-нибудь пророкъ и называлъ его Ягъ. А то появлялся другой пророкъ и называлъ его иначе. Но онъ не именемъ правилъ, а только духомъ, который былъ разлитъ въ пустынѣ.

Онъ правилъ при помощи багрянца, который при заходѣ солнца такъ зажигаетъ пески, что все кажется залитымъ кровью. Онъ правилъ при помощи огромныхъ столбовъ праха, которые возставали вдругъ и, крутятся на мѣстѣ, ходили по пустынѣ вдоль и поперекъ. Онъ правилъ при помощи тишины, которая въ лунную ночь такъ изощряетъ ухо, что пѣсни, распѣваемые надъ рѣкою Фратъ, слышны надъ рѣкою Тигръ и надъ рѣками Великій и Малый Зубъ.

Кто усомнился въ пользѣ своихъ дней, надъ водами Идиглата и въ стѣнахъ Звѣзды Гекала, кто затосковалъ по ничѣмъ неограниченной свободѣ, кому опротивѣло всяческое правленіе туртановъ, и кто

разъ хотъ только изъ садовъ, изъ-за окоповъ или стѣнъ углублялся взоромъ въ пустынную даль, того тянуло туда незнакомое доселѣ очарованіе, отгоняло сонъ съ рѣсницъ, сдавливало дыханіе, и вотъ, уловивъ подходящую минуту, тотъ обманывалъ стражу, прокрадывался черезъ ворота, калитки, мосты, плотины, или даже просто вплавь переправлялся черезъ коварныя воды Идиглата и бѣжалъ въ эту великую пустыню, молчаливую, въ этотъ хаосъ широко раскинувшейся матери, у которой, правда, были свои львы, шакалы и разбойники, но которая никому изъ нихъ не давала исключительной власти. Можно было, по крайней мѣрѣ, защищаться.

Верблюды на своихъ легкихъ стопахъ унесъ не одного въ страны, не управляемыя никакимъ владыкою. На быстролетномъ конѣ не одинъ ушелъ изъ города гнета и насилія.

Пустыня встрѣчала его однимъ привѣтомъ: помогай самому себѣ!

Управляйся какъ хочешь со львами, шакалами и разбойниками. Но когда ты сумѣешь сдѣлать это, будешь свободенъ.

Вотъ поэтому-то и мысль подъ войлокомъ кочевой палатки свободнѣе развивается, чѣмъ подъ рѣзнымъ потолкомъ Ашура или среди мусурскихъ колоннъ.

Здѣсь мысль была, какъ невольникъ, который освободился отъ оковъ, какъ птица, выпущенная изъ кѣтки, какъ вѣтеръ, который если ужъ разъ подуетъ вглубь пустыни, то не остановится.

Тамара, прогнанная отъ царицы, къ которой была очень привязана всею своею мыслью, жаждущей побѣга, обращалась къ пустынѣ.

И она твердо рѣшила: или уйти, или коротко покончить съ собою.

Ежедневно съ длинной процессіей прачекъ она ходила къ рѣкѣ съ кувшиномъ на головѣ. Такимъ образомъ, она изучила всѣ аллеи, всѣ проходы, всѣ заросли, въ особенности потому, что, плавая на царской галерѣ, она кромѣ того хорошо знала мѣстность, расположенную за рѣкою.

Къ побѣгу она готовилась очень осторожно. Набрала она себѣ сушеныхъ плодовъ, взяла запасъ хлѣба, а также глиняный кувшинчикъ небольшихъ размѣровъ.

И еще она сдѣлала вотъ что. Очень осторожно она украла у одной изъ музыкантъ небольшую ассирійскую арфу.

Безъ арфы она не пустилась бы въ пустыню.

Мужъ беретъ съ собою мечъ, дѣва арфу. То—оружіе мужа, а другое—оружіе дѣвы.

Ибо Тамара была дѣвственница, до которой никто не касался, потому что, хотя она жила въ самомъ развратнѣйшемъ городѣ, но

все время находилась возлѣ царицы, а потомъ, низвергнутая до положенія прачки, пользовалась всѣми удобствами эпохи евнуховъ.

Дѣва была Тамара, а дѣвство представлялось хабирской невольницѣ чѣмъ-то святымъ.

«Не дотрогивался до меня никто, не тронетъ и звѣрь лѣсной», — говорила она самой себѣ.

Она пройдетъ необъятныя пространства, переберется черезъ высочайшія горы, переплыветъ рѣки неизмѣримой глубины и всетаки дойдетъ до своего отечества.

Она дойдетъ до Уръ-Шалема.

Стояло новолуніе. Хабирскіе невольники вышли къ рѣкѣ и пѣли свои религиозныя гимны. Тамара почувствовала, какъ защемило у нея сердце, скрыла подъ одеждою арфу, кувшинчикъ, сушенныя овощи, хлѣбъ изъ царской кухни и вошла въ заросли.

Она внимательно прислушивалась. Всюду царила глубокая тишина. Въ эпоху евнуховъ ночи предназначались для сна. Только гдѣ-то въ густыхъ вѣтвяхъ заливалась птица аштореть.

Тамара вышла осторожно, миновала львовъ съ человѣческими лицами и быковъ съ человѣческими лицами. Потомъ она долго бѣжала по аллеямъ, вроясь отъ времени до времени въ тамарисы и внимательно прислушиваясь, не стукнетъ ли гдѣ-нибудь какая-нибудь сандалія.

Наконецъ, она дошла до рѣки. Вотъ она увидала уже пилонъ, черезъ который входили на мостъ.

Она выглянула изъ-за пальмы. Стража лежала на землѣ и храпѣла. Прокрадываясь, какъ пантера, она миновала ихъ, вступила на мостъ; словно тѣнь, проскользнула на другую сторону, гдѣ снова наткнулась на спящую стражу. Одинъ воинъ лежалъ такъ, что она принуждена была переступить черезъ него. Отъ волненія она сдѣлала это неосторожно, наступила ему на голень и сама упала.

Но стражникъ только гнѣвно повернулся, пробормоталъ что-то сквозь сонъ и опять захрапѣлъ.

Тамара, сдерживая дыханіе, прижимаясь къ землѣ, подождетъ нѣсколько минутъ, потомъ удостовѣрилась, что вокругъ попрежнему царятъ сонъ и молчаніе, и пустилась бѣжать къ ближайшему царскому лѣсу.

Она облегченно вздохнула. Теперь она была уже у дверей свободы.

По лѣсу она бѣжала быстро; чтобы какъ возможно дальше уйти отъ города и возможной погони.

Прошелъ часъ. Лѣсъ кончился. Потянулись поля и огороды.

растительность, однако, мало-по-малу становилась скуднѣй, скуднѣй, и вотъ начался сѣрый камень.

А дальше были только пески, пески и пески.

Сѣрые пески лежали теперь синіе, озаренные слабо искривленными рогомъ луны.

Тамара посмотрѣла на звѣзду Геди. Она знала, что по ней мореходы направляютъ свои корабли, а караваны свои пути.

А потомъ она окинула взоромъ отъ востока до заката пески и глубоко вздохнула.

И такъ она шла, шла, шла, какъ бы въ безконечность, не какъ по негостепримной пустынѣ, а какъ по садамъ своей возлюбленной отчизны.

Она чувствовала себя въ полной безопасности и ни о чемъ не заботилась. Ея мысль бѣжала передъ нею, опережала ее, летѣла все впередъ и впередъ.

Только около полуночи по ней пробѣжала легкая дрожь. Она обернулась разъ и другой.

Ей показалось, что она видитъ два какихъ-то слабыхъ огонька. И все парами, недалеко другъ отъ друга.

Она остановилась. Потомъ присѣла. Огоньки приближались и вѣнцомъ окружали ее.

Тамара достала арфу. Вдругъ послышался какой-то отрывистый лай.

Тогда она ударила рукой по струнамъ. А послѣ прелюдіи она начала пѣть.

Пѣніе ея звучало необыкновенно таинственно. Въ немъ слышалось веселье и смѣхъ, и полная беззаботность.

Вокругъ сдѣлалось почти ясно отъ огоньковъ, а на сторонѣ, противоположной лунѣ, виднѣлись отвратительныя морды шакаловъ, которые присѣли на заднія лапы, по временамъ нетерпѣливо повизгивали, желая напасть на живую добычу и вонзить въ нее свои зубы, но удерживаемые въ отдаленіи тѣмъ страхомъ, которымъ удерживается мощь человѣка безразсуднаго звѣря.

Тамара же, перебирая струны мягкими пальцами, пѣла:

«Съ разсвѣтомъ лучезарнымъ
Въ мой садъ благоуханный
Пришелъ ко мнѣ и обнялъ
Избранникъ мой желанный.
Ты всѣхъ прекраснѣй въ мірѣ,
Блестая красотой,

Приди ко мнѣ въ объятія,
Склонись на грудь главою!»

«Покинемъ пышный городъ,
Уйдемъ съ тобою въ поле,
И будемъ жить въ пустынь
Съ тобою, другъ, на волѣ.
Легки твои движенія,
Твои сіяютъ очи,
И яркимъ свѣтомъ блещутъ,
Какъ звѣзды полуночи».

. . . . .

Наконецъ, все заклокотало въ великой пустынь Шамъ, и племена начали собираться въ огромныя войска.

И какъ изъ котла брызжетъ пѣна вокругъ и льются потоки кипятка, обжигая неосторожныя руки, такъ и эти племена и народы обрушивались на города, грабили ихъ дотла, а потомъ жгли.

Ужъ пало нѣсколько вавилонскихъ городовъ, но Бель-Иблии имѣлъ зоркихъ стражей на своей восьмиэтажной башнѣ. Онъ самъ выступилъ во главѣ многочисленныхъ полчищъ и образовалъ изъ нихъ нѣчто вродѣ вала, о который разбивались волны разбушевавшагоси элемента.

Элементы эти по очереди ринулись на Ниневійскія владѣнія, но Саррукинъ такъ же бдительно наблюдалъ съ своей восьмиэтажной башни. И онъ также выставилъ войска, и также самъ на воинской колесницѣ двинулся впередъ, соорудивъ плотину противъ вражескаго нашествія, и ожидалъ успокоенія.

Ибо всѣ мудрые владыки знали, что этотъ безумствующій элементъ долженъ самъ выкипѣть, потому что движеніе совершается по волѣ Божіей.

Онъ выкипѣтъ, найдетъ себѣ для жилища новое мѣсто, сокрушитъ нѣсколько царствъ, нѣсколько городовъ обратитъ въ развалины и, наконецъ, создастъ то, что жрецы называютъ «новыми отношеніями».

Падутъ съ алтарей одни боги, и поставлены будутъ другіе, разсыплются во дворцахъ одни троны, и возстанутъ другіе. Зарѣзаны будутъ одни туртаны, а мѣсто ихъ займутъ другіе. И въ пустынь поизойдутъ какія-то перемѣны, никѣмъ не изслѣдованныя, никакому писаному закону не подчиняющіяся. Но все это вмѣстѣ дадутъ «новыя отношенія» — и великій котелъ снова на нѣкоторое время останется кипѣть.

И вотъ дѣло шло только объ одномъ: выдержать взрывъ на

уцѣлѣть среди замѣшательства. Во-время выставить плотину, твердый щитъ, стѣну изъ человѣческихъ грудей, изъ луковъ и мечей.

Великія государства легче могли устоять противъ приближающейся бури, но для малыхъ наступалъ послѣдній день.

Въ Гекалѣ царило великое безпокойство. Адаръ - Маликъ былъ уже совершенно безсиленъ, а о Зибеѣ почти забыли совсѣмъ. Старшій ихъ сынъ, Бинъ-Маликъ, котораго училъ изящнымъ манерамъ евнухъ Нагигу, былъ очень неразвѣтъ и на состязаніяхъ не могъ на колесницѣ держаться, какъ слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, все свалилось на голову туртана Айна, который каждый день восходилъ на среднихъ размѣровъ осьмистажную башню, устремлялъ взоръ вглубь пустыни и слѣдилъ за столбами дыма, которые поднимались въ отдаленіи на горизонтѣ.

И вотъ онъ созвалъ на великій совѣтъ всѣхъ евнуховъ-туртановъ. По разсмотрѣніи всего, было рѣшено, что опасность не особенно грозна, но всетаки часть войска нужно выслать и, слѣдуя примѣру Саррукина и Бель-Ибни, оказать противодѣйствіе бурѣ.

Но болѣе способные къ интригамъ, чѣмъ къ живому дѣлу, евнухи, погрязая въ морѣ кодификаціи новыхъ законовъ, издаваемыхъ на это исключительное время, запоздали рѣшительно со всѣмъ, такъ что волна, которая шла изъ пустыни, разлилась вокругъ Гекала и обложила городъ со всѣхъ сторонъ.

То не была уже дикая орда пустыни. Ею управляла чья-то опытная, твердая рука. Прежде, бывало, приблизившись къ городу, она принималась за штурмъ беспорядочно, безъ знанія военнаго дѣла, не имѣя никакого понятія, какъ берутся крѣпости. На нихъ сыпались стрѣлы, лились потоки кипятка, и вотъ штурмъ отъ крѣпкаго города бывалъ отбитъ.

Вторымъ способомъ бывала попытка сморить городъ голодомъ. Но города имѣли въ своихъ предѣлахъ значительныя пространства, которыя обыкновенно засѣвались хлѣбомъ. Запасы же хлѣба не исчерпывались отъ одного урожая до другого.

Третій способъ—измѣна. Правда, навьюченнаго золотомъ осла черезъ пилонъ моста дикая орда не посылала, потому что если бы и обладала золотомъ, то была настолько жадна, что не разсталась бы съ нимъ, какія бы выгоды ни сулило имъ будущее.

На этотъ разъ ни къ одному изъ этихъ средствъ не прибѣгали. Орда кочевниковъ имѣла не только руки, но и голову, которая управляла этими руками.

Не богъ ли Ягъ спустился съ горы Сина и покинулъ роскошную долину Фаранъ? Или, можетъ быть, Мессу, великій законодатель,

перешелъ громадное пространство и предсталъ во главѣ дѣтей пустыни?

Туча кочевниковъ, окруживши Гекаль со всѣхъ сторонъ, какъ будто бы не предпринимала никакихъ приготовленій къ штурму. Она только жгла костры, срубая пальмы и тамариксы и уничтожая великолѣпные сады.

Только при истокахъ рѣки замѣчалось необычайное движеніе. Ая съ высоты башни внимательно слѣдилъ за этимъ подозрительнымъ движеніемъ. Онъ призывалъ также Зеeba, чтобы и онъ смотрѣлъ, такъ какъ самъ Ая имѣлъ взоръ уже до нѣкоторой степени притупленный.

И только черезъ нѣсколько дней они убѣдились въ томъ, что происходитъ.

Неисчислимая толпа кочевниковъ на протяженіи цѣлой мили копала новый каналъ, чтобы отвести въ него воды рѣки Идиглатъ и такимъ образомъ лишить городъ воды.

Ая содрогнулся. И Зеebъ также началъ дрожать. Призвали на совѣщаніе всѣхъ внуховъ.

Первымъ прибылъ внучъ Билампахъ, изслѣдующій пути звѣздъ. Вторымъ прибылъ внучъ Хардиспи, завѣдующій всѣми сооруженіями. Третьимъ прибылъ внучъ Хархаръ, который занимался работами у каналовъ. И этотъ въ данную минуту былъ самымъ необходимымъ въ совѣтъ. Четвертымъ прибылъ внучъ Гиль-Башибъ, главный лѣтописецъ. Пятымъ прибылъ внучъ Вить-Якинъ, управляющій хорами и всякой музыкой. Шестымъ прибылъ Хупапану, обучающій хорошимъ манерамъ и гладкости слога. Седьмымъ прибылъ внучъ Мухезибъ, составляющій законы, которые однако въ настоящую минуту не имѣли никакого значенія, потому что времена закона миновали и наступили времена силы.

Гекаль, городъ великаго, никогда неизмѣняющагося, вѣка и тысячелѣтія долженствующаго существовать лада и порядка, — смотри, что дѣется!

На совѣщаніе прибылъ также Бенъ-Маликъ. Онъ сѣлъ на золотое кресло и смотрѣлъ въ лицо каждому туртану, когда тотъ говорилъ, а когда умолкалъ, то вертѣлъ только пальцами, а по временамъ даже и зѣвалъ.

Было постановлено, что въ слѣдующую ночь войска сдѣлаютъ неожиданную вылазку на толпы, занимающіяся прорытіемъ новаго канала, разобьютъ ихъ на-голову и возвратятся въ городъ. На кочевниковъ несомнѣнно нападетъ замѣшательство. А потомъ, — деть видно.

Но однако какое-то измѣническое ухо ловило всё намѣренія и выносило ихъ за стѣны. И вотъ, въ слѣдующую ночь гекальское войско во время вылазки само попало въ засаду и понесло огромное поражение.

Такая же точно вылазка, предпринятая еще какою-то ночью, имѣла такія же послѣдствія.

Айя задумался. Онъ чужлъ измѣну и умѣлъ найти ее тамъ, гдѣ она естественно должна была зародиться.

Онъ обратилъ вниманіе на хабирскихъ невольниковъ. Онъ приказалъ учинить за ними особенно бдительный надзоръ, а тѣхъ изъ нихъ, которые считались наиболѣе вліятельными, приказалъ посадить на колъ.

Но бѣду это ничуть не отвращало. Въ одну ночь къ туртапу туртановъ вторгнулась стража и заявила ему, что среди хабирскихъ невольниковъ—явный бунтъ.

Айя схватилъ мечъ и бѣшено кинулся во главѣ воиновъ, чтобы, какъ онъ пожелалъ самому себѣ, искоренить это гнусное племя.

Но коротокъ былъ разумъ евнуха. Вдругъ съ другой стороны города вспыхнуло огромное зарево, и раздался ужасающій шумъ.

Хабирскій бунтъ былъ только хитростью, долженствующею отвлечь вниманіе осажденныхъ въ другую сторону. Неизвѣстный вождь рати пустыни одновременно предпринялъ штурмъ города съ противоположной стороны, и вскорѣ взбѣшенный человѣческій элементъ залилъ Гекаль, словно влокающий потокъ.

Онъ ворвался въ него черезъ узкій проломъ, но при этомъ все шире и шире разрушалъ стѣны, продѣлывая для себя все большее и большее русло.

То была словно огненная рѣка, которая зажигаетъ все, до чего не коснется.

Дочь Гекала! Вотъ наступилъ твой послѣдній день! Воды рѣки Идиглатъ, въ зеркаль вашихъ водъ уже не будетъ смотрѣться прекрасная дочь Гекала!

Но во главѣ этого огненного потока, этого воспламененнаго человѣческаго элемента мчался ураганъ, который во всякомъ случаѣ и держивался какого-нибудь порядка.

И вотъ отдѣлъ на колесницахъ вокругъ царскаго дворца раставилъ сильную стражу, наконецъ, какъ будто хорошо зная расположеніе города, направился прямо къ туртанею Айи.

Туртанъ туртановъ въ это время сражался на другомъ концѣ города, но, пораженный въ грудь брошеннымъ камнемъ, упалъ. Суги посадили его въ колесницу и отвезли въ туртаней.

И прибыли-то они именно тогда, когда всю власть захватилъ иной туртанъ, сидѣлъ на туртановомъ сѣдалищѣ и держалъ въ рукахъ обнаженный мечъ.

Айю извлекли изъ колесницы и представили предъ нимъ.

Айя, дрожащій, испуганный и страдающій, посмотрѣлъ на него, и изъ его усть вырвался едва слышный крикъ:

— Оребъ!...

— Да, я Оребъ! Въ тотъ день, когда будетъ произнесено мое имя, долженъ пасть городъ, на который я посмотрю.

И, обращаясь къ своимъ воинамъ, онъ крикнулъ:

— Веревку ему на шею и постоянно держать его поблизости.

А теперь—на колесницы и въ царскій дворецъ.

Спустя минуту, быстрые кони уже мчали ихъ. Оребъ осмотрѣлся вокругъ. Зарево распространялось все дальше и дальше. Городъ весь оглашался трескомъ огня, людскимъ крикомъ и звукомъ оружія. На лицѣ туртана промелькнула дикая радость, но онъ недолго предавался ей. Онъ мечталъ о другой радости.

Къ царскому дворцу его влекла непреодолимая сила. Онъ летѣлъ, какъ на крыльяхъ вихря. Онъ прежде всего жаждалъ увидать Зибею, обнять ее, назвать своею супругою.

О старомъ Адаръ-Маликѣ онъ совершенно не заботился, сынъ его, Бинъ-Маликъ, совершенно не интересовалъ его.

Онъ жаждалъ Зибеи. Только о ней онъ не могъ забыть.

Одна ночь, полная очарованія, словами неопишуемаго восторга и ласки, направила всю его жизнь по новой дорогѣ.

Постоянно въ своихъ мысляхъ онъ видѣлъ ее всегда одною и тою же, со страстно-разгорѣвшимися щеками, трепещущую въ его объятіяхъ.

И вотъ, какъ тогда, когда бѣшеною ѣздою подъ водами Идиглата онъ спасъ свою жизнь, схвативъ вожжи и оттолкнувъ возницу, такъ и теперь онъ взялъ вожжи, гаркнулъ на коней и во главѣ длиннаго ряда колесницъ, словно вихрь пустыни, ворвался на дворцовый дворъ, ко львамъ и сфинксамъ.

Хабирскій измѣнникъ уже раньше сообщилъ ему, что нужно направиться къ лѣвому крылу. Съ толпой воиновъ Оребъ вошелъ въ сѣни и миновалъ одну за другой комнаты, гдѣ испуганная прислуга запряталась въ самые отдаленные углы. Онъ бѣжалъ все дальше и дальше, и наконецъ, вступилъ въ опочивальню царицы.

Она безъ движенія лежала на ложѣ.

Оребъ далъ знакъ воинамъ, чтобы они держали себя тихо, потому подошелъ къ ложу и шепнулъ:

— Зибей!

Но Зибей не пошевелинулась.

Тогда онъ сказалъ нѣсколько громче:

— Царица!

Ему отвѣчало только легкое всхрапываніе.

Тогда онъ простеръ твердую воинскую руку и положилъ къ ней на грудь. Зибей и не двинулась.

— Зибей, любовь моя! Зибей, сонъ моихъ ночей и тревога дней моихъ! Зибей, для тебя я отважился на все. Я подарю тебѣ царство большее, чѣмъ Вавилонъ и Ниневія. Я сдѣлаю тебя владычицей надъ всѣми странами. Я дамъ тебѣ царство-царствъ, и ты будешь владычицей владычиць.

Тогда Зибей двинулась въ первый разъ, переверотилась на другой бокъ, лицомъ къ Оребу, всхрапнула сильнѣй и опять заснула.

— Огня!—крикнулъ Оребъ, уже разозленный.

Тотчасъ же принесли зажженный факель.

При свѣтѣ его Оребъ посмотрѣлъ на возлюбленную.

Посмотрѣлъ—и остолбенѣлъ. Да, это она. Навѣрное она. Но какому же ужасающимъ образомъ она измѣнилась!

Расплывшееся лицо, носъ отвисшій, какъ губа верблюда, брови до половины выгъзшія. Вся она, покоясь на ложѣ, походила скорѣе на какой-нибудь толстый обрубокъ, чѣмъ на воздушную, гибкую, съ такою силою привлекающую къ себѣ Зибею...

Любовь съ быстротою молніи переходитъ въ ненависть и отвращеніе. Оребъ, влокоча бѣшенствомъ, толкнулъ ногою ложе царицы, которая только теперь, потрясенная рѣзкимъ движеніемъ, пробудилась и оглутившими отъ сна глазами оглянулась вокругъ. Она стала на колѣни на ложѣ, схватилась за бокъ, разинула ротъ во всю ширину, зѣвнула и, снова упавши на ложе, тотчасъ же заснула.

Оребъ крикнулъ:

— Айю тотчасъ же привести сюда!

Блѣднаго и дрожащаго евнуха тотчасъ же поставили передъ Оребомъ, и съ адской усмѣшкой Оребъ промолвилъ:

— За то, что ты такъ хорошо стерегъ ее для меня, чтобы ее не встрѣтила какая-нибудь обида, въ награду дамъ ее тебѣ въ жены. И ложе я придумалъ для васъ самое мягкое.

Тутъ, обращаясь къ своимъ сановникамъ, онъ добавилъ:

— Связать ихъ лицомъ къ лицу и бросить въ воды Идиглата!

Съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ дворца.

Но и самъ онъ былъ, какъ отуманенный.

Въ немъ происходили перемѣны, съ которыми онъ никакъ не

могъ справиться. Всѣ чувства, которыя онъ когда-то собралъ въ своей головѣ, вырабатывая планъ взятія Гекала, теперь развѣялись, какъ предутренній туманъ, разорванный дуновениемъ вѣтра.

Кто бы ни обращался къ нему за приказанія, получалъ одинаковый отвѣтъ:

— Уничтожать, уничтожать все!

Или:

— Чтобы слѣду не осталось!

И наконецъ:

— Все, что есть вокругъ—ваше! Берите и наслаждайтесь!

И вотъ въ этотъ день побѣды ни одинъ вождь не былъ такъ популяренъ, какъ Орехъ среди воинскихъ полковъ и беспорядочной толпы кочевниковъ.

Дочь Гекала! Такой мелодіи еще не слыхали твои уши, какъ въ эту ночь.

Такіе хоры еще не оглашали твои разукрашенныя стѣны.

И такой музыки не знала ты.

Ибо трескомъ огня была музыка этой ночи, ибо хоры убиваемыхъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей слагались въ эту пѣсню, а единственной мелодіей, которая изъ всего этого возносилась къ небу, звѣздами усѣянному, былъ могучій столбъ чернаго дыма.

Видишь ли ты издали развалины Гекала на пепельномъ фонѣ пустыни? Слышишь ли ты крики, доносящіеся оттуда! Доходятъ ли до тебя радостныя пѣсни?

Это освободившіеся изъ втораго плѣненія пользуются своею свободою. Сокрушены ихъ узы, и мощь ихъ владыкъ стерта съ лица земли.

Ихъ уже снова прижала къ своей груди мать-пустыня. Они пойдутъ по ея тропинкамъ и идти будутъ долго.

Начнется возвращеніе въ отчизну и продолжаться будетъ много лѣтъ. Можетъ быть, цѣлое поколѣніе, а можетъ быть и два?

Хабирскихъ людей охватило упоеніе. Они кружились въ счастливой пляскѣ и пѣли свободныя пѣсни.

Иногда казалось, что люди эти въ безуміи взаимно уничтожаютъ другъ друга. Каждый проявлялъ свою радость на свой ладъ. Каждый на свой ладъ отдается своему счастью.

Опьяненные свободой скачутъ, обнимаютъ другъ друга и оглашаютъ воздухъ неистовыми криками. Вдругъ кто-то обратилъ вниманіе на одного старца съ сѣдою бородою, почти синеватою.

Все больше и больше людей обращали вниманіе на старца. Все больше и больше людей скоплялось вокругъ него.

Старець былъ точно осіянь вдохновеніемъ. Онъ воздѣлъ руки вверху, до высоты висковъ, и пальцы, начиная съ мизинца, сложилъ парами, при чемъ только большой держалъ особо.

Вдругъ всѣ остальные сдѣлали то же самое. Старець же началъ благодарственный гимнъ. И вдругъ этотъ псаломъ полнымъ хоромъ загремѣлъ изъ груди всѣхъ кочевниковъ:

«Ты небо распростеръ шатромъ лазурнымъ,
Ты облака по немъ пустилъ, какъ дымъ,
Ты восишься съ порывомъ вихря бурнымъ,
На помощь скоръ избранныкамъ своимъ.

Моря послушны Господа велѣнью,
Ему хвалы поютъ вершины горъ,—
Ты нынѣ намъ явилъ благоволенье
И снялъ Ты съ насъ плѣненія позоръ.

Благословенна будь Твоя десница!
Врага Ты въ прахъ низвергнуть восхотѣлъ;
Тобю зла положена граница
И всякому нечестію предѣлъ.

Ты въ полчище соединилъ насъ снова
И одарилъ елеемъ и виномъ,
И вотъ къ Тебѣ летитъ молитвы слово:
Предъ Господомъ падемъ во прахъ челою!

Преградю, какъ западъ отъ востока,
Ты отъ грѣха насъ мудро отдѣлилъ,—
Склоняясь въ бездны скверны и порока,
Мы вѣрили Тебѣ, и Ты простилъ.

О, Ягъ! Ты видѣлъ наше сокрушенье,
Мы падали, волнуясь и грѣша,
И нынѣ громко шлемъ Тебѣ моленье,—
Да Господа моя благословить душа!...»

. . . . .

Протекли года, и вѣка слегли въ свои могилы. Вѣтры, ходящія по и 'стынямъ, воздымали тучи песку, въ иныхъ мѣстахъ образуя долины, а на другихъ воздыгая холмы.

Все измѣняется, кромѣ звѣзднаго неба и окружающаго земли. Да и для тѣхъ придетъ часъ переменъ. И кто направлялъ свой путь по и бу, тотъ можетъ сегодня и заблудиться.

Царства рождаются и царства умирают. Народы восстают на свои троны, а потомъ налагаютъ на себя оковы, чтобы влечить невольническую жизнь.

Города вырастаютъ изъ пустыни и въ пустыню же обращаются. Дабы была соблюдена единая правда, чтобы все подвергалось вѣчной переменѣ.

А, можетъ быть, точно такъ же измѣнится окружающее земли? Можетъ быть, и звѣздное небо такому же общему закону подчинено?

Можетъ быть, когда-нибудь угаснетъ звѣзда Маззоретъ и звѣзда Дилъбатъ упадетъ со своего основанія?

Кто рѣшитъ это, тотъ будетъ знать многое. Какъ же однако намъ отгадывать будущее, коль скоро на прошедшемъ лежитъ столько савановъ?

Боль скоро мы знаемъ только одно, да и то не особенно точно: что сегодня-то совершается?

И кажется намъ, что какъ сегодня есть, такъ было и вчера и позавчера. Что такъ же будетъ завтра и послѣзавтра. Но настанетъ необыкновенный день.

Путникъ! Смотри, вотъ былъ могущественный городъ Гекаль. Онъ точно такъ же имѣлъ стѣны и укрѣпленія изъ эмальированныхъ кирпичей, сплошь голубыхъ, по которымъ ходили золотые львы, вои и антилопы.

И вотъ, тамъ цвѣли розы и вино лилось тамъ. Пѣсни раздавались и звучали струны инструментовъ.

Прежде всего пришли люди и вырѣзали жителей города.

Потомъ пришли вѣтры пустыни и песками своими затмили блескъ эмальированныхъ кирпичей и золото воловъ, львовъ и антилопъ.

А потомъ слетѣлись птицы и основали тамъ свои гнѣзда.

А потомъ мхи и травы разрослись такъ, что туда цѣлыми стадами начали стекаться газели, чтобы пастись на великихъ развалинахъ.

Вслѣдъ за газелями пришелъ дикій звѣрь, чтобы съ большимъ удобствомъ совершать свои охоты, среди домовъ и улицъ, какъ среди горъ и ущелій.

И вотъ, рядомъ съ помянутой на стѣнѣ антилопой по улицѣ гонится антилопа живая. И вотъ, рядомъ со львомъ, неподвижнымъ на своей стѣнѣ, выжидаетъ на улицѣ добычи левъ, охотящійся на антилопу.

Порою онъ взглянетъ на своего брата, на поблекшей, помянутой стѣнѣ, разверзнетъ пасть, покажетъ грозные клыки, но видѣ,

что тотъ не двигается и не мѣшаетъ ему, идетъ дальше по пути къ своей цѣли.

И сбылось то, что сказано: львы ходятъ по улицамъ Гекалал!

Дочь Гекалал! Ты была столицей необычайнаго наслажденія. Ты была городомъ евнуховъ, а теперь стала городомъ птицъ небесныхъ и лѣснаго звѣря.

Дабы сбылось то, что пѣлъ и вѣщалъ своему народу Премудрый царь Шеломохъ:

«Возставъ изъ праха, въ прахъ ты обратишься;
Землей рожденный, все къ землѣ стремишься;
Пусть мудрости твоей предѣловъ нѣтъ,—
— Знай,—все тщета, все—суета суеть!

И также знай, что съ глупымъ въ столкновенъи
Мудрецъ одержитъ верхъ въ одно мгновенье.
Чтобъ радостью ты былъ пресыщенъ всякой,—
Не дохлымъ будь царемъ,—живой собакой!

Такъ въ счастьи блуждай по жизни полю;
Тоску глущамъ ты предоставь на долю,—
Да не мрачить твой путь ея печальный слѣдъ,
И помни навсегда: все—суета суеть!...»

Перевелъ В. Л.

О с е н ь ю.

I.

Испугано сердце твоей красотю,
Рѣдѣющій, гибнущій, призрачный лѣсъ.
Обвѣянь улыбкой вершинъ золотою
Просторъ поблѣднѣвшихъ высокихъ небесъ.

Уходить все дальше, уходить все выше
Въ нѣмую, пустынную, чистую даль...
А здѣсь, на землѣ, все прекраснѣй и тише
О жизни, о снѣ улетѣвшемъ печаль.

На тихой полянѣ просторно и гладко,
Въ березовой чащѣ такъ странно свѣтло,
И таинство смерти такъ жутко и сладко,
Такъ близко къ душѣ подошло.

II.

Сѣдая изморозь ложится на траву.
Такъ холодно въ лѣсу, такъ тихо по утрамъ,
И такъ не вѣрится, что было наяву
Весеннее тепло, цвѣты и птичій гамъ.

Хоть неба синяго безсмертная весна
На смѣну дней земныхъ съ улыбкою глядитъ,—
Лѣсная чаща ей не вѣрится—и грустна,
Вся обнаженная, застывшая, молчить.

И только мертвый листъ, сорвавшись съ высоты,
 Порою шепчется съ кустарникомъ сухимъ:
 «Быть можетъ, вѣченъ мѣръ—но гдѣ же я и ты?
 Быть можетъ, вѣченъ мѣръ—но мы прошли, какъ дымъ».

 III.

Горы ясныя, нагія,
 Какъ безумно хороши
 Вы, прообразы нѣмые
 Къ небу рвущейся души...

Сколько думы величавой
 Въ гордомъ обликѣ вершинъ,
 Подъ немеркнущею славой
 Снѣжныхъ, царственныхъ сѣдинъ.

Сколько гнѣвнаго стремленья
 Отъ земныхъ равнинъ уйти,
 Отъ былого свидѣнья
 Отъ пройденнаго пути.

И какой хаосъ могучій
 Камней, сверженныхъ съ высотъ,
 Грозно съ облакомъ летучимъ
 Тихій заговоръ ведетъ.

 IV.

Упала ночь горячей тѣнью...
 Еще мѣстами небосклонъ
 Кровавой розой и сиренью
 Сквозь сумракъ тучи напоенъ.

Но все властнѣй, все горячѣе
 Объемлетъ жаждущая тьма
 Садовъ роскошныя аллея,
 Селеній скудные дома.

Уже крыломъ ея одѣты
 Престолы грозные вершинъ—

На дальней башнѣ минарета
Сзываетъ вѣрныхъ муэдзинъ.

И голосъ дикій и унылый
Средь виноградниковъ простыхъ
Звучить увѣренною силой
Изъ глубины вѣковъ сѣдыхъ—

И сердце, полное тревогой,
Ему внимаетъ и груститъ—
Что нѣту Бога, кромѣ Бога,
Что Богъ далекъ, что Онъ молчитъ...

В. Малахѣва-Мировичъ.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ *).

Сигурда (Хейденшерна.)

(Съ шведскаго.)

VII.

«Неблагодарное сердце».

Стояло ясное, холодное декабрьское утро. Въ спальнѣ Гудмундсоновъ въ ихъ домѣ въ Нольчѣпингѣ царилъ полумракъ. Солнце взошло только около десяти часовъ и, какъ бы сознавая, что ему недолго остается пробыть на небѣ, оно старалось всѣми силами проникнуть своими лучами съвозъ спущенныя жалюзи, чтобы заглянуть въ лицо фру Эвы, которая лежала въ постели, немного блѣдная, но съ печатью здоровья и силы на лицѣ, чего никогда не было, пока она была дѣвушкой. Теперь она была красивой женщиной въ полномъ расцвѣтѣ, и красота ея была тонкая и одухотворенная, хотя она и казалась утомленной. Какъ ни избито это сравненіе, но я скажу все-таки, что она походила на мадонну. А дитя, необыкновенной красоты, несмотря на красное личико, что неизбежно въ первые дни нашего бременнаго существованія на землѣ, покоилось у ея груди.

Это дитя своимъ страннымъ бессознательнымъ взоромъ и своими крошечными, мягкими ручками растворило настѣжь, какъ порывомъ вихря, тѣ двери въ сердце Эвы, которыя до сихъ поръ никогда не растворялись. Оно научило свою мать любить съ самоотреченіемъ и обстаніемъ, всепоглощающей любовью, предметомъ которой никогда не ѡбываютъ дѣти родителей, представляющихъ собою душою и сердцемъ одно цѣлое.

По смежнымъ со спальней Эвы комнатамъ, обставленнымъ довольно комфортно для скромнаго провинціального городка, ходилъ все тѣ и впередъ коммерсантъ Гудмундсонъ. Онъ ходилъ въ своемъ

* Русская Мысль, кн. I, 1908 г.

собственною доми́ среди бѣлаго дня на щипочкахъ, какъ воръ, чтобы не помѣшать утреннему сну Эвы, и при этомъ онъ натыкался на мебель, производилъ беспорядокъ въ нарядной гостиной и съ испугомъ шепталъ: «Ай, ай, ай!»; но онъ весь сиялъ отъ счастья.

Однако Эва не спала и уже больше часа лежала съ открытыми глазами; и каждый разъ, когда она слышала приближающіеся шаги мужа, она задерживала дыханіе, а когда шаги удалялись, она съ облегченіемъ вздыхала.

Какъ странно все сложилось! Его несомнѣнная преданность, щедрость, хорошій домъ,—все это въ короткое время до свадьбы и въ первое время послѣ свадьбы приблизило ее къ нему; но потомъ, все то новое, что она увидала въ жизни, все то, что расширяло ея умственный кругозоръ, становилось между нею и ея мужемъ и покрывало броней ея сердце, которое никогда ему не принадлежало.

Бывали моменты, когда она инстинктивно чувствовала, что если бы они поселились въ деревнѣ, въ ея тихомъ родномъ углу, и она никогда не видала бы его въ другой обстановкѣ, а широкій свѣтъ никогда не заглядывалъ бы къ нимъ иначе, какъ въ видѣ рѣдкихъ газетъ или двухъ, трехъ книгъ въ годъ,—*тогда*, быть можетъ! тогда она сроднилась бы съ нимъ, или срослась бы, какъ черенокъ хорошей яблони, привитый къ дикой. Но здѣсь это было невозможно.

Господи, никто не говоритъ, что Нольчѣпингъ представлялъ изъ себя всесвѣтную столицу, источникъ культуры и просвѣщенія. Жена ратмана, пріѣхавшая изъ Гельсингборга, увѣряла даже, что Нольчѣпингъ—«медвѣжій уголъ». Но и въ этомъ городкѣ всетаки существовала общественная жизнь, и социальный уровень былъ значительно выше, нежели въ Бнютарюдѣ. Тамъ былъ театръ, давались концерты, тамъ были люди съ такъ называемымъ «образованіемъ», тамъ существовали музыкальное общество, литературный кружокъ и даже книжный магазинъ; правда, хозяинъ послѣдняго раньше имѣлъ мануфактурную торговлю, но онъ былъ ловкій человекъ и увлекалъ публику тѣмъ, что разсылалъ новыя книги для предварительнаго просмотра, прося «снисходительнаго вниманія».

Душа Эвы жаждала свѣта, и она набросилась съ пыломъ наивнаго ребенка на интеллектуальную пищу безъ всякаго разбора. Но,—увы!—въ дѣтскіе годы ея образованіе было такъ запущено, она такъ отстала отъ всего, что она ясно чувствовала, что ни ея душа, ни ея умъ никогда не перешагнутъ за предѣлы того круга, въ которомъ она жила.

Однако, чѣмъ болѣе она входила въ новую жизнь, тѣмъ яснѣе она видѣла недостатки того человека, работа котораго доставляла ей

домашній комфортъ и свободное время, которое позволяло ей заниматься тѣмъ, чѣмъ она хотѣла и что ей доставляло удовольствіе.

Онъ наполнилъ ихъ домъ гостями, которые вызывали въ ней сравненія, и эти сравненія были всегда не въ его пользу, а иногда Эва даже стыдилась за него. Его же деньги наполнили ихъ домъ книгами, которыя развивали ее и еще больше увеличивали пропасть между ними.

Однако ея благоразуміе и сознание долга не измѣнили ей въ этой мучительной борьбѣ. Она слишкомъ ясно сознавала, какъ жестоко и несправедливо было, что именно та жизнь, которую создала его успѣшная работа, именно та свобода, которую онъ ей давалъ заниматься чѣмъ она хочетъ, воздвигали все выше день ото дня стѣну между ними.

Если бы они вѣстѣ бокъ-о-бокъ боролись изъ-за куска хлѣба, за прилавкомъ въ маленькой лавочкѣ на задней улицѣ, и ей некогда было бы думать ни о чемъ другомъ, кромѣ общей работы, въ которой онъ занималъ бы первенствующее мѣсто, то, быть можетъ, они сжились бы, и она принуждена была бы смотрѣть на него съ уваженіемъ.

Но она развивалась въ своемъ направленіи, и онъ не могъ понимать ее, а на побѣды выдающагося дѣльца, какимъ онъ былъ, она смотрѣла только какъ на средство наживы, и это еще больше раздѣляло ихъ.

Свое сердце она не могла насиловать; но она употребила всю свою силу воли, чтобы при помощи вниманія и ласки скрыть истинное состояніе своего сердца.

Вотъ почему она чувствовала себя хорошо, пока его шаги раздавались за стѣнами ея комнаты; вотъ почему, когда онъ вошелъ къ ней, она протянула къ нему руки и ласково сказала: «Здравствуй!»

— Ну, Эва, сегодня послѣ обѣда мы его будемъ крестить! Какъ хочешь ты его назвать?

Бунацъ Гудмундсонъ приобрѣлъ болѣе почтенный видъ. Платье его уже не имѣло больше такого невыносимаго новаго и наряднаго вида, и онъ теперь осторожнѣе обращался съ иностранными словами.

Счастливый и сіяющій, онъ усѣлся на краю ея кровати и, взявъ ея руку, сталъ любоваться съ видомъ опытнаго дѣльца на драгоценный перстень и на бѣлизну руки, которая не знала теперь работы.

— Ну что же? Быстро и глупо, какъ говорить Берггрень, когда мы играемъ въ винтъ.

Она чувствовала себя утомленной и вялой. Когда она ожидала ма-

лютку, то она усердно выбирала имя между именами своих любимых писателей и между именами их главных героев и героинь. А въ этотъ короткій промежутокъ времени между великимъ событіемъ и крестинами она въ бессонныя ночи лежала и шептала эти имена, какъ бы для пробы.

Но теперь на нее напало вдругъ полное равнодушіе.

— Я хотѣла бы, чтобы его назвали, какъ тебя, — сказала она ласково похлопывая его по рукамъ.

— Нда... нда, — сказалъ онъ самодовольно, — Торстенъ имя хорошее, но назвать такъ намъ его нельзя. Это непрактично, чтобы двое въ одной семьѣ носили одно и то же имя. Какъ назвать намъ его еще? Ты должна рѣшать, вѣдь ты страдала за него!

Послѣднюю фразу Гудмундсонъ вычиталъ недѣлю тому назадъ въ какой-то книгѣ и запомнилъ, чтобы ею импонировать Эвъ.

Въ концѣ-концовъ было рѣшено назвать мальчика именами обоихъ дѣдовъ. Послѣ обѣда новорожденного крестили въ гостиной и дали ему имя Карлъ-Арвидъ-Торстенъ.

Эва стояла въ спальнѣ за полуоткрытой дверью и слушала, какъ ей сыну давали имя. По обычаю того времени ей нельзя было присутствовать на крестинахъ, такъ какъ ей не была еще дана молитва. За исключеніемъ тетушки, никто изъ гостей не видалъ ея, хотя она была очень нарядна въ своемъ лучшемъ черномъ шелковомъ платьѣ.

Понемногу она снова начала появляться въ свѣтѣ. «Это старая истина, что послѣ перваго ребенка женщина хорошеетъ», говорили жители Нольчѣпинга. И они были правы. Въ большихъ, темныхъ глазахъ Эвы появилось выраженіе безпредѣльной нѣжности, котораго раньше въ нихъ не было. Она держала свою голову выше, и казалось даже, будто она выросла. Ее преобразила любовь къ своему ребенку, любовь, которая никогда не покидаетъ материнскаго сердца, пока оно бьется; эта любовь потому еще такъ переродила все существо Эвы, что она была въ то же время и *первой* ея любовью.

Гудмундсонъ исполнилъ свой долгъ по отношенію къ сыну, какъ и по отношенію къ матери. Онъ вложилъ на имя сына капиталъ, проценты съ котораго должны были выплачиваться Карлу-Арвиду-Торстену съ двадцатилѣтняго возраста; потомъ онъ вложилъ еще маленькій капиталъ, который долженъ былъ наростать до тѣхъ поръ, пока его сыну не исполнится 50 лѣтъ; во всемъ остальномъ предоставлялось распоряжаться матери.

Но исполняла ли также и Эва свой долгъ? Да, она исполняла его, горько скорбя о своемъ неблагодарномъ сердцѣ; во всѣхъ своихъ вѣшнихъ проявленіяхъ, въ словахъ и дѣйствіяхъ она исполняла

свой долгъ подъ давленіемъ всей своей силы воли, но на этомъ все и кончалось. Она надѣялась, что мужъ ея въ счастливомъ невѣдѣніи съ завязанными глазами пройдетъ черезъ всю жизнь. Вѣдь она не давала никому другому того, чего она не могла дать ему.

И все шло хорошо, по крайней мѣрѣ, какъ ей это долго казалось; внѣшнее счастье не покидало ихъ дома, а съ нимъ вмѣстѣ, какъ это всегда бываетъ, на ихъ долю выпадало и уваженіе общества. Гудмундсонъ былъ, пожалуй, слишкомъ прозаиченъ для того, чтобы придавать много значенія своему предсѣдательству въ городской управѣ и ордену Вазы, котораго онъ удостоился необыкновенно рано. Гораздо болѣе онъ цѣнилъ свою должность представителя общества купцовъ, которая ему давала хорошіе побочные доходы и другія преимущества. Такъ, на примѣръ, директорство въ самомъ большомъ городскомъ банкѣ давало ему громадную власть въ средѣ капиталистовъ.

О, какъ онъ наслаждался при видѣ сѣдвющаго капитана, озабоченнаго и низко кланяющагося, въ комнатѣ дирекціи, съ бумажкой въ какихъ-нибудь нѣсколько сотъ кронъ, которую онъ смущенно вертѣлъ въ рукахъ. Какъ онъ наслаждался, думая о томъ презрѣніи, съ которымъ этотъ самый капитанъ, будучи начальникомъ надъ работами при проведеніи желѣзнодорожной линіи, отклонялъ нѣкогда всякую попытку къ сближенію со стороны дѣлоторговца Гудмундсона!

Когда агентъ наиболѣе крупнаго страховаго общества въ городѣ умеръ, то эту должность предложили Гудмундсону, который съ трудомъ позволилъ уговорить себя. Послѣ этого было не очень-то удобно приходить съ учетами въ *его* банкъ, не застраховавъ жизнь, домъ, и имущество въ *его* обществѣ.

Повсюду: расширеніе власти, увеличеніе доходовъ, но въ то же время также и ненасытное желаніе принимать участіе во всѣхъ мѣстныхъ предпріятіяхъ и «поддерживать» ихъ своимъ именемъ и своей опытностью. Его голова была полна всевозможныхъ проектовъ, а его записная книжка—замятокъ относительно собраній различныхъ обществъ.

— Ловкій парень, — говорили жители Нольчѣпинга.

— Лишь бы все было благополучно! — говорила тетушка Густава.

Что касается до Эвы, то и она шла въ гору. Капитанъ Обериусъ умеръ и былъ похороненъ, при чемъ магистръ Лундбергъ, котораго теперь называли «докторомъ», какъ и всѣхъ другихъ магистровъ, написалъ на вѣнкѣ, возложенномъ на могилу капитана отъ имени литературнаго кружка, трогательные стихи. При выборѣ новаго то-

варища предсѣдателя литературнаго кружка Эва получила всѣ голоса, кромѣ своего собственнаго, а Ловиза Берфельдъ даже предлагала ей мѣсто предсѣдательницы.

Сердце Эвы сильно забилося при произведеніи въ этотъ литературный чинъ, который она носила съ достоинствомъ.

Она обходилась очень осторожно съ заглавіями иностранныхъ книгъ, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь другой не произносилъ его. Она слѣдила за тѣмъ, чтобы не сдѣлать грубой ошибки въ произношеніи иностранныхъ словъ, когда она сама читала что-нибудь вслухъ; и она не пропускала случая вставить нѣсколько примиряющихъ словъ, когда докторъ Лундбергъ, съ сознаниемъ собственнаго достоинства, безпощадно критиковалъ какого-нибудь молодого писателя, который начиналъ приобрѣтать имя, или какого-нибудь старика, который становился классикомъ.

На празднествахъ третье мѣсто, послѣ губернаторши и жены епископа, принадлежало ей.

Въ домѣ было все благополучно и спокойно. Нельзя сказать, чтобы этотъ покой былъ глубокой, его нельзя было сравнить со сверяющей поверхностью воды подъ лучами солнца; скорѣе онъ походилъ на застывшую поверхность слоя сала надъ холодной водой.

У маленькаго Барла не было ни сестеръ, ни братьевъ, да и лишнее это было, чтобы всецѣло заполнить сердце матери. Для этого ему не надо было также и внѣшнихъ качествъ, которыми такъ щедро наградила судьба этого красиваго, живого и физически прекрасно развитога ребенка. Въдъ онъ былъ единственнымъ существомъ на землѣ, которое было такъ близко, такъ безконечно близко ея сердцу. И онъ былъ бы ей близокъ, какимъ бы ни былъ, но она гордилась безпредѣльно прекрасными качествами своего сына.

Гудмундсонамъ, какъ мужу, такъ и женѣ, надоѣлъ старый домъ на узкой улицѣ торговаго квартала, гдѣ находилась также и контора Гудмундсона. Они переѣхали въ однувою виллу, окруженную садомъ, въ самомъ живописномъ мѣстѣ за городомъ.

Но контора осталась на старомъ мѣстѣ въ нижнемъ этажѣ, а верхній этажъ дома отдали внаймы людямъ съ меньшими претензіями.

Почти весь день Гудмундсонъ былъ занятъ то въ банкѣ, то на засѣданіяхъ различныхъ обществъ, то своими частными дѣлами. И уже давно онъ пересталъ за обѣдомъ или за кофе говорить, и да онъ долженъ былъ быть занятъ также и вечеромъ.

А это случалось часто, но Эва не жаловалась на это.

Въ одинъ холодный октябрьскій вечеръ, когда шелъ мелкій дождь,

Эва возвращалась одна домой отъ тетушки Густавы. Было еще только около девяти часовъ, а Нольчепингъ городъ мирный.

Она шла быстро и улыбалась при мысли о тѣхъ пріятныхъ минутахъ, которыя ей предстояло провести вдвоемъ съ маленькимъ Барломъ послѣ ванны, которая слишкомъ запоздала въ этотъ вечеръ благодаря тому, что мама замѣшкалась. Это не хорошо. Такой маленький господинъ долженъ былъ бы уже быть въ постели.

Она почти бѣжала по той улицѣ, на которой стоялъ ихъ старый домъ. «Теперь я была бы уже дома, если бы мы не переѣхали отсюда», подумала она, проходя мимо крыльца и бросая взглядъ на открытую дверь, черезъ которую видны были сѣни.

«Странно!» — пробормотала она и остановилась. При свѣтѣ маленькой стѣнной керосиновой лампы, освѣщавшей лѣстницу въ верхній этажъ, она увидала, что дверь направо, ведущая изъ сѣней въ контору, была пріотворена, хотя окна конторы, выходящія на улицу, были темны.

Неужели забыли вечеромъ запереть контору? Она вбѣжала на крыльцо, открыла дверь и вошла въ контору. Въ конторѣ никого не было, но сквозь щель въ дверяхъ, ведущихъ во внутреннюю комнату, видѣлся свѣтъ.

Она уже хотѣла неслышно уйти, но потомъ остановилась. Въ такое позднее время въ конторѣ могъ быть только ея мужъ. Она знала, что отъ служащихъ онъ никогда не требовалъ, чтобы они такъ долго работали въ конторѣ. Въ сердцѣ Эвы, такомъ холодномъ для Гудмундсона, появилось хорошее, теплое чувство. Здѣсь сидитъ онъ и работаетъ до позднего вечера, правда, подъ давленіемъ тщеславія и корыстолюбія, но также и ради нея и ея ребенка. Ему навѣрное было бы пріятно, если бы она подождала его и пошла бы домой вмѣстѣ съ нимъ. И при этой мысли она открыла дверь и сказала такъ ласково и весело, какъ уже давно не говорила съ нимъ:

— Милый Торстенъ, я...

Картина, которая представилась глазамъ Эвы, надолго врѣзалась въ ея память. Она казалась ей смутнымъ видѣніемъ изъ міра призраковъ, забыть ее она никогда не могла.

Въ глазахъ у нея потемнѣло; она прижала руки къ глазамъ и въ первое мгновеніе услышала только рѣзкій женскій голосъ, который крикнулъ:

— Господи... Торстенъ! Дверь...

Въ углу дивана сидѣлъ ея мужъ, а на колѣняхъ у него, крѣпко прижавшись къ нему, сидѣла темноволосая, высокая, хорошо сложенная дѣвушка, которая уже два года служила въ конторѣ Гудмунд-

сона. Про эту дѣвушку Эва сказала однажды, отвѣчая на вопросъ мужа, какъ она ее находитъ: «Она была бы недурна, если бы у нея не было этого недовольнаго, задорнаго, почти дерзкаго взгляда».

На столѣ, который качался передъ глазами Эвы въ то время, какъ она вѣрнѣе ухватилась за стулъ у дверей, чтобы не упасть, стояла бутылка съ рюмками и лежалъ бумажный мѣшокъ.

Когда Эва, шатаясь, вышла на улицу, и невѣрными шагами направилась домой, то она сама удивлялась, какъ она успѣла запомнить, что бутылка имѣла форму бутылки съ шампанскимъ; и она, когда угодно, съ закрытыми глазами могла вызвать въ своей памяти напечатанныя на мѣшкѣ слова: «А. Петерсонъ. Колоніальная и фруктовая торговля. Нольчѣпингъ».

Она прошла по улицамъ, открыла садовую калитку, двери и вошла въ свою комнату, какъ во снѣ.

— Простите, барыня, но я боялась ждать васъ дольше. Маленькій Барль уже спитъ.

Она слышала, какъ служанка произносила эти слова, но она не понимала ихъ, не сообразила, кто именно говорилъ, и отвѣтила беззвучно:

— Хорошо. Благодарю, мнѣ ничего не нужно, я уже поужинала въ гостяхъ.

Потомъ она опустилась на низенькую скамеечку, въ спальнѣ передъ печкой, убитая, ошеломленная, сомнѣвающаяся въ возможности того, что она видѣла, совсѣмъ какъ горячо и беззавѣтно любящая женщина, которая въ первый разъ убѣдилась въ невѣрности любимаго человѣка, хотя ея сердце оставалось совершенно холоднымъ по отношенію къ обманувшему ее мужу.

Но она была такъ невѣроятно наивна, бѣдняжка Эва. Ея знаніе изнанки жизни и окольныхъ путей въ области чувствъ было исключительно литературное и теоретическое. Она считала всѣхъ своихъ близкихъ настолько выше всего этого и въ то же время настолько ниже, что видѣнная ею сцена казалась ей совершенно непонятной и невѣроятной.

Она подошла къ окну и посмотрѣла на улицу. Керосиновые фонари сонно мерцали на своихъ полусгнившихъ столбахъ, а сѣрый соборъ возвышалъ свои растрескавшіяся стѣны къ пасмурному ночному небу, какъ онъ это дѣлалъ съ незапамятныхъ временъ.

Она тихо подошла къ кровати своего ребенка. Онъ спалъ, розовый и чистенькій, такимъ безмятежнымъ сномъ, какъ если бы у его отца никогда и въ мысляхъ не было обманывать его мать.

Ей сдѣлалось вдругъ неловко при мысли о томъ, что она была

такъ наивна и подумала, что свѣтъ перевернется изъ-за такихъ пустяковъ.

Потому что это, дѣйствительно, было пустякомъ, хотя она и принимала это такъ близко къ сердцу. Вѣдь иначе ея сердце разорвалось бы на части отъ горя и отчаянія. Скорѣе ея состояніе можно было сравнить съ состояніемъ чловѣка, который только что свалился съ врыши и не можетъ себѣ представить, что у него ни одна кость не сломана.

Немного спустя она поймала себя на мысли, что на фрѣкенъ Крукъ было надѣто платье терракотоваго цвѣта, и что шляпа ея лежала на одномъ изъ стульевъ, и что нѣчто подобное... какъ это... произведетъ ужасный скандалъ въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Нольчѣпингъ.

Ей лично было бы гораздо пріятнѣе, если бы городъ былъ больше, а скандалъ не казался бы такимъ большимъ. Но развѣ неизбѣжно, чтобы всѣ узнали про это?

Когда заскрипѣла садовая калитка, и она услышала шаги мужа, то у нея явилось только одно сильное желаніе: находиться въ томъ же невѣдѣніи, въ какомъ она до сихъ поръ была.

Онъ вошелъ въ спальню, заперъ дверь, потомъ снова вышелъ и заперъ двери въ смежной комнатѣ. Послѣ этого онъ всталъ прямо передъ ней и со смѣшаннымъ выраженіемъ стыда, беспокойства и досады на лицѣ воскликнулъ:

— Что за дурацкая комедія! Да-а, нечего сказать, хорошую... хорошую... штуку ты устроила!

Эва вскочила съ мѣста.

— Что ты хочешь сказать? Неужели... неужели эта женщина лишила себя жизни?

Онъ вытаращилъ глаза и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Что... что такое? О, до *этого* еще дѣло не дошло,—завилъ онъ.

Эва почувствовала нѣкоторое облегченіе. Сама она никогда не допускала даже и мысли нечистой, и очень рѣдко ей случалось слышать нескромныя слова. Самоубійства же случались ежедневно, а для невѣрующей женщины, какой, конечно, была эта, ничего не могло быть проще, какъ наложить на себя руки послѣ такого страшнаго униженія. Но это было бы ужасно позорно.

— Ты увѣренъ, что она ничего надъ собой не сдѣлаетъ?—спросила она съ тревогой.

— Совершенно увѣренъ,—отвѣтилъ онъ угрюмо.

Онъ прошелся раза два взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ онъ

остановился и начал говорить, наполовину отвернувшись от нея, сперва тихо и какъ бы стыдась, потомъ все громче, съ озлобленіемъ, и почти выкрикивая слова:

— Теперь ты, вѣроятно, перевернешь все вверхъ дномъ. Ты, конечно, воображаешь себѣ, что сдѣлала удивительное открытіе. Но я скажу тебѣ только одно, что она ни въ чемъ не виновата, эта бѣдная дѣвочка. Уже нѣсколько дней она сидѣла и работала сверхъ срока, а въ такихъ случаяхъ совершенно естественно, если начальникъ выказываетъ хоть сколько-нибудь вниманія... и вотъ я послалъ за... ну, и мы сѣли немножко слишкомъ близко другъ къ другу... но я ручаюсь за ея честь, а насколько ты знаешь...

Онъ замолкъ и смотрѣлъ исподлобья съ выраженіемъ наблудившаго мальчишки, который ждетъ головнойки. Но такъ какъ она продолжала молчать и только смотрѣла на него, то онъ закричалъ:

— Между нами нѣтъ ничего! Это случилось въ первый разъ, что... что... Да ты слушаешь, что ли, чортъ возьми?

— Да, я слушаю тебя, Торстенъ.

Ея ледяное спокойствіе вывело его окончательно изъ себя, онъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства и заговорилъ шипящимъ голосомъ:

— Нѣтъ, я солгалъ! Слышишь ли ты, холодная, замороженная, дохлая... шука, безъ единой капли теплой крови! Это было не въ первый разъ, потому что съ такой женой, какъ ты, мертвой и холодной, безъ всякаго интереса какъ ко мнѣ, такъ и къ моей работѣ, я умеръ бы, если бы ея не было, потому что человѣку необходимо хоть сколько-нибудь тепла и ласки, чортъ меня возьми! А ты! Вѣдь ты не выказываешь мнѣ даже капли благодарности за то, что я вытащилъ тебя изъ этой деревенской труппы и далъ тебѣ возможность жить среди порядочныхъ людей, и помочь твоему отцу и содержать брата твоего, пока онъ учился! Нѣтъ, ты задираешь носъ, а на меня смотришь, какъ на неуча и на простолюдина. А *ты-то* кто? И какого чорта умѣешь *ты* дѣлать?

Но вдругъ онъ разразился слезами, опустился на полъ передъ скамеечкой, на которой она сидѣла, и заговорилъ, рыдая:

— Ахъ, Эва, да развѣ ты не видишь, что ты сводишь меня съ ума! Развѣ ты не понимаешь, что я лгу на самого себя, что никогда не имѣлъ ничего общаго съ этой женщиной, что я не люблю никого другого, кромѣ тебя! Но у тебя неблагодарное сердце, Эва, вотъ въ чемъ дѣло.

Его горячее дыханіе обдало ея лицо, и только теперь она увидѣла что онъ былъ пьянъ. Она тихо поднялась, высвободила свои пальцы изъ его горячихъ и потныхъ рукъ и взяла съ своей постели подушку

и одѣяло. Положивъ руку на ручку двери, она обернулась и сказала спокойнымъ голосомъ:

— Быть можетъ, я не была для тебя тѣмъ, чѣмъ я должна была бы быть; быть можетъ, у меня неблагодарное сердце. Но *теперь* мнѣ немного трудно просить тебя о прощеніи. Однако я хорошо сознаю, что я у тебя въ долгу. Хочешь принять отъ меня совѣтъ, Торстенъ? Не забывай, что Нольчѣпингъ слишкомъ малъ для проявленія такой благодарности, какую ты чувствуешь къ фрёкенъ Брукъ за ея сверхсрочную работу!

Когда Эва проснулась на слѣдующее утро, застывшая подъ тонкимъ одѣяломъ и съ одеревенѣвшими членами отъ неудобнаго положенія на маленькомъ диванѣ въ гостиной, то она пришла въ ужасъ отъ того, что могла такъ вѣрѣеко проспять послѣдніе утренніе часы; въ первое мгновеніе она даже не могла сообразить, что именно случилось.

Въ то время, какъ она торопливо одѣвалась въ дѣтской, она съ тревогой думала не только о томъ, что случилось наканунѣ вечеромъ, но также и о томъ, что предстояло сегодня.

Лѣтомъ она съ мужемъ и ребенкомъ гостила въ Брантелидѣ, гдѣ они отпраздновали помолвку сестры Элинъ съ молодымъ уѣзднымъ ленсманомъ. Какъ разъ сегодня Элинъ съ женихомъ должны были пріѣхать въ гости въ роскошный домъ богатой сестры. Въ этотъ же день на обѣдъ было приглашено маленькое общество, состоявшее изъ болѣе близкихъ знакомыхъ, которые не были слишкомъ важными для такихъ скромныхъ родственниковъ.

Будетъ ли она въ состояніи принять ихъ? Какижь-то будетъ Торстенъ сегодня? Механически она распорядилась и наводила порядокъ въ домѣ, чтобы все было готово въ случаѣ, если бы обѣдъ всетаки состоялся.

За завтракомъ Гудмундсонъ сидѣлъ молча и избѣгалъ встрѣчаться со взглядами жены. Вставая изъ-за стола, онъ вынулъ изъ бокового кармана футляръ, протянулъ его Эвѣ и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что ты должна была бы дать твоей сестрѣ что-нибудь на память о ея первомъ посѣщеніи нашего дома въ качествѣ невесты. Какъ тебѣ это нравится?

Это было золотое кольцо, которое могло стоять по меньшей мѣрѣ 300 кронъ.

Какъ оно жгло ея руки! Что за счастье было бы швырнуть его далеко въ уголъ и попросить его ограничить свои благодѣянія по отношенію къ той, которая въ силу закона и цѣпей, наложенныхъ церковью, обязана принимать ихъ!

Но стоило ли бороться? Она подумала о томъ, какъ бесплодна была бы борьба, и какъ сама она была безсилна. А потомъ она подумала, какъ пріятно было бы подарить сестрѣ эту хорошую, дорогую вещь, ради жениха, который женится на бѣдной дѣвушкѣ только по любви. Когда же она ясно представила себѣ крики восторга милой Элинъ, то она окончательно перестала колебаться. Она съежилась, какъ подъ ударами хлыста, и сказала:

— Спасибо, Торстенъ, но это слишкомъ дорогая вещь для скромной жены ленсмана.

— Глупости! Мнѣ ли не знать этихъ господъ! Они такъ ловко тянутъ съ крестьянъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что черезъ нѣсколько лѣтъ женихъ Элинъ будетъ дѣлать ей подарки подороже этого, — весело болталъ Гудмундсонъ.

Дорогіе гости пріѣхали рано утромъ. Бѣлокурая Элинъ, тихая Ингеборгъ, то и дѣло показывала свои великолѣпные жемчужные зубы, улыбаясь своему безграничному счастью. А высокій, стройный и корректный до мозга костей блюститель порядка въ деревнѣ былъ преисполненъ почтенія къ своему могущественному шурина и въ восторгѣ отъ его дружескаго, братскаго обращенія.

Гудмундсонъ ласково положилъ свою руку на плечо шурина и сказалъ:

— Мы пригласили къ обѣду маленькое общество, маленькое, но избранное. Самымъ почетнымъ гостемъ будетъ, конечно, губернской секретарь, котораго я нарочно пригласилъ, какъ твоего главнаго начальника.

Ленсманъ Валльмаркъ вскочилъ съ мѣста и, покраснѣвъ до самыхъ ушей, пробормоталъ:

— Господинъ дир... милый Гудмундсонъ, ты слишкомъ добрѣ...

Затѣмъ на шею милой Элинъ надѣли золотое кольцо, и сердце Эвы радостно забилося, когда она дѣйствительно услышала крики восторга своей любимой сестры и когда она почувствовала ея руки вокругъ своей шеи.

Потомъ наступила очередь Гудмундсона, и такъ какъ онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ такую красивую дѣвушку, а кольцо дѣйствительно стоило 310 кронъ наличными деньгами, то онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и поцѣловалъ Элинъ въ самыя губы.

Эва вздрогнула, какъ отъ холода, и въ ея воображеніи всталъ образъ темноволосой, задорной дѣвушки, которую Гудмундсонъ такъ незадолго передъ этимъ цѣловалъ въ губы.

Когда Гудмундсонъ на мгновеніе отошелъ отъ молодыхъ, то Эва подошла къ нему и шепнула:

— Не думаешь ли ты, что губернскому секретарю не очень-то понравится, что его приглашают на семейный обѣдъ, на которомъ его младшій ленсманъ будетъ присутствовать въ качествѣ почетнаго гостя?

Онъ ласково похлопалъ ее по плечу и сказалъ:

— Это старикашка-то? Ну, нѣтъ! Его дѣла съ векселями обстоятъ такъ, что онъ не смѣетъ и пивнуть, когда Торстенъ Гудмундсонъ говоритъ ему: «Садитесь и откушайте съ нами хлѣба-соли, милостивый государь!»

Сказавъ это, онъ взялъ Эву за руку и подошелъ съ ней къ гостямъ. По возбужденному тону, которымъ онъ заговорилъ, Эва поняла, что онъ привлекъ ее въ качествѣ свидѣтельницы:

— Ну, братецъ Вальмаркъ, когда же ты пригласишь насъ пировать на твоей свадьбѣ?

— Мнѣ надо привести немного свои дѣла въ порядокъ, а потомъ необходимо подкопить кое-что для обзаведенія хозяйствомъ, и тогда...

— Не говори глупостей, мальчикъ! Надо пользоваться, пока сердце молодо, чувства не остыли, а кровь бьетъ ключомъ. Если хочешь, ты можешь даромъ жить въ большомъ домѣ въ Страндсала, который мое новое лѣсопильное общество купило только ради лѣса. А если ты присмотришь немного за паровой лѣсопильней и за книгами, относящимися къ рубкѣ лѣса, то ты получишь за это 75 кронъ въ мѣсяцъ. Бромѣ того ты можешь пользоваться заводскими лошадьми, такъ что тебѣ не надо заводить собственной лошади.

Безмѣрно счастливый женихъ со слезами на глазахъ пожалъ руку своему великодушному шурину, а Элинъ еще разъ бросилась на шею Гудмундсону. Но свои губки она въ послѣднее мгновеніе отвернула къ удовольствію жениха, который упомянулъ объ этомъ обстоятельстве, когда рассказывалъ своему другу, помощнику пастора въ деревнѣ, о событіяхъ этого достопримѣчательнаго дня.

— Эва...—раздался черезъ нѣсколько времени голосъ Гудмундсона, смущенный и умоляющій, когда онъ засталъ свою жену одну въ буфетной.

— Что тебѣ, Торстенъ?—отвѣтила она усталымъ тономъ,—и прибавила, не дождавшись его отвѣта:—Благодарю тебя за вниманіе за ласку къ Вальмарку!

— О... пустяки... совсѣмъ пустяки... Эва, ты все еще очень ердишься на меня?

Она не могла заставить себя отвѣтить и только слабо похлопала по рукамъ.

— Вѣдь ты вѣришь мнѣ? Ты, конечно, понимаешь, что все, что я говорилъ вчера, былъ бредъ отчаянія? Ты была такъ сердита на меня, и я говорилъ сторяча, что попало, безъ смысла и безъ малѣйшаго намека на правду. Ты вѣришь мнѣ, Эва?

— Тебѣ что-нибудь надо? Я должна сейчасъ идти говорить съ кухаркой.

— Пда... вотъ видишь ли... сплетни возникаютъ такъ легко... я не знаю, гдѣ былъ вчера вечеромъ конторскій сторожъ, а эта бѣдная дѣвочка... фрѣкенъ Брукъ вела себя, быть можетъ, немного неосторожно, когда возвратилась домой... Только для того, чтобы убить сплетни... злословіе въ самомъ зародышѣ, какъ говорится, Эва... Конечно, я не хочу допустить такого скандала, чтобы ты не приняла ее дружелюбно...

— *Кои?*—простонала Эва и тяжело оперлась о столъ.

— Да, Эва, я, видишь ли ты, пригласилъ также и фрѣкенъ Брукъ. Только ради того, чтобы ядовитый потокъ злыхъ языковъ и чума злословія... Но въ нашемъ распоряженіи есть еще цѣлѣйшая часть, и я могу послать ей отказъ, если это тебѣ хоть сколько-нибудь непріятно...

— И она согласна придти? Она будетъ въ состояніи придти?

— Гм... что хочешь ты, чтобы она дѣлала, эта несчастная дѣвушка? Чтобы спасти свою репутацію... Вовсе не изъ-за объѣда, милая моя! Не думай этого! Нѣтъ, она вовсе не такая... Но если хочешь, я пошлю ей отказъ...

Эва сдѣлала надъ собой усиліе, выпрямилась и проговорила безкровными губами:

— Не надо. Пусть фрѣкенъ Брукъ приходитъ. Разъ я буду сидѣть за столомъ съ однимъ изъ васъ обоихъ, то почему не сидѣть мнѣ съ другимъ?

Хотя къ объѣду и было приглашено немногочисленное общество, но оно было достаточно, чтобы за объѣдомъ было очень оживленно. Губернскій секретарь сидѣлъ между хозяйкой и счастливой невѣстой; онъ много пилъ и увѣрялъ, что Вальмаркъ—самый усердный изъ его подчиненныхъ и лучшій ленсманъ во всей губерніи.

Вальмаркъ краснѣлъ отъ счастья и гордости, но въ то же время бросалъ виноватые взоры на своихъ двухъ бывшихъ сослуживцевъ по канцеляріи, которыхъ Гудмундсонъ пригласилъ нарочно ради него, и между которыми сидѣла фрѣкенъ Брукъ, оживленно болтавшая.

Хозяинъ сидѣлъ между тетушкой Густавой и Элинъ; къ своему огорченію онъ замѣтилъ, что фрѣкенъ Брукъ была единственная изъ гостей, съ которой Эва не чокалась. Это невниманіе выразилось осо-

бенно рѣзко, когда Эва подѣ конецъ выпила сперва за здоровье одного изъ сосѣдей фрѣкенъ Брукъ, а потомъ другого, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на дѣвушку, сидѣвшую между ними. Гудмундсону показалось, что двѣ молодыя дамы, жены его товарищей по дѣламъ, которыя также присутствовали за обѣдомъ, замѣтили это.

Однако тетушка Густава едва успѣла выпить за здоровье невѣсты, какъ она снова подняла свою рюмку и сказала:

— Ваше здоровье, милая фрѣкенъ Брукъ! Я должна вамъ сказать, господинъ губернскій секретарь, что это — рѣдкая молодая дѣвушка, которая достойна особаго уваженія за то, что она работаетъ. Вѣдь никогда заранѣе нельзя предсказать, выйдешь замужъ или нѣтъ, если даже у тебя и красивая наружность. Полно, полно, не краснѣйте, милая фрѣкенъ! Вѣдь это тоже своего рода цѣль жизни, такъ усердно помогать Торстену!

Послѣ этого привѣтствія Гудмундсонъ, который уже раньше былъ возбужденъ, подошелъ къ Эвѣ, когда разносили кофе послѣ обѣда, и прошепталъ:

— Если бы я зналъ, что ты покажешь ей открыто твое презрѣнiе, то было бы лучше откровенно предупредить меня объ этомъ, и тогда я послалъ бы ей отказъ.

Въ глазахъ у Эвы пошли красные круги, и она почувствовала, что въ ней проснулся тотъ звѣрь, который, болѣе или менѣе укрощенный, дремлетъ въ каждомъ изъ насъ. Для нея было бы величайшимъ наслажденiемъ швырнуть прямо въ лицо этой дѣвушки рюмку съ ликеромъ, которую она держала въ рукахъ, и громко закричать о ея позорѣ.

Но тамъ, возлѣ предиваннаго стола стоялъ ея прелестный мальчикъ съ розовыми щечками и рассказывалъ чужой тетѣ, чьи портреты были въ альбомѣ. А дальше въ дверяхъ стояла ея младшая сестра, сіявшая отъ счастья и благодарности, и оживленно разговаривала со своимъ могущественнымъ шуриномъ, и глаза ея сверкали, а губы улыбались. И весь этотъ красивый, теплый, уютный домъ точно заключилъ ее въ свои тѣсныя объятія, парализуя въ ней всякое проявленiе самостоятельности, связывая каждый нервъ.

Она глубоко дышала, и ея грудь тяжело опускалась и поднималась. Какимъ-нибудь образомъ она должна была дать выходъ своимъ чувствамъ, иначе она бы задохлась. Если она не могла проявить себя, то оружіе насмѣшки было въ ея распоряженіи.

Она подняла голову, и ноздри ея расширились, когда она съ двумя рюмками въ рукахъ направилась прямо къ фрѣкенъ Брукъ, которая стояла непринужденно и спокойно, но съ тѣмъ же задорнымъ

выраженіемъ на рѣзкихъ чертахъ, и разговаривала съ хозяйноиъ и одной изъ молодыхъ дамъ. Эва преднамѣренно возвысила голосъ, чтобы ее по возможности слышали всѣ, и сказала:

— Милая фрѣкенъ Брукъ, боюсь, что сегодня я была невнимательной хозяйкой по отношенію къ вамъ; но это всегда такъ бываетъ съ наиболѣе близкими людьми, а вѣдь вы почти членъ нашей семьи. Отъ души благодарю васъ за вашу помощь Торстену. Не найдете ли вы меня слишкомъ навязчивой, фрѣкенъ Брукъ, если я предложу вамъ дружеское сближеніе между нами? Спасибо, Сигридь!

Обѣ дамы слегка поцѣловали другъ друга. Когда Сигридь Брукъ подняла глаза, то она встрѣтила взоры двухъ молодыхъ женъ, и она прочла въ нихъ свой смертный приговоръ общества, написанный ясно, какъ огненными буквами.

Когда вниманіе гостей отвлеклось на мгновеніе въ другую сторону, она вышла, шатаясь, въ переднюю. Тамъ она торопливо надѣла свое пальто и быстро, не попрощавшись, пошла домой.

На слѣдующее утро Эва получила по почтѣ слѣдующую визитную карточку.

«Сигридь Брукъ благодаритъ за вчерашнее удовольствіе и взаимнѣ за любезное гостепримство проситъ принять ея обѣщаніе никогда больше не утруждать васъ лицезрѣніемъ своей особы. Сожалѣю, что не могу дать того же обѣщанія по отношенію къ вашему мужу; но безчувственные женщины съ кускомъ льда въ груди, вмѣсто благодарнаго сердца, должны всегда примириться съ тѣмъ, что другія женщины даютъ ихъ мужьямъ то, чего нехватаетъ у ихъ женъ».

Эва улыбнулась, прочтя эти строки, и на ея лицѣ появилось горькое выраженіе, которое впервые показалось два дня тому назадъ.

— Она именно такая, какою я ее считала, только еще неосторожнѣе и глупѣе, — пробормотала она и тщательно спрятала маленькую карточку.

VIII.

Катастрофа.

Если мѣрять по масштабу Нольчѣпинга—а это, конечно, нагъ приходится дѣлать,—то черезъ нѣсколько лѣтъ директоръ банка Г д-мундсонъ поднялся на головокругительную высоту. Никто еще изъ мѣстнаго общества не достигалъ такого экономическаго положенія;

и для того, чтобы сохранить равновѣсіе и ясный взглядъ, необходимо было болѣе медленное восхождение и болѣе крѣпкую голову.

Что касается до качествъ этого человѣка, то они не были дуты, какъ это часто бываетъ съ другими дѣловыми людьми, талантъ которыхъ въ концѣ-концовъ выражается лишь въ умѣньи обманывать людей. Гудмундсонъ самъ воспиталъ себя и тренировалъ и духовно сросся съ работой, которая прибавлялась изъ года въ годъ. Его работоспособность, увеличиваемая ненадломленными физическими силами, была невѣроятна, а здравый смыслъ его созрѣлъ и окрѣпъ отъ огромнаго житейскаго опыта. Но такъ какъ въ концѣ-концовъ онъ сталъ браться за все, что прельщало его, хотя бы и обманчивымъ блескомъ золота, то у него не стало хватать времени и — неудачи стали появляться одна за другой.

Вначалѣ онѣ появлялись изрѣдка, и такъ какъ старѣйшія его предприятия и главныя спекуляціи шли хорошо, то мелкія неудачи не причиняли особаго ущерба его дѣламъ. Но, привыкнувъ къ неизмѣнному успѣху, онъ разгорячился, какъ азартный игрокъ, и задался цѣлью выискать что-нибудь такое, что затмило и превзошло бы все, что онъ предпринималъ раньше. И вотъ, въ первый разъ онъ бросился въ аферу наугадъ, не отдавая себѣ яснаго отчета ни въ сбытѣ товара, ни въ рынкѣ.

На одной изъ пустошей въ южной части города начали раздаваться взрывы съ такой силой, что можно было подумать, что городъ бомбардируютъ. Затѣмъ началось то же самое и въ сосѣдней пустоши и еще въ одной. Въ концѣ-концовъ взрывы стали раздаваться на восьми смежныхъ пустошахъ, которыя принадлежали тремъ различнымъ собственникамъ, причемъ, однако, самъ Гудмундсонъ владѣлъ пятью пустошами.

Обыватели зажимали себѣ уши, таращили глаза и, наконецъ, выразили крайнее удивленіе, когда увидали, что вокругъ всѣхъ восьми пустошей былъ возведенъ одинъ сплошной заборъ, указывавшій на возведеніе одной колоссальной постройки, а не нѣсколькихъ, какъ они предполагали.

Когда главное зданіе было наполовину возведено, то сынъ ректора, инженеръ, пріѣхавшій погостить домой, и осмотрѣвшій удивительную постройку, малѣйшія детали которой держались въ величайшей тайнѣ, рассказалъ въ минуту откровенности съ полсотни своихъ друзей и знакомыхъ, что это такое должно было быть.

Шесть мѣсяцевъ спустя, «Нольчѣпингская акціонерная спичечная фабрика» открыла свое производство, и Гудмундсонъ, который былъ главнымъ вкладчикомъ, руководителемъ и директоромъ, пригласилъ

наибольше почетныхъ обывателей города посмотреть на фабрику и производство. Миѣ кажется, что никто не пренебрегъ приглашеніемъ за исключеніемъ купца Альма, который наканунѣ сломалъ себѣ ногу, и стараго майора Брискольфа, который обидѣлся и ушелъ, когда сторожъ на фабрику попросилъ его затушить сигару.

Дамы присутствовали также въ большомъ количествѣ. Быть можетъ, въ первый разъ Эва проявляла болѣе живой интересъ къ пріятію мужа и даже какъ будто гордилась имъ. Она держала голову выше, нежели обыкновенно, съ улыбкой прислушивалась къ удивленнымъ восклицаніямъ и наивнымъ вопросамъ осматривавшихъ и даже сама дѣлала бесплодныя попытки понять все.

Это предпріятіе вовсе не представлялось ей болѣе обильнымъ источникомъ золота, нежели всѣ другія. Не было у нея также и желанія восхищаться дѣломъ рукъ Торстена Гудмундсона. Но она знала, что отецъ упорно требовалъ отъ своего ребенка, отъ ея сына, котораго она любила больше всего на землѣ, чтобы тотъ посвятилъ себя «чему-нибудь полезному въ жизни», то-есть занялся бы чѣмъ-нибудь практическимъ. А это могло представить изъ себя нѣчто подходящее для него! И въ мечтахъ она уже проникала взоромъ за предѣлы настоящаго и рисовала себѣ тотъ день, когда онъ, единый, обожаемый, будетъ ходить здѣсь, какъ король, приказывать и распоряжаться. Ужъ въ началѣ осмотра въ конторѣ, которую сперва показали, она увидала, какъ въ галлюцинаціи, маленькаго Карла за столомъ во внутренней комнатѣ, занятого корреспонденціей на иностранныхъ языкахъ со всѣми странами свѣта; и онъ представлялся ей ловкимъ, дѣловитымъ и возбуждающимъ восхищеніе.

И все это навѣрное придется ему по сердцу, ему будутъ нравиться всѣ эти машины. Это былъ удивительный ребенокъ; онъ обладалъ способностью такъ ловко составлять свои прекрасныя игрушки, которыя онъ ради любознательности разбиралъ на части.

Она находила шумъ машинъ почти чарующимъ.

Тетушка Густава была также очень заинтересована всѣмъ. Отъ времени до времени она клала свою костлявую руку на какое-нибудь безопасное мѣсто той или другой машины и спрашивала:

— Что можетъ стоять такая штука?

Отвѣтъ по большей части заключался въ пятизначной цифрѣ

— Гм... гм... я во всякомъ случаѣ не хочу принимать въ это участія, — проговорила тетушка задумчиво.

На другой день она вынула 5,000 кронъ, которыя были ей положены въ «Гудмундсонскій банкъ».

Изъ всего того, что касалось дѣла спичечной фабрики, Гудм

сонъ понималъ лишь въ постройкѣ, въ расходахъ по производству, въ перевозкѣ товаровъ и въ привлеченіи капиталовъ для оборота. Все остальное было для него чуждо, даже то, что касалось матеріала, хотя самъ онъ и былъ лѣсоторговцемъ, потому что единственный матеріалъ, употребляемый въ этомъ дѣлѣ, осина, былъ для него совершенно незнакомъ. Здѣсь онъ принужденъ былъ въ гораздо большей степени, чѣмъ когда-либо, слѣпо довѣряться другимъ людямъ, которые кланялись и заискивали передъ могущественнымъ дѣльцомъ и банкиромъ, но хихикали надъ беспомощнымъ выраженіемъ лица, съ которымъ онъ смотрѣлъ на англійскія письма, подаваемые ему въ конторѣ во время его обычныхъ утреннихъ посѣщеній, и бормоталъ:

— Ага, такъ они говорятъ... гм...

Обыкновенно ему давали помучиться такъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, прежде чѣмъ сообщая переводили ему содержаніе письма. На кой чортъ съ нимъ церемониться, разъ онъ то и дѣло давалъ понять, что не нуждается ни въ чьей помощи. Это было бы почти невѣжливо слишкомъ поспѣшно переводить ему письма.

Иногда случалась задержка въ доставкѣ матеріала, тогда какъ склады были полны ящиковъ, готовыхъ къ отправкѣ; тогда толпа рабочихъ, заработная плата которыхъ уменьшалась вмѣстѣ съ уменьшеніемъ рабочихъ часовъ, бродила по городскимъ кабакамъ и съ бранью потрясала кулаками по направленію къ виллѣ Гудмундсона. Но вотъ главный агентъ въ Лондонѣ былъ объявленъ несостоятельнымъ, а за нимъ оставался отчетъ въ экспортѣ товара за длинный промежутокъ времени. Что же касается до повѣреннаго въ одномъ изъ шведскихъ портовыхъ городовъ, который прикарманилъ какихъ-нибудь 70,000 кронъ и отличался стыдливымъ характеромъ, то онъ просто исчезъ куда-то.

Въ уѣздѣ начали поговаривать, что въ банкѣ туго дадутъ деньги даже подъ самое вѣрное обезпеченіе. Обывателямъ города, офицерамъ и стоящимъ во главѣ большихъ предпріятій еще можно было получить денегъ. Различные деревенскіе тузы и акціонеры одного изъ множества предпріятій самого директора имѣли также возможность достать небольшую сумму денегъ на короткій срокъ, если только они умѣли говорить съ Гудмундсономъ и были застрахованы въ его обществѣ. Но другимъ людямъ не стоило даже и пытаться, какъ бы ни были хороши бумаги и имена.

Однако, объѣды во время ревизій были великолѣпнѣе, чѣмъ когда-либо, а отзывы ревизіонной комиссіи были чрезвычайно похвальны.

Тѣмъ не менѣе у директора Гудмундсона не было больше такой

спокойный и сияющій видъ, какъ прежде. Его жена знала даже, что онъ очень неспокоенъ и во снѣ страдаетъ припадками тоски.

Но такую же переměну она замѣтила въ немъ года два тому назадъ, и тогда, руководимая послѣдними остатками чувства солидарности съ человѣкомъ, который, какъ бы то ни было, считался ея мужемъ, а главное, изъ-за страха подорвать основы того положенія, которое долженъ былъ унаслѣдовать ея ребенокъ, она съ хитростью и терпѣніемъ выпытала у него причину происшедшей въ немъ переměны. Оказалось, что приказчица моднаго магазина, съ которой онъ имѣлъ близкія отношенія, вышла замужъ за одного станціоннаго смотрителя въ другомъ уѣздѣ, давно уже обрученнаго съ ней.

Это открытіе завершило дѣло Сигриды Брукъ въ домѣ Гудмундсоновъ. Съ этого времени весь интересъ Эвы къ жизни мужа сосредоточился на горячемъ желаніи сохранить внѣшнія приличія и избѣгнуть публичнаго скандала.

Что касается до самого Гудмундсона, то онъ считалъ себя мученикомъ супружеской жизни. Ему казалось, что того, что онъ далъ своей женѣ въ смыслѣ внѣшнихъ преимуществъ въ жизни, могло бы съ избыткомъ хватить, чтобы купить какую угодно женщину. И, Господи, Боже мой, онъ вовсе не былъ развратнымъ человѣкомъ! Но разъ его бѣдная жена, на которой онъ женился, какъ онъ самъ увѣрялъ, изъ любви, оставалась спокойной и холодной, и совершенно равнодушной къ деталямъ той работы, которая и ей самой такъ много давала, то было болѣе, чѣмъ понятно, что онъ искалъ на сторонѣ и погулалъ себѣ то, что онъ долженъ былъ бы получать дома.

Въ концѣ-концовъ они стали одинаково равнодушны другъ къ другу съ тою только разницею, что Эву мучила совѣсть, и она считала себя виновной; тогда какъ Гудмундсону ничего подобнаго и въ голову не приходило.

Была ранняя пасха, и погода стояла самая отвратительная: вьюга чередовалась съ внезапной оттепелью и проливнымъ дождемъ. Въ страстную субботу директоръ Гудмундсонъ долженъ былъ, какъ это онъ самъ второпяхъ объявилъ, отправиться съ вечернимъ поѣздомъ въ Бопенгагенъ по дѣламъ фабрики. Его возвращенія домой не должны были ждать раньше вторника.

Эва, которая такъ рѣдко провожала его на вокзалъ при его безчисленныхъ поѣздкахъ, а за послѣднее время и совсѣмъ этого не дѣлала, почувствовала себя особенно мягко настроенной въ этотъ праздничный вечеръ; она накинула на себя пальто и приготовилась ѣхать съ мужемъ, когда къ крыльцу подѣхали дрожки. Гудмундсонъ нахмурилъ брови и воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это было бы слишкомъ глупо! Въ такую соба-
чью погоду...

Онъ вошелъ еще разъ въ комнату къ мальчику, долго цѣловалъ его и прощался съ нимъ. Жену онъ также обнялъ и попросилъ ее не присылать ему писемъ. Во вторникъ онъ уже будетъ дома.

Эва сѣла у окна, чтобы подождать, пока экипажъ вернется съ вокзала, и поѣхать въ немъ заодно за тетушкой Густавой. Милая, старая тетушка! Здѣсь ей во всякомъ случаѣ будетъ пріятнѣе, чѣмъ сидѣть у себя одной въ эту пасхальную ночь.

Однако, когда экипажъ вернулся съ вокзала, то она велѣла ему вѣхаться во дворъ, а сама вскочила съ мѣста, обняла мальчика за шею и чуть не задушила его поцѣлуями въ порывѣ страстной любви, проявленіе которой такъ рѣзко отличалось отъ ея обычной, тихой манеры держать себя. И она воскликнула:

— Нѣтъ, мой мальчикъ! Съ тетушкой мы подождемъ до завтра. А этотъ вечеръ мы проведемъ одни, совсѣмъ одни, вдвоемъ другъ съ другомъ! Или, какъ ты думаешь, Карлъ?

— Ну, конечно, мама!—воскликнулъ маленькій Карлъ съ величайшей искренностью.

Это происходило вовсе не оттого, что онъ не могъ наслаждаться обществомъ мамы въ присутствіи сотни людей, и вовсе не потому, что онъ вообще хоть что-нибудь имѣлъ противъ милой тетушки Густавы; но онъ зналъ, что послѣ яицъ ему дадутъ слоеныхъ пирожковъ, а тетушка всегда въ такихъ случаяхъ любила читать нотацию относительно ухода за желудками такихъ маленькихъ господъ.

Эва собрала на одномъ концѣ длиннаго обѣденнаго стола сласти, а на другомъ самыя интересныя механическія игрушки. Вѣдь онъ уже былъ слишкомъ великъ для другихъ побрякушекъ, вѣдь этому господину было уже одиннадцать лѣтъ и, при переходѣ въ третій классъ онъ сидѣлъ третьимъ ученикомъ. Въ тѣ времена учениковъ въ классѣ разсаживали не по алфавиту, а по познаніямъ.

Нѣтъ, тутъ были интересныя игрушки: пила, которая перепиливала толстыя щепки, стояло лишь надавить кнопку; и локомотивъ, который до мельчайшихъ подробностей походилъ на настоящій, большой локомотивъ,—эти игрушки были великолѣпны.

Мать и сынъ красили яйца, дѣлали на нихъ надписи другъ другу и играли, какъ дѣти. Однако онъ долженъ былъ также и поѣсть; что же касается до нея, то она совершенно забыла о ѣдѣ и только смотрѣла на него. Какой онъ былъ очаровательный и сильный, какимъ здоровьемъ дышало отъ его цвѣтущихъ щекъ и сверкающихъ

глазъ! Всѣ говорили, что онъ такъ удивительно похожъ на нее. О, нѣтъ, нѣтъ, онъ гораздо, гораздо красивѣе ея! И она нагнулась къ нему и спросила его тономъ, до смѣшного похожимъ на тонъ взволнованной любовницы:

— Скажи, ты *ужасно* любишь свою маму?

— Ну, еще бы!... Въ отдѣленіи Б. въ нашемъ классѣ есть одинъ мальчикъ, который говоритъ, что можетъ съѣсть шесть ши-рожекъ,—отвѣтилъ онъ съ набитымъ ртомъ.

Они сидѣли за столомъ цѣлый часъ. Она поймала себя на вопросѣ: не такъ ли приблизительно чувствуешь себя, когда послѣ свадьбы уѣдешь съ любимымъ человѣкомъ и, наконецъ, останешься съ нимъ одна за первой общей трапезой?

Наступили восхитительные праздники, хотя злилась вьюга и завывала вѣтеръ, и приходилось по утрамъ топить почти во всѣхъ комна-тахъ. Они продолжали быть неразлучны, и Эва настолько пренебрегла церковью, что ленты на чепцѣ у тетушки дрожали, когда она, придя обѣдать въ первый и во второй день, спрашивала, почему Эва не было въ церкви ни на ранней, ни на поздней обѣднѣ.

Во время отсутствія отца она позволяла сыну спать въ кровати отца у себя въ спальнѣ. Часто она бодрствовала, когда онъ спалъ, и тогда она съ радостью прислушивалась къ его спокойному, ровному дыханію и съ удовольствіемъ думала о томъ, что у него праздни-ки, и что ему не надо въ эту ужасную погоду вставать рано и ѣздить въ школу.

Она не могла заглушить въ себѣ мысль о томъ, *что именно* пре-вращало ея уединеніе съ ребенкомъ въ такой очаровательный, такой великій праздникъ.

Если бы имъ можно было всегда жить такъ, именно *такъ* въ этомъ хорошемъ, уютномъ домѣ...

Она вздрогнула въ кровати при этой незаконченной мысли и дрожащей рукой зажгла свѣчу, какъ бы желая прогнать привидѣніе.

Безъ *него*... но въ этомъ домѣ, который *онъ* создалъ... Великій Боже! Неужели же у нея сердце грабительницы и убійцы?...

Она лежала и старалась настроить себя ласково къ Торстену, который въ холодъ и непогоду наканунѣ праздника покинулъ д и... и ребенка, чтобы хлопотать объ этихъ ужасныхъ дѣлахъ.

Однако изъ этого ничего не выходило. Раньше ей какъ-то не приходило въ голову одно подозрѣніе, но теперь она вдругъ задумалась надъ тѣмъ, какія это могли бы быть дѣла, которыя вызвали ея въ Копенгагенъ какъ разъ во время праздниковъ, когда всѣ дѣла конторы заперты?

Быть можетъ, вся его поѣздка сведется къ уплатѣ счета въ гостиницѣ за двоихъ?

О, позоръ, позоръ, позоръ!

Во вторникъ началась обычная, будничная жизнь; раннимъ утромъ на улицахъ по направленію къ спичечной фабрикѣ застучали деревянные башмаки.

Наступило время завтрака; съ почты вернулся посланный, но безъ писемъ.

Около одиннадцати часовъ появилось необыкновенно много гуляющихъ на эспланадѣ около виллы Гудмундсоновъ, несмотря на то, что погода была далеко еще не хорошая, хотя и успокоилась немного. Сперва мимо виллы прошелъ одинъ, другой человѣкъ, потомъ нѣсколько заразы, потомъ цѣлая кучка. «Бѣдные люди,—подумала Эва,—они, вѣроятно, стосковались по воздуху, сидя такъ долго заперти въ эту ужасную погоду!»

Но странно! Гуляющіе были, какъ будто, все одни и тѣ же; они ходили взадъ и впередъ и съ любопытствомъ смотрѣли на виллу.

А вотъ идетъ и самъ пробсть.

Но онъ отворилъ калитку и вошелъ въ садъ. Какъ онъ согнулся, и какъ медленно шель! Да и не удивительно,—онъ былъ такой старый.

Это еще больше бросилось въ глаза, когда онъ вошелъ въ гостиную. Эва встала ему навстрѣчу и замѣтила, что лицо его было все въ морщинахъ, взглядъ какой-то мутный, а у угловъ рта лежали глубокия старческія складки.

Со вздохомъ, похожимъ на стонъ, онъ опустился въ кресло, на которое ему указала Эва.

— Какъ это любезно съ вашей стороны навѣстить меня въ мое одиночествѣ.

— Да, я знаю, что директоръ не проводилъ праздниковъ дома.

— Да, къ сожалѣнію, онъ долженъ былъ уѣхать по дѣламъ и...

— Это грустно, фру Гудмундсонъ, когда дѣла не оставляютъ въ покоѣ человѣка даже въ свѣтлые праздники.

Онъ сказалъ это тихо и внятно, и такъ необыкновенно ласково, что слова его вовсе не производили впечатлѣнія упрека. Онъ снова заговорилъ, повидимому, съ трудомъ, какъ если бы искалъ словъ:

— Погода теперь стала получше. Да, это такъ: «послѣ дурной погоды Богъ снова освѣщаетъ землю солнцемъ». Темнѣе на землѣ и когда не можетъ быть, фру Гудмундсонъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ прямомъ значеніи этого слова.

Эва молчала. Ей нечего было сказать на это. Но вдругъ старикъ нагнулся къ ней и взялъ ея руку въ обѣ свои сморщенные, худыя руки.

— Въ *вашей* жизни солнце свѣтило постоянно и долго. Хорошо, когда сердце дѣлается сильнымъ отъ чувства признательности къ Богу въ дни счастья, хорошо, если оно проникается упованіемъ на Него и не теряетъ надежды на ясные дни и на безграничную любовь Всевышняго, когда налетаетъ буря и раздается громъ...

Теперь она поняла! Разразилось какое-нибудь несчастье, и пробстъ пришелъ сообщить ей объ этомъ, какъ можно осторожнѣе! Съ быстрой молніи—что бываетъ, какъ говорятъ, только въ тѣ мгновени, когда человекъ стоитъ лицомъ къ лицу со смертью,—Эва сдѣлала мысленно смотръ всѣмъ тѣмъ людямъ, которые были ей дороже всего на свѣтѣ. Мама и папа уже покоились вѣчнымъ сномъ подъ холмиками на Бюютарюдскомъ кладбищѣ. Тетушки Густавы это не могло касаться, такъ какъ ея служанка Юганна только что приходила за забытымъ кружевнымъ чепцомъ тетушки. Такъ, значитъ, это могло касаться брата Акселя, который учился уже второй терминъ въ Лундѣ? Или маленькой сестры? Маленькой Элинъ, которая жила теперь со своимъ мужемъ въ старомъ родительскомъ домѣ?

Слава Богу, въ *одномъ* только она могла быть увѣрена! Ея ребенка, который былъ для нея жизнью, всѣмъ, всѣмъ, сердцемъ сердца ея, это не могло касаться. Слышно было, какъ онъ игралъ въ сосѣдней комнатѣ, и она закричала вдругъ громкимъ и возбужденнымъ голосомъ:

— Карлъ, Карлъ! Иди сюда! Иди къ мамѣ!

Мальчикъ бросился къ матери, пораженный ея нервнымъ тономъ, и всталъ возлѣ нея. Она обхватила его руками, точно защищая отъ кого-то, и какъ бы желая осязательно удостовѣриться въ томъ, что на кого бы ни упала молнія, но сокровище ея сердца было цѣло и невредимо!

— Простите! Я такъ испугалась... я... Что случилось?

— Я боюсь, что директоръ... Я хочу сказать, что не поѣхалъ, какъ намѣревался...

— Говорите сразу, все, господинъ пасторъ! Онъ заболѣлъ въ Копенгагенѣ? Онъ уѣхалъ туда въ субботу. Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же туда отправлюсь!—сказала она и встала, высвобождая съ изъ объятій мальчика, который вѣрноп прижимался къ ней, испуганный ея взволнованнымъ состояніемъ.

— Нѣтъ, онъ здѣсь... онъ...—сказалъ старикъ нерѣшительн.

— Здѣсь? Гдѣ? На вокзалѣ? Въ бангѣ? Въ конторѣ? Съ нѣ

случилось что-нибудь въ поѣздѣ? Онъ въ больницѣ? Я хочу говорить съ нимъ!

И вдругъ, въ этомъ страшномъ возбужденіи ее пронзила, какъ молніей, мысль, что она желала, чтобы ея сынъ и она... всегда жили такъ, какъ жили эти дни...

Священникъ всталъ, весь дрожа, и ласково взялъ ее за руку.

— Успокойтесь! Вамъ теперь нельзя говорить съ нимъ. Я...

Она схватила его за плечи и воскликнула:

— Все! Говорите все, слышите!

Онъ увидалъ, что она достигла той степени нервнаго напряженія, когда самая страшная дѣйствительность менѣе опасна для души и тѣла, нежели страхъ передъ неизвѣстнымъ, и онъ сказалъ тихо:

— Да подкрѣпите васъ Господь! Въ этой жизни вамъ уже не придется больше говорить съ нимъ.

Отъ природы она не была нервной и никогда не любила своего мужа, всетаки ей вдругъ показалось, что почва ускользаетъ у нея изъ-подъ ногъ, и въ глазахъ у нея потемнѣло. Она беззвучно упала въ кресло въ то время, какъ мальчикъ съ плачемъ бросился къ ней.

Старый священникъ покачалъ головой и пробормоталъ:

«И всетаки, она еще не знаетъ самаго худшаго, бѣдная женщина!»

Потомъ онъ вышелъ въ первую комнату, гдѣ сидѣлъ другой пожилой господинъ, съ тревожнымъ выраженіемъ на лицѣ. Пробывъ пожалъ ему руку, проходя мимо, и сказалъ:

— Да, ты ей нуженъ, какъ мы и предполагали. Иди скорѣе туда!

Выйдя изъ дому, онъ встрѣтилъ на эспланадѣ тетушку Густаву; онъ бросилъ на нее быстрый, испытующій взглядъ.

— Ну, да, я вижу, что вы уже это знаете. Я взялъ съ собой городского врача, Бноделина. Онъ теперь у нея.

На спичечной фабрикѣ дымили трубы, машины работали съ головокружительной быстротой, какъ и человѣческіе пальцы, уподобившіяся машинамъ; но на всемъ и на всѣхъ лежалъ отпечатокъ растерянности, мастера не могли добиться того, чтобы ихъ слушали, да и сами они безцѣльно бѣгали взадъ и впередъ.

Въ конторѣ не работали. Въ первой комнатѣ сидѣлъ бургомистръ и еще двое-трое другихъ господъ, — двери въ эту комнату были закрыты. Служащіе въ конторѣ бѣгали, какъ угорѣлые, взадъ и впередъ, отпирали и запирали ящики, безъ всякой надобности перелистывали книги и говорили безсвязно и безтолково.

Въ самой задней комнатѣ лежалъ директоръ Гудмундсонъ, съ платкомъ на лицѣ и съ огнестрѣльной раной на вискѣ.

На столѣ у окна лежала бумажка, на которой было написано:

«Жена!

«Все погибло, непоправимо погибло. Всего накопилось слишкомъ много, чтобы была надежда на спасеніе когда-нибудь. Я просилъ бы у тебя прощенія, если бы вѣрилъ, что это къ чему-нибудь послужить. Но если бы я могъ рассчитывать на прощеніе, то пусть меня проститъ Всемогущій, а люди могутъ судить меня, какъ хотятъ.

«Мнѣ себя не жаль. Я увлекся игрой и проигралъ; а теперь я расплачиваюсь, какъ и многіе другіе.

«Эва, я прошу тебя только объ одномъ: будь осторожна, когда тебѣ придется рассказывать мальчику о томъ, что случилось! Смягчи, если можешь! Будь милосердна только въ этомъ отношеніи! Въ онъ также и мой ребенокъ!

Торстенъ».

Гудмундсонъ и не думалъ покупать себѣ билета на вокзалѣ. Какъ только кучеръ уѣхалъ домой, онъ сейчасъ же пошелъ съ вокзала въ контору. Свой саквояжъ онъ взялъ съ собой. Въ немъ находились двѣ бутылки шампанскаго, которыя должны были дать мужество, и револьверъ, который долженъ былъ дать покой.

Однако, видно было, что онъ цѣплялся за жизнь до послѣдняго мгновенія; объ этомъ свидѣтельствовало множество бумажекъ, разбросанныхъ по полу и испещренныхъ цифрами и вычислениями. Докторъ, освидѣтельствовавшій его, увѣрялъ, что онъ умеръ не ранѣе, какъ наканунѣ вечеромъ.

Въ то время, какъ жена и ребенокъ наслаждались праздничнымъ покоемъ и радостями любви въ роскошномъ домѣ, созданнымъ его работой и долго поддерживаемымъ его изворотливостью, мужъ и отецъ въ то же время находился во власти отчаянія и склонялся, какъ тростинка, то къ орудію смерти, то къ послѣднимъ попыткамъ спасенія...

Только въ послѣднюю ночь всѣ они были спокойны...

Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь лежалъ, его нашелъ готторскій мальчикъ въ 8 часовъ утра во вторникъ, когда онъ пришъ убирать контору. Вскорѣ по городу разнесся смутный слухъ о катастрофѣ, и тогда началось гулянье обывателей мимо виллы Гудмундсоновъ.

Въ Нольчѣпингѣ до сихъ поръ еще никогда не случалось такъ о грандіознаго скандала. Зато добрые нольчѣпингцы и оцѣнили его самымъ достойнымъ образомъ. Они нарочно собирались въ «Золоты

лошади» и злословили и чернили покойнаго, приглашеній котораго они еще такъ недавно добивались, какъ счастья.

Многіе почтенные отцы семейства собирались въ домахъ и рассказывали очень некрасивыя вещи въ очень нелестныхъ выраженіяхъ о самомъ могущественномъ когда-то членѣ ихъ общества.

Только докторъ Лундбергъ, преподаватель народной школы, отзывался о покойномъ нѣсколько иначе; но онъ былъ существомъ вышшаго порядка, и только изъ-за недостатка средствъ не могъ остаться при академіи въ качествѣ доцента философіи. Ему приходилось часто брать у покойнаго Гудмундсона, и небольшія карманныя ссуды, которыя, какъ онъ горячо надѣялся, наврядъ ли были занесены въ какія-нибудь книги. Онъ говорилъ:

— М-да... У человѣка этого были свои хорошія стороны, этого отрицать нельзя. По моему крайнему убѣжденію, *простымъ* крестьянскимъ воромъ его нельзя назвать. Какъ это... какъ это тамъ было написано, Бергдалъ? Ты еще говорилъ... Да: «Я игралъ и я проигралъ, и я расплачиваюсь!» Гмъ... Это, чортъ возьми, не такъ еще дурно со стороны мошенника въ нашей несчастной дырѣ.

IX.

Бѣдность и позоръ.

Ни сердце человѣческое, ни умъ человѣческій не могутъ сразу постичь всего значенія такого ужаса, какъ ударъ, который разразился надъ головой жены обманщика и шарлатана. «Бѣдность»! Да, конечно, это будетъ ея участью; но она представляла себѣ бѣдность въ цѣломъ рядѣ лишеній въ будущемъ: въ видѣ голода, изношеннаго и старомоднаго платья и въ видѣ заплатъ на локтяхъ куртки сына. «Позоръ»! Да, конечно, позоръ надвигался на нее со всѣхъ сторонъ: позоръ быть вдовой обманщика, позоръ быть наследницей обманщика и не имѣть возможности исправить послѣдствій обмана, позоръ быть нѣкогда богатой фру Гудмундсонъ и быть навсегда изгнанной изъ нольчѣпингскаго общества.

Но когда оба эти страшныя чудовища душили ее съ такой силой, о которой она раньше никогда не подозрѣвала; когда бѣдность отражалась въ озабоченномъ, разсѣянномъ и неспокойномъ взорѣ такъ недавно пресмыкавшейся передъ ней хозяйки магазина, которая такъ ясно показывала, что боится, что ея недавно еще лучшая покупательница, пришедшая заказывать траурное платье, на этотъ разъ не уплатитъ ей; когда позоръ принималъ образъ сторожа ратуши, пришедшаго съ повѣсткой отъ бургомистра, который вызывалъ ее въ ра-

тушу для процедуры отказа отъ наслѣдства; тогда ей казалось, что силы покидаютъ ее, и она не въ состояніи больше переносить эту жизнь.

И тѣмъ не менѣе всѣ ея заказы были доставлены въ-время на домъ безъ всякихъ затрудненій, а бургомистръ избавилъ ее отъ унижительнаго присутствія любопытныхъ и жадныхъ на скандалы свидѣтелей, и принялъ ее съ вѣжливой предупредительностью, которая была преднамѣренно больше и демонстративно теплѣе, нѣжели та, которую онъ обыкновенно раньше выказывалъ хозяйкѣ перваго дома въ городѣ.

Самаго худшаго она избѣгла: она не видала способа погребенія самоубійцы, судьба избавила ее отъ этого; ее, но не покойнаго. Когда ея мужа предавали землѣ, она лежала въ постели, разбитая и больная. Ленсманъ Валльмаръ, ея шуринъ, пріѣхалъ въ городъ и взялъ всѣ хлопоты на себя; трупъ перенесли прямо въ покойницкую, гдѣ былъ произведенъ требуемый закономъ осмотръ, а оттуда покойникъ былъ прямо перенесенъ въ отдаленный уголъ кладбища.

Между тѣмъ въ богатой виллѣ Гудмундсоновъ все оставалось по-прежнему. Въ спальнѣ лежала Эва, одну ея руку держала сестра, а другую—тетушка Густава.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги мальчика. Эва вздрогнула и взволнованно воскликнула:

— Нашъ сынъ долженъ былъ проводить своего отца!

И Элинъ, обыкновенно такая правдивая и честная, солгала спокойно и не задумавшись:

— Докторъ запретилъ это. Говорятъ, что дифтеритъ въ городѣ прямо свирѣпствуетъ, а на кладбище придутъ всѣ фабричные рабочіе, у которыхъ дома есть больные.

Мягкое, женское сердце Эвы, хотя и лишенное малѣйшихъ слѣдовъ любовныхъ воспоминаній, но ослабѣвшее отъ болѣзни, вдругъ освободилось отъ той ледяной коры, которую создали отвращеніе, горе и униженіе. Крупныя слезы медленно и какъ бы нерѣшительно скатились по ея щекамъ, и она тихо пробормотала:

— Бѣдный Торстенъ, какъ ты одинокъ, какъ ужасно одинокъ! Даже твое единственное дитя...

Но вдругъ она приподнялась въ постели, стала безпокойно и слушиваться, оперлась на локоть, провела рукой по глазамъ, и гливо устремленнымъ въ пространство, и снова бессильно опустила ее на подушки.

— Какъ странно! Я не слышу колокольнаго звона...

И тетушка Густава, которая дожила до сѣдыхъ волосъ и до то...

что щеки ея сморщились и стали походить на старый пергаментъ, и за всю свою долгую жизнь не произнесла ни одного слова лжи, — посмотрѣла Эвъ прямо въ глаза и сказала нѣсколько удивленнымъ тономъ:

— Какъ это удивительно, Эва! Но это случается иногда, что такое состояніе, въ какомъ ты теперь находишься, отражается на ушахъ. А кромѣ того, надо еще сказать, что погода ужасная, и не мудрено, если не *очень*-то хорошо слышно...

Позже, весной, когда Эва пошла на Божью ниву и при помощи тетушки отыскала мѣсто вѣчнаго упокоенія своего мужа въ отдаленномъ, «позорномъ» углу, когда она узнала, что при преданіи его тѣла землѣ не было ни колокольнаго звона и ничего, что относится къ обыкновеннымъ похоронамъ, — тогда она уже была закалена и привыкла къ горю и позору, тогда она главнымъ образомъ думала только о томъ, что почувствуетъ ея сынъ въ тотъ день, когда онъ, ясно сознавая и понимая все, будетъ стоять здѣсь, у могилы своего отца.

Но могилу опозореннаго самоубійцы содержали въ порядкѣ, и она имѣла нарядный видъ, и въ юномъ сердцѣ созданъ образъ покойнаго, не имѣвшій ничего общаго съ тѣмъ образомъ, который остался въ памяти у всѣхъ другихъ людей и представлявшій собою Торстена Гудмундсона.

Есть люди, которыхъ смерть вырываетъ изъ объятій самой горячей любви и которыхъ оплакиваютъ, какъ оплакиваютъ гибель единственной свѣтлой надежды на землѣ, и могилы такихъ людей вскорѣ остаются покинутыми подъ великолѣпнымъ надгробнымъ памятникомъ.

Есть также люди, имя и память которыхъ должны быть святы для потомковъ; и всетаки представленіе о нихъ остается смутнымъ для ихъ дѣтей и внуковъ.

Но онъ, не обладавшій любовью жены и не заслужившій уваженія сына, онъ лежалъ подъ разукрашеннымъ покровомъ, въ своемъ позорномъ углу на нольчѣпингскомъ кладбищѣ, а въ сердцѣ его сына мать запечатлѣла образъ отца, какъ человѣка способнаго и энергичнаго и неутомимаго работника для своихъ — *только* для своихъ! — но, «быть можетъ, немного слишкомъ *смѣлаго*», и во всякомъ случаѣ «глубоко несчастнаго и достойнаго сожалѣнія».

Однажды къ Эвъ пришла сестра Элинъ, смущенная и озабоченная. Ее послалъ мужъ по особо важному дѣлу.

— Не хочешь ли ты... прости, если я обижаю тебя... не хочешь ли ты снова называться Бергъ, Эва?

— И носить другую фамилию, нежели мой сын?— сказала Эва, взволнованно поднимаясь съ мѣста.

— Нѣтъ, конечно, и онъ переимѣнилъ бы фамилию... Это надо сдѣлать главнымъ образомъ изъ-за него...

Лицо Эвы вспыхнуло, и она строго взглянула на сестру.

— Ужь не хочешь ли ты также выпустить изъ него и всю кровь отца, до послѣдней капли? Стыдись! Эти слова не могутъ исходить изъ твоего сердца, Элинъ!

На голову Эвы пало гораздо больше униженій, нежели она могла это себѣ представить въ первыя минуты своего безграничнаго отчаянія. И всетаки, благодаря ея сравнительно спокойному характеру, здравому уму и привычкѣ владѣть собой, это отчаяніе не помѣшило ей замѣчать все и страдать отъ всего: отъ косыхъ взглядовъ, отъ преувеличенной и неестественной любезности, отъ безмолвнаго сличенія ея съ той или другой незначительной почетной должности, кнѣія могутъ встрѣчаться въ столь маленькомъ обществѣ, и настолько незамѣтныя, что она забыла сама покинуть ихъ, отказавшись отъ всѣхъ остальныхъ.

Что касается до бѣдности, то она, напротивъ, явилась ей не въ столь жестокомъ видѣ, какъ она это со страхомъ себѣ представляла,—безъ крайней нужды и безъ боязни за хлѣбъ насущный.

Начать съ того, что когда Эва заговорила о своемъ отъѣздѣ изъ города, какъ о вопросѣ рѣшенномъ, то тетюшка объявила съ кроткой покорностью, которая не совсѣмъ-то шла къ ней:

— Я понимаю, что для тебя невыносимо здѣсь жить. Но мнѣ, старухѣ, будетъ тяжело сдвинуться съ мѣста. Я прожила здѣсь около сорока лѣтъ.

— Тетя! Неужели же вы собираетесь уѣхать отсюда?— воскликнула пораженная Эва.

— Ахъ, дитя, я часто спрашивала, зачѣмъ Богъ далъ мнѣ жизнь, и что я должна исполнить на этомъ свѣтѣ. Одинокю прошла я по своему жизненному пути, и благодарю своего Создателя за то, что онъ былъ милостивъ ко мнѣ и сотворилъ меня и тѣломъ, и душой такой, что мнѣ не пришлось отвѣдать такъ называемаго «счастья», потому что я была слишкомъ безобразна и слишкомъ неженственна. Но теперь я понимаю задачу своей жизни.

Эва нѣжно погладила ее по рукѣ и прошептала:

— Бѣдная, одинокая тетя! Неужели ты никогда не тосковала, не мечтала о чемъ-нибудь собственномъ... о *настолицемъ* домѣ?

Старушка посмотрѣла на Эву усталымъ взоромъ поверхъ очковъ, немного спустившихся на ея энергическомъ носу, и сказала:

— О да, я мечтала ровно столько, что я имѣю слабое представление объ этихъ глупостяхъ. Но теперь, повторяю я, я понимаю задачу своей жизни, хотя я и нахожу, что Господь слишкомъ долго заставилъ меня ждать. Тѣ крохи, которыя я имѣю, принадлежать тебѣ, и конечно мы трое никогда не разстанемся больше, — ты, я и ребенокъ.

Эва съ рыданьями бросилась на шею старушки и воскликнула:

— Это слишкомъ много! Какъ можешь ты быть такъ добра! Нѣтъ, я не могу принять этого, я не хочу осложнять закатъ твоей жизни...

Но теперь тетушка Густава нашла, что она слишкомъ долго находилась подъ вліяніемъ нѣжнаго настроенія. Рѣшительнымъ движеніемъ она поднялась съ кресла и сказала рѣзко:

— Не говори глупостей, дитя! Разъ человекъ знаетъ свое мѣсто, то... Это такъ же естественно, какъ то, что старая умная коза идетъ въ свое собственное стойло, а не лѣзетъ въ чужое и не блеетъ тамъ всѣмъ людямъ на смѣхъ. Буда хочешь ты дѣваться?

Нѣтъ, тетушка не покинетъ насиженного гнѣзда. Это невозможно. Услуга за услугу. Разъ тетушка жертвуетъ для нея всѣмъ, то и она можетъ примириться еще съ однимъ униженіемъ и начать свою новую, незамѣтную жизнь въ томъ же кругу, въ которомъ старушка занимала почетное мѣсто, и среди людей, знавшихъ лучше, чѣмъ кто-либо другой на свѣтѣ, о томъ позорѣ, который тяготѣлъ надъ ней и надъ ея ребенкомъ.

Какъ бы то ни было, но забота о хлѣбѣ насущномъ, которую ожидали, не появлялась, тогда какъ униженія, о которыхъ забыли, сыпались одно за другимъ.

Началось съ описи имущества и разоренія дома, въ которомъ никогда не жило счастье, но въ которомъ заключалось много такого, что на свѣтѣ принято считать атрибутами счастья. Эва думала, что достаточно будетъ отказаться отъ всего, чѣмъ только можетъ воспользоваться конкурсное управленіе, отказаться отъ собственныхъ принадлежностей туалета до мелочей, вплоть до маленькаго колечка, которымъ Гудмундсонъ закрѣпилъ покупку дочери у владѣльца Бранслида послѣ того, какъ онъ скупилъ у него лѣсъ.

Но въ Нольчепингѣ смотрѣли на все съ точки зрѣнія старинныхъ, патриархальныхъ обычаевъ. Жена обманщика должна была по мѣрѣ силъ своихъ принести пользу: она должна была сдать все имущество точно, аккуратно и съ подробной отчетностью; это главнымъ образомъ касалось бѣлья и посуды въ богатомъ домѣ, такъ какъ уполномоченные конкурснаго управленія въ этихъ отрасляхъ домашняго

инвентаря разбирались не такъ свободно, какъ въ мебели и тому подобныхъ вещахъ.

Это породило цѣлый рядъ мучительныхъ минутъ, правда, безъ того отчаянiя, которое вызываютъ воспоминанiя при гибели и разоренiи гнѣзда, святаго любовью и сбереженiями, при дружномъ совѣщанiи относительно приобрѣтенiя каждаго новаго предмета.

Когда эти минуты миновали, и «вспомоществованiе», которое «управленiе» выдавало Эвѣ во время веденiя дѣла, прекратилось, то явилась необходимость для Эвы найти себѣ какую-нибудь работу, не только для пополненiя слишкомъ скромнаго и совершенно недостаточнаго на троихъ бюджета тетушки, но также и для того, чтобы морально поддержать себя.

Но какую работу могла она достать? Повсюду, куда бы она ни обращала взоры, поперекъ дороги стоялъ недостатокъ ея образованiя. А воспользоваться предложенiемъ тетушки и рисковать частью ея крошечнаго капитала для открытiя маленькой лавочки со швейными принадлежностями, — этого она не хотѣла, на это она не рѣшалась.

Однако этотъ животренещущiй, страшный жизненный вопросъ разрѣшился очень скоро, свободно и какъ бы самъ собой. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Эва сидѣла съ утра и до ночи за шитьемъ «изящныхъ, хорошо сидящихъ и тщательно сшитыхъ и выглаженныхъ пасторскихъ воротничковъ», какъ гласило объявленiе. Передъ «днями поѣздовъ» она отправляла иногда по почтѣ три-четыре пакета въ довольно отдаленныя мѣста, и она часто сама себя спрашивала, какъ это случилось, что она «служить церковному дѣлу».

Это маленькое дѣло было такъ удобно для нея. Оно требовало усидчивости, аккуратности и ловкости, но при этомъ не было необходимости ни въ познанiяхъ, ни въ капиталѣ.

Однако заработокъ былъ очень ограниченный и, несмотря на большiя лишенiя, бѣдность, того и гляди, грозила наложить руку даже на то, что и въ этомъ домѣ считалось минимумомъ жизненныхъ потребностей.

Но судьбѣ угодно было, чтобы нужда большую часть жизни хотя и очень близко стояла къ Эвѣ и давала ей чувствовать свое ледяное дыханiе, но никогда не овладѣвала ей всецѣло.

Вскорѣ послѣ Новаго года она была удивлена частнымъ извѣщенiемъ отъ одного случайнаго знакомаго по курорту въ дни величiя, служившаго въ одномъ изъ страховыхъ обществъ, что онъ, «прося извиненiя за навязчивость, напоминаетъ фру Гудмундсонъ, что ея страховая премiя находится къ ея услугамъ съ 1 сего числа».

«Страховая премія»? Эва точно съ неба упала. Ни о чемъ подобномъ она не имѣла ни малѣйшаго представленія.

Оказалось, что ея мужъ сейчасъ же послѣ свадьбы купилъ ей страховую премію въ 300 кронъ въ годъ, а при рожденіи сына онъ въ то же страховое общество положилъ капиталъ, который по достиженіи его сыномъ двадцати лѣтъ долженъ былъ дать ему тысячу кронъ въ годъ. Премію Эвы Гудмунсонъ ежегодно бралъ самъ, не считая нужнымъ сообщать ей о томъ, что вообще существуетъ что-либо подобное, такъ какъ даже въ ея личномъ бюджетѣ въ то время такая незначительная сумма не играла бы никакой роли.

Легко понять то чувство, которое заставило отважнаго спекулянта сдѣлать эти вклады, несмотря на его слишкомъ высокое мнѣніе о своемъ богатствѣ; правда, вклады были очень незначительны, но, повидимому, онъ всетаки рѣшился прибѣгнуть къ этому средству, чтобы обезпечить своимъ на всякій случай хоть какую-нибудь вѣрную суму. Въ особенности вкладъ на имя Эвы былъ до смѣшного малъ, если принять во вниманіе состояніе финансовъ Гудмундсона въ то время, когда онъ его сдѣлалъ.

Быть можетъ, такъ это и должно было быть, чтобы Эвѣ было легче принять эту столь необходимую прибавку къ ея скудному куску хлѣба.

Когда Эва стояла съ деньгами въ рукахъ, то она далеко не чувствовала той радости, которую долженъ былъ бы испытывать бѣднякъ, получившій три ассигнаціи, по сто кронъ каждая.

— Онѣ не мои, тетя! Вѣдь онѣ взяты изъ средствъ, которыя были укр..., которыя составились смѣлыми спекуляціями. Онѣ принадлежатъ нашимъ кредиторамъ! Не правда ли, тетя?—воскликнула она.

— Ахъ, что за глупости ты говоришь, дитя...—пробормотала тетушка, отвернувъ голову.

— А ты, тетя, ты приняла бы эти деньги безъ малѣйшаго раздумья?

Конечно, тетя никогда не сдѣлала бы этого, потому что тетушка Густава была человекомъ исключительнымъ. Но вѣдь она была всегда такъ одинока въ жизни, ей не приходилось испытывать на себѣ взгляда пары дѣтскихъ, ясныхъ глазъ, которые какъ будто спрашивали съ наивнымъ удивленіемъ, почему дома стало такъ тѣсно и почему полную сахарницу къ кофе замѣнилъ ломоть ситника.

— Ты приняла бы, тетя?

Тетушка посмотрѣла на красивую голову, волосы на которой быстро начали сѣдѣть. Она замѣтила, какъ впали щеки Эвы, она

увидала кончикъ ея лѣваго указательнаго пальца, который торчалъ изъ-подъ бѣлаго полотна и казался сѣрымъ и обглоданнымъ отъ постоянного общенія съ духовной иглой. И она сказала:

— Да, конечно, я приняла бы.

— Не задумываясь?

— Да, не задумываясь, милая Эва.

И Эва приняла, и «не задумываясь», свою маленькую ренту, которая была ей такъ необходима; и эта рента, а также рента сына съ теченіемъ времени способствовали тому, что сердце ея смягчалось не отношенію къ покинувшему ихъ.

Таковы навѣрное, за рѣдкимъ исключеніемъ, даже лучшіе изъ насъ.

Однажды преподаватель школы Лундбергъ появился въ маленькой квартиркѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кому лучше другихъ удавалось не оскорблять Эву своимъ поведеніемъ по отношенію къ ней; быть можетъ, это происходило отъ того, что онъ нѣкогда питалъ къ ней склонность, которую, хотя и легко побѣдилъ, но никогда не забывалъ.

— Гм... маленький Карлъ, по всей вѣроятности, будетъ продолжать посѣщать школу осенью?—спросилъ онъ.

— Да, такъ я думаю,—отвѣтила Эва.

— Гм... гм... Да, вы меня простите, фру Гудмундсонъ, но дамамъ трудно подумать обо всемъ: мальчику надо было бы отдѣляться... по случаю... гм... нѣкоторыхъ обстоятельствъ... высшей платой за право ученія... тремя пятидесятью за терминъ... гм...

— А высшая плата сколько составляетъ... обыкновенная плата за терминъ?—спросила Эва, склоняясь надъ своей работой.

— Шестнадцать пятьдесятъ.

Тетушка увидела, что щеки Эвы залила яркая краска, и она подтвердила сейчасъ же:

— Да, мы это заплатимъ за мальчика.

Эва вскинула на тетуску благодарными глазами. Докторъ Лундбергъ еще смущеннѣе задвигался на своемъ стулѣ. Потомъ онъ всталъ, взялъ свою шляпу, но въ то же время сказалъ:

— Я усердно прошу не понимать меня ложно! Это такъ хорошо съ вашей стороны, фрёкенъ Берсъ, но при существующихъ обстоятельствахъ... при настоящемъ положеніи дѣлъ... Да, я надѣюсь, что никто не приметъ это... за демонстрацію.

Эва поняла. Сынъ обманщика не долженъ былъ платить, его пргравнивали къ недостаточнымъ. Голосъ ея дрожалъ немного, но взоръ былъ увѣренный и спокойный, когда она подняла его на господина Лундберга и сказала:

— Само собою разумеется, что я была бы крайне благодарна вамъ, докторъ Лундбергъ, если бы вы похлопотали передъ директоромъ, чтобы онъ позволилъ мнѣ вносить за моего сына *самую* низшую плату за ученѣе.

Конечно, онъ сдѣлаетъ это съ удовольствіемъ, и онъ вообще коснулся этого предмета лишь изъ чувства доброжелательства; но, быть можетъ, дѣло выиграло бы больше, если бы сама мама маленькаго Карла...

Эва никогда не торговалась, она только хотѣла знать, сколько именно униженія отъ нея требовалось. Въ этотъ же день она уже стояла въ пріемной директора и почтительно излагала свою просьбу, хотя и въ довольно спутанной и неясной формѣ. Но директоръ Югансонъ помогъ ей выйти изъ затрудненія, выяснилъ все и похлопалъ маму маленькаго Карла ужасно ласково и сказалъ богѣе, чѣмъ покровительственнымъ тономъ:

— Конечно, милая фру Гудмундсонъ! Не можетъ быть и рѣчи объ отказѣ. При такомъ абсолютномъ отсутствіи всякихъ средствъ уставъ даетъ на это полное право.

Два господина изъ деревни и одинъ изъ города, которые находились въ пріемной для переговоровъ о приемѣ своихъ сыновей въ школу, были очень заинтересованы этимъ интермеццо, и просьба фру Гудмундсонъ «на бѣдность» у директора служила острой приправой къ ихъ обѣду.

Немного позже Эва покупала на рынкѣ дрова, и когда крестьянинъ окончательно сошелся съ ней въ цѣнѣ, онъ сказалъ добродушно:

— Извините, но не будетъ ли задержки съ уплатой, вѣдь теперь всѣмъ имуществомъ вашего мужа завладѣло конкурсное управленіе?

Разъ какъ-то за нѣсколько дней до Рождества, когда она была въ магазинѣ, переполненномъ публикой, тамъ стоялъ одинъ господинъ изъ деревни и оживленно разговаривалъ съ хозяиномъ магазина; между прочимъ, онъ спросилъ:

— Какъ это случилось, скажите на милость, что камериръ Тимгрень объявляетъ о продажѣ своего новаго, прекраснаго помѣщенія?

И купецъ, который не видалъ Эвы, отвѣтилъ во весь голосъ передъ всей публикой:

— Ужъ очень ему плохо пришлось, бѣднягѣ! Его ободралъ дочка эта этотъ мошенникъ Гудмундсонъ.

Иногда проходили мѣсяцы между такими душевными пытками, а иногда и недѣли между нравственными уколами; но цѣлыми годами ей пришлось трепетать отъ страха передъ ними. Они угрожали ей постоянно. Они падали на ея голову, когда угодно.

Однажды за обѣдомъ мальчикъ, который былъ для нея не только самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ, но и сталъ единственной цѣлью ея жизни, сидѣлъ такъ тихо и былъ необыкновенно молчаливъ.

— О чемъ задумался ты, мой мальчикъ?—спросила тетунья.

— Да, тетя, что это такое «самоубійца»?

Два сердца безумно забились отъ стыда, досады и горя.

— А ты, мама, тоже не знаешь, что это такое? Тюре Викмонъ и я поссорились на гимнастикѣ послѣ того, какъ ушелъ поручикъ, и вотъ Тюре сказалъ, что *мой* папа былъ «самоубійцей...»

X.

Маленькій Карлъ скрытничаетъ.

У Эвы было много данныхъ для образованія характера. И всетаи ея характеръ до сихъ поръ еще не установился. Непосильная работа, взваленная на слабыя плечи, страхъ не справиться съ этой работой и почти животная усталость по окончаніи поденщины, при постоянной заботѣ о хлѣбѣ насущномъ въ родительскомъ домѣ, — все это въ ранніе годы принижало ее духовно и часто дѣлало неувѣренной и заставляло колебаться, что ничуть не соответствовало ея натурѣ.

Богатство, появившееся позже, заставило ее постоянно наблюдать за собой и скрывать, какъ мало она привыкла къ нему и къ новому обществу, болѣе или менѣе образованному, передъ которымъ она должна была маскировать свое собственное невѣжество; все время ея замужества представлялось ей впоследствии, какъ долгое пребываніе въ гостяхъ въ чужомъ домѣ.

Теперь только въ первый разъ она видѣла передъ собою ясно свой путь, одинокій, полный лишеній, — путь зарабатывающей свой хлѣбъ женщины. Теперь, наконецъ, она получала тотъ отпечатокъ, который носила до конца своихъ дней, отпечатокъ умной, терпимой, но въ то же время твердой въ своихъ принципахъ матери, личная жизнь которой была окончена, которая ни на что больше не надѣялась лично для себя, а видѣла цѣль своей жизни лишь въ ребенкѣ; которая ничего не просила и ничего не ожидала отъ доброй людской, но которая была всегда вооружена, чтобы со спокойнѣмъ достоинствомъ встрѣтить сознательное или бессознательное стремленіе людей затоптать въ грязь того, кто, съ точки зрѣнія общественной, уже упалъ на колѣни.

Она никогда никому не навязывалась и съ врожденнымъ тактомъ довела до минимума неловкое чувство своихъ прежнихъ знакомыхъ.

по отношенію къ ней,—она почти никогда не показывалась въ этомъ маленькомъ обществѣ, гдѣ люди видятъ все, а знаютъ еще въ десять разъ больше.

Но *разъ* въ годъ она появлялась среди большого собранія людей, нарядная, насколько она это могла теперь себѣ позволить, и садилась въ не слишкомъ отдаленномъ углу. Это было во время торжественной раздачи наградъ въ нольчѣпингской школѣ по окончаніи весенняго термина.

Тамъ еще разъ звучало загрязненное имя Гудмундсона гордо и громко. Тамъ ея милый мальчикъ, становившійся съ каждымъ годомъ гораздо выше и немного красивѣе, проходилъ по залѣ, одинъ разъ за другимъ, твердыми, эластическими шагами, со смѣло поднятой темноволосой головой на еще узкихъ плечахъ, къ каедрѣ, мѣсто на которой въ этотъ день директоръ уступалъ преподобному епископу, какъ эфору.

«Карлъ Гудмундсонъ за прилежаніе и успѣхи по исторіи и географіи», «Карлъ Гудмундсонъ за прилежаніе и успѣхи по математикѣ»,—выкрикивалъ неприятный сильный голосокъ. Но Эвъ этотъ голосъ казался прекраснѣйшей музыкой въ свѣтѣ. А когда очередь доходила до наградъ за пѣніе и гимнастику, то снова раздавалось «Карлъ Гудмундсонъ».

И каждый разъ, какъ онъ, принявъ съ глубокимъ поклономъ свою наградную книгу, съ пылающими щеками, оборачивался назадъ, его сияющій взоръ съ неизмѣнной увѣренностью обращался въ ту сторону, гдѣ мама сидѣла рядомъ съ тетушкой, и тогда три сердца бились въ унисонъ отъ чувства торжествующей радости.

Правда, что и эту радость отравлялъ ядъ; правда, что до остраго, къ несчастію, слуха Эвы достигалъ шопоть людей, пріѣхавшихъ изъ деревни: «Это сынъ *того самого* Гудмундсона?», когда ея мальчикъ выходилъ за наградой; но мало-по-малу она стала менѣе чувствительна къ подобнымъ уколамъ, и радость ея была слишкомъ велика въ эти торжественные дни, чтобы ее можно было чѣмъ-нибудь омрачить.

Двери, въ которыя Эва никогда больше не стучалась, дома, въ которыхъ ей были искренно благодарны за ея «скромность», начали раскрываться для ея красиваго сына; товарищи зазывали его къ себѣ домой запросто, а ихъ сестры умоляли, чтобы на ихъ дѣтскіе балы братья приводили «самого красиваго мальчика во всей школѣ».

Эва выдерживала характеръ, насколько могла. Отчасти она чувствовала себя оскорбленной этими вихрами радости, которыя бросали ея сыну, отчасти она страшилась, чтобы и тутъ не встрѣтилось нѣ-

что такое, что могло бы нанести сердечную рану ей сыну и напомнить ему объ ужасной наследственности позора.

Но она должна была уступить въ этой борьбѣ, такъ какъ молодежь становилась все настойчивѣе, сынъ страдалъ отъ ея упорства, а мамыши сами стали взбираться по узкой лѣстницѣ тетушки Густавы, приглашали и старались говорить старымъ тономъ, какъ если бы ничего не случилось.

Теперь Карлъ былъ уже въ гимназическихъ классахъ, и Эва ходила одна на раздачу наградъ. Тетушка сама перешла въ звѣздный университетъ, гдѣ, какъ увѣряютъ, мы получимъ отвѣты на многое, на что мы тщетно стараемся найти отвѣтъ здѣсь, на землѣ, и чего мы не понимаемъ, несмотря на удары судьбы.

Прощальное слово тетушки, когда она почувствовала приближеніе смерти, было коротко и ясно:

— Не грусти, Эва. Завѣщаніе составлено законно, и все въ порядкѣ, и я не могу себѣ представить, чтобы Валльмарки были недовольны, что я оставила тебѣ тѣ крохи, которыя я имѣю. Книжка, въ которую я записываю бѣлье, лежитъ въ правомъ ящикѣ зеркала. Да благословить тебя Богъ! Благаяся Элинъ и всѣмъ ея милымъ!

Это было утромъ. Потомъ тетушка лежала молча съ закрытыми глазами и лишь изрѣдка протяжнымъ шопотомъ произносила: «Спасибо!», когда Эва кончала читать молитву или какое-нибудь мѣсто изъ Библіи.

Около шести часовъ она сдѣлала попытку приподняться и сказала:

— Брусничное варенье, пожалуй, придется переварить. Оно нехорошо вышло. Мнѣ очень хотѣлось бы лежать по правую руку отъ брата Арвида на Бюотарюдскомъ кладбищѣ, если тамъ достаточно мѣста за рѣшеткой.

Въ восемь часовъ ея не стало.

Ея смерть не была потрясающимъ горемъ; когда съ семейнаго дерева падаетъ вѣтвь послѣ того уже, какъ она высохнетъ, то это рѣдко причиняетъ острое горе. Но въ маленькой квартирѣ стало такъ ужасающе пусто, и любвеобильный образъ тетушки, съ рѣзкими словами и угловатыми движеніями, жилъ въ вѣрныхъ сердцахъ гораздо дольше, чѣмъ образъ многихъ другихъ, безъ которыхъ яко бы ихъ близкіе не могутъ жить на землѣ.

Приближалось первое Рождество послѣ смерти тетушки. Эвѣ казалось, что она съ удвоенной силой ощущаетъ пустоту въ домѣ, а къ этому прибавилась еще новая забота: первая забота, вызванная сыномъ.

Онъ былъ полонъ любви къ ней, какъ и всегда; онъ сталъ относиться къ ней даже съ болѣе сознательной нѣжностью по мѣрѣ того, какъ его разумъ зрѣлъ, а плечи становились шире. И учился онъ отлично, какъ и всегда раньше; учителя въ одинъ голосъ говорили, что ему предстоитъ «блестящая будущность». А отцы неудавшихся сыновей часто съ раздраженіемъ говорили въ своихъ семьяхъ: «Вотъ увидите, что изъ этого парня выйдетъ нѣчто особенное, *несмотря на имя*».

Но мама знала то, что знала. Ея мальчикъ уходилъ изъ дому каждый Божій вечеръ въ продолженіе всего этого термина; онъ нѣжно цѣловалъ ее на прощаніе, но никогда больше не хотѣлъ учить своихъ уроковъ за тѣмъ же столомъ, за которымъ она шила свои воротнички. Въ школѣ его занятія шли прекрасно, это она знала черезъ доктора Лундберга, но по количеству керосина, который сгоралъ въ его лампѣ, по блѣднымъ щекамъ и синимъ кругамъ подъ прекрасными глазами она поняла, что это происходило вслѣдствіе усидчивыхъ занятій по ночамъ, а кромѣ того она слышала съвозъ тонкую стѣну, какъ поздно онъ ложился спать.

Богда онъ понялъ, что мать замѣтила, сколько керосину онъ сжигалъ, то онъ сталъ приносить домой бутылки съ керосиномъ подъ полой пальто, что не скрылось отъ зоркихъ глазъ Эвы.

«Слава Богу, что это не пуншъ!»—подумала она при этомъ результатъ своего боязливаго осмотра; но она не смѣла, не хотѣла допустить мысли о томъ, что такія вещи, какъ пуншъ, онъ, быть можетъ, получалъ тамъ, куда ходилъ по вечерамъ.

Ея страхъ можно было сравнить только со страхомъ человѣка, который дрожитъ за единое, чѣмъ обладаетъ на землѣ. Въ своей наивной простотѣ и въ полномъ невѣдѣніи многихъ изнанокъ жизни она всетаки думала о другихъ опасностяхъ, которымъ юноши подвергаются именно въ этомъ возрастѣ. Нѣсколько разъ она уже открывала ротъ, чтобы поговорить съ сыномъ, но снова закрывала его и опускала голову, и къ щекамъ ея приливалась кровь.

Его взоръ былъ все такъ же ясенъ и открытъ. Неужели же она могла подозрѣвать своего родного, хорошаго мальчика? Нѣтъ! И все-таки...

Разъ вечеромъ, недѣли за двѣ до Рождества, она потихоньку вышла изъ дому и пошла вслѣдъ за сыномъ. На дворѣ завывала вьюга и вѣтеръ съ ожесточеніемъ вырывался изъ-за угловъ домовъ. Эва шла изъ одной улицы въ другую. Пришлось проходить мимо перваго ея дома въ этомъ городѣ. Она вздрогнула. Какое ужасное открытіе сдѣлала она въ тотъ вечеръ въ конторѣ! Это было такъ давно, что

ей трудно было себѣ представить, что тогда страдало то же самое сердце, которое страдает и теперь.

Тогда она шла сюда спокойно и беззаботно и ничего не подозрѣвала. Но теперь...

Эта тихая, терпѣливая и приниженная женщина напоминала собой пантеру, когда она съ блестящими глазами и крадущимися шагами, несмотря на начинающуюся полноту, торопливо поднималась въ темнотѣ по шаткой лѣстницѣ въ довольно запущенномъ домѣ, на одной изъ отдаленныхъ улицъ.

Взойдя по лѣстницѣ, она очутилась въ темномъ коридорѣ, въ глубинѣ котораго раскрылась дверь и снова захлопнулась.

Черезъ нѣсколько секундъ Эва стояла у этой двери и прислушивалась. Сердце ея билось съ такой силой, что его удары можно было принять за какіе-то посторонніе звуки извнѣ.

— Ну, какъ поживаете, милашки?—раздался за дверью веселый и ласковый голосъ Карла.

Наслѣдственность...

Эва напрягла всѣ свои силы, чтобы не опуститься на полъ.

Но что это такое? Послышались дѣтскіе голоса, отвѣтившіе на привѣтствіе Карла, захлопали книжки, брошенныя на столъ, раздалось зубрѣніе нѣмецкихъ глаголовъ, съ пристукиваніемъ кулакомъ тамъ и сямъ, и сквозъ этотъ шумъ Эва ясно слышала голосъ Карла, который то шутливо, то нетерпѣливо поправлялъ зубрившихъ.

Но вотъ настала очередь алгебры...

Когда Эва снова очутилась на улицѣ, гдѣ продолжала злиться вьюга, то по ея пылающимъ щекамъ текли крупныя слезы, и она сознавала только одно, что до сихъ поръ она еще не имѣла понятія о высшемъ, величайшемъ счастьѣ.

О, какъ горячо обниметь она своего мальчика, когда онъ придетъ домой, какъ она будетъ благодарить его и, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ своей души—попросить у него прощенія!

Но стоитъ ли это дѣлать? Нѣтъ, въ первый разъ ея обожаемый сынъ являлся ей взрослымъ человѣкомъ, съ собственной волей и самостоятельнымъ рѣшеніемъ. А потому она рѣшила уважать его, какъ таковаго, и пока обратиться со своей благодарностью лишь къ Богу.

Приходилось ли тебѣ въ весну жизни, наканунѣ объясненія твоей любви, находиться подъ одной крышей съ горячо любимымъ человекомъ, прислушиваться къ его шагамъ, къ его голосу или къ вздоху разочарованія, если ему не удалось видѣть тебя?

Приходилось ли тебѣ тихо лежать ночью съ открытыми глазами и прислушиваться къ тому, который работаетъ для тебя, чью радость

ты раздѣляешь и побѣда котораго также и твоя? Приходилось ли тебѣ прислушиваться, какъ онъ въ сосѣдней комнатѣ за письменнымъ столомъ исполняетъ поденщину, которая дастъ завтра хлѣбъ, или какъ онъ съ карандашомъ и циркулемъ въ рукахъ расчищаетъ себѣ путь къ великолѣпному храму извѣстности?

Тогда ты имѣешь представленіе о томъ, что должна была испытывать Эва, когда она лежала и прислушивалась къ малѣйшимъ звукамъ, доносившимся до нея изъ комнаты сына, и не могла заснуть отъ счастья.

Насталъ Рождественскій сочельникъ. Снѣгъ стоялъ, и въ воздухѣ стоялъ сѣрый туманъ. Великій праздникъ праздновался очень скромно въ бѣдной, маленькой квартирѣ, и елка была маленькая и очень просто украшенная. Но что же изъ этого? Двѣ пары глазъ всетаки сіяли отъ счастья. Снова всплыли воспоминанія о былыхъ дняхъ, о роскошномъ домѣ, но эти воспоминанія было легко отогнать. Никогда не заживавшія раны, нанесенныя ударомъ, который разрушилъ тотъ домъ, раскрылись вновь, какъ и всегда въ дни Рождественскихъ праздниковъ. Но онъ получили уже утромъ воздаяніе изъ слезъ и ихъ увиди уже съ любовью связаннымъ вѣнкомъ, возложеннымъ на могилу Торстена Гудмундсона. Мѣсто тетушки было пусто, но духъ ея навѣрное не гнѣвался на то, какъ радостно встрѣтили сочельникъ эти два бѣдныхъ существа, у которыхъ даже не было честнаго имени въ защиту отъ свѣта.

Эва стояла, погруженная въ мысли, и смотрѣла на свѣтъ немногихъ маленькихъ свѣчекъ среди блѣдно-зеленыхъ вѣтвей елки, и воспоминанія унесли ее въ далекое прошлое, въ сочельники, которые она проводила ребенкомъ.

Вдругъ позади нея раздались осторожные шаги, и на ее плечи упало что-то мягкое и теплое. Когда она обернулась, то увидала передъ собой своего мальчика, который такъ сіялъ отъ счастья и гордости, что казался на цѣлыхъ два дюйма выше своего обыкновеннаго роста. Видно было, что онъ переживалъ самую счастливую минуту въ своей жизни; губы его дрожали отъ волненія и отъ гордости, когда онъ сказалъ съ принужденной небрежностью:

— Вотъ тебѣ, мамочка, зимнее пальто, которое ты не хотѣла купить себѣ изъ-за... изъ-за скупости. Да, и за него заплачено все до послѣдняго øре, потому что я репетировалъ уроки съ нѣсколькими тушцами изъ четвертаго класса.

Перев. М. Благовѣщенская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л У Г А.

Между зелеными лугами рѣка изогнулась широкимъ поворотомъ и лежитъ блестящая.

Надъ рѣкой плывутъ облака: важныя и спокойныя, какъ кони въ бѣлыхъ попонахъ.

Въ эти лазурные просторы, которые надъ лугами, они вступаютъ неизвѣстно откуда. Глядятъ въ воду спокойными отраженіями. Каждое изъ нихъ стоитъ округлое и грудастое, жемчужно-бѣлымъ лебедемъ.

Потомъ плывутъ дальше. А самыя легкія изъ нихъ таютъ тутъ же въ воздухъ, неизвѣстно куда.

Такъ плывутъ облака Богъ знаетъ изъ какой старины, Богъ знаетъ изъ какихъ далей, и за синей полоскою горизонта, неизвѣстно куда, исчезаютъ.

Потому что велики просторы, которые надъ лугами, а за этими просторами кругомъ, во всѣ стороны, и *надъ* ними другіе просторы.

На мокрыхъ отмеляхъ кричатъ кулички; съ влажныхъ песковъ перелетаютъ на тихую заводь.

А гдѣ-то звенятъ стекляннымъ влекотомъ крупныя турахтаны. Ихъ не видно за ярко-глинистыми изгибами берега: очень они стѣрожки. Невидимо перелетѣли, и звенить ихъ влекоть за другимъ изгибомъ.

А вотъ почти чудо: вплыла въ лазурь чайка. Она летитъ медленно, атласно. Бѣлымъ сномъ она тутъ родилась, бѣлымъ сномъ пропадаетъ.

Николай-студентъ, въ бѣлой рубахѣ и бѣлой фуражкѣ, идетъ берегу рѣки.

Его глаза блестятъ небомъ, въ его груди воздухъ, золотые лучи. Когда таютъ облака, они еще свѣтятся въ душѣ человѣка. Въ немъ кричатъ замолкнувшіе турахтаны, и долго летитъ въ немъ улетѣвшая чайка.

Онъ глядитъ, дышитъ, ему тихо-радостно. Можетъ быть, эти луга, облака, небо — только солнечная шутка. Вотъ уплыветъ, вотъ погаснетъ. Но созвучить всему этому что-то въ груди.

Потому что несутся надъ лугами геніи лучей и красокъ, благоуханные и цвѣтные сны луговъ и земли.

Они давно рождены солнцемъ, землей, но живутъ самобытные, и, несясь надъ лугами, проносятся и сквозь человѣческую душу. И звенить душа человѣка: звенить красками и лучами.

По рѣкѣ идутъ пароходы. Они наплываютъ изъ-за поворота, растутъ, становятся огромными, бѣло-свергающими. Первое лѣто, какъ стали ходить тутъ пароходы. Они слишкомъ велики, и тѣсно имъ въ этихъ оранжевыхъ берегахъ, потому что ведутъ ихъ изъ другой рѣки, которая большая.

Противъ заводи, у поворота, они долго пыхтятъ и гудятъ зычно.

Тогда изъ помѣщичьей усадьбы выбѣгаютъ смотрѣть на нихъ дѣти и молодая красивая нянюшка. Мальчикъ и дѣвочка, одѣтые по-городски и нарядные, бѣгутъ черезъ луговину. У нихъ горятъ глазки, и они очень смѣются отъ счастья. И нянюшка весело смѣется, и на бѣгу у нея крахмально шуршатъ опрятно наглаженные юбки.

На берегу они останавливаются и глядятъ восхищенные на бѣлое чудо, на гудящій дворець-сказку.

И потомъ во всѣхъ играхъ ихъ—пароходы. Бѣлко топчутъ дѣти ножками, очень пыхтятъ и гудятъ.

Горитъ солнце надъ рѣкой и лугами, все жарче грѣетъ воду и землю. Въ полдень становится тяжело. Попрятались кулики, не кричатъ турактаны. И рѣка тяжелая. Только ходятъ по ней широкіе круги. Это рыбы стали шалѣть отъ тепла: глядятъ изъ-подъ воды своей въ голубое небо и завидуютъ ему. Имъ думается, что тамъ, за водой, въ не ихъ мѣръ, легко и прохладно. И онѣ прыгаютъ: хотятъ изъ своей стихіи выплеснуть себя туда.

Съ золотого луга въ тѣнь подъ старые осокори ушло стадо.

Голубая влажность подъ черными, корневатými осокорями. Прилегли на прохладную землю притупленные молочные звѣри. Дремятъ жуютъ жвачку. Отъ этого катаются въ ихъ шеяхъ какіе-то шары.

И нашли на звѣрей сны. Горячіе сны полдня. Это не ихъ сны, то сны древніе. Ихъ видѣли, ими надышали воздухъ безчисленные гвѣогда бывшія стада. Отъ этого эти сны очень густые и катятся по землѣ тяжкими влудами, густыми хмарами.

Въ нихъ глубоко-давняя и медленная жизнь пастбищъ, выгоновъ водопоевъ. Въ нихъ изумительная старина и одинъ и тотъ же вѣч-

ный тонъ. Отъ этихъ сновъ стада тяжелѣютъ и отъ нихъ, проснувшись, они не могутъ думать, а только жрутъ, даютъ молоко, жуятъ жвачку.

Около стада прикорнули и заснули пастухъ и Жучка. Снятся Жучкѣ о томъ, какъ какія-то далекія, ей неизвѣстныя овчарки когда-то въ солончакахъ какихъ-то стерегли отары и грызлись съ тигроизъ. Сама Жучка никогда не видѣла тигра, но отъ этого сна она оцѣпилась и жалобно скулить.

А пастухъ видитъ древніе пастушескіе сны. Въ этихъ снахъ вѣчная меланхолія полей, равнинъ, далекихъ плоскогорій; молчаніе старъ и вѣчная пастушеская одинокость подъ огромнымъ небомъ. Отъ этихъ сновъ пастухъ тоже тяжелѣетъ и, проснувшись, долго ходитъ смутный; а когда садится солнце, онъ ему играетъ на своемъ рожкѣ, на солдатскомъ старомъ горнѣ, отъ котораго пахнетъ мѣдью, что-то бѣдное и странное немногими нотами, свою пастушескую здрю.

А сны катятся дальше лѣнливыми шарами, къ инымъ пастухамъ, къ инымъ пастбищамъ.

Спать въ усадьбѣ послѣ обѣда и закрыли ставни. Въ просторной дѣтской спальнѣ сны дѣтскіе. Снятся дѣтямъ пароходы. А нянюшка, которая спитъ съ ними, откормившаяся и отъ этого красивая, не видитъ исхудалыхъ и злыхъ сновъ деревни, а грезитъ снами сытныи барскаго дома.

Потомъ откроютъ ставни и раскроютъ окна. Запахнетъ садомъ. Поютъ въ саду звучныя иволги. А что дѣлаютъ сны? Плывутъ къ инымъ полднямъ, къ другимъ спящимъ.

Еще крѣпче становится жаръ къ полднямъ, послѣ обѣда. Николай хотѣлъ спрятаться въ рощу. Онъ забрался въ самую чащу, въ густые орѣшники, но оттуда прогнали его поднявшіеся изъ-подъ каждаго папоротника желтые, худощавые отъ травяныхъ соковъ комары. Онъ взялъ мохнатое полотенце и идетъ купаться.

Томительный жаръ! Кажется, что луга, рѣва набухли. Это ужъ не сонъ, а кошмаръ земли.

Знойные часы любви земли и солнца. Часы знойнаго оплодотворенія.

Это не сегодняшній полдень томить землю, но собрались въ него всѣ полдни прошлые, которые въ вѣкахъ.

Вѣрно, бредитъ земля вѣковыми муками всѣхъ зачатій и жденій.

Отъ этихъ бредовъ душа земли, испуганная и ненужная, куда

спряталась. И стала земля однимъ тѣломъ, одной распаленной, страждущей утробой.

И солнце, которое надъ землей, бѣло-накаленное жерло, не сегодняшнее солнце, а солнце древнее.

Рѣчка, гдѣ купальня, въ глубокихъ берегахъ, извилистая, среди луговъ. Она впадаетъ въ ту, по которой водятъ пароходы.

Въ купальнѣ душно, пахнетъ теплымъ мокрымъ деревомъ. Если отворить досчатую дверь наружу, то блеститъ вода ослѣпительно.

Ужасно неподвижны ивняки. Каждый листокъ освѣчивается подъ солнцемъ, какъ стеклянный. Надъ водой неподвижны болотные листья—треугольныя стрѣлки, неподвижны ихъ отраженія.

Очень горяча скамья, на которой раздѣваются. Николай пробуетъ рубою воду: она парная, не освѣжить. Онъ неохотно раздѣвается и конфузится при видѣ своей молодой, съ крѣпкими мускулами, наготы.

Тѣло у него горячее и точно все напряжено. Голова накалена, кровь прилила ко лбу. Нѣтъ чувствъ легкихъ, изящныхъ и пѣвучихъ. Словно душа, подавленная, куда-то спряталась. И весь сдѣлался однимъ тѣломъ: оно чего-то мутно требуетъ, въ немъ тяжкія силы.

Въ желтой, тѣневой водѣ купальни, у самой поверхности, неподвижны рыбки. Что онѣ тамъ дѣлаютъ? Зачѣмъ смотрятъ такъ на человѣка? А можетъ быть, отъ жары онѣ просто въ обморокѣ?

Бругомъ солнечное молчаніе и знойный блескъ.

Но на высокомъ берегу противъ купальни убираютъ сѣно. Тамъ крестьянскія дѣвушки. Онѣ видны сѣвозъ щели, которыя въ досчатыхъ стѣнахъ. Ходятъ онѣ молча, не поютъ, только слышно, какъ шуршатъ бѣлыми граблями. Двѣ-три изъ нихъ иногда подходятъ совсемъ близко къ самому краю берега, гдѣ глинистый обрывъ. А если встать на скамью, то подальше виденъ возъ, на которомъ парень въ кумачѣ утаптываетъ ногами сѣно, какъ будто пляшетъ.

Отъ купальни къ тому берегу перекинуть мостикъ. Чего смотреть такъ сонныя рыбки? За чѣмъ слѣдятъ? А вонъ наружи, подѣ ветлой, у берега лежитъ сырая темная коряга. Это, можетъ быть, водяной высунулъ свое ослизлое, мохнатое брюхо.

Онъ и самъ весь истомленъ, изморенъ, но караулитъ мысли человѣка и радуется, что онѣ тяжкія и липкія, какъ тина. И, вѣрно, подѣ водой своей смѣется своимъ болотнымъ, тиннымъ смѣхомъ.

Перекинуть мостикъ отъ купальни къ тому берегу.

Николай думаетъ: можетъ быть, онѣ придутъ сюда. Устанутъ и пойдутъ купаться.

Тогда онъ пританцовываетъ, одѣлаетъ видъ, что его тутъ нѣтъ. Онъ отворять дверь. Онъ смѣется.

— Вѣдь онѣ же купаются у себя на деревнѣ, у мельницы, гдѣ запруда, оба пола вмѣстѣ, дѣвушки и парни. У нихъ это естественно и весело. Они хохочутъ, оплескиваютъ водой другъ друга, ловятъ. Главное, чтобы было весело; тогда будетъ просто, натурально.

Ему вдругъ становится весело и легко.

Шуршить сѣнокосъ. У этихъ дѣвокъ тѣла загорѣлыя и теплыя. Лица у нихъ лоснятся; кожа на рукахъ и босыхъ ногахъ въ трещинахъ и красная. И, вѣрно, запахъ отъ ихъ тѣлъ, потный, терпкій.

Но онѣ другой полъ. Одна мысль объ этомъ—острая и жгучая! И въ этотъ часъ онѣ для него желанны.

Знойный часъ! Въ этотъ горячій юнскій заповѣдь долженъ быть священнымъ голосъ тѣла!

Вонь струится и дрожитъ накаленный воздухъ.

Это отъ нихъ самихъ идутъ тонкою отравой не запахи, а что-то неосоздаемое, какіе-то флюиды пола.

Взять одѣться, перебѣжать туда. Онѣ обрадуются и засмѣются. Онѣ его знаютъ, барина; и, вѣрно, онъ видалъ ихъ въ рождѣ, когда, по воскресеньямъ, онѣ поютъ тамъ пѣсни. Брѣпкою рукой онъ обхватитъ вонъ ту въ бѣломъ, у которой лицо знойное; она, должно быть, вся знойная. Удивленные, жадно-благодарные глаза ея, частое дыханіе, а подъ его мужской рукой ея горячая дѣвичья грудь. Жгучее счастье! А кругомъ чье-то ликованіе: можетъ быть, ликують зеленныя травы. Или смѣются и радуются за нее всѣ другія, съ бѣлыми граблями.

Николай схватываетъ одежды, хочетъ одѣваться. Но вдругъ остановился. Онъ смущенъ. И ему тягостно. Это не выйдетъ «легко и просто». Это не будетъ «естественно и весело». Его выдастъ лицо его, которое теперь, навѣрное, пьяное, тупое, и его глаза, и его молчаніе съ этой спазмой въ горлѣ.

Онѣ разступятся враждебно, молча; имъ будетъ стыдно за него. И парень на возу подумаетъ, что такъ не дѣлаетъ никто.

Онъ ходить по купальнѣ. Ужасно скучно! Жгутъ ступни горячія доски.

И Николаю кажется, что это не онъ тутъ ходитъ, скучаетъ, «режетъ». Это не его мысли, не его желанія. Это что-то старое, огромное. Оно приплыло откуда-то съ этимъ зноемъ дня и навалилось. Оно жаждетъ и тоскуетъ въ немъ цѣлыя поколѣнія, помѣщичій мужской родъ. Онъ за всѣхъ нихъ несетъ эту муку. И отъ этого то, что шло, такое тяжкое, не по его одинокимъ силамъ.

Снова думаетъ: онъ не пойдетъ къ *нимъ*. Пусть онѣ придуть сами. Онъ внушить имъ по воздуху это желаніе, это властное мужское приказаніе.

Онъ становится на скамью и глядитъ поверхъ купальни. Напрягаетъ волю; онъ ихъ гипнотизируетъ.

Такъ стоитъ онъ на скамьѣ, голый. У него натуживаются ноги, руки. Въ глазахъ отъ солнца лиловые круги. А въ ушахъ странный звонъ: это, вѣрно, звенить самъ зной. И во всемъ тѣлѣ мука.

Все также шуршитъ сѣнокосъ. Вкругомъ — солнечная неподвижность, блескъ на ивнякахъ, томленіе воды.

Вдругъ голосъ со стороны усадьбы. Это, можетъ быть, идутъ купаться: мать или сестра.

Тогда мгновенно ему становится ужасно стыдно, очень страшно. Онъ соскакиваетъ; съ размаху бросается въ воду, шумно плаваетъ, и плещетъ. Скучна теплая вода!

Потомъ послѣшно одѣвается, выходитъ изъ купальни. Онъ не оглядывается на тотъ берегъ. Теперь *онъ* его видать. Онѣ, должно быть, удивляются: что онъ дѣлалъ тамъ въ купальнѣ, такъ долго?

Палитъ солнце. И прежде чѣмъ онъ доходить до дому, рубашка на его мокромъ тѣлѣ, котораго онъ нарочно не вытеръ, уже высохла. И отъ этого опять жарко.

Пьютъ чай на балконѣ. Блеститъ самоваръ. Очень опрятна бѣлая скатерть. Домашнія печенья и варенья.

Мучительно отъ этой семейной чистоты. Николай сидитъ потупившись, тяжелый. У него тяжелыя, дурныя мысли.

Мать красивая, но полная, помѣщица, и ей жарко.

Она въ широкомъ свѣжемъ пеньюарѣ. Маленькимъ платкомъ она обмахиваетъ влажное лицо свое и, характерно сжимая тоненькія губы, слегка дуетъ въ воздухъ: точно гонитъ отъ себя жару. Но она вся чистая, и дурно думать о ней стыдно: она, какъ всегда, его безупречная, прекрасная мать!

Отецъ — старичокъ аккуратный, сѣденькій, въ чесунчовомъ пиджачкѣ. Онъ сидитъ вѣрникій, бодрый, точно кругомъ нѣтъ деревни, нѣтъ жары. Вѣрно, днемъ ровно столько же, какъ и всегда, работалъ надъ статьей. Изъ уваженія къ лѣту онъ надѣлъ мягкую рубашку со шнуркомъ; но вчера еще ходилъ въ черномъ.

Онъ изумительный! Но Николай сурово думаетъ: — Это неправда! Онъ его отецъ. Были же и у него когда-нибудь такіе часы зноя, такіе мутно-дикіе часы?

Сестра и кузина изъ сада входятъ на террасу. Онѣ идутъ крас-

ныя, лѣнныя; волосы у нихъ спутаны. Вѣрно, валялись цѣлый день въ гамакѣ, читали желтый томъ французскаго романа, который несутъ съ собой. Онѣ лѣнно шепчутся, смѣются. У нихъ всегда между собой какіе-то секреты. А оттого, что идутъ онѣ обнявшись, Николай вдругъ чувствуетъ, какъ острая жалость къ самому себѣ ему сжимаетъ сердце.

Сидятъ, пьютъ чай, молчатъ. Надъ вареньемъ жужжать полосатая оса.

Вдругъ—точно горячій воздухъ двинулся. Оттуда-то чуть потнуло вѣтеркомъ и вечеромъ. И чувствуется, что дышать можно. Глаза смотреть веселѣе. Заговорили. И мать ласковымъ голосомъ что-то черезъ столъ рассказываетъ отцу. Николай вскинулъ голову.

Онъ въ своей комнатѣ.

Брѣвно пахнетъ охотничьими сапогами, а изъ дуловъ ружья сирой копотью. Прыгаетъ и стучитъ ногтями объ полъ рыже-красный ирландецъ Бой. Отъ нетерпѣнія онъ стонетъ.

И вотъ махнули черезъ рѣчку въ зеленые луга. Бругомъ травяное море. Село на косогорѣ. Надъ рѣчкой ветлы. Хрустятъ подъ ногами обкошенные травяные стебли. Бой носится круговымъ галопомъ.

Всюду сѣнокосы. Дѣвичья платя, ярко-рѣдѣющія пятна. Николай глядитъ на нихъ, онъ имъ смѣется, и ему не стыдно. Точно то ушло куда-то и никогда не было. Другой воздухъ, другое солнце, и душа другая; такъ славно, такъ легко!

Впередъ, къ рѣкѣ, на тихую заводь! Вонъ темнѣетъ впереди болотце: гладко шелковая осока, кудрявый ивничокъ. Среди нихъ озерко глядитъ хрустальнымъ глазомъ. А за нимъ лазурная рѣка.

Вотъ уже прыгаетъ ирландецъ по мокрымъ кочкамъ. Вотъ онъ хлопаетъ по брюху въ темной жижѣ. Плыветъ въ озеркѣ. А когда, въ трясинѣ, ему плыть трудно, онъ вопросительно оглядывается, и тогда голова его становится безухой, рыбьей, а взглядъ очень кроткимъ.

Ирландецъ молодъ, но дѣйствуетъ исправно. Вѣрно, въ эти азартныя мгновенія въ немъ ликуетъ охотничья душа его предковъ. А если бы онъ залаялъ, то, вѣроятно, со всей земли ему отозвались бы, завидуя ему и радуясь съ нимъ вмѣстѣ, такія же страстные души и всѣхъ охотничьихъ псовъ на свѣтѣ.

Рѣка и голубыя заводи. Мелкія водички, затянута водоросли и Чибисы, чернокрылые, хохлато-бѣлые кричатъ грустно-сладко. Онъ кулички попискиваютъ на бережкахъ. Бѣгаютъ по сырмъ пескамъ,

хватаютъ въ воздухѣ мушку: точно милые цыплята какой-нибудь рѣчной курицы.

Николай не стрѣляетъ: ихъ такъ легко убить, этихъ чибиговъ и куликовъ: пѣль прямо въ стаю. Ему хочется подглядѣть ихъ рѣчную жизнь. Сладко бьются за перьями бѣлыхъ грудокъ птичьихъ сердца. Они, должно быть, ужасно рады солнечному вечеру и этой лѣтней сытости. Радуются въ нихъ всѣ кулики; и бывшіе, и тѣ, которые въ живыхъ на всей землѣ. И, вѣрно, они знаютъ, что отъ такихъ сытыхъ вечеровъ зависитъ: быть или не быть на свѣтѣ всему куличьему роду.

Опять летитъ чайка: бѣлымъ чудомъ плыветъ невѣдомо откуда, невѣдомо куда таетъ.

Николай обходить заводи, глядитъ на рѣку, на луга, мечтаетъ. И снова ему чудится, что это не онъ такъ ходитъ. Кто-то другой за него чувствуетъ. А, можетъ быть, въ немъ грезитъ самъ свѣтлый вечеръ, скользя сквозъ человѣческую душу.

Какая ширь кругомъ! Точно видна отсюда вся равнинная земля! Какой размахъ луговъ!

Плывутъ лучи и краски, плывутъ чудеса.

Буда-то тяжкимъ шаромъ укатилъ кошмаръ, который былъ днемъ; душа земли освободилась и снова сдѣлалась душою нѣжной и изящной.

Отъ невысокаго солнца луга бронзовые, рѣка порозовѣла, и въ небѣ опаленно-дымчатая облака.

Вонъ далекій дождь повисъ надъ горизонтомъ косматыми волосами. Вонъ въ темной полосѣ блѣдно-зеленая поляна. Далекая улыбка солнца: она тамъ теперь, потомъ будетъ здѣсь, потомъ за сто верстъ отсюда.

Все это когда-то гдѣ-то было: можетъ быть, недавно, а, можетъ быть, въ дѣтствѣ. Еще вчера все это улыбалось гдѣ-нибудь въ степи, или въ горахъ, а сегодня приплыло сюда съ солнца. А завтра съ другими солнцемъ и другими облаками будутъ сны другіе.

И вотъ чувствуетъ душа человѣка, что это не просто небо, облака, луга. Она слышитъ, что плывутъ видѣнія и краски издалека.

Вотъ ступаетъ нога моя по зеленымъ травамъ, вотъ обвѣялъ меня вѣтерокъ, и бронзою согрѣло солнце.

Но входятъ въ воздухъ, который подъ голубою чашей неба, безпрепятственно лучи и звоны изъ другихъ міровъ.

Бродятъ отклики, свободные, изъ міра въ міръ. Они, какъ за-нахи, которые ушли отъ своихъ цвѣтовъ, какъ музыка, уплывшая отъ гитаръ и скрипокъ.

Вонь вечерніе осокоря надъ розовой рѣчкой. Гаснутъ ихъ отраженія, но уходятъ жить въ иныхъ водахъ.

А наши души—водоемы. Въ нихъ гаснутъ воспоминанія, —отсвѣты бывшихъ жизней, запахи исчезнувшихъ вещей,—но идутъ изъ міра въ міръ, какъ волны, и снова плывутъ къ намъ, уже чужія, но странно-близкія, знакомо-сладостныя.

Просторы надъ просторами.

Все—не просто на землѣ, а въ огромномъ мірѣ. Въ каждое мгновеніе онѣ входятъ къ намъ свободно, въ каждую минуту что-то отъ насъ уходитъ жить въ свои другіе. Жизнь—безграничныя дуга.

Николай надъ своимъ болотцемъ. Къ заходу солнца поплыли надъ рѣчкой тягуче-грустные, таинственно-призывные звуки.

Можетъ быть, это гудитъ въ селѣ лѣсопилка. Или въ полоскѣ горизонта кричитъ желѣзная дорога. Или долго-жалобное гудѣніе далекихъ столбовъ телеграфа.

А, можетъ быть,—Эолова арфа.

Точно здѣсь, гдѣ-то близко, плывутъ въ воздухѣ человѣческія души. Души когда-то жившихъ.

Онѣ безкровныя, невидимыя и какъ будто бы слѣпыя. Но, столкнувшись съ живой душой, онѣ что-то говорятъ ей на странномъ языкѣ своемъ; онѣ касаются воздушными пальцами струнъ Эоловой арфы; хотятъ, чтобы ихъ поняли.

И по-своему понимаетъ ихъ душа человѣка; сладкимъ волненіемъ имъ отвѣчаетъ.

Темнѣетъ. Среди осоки горитъ розовое оверко. Заря будетъ во всю ночь. Каждый листокъ ивняка рѣзкій, черный. Все время сладко пахнетъ осокою. Ужасно накусаѣли лицо и руки комары. До боли оттягиваетъ руку измученный ожиданіемъ Бой. Но нельзя пошевелиться, нельзя зажечь папирску.

Николай таятъ въ ивнякахъ и ждетъ трепетной минуты: вотъ налетятъ темныя утипыя тѣни. Будутъ казаться онѣ огромными. Плюхнутся на розовую воду и тотчасъ поплывутъ кругами, поднявъ высматривающія головки. Задрожитъ ружье въ рукѣ.

Около полуночи Николай возвращается домой. На его рабочемъ столѣ, на которомъ старое зеленое сукно, горитъ лампа. Отъ этого въ комнатѣ уютно и почти по зимнему, какъ въ городѣ.

Но въ окнѣ темный кустъ жасмина. А надъ вустомъ ночно-небо.

Въ законной тишинѣ ночные звуки. Они ласковые и мягкіе. Кричатъ въ лугахъ коростели, а въ поляхъ перепелъ. Далекій лай соба

би и звонъ колокола: бьетъ церковный сторожъ мѣрно, звучно полночь.

А вотъ еще отдаленный, гулкій, долгій-долгій зовъ. Кричитъ пароходъ.

Пароходы—бѣлые дворцы—идутъ по ночной рѣкѣ, между лугами. Вѣрно, тамъ среди ночи они дышатъ рѣчной сыростью и желтыми глазами высматриваютъ свою водную дорогу. Живой, долгій, грустный зовъ!

Что-то въ душѣ трепетно бьется.

А надъ землей лучистые огни. Земля отбросила въ просторы неба свою большую тѣнь. Изъ этой тѣни земли глядитъ древними глазами огромный міръ, котораго днемъ не видно.

Надъ землей стеклянно-синіе луга и бездны. Бездонный, вѣчный міръ.

Душа слушаетъ, душа напрягается, плыветъ выше, выше. Спрашиваетъ: гдѣ конецъ звѣздамъ? Испытываетъ жуть.

Чудятся далекіе міры, которые плывутъ, плывутъ вѣчно, входятъ въ наши просторы, несутъ намъ чужую, намъ близкую жизнь, свою музыку и свои сны, потомъ уходятъ и наплываютъ снова.

Въ сладостномъ томленіи душа напрягается, тихо страдаетъ отъ радостнаго общенія съ тѣмъ, что она одна, душа, чувствуетъ.

Петръ Комевииковъ.

ТРИСТАНЪ.

Новелла Томаса Манна.

Съ нѣмецкаго.

I.

Передъ нами санаторія «Уединеніе». Бѣлая и прямая лежитъ она, со своимъ вытянувшимся въ длину главнымъ зданіемъ и боковымъ флигелемъ, посреди обширнаго сада, украшеннаго прелестными гротами, крытыми аллеями и маленькими павильонами изъ древесной коры. За ея шиферными крышами поднимаются къ небу массивныя горы, покрытыя сосновыми лѣсами и прорѣзанныя мягкими линиями разсѣлинъ.

Попржежнему во главѣ заведенія стоитъ докторъ Леандеръ. Всѣмъ своимъ видомъ онъ держитъ больныхъ въ своей власти: своей раздвоенной черной бородой, жесткой и кудрявой, какъ конскій волосъ, которымъ набиваютъ мебель, своими толстыми, сверкающими стеклами очковъ, своимъ видомъ человѣка, котораго наука охладила, закалила и наполнила тихимъ, снисходительнымъ пессимизмомъ, своей немногословной и сдержанной манерой. И всѣ эти люди, слишкомъ слабые, чтобы самимъ предписывать себѣ законы и исполнять ихъ, вручаютъ ему свои здоровья, чтобы взаимно найти опору въ его строгости.

Что касается фрейлейнъ фонъ-Остерлоо, то она съ неутомимой энергіей завѣдуетъ хозяйствомъ. Боже мой, какъ дѣятельно бѣгаетъ она вверхъ и внизъ по лѣстницѣ, съ одного конца заведенія въ другой! Она царствуетъ въ кухнѣ и кладовой, возится въ бѣльевыхъ шкапахъ, командуетъ прислугой и заботится о столѣ, сообразуя съ требованіями вкуса и внѣшней привлекательности; она хозяйничаетъ съ неистовой предусмотрительностью, и въ ея необыкновенно дѣловитости скрывается постоянный упрекъ всей мужской половинѣ

человѣческаго рода, изъ которой еще никому не пришла въ голову мысль ввести ее хозяйкой въ свой домъ. Но на ея щекахъ двумя круглыми, ярко-красными пятнами пылаетъ неугасаемая надежда сдѣлаться современемъ госпожей Леандеръ.

Озонъ и мягкій, мягкій воздухъ... Что бы ни говорили завистники и соперники д-ра Леандера, для больныхъ легкими «Уединеніе» можно горячо рекомендовать; но здѣсь живутъ не только чахоточные, здѣсь живутъ больные всѣхъ родовъ—мужчины, дамы и даже дѣти; д-ръ Леандеръ можетъ похвастать успѣхами въ самыхъ различныхъ областяхъ. Здѣсь есть желудочные больные, какъ совѣтница Шпацъ, которая, кромѣ того, страдаетъ ушами, мужчины и дамы съ пороками сердца, паралитики, ревматики и больные всевозможными нервными болѣзнями. Одинъ генералъ-диабетикъ съ непрерывной воркотней проживаетъ здѣсь свою пенсію. Есть здѣсь и нѣсколько господъ, плохо владѣющихъ ногами, съ костлявыми лицами и походкой, не предвѣщающей ничего хорошаго. Одна пятидесятилѣтняя дама, пасторша Геленраухъ, произведшая на свѣтъ 19 дѣтей и неспособная больше абсолютно ни на одну мысль, все же никакъ не можетъ достигнуть успокоенія; гонимая тупымъ безпокойствомъ, она уже въ теченіе года, опираясь на руку своей сидѣлки, молча и словно застывъ, безцѣльно бродитъ по всему дому, наводя ужасъ на всѣхъ.

Отъ времени до времени умираетъ кто-нибудь изъ тяжело больныхъ, которые лежатъ въ своихъ комнатахъ и не выходятъ ни къ столу, ни въ салонъ, и никто, даже сосѣдъ по комнатѣ, не узнаетъ объ этомъ. Въ ночной тиши воскового гостя уносятъ, и жизнь въ «Уединеніи» безмятежно продолжаетъ свое теченіе: массажъ, электризація и впрыскиванія, души, ванны, гимнастика, потѣніе и вдыханіе въ различныхъ помѣщеніяхъ, снабженныхъ всѣми завоеваніями новаго времени. Да, жизнь здѣсь течетъ оживленно. Учрежденіе процвѣтаетъ. Когда прибываютъ новые гости, швейцаръ, стоящій у входа во флигель, ударяетъ въ большой колоколъ, а уѣзжающихъ д-ръ Леандеръ вмѣстѣ съ фрейлейнъ фонъ-Остерлоо по всей формѣ провожаютъ до экипажа. Бого только не случалось пріютить «Уединенію!» Даже писатель имѣется здѣсь, эксцентричный человѣкъ, носящій имя какого-то минерала или драгоцѣннаго камня, и коптящій здѣсь небо.

Кромѣ доктора Леандера, есть еще второй врачъ, для легкихъ случаевъ и для безнадежныхъ больныхъ, но его зовутъ Мюллеръ, и вообще онъ не стоитъ того, чтобы о немъ говорить.

II.

Въ началѣ января крупный негодантъ Клетеріанъ—фирма А. С. Клетеріанъ и К°—привезъ въ «Уединеніе» свою супругу; швейцаръ ударилъ въ колоколь, и фрейлейнъ фонъ-Остерлоо привѣтствовала пріѣхавшихъ издалека супруговъ въ пріемной комнатѣ перваго этажа, мебелированной, какъ почти весь важный старый домъ, въ удивительно чистомъ стилѣ Empire.

За окномъ лежалъ зимній садъ, съ покрытыми рогожами клумбами, съ засыпанными снѣгомъ гротами и опустѣвшими навильонами, и двое слугъ тащили изъ экипажа, остановившагося на шоссе у садовыхъ воротъ—къ дому не было подъездной дороги—сундуки новыхъ гостей.

— Медленнѣе, Габріэль, take care, мой ангелъ, и не открывай рта,—сказалъ г. Клетеріанъ, ведя свою жену черезъ садъ; и каждый, кто видѣлъ ее, долженъ былъ внутренно съ нѣжнымъ и трепетнымъ сердцемъ присоединиться къ этому take care,—хотя нельзя отрицать, что г. Клетеріанъ могъ это сказать безъ всякихъ церемоній по-нѣмецки.

Бучеръ, везшій господъ отъ станціи въ санаторію, грубый, тупой, лишенный особенной чувствительности человѣкъ, высунулъ даже языкъ отъ бессильной заботливости, когда негодантъ помогать своей супругѣ выйти изъ экипажа; казалось даже, что оба пѣвчихъ, изъ ноздрей которыхъ въ тихій, морозный воздухъ вырывался паръ, скосивъ глаза, напряженно слѣдятъ за этимъ осторожнымъ процессомъ, съ невольнымъ опасеніемъ за это, полное слабой граціи и хрупкаго очарованія, существо.

Молодая женщина страдала болѣзнью дыхательнаго горла, какъ ясно было сказано въ письмѣ, которымъ г. Клетеріанъ съ береговъ Балтійскаго моря предупредилъ главнаго врача «Уединенія», и слава Богу, что это не были легкія! Но если бы даже это были легкія,—новая пациентка не могла бы представлять болѣе милаго, облагороженнаго, болѣе неземнаго и нематеріальнаго вида, чѣмъ теперь, когда она, мягко и устало откинувшись въ бѣломъ лакированномъ креслѣ съ прямой спинкой, рядомъ со своимъ плотнымъ сундукомъ, слѣдила за разговоромъ.

Ея прекрасныя, блѣдныя руки безъ всякихъ украшеній, кромѣ гладкаго обручальнаго кольца, покоились въ складкахъ тяжелой темной суконной юбки; она носила серебристо-сѣрую, облегающую блузку съ твердымъ стоячимъ воротникомъ, всю отдѣланную пыльными бархатными арабесками. Но отъ этихъ тяжелыхъ и теплыхъ тканей невыразимо нѣжная, миловидная и хрупкая головка казалась

еще болѣе трогательной, неземной и милой. Ея свѣтло-каштановые волосы, связанные узломъ низко на затылкѣ, были гладко зачесаны назадъ, и только возлѣ праваго виска на лобъ падала вьющаяся, отдѣлившаяся прядь, недалеко отъ того мѣста, гдѣ надъ рѣзко обозначенной бровью на ясномъ, чистомъ, точно прозрачномъ лбу болѣзненно выдѣлялась маленькая, странная блѣдно-голубая жилка. Эта голубая жилка надъ глазомъ господствовала надъ всѣмъ тонкимъ оваломъ лица, и въ этомъ было что-то внушавшее тревогу. Она выступала явственнѣе, когда молодая женщина начинала говорить, даже когда она только улыбалась, и тогда она придавала выраженію лица что-то напряженное, даже угнетенное, возбуждавшее неопредѣленные опасенія. Тѣмъ не менѣе молодая женщина говорила и улыбалась. Она говорила сердечно и ласково своимъ нѣсколько глухимъ голосомъ и улыбалась глазами, которые смотрѣли немного устало и отъ времени до времени словно угасали; въ углахъ ихъ по обѣ стороны тонкой переносицы лежали глубокія тѣни; она улыбалась также своимъ прекраснымъ, широкимъ ртомъ, который былъ блѣденъ и все же казался сіяющимъ, можетъ быть, потому, что губы были обрисованы чрезвычайно рѣзко и отчетливо. Иногда она покашливала. При этомъ она подносила ко рту свой носовой платокъ и затѣмъ осматривала его.

— Не кашляй, Габріэль, — сказалъ г. Клетеріанъ. — Ты знаешь, что докторъ Гинцпетеръ строго запретилъ тебѣ это, darling; это зависитъ отъ тебя, нужно только постараться, мой ангелъ. Это, какъ я уже говорилъ, дыхательное горло, — повторилъ онъ. — Когда это началось, я думалъ, что это легкія, и тутъ я, видите Богъ, набрался страху. Но это не легкія, нѣтъ, чертъ возьми, въ этомъ насъ не убѣждать, правда, Габріэль? Хе-хе!

— Безъ сомнѣнія, — сказалъ д-ръ Леандеръ, сверкнувъ по направленію къ ней стеклами очковъ.

Послѣ этого г. Клетеріанъ потребовалъ кофе — кофе и бутербродовъ, и у него была такая наглядная манера издавать звукъ *к* изъ самой глубины глотки и произносить «буттерброды», что у каждаго олъженъ былъ явиться аппетитъ.

Онъ получилъ то, чего желалъ. Получилъ также комнату для себя и своей супруги, въ которой они и устроились. Д-ръ Леандеръ взялъ на себя лѣченіе, не прибѣгая къ помощи д-ра Мюллера.

III.

Личность новой пациентки возбудила въ «Уединеніи» необыкновенное вниманіе, и г. Клетеріанъ, привыкшій въ такимъ успѣхамъ;

съ удовольствіемъ принималъ почести, оказываемыя ей. Генералъ-диабетикъ, увидя ее въ первый разъ, пересталъ на минуту ворчать; господа съ костлявыми лицами, проходя мимо нея, улыбались и изо всѣхъ силъ старались хорошенько управлять своими ногами, а совѣтница Шпацъ тотчасъ же взяла на себя роль ея старшей подруги. Да, она производила впечатлѣніе, эта женщина, носившая имя г. Клетеріана!

Писатель, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль проводившій время въ «Уединеніи», странный чудакъ, имя котораго напоминало названіе благороднаго камня, даже измѣнился въ лицѣ, когда она прошла мимо него по коридору, остановился и стоялъ, какъ приговоранный, еще долго послѣ того, какъ она исчезла.

Не прошло и двухъ дней, какъ все общество санаторіи было знакомо съ ея исторіей. Она была родомъ изъ Бремена, что, впрочемъ, можно было узнать по нѣкоторымъ милымъ неправильностямъ въ ея произношеніи, и тамъ два года тому назадъ дала негоціанту Клетеріану согласіе быть его женой. Она послѣдовала за нимъ на его родину, на берегу Балтійскаго моря, и мѣсяцевъ десять тому назадъ подарила ему, при чрезвычайно тяжелыхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, ребенка, удивительно живого и здороваго сына и наследника. Но послѣ этихъ тяжелыхъ дней здоровье ужъ не возвращалось къ ней, если предположить, что она когда-нибудь была здорова. Едва оправившись отъ родовъ, въ высшей степени истощенная и бѣдная жизненными силами, она начала кашлять, и однажды у нея пошла горлоу кровь—о, немного, одна только капелька крови, но было бы всетаки лучше, если бы ея совсѣмъ не было, и подозрительно было то, что это маленькое непріятное происшествіе черезъ короткое время повторилось. Ну, противъ этого есть средства, къ которымъ и прибѣгъ д-ръ Гинцпетеръ, домашній врачъ. Больной былъ предписанъ покой, было приказано глотать кусочки льда, противъ кашля давался морфій, для сердца также давались успокоительныя. Но выздоровленіе не наступало, и въ то время, какъ Антонъ Клетеріанъ младшій, великолѣпный ребенокъ, съ необыкновенной энергіей и безцеремонностью завоевывалъ и утверждалъ свое мѣсто въ жизни, молодая мать, казалось, угасала въ мягкомъ и тихомъ огнѣ... Это было, какъ сказано, дыхательное горло. Слово, которое въ устахъ д-ра Гинцпетера оказывало на всѣхъ удивительно утѣшительное, успокоительное, почти живительное дѣйствіе. Но хотя это и не были легкія, докторъ въ концѣ-концовъ призналъ крайне желательнымъ для ускоренія лѣченія вліяніе болѣе мягкаго климата и пребываніе въ какой-нибудь санаторіи, а слава санаторіи «Уединеніе» и ея руководителя сдѣлало остальное. Такъ обстоитъ дѣло; г. Клетеріанъ самъ разска-

звалъ это каждому, кто обнаруживалъ интересъ. Онъ говорилъ громко, небрежно и весело, какъ человѣкъ, пищевареніе котораго находится въ такомъ же порядкѣ, какъ и кошелекъ, оттопыривая губы, съ широкой и все же быстрой манерой прибрежныхъ жителей сѣвера. Нѣкоторыя слова онъ точно выбрасывалъ, такъ что каждый звукъ былъ похожъ на легкій выстрѣлъ, и смѣялся надъ этимъ, какъ надъ удачной шуткой. Онъ былъ средняго роста, широкій, толстый, коротконогій, у него было полное, красное лицо съ водянистыми голубыми глазами, осѣненными очень свѣтлыми рѣсницами, съ объемистыми ноздрями и влажными губами. Онъ носилъ англійскіе бакенбарды, одѣвался на англійскій ладъ и пришелъ въ восторгъ, встрѣтивъ въ «Уединеніи» англійскую семью: отца, мать и трехъ хорошенькихъ дѣтей со своей nurse, которая жила здѣсь только потому, что ей было все равно, гдѣ жить, и съ которой онъ по утрамъ завтракалъ по-англійски. Вообще онъ любилъ ѣсть и пить много и хорошо, выказалъ себя дѣйствительнымъ знатокомъ кухни и погреба и занималъ общество санаторіи интересными разказами объ обѣдахъ, которые давались дома, въ кругу его знакомыхъ, и описаніемъ нѣкоторыхъ превосходныхъ, здѣсь неизвѣстныхъ блюдъ. При этомъ онъ щурился глаза съ ласковымъ выраженіемъ, и его рѣчь пріобрѣтала что-то небное и носовое, причемъ ее сопровождали слегка причмокивающіе звуки въ глоткѣ. Что онъ не былъ чуждъ и другимъ земнымъ радостямъ, онъ доказалъ въ тотъ вечеръ, когда одинъ изъ гостей «Уединенія», писатель по профессіи, увидѣлъ, какъ онъ въ коридорѣ шутилъ съ служанкой довольно nepозволительнымъ образомъ, — маленькое юмористическое происшествіе, вызвавшее на лицѣ вышеупомянутаго писателя комичную мину отвращенія.

Что касается супруги г. Клетеріана, то было ясно, что она искренно расположена къ нему. Она улыбаясь слѣдила за его словами и движеніями: не съ высокоумнымъ снисхожденіемъ, съ которымъ многіе больные относятся къ здоровымъ, но съ милой радостью и участіемъ, съ которымъ больные съ хорошимъ характеромъ относятся къ проявленіямъ самоувѣренной жизни людей, хорошо чувствующихъ себя въ своей шкурѣ.

Г. Клетеріанъ пробылъ въ «Уединеніи» недолго. Онъ привезъ сюда свою жену, но по истеченіи недѣли, когда онъ могъ быть увѣренъ, что она находится подъ хорошимъ надзоромъ и въ хорошихъ рукахъ, онъ не могъ больше оставаться. Обязанности не меньшей важности, его цвѣтушій ребенокъ, его не менѣе цвѣтушій дѣла, призывали его обратно на родину; они принудили его уѣхать и оставить свою жену окруженной самымъ лучшимъ уходомъ.

IV.

Писателя, жившаго уже нѣсколько недѣль въ «Уединеніи», звали Спинелль, Детлевъ Спинелль; у него была странная наружность.

Представьте себѣ брюнета лѣтъ за тридцать, съ осанистой фигурой, съ волосами, начинающими на вискахъ уже замѣтно сѣдѣть, и съ лицомъ нѣсколько одутловатымъ и не носящимъ никакихъ признаковъ растительности. Оно не было выбрито, — это было бы видно; мягкое, расплывчатое и ребяческое, оно было лишь тамъ и сямъ открыто отдѣльными волосками. И это выглядѣло очень странно. Взглядъ его карихъ, блестящихъ глазъ имѣлъ мягкое выраженіе, носъ былъ великъ и немного слишкомъ мясистъ. Затѣмъ у г. Спинелля была выпуклая, пористая верхняя губа римскаго характера, большіе гнилые зубы и ноги необыкновеннаго размѣра. Одинъ изъ господъ, плохо владѣвшихъ ногами, циникъ и острякъ, окрестилъ его за его спиной «истлѣвшій младенецъ»; но это было зло и неудачно. Онъ одѣвался хорошо и по модѣ, въ длинный черный сюртукъ и цвѣтной жилетъ.

Онъ былъ необщителенъ и не водилъ знакомства ни съ одною душою. Лишь иногда охватывало его ласковое, любовное и бывшее черезъ край настроеніе, и это случалось каждый разъ, когда г. Спинелль впадалъ въ эстетическое состояніе, когда видъ чего-нибудь прекраснаго, гармонія красокъ, ваза благородной формы, сияющія на солнечномъ закатѣ горы приводили его въ бурное восхищеніе. «Какъ красиво, — говорилъ онъ тогда, наклоня голову набокъ, поднимая плечи, растопыривая руки, сморщивая носъ и губы. — Боже, посмотрите, какъ красиво!» И онъ былъ въ состояніи въ своемъ возбужденіи схватить въ объятія самую важную особу — безразлично, мужчину или женщину...

На его столѣ постоянно лежала написанная имъ книга, такъ что каждый, кто входилъ въ его комнату, могъ сразу замѣтить ее. Это былъ романъ небольшого размѣра, снабженный умопомрачительной обложкой и напечатанный на бумагѣ, напоминавшей ситечко для кофе, буквами, каждая изъ которыхъ-выглядѣла, какъ готическій соборъ. Фрейленъ фонъ-Остерлоо прочла его въ свободные четверть часа и нашла его «утонченнымъ», что на ея языкѣ означало «безчеловѣчно скучно». Его дѣйствіе разыгрывалось въ свѣтскихъ салонахъ, въ пышныхъ дамскихъ покояхъ, полныхъ изысканныхъ предметовъ: гобеленовъ, древней мебели, великолѣпнаго фарфора, издѣльныхъ тканей и художественныхъ сокровищъ всѣхъ родовъ. Всѣ эти вещи были описаны съ большою любовью, и при этомъ посты-

но виденъ былъ самъ г. Спинелль, морщившій носъ и говорившій: «Какъ красиво! Боже, посмотрите, какъ красиво!...» Впрочемъ, надо было еще удивляться тому, что онъ написалъ только эту одну книгу, потому что онъ очевидно писалъ со страстью. Онъ проводилъ большую часть дня за письменнымъ столомъ и отсылалъ на почту необыкновенно много писемъ, почти ежедневно одно или два, при чемъ бросалось въ глаза и казалось страннымъ и смѣшнымъ, что получалъ онъ письма чрезвычайно рѣдко.

V.

Г. Спинелль сидѣлъ за столомъ напротивъ супруги г. Блетеріана. Въ первомъ обѣду, въ которомъ приняли участіе супруги, онъ немного опоздалъ. Онъ вошелъ въ большую столовую, находившуюся въ первомъ этажѣ флигеля, мягкимъ голосомъ произнесъ обращенное ко всѣмъ привѣтствіе и занялъ свое мѣсто, послѣ чего д-ръ Леандеръ безъ большихъ церемоній представилъ его новоприбывшимъ. Онъ поклонился и началъ ѣсть, очевидно немного смущенный, нѣсколько принужденно держа ножъ и вилку своими большими, бѣлыми и красивыми руками, выступавшими изъ очень узкихъ рукавовъ. Затѣмъ его смущеніе прошло, и онъ принялся спокойно разсматривать попеременно господина Блетеріана и его супругу. Господинъ Блетеріанъ въ теченіе обѣда обратился къ нему съ нѣсколькими вопросами и замѣчаніями относительно мѣстоположенія и климата «Уединенія», въ которые его жена вставила съ своей милой манерой два или три слова. Господинъ Спинелль вѣжливо отвѣтилъ. Его голосъ былъ мягокъ и очень пріятенъ, но онъ немного пришепетывалъ и сюсюкалъ, какъ будто его зубы мѣшали языку.

Послѣ обѣда, когда всѣ перешли въ салонъ, супруга господина Блетеріана освѣдомилась у доктора Леандера о своемъ визави.

— Какъ зовутъ этого господина?—спросила она.—Спинелли? Я не разслышала имени.

— Спинелль... не Спинелли, сударыня, нѣтъ, онъ не итальянецъ, онъ родомъ изъ Лемберга, насколько я знаю.

— Какъ вы сказали? Онъ писатель? или какъ?—спросилъ господинъ Блетеріанъ; онъ засунулъ руки въ карманы своихъ удобныхъ англійскихъ брюкъ, наклонилъ ухо къ доктору и, слушая, открылъ ротъ, какъ имѣютъ обыкновеніе дѣлать многіе люди.

— Да, я не знаю,—онъ пишетъ...—отвѣтилъ докторъ Леандеръ.—Онъ напечаталъ, кажется, что-то вродѣ романа, я, право, не знаю...

Это повторенное два раза «я не знаю» показывало, что докторъ Леандеръ не былъ высокаго мнѣнія о писателѣ и снималъ съ себя всякую отвѣтственность за него.

— Но вѣдь это очень интересно!—сказала супруга господина Клетеріана. Она еще никогда не видѣла писателя лицомъ къ лицу.

— О, да,—предупредительно отвѣтилъ докторъ Леандеръ.—Говорять, онъ пользуется нѣкоторой извѣстностью...—послѣ этого описателѣ больше не говорилось. Но немного позднѣе, когда новые гости ушли къ себѣ, и докторъ Леандеръ также собирался оставить салонъ, господинъ Спинелль задержалъ его и освѣдомился въ свою очередь.

— Какъ фамилія четы?—спросилъ онъ.—Я, разумѣется, ничего не разобралъ.

— Клетеріанъ,—отвѣтилъ докторъ Леандеръ, собираясь уходить.

— *Какъ* фамилія этого господина?—спросилъ господинъ Спинелль.

— *Клетеріанъ* ихъ фамилія!—сказалъ докторъ Леандеръ и пошелъ своей дорогой. Онъ совсѣмъ не былъ высокаго мнѣнія о писателѣ.

VI.

Дошли мы уже до того, что господинъ Клетеріанъ вернулся на родину? Да, онъ снова на берегу Балтійскаго моря, у своихъ дѣлъ и своего ребенка, этого безцеремоннаго и полнаго жизни маленькаго созданія, стоявшаго своей матери очень многихъ страданій и маленькаго дефекта въ дыхательномъ горлѣ. Сама же молодая женщина осталась въ «Уединеніи», и совѣтница Шпацъ взяла на себя роль ея старшей подруги. Но это не мѣшало супругѣ господина Клетеріана быть въ дружескихъ отношеніяхъ и съ другими гостями, наприимѣръ, съ господиномъ Спинеллемъ, который, къ удивленію всѣхъ (ибо онъ до сихъ поръ не водилъ знакомства ни съ одной душой), съ самаго начала проявилъ по отношенію къ ней необыкновенную преданность и услужливость, и съ которымъ она охотно разговаривала въ немногіе свободные часы, остававшіеся у нея при строгомъ порядкѣ дня.

Онъ приближался къ ней съ необыкновенной осторожностью и почтительностью и говорилъ съ ней не иначе, какъ старательно пониженнымъ голосомъ, такъ что совѣтница Шпацъ, страдавшая ушами, не слышала почти ничего изъ того, что онъ говорилъ. Онъ приближался на кончикахъ своихъ большихъ ногъ къ креслу, въ которомъ граціозно лежала улыбающаяся супруга господина Клетеріана,

останавливаясь на разстояніи двухъ шаговъ, одну ногу отставляя назадъ, а верхнюю часть туловища наклоняя впередъ и начиналъ говорить, какъ всегда, немного пришепетывая и сюсюкая, тихо, убѣдительно, каждую минуту готовый поспѣшно отступить и исчезнуть, какъ только на ея лицѣ покажутся признаки утомленія или скуки. Но ей не было скучно съ нимъ; она приглашала его сѣсть, обращалась къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ и затѣмъ слушала его, улыбаясь и съ любопытствомъ, потому что иногда онъ говорилъ такія забавныя и странныя вещи, какихъ ей еще никогда не приходилось слышать.

— Почему вы собственно живете въ «Уединеніи»?—спрашивала она.— Чѣмъ вы лѣчитесь, господинъ Спинелль?

— Лѣчусь?... Меня немного электризуютъ. Нѣтъ, объ этомъ не стоитъ говорить. Я скажу вамъ, сударыня, почему я здѣсь.— Изъ-за стила.

— А!—сказала супруга господина Клетеріана, опираясь подбородкомъ на руку и поворачиваясь къ нему съ преувеличеннымъ интересомъ, какой мы обыкновенно выказываемъ дѣтямъ, когда они хотятъ намъ что-нибудь рассказать.

— Да, сударыня, «Уединеніе» все въ стилѣ Empire. Оно было прежде замкомъ, лѣтней резиденціей, какъ мнѣ говорили. Этотъ флигель—пристройка позднѣйшаго времени, но главное зданіе—старинное и настоящее. И вотъ у меня бываютъ періоды, когда я прямо-таки не могу обойтись безъ Empire, когда онъ мнѣ безусловно необходимъ, чтобы достигнуть хотя бы скромной степени хорошаго самочувствія. Ясно, что иначе чувствуешь себя среди мебели мягкой и удобной до сладострастія или же среди этихъ столовъ, креселъ и драпировокъ съ ихъ прямыми линіями... Эта ясность и жесткость, эта холодная, суровая простота и сдержанная строгость даютъ мнѣ твердость и достоинство, сударыня. При продолжительномъ пребываніи здѣсь она имѣетъ своимъ послѣдствіемъ внутреннее очищеніе и реставрацію, она поднимаетъ меня нравственно, это несомнѣнно...

— Да, это интересно,—сказала она.—Впрочемъ, я могу это понять, если хорошенько постараюсь.

На это онъ отвѣтилъ, что не стоитъ стараться, и затѣмъ оба разсмѣялись. Совѣтница Шпацъ тоже разсмѣялась и нашла сказанное имъ интереснымъ; но она не сказала, что она это понимаетъ.

Салонъ былъ просторной и красивой комнатой. Высокая, бѣлая, двустворчатая дверь вела въ бильярдную, гдѣ развлекались господа, плохо владѣвшіе ногами, и другіе гости «Уединенія». Съ другой стороны стеклянная дверь открывала видъ на широкую террасу и садъ.

Сбоку отъ нея стоялъ рояль. Въ комнатѣ имѣлся обитый зеленымъ сукномъ карточный столъ, за которымъ генералъ-диабетикъ съ еще нѣсколькими господами играли въ вистъ. Дамы читали и занимались рукодѣліями. Комната отапливалась желѣзной печью, но передъ стильнымъ каминномъ, въ которомъ лежали искусственные, облепленные ярко-красными полосами бумаги уголья, были устроены уютные уголки для бесѣды.

— Вы рано встаете, г. Спинелль, — сказала супруга господина Блетеріана. — Случайно я уже два или три раза видѣла, какъ вы въ половинѣ восьмого утра выходили изъ дому.

— Рано встаю? О, далеко не всегда, сударыня. Дѣло въ томъ, что я встаю рано потому, что въ сущности я большой соня.

— Это вы должны объяснить, господинъ Спинелль! — Совѣтница Шпацъ также требовала объясненія.

— Ну... кто любитъ вставать рано, тому, кажется мнѣ, совсѣмъ не необходимо вставать особенно рано. Совѣсть, сударыня, прескверная штука! Я и мнѣ подобные, мы бьемся съ нею всю нашу жизнь и изо всѣхъ силъ стараемся кое-какъ обмануть ее и доставить ей маленькое, хитрое удовлетвореніе. Мы бесполезныя созданія, я и мнѣ подобные, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ хорошихъ часовъ, мы влачимъ за собой сознаніе нашей бесполезности и отъ этого сознанія мучимся до боли. Мы ненавидимъ полезное, мы знаемъ, что оно пошло и некрасиво, и мы защищаемъ эту истину, какъ защищаютъ только истины, въ которыхъ безусловно нуждаются. И все же угрызенія совѣсти такъ раздражаютъ насъ, что въ насъ нѣтъ больше здороваго мѣстечка. Къ этому присоединяется то, что весь характеръ нашей внутренней жизни, наше мировоззрѣніе, наша работа... производятъ на насъ страшно нездоровое, подрывающее, изнуряющее дѣйствіе, и это еще ухудшаетъ дѣло. Но тутъ приходятъ на помощь маленькіе палліативы, безъ которыхъ просто нельзя было бы выдерживать; на примѣръ, нѣкоторая правильность и гигиеническая строгость образа жизни для многихъ изъ насъ является потребностью. Раннее вставанье, безчеловѣчно раннее, холодная ванна и далекая прогулка на морозѣ... въ результатѣ мы, можетъ быть, въ теченіе часа сколько-нибудь довольны собой. Еслибъ я давалъ себѣ волю, то я оставалъ бы въ постели до полудня, повѣрьте мнѣ. Если я рано встаю, то я о въ сущности лицемѣріе.

— Нѣтъ, почему же, господинъ Спинелль? Я называю это силой воли... Не правда ли, фрау Шпацъ? — Совѣтница Шпацъ также называла это силой воли.

— Лицемеріе или сила воли, сударыня! Бто какое слово предпочитаешь. Я настолько честенъ и склоненъ сокрушаться, что я...

— Въ томъ-то и дѣло. Конечно, вы слишкомъ много сокрушаетесь.

— Да, сударыня, я много сокрушаюсь.

Установилась хорошая погода. Бѣлые, суровые и чистые, въ тишинѣ и ясномъ морозѣ, въ ослѣпительномъ свѣтѣ и голубоватой тѣни лежали горы, домъ и садъ; и нѣжно голубое небо, въ которомъ, казалось, танцовали мириады сверкающихъ звѣздъ, блистающихъ кристалловъ, безоблачно вздымалось надъ землей. Супруга господина Клетеріана чувствовала себя въ это время порядочно; лихорадка не мучила ея, она почти не кашляла и ѣла безъ особеннаго отвращенія. Часто она, какъ ей было предписано, часами сидѣла на солнечномъ морозѣ на террасѣ. Она сидѣла среди снѣга, вся забутанная въ одѣяла и мѣхъ, и съ надеждой вдыхала чистый ледяной воздухъ, который долженъ былъ помочь ея дыхательному горлу. Иногда она замѣчала господина Спинелля, прогуливавшагося въ саду, также тепло одѣтаго, въ мѣховыхъ сапогахъ, придававшихъ его ногамъ фантастическій объемъ. Онъ ходилъ по снѣгу оцупывающими шагами, держа руки нѣсколько осторожно, и съ принужденной граціей почтительно кланялся ей, подходя къ террасѣ, и подымался по ступенькамъ, чтобы начать разговоръ.

— Сегодня во время моей утренней прогулки я видѣлъ прекрасную женщину... Боже, какъ она была прекрасна!—говорилъ онъ, склоня голову набокъ и растопыривая руки.

— Въ самомъ дѣлѣ, господинъ Спинелль? Опишите же мнѣ ее.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать. Я далъ бы вамъ невѣрный портретъ ея. Я только слегка скользнулъ по ней взглядомъ, проходя мимо, я въ сущности не видѣлъ ея. Но неясной тѣни ея, которую я воспринялъ, было достаточно, чтобы возбудить мою фантазію и заставить меня унести съ собой образъ, который прекрасенъ... Боже, какъ онъ прекрасенъ!

Она засмѣялась.

— Вы всегда такимъ образомъ созерцаете красивыхъ женщинъ, господинъ Спинелль?

— Да, сударыня, и это лучше, чѣмъ еслибъ я грубо и гоняясь за реальностью смотрѣлъ имъ въ лицо и уносилъ бы съ собой впечатлѣніе несовершенной дѣйствительности...

— Гоняясь за реальностью... это странное выраженіе! Настояще писательское выраженіе! Но я должна сознаться, что оно проигрываетъ на меня впечатлѣніе. Въ немъ есть что-то, что я понимаю,

что-то независимое и свободное, что отказываетъ въ почтеніи даже дѣйствительности, хотя вѣдь она наиболѣе достойна уваженія изъ всего, что существуетъ на свѣтѣ, хотя она—это само олицетвореніе достойнаго уваженія... и затѣмъ я понимаю, что, кромѣ осязательнаго, существуетъ еще нѣчто, нѣчто болѣе тонкое!...

— Я знаю только одно лицо,—вдругъ сказалъ онъ со страннымъ радостнымъ волненіемъ въ голосѣ, поднимая къ плечамъ сжаты въ кулаки руки и показывая въ экзальтированной улыбкѣ свои гнилые зубы...—Я знаю только одно лицо, благородную дѣйствительность котораго исправлять моимъ воображеніемъ было бы грѣхомъ. Лицо, которое я хотѣлъ бы созерцать, на которомъ я хотѣлъ бы остановить свой взоръ не на минуту, не на часъ, но на всю мою жизнь, погрузиться въ него совершенно и въ созерцаніи его забыть все земное...

— Да, да, господинъ Спинелль! Только у фрейлейнъ фонъ-Остерлоо довольно торчація уши.

Онъ замолчалъ и низко поклонился. Когда онъ снова выпрямился, его глаза съ выраженіемъ смущенія и боли остановились на маленькой, странной, блѣдно-голубой жилкѣ, болѣзненно выдѣлявшейся на ея ясномъ, словно прозрачномъ лбу.

VI.

Чудакъ, удивительно странный чудакъ!

Супруга господина Клетеріана иногда думала о немъ, такъ какъ у нея было очень много времени для размышленій. Перестала ли нервѣна воздуха производить дѣйствіе, или коснулось какое-нибудь положительно вредное вліяніе: ея здоровье стало хуже, состояніе ея дыхательнаго горла оставляло желать лучшаго, она чувствовала слабость, аппетитъ исчезъ, нервѣко ее лихорадило; и докторъ Леандеръ строго-настрого предписалъ ей покой, молчаніе и осторожность. Такимъ образомъ, когда она не принуждена была оставаться въ постели, она сидѣла въ обществѣ совѣтницы Шпацъ, молчала и, съ работою на колѣняхъ, до которой не дотрогивалась, предавалась своимъ мыслямъ.

Да, онъ заставлялъ ее задуматься, этотъ странный господинъ Спинелль, и, что было удивительно, не столько надъ его, сколько надъ своей собственной особой; какимъ-то образомъ онъ вызвалъ въ ней странное любопытство, невѣдомый ей раньше интересъ къ ея собственной личности. Однажды въ разговорѣ онъ сказалъ:

— Нѣтъ, женщины—это загадки... какъ это ни странно и

мы никакъ не можемъ привыкнуть и перестать удивляться. Вотъ передъ нами чудесное созданіе, сальфида, благоухающее видѣніе, сказочная греза. Что же она дѣлаетъ? Она идетъ и отдается ярмарочному геркулесу или мяснику. Она опирается на его руку, быть можетъ, даже прислоняется головкой къ его плечу и при этомъ осматривается съ хитрой улыбкой, какъ будто хочетъ сказать: «да, вотъ поломайте-ка себѣ голову надъ этимъ явленіемъ!» И мы ломаемъ себѣ головы...

Въ этихъ словахъ мысли супруги господина Клетеріана возвращались не разъ.

Въ другой разъ между ними, къ удивленію совѣтницы Шпацъ, произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Могу ли я спросить, сударыня (конечно, это дерзко съ моей стороны), какъ васъ зовутъ, какъ собственно ваша фамилія?

— Но вѣдь моя фамилія Клетеріанъ, господинъ Спинелль.

— Гм... Это я знаю. Или, вѣрнѣе, я это отрицаю. Я, конечно, разумѣю вашу собственную фамилію, вашу дѣвичью фамилію. Вы будете справедливы и согласитесь, что тотъ, кто захотѣлъ бы васъ называть фрау Клетеріанъ, заслуживалъ бы плети.

Она разсѣялась такъ искренно, что голубая жилка надъ ея бровью выступила съ тревожною отчетливостью, придавъ ея нѣжному, милому лицу напряженное и угнетенное выраженіе, внушавшее глубокое безпокойство.

— Нѣтъ! Помилуйте, господинъ Спинелль! Плети? Развѣ «Клетеріанъ» кажется вамъ такимъ ужаснымъ?

— Да, сударыня, я ненавижу эту фамилію до глубины души съ перваго же момента, какъ я ее услышалъ. Она комична и некрасива до отчаянія, и это варварство и низость, что обычай переносить на васъ фамилію вашего супруга.

— Ну, а Эггофъ? Эггофъ красивѣе? Фамилія моего отца Эггофъ.

— О, вотъ видите! Эггофъ совсѣмъ другое дѣло! — Эггофомъ звали даже одного великаго актера. Эггофъ подходит. Вы упомянули только о вашемъ отцѣ. Развѣ ваша мать...

— Да, моя мать умерла, когда я была еще ребенкомъ.

— А... Разскажите же мнѣ немного больше о себѣ, можно мнѣ попросить васъ объ этомъ? Если это васъ утомляетъ, тогда не надо. Тогда вы лежите, а я буду разсказывать вамъ о Парижѣ, какъ вчера. Но вы можете вѣдь говорить совсѣмъ тихо; даже если вы будете говорить шопотомъ, то отъ этого все будетъ еще прекраснѣе. Вы родомъ изъ Бремена?

И этотъ вопросъ онъ произнесъ почти беззвучно, съ почтительнымъ и многозначительнымъ выраженіемъ, какъ будто Бременъ — го-

родъ, не имѣющій себѣ подобныхъ, полный невыразимыхъ тайнъ и молчаливыхъ красотъ, городъ, быть рожденнымъ въ которомъ сообщается таинственное величіе.

— Да, подумайте!— сказала она невольно. — Я изъ Бремена.

— Я былъ тамъ однажды, — замѣтилъ онъ задумчиво.

— Боже мой, вы и тамъ были? Нѣтъ, послушайте, господинъ Спинелль, между Тунисомъ и Шпицбергеномъ вы, я думаю, видѣли все!

— Да, я былъ тамъ однажды, — повторилъ онъ, — нѣсколько вѣротныхъ вечернихъ часовъ. Я помню старую, узкую улицу, надъ фронтонами которой странно и криво стоялъ мѣсяцъ. Затѣмъ я былъ въ какомъ-то погребѣ, въ которомъ пахло виномъ и плѣсенью. Это яркое воспоминаніе...

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ бы это могло быть? Да, въ такомъ сѣромъ домѣ съ фронтономъ, въ старомъ купеческомъ домѣ, съ гудкими полами и бѣлой лакированной галлереей я и родилась.

— Значить, вашъ отецъ тоже купецъ?— спросилъ онъ нѣсколько нерѣшительно.

— Да, но кромя того и, собственно, прежде всего онъ артистъ.

— А! А! Въ какомъ отношеніи?

— Онъ играетъ на скрипкѣ... Но это говорить слишкомъ мало. *Какъ* онъ играетъ, господинъ Спинелль, въ этомъ все дѣло! Нѣкоторыхъ тоновъ я никогда не могла слышать безъ того, чтобы къ глазамъ моимъ не подступали такія жгучія слезы, какъ никогда. Вы не повѣрите...

— Я вѣрю! Ахъ, вѣрю ли я!... Скажите, сударыня: вангъ родъ, вѣроятно, очень старъ? Вѣроятно, уже многія поколѣнія жили, работали и умерли въ сѣромъ домѣ съ фронтономъ?

— Да. Почему вы спрашиваете?

— Потому, что нерѣдко случается, что какой-нибудь родъ съ практическими, буржуазными и сухими традиціями къ концу своихъ дней еще разъ просвѣтляется искусствомъ.

— Развѣ это такъ? Да, что касается моего отца, то онъ, конечно, больше артистъ, чѣмъ многіе, называющіе себя такъ и пользующіеся славой. Я только немножко играю на рояли. Теперь они мнѣ это запретили, но тогда, дома, я еще играла. Мой отецъ и я, мы играли вмѣстѣ... Да, я съ любовью вспоминаю объ этомъ времени, въ особенности о садѣ, нашемъ садѣ, за домомъ. Онъ былъ страшно запущенный и заглохшій и окруженъ былъ искрошившимися, покрытыми мхомъ стѣнами; но именно это придавало ему много прелести. Въ серединѣ былъ фонтанъ, окруженный густымъ вѣнкомъ

присовъ. Дѣтомъ я проводила тамъ долгіе часы съ подругами. Мы сидѣли всѣ вобругъ фонтана на маленькихъ садовыхъ стульяхъ...

— Какъ красиво!—сказалъ господинъ Спинелль, пожимая плечи:—Вы сидѣли и пѣли?

— Нѣтъ, мы большей частью вязали.

— Все равно... все равно...

— Да, мы вязали и болтали, мои шесть подругъ и я...

— Какъ красиво! Боже, послушайте же только, какъ красиво!—воскликнулъ господинъ Спинелль, и его лицо совершенно исказилось.

— Что находите вы въ *этомъ* такого особенно красиваго, господинъ Спинелль?

— О, то, что было шестеро, кромѣ васъ, что вы не входили въ это число, что вы выступали изъ него, словно королева... Вы были отмѣчены передъ вашими шестью подругами. Маленькая, золотая корона, незамѣтная, но полная значенія, сидѣла въ вашихъ волосахъ и сверкала...

— Нѣтъ, что за глупости, никакой короны...

— Нѣтъ, нѣтъ, она сверкала тайно. Я увидѣлъ бы ее, увидѣлъ бы ее ясно въ вашихъ волосахъ, если бы я въ одинъ изъ этихъ часовъ незамѣтно стоялъ въ кустахъ...

— Богъ знаетъ, что бы вы увидѣли. Во всякомъ случаѣ, вы не стояли тамъ; но однажды изъ кустовъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ выступилъ мой теперешній мужъ. Я боюсь, что они подслушали разныя разности изъ нашей болтовни...

— Значить, вы тамъ познакомились съ вашимъ супругомъ, сударыня?

— Да, я тамъ познакомилась съ нимъ!—сказала она громко и радостно, и когда она улыбнулась, надъ ея бровью напряженно и странно выступила блѣдно-голубая жилка. — Онъ пріѣхалъ къ моему отцу по дѣламъ. На слѣдующій день онъ былъ приглашенъ къ обѣду, а еще черезъ три дня онъ просилъ моей руки.

— Въ самомъ дѣлѣ! Все это произошло такъ поразительно быстро?

— Да... то-есть съ этого момента все пошло немного медленнѣе, потому что, надо вамъ знать, мой отецъ отнесся къ этому совсѣмъ не благосклонно и потребовалъ продолжительнаго времени на размышленіе. Во-первыхъ, ему не хотѣлось разставаться со мной, и затѣмъ у него были еще другія сомнѣнія. Но...

— Но?...

— Но я *хотѣла* этого,—сказала она улыбаясь, и снова на ея

лбу появилась блѣдно-голубая жила, придавшая угнетенное и болѣзненное выраженіе всему ея милому лицу.

— А, вы хотѣли этого...

— Да, и я выказала очень твердую и спокойную волю, какъ вы видите...

— Какъ я вижу. Да...

— Такъ что мой отецъ долженъ былъ въ концѣ-концовъ сдаться.

— И такимъ образомъ вы покинули его и его скрипку, покинули старый домъ, заглохшій садъ, фонтанъ и вашихъ шесть подругъ и пошли за господиномъ Клетеріаномъ?

— И пошла за... какая у васъ манера выражаться!— почти библейская! Да, я покинула все это, ибо такъ хочетъ природа.

— Да, конечно, такъ хочетъ природа.

— И затѣмъ, вѣдь дѣло шло о моемъ счастьѣ.

— Конечно. И счастье пришло...

— Оно пришло въ тотъ моментъ, господинъ Спинелль, когда мнѣ въ первый разъ принесли нашего маленькаго Антона, и онъ кричалъ изо всей силы своихъ маленькихъ здоровыхъ легкихъ, такой сильный, здоровый...

— Это уже не въ первый разъ я слышу, какъ вы говорите о здоровьѣ вашего маленькаго Антона, сударыня. Онъ, долженъ быть, необыкновенно здоровъ?

— Да. И онъ до смѣшного похожъ на моего мужа!

— А! Да, значить, вотъ какъ все это происходило. И теперь васъ зовутъ уже не Эггофъ, а иначе, и у васъ есть маленькій, здоровый Антонъ, и ваше дыхательное горло немножко не въ порядкѣ.

— Да. А вы удивительно загадочный человекъ, господинъ Спинелль...

— Да, накажи меня Господь, это правда,—сказала совѣтница Шпацъ, которая, конечно, также находилась здѣсь.

И надъ этимъ разговоромъ супруга господина Клетеріана не мало размышляла. Какъ онъ ни былъ незначителенъ, въ его глубинѣ скрывалось что-то, что давало пищу ея мыслямъ о себѣ самой. Было ли это то вредное вліяніе, которое коснулось ея? Ея слабость увеличилась, часто появлялась лихорадка, и она съ чувствомъ мягкаго подъема лежала въ тихомъ жару, отдаваясь ему въ задумчивомъ, жеманномъ, самодовольномъ и немного обиженномъ настроеніи. Когда она не лежала въ постели, и господинъ Спинелль съ необыкновенной осторожностью приближался къ ней на кончикахъ своихъ большихъ ногъ, останавливался на разстояніи двухъ шаговъ и, отставивъ одну ногу и наклонившись впередъ, говорилъ съ ней почтительно пониженнымъ

голосомъ, словно вознося ее въ робкомъ благоговѣнн къ облакамъ, гдѣ ей не коснется никакой рѣзкій звукъ и никакое земное прикосновеніе... то она вспоминала манеру, съ которой господинъ Блетеріанъ произносилъ: «Осторожиѣе, Габріэль, take care, мой ангелъ, и не раскрывай рта!» Эта манера производила такое впечатлѣніе, какъ будто онъ вѣрно и благосклонно хлопалъ по плечу. Но затѣмъ она быстро отворачивалась отъ этого воспоминанія и съ чувствомъ слабости и подѣема покоилась на облакахъ, куда ее возносилъ господинъ Спинелль.

Однажды она непосредственно вернулась къ короткому разговору, который она вела съ нимъ относительно своего происхожденія и юности.

— Такъ это правда, — спросила она, — господинъ Спинелль, что вы увидѣли бы корону?

И хотя со времени того разговора прошло уже двѣ недѣли, онъ тотчасъ же понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, и началъ взволнованно увѣрять ее, что тогда у фонтана, когда она сидѣла со своими шестью подругами, онъ увидѣлъ бы, какъ сверкаетъ маленькая корона — какъ она тайно сверкаетъ въ ея волосахъ.

Нѣсколько дней спустя одинъ изъ гостей изъ вѣжливости осведомился у нея о томъ, какъ поживаетъ маленькій Антонъ. Она быстро взглянула на господина Спинелля, находившагося вблизи, и отвѣтила немного скучающимъ тономъ:

— Благодарю, какъ онъ можетъ поживать? Онъ и мой мужъ здоровы.

VIII.

Въ концѣ февраля, въ одинъ морозный день, болѣе чистый и сіяющій, чѣмъ всѣ предыдущіе, въ «Уединеніи» царило необыкновенное оживленіе. Мужчины и дамы съ пороками сердца разговаривали другъ съ другомъ съ раскраснѣвшими лицами, генераль-диабетикъ напѣвалъ, какъ юноша, а господа, плохо владѣвшіе ногами, совсѣмъ выбились изъ колен. Что же произошло? Нѣчто немаловажное: затѣвлялась общая поѣздка въ горы на саняхъ, въ нѣсколькихъ экипажахъ, со звономъ колокольчиковъ и щелканьемъ бичей: докторъ Леандеръ рѣшилъ это сдѣлать для развлеченія своихъ пациентовъ.

Конечно, тяжело больные должны были остаться дома. Бѣдные тяжело больные! Участники прогулки кивали другъ другу и условивались не говорить имъ ничего; всѣмъ было очень пріятно быть въ состояніи выказать немного состраданія и деликатности. Но и изъ тѣхъ, которые прекрасно могли бы принять участіе въ удовольствіи,

нѣкоторые устранились. Что касается фрейлейнъ фонъ-Остерлоо, то это было извинительно. Кто такъ обремененъ обязанностями, какъ она, тотъ не можетъ серьезно думать о прогулкахъ. Хозяйство повелительно требуетъ ея присутствія; словомъ, она осталась въ «Уединеніи». Но что и супруга господина Клетеріана объявила, что она намѣрена остаться дома, это огорчило всѣхъ. Напрасно докторъ Леандеръ убѣждалъ ее, что поѣздка на свѣжемъ воздухѣ принесетъ ей пользу; она утверждала, что она не расположена, что у нея мигрень, что она себя чувствуетъ утомленной, и такимъ образомъ пришлось покориться. Но цинику и остряку это дало поводъ для слѣдующаго замѣчанія:

— Обратите вниманіе, теперь истлѣвшій младенецъ тоже не поѣдетъ.

И онъ оказался правымъ, потому что господинъ Спиннелль объявилъ, что онъ сегодня послѣ обѣда намѣренъ работать, — онъ употреблялъ очень охотно слово «работать» для своей сомнительной дѣятельности. Впрочемъ, ни одна душа не жаловалась на его отсутствіе, и такъ же легко всѣ примирились съ тѣмъ, что совѣтница Шпацъ рѣшила составить компанію своей младшей подругѣ, такъ какъ ѣзда вызываетъ у нея морскую болѣзнь.

Сейчасъ послѣ обѣда, который сегодня состоялся уже въ 12 часовъ, къ «Уединенію» подкатили сани, и оживленными группами, тепло закутанные, любопытные и возбужденные, двинулись гости черезъ садъ. Супруга господина Клетеріана стояла вмѣстѣ съ совѣтницей Шпацъ у стеклянной двери, ведшей на террасу, а господинъ Спиннелль у окна своей комнаты, глядя на отъѣзжающихъ. Они наблюдали, какъ среди шутокъ и смѣха возникали маленькія битвы за лучшія мѣста, какъ фрейленъ фонъ-Остерлоо, съ мѣховымъ боа на шеѣ, перебѣгала отъ одного экипажа къ другому, засовывая подъ сидѣнья корзины съ съѣстными припасами, какъ докторъ Леандеръ, надвинувъ на лобъ мѣховую шапку, еще разъ оглядѣлъ все своими сверкающими стеклами очковъ, затѣмъ также усѣлся и далъ знакъ къ отъѣзду. Лошади тронули, нѣсколько дамъ взвизгнули и подались впередъ, колокольчики зазвенѣли, щелкнули бичи, и ихъ длинные хвосты потащились по снѣгу за полозьями, а фрейленъ фонъ-Остерлоо стояла у садовыхъ воротъ и махала своимъ носовымъ платкомъ, пока катившіяся сани не исчезли на поворотѣ дороги, и веселый шумъ замолкъ. Тогда она поспѣшила черезъ садъ домой, чтобы заняться своими обязанностями; обѣ дамы покинули стеклянную дверь, и почти одновременно и господинъ Спиннелль ушелъ со своего наблюдательнаго пункта.

Въ «Уединеніи» царила тишина. Экспедиціи нельзя было ожидать раньше вечера. Тяжело больные лежали въ своихъ комнатахъ и страдали. Супруга господина Клетеріана и ея старшая подруга предприняли маленькую прогулку, послѣ которой разошлись по своимъ комнатамъ. Господинъ Спинелль также сидѣлъ въ своей комнатѣ и занимался на свой ладъ. Въ четыре часа дамамъ принесли по полълитра молока, господинъ же Спинелль получилъ свой легкій чай. Вскорѣ послѣ этого супруга господина Клетеріана постучала въ стѣну, отдѣлявшую ея комнату отъ комнаты совѣтницы Шпаць, и сказала:

— Не сойти ли намъ въ салонъ, фрау совѣтница? Я ужъ и не знаю, чѣмъ бы мнѣ здѣсь заняться.

— Сейчасъ, милая, — отвѣтила совѣтница, — я только надѣну ботинки, если позволите. Я, надо вамъ знать, лежала въ постели.

Какъ надо было ожидать, салонъ былъ пустъ. Дамы сѣли у камина. Совѣтница Шпаць вышивала по канвѣ цвѣты, супруга господина Клетеріана также сдѣлала нѣсколько стежковъ, послѣ чего она спустила работу на колѣни и, откинувшись на спинку кресла, задумалась. Наконецъ, она сдѣлала какое-то замѣчаніе, не стоившее того, чтобы изъ-за него открывать ротъ; но такъ какъ совѣтница Шпаць тѣмъ не менѣе спросила:

— Что? — то она принуждена была, къ своему огорченію, повторить всю фразу. Совѣтница Шпаць опять спросила: — Что?

Но въ этотъ моментъ на площадкѣ послышались шаги, и вошелъ господинъ Спинелль:

— Я не мѣшаю? — спросилъ онъ еще съ порога мягкимъ голосомъ, смотря исключительно на супругу господина Клетеріана и склонившись впередъ какимъ-то нѣжнымъ, деликатнымъ и воздушнымъ движеніемъ. Молодая женщина отвѣтила:

— Нѣтъ, почему же? Во-первыхъ, вѣдь эта комната считается вольной гаванью, и затѣмъ въ чемъ вы можете помѣшать намъ? Я ясно чувствую, что навожу скуку на совѣтницу.

На это онъ не зналъ, что отвѣтить, и только улыбнулся, показавъ свои гнилые зубы, и подъ взглядами дамъ прошелъ нѣсколько принужденной походкой къ стеклянной двери, гдѣ остановился и принялся смотрѣть въ садъ, довольно невѣжливо повернувъ дамамъ спину. Затѣмъ онъ сдѣлалъ поворотъ назадъ, но продолжалъ смотрѣть въ садъ, говоря:

— Солнце скрылось. Незамѣтно небо покрылось тучками. Уже пачинаетъ темнѣть.

— Да, правда, все лежитъ въ тѣни, — отвѣчала супруга госпо-

дина Блетеріана.—Наши путешественники еще, пожалуй, попадутъ подъ снѣгъ. Вчера въ это время было еще совсѣмъ свѣтло, сегодня уже смеркается.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—послѣ всѣхъ этихъ слишкомъ свѣтлыхъ недѣль темнота такъ пріятна для глазъ. Я прямо благодаренъ этому солнцу, озарившему прекрасное и низкое съ одинаковой навязчивой ясностью, за то, что оно, наконецъ, скрылось.

— Вы не любите солнца, господинъ Спинелль?

— Я не художникъ... Безъ солнца становишься задумчивѣе... Небо покрылось плотными, бѣловато-сѣрыми тучами. Можетъ быть, это означаетъ, что завтра будетъ оттепель. Я совѣтовалъ бы вамъ перестать работать, сударыня.

— Ахъ, не беспокойтесь, я и безъ того не работаю. Но чѣмъ бы заняться?

Онъ опустился на табуретъ передъ роялемъ, облокотившись на крышку инструмента.

— Музыка,—сказалъ онъ.—Если бы теперь послушать немножко музыки! Иногда англійскія дѣти поютъ маленькіе *ligger-songs*, вотъ и все.

— А вчера послѣ обѣда фрейлейнъ фонъ-Остерлоо наскоро сыграла «Монастырскіе колокола»,—замѣтила супруга господина Блетеріана.

— Но вѣдь вы играете, сударыня,—сказалъ онъ умоляюще и всталъ.—Вы когда-то ежедневно играли со своимъ отцомъ.

— Да, господинъ Спинелль, это было тогда! Во времена фонтана, знаете...

— Сдѣлайте это сегодня!—просилъ онъ.—Сыграйте только нѣсколько тактовъ! Если бы вы знали, какъ я жажду...

— Нашъ домашній врачъ, такъ же какъ докторъ Леандеръ, мнѣ это строго запретили, господинъ Спинелль.

— Ихъ нѣтъ здѣсь, ни того, ни другого! Мы свободны... Вы свободны, сударыня! Нѣсколько жалкихъ аккордовъ...

— Нѣтъ, господинъ Спинелль, изъ этого ничего не выйдетъ... Кто знаетъ, какихъ чудесъ вы отъ меня ожидаете! А я все забыла, повѣрьте мнѣ. Наизусть я не знаю почти ничего.

— О, тогда сыграйте это «почти ничего»! И, кромѣ того, здѣсь есть ноты. Вотъ онѣ лежатъ, тамъ на рояли. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ ничего интереснаго, но вотъ здѣсь Шопенъ...

— Шопенъ?

— Да, ноктюрны. А теперь я зажгу свѣчи.

— Не думайте, что я буду играть, господинъ Спинелль! Мнѣ нельзя. Что если мнѣ это повредить?!

Онъ замолчалъ. Онъ опустилъ руки; двѣ свѣчи освѣщали его фигуру съ большими ногами, въ черномъ, длинномъ сюртукѣ, съ сѣдой головой и расплывчатымъ, безбородымъ лицомъ.

— Я больше не буду просить,—наконецъ, сказалъ онъ тихо.— Если вы боитесь повредить себѣ, сударыня, то оставьте мертвой и нѣмой красоту, которая могла бы заговорить подъ вашими пальцами. Вы не всегда были такъ благоразумны; по крайней мѣрѣ тогда, когда, наоборотъ, дѣло шло о томъ, чтобы уйти отъ красоты. Вы не заботились о нашемъ тѣлѣ и выказали болѣе рѣшительную и твердую волю, когда вы покинули фонтанъ и сняли маленькую золотую корону... Послушайте,—сказалъ онъ, помолчавъ, и голосъ его еще больше понижился,—если вы теперь сядете и будете играть, какъ когда-то, когда подлѣ васъ еще стоялъ вашъ отецъ, и скрипка его пѣла тѣ тоны, которые заставляли васъ плакать, тогда можетъ случиться, что она снова тайно засверкаетъ въ вашихъ волосахъ, маленькая золотая корона...

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она, улыбаясь. Случайно при этихъ словахъ голосъ измѣнилъ ей, такъ что они прозвучали наполовину хрипло, наполовину беззвучно. Она кашлянула и затѣмъ сказала:—Это у васъ, въ самомъ дѣлѣ, ноктюры Шопена?

— Конечно, ноты раскрыты, и все готово.

— Ну, такъ я съ Божьей помощью сыграю одинъ изъ нихъ,—сказала она.—Но только одинъ, слышите? Тогда вамъ и безъ того больше не захочется.

Съ этими словами она поднялась, отложила свою работу и направилась къ роялю. Она сѣла на табуретъ, на которомъ лежали нѣсколько переплетенныхъ нотныхъ тетрадей, поправила свѣчи и начала перелистывать ноты. Господинъ Спинелль придвинулъ себѣ стулъ и сѣлъ рядомъ съ ней, какъ учитель музыки.

Она заиграла ноктюръ *es-dur*, *op. 9, № 2*. Если она въ самомъ дѣлѣ кое-что забыла, то раньше исполненіе ея должно было быть совершеннымъ. Рояль былъ посредственный, но послѣ первыхъ же аккордовъ она вполне овладѣла имъ. Она проявила чуткое пониманіе тонкихъ оттѣнковъ и гибкость ритма, доходившую до фантастическаго. Ея ударъ былъ одновременно силенъ и мягокъ. Подъ ея пальцами мелодія изливала до конца свою сладость, и съ робкой граціей обвивались украшенія вокругъ ея членовъ.

На ней было то же платье, что и въ день ея пріѣзда: темная, тяжелая блузка, съ пластическими бархатными арабесками, отъ кото-

рой кожа и руки казались такими нѣжными, неземными. Выраженіе ея лица не измѣнилось во время игры, но казалось, что очертанія ея губъ стали еще яснѣе, тѣни въ углахъ ея глазъ углубились. Когда она кончила, она положила руки на колѣни и продолжала смотрѣть на ноты. Господинъ Спинелль сидѣлъ молча и не двигаясь.

Она сыграла еще одинъ ноктюрнъ, затѣмъ второй и третій. Затѣмъ она поднялась; но лишь для того, чтобы поискать новыхъ нотъ на крышкѣ рояля.

Господину Спинеллю пришло въ голову заглянуть въ тетради въ черныхъ переплетахъ, лежавшія на табуретѣ. Вдругъ онъ издалъ нечленораздѣльный звукъ, и его большія, бѣлыя руки начали лихорадочно перелистывать одну изъ этихъ находившихся въ пренебреженіи тетрадей.

— Невозможно!... Этого не можетъ быть!—сказалъ онъ.—И всетаки я не ошибаюсь!... Знаете, что это такое?... Что здѣсь жалю?... Что у меня въ рукахъ?

— Что же это?—спросила она.

Тогда онъ молча показалъ ей заглавный листъ. Онъ былъ очень блѣденъ; онъ уронилъ тетрадь и смотрѣлъ на нее съ дрожащими губами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это сюда попало? Дайте же, — просто сказала она, поставила ноты на пюпитръ и послѣ мгновенія молчанія начала съ первой страницы.

Онъ сидѣлъ подлѣ нея, наклонившись впередъ, сложивъ руки на колѣняхъ, опустивъ голову. Она начала играть вступленіе съ чрезмѣрной, мучительной медленностью, съ тревожно растянутыми паузами между отдѣльными фразами. Мотивъ тоски, одинокій, блуждающій во мракѣ голосъ тихо пропѣлъ свой робкій вопросъ. Тишина и ожиданіе. И вотъ слышится отвѣтъ: тотъ же робкій и одинокій звукъ, лишь ярче, нѣжнѣе. Снова молчаніе. Затѣмъ съ сдержаннымъ и чудеснымъ сфорцато, словно вспышка желанія и блаженной страсти, вступилъ мотивъ любви, разросся, восторженно пробился до сладкаго сплетенія; оторвался, упалъ, и со своимъ низкимъ пѣніемъ, полнымъ тягостнаго, тоскливаго блаженства вступили виолончели, подхвативъ мотивъ.

Не безъ успѣха пыталась игравшая передать на жалкомъ инструментѣ звуковые эффекты оркестра. Пассажи скрипокъ на очень високихъ нотахъ звучали съ сіяющей ясностью. Она играла съ благоговѣніемъ, набожно останавливалась надъ каждой фразой и смиреннѣе, и демонстративно выдѣляла частности, словно священнослужительъ, поднимающій надъ своей головой святищу. Что случилось? Дѣль слъ,

два разлученныхъ существа въ страданіи и блаженствѣ стремятся другъ къ другу и сливаются въ восторженномъ и безумномъ стремленіи къ вѣчному и абсолютному. Прелюдія вспыхнула и замерла. Она окончила тамъ, гдѣ поднимается занавѣсъ, и продолжала молча смотрѣть на ноты.

Тѣмъ временемъ скука совѣтницы Шпацъ достигла того градуса, когда она искажаетъ человѣческое лицо, выкатываетъ глаза на лобъ и придаетъ лицу мертвенное и внушающее страхъ выраженіе. Кромѣ того, этотъ родъ музыки дѣйствовалъ на ея желудочные нервы; она привела этотъ диспептический организмъ въ состояніе страха, такъ что совѣтница начала бояться припадка судорогъ.

— Я должна пойти въ свою комнату, — слабо сказала она. — До свиданія, я скоро вернусь, — съ этими словами она ушла.

Сумерки сгустились. За окномъ беззвучно падалъ на террасу густой снѣгъ. Свѣчи бросали колеблющійся и неровный свѣтъ.

— Второй актъ, — прошепталъ онъ; и она перевернула нѣсколько страницъ и начала играть второй актъ.

Вдали терялся звукъ роговъ. Или это былъ шелестъ листвы? Нѣжное журчаніе источника? Уже ночь окутала своимъ молчаніемъ рощу и домъ, и никакія мольбы и предостереженія не могли больше удержать всецѣльной тоски. Священная тайна свершилась. Факелъ погасъ, страннымъ, внезапно затуманившимся звукомъ зазвучалъ мотивъ смерти, и въ жгучемъ нетерпѣніи взмахнула тоска своимъ бѣлымъ покрываломъ навстрѣчу возлюбленному, приближавшемуся къ ней во мракѣ съ распростертыми объятіями.

О, безмѣрное и ненасытное ликованіе соединенія въ отрѣшенности отъ міра! Освобожденные отъ мучительнаго заблужденія, вырвавшись изъ цѣпей пространства и времени, слились *ты и я, твое и мое* въ возвышенномъ блаженствѣ. Раздѣлить могъ ихъ коварный призракъ дня, но его хвастливая ложь не могла больше обмануть узрѣвшихъ ночь съ тѣхъ поръ, какъ сила волшебнаго напитка просвѣтила ихъ взоръ. Кто съ любовью созерцалъ ночь смерти и ея сладкую тайну, тому въ обманѣ свѣта осталось единственное стремленіе, тоска по священной ночи, вѣчной, истинной, соединяющей и всегда...

О, спустись, ночь любви, дай имъ то забвеніе, котораго они жаждутъ, обвей ихъ твоимъ блаженствомъ и отрѣши ихъ отъ міра обмана и разлуки. Вотъ послѣдній факелъ погасъ. Мысли и заблужденія погрузились въ священный сумракъ, который распростерся надъ муками обмана, неся спасеніе міру. Тогда, когда умереть призванъ свѣта, когда въ восторгѣ померкнуть мои глаза и явится то,

чего лишала меня ложь дня, что она обманчиво противопоставила неутолимой муке моей тоски, — даже тогда я — миръ. И подъ мрачное предостереженіе Брангеми зазвучало то либующее пѣніе скрипки, которое выше всей мудрости земли.

— Я не все понимаю, господинъ Спинелль; — объ очень многомъ я только догадываюсь. Что значить это: даже тогда я — миръ?

Онъ объяснилъ ей это, тихо и коротко.

— Да, это такъ. Отчего это вы такъ хорошо все это понимаете, а между тѣмъ сыграть не можете?

Какъ это ни странно, онъ не сумѣлъ отвѣтить на этотъ невинный вопросъ. Онъ покраснѣлъ, стиснулъ руки и точно съежился на своемъ стулѣ.

— Это совмѣщается очень рѣдко, — наконецъ, сказалъ онъ съ мученіемъ. — Нѣтъ, играть я не умѣю. Но продолжайте.

И они снова погрузились въ полные упоенія напѣвы мистической драмы. Умирала ли когда-нибудь любовь? Любовь Тристана? Любовь твоей и моей Изольды? О, удары смерти не могутъ поразить вѣчнаго! Что умерло бы въ немъ, кромѣ того, что мѣшаетъ намъ, что обманомъ раздѣляетъ единыхъ? Сладкимъ *и* соединила ихъ любовь... можетъ ли разорвать его смерть? Съ жизнью одного прекратится и жизнь другого? И таинственный дуэтъ соединилъ ихъ въ неизъяснимой надеждѣ любовной смерти, безконечнаго, нераздѣльнаго объятія въ дивномъ царствѣ ночи. Сладкая ночь! Вѣчная ночь любви! Все охватившая страна блаженства! Кто увидѣлъ тебя въ предчувствіи, какъ могъ бы онъ безъ страха вернуться къ пустынному дню? Изгони страхъ, сладкая смерть! Освободи тоскующихъ отъ скорби пробужденія! О безумный вихрь ритмовъ! О хроматически вздымающійся восторгъ метафизическаго познанія! Какъ могутъ они покинуть это блаженство вдали отъ мученій разлуки, которыя приносятъ свѣтъ? Мягкое стремленіе безъ обмана и страха, возвышенное, безпечальное угасаніе, блаженное мерцаніе въ безконечности! Ты — Изольда, Тристанъ — я, нѣтъ больше Тристана, нѣтъ Изольды...

Внезапно произошло что-то страшное. Игрившая оборвала и поднесла руку къ глазамъ, вглядываясь въ темноту, а господинъ Спинелль быстро повернулся на своемъ стулѣ. Задняя дверь, ведшая въ коридоръ, открылась, и вошла мрачная фигура, опираясь на руку другой. Это была одна изъ обитательницъ «Уединенія», так же бывшая не въ состояніи принять участіе въ прогулкѣ и воспользовавшаяся этимъ вечернимъ часомъ для одного изъ своихъ мистическихъ и печальныхъ обходовъ заведенія, это была та больная, которая произвела на свѣтъ 19 дѣтей и не была больше способна

ни на одну мысль, это была пасторша Геленраухъ со своей сидѣлкой. Не подымая глазъ, прошла она тяжелыми, невѣрными шагами черезъ комнату и исчезла въ противоположной двери, молча и словно застывъ, гонимая бессознательной тревогой. Воцарилась тишина.

— Это пасторша Геленраухъ,—сказалъ онъ.

— Да, это бѣдная пасторша,—сказала она. Затѣмъ она повернула нѣсколько страницъ и начала играть конецъ — смерть Изольды.

Какъ блѣдны и ясны были ея губы и какъ углубились тѣни въ углахъ ея глазъ! Надъ бровью, на ея прозрачномъ лбу все отчетливѣе и отчетливѣе, напряженно и тревожно выступала блѣдно-голубая жилка. Подъ ея пальцами звуки лились съ неслыханной силой, прерываемые почти кощунственнымъ, внезапнымъ *riapissimo*, — казалось, что почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ, и погружаешься въ тихое блаженство страсти. Ворвалось ликование безвѣрнаго освобожденія и осуществленія, зазвучало, повторяясь ненасытно, опьяняющее бушеваніе безконечнаго удовлетворенія, отхлынуло, казалось, хотѣло замолкнуть, внесло еще разъ въ свою гармонию мотивъ тоски, прозвучало въ послѣдній разъ, затихло, замерло, улетѣло. Глубокая тишина.

Они прислушались оба; склонили головы набокъ и прислушались.

— Это колокольчики,—сказала она.

— Это сани,—сказалъ онъ.—Я ухожу.

Онъ всталъ и пошелъ черезъ комнату. У двери онъ остановился, обернулся и одно мгновеніе безпокойно переступалъ съ ноги на ногу. И затѣмъ на разстояніи пятнадцати или двадцати шаговъ отъ нея онъ беззвучно упалъ на колѣни. Его длинный, черный сюртукъ распростерся на полу, онъ закрылъ лицо руками, и его плечи вздрагивали.

Она сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ, наклонившись впередъ, отвернувшись отъ рояля, и смотрѣла на него. Неувѣренная и смущенная улыбка лежала на ея лицѣ, и глаза ея задумчиво глядѣли въ темноту съ такимъ усталымъ выраженіемъ, словно готовы были угаснуть.

Вдали слышались звонъ колокольчиковъ, хлопанье бичей и оживленные человѣческіе голоса.

IX.

Прогулка на саняхъ, о которой еще долго всѣ говорили, происходила 26 февраля. 27 наступила оттепель; все размягчилось; ото-

всюду капало, плескалось, текло. Въ этотъ день супруга господина Клетеріана чувствовала себя отлично. 28-го у нея пошла горломъ кровь... о, немноже, но это была кровь. Въ то же время ею овладѣла такая слабость, какой она не испытывала еще никогда, и ей пришлось лечь въ постель.

Докторъ Леандеръ изслѣдовалъ ее; лицо его при этомъ было непроницаемо. Затѣмъ онъ предписалъ все, что предписываетъ наука: кусочки льда, морфій, безусловный покой. Впрочемъ, на слѣдующій день, вслѣдствіе чрезмѣрнаго обремененія, онъ сложилъ съ себя лѣченіе и передалъ его доктору Мюллеру, который покорно взялъ его на себя, какъ это предписывали его обязанности и контрактъ. Это былъ тихій, блѣдный, незначительный и грустный человѣкъ, скромная и безызвѣстная дѣятельность котораго была посвящена почти здоровымъ и безнадежнымъ.

Прежде всего онъ выразилъ мнѣніе, что разлука между супругами слишкомъ продолжительна. Крайне желательно, чтобы господинъ Клетеріанъ, если только это позволяютъ его цвѣтущія дѣла, снова посѣтилъ «Уединеніе». Можно написать ему, можетъ быть, даже послать телеграмму. И, конечно, молодой матери доставило бы радость и хорошо повліяло бы на нее, если бы онъ привезъ съ собой маленькаго Антона: не говоря уже о томъ, что врачамъ было бы просто интересно познакомиться съ этимъ здоровымъ маленькимъ Антономъ.

И вотъ господинъ Клетеріанъ пріѣхалъ. Онъ получилъ телеграмму доктора Мюллера и пріѣхалъ съ береговъ Балтійскаго моря. Онъ вышелъ изъ коляски и велѣлъ подать себѣ кофе и буттербродовъ; онъ казался очень изумленнымъ.

— Сударь, — сказалъ онъ, — что случилось? Почему меня зовутъ къ ней?

— Потому что желательно, — отвѣтилъ докторъ Мюллеръ, — чтобы вы теперь были вблизи вашей супруги.

— Желательно... желательно... Но необходимо ли это? Я думаю о моихъ деньгахъ, сударь; времена теперь плохія, а желѣзныя дороги дороги. Развѣ нельзя было обойтись безъ этой поѣздки? Я бы ничего не сказалъ, если бы это были, напримѣръ, легкія; но такъ какъ... это, благодаря Бога, дыхательное горло...

— Господинъ Клетеріанъ, — мягко сказалъ докторъ Мюллеръ, — во-первыхъ, дыхательное горло важный органъ...

Онъ сказалъ во-первыхъ, хотя никакого «во-вторыхъ» не послѣдовало.

Одновременно съ господиномъ Клетеріаномъ въ «Уединеніи» по-

явилась пышная, вся закутанная въ красныя, шитыя золотомъ ткани особа, и на рукахъ у нея былъ Антонъ Клетеріанъ младшій. Маленькій, здоровый Антонъ. Да, это былъ онъ, и никто не могъ отрицать, что онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ необыкновенно здоровъ. Розовый, бѣлый, чисто одѣтый, толстый и благоухающій, лежалъ онъ на обнаженныхъ красныхъ рукахъ своей нарядной кормилицы, поглощалъ огромныя количества молока и рубленого мяса, кричалъ и отдавался во всѣхъ отношеніяхъ своимъ инстинктамъ. Изъ окна своей комнаты писатель Спинелль наблюдалъ прибытіе молодого Клетеріана. Страшнымъ, затуманеннымъ и все же острымъ взглядомъ окинулъ онъ его, когда его несли изъ коляски въ домъ, и еще долго послѣ этого стоялъ на своемъ мѣстѣ все съ тѣмъ же выраженіемъ лица.

Съ этихъ поръ онъ избѣгалъ встрѣчъ съ Антономъ Клетеріаномъ младшимъ, насколько это было возможно.

Х.

Господинъ Спинелль сидѣлъ въ своей комнатѣ и «работалъ». Комната была такая же, какъ и всѣ въ «Уединеніи»: старомодная, простая и изысканная. Массивный комодъ былъ окованъ металлическими львиными головками; высокое стѣнное зеркало не представляло собой плоской поверхности, но было составлено изъ многихъ маленькихъ квадратныхъ осколковъ, оправленныхъ въ свинець; на глиняномъ, выкрашенномъ въ голубоватую краску полу, на которомъ прямыя ножки мебели отражались свѣтлыми тѣнями, не было ковра. Обширный письменный столъ стоялъ вблизи окна, которое романтистъ завѣсилъ желтой занавѣской, вѣроятно для того, чтобы сдѣлать себя задушевиѣе.

Въ голубоватомъ сумракѣ сидѣлъ онъ, склонившись надъ письменнымъ столомъ, и писалъ-писалъ одно изъ тѣхъ многочисленныхъ писемъ, которыя онъ еженедѣльно отправлялъ по почтѣ и на которыя онъ большей частью не получалъ никакихъ отвѣтовъ, что было очень забавно. Передъ нимъ лежалъ большой, плотный листъ бумаги, въ лѣвомъ верхнемъ углу котораго подъ запутаннымъ ландшафтомъ стояло имя Детлевъ Спинелль совершенно оригинальными буквами и который онъ покрывалъ мелкимъ, тщательнымъ и очень чистымъ почеркомъ.

«Милостивый государь! — стояло тамъ. — Я обращаюсь къ вамъ съ слѣдующими строками, потому что я не могу поступить иначе, потому что то, что мнѣ надо сказать вамъ, переполняетъ меня, мучитъ меня и заставляетъ меня дрожать, потому что слова стекаются

ко мнѣ такъ стремительно, что я задохнулся бы, если бы не могъ освободиться отъ нихъ въ этомъ письмѣ...»

Если сказать правду, то этого «стремительнаго стеченія» совершенно не существовало, и Богъ знаетъ, изъ какихъ тщеславныхъ соображеній господинъ Спинелль утверждалъ это. Слова, казалось, нисколько не стремились къ нему; для человѣка, для котораго писаніе является профессіей, онъ подвигался впередъ съ плачевной медленностью, и тотъ, кто увидѣлъ бы его теперь, долженъ былъ бы придти къ заключенію, что писатель это—человѣкъ, которому писаніе дается тяжелѣе, чѣмъ во всемъ остальнымъ людямъ.

Бончиками двухъ пальцевъ держалъ онъ одинъ изъ странныхъ волосковъ на своей щекѣ и крутилъ его въ теченіе четверти часа, уставившись въ пространство и не подвигаясь впередъ ни на одну строчку; затѣмъ писалъ своимъ изящнымъ почеркомъ нѣсколько словъ и снова останавливался. Съ другой стороны надо признать, что то, что получилось въ концѣ-концовъ, производило впечатлѣніе гладкости и живости, хотя содержаніе носило странный, сомнительный и даже непонятный характеръ.

«Я испытываю, — такъ продолжалось письмо, — я испытываю неукротимую потребность заставить и васъ увидѣть то, что вижу я, что уже въ теченіе недѣль, какъ неизгладимое видѣніе, стоитъ передъ моими глазами, заставить васъ видѣть это моими глазами, въ томъ освѣщеніи, въ которомъ оно стоитъ передъ моимъ внутреннимъ взоромъ. Я привыкъ уступать этому порыву, заставляющему меня въ незабываемыхъ, пламенныхъ и точныхъ словахъ сообщать міру мои переживанія. И поэтому выслушайте меня.

«Я хочу лишь рассказать то, что было и есть, я лишь рассказываю одну исторію, коротенькую, несказанно возмутительную исторію, рассказываю ее безъ комментаріевъ, безъ обвиненія и сужденія, лишь моими словами. Это исторія Габріэли Эггофъ, милостивый государь, женщины, которую вы называете своей... и замѣтьте хорошенько! Вы пережили эту исторію; и все же только мое слово подымаетъ ее для васъ до значенія событія.

«Помните ли вы садъ, милостивый государь, старый, заглохлый садъ за сѣрымъ патриціанскимъ домоу? Зеленый мохъ пробивался изъ расщелинъ вывѣтрившихся стѣнъ, окружавшихъ его мечтательную пустыню. Помните ли вы фонтанъ посреди сада? Лиловые ирисы склонялись надъ его ветхимъ бассейномъ, и его бѣлая струя съ таинственнымъ журчаніемъ падала на треснувшіе камни. Лѣтній вѣсъ склонялся къ закату.

«Семь дѣвъ сидѣли вокругъ фонтана; въ волосы же седьмой,

первой, единственной, заходящее солнце, казалось, тайкомъ вплегло сверкающій знакъ королевскаго достоинства. Ея глаза были, какъ робкія грезы, а ея ясныя губы улыбались...

«Онѣ пѣли. Онѣ обратили свои тонкія лица вверхъ къ струѣ фонтана, туда, гдѣ она усталымъ и благороднымъ закругленіемъ склонялась къ паденію, и ихъ тихіе, свѣтлые голоса парили вокругъ ея стройнаго танца. Быть можетъ, онѣ обхватили колѣни своими нѣжными руками во время пѣнія...

«Помните ли вы эту картину, милостивый государь? Видѣли ли вы ее? Вы не видѣли ея. Ваши глаза не были созданы для этого, и ваши уши не могли воспринять цѣломудренную сладость ея мелодіи. Если бы вы видѣли ее—вы не смѣли бы дышать, вы должны были бы запретить своему сердцу биться. Вы должны были бы уйти обратно въ жизнь, въ вашу жизнь и навсегда сохранить въ вашей душѣ видѣнное, какъ неприкосновенную и ненарушимую святыню. Что же сдѣлали вы?

«Эта картина была концомъ, милостивый государь; надо было вамъ придти и разрушить ее, чтобы дать ей продолженіе, полное пошлости и отвратительнаго страданія. Это былъ трогательный и мирный апофеозъ, пропитанный вечернимъ просвѣтлѣніемъ упадка, разложенія и угасанія. Старый родъ, уже слишкомъ усталый и слишкомъ благородный для дѣятельности и для жизни, стоитъ у конца своихъ дней, и его послѣднее проявленіе—это звуки искусства, нѣсколько аккордовъ скрипки, полные грусти и сознанія близкой смерти... Видѣли ли вы глаза, на которые эти звуки вызывали слезы? Возможно, что души шести подругъ принадлежали жизни, но душа ихъ сестры и госпожи принадлежала красотѣ и смерти.

«Вы видѣли ее, эту красоту смерти: вы смотрѣли на нее и желали ея. Ни слѣда благоговѣнія, ни слѣда робости не шевельнулось въ вашемъ сердцѣ при видѣ этой трогательной святости. Вамъ недостаточно было смотрѣть; вы должны были обладать, использовать, осквернить... Какъ тонокъ былъ вашъ выборъ! Вы гурманъ, милостивый государь, плебей-гурманъ, крестьянинъ со вкусомъ.

«Я прошу васъ замѣтить, что я нисколько не желаю оскорбить васъ. То, что я говорю, не есть оскорбленіе; это формула, простая психологическая формула для вашей простой, въ литературномъ отношеніи, совершенно неинтересной личности, и я высказываю ее потому, что что-то побуждаетъ меня освѣтить вамъ немного ваши собственные поступки, потому что на землѣ это мое неизбѣжное призваніе давать вещамъ ихъ имена, заставляя ихъ говорить и освѣщать безсознательное. Міръ полонъ того, что я называю «безсознатель-

нымъ типомъ»: и я не выношу ихъ, всѣхъ этихъ безсознательныхъ типовъ! Я не выношу ея, всей этой тупой, невѣжественной и безсознательной жизни, этого полнаго раздражающей наивности міра, обружающаго меня! Что-то съ мучительной непреодолимостью принуждаетъ меня, все вокругъ меня — насколько хватаетъ силъ — разъяснить, выразить и привести къ сознанию — не заботясь о томъ, будетъ ли это имѣть толкающее впередъ или тормозящее дѣйствіе, принесть ли это утѣшеніе и смягченіе, или же увеличить боль.

«Вы, милостивый государь, какъ я сказалъ, плебей-гурманъ, крестьянинъ со вкусомъ. Собственно говоря, вы человекъ грубаго сложенія и находитесь на крайне низкой ступени развитія; но, благодаря богатству и сидячему образу жизни, вы достигли внезапной, неисторической и варварской испорченности нервной системы, которая влечетъ за собой извѣстную похотливую утонченность потребности въ наслажденіи. Очень возможно, что мускулы вашей глотки пришли въ чмокающее движеніе, какъ при видѣ вкуснаго супа, когда вы рѣшили сдѣлать своею Габріэль Эггофъ...

«Въ самомъ дѣлѣ, вы сбиваете съ толку ея мечтательную волю, вы выводите ее изъ заглохшаго сада въ жизнь и въ безобразіе, вы даете ей ваше ординарное имя и дѣлаете ее женой, хозяйкой, дѣлаете ее матерью. Вы унижаете усталую, робкую и цвѣтущую въ возвышенной непригодности красоту смерти до служенія пошлымъ буднямъ и тому тупому, грубому и презрѣнному идолу, который называется природой, и даже предчувствіе о глубокой низости этого поступка не зарождается въ вашей мужицкой совѣсти.

«Еще разъ: что происходитъ? Она съ ея глазами-грезами даритъ вамъ ребенка; она даетъ этому существу, которое является продолженіемъ низкаго существованія своего отца, всю свою кровь и жизненную силу и умираетъ. Она умираетъ, милостивый государь! И если она не угасаетъ въ пошлости, если она всетаки подъ конецъ поднялась изъ глубины своего униженія и умираетъ гордой и счастливой подъ смертельнымъ поцѣлуемъ красоты, то это было *моей* заботой. Вы же въ это время развлекались въ укромныхъ коридорахъ со служанками.

«Ея же дитя, сынъ Габріэли Эггофъ, преуспѣваетъ, живетъ и торжествуетъ. Быть можетъ, онъ будетъ продолжать жизнь своего отца: сдѣлается купцомъ, платящимъ подати и любящимъ хорошо покушать буржуа; быть можетъ, солдатомъ или чиновникомъ, невѣжественной и могучей опорой государства; во всякомъ случаѣ нормально функционирующимъ существомъ, не знающимъ сомнѣній и увѣреннымъ въ себѣ, сильнымъ и глупымъ.

«Примите признаніе, милостивый государь, что я ненавижу васъ, васъ и ваше дитя, какъ ненавижу самую жизнь, пошлую, смѣшную и все же торжествующую жизнь, которую вы представляете, вѣчную противоположность и смертельнаго врага красоты. Я не имѣю права сказать, что я васъ презираю. Я не могу этого сказать. Я честенъ. Вы сильнѣйшій. Въ борьбѣ я могу противопоставить вамъ только одно возвышенное оружіе и орудіе мести слабыхъ: умъ и слово. Сегодня я воспользовался этимъ оружіемъ, ибо это письмо—въ этомъ я также честенъ, милостивый государь—не что иное, какъ актъ мести, и если хоть одно единственное слово въ немъ достаточно остро, блестяще и красиво, чтобы смутить васъ, заставить васъ почувствовать чуждую власть, на мгновение пошатнуть ваше здоровое равновѣсіе, то я буду ликовать.

Детлевъ Спинелль».

И это письмо господинъ Спинелль вложилъ въ конвертъ, наклеилъ марку, снабдилъ красивымъ адресомъ и отправилъ на почту.

XI.

Господинъ Клетеріанъ постучалъ въ дверь комнаты господина Спинелля. Онъ держалъ въ рукѣ большой, аккуратно исписанный листъ бумаги и имѣлъ видъ человѣка, рѣшившагося дѣйствовать энергично. Почта исполнила свой долгъ, письмо пошло своимъ путемъ: оно совершило странное путешествіе изъ «Уединенія» въ «Уединеніе» и попало въ руки адресата. Было четыре часа пополудни.

При входѣ господина Клетеріана господинъ Спинелль сидѣлъ на софѣ и читалъ свой собственный романъ съ умопомрачительной обложкой. Онъ всталъ и посмотрѣлъ на посѣтителя изумленно и вопросительно, при этомъ онъ замѣтно покраснѣлъ.

— Добрый день, — сказалъ господинъ Клетеріанъ. — Простите, что я мѣшаю вамъ въ вашихъ занятіяхъ. Но позвольте мнѣ спросить, вами ли написано это? — При этомъ онъ лѣвой рукой поднялъ вверхъ большой, аккуратно исписанный листъ бумаги, а правой ударилъ по нему такъ, что бумага сильно хрустнула. Послѣ этого онъ засунулъ правую руку въ карманъ своихъ удобныхъ просторныхъ брюкъ, сгинуилъ голову набокъ и открылъ ротъ, готовясь слушать, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать многіе люди.

Странно: господинъ Спинелль улыбнулся; онъ улыбнулся предупредительной, немного смущенной и словно извиняющейся улыбкой, и кивнулъ руку ко лбу, словно вспоминая и сказалъ:

— Ахъ, да... Правда... Я позволилъ себѣ...

Дѣло въ томъ, что онъ сегодня далъ себѣ волю и проспалъ до полудня. Вслѣдствіе этого онъ мучился угрызениями совѣсти, въ головѣ у него была тяжесть, онъ чувствовалъ себя нервнымъ и неспособнымъ къ сопротивленію. Къ этому присоединилось еще то, что весенній воздухъ утомлялъ его и дѣлалъ склоннымъ къ отчаянію. Обо всемъ этомъ слѣдуетъ упомянуть, чтобы объяснить, почему онъ въ продолженіе этой сцены велъ себя такъ негѣпно.

— Такъ! Ага! Прекрасно! — сказалъ господинъ Клетеріанъ, упираясь подбородкомъ въ грудь, поднимая брови и дѣлая еще дѣлую массу подобныхъ приготовленій, чтобы по окончаніи этого формальнаго вопроса безъ милосердія перейти къ дѣлу. Любуясь собой, онъ немного увлекся этими приготовленіями; въ концѣ-концовъ результатъ не вполне соответствовалъ грозной обстоятельности этихъ мимическихъ приготовленій. Но господинъ Спинелль былъ порядочно блѣдень.

— Очень хорошо! — повторилъ господинъ Клетеріанъ. — Тогда позвольте дать вамъ отвѣтъ устно, любезнѣйшій, такъ какъ я считаю глупымъ писать длинныя письма человѣку, котораго можно видѣть каждую минуту...

— Ну... глупымъ... — сказалъ господинъ Спинелль, улыбаясь извиняющейся и почти униженной улыбкой...

— Глупымъ! — повторилъ господинъ Клетеріанъ и сильно тряхнулъ головой, чтобы показать, насколько онъ увѣренъ въ своей правотѣ. — Я не удостоилъ бы этой пачкотни ни однимъ словомъ, откровенно говоря, я не считалъ бы ее пригодной даже для заворачиванія буттбродовъ, если бы она не объяснила мнѣ нѣкоторыхъ вещей, которыхъ я до сихъ поръ не понималъ, нѣкоторыхъ перемѣнъ... Впрочемъ, это васъ не касается и къ дѣлу не относится. Я человѣкъ занятый, у меня есть болѣе важныя дѣла, чѣмъ ваши невыразимыя видѣнія...

— Я написалъ неизглядимое видѣніе, — сказалъ господинъ Спинелль, выпрямляясь. — Это былъ единственный моментъ этой сцены, когда онъ проявилъ нѣкоторое достоинство.

— Неизглядимое... невыразимое!... — отвѣтилъ господинъ Клетеріанъ и посмотрѣлъ въ рукопись. — У васъ отвратительнѣйшій почеркъ, любезнѣйшій; я не принялъ бы васъ въ свою контору. На первый взглядъ онъ кажется очень аккуратнымъ, но если хорошенько присмотрѣться, то въ немъ масса недостатковъ, неправильностей. Но это ваше дѣло и меня не касается. Я пришелъ, чтобы сказать вамъ, что, во-первыхъ, вы шутъ — ну, это вамъ, вѣроятно, известно. Но, кромѣ того, вы большой трусъ, и этого мнѣ также, конечно,

не надо подробно доказывать. Моя жена однажды написала мнѣ, что вы не смотрите женщинамъ, которыхъ встрѣчаете, въ лицо, но только скользите по нимъ взглядомъ, чтобы унести съ собой пріятное воспоминаніе, изъ страха передъ дѣйствительностью. Къ сожалѣнію, позднѣе она перестала рассказывать о васъ въ своихъ письмахъ, иначе я зналъ бы еще много исторій про васъ. Вотъ вы каковы. «Брасота» ваша третье слово, но въ сущности это только трусость, ханжество и зависть, и отсюда, конечно, и ваше безстыдное замѣчаніе объ укромныхъ коридорахъ, которое, вѣроятно, должно было меня пронзить и которое меня только позабавило. Оно позабавило меня! Но теперь вы знаете? «Освѣтилъ ли я вамъ немного» ваши... ваши «поступки», жалкій вы чедовѣкъ! «Хотя это» не мое «неминуемое призваніе», хе-хе!...

— Я написалъ «неизбѣжное призваніе», — сказалъ господинъ Спинелль; но онъ тотчасъ же снова потерялъ надежду. Онъ стоялъ безпомощный, какъ большой, жалкій, сѣдовласый школьникъ, котораго пробираютъ.

— Неизбѣжное... неминуемое... Вы низкій трусъ — говорю я вамъ. Вы каждый день видите меня за столомъ. Вы здороваетесь со мной и улыбаетесь, вы прощаетесь со мной и улыбаетесь. Въ одинъ прекрасный день вы обрушиваетесь на меня вотъ съ такимъ жалкимъ писаніемъ, полнымъ оскорбленія. Хе, да, письменно у васъ хватаетъ храбрости! И если бы это было только смѣшное письмо. Но вы интриговали противъ меня, вы интриговали противъ меня за моей спиной, я теперь это очень хорошо понимаю... Хотя не воображайте, что это вамъ удалось! Если вы льстите себя надеждой, что вамъ удалось всадить моей женѣ въ голову всякія фантазіи, то вы ошибаетесь, любезнѣйшій, для этого она слишкомъ умна! Или если вы, чего добраго, думаете, что она приняла меня какъ-нибудь иначе, чѣмъ обыкновенно, меня и моего ребенка, то этимъ вы увѣнчиваете вашу глупость! Если она не поцѣловала маленькаго, то она сдѣлала это изъ осторожности, потому что недавно возникла гипотеза, что это не дыхательное горло, а легкія, а въ этомъ случаѣ нельзя знать... хотя это еще нужно доказать, относительно легкихъ, а вы съ вашимъ «она умираетъ, милостивый государь!» — вы оселъ!

Здѣсь господинъ Клетеріанъ долженъ былъ перевести дыханіе. Онъ пришелъ въ ярость, непрерывно тыкалъ указательнымъ пальцемъ правой руки въ воздухъ и самымъ отчаяннымъ образомъ мялъ письмо лѣвой рукой. Его лицо, окаймленное бѣлокурыми англійскими багами, было страшно красно, а его нахмуренный лобъ былъ прорѣзанъ вздувшимися жилами, какъ гнѣвными молніями.

— Вы ненавидите меня, — продолжалъ онъ, — и вы презирали бы меня, если бы я не былъ сильнѣйшимъ... — Да, я сильнѣйшій, чортъ возьми, у меня сердце на мѣстѣ, а у васъ нѣтъ, и я бы отколотилъ васъ, хитрый идиотъ, вмѣстѣ съ вашимъ «умомъ и словомъ», если бы это не было запрещено. Но это еще не значить, любезнѣйшій, что я буду спокойно терпѣть ваши оскорбленія, и если я покажу моему адвокату это ваше «ординарное имя», то мы посмотримъ, что будетъ. У меня хорошее имя, милостивый государь, и хорошее именно благодаря моимъ заслугамъ. Одолжить ли кто-нибудь вамъ на ваше имя, шалопай, хоть одинъ грошъ, этотъ вопросъ вы можете рѣшить сами! Васъ нужно привлечь къ суду! Вы опасны для общества! Вы сводите людей съ ума!... Хотя не воображайте, что это удалось вамъ на этотъ разъ, негодяй! Такимъ субъектамъ, какъ вы, я не позволю сбить себя съ толку. У меня сердце на мѣстѣ.

Господинъ Клетеріанъ пришелъ въ страшное возбужденіе. Онъ кричалъ и все повторялъ, что у него сердце на мѣстѣ.

«Онъ пѣли». Точка. Онъ вовсе не пѣли. Онъ вязали. Кроме того, онъ говорили о рецептѣ для картофельнаго салата, и если я расскажу моему тестю про вашу «упадокъ и угасаніе», то онъ тоже подастъ на васъ въ судъ, можете быть въ этомъ увѣрены!... «Видѣли ли вы эту картину, видѣли ли вы ее?» Конечно, я ее видѣлъ, но я не понимаю, почему я долженъ былъ задержать дыханіе и убѣжать. Я не боюсь смотрѣть женщинамъ въ лицо, я смотрю на нихъ прямо, и если онѣ мнѣ нравятся и хотятъ меня, то я беру ихъ. У меня сердце на мѣ...»

Раздался стукъ. Въ дверь комнаты стучали, быстро, девять или десять разъ подрядъ; это былъ маленькій, сильный и робкій вихрь, заставившій замолчать господина Клетеріана; чей-то нетвердый голосъ, непрерывно срывавшійся отъ волненія, сказалъ страшно тревожно:

— Господинъ Клетеріанъ, господинъ Клетеріанъ, ахъ, здѣсь господинъ Клетеріанъ?

— Оставайтесь за дверью, — сердито сказалъ господинъ Клетеріанъ. — Что тамъ такое? У меня здѣсь дѣло.

— Господинъ Клетеріанъ, — сказалъ дрожащій и срывающійся голосъ. — Вы должны придти... — Врачи тоже тамъ... О, это такъ ужасно, печально...

Тогда онъ бросился къ двери и распахнулъ ее. За дверью стояла совѣтница Шпацъ. Она держала у рта носовой платокъ, и въ нее падали крупныя, продолговатыя капли слезъ.

— Господинъ Клетеріанъ, — произнесла она. — Это такъ ужасно!

печалью... У нея пошла горломъ кровь, такъ много, ужасно много... Она сидѣла совершенно спокойно на кровати и напѣвала какую-то мелодію, и вдругъ пошла кровь. Боже мой, такъ страшно много крови...

— Она умерла?—закричалъ господинъ Клетеріанъ. При этомъ онъ схватилъ за руку совѣтницу и трясъ ее...—Нѣтъ, не совсѣмъ, неправда ли? Еще не совсѣмъ, она еще можетъ видѣть меня... У нея опять пошла горломъ кровь, немножко крови, изъ легкихъ, говорите вы? Я согласенъ, что это можетъ быть изъ легкихъ... Габріэль!—сказалъ онъ вдругъ, причемъ глаза его наполнились слезами, и видно было, что на него нахлынуло теплое, хорошее, человѣчное и искреннее чувство.—Да я иду!—сказалъ онъ, и быстро зашагалъ по коридору, таща за собой совѣтницу. Изъ отдаленной части галлерей еще доносились его быстро удаляющіеся шаги: «Не совсѣмъ, не правда ли?... Изъ легкихъ, говорите вы?...»

ХІІ.

Господинъ Спинелль продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоялъ во время такъ внезапно прерваннаго визита господина Клетеріана, и смотрѣлъ на открытую дверь. Наконецъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и прислушался. Но все было тихо, и онъ закрылъ дверь и вернулся въ комнату.

Нѣсколько времени онъ разсматривалъ себя въ зеркалѣ, затѣмъ подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ ящика маленькій флаконъ и рюмку и выпилъ коньяку, за что его не могъ бы осудить ни одинъ человѣкъ. Затѣмъ онъ растянулся на софѣ и закрылъ глаза.

Верхняя часть окна была открыта. Въ саду «Уединенія» щебетали птицы, и въ этихъ легкихъ, нѣжныхъ и смѣлыхъ звукахъ тепло и ярко выражалась вся весна. Господинъ Спинелль тихо сказалъ про себя: «Неминуемое призваніе...» Затѣмъ онъ потрясъ головой и потянулъ воздухъ сквозь зубы, какъ при сильной нервной боли.

О спокойствіи нечего было и думать. Онъ не созданъ для такихъ глупыхъ переживаній!—Путемъ душевнаго процесса, анализъ котораго завелъ бы насъ слишкомъ далеко, господинъ Спинелль пришелъ къ рѣшенію подняться и немного пройтись по воздуху. Онъ взялъ шляпу и оставилъ комнату.

Когда онъ вышелъ изъ дому, и его охватилъ мягкій ароматный вѣтеръ, онъ повернулъ голову и медленно поднялъ глаза къ завѣшанному окну, на которомъ взоръ его нѣкоторое время покоился съ

серьезнымъ, твердымъ и мрачнымъ выраженіемъ. Затѣмъ онъ заложилъ руки за спину и пошелъ по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ. Онъ шелъ въ глубокой задумчивости.

Клумбы были еще покрыты рогожами, а деревья и кусты были еще голы; но снѣга уже не было, и по дорожкамъ лишь тамъ и сямъ еще виднѣлись влажные слѣды. Обширный садъ съ своими гротами, крытыми аллеями и маленькими павильонами лежалъ въ великолѣпномъ, яркомъ послѣполуденномъ освѣщеніи съ глубокими тѣнями и мягкимъ золотымъ свѣтомъ, и темныя вѣтви деревьевъ рѣзко и нѣжно выдѣлялись на свѣломъ небѣ.

Это былъ часъ, когда солнце принимаетъ форму, когда безформенная масса свѣта становится видимымъ, погружающимся дискомъ, болѣе мягкій блескъ котораго не рѣжетъ глаза. Господинъ Спинелль не видѣлъ солнца, онъ шелъ въ такомъ направленіи, что солнце было отъ него скрыто. Онъ шелъ съ опущенной головой и напѣвалъ какую-то мелодію, короткую фразу, робкую и жалобную тему, нотивъ тоски... Но вдругъ онъ разомъ остановился, какъ вкопанный, изъ груди его вырвался короткій, судорожный вздохъ, и подъ сильно сдвинутыми бровями его расширившіеся глаза пристально глядѣли впередъ съ выраженіемъ ужаса и отвращенія.

Дорога сворачивала; она шла навстрѣчу заходящему солнцу. Огромное, прорѣзанное двумя узкими свѣтящимися облаками съ золотистыми краями, оно косо стояло на небѣ, озаря верхушки деревьевъ и обливая своимъ желтовато-краснымъ свѣтомъ садъ. И среди этого золотого сіянія, съ яркимъ ореоломъ солнечнаго диска надъ головой на дорожкѣ, выпрямившись, стояла пышная, вся одѣтая въ красное и золотое, особа; правую руку она упирала въ крутя бедра, а лѣвой тихонько двигала назадъ и впередъ изящную колясочку. Въ колясочкѣ сидѣлъ ребенокъ, Антонъ Клетеріанъ младшій, толстый сынъ Габріэли Эггофъ.

Онъ сидѣлъ на подушкахъ, одѣтый въ бѣлую байковую курточку и большую бѣлую шляпу, краснощекій, великолѣпный и здоровый, и его взглядъ весело и твердо встрѣтилъ взглядъ господина Спинелля. Романистъ уже готовъ былъ оправиться, онъ былъ мужчина, у него хватило бы силы пройти мимо этого неожиданнаго, блестящаго явленія и продолжать свою прогулку. Но въ этотъ моментъ произошло нѣчто ужасное. Антонъ Клетеріанъ началъ смѣяться и ликовать, онъ такъ визжалъ отъ какой-то непонятной радости, что становилось жутко.

Богъ знаетъ, что на него нашло, привела ли его въ эту дикую веселость черная фигура, стоявшая противъ него, или это просто

былъ припадокъ животнаго удовольствія. Онъ держалъ въ одной рукѣ костяное кольцо, а въ другой—металлическую погремушку. Оба эти предмета онъ съ ликованіемъ поднялъ къ свѣту, трясъ ихъ и ударялъ одинъ о другой, какъ бы издѣваясь и пугая кого-то. Его глаза были почти закрыты отъ удовольствія, а ротъ былъ такъ широко раскрытъ, что можно было видѣть все его розовое нѣбо. Онъ такъ смѣялся, что его головка качалась изъ стороны въ сторону.

Тогда господинъ Спинелль повернулся и пошелъ обратно. Онъ шелъ по песчанымъ дорожкамъ, преслѣдуемый ликованіемъ маленькаго Клетеріана, осторожно и съ принужденной граціей держа руки, насильно сдержанными шагами человѣка, который хочетъ скрыть, что онъ внутренно бѣжитъ отъ чего-то.

Перевела А. Полоцкая.

Къ ней.

Приди. Развѣй мой сонъ недужный.

О, ниспади, какъ лепестокъ

Осенней розы, жертвы вьюжной.

Я такъ безмѣрно одинокъ.

И въ мукѣ сладостной напѣва

Да снизойдетъ онъ на меня —

Высокій часъ святого сѣва,

Лучомъ серебрянымъ звеня.

Встань надо мной, какъ богъ вечерній,

Какъ свѣтлый серпъ небесныхъ нивъ.

Сними вѣнокъ изъ тайныхъ терній

И умири тоски приливъ.

Приди. Я жду. Всему покоренъ.

Неострѣшимо править Рокъ.

О, просіяй! Мой день такъ черенъ!

Я такъ безмѣрно одинокъ.

Викторъ Страховъ.

Рихардъ Вагнеръ *).

(1813—1883 гг.)

Въ 25-ти лѣтію со дня его смерти.

На три года Вагнеръ оставилъ сочиненіе музыки, чтобы привести въ ясность и теоретически обосновать свои реформаторскія идеи. Онъ пишетъ рядъ статей объ искусствѣ, въ которыхъ касается и другихъ сторонъ общественной и политической жизни человѣчества. Эти его работы («Die Kunst und die Revolution» 1849 г., «Das Kunstwerk der Zukunft» 1849 г., «Das Judenthum in der Musik» 1850 г., «Oper und Drama» 1851 г. и др.) постигла удивительная судьба. Насколько публика интересовалась музыкой Вагнера, насколько она съ жадностью прочитывала почти все, что о немъ писалось, настолько холодно относилась она къ его литературнымъ сочиненіямъ: ихъ просто не читали ни тогда, ни послѣ! Даже близкіе друзья Вагнера, какъ художникъ Кицъ въ Парижѣ, оставляли присланныя имъ въ подарокъ самимъ авторомъ статьи неразрѣзанными! Листъ очень холодно относился къ писательству Вагнера (брось «политическія пошлости и социалистическую галиматью», писалъ онъ ему по поводу статьи «Kunst und Revolution»), почему и оставался въ глазахъ Вагнера по уму значительно ниже его дочери Бозимы, въ пятидесятыхъ годахъ жены Бюлова, впоследствии второй жены Вагнера. Женщины, вотъ кто были поклонницами Вагнера-писателя! Съ этого времени онъ становится тѣмъ приближеннымъ, гдѣ находятъ все новое питаніе его самообожествленію! Онъ называли его своимъ спасителемъ **), онъ убѣдили его, что всякое слово его свято, что каждый звукъ его музыки спасаетъ, разрѣшаетъ отъ грѣха! Онъ убѣдили его, что спасеніе міра не въ социалистическихъ бредняхъ, какъ думалъ его другъ Рекель, а въ «Парсифалѣ», въ побѣдѣ «чистой (?) любви» надъ вождемъніемъ къ женщинѣ. «Правда, я не могу больше находить радость въ людяхъ, даже въ женщинахъ; но все же этотъ послѣдній элементъ еще единственный, который помогаетъ

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1908 г.

**) „Вчера я получилъ письмо изъ Гамбурга отъ одной дамы (аристократки по рожденію), которая благодаритъ меня за мои статьи: она ими спасена (erlöst) (письмо Вагнера къ Улигу 25 марта 1852 г.). Эта дама была Мальвида фонъ-Мейсенбургъ, воспитательница дочери Ал. Герцена, впоследствии писательница: „Memoiren einer Idealistin“, и др.

мнѣ питать иллюзіи, потому что относительно мужчинъ я не могу себѣ создавать иллюзіи» (письмо къ Улигу, декабрь 1851 г.). Послѣ исполненія увертюры къ «Тангейзеру» въ Цюрихѣ подъ управленіемъ Вагнера 16 марта 1852 года онъ пишетъ Улигу: «именно женщины были совершенно обращены; потрясеніе было такъ велико, что ему могли дать исходъ только рыданія и слезы; послѣ нихъ явилось чувство величайшей, безконечной радости... Именно, одна женщина объяснила мнѣ эту загадку: я явился людямъ, какъ потрясающій проповѣдникъ покаянія въ лицезрѣніи». Хотѣлъ бы я знать, можетъ ли какой-нибудь изъ величайшихъ русскихъ художниковъ написать о себѣ такіа слова, не чувствуя неловкости или желанія посмѣяться надъ неистовыми обожательницами *). «Дай мнѣ сердце, женскую душу, въ которой я могъ бы совсѣмъ потонуть, которая бы меня вполне поняла—какъ мало было бы мнѣ нужно отъ свѣта» (письмо къ Листу 1854 г.).

Уже и раньше мотивъ любви къ женщинѣ занималъ центральное мѣсто въ творествѣ Вагнера; съ Цюрихскаго періода этотъ элементъ приобретаетъ и въ его личной жизни преобладающее значеніе (романъ съ Матильдой Везендонкъ) и находитъ себѣ гениальное выраженіе въ музыкѣ «Тристана». «Такъ какъ я никогда въ жизни въ сущности не испыталъ настоящаго счастья любви, то я хочу создать этому прекраснѣйшему изъ всѣхъ сновидѣній памятникъ, въ которомъ съ начала до конца эта любовь должна вдосталь насытиться» (письмо къ Листу 1854 г.—по поводу «Тристана»).

Возвращаясь къ литературѣ Вагнера, могу указать, какъ на главную причину ея малаго распространенія, на чрезвычайное многословіе автора сравнительно съ количествомъ и значеніемъ того новаго (главнымъ образомъ въ эстетикѣ), что онъ имѣлъ сказать; на необычайный эмфазъ, истерическую выпренность его языка даже въ чисто отвлеченныхъ разсужденіяхъ; самоувѣренность и самодовольство (національно-нѣмецкое) по отношенію къ собственному творчеству; отрицаніе музыкальныхъ заслугъ всѣхъ своихъ современниковъ композиторовъ, не говоря уже о презрѣнномъ Мейерберѣ. Спасеніе искусства только въ музыкальной драмѣ: всѣ отдѣльныя искусства должны исчезнуть—вотъ выводы его теоретическихъ разсужденій въ области эстетики.

По недостатку мѣста я не могу здѣсь касаться положительной стороны его ученія объ эстетикѣ, въ особенности его мыслей о музыкальныхъ формахъ будущей музыкальной драмы (самое интересное въ философскихъ писаніяхъ Вагнера), но не могу не указать на то, куда привела Вагнера е ненависть къ Мейерберу. Въ своей критикѣ современной оперы Вагнеръ далъ уже выходъ этому чувству; но этого ему показалось мало. Онъ и печаталъ въ музыкальномъ журналѣ Бренделя статью «Das Judenthum

*) Въ одномъ изъ стихотворныхъ привѣтствій Авг. Рубинштейну читаемъ: „S-zu wider sind mir Damen, Welche sterben, wenn ich spiele“.

«Der Musik», въ которой доказывалъ, что евреи вообще неспособны къ творчеству, такъ какъ у нихъ нѣтъ сердца, а есть только расчетъ, и что влияние евреевъ на нѣмецкое искусство самое пагубное. Статью эту онъ не рѣшился подписать своимъ именемъ (онъ подписался K. Freigedank), и предоставилъ отвѣчать за нее редактору, Бренделю, профессору лейпцигской консерватори. Въ статьѣ были прямыя нападенія на Мейербера, Мендельсона, основателя консерватори въ Лейпцигѣ, имя котораго пользовалось въ этомъ городѣ величайшимъ уваженіемъ (умеръ въ 1847 году), на Гейне, поэтический даръ котораго Вагнеръ также отрицалъ, и др. Возмущеніе противъ статьи и противъ Бренделя (имя Вагнера оставалось неназваннымъ) было огромное, такъ какъ именно въ музыкальномъ мѣрѣ евреи выставили самыя блестящія имена: въ одномъ Лейпцигѣ достаточно было назвать, кромѣ Мендельсона: Иоакима, Мошелеса, Кленгеля.

Чтобы не возвращаться впоследствии къ литературной дѣятельности Вагнера, которая продолжалась до послѣдняго дня его жизни (смерть отъ разрыва сердца застала его внезапно 13 февраля 1883 года за статью: «Über das Weibliche im Menschlichen»), я изложу здѣсь вкратцѣ выводы всего его философскаго мышленія, какъ они выразились въ его «ученіи о возрожденіи» (по Чемберлену и Липштанберже).

Въ 1854 году Вагнеръ познакомился съ ученіемъ Шопенгауэра и сдѣлался его ревностнымъ проповѣдникомъ. Въ пессимизмъ великаго философа онъ нашелъ утѣшеніе въ томъ тяжеломъ настроеніи, въ которомъ онъ находился, благодаря вѣшнимъ обстоятельствамъ (отношеніе къ нему и его искусству міра и денежные затрудненія *). Приятно было получить убѣжденіе, что наши желанія одинъ обманъ, и единственный выходъ— это отреченіе отъ желаній. Но именно въ Цюрихскій періодъ Вагнеръ почувствовалъ, что желанія вовсе не такъ плохи, что жизнь имѣетъ свою прелесть, что онъ въ сущности еще и не жилъ **), и Вагнеръ перерабатываетъ пессимизмъ Шопенгауэра въ свой собственный оптимизмъ, попросту сказать, выбрасываетъ самую сущность ученія Шопенгауэра, а по Чемберлену: «er hat Schopenhauer's Gedanken weitergedacht». Этотъ пессимистическій оптимизмъ Вагнеръ кладетъ въ основу своего ученія о возрожденіи.

Миръ плохъ не въ сущности своей, а вслѣдствіе нѣкоторыхъ историческихъ причинъ, которыя привели его къ паденію. Причины эти: мясная

*) „Я могу переносить съ величайшимъ, презрительнымъ равнодушіемъ все, все: неудачи, разочарованія, потерю какой бы то ни было надежды; но денежные затрудненія дѣлаютъ меня бѣшено нетерпѣливымъ... По отношенію къ этому пункту я емь и навсегда останусь въ высшей степени чувствительнымъ“ (Письмо Вагнера къ Мат. Везендонкъ 11 ноября 1859 года).

**) „За возвращеніе юности, за здоровье, природу, за беззавѣтно любящую жену и славныхъ дѣтей (Вагнеръ не имѣлъ дѣтей отъ перваго брака)—глядя! отдаю я все мое искусство!“ (Письмо къ Ульгу 1851 г.). „Я долженъ честно признаться, что уже нѣсколько лѣтъ—слишкомъ поздно—я убѣдился, что я собственно еще вовсе не жилъ“ (Письмо къ Рекему 1853 г.).

пища; искаженіе благородной германской расы смѣшеніемъ ея съ латинской (французы очень плохи); деморализующее вліяніе іудеевъ, исказившихъ христіанство (Вагнеръ даже создалъ особенную таинственную теорію происхожденія Христа) и погубившихъ искусство. Отсюда средства возрожденія человѣчества: вегетаріанство (самъ Вагнеръ, впрочемъ, не отказывался отъ мяса); очищеніе германскаго духа (долой французовъ, и особенно іудеевъ: «чтобы вмѣстѣ съ нами стать человѣкомъ, іудей прежде всего долженъ перестать быть іудеемъ»); возрожденіе истиннаго христіанства помощью музыки («музыка въ состояніи открыть передъ нами съ неподобной вѣрностью внутреннюю сущность христіанской религіи»), и именно помощью музыки «Парсифала»: міръ, погибающій вслѣдствіе любовнаго грѣха (Амфортасъ, погубленный прелестями Кундри), спасается подвигомъ Парсифала, который изъ жалости къ Амфортасу побѣждаетъ соблазны Кундри, обращаетъ ее самое на путь истины и становится сподвижникомъ Спасителя. Главными силами, дающими Парсифалу возможность спасти міръ, являются: жалость («durch Mitleid wissend»); устойчивость противъ грѣховныхъ (?) вождѣній къ женщинѣ (не грѣховныя (?) отношенія Парсифалу разрѣшены, такъ какъ онъ впоследствии имѣлъ даже сына Лоэнгрина), и полное отсутствіе какой бы то ни было умственной дѣятельности («ein geiner Thor»). Я не повторю за Чемберленомъ, что въ Парсифалѣ Вагнеръ воспроизвелъ себя самого, но несомнѣнно въ этомъ героѣ Вагнеръ воспроизвелъ нѣкоторыя основныя черты своей натуры: преобладаніе чувственной жизни надъ логически-мыслящей, а въ этой чувственной сферѣ огромное участіе любовнаго элемента, который у Вагнера имѣлъ особый оттѣнокъ: любовное стремленіе, а не удовлетвореніе этого стремленія, вотъ что было идеаломъ его желаній, идеаломъ, нашедшимъ гениальное выраженіе въ его музыкѣ. Затѣмъ, необычайное пренебреженіе къ силѣ ума, пренебреженіе, явившееся въ Вагнерѣ какъ бы реакціей противъ его революціоннаго періода, когда онъ вѣрилъ, что можно перестроить общество, придумавши для него новыя формы, которыя уничтожатъ собственность (соціалистическая закуска вѣдь лежитъ еще въ основіи его «Нибелунговъ: міръ гибнетъ изъ-за золота!»). Дѣйствительно, только отбросивши совсѣмъ умственную дѣятельность, можно утверждать, что міръ спасетъ музыка «Парсифала»!

Нужно быть фанатичнымъ сектантомъ-вагнеріанцемъ, чтобы утверждать, какъ это дѣлаетъ Чемберленъ, что въ Вагнерѣ «художникъ сдѣлался мировымъ мудрецомъ». Да, Вагнеръ былъ гениальнымъ музыкантомъ, Вагнеръ раскрылъ намъ новыя глубины человѣческихъ чувствъ, и т расширилъ и углубилъ нашу духовную жизнь. Но я считаю очень важнымъ заблужденіемъ, когда дѣйствию на насъ музыки придаютъ исключительное моральное значеніе. Музыка потрясаетъ наши чувства, какъ какое другое искусство, но моральный смыслъ такое потрясеніе получаетъ отъ сознательнаго, активно-сознательнаго отношенія слушателя къ своимъ впечатлѣніямъ. Если хорошій человѣкъ, слушающій музыку, въ ней по-

наетъ новыя силы для дальнѣйшей борьбы со зломъ въ реальномъ мѣрѣ, то дурной или слабовольный человѣкъ находитъ въ ней убѣжище, въ которомъ происходитъ и для него игра человѣческихъ чувствъ, въ которомъ и онъ, злой или бессильный въ добрѣ, чувствуетъ себя человѣкомъ, какъ *будто* переживающимъ лучшія человѣческія чувства. Въ этомъ моральная опасность искусства, особенно музыки.

Въ этомъ какъ *будто* - переживаніи *человѣческихъ чувствъ*, злой человѣкъ находитъ новыя силы для своей злой дѣятельности (не даромъ Неронъ такъ любилъ искусство!), а равнодушный спасается въ искусствѣ отъ той скуки, которая становится удѣломъ людей «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ».

Я скажу еще нѣсколько словъ о словесной поэзіи Вагнера. Тексты для своихъ оперъ онъ писалъ всегда самъ, и обладалъ хорошимъ литературнымъ и версифигаторскимъ дарованіемъ. Тѣмъ не менѣе, тексты его оперъ не поэзія, и чтеніе ихъ не производитъ никакого поэтического впечатлѣнія. Безпристрастный человѣкъ скажетъ при этомъ, что этого и нельзя требовать отъ этихъ текстовъ: они предназначены производить впечатлѣніе какъ пѣніе словъ, рисующихъ наглядно то драматическое дѣйствіе, которое воспроизводитъ жестъ и мимика артиста на сценѣ, которое еще болѣе сильнымъ способомъ воспроизводитъ музыка вагнеровскаго оркестра. Да! Въ этомъ смыслѣ Вагнеръ величайшій поэтъ-музыкантъ. Но ставить его рядомъ съ Шекспиромъ и Гёте могутъ только вагнеріанцы, сектанты. Въ сожалѣнію, и самъ Вагнеръ считалъ свои стихи поэзіей, и притомъ величайшей поэзіей. Въ 1860 г., перечитывая свои тексты для французскаго перевода, Вагнеръ «убѣдился, что самый текстъ «Тангейзера» такъ хорошъ, что не могъ быть написанъ лучше». «Was für ein Dichter bin ich doch!» Текстъ «Ловнгринна» такъ потрясъ автора, что онъ не можетъ не признать его «самою трагической поэзіей (das allertragischeste Gedicht)». (Письмо къ Мат. Везендонку).

Оставляя такимъ образомъ словесную поэзію Вагнера для собственнаго употребленія вагнеріанцевъ, мы тѣмъ не менѣе должны признать, что главнымъ стимуломъ музыкальнаго творчества Вагнера было его драматическое воображеніе, «галлюцинація жеста», какъ говоритъ Ницше про него. Именно музыкальное творчество Вагнера достигло въ 1859 г. своей высшей точки: это было сочиненіе «Тристана», въ которомъ съ наибольшей полнотою и яркостью выразилась сущность этого творчества.

Во всѣхъ другихъ его сочиненіяхъ можно найти расчеты на театральныя эффекты, на постановку, на интересъ дѣйствія: въ «Тристанѣ» отброшены всѣ театральныя внѣшнія средства, и остается одна музыка и драматическій жестъ, воспроизводящій величайшую любовную страсть въ видѣ стремленія, которое не можетъ быть удовлетворено, и которое приводитъ обоихъ влюбленныхъ къ добровольной смерти послѣ несказанныхъ душевныхъ мукъ: смерть является для влюбленныхъ радостнымъ апофеозомъ.

зомъ ихъ любви. Все это выражено въ музыкѣ съ такою гениальностью, что я готовъ даже примириться съ такими восклицаніями Вагнера о себѣ: «Дитя! Этотъ Тристанъ становится чѣмъ-то ужасающимъ! Этотъ послѣдній актъ!!! Хорошее исполненіе его должно свести людей съ ума!» (Письмо къ Мат. Везендонгу, апрѣль, 1859 г.).

Кромѣ «Тристана» къ цюрихскому періоду относится сочиненіе музыки «Рейнгольда» и «Валькири» и перваго акта «Зигфрида» (три первыя оперы изъ «Кольца Нибелунга» — 4-я — «Гибель боговъ»).

Нельзя въ достаточной степени выразить свое изумленіе и преклоненіе передъ той выдержкой и энергіей, съ которыми Вагнеръ неуклонно шелъ къ достиженію своихъ идеальныхъ плановъ. Когда по окончаніи «Лоэнгринна» Вагнеръ убѣдился, что его творчество должно пойти по новому пути, онъ хорошо понималъ, какихъ усилій ему будетъ стоить заставить и публику пойти по тому же пути. Около трехъ лѣтъ работалъ онъ надъ теоретическимъ выясненіемъ своего идеала музыкальной драмы и надъ текстомъ новой оперы «Смерть Зигфрида». Когда текстъ этотъ былъ окончательно готовъ, то оказалось, что онъ разросся въ оперу, занимающую четыре вечера. Гдѣ могъ надѣяться Вагнеръ найти сцену и исполнителей для такого левиафана? Правда, онъ имѣлъ обѣщаніе Листа поставить «Кольцо Нибелунга» на маленькой веймарской сценѣ, но большой вѣри онъ этому обѣщанію не придавалъ, и совершенно справедливо. Тѣмъ не менѣе Вагнеръ берется за музыку «Кольца», и хоть черезъ 20 лѣтъ, доводитъ до конца этотъ гигантскій, сверхчеловѣчскій трудъ!

Вагнеръ былъ нѣмецъ: онъ умѣлъ не только создать себѣ идеалъ, но и идти къ нему съ непонятной для насъ, русскихъ, выдержкой. Въ этомъ идеализмѣ и въ этой выдержкѣ главная сила нѣмецкаго духа, и въ этомъ отношеніи Вагнеръ изъ нѣмцевъ нѣмецъ! Приступая къ сочиненію музыки «Кольца», которое, впрочемъ, началось только въ 1853 г. (Вагнера задержала переработка текста), Вагнеръ пишетъ Фишеру въ 1851 г. «Я рѣшилъ сдѣлать себя совершенно здоровымъ, чтобы написать истинно здоровую музыку. Я отправляюсь въ близлежащую водолѣчебницу (Alpbühel близъ Цюриха); тамъ хочу я промыть начисто свои кишки, какъ я промылъ себѣ мозги своими литературными работами». И вотъ что продѣлываетъ надъ собою этотъ нѣмецъ, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ каждый день: 1) въ половинѣ 6 утра мокрая заворачиванія до 6, затѣмъ холодная ванна и прогулка. Въ 8 часовъ завтракъ: сухой хлѣбъ и молоко безъ воды. 2) Еще короткая прогулка и холодный компрессъ. 3) Около 12 часовъ мокрая обтиранія, короткая прогулка; опять компрессъ. Потъ обѣдъ у себя въ комнатѣ. Часъ ничего не дѣланія; прогулка 2 часа одному. 4) Около пяти часовъ опять мокрая обтиранія и маленькая прогулка. 5) Сидячая ванна четверть часа въ 6 часовъ и согрѣвающая прогулка. Опять компрессъ. Въ 7 часовъ ужинъ: сухой хлѣбъ и вода! 6) Лежачая ванна въ вистъ до 9 часовъ, еще компрессъ, и въ десять часовъ вечеръ въ постель» (письмо къ Улигу). Ну, подумайте, чего не достигнетъ

мечь съ такою выдержкой..., если только не уморить себя до смерти. Этого не случилось съ Вагнеромъ, но впоследствии, и довольно скоро, онъ приписывалъ свои болѣзни уже этому самому лѣченію, и охотно вернулся къ употребленію вина и нюхательнаго табака, запрещенныхъ ему во время водолѣченія.

Еще примѣръ выдержки и терпѣнія Вагнера.

Свои партитуры онъ писалъ начерно карандашемъ, и начисто перомъ. При этомъ его чистовая рукопись была исполнена всегда такъ каллиграфически, что онъ печаталъ прямо съ нея литографическіе оттиски для продажи. Если имѣть понятіе о томъ количествѣ труда, котораго требуетъ переписка вагнеровскихъ партитуръ, и о темпераментѣ автора-переписчика, то начинаешь испытывать передъ этою нѣмецкой силой воли не только почтеніе, но даже страхъ: что устоитъ передъ этою выдержкой національнаго характера?! Только въ 1866 г. избавилъ себя Вагнеръ отъ этой колоссальной работы: его партитуры сталъ начисто переписывать Гансъ Рихтеръ, тогда 24-лѣтній поклонникъ Вагнера, впоследствии одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ исполнителей-дирижеровъ его оперъ.

Внѣшняя жизнь Вагнера съ 1849 по 1858 годы протекала въ сущности въ очень благоприятныхъ обстоятельствахъ, и если въ письмахъ его къ Листу подчасъ слышится нота отчаянія, то это нельзя принимать серьезно, помня, что Вагнеръ и въ письмахъ придерживался эмфатическаго слога. Главнымъ огорченіемъ его были денежные затрудненія. Его преслѣдовали прежніе долги, увеличенные попыткой еще въ Дрезденѣ печатать на свой счетъ клавиры своихъ оперъ. Между тѣмъ въ первое время послѣ изгнанія оперы Вагнера давали ему ничтожный доходъ, тѣмъ болѣе, что Дрезденъ совсѣмъ изгналъ со своей сцены произведенія политическаго преступника. Въ нему пришли на помощь преданные друзья, и во главѣ ихъ Листъ въ Веймарѣ. Онъ не только помогалъ Вагнеру денежно изъ своихъ средствъ, но постановкой «Лоэнгринна» въ Веймарѣ (28 августа 1850 г.) и своими пламенными статьями о «Тангейзерѣ» и «Лоэнгринѣ» положилъ основаніе вагнеріанской литературы и чрезвычайно способствовалъ постановкѣ оперъ Вагнера на германскихъ и австрійскихъ сценахъ. Кромя Листа о матеріальной жизни Вагнера особенно заботились женщины: Юлія Рихтеръ, переселившаяся изъ Нарвы въ Дрезденъ, не знакомая съ Вагнеромъ лично, преданная его поклонница, платила ему ежегодную ренту до 1859 г., пока онъ самъ отъ нея не отказался. Ея сыновья Александръ и Карлъ (послѣдній учился у Вагнера дирижировать въ Цюрихѣ) также были глубоко преданы Вагнеру. Особенную заботу о домашнемъ комфортѣ Вагнера приложили г-жа Эшеръ, у которой онъ снималъ квартиру въ Цюрихѣ, и Матильда Везендонкъ, устроившая ему весной 1857 г. убѣжище на своей дачѣ подъ Цюрихомъ въ видѣ отдѣльнаго изящно отдѣланнаго домика. Для своихъ работъ Вагнеръ безусловно нуждался въ домашнемъ комфортѣ (въ этомъ отношеніи онъ очень цѣнилъ свою жену Минну), и эта потребность въ немъ съ теченіемъ

времени все возрастала. Въ 1853 г. онъ пишетъ Листу: чтобы творить... «Я не могу жить, какъ собака, я не могу спать на соломѣ»; въ 1864 году онъ говоритъ г-жѣ Вилле: «Я иначе организованъ, я имѣю чувствительные нервы,—я долженъ имѣть красоту, блескъ и свѣтъ! Миръ обязанъ дать мнѣ то, что мнѣ нужно. Я не могу жить на какомъ-нибудь несчастномъ мѣстѣ органиста, какъ вашъ мейстеръ Бахъ. Развѣ это несмысленное требованіе, если я думаю, что та капля роскоши, которая мнѣ нужна, должна быть мнѣ дана? Мнѣ, который готовитъ наслажденія миру и тысячамъ людей!»

Моральная обстановка Вагнера въ Цюрихѣ была самая благопріятная. Онъ пользовался глубочайшимъ уваженіемъ швейцарцевъ, какъ политическій изгнанникъ; а какъ композиторъ и дирижеръ (онъ управлялъ нѣсколькими концертами въ Цюрихѣ) онъ вызывалъ въ нихъ полное преклоненіе. Въ 1863 г. нѣсколько пѣвческихъ обществъ чествовали Вагнера: «Если бы ты слышала, — пишетъ онъ Листу — пріѣзственному рѣчь; она была необыкновенно наивна и чистосердечна: меня чествовали всеѣмъ какъ Спасителя». Тѣмъ не менѣе Вагнеръ достаточно ясно видѣлъ, что Цюрихъ слишкомъ малое поле, на которомъ могло бы осуществиться исполненіе его оперъ.

Какъ и вездѣ, и въ Цюрихѣ Вагнеръ былъ окруженъ поклонниками и друзьями, среди которыхъ были и такія имена, какъ Гервегъ, Готфр. Беллеръ, Гансъ фонъ-Бюловъ, впоследствии геніальный пианистъ и дирижеръ, пріѣхавшій къ Вагнеру въ Цюрихъ учиться дирижировать; Таузигъ, геніальный пианистъ, рано умершій; д-ръ Вилле съ женою и Матильда Везендонкъ съ мужемъ, очень богатымъ негоціантомъ, играли особую роль въ качествѣ близкихъ друзей Вагнера: въ этихъ двухъ домахъ Вагнеръ бывалъ особенно часто и находилъ тамъ пріютъ и поклоненіе, столь для него необходимыя. Матильдѣ Везендонкъ было 24 года, она была уже четыре года замужемъ и имѣла одну дочь, когда она встрѣтилась съ Вагнеромъ въ 1852 г. Она поразила его своею красотой и наивностью: въ ней онъ увидѣлъ «чистый листокъ», на которомъ онъ рѣшилъ начертать свои письма.

Онъ прочиталъ ей тексты своихъ оперъ, всѣ свои прозаическія сочиненія, посвятилъ ее въ философію Шопенгауэра, не говоря уже о музыкѣ, всѣ тайны которой Вагнеръ раскрылъ Матильдѣ—словомъ, «за все лучшее, что я знаю, я обязана благодарностью ему», — пишетъ Матильда въ своихъ воспоминаніяхъ (въ 1896 г.). Съ своей стороны Матильда сочинила 5 стихотвореній, на которыя Вагнеръ написалъ музыку (впоследствии она напечатала нѣсколько своихъ драматическихъ сочиненій и сказокъ), и взяла на себя заботу о комфортѣ композитора. Она устроила ему чудесный домикъ вблизи своей виллы, въ которомъ онъ чувствовалъ достигнутымъ свой идеалъ домашняго устройства и куда переселился съ женою весной 1857 г.

Увы, скоро ему пришлось покинуть этотъ «Аву!».. Платоническая дружба Вагнера и Матильды перешла въ пламенную любовь, которой они

не могли дать удовлетворенія. «Когда я передалъ ей текстъ «Тристана» осенью 1857 г., она почувствовала себя безсильной и объяснила мнѣ, что она должна умереть!» Неизвѣстно, чѣмъ бы окончился этотъ романъ («Мы тотчасъ признали, что о нашемъ соединеніи хоть когда-нибудь мы не смѣемъ и думать»), если бы не вмѣшалась жена Вагнера. Она, послѣ многихъ объясненій съ своимъ мужемъ, сдѣлала страшную сцену Матильдѣ и пригрозила показать Везендонку перехваченное ею письмо Вагнера къ Матильдѣ. Везендонкъ до тѣхъ поръ, посвященный своей женою въ сущность ея отношеній съ Вагнеромъ, изъ любви къ ней и своимъ дѣтямъ (ихъ было уже трое) подавлялъ свою ревность и оказывалъ Вагнеру самое дружеское расположеніе.

Вмѣшательство Минны, и въ самой рѣзкой формѣ, разрушило возможность дальнѣйшаго пребыванія Вагнера въ «азилѣ». Онъ покинулъ въ августѣ 1858 г. Цюрихъ и поселился на время въ Венеціи, гдѣ и окончилъ музыку «Тристана». Жену свою онъ отправилъ къ ея роднымъ въ Дрезденъ. Первоначальное свое намѣреніе разстаться съ нею навсегда онъ измѣнилъ, и они прожили вмѣстѣ еще около года въ Парижѣ въ 1859—1860 году, но ко взаимному мученію. Послѣ этого они разстались навсегда (Минна умерла въ январѣ 1866 г.).

Романъ Вагнера съ Матильдой изображенъ въ книгѣ «R. Wagner an Mat. Wesendonk» (26-е изданіе (!), 1906 г.), а сущность ихъ любви геніально воспроизведена въ музыкѣ «Тристана». Правда, въ жизни даже геніальныхъ людей романы оканчиваются иначе, чѣмъ въ ихъ произведеніяхъ. Тристанъ бросается на мечъ Мелота, Изольда умираетъ на трупѣ Тристана. Вагнеръ тоже хотѣлъ броситься въ каналъ съ балкона своего жилища въ Венеціи (письмо къ Матильдѣ 1 ноября 1859 г.), и еще въ 1863 г. пишетъ онъ г-жѣ Вилле (она была послѣ отъѣзда Вагнера изъ Цюриха посредницей между нимъ и Матильдой: «Она (Матильда) моя первая и единственная любовь!»; а въ 1867 году онъ уже имѣлъ дочь Еву отъ Козимы Бюловой (урожденной Листъ), и начиналъ счастливейшій періодъ своей жизни. Матильда также не умерла отъ любви, осчастливила своего супруга еще сыномъ, и въ воспоминаніяхъ сообщаетъ, «что до смерти Мейстера мы оставались съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ... Первый визитъ послѣ бракосочетанія его съ женой Козимой былъ къ Вилле и къ намъ».

Больше всѣхъ доволенъ былъ описаннымъ романомъ все же самъ Вагнеръ. «Дѣти!—пишетъ онъ Везендонкамъ въ ноябрѣ 1859 года:—что насъ трое, въ этомъ есть нѣчто удивительно великое. Это ни съ чѣмъ несравнимый мой и вашъ триумфъ! Мы стоимъ непостижимо высоко надъ человѣчествомъ, непостижимо высоко!»

Послѣ окончанія «Тристана» въ Люцернѣ 9 августа 1859 г. творческая дѣятельность Вагнера прерывается.

Для творческой работы ему необходимо было спокойствіе духа и уютная обстановка. Этого онъ теперь не имѣлъ. Его матеріальное положеніе

становилось все хуже, несмотря на значительный успѣхъ его оперъ (тогда еще не было закона, обезпечивавшаго гонораръ авторовъ). Онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку завоевать Парижъ, а черезъ него весь миръ. Чтобы жить такъ, какъ онъ любилъ, и чтобы ставить свои произведенія такъ, какъ онъ хотѣлъ, Вагнеръ долженъ былъ имѣть деньги. «Я охотно веду пріятную жизнь, люблю ковры и красивую мебель, одѣваюсь охотно въ шелкъ и бархатъ—въ этомъ вы во мнѣ много не переищите» (письмо къ Матильдѣ февраля 1850 года). «Я долженъ быть богатъ; я долженъ имѣть возможность бросать безъ оглядки тысячи и тысячи, чтобы купить себѣ помещеніе, время и готовность. Такъ какъ я не богатъ, то я долженъ сдѣлать себя богатымъ: я долженъ дать въ Парижѣ мои старыя оперы по-французски и съ помощью доходовъ отъ нихъ открыть миру новыя произведенія» (къ Матильдѣ, янв. 1860 г.).

Это парижское предпріятіе, отнявшее у Вагнера почти два года (съ сентября 1859 по апрѣль 1861 г.) было для него несчастіемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Своей цѣли онъ не достигъ: онъ понесъ огромные матеріальные убытки, и не поставилъ своего «Тристана»; но ему пришлось прибѣгнуть къ покровительству тѣхъ самыхъ аристократовъ и бюрократовъ (члены нѣмецкаго посольства въ Парижѣ, княгиня Меттернихъ и др.), противъ которыхъ онъ провозносилъ такія пламенные рѣчи 12 лѣтъ назадъ; съ помощью такой протекціи онъ получилъ возможность обратиться съ письмомъ къ Наполеону III; онъ, Вагнеръ, другъ Рекеля, сидящаго еще въ тюрьмѣ, и самъ политическій изгнанникъ, добивается милости отъ Наполеона III, по повелѣнію котораго въ его полное распоряженіе отдается театръ Большой оперы со всѣмъ персоналомъ ея и богатѣйшими средствами для постановки «Тангейзера». Подъ личнымъ управленіемъ Вагнера было въ общемъ сдѣлано 164 репетиціи, были приглашены лучшіе пѣвцы по выбору автора, который былъ въ восхищеніи отъ талантовъ и усердія всѣхъ участвующихъ,—и тѣмъ не менѣе «Тангейзеръ» былъ данъ всего три раза, и всѣ три раза былъ до такой степени освистанъ, что парижане не могли бы даже сказать, что они слышали «Тангейзера»: они слышали ревъ и свистъ, но не музыку.

Три обстоятельства соединились, чтобы произвести этотъ поистинѣ позорный для Парижа скандалъ.

Во-первыхъ, шовинизмъ тогдашняго высшего общества въ Парижѣ, составляющаго публику Большой оперы, шовинизмъ, который не безъ вліянія, вѣроятно, Мейербера очень искусно подогрѣвался въ прессѣ; во-вторыхъ, негодованіе наемной публики, отъ услугъ которой Вагнеръ рѣшительно отказался, и въ-третьихъ, негодованіе членовъ аристократическаго жюрей-клуба, которые были возмущены противъ Вагнера за то, что онъ не согласился вставить во 2-мъ актѣ балетъ, изъ-за котораго эти почетные «жюрей» только и пріѣзжали въ оперу. Они явились въ театрѣ со свистками, специально заказанными для этого случая, и, несмотря на присутствіе Наполеона III съ женою, демонстративно аплодировали

артистамъ, громкимъ хохотомъ и свистами буквально въ физическомъ смыслѣ не дали возможности слушать оперу. Что тутъ не могло быть рѣчи о художественномъ неуспѣхѣ «Тангейзера», ясно изъ того негодования, которое проявила публика къ «жокеямъ» и которое нашло свое выраженіе въ прессѣ (*Tanin, Baudelaire*), и изъ того огромнаго успѣха, который имѣли три концерта Вагнера изъ его собственныхъ сочиненій, данные имъ незадолго до этого въ началѣ 1859 г.

Но, какъ бы то ни было, свистъ «жокеевъ» убилъ мечту Вагнера о завоеваніи Парижа. Его матеріальное положеніе было самое отчаянное. Опять выручили его поклонницы: Марія Муханова, наша соотечественница, уплатила убытки Вагнера по концертамъ (11,000 франковъ); одна англичанка предложила ему денежную помощь; Везендонкъ продолжалъ оказывать ему поддержку. При посредствѣ Мальвиды Мейзенбургъ составлялась даже подписка въ пользу Вагнера, оставшаяся, впрочемъ, безъ результата и вызвавшая только сипетинъ въ печати. Преданный ему Листъ не могъ быть ему полезенъ: онъ покинулъ изъ-за разныхъ интригъ Веймаръ, и княгиня Витгенштейнъ увезла его въ Римъ, чтобы сдѣлать изъ него аббата—она удалила его отъ Вагнера.

Но не только матеріальныя заботы были результатомъ парижскаго предпріятія. Какъ нѣкогда изъ-за Мейербера Вагнеръ сталъ іудофобомъ, такъ изъ-за «жокеевъ» онъ возненавидѣлъ французовъ: этой ненависти онъ далъ выходъ въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ («*Deutsche Kunst und deutsche Politik*» и др.); она привела его къ постыдному для него памфлету противъ побѣжденной въ 1870 г. націи, памфлету бездарному въ видѣ водевиля «*Eine Kapitulation*», который не рѣшился поставить ни одинъ нѣмецкій театръ.

За свои парижскія страданія Вагнеръ былъ скорѣ вознагражденъ рядомъ триумфовъ и овацій, которыми было встрѣчено его возвращеніе на родину. Уже въ 1860 г. онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Германію, безъ права, однако, вступить на территорію Саксоніи—его родина открыла ему свои объятія только въ 1862 г. Когда въ 1860 г. Вагнеръ съѣздитъ изъ Парижа въ Баденъ-Баденъ, и въ первый разъ перешелъ нѣмецкую границу, онъ самъ былъ пораженъ отсутствіемъ въ груди своей малѣйшаго чувства къ своей родинѣ: «Повѣрь мнѣ,—пишетъ онъ Листу,—мы не имѣемъ отечества! и если я «нѣмецъ», то, конечно, я ношу мое нѣмецкое отечество въ себѣ... Съ настоящимъ ужасомъ думаю я теперь о Германіи и моихъ будущихъ въ ней предпріятіяхъ. Прости мнѣ Богъ, но я вижу тамъ только мелкое и ничтожное»...

Свистки «жокеевъ» скоро сдѣлали изъ Вагнера нѣмецкаго патриота, слишкомъ нѣмецкаго!

Триумфы Вагнера на нѣмецкой почвѣ начались съ Вѣны, гдѣ 15 мая 1861 г. данъ былъ его «Донэтринъ». Уже на генеральной репетиціи, гдѣ Вагнеръ въ первый разъ услышалъ свое произведеніе, написанное 14 лѣтъ назадъ, онъ былъ до слезъ тронутъ отношеніемъ къ нему артистовъ и

ихъ исполненіемъ. Оваціи автору на представленіи были безконечны и открыли собою серію такихъ же триумфовъ: въ Веймарѣ, въ Карлсруэ, въ Франкфуртѣ, въ Прагѣ и другихъ городахъ.

Дольше всѣхъ сопротивлялись побѣдѣ Вагнера его родные города Лейпцигъ и Дрезденъ, и Берлинъ.

Оваціи Вагнеру происходили не только во время исполненія его оперъ, но еще болѣе усиливались въ концертахъ, которые онъ давалъ подъ своимъ управленіемъ. Изъ этихъ концертовъ отиѣчу концерты Вагнера въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1863 г.

Концерты эти въ первый разъ въ жизни композитора дали ему солидныя денежныя выгоды (нѣмцы любятъ, чтобы ихъ знаменитости обходились имъ дешево), и вселили въ немъ обманчивыя надежды на неистощимость денежныхъ запасовъ въ Россіи. Когда въ 1864 г. Вагнеръ, находясь въ денежномъ затрудненіи, обратился за помощію къ в. к. Клеву Павловнѣ, обѣщавшей ему всегда свое покровительство, онъ былъ страшно оскорбленъ отказомъ. Замѣчательно при этомъ, что Вагнеръ ни разу не упоминаетъ, существуютъ ли въ Россіи свои композиторы, или музыканты, кромѣ нѣмецкихъ, которыхъ онъ видѣлъ въ такомъ количествѣ въ оркестрахъ Петербурга и Москвы. Еще болѣе замѣчательно, что такой же взглядъ на Россію, повидимому, раздѣляетъ и биографъ Вагнера, Гизеншпигъ, который на протяженіи 2000 страницъ только разъ упоминаетъ о русскомъ музыкантѣ, Антонѣ Рубинштейнѣ, и то для того, чтобы указать, что онъ изъ зависти (это Антонъ Рубинштейнъ!) къ успѣхамъ Вагнера въ Вѣнѣ въ 1872 г. уѣхалъ оттуда, чтобы не быть на концертѣ Вагнера.

Два обстоятельства не давали Вагнеру насладиться вполнѣ своими успѣхами. Во-первыхъ, онъ не могъ добиться постановки «Тристана», первой оперы, написанной имъ послѣдовательно въ новомъ стилѣ; и потому онъ смотрѣлъ на свои успѣхи, какъ на успѣхи своихъ оперъ, а онъ хотѣлъ быть авторомъ не низкой оперы, а высокой музыкальной драмы. Несмотря на категорическія обѣщанія придворныхъ театровъ въ Карлсруэ, Прагѣ, Вѣнѣ и др., несмотря на уже сдѣланныя въ Вѣнѣ многочисленныя репетиціи въ 1861 г., дѣло до постановки «Тристана» не дошло: ни одинъ теноръ не могъ осилить главную партію, дѣйствительно труднѣйшую даже среди вагнеровскихъ оперъ. Во-вторыхъ, денежныя затрудненія Вагнера все увеличивались: его оперы все же давали ему доходъ, также и концерты; онъ продалъ Брейткопфу изданіе «Тристана», и Шотгу своихъ будущихъ «Мейстерзингеровъ»; наконецъ, Везендонкъ продолжалъ ему оказывать помощь—и все же въ 1864 г., послѣ того, какъ Вагнеръ устранился съ привычными ему удобствами въ Пенцингѣ близъ Вѣны, долги его возросли до 40,000 марокъ, а такъ какъ тогда за долги сажали въ тюрьму, то автору «Тристана» пришлось просто бѣжать изъ Пенцинга. Это было въ мартѣ 1864 г.

Въ полномъ отчаяніи, совершенно безъ денегъ, не зная, куда склонить голову, онъ обращается къ г-жѣ Вилле съ просьбою успѣть

его у себя или у Везендонковъ на лѣто, чтобы окончить «Мейстерзингеровъ»,—и получаетъ отказъ и отъ Вилле, и отъ Везендонковъ! Это былъ верхъ униженія! «Подумайте,—пишетъ онъ позже къ г-жѣ Вилле,—до какой глубины былъ я униженъ! Дальше вѣдь униженіе не могло идти?» Въ это время съ Вагнеромъ происходитъ волшебство, вродѣ тѣхъ, которыя онъ любитъ въ своихъ операхъ. 3 мая 1864 г. Вагнера отыскиваетъ въ Штуттартѣ, куда онъ заѣхалъ безъ всякой цѣли, секретарь юнаго баварскаго короля Людвигъ II, вступившаго на престолъ только за 2 недѣли передъ тѣмъ, и, вручивъ композитору брилліантовый перстень и портретъ короля, передаетъ ему приглашеніе послѣдняго прибыть немедленно къ нему въ Мюнхенъ. Вотъ что пишетъ Вагнеръ 4 мая супругамъ Вилле послѣ свиданія съ королемъ. «Онъ (король), къ сожалѣнію, такъ красивъ и уменъ, полонъ души и прекрасенъ, что, я боюсь, его жизнь должна растаять, какъ божественный сонъ въ этомъ пошломъ мірѣ. Онъ любитъ меня съ искренностью и жаромъ первой любви: онъ знаетъ все обо мнѣ, и понимаетъ меня, какъ моя собственная душа. Онъ хочетъ, чтобы я остался при немъ навсегда для того, чтобы работать, отдохнуть, поставить мои произведенія; онъ даетъ мнѣ все, что мнѣ для этого нужно; я долженъ окончить «Нибелунговъ», и онъ ихъ поставитъ, какъ я хочу. Я буду самъ себѣ неограниченный господинъ, не капельмейстеръ, я буду только самимъ собою и другомъ ему. Что скажете вы на это? Развѣ это не неслышано? Можетъ ли это произойти иначе, какъ во снѣ? Подумайте, какъ я потрясенъ! Мое счастье такъ велико, что я имъ совершенно раздавленъ!» На этотъ разъ эмфатическій слогъ Вагнера имѣлъ свое полное основаніе. Наступилъ новый періодъ въ жизни композитора, столь богатый событіями: приближалось осуществленіе самыхъ смѣлыхъ его мечтаній. Молодой, 19-лѣтній король былъ преданнымъ поклонникомъ Вагнера съ того момента, когда услышалъ его «Лоэнгринъ» въ 1860 г. въ Мюнхенѣ. Съ того времени онъ интересовался всѣмъ, что касалось любимаго композитора, и при вступленіи на престолъ первой его мыслью было—призвать Вагнера къ себѣ. Страстность отношеній короля къ Вагнеру имѣетъ явно патологическій характеръ, и была, можетъ быть, однимъ изъ симптомовъ душевной болѣзни, приведшей короля къ самоубійству въ 1886 г. Приведу нѣсколько выписокъ изъ его писемъ къ Вагнеру. «Съ моего нѣжнаго юношескаго возраста вы бессознательно были единственнымъ источникомъ моихъ радостей, другомъ, который, какъ никто, говорилъ моему сердцу, мой лучший учитель и воспитатель». «Вы не можете повѣрить, какъ счастливъ я, что смѣю видѣть въ лицо того мужа, возвышенное существо котораго съ самой ранней моей юности съ непобѣдимой силой притягивало и приковывало меня къ себѣ». «Люди не имѣютъ, не могутъ имѣть понятія о нашей любви. Они не знаютъ, что вы для меня все были и будете до моей смерти, что я васъ любилъ раньше, чѣмъ увидѣлъ». Когда изъ-за болѣзни Вагнера король не видѣлъ его нѣсколько дней, онъ пишетъ ему, узнавъ о выздоровленіи: «Какъ горю я стремле-

нѣмъ къ тѣмъ спокойнымъ, полнымъ святости часамъ, когда я снова видѣть желанный ликъ (Antlitz) дражайшаго на землѣ». Вагнеръ, переѣхавши въ Мюнхенъ, поселился въ виллѣ короля и видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ въ день. Онъ читалъ ему свои произведенія вслухъ, и съ свойственнымъ ему пафосомъ изображаетъ въ письмахъ эти собесѣдованія. «Эта милая забота обо мнѣ, это очаровательное цѣломудріе сердца, каждаго движенія лица, когда онъ увѣряетъ меня, какъ онъ счастливъ, обладая мною. Такъ часто сидимъ мы часами, погруженные въ созерцаніе другъ друга».

При такомъ отношеніи короля Вагнеръ быстро пошелъ навстрѣчу всѣмъ своимъ мечтамъ. Король уплатилъ всѣ его долги, подарилъ ему домъ и вполне обезпечилъ ему тотъ образъ жизни, который Вагнеръ любилъ. Высшій покровитель позаботился о возможно скорой постановкѣ «Тристана», исполняя всѣ требованія автора. Для этой цѣли Вагнеръ прежде всего выписалъ въ Мюнхенъ Бюлова, изнемогавшаго подъ профессорскими обязанностями въ Берлинѣ. Въ его лицѣ композиторъ приобрѣлъ гениальнаго исполнителя-дирижера, преданнаго ему всѣмъ своимъ существомъ. «Мои обязанности въ будущемъ для меня ясны: сосредоточеніе всѣхъ моихъ силъ на вагнеровской задачѣ» (письма Бюлова). Вместе съ Бюловымъ пріѣхала къ Вагнеру и жена Бюлова Козима съ двумя дѣтьми (въ іюнѣ 1864 г.). О ней пишетъ Вагнеръ въ это время: «юная, неслыханно одаренная женщина, чудесное подобіе Листа, но стоящее выше него интеллектуально» *).

Козима не была красива, какъ Матильда Везендонкъ, и едва ли представляла собою «бѣлый листокъ». Но съ этого времени она начинаетъ играть огромную роль въ жизни Вагнера, и всѣ его дальнѣйшіе поступки происходили подъ все возрастающимъ ея вліяніемъ.

Въ Мюнхенѣ она вела его переписку (даже съ королеми!) и принимала его гостей. Со смертью жены Вагнера въ январѣ 1866 г. Вагнеръ и Козима стали открыто жить, какъ супруги, съ согласія Бюлова, сохранившаго свою преданность композитору, но бракосочетаніе ихъ произошло только 25 августа 1870 года, послѣ того, какъ Козима принесла счастливому супругу двухъ дочерей и сына, Зигфрида.

Опираясь на безусловную преданность короля, Вагнеръ мечталъ объ исполненіи своихъ грандіозныхъ плановъ: въ Мюнхенѣ долженъ былъ быть выстроенъ театръ для исполненія вагнеровскихъ оперъ, — для этого король призывалъ въ Мюнхенъ знаменитаго архитектора Земпера; должна была быть создана музыкальная школа, вмѣсто ненужной консерваторіи, и возстановленія нѣмецкаго духа музыки по плану Вагнера и для изученія правильного пѣнія, для чего Вагнеръ выписалъ Шмидта, какъ учителя, и

*) Самъ Листъ былъ много мѣня о своей дочери. На представленіи „Тристана“ въ Байрейтѣ въ 1866 году, поставленномъ уже самой Козимой, Листъ сказалъ Вейнгартнеру: „Я не думаю, чтобы при такихъ обстоятельствахъ могло пойти дучи“

Бюлова, какъ директора; должна была возникнуть газета въ духѣ Вагнера, для чего была избрана *Süddeutsche Presse*, редакторомъ которой былъ приглашенъ по желанію Вагнера Юл. Фребель. Иво всѣхъ этихъ плановъ осуществилась только постановка «Тристана» лѣтомъ 1865 года подъ управленіемъ Бюлова, при участіи геніальнаго пѣвца Шнорра фонъ Барольфельдъ, вскорѣ умершаго.

Остальныя предпріятія встрѣтили непреодолимое сопротивленіе со стороны населенія Мюнхена. Исключительное положеніе Вагнера при королѣ вызвало неудовольствія и интриги съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Министры боялись за свои портфели, которые легко могли выпасть у нихъ изъ рукъ по желанію музыканта; музыканты негодовали противъ насильственнаго обращенія ихъ въ вагнеріанство; пресса самыхъ различныхъ направленій ожесточенно напала на Вагнера, не церемонясь при этомъ и съ самимъ королемъ: одни возмущались «бросаемыми» на Вагнера деньгами *); другіе обвиняли его въ революціонныхъ замыслахъ, вспоминая его дрезденскій періодъ; третьи приписывали ему тайныя сношенія съ Бисмаркомъ и желаніе подчинить Баварію Пруссіи, и т. д. Однимъ словомъ, общее возмущеніе противъ Вагнера сдѣлалось столь явственно для самого короля, что онъ подъ давленіемъ своихъ родныхъ принужденъ былъ просить Вагнера уѣхать изъ Мюнхена, клянясь ему (Вагнеру) въ вѣчной любви и сохраняя ему полную матеріальную обезпеченность.

Это было въ декабрѣ 1865 года. Вагнеръ уѣхалъ въ Швейцарію и послѣ нѣкоторыхъ исканій основался въ Трибшенѣ близъ Люцерна, куда къ нему переселилась и Визига съ дѣтьми. Здѣсь, наконецъ, Вагнеръ нашелъ покой и силы для творчества послѣ оглушительныхъ и возмутительныхъ мюнхенскихъ драгъ, совершенно его измучившихъ.

Такимъ образомъ планъ вагнеровскаго театра остался невыполненнымъ за неимѣніемъ средствъ въ распоряженіи короля. Модель театра была составлена Земперомъ, и не получивъ за нее платы, архитекторъ предъявилъ искъ къ королю, поведшій къ разрыву Земпера съ Вагнеромъ. Изъ музыкальной школы ничего не вышло. Больше вышло изъ вагнеровской газеты. Она получала субсидію отъ короля и статьи отъ Вагнера. Но редакторъ Фребель не обнаружилъ достаточно «интеллигентнаго повиновенія», и его размовки съ Вагнеромъ закончились статью Фребеля, въ которой онъ называлъ Вагнера основателемъ секты, имѣющей цѣлью уничтожить государство и религію, и замѣнить ихъ опернымъ театромъ, чтобы изъ него управлять (*Süddeutsche Presse*, янв. 1869 г.). Послѣ этого король прекратилъ субсидію газетѣ, и сотрудничество Вагнера въ ней окончилось. Въ 1878 г. идея вагнеровской газеты осуществилась въ *Bayreuther Blätter*.

Со стороны душевной жизни Вагнера обоготвореніе его королемъ, жен-

*) Когда въ 1886 году Лудвигъ II былъ вслѣдствіе его душевной болѣзни смѣщенъ съ престола, то оказалось, что онъ сдѣлалъ личнаго долгу 13½ милл. марокъ!

щиной и артистомъ, повело къ развитію того самообоготворенія, къ которому онъ всегда имѣлъ склонность. Уже въ письмѣ отъ 4 мая 1864 г. къ г-жѣ Вилле Вагнеръ пишетъ: «Я чувствую, что, если бы это счастье никогда не наступило, я все же былъ бы его достоинъ». Въ сентябрѣ 1865 года послѣ представленій «Тристана», на которыхъ ни Вилле, ни Везендонки не были, Вагнеръ пишетъ г-жѣ Вилле: «какъ мелочны вы кажетесь мнѣ всѣ, избѣгая такихъ волненій». Въ себѣ Вагнеръ все болѣе видѣлъ носителя истинно-нѣмецкаго духа: «Съ возрожденіемъ и процвѣтаніемъ Германіи подымется идеалъ моего искусства, — только въ ней можетъ онъ процвѣсти» (письмо къ Фрабелю 1866 г.). «Дать германскому духу въ германской государственной жизни основы къ полному развитію — значитъ дать наилучшую и единственно прочную конституцію», а для этого необходимо основаніе театра, который бы для германцевъ имѣлъ то же значеніе, какое онъ нѣкогда имѣлъ для грековъ («Deutsche Kunst und deutsche Politik»). Что же должно было даваться въ этотъ театр? Посылая королю набросокъ текста «Парсифала», Вагнеръ пишетъ ему въ августѣ 1865 года: «величайшія, совершеннѣйшія произведенія только теперь будутъ созданы». Вотъ отвѣтъ короля: «При возвращеніи съ прогулки передъ моимъ духовнымъ взоромъ возникъ образъ моего единственнаго; даже въ шумѣ ручья узнавалъ и слышалъ я тоны и мелодіи изъ произведеній святаго друга, — все долженъ былъ я думать о Парсифалѣ... Я пламенѣю изъ-за этого творенія; «Тристанъ» вѣдь былъ рожденъ, «Нибелунги» явятся на свѣтъ; и Парсифаль долженъ родиться, если даже это будетъ стоить мнѣ жизни». При такомъ настроеніи низкое мнѣніе, которое имѣлъ Вагнеръ о современныхъ ему композиторахъ, должно было упасть еще ниже *). Объ этомъ наивно сообщаетъ Глазенанпъ: «Всѣ ученики и юные друзья Вагнера знали совершенно точно, чего онъ требуетъ и ожидаетъ отъ нихъ: не увеличенія груди «капельшейстерской» музыки посредствомъ сочиненія новыхъ оперъ; они должны стать достойными своего учителя, какъ хорошіе дирижеры классическихъ и его собственныхъ образцовыхъ произведеній». Поэтому Вагнеръ категорически

*) Исключеніе составлялъ Листъ, о сочиненіяхъ котораго Вагнеръ отзывался устно и печатно съ похвалою. Но въ искренность этой похвалы Листъ мало вѣрилъ: это была струнка, на которой успѣшно разыгрывала княгиня Витгенштейнъ. И она имѣла основанія. Въ письмѣ къ Мат. Везендонкъ въ 1859 г., излагая планъ Парсифала, Вагнеръ восклицаетъ: „И такую работу я долженъ бы ваять еще на себя! Боже меня сохрани! Сегодня же прощаюсь я съ этимъ сумасшедшимъ предпріимъ; пусть имъ займется Гейбель, а Листъ сочинитъ музыку!“ Въ связи съ такою отношеніемъ Вагнера къ современнымъ композиторахъ стоитъ и то пренебреженіе, съ которымъ Вагнеръ всегда относился къ собраніямъ Tonkünstlerverein'a, о которыхъ такъ хлопоталъ Листъ. Листа оскорбляло такое отношеніе Вагнера: онъ самъ открывалъ отеческія объятія каждому юному таланту, всему новому въ музыкѣ. Онъ зачальный разрывъ между двумя великими друзьями произошелъ изъ-за брака Вагнера съ Козимой: Листъ, ревностный католикъ, рѣшительно былъ противъ этого брака. Позже онъ примирился съ дочерью и зятемъ, и умеръ въ Байрейтѣ въ 1866 г.

отказывался хотя бы взглянуть на партитуры явившихся къ нему молодых авторовъ, даже если это былъ бы человекъ, которому онъ еще недавно былъ матеріально очень обязанъ (случай съ Вейсгеймеромъ въ 1868 г.).

Въ Трибшенѣ Вагнеръ поселился уже съ глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что онъ призванъ спасти (erlösen) міръ своими произведеніями. Это убѣжденіе, эта вѣра въ свое призваніе въ соединеніи съ нѣмецкимъ характеромъ при поддержкѣ любящей, умной и честолюбивой («конгеніальной», какъ выражается Глазенаппъ) жены дало Вагнеру, которому было уже 52 года, силы не только исполнить всѣ свои художественныя произведенія, но создать и выполнить грандіозный планъ Байрейтскаго театра. (Байрейтъ былъ избранъ случайно, поправившись Вагнеру своимъ уединеннымъ и красивымъ мѣстоположеніемъ.)

Въ Трибшенѣ Вагнеръ прожилъ до 1871 года, послѣ чего переселился въ послѣдній свой пріютъ «Wahnfried» («покой мечтамъ») въ Байрейтъ, гдѣ и прожилъ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни. Въ Байрейтъ былъ написанъ «Парсифаль». Въ Трибшенѣ композиторъ нашелъ, наконецъ, то семейное счастье, котораго онъ искалъ всю жизнь. Окруженный дѣтьми, заботами любящей жены, умѣвшей облегчать для него всѣ трудности сложныхъ отношеній его къ свѣту, въ полномъ уединеніи, прерываемомъ только пріѣздами вѣрныхъ друзей и поклонниковъ, Вагнеръ окончилъ здѣсь «Мейстерзингеровъ» (октябрь, 1867 г.), наиболее національно-нѣмецкое изъ всѣхъ его произведеній, имѣвшее немедленно огромный успѣхъ на главныхъ сценахъ Германіи. Здѣсь же окончено было вчернѣ грандіозное «Кольцо Нибелунга» (іюль, 1872 г.). Отсюда композиторъ могъ съ чувствомъ удовлетворенной гордости смотрѣть, какъ его произведенія завоевываютъ весь міръ и создаютъ ореолъ славы ему и нѣмецкому народу. Правда, ему предстояли еще многія разочарованія. Не разъ колебалась его вѣра въ преданность царственнаго друга, требовавшаго возвращенія Вагнера въ Мюнхенъ и поставившаго тамъ, вопреки желанію автора, «Рейнгольдъ» и «Валькирію» раньше, чѣмъ было закончено все «Кольцо». Но это были только временныя недоразумѣнія: Лудвигъ II остался вѣрнымъ своему обожаемому другу, и ему обязана своимъ осуществленіемъ «идея Байрейта».

Богѣ глубокой ударъ былъ нанесенъ вѣрѣ Вагнера въ нѣмецкій духъ. Нѣмцы не любятъ дорого оплачивать славу своихъ знаменитостей, и если бы Вагнеръ положился только на свою вѣру въ нѣмецкій духъ, о которой онъ говоритъ въ своемъ посвященіи «Кольца Нибелунга» Лудвигу II, то театръ въ Байрейтъ не былъ бы выстроенъ. Нѣмцы охотно устраивали «Вагнеръ-ферейны» и кричали «hoch» въ честь композитора, когда онъ посѣщалъ ихъ собранія, но денегъ на Байрейтскій театръ не давали. Въ 1873 г. Вагнеръ-ферейны разослали 4,000 подписныхъ листовъ нотнымъ и книжнымъ магазинамъ, и ни одинъ листъ (ни одинъ!) не далъ ни одного талера! На обращеніе къ 81 театру съ просьбою дать представленія для

покрытія расходовъ по Байрейтскому предпріятію, 78 театровъ совсѣмъ не отвѣтили, и только три театра соблаговолили отвѣтить отказомъ! Это было уже три года спустя послѣ побѣдоносной войны, поднявшей такъ высоко нѣмецкое національное чувство. Въ этомъ подъемѣ Вагнеръ участвовалъ всей душой, и изъ Трибшена отзывался на него прозой, стихами, водевилемъ («Die Kapitulation») и шумнымъ кейзермаршемъ. Но странное дѣло! Именно здѣсь вдохновеніе совсѣмъ покинуло композитора и поэта. И кейзермаршъ, и Haldigungsmarsch, посвященный Лудвигу II, до того слабы, какъ музыка, что ни въ какое сравненіе съ маршами изъ оперъ Вагнера не идутъ. Должно быть, ненависть къ людямъ не является оплодотворяющимъ началомъ въ творчествѣ художника! Да и самъ Вагнеръ, охваченный шовинизмомъ въ 1870 году, повидимому, больше вѣрилъ въ силу нѣмецкаго оружія, чѣмъ нѣмецкаго духа. У него вырвались такіа слова: «Я признаюсь, что, если бы я не видѣлъ предъ собою Мольте и нѣмецкое войско, я не могъ бы признать ничего, рѣшительно ничего, что внушало бы мнѣ надежду». Другимъ героемъ Вагнера былъ въ это время Бисмаркъ. Этотъ государственный человѣкъ, однако, не отвѣчалъ взаимностью своему помолоннику: онъ тоже вѣрилъ въ силу нѣмецкаго оружія, но не думалъ, что побѣды этого оружія предназначены свыше для того, чтобы осуществился «Байрейтъ»; онъ придавалъ правильному государственному устройству больше значенія, чѣмъ осуществленію германскаго духа въ вагнеровскомъ театрѣ: Вагнеръ получилъ отъ него отказъ, когда обратился къ нему за помощью для осуществленія «Байрейта».

Замѣчательнѣе отзывъ Бисмарка о Вагнерѣ послѣ ихъ единственнаго свиданія въ апрѣлѣ 1871 года. «Я тоже не страдаю отсутствіемъ самости (Selbstbewusstsein); но въ такой степени развитія, какъ у Вагнера, я не встрѣчалъ этого чувства еще ни у одного нѣмца».

Чрезмѣрный націонализмъ, наложившій свою печать на духовный обликъ Вагнера въ концѣ его жизни, былъ также причиной охлажденія къ нему такихъ друзей, какъ г. Везендонкъ, Гервегъ, Ничше. Ничше познакомился съ Вагнеромъ впервые въ ноябрѣ 1868 года, и былъ очарованъ его личностью. «Вагнеръ,—пишетъ онъ своему другу,—живая иллюстрація того, что Шопенгауэръ называетъ гениемъ». Ничше былъ въ Трибшенѣ желаннымъ гостемъ, и преклоненіе его передъ Вагнеромъ все росло до 1872 года. Но по мѣрѣ того, какъ вырастали крылья у самого Ничше, и онъ убѣждался въ томъ, что онъ самъ является носителемъ божественнаго дыханія, между друзьями образовывалась трещина, превратившаяся уже въ 1876 году въ пропасть. Вагнеръ не выносилъ критики, но всѣмъ осыпалъ похвалы живущимъ композиторамъ; Ничше съ своей стороны не могъ быть очень польщенъ такими словами Вагнера въ письмѣ отъ 1870 г. а: «Вы могли бы снять съ меня много, цѣлую половину моего назначенія. И при этомъ, можетъ быть, вы всецѣло послѣдовали бы своему назначенію». Ничше думалъ, что онъ рожденъ для развитія своихъ идей, а не только идей Вагнера. «Я одарилъ Вагнера собою»,—пишетъ Ничше г. В-

слѣдствіи, вспоминая свое вагнеріанство, какъ перенесенную имъ болѣзнь. — Я распрощался съ Вагнеромъ уже въ 1876 году... Съ тѣхъ поръ, какъ Вагнеръ поселился въ Германіи, онъ опустился шагъ за шагомъ до всего того, что я презираю—даже до антисемитизма». «Это была дѣйствительная низость (Schlechtigkeit) Вагнера—смѣяться надъ Парижемъ въ его злоніи». Въ развитіи національнаго самосознанія, дающаго такіе дивные плоды въ художественномъ творчествѣ (Глинка, Веберъ, Вагнеръ), есть какой-то предѣлъ, переступить который не можетъ безъ моральнаго вреда для себя ни одинъ художникъ: этотъ предѣлъ указалъ самъ Вагнеръ еще въ первой своей статьѣ въ 1834 году. «Мы должны знать, что есть истиннаго во французской и итальянской музыкѣ, и остерегаться какаго бы то ни было эгонистическаго лицемѣрія».

Но отвернемся отъ зрѣлища слабостей, свойственныхъ даже самымъ великимъ людямъ. Будемъ благодарны Вагнеру за то чрезвычайное расширеніе музыкальныхъ средствъ выраженія, благодаря которому ему удалось такъ обогатить нашу душевную жизнь. Предоставимъ сектантамъ восклицать, что Вагнеръ великій философъ и святой; но не забудемъ, что ему мы обязаны тѣмъ, что среди мелкихъ жизненныхъ заботъ, поглощающихъ наши силы, мы иногда становимся способны чувствовать и постигать, что не «единнымъ хлѣбомъ живетъ человекъ», и что есть вещи, изъ-за которыхъ такъ сладко умереть: прослушайте смерть Изольды въ концѣ «Тристана»! И ради которыхъ такъ хочется жить: прослушайте радость Брюннгилды, разбуженной солнцемъ, или восторгъ Зигфрида, отправляющагося на подвиги. Да! Вагнеръ учитъ насъ чувствовать жизнь человекъ и природы!...

Викторъ Вальтеръ.

Черная сотня въ провинціи.

(Изъ провинціальныхъ встрѣтъ и наблюденій.)

На самой границѣ Черниговской и Бурской губ. находится N—ая пустынь, хозяйственно - богомольственная единица, насчитывающая до 600 монаховъ. «Пустынь» эта очень мало напоминаетъ настоящую пустыню, такъ какъ заключаетъ въ себѣ обширныя мастерскія съ приходящими рабочими, гостиницу для заѣзжихъ привилегированныхъ богомольцевъ (преимущественно, впрочемъ, богомолковъ, которыхъ заживаютъ здѣсь мѣсяцами и очень чтутъ какаго-то Александра, «удивительно похожаго на Христа») и даже лавку, бойко торгующую разными товаромъ вплоть до гастрономическихъ деликатесовъ, которые не прочь раздѣлить съ вѣрующими высшая монастырская братія. Вообще пустынь славится своимъ гостеприимствомъ... да и есть изъ чего: ей принадлежитъ въ окрестности масса земель, лѣсовъ, пасѣки, мастерскія, заводы и пр. Шестьсотъ паръ рабочихъ рукъ далеко не продаютъ того, что выработываютъ. Въ 1905 году былъ моментъ паники, когда казалось, что монастырскія суммы могутъ быть привлечены на другія нужды, и вотъ монастырь рѣшилъ заняться передѣлками и украшеніемъ церквей и пр.; говорятъ, на это ушло до 80 тыс. руб. безъ особаго напряженія силъ монастырской казны. Затѣмъ паника прекратилась и экстраординарныя траты прекратились. Намъ интересовалъ вопросъ, какіе свои населенія поставляютъ въ монастырь такую массу народа. Вѣдь нельзя сказать, чтобы большинство тамъ бездѣльничало: наоборотъ, мы видѣли весьма древнихъ старцевъ, которымъ давно пора на покой, исполняющими довольно тяжелыя монастырскія работы — въ качествѣ сторожей, подметальщиковъ и пр. Изъ разспросовъ можно сдѣлать выводъ, что по чисто религіознымъ побужденіямъ идетъ очень мало, а больше всего идутъ «нищіе духомъ» — люди, которыхъ страшитъ собственная необезпеченная жизнь безъ обязательнаго авторитета надъ собой. Одинъ зажиточный крестьянинъ съ гордостью рассказывалъ, какъ его сынъ, хорошо окончившій школу и научившійся читать по-церковному, пошелъ въ монастырь: «оно, правда, и тамъ есть работа, да зато уже онъ навсегда спокоенъ, что при дѣлѣ состоитъ, что всегда будетъ у него и одежда

нужная, и пропитаніе». Сохраняется притомъ надежда и выслужиться, перейти на болѣе почетныя и доходныя роли хотя бы по управленію и завѣдыванію отдѣльными хозяйственными предпріятіями. Въ монастырѣ есть своя строгая іерархія, есть старшая и меньшая братія, и нельзя сказать, чтобы меньшая не завидовала старшей и не судачила о ней. Однимъ словомъ, пустынь—это прежде всего обширная хозяйственная единица, лишь самымъ внѣшнимъ образомъ объединенная чѣмъ-то яко бы не отъ міра сего. Окружающіе крестьяне, постоянно соприкасающіеся въ хозяйственныхъ дѣлахъ съ пустынью, не съ особеннымъ благоговѣніемъ възираютъ на ея дѣятелей и на ея богатства; пускать скотъ въ монастырскій лѣсъ или пользоваться дровишками изъ того же лѣса, по ихъ понятіямъ, самъ Богъ велѣлъ. Въ послѣдніе годы дѣло дошло до того, что игуменъ набралъ изъ монастырской братіи 20 импровизированныхъ конныхъ казаковъ, снабдивъ ихъ вооруженіемъ и подходящимъ костюмомъ. Правда, мѣстные бабы и дѣвчата, хорошо знакомыя съ «отцами-казаками», подсмѣиваются, когда у какого-нибудь изъ нихъ выскочитъ косичка изъ-подъ папачи, но воинство получается хоть куда—хоть для защиты Пушкинской Бѣлогорской крѣпости. Находчивый игуменъ хвалился, кромѣ того (а, можетъ быть, нарочно пускалъ слухъ въ смутные дни), что запасаетъ множество нюхательнаго табаку, чтобы при помощи какихъ-то метательныхъ приспособленій засыпать крестьянамъ глаза, если они вздумаютъ пойти на приступъ монастырскихъ стѣнъ. Коротче говоря, отношенія сосѣдскія. Окрестныхъ помещиковъ, какъ «доброхотныхъ дателей», монастырѣ очень уважаетъ, но неуклонно прибираетъ къ рукамъ: у кого купить лужокъ, у кого усадьбицу—все идетъ впрокъ христоролюбивому воинству, и крестьянамъ за нимъ не угнаться.

И вотъ эта смиренная обитель, которая съ утра до вечера кипитъ проходящимъ и проезжающимъ народомъ, въ послѣднее время задалась исполненіемъ своихъ высоко-патріотическихъ обязанностей. На видномъ мѣстѣ, на стѣнѣ, въ рамкѣ за стекломъ красуется прокламація харьковскаго союза русскаго народа: «За что разогнали первую Думу?» Затѣмъ, въ монастырѣ имѣется обширная книжная лавка, въ которой хранится столько сокровищъ истинно-русскаго духа, что прямо жутко становится: неужели все это эмѣнное шпѣніе, весь этотъ ядъ челоуѣконенавистничества когда-нибудь будетъ прочитанъ и впитанъ въ себя неопытнымъ читателемъ? Какая масса этихъ листовъ-прокламацій раздается монахами и жадно расхватывается толпою послѣ каждаго праздничнаго богослуженія (правда, частенько только «на цыгарки»). Необходимо вернуться вспять и перестать вѣрить въ силу печатнаго слова для того, чтобы это зрѣлище не приводило иногда въ уныніе.

Но краскою и славою смиренной обители является нынѣ мѣкій монахъ Агаеодоръ, специалистъ по борьбѣ съ крамолой, агитаторъ, безъ устали разъѣзжающій по окрестнымъ мѣстамъ и по узко-колейкѣ между Глуховомъ и Ворожбѣмъ, организаторъ всякихъ подѣлѣловъ и отдѣльчиковъ союза

русского народа. Почтенный иннокъ отличается полемическимъ зудомъ и, несмотря на ваше нежеланіе поднимать ежеминутно бросаемую вамъ перчатку, онъ прямо вызываетъ собесѣдника на какую-либо вспышку нетерпѣнія. И стоитъ вамъ подать ему хоть маленькую реплику, вы отъ него уже не освободитесь: будетъ онъ васъ гвоздить и поѣдомъ ѣсть безъ конца, — темпераментъ богатый! Въ такихъ спорахъ собесѣдника, подозреваемого въ качествѣ «краснаго», пытаются припереть къ стѣнкѣ какимъ-нибудь острымъ вопросомъ, изъ тѣхъ, къ которымъ еще не привыкли стѣны не только вагоновъ, но и вашего собственного кабинета. И когда собесѣдникъ замѣчаетъ: «ну, вы потише!» — тогда въ отвѣтъ раздаются такіа слова: «Намъ что-жъ бояться, мы люди царскіе, вѣрнопопданые; мы не боимся открыто правду говорить. Это вотъ вамъ надо потише быть» и т. д. Однимъ словомъ, живой символъ торжествующаго «союза русскаго народа».

Надо отдать справедливость отцу Агаеодору: говоритъ онъ недурно, вкрадчиво, даже довольно литературнымъ языкомъ; чувствуется, по крайней мѣрѣ, среднее образованіе; онъ же и авторъ нѣкоторыхъ распространенныхъ имъ брошюръ. Для средняго уровня интеллигенціи аргументація его не отличается богатствомъ и разнообразіемъ: все одини и тѣ же несчастные «іудей» и «жиды»; да «крамольная дума», да «экспроприація», да «въ Бога не вѣруютъ», но для неискушеннаго слушателя изъ народа, пожалуй, арсеналъ у него достаточный. Правда, тутъ есть зато другой изъянецъ: часто онъ пытается доказывать недоказуемое, вроде, наприм., того, что мужику даже выгоднѣе на барской землѣ работать, чѣмъ на своей, и тутъ, думается намъ, ахиллесова пята его воздѣйствія на «мужичковъ».

Намъ пришлось видѣть о. Агаеодора въ двухъ видахъ (оба раза въ вагонѣ). Въ первый разъ онъ развивалъ тему «о великой лжи нашего времени — конституціи» передъ «интеллигентной» публикой: какимъ-то американскимъ миссіонеромъ, комиссіонеромъ московскаго торговаго дома изъ «истинно-русскихъ» и какимъ-то неопытнымъ студентикомъ изъ семинаристовъ. Конечно, на сцену явилась «развратная, прогнившая отъ сифилиса Франція, выбросившая кресты и иконы изъ школъ и судовъ», появились и неизбежные «жиды», и даже капиталистическій строй, угнетающій французскаго мужика именно вслѣдствіе конституціи. Замѣчаніе студента, напомнившаго текстъ: «нѣтъ ни элдинъ, ни іудей» — нисколько не смутило о. Агаеодора: «а, нѣтъ! не говорите: въ каждой семьѣ бываютъ и хорошія, и дурныя дѣти, и любимыя, и не любимыя; вотъ Ной проклялъ Хама, такъ и у Господа есть болѣе заслуженные народы, и нелюбимыя. Евреевъ Богъ не любитъ, потому и разсѣялъ по всей землѣ. И въ будущей жизни имъ нѣтъ благословенія». «Да откуда же вы, батюшка, знаете будущую жизнь?» — вопрошалъ студентъ: — «вѣдь никто еще оттуда не возвращался». «Почитайте священное писаніе и апостоловъ! — невозмутно отвѣтилъ Агаеодоръ, — тамъ все это написано въ точности». Споръ ра-

рѣлся. Американскій миссіонеръ, молодой батюшка съ коротко-стриженными волосами (признакъ духовнаго либерализма), оппонировалъ о. Агаѳодору какъ бы нехотя, и все задавалъ форсу: «въ Америкѣ я замѣтилъ», «во Франціи я наблюдалъ» и т. д. Агаѳодоръ на него накинулся: «Такъ что-жь, по-вашему, надо дать евреямъ полныя права? Пускай обдираютъ мужика!» «Нѣтъ, зачѣмъ же *полныя*?—благообразно возразилъ молодой батюшка.—Не надо только лишнихъ притѣсненій, какъ и привилегій!» «А мы за что же стоимъ?—заявилъ Агаѳодоръ,—мы тоже будемъ стоять за народъ, чтобы тамъ всѣ эти дворянскія привилегіи по-боку!» (Эге-ге!—подумалъ я,—вотъ какія демагогическія нотки прорываются у господъ «истинно-русскихъ»). Любопытно будетъ посмотрѣть, какъ встрѣтится на этомъ пунктѣ черная сотня съ «зубрами!»). Впрочемъ, когда дѣло дошло до «землицы», то о. Агаѳодоръ показалъ, что онъ еще не достигъ до о. Иліодора. Тотъ въ своей брошюрѣ: «Когда же, наконецъ?», прямо говоритъ, что собственность потому и неприкосновенна, что таковою объявилъ ее Царь, а захочетъ онъ—и собственность станетъ прикосновенною. «Повели, Государь, обратить вниманіе на твоихъ безземельныхъ мужичковъ», непосредственно вслѣдъ за теоріей о «прикосновенности», возглашаетъ Иліодоръ. О. Агаѳодоръ, повидимому, умѣе, сдержаннѣе и больше себя на умѣ. Къ великому негодованію студента, онъ сталъ развивать извѣстную теорію о томъ, что мужикъ съ барской земли больше дохода получаетъ, чѣмъ съ своей собственной. Споръ сдѣлался до того горячимъ, что изъ другихъ отдѣленій вагона начали выглядывать недоумѣлыя, заспанныя фізіономіи, вопросительно оглядывавшія собесѣдниковъ. Бурная сцена кончилась фортиссимо: студентъ, насупившись и задыхаясь, вспылдилъ, наконецъ: «а все же, какія бы силы за вами ни стояли, вы не заставляете насъ думать и вѣровать по-вашему!» и выбѣжалъ въ однѣ двери вагона, а Агаѳодоръ, взбѣшенный и съ блѣдными губами, выскочилъ въ другія. Либеральный батюшка остался въ качествѣ резонера пьесы: «Нельзя же такъ, слишкомъ ужъ онъ черносотенный!» произнесъ онъ снисходительно, и въ этой самодовольной снисходительности сказалась вся разница позицій чернаго и блага духовенства въ настоящій моментъ.

Въ другой разъ видѣлъ я о. Агаѳодора уже въ женскомъ обществѣ. Фізіономія его сіяла благодушіемъ, а грудныя ноты голоса выбрировали какъ-то особенно ласково. Онъ угощалъ какую-то бойкую молодую купчиху «яблочками изъ нашего, монастырскаго сада». Здѣсь также были разговоры, но менѣе интересные. Началось съ того, что двѣ дерзкія, но хорошенькія дѣвчонки, только что кончившія гимназію, подбѣжали къ о. Агаѳодору: «А, вы опять уже, батюшка, распространяете вашу черносотенную литературу?» «А вы такъ не говорите, барышни, въ нашей *черносотенной* литературѣ много полезнаго!» ласково прожурчалъ святой отецъ. «Ну, что ужъ тамъ у васъ интереснаго? Вѣрно, вы сами никогда ничего интереснаго не читаете, оттого и брошюры ваши такія скучныя!» «Напрасно, барышни, изволите такъ думать: я много интересныхъ книгъ читаю и

даже самые толстыя!» лукаво щурился о. Агаеодоръ. «Ну, давайте, что у васъ тутъ есть, можетъ быть, и мы запишемся въ вашу черную сотню», хихикали барышни. Отецъ Агаеодоръ, ничтоже сумняся, отвалилъ имъ изрядное число брошюръ. Оказалось, что о. Агаеодоръ очень не прочь отъ спасенія душъ даже весьма юныхъ гимназистокъ и вступать съ ними въ наставительную переписку, отнюдь не смущаясь скептическимъ къ себѣ отношеніемъ со стороны барышень и нисколько не обижаясь ихъ невнимательностью.

Въ то время, какъ барышни непочтительно хихикали о черной сотнѣ и даже о какихъ-то знаменіяхъ и чудесахъ, возлѣ нихъ стояла самоопица—изъ тѣхъ, что всю жизнь слоняются изъ монастыря въ монастырь, дариваютъ и сплетничаютъ на религиозно-житейскія темы. Она такъ и въ глазахъ барышень и, казалось, готова была ихъ испепелить взоромъ. Ежится, и на батюшку она взглянула съ неодобреніемъ. Бойкая кучка, очевидно изъ «сильно грамотныхъ», начитавшаяся всякихъ религиозно-нравственныхъ брошюръ и усвоившая изъ нихъ цѣлый рядъ выраженій, наоборотъ, вполне благодушествовала въ бесѣдѣ съ батюшкой, — и долго разливались они соловьями, поддакивая другъ другу, — и о малиновомъ звонѣ, и о вкусныхъ монастырскихъ яблокахъ, и о современномъ нечестіи, и все о тѣхъ же злополучныхъ «жидахъ». Благодушному настроенію батюшки ничто не грозило: гимназистки ушли, а другія пассажирки въ шляпкахъ и платочкахъ подобострастно слушали его разглагольствованія и только сокрушительно покачивали головами... «Братцы, нѣтъ ли у кого покурить?» — вошелся въ вагонъ какой-то не то рабочій, не то мастеровой. — «Сегодня шабась, такъ промятые жида всѣ лавки позапирали...» И этимъ истинно-русскимъ возгласомъ достойно украсилась предшествовавшая идиллическая бесѣда.

Заглянувъ и я, грѣшнымъ дѣломъ, въ тѣ писанія, которыя съ такимъ усердіемъ распространяетъ о. Агаеодоръ. О всѣхъ изувѣрствахъ, человѣконенавистничествахъ, простой лжи и обдуманной клеветѣ, которыя фонтаномъ брызжутъ изъ этой «литературы», говорить не стану: все это уже извѣстно и переизвѣстно. Но меня заинтересовала одна специальная сторона брошюръ: чѣмъ они стараются втереться въ довѣріе простодушнаго читателя? Какія обѣщанія даютъ? Какія положительныя программы проводятъ? Мы уже видѣли, какъ блаженненскій Иліодоръ рассуждаетъ о священномъ и неприкосновенномъ правѣ собственности. Правда, въ другой своей брошюрѣ: «За что Царь распустилъ вторую Думу», — онъ беретъ у насъ нѣсколько иной тонъ, но какъ блѣдно и неискренно звучитъ его фаншиный пафосъ послѣ всѣхъ тѣхъ разжиганій завистливыхъ чувствъ уличка, которыми переполнена вся черносотенная литература: «Скажи православный человѣкъ! Неужели же ты принялъ бы кусокъ хлѣба и кочокъ земли (4 десятины) отъ такихъ разбойниковъ, руки которыхъ огрены кровью человѣческой? Неужели же ты промѣнялъ бы царство Божье на кусокъ хлѣба, на клочокъ земли?» Довольно трудно представить се

что именно отвѣчалъ бы православный человѣкъ на эту тираду, но подумалъ то бы онъ, почесывая въ затылкѣ, пожалуй, такъ: «кто тамъ васъ разберетъ! у кого тамъ теперь руки не въ крови, начиная съ самихъ святыхъ отцовъ? А кусокъ хлѣба и 4 десятины земли (почему именно 4?) дѣло хорошее...» Особенно легко у него могъ бы возникнуть такой ходъ мысли, если бы онъ воспринялъ и прочувствовалъ аргументацію другого черносотеннаго листка: «Въ защиту меньшого брата» (изданіе журнала *Мирный Трудъ*). Здѣсь прежалостно рассказывается, какъ «поляки, іудеи и англичане» (баре скромно опущены, но мужичокъ легко догадается исправить этотъ пробѣлъ!)—катаются на рыскахъ, въ драгоценныхъ экипажахъ, нещадно облавая грязью идущихъ пѣшкомъ, сторбленныхъ, голодныхъ и оборванныхъ хозяевъ земли русской—рабочихъ...»; какъ они «ѣдятъ лучшій сортъ хлѣба и отборное мясо, а ты, русскій народъ, кормишься отбросами»; какъ они, «напыжившись по классовки (сравненіе удачное!), посятъ драгоценныя шубы» и т. д. «Некому жаловаться,—замѣчаетъ дажѣ меланхолически авторъ, — негдѣ искать защиты: никто не слушаетъ! Некуда дѣваться: всѣ должности, всѣ мѣста захвачены поляками, іудеями, англичанами, нѣмцами...» Все сводится къ такому финалу: «Если теперь, при начальникахъ русскихъ, бѣдному иногда приходится туго, то что-жъ будетъ, когда министрами и генералами будутъ іудеи? Доложь же будемъ терпѣть мы это проклятое иго? (Т.-е. какое: будущее или теперешнее?) Проснитесь, русскіе люди: спасайте Россію, спасайте вашихъ дѣтей!...» Конечно, это не болѣе, какъ легкая провокація погромщика со стороны почтеннаго *Мирнаго Труда*, органа разныхъ «духовныхъ» профессоровъ и святыхъ отцовъ, но не кажется ли вамъ эта аргументація нѣсколько рискованной и въ другихъ смыслахъ?

Другой листокъ того же издательства: «Нѣчто по поводу забастовокъ», желая свалить вину за манчжурскія неудачи на бастовавшихъ рабочихъ, дѣлаетъ это крайне неумлюже, но попутно разъясняетъ все громадное значеніе для насъ, весь вредъ восточной авантюры: «Денегъ нѣтъ, дѣлать новые заказы фабрикамъ и заводамъ не на что, сотни милліоновъ надо отдать японцамъ» и т. д. Восхитителенъ въ своей трогательной наивности языкъ автора: «Что можно, то и Богъ велитъ! А чего нельзя, то и нельзя и не будетъ: вы—не вся Россія! Все это непонятно только 18—20-лѣтнимъ «ораторамъ»-подмастерьямъ, которые и слово «корова» нишуть черезъ «ять» и желаютъ государствомъ управлять... Такъ-то-съ... При этомъ имѣйте въ виду, что эти строки пишетъ человѣкъ совершенно безсемейный (опять іеромонахъ?), которому безразлично, что будетъ *спереди*, человѣкъ, искренно любящій Россію, искренній вамъ благожелатель и притомъ очень бѣдный и очень незначительный человѣкъ». Незначительный—это правда, а все же свою ложку дегтя кладетъ и нараво, и на хлѣво.

Большаго вниманія, съ точки зрѣнія интерпретаціи нашего новаго «конституціоннаго» права, заслуживалъ бы листокъ одного изъ подголосковъ

России, также въ своемъ родѣ офиціоза—*Харьковскихъ Губернскихъ Ведомостей*, если бы интересъ этотъ не ослаблялся тѣмъ, что мы живемъ въ атмосферѣ безответственности, въ федераціи независимыхъ и самостоятельныхъ сатрапій. Отвѣтимъ во всякомъ случаѣ, что листокъ, озаглавленный: «Правда о конституціи», очень много распространяется о недостаткахъ современнаго капиталистическаго строя, угрожаетъ поглотіемъ власти со стороны капитала, если русская конституція осуществлена будетъ по европейскимъ образцамъ, мимоходомъ скорбитъ (можетъ быть, въ собственному опыту?) о тѣхъ «возмутительныхъ насиліяхъ надъ вѣроуверенными свободныхъ гражданъ», которыя практикуются въ конституціонныхъ странахъ при выборахъ и въ текущей жизни; наконецъ, подчеркиваетъ данное уже манифестомъ 17 октября право «слѣдить, чтобы на Русіи не было мошенничества и нарушенія закона». Впрочемъ, въ *Русскомъ Звѣмени*, притягивающемъ къ отвѣту «кадетствующихъ министровъ», все это выходитъ сильнѣе и колоритнѣе, чѣмъ у харьковскихъ бюрократовъ.

Какъ мы уже видѣли, черносотенная литература бросаетъ въ мои своихъ читателей массу такихъ идей и настроеній, изъ которыхъ невѣстно еще что выйдеть въ концѣ-концовъ, хотя повсюду подшито бѣлыми нитками выводъ: «бей жидѣ, — онъ виновникъ всѣхъ твоихъ неудачъ!» Но есть брошюра того же *Мирнаго Труда* («Кабы земляцы...»), которая даже искусившагося читателя можетъ повергнуть въ недоумѣніе. То ли желая казаться объективнымъ, то ли надѣясь на всеокрушающую силу своихъ намековъ, разбросанныхъ въ текстѣ даже не отъ имени автора, — авторъ, ивѣкій г. Сандерскій, — излагаетъ споръ крестьянъ на аграрныя темы и отъ себя не дѣлаетъ никакого заключенія. Изложеніе ведется въ формѣ разсказа и заканчивается словами: «И долго еще спорили мужики... укорами другъ другу они насытились вдоволь». Въ спорѣ принимаютъ участіе: съ одной стороны—переодѣтый пропагандистъ, подбивающій отбирать землю у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, съ другой—истинно-русскій герой солдатъ, заявляющій, что для него бунтующіе отецъ и мать—все равно, что японцы. Изъ спора выясняется, что одна часть крестьянъ, ведущая земледѣльческое хозяйство, очень не прочь приобрести помѣщичью землю и льнетъ къ агитатору, хотя не прочь заплатить даже и деньги при помощи крестьянскаго банка; другая же часть, безлошадные, увѣряютъ, что земля имъ совсѣмъ не нужна, что они гораздо больше зарабатываютъ у барина поденщиной, что вообще у пана имъ «не житье, а малина». Солдатъ сообщаетъ, что социализацію земли выдумалъ и проводилъ въ Думѣ «жидъ Герценштейнъ» и что суть этой «социнаціи» въ томъ, чтобы еврей, какъ люди богатые, скупили всю землю, а мужика заставили работать на себя. Разныя точки зрѣнія, изложенныя представителями разныхъ интересовъ, такъ и остаются въ брошюрѣ почти въ сыромъ видѣ, не обобщенныя авторомъ и не приведенныя имъ къ желательному знаменателю. Хотѣли бы мы послушать дѣйствительный разговоръ крестьянъ по прочтеніи этой изумительной брошюры.

Какое же общее впечатлѣніе отъ всего этого черносотенства? Да прежде всего то, что явленіе это довольно сложное и по источникамъ своего вдохновенія, и по возможнымъ результатамъ. Правда, мыслишки у всѣхъ этихъ мыслителей короткія: съ двухъ словъ они упираются въ «жида». Но растекаются эти мысли, хотя и въ беспорядкѣ, по довольно широкому древу, вольно или невольно впитывая въ себя и крупные социальныя вопросы и будя далеко не мирныя настроенія не только по линіи наименьшаго сопротивленія, но и по отношенію къ сильнымъ міра сего. У нѣкоторыхъ изъ этихъ профессоровъ и святителей *Мирнаго Труда* слышатся какъ-будто даже искреннія нотки, по крайней мѣрѣ — извѣстное простодушіе. И насъ занималъ вопросъ, что имъ черносотенная Гекуба и что они ей? Мы не говоримъ, конечно, о сознательно лгущихъ и пытающихся свалить съ больной головы на здоровую. Одинъ изъ отвѣтовъ на нашъ вопросъ мы нашли въ брошюрѣ того же *Мирнаго Труда*, подъ названіемъ «Ночь на еврейскомъ кладбищѣ въ Прагѣ», переводъ съ англійскаго. Русскій человекъ и здѣсь остался вѣренъ себѣ: ему нуженъ «нѣмецъ» (или англичанинъ), чтобы дать теоретическую обработку его растерянными мозгамъ. Въ этой ядовитой брошюрѣ, съ большою обстоятельностью и съ извѣстною талантивною вышнитою замысла, излагается все, что только можно навалить на злополучную еврейскую голову. Между прочимъ, разсудку вопреки, путемъ ловкихъ софизмовъ, проводится мысль, что евреи, въ стремленіи овладѣть міромъ путемъ капитала, вышнимъ образомъ принимаютъ участіе въ революціонныхъ движеніяхъ, стараясь въ сущности направить эти движенія въ сторону отъ необходимыхъ для массъ *соціальныхъ* реформъ, сводя все движеніе къ *чисто политическимъ* вопросамъ равноправія, т.-е. права ихъ на свободную эксплоатацію массъ. И почтенные, болѣе или менѣе простодушные профессора *Мирнаго Труда* хватаются, какъ за вѣточку, за эти лишніе социальныя козны евреевъ; отсюда, можетъ быть, и струя демагогій въ ихъ писаніяхъ, отсюда и такая ревностная защита «меньшого брата...» Уже не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ «соціализмомъ дураковъ», читатель? (Во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю, что я оставляю въ сторонѣ сознательно корыстныхъ и лживыхъ черносотенцевъ).

Каковы могутъ быть результаты черносотеннаго «соціализма дураковъ»? Трудно сказать. Правители наши, повидимому, воображаютъ, что стоитъ только нажать кнопку и захопнуть ящики съ лудорами, какъ все это черносотенство разлетится подобно дыму. Однако такъ ли это? Съ социальными огнями, хотя бы и болотными, шутить бываетъ неудобно. Не Минскіе ли избиратели, отпраздновавъ по окончаніи выборовъ въ Государственную Думу побѣду истинно-русскаго Эстергази-Шмида и другихъ, потребовали отъ избранныхъ, чтобы они добивались въ Думѣ *принудительнаго отчужденія* (правда, пока только *польскихъ*) земель въ пользу крестьянъ. Не въ Бессарабской ли губерніи этой весной одинъ изъ исправниковъ проводилъ истинно-русскую аграрную политику слѣдующимъ образомъ: у ли-

берального помѣщика NN крестьяне, записавшіеся въ «союзъ русскаго народа» вслѣдствіе земельныхъ посуловъ мѣстныхъ агитаторовъ союза, захали землю. Когда управляющій закричалъ: «карауль, бунтъ!» и вызвалъ полицію, пріѣхавшій исправникъ его же еще и аресту подвергъ за нарушение тишины, а съ крестьянами *заставилъ* пойти на компромиссъ.

Что воспитывается въ населеніи такой теоріей и практикой черносотеннаго дѣла? Интересно будетъ посмотрѣть, какъ будутъ чувствовать себя гг. зубры въ обществѣ такихъ союзниковъ. Зрѣлище, конечно, будетъ любопытное, но не чувствуете ли вы, читатель, какой затяжной процессъ тутъ вырисовывается? Вѣдь надо же этому черносотенству время, чтобы назрѣть и лопнуть, подобно гнойному нарыву.

С. Лисенко.

Годъ консервативно-либеральной эры.

(Письмо изъ Германіи.)

I.

Въ іюнѣ минувшаго года, когда суматоха, поднимавшаяся вокругъ статей Максимилиана Гардена о камарильѣ при германскомъ дворѣ, была еще въ полномъ разгарѣ, и газеты каждый день приносили новые слухи и сплетни о политической роли князя Эйленбурга и его «застольнаго кружка», — одинъ видный парламентскій дѣятель, вождь свободныхъ консерваторовъ баронъ Цедлицъ обмолвился нѣсколькими знаменательными разоблаченіями. Вотъ что сказалъ корреспонденту вѣнской *Zeit* этотъ близкій и преданный имперскому канцлеру человекъ. — «Посвященные люди давно уже знали о козняхъ Эйленбурга противъ Булова. Я имѣю точныя свѣдѣнія изъ источника, который рѣдко, но зато хорошо и солидно меня информируетъ, что въ прошломъ сентябрѣ (1906 года) при дворѣ господствовало мнѣніе, что князю Булову слѣдовало бы удалиться, отчасти по соображеніямъ здоровья, отчасти и по другимъ. Я знаю также, что князь Буловъ разсматривалъ роспускъ рейхстага, какъ своего рода очищеніе атмосферы. Собственно говоря, ему, безъ сомнѣнія, было бы легко столкнуться въ декабрѣ съ центромъ. Но ему было извѣстно, что при дворѣ понемногу начинали считать вліяніе центра слишкомъ сильнымъ и желали его ослабить. Тогда канцлеръ высказалъ положеніе, при которомъ могъ съ расчетомъ на успѣхъ объявить войну могущественной партіи. Онъ находилъ болѣе правильнымъ поступить такъ, чѣмъ дожидаться, пока центръ при менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ самъ обойдетъ его. Такъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ впоследствии самъ князь».

Съ этимъ почти циничнымъ въ своей откровенности описаніемъ условий, при которыхъ «союзныя правительства Германіи, съ согласія императора» распустили рейхстагъ 13 декабря 1906 года, поучительно сравнить нѣсколько соответствующихъ заявленій, такъ же несомнѣнно исходящихъ отъ «самого князя». Вскорѣ послѣ выборовъ, князь Буловъ писалъ синдикату американской печати: «Выборы въ рейхстагъ велись противъ антинаціональной наглости неестественной партійной коалиціи. Эта наглость

возмутила національное чувство. 13 декабря вопрос ставился так: «сохранить намъ или бросить на произволъ судьбы юго-западную колонію въ Африкѣ». А въ своей первой большой — нѣкоторые называютъ ее «программой» — рѣчи въ новомъ рейхстагѣ онъ въ такихъ негодующихъ словахъ отвѣчалъ на упреки лидера центра Шпана, за оскорбительное загроможденіе «національныхъ» качествъ его партіи. «На честь партіи центра я не посягаю. Но рѣшеніе, которое эта партія вѣдѣтъ съ социаль-демократами думала навязать намъ, было посягательствомъ на авторитетъ правительства, на крупные правительственные принципы, охрана которыхъ, по моему убѣжденію, вызывается интересами нашей страны и ея мирнаго и спокойнаго прогресса».

Едва ли кому-либо въ точности памятно еще фактическія обстоятельства, столь разнообразно описанныя княземъ Бюловымъ и барономъ Цедлицемъ, — если вѣрить ему, — опять-таки со словъ «самого князя». 13 декабря 1906 года рейхстагу предстояло обсудить правительственное предложеніе объ отпускѣ дополнительнаго кредита на окончаніе военныхъ операцій въ юго-западной Африкѣ и на перевозку части колониальныхъ войскъ на родину, всего въ 29.220,000 марокъ. Фракція центра внесла къ этому предложенію поправку, обусловливавшую отпущеніе кредита требованіемъ, чтобъ правительство приняло къ 1 апрѣля 1907 года «подготовительныя мѣры» для дальнѣйшаго сокращенія численности войскъ въ колоніи до 2,500 человекъ, и сообразно съ этимъ уменьшавшую просимую сумму до 20.288,000 марокъ. Правительство объявило поправку центра абсолютно неприемлемой, но соглашалось на предложенный свободомыслящими компромиссъ, по которому рейхстагъ долженъ былъ ограничиться требованіемъ «подготовительныхъ мѣръ къ возможному сокращенію численности войскъ въ колоніи къ 1 апрѣля», кредитъ же вотировать полностью. И поправка свободомыслящихъ и правительственное предложеніе были отклонены ничтожнымъ большинствомъ, голосами центра, социаль-демократовъ и полковъ противъ всѣхъ остальныхъ фракцій рейхстага, и князь Бюловъ, не дожидаясь даже продолженія голосованія, прочелъ указъ о роспускѣ. Такъ наступилъ «кризисъ», которымъ имперскій канцлеръ патетически грозилъ въ началѣ этого памятнаго засѣданія и на который «неестественная партійная коалиція» шла очевидно совершенно сознательно. И такъ родилась другая партійная коалиція изъ консерваторовъ, аграріевъ, антисемитовъ и либераловъ всѣхъ оттѣнковъ, которую никто «неестественной» не назвалъ, и которой было суждено, превратившись на общихъ выборахъ изъ меньшинства въ большинство, открыть въ Германіи «консервативно-либеральную эру».

Не нужно большой проницательности для того, чтобъ понять, почему центръ, всегда покладистый, всегда готовый торговаться, внезапно проявилъ такую неуступчивость и стойкость. Не отъ внезапной порчи его «національной» годности, конечно, и не изъ-за этихъ 2,500 человекъ, которые вдругъ такъ полюбились ему. Но просто къ 13 декабря ему было

уже вполне очевидно, какую новую прихотливую линію ведетъ князь Бюловъ. Центръ прекрасно помнилъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, когда возстаніе туземцевъ въ Африкѣ представляло еще дѣйствительно серьезную опасность, рейхстагъ уменьшилъ военно-колоніальный бюджетъ на 15 милліоновъ, и правительство приняло это весьма спокойно, совершенно не опасаясь за судьбу колоній. Ему было такимъ образомъ ясно, что дѣло не въ тѣхъ 8—9 милліонахъ, которые онъ находилъ нужнымъ вычеркнуть. Что его требованіе «подготовительныхъ мѣръ» для сокращенія численности войскъ до опредѣленной цифры столь же мало угрожало военнымъ прерогативамъ императора, какъ и принятая правительствомъ аналогичная поправка либераловъ, было ясно всякому здравомыслящему человѣку. А если прибавить сюда еще рядъ самыхъ неприличныхъ сценъ, которыя съ ноября устраивались центру новымъ директоромъ колоніальнаго департамента Дернбургомъ, якобы изъ-за закулисныхъ происковъ этой партіи, споконъ вѣку существовавшихъ, но только теперь показавшихся правительству назойливыми и возмутительными, то мудрено ли было понять, что дѣло не въ защитѣ «національной чести» или африканской колоніи, а въ провокаціи, во что бы то ни стало. Вотъ почему центръ, съ которымъ по существу было дѣйствительно «легко столкнуться»—Шпанъ въ засѣданіи 13 декабря высказалъ это со всею откровенностью—только вѣрно угадалъ моментъ, когда ему на вызовъ нужно было отвѣтить вызовомъ. Вѣдь и у политическихъ партій есть своя «атмосфера», о поддержаніи «чистоты» которой имъ тоже приходится заботиться, это—настроеніе избирателей. Князь Бюловъ, искусный политическій метеорологъ, имѣлъ передъ собою опытнаго и чуткаго противника. Послѣдующія событія показали, что центръ уцѣлъ настроеніе своихъ избирателей съ такою же точностью, съ какою ловкій царедворецъ уцѣлъ и использовалъ настроеніе двора.

Если я нѣсколько подробнѣ остановился на послѣднемъ роспускѣ рейхстага, то не для того, чтобъ защищать несправедливо заподозрѣнную «національную» годность партіи центра. Но дѣло въ томъ, что съ исторіей исключенія центра изъ состава правительственнаго большинства неразрывно связана исторія «консервативно-либеральной эры», которой нельзя понять, не зная, кто же правъ въ оцѣнкѣ декабрьскихъ событій—князь Бюловъ, негодующій на посягательство на «крупные правительственные принципы», или князь Бюловъ по семейному бесѣдующій съ барономъ Цедлицемъ. Ибо ясно, что если всѣ грозныя филиппики имперскаго канцлера противъ центра не болѣе, какъ лицемеріе, и вся исторія объ «анти-національной наглости неестественной партійной коалиціи» не болѣе, какъ сочиненный къ случаю и окончательно выдохшійся анекдотъ, то и вся «консервативно-либеральная эра» сразу въ самомъ зарожденіи своемъ приобретаетъ анекдотическій характеръ. Она пошла, эта эра, не отъ убѣжденія правительства въ принципиальной необходимости и желательности «того скрещиванія консервативнаго и либеральнаго духа», о которомъ заговорилъ князь Бюловъ

въ самомъ началѣ избирательной кампаніи. Она пошла отъ того въ высокой мѣрѣ случайнаго и второстепеннаго обстоятельства, что князь Бюлову, подъ вліяніемъ придворныхъ интригъ, нужно было играть ва банкъ, заканчивать карьеру или показать себя магомъ и волшебникомъ, держащимъ въ рукахъ страну и извлекающимъ изъ нея вмѣсто одного, сегодня неугоднаго, парламентскаго большинства другое, сегодня удобное. Случилось такъ, что для этого было неизбежно разнести центръ и зайти къ его другой группой, и князь Бюловъ «блокировался» съ либералами, какъ «блокировался» бы, по терминологіи русской социаль-демократіи «съ чертомъ и съ бабушкой», если бы была возможность организовать изъ нихъ съ консерваторами и національ-либералами большинство въ рейхстагѣ. Источникъ консервативно-либеральной эры былъ, съ точки зрѣнія конституціонной и политической, пороченъ. А эта его порочность имѣла весьма различное значеніе для представителей противоположныхъ началъ, которыми рѣшились сочетать имперскій канцлеръ. Консерваторы и національ-либералы могли ее только привѣтствовать. Для нихъ принципиальная консервативно-либеральная политика сулила бы однѣ непріятности, необходимость уступать, умѣрять требованія, идти на компромиссы; политика, сочиненная съ единственною цѣлью сохраненія даннаго лица во главѣ имперскаго правительства, обезпечивала имъ неприкосновенность стараго вліянія и стараго благополучія. Иное было положеніе трехъ фракцій «рѣшительнаго либерализма», какъ именуютъ себя здѣсь свободомыслящій союзъ, свободомыслящая народная партія и нѣмецкая народная партія. «Рѣшительные» либералы шли въ блокъ съ консерваторами съ голыми руками. Оборонять, охранять имъ было нечего. Ихъ тактика могла быть только наступательная, имъ нужны были принципиальныя, програмныя уступки. Случайность, служебность новаго правительственнаго блока должна была возбудить въ нихъ самыя серьезныя сомнѣнія. Этихъ сомнѣній у нѣмецкихъ либераловъ не было, или они побороли ихъ со странною поспѣшностью. И потому первый годъ «консервативно-либеральной эры» вписалъ новую многозначительную главу въ исторію «рѣшительнаго» либерализма.

Въ средѣ его событія смѣнялись съ невѣроятной быстротой. 13 былъ распущенъ рейхстагъ. 14 на партійной конференціи свободомыслящей народной партіи одинъ изъ внезапно выдвинувшихся ея лидеров Вимеръ формулировалъ избирательный пароль: «Борьба идетъ противъ черныхъ и красныхъ». Почему именно противъ нихъ, и только противъ нихъ? Если борьба на нѣсколько фронтовъ, то почему ужъ заодно и не на третью сторону, противъ злѣйшаго, исконнѣйшаго, принципиальнѣйшаго врага — противъ консерваторовъ? Почему противъ черныхъ и красныхъ, и значитъ за правительство? Еще за мѣсяць до роспуска «рѣшительные» и да и національ-либералы метали громы противъ элементовъ абсолютистскаго режима. Еще за нѣсколько дней ораторы свободомыслящихъ группъ и въ время колониальныхъ дебатовъ оставляли далеко за собой «анти-национальный» центръ неумолимостью своихъ обличеній и энергіей своего красн.

рѣши. И вдругъ, «противъ черныхъ и красныхъ», и заодно съ реакціонерами и абсолютистами, такъ здорово живешь, только потому, что «при дворѣ считали вліяніе центра слишкомъ сильнымъ и желали его ослабить!» Въ блокъ съ консерваторами и съ правительствомъ, безъ какого-либо обезпеченія, безъ яснаго, опредѣленнаго соглашенія, безъ непрерываемо установленной программы!

Едва ли удастся когда-либо разобрать, что именно сыграло здѣсь рѣшающую роль. Соціалъ-демократія будетъ до скончанія вѣка утверждать, что дѣло въ прирожденной склонности буржуазіи къ «измѣнѣ». Центръ твердо вѣритъ, больше, повидимому, приближаясь къ истинѣ, что секретъ въ присущемъ либерализму «голодѣ власти». Можно предложить и другія болѣе или менѣе правдоподобныя объясненія. Можетъ быть, была здѣсь наивная, но искренняя вѣра, что разрывъ съ центромъ означаетъ дѣйствительный разрывъ съ консервативно-клерикальнымъ прошлымъ. Можетъ быть, былъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ убійственно тонкихъ тактическихъ приѣмовъ, непонятность которыхъ для простаго здраваго смысла возрастаетъ пропорціонально ихъ глубокомысленности и значительности. Но несомнѣнно одно. Три фракціи «рѣшительнаго» либерализма приняли на себя первоначальный грѣхъ «консервативно-либеральной эры» и съ нимъ и вошли черезъ богатую приключеніями избирательную кампанію въ новый парламентъ. Особыхъ радостей на этомъ пути онѣ не встрѣтили. Правда, имъ отпустили на тронѣхъ, главнымъ образомъ на соціалъ-демократическій счетъ, 14 лишнихъ депутатскихъ мѣстъ. Но зато пришлось бывать въ «смѣшанной» и довольно «теплой» компаніи, организовывать національные избирательные комитеты, находиться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ такими веселенькими учрежденіями, какъ «Имперскій союзъ для борьбы съ соціалъ-демократіей» и «Морской союзъ» и главное дѣлать видъ, что вѣришь этому забавному бюловскому анекдоту объ «анти-національной наглости неестественной партійной коалиціи». Пришлось пережить нѣчто еще худшее. Испытанный административный аппаратъ для «дѣланія выборовъ» работалъ, понятно, во-всю. Но его не захотѣли или забыли приспособить къ потребностямъ минуты. И рядовой прусскій чиновникъ, вполне равнодушный къ «скрещиванію консервативнаго и либеральнаго начала», дѣйствовалъ по добрымъ старымъ традиціямъ и давилъ всякаго, кто не хотѣлъ быть просто и только консерваторомъ. И если ему попадался либераль, онъ скручивалъ и его, какъ будто это былъ самый подлинный заурядъ-предатель, черный или красный.

II.

Возможно, что воздержаніе новыхъ политическихъ союзниковъ отъ сколько-нибудь категорическаго закрѣпленія основъ предположеннаго «консервативно-либеральнаго» курса было обусловлено однимъ дѣйствительно серьезнымъ обстоятельствомъ—неувѣренностью въ побѣдѣ. Исходъ выбо-

ровъ въ декабрѣ далеко не всѣмъ представлялся обезпеченнымъ. Говорятъ, что бывший президентъ рейхстага графъ Баллестрежъ, прощаясь съ чиновниками канцеляршн, сказалъ, указывая на предѣдательское мѣсто: «Въ новомъ рейхстагѣ здѣсь будетъ сидѣть господинъ Зингеръ». Известно, что такой умный и тонкій человекъ, какъ бывший статсъ-секретарь во внутреннимъ дѣламъ графъ Посадовскій съ большимъ скептицизмомъ относился къ затѣѣ имперскаго канцлера и, отговаривая отъ роспуска, настоятельно совѣтовалъ мириться съ центромъ. Такимъ образомъ побѣда надъ «черными и красными» явилась для многихъ приятною неожиданностью. Конечно, въ ней были кое-какіе пробѣлы. Черные вернулись въ парламентъ, не только не потерявъ ни одного мандата, но даже завоевавъ нѣсколько новыхъ. У социаль-демократовъ обнаружился абсолютный прростъ голосовъ въ четверть милліона, и только благодаря капризамъ избирательной геометршн численность ихъ фракціи сократилась съ 80 членовъкъ до сорока съ небольшимъ. Но главная задача была все же достигнута,—центръ и социаль-демократія даже вмѣстѣ съ поляками и отдѣльными неблагонадежными депутатами оказались въ абсолютномъ меньшинствѣ, а значить было налицо и абсолютное большинство, съ которымъ можно было вести политику или, по крайней мѣрѣ, рѣшать текущія дѣла. Это «національное» большинство успѣшило, такъ сказать, конституироваться, и совершенно очистило президіумъ отъ «анти-національных» элементовъ, при чемъ и объединенные «рѣшительные» либералы получили на свою долю второго вице-президента. Опять были высказаны тонкія и глубокомысленныя соображенія по поводу необходимости поставить во главѣ рейхстага именно консерватора. «Новому облику рейхстага,—говорилъ національ-либераль Бассерманъ,—долженъ соответствовать и новый президентъ. Народу было бы непонятно, почему мы вдругъ, несмотря на поражение, если и не партшн центра, то большинства 13 декабря, выбрали бы всетаки президента изъ той же фракціи, изъ которой онъ избирался до тѣхъ поръ». И опять этому обстоятельству больше всего радовались почему-то «рѣшительные» либералы, съ особымъ одушевленіемъ аплодировавшіе избранію графа Штольберга.

Но выборы президіума такъ и остались единственнымъ опредѣленнымъ и вразумительнымъ актомъ консервативно-либеральнаго блока въ первую половину года. Затѣмъ все продолжало обстоать по-старому, какъ будто 13 декабря никакого переворота въ политической жизни Германшн не произошло, и новый курсъ рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ того стараго консервативно-клерикальнаго курса, который—за исключеніемъ короткаго консульства Ваприви—держался уже около 30 лѣтъ. Князь Бюловъ сказалъ, впрочемъ, одну большую рѣчь, которую можно было принять и за програмное вступленіе въ новую эру, и вотъ какъ формулировалъ онъ въ ней свое отношеніе къ консервативно-либеральному блоку.—«Это большинство,—говорилъ онъ,—образовалось по вопросу, который для союзныхъ правительствъ является самымъ основнымъ,—по вопросу національному,

исходя отъ него и рассматривая его, какъ свою непоколебимую опору, большинство должно теперь прежде всего доказать свою способность къ положительной работѣ. Въ этомъ все дѣло. Только этимъ оправдываетъ оно свою избирательную побѣду, этимъ обезпечить оно себѣ длительное вліяніе, этимъ заслужить себѣ навсегда довѣріе народа. И если большинство будетъ дѣлать положительную работу, всякій руководитель политики государства долженъ будетъ считаться съ разнородностью его состава. Я, господа, буду съ нею считаться».—Но раскрывъ скобки и конкретно пояснивъ, что именно можетъ быть имъ предложено направо и налево, имперскій канцлеръ сразу показалъ, какъ неравны шансы составныхъ частей большинства. Направо было обѣщано нѣчто весьма осязательное и насущное — продолженіе старой экономической политики, т. е. какъ разъ того, что для «рѣшительнаго» либерализма было наиболѣе ненавистно въ старомъ режимѣ. То же, въ чемъ князь Бюловъ выразилъ готовность уступить налево, оказалось наоборотъ легковѣснымъ и для консерваторовъ наименѣе обременительнымъ. Здѣсь были: реформа права союзовъ и собраній, экономія въ расходахъ на армию, реформа уголовного права и судопроизводства, ограниченіе преслѣдованія за оскорбленіе величества, новый биржевой законъ и, наконецъ, здоровая, энергичная, свободная отъ предрасудковъ, разумная социальная политика. На первый взглядъ, какъ будто и много. Но тутъ необходимы существенныя поправки. Реформа уголовного права и судопроизводства была рѣшена и начата задолго до 13 декабря, и слѣдовательно никакого specialнаго отношенія къ «консервативно-либеральной эрѣ» не могла имѣть. Новое биржевое законодательство естественно такъ же—особенно при принципиальномъ продолженіи старой обще-экономической политики—уступкой либерализму едва ли могло считаться. И такъ какъ здоровая, а главное разумная социальная политика искони удачно сочеталась съ покровительствомъ земледѣльческому и промышленному магнату, а сокращеніе расходовъ на армию требовалось уже чисто бюджетными соображеніями, то новаго и специфически либеральнаго оставались одни пустяки. Имперскій законъ о союзахъ и собраніяхъ и уменьшеніе количества мелкихъ политическихъ дѣлъ—вотъ и все, чѣмъ должны были удовольствоваться «рѣшительные» либералы въ обменъ за поддержку правительства въ «національныхъ» вопросахъ и за молчаливое примиреніе съ дальнѣйшимъ финансовымъ безчинствомъ консервативныхъ и національ-либеральныхъ «Scharfmacher'овъ».

Не нужно, конечно, преувеличивать. Незначительность того, что было формально обѣщано либераламъ, не могла быть для нихъ тайной. Но они несомнѣнно рассчитывали самою силою вещей достичь большаго. Безспорно, наприм., уголовное право и судопроизводство были бы реформированы и безъ консервативно-либеральнаго блока. Но старое консервативно-клерикальное большинство навѣрно реформировало бы ихъ иначе и, разумѣется, гораздо хуже. Итакъ, повторяя это несложное рассужденіе по любому вопросу, можно было думать, что безъ особо широкихъ перспективъ и про-

грамныхъ замысловъ, даже просто въ предѣлахъ текущаго законодательства, либерализму удастся однимъ фактомъ своего участія въ работающемъ большинствѣ направить линію политической жизни страны влѣво. Всѣ три либеральныхъ фракціи стали на эту точку зрѣнія, закрѣпили свое «правительственное» положеніе и подчинили ему свою парламентскую тактику. Въ ней не замедлили обнаружиться самыя серьезныя измѣненія. «Доктринаризмъ», какъ здѣсь называютъ сколько-нибудь прямолинейное и категорическое исповѣданіе програмныхъ принциповъ, окончательно уступилъ у либераловъ мѣсто «реально-политическимъ» соображеніямъ. Повинуясь имъ и очевидно выполняя первую часть «программы» князя Бюлова, — закрѣпленіе «національной» позиціи—они вотировали всѣ бюджетныя требованія правительства на военныя и колоніальныя нужды, что, по крайней мѣрѣ для свободомыслящей народной партіи, означало коренную перемѣну фронта. Но они пошли дальше. Они совсѣмъ забыли о своихъ грозныхъ выпадахъ противъ элементовъ абсолютистскаго режима, и обвиненія и разоблаченія колоніальныхъ безобразій такъ и не были услышаны рейхстагомъ. Мало того, они загадочно молчали во время дебатовъ по социаль-демократическому запросу объ административномъ давленіи на выборы, помня очевидно о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго, и тѣмъ вновь приобщились къ первородному грѣху «консервативно-либеральной эры». И, наконецъ,—что было особенно многозначительно и чревато послѣдствіями—они взяли назадъ уже внесенное въ палату депутатовъ ландтага предложеніе о введеніи въ Пруссіи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Этотъ послѣдній шагъ либераловъ открывалъ совершенно неожиданныя стороны «консервативно-либеральной эры», которыя въ свое время были оставлены безъ вниманія. «Консервативно-либеральная эра» была открыта въ имперскомъ парламентѣ. Въ прусскомъ ландтагѣ о ней не упоминалось даже, да въ ней тамъ и не было непосредственной надобности, такъ какъ если въ рейхстагѣ 50 голосовъ свободомыслящихъ необходимы для образованія большинства противъ центра и социаль-демократовъ, то въ прусской палатѣ депутатовъ, благодаря счастливымъ свойствамъ избирательнаго закона, двѣ консервативныхъ группы и національ-либералы перевѣшиваютъ центръ и маленькія либеральныя группы на цѣлыхъ 150 голосовъ. Отсюда естественно вытекаетъ для князя Бюлова пріятная возможность быть консервативно-либеральнымъ канцлеромъ въ имперіи и реакціоннымъ министромъ-президентомъ въ Пруссіи. И поэтому установленіе имъ гармоніи между прусской и имперской политикой служило бы самымъ лучшимъ доказательствомъ искренности его обращенія въ консервативному либерализму, или либеральному консерватизму. И, наоборотъ, сохраненіе имъ стараго курса въ политикѣ государства, обнимающаго $\frac{2}{3}$ населенія имперіи и выполняющаго огромную массу культурныхъ и хозяйственныхъ функцій, подтверждало бы только предположеніе, что новое большинство въ рейхстагѣ нужно ему для чисто-личной цѣли—сохраненія за собой власти.

Отказъ либераловъ отъ обсужденія вопроса объ избирательномъ правѣ въ Пруссіи указывалъ на то, что лѣвое крыло блока считаетъ себя связаннымъ по отношенію къ своимъ союзникамъ и въ прусской политикѣ. Оставалось выяснитъ, готовы ли къ подобной тактикѣ и правительство и консерваторы, то-есть готовы ли они на уступки либераламъ въ области прусскихъ вопросовъ.

Два особо существенныхъ въ этомъ отношеніи пункта намѣтили еще во время бюджетныхъ преній южно-нѣмецкій демократъ Пайеръ, указавшій на реакціонную школьную политику министра народнаго просвѣщенія Штудта и опять-таки на уродливое трехклассное избирательное право, какъ на вещи, съ которыхъ слѣдовало бы начать. Вопросъ объ избирательномъ правѣ—безконечно болѣе важный и основной—былъ пока отложенъ. На первую очередь поставили Штудта. Можно было бы, пожалуй, найти въ составѣ прусскаго кабинета и болѣе яркую фигуру, чѣмъ стараго и всѣмъ надобѣвшего министра народнаго просвѣщенія. Достаточно назвать хотя бы министра финансовъ Рейнбабена, человека со значительно большимъ одушевленіемъ, съ значительно болѣею силой представляющаго интересы феодально-реакціонной клики. Но низверженіе его, повидимому, а ргіогі оказалось слишкомъ серьезной задачей, особенно въ виду того, что сфера экономической политики была съ самаго начала объявлена неприкосновенной для либераловъ. Они предпочли направить свои усилія по линіи наименьшаго сопротивленія и съ прекращеніемъ занятій рейхстага весною стали устраивать невѣроятный шумъ вокругъ отставки Штудта, одинъ изъ декоративныхъ шумовъ, которые должны отгнѣять наступающій вслѣдъ за ними драматическій эффектъ.

Эффектъ былъ достигнутъ. Лѣвомъ Штудтъ вышелъ въ отставку, и преданная блоку печать получила возможность переворачивать и смаковать это событіе на всѣ лады, прославляя въ немъ первый крупный успѣхъ «консервативно-либеральной эры». Ликованіе длилось, однако, недолго и не внушало къ себѣ особаго довѣрія. Съ одной стороны, консервативныя газеты весьма дѣловито и убѣдительно выяснили, что Штудтъ ушелъ бы во всякомъ случаѣ, въ виду своего преклоннаго возраста, и что съ простымъ фактомъ его ухода никакого измѣненія системы еще не связывается. Съ другой—назначенный его преемникомъ товарищъ министра общественныхъ работъ былъ лишенъ сколько-нибудь определенной политической фізіономіи, и какъ исполнительный чиновникъ, могъ великолѣпно проводить на выборъ старую и новую систему. Приходилось, значить, искать дополнительныхъ признаковъ, и эти признаки—уже въ имперіи—были налицо, и нерадостные. Въ одинъ день со Штудтомъ неожиданно для публики и для самого себя получилъ отставку имперскій статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ графъ Посадовскій. Въ его лицѣ ушелъ изъ рядовъ правительства Германіи не только послѣдній крупный человекъ съ задатками государственнаго дѣятеля въ полномъ смыслѣ слова, но и единственный министръ, который дѣйствительно могъ бы явиться носителемъ

«консервативно-либеральной» идеи. Ибо, будучи консерваторомъ, Посадовскій обладалъ и тѣми свойствами, которыя, какъ кажется, существенны именно для либерализма,—пониманіемъ вѣчно зовущихъ впередъ требованій времени и искреннею готовностью въ предѣлахъ своего міросозерцанія считаться съ ними. Онъ былъ единственнымъ министромъ и однимъ изъ немногихъ «буржуазныхъ» политиковъ Германіи, понимавшимъ, что безъ «соціальной политики» невозможна въ современномъ государствѣ никакая осмысленная политика вообще. Даже принципиальные его противники, до социаль-демократовъ включительно, съ уваженіемъ признавали въ немъ то чутье къ социальнымъ проблемамъ современности, недостатокъ котораго загубилъ уже не одну нѣмецкую политическую грушу, не одного нѣмецкаго политическаго дѣятеля. «Министръ для соціальной политики», такъ называли его. И нужно ли говорить, что этотъ просвѣщенный и выдающійся человекъ былъ давно уже бѣлымъ на глазѣ у консервативныхъ и національ-либеральныхъ «Scharfmacher'овъ», и что держали его только потому, что, пока въ правительственномъ большинствѣ состоялъ центръ, приходилось, считаясь съ классовой разнородностью его избирателей, дѣлать «соціальную политику». Но мѣсто центра заняли либералы, и Посадовскаго прогнали, безъ соблюденія элементарныхъ приличій, за нѣсколько дней до десятилѣтняго юбилея его министерской дѣятельности. И опять значеніе его ухода было консерваторами не скрыто, а подчеркнута. На недоумѣвающіе вопросы либеральной прессы, какъ же согласить существованіе «консервативно-либеральной эры» съ устраненіемъ изъ среды правительства типичнаго консерватора-либерала, *Kreuz Zeitung* отвѣчала, весело высмѣивая легенду о «новомъ курсѣ». «Новый курсъ?» Сохрани Боже, ничего подобнаго не было и нѣтъ, и никто никакого новаго курса не обѣщалъ. Просто либераламъ дана возможность засвидѣтельствовать свои «національныя» качества, и пока что—имъ и слѣдовало бы этимъ заняться, а не предъявлять какія-то несуразныя требованія по поводу отставки человека, заводившаго «разумную» соціальную политику на явно «опасные» пути. Такъ отводила себѣ душу благочестивая *Kreuz Zeitung* и дружно вторила ей благородный *Reichsbote*.

Нѣкоторымъ «рѣшительнымъ» либераламъ это показалось, наконецъ, нестерпимымъ. Отказъ отъ обсужденія вопроса объ избирательномъ правѣ въ Пруссіи вызвалъ уже извѣстное смятеніе въ ихъ рядахъ, и бывшій національ-социаль Фридрихъ Науманъ въ своей «Hilfe» рѣзко осуждалъ его. Теперь разочарованіе по поводу личныхъ перемѣнъ въ составѣ правительства опять возбудило сомнѣнія и колебанія. И какъ ни старались фанатики блока, жевавшіе на страницахъ *Vossische Zeitung* какую-то томную жвачку о враждебности Посадовскаго самой идеѣ «консервативно-либеральной эры», успокоить страсти, въ лагерь «рѣшительнаго» либерализма зашевелились. Тотъ же Науманъ, вошедшій въ исторически болѣе «правую», но фактически болѣе вѣрную демократическимъ идеаламъ либеральную фракцію—«въ свободомыслящій союзъ», открылъ кампанію. Онъ

внезапно выступилъ въ *Berliner Tageblatt* со статьей, въ которой категорически и горячо доказывалъ, что только за одну цѣну можетъ либерализмъ давать дальше правительству свою поддержку—за всеобщее избирательное право въ Пруссіи; блокъ долженъ добыть это право или не долженъ вовсе существовать. Время было лѣтнее, политика дѣлалась по семейному, безъ излишней тонкости и безъ постоянного наблюденія то карающаго, то милующаго князя Бюлова, и вѣроятно, благодаря всему этому, Науманъ имѣлъ успѣхъ. Въ мюнхенскомъ журналѣ *März* его энергично поддержалъ южно-нѣмецкій демократъ Гаусмапъ. Старикъ Трагеръ изъ свободномыслящей народной партіи пошелъ дальше и предложилъ лозунгъ «все или ничего». И еще нѣсколько *dii minores* изъ скромныхъ хотя и «рѣшительныхъ» либераловъ тоже выразили готовность сейчасъ же, немедленно не на жизнь, а на смерть «бороться» за всеобщее избирательное право, и даже худосочный обликъ никѣмъ не читаемой партійно-офиціозной *Freisinnige Zeitung* сталъ оживляться непривычнымъ румянцемъ. «Политика вымогательства», «гусарскій набѣгъ», «измѣна отечеству», «революрная политика»—вотъ на удачу нѣсколько изъ тѣхъ любезныхъ выраженій, которыми встрѣтили консерваторы оживленіе либерализма. И среди глубокаго недоумѣнія—какъ же быть дальше съ «консервативно-либеральной эрой»—закончили новые союзники сезонъ, который на здѣшнемъ политическомъ жаргонѣ забавно называется «Sauere-Gurke-Zeit».

III.

Печальныя событія въ средѣ правительственныхъ партій вызвали быстрое и рѣшительное вмѣшательство человѣка, для котораго сохраненіе новаго парламентскаго большинства является вопросомъ непосредственнаго личнаго интереса. Князь Бюловъ не дремалъ. Онъ проводилъ время въ Нордернеѣ и признаковъ упадка духа и разочарованія отнюдь не обнаруживалъ. Онъ далъ сотруднику *Figaro* Жюлю Гюрэ большое политическое интервью, въ которомъ на-ряду съ глубокомысленными правительственными максимами, вродѣ той, что ему было бы гораздо пріятнѣе управлять людьми, однородными въ мельчайшихъ подробностяхъ одежды, высказалъ и весьма оптимистическія сужденія о будущемъ «консервативно-либеральной эры». «Наши консерваторы и либералы,—со свойственной единственно ему жизнерадостной увѣренностью говорилъ онъ, гуляя съ интервьюеромъ по берегу моря,—вовсе не такъ ужъ другъ отъ друга отличаются. Правда, они расходятся въ экономическихъ вопросахъ, такъ какъ консерваторы—протекціонисты, а либералы—за свободу торговли. Но разъ торговые трактаты сохраняютъ силу еще на 6 лѣтъ, этихъ вопросовъ касаться сейчасъ нечего. А обо всемъ прочемъ можно столковаться».

И князь Бюловъ дѣйствительно сосредоточилъ всю свою дипломатическую ловкость на томъ, чтобы «столковаться». Прежде всего, очевидно не безъ его участія офиціозы стали энергично поддерживать ком-

панію консервативной печати противъ безпокойныхъ либеральныхъ элементовъ, то предьявляя южнымъ демократамъ отводъ по некомпетентности, то намекая на опасности, создаваемыя «новому курсу» чрезътѣрными требованіями, то откровенно грозя призракомъ возвращенія центра къ власти. А самъ князь Бюловъ тѣмъ временемъ приглашалъ къ себѣ на островъ одного парламентарія за другимъ, чередуя консерватора Нормана съ демократомъ Пайеромъ, національ-либерала Бассермана съ свободомыслящимъ Кэмпфомъ, и велъ съ ними «совершенно серьезныя» переговоры. Объ этихъ переговорахъ шли самыя фантастическія слухи, съ ними переплетались краснорѣчивыя разсужденія преданныхъ имперскому канцлеру газетъ объ огромной важности непосредственныхъ сношеній главы правительства съ различными, и даже—небывалая вещь!—съ либеральными политиками. И все вмѣстѣ создавало впечатлѣніе, будто дѣйствительно совершается нѣчто значительное, будто закрѣпляются какія-то соглашения и даются какія-то обѣщанія, которымъ сохрани Богъ помѣшать излишнею нервностью, которая требуетъ серьезнаго, сосредоточеннаго спокойствія. Спокойствіе и въ самомъ дѣлѣ наступило. По всей либеральной линіи былъ пробить отбой, безпокойныя натуры были призваны къ порядку, прошедшее было объявлено недоразумѣніемъ. Консерваторы отвѣтили такимъ же прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, и внѣшній, по крайней мѣрѣ, миръ былъ восстановленъ.

Тогда естественно наступилъ чередъ дальнѣйшихъ, болѣе радикальныхъ мѣропріятій, направленныхъ на то, чтобы предупредить самую возможность новыхъ конфликтовъ въ будущемъ. Предстояло довести до конца «усмиреніе своенравной», забрать «рѣшительный» либерализмъ въ ежовыя рукавицы. За время существованія блока въ либеральныхъ фракціяхъ произошла обычная въ подобныхъ случаяхъ дифференціація. Старые «непреклонные» дѣятели какъ-то ступевались, и на первыя, руководящія мѣста выдвинулись безвѣстные *homines novi*, которые вмѣстѣ со множествомъ другихъ бесспорно превосходныхъ качествъ обладаютъ еще и драгоценнымъ знаніемъ того, «гдѣ раки зимуютъ». Въ нихъ вѣрныя руки и нерешло довершеніе блестяще начатаго дѣла. Время было какъ разъ подходящее, начало осени, когда въ Германіи, кто можетъ, ѣдетъ на конгрессъ или съѣздъ своей организаціи, когда съѣзжаются христіанскіе приказчики, нѣмецкіе евреи, доктора, адвокаты, католики, все-нѣмцы, анти-алкоголики, социал-демократы. Либеральныя партіи обыкновенно не часто собираются на съѣзды. Ихъ малочисленность, незначительность ихъ организацій, а главное отсутствіе до сихъ поръ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на «большую политику» позволяло имъ воздерживаться отъ сложныхъ и грозовыхъ партійныхъ конгрессовъ. Но пережѣна общаго политическаго положенія въ особенности обнаружившіяся за лѣто колебанія и разногласія настоятельно требовали санкціонированія новыхъ тактическихъ пріемовъ авторитетными и общеобязательными постановленіями высшихъ партійныхъ инстанцій.

Первымъ не только хронологически, но и по симптоматическому своему значенію явился берлинскій съѣздъ свободомыслящей народной партіи, несущей на себѣ тяжелое бремя традицій старыхъ прогрессистовъ и завѣтовъ славнаго парламентскаго бойца Евгенія Рихтера. Впрочемъ, декадансъ ея начался еще въ послѣдніе годы жизни Рихтера, который былъ глухъ къ социальнымъ проблемамъ и своимъ упрямымъ мащестерствомъ довелъ партію до раскола и до утраты связей съ широкими массами населенія. Но за нею оставались довольно острый и блестящій радикализмъ въ области чисто политической и критическое отношеніе къ милитаризму, маринизму, колониальной и мировой политикѣ и другимъ такъ называемымъ «національнымъ» вопросамъ. Вступленіе въ блокъ стоило партіи рѣшительнаго отказа отъ этихъ «анти-національныхъ» точекъ зрѣнія. Осенній съѣздъ прикончилъ и послѣднюю видимость демократическаго радикализма. Поскольку имѣлись въ партіи демократическія тенденціи, онѣ всѣ сконцентрировались вокругъ борьбы за всеобщее избирательное право въ Пруссіи. Съѣздъ и сдѣлалъ все возможное для того, чтобы подрѣзать у этой борьбы корни, лишить ее полета и одушевленія, и успѣлъ въ этомъ. Здѣсь прежде всего весьма удачно использовали игру партійныхъ самолюбій. Кампанія Наумана была представлена, какъ попытка присвоить національ-соціаламъ и родственному имъ свободомыслящему союзу монополию истиннаго пониманія идеаловъ «рѣшительнаго» либерализма. А затѣмъ противъ неосторожностей послѣдовательной демократической политики выставили тяжелую артиллерию соображеній о мудрой «постепенности» и о воздержаніи отъ «демагогическихъ» пріемовъ. Наконецъ—что было особенно важно для утвержденія доброй репутаціи партіи въ глазахъ правыхъ союзниковъ,—послѣдовало многократное, настойчивое отмежеваніе отъ социаль-демократіи съ гениальнымъ прозрѣніемъ въ социаль-демократическомъ движеніи въ пользу всеобщаго избирательнаго права какихъ-то «ловушекъ» и «удочекъ». Специализировавшійся по этой части депутатъ Фишбекъ, повторяющій ошибки Евгенія Рихтера безъ признаковъ его таланта и темперамента, раскрылъ, надо думать, невольно и секретъ того, почему партіи такъ необходимо «равняться направо» и «дунуть и плюнуть» на крайнюю лѣвую. «Громкими словами, сказалъ онъ, мы можемъ только оттолкнуть отъ себя общественныя группы, которыя привлекали къ себѣ на послѣднихъ выборахъ».—Это звучало довольно злой ироніей—эпитетъ «громкія слова» для характеристики борьбы за всеобщее избирательное право въ примѣненіи къ группамъ, поддерживающимъ партію «рѣшительнаго» либерализма, но это было откровенно. Партія, усилившаяся благодаря «національнымъ» гартелямъ съ самой черной реакціей и полагающаяся только на компромиссы съ ней, должна воздерживаться отъ «громкихъ словъ». При этихъ условіяхъ хорошо уже и то, что, «единодушно» водворивъ у себя порядокъ и зачуравшись отъ «экстравагантностей», она могла лишній разъ «оговорить» принципы и засвидѣтельствовать свою вѣрность программѣ.

Нѣсколько хуже прошелъ съѣздъ нѣмецкой народной партіи въ Бон-

станцѣ. Ютящаяся исключительно въ южныхъ государствахъ, гдѣ вообще дышится привольѣе, чѣмъ на феодальномъ сѣверѣ, и гдѣ въ широкихъ условіяхъ маленькихъ, уютныхъ странъ оказались возможными не только всеобщее избирательное право, но и парламентскія соглашенія всѣхъ лѣвыхъ группъ до социаль-демократовъ включительно, она сохранила, пожалуй, максимумъ народности, совмѣстимый съ нѣмецкимъ либерализмомъ. И потому такого трогательнаго и тихаго единодушія, какъ у свободомыслящихъ въ Берлинѣ, здѣсь не оказалось. Напротивъ, нашелся среди участниковъ съезда депутатъ баденскаго ландтага Венедей, который выразилъ надежду, что «бюловскій блокъ скоро перестанетъ существовать», и недѣлные бурные аплодисменты и восторженные возгласы присутствующихъ привѣтствовалъ «грядущій союзъ всѣхъ истинныхъ друзей свободы, всѣхъ либераловъ и демократовъ». Нашелся депутатъ баварскаго ландтага профессоръ Квидде, говорившій тоже о наступленіи «дня, который принесетъ съ собою естественную группировку партій», и совѣтовавшій «держать порогъ наготовѣ для борьбы съ реакціоннымъ правительствомъ и реакціоннымъ большинствомъ рейхстага». Но въ концѣ-концовъ и здѣсь настроеніе противъ блока не одержало верха, и officialный глава партіи Фридрихъ Паеръ могъ закрыть дебаты по общей политикѣ удостовѣреніемъ, что «въ добрыхъ намѣреніяхъ князя Бюлова сомнѣваться не приходится», и что, «такъ какъ гибель блока принесла бы выгоды лишь центру и социаль-демократіи, либерализмъ обязанъ честно пытаться сотрудничать съ консерваторами».

Такъ кончалось позднюю осенью «въ ничто» лѣтнее оживленіе «рѣшительнаго» либерализма. «Сомкнутыми рядами» и совершенно «единодушный, вѣрный своимъ принципамъ и программамъ», съ одной надеждой на «добрыя намѣренія князя Бюлова» и на сотрудничество съ реакціонерами, вотъ какъ онъ шелъ навстрѣчу новой парламентской сессіи. Князь Бюловъ былъ доволенъ. «Союзники правительства», конечно, пребывали безстрастными, но радовались національ-либераламъ. А радости и горести этой партіи неразрывно связаны съ соответствующими настроеніями «сферъ». Это давно уже замѣченный и безусловно вѣрный признакъ, что, если національ-либераль «ходитъ весело», значитъ, плохо приходится либерализму. А національ-либеральный съездъ въ Висбаденѣ былъ на этотъ разъ однимъ сплошнымъ «громъ побѣды раздавался». Впрочемъ, кое-гдѣ за безцвѣтной декорацией officialнаго представительства либерализма продолжала теплится жизнь. Не вокругъ Наумана. Онъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ оправдать репутацію «револьвернаго» политика и на большомъ собраніи, устроенномъ во Франкфуртѣ 10 ноября объединенными либералами, закончилъ свой «гусарскій набѣгъ» съ такою же стремительностью, съ какою началъ его, засвидѣтельствовавъ свое полное согласіе съ тактикой прочихъ «вождей». Крамола наша себя пріютъ возлѣ стараго грѣшника Барта. Только что вернувшись изъ Америки, онъ бысе освоился съ положеніемъ и, пользуясь такимъ гибкимъ и цѣннымъ инстру-

ментомъ, какъ *Berliner Tageblatt*, повелъ съ небольшою группою преданныхъ друзей и послѣдовательныхъ демократовъ свою особую линію. Пока что, это было скромно. Просто то тамъ, то здѣсь мѣстныя организаціи свободомыслящаго союза начали устраивать агитаціонныя собранія, упорно выносившія однородныя резолюціи о томъ, что единственною цѣлью блока, изъ-за которой только и можно его терпѣть, остается добыть всеобщее избирательное право для Пруссіи. Офіціальный либерализмъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ и не слышитъ. Онъ попрежнему готовился подъ единымъ, но троечнымъ въ лицахъ, руководствомъ славныхъ Фишбека, Вимера и Коппа, въ честномъ сотрудничествѣ съ реакціонерами добывать краснаго и чернаго врага.

IV.

Почти одновременное начало сессіи рейхстага и прусскаго ландтага не принесло съ собою чего-либо новаго. Въ имперіи былъ блокъ, блокъ замиренный и обезвреженный; въ Пруссіи никакого блока не было. Сообразно съ этимъ въ рейхстагѣ произносились «консервативно-либеральныя» бюджетныя рѣчи, со всѣми необходимыми оговорками въ пользу «принциповъ», и князь Бюловъ кокетничалъ «страстными», какъ ихъ характеризовали въ печати, выпадами противъ центра; въ ландтагѣ тотъ же князь Бюловъ съ такою же страстностью защищалъ новое мѣропріятіе безсовѣстной и безсмысленной противоположной «гаватистской политикѣ» — экспропріацію польскихъ земель для укрѣпленія германскаго элемента. И все это виѣсть разсматривалось, какъ нормальное развитіе «консервативно-либеральной эры».

Это развитіе было ускорено внезапнымъ «кризисомъ», именно ускорено и направлено къ своей естественной цѣли, а не прервано и не подвергнуто опасности, какъ показалось многимъ на первый взглядъ. «Кризисъ» начался довольно неожиданно съ національ-либераловъ, только что съ большою увѣренностью провозгласившихъ себя «зерномъ» блока. Впрочемъ, возможно, что именно большая увѣренность и довела ихъ до бѣды. Когда дѣло обстоитъ такъ прочно, нельзя ужъ будто и побаловаться? Первымъ побаловался изъ нихъ Бассерманъ, чрезвычайно удачно выбравъ объектъ баловства. Весьма равнодушный къ политическимъ своимъ правамъ и потому готовый простить блоку всякій грѣхъ въ этомъ направленіи, нѣмецкій обыватель очень чутокъ къ своимъ экономическимъ интересамъ. «Испытанная финансовая политика», которая покоится на двухъ китахъ — высокихъ таможенныхъ пошлинахъ и косвенномъ обложеніи, и въ угоду аграріямъ объявлена неприкосновенной, жестоко бьетъ его по карману вздорожаніемъ предметовъ первой необходимости. Поэтому, когда осенью обнаружилась неизбѣжность новыхъ налоговъ для балансированія имперскаго бюджета, обыватель впалъ въ безпокойство. Бассерманъ и явился проводникомъ обывательскихъ желаній, съ большою категоричностью высказавшись за то, чтобы правительство обратилось, наконецъ, къ спра-

ведливому сочетанію косвенныхъ налоговъ съ прямыми. Преступнаго въ этомъ, конечно, ничего не было. Но разсужденія національ-либеральнаго депутата затрагивали финансовое вѣдомство, которое, кажется, нигдѣ не позволяетъ съ собой шутить и пустяками вродѣ какого-нибудь блока не смущается. И выступленіе Бассермана стоило ему жестокой отповѣди прусскаго министра Рейнбабена, обвинявшаго его ни болѣе, ни менѣе, какъ въ «соціаль-демократическихъ тенденціяхъ». Не успѣло улечься возбужденіе по поводу этого инцидента, какъ произошло новое несчастье. Консерваторъ Кретъ, очевидно забывъ о необходимости «скрещивать консервативное начало съ либеральнымъ», а, можетъ быть, и по органической своей неспособности къ подобной операци, въ засѣданіи рейхстага 3 декабря такъ налегъ на «испытанную финансовую политику», что оказался совершенно невыносимымъ для тѣлаго крыла блока. Противъ него былъ выставленъ Готтейнъ, не только специалистъ по финансовымъ вопросамъ, но и одинъ изъ отчаяннѣйшихъ либеральныхъ еретиковъ. И правая часть рейхстага встрѣтила его такимъ шумомъ, а самъ онъ сказалъ свое возраженіе въ такомъ тонѣ, что получалось уже впечатлѣніе скандала.

Скандалъ довершилъ «тишайшій» національ-либераль Пааше. Судьбѣ угодно было, чтобъ этотъ столпъ мирной «дѣловой» политики состоялъ въ свойствѣ съ другимъ національ-либераломъ и тайнымъ совѣтникомъ Виттингомъ, на дочери котораго женатъ его сынъ. Это было бы ничего себѣ, если бы Виттингъ былъ просто Виттингъ. На самомъ же дѣлѣ Виттингъ это то же, что Витковскій, а Витковскій—то же, что Гарденъ. Ибо совсѣмъ недурную фамилію Витковскій носили когда-то два родныхъ брата, переименовавшихся затѣмъ одинъ въ Гардена, другой въ Виттинга. Надо думать, что именно этимъ неблагоприятнымъ для блока обстоятельствомъ и объясняется то, что въ день произнесенія Пааше его бюджетной рѣчи въ карманѣ у него находилось нѣсколько документовъ, копій съ которыхъ Гарденъ только что передъ тѣмъ предъявилъ судебному слѣдователю въ Потсдамѣ при допросѣ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу объ извѣстныхъ «гомосексуальныхъ» скандалахъ въ арміи. И вотъ въ этихъ документахъ національ-либеральный вице-президентъ рейхстага и почерпнулъ вдохновеніе для критики рѣчи военнаго министра, который еще наканунѣ отозвался полнымъ незнапемъ о ходѣ слѣдствія въ Потсдамѣ. Критика была, быть можетъ, тономъ выше обычнаго «дѣловаго» краснорѣчія національ-либераловъ, но прямою опасностью блоку никакъ не могла считаться. А кромѣ нея Пааше, если что и позволилъ себѣ, то только защиту своего товарища по партіи Бассермана. Мало того, онъ самъ призывалъ къ примиренію и спокойствію и осуждалъ рѣзкія выходки отдѣльных представителей блока другъ противъ друга.

Несмотря на сравнительную невинность этихъ парламентскихъ недоразумѣній, князь Бюловъ счелъ опять цѣлесообразнымъ вмѣшаться и пользоваться положеніе. 4 декабря утромъ онъ явился въ рейхстагъ и, при-

гласивъ на совѣщаніе лидеровъ консервативныхъ и либеральныхъ фракцій, сообщилъ имъ, что ему «представляется безнадежнымъ вести дальше дѣла въ духѣ основанной 13 декабря 1906 года политики, если призванныя къ сотрудничеству партіи будутъ продолжать по вчерашнему образцу бороться другъ съ другомъ и съ правительствомъ». Онъ далъ затѣмъ понять, что готовъ немедленно препроводить императору прошеніе объ отставкѣ и что «только недвусмысленное выраженіе партіями блока довѣрія ему сдѣлаетъ для него возможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ должности». Вслѣдъ за этимъ онъ покинулъ рейхстагъ, и руководство событіями перешло вновь въ испытанныя руки «вождей». Въ засѣданіи рейхстага въ этотъ день дали только военному министру сказать очень благородную и негодующую рѣчь въ отвѣтъ на нападки Пааше. А потомъ, несмотря на энергичные протесты ни о чемъ не подозревавшего меньшинства, провели отсрочку засѣданія. Менѣе искусный Вимеръ мотивировалъ требованіе отсрочки «важными политическими событіями». Болѣе искусный Бассерманъ утверждалъ, что отсрочка необходима будто бы потому, что необыкновенно многозначительная рѣчь военного министра должна быть немедленно обсуждена на фракціонныхъ совѣщаніяхъ. Какъ бы то ни было, отсрочка была принята, и заинтересованныя фракціи могли осмотрѣться и столковаться. Ихъ совѣщанія длились недолго, и уже къ вечеру стали извѣстны не только ихъ принципиальныя рѣшенія, но и программа ближайшаго дня. Всѣ консервативныя и либеральныя группы согласились и впредь поддерживать политику блока, теперь уже формально признанную связанной съ личностью князя Бюлова. Въ этомъ смыслѣ и поручено было сдѣлать въ самомъ началѣ слѣдующаго засѣданія одному консерватору, одному національ-либералу и одному свободомыслящему. Кроме того было рѣшено допустить еще только двѣ бюджетныя рѣчи—Гребера отъ центра и Мюллера отъ либераловъ, чтобъ затѣмъ прекратить пренія.

Такъ оно и случилось въ засѣданіи 5 декабря, одномъ изъ самыхъ бурныхъ засѣданій, когда-либо происходившихъ въ стѣнахъ германскаго рейхстага. Безсильное противъ сомкнутаго большинства блока, маюризмуемое при каждой попыткѣ протеста, меньшинство изъ центра и социаль-демократовъ аккомпанировало спенѣ выраженія довѣрія князю Бюлову совершенно невѣроятнымъ шумомъ и хохотомъ. Депутатамъ Норману, Бассерману и Вимеру, конечно, никогда раньше не приходилось вызывать своими рѣчами такихъ бурныхъ манифестацій, какъ въ этотъ день. Ихъ короткія заявленія были почти тождественны и различались только въ подробностяхъ.

Консерваторы со всѣми близкими имъ группами заявляли, что они «попрежнему готовы искренно и честно участвовать въ политикѣ блока, поскольку она совѣстима съ ихъ убѣжденіями». Националь-либералы «признавали попрежнему политическую необходимость сотрудничества консерваторовъ и либераловъ». «Рѣшительные» либералы, вызвавшіе особо бурное веселье меньшинства, были «единодушно намѣрены продолжать

поддерживать политику блока съ сохраненіемъ своихъ политическихъ принциповъ». Затѣмъ дѣйствительно выжидали, чтобъ Греберъ и Миллеръ отказались отъ слова и гильотинировали пренія, зажавъ ротъ, между прочимъ, такому крупному и опасному противнику, какъ Бебель. Этотъ въ высокой мѣрѣ неприличный актъ блока, напомилавшій по своей безцеремонности развѣ скорбные дни обструкціи противъ таможенного тарифа, достойно закончилъ день новаго закрѣпленія консервативно-либеральной эры, отъ которой «рѣшительный» либерализмъ ожидалъ успѣховъ для дѣла прогресса и свободы.

«Консервативно-либеральная эра» прошла, такимъ образомъ, послѣднюю стадію своего развитія и ровно черезъ годъ существованія—до года не хватило лишь восьми дней—родилась вторымъ, высшимъ рожденіемъ, очищенная, просвѣтленная, опредѣленная, оформленная. Вмѣсто фантазмагоріи, мечты, идея, налицо было нѣчто осязаемое, конкретное. 13 декабря 1906 г. въ рукахъ у князя Бюлова оказалось только всего случайное парламентское меньшинство, которое внушило ему счастливую мысль попытаться превратить его въ большинство и утвердить на немъ свое ншатнувшееся положеніе, для чего пришлось еще сочинять легенду о «сращиваніи консервативнаго и либеральнаго начала», травить старыхъ долгодѣльныхъ союзниковъ, вообще безпокоиться. 5 декабря 1907 года у него въ рукахъ было это самое большинство, но уже не случайное и проходящее, а связанное съ нимъ крѣпкими, неразрывными узами и, главное, вполне самодовлѣющее, ни въ чемъ не нуждающееся и ничего не требующее. Князь Бюловъ стоитъ теперь твердо на своемъ мѣстѣ и нѣтъ дѣйствительное основаніе похваляться своимъ, вошедшимъ въ поговорку, счастіемъ. Базавшаяся такой сложной и рискованной операціи «очищенія атмосферы» продѣлана имъ шутя, безъ програмныхъ выкладокъ и планомерныхъ дѣйствій, безъ утомленія мысли и напряженія воли, одними маленькими средствами «ловящей моментъ» дипломатіи. И съ какими успѣхомъ! Счетъ прибылей и убытковъ «союзныхъ правительствъ» Германіи находится въ небывало благопріятномъ состояніи. Не только охранены старые «крупные правительственные принципы». Удалось даже обогатить ихъ коллекцію нѣсколькими новыми экземплярами, изъ которыхъ, какъ увѣряютъ газеты, принципъ неприкосновенности прусскаго военнаго министра ставится имперскому канцлеру въ особую заслугу. Вновь рѣшительно закрѣплена «испытанная финансовая политика», и ожидается дальнѣйшее развитіе ея нѣсколькими косвенными налогами. Новый либеральный законъ о союзахъ и собраніяхъ оживленъ веселенькимъ параграфомъ, удачно урѣзывающимъ публичные права гражданъ, не владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ. Расходы на армію благополучно растутъ. Соціальная политика не представляетъ больше никакихъ опасностей, за полнымъ ея прекращеніемъ. Реформа уголовного права и судопроизводства гдѣ-то къмъ-то продолжаетъ разрабатываться. И это все достигнуто цѣною одного, быть можетъ, не совсѣмъ безупречнаго, но оправдываемаго «государ-

ственными» соображеніями поступка—вовлеченія въ невыгодную сдѣлку добраго, но слабого и наивнаго существа, извѣстнаго подъ кличкою «рѣшительный либерализмъ».

V.

Въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ извѣстно, необыкновенно богатомъ и гибкомъ съ точки зрѣнія терминологіи, было нетрудно найти нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ выраженій для характеристики существа консервативно-либеральнаго блока. Его называли «Zweckverband». Это вызывало представленіе о томъ, что при помощи блока достигаются какія-то цѣли, и позволяло каждой участвующей въ дѣлѣ сторонѣ думать, что рѣчь идетъ именно о ея цѣляхъ. Блокъ называли «Taktisches Zusammengehen». Это было также недурно, такъ какъ ласкало духъ воспоминаніями о глубокомысленныхъ и недоступныхъ простому здравому смыслу тактическихъ приемахъ. Еретики изъ «рѣшительныхъ» либераловъ предлагали латинскій терминъ «Societas leonina». Но за послѣднее время стало приобрѣтать въ либеральномъ лагерѣ особую силу совершенно новое теченіе въ пользу того, чтобъ блокъ вообще никакъ не называть и признавать его какъ бы не существующимъ, не переставая практически поддерживать его политику. Въ этому предложенію приходятъ приблизительно слѣдующимъ способомъ. Договора, формальнаго соглашенія о блокѣ, говорятъ, нѣтъ. Значитъ, все дѣло только въ томъ, что «рѣшительный» либерализмъ, «von Fall zu Fall», опредѣляя свое отношеніе къ данному политическому вопросу на основаніяхъ чисто-дѣловыхъ и принципиальныхъ, даетъ свою поддержку правительству или отказываетъ ему въ ней. Такъ, онъ согласенъ на новый законъ о союзахъ и собраніяхъ, но, понятно, отвергаетъ его седьмой параграфъ, по крайней мѣрѣ, въ правительственной редакціи; и тѣмъ болѣе, конечно, онъ будетъ вотировать противъ закона объ экспроприаціи польскихъ земель. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствительно думаетъ, что правительство въ виду рѣзко оппозиціоннаго поведенія центра вынуждено считаться съ 50 либеральными голосами въ рейхстагѣ, и не отказывается поэтому отъ извѣстной сдержанности по отношенію къ правительству и консерваторамъ, чтобъ облегчить имъ дѣловое съ нимъ сотрудничество. Вотъ и все.

Это звучитъ, правда, гладко, но и слишкомъ наивно въ то же время, чтобы кого-нибудь утѣшить. Если разсуждать такъ, то нетрудно придти къ заключенію, что не только консерваторы и либералы, но и центръ, и социаль-демократія,—словомъ, весь рейхстагъ, поскольку въ составъ его входятъ средне-нормальные люди, образуютъ одинъ всеобъемлющій и хроническій блокъ. Ибо, что же представляетъ собою парламентская дѣятельность всякой партіи, до самой оппозиціонной включительно, какъ не то, что она по дѣловымъ и принципиальнымъ соображеніямъ отвергаетъ или поддерживаетъ то или иное рѣшеніе? Если въ годъ «консервативно-либеральной эры» даже центру, и даже социаль-демократамъ приходилось во-

тировать не только противъ предложеній, исходившихъ отъ правительства и правительственныхъ партій, но иногда и за нихъ, то вѣдь это все-таки не мѣшало тому, чтобъ въ рейхстагѣ отчетливо различались двѣ группы—«блока» и «анти-блока».

Да и какъ бы ни называть ту партійную коалицію, которая вотъ уже годъ господствуетъ въ имперскомъ парламентѣ, даже если ея вообще никакъ не называть, это не можетъ ничего отнять у факта огромной важности, что коалиція эта существуетъ, и что существованіе ея принесло уже совершенно очевидные результаты. Я имѣю сейчасъ въ виду даже на непосредственные плоды «честнаго» сотрудничества консерваторовъ съ либералами, заключающіеся въ крушеніи надеждъ на новый курсъ въ политикѣ Германіи и въ продолженіи стараго бюрократическо-реакціоннаго курса подъ иной, болѣе популярной, этикеткой. Я имѣю въ виду тѣ болѣе глубокия и длительныя послѣдствія годового участія либераловъ въ «цѣлевомъ союзѣ» князя Бюлова, которыя не исчезнутъ даже въ томъ случаѣ, если «рѣшительный» либерализмъ, испугавшись окончательнаго дискредитированія либеральной идеи, превратитъ свое «тактическое сотрудничество» съ реакціей; которыя лягутъ тяжелымъ бременемъ на дальнѣйшее конституціонное развитіе Германіи. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза уменьшеніе, благодаря «національной» избирательной кампаніи, поддержанной либералами, числа депутатовъ рейхстага, готовыхъ послѣдовательно отстаивать всякое дѣйствительно прогрессивное мѣропріятіе, всякое истинно-либеральное требованіе. Какъ ни сильно у нѣмецкаго «рѣшительнаго» либерализма отвращеніе къ сотрудничеству съ социаль-демократіей,—ему всетаки извѣстно, что единственная партія въ рейхстагѣ, на которую онъ можетъ безусловно рассчитывать въ вопросахъ демократической политики, есть партія социаль-демократическая. Внеся свою долю участія въ разгромъ парламентскаго представительства этой партіи и далеко не цѣликомъ въ свою пользу, либерализмъ помогъ поправѣнію всего парламента, и самъ заранѣе ослабилъ ту позицію, которую и ему волей-неволей придется занять, когда естественный ходъ вещей принесетъ съ собою нормальную группировку фракцій рейхстага. Но и это еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое причинилъ «рѣшительный» либерализмъ самому себѣ своимъ участіемъ въ блокѣ. Онъ только наполнилъ свои ряды новыми непрочными элементами, разжижающими и обезцвѣчивающими его; онъ еще болѣе понизилъ и безъ того невысокое политическое «настроеніе» либеральныхъ слоевъ общества; онъ опознилъ и обезсмыслилъ самую идею либерализма, явивъ странъ печальное зрѣлище ея носителей, беспомощно плетущихся за бюрократическо-реакціонной кликой. Но если бы меня спросили, въ чемъ по моему заключается самый тяжкій грѣхъ «рѣшительнаго» либерализма и самое пагубное послѣдствіе блока, я бы сказалъ: въ томъ, что благодаря блоку задержано нормальное развитіе конституціонной жизни Германіи, закрѣплено господство въ ней личнаго режима, со всѣми его политическими извращенностями, затруднено движеніе

къ единственно спасительному и чисто либеральному идеалу—къ парламентаризму.

А между тѣмъ, какія удивительныя, не повторяющіяся возможности именно въ этомъ направленіи давались прямо въ руки «рѣшительному» либерализму! Еслибъ тогда, въ декабрь 1906 года, онъ далъ бы себѣ трудъ понять и использовать свое положеніе, вѣдь онъ могъ бы дѣйствительно подарить Германіи такую «консервативно-либеральную эру», надъ которой никто не сталъ бы смѣяться, какой никто не сталъ бы ставить ему въ вину. Центръ долженъ былъ быть исключенъ изъ правительственного большинства за то, что сдѣлался слишкомъ силенъ и требователенъ. Преступленіе, съ точки зрѣнія правительства съ абсолютистскими тенденціями, но прегрѣшеніе ли съ точки зрѣнія демократическаго либерализма? Говорятъ, центръ осуществлялъ свое вліяніе въ формѣ закулисныхъ происковъ, внѣ-парламентскихъ давленій. Но, скажите, какъ иначе можно вліять на власть въ странѣ, гдѣ парламентъ только говоритъ рѣчи и сочиняетъ резолюціи «къ бюджету», бросаемыя «союзными правительствами» въ корзину для бумаги? И, наконецъ, развѣ у либерализма только и была, что дилемма—или вести «*Hintertreppepolitik*», или таскать консерваторамъ каштаны изъ огня? А что если бы онъ, либерализмъ, сказалъ имперскому канцлеру: «Нѣтъ, почтенный князь, за чечевичную похлебку мы не продадимся. Но и для интригъ за спиной парламента мы слишкомъ благородны. Итакъ, давайте, князь, столковываться на-чистоту, громко, гласно, а то, пожалуй, и съ письменнымъ закрѣпленіемъ договора, да еще съ оглашеніемъ съ трибуны рейхстага». И еслибъ въ этотъ договоръ занесли бы два-три закона безъ веселенькихъ параграфовъ, да еще обязательство воздержаться отъ экспроприаціи полянковъ, развѣ это не было бы великолѣпно? Вѣдь это былъ бы первый шагъ къ парламентаризму и нѣсколько обезпеченныхъ шаговъ влѣво. А еслибъ князь Бюловъ отказался, можно было смѣло отпустить его на всѣ четыре стороны,—пусть пошелъ бы опять на унизительное послушаніе къ центру,—это было бы все же усиленіе вліянія народнаго представительства, которое потомъ могло бы быть использовано и всякой иной политической группой. Но можно допустить, что 13 декабря «рѣшительный» либерализмъ былъ одурманенъ «національными» спеціями, и «въ дѣло былъ негоденъ». Однако у него и впослѣдствіи, когда дурманъ прошелъ и скверная шутка о «скрещиваніи консервативнаго и либеральнаго начала» была разгадана, было еще такъ много поводовъ и случаевъ исправить старый промахъ. Дѣломъ въ Нордернеѣ, о чемъ говорили славные «вожди» съ главою правительства? О погодѣ, о прислугѣ, о литературѣ, или просто о бренности всего земнаго? Почему тогда, указавъ на сомнѣнія и колебанія среди ихъ собственныхъ товарищей, не потребовали они отъ ловкаго царедворца категорическаго, недвусмысленнаго обѣщанія такой-то и такой реформы избирательнаго права въ Пруссіи? Вѣдь имъ подсказывали это, вѣдь имъ это требованіе влигала въ уста. Вѣдь социаль-демократія была болѣе высокаго

мнѣнія объ ихъ талантахъ и уже обличала измѣнника-либерала, сторговашагося съ правительствомъ о для обѣихъ сторонъ не обидной реформѣ! А 4 декабря о чемъ они думали? Когда князь Бюловъ попроситъ у нихъ вотума довѣрія, почему не сказали они ему: «князь, правительству выражаютъ довѣріе въ парламентарныхъ странахъ. Но тамъ правительство имѣетъ обыкновеніе давать за это партіямъ опредѣленные обѣщанія. Что вы думаете, князь, о всеобщемъ избирательномъ правѣ для Пруссіи?» Они ничего подобнаго не сказали, они просто обрадовались тому, что съ ними вообще разговариваютъ. И когда консерваторы даже этихъ разговоровъ не одобрили и съ дѣланной аффектаціей запросили: «Ужъ нѣтъ ли тутъ и впрямь парламентаризма? Ужъ не унизились ли пользующійся довѣріемъ нашего императора князь до зависимости отъ парламента?» Князь Бюловъ могъ имъ весело отвѣтить: «Друзья, здѣсь нѣтъ никакого парламентаризма. И, если объ этомъ говорить, то это просто интриги центра. Было только «посягательство» на новый «крупный правительственный принципъ» неприкосновенности прусскаго военнаго министра. Принципы охранены!»

Почему «рѣшительный» либерализмъ не сдѣлалъ всего этого, рѣшить столь же мудро, какъ разгадать, почему 14 декабря 1906 года депутат Вимеръ далъ пароль: «Борьба идетъ противъ черныхъ и красныхъ», и ему всѣ повѣрили на слово. Но какъ ясно, что тогда «рѣшительный» либерализмъ принялъ на себя первородный грѣхъ эры имперскаго канцлера князя Бюлова, ясно и то, что сегодня, обезсиленный этимъ первороднымъ грѣхомъ, онъ стоитъ передъ разбитымъ корытомъ, и даже не можетъ уже оттолкнуть его и пойти своею дорогою. Это особенно нужно запомнить. Официальное представительство «рѣшительнаго» либерализма охвачено тяжелой летаргіей, и не встанетъ ни сегодня, ни завтра, не встанетъ, вѣроятно, и 10 января, когда князь Бюловъ откажетъ ему въ избирательной реформѣ для Пруссіи. Для оживленія либеральной мысли нужны иные пути и средства. Нужно, чтобъ, наконецъ, удалось расшевелить апатичнаго и аполитичнаго нѣмца, и объяснить ему, вбить ему въ голову, какъ постыдно великому народу, стоящему на высотахъ духовной и матеріальной культуры, позволить ничтожной кучкѣ реакціонеровъ и феодаловъ играть его политическими судьбами. Тотъ, кому это удастся сдѣлать, перейдетъ въ исторію. Будетъ ли это Теодоръ Бартъ или Августъ Бебель, я не знаю. Но что это не будетъ ни Фишбекъ, ни Вимеръ, ни Бопшг—очевидно уже и сейчасъ.

Н. Дверницкій.

P. S. Это письмо было уже написано, когда 10 января н. с. князь Бюловъ дѣйствительно отвергъ всякую сколько-нибудь приличную реформу прусскаго избирательнаго права. И даже болѣе грубая, чѣмъ можно было ожидать, форма отказа, не пробудила «вождей» либерализма. Они не по-

спѣшили воспользоваться благодарнымъ моментомъ, чтобъ съ честью и эффектомъ «взорвать» блокъ. А на другой день я читалъ въ *Vossische Zeitung* хитроумныя разсужденія о томъ, что королевское правительство всетаки признаетъ существующее избирательное право не вполне удовлетворительнымъ и что оно пока, повидимому, больше занято этой отрицательной стороной вопроса, чѣмъ положительными проектами реформъ. Блокъ такимъ образомъ продолжаетъ влечить свое существованіе, и мнѣ ничего не приходится измѣнять въ сказанномъ выше *).

К. Д.

---

*) Быть можетъ, авторъ не вполне правъ въ своихъ пессимистическихъ выводахъ. Послѣ заявленія Булова о прусской избирательной реформѣ въ либеральныхъ германскихъ кругахъ возникло сильное движеніе въ пользу полной ликвидаціи либерально-консервативнаго блока. Движеніе это, если оно удержится и станетъ развиваться и углубляться, будетъ чревато важными послѣдствіями и явится дальнѣйшимъ этапомъ въ развитіи германской политики.

Ред.

Иванушка-дурачокъ въ художественной литературѣ

„...Это та правда, что идетъ впередъ правды научной, и которую суждено открывать только однимъ поэтамъ и артистамъ“.

А. Франсъ.

Народъ безмолвствуетъ...

Однако, у Пушкина это безмолвіе совсѣмъ особое. Это не просто молчаніе. Въ своей яркости оно глубоко краснорѣчиво, а по трагической силѣ — полно самаго богатаго творческаго содержанія. Но ни въ чемъ эта особенность его не выступаетъ столь рельефно, какъ въ народной сказкѣ объ Иванушкѣ-дурачкѣ. Это самая любимая, самая популярная народная тема, занимающая весьма обширную по объему и глубокую по качественному содержанію область въ народномъ творствѣ. Повидимому, народъ высоко цѣнитъ своего убогаго героя. Любовно-заботливо, словно художникъ любимое твореніе, лелѣя, какъ мать несчастное дѣтище, создавалъ онъ въ теченіе вѣговъ и поколѣній своего запечника—Иванушку, воплощая въ немъ свои задушевные думы о смыслѣ жизни, о задачахъ бытія, о правдѣ и кривдѣ и о житейской борьбѣ, о кровавыхъ пораженіяхъ и свѣтлой побѣдѣ. Такимъ сказочнымъ Иванушка-дурачокъ, богъ солнца, представляется народному сознанію.

Но вотъ наши дни... Идетъ ломка вѣговой традиціи. Непосредственное народное творчество падаетъ и, повидимому, безвозвратно. Рушится народная старина съ ея широкораздольными пѣснями, долгими сказками, мѣтлой пословицей; исчезаетъ сказка, замираетъ, вырождаясь въ «частушку», пѣсня, тускнѣетъ пословица; литература смѣняетъ непосредственное творчество. Кажется, въ этомъ хлынувшемъ мощномъ потокѣ должно исчерпать все старозавѣтное. Со многими такъ и случилось. Не умерла ли въ основной струя. Время отъ времени любимый народный сюжетъ со сказочнымъ героемъ снова выплываетъ, на этотъ разъ воскрешенный магическимъ перомъ художниковъ-писателей, и образъ Иванушки вновь встаетъ подчасъ въ совершенно неожиданномъ освѣщеніи.

Рѣдкіе изъ нашихъ писателей не затрогивали этого типа. Сознательны или инстинктивно, они непремѣнно касались его, иногда лишь слегка

дѣвая, а иногда сводя всё свои поиски къ сказочному сюжету объ Иванушкѣ и продолжая развивать въ своемъ личномъ творествѣ любимую народную тему. И пужно прибавить, что индивидуально художественная обработка нерѣдко конкурируетъ съ основной темою. Если сказочный дурачокъ весь какъ бы въ почкахъ, полонъ подспудно скрытыхъ, зародышевыхъ силъ; теперь эти почки развернулись, зазеленѣли; нѣкоторыя сами дали много новыхъ отпрысковъ и, разрастаясь, вѣютъ молодою, свѣжей, «живою» жизнью.

Культурная проблема.

(Пушкинъ, Тургеневъ, Л. Толстой.)

Наша художественная литература очень молодая, ей всего нѣсколько десятилѣтій; но при всей молодости она представляетъ взорамъ читателя цѣлый рядъ замѣчательно яркихъ образовъ, въ послѣдовательномъ ходѣ рисующихъ такъ еще недавно и уже историческую жизнь русскаго общества. Мѣняется жизнь, мѣняются образы; въ этомъ развитіе литературы. Однако, какъ ни переменчиво, вмѣстѣ съ жизнью, это движеніе, невольнo бросается въ глаза одно удивительное постоянство нѣкоторыхъ образовъ. Въ общемъ ходѣ литературы они являются какъ бы выразителями основнаго тона, фундамента жизни и оставляютъ въ читателѣ такое впечатлѣніе, какъ будто она и есть подлинная русская дѣйствительность, все же остальное—милолетная случайность. Но для насъ особенно интересно и удивительно не столько то, что образы эти, довольно значительные въ количественномъ отношеніи, начиная собою, подъ перомъ Пушкина, родную литературу, не умираютъ до нашихъ дней,—гораздо важнѣе то, что по внутреннему существу, по духу, всё они являются замѣчательно близкими другъ другу и нашему сказочному дурачку Иванушкѣ. Конечно, это не дурачки въ собственномъ смыслѣ. Отдѣльно взятые, они могутъ быть признаны въ полномъ смыслѣ выраженіемъ разныхъ историческихъ моментовъ; но все же основа ихъ личности такова, что она невольнo устанавливаетъ связь съ ихъ сказочнымъ первообразомъ. Начнемъ съ Пушкина.

Въ 1830 г. Пушкинъ написалъ «Капитанскую дочку». Послѣ упительныхъ фантазій «Бахчисарайскаго фонтана», «Руслана», даже послѣ реального изъ реальныхъ романа «Евгенія Онѣгина», это было откровеніе. Обществу, воспитанному на ложно классическихъ эффектахъ и романтическомъ героизмѣ, трудно было себѣ представить большей прелести въ столь патриархальной простотѣ. И эта *простота* какая-то наивная, дѣтская, во всей неприкрашенной чистотѣ непосредственности, какъ отголосокъ чистой правды души, является характерной чертой отмѣченной нами группы типовъ. Обычно критика выдвигаетъ въ «Капитанской дочкѣ» на первый планъ семью Мироновыхъ. Правда, героизмъ ея нѣсколько затѣняетъ неблестящую личность Гринева, но въ этой незамѣтной скромности второго героя и коренится подлинная сила подновленнаго сказочнаго Иванушки.

Въ самой повѣсти эта наивная простота, первобытность выросшей на лѣтѣ природы личности Гринева становится въ связь съ его неопытностью. Но въ дѣйствительности смыслъ ея гораздо выразительнѣе простого познанія жизни. Она скорѣе причина послѣдняго, чѣмъ его слѣдствіе. За мѣчательно, Гринева никогда не размышляетъ, и вообще въ характеристикѣ его у Пушкина нельзя даже замѣтить малѣйшихъ попытокъ психологическаго анализа. Такой мастеръ по этой части («Евгеній Онегинъ», «Борисъ Годуновъ» и др.), Пушкинъ, говоря о Гринева, какъ будто нарочно забываетъ о его внутренней жизни, выставляя своего героя выразителемъ больше инстинктивныхъ чувствъ, чѣмъ ясно сознаваемыхъ понятій. Въ моментъ, когда, повидимому, требуется самая напряженная мысль, наприм., при допросѣ Пугачева, Гринева говоритъ лишь то, что лежитъ на сердцѣ, прямо, просто, не думавши. Мелькомъ какъ будто блынетъ сознание расчетливаго соображенія, но тотчасъ потухаетъ въ потокъ бессознательныхъ, внезапно нахлынувшихъ чувствъ. И вообще, что бы Гринева ни дѣлалъ, все у него выходитъ по какой-то органической стремительности. Онъ и самъ послѣ удивляется, пытается иногда осмыслить свое положеніе, даетъ зарокъ быть разсудительнѣе, но въ концѣ-концовъ вторгается обычная исторія: онъ неизбежно увлекается цѣпью роковыхъ событій. Различные эпизоды повѣсти достаточно извѣстны и хорошо понятны. Въ нихъ Гринева весь какъ живой; это рубаха-парень, простоватый малый, который пороку не выдумаетъ, у котораго вся жизнь опредѣляется наивнымъ простодушіемъ сердца. Таковъ первый типъ, взятый изъ коренной русской дѣйствительности, первый отголосокъ народной души въ сознаниі художника, творца «Евгенія Онегина», «Бориса Годунова», спустившагося съ аристократическихъ высотъ до безотчетной простоты сердца полудурачка. Простота или лучше простоватость здѣсь непосредственность души, порывъ сердца. Такъ въ первой же попыткѣ изображенія родного быта уже проскальзываетъ знакомый намъ сказочный обликъ.

Лаврециій («Дворянское гнѣздо» Тургенева)—ближайшій потомокъ Гринева; но тутъ новые оттѣнки. «Лаврециій,—пишетъ одинъ критикъ,—естъ послѣднее выраженіе протеста (*Тургенева*) за все доброе, простое, смиренное противъ хищнаго, сложно-страстнаго и напряженно-развитаго» (А. Григорьевъ). «Онъ простъ въ выраженіи радости и горя,—чтается мы у другого,—у него нѣтъ возмасовъ и жестовъ, это не въ его природѣ. Онъ, какъ русскій человекъ, страдаетъ про себя и способенъ скорѣе къ тихому чувству и заумности, продолжительной тоскѣ» (Д. Писаревъ). «Это натура кряжевая, кровно русская, выросшая на родной почвѣ, вослывшая въ себя всѣ черты національнаго характера, начиная отъ просодушнаго смиренія и застычивости, до жажды душевной правды и ненависти ко всякому ложному блеску» (Буренинъ). Три совершенно различные критика, но какъ они сходны; и какъ родственно близокъ у нихъ Лаврециій очерченному Пушкинскому типу, а вмѣстѣ съ нимъ и народному Иванушкѣ. Въ отдѣльныхъ чертахъ и цѣломъ схо- ю

достигаетъ до торжества. И здѣсь на первомъ планѣ та же черта—простота. Но здѣсь она является болѣе расширенной, углубленной, связанной корнями съ жизнью общенародной. Это уже не простота дѣтской непосредственности, а простота первобытности, голось природы. Здѣсь она больше стихійное начало, характерная черта націи, частицей которой является Лавреціи. Такъ идея, инстинктивно намѣченная Пушкинымъ, развивается параллельно общекультурному процессу. Правда, въ сознаниіи самого Лаврецаго она не доведена до ясной формулировки. Мы видимъ лишь попытки такого самоопредѣленія (беседа съ Михалевинымъ). Въ известномъ смыслѣ Лавреціи вполне культурный типъ, герой переходнаго момента; въ то же время онъ представитель иной жизни. На этой почвѣ развивается вся его трагическая судьба до несчастной женитьбы и послѣднихъ дней одиночества. Вся она есть не что иное, какъ протестъ живой природы противъ искусственности, борьбы первобытно простыхъ инстинктовъ съ насильственно привитымъ и чуждымъ.

Пьеръ Безуховъ («Война и миръ» Л. Толстого) третій типъ того же душевнаго склада и новый этапъ въ развитіи той же идеи. Вся его неутомимая душа ушла въ поиски смысла жизни и законовъ ея вѣковѣчной правды. По словамъ Толстого, онъ нашелъ ее *«въ простотѣ и правдѣ души народной»*. Мы, такимъ образомъ, встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ же мотивомъ, только простота народного дурачка уже возводится здѣсь въ культъ, выставляется какъ идеаль; ея лозунгъ—призывъ къ «опрощенію», а платформа—народничество со всеми его морально-общественными предпосылками.

Народничество—замѣчательный фактъ русской жизни. Въ немъ есть что-то своеобразно національное, совершенно необъяснимое для европейца, и что-то особенное въ своей живучести. Было время, когда, зародившись подъ влияніемъ цѣлаго ряда историческихъ обстоятельствъ, еще полное неясности и романтическаго тумана, народничество стало призывнымъ кличемъ нашей интеллигенціи и черезъ 40-е годы привело къ освобожденію крестьянъ. Известно, какъ оно перешло въ «хождение въ народъ» («Новь» Тургенева) съ проповѣдью новыхъ социальныхъ идей. Еще на памяти многихъ «толстовское опрощеніе», однимъ изъ ветерановъ или, лучше, инвалидовъ котораго является самъ яснополянскій философъ. Уже отходить въ область прошлаго и недавняя борьба «новыхъ» народниковъ съ марксистами. И такъ вплоть до демократическихъ мотивовъ нашихъ дней. Но самое чистое, правдивое народничество, несомнѣнно, у П. Безухова. Прежде всего, оно у него не головное увлеченіе, не барская блажь. Влеченіе къ народу у Пьера Безухова органическое, бессознательное, найденное, наконецъ, какъ долго подготовляемое и внезапно открывшееся озареніе. Въ Безуховѣ народничество, такъ сказать, по природѣ, и въ коренныхъ основахъ есть выраженіе культурно-историческаго процесса—покаянная реакція крѣпостника-дворянина. Далѣе, самый характеръ опрощенія Безухова болѣе правдивый и серьезный. Это не одно только знакомство съ бытомъ народнымъ,

не усвоение его взглядовъ и идей и уже меньше всего какое-нибудь наскарадное переодѣваніе. Смыслъ его въ живомъ пониманіи души народной, проникновеніе въ сферу его понятій и чувствъ, въ духовно родственномъ приобщеніи къ той сѣрой массѣ, живымъ членомъ которой сталъ П. Безухій. Наконецъ, народникомъ онъ сталъ не тогда, когда въ аристократическихъ салонахъ онъ бесѣдовалъ о народѣ, а тогда, когда онъ, выброшенный изъ культурныхъ условій жизни, скитался среди самыхъ жалкихъ, повидимому, отбросовъ народа во время погрома Москвы. Любовь къ народу Безуховымъ, можно сказать, выстрадана. Поэтому не сантиментальная слащавость у него въ отношеніи къ мужику, а серьезное уваженіе къ нему какъ личности, казавшейся ему чище и возвышеннѣе въ безыскусственной непосредственности. Это было опрощеніе въ собственно смыслѣ, больше моральное, чѣмъ физическое, чуждое барства и интеллигентной сноскотельности. Проведенное искренне и глубоко, оно и теперь можетъ быть полно многихъ хорошихъ зародышей. И только такое народничество въ смыслѣ культурнаго опрощенія и можно признать вполне здоровымъ, нормальнымъ и дѣйствительно плодотворнымъ.

Такъ художественно отшлифовалась народная тема объ Иванушкѣ дурчакѣ. Началось съ поисковъ художественной правды: Гриневъ былъ реакціей байронизма. Но уже въ Лаврецкомъ эти поиски привели къ сознанию, вѣрнѣе, къ смутному чувству органической связи интеллигенціи съ народной стихіей. Безуховъ—завершительная стадія этого процесса. Гриневъ, Лаврецкій, Безуховъ—это три ступени нашего культурнаго самосознанія, путь ликвидаціи крѣпостного строя. При болѣе тѣсномъ сопоставленіи ихъ въ цѣлостномъ обликѣ и исторической послѣдовательности развитія въ нихъ основной—темы внутреннее единство этихъ образовъ органичнѣе и связь съ основнымъ народнымъ типомъ глубже. Эта реставрація сказочнаго Иванушки, несомнѣнно, одинъ изъ лучшихъ отпрысковъ безыскусственнаго народнаго творчества въ художественной литературѣ.

«Натуральная» проблема.

(«Касьянъ съ Красивой Мечи» И. С. Тургенева.)

Новый побѣгъ на томъ же деревѣ представляетъ собой рассказъ изъ «Записокъ Охотника» И. С. Тургенева: «Касьянъ съ Красивой Мечи». Вообще о творчествѣ Тургенева должно сказать, что оно почти исключительно было направлено на изображеніе господствовавшихъ въ его время разныхъ общественныхъ теченій. Его романы съ многочисленными героями все это этапы или вѣхи культурнаго развитія нашего общества въ прошломъ столѣтіи. Тѣмъ не менѣе, Тургеневъ не чуждъ былъ порой остановиться и задуматься надъ явленіемъ иного порядка, какъ бы мало гармонировало оно съ общимъ складомъ его мировоззрѣнія. Остановился такъ однажды, онъ отделился на любимую тему народную.

Герой здѣсь тотъ же Иванушка—«юродивецъ» Касьянъ. Такой же ужасъ!

и странный, такой же безучастный къ окружающей жизни, онъ всёми, и внѣшнимъ видомъ и душевнымъ складомъ, показался Тургеневу «юродивецемъ». «Все тѣло его было тщедушно и худо,—замѣчаетъ Тургеневъ,— и рѣшительно нельзя передать словами, до чего необыкновененъ и странный его взглядъ». Не менѣе опредѣленны и отношенія къ Касьяну окружающихъ. Правда, въ немъ нѣтъ издѣвательствъ, обычныхъ надъ дураками, но они полны такого высококѣрнаго глумленія, что ихъ, кажется, достаточно, чтобы отчасти замкнуться въ себя, отчасти уйти отъ людей подальше. «Мой кучеръ,—замѣчаетъ Тургеневъ,—видимо, потѣшался, глумился надъ старикомъ». «Вѣдь онъ такой, вѣдь онъ юродивецъ... Я не знаю, какъ вы и понять-то его могли». Но если Касьянъ «юродивецъ»-дурачокъ въ глазахъ народа, въ обрисовкѣ писателя на общемъ фонѣ убожества проглядываютъ индивидуальныя черты личности, рисующія Касьяна, какъ субъективную разработку народной темы.

Въ исторіи человѣческой личности, на протяженіи всѣхъ временъ, всегда передъ сознаниемъ стоялъ вопросъ объ окружающей жизни, о космосѣ. Отъ первобытнаго дикаря, трепещущаго передъ грозно-могучими силами, до современнаго ученаго, вѣрующаго въ окончательную побѣду науки надъ природою, отъ узника, жадно вглядывающагося въ уголокъ голубого неба, до поэта, внешнею «прозябанію дольней лозы», всё по мѣрѣ силъ и индивидуальному складу рѣшаютъ этотъ вопросъ. Фактъ этотъ всеобщій и неустранимый, являющійся передъ сознаниемъ какъ своего рода культурная проблема. Это тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе ея недостижимо одними школьными уроками естествознанія, недостаточно для этого даже прохожденія спеціальнаго курса. По существу, въ немъ гораздо больше индивидуальнаго творчества, чѣмъ случайныхъ школьных свѣдѣній или неожиданно нахлынувшихъ сентиментальныхъ восторговъ. Понятно отсюда, какъ трудно не только перечестъ, но даже свести къ какимъ-либо группамъ все разнообразіе оттѣнковъ пониманія природы, съ разными степенями ихъ глубины и силы и душевной отзывчивости къ ней у разныхъ людей. Рассказъ Тургенева одинъ изъ наилучшихъ образцовъ по яркости и полнотѣ рѣшенія даннаго вопроса.

Въ личности Касьяна есть одна черта: онъ имѣетъ какую-то непостижимо близкую, органическую связь съ природою. Въ ней коренится для Касьяна столь интимное и въ то же время единственно цѣнное, что безъ нея онъ немислилъ, не отдѣлимъ. Погнанный, загнанный людьми, нашедшій себя убогій пріютъ подъ открытымъ небомъ, на просторѣ луговъ и лѣсовъ, Касьянъ всѣми силами души отдался окружающей природѣ. Здѣсь его душа на свободѣ. Чуждая стѣсненія, она открыта живому творчеству. И Касьянъ весь ушелъ въ свой созданный фантазіей мечтательный міръ одухотворенной природы. Все передъ нимъ переродилось. Въ своемъ наивномъ созерцаніи онъ ощутилъ въ ней воплощеніе какой-то таинственной могучей животворной силы. Вѣянія ея доносились Касьяну отовсюду: онъ слышалъ его и въ шелестѣ цѣлебной травы, и въ трапе-

щущемъ горячемъ лучѣ, и въ соловьиной трели, и въ разлитой кругомъ «благодати», искрящейся въ милліонахъ жизней. И всюду онъ находилъ выраженіе этой тайной силы, скрытой обычно за житейско-меркантильными отношеніемъ. Но особенно трогательно отношеніе Касьяна къ птичьему царству. Онъ такъ близокъ къ нему, такъ тонко умѣетъ подмѣтить въ немъ разныя жизненныя явленія. Касьянъ все время, по словамъ Тургенева, передразнивалъ разныхъ птичекъ, переключался съ ними. Неудивительно, что онъ серьезно убѣжденъ въ способности вліять на птичій міръ. «Вѣдь это я дичь-то отвелъ», заявилъ онъ Тургеневу послѣ охоты, когда тотъ, исходивши много, не убилъ ничего. Зато какую гнетущую мучительную болью отдается въ сердцѣ Касьяна каждый охотничій выстрѣлъ. Рѣдко можно встрѣтить выраженіе такого тяжелого страданія при видѣ смерти въ природѣ. Но сердечная боль Касьяна возвышеннѣе, трагичнѣе. Въ ней слышится не столько жалость къ погибшему напрасно существу, сколько мучительное сознаніе страшнаго нарушенія закона жизни, закона природы. Съ точки зрѣнія Касьяна пролитіе крови и даже одинъ фактъ ея обнаруженія не столько черствость сердца или жестокость, сколько именно грѣхъ, роковое пролитіе, «ниспроверженіе положеннаго предѣла». «Кровь—святое дѣло,—взволнованно говорятъ онъ.—Кровь солнышка Божія не видятъ, великій грѣхъ показывать свѣту кровь, охъ, великій». Интересно, какъ описываетъ Тургеневъ весь этотъ случай. «Услышавъ выстрѣлъ, Касьянъ быстро закрылъ глаза рукой и не шевельнулся. Когда же я отправился дальше, онъ нагнулся къ травѣ, на которую брызнуло нѣсколько капель крови, покачалъ головой, пугливо взглянулъ на меня. Я слышалъ, какъ онъ шепталъ: «Грѣхъ, ахъ, вотъ это грѣхъ». Не застрѣленная птица привлекала, такимъ образомъ, жалостливое вниманіе Касьяна, а маленькія капельки крови, какъ вопіющій символъ перевернутыхъ наизнанку отношеній. Не смерть страшна, страшна ея неправда.

Но интересенъ фактъ: мысль о природѣ никогда не является у Касьяна какой-либо отвлеченной. Будучи въ высшей степени тонкимъ душевнымъ содержаніемъ, надъ всѣмъ доминирующимъ, она естественно владѣетъ отпечатокъ на весь складъ его личности. Прежде всего это чувствуется въ области нравственно-общественныхъ отношеній. Эта область, въ связи съ социальнымъ положеніемъ Касьяна, была ему особенно близка. Вполнѣ понятно, что созерцаніе природы невольно, по ассоціаціи, переводило его мысли къ жизни людей. И фактъ получался разительный. Хищникъ эксплуататоръ природы будетъ кулакомъ-міроѣдомъ среди окружающихъ; поэтически-восторженное отношеніе къ ней Касьяна сдѣлало его особенно зычливымъ къ людямъ, инстинктивно чуткимъ къ вопросамъ нравственнымъ. Поставивъ насторожѣ совѣсть, оно всѣ лучшія его мечты и сужденія сосредоточило на мысли о «правдѣ» и поискахъ ея. «Справедливости нѣтъ въ человѣкѣ, вотъ что,—неожиданнымъ выводомъ послѣ одного восторженнаго преклоненія предъ разлитой кругомъ жизнью, поражающаго Касьянъ Тургенева. И подобныя мысли о «правдѣ» и «справедливости»

разъ своимъ задумчивымъ аккордомъ звучать въ разсвѣтъ. Но иначе и не могло быть. Расширеннымъ взоромъ люди, подобные Касьяну, смотрять на мятущуюся борьбу всѣхъ противъ всѣхъ и до болѣзненности чувствительны имъ уколы разной житейской неправды, съ которой большинство сжилось и въ которой огрубѣло. Имъ душно, тѣсно среди людей. Поэтому всѣ они какіе-то неудовлетворительные, беспокойные, вѣчные странники съ неутолимой жаждой. «И не одинъ я грѣшный, много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходить, правды ищуть. Да!...»

Но и не найти имъ этой правды, такъ какъ черства, бездушна жизнь и мѣрется иною мѣркой. Не найти имъ и потому, что слишкомъ горячо, неугомонно ихъ сердце. Никогда не остановятся они въ своихъ поискахъ, имъ все будутъ мерещиться мечтательныя страны, «гдѣ Гамаюнъ птица живетъ сладкогласная, и живетъ человекъ въ довольствѣ и справедливости». Только невдомекъ имъ и то, что въ этихъ именно неутомимыхъ поискахъ и есть для нихъ настоящая правда, а не въ мертвенномъ спокойствіи духа. Да и правда-то ихъ не обычная. Въ ней есть что-то необычайно нѣжное, задушевное, тонкое до неуловимости. Съ какою боязливой осторожностью, словно опасаясь спугнуть вдругъ налетѣвшую сладкую мечту, мимоходомъ роняетъ о какой-то невѣдомой правдѣ Касьянъ. Даже въ одномъ этомъ способѣ выраженія, тихомъ, въ видѣ случайно брошенныхъ примѣчаній, чувствуется, что завѣтное, дорогое какъ будто потеряетъ цѣну, выглянувши изъ потемокъ души. Такъ утончаетъ природа нравственное сознание въ духѣ индивидуальной свободы и наивнаго творчества.

Но этого мало. Пребываніе на волѣ природы сильно повліяло на Касьяна въ смыслѣ пробужденія въ его душѣ художественныхъ инстинктовъ. Въ изображеніи Тургенева онъ обладаетъ какимъ-то необыкновенно звучнымъ, мелодичнымъ голосомъ; словно въ немъ дышала вся гармонія природы. Затѣмъ онъ—поэтъ, и Тургеневъ приводитъ намъ маленькій отрывокъ его безхитростнаго творчества. Онъ—«лѣкарка», дошедшій до своего искусства больше инстинктомъ, чѣмъ умомъ. Словомъ, предъ нами дѣльный рядъ зародышей разнообразныхъ талантовъ, и всѣ они органически связаны съ страстной любовью Касьяна къ природѣ. Легко видѣть, какаѣ это серьезная и необъятная по своимъ выводамъ идеи. Въ области литературнаго и вообще художественнаго творчества это общественный фактъ. Геній и природа—существа одинъ безъ другого немислимые. Чѣмъ тоньше можетъ поэтъ чувствовать еѣ жизнь, чѣмъ больше онъ осмысливаетъ еѣ движенія, тѣмъ геніальнѣе его творчество, тѣмъ вѣковѣчнѣе его произведенія.

Итакъ, природа—мать. Она даетъ жизнь творческому генію человека недаромъ, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ искусство есть не болѣе какъ слабое подражаніе природѣ. Но еѣ живительное творческое вліяніе простирается дальше. Если мертвый бюрократизмъ жизни человека, съ изсушенной рационализмомъ душой, гибнетъ въ заскорузлыхъ неподвижныхъ формахъ, валежѣнная среди природы душа стремится къ обновленію, къ

созданію новой жизни. Конечно, природа не научитъ въ нашемъ обычномъ смыслѣ, не приведетъ въ систему знанія (въ природѣ нѣтъ математической системы), отъ многого будничнаго отвлечетъ, въ извѣстномъ смыслѣ пожалуй доведетъ до «юрдства», но она никогда не опомлится. Вѣчно создавая новыя формы, она всегда насторожѣ будетъ держать живую мысль, подталкивая впередъ въ инстинктивной жаднѣ новаго совершенства. Въ этомъ отношеніи природа, выращивающая изъ мертваго разложившагося свѣжій ростокъ, перерабатывающая гнилые отбросы въ живыя силы питанія—изумительная въ своей идеальности учительница. Только природа одна научитъ жить и творить.

Во всему этому личность Касьяна прибавляетъ еще нѣсколько строкъ. Въ минуты откровенности, когда онъ бываетъ самимъ собою, въ немъ просвѣчиваетъ какая-то наивная живость души, обвѣянная въ то же время глубоко-поэтическимъ настроеніемъ. Она—какъ кровь въ организмѣ. Никакая проза жизни не въ силахъ заглушить эту поэтическую струю. Поставитъ Касьяна куда угодно, люди, подобные ему, всегда будутъ внѣ обычной пошлости; нигдѣ ихъ не коснется черствый укладъ. Для многихъ эти люди могутъ казаться странными, ихъ будутъ считать чужаками; но несомнѣнно одно: въ нихъ всегда будетъ свѣтиться живость, душевный подъемъ и та особенная чуткость къ живой жизни, которая, подобно притокамъ кислорода въ легкія, будетъ бодрить всѣ клѣточки ихъ жизненныхъ отношеній. Такова эта проблема челоѣка и земли, проблема таинственная, чреватая многообразными послѣдствіями. Разрѣшеніе ея требуетъ особаго культурнаго воспитанія. Открывающаяся въ ней задача—пріобщеніе къ природѣ, постиженіе ея внутренней жизни. Ея конечная цѣль не побѣдить природу (ибо природа непобѣдима, а всякое угнетеніе есть въ концѣ-концовъ смерть угнетателя), а найти, путемъ взаимобращенія, идеальную гармонию индивидуальнаго духа и природы,—не есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, въ высокой степени цѣнная задача?

Психологическая проблема.

(«Идиотъ» Ф. М. Достоевскаго.)

Но ни у одного писателя образъ сказочнаго героя Иванушки не получалъ такой обаятельно-прекрасной, такой глубокой и тщательной разработки, какъ у Ф. М. Достоевскаго. Его «Идиотъ» въ этомъ отношеніи chef d'oeuvre чуткой пронизательности художника, при необычайно слабо развернутой перспективѣ жизни. Князь Мышкинъ—дурачокъ. Въ романѣ это рѣшено всѣми. Дѣйствительно, какъ и сказочный Иванушка, кн. Мышкинъ такой же полубольной, безпріютный, одинокій и такой же безпеченъ, съ простодушіемъ идущій навстрѣчу судьбѣ. Онъ такъ же дѣтски безпеченъ и откровененъ, такъ же всѣми эксплуатируется, и такъ же, какъ въ сказкахъ, на этой почвѣ вырастаютъ цѣлыя, полныя тонкаго драматизма, исторіи. Словомъ, сходство здѣсь и въ основной идеѣ и въ дет-

ляхъ. Однако, на этомъ общемъ фонѣ, подобно какому-либо оригинальному узору, можно видѣть художественное раскрытіе одной черты, намѣченной въ сказкахъ такъ сказать *implicite*. Эта черта—сердцевѣдѣніе, даръ интуитивнаго прозрѣнія въ тайны души человѣка.

Жизнь человѣка чрезвычайно сложна. Она переплетается такою неуловимою сѣтью всякаго рода отношеній, такъ причудливо развѣтвляются ея корни, связывая съ окружающимъ его душу, что самому хитрому уму не разобраться въ этой безконечно связанной, сплошь замкнутой цѣпи причинъ и слѣдствій. Съ внѣшней стороны она, конечно, можетъ показаться проще. Но это въ сущности самообманъ людей съ узкимъ житейскимъ кругозоромъ. Безпристрастная же наука давно сознала иное. Рѣшая разные вопросы жизни, она пришла къ одному прочному выводу: каждая рѣшенная загадка ведетъ за собою двѣ новыхъ. Одною изъ такихъ загадокъ и въ природѣ и въ средѣ есть «индивидуумъ». Еще Гете сказалъ: «человѣкъ есть самая мудреная изъ загадокъ», и это правда. Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, на деревѣ мы не найдемъ двухъ одинаковыхъ листьевъ, если микроскопическая бактерія есть цѣлый микрокосмъ, то какимъ удивительно сложнымъ таинственнымъ міромъ является душа человѣка, подъ какимъ перекрестнымъ огнемъ всякихъ связей и отношеній складывается и развивается человѣческая личность. Послѣдствія отсюда понятны. Люди разъединены, отчуждены. Они не понимаютъ другъ друга. Они не могутъ постичь весь смыслъ взаимноиндивидуальной обособленности. Отсюда недобѣріе, борьба, вражда. Взаимно отчуждаясь, люди роютъ другъ другу ямы, и не будучи въ состояніи братски понять, не могутъ и простить. Они несчастны не потому, что злы, а потому, что чужды другъ другу. Въ чемъ же теперь разгадка вопроса?

Въ отношеніяхъ людей между собою, въ способахъ сообщенія или другъ другу своихъ мыслей и чувствъ можно наблюдать двоякую, если такъ можно выразиться, логику. Первая—есть логика официальныхъ холодныхъ отношеній, опредѣляющая связь существъ взаимно отчужденныхъ, разъединенныхъ. Отсюда ея формальный характеръ и разсудочная обоснованность. Такъ какъ эта логика вращается въ кругу точно обоснованныхъ данныхъ, ее можно назвать дедуктивной. Живымъ примѣромъ ея можетъ служить бесѣда двухъ незнакомыхъ лицъ. Въ обыденной жизни эта логика имѣетъ преимущественное употребленіе, и ея глубокое значеніе можетъ быть очевидно изъ широкихъ успѣховъ окружающей насъ общественно культурной жизни. Вообще, это программа жизни братьевъ Иванушки. Можно сказать, что на ней зиждется весь современный строй. Но въ то же время ея недостатки не менѣе ощутительны, чѣмъ достоинства. Кто не знаетъ, наприм., холодности, официальности семейныхъ отношеній, формализма судовъ (*vivat justitia, pereat mundus*), школьной черствости, удушливаго религіознаго застоя или бюрократическаго гнета—все это неизбежныя послѣдствія этой дедуктивной, юридически подзаконной логики. И тѣмъ понятнѣе становится трагизмъ ея жертвъ, когда она вторгается

въ сферу интимныхъ тайнъ сердца и тѣхъ «таинственныхъ бѣлыхъ думъ, растущихъ у завѣтныхъ тропинокъ души», о которыхъ говоритъ поэтъ.

Но есть другая логика—сердцевѣдѣнія, интуиціи. Эта логика внутренней, не поддающейся яснымъ разсудочнымъ доводамъ жизни человека. Она основывается на первичномъ, чистомъ актѣ чувства. Живой притѣрь ея, когда люди безъ всякихъ логическихъ доказательствъ убѣждаютъ другихъ въ чемъ-либо однимъ непосредственнымъ влияніемъ. Здѣсь какая-то «вѣра сердца», часто формулируемая изреченіемъ «credo, quia absurdum est». Недоступная для ума сложная психика душевныхъ отношеній оказывается ясной для чуткаго, отзывчиваго, любящаго сердца, и интуитивное, почти магическое прозрѣніе сердцевида порою разрѣшаетъ самые обостренные конфликты.

Въ лицѣ «Идиота» Достоевскій какъ разъ раскрываетъ эту логику сердцевида. Его кн. Мышкинъ удивительно тонкій сердцевидаецъ. Онъ читаетъ чужую душу, какъ по книгѣ. То, что загадочно тайно и странно для всѣхъ, ему понятно и просто; онъ словно видитъ незримое. Вотъ, наприм., его первая встрѣча съ Настасьей Филипповной. Настасья Филипповна—это гордая, полная неукротимыхъ страстей дѣвушка, благородная и чистая въ душѣ, но ставшая противъ воли любовницей, страстно готовая и въ то же время безсильная разорвать свое ненавистное положеніе—она въ постоянной тоскѣ и мукѣ. Но страдая, она не хочетъ выдать себя, и стараясь для себя самой заглушить душевную борьбу, она то напустила на себя разнузданность, то истерически покаянно рыдаетъ, то вдругъ удивитъ рядомъ эксцентричностей. Въ моментъ, когда героиня романа появляется на сценѣ, ея взвинченное настроеніе достигнетъ потрясающаго пика. Она уже не владѣетъ собою, а очертя голову несется въ какую-то пропасть. И въ этотъ моментъ, при первомъ же знакомствѣ князя съ Настасьей Филипповной, звучитъ его взволнованный голосъ: «а вамъ и не стыдно! Развѣ вы такая, какую представляетесь». Настасья Филипповна удивилась, усмѣхнулась, какъ будто прятая что-то подъ свою улыбку, и вышла изъ комнаты, потомъ она воротилась. «Я вѣдь въ самомъ дѣлѣ не такая, онъ угадалъ,—прошптала она, вся вдругъ вспыхнувъ, и быстро вышла». Одна фраза, только одна, сама незначительная по содержанию, но въ нее было вложено столько души, столько слышалось всепрощающаго чуткаго пониманія чужого страданія, что напряженность злыхъ чувствъ ослабѣваетъ, и душа горитъ слезою раскаянія и примиренія. Очевидно, этою въ сущности неопредѣленною фразой князь вызвалъ наружу сам интимныя чувства и мысли Настасьи Филипповны. Вѣроятно, и всѣ ходки ея были колебаніями то въ ту, то въ другую сторону, какъ бы испытанія себя «такая она или не такая». Съ вѣншей стороны въ жизни героини ничего трагическаго и не было; она могла даже казаться вполне здоровой; окружающіе люди иначе на нее и не смотрѣли, и нечуткость микроскопическими каплями еще больше развѣдала душу. Некая и озлобленная—она нуждалась не въ специальномъ леченіи, а въ

въ ласкѣ, въ человѣческомъ обхожденіи. Или вотъ еще. Гаврила Ардалионовичъ, мелкій чиновникъ, самолюбивый эгоистъ, но часто униженный, дѣловито умный, но жестоко озлобленный—онъ въ романѣ нервничаетъ, злится и порою готовъ на самыя грубыя и нечѣсныя выходки. И вотъ на этого человѣка, такъ часто оскорблявшаго князя, Идіотъ поразительно умѣлъ вліять благотворно. Онъ словно его завораживалъ. Подслушивая чуткой душой самыя тонкіе, интимныя звуки и отвѣчая на нихъ со всею искренностью сочувствующаго сердца, онъ умѣлъ, какъ Орфей, зачаровывать всѣхъ. И всегда это магическое вліяніе было моментомъ въ высокой степени индивидуальнаго творчества. Какъ поэтическое вдохновеніе—оно было стихійно, — и неожиданно, подобно узлу пересѣкающихся дорогъ. Но порою это былъ длительный процессъ, протекающій открыто на глазахъ читателя. Такая сцена происходитъ, наприм., въ гостиной генеральши Епанчиной. Все семейство предупреждено видѣть въ кн. Мышкинѣ дурачка, за которымъ надо смотрѣть, чтобы не случилось чего-нибудь не сошме il faut, и вдругъ черезъ полчаса бесѣды оказывается, что генеральша и три дочери словно попали въ какія-то сѣти, изъ которыхъ имъ не въ силахъ выпутаться, словно оказались подъ гипнозомъ. И это впечатлѣніе у нихъ остается надолго.

Попутно съ этимъ фактомъ интуитивнаго прозрѣнія Достоевскій освѣщаетъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ съ нимъ связанныхъ. Такъ, довольно подробно выясняется, подъ вліяніемъ какихъ условій складывается въ человѣкѣ эта способность. И замѣчательно, Достоевскій ставитъ ее въ причинную связь съ тѣмъ, что съ точки зрѣнія житейской именно и выставляетъ князя дурачкомъ, Идіотомъ. Прежде всего, это происходитъ, по Достоевскому, отъ беззавѣтно искренняго служенія идеалу. Кн. Мышкинъ чуждъ малѣйшаго эгоизма. Въ своей идеалистической гуманности онъ не знаетъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни препятствій къ ея осуществленію. Онъ—Донъ-Кихоть—этотъ Иванушка-дурачокъ западной литературы—въ полномъ смыслѣ и дѣйствительно тотъ рыцарь, о которомъ читаетъ стихъ одна изъ героинь романа. Бесъ комизма многихъ сценъ, гдѣ кн. Мышкинъ выставляется идіотомъ, вырастаетъ именно на почвѣ этого донъ-кихотства. Надъ безкорыстно-прямолинейнымъ идеализмомъ князя, иногда кажущимся столь страннымъ, смѣются, глумятся, не стѣсняются открытыми издѣвательствами, а въ концѣ-концовъ у каждаго оказывается рана въ совѣсти. Другая черта кн. Мышкина, которая также открываетъ ему путь къ сердцездѣнію—это непротивленіе злу. Кн. Мышкинъ въ этомъ отношеніи крайній и наиболѣе послѣдовательный толстоваецъ. Его непротивленіе злу чистое, безпримѣсное, вслѣдствіе чего оно у него скорѣе сознательное активное настроеніе, чѣмъ одно пассивное «недѣланіе». Въ романѣ всѣ событія съ такой роковой силой устремляются и обрушиваются на голову несчастнаго идіота, съ такимъ очевиднымъ нахальствомъ зло устилаетъ ему всякой низостью жизненный путь, что, кажется, не хватаетъ силъ болѣе терпѣть, негодованіе невольное вызываетъ протестъ,

требуетъ восстановленія поправныхъ правъ. Что же дѣлаетъ кн. Мышкинъ? Онъ такъ просто, съ такою незлобивою протостью встрѣчаетъ весь этотъ потокъ житейской грязи, такъ бессильно оказывается она запятнать чистую душу идиота, что впечатлѣнiе получается неотразимое. Князь, не сдѣлавшій того, что дѣлаютъ все, что такъ естественно и, слѣдовательно, не житейски разумно, объявляется дурачкомъ, идиотомъ. Такииъ онъ и слыветъ. Но тѣмъ не менѣе его моральная сила непротивленiя сказывается: беззлобная простота укрощаетъ страсть, откровенность западаетъ въ душу, устанавливаются тѣсныя отношенiя, и идиотъ безъ труда видитъ то, что скрыто отъ другихъ. И, наконецъ, еще. Чѣмъ живетъ кн. Мышкинъ? Умомъ? Нѣтъ, онъ идиотъ. Но почему онъ идиотъ? Потому что живетъ сердцемъ—увы, такова безапелляционная логика жизни, и въ этомъ преобладанiи сердечной дѣятельности также источникъ сердцеви́днiя. Чувство правдивѣе мысли. Чуждое опредѣленной формулировки и, слѣдовательно, ничѣмъ не исказимое, лишенное словесной оболочки, въ которой, по выраженiю поэта, таятся ложь («мысль изреченная есть ложь», Тютчевъ) чувство интимнѣе обнажаетъ душу и открываетъ путь къ единенiю. Тонкое, стихийное, оно свободно отъ всякихъ перегородокъ и сливается души почти до тожества. Недаромъ, самая горячая молитва—безъ словъ, а любовь—безъ разсудку. Таковы факты жизни; у Достоевскаго они на каждомъ шагу. Иногда даже этимъ непосредственнымъ голосомъ сердца производится повѣрка всего душевнаго состоянiя. Въ эти рѣдкiя минуты внутренняя жизнь героевъ достигаетъ высшей степени напряженности. Такова сцена въ квартирѣ Настасьи Филипповны во время «петл-же», когда она, въ присутствiи Гаврилы Ардалионовича, спрашиваетъ у князя, выходитъ ли за него замужъ. Въ какомъ безвыходномъ положенiи очутился кн. Мышкинъ. Нельзя было ни дипломатически хитрить, ни уклоняться отъ прямого отвѣта. Вопросъ былъ поставленъ радикально. Но что князь могъ отвѣтить? Какъ мало у него было данныхъ, чтобы сказать, что нужно. Осталось довѣриться сердцу. Такъ и дѣлаетъ кн. Мышкинъ, чистосердечiемъ облегчая наболѣвшую душу.

Исторiя Идиота—сложная психологическая проблема. Въ подробностяхъ это интуитивное прозрѣнiе и тайна моральнаго воздѣйствiя выступаютъ не менѣе наглядно. Что же открываетъ эта исторiя? Безумiе ли сердцеви́дчества или сердцеви́дческое пониманiе безумiя? Думается, и то и другое. Замѣчательно, какъ во всемъ этомъ своеобразно трансформировались въ индивидуальномъ творествѣ художника народная идея объ Иванушкѣ, противъ убогаго дурачка въ тонкаго сердцеви́дца. Какое глубокое жизненное русло прокладываетъ для себя жизнь въ этомъ новосозданномъ типѣ «Другъ, Горацио»... «человѣкъ—загадка», такъ сказалъ Гёте.

Соціальная проблема.

(«Сказка объ Иванѣ-дуракѣ» Л. Н. Толстого.)

«Л. Толстой есть истинное завершеніе громаднаго періода нашей литературы. Онъ высказалъ однихъ затаенныхъ думы, неясныхъ для нея самой. Онъ—итогъ нашего общинно-земледѣльческаго мышленія» (Андреевичъ, «Очерки философ.», р. лит. 55—6), таковъ приговоръ критика. Дѣйствительно, трудно представить болѣе сложную личность, кажется сплетенную изъ противорѣчій. Тутъ есть все: и родовое, поколѣніями взлелѣянное барство—«бѣлая кость», и европейское воспитаніе и образованіе съ квинтъ-эссенціей всего западнаго, и рядомъ—ненависть къ тому же барству, отрицаніе не только Запада, но принципиально культуры вообще и какаютто ненасытная тяга къ землѣ, къ народу. Только ради прямолинейной искренности художника и могла простить литература весь этотъ закодированный кругъ противорѣчій. Между тѣмъ въ своей основѣ онъ гораздо содержательнѣе. За фигурной личностью писателя обрисовывается сѣна эпохъ, личное противорѣчіе вырастаетъ въ обостреніе коренныхъ вопросовъ нашего культурнаго существованія. Дѣло въ томъ, что ломалась жизнь, старый крѣпостной строй былъ при послѣднемъ надыханіи. Умирала и барская литература «дворянскихъ гнѣздъ»; теперь она плѣла свою отходную. Это былъ какой-то покаянный плачь, жалобы на прошлое, полубайроновская скорбь лишнихъ людей. Рядомъ же шла созидательная работа. Началась эпоха реформъ. Показались контуры новыхъ соціальныхъ отношеній. Отъ барина все повернулось къ мужику, къ народу. Его окружили ореоломъ. Переломъ этотъ впервые обнаружился въ литературѣ. Призывъ «въ народъ», «къ народу», съ разными оттенками отъ «Мужика Марем» до Стеньки Разина сталъ ея кличемъ. Л. Толстой оказался на изломѣ этихъ двухъ теченій, двухъ культуръ. Съ его проповѣдью «упрощенія» мы уже имѣли дѣло. Теперь предъ нами новый вариантъ «демократической литературы»: «Сказка объ Иванѣ-дуракѣ и его двухъ братьяхъ Семенѣ-воинѣ, Тарасѣ и о нѣмой сестрѣ Маланѣ». Здѣсь мы опять встречаемся съ народнымъ типомъ дурачка. Но онъ уже успѣлъ переродиться. Дурачокъ у Толстого оказался представителемъ новаго общественнаго строя. Въ немъ Толстой выдвинулъ *соціальную проблему*, ставшую тревожной задачей нашего времени.

Сказка самая обычная. Рассказывается, какъ у одного мужика были три сына. «Старшій Семенъ пошелъ на войну,—царю служить, Тарасъ пошелъ въ городъ, къ купцу торговать, а Иванъ дуракъ съ дѣвкой остался дома работать, горбъ наживать». Ужъ изъ такого начала сказки видно, что смыслъ ея многосказательный. Три лица не болѣе какъ символы, типическое олицетвореніе трехъ сословій: военнаго, купческаго и крестьянскаго. Каждое представлено съ своими классовыми чертами, выдерживающими во всемъ ходѣ разсказа свой индивидуальный характеръ. Но на первый планъ выдвигается здѣсь крестьянское сословіе, причемъ значеніе

его выдвигается не только со стороны экономической, но и вообще как своего рода принципъ. Такъ происходитъ по сказкѣ. Оба брата выходятъ изъ крестьянской семьи, какъ изъ своей ячейки. Разжившись на сторонѣ, эти люди, жадные и хитрые, люди широкаго размаха и властнаго захвата, они недовольны прибрѣтеннымъ и ищутъ еще себѣ поддержки у роднаго дома, требуя части наслѣдства. Сказка ихъ удовлетворяетъ, несмотря на всю незаконность притязаній. Такъ оба сословія органически связаны съ землей, съ земледѣльческой работой. Земля ихъ вѣчная кормилица-мать, къ ней всегда у нихъ будетъ неодолимая тяга, боль сердца. Отъ ея производительныхъ силъ всѣ выгоды и невыгоды ихъ существованія.

Но вотъ наслѣдство получено, связь порвана. Использовать полученное, сословія-братья, каждое по своему, создадутъ самостоятельную жизнь. Оторвавшись отъ корня и доведя обособленіе до конца, они кончатъ крайнимъ банкротствомъ. Сословная исключительность, не производящая цѣнностей, въ самой себѣ носитъ зачатокъ смерти. Этотъ экономическій и моральный распадъ снова приводитъ братьевъ домой, къ Ивану. И понятно, имъ болѣе некуда дѣться и не остается ничего, какъ возвратиться къ забытому крестьянству. Только сами они стали хуже. Въ оторванной отъ живого корня обстановкѣ служилаго и промышленнаго класса у нихъ переродились основныя понятія, листья загордились предъ корнями. Это первая стадія толстовской сказки. Предъ нами начало броженія на почвѣ культурно-историческаго кризиса. Жизнь выбилась изъ своей биологической колеи. Нельзя жить безъ воздуха, нельзя жить, не производя цѣнностей жизненныхъ благъ—такова идея Толстого.

Однако, воротившіеся къ крестьянству братья вовсе не склонны въ немъ остаться. Они всячески рвутся къ излюбленнымъ занятіямъ. Пользуются для этого первымъ же случаемъ (см. сказку). Вскорѣ всѣ три брата становятся царями и развертываютъ широкую дѣятельность. Сказка такимъ образомъ растетъ. Не взаимоотношеніе сословій уже тутъ на первомъ планѣ, а вопросъ о политической программѣ, о принципиальной важности разныхъ социально-государственныхъ отношеній. Критикуя ихъ съ точки зрѣнія народныхъ понятій, Л. Толстой въ образѣ дуракова царства рисуетъ своеобразную картину новаго общественнаго и экономическаго строя. Семень-воинъ создалъ милитаристическое государство. Вся его жизнь и политика были проникнуты военными интересами. Хорошо царствовалъ Семень. Большой славы и власти достигъ онъ. Чего бы онъ ни захотѣлъ, онъ все могъ потребовать, и все для него было готово. «На что только глаза вскинетъ, то и его». Только слишкомъ тяжелымъ гнетомъ ложилась эта политика «солдатскаго постоя» на подданныхъ. Всѣ были въ рабскомъ страхѣ и угнетеніи; каждый только дрожалъ за свое существованіе. Сначала дѣйствительно былъ успѣхъ. Но когда ненасытная жажда крови увлекла Семена дальше, его царство гибнетъ, и гибнетъ не столько отъ внѣшняго врага, сколько отъ вакханальной воинской оргіи, разоренія, разврата и вырожденія. Тарасъ-брюханъ создалъ торгово-промышленное госу-

дарство. Все въ немъ было основано на капиталѣ. Множество разнообразныхъ потребностей породило разнообразіе производствъ, а внутренняя борьба труда и капитала осложнила и дифференцировала еще больше государственную жизнь. Марксистскій капитализмъ царилъ во всей силѣ. Хорошо царствовалъ Тарасъ. Много богатствъ скопилъ онъ у себя. Неудержимымъ приростомъ приплывали къ нему деньги. Всего у него было вдвоемъ и все онъ могъ приобрести на свои деньги. Непосиленъ былъ лишь для подданныхъ этотъ капиталистическій строй государства. «Взыскивалъ Тарасъ деньги и съ души, и съ прохода, и съ проѣзда, и съ лаптей, и съ онучъ, и съ оброка». Вдобавокъ, капитализмъ, возрастая, всего безжалостнѣе былъ именно къ маленькому труженику. Съ безчеловѣчной примонинейностью губилъ онъ его, то держа его на полуголодной платѣ, то въ безработной нищетѣ. Въ концѣ-концовъ рушится и Тарасово царство. Классовыя и экономическія противорѣчія приводятъ къ неизбѣжной развязкѣ буржуазно-капиталистическій строй.

«Не плохо жилъ и Иванъ-дуракъ, рассказываетъ дальше Толстой. Какъ только похоронилъ тестя, снялъ онъ съ себя царское платье—женѣ отдалъ въ сундукъ спрятать, опять надѣлъ пасконную рубаху, портики и лапти обулъ, и взялся за работу». Жена его тоже за работу взялась. «И ушли всѣ умные изъ Иванова царства, остались одни дураки. Денегъ ни у кого почти не было, жили работали, сами кормились и людей добрыхъ кормили». Такъ и течетъ жизнь въ дураковомъ царствѣ безъ оброковъ, безъ судовъ, безъ войска, безъ денегъ. Всѣ живутъ, работаютъ, другъ другу помогаютъ, кормятся. «Кто не въ силахъ работать, тотъ какъ пастухъ по дворамъ ходить, а кто лѣнится работать, тому за столомъ объѣди».

Не трудно прояснить окраску толстовскихъ идей: предъ нами картина *соціалистическаго* царства. Конечно, это не социализмъ въ чистомъ видѣ, но существенныя черты его тождественны. По тактикѣ дѣйствій толстовскій социализмъ *анархическій*. Онъ радикально отвергаетъ весь существующій полицейско-денежный строй. Это отрицаніе, будучи актомъ органической неприемлемости культуры въ дураковомъ царствѣ, несравнимо ни съ чѣмъ по своей силѣ и выразительности. Здѣсь не страшны ни «военныя положенія», ни административный гнетъ, ни нашествіе враговъ. Всякое насиліе разбивается о наивное непротивленіе и неспособность къ насильственному усвоенію культуры обитателей Иванова царства. Ихъ не соблазняютъ никакія приманки теплой буржуазной жизни, ни хитрыя уловки разныхъ компромиссовъ. Но отсюда вытекаетъ также, что этотъ анархизмъ *революціонный*. Онъ безъ крови и желѣза, безъ баррикадной бойни. Его сила во внутреннемъ убѣжденіи, въ нравственной выдержкѣ, въ неподкупной чистотѣ принципа. Неудивительно, что предъ такой моральной силой оказываются призрачными всякія попытки «побѣды и одолженія». Съ внѣшней стороны, конечно, онѣ будутъ, но съ внутренней будетъ то же, что во времена римскаго владычества, подточеннаго изнутри вѣрою «рабовъ» въ Распятаго.

Но если такова тактика народно-толстовскаго социализма, его сущность— *въ общинномъ коммунизмѣ и въ правѣ на земледѣльческій трудъ*; по Толстому, это двѣ основоположительныя, біологическія нормы.

Общинный коммунизмъ давно выдвигался какъ характерная особенность нашего крестьянскаго земледѣльческаго строя. Еще когда въ вѣрностномъ мужицкомъ людѣ не видѣли ничего кромѣ «подлаго сословія», на общину ссылались, какъ на такое достояніе, какого не имѣетъ Западная Европа. Славянофилы выставляли ее какъ панацею всѣхъ золъ. Также усердно пропагандировали ее и западники. Особенно горячимъ апологетомъ ея былъ Герценъ. По его мнѣнію, «русскій народъ въ устояхъ своей жизни, въ голосѣ совѣсти—социалистъ и коммунистъ по преимуществу». Несомнѣнно, въ такой пропагандѣ «общины» было много утопизма и романтики, тѣмъ не менѣе вліяніе ея въ свое время было громадно. Въ недавнее прошлое, въ борьбѣ народниковъ съ марксистами, цѣнность общины понизилась. Но ея современный распадъ и нѣкоторыя отрицательныя черты скорѣе надѣ отнести на счетъ нашихъ общихъ политическихъ условій. Представленная внѣ узкаго доктринерства и мертвенности, она имѣетъ въ себѣ наиболѣе специфическія черты социализма, и къ этому расширенному коммунисту общины всего болѣе подходитъ социализмъ толстовскаго дуракова царства. У Толстого онъ не столько юридически правовой или партійный, сколько бытовой и моральный. Въ немъ гораздо больше товарищеской общности жизни, труда, интересовъ и т. п., чѣмъ соціальной принудительности круговой поруки. Самая эта община воспитала въ коммунистическомъ толстовскомъ царствѣ сознаніе нравственной цѣльности общины и вражду ко всему разлагающему. Жить сообща, кормиться, сообща устраивать свою культуру, всегда имѣть въ виду не личный только эгоистическій интересъ, но интересъ общій—въ этомъ главный смыслъ и сила мозолистаго дуракова царства. Самъ Толстой не связывалъ этотъ будущій соціальный строй ни съ какой юридической формулой. Будетъ ли это простая артель, товарищество или организованная община, или даже социалистическое государство а la Беллами—для Толстого безразлично. Тисловъ формы у него нѣтъ, кромѣ одного принципа: «другъ за дружку и всѣ за всѣхъ».

Въ противоположность этому, другой принципъ—право на земледѣльческій трудъ проведенъ въ сказкѣ съ самою рѣшительной определенностью. Человѣкъ—сынъ земли. Отсюда, на основаніи философскихъ предпосылокъ, вслѣдъ Генри Джорджу, и моральныхъ соображеній, Толстой приходитъ къ мысли объ обязательности земледѣльческаго труда для человѣка. Для него онъ то же, что свѣтъ и воздухъ. Имъ определяются всѣ отношенія. Выйти изъ этой нормы значить стать наперекоръ жизни. Трагическая судьба Семена и Тараса—лучшая тому иллюстрація. Но особенную цѣнность, по Толстому, земледѣльческій трудъ имѣетъ въ смыслѣ разрѣшенія соціального вопроса. Дѣло въ томъ, что, при всемъ его убожествѣ, порой и непроизводительности, имъ все же наиболѣе можетъ быть обеспечена возможность существованія человѣка.

Правда, при современныхъ условіяхъ отъ него чаще можно быть горбатымъ, чѣмъ богатымъ, но зато нельзя быть бездомнымъ пролетаріемъ, погибнуть отъ безработицы. А при равномерномъ распредѣленіи онъ создастъ самую благоприятную почву для дальнѣйшей индивидуальной культуры. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ въ дураковомъ царствѣ. У всѣхъ тамъ загорѣлыя руки. Земля не частная собственность, не перекупочная цѣнность. Она доступна всѣмъ желающимъ приложить къ ней рабочую силу. И нѣтъ тамъ голодающихъ, безземельныхъ деревень подлѣ безъ обработки пустыющихъ многоземельныхъ помѣстій. Является даже возможность содержать неспособныхъ къ труду и даже лѣнливыхъ.

Такъ переработанная художникомъ народная сказка развѣтвилась въ широкую социальную проблему. Деревенскій запечникъ, привязанный къ землѣ, остался вѣрнѣе и здѣсь своей личности. Онъ не пошелъ вслѣдъ за братьями искать счастья полицейско-буржуазнаго уклада, а по пословицѣ остался «на корню». Онъ искони нутромъ вѣрилъ въ святую силу земли и мощь общинной артельной работы. Сейчасъ это—вѣра Толстого; но въ поднявшемся отовсюду народномъ воплѣ «земли, земли» чувствуетъ ся, что это вѣра и самого народа.

Моральная проблема.

(«Дурачокъ» Н. С. Лѣскова).

Н. С. Лѣсковъ искренне глубоко любилъ сѣрый деревенскій людъ. Про него въ особенности можно сказать, что это былъ писатель-народникъ и даже прямо—простонародный. Съ какою-то болѣзненной симпатіей и напряженнымъ упорствомъ влечетъ онъ читателя въ самую захолустную деревенскую глушь. Начиная съ языка, у Лѣскова все проникнуто народническими мотивами.

Вполнѣ понятно отсюда, что и народный Иванушка не могъ быть забытъ имъ. Лѣсковъ воспроизводитъ его въ цѣломъ рядѣ образовъ. Но мало этого. Въ образѣ его онъ пытается нарисовать идеаль, интересуясь по преимуществу его *моральной* стороной. Дурачки, по нему, это тѣ, кто всѣхъ нравственно чище и выше, кто самоотверженнѣе готовъ на жертву ближнему, у кого любовь—единственный законъ жизни. Среди житейскаго эгоизма такіе люди всегда будутъ какими-то недозрѣлыми, недорослыми до общаго уровня, дурачками. У Лѣскова это—господствующій мотивъ во всѣхъ произведеніяхъ. Мы остановимся на небольшомъ разсказѣ «Дурачокъ».

«Былъ у насъ безродный крѣпостной,—разсказываетъ Лѣсковъ,—мальчикъ Панька. Росъ онъ на господскомъ дворѣ, ходилъ въ томъ, что ему давали, а ѣлъ на застольничѣ. Должность у него была такая, чтобы «всѣмъ помогать», это значило, что всѣ должностные люди имѣли право заставлять Паньку дѣлать всякую работу за нихъ, и онъ, бывало, безпрестанно работаетъ... Рѣдко увидишь, чтобы онъ присѣлъ къ скотной

хлѣбъ и ѣсть краюшку хлѣба, а запиваетъ водой изъ ковша. Спросили его, бывало: «что это ты, Паня, одинъ сухой хлѣбъ жуешь?»

А онъ шути отвѣчаетъ: «Какъ такъ «съ ухой» — онъ, глядишь-ка, съ чистой водицей». И никто, бывало, его не пожалѣетъ, а всѣ говорятъ: — Ему вѣдь ничего, — онъ дурачокъ.

Такъ у Паньки одна задача въ жизни — помощь ближнему. Поставлена она безъ всякой критической расцѣнки. «Всѣмъ помогать» и конечно, безъ сомнѣній, безъ раздѣла; безразлично — будетъ ли это удовлетвореніе нужды, или эксплуатація. Уже отсюда ясно, что дурачокъ Лѣскова приступаетъ къ жизни съ цѣлой программой. Сама по себѣ она не сложна, зато принципиальна, и ея исключительную цѣнность чувствуетъ самъ Панька. Съ какой полупуштивой, полувирнической улыбкой смотреть всегда онъ, когда ему ставятъ на видъ эту его прямолинейность. Все всѣ считаютъ глупостью, но про себя онъ отлично понимаетъ, что въ ней его правда и сила, и торжество. Такимъ образомъ, сразу отпадаетъ вопросъ о глупости Паньки. Предъ нами яркій *нравственный* типъ. Центральный вопросъ — служеніе ближнему — разворачивается въ драматическую пьесу, доходить до философскаго обобщенія — ума и глупости. Каждый шагъ его — сжатая, но выразительная въ своей опредѣленности программа.

Новый фактъ. Одинъ изъ дѣтей коровницы, прозванный «творожничкомъ» Петруша, стерегъ вмѣстѣ съ дурачкомъ лошадей въ полѣ, стерегъ, стерегъ да и заснулъ, а лошади ушли въ озимь. Увидалъ это управляющій и приказалъ идти въ контору получать 20 розогъ. Управляющій жестокий — пощадить нѣтъ. «Творожничекъ» Петруша измученъ. Панька утѣшаетъ товарища. Но тщетно. Тогда у него созрѣла мысль самому сбѣгать въ контору. А черезъ нѣсколько времени узнали, что «взбрыкнулъ» не того пастушонка, для кого было назначено, и «всѣ надъ Панькой сбѣлись», убѣждаясь, что онъ дуракъ и взаправду. — Этотъ случай раскрываетъ съ новой стороны мысль Лѣскова. Раньше въ Панькѣ мы видѣли лишь отвлеченный принципъ, взятый какъ аксіома или парадоксъ, естественно казавшійся глупостью. Личнаго отношенія къ нему тамъ почти нѣтъ. Здѣсь же какъ разъ все зиждется на этомъ субъективномъ моментѣ. Тутъ ужъ Панька лицо страдательное. Повидимому, онъ весь ушелъ въ жалость къ несчастному товарищу. Врядъ ли онъ даже сознавалъ весь предстоящій моментъ. Въ немъ все замолкло, касающееся личнаго самохраненія. Вотъ эта-то безраздѣльность альтруистическаго чувства и есть здѣсь самая существенная черта. Лѣсковъ въ ней продолжаетъ развитіе нравственной проблемы. Идеаль чуждъ компромиссовъ: все или ничего. Тѣмъ-то онъ высокъ и цѣненъ, что онъ не можетъ ни выѣтриться, ни во что-либо переродиться. Отсюда неизбежная трагическая судьба его поборниковъ. Они рѣдко побѣждаютъ, чаще неуклонно влекутся къ гибели. Обычно имъ предстоитъ одно изъ двухъ: или, придавленные героическою тяжестью, особенно при нарушеніи общаго душевнаго равновѣсія, они погибаютъ, или же, свободные отъ раздвоенія и вѣшняго насмѣя,

они слывуть среди царящей обыденщины за Донъ-Бихотовъ, дурачковъ, блаженныхъ. Дурачокъ Лёскова—живой примѣръ. Чѣмъ субъективнѣе его дѣло, чѣмъ больше въ немъ индивидуальнаго почина, тѣмъ сильнѣе и убѣжденнѣе будетъ общественный голосъ, что онъ и всё ему подобныя дурачки и взаправду.

Обращаемся дальше къ разсказу. Начинается крымская кампанія. Въ деревнѣ плачь, надгробныя причитанья... Просился на войну и Панька. «Буда тебѣ? Вѣдь надъ тобой тамъ смѣяться стануть». А онъ и отвѣчаетъ: «то и радостнѣй—хочотать-то веселѣе, чѣмъ ссориться; если всёиъ станетъ весело, такъ всё и замрятся». Свезли Паньку въ городъ. Сдатчиновъ послѣ спрашиваютъ:

— Небось, смѣются тамъ надъ дуракомъ?

— Да, на первыхъ порахъ было смѣялись, да онъ на всё деньги на базарѣ пироговъ накупилъ и всёиъ роздалъ, а себя позабылъ. Всё стали головой качать и ломать ему по половникѣ, а онъ засовѣстился и говорить: «Что вы, братцы, я вѣдь безъ хитрости! Кушайте!» А на утро онъ все убралъ, да старымъ солдатамъ сапоги вычистилъ. Стали хвалить его и спрашиваютъ: «Что онъ у васъ дурачекъ, што ли?»—«Не дуракъ, а... малость такъ, отвѣчали сдатчини».

Теперь центр тяжести переносится на окружающихъ, и интересный открывається психологическій фактъ, рисующій отношеніе среды ко всему, на чемъ лежитъ печать сколько-нибудь идеальнаго. Еще ничего не зная про Паньку, уже истолковываютъ всё его поступки въ смыслѣ глупости. Ни мысли о его нравственной исключительности, ни представленія о его умственномъ превосходствѣ, ни просто предположенія о какой-либо его оригинальности,—ничего подобнаго имъ не приходитъ въ голову. Стоя въ недоумѣніи, она уже выносятъ приговоръ, и первая же мысль у ихъ: «что, онъ у васъ дурачокъ, што ли!»

Удивительно, какъ скоро услужливое соображеніе находитъ всеобъясняющую причину. Психологически это понятно. Вѣдь такъ выгодно смѣяться надъ романтическимъ донкихотствомъ разныхъ Панекъ и, возвеличивъ себя на чужой счетъ, такъ легко торжествовать принципиальную побѣду.

Но самый замѣчательный случай въ жизни Паньки,—это когда онъ жилъ у татаръ въ пастухахъ. Былъ тамъ одинъ конокрадъ Хабибула, особенно воровски обдѣлывавшій свои дѣла. Наконецъ, и онъ попался хозяину Паньки, жестокому Хану-Джангару. Не успѣвши учинить расправу, онъ поручилъ Панькѣ хранить Хабибулу «какъ свою душу». Ханъ уѣхалъ. Панька начинаетъ уговаривать Хабибулу перемѣнить воровскую жизнь. «Только въ томъ вѣдь и дѣло, чтобы хорошо захотѣть человеку исправиться... Брось дурное, а Богъ сейчасъ зачнетъ помогать тебѣ дѣлать хорошее». Наконецъ, Панька отпускаетъ Хабибулу и говоритъ: «Ханъ мнѣ сказалъ, чтобы я тебя какъ свою душу берегъ, а вѣдь знаешь ли, какъ надо свою душу беречь? Надо ее не жалѣть, а пусть ее за другихъ по-

страдаетъ, потому что я терпѣть не могу, когда другихъ мучаютъ». Воротился Ханъ-Джангаръ, услышалъ о случившемся и глазами, и ушами своимъ не вѣрить. «Тутъ сталъ Ханъ-Джангаръ водить глазами во всѣ стороны, а потомъ и говорить своимъ спутникамъ-татарамъ: «А вѣдь Паньку, сдается, нельзя казнить, потому что въ его душѣ, можетъ быть, ангелъ былъ».—«Да,—отвѣчали татары всѣ однимъ тихимъ голосомъ,—нельзя намъ ему вредить: мы его не понимали много лѣтъ, а теперь онъ въ одно мновеніе сталъ есть намъ ясенъ: онъ вѣдь, можетъ быть, праведный». Последняя фраза вскрываетъ еще интересную черту въ нравственной области. Дѣйствительно, странно это «непониманіе»; здѣсь оно тянется «много лѣтъ», но чаще, становясь хроническимъ, оно перерождается въ окончательный приговоръ надъ дурачками, безапелляціонный, какъ ходячее понятіе, какъ ключъ. Но бываютъ минуты, чрезвычайныя минуты, какого-то осѣненія, когда во всей ягучести станетъ ясной вся острая неправда доселѣ незыблемыхъ понятій. Разные мелкіе незаурядные факты еще можно было перетолковывать, какъ глупость. Но порой они бываютъ ослѣпительно ярки; вопиющимъ укоромъ вбиваются они въ совѣсть. Взять хотя бы настоящій примѣръ. Пресловутой глупости дурачка уже нѣтъ и тѣни. Напротивъ, такимъ смѣлымъ, вызывающимъ героизмомъ дышитъ поступокъ Паньки. Въ немъ столько благородства и нравственной силы, что даже грубое сердце полудикаря Хана-Джангара приноситъ ему невольную дань уваженія. Но здѣсь интересенъ вопросъ: кто всѣхъ слерѣй почувствуетъ и оцѣнитъ эту силу, кто правдивѣе отнесется къ ничому убожеству. Лѣсковъ не безъ тонкаго чутья связываетъ этотъ фактъ съ непритязательнымъ укладомъ спутниковъ Хана. Потрясенные видѣннымъ и слышаннымъ, они отозвались на него, какъ настоящія дѣти природы, со всею непосредственностью чувства. Дѣйствительно, только такіе простые сердцемъ, отрѣшившіеся, хоть на моментъ, отъ докучливыхъ обыденныхъ понятій, будутъ близки всегда скромному, но величавому подвигу дурачка. Въ эти исключительныя минуты какъ-то особенно, предъ лицомъ тайны жизни, проясняется сознаніе, и въ смущенныхъ сердцахъ, какъ нѣкогда у креста, проносится тихое раздумье, и нѣмыя уста невольно шепчутъ слова: «а вѣдь, быть можетъ, они праведные».

Двѣ трагедіи.

(«Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ» А. Толстого и «Докторъ Крушовъ» А. Герцена.)

Наша народная словесность въ полномъ смыслѣ *народная*. Это своеобразный міръ понятій и образовъ и художественной техники. Здѣсь есть свои ходячіе приемы, излюбленныя идеи и взгляды. Нѣкоторые изъ послѣднихъ отъ частаго употребленія сами стали техническими приемами. Интересны два такихъ оборота: одинъ касается дурачка Иванушки, другой—его братьевъ. Первый художественно разработанъ въ трагедіи А. Толстого «Ѳеодоръ Іоанновичъ», другой сталъ основой повѣсти Герцена «Докторъ Крушовъ».

Что народная сказка по преимуществу драма, а ея герой—лицо драматическое, врядъ ли можно сомнѣваться. Совершая подвиги, нашъ герой вѣчно наталкивается на всевозможныя препятствія и, столкнувшись съ ними, то озадаченный, то подавленный, неутишно горюетъ. Въ сказкѣ эти моменты отлились даже въ стихотворныя формулы, вродѣ: «это что за горе; горе впередъ» или: «не плачь, Иванушка, ты, знай, Богу молись да спать ложись». Такимъ образомъ, вся жизнь до заключительнаго торжества,—отчаянная борьба, сплошная трагедія. Вотъ этотъ драматизмъ судьбы народнаго героя и разработанъ въ трагедіи А. Толстого. Всенародное убѣжденіе въ неизбежности Иванушкиной трагедіи, уловленное чуткимъ сердцемъ художника, воплощено въ классическія формы; почка распустилась цвѣткомъ.

Слабый тѣломъ и духомъ, болѣзненный царь Федоръ очень напоминаетъ сказочнаго Иванушку. Еще до престола—онъ вдали отъ двора, отъ всей той то разнузданной, то церемонной пышности порывисто-грознаго Юаннова царствованія. Тяжелая, полная кровавыхъ сценъ и тревогъ обстановка ничему не научила житейскому царевича. И для отца, и для бояръ онъ былъ не болѣе какъ жалкій богомольный пономарь, скудоуміе котораго ничего не обѣщало добраго для будущаго. Загнанный, презираемый всѣми, несмотря на видимый почтительный этикетъ, царевичъ былъ именно, какъ Иванушка, въ «запечѣ». Но вотъ онъ царь; царь—почти пошевокъ. Онъ самъ сознаетъ свою неспособность. «Я знаю, что я не умѣю править государствомъ, какой я царь! Меня во всѣхъ дѣлахъ и съ толку сбить и обмануть нетрудно». За непосильнымъ трудомъ онъ слишкомъ переутомленъ, надорванъ. Не для житейскихъ тревоженій и битвъ рожденъ онъ; это царь Федоръ чувствуетъ на каждомъ шагу. Но въ то же время онъ не можетъ оставить престола: это его долгъ, его подвигъ. Съ какою страшною мольбою обращается онъ къ памяти отца: «Царь батюшка! Ты, столькожъ покаяньемъ, раскаяньемъ и мукой искупившій свои грѣхи! Ты, съ Богомъ нынѣ сущій! Ты царствовать умѣлъ! Наставь меня! И быть царемъ меня ты научи». Но и оставить престолъ не на кого... Боярамъ? Но онъ хорошо помнитъ ихъ крамолы. Приближеннымъ? Но царство имъ нужно для своихъ лишь выгодъ. А кругомъ нестроенія, беспорядокъ, идутъ вѣсти о нашествіи враговъ; нужно единодушіе и хоть какая-нибудь власть. Нѣтъ, онъ не покинетъ престола». Онъ, сказочный Иванушка, при всемъ убожествѣ, долженъ идти на подвигъ. И отъ этой раздвоенности—сознанія безсилія, съ одной стороны, и тяжелой отвѣтственности свыше возложеннаго долга—съ другой, душа убогаго царя разрывается отъ мукъ. Итакъ, въ душѣ царя—борьба и страданія. Но обстоятельства осложняются, и драматизмъ растетъ. Царь Федоръ, конечно, не изъ тѣхъ, кто, взявшись за дѣло, хотя бы и противъ желанія, могли относиться къ нему какъ-либо безучастно и небрежно. Въ своемъ уединеніи, посторонній наблюдатель, не стѣсняемый въ убѣжденіяхъ, онъ могъ по-своему судить объ окружающемъ и создать себѣ иной, чѣмъ какой онъ

видѣлъ, идеалъ жизни. Къ тому же ужасы кроваваго царствованія отца, сопровождавшіеся сплошными неудачами внѣшней и внутренней политики, были слишкомъ поучительны, чтобы не мечтать о чемъ-либо другомъ, болѣе лучшемъ. И это была не программа, не придворная выправка. Это былъ скорѣе порывъ не находящейся у практическихъ дѣлъ мечты, органическій протестъ противъ отца-палача, врядъ ли ясно сознаваемый. Съ самыми благими намѣреніями вступаетъ Федоръ на престолъ. «А я хотѣлъ добра, Аринушка,—говоритъ онъ,—я хотѣлъ всѣхъ согласить, все сгладить». Глубоко набожный, все время живущій въ сферѣ высокихъ примѣровъ святыхъ, царь Иванушка мечтаетъ и жизнь перестроить согласно идеальнымъ принципамъ. Сцена примиренія Годунова съ Шуйскимъ, устроенная царемъ, производитъ глубокое впечатлѣніе силою гуманныхъ чувствъ. А тамъ, гдѣ царь Федоръ уличеннаго въ измѣнѣ Шуйскаго, посылаетъ лишь «раздѣлать» все, сцена невольно очаровываетъ красотой великодушія.

Однако въ этой идеальности царя для него источникъ новой мучительной трагедіи. Съ самыхъ первыхъ шаговъ дѣятельности высокія мечты государя наталкиваются на непреоборимыя затрудненія. Оказывается, между его ближайшими помощниками идетъ исконная непримиримая вражда. Въмѣсто служенія родня обнаруживается своекорыстная борьба съ цѣлью вырвать власть изъ рукъ слабого царя. Тяжелое чувство томитъ Федора, возрастающее во время примиренія. Здѣсь еще глубже обнаруживается эта подпольная вражда злыхъ силъ. Когда Годуновъ и Шуйскій дали другъ другу руки, царь радостно восклицаетъ: «спасибо вамъ, друзья мои! Аринушка! Вотъ это въ цѣлой жизни моей лучшій день». Завѣтная дума его исполнилась. Но трагедія подстерегаетъ свою жертву. Слышны шумъ, крики; во дворецъ вваливается толпа; она открыто возмущается свершившимся примиреніемъ. Столѣтній старикъ Бурюковъ, не слушая никого, съ увесіемъ рассказываетъ объ этой исконной борьбѣ. «Бывало, слышишь, бьютъ набать у Спаса,—вставай, купцы! Вали къ одной изъ Шуйскихъ! Тутъ поскорѣ лавку на заборъ, бѣжишь на площадь, анъ ужъ тамъ и валка». Тщетно миролюбивый царь пытается усовѣстить раскодившагося старика: «то грѣхъ великій, дѣдушка!» тотъ его не слушаетъ, продолжал ладить одно: «съ сѣкирами, съ сѣкирами!» Но испытанія продолжаются. Враждебныя стороны, повидимому, примирились... и вдругъ сторонники Шуйскихъ съ плачемъ молютъ защитить ихъ отъ Годунова. Царь удивленъ, пораженъ, подавленъ. «Какъ это можно? Мой шурина любитъ васъ. Ты имъ скажи, Борись, что ты ихъ любишь». Но своей чуткой душой онъ уже чувствуетъ, что тотъ имъ не скажетъ, и вся сцена примиренія, несмотря на видимое благолѣпіе, обернулась для царя темной стороной. А дальше новый инцидентъ. Вскорѣ бьетъ челомъ царю кн. Шуйскій, что «Годуновъ солживилъ клятву», купцовъ, бывшихъ у царя, велѣлъ схватить и увезти невѣдомо куда. Царь не вѣритъ своимъ ушамъ. Нарушить клятву! Преступить Божескій законъ?! Все это не умѣщается въ душѣ

правдиваго, цѣломудреннаго царя. Такъ реальная жизнь топчетъ наивный идеализмъ разныхъ Иванушекъ.

Что же теперь остается дѣлать царю Федору? Уйти отъ міра? Замкнуться въ себя, въ своемъ личномъ мірѣ, гдѣ уже, кажется, его никто не можетъ тронуть. И вотъ царь Федоръ хочетъ оказать любовь родному, воротить изъ ссылки царевича Дмитрія. Ирина поддерживаетъ его, говоря, что это семейное, а не государственное дѣло. Нѣсколько разъ заходитъ рѣчь о его возвращеніи. Царь молить, просить, требуетъ, выходитъ изъ себя, мучается отъ бессилія, но не достигаетъ ничего. Годуновъ равнодушенъ къ семейнымъ чувствамъ царя, разыгрываетъ предъ нимъ драматическія сцены и тайнѣ готовить свое дѣло. Кажется, ужъ достаточно всего. Но людская неправда и своекорыстная вражда протягиваютъ свои цѣпкіе щупальцы въ самый интимный міръ души царя... Только что Федоръ великодушно простилъ измѣнника Шуйскаго, врывается Шаховской съ челобитной, въ которой за подписью всѣхъ Шуйскихъ оказывается постановленіе развести царя съ женой и выдать за него другую. Царь подавленъ, угнетенъ. Большаго надѣвательства онъ не въ силахъ представить. «Насъ разлучить съ тобой! Не будетъ! Нѣтъ! Пускай придутъ! Пусть съ пушками придутъ!» Нѣтъ, это свыше силъ царя Безгранично, беззавѣтно любить онъ свою Ирину. Ихъ отношенія, въ изображеніи А. Толстого, такъ сердечны, такъ деликатны и нѣжны, такой возвышенной красотой и счастьемъ вѣетъ отъ нихъ... И вдругъ все, все, самое драгоценное и святое въ душѣ царя, безчеловѣчно попирается—и кѣмъ же? Тѣмъ, въ кого онъ вѣрилъ, кому онъ только что оказывалъ свою милость.

Последнее дѣйствіе какъ бы группируетъ всѣ ужасы, обрушиваясь грозной лавой на душу бѣднаго царя. На Красной площади сѣкутъ головы сторонникамъ Шуйскаго; самъ Шуйскій въ тюрьмѣ. Идутъ вѣсти одна другой страшнѣе: Иванъ Петровичъ, уже прощенный царемъ, «петлей удавился» (?); углицкій царевичъ Дмитрій «упалъ на ножъ», Шаховской убитъ, а ханъ татарскій съ полками уже къ Москвѣ подходит. Царь въ отчаяніи подъ тяжестью давящаго рока. «Моей виной случилось все,—въ безысходной горести восклицаетъ онъ,—Боже! Боже! За что меня поставилъ Ты царемъ». Трагедія кончается. Исчерпано все. Убогому царю остается одинъ удѣлъ—могила. Занавѣсъ опускается. Такова эта трагедія народнаго Иванушки, а вмѣстѣ и неизбежная общечеловѣческая трагедія добра, любви, братства и всѣхъ тѣхъ идеалистическихъ чувствъ и принциповъ, которые, какъ звуки небесъ, приносятся въ міръ печали и слезъ дѣйствительности. Но въ сказкахъ обычно она спрятана за торжествомъ жизни, скрыта въ ходячихъ формулахъ; въ трагической судьбѣ царя Федора она представлена выпукло, въ живомъ процессѣ.

Обращаемся къ братьямъ Иванушки. Съ самаго начала и почти до конца оба брата въ сказкѣ выводятся всегда полные торжествующаго самодовольства. Общенародный голосъ признаетъ въ нихъ своихъ дѣйствительныхъ строителей жизни. Сказка съ авгурскимъ сочувствіемъ бла-

гополучно проводить ихъ среди всѣхъ случайностей и превратностей жизни. Эгонистическая безтактная самоувѣренность ихъ растетъ по мѣрѣ дутаго успѣха. Кажется, вся жизнь угодливо преклоняется передъ ними, и вдругъ, у самой послѣдней грани все лопается: сказка измѣнически покидаетъ недавнихъ любимцевъ. На сценѣ появляется настоящий виновникъ событій—Иванушка. Нахальный обманъ изобличается очевидностью фактовъ. Возстановляется поруганная правда, воцаряется подлинный герой, а о братьяхъ умираетъ послѣднее воспоминаніе. Куда же они дѣваются? Какова ихъ участь? Сказка молчитъ, (и это молчаніе—ея обычный приемъ. Повѣсть Герцена «Докторъ Крупновъ» восполняетъ пробѣлы, продолжаетъ оборванную сказку. Онъ глубже всматривается въ нравственный обманъ братьевъ, наблюдаетъ въ подробностяхъ ихъ жизнь, осмысливаетъ мировоззрѣніе и, наконецъ, разгадываетъ загадку. Передъ читателемъ разгрызается новая трагедія—*братьевъ Иванушки*. Если у самого его она являлась трагедіей идеалистическаго индивидуализма, здѣсь—трагедія буржуазной морали «мѣщанства».

Странно слышать о трагедіи тамъ, гдѣ все дышитъ самоудовлетвореннымъ спокойствіемъ. Но оно только внѣшнее. Внутри же, прослѣживая жизнь братьевъ Иванушки, вскрывая факты одинъ за другимъ, перетряхивая самыя незыблемыя понятія, Герценъ видитъ одну зіяющую рану въ самомъ кошмарномъ видѣ. Черный призракъ съ мифистофелевской улыбкой проглядываетъ сквозь благогѣлную буржуазную тишь да гладь, и выводы, какъ змѣи, сами ползутъ изъ-подъ внѣшняго благопріятія. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Все рѣзче чувствуется Герцену дыханіе много начала, околдовавшаго жизнь, и онъ, наконецъ, находитъ ему имя—*Безуміе!* Въ фальшивомъ блескѣ истукана, увѣшеннаго погремушками, въ чадѣ его жертвъ всюду видится Герцену эта едва скрываемая маска царящаго кругомъ *безумія*. Милліонъ терзаній всѣмъ много, небуржуазнаго уклада, кто попалъ въ его среду. Такъ именно обстоитъ дѣло въ повѣсти «Докторъ Крупновъ». Только Иванушка здѣсь—самъ авторъ «съ милліономъ терзаній», «съ горемъ отъ ума», а его братья вся жизнь со всѣмъ ея лукавымъ безуміемъ, отъ котораго не въ состояніи спасти никакая «заграница». Сюжетъ повѣсти несложенъ. Это психіатрическая автобіографія одного доктора. Еще ребенкомъ онъ сдружился съ деревенскимъ дурачкомъ Левкой, сыномъ пономаря. Съ дѣтства это былъ шустрый мальчикъ съ незаурядными, хотя нѣсколько индивидуальными дарованіями. Дикое воспитаніе, съ вѣчными побоями, сдѣлало изъ Левки совсѣмъ идіота. Никто не любилъ Левки. Всѣ надъ нимъ издѣвались. «Унижая его,—говоритъ Герценъ,—казалось, добрые люди росли въ своихъ собственныхъ глазахъ». И вотъ молодой Крупновъ сталъ задумываться. Да такъ ли это? Что за болѣзнь Левки? Гдѣ ея корень? Да и болѣзнь ли это? «Съ чего люди, окружающіе Левку, воображаютъ, что они лучше его, отчего считаютъ себя въ правѣ презирать это существо тихое, доброе, никогда никому не сдѣлавшее зла». «Да, онъ былъ дуракомъ собою, но никто не далъ себѣ труда

вглядѣться въ его лицо, оно вовсе не лишено своей красоты». Затѣмъ, и въ житейскихъ отношеніяхъ, и въ общихъ взглядахъ на жизнь Крупновъ вовсе не находитъ Левку такимъ глупымъ, какимъ его всё считали. Дальнѣйшія наблюденія приводятъ Крупнова къ выводу, что дурачки-юродивцы—люди иной природы, «что официальные патентованные сумасшедшіе въ сущности не глупѣе и поврежденнѣе остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе другихъ». Въ концѣ-концовъ у доктора Крупнова складывается безповоротное мнѣніе: жалостливое чувство должно быть не къ этимъ убогимъ дурачкамъ; гораздо страшнѣе и трагичнѣе другое убожество, прикрытое наружнымъ благолѣпіемъ, въ которомъ таится не какая-нибудь глупость дурачка, а дѣйствительное въ своемъ ужасѣ безуміе. Факты налицо. «Главный докторъ,—рассказываетъ Крупновъ,—у насъ добрейшій въ мірѣ человекъ, но, безъ сомнѣнія, самый поврежденный изъ всѣхъ больныхъ его. Онъ надѣвалъ, наприм., на себя одинъ шейный и два петличныхъ ордена для того, чтобы пройти по налатамъ безумныхъ. Онъ давалъ чувствовать фельдшерамъ, что ему пріятно, когда ему говорятъ ваше превосходительство, а чиномъ онъ былъ статскій совѣтникъ и проч.». Или еще. «Въ заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старичокъ, вообразившій, что онъ гораздо лучше докторовъ знаетъ, какъ надобно ходить за больнымъ и всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него становилось стыдно; однако, главный докторъ съ непокрытой головой слушалъ его до конца благоговѣнно и не говорилъ ему, что это вздоръ». Въ сущности говоря, факты ничтожны, больше даже шутивые. Въ жизни ихъ—милліоны. Но острый взглядъ живой совѣсти уже заклеилъ эту нимолетную и незамѣтную для самихъ актеровъ сцену, вскрывъ на мутномъ негативѣ жизни нити опутавшаго жизнь безумія. Занятія въ университетѣ психіатріей и послѣдующія наблюденія въ качествѣ врача все больше убѣждаютъ Крупнова въ справедливости его основной мысли, «что Левка глупъ на свой салтыкъ, а другіе повально глупы». «Люди окружены пѣлой атмосферой призрачной и одуряющей,—пишетъ Крупновъ въ своемъ дневникѣ,—вездѣ во всё времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірно хроническое сумасшествіе». Такъ постепенно расширяется болѣзненно взвѣшенная мысль Крупнова, переходя отъ частнаго житейскаго наблюденія въ метафизическій принципъ. Въ концѣ-концовъ это всевластное ищанство, буржуазная сытость съ ограниченнымъ кругозоромъ позитивизма, мелкій агонизмъ въ морали и царство священной домостроевщины и «культуры», прикрытой мишурными блестящими, представляется какимъ-то тысячеогненнымъ спрутомъ, задушившимъ жизнь. Такова эта исторія Крупнова, открывающая картину саморазложенія основъ столь бесспорной и въ сназкѣ, и въ жизни мудрости братьевъ Иванушки.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ въ поясненіе драматической стороны очерченныхъ типовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ главный движущій нервъ

ихъ художественной всегда драматической исторіи? Нѣтъ ли чего здѣсь центрально-объединяющаго всё типы и всёхъ писателей, являющагося характерной чертой нашего художественнаго слова?

Наша жизнь такъ уже сложилась, что человѣческую личность, свободную, могучую, творческую, она опутала какии-то непроницаемыми кольцомъ всякихъ традицій, кодексовъ, установившихся понятій и т. п. Это бываетъ, какъ мы видѣли, во всёхъ областяхъ жизни и въ нравственной, и социальной, и въ общекультурной, и въ сферѣ душевныхъ явленій. Это жизнь братьевъ Иванушки. Здѣсь они главные строители. Здѣсь они слышатъ мудрецами. Выше нея они не стануть. Все у нихъ приросло къ этой жизни.

Но неутомимая человѣческая личность не выноситъ тисковъ. Жадно рвется она на свободу, лишь только почувствуетъ это окаменѣніе формъ. Въ неутомимомъ творческомъ процессѣ она создаетъ новый міръ идеальныхъ отношеній, живой и свѣтлый уже потому, что онъ не успѣлъ еще застыть въ неподвижныхъ формахъ. И она стремится вонъ изъ душнаго темнаго царства: начинается разладъ, происходитъ столкновение. Организованная, вѣками нажитая традиція губить свѣжій ростокъ молодой жизни, но и сама умираетъ отъ внутренняго разложенія. Вотъ эта несложная всемірная драма. Ея обычный герой, убогій герой, нарушившій покой обломовщины, неисправимый революціонеръ, поднявшій мечъ непритивленіемъ злу, не кто иной, какъ сказочный дурачокъ—Иванушка. Въ художественныхъ образахъ, какъ и въ сказкахъ, онъ всегда борець. Но его борьба особая, не похожая на борьбу въ нашихъ понятіяхъ. Часто онъ совершенно бездѣйствуетъ, но его личность всколыхиваетъ вокругъ себя все стоячее болото. Вотъ это-то творческое начало личности, созданіе новой живой правды, взамѣнъ правды житейской, подзаконной, мертвой, свободный ростъ ея въ противовѣсъ и протестъ формальному началу въ ней и есть объединяющая идея всёхъ разобравшихъ художественныхъ типовъ дурачковъ. Даже особенно хорошо здѣсь то, что такими борцами за личность являются именно дурачки. Въ самомъ дѣлѣ, у кого всего больше отрицается, всячески подвергается издѣвательствамъ человѣческая личность, какъ не у нихъ, и вполне понятно, нигдѣ достоинство и даже апофеозъ ея не могъ быть выраженъ ярче, выпуклѣе, какъ въ художественной апологіи тѣхъ же дурачковъ.

Горькій сказалъ: «русская интеллигенція лучшая въ мірѣ». Намъ казалось бы, лучше перефразировать эти слова, связавъ ту же мысль съ литературой. Какъ ни трудны обстоятельства нашей исторической жизни, или, быть можетъ, благодаря имъ, русская литература во все свое прошлое, послѣ Пушкина, пуритански честно, съ какии-то аристократическимъ благородствомъ выполняетъ свою общественную задачу защиты, обереганія, освобожденія личности. Въ каждомъ произведеніи ея лучшихъ художниковъ звучитъ одинъ мотивъ—призывъ «во имя святѣйшаго изъ званій—человѣкъ». Кто создавалъ, наприм., то общественное настроеніе,

которое привело къ освобожденію крестьянъ? Русская литература проповѣдью свободной личности. Кто въ наши дни въ сонливой средѣ хмурыхъ людей подготовлялъ общественное настроеніе? Та же могучая проповѣдь свободы, рвущейся изъ-подъ придавленной жизни. Русская литература искони была нашимъ парламентомъ и храмомъ, въ которомъ была одна мольба, одно негодующее слово—въ защиту личности. Это ея главная характерная черта; это ея заслуга. Среди разныхъ превратностей нашей внутренней жизни, чуждая пристрастія, не знающая преградъ, идетъ она впередъ, съ гордымъ челомъ, высоко держа знамя съ девизомъ: «человѣкъ». Много хитросплетенныхъ путей она распутала и не одни кандалы разрубивъ, расчищая путь къ свободному развитію и совершенствованію личности. И впредь она будетъ беречь человѣка. Ея интересъ къ дурачкамъ, поборникамъ новой жизни, любовное обереганіе ихъ убогой личности служить тому залогомъ *).

А. Смирновъ-Кутаческій.

---

*) Настоящая статья, будучи вполне самостоятельной по содержанию, является продолженіемъ статьи „Иванушка-дурачокъ“ (*Вопросы Жизни*, 1905 года, декабрь), представляющей собой разработку сказочнаго матеріала объ „Иванушкѣ-дурачкѣ“. Дальнѣйшую разработку той же темы представляетъ статья подъ заглавіемъ: „Изъ нашихъ культурныхъ мотивовъ“, помѣщенная въ журналѣ *Образованіе* (1908 г., янв.).

Характеръ античной религіи въ сравненіи съ христіанствомъ.

(Рѣчь въ московскомъ религіовно-философскомъ обществѣ памяти Вл. Соловьева.)

Оцѣнка античной религіи въ сознаниіи христіанскаго общества за все время существованія послѣдняго пережила очень интересную и характерную эволюцію, обусловленную отчасти его собственнымъ культурнымъ уровнемъ, отчасти большею или меньшею близостью къ нему образовъ античной религіи и внушаемыми ими симпатіей и антипатіей, отчасти, наконецъ, и измѣненіемъ взглядовъ на само христіанство. Прослѣдить эту эволюцію необходимо для того, чтобы понять послѣдній ея фазисъ—тотъ, которому суждено опредѣлить на будущее время отношеніе вдумчиваго христіанина къ античной религіи и навсегда, думается мнѣ, укрѣпить ея цѣнность.

I.

При обзорѣ этой эволюціи естественноѣ всего начать съ самой эпохи возникновенія христіанскихъ общинъ въ средѣ античнаго общества и, какъ его послѣдствія, возникновенія антогонизма между христіанствомъ и язычествомъ, нашедшаго себѣ выраженіе въ полемическихъ сочиненіяхъ христіанскихъ писателей, такъ называемыхъ апологетовъ, противъ окружающей и угнетающей ихъ религіи. Я этихъ не хочу преувеличивать оригинальности доводовъ, которые мы встрѣчаемъ у этихъ писателей: теперь можетъ считаться удостовѣреннымъ, что христіанская апологетика пошла по стопамъ іудейской, точно такъ же, впрочемъ, какъ эта послѣдняя усвоила соображенія самой античной философіи, преимущественно эпикуреизма, противъ античной религіи. Но при всей заимствованности отдѣльныхъ аргументовъ, общій аспектъ античной религіи былъ для той эпохи чѣмъ-то поразительно новымъ. Зарождающееся новое христіанское общество въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей не думало оспаивать *реальность* образовъ античной религіи, будь то ясныя и шестич-

ные боги греческаго Олимпа, или туманныя въ своей отвлеченности божества римскихъ понтификальныхъ книгъ, или, наконецъ, расплывающіеся въ безграничности мірозданія пришлецы съ азіатско-египетскаго Востока. Нѣтъ, всё они дѣйствительно были—и Зевсъ, и Евиринъ, и Исидъ; но только это были не боги, а враги единаго Бога, демоны. Но кто же они такіе, эти демоны? На это отвѣтить можно было различно. Одинъ отвѣтъ подсказывала Книга Бытія: это были падшіе ангелы, возставшіе противъ Творца, низвергнутые за это въ преисподнюю и старающіеся съ тѣхъ поръ завлечь съ собою туда же и весь родъ людской. Другой отвѣтъ напрашивался самъ собою для лицъ, знакомыхъ съ религіозно-философскою теоріей нѣкоторыхъ ученыхъ язычниковъ, такъ называемыхъ евгемеристовъ. Согласно этой теоріи, боги были первоначально людьми, возведенные послѣ смерти въ санъ боговъ за свои заслуги. Это можно было принять, за исключеніемъ, конечно, заслугъ. Да, всё они—Юпитеръ, Меркурій, Венера,—были нѣкогда людьми, но людьми силы—злыми, хитрыми, развратными... къ сожалѣнію, греко-римскіе мифы въ соблазнительномъ пересказѣ Овидія и другихъ давали черезчуръ даже обильный матеріалъ для этого утвержденія. Теперь ихъ души живутъ среди отверженныхъ, но успокоиться онѣ не могутъ: онѣ блуждаютъ среди людей, старающіеся найти среди нихъ приверженцевъ и поклонниковъ себѣ, старающіеся и ихъ сдѣлать такими же злыми, хитрыми, развратными, какими были нѣкогда они. Въ тогдашнемъ римскомъ обществѣ христіане находили блестящее подтвержденіе своей теоріи: да, эти боги были достойными представителями и показателями тогдашняго злого, хитраго, развратнаго Рима. Но именно поэтому христіанинъ долженъ чуждаться ихъ: именно поэтому «идолопоклонство» было не неразуміемъ, каковымъ оно представлялось атеистической философій эпикурейцевъ, а нечестіемъ.

Повторяю, для христіанъ послѣднихъ вѣковъ античности языческіе боги были реальными существами, такъ же какъ и для своихъ приверженцевъ. Одно объясняетъ другое: психологически невозможно было не допускать реальности того, чему столь многіе столь усердно поклонялись. Но эта причина была преходяща: когда послѣдній языческій кумиръ палъ подъ ударами христіанскаго молота, когда послѣдній жертвенникъ былъ разрушенъ и истоптанъ, тогда, казалось, и языческіе боги, а съ ними и вся античная религія должна была отойти въ область небытія.

Случилось ли это? Чтобъ убѣдиться въ этомъ, посмотримъ, каково было представленіе объ античной религіи въ эпоху *среднихъ вѣковъ*.

Само собою разумѣется, прежде всего, что для подавляющаго большинства христіанскаго населенія Европы отвѣтъ будетъ чисто отрицательнымъ: тѣ обитатели кельтскихъ, германскихъ, славянскихъ лѣсовъ, которые приняли христіанство изъ устъ свв. Колумбана, Вонифатія или Виррала и Меоодія, ничего не знали о Зевсѣ, Меркуріи или Исидѣ. Здѣсь рѣчь идетъ только объ интеллигенціи духовнаго или полудуховнаго покроя, но затѣмъ и о тѣхъ, которые находились подъ ея ближайшимъ воздѣйствіемъ; такъ вотъ

благодаря ей, этой интеллигенции, и образы античной религии ожили вновь или, быть может, не успели умереть. Действительно, в эпоху средневековья вѣра в реальность античных богов еще не утратилась: конечно, они уже не чувствовались в непосредственной близости, какъ нѣкогда в эпоху зарожденія христіанства, такъ какъ не было кругомъ поклоняющихся имъ людей; но и в томъ отдаленіи, въ которомъ они пребывали, они не переставали внушать беспокойство. Причины этому были различны. Съ одной стороны, средневековая христіанская школа приняла наследіе античной школы и продолжала воспитывать своихъ питомцевъ на твореніяхъ древнихъ римскихъ поэтовъ, особенно Виргилія, а молодому уму трудно свыкнуться съ мыслью о полной нереальности того, во что такъ пламенно вѣруетъ усердно читаемый и почитаемый авторъ. Съ другой стороны, въ составъ богословскаго чтенія входила и древне-христіанская апологетика, а эта послѣдняя, какъ мы знаемъ, признавала реальность античныхъ боговъ или, какъ она ихъ называла, демоновъ. Наконецъ, сокровенной наукой позднѣйшаго средневековья была алхимія, чернокнижіе, старинная наука Гермеса-Меркурія, которая теперь, послѣ долгаго обхода черезъ еврейскія и арабскія руки, вернулась въ Европу. Конечно, этотъ обходъ не прошелъ для нея безслѣдно, и она благодаря ему обогатилась обильнымъ персоналомъ семитической демонологіи, причѣмъ печать Соломона едва не вытѣснила волшебнаго жезла первоначальнаго покровителя «герметическаго» искусства; но все же въ пестрой компаніи восточной кабалистики и магіи продолжали встрѣчаться и античные боги. Все это вѣстѣ взятое не могло не содѣйствовать оживленію вѣры в реальность образовъ античной религии какъ силы, враждебной Богу и опасной для человѣка. Красивымъ символомъ этой силы была прелестница Венера, Frau Venus или Frau Minne, богиня трубадуровъ и миннезингеровъ, личность не менѣе реальная для средневековаго человѣка, какъ и сама Богородица, противницей которой она была. Она живетъ здѣсь же, среди людей, въ подземномъ гротѣ и иногда чарующимъ пѣніемъ своихъ дѣвъ завлекаетъ къ себѣ христіанъ. Тогда двери живого міра закрываются для подавленныхъ соблазну, и для нихъ начинается «долгая пляска», долгій волшебный сонъ—вплоть до ужаснаго пробужденія въ пламени геенны.

Во всемъ этомъ было одно неразрѣшенное противорѣчіе, одна двусмысленность: ею была роль языческой римской поэзіи, въ которой эта враждебная христіанству сила была описана въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ. Церковь была поэтому очень недовольна этимъ наследіемъ античности, которое какъ-то само собой въ силу традиціи держалось въ ея школахъ, и стремилась—чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе—замѣнить языческіе факторы своего воспитанія христіанскими. *Эпоха Возрожденія* положила конецъ ей усиліямъ; но такъ какъ дѣятели этой эпохи, гуманисты, не имѣли въ виду бороться съ христіанствомъ, а напротивъ, считали себя правовѣрными католиками, то имъ пришлось какъ-нибудь доказать безобидность, съ точки зрѣнія вѣры, той античной поэзіи, которую они такъ любили. Это имъ

удалось блистательно; но спасая античную религію для поэзіи, они этимъ самымъ уничтожили вѣру въ реальность ея образовъ. Иначе и быть не могло. Если Юпитеръ, Венера и всѣ прочіе имѣли свое реальное существованіе въ видѣ враждебныхъ Богу и опасныхъ для человѣческой души демоновъ-дьяволовъ, то родить съ ними эту самую душу, да еще въ самомъ нѣжномъ періодѣ ея развитія, было прямо грѣшно; противъ этого возражать было трудно. Другое дѣло, если ихъ въ дѣйствительности нѣтъ и никогда не было. Но если Юпитеръ съ Венерой—не боги и не дьяволы, то что же они такое? Съ одной стороны, олицетвореніе природныхъ или нравственныхъ силъ: многіе античные мифы получаютъ прекрасное и глубокомысленное содержаніе, если ихъ подвергнуть аллегорическому толкованію. А съ другой стороны—многіе рассказы о богахъ представляютъ собою праздные, если угодно, но красивые вымыслы поэтовъ, къ которымъ и слѣдуетъ относиться исключительно съ поэтической точки зрѣнія. Эти разсужденія, къ слову сказать, не были новостью; но теперь только этотъ голосъ, звучавшій нѣкогда среди многихъ и заглушаемый голосами преданной и гнѣвной вѣры—сталъ звучать одиноко и побѣдоносно.

Благодаря его побѣдѣ, образы античной религіи были окончательно и безповоротно изъяты изъ области вѣры и подѣлены между областью науки и областью поэзіи. Наукѣ надлежало систематизировать и объяснять античную религію или, вѣрнѣе, единственный ея остатокъ—античную мифологію; поэзіи предоставлялось пересказывать ея вымыслы въ полномъ сознаніи ихъ вымышленности, прибѣгая при этомъ къ помощи родственныхъ ей изобразительныхъ искусствъ. Наука, пока что, туго отзывалась на этотъ призывъ, но поэзія съ живописью и скульптурой послѣдовали ему очень охотно: эпоха гуманистовъ, но еще болѣе классицизмъ XVII вѣка были настоящіи расцвѣтомъ античной мифологіи. До какой степени были къ тому времени позабыты прежнія войны между античной религіей и христіанствомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего одно изъ характернѣйшихъ сочиненій XVII вѣка, нѣкогда общезвѣстная, теперь почти забытая книга «Приключенія Телемаха». Идея этой книги—воспитаніе молодого героя въ духѣ добродѣтели и труда подъ руководствомъ Минервы, сопровождающей его подъ видомъ мудраго старца Ментора, и въ противодѣйствіи кознямъ Венеры, старающейся опутать его сѣтями своихъ любовныхъ чаръ. Тутъ характернѣй всего то, что эта вполне языческая по своей обстановкѣ книга имѣетъ авторомъ одного изъ первыхъ представителей христіанской церкви того времени—камбрейскаго архіепископа Фенелона.

Такъ-то между античной религіей и христіанствомъ въ Европѣ XVII в. воцарился глубокій мѣрь, по крайней мѣрѣ, въ католической. Не былъ онъ нарушенъ и въ первую половину XVIII в., когда само христіанство подверглось усилленнымъ нападеніямъ со стороны вольнодумствующей науки, въ такъ называемую *просвѣтительную эпоху*. Для нея античная религія не представляла особеннаго интереса: увѣренная заранѣе въ ея полной несостоятельности, какъ и вообще несостоятельности каковой бы то ни было рели-

гн, просвѣтительная мысль если и занималась ея бреднями, то для того только, чтобъ выставить ихъ намѣреннымъ обманомъ хищныхъ и коварныхъ жрецовъ.

II.

Переломъ и здѣсь наступилъ во вторую половину XVIII вѣка, эпоху возникновенія *негуманизма* и родственныхъ ему идей. Была открыта народная поэзія; съ этой новой точки зрѣнія и давно извѣстный, но до тѣхъ поръ непонятый Гомеръ приобрѣлъ новый интересъ. А съ Гомеромъ возвысилась и та народная греческая религія, пророкомъ которой онъ былъ. Началось столь знаменательное для новаго времени «вчувствованіе» въ античную религію; открытіе трудами Вингельмана истинной греческой скульптуры оказало могучее содѣйствіе такому направленію. Стали смѣяться съ представленіемъ объ античной религіи, какъ о дѣйствительной религіи; стали смотрѣть глазами вѣрующихъ на ея образы въ твореніяхъ Гомера и Фидія. Дѣйствіе новыхъ откровеній было на первыхъ порахъ ошеломляющимъ: благодаря помощи, которую оказывала дружески настроенная фантазія, древне-эллинскіе боги предстали передъ глазами негуманистовъ въ такомъ ослѣпительномъ свѣтѣ, что рядомъ съ ними поблекли отвлеченности христіанской догматики. Кульминаціоннымъ пунктомъ этого движенія было знаменитое и по сіе время стихотвореніе Шиллера «Боги Эллады», въ которомъ провозглашалось превосходство античной эллинской религіи передъ христіанской и прославлялось счастье человечества въ ту прекрасную, наивную пору,

Какъ вѣчали храмъ твой, Афродита,
Лишь твой, Амазусія!

Все же это была пока поэзія; дать сильное представленіе о томъ, чѣмъ въ дѣйствительности была античная религія, какъ сама по себѣ, такъ и въ ея отношеніи къ христіанству, могла только наука, въ данномъ случаѣ—филологическая наука. Не сразу поняла она свою задачу. У ея перваго представителя изъ негуманистовъ, Хр. Гейне, была еще настолько сильна просвѣтительная завскаса, что онъ допускалъ происхожденіе мифа изъ аллегорій, послѣдствіемъ чего было отрицаніе настоящей вѣры въ религиозные образы, по крайней мѣрѣ, у самихъ творцовъ мифа. Но время требовало своего, и вскорѣ аллегорическое толкованіе стало лицомъ къ лицу съ другимъ, болѣе вытекающимъ изъ современныхъ условій—съ символическимъ.

Эти современные условія тогда наилучшимъ образомъ шли навстрѣчу всему таинственному, сокровенному, чудесному. Съ одной стороны—мистицизмъ Сведенборга, подкрѣпленный къ концу столѣтія чудесничествомъ Балбоэстро, съ другой стороны—масонство съ его своеобразнымъ сочетаніемъ вольнодумства и окультизма,—все это направило умы по стезямъ сверхъестественнаго и приспособило ихъ къ воспріятію откровеній;

надземнаго міра. И масонство, и Кальостро указывали на Востокъ, какъ на источникъ своихъ таинствъ; настоящимъ же Востокомъ Востока и колыбелью человѣческой культуры считали Индію. Когда съ начала XIX вѣка литература и философія Индіи стали извѣстными въ Европѣ, случилось нѣчто противоположное тому, что послѣдовало за открытіемъ Гомеровской поэзіи: теперь ясные образы гомеровскаго Олимпа поблѣкли передъ призраками, показавшимися изъ-за священнаго полумрака индійскихъ пещеръ. Для любителей античности явилась естественная потребность приобщить и свою область къ той, которая пользовалась такимъ расположеніемъ публики, доказать, что Греція—тотъ же Востокъ, что и здѣсь мудрое жречество восточнаго происхожденія въ символической формѣ распространяло глубокомысленное ученіе о природѣ мірозданія и души. Взялись за исполненіе этой задачи многіе, но главными ея исполнителями были двое: Сентъ-Брюа во Франціи и Брейцеръ въ Германіи. Въ наукѣ имъ не повезло: я уже сказалъ, что въ ней, при всемъ ея неогуманистическомъ характерѣ, была сильна просвѣтительная закваска. Противникомъ Брейцера выступилъ Фоссъ со своей «Антисимволикой», противникомъ Сентъ-Брюа—Лобекъ со своимъ еще болѣе знаменитымъ «Аглаофамомъ». Трезвая, насмѣшливая, чуждая всякой фантастичности, но и всякой фантазіи критика обонхъ ученыхъ надолго уронила престижъ символизма—безъ малаго на цѣлое столѣтіе.

Наука пошла по другому пути. Съ одной стороны, изученіе міеологіи другихъ народовъ подало надежду, что путемъ сравненія міеовъ удастся опредѣлять ихъ древнѣйшій составъ и выяснить ихъ значеніе; съ другой стороны, изслѣдованіе самихъ античныхъ источниковъ, запасъ которыхъ постоянно возрасталъ (особенно въ области живописи), дало возможность внутри самой античности установить послѣдовательность въ развитіи міеовъ. Явились «сравнительная» и «историческая» міеологіи. Тамъ беззаботно привлекали для сравненія позднѣйшія формы міеовъ на-ряду съ древнѣйшими, стараясь главнымъ образомъ найти единый принципъ объясненія ихъ всѣхъ. Таковымъ было либо солнце съ луною и звѣздами (соларная теорія), либо земная влага, либо добытіе небесной влаги изъ тучи, либо происхожденіе жертвеннаго огня, либо душа умершаго и ея культъ. Разрѣшеніе удавалось прекрасно; но именно то, что оно удавалось одинаково прекрасно при всѣхъ перечисленныхъ принципахъ, не могло не подорвать вѣры въ правильность метода. Здѣсь, наоборотъ, въ «исторической» міеологіи, задача объясненія мало беспокоила умы, и это, пожалуй, было хорошо; зато изслѣдованія источниковъ давали очень цѣнные результаты, какъ подготовительная работа, и достаточно указать на такой монументальный объединяющій трудъ, какъ міеологическій словарь Рошера, чтобы вполне понять и оправдать гордость представительей этой школы.

Правда, съ другой стороны, что при этой работѣ то религиозное вчувствованіе, которое создало великодушное увлеченіе античной религіей въ эпоху Шиллера и символизма начала XIX в., совершенно прекратилось;

амо понятіе античной религіи потеряло право на существованіе. Убѣжденіе, что нужно самому быть до нѣкоторой степени художникомъ для того, чтобы понять античное искусство, мало-по-малу распространялось, вытѣсняя прежній антикварный методъ; но другое, параллельное ему убѣжденіе, что только *религиозно настроенный человекъ можетъ понять также и античную религію*—даже и не появилось среди ученыхъ.

III.

Соотвѣтственно этому и *сравненіе съ христіанствомъ*—въ какомъ бы то ни было смыслѣ—либо отсутствовало вовсе, либо производилось съ превзятой точки зрѣнія. Способствовало этому немало и столь же необходимое, сколь и вредное раздѣленіе факультетовъ. Античная религія (или то, что отъ нея сохранилось) проходила на философскомъ или филологическомъ факультетѣ; христіанская религія, разумѣется, на богословскомъ. Филологи благоразумно сторонились всякихъ захватовъ въ область своихъ сосѣдей; богословы довольствовались тѣмъ, что, согласно традиціи, выводили христіанство изъ іудейства, Новый Завѣтъ изъ Ветхаго, античной же религіи они отводили мѣсто среди религій языческихъ, такъ называемыхъ религій низшаго порядка.

Справедливость требуетъ признать, что движеніе, измѣнившее этотъ порядокъ вещей, возникло всетаки на богословскихъ факультетахъ. Изученіе раннихъ періодовъ христіанской церкви обратило вниманіе исследователей на цѣлый рядъ религиозныхъ образованій, посредствующихъ между христіанской религіей и античными—образованій, которымъ нынѣ присвоено мѣткое имя попытокъ «острой эллинизации христіанства». Конечно, тутъ дѣло касалось теченій, которыя господствующей церковью были признаны еретическими; все же одинъ тотъ фактъ, что эти теченія, будучи античными, считали себя христіанскими, не могъ не подвергнуть сомнѣнію взгляда на античную религію, какъ на религію низшаго порядка. Не пылливость исследователей не остановилась на полпути: она подвергла анализу и то христіанство, которое, явившись результатомъ борьбы съ ересями III в., стало признаннымъ ученіемъ христіанской церкви—и результатъ этого анализа былъ такой, что значеніе античной религіи, какъ непосредственной предшественницы христіанской—стало вполне несомнѣннымъ. Нѣтъ надобности соглашаться съ парадоксальнымъ мнѣніемъ Гарнака, который видитъ въ христіанствѣ, по крайней мѣрѣ восточной церкви, античную религію съ христіанскимъ утѣмъ: уже одно то, что ученый съ его именемъ и знаніями могъ дойти до такого парадокса, свидѣтельствуетъ о важности происшедшей здѣсь перемѣны.

Прежде чѣмъ идти дальше, посмотримъ внимательно то мѣсто нашего пути, къ которому мы пришли. Мы говоримъ о христіанствѣ христіанской церкви III и IV в., отличая его этимъ какъ будто отъ христіанства Христа; а между тѣмъ есть не только богословскія школы, но и цѣлыя церкви,

которыя этой разницы не признають. Конечно, онѣ могутъ ошибаться, и аналитическое изслѣдованіе можетъ обнаружить эту ошибку; но не ляжетъ ли необходимость этого изслѣдованія грузной заставой поперегъ нашего пути?

Думаю, что нѣтъ; думаю, что есть діалектическая тропинка, которая можетъ помочь намъ обойти эту заставу. Но прежде чѣмъ указать ее, мнѣ хотѣлось бы отмѣтить другую тропинку, которая тоже ведетъ въ обходъ заставы, но грозитъ повести насъ въ еще худшія дебри.

Эта опасная тропинка сводится къ слѣдующему ходу мыслей. Допустимъ, что церковное христіанство есть именно ученіе Христа; кто же мѣшаетъ намъ поставить вопросъ о зависимости этого послѣдняго отъ античной религіи? Палестина была тогда не только окружена, но и пропитана эллинизмомъ; спеціально Галилея кишѣла греками; всюду греческія имена, греческая рѣчь; не естественно ли допустить, что ученіе, явившееся протестомъ галилеянъ противъ іудейскаго закона, возникло именно подъ вліяніемъ античныхъ идей? Дѣйствительно, были ученые, не убоявшіеся этой тропинки; другіе озабоченно или негодующе смотрѣли на ихъ попытки, опасаясь, какъ бы ихъ результатомъ не явилось устраненіе самаго драгоценнаго элемента христіанства—его богооткровенности. О неосновательности этихъ опасеній еще будетъ рѣчь; я же въ данномъ случаѣ руководствуюсь не ими, а, какъ было замѣчено выше, наличностью другой, гораздо болѣе надежной тропинки.

На нее насъ наводитъ неоспоримый фактъ, что христіанизація Европы состоялась на той же почвѣ, которая испытала на себѣ также всю эволюцію античной религіи. Для іудейства христіанство было маловажнымъ эпизодомъ не только временнаго, но и мѣстнаго характера; мало того: кто сравнитъ іудейскую вѣтвь христіанства съ прочими, тому она съ самаго начала покажется чѣмъ-то хилымъ и половинчатымъ, не обещающимъ никакой жизни, никакого развитія въ будущемъ. Итакъ, несомнѣнно, что языческій міръ былъ гораздо лучше подготовленъ къ воспріятію христіанства, чѣмъ іудейство; это культурно-историческій фактъ такой огромной важности, что рядомъ съ нимъ вопросъ объ отношеніяхъ Христа къ іудеямъ теряетъ свою звучность. А этотъ неоспоримый фактъ въ свою очередь наводитъ насъ на правильную постановку того вопроса, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Мы не будемъ говорить о зависимости христіанства отъ античной религіи; вопросъ нашъ поставленъ такъ: какіе элементы античной религіи подготовили античный міръ къ воспріятію христіанства?

Именно въ этой постановкѣ вопроса заключается новый взглядъ на античную религію; отвѣтъ же на поставленный такимъ образомъ вопросъ будетъ таковъ, что, благодаря ему, мы получимъ возможность принять вышеупомянутый парадоксъ Гарнака въ болѣе полной мѣрѣ и въ болѣе серьезномъ значеніи, чѣмъ полагалъ онъ самъ. Да, христіанство было античной религіей, и притомъ не только восточное, а все; но, называя его такъ, мы не унижаемъ христіанства, а, наоборотъ, возвышаемъ античную религію.

IV.

Глубокій знатокъ исторіи религій вообще и религій древняго Востока въ особенности, недавно скончавшійся голландскій профессоръ Тиле, усмотрѣлъ характернѣйшую разницу между индо-европейскими и семитическими религіями въ наличности или отсутствіи того, что можно выразить однимъ словомъ: Богочеловѣчность.

Въ представленіи семита неизмѣримая пропасть отдѣляетъ божество отъ созданнаго имъ рода человѣческаго: оно властвуетъ надъ нимъ, не соединится съ нимъ, не допускаетъ ни перехода своей силы въ бренную оболочку человѣческой плоти, ни тѣмъ наче возвышенія человѣка до него. Религій этого порядка Тиле называетъ «Теократическими»; повторяю, что онѣ характерны для семитскаго Востока.

Иначе представляли себѣ свои божества индо-европейцы. Потому и, что убѣжденіе въ сотвореніи ими міра держалось у нихъ не особенно крѣпко и имѣло противъ себя въру въ ихъ происхожденіе наравнѣ съ людьми изъ предвѣчнаго міра или земли, только пропасть между богами и людьми не казалась имъ безнадежной. Съ одной стороны, смертные люди за свои заслуги награждались безсмертіемъ и этимъ самымъ переходили въ сонмъ боговъ; съ другой стороны, и боги спускались къ смертнымъ, вступали съ ними въ общеніе и отъ смертныхъ женщины рожали себѣ сыновей неземной силы или дочерей неземной красоты—какихъ-нибудь Геракла или Елену. Эти послѣдніе занимали посредствующее мѣсто между богами и человѣческими родами,—самое слово: «богочеловѣкъ», *anēr theos*, впервые встрѣчается у Софокла въ примѣненіи къ одному изъ нихъ, къ только что названному Гераклу. Такъ вотъ религій этого порядка, признающія богочеловѣчность, мы по примѣру вышеназваннаго ученаго называемъ «теантропическими». Теантропизмъ характеренъ для индо-европейскихъ религій; семитамъ онъ чуждъ. Положимъ, мы встрѣчаемъ въ «Вянгѣ Бытія» загадочное слово о томъ, какъ «сыны Божіи увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены, какому кто избралъ» (гл. 6, 2); но вѣдь извѣстно также, что это слово, различно истолкованное и различно толкуемое понинѣ, было *sarut mortuum* въ религій древняго Израіля, пока оно не нашло себѣ своеобразнаго объясненія и развитія въ ученіи чернокнижниковъ позднѣйшаго времени и не породило обширной алхимистической демонологіи.

Для античной религій, напротивъ, богочеловѣчность не была *sarut mortuum*: какъ одинъ изъ центральныхъ и непосредственно понятныхъ ея догматовъ, она господствовала надъ религиознымъ сознаніемъ античнаго человѣка и была способна къ богатому развитію. И я думаю, мы имѣемъ право сказать, что и христіанство находилось на линіи этого развитія; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, если справедливо указанное дѣленіе религій на теократическія и теантропическія и приуроченіе ихъ къ семитическимъ и индо-европейскимъ племенамъ—а я не вижу возможности ошири-

вать его—то одинъ признакъ богочеловѣчности воздвигаетъ нерушимую стѣну между христіанствомъ и іудействомъ, заставляя признать первое индо-европейской, а слѣдовательно античной религіей.

Тутъ, однако, напрашивается возраженіе: допустимо ли это сопоставленіе античной и христіанской богочеловѣчности? Охотно дѣлаю себѣ это возраженіе, чтобы выяснитъ одну сторону обсуждаемаго нами вопроса, о которой я просилъ бы помнитъ при чтеніи всей настоящей статьи. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ по возможности конкретный примѣръ—изъ разсказа Одиссея о томъ, что онъ видѣлъ въ обители Анда (Одиссея, XI, стр. 235, перев. Жуковскаго).

Прежде другихъ подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная въ мірѣ супруга Кресея,
Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она разсказала.

Сердце свое Энипею, потокомъ божественно-свѣтлымъ,
Между рѣками земными прекраснѣйшимъ, Тиро плѣнила.
Часто она посѣщала прекрасный потокъ Энипея.
Въ образъ облекся его Посидонъ земледержецъ, чтобы съ нею
Въ устьѣ волнистокипучемъ рѣки сочетаться любовью.
Воды пурпурныя встали горой и, слившись прозрачнымъ
Сводомъ надъ ними, сокрыли отъ взоровъ и бога, и дѣву.
Дѣвственный полсъ ея развязалъ оупъ, ей очи смеживши
Сномъ; и когда, распаленный, свое утолилъ вождѣніе,
За руку взялъ, и по имени назвалъ ее, и сказалъ ей:

„Радуйся богомъ любимая! Прежде чѣмъ полями свершится
Годъ, у тебя два прекрасные сына родятся—бевидодеи
Съ богомъ союзъ не бываетъ—и ихъ воспитай ты съ любовью.
Но возвратися къ домашнимъ, мое называть имъ страшися
Имя; тебѣ же откроюсь: я богъ Посидонъ земледержецъ“.

Полагаю, никто не останется нечувствительнымъ къ поэтической красотѣ этого мѣста, къ этой сценѣ любви бога и дѣвы, въ прозрачномъ терему водъ. Всякій, затѣмъ, охотно признаетъ здоровую естественность послѣднихъ словъ Посидона, поздравляющаго свою избранницу съ ея грядущимъ счастьемъ—прекрасными близнецами божественнаго сѣмени. Но при всемъ томъ возможно ли сравнить съ ними наше христіанское Благовѣщеніе? Отвѣчу: сравненіе не есть приравненіе. Отъ языческаго привѣта съ его наивной чувственностью христіанское Благовѣщеніе отличается такъ же, какъ духъ отличается отъ плоти; но при всемъ томъ я могу сказать, что этотъ духовный цвѣтъ выросъ изъ того тѣлеснаго корня. Я могу себѣ представить, что народъ, въ своемъ младенчествѣ воспринявшій понятіе богочеловѣчности въ той наивной, тѣлесной, чувственной формѣ—современемъ, возмужавъ, обученный философіей, все болѣе и болѣе ее одухотворить и обезплотить, пока не дойдетъ, наконецъ, до вполне духовной, христіанской формы (эта эволюція, сопровождаемая послѣдовательное обезплоченіе самого божества, совершающееся отъ Гомера до Платона—будетъ вполне естественной, необходимой эволюціей). Но я рѣшительно не вижу возможности для народа, ни въ какомъ видѣ не допуска-

ющаго богочеловѣчности и происхожденія челоуѣка отъ брака бога и смертной—не допускаю для него возможности дойти до пониманія той сцены, съ которой начинается повѣствованіе о земной жизни Христа. Насколько наше Благовѣщеніе было вѣнцомъ въ развитіи античной богочеловѣчности, настолько оно шло вразрѣзъ со всѣмъ теократическимъ характеромъ іудейской религіи. Тамъ завершеніе, здѣсь противорѣчіе: таковъ выводъ логики,—и исторія, какъ извѣстно, только подтвердила этотъ выводъ.

Конечно, этимъ еще далеко не все сказано. Кромѣ чувственной оболочки гомеровскаго мифа, еще другая его особенность не позволяетъ его сопоставленія съ сокровеннѣйшимъ таинствомъ христіанской христологіи. Тамъ отъ брака бога съ смертной произошли два богатыря и царя; поможимъ, это были могучіе богатыри, богатые цари, но вѣдь и только.

Ну, а у насъ рѣчь идетъ не болѣе и не менѣе какъ о Спасителѣ рода челоуѣческаго!

Разница огромная, не спорю. Все же и тутъ античная религія нашла тотъ идеалъ, который ей по исполненіи времени принесло христіанство.

V.

Въ древнѣйшую достижимую для насъ эпоху греческой жизни господствующей религіей была религія Зевса въ ея первобытной, чистой формѣ. Эта религія была основана на дуализмѣ: высшими религіозными единицами были двое: Зевсъ и Земля. Зевсъ основалъ свое царство, побѣдивъ Землю и ея силы, Титановъ; но съ тѣхъ поръ надъ нимъ тяготѣетъ проклятіе Земли, и ему грозитъ гибель въ неравномъ бою съ ея сынами, Гигантами. Эта предстоящая «гигантомахія»—настоящая «сумерки боговъ» античной религіи. Залогъ его спасенія извѣстенъ ей одной—предвѣчной, вѣщей Землѣ. Было бы долго рассказывать, какимъ образомъ Зевсу удалось вывѣдать ея тайну; тайна же состояла въ томъ, что только челоуѣкъ, но челоуѣкъ божественнаго сѣмени, богочелоуѣкъ можетъ спасти Зевса и его царство въ предстоящей роковой битвѣ. И вотъ Зевсъ задается мыслью осумествить это дѣло спасенія своего царства; онъ—

Новую думу задумалъ въ душѣ своей, чтобъ и безсмертнымъ
И земнороднымъ создать отвратителя злаго проклятыя.

Такъ описываетъ его намѣреніе одинъ изъ древнѣйшихъ греческихъ и этовъ, Гесиодъ. Спускается онъ съ этой цѣлью къ смертной женщинѣ Алкионѣ, женѣ царя Амфитріона. Было дѣломъ позднѣйшей комедіи—отъ повтовъ V в. до Р. X., до Мольера и Блейста—представить это похожденіе Зевса въ смѣшномъ видѣ и дать имени Амфитріона то значеніе, которое за нимъ понынѣ удержалъ французскій бульварный жаргонъ; и сколько серьезно смотрѣла на него древнѣйшая греческая поэзія, вид

по слѣдамъ этого настроенія въ аттической трагедіи, по той благоговѣйной смѣси смиренія и гордости, съ которой этотъ Амфитріонъ, наприм., въ «Непстовомъ Гераклѣ» Еврипида называетъ себя «соложникомъ» Зевса.

Дѣйствительно, дѣло было великое. Смертные тогда отождествили свою участь съ участью своего божественнаго вождя: тяготѣвшее надъ нимъ проклятіе угрожало и имъ, его гибель была и ихъ гибелью, а потому и ожидаемый спаситель царства боговъ былъ спасителемъ также и человѣческаго рода,—такъ называлъ его и Гесіодъ.

Итакъ, вотъ какой величественный и возвышающій человѣка догматъ создала античная религія уже въ первыя столѣтія своего существованія: ту задачу спасенія міра, которая непосильна высшему богу,—ее долженъ исполнить его божественный, но смертный и смертной рожденный сынъ.

Конечно, въ частностяхъ мы и здѣсь на земной, чувственной почвѣ: рожденіе намѣченнаго спасителя древнѣйшая Эллада не можетъ себя представить иначе, какъ по естественнымъ законамъ плоти, хотя и при исключительныхъ, чудесныхъ условіяхъ. Высшій богъ спускается къ своей избранницѣ въ образѣ смертнаго, въ образѣ ея мужа Амфитріона: это—для того, чтобы намѣченная мать спасителя чувствовала себя вѣрной, цѣломудренной женой, чтобы великое дѣло созданія «боготвора» не было осквернено прелюбодѣяніемъ. Онъ остается съ ней въ продолженіе «долгой ночи», продленной запретомъ Солнцу взойти раньше трехсуточного срока; такъ объясняла наивная мудрость древнѣйшей Эллады сверхчеловѣческую силу «боготвора». Да, это сознаемъ мы всѣ; но не сознаемъ ли мы также, что это—грубо-чувственные оболочки идеи, долженствующія пасть современемъ, когда мышленіе и чувствованіе людей возвысятся до пониманія чистой духовности, и обнаружатъ скрывающееся въ нихъ глубокое таинство—«Таинство Отца и Сына»—и ихъ общее дѣло спасенія свѣтлаго царства и самаго рода человѣческаго?

VI.

Намѣченный спаситель Зевса и его царства ничѣмъ не долженъ былъ быть обязанъ своему божественному отцу,—этотъ выводъ непосредственно вытекалъ изъ основнаго догмата объ его миссіи. Будучи обязанъ ему, онъ былъ бы зависимъ отъ него; зависимость же есть слабость сравнительно съ тѣмъ, отъ кого зависишь. Самобытность и самодовлѣніе поэтому—исконныя, природныя черты нашего спасителя, Геракла. Онъ не царь, онъ даже не собственникъ, у него нѣтъ ни пяди земли. Его оружіе—та булава, которую онъ себѣ добылъ въ лѣсу; его одежда—шкура того льва, котораго онъ поборолъ. Бездомнымъ скитальцемъ бродитъ онъ по землѣ, всюду побѣждая дякія чудовища и беззаконныхъ людей, въ ожиданіи того дня, когда онъ на колесницѣ своего отца сразится съ гигантами въ послѣдней, рековой битвѣ за небесное царство.

Эта жизнь Геракла, какъ бездомнаго скитальца, глубоко врѣзалась въ сознаніе историческихъ грековъ.

Съ одной стороны, она сыграла немаловажную роль въ сословной жизни и въ сословной борьбѣ позднѣйшихъ временъ. Увѣренность, что этотъ прославленный на всѣ времена сынъ Зевса былъ бѣднякомъ, скитальцемъ, даже рабомъ,—дѣйствительно, преданіе не остановилось даже передъ этимъ выводомъ—утѣшающе и возвышающе дѣйствовала на тѣхъ, которые были приижены и обременены на землѣ, прежде всего, разумѣется, на рабовъ. Уже у Эсхила царица утѣшаетъ свою новую рабу (Агам. I, 40).

Самъ сынъ Алкмены, говорятъ, былъ проданъ
И рабскаго отвѣдать принужденъ
Быль хлѣба...

Его поэтому рабы считали своимъ заступникомъ и покровителемъ; его праздники были излюбленными праздниками рабовъ и вообще маленькихъ людей.

Второе значеніе нашего догмата было нравственное. Примѣръ Геракла показалъ людямъ, какъ мало человѣку нужно для жизни, и главное, насколько онъ можетъ быть свободенъ и независимъ отъ окружающей и подавляющей обыкновеннаго человѣка обстановки. И вотъ явилась школа имъ, вѣрибе, орденъ людей, поставившихъ себѣ задачей слѣдовать примѣру Геракла и, какъ они выражались, «жить по-геракловски» (*hêrakleïds zên*). Это были т. наз. киники, послѣдователи Антисѳеена и знаменитаго Діогена: они называли себя философами, но брали изъ философіи то, что было непосредственно примѣнимо къ жизни и въ то же время было доступно пониманію всѣхъ маленькихъ людей. Кто поступалъ въ ихъ орденъ, тотъ этимъ самымъ отрекался отъ всѣхъ земныхъ благъ; свое имущество онъ раздавалъ бѣднымъ, надѣвалъ на плечо суму—суму Діогена, какъ ее называли,—и отправлялся странствовать, чтобы служить ближнимъ и словомъ и дѣломъ. Таковъ былъ тотъ Кратеть «добрый демонъ», какъ его прозвали люди, другъ и помощникъ огорченныхъ, до того любимый маленькими людьми, что они даже на дверяхъ своихъ жилищъ писали: «войди, Кратеть, нашъ добрый демонъ!»

Такъ позднѣе, къ исходу среднихъ вѣковъ, явился вдохновенный учитель, поставившій цѣлью своей жизни слѣдованіе Христу въ Его бѣдности и лишеніяхъ; онъ увлекъ за собою многочисленную толпу приверженцевъ и сталъ основателемъ монашескаго ордена проповѣдниковъ, друзей и заступниковъ бѣдности. «Поясъ св. Франциска» (*la corda di S. Francesco*) и сума Діогена (*hê Diogenus péga*)—поразительно схожія явленія; а сходство послѣдствій подтверждаетъ и подтверждаетъ и сходство тѣхъ основныхъ идей, которыя въ нихъ проявились.

Третье значеніе, если можно такъ выразиться, эстетическое. Контрастъ между высокимъ призваніемъ спасителя рода человѣческаго и низменною обстановкой его земной жизни напрашивался на поэтическую обработку. Первое отношеніе къ нему было, какъ и слѣдуетъ ожидать въ серьезную эпоху греческой религіи, отношеніе трагическое; и дѣйствительно, не га-

Божимъ ли трагизмомъ проникнуты слова, которыя отъ него слышитъ Одиссей на томъ свѣтѣ: (Од. XI 620).

Смыслъ Зевеса я былъ Олимпійца, но трудъ непоимѣрный
Былъ мнѣ удыломъ земнымъ...

Мы опять не приравниваемъ, но не родственнымъ ли трагизмомъ дышать и слова нашего Спасителя (Лука 9, гл. 58): «лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣеть, гдѣ приклонить голову?»

За эпосомъ пошла и трагедія; это вполне естественно. Но въ V—IV вѣкахъ Геракломъ занялась и комедія; она прямо съ наслажденіемъ набросилась на низменные черты въ земной жизни героя, любимца рабовъ и маленькихъ людей; ея грубоватому, хотя и добродушному юмору мы обязаны типомъ комическаго Геракла-Геркулеса... Ужъ здѣсь, казалось бы, сравненіе невозможно? Увы: средневѣковая мистерія не оказалась ни благочестивѣе, ни почтительнѣе своей древне-греческой родоначальницы, и различныя детали, которыми она разукрасила евангельскія повѣствованія, съ точки зрѣнія болѣе строгой религіи пришлось бы признать сплошнымъ кощунствомъ. Но идемъ дальше. За трагедіей и комедіей пришлось сказать свое слово и идилліи; она сказала его устами своего лучшаго представителя Теокрита. Убогая обстановка жизни Геракла переносится на его отчий домъ: Алкмена укладываетъ спать малютку Геракла въ щитъ его приемнаго отца, Амфитріона, служащемъ ему колыбелью; она тихо укачиваетъ его: «Счастливо засни, счастливо проснись на зарѣ!» а затѣмъ и сама ложится спать со своимъ мужемъ. Вотъ настоящая «святая семья» греческой религіи; нужно ли вспоминать о художникахъ Возрожденія и ихъ любовной, реалистической обработкѣ всей обстановки жизни младенца Іисуса въ домѣ Его приемнаго отца, плотника Іосифа, и Его матери Маріи?

VII.

Все же въ описанномъ до сихъ поръ «Тайнствѣ Отца и Сына» роль послѣдняго заключалась въ спасеніи того царства, которое было основано Его Отцомъ; какъ себѣ конкретно представлять это основаніе царства, т. е. какъ себѣ представлять мірозданіе до и послѣ титаномачіи, на это трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Современемъ религіозно-космогоническая спекуляція коснулась и этого вопроса. Догматъ о предвѣчной Землѣ и рожденномъ во времени Зевсѣ тѣмъ болѣе терялъ свою убѣдительность для людей, тѣмъ болѣе самъ Зевсъ претворялся въ бога-Духа и этимъ возвышался надъ обязательно матеріальной Землей. Возникло мнѣніе о происхожденіи самой земли изъ предвѣчной матеріи, Хаоса; а разъ это было такъ, то для той силы, которая заставила безпорядочный Хаосъ превратиться въ стройное мірозданіе, самъ собою обозначился пробѣлъ. Все же Зевсъ этого пробѣла заполнить не могъ: древнѣйшая религія не знала его какъ творца или устроителя мірозданія, и позднѣйшая, хотя все еще древняя спекуляція не дерзнула обогатить его образъ этой новой

чертой. Были придуманы другіе, болѣе или менѣе глубокомысленныя исходы. Въ Беотіи, гдѣ особымъ культomъ пользовался Эротъ, этотъ послѣдній былъ признанъ устройтеlemъ міра, и позднѣйшая философія подхватила эту мысль, превращая Эрота въ символъ центростремительныхъ силъ въ природѣ. Въ Аркадіи эта роль была предоставлена родному богу страны, Гермесу, сыну Зевса; и этотъ ростокъ оказался наиболѣе могучимъ и плодотворнымъ. Вначалѣ этотъ Гермесъ представлялся сыномъ Зевса во плоти, какъ плодъ его брака съ Маей (матерью); но современемъ, когда Зевсъ сталъ духомъ, то рожденіе имъ сына во плоти показалось неубѣдительнымъ. Гермесъ представился людямъ не рожденнымъ, а только исходящимъ отъ него. А Гермесъ въ космогонической мнѣе ввелъ и своего сына, аркадскаго бога Пана—«Великаго Пана».

Это странное божество именно своей странной наружностью получало въва-полукозла напрашивалось на символическое толкованіе: эту наружность признали смѣшеніемъ двухъ природъ, высшей и низменной. А такъ какъ Гермесъ, отецъ Пана, считался—и это было очень древнее представленіе—владыкою и дарователемъ слова, то его двуобразный сынъ былъ принятъ за символическое выраженіе этого послѣдняго съ его двумя натурами, возвышенной и низменной. Такъ обстояло дѣло въ эпоху Платона. Но расцвѣтъ религіи Гермеса и всей «герметической» спекуляціи принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ: когда Зевсъ претворился въ высшій разумъ, а его сынъ Гермесъ въ его духовное излученіе, тогда и двуобразный сынъ Гермеса былъ нареченъ, вмѣсто символическаго, своимъ настоящимъ именемъ, какъ олицетворенное Слово, какъ Логосъ. Этотъ фазисъ герметической религіи былъ намъ раскрытъ однимъ религіозно-историческимъ памятникомъ чрезвычайной важности, найденнымъ лишь недавно въ Египтѣ такъ назыв. «страсбургской Космогоніей».

Еще позднѣе—я долженъ замѣтить, что мы можемъ прослѣдить это развитіе по этапамъ—Гермесъ миеологическій, имя котораго стояло между отвлеченными именами Высшаго Разума и Логоса, самъ превратился въ отвлеченную силу: онъ сталъ Разумомъ-Творцомъ (Деміургомъ), его же миеологическое имя было дано предполагаемому пророку герметической религіи.

Такъ-то получилась *троица*; Высшій Разумъ, Разумъ-Творецъ и Логосъ, причемъ второй представленъ исходящимъ отъ перваго, а третій—отъ втораго. Порядокъ исхожденія при сходствѣ естествъ не могъ быть соблюденъ тщательно: появились толки, согласно которымъ Логосъ непосредственно исходилъ отъ Высшаго Разума, а Разумъ-Творецъ, исполнивъ свое дѣло, воссоединился съ нимъ, будучи единосущенъ ему. Такъ-то Логосъ сталъ сыномъ высшаго бога,—а его участникомъ въ дѣлѣ сотворенія міра онъ былъ еще ранѣе.

Но другіе и этихъ не удовольствовались: троицѣ первоначальнаго герметическаго ученія они противопоставили единство творческой силы, «монаду». Мнѣнія колебались: гдѣ одни видѣли троицу, другіе—усматривали

единство. Религіозныя мнѣнія живучи, особенно если о нихъ спорять; былъ ли споръ рѣшенъ на почвѣ герметизма, мы не знаемъ, но ясно одно: единственнымъ его рѣшеніемъ, которое удовлетворило бы обѣ спорящія стороны, было бы соединеніе спорныхъ мнѣній въ примиряющій догматъ о единой троицѣ, о тріединномъ Богѣ...

Надо ли намъ здѣсь производить сравненіе? Нѣтъ не надо. Его за насъ произвелъ древній христіанскій писатель Лактанцій: «не знаю, какъ это произошло,—говоритъ онъ,—но только Гермесь предугадалъ всю истину».

Впрочемъ, одно уже давно было замѣчено: происхожденіе того Логоса, воплощеніемъ котораго Іоаннъ призналъ Иисуса Христа, отъ античнаго Логоса. Не мало ученыхъ изслѣдованій было посвящено выясненію этого замѣчательнаго факта; одно изъ лучшихъ принадлежитъ покойному профессору Московскаго университета, кн. С. Трубецкому. Всѣ они, однако, выводятъ античнаго Логоса изъ философской, специально стоической спекуляціи,—и винить ихъ за это нельзя. Тогда еще не была найдена страбургская Космогонія, показавшая, что образъ Логоса былъ еще раньше созданъ античной религіей, и что стоическая философія его лишь замѣстоствовала отсюда.

VIII.

Но все же Иисусъ Христосъ, а съ нимъ и христіанство родились въ Палестинѣ. Безспорно; но тѣмъ болѣе христіанство забывалось въ Палестинѣ и прививалось къ собственно античному міру, тѣмъ болѣе терялись мессіанскія черты въ образѣ Христа и подчеркивалось его тождество съ античнымъ богочеловѣкомъ и античнымъ Логосомъ. И какъ умы христіанъ II и III вв. были въ чередованіи поколѣній биологическимъ продолженіемъ языческихъ умовъ I в., такъ точно ихъ христіанство, то самое, которое исповѣдуемъ и мы, было продолженіемъ античной религіи—продолженіемъ и, согласно сказанному, завершеніемъ. На вопросъ, почему христіанство, отверженное іудействомъ, привилось къ античному міру, мы даемъ единственно возможный для научно-настроеннаго человѣка отвѣтъ: потому, что оно по своей природѣ было столь же родственно античной религіи, сколь чуждо іудейской.

Но пусть это будетъ единственнымъ отвѣтомъ для научно-настроеннаго человѣка; дозволенъ ли онъ христіанину? Полагаю, что да. Еще древніе отцы—Климентъ Александрійскій и др.—пораженные чистотой и величіемъ античной нравственной философіи, возвысились до замѣчательнаго, столь же христіанскаго, сколь и гуманнаго сужденія: «Господь Богъ въ своемъ попеченіи о человѣческомъ родѣ до пришествія Христа далъ евреямъ законъ, а эллинамъ философію». И мы лишь незначительно измѣняемъ идею христіанскаго мыслителя, прибавляя къ античной философіи ея родоначальницу и вдохновительницу—античную религію.

Античная религія—настоящій Вѣтхій Завѣтъ *нашего* христіанства.

Ө. Зѣлинскій.

СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ *).

или

арестантское отдѣленіе Спасо-Ефиміевскаго монастыря.

VI.

Подъ покровомъ тайны.

Спасо-Ефиміевскій монастырь расположенъ въ самомъ концѣ города, въ сѣверномъ его углу, на берегу рѣки Каменки **), бѣгущей черезъ Суздаль прихотливыми, напрызанными изгибами. Передъ нимъ, съ южной стороны, откуда главный входъ въ монастырь, разстилается ровная, какъ скатерть, зеленая лужайка.

Высокія каменные стѣны, съ огромными, грандіозными башнями, со всѣхъ сторонъ окружаютъ монастырь. Въ башняхъ виднѣются ряды бойницъ для пушекъ и пищалей,—круглой и продолговатой формы. Прежде стѣны и башни были бѣлаго цвѣта, который отъ времени превращался въ сѣрый, грязноватый, вслѣдствіе чего онѣ выглядѣли угрюмо и мрачно, сильно напоминая собою крѣпостныя стѣны Шлиссельбурга. Теперь, со времени Серафима Чичагова, и стѣны, и башни выкрашены въ розовый съ бѣлымъ и, благодаря этому, совсѣмъ не производятъ тяжелого и мрачнаго впечатлѣнія.

Тѣмъ не менѣе, однако, эти массивныя, каменные стѣны, эти грозныя башни со множествомъ бойницъ для пушекъ и ружей,—все это является теперь какимъ-то страннымъ анахронизмомъ, остаткомъ далекой, давно отошедшей отъ насъ эпохи...

Подъ сводами Южной башни, самой высокой, достигающей одиннадцати сажень высоты, не считая кровли, устроенъ входъ въ монастырь. Оглянь-таки бросаются въ глаза окованныя желѣзомъ ворота съ тяжелыми запорами, съ огромными замками. Какъ-то невольно является мысль, что все это было бы болѣе на мѣстѣ въ какой-нибудь крѣпости, чѣмъ въ

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1908 г.

***) Каменка впадаетъ въ Нерль, которая въ свою очередь впадаетъ въ р. Клязьму.

мирной обители, служащей пріютомъ для людей, отрѣшившихся отъ міра съ его страстями, злобами и волненіями ради спасенія души.

На мой вопросъ по этому поводу, обращенный къ послушнику, состоявшему при монастырской гостиницѣ, я услышалъ такой отвѣтъ:

— Это собственно по случаю арестантовъ... Потому какъ здѣсь крѣпость... Да и смыслныхъ на послушаніи много въ обители... Такъ что *безъ этого* никакъ невозможно.

И въ тонѣ, которымъ это было высказано, повидному, звучало такое глубокое убѣжденіе...

«Вотъ она, sancta simplicitas!»—невольно подумалось мнѣ.

Но когда я, желая воспользоваться наивной «простотой» своего собесѣдника, началъ было предлагать ему вопросы объ «арестантахъ», сидѣвшихъ въ «крѣпости», о «смыслныхъ», жившихъ въ монастырѣ, то въ отвѣтъ мнѣ послышалось осторожное, сухое, сдержанное: «не знаю», «не извѣстно», «не могу знать».

Почти напротивъ Спасо-Ефиміевскаго монастыря, по другую сторону рѣчки Каменки, чуть-чуть пониже по ея теченію, расположился Покровскій женскій монастырь, также съ большимъ историческимъ прошлымъ. Бѣлыя, только что выкрашенныя стѣны монастыря и силуэты церквей красиво выдѣляются на ярко-зеленомъ фонѣ полей и огородовъ, которые широко раскинулись во всѣ стороны по низменному, луговому берегу Каменки.

Съ давнихъ поръ Покровскій монастырь служитъ мѣстомъ ссылки и заточенія для женщинъ. Въ прежнее время сюда попадали наиболѣе родовитыя представительницы знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ, жены великихъ князей и царей. Такъ, напримѣръ, сюда была заточена своимъ супругомъ первая жена великаго князя Василія Ивановича, Соломонія, урожденная Сабурова. Иванъ Грозный заточилъ здѣсь свою жену Анну Васильевну. Петръ Великій заточилъ здѣсь въ 1699 г. свою жену Евдокію Лопухину, которая и томила здѣсь цѣлыя восемнадцать лѣтъ.

Объ этихъ царицахъ-узницахъ въ монастырѣ и отчасти среди жителей Суздаля до сихъ поръ сохраняется много разныхъ преданій, о которыхъ я намѣренъ рассказать въ одной изъ слѣдующихъ статей, посвященной описанію условій заточенія въ монастыряхъ женщинъ.

Но какъ только я началъ разспрашивать монахинь о женщинахъ, находившихся въ заточеніи въ Покровскомъ монастырѣ въ послѣднее время, въ моментъ моего посѣщенія, т.-е. въ 1902 г., я тотчасъ же наталкивался на ту же скрытность, ту же сдержанность, какія встрѣтилъ со стороны монаховъ.

— Мы въ это не вникаемъ,—неохотно говорили монахини.—Мы до этого не доходимъ и т. д.

И онѣ, видимо, старались поскорѣе избавиться отъ моихъ разспросовъ. Между тѣмъ мнѣ было извѣстно, что какъ въ Покровскомъ, такъ и Рязоложенскомъ монастыряхъ въ тотъ моментъ находились «заточенныя» женщины.

Такимъ образомъ, въ первые же дни своего пребыванія въ Суздаль я увидѣлъ, что мнѣ едва ли удастся узнать что-нибудь отъ здѣшнихъ монаховъ и монахинь. Впослѣдствіи, ближе приглядѣвшись къ суздальской монастырской братіи, я окончательно убѣдился въ этомъ.

Дѣло въ томъ, что объ узникахъ и ссыльныхъ *последняго времени* монахи и монахини не смѣли ничего говорить, такъ какъ, видимо, были запуганы своими настоятелями и настоятельницами, и потому боялись проговориться, боялись разгласить то, что должно составлять тайну монастыря.

— Это дѣла секретныя,—говорили обыкновенно монахи,—намъ не прещается вникать въ это...

Что же касается *прошлаго времени*, то монахи, даже при всемъ своемъ желаніи, ничего не могли сообщить объ этомъ, такъ какъ сами ровномъ чего не знали и, вслѣдствіе своего глубокаго невѣжества, совсѣмъ не интересовались исторіей даже того монастыря, въ которомъ они жили.

Глубокая тайна, которой духовныя и свѣтскія власти старались отъжить все то, что касалось вопроса о заточеніи въ Суздальскую монастырскую крѣпость, совсѣмъ, однако, не достигала своей цѣли. Напротивъ, именно эта таинственность и способствовала главнымъ образомъ распространенію въ населеніи цѣлой массы самыхъ преувеличенныхъ слуховъ, толковъ и разсказовъ объ условіяхъ заточенія въ этой крѣпости.

На этой почвѣ то и дѣло создавались цѣлыя легенды, которыя захватывались народной молвой и получали широкое распространеніе въ массахъ. Такъ, напримѣръ, лично мнѣ приходилось слышать въ разныхъ мѣстахъ Россіи разсказы о «подземныхъ тюрьмахъ» и «подземныхъ ямахъ», въ которыхъ будто бы держатъ заключенныхъ въ Суздальскомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ.

Другіе передавали, что нѣкоторые изъ узниковъ заключены въ монастырскихъ башняхъ или «въ столбахъ», какъ говорили крестьяне, и сидятъ тамъ «закоженные кирпичомъ» до самой смерти, не видя человеческого лица, не слыша человеческого голоса. Подобные разсказы я слышалъ какъ во Владимірской губерніи, такъ и по всей Волгѣ.

То же самое и относительно числа заключенныхъ. Когда я, желая яснить точное число лицъ, содержавшихся въ то время—въ 1902 г.—въ Суздальской крѣпости, предлагалъ объ этомъ вопросы жителямъ Владимірской губерніи, то послѣдніе всегда съ полнымъ убѣжденіемъ утверждали, что въ тюрьмѣ сидитъ «много, очень много» узниковъ.

И когда я замѣчалъ, что по моимъ свѣдѣніямъ въ Суздальской монастырской тюрьмѣ находилось въ то время не болѣе 12—15 человекъ, то этому никто изъ владимірцевъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить.

— Помилуйте, что вы!—говорили мнѣ мои собесѣдники,—какіе тутъ дванадцать человекъ!... Нѣтъ, нѣтъ, гораздо, гораздо больше.

— Если-бъ вы сказали: сто двѣнадцать человекъ, то это большіе ко-

ходило бы на правду,—убѣжденно замѣтилъ мнѣ однажды одинъ изъ собесѣдниковъ.

Что касается разсказовъ относительно самаго процесса препровожденія въ Суздальскую крѣпость лицъ, которыя обречались на заключеніе, то по этой части тоже можно было наслушаться не мало разныхъ толковъ полуфантастическаго, полуреальнаго характера. Основнымъ мотивомъ всѣхъ такихъ разсказовъ большею частью являлось знаменитое щедринское «фюить!»

— Приѣдетъ темная карета... ночью... посадятъ... увезутъ... и—поминай какъ звали!...

VII.

«СТѢННЫЯ ЦѢПИ».

Потерявъ надежду узнать что-нибудь отъ монаховъ и монахинь, я рѣшилъ прибѣгнуть къ другимъ способамъ для полученія свѣдѣній о тѣхъ лицахъ, которыя содержались въ Суздальской крѣпости и которыя находились въ ссылкѣ «подъ началомъ» и «на послушаніи» въ Суздальскихъ монастыряхъ, а также объ условіяхъ ихъ заключенія.

Зная, что почти во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ монастыряхъ имѣются описанія ихъ, съ наложеніемъ ихъ исторіи и т. д., я немедленно же по приѣздѣ въ Суздаль обошелъ всѣ мѣстные монастыри и приобрѣлъ всю ту литературу о Суздальскихъ монастыряхъ, какая оказалась налицо.

Разсчитывая найти въ этомъ матеріалѣ какія-нибудь свѣдѣнія и указанія по интересующему меня вопросу, я тотчасъ же перечиталъ всѣ эти «описанія», «житія» разныхъ мѣстныхъ угодниковъ и т. д. Конечно, меня ожидало разочарованіе. Перечитавъ, напримѣръ, «Историко-археологическое описаніе Суздальскаго Рязноложнскаго женскаго монастыря», составленное г. В. Георгіевскимъ *) и прекрасно изданное въ видѣ огромнаго тома, снабженнаго массою иллюстрацій, я не встрѣтилъ въ этомъ описаніи ни одного намека, ни одного слова о томъ, что монастырь этотъ служилъ мѣстомъ ссылки и заточенія женщины.

Въ «Историческомъ описаніи Суздальскаго первокласснаго Спасо-Ефиміева монастыря», составленномъ Л. Сахаровымъ **), я надѣялся найти какія-нибудь свѣдѣнія о тѣхъ узникахъ, которые наполняли историческую тюрьму этого монастыря въ теченіе почти 150 лѣтъ. Я думалъ найти тутъ хотя имена и фамиліи заключенныхъ. Къ сожалѣнію, авторъ «Историческаго описанія», заговоривъ о монастырскихъ узникахъ, счелъ нужнымъ ограничиться слѣдующимъ коротенькимъ «примѣчаніемъ», ровно въ восемь строчекъ:

*) Изданіе игуменіи Серафимы. Владиміръ, 1900 г.

***) Владиміръ-на-Клязьмѣ, 1878 г. Второе изданіе настоятеля монастыря архимандрита Досифея.

«Въ числѣ подвергшихся участи заключенія есть личности, не лишеныя значенія въ нашей исторіи, какъ, напримѣръ, сынъ графа Разумовскаго Алексѣй Бирюловъ и извѣстный ересіархъ спонецъ Селивановъ. Въ дѣлѣ о послѣднемъ хранится особенная инструкція наблюденія за нимъ, составленная и присланная къ настоятелю митрополитомъ с.-петербургскимъ Михаиломъ. Съ 1809 по 1811 годъ находился здѣсь же митрополитъ Амапійскій Паксій» (стр. 74).

И только!... Но, читая далѣе «Историческое описаніе» г. Сахарова, я неожиданно наткнулся на такія строчки, которыя невольно приковали мое вниманіе и заставили задуматься.

Описывая одну изъ монастырскихъ «палатокъ», въ которой хранились разныя «вышедшія изъ употребленія вещи», г. Сахаровъ, между прочимъ, говоритъ: «Тутъ же видимъ *орудія истязанія*, какому подвергаемы были виновные люди въ давнее время,—цѣпи и наручные кандалы: одна изъ цѣпей, длиною *менше* двухъ аршинъ и вѣсомъ до *двухъ пудовъ*, заканчивается съ одной стороны зубчатымъ ершевымъ клиномъ, вбивавшемся въ стѣну, а съ другой—околошейнымъ желѣзнымъ охватомъ съ петлями, въ которыя продѣвался замокъ, вѣроятно, пропорціональной съ цѣпью величины и тяжести. Остальныя цѣпи подлиннѣе и полегче этой».

Приведа это описаніе «орудій истязанія», авторъ говоритъ: «При взглядѣ на сіи, не очень привлекательные (!), но зато живорѣчивые препараты старины, невольно рождается вопросъ: чьи выи обременяемы были такимъ ярмомъ?...» «Смыльныхъ ли арестантовъ-колодниковъ или крѣпостныхъ людей монастырскихъ?» И рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что цѣпи и кандалы предназначались для крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ монастырю, но отнюдь не для смыльныхъ арестантовъ, такъ какъ послѣдніе «по указу императрицы Евдотіи положительно ограждены были отъ закованія въ цѣпи и кандалы» (стр. 103).

Примѣнялись ли въ Суздаль «стѣнныя цѣпи» и кандалы къ монастырскимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, намъ въ точности неизвѣстно. Однако, въ силу многихъ данныхъ, мы готовы вполне согласиться съ авторомъ «Историческаго описанія», что подобнаго рода истязанія дѣйствительно имѣли мѣсто по отношенію крѣпостныхъ крестьянъ. Но при этомъ мы должны заявить, что авторъ глубоко заблуждается, отрицая возможность примѣненія «стѣнныхъ цѣпей» и кандаловъ къ смыльнымъ, колодникамъ и арестантамъ, томившимся въ монастырской тюрьмѣ.

Для насъ очевидно, что авторъ, г. Сахаровъ, совершенно не былъ знакомъ съ тѣми грудями «секретныхъ дѣлъ», которыми наполненъ архивъ Спасо-Ефиміевскаго монастыря. Иначе, конечно, онъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы печатно выступать со своимъ утвержденіемъ, такъ какъ оно совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Тотъ фактъ, что «стѣнныя цѣпи» и кандалы пускались въ ходъ въ Суздальской монастырской крѣпости, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Правда, что при учрежденіи Суздальской монастырской тюрьмы

въ 1766 г., въ царствованіе Екатерины II, была издана особая инструкция, которой предписывалось содержать колодниковъ «не скованными». Но впоследствии архимандриту монастыря было разрѣшено въ известныхъ случаяхъ заковывать арестантовъ въ кандалы и даже «сажать на стѣнные цѣпи», тѣ самыя толстыя, короткія, двухпудовыя цѣпи, которыя такъ подробно, хотя и нѣсколько неуклюже, описаны г. Сахаровымъ.

Заковываніе въ кандалы и сажаніе на «стѣнныя цѣпи» въ Суздальской монастырской тюрьмѣ производилось даже въ XIX столѣтіи. Теперь это возможно вполне точно доказать на основаніи даже литературныхъ матеріаловъ. Приведу одинъ примѣръ.

Въ 1821 году за буйство были посажены на «стѣнныя цѣпи» сидѣвшіе въ Суздальской крѣпости: отставной корнетъ Спечинскій и прапорщикъ Александръ Мъщанковъ. Цѣлый мѣсяцъ пробыли они прикованными за шею къ тюремной стѣнѣ. И это дѣлалось съ вѣдома губернатора и святѣйшаго синода.

По прошествіи мѣсяца, архимандритъ монастыря о. Парфеній писалъ владимірскому губернатору, что «какъ нынѣ арестанты, содержащіеся на стѣнной цѣпи, нѣсколько усмирились, то отъ цѣпного содержанія освобождены, поелику же къ перемѣнѣ своего положенія совершенной надежды не подають и дабы впредь не могли учинить по буйному своему характеру какихъ-либо важнѣйшихъ поступковъ и опасныхъ промшествій, отдѣлены отъ прочихъ арестантовъ каждый изъ нихъ въ особую комнату, въ конюхъ и содержатся нынѣ подъ строжайшимъ за ними наблюденіемъ» *).

Въ Европѣ, какъ извѣстно, особенной жестокостью съ давнихъ поръ славятся австрійскіе тюремщики и жандармы. Въ доказательство этого, между прочимъ, указываютъ на обычай, существовавшій въ австрійскихъ государственныхъ тюрьмахъ даже въ половинѣ XIX вѣка,—обычай приковывать болѣе важныхъ арестантовъ на цѣпь къ стѣнѣ каземата. Извѣстный русскій революціонеръ М. А. Бакунинъ за участіе въ революціонномъ движеніи въ Австріи и Саксоніи въ 1848—49 гг. полгода просидѣлъ въ Ольмюцкой тюрьмѣ прикованнымъ къ стѣнѣ.

Но при этомъ необходимо сдѣлать одну оговорку, довольно существеннаго свойства. Дѣло въ томъ, что въ австрійскихъ тюрьмахъ приковывали заключенныхъ къ стѣнѣ не за шею или не за «выю», какъ говоритъ г. Сахаровъ,—а за талию. Такимъ образомъ нельзя не признать, что суздальскіе монахи въ этомъ случаѣ оказались значительно изобрѣтательнѣе австрійскихъ тюремщиковъ. Впрочемъ, впоследствии мы встрѣтимъ еще болѣе убѣдительныя доказательства этого мнѣнія.

Нѣсколько позднеѣ, когда я съ особаго разрѣшенія архимандрита Серафима, осматривалъ ризницу, архивъ, бібліотеку и другія помѣщенія монасты-

*) „Труды Владимірской ученой архивной комиссіи“. Книга II. Губ. гор. Владиміръ, 1900 г., стр. 31.

ря, то я нигдѣ уже не нашелъ ни «стѣнныхъ цѣпей», ни кандаловъ. Все это куда-то исчезло безслѣдно. Очевидно, кто-то счелъ нужнымъ припрятать подалеже эти жестокіе «препараты старины». Но кто и куда—накъ, въ сожалѣнію, неизвѣстно. А объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ подобные «препараты» для русскаго историческаго музея были бы, конечно, очень цѣннымъ и весьма характернымъ приобретениемъ...

Приведенный нами примѣръ усмиренія «буйныхъ» арестантовъ посредствомъ «сажанія на цѣпь» относится къ 20-мъ годамъ XIX столѣтія. Въ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы установить, до какого времени примѣнялась эта мѣра въ Суздальской крѣпости и когда именно она окончательно исчезла?

Во всякомъ случаѣ мы можемъ заявить, что съ концемъ XIX вѣка «стѣнныя цѣпи» не пускались уже въ ходъ, потому что въ 70-хъ годахъ онѣ и хранились въ особой «палаткѣ», вмѣстѣ съ кандалами и другими «вещами, вышедшими изъ употребленія».

На мои вопросы, обращенные къ одному изъ бывшихъ архимандритовъ Суздальскаго монастыря о томъ: какія именно мѣры употреблялись въ послѣднее время монастырскимъ начальствомъ для усмиренія строптивыхъ арестантовъ и часто ли происходили случаи буйства заключенныхъ—онъ сообщилъ мнѣ, что многіе изъ узниковъ, просидѣвъ въ тюремномъ казематѣ годъ, два, три, пять, десять лѣтъ и потерявъ наконецъ всякую надежду когда-нибудь выйти на свободу, приходятъ въ ярость, начинаютъ все и всѣхъ ругать, неистово кричать, бушевать, бить все, что попадется подъ руку. Никакія увѣщанія, никакія угрозы въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно не дѣйствуютъ.

Въ припадкахъ бѣшеной ярости заключенный не хочетъ слышать никакихъ увѣщаній и требуетъ только одного—свободы. Угрозы конвоя и монастырскаго начальства точно такъ же нисколько не помогаютъ дѣлу. Солдаты не рѣшаются наброситься на него, чтобы связать ему руки и ноги.

Тогда караульнымъ солдатамъ приказывается направить револьверы на заключеннаго. Но и это не дѣйствуетъ. Арестантъ обнажаетъ грудь и подставляетъ ее подъ выстрѣлы.

— Стрѣляйте, изверги, мучители! Убивайте! Пейте мою кровь!—неистово кричитъ онъ и разражается ужасной бранью по адресу монастырскихъ и другихъ властей.

— Что же вы предпринимаете въ подобныхъ случаяхъ?—спросилъ я архимандрита.

— Единственное средство—голодь,—отвѣтилъ настоятель.—Разсвирѣпѣвшему арестанту перестаемъ давать пищу въ теченіе дня, двухъ дней и болѣе,—словомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не стихнетъ, не умреть отъ голода... Противъ голода никто, конечно, не устоитъ... Нѣтъ такого богатыря, котораго нельзя было бы смирить голодомъ.

VIII.

Около крѣпости.

Монастырская гостиница, гдѣ я остановился по приѣздѣ въ Суздаль, занимаетъ деревянный двухъэтажный домъ, при чемъ верхній этажъ служитъ для чистой публики, а нижній, полуподвальный—для «чернаго народа». Какъ извѣстно, въ нашихъ монастыряхъ всегда очень строго соблюдается подобное подраздѣленіе публики.

По этому поводу невольно воспоминается извѣстное von mot А. Ф. Бони: «Публика—впередъ, народъ—назадъ!» Здѣсь же, въ святой обители наблюдается правило: «Публика—вверхъ, народъ—внизъ, въ подвалъ».

Первый же день моего пребыванія въ монастырской гостиницѣ обнаружилъ многія существенныя неудобства жизни въ ней, а потому я рѣшилъ нанять себѣ квартиру или комнату въ городѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ стало вполне ясно, что для выполненія моихъ плановъ—проникнуть въ крѣпость и архивъ—мнѣ придется немало времени прожить въ Суздаль.

Въ одномъ мѣщанскомъ домѣ мнѣ удалось найти большую, свѣтлую и чистую комнату, при чемъ хозяева обязались давать мнѣ столъ, т. е. обѣдъ и ужинъ. За все это они назначили съ меня... 20 рублей въ мѣсяць!

Какъ хозяинъ, такъ и хозяйка оказались людьми чрезвычайно словоохотливыми и въ мѣстныхъ дѣлахъ весьма освѣдомленными. Видя во мнѣ «любителя старины», интересующагося монастырями, они очень охотно сообщали мнѣ все, что только было имъ извѣстно по этому предмету.

Со своей стороны я также весьма охотно вступалъ съ ними въ разговоръ, надѣясь что-нибудь узнать относительно лицъ, сидѣвшихъ въ Суздальской крѣпости. Между прочимъ, на мои разспросы относительно Спасо-Ефиміевскаго монастыря, хозяйка, съ присущей ей большой рѣзкостью на языкъ, рассказала мнѣ немало о порядкахъ, господствовавшихъ въ этомъ монастырѣ.

— Нынѣ, при этомъ архимандритѣ (т. е. Серафимѣ Чичаговѣ) большія строгости заведены и въ монастырѣ и въ крѣпости. А въ прежнее время, при Досифей *) , братимъ слободно было, да и арестантамъ-то, я полагаю, тоже легче жилось. За денешки, бывало, все можно было сдѣлать... Нечего грѣха таить: воровство смертное было въ монастырѣ...

— Какъ такъ? Какое воровство?—недоумѣвалъ я.

Хозяйка только рукой махала.

— Что тутъ говорить! Всего бывало!... Дѣло чуть до грабежа не доходило... Досифей былъ человѣкъ престарѣлый, больной: у него каменная болѣзнь была. Онъ ни во что не вникалъ, всѣмъ дѣломъ правилъ канцелярской Исайя. А этотъ страсть какой жадный былъ на корысть. Поступилъ

*) Архимандритъ Досифей былъ предшественникомъ Серафима Чичагова по управленію Спасо-Ефиміевскаго монастыря.

въ монастырь совсѣмъ голый, копейки за душой не было, а какъ въ казначеяхъ походилъ, такъ сколько тысячъ накопилъ... Всячески грабиль...

— Да съ кого же онъ могъ грабить?—спрашивалъ я.

— Мало ли съ кого онъ грабилъ!... У казначея всѣ деньги на рукахъ, всѣ капиталы у него. Онъ всѣ расходы по монастырю ведетъ: и постройки, и ремонты, и покупки, и продажи—все онъ... А арестанты-то? Мало ли онъ отъ нихъ наживался! Мало ли попользовался...

Я выразилъ удивленіе: какимъ образомъ арестанты, сидящіе въ монастырской крѣпости, могли способствовать обогащенію казначея?

— А какъ же!—воскликнула моя собесѣдница.—Мало ли къ нимъ народу прѣбываетъ, чтобы повидать ихъ... Въ одному Василью Карповичу сколько народа перебивалось...

— Кто это Василій Карповичъ?—спросилъ я, настороживъ уши.

— Тоже арестантъ... старецъ одинъ... по фамиліи Подгорный... дальній онъ, говорятъ, изъ-подъ Харькова. Народъ его за пророка считаетъ, за прозорливца.. Говорятъ, предсказываетъ... Не только изъ ихъ мѣсть, отколь онъ, стало быть изъ-подъ Харькова,—наши, суздальскіе, начали ходить къ нему... Можно сказать, народъ такъ и валитъ къ нему: и крестьяне, и мѣщане, и кушцы, и старухи, и молоденькія... Бывало то и дѣло: тройки да пары такъ и ѣдутъ... А онъ въ крѣпости сидитъ, подъ замкомъ. Какъ его повидать? Безъ благословенія архимандрита никому невозможно увидѣть арестанта. А архимандритъ ни во что не вникалъ, все предоставилъ казначею, отцу Исая... Ну, а тотъ никого не допустить безъ того, чтобы не сорвать въ свою пользу. Такимъ манеромъ и наживался».

Я зналъ, что Подгорный, крестьянинъ Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи, пользующійся большою популярностью на родинѣ, былъ заключенъ въ Суздальскую крѣпость въ 1892 году, по опредѣленію святѣйшаго синода. Дѣло противъ него было возбуждено мѣстнымъ духовенствомъ, которое обвиняло его въ образованіи и распространеніи особой секты лнстовскаго характера, а также въ грубомъ развратѣ, въ растленіи и насильствованіи малолѣтнихъ дѣвушекъ и т. д.

Вообще харьковское духовенство,—мѣстные священники, благочинные, миссіонеры во главѣ съ извѣстнымъ архіепископомъ Амвросіемъ—стивидъ не жалѣло красокъ, чтобы разрисовать Подгорнаго какъ въ высшей степени вреднаго и опаснаго сектанта, погрязшаго притомъ въ самый гнусный развратъ. Все дѣло о Подгорномъ велось духовными властями, зело съ келейно, тайно и заправлялось членами духовной консисторіи. Въ результатъ—ссылка и заключеніе Подгорнаго въ Суздальскую крѣпость.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ другомъ свѣтѣ представляется какъ дѣло Подгорнаго, такъ и его личность, если мы за свѣдѣніями по этому поводу обратимся къ людямъ, среди которыхъ проходила его дѣятельность. Тутъ со всѣхъ сторонъ вы можете услышать самые лестные, самые восторженные отзывы о полезной и плодотворной дѣятельности «старца», въ

основаніи и устройствѣ имъ Свято-духовской женской общины на религиозно-разумныхъ началахъ, о его проповѣдяхъ, направленныхъ противъ раслученности мѣстнаго духовенства, о его борьбѣ съ пьянствомъ и развратомъ и т. д.

— Всю свою жизнь ратовалъ супротивъ «казенной троицы»,—говорить о немъ крестьяне.

— Что это за «казенная троица»?—спрашивалъ я.

— А та самая, у которой первое лицо—табакъ, второе лицо—кабакъ, а третье—бардакъ...

Какъ бы то ни было, но харьковскіе хохлы глубоко убѣждены въ то, что Подгорнаго засадили въ крѣпость главнымъ образомъ за то, что онъ своею проповѣдью отбилъ доходъ у мѣстныхъ священниковъ: подъ влияніемъ его ученія народъ массами началъ оставлять официальныхъ пастырей и переходить на сторону «старца», котораго онъ считалъ за пророка и пророка. Вообще дѣло Подгорнаго настоятельно нуждается въ подробномъ, гласномъ и безпристрастномъ разслѣдованіи.

Но возвращаюсь къ моему разговору съ хозяйкой. На вопросъ о томъ, кто еще сидитъ въ крѣпости, кромѣ Подгорнаго, она назвала Ковалева,— «тотъ самый, что 25 человѣкъ живьемъ въ землю закопалъ». Теперь, послѣ того, какъ онъ принялъ православіе, его начали выпускать изъ крѣпости въ монастырь.

— А еще кто?—спросилъ я.

— «Да мало ли ихъ сидитъ... Полна крѣпость. И попы, и монахи, и раскольникки, и архимандриты... Только фамиліи ихъ никому неизвѣстны, потому—все подъ секретомъ»...

Отправляюсь въ монастырь на развѣдки.

Черезъ арку, устроенную подъ сводами Южной башни, вхожу въ монастырь. Замѣтивъ меня, привратникъ въ солдатской шинели спѣшитъ выйти изъ своей сторожки и внимательно смотритъ мнѣ вслѣдъ. Увѣреннымъ шагомъ я направляюсь въ глубь монастыря.

Навстрѣчу мнѣ попадается «служка», т.-е. молодой послушникъ, въ черномъ подрясникѣ, опоясанномъ широкимъ ремнемъ. Боясь возбудить какія-нибудь подозрѣнія, я не рѣшаюсь сразу спросить его о томъ, что меня болѣе всего интересуетъ, т.-е. о крѣпости и тюрьмѣ, а прошу указать мнѣ могилу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, знаменитаго героя-патріота, какъ извѣстно, похороненнаго въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ.

Осмотрѣвъ роскошный мраморный «мавзолей», устроенный надъ могилой Пожарскаго, я прошу моего случайнаго спутника проводить меня въ церковь Николая Угодника, которая,—какъ мнѣ было извѣстно,—до недавняго времени была въ крѣпости и служила только для заключенныхъ, но архимандритъ Серафимъ, отнеся крѣпостную стѣну въ глубь тюремнаго двора, сдѣлалъ эту церковь доступной публикѣ.

Какъ только мы направилсь туда, я замѣтилъ съ лѣвой стороны ка-

менную стѣну темно-кирпичнаго цвѣта, которая, упираясь однимъ концомъ въ главную стѣну, окружавшую монастырь, шла почти до самой церкви Николая Угодника, отрѣзывая такимъ образомъ сѣверную часть монастыря. «Вотъ она крѣпость», подумалъ я.

Въ стѣнѣ видѣлись плотно закрытыя, окованныя желѣзомъ ворота, надъ которыми сверху висѣлъ образъ Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ... А внизу, на воротахъ видѣлась желѣзная кружка съ какой-то надписью.

— Что это за ворота?—спросилъ я своего спутника, желая проверить свои догадки.

— А это въ острогъ... то бишь, въ крѣпость,—поправился онъ.

Мнѣ непременно хотѣлось прочесть надпись на кружкѣ, поэтому я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ воротамъ. «Въ пользу заключенныхъ въ монастырской крѣпости»—едва успѣлъ прочесть я, какъ вдругъ услышалъ испуганный голосъ моего спутника, который, страшно волнуясь, кричалъ:

— Буда вы! Буда вы!... Тамъ нельзя!

Очевидно, мой поступокъ показался ему столь необычайнымъ и такъ смутилъ его, что онъ совершенно растерялся и кончилъ тѣмъ, что усмиривъ шагъ, какъ бы желая поскорѣе миновать опасное мѣсто и въ то же время отдѣлаться отъ меня.

Я успѣшилъ догнать его.

— Вы говорите, туда нельзя?—спросилъ я его спокойнымъ тономъ.

— Нельзя, нельзя! — все тѣмъ же крайне взволнованнымъ голосомъ говорилъ послушникъ.—Тамъ солдаты!—проговорилъ онъ какъ бы въ неясненіе своего испуга.

— Стало быть, тюрьма помѣщается за этой стѣной?—спросилъ я.

— Да, да, въ крѣпости, — скороговоркой отвѣтилъ послушникъ ии ходу.—А вотъ и храмъ святителя Николая Угодника, —добавилъ онъ, указывая на церковь, къ которой мы подошли въ эту минуту.

— А сколько всѣхъ заключенныхъ?—спросилъ я.

— Намъ ничего неизвѣстно... Простите, Христа ради!—вдругъ сказалъ онъ, отвѣсивъ низкій поклонъ и успѣвши юркнуть въ одну изъ дверей братскаго корпуса.

Я началъ часто посѣщать монастырь, вступалъ въ бесѣды съ монахами, послушниками и богомольцами, стараясь наводить ихъ на интересующія меня темы.

Разъ иду я по аллеѣ, вдоль каменной стѣны, отдѣляющей крѣпость отъ монастыря. На скамейкѣ въ тѣни березъ и кленовъ сидитъ како-то человѣкъ мѣщанскаго облика, не то странникъ-богомолецъ, не то судьяскій обыватель.

Сажусь на ту же скамейку и, спустя нѣкоторое время, вступаю въ разговоръ о томъ, о семъ. Случайный собесѣдникъ оказывается о-нѣ общительнымъ человѣкомъ.

— А это что такое?—спрашиваю я своего собесѣдника, указывая на темную дверь въ каменной стѣнѣ, ведущую въ крѣпость.

— Это?—переспросилъ онъ и значительно, почти пытливо поглядѣлъ мнѣ прямо въ глаза. Его лицо вдругъ приняло какой-то таинственный отбѣнокъ. Замѣтно понизивъ тонъ, онъ отвѣчалъ:

— Это... стало быть темница... Тюрьма, скажемъ...

— Кого же и за что сюда сажаютъ?—спрашиваю я.

— Сюда, господишь, за большія дѣла сажаютъ...

И онъ внушительно покачалъ головой.

— Да, за ба-альшія дѣла... И духовнаго сана и свѣтскаго...

— И на долго сажаютъ?

— На неозначенное время... Другого посадить молодого, вьюношей, а выпустить-то отсюда старикомъ сѣдымъ... Да-а, всяко бываетъ, господинъ хорошій... А то и умереть здѣсь, сидя въ тюрьмѣ, такъ воли и не дожидется... Здѣсь монахи и похоронять... вонъ въ саду у нихъ зарыто народу страсть...

— А что, нельзя какъ-нибудь проникнуть за эти ворота, чтобъ увидѣть тюрьму?—спросилъ я.

Мой собесѣдникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, какъ смотреть на человѣка, вдругъ выпалившаго какую-нибудь очевидную нелѣпость, и затѣмъ заявилъ:

— Да развѣ это мыслимо?!...

IX.

Арестантское кладбище.

Изъ «Историческаго описанія» г. Сахарова я узналъ, что въ монастырѣ имѣется особое кладбище, «на которомъ хоронили и хоронять умершихъ въ арестантскомъ отдѣленіи». Это меня крайне заинтересовало.

Я рѣшилъ осмотрѣть это кладбище, въ надеждѣ хотя по могильнымъ надписямъ узнать имена тѣхъ узниковъ, которые томилась въ Суздальской крѣпости и которые нашли здѣсь себѣ вѣчное успокоеніе. Если ничего нельзя узнать о живыхъ узникахъ Суздальской крѣпости, то по крайней мѣрѣ можно будетъ узнать кое-что о мертвыхъ,—думалъ я.

Съ этой цѣлью, на первыхъ же дняхъ своего приѣзда въ Суздаль, я отправился въ монастырь. Изъ «Описанія» г. Сахарова я зналъ, что арестантское кладбище находилось «за братскимъ корпусомъ въ саду» и подходило къ самой церкви Николая Угодника.

Пройдя вдоль братскаго корпуса, я убѣдился, что садъ, который примыкалъ къ этому корпусу сзади и въ которомъ находилось арестантское кладбище, былъ отдѣленъ отъ монастырскаго двора особой оградой. Еще не доходя до братскаго корпуса, можно было замѣтить въ оградѣ широкія ворота, которыя вели въ садъ, но, къ моему сожалѣнію, ворота эти оказались на замкѣ.

«Здѣсь, очевидно, все подъ замкомъ», съ невольной досадою подумалъ я и пошелъ далѣе, вдоль корпуса, надѣясь въ концѣ его найти другія ворота или калитку въ садъ. Я не ошибся: калитка, дѣйствительно, оказалась, но и на ней,—увы!—висѣлъ замокъ.

Я уже терялъ надежду проникнуть въ этотъ разъ на кладбище и хотѣлъ было идти назадъ, какъ вдругъ къ калиткѣ быстро подошелъ какой-то человекъ лѣтъ 35, довольно высокій, со слѣдами оспы на лицѣ, одѣтый въ бѣлую блузу, подпоясанную кожанымъ ремнемъ, и началъ отпирать замокъ.

— Вы садовникъ?—спросилъ я его.

Онъ бѣгло взглянулъ мнѣ въ лицо и какъ-то уклончиво проговорилъ:

— Да, мы находимся при садѣ.

Онъ вошелъ въ калитку, я поспѣшилъ послѣдовать за нимъ.

— Можно осмотрѣть садъ?—спросилъ я.

— Что же, посмотрите, если вамъ угодно... только скоро придется его запирать, потому у меня есть дѣло...

— Я ненадолго, я не задержу васъ,—успокоилъ я своего спутника.

Мы вошли въ садъ, густо заросшій деревьями: яблонями, вишнями, орѣшникомъ. Подъ этими деревьями въ зеленой и сочной травѣ виднѣлись ряды могильныхъ насыпей...

Могилы шли отъ самой церкви Николая Угодника, часть которой входила въ садъ.

— Это самая старинная изъ всѣхъ церквей вашего монастыря?—спросилъ я садовника, чтобы завязать разговоръ.

— Дѣйствительно вѣрно. Эту церковь самъ святитель Ефимій строилъ.

— Зачѣмъ же въ ней вездѣ желѣзные рѣшетки въ окнахъ?

— Прежде она въ крѣпости стояла и служила для арестантовъ, для колодниковъ... Потому и рѣшетки желѣзныя... Богомольцы же не могли ее посѣщать. А теперешній архимандритъ отнесъ стѣну въ глубь крѣпостного двора, такимъ образомъ церковь сдѣлалась теперь доступна для посѣщеній.

— Она и теперь продолжаетъ служить для арестантовъ?

— Нѣтъ, теперь уже ихъ сюда не пускаютъ. Для нихъ въ крѣпости особая церковь имѣется... Маленькая.

Я началъ разсматривать могильныя плиты, разбирать надписи, стараясь въ то же время заинтересовать этимъ моего случайнаго спутника.

Надъ одной изъ могилъ стоялъ невысокій деревянный крестъ, окрашенный въ черный цвѣтъ, но никакой надписи на немъ не было. Очевидно, здѣсь считается лишнимъ сохранять въ памяти людей имена умершихъ.

Анонимные покойники.

Вокругъ, рядами, виднѣлись насыпи надъ старыми могилами уже безъ всякихъ крестовъ и плитъ. Всѣ онѣ густо заросли высокой травой. Яблони простираютъ надъ ними свои вѣтви, точно стараясь прикрыть ихъ отъ взоровъ тѣхъ немногихъ людей, которые нарѣдка проникаютъ сюда.

Изъ могилъ XVIII столѣтія только одна оказалась съ надписью. Это была могила, какъ гласила надпись на плитѣ, «монаха Амвросія, въ бѣдѣцахъ Александра Кирилловича Сытина, скончавшагося 1785 года». Впоследствии, когда мнѣ удалось получить списокъ секретныхъ дѣлъ суздальскаго монастырскаго архива, я узналъ, что «коллежскій ассесоръ Александръ Сытинъ» былъ заключенъ въ Суздальскую крѣпость 29 ноября 1776 года. Изъ того же списка видно, что Сытинъ умеръ въ крѣпости, просидѣвъ въ ней около десяти лѣтъ. Можно думать, что монашество онъ принялъ незадолго до своей смерти.

Вообще могилы монаховъ, хотя бы и бывшихъ въ числѣ монастырскихъ узниковъ, болѣе охотно отмѣчались монастыремъ и сохранялись болѣе тщательно. Такъ, на одной плитѣ я прочелъ: «Иеромонахъ Рафаилъ, скончавшійся 21 октября 1869 года», а на другой: «Иеромонахъ Митрофанъ Шумиловскій, умершій 31 марта 1888 года», и т. д.

Среди могилъ, заросшихъ травой, бросается въ глаза совсѣмъ свѣжая могильная насыпь, на которой нѣтъ никакихъ слѣдовъ растительности.

— Чья это могила?—спрашиваю я.

— Тутъ недавно похороненъ одинъ странникъ.

— Какой странникъ?

— А Богъ его знаетъ. Пришеде въ нашъ монастырь какой-то странникъ... невѣдомо откуда... никто его не зналъ. Заболѣлъ здѣсь и умеръ. Вотъ его и похоронили здѣсь, вмѣстѣ съ арестантами...

— Богомолецъ?—спросилъ я.

— Неизвѣстно... Можетъ быть, и богомолецъ, а можетъ быть и такъ...

Сюда нерѣдко приходятъ навѣстить кого-нибудь изъ сидящихъ въ тюрьмѣ... сродственники, знакомые... или такъ, случается, по намышигѣ...

— Но въдѣ заключенныхъ здѣсь нельзя видѣть?

— Конечно, нельзя... А между прочимъ надѣются... Съ тѣмъ придуть, съ тѣмъ и уйдуть.

— А это чья могила?—спросилъ я, указывая на другую, также очевидно свѣжую могилу, лишь слегка обросшую мелкой и рѣдкой травой.

— А это одинъ невольникъ похороненъ.

— Кто такой?

— По фамиліи Черкасозъ... Звали его Андрей Лукьяновичъ... Здѣсь въ крѣпости сидѣлъ.

— Когда же онъ умеръ?

— Нынѣшней зимой, въ январѣ мѣсяцѣ.

— А вамъ неизвѣстно, откуда онъ былъ сосланъ сюда и за что?

— Должно быть, съ Волги... Чуть ли не изъ Астраханской губерніи. А сосланъ онъ, должно быть, за сноховскую секту.

— Отчего же на его могилѣ нѣтъ ни креста, ни плиты, ни надписи?—спросилъ я.

— Не могу знать отчего... Надъ арестантами не ставятъ... Должно быть, за еретиковъ считаютъ...

Позднѣе я узналъ, что «настоящихъ еретиковъ» вродѣ молоканъ, субботниковъ и другихъ сектантовъ здѣсь на кладбищѣ не хоронили, но послѣ ихъ смерти ночью тайно увозили изъ монастыря ихъ трупы и зарывали гдѣ-нибудь въ полѣ, причемъ всячески старались скрыть мѣсто погребенія.

Среди простыхъ могильныхъ плитъ и болѣе чѣмъ скромныхъ, невзрачныхъ памятниковъ, заросшихъ травой, особенно рѣзко выдѣлялись, обращая на себя вниманіе, два изящные памятника изъ прекраснаго чернаго мрамора. Оба они стояли подъ яблонями, скрывавшими ихъ въ своихъ вѣтвяхъ,—недалекѣ другъ отъ друга.

На одномъ изъ нихъ была слѣдующая надпись: «Здѣсь покоится тѣло коллежскаго совѣтника и кавалера Владимира Николаевича Бантышъ-Каменскаго, скончавшагося 22 января 1829 года на 51 году отъ рожденія». На другой сторонѣ памятника крупнымъ шрифтомъ были высѣчены два слова: «Другу-брату».

— Кто былъ этотъ Бантышъ-Каменскій?—спросилъ я садовника.

— Неизвѣстно... Говорять, изъ арестантовъ. Здѣсь въ тюрьмѣ сидѣлъ, тутъ и умеръ...

На другомъ памятникѣ изъ мрамора я прочелъ: «Здѣсь покоится прахъ раба Божія Федора Петровича Шаховскаго, отъ горестей и суесть міра во Всемогущему Богу въ вѣчное блаженство переселившася 1829 года май 24 дня на 34 году отъ рожденія своего». На другой сторонѣ памятника было высѣчено: «Господи, предъ Тобою все желаніе мое, и воздыханіе мое отъ Тебя не утаится. Помини мя, Владыко всесвятой, егда приидеши во царствіи Твоемъ».

Было несомнѣнно, что памятники надъ могилами Бантышъ-Каменскаго и Шаховскаго сооружены не монастыремъ, а людьми, близкими покойнымъ узникамъ, такъ какъ и въ постановкѣ этихъ памятниковъ и въ надписяхъ на нихъ чувствовалась любящая рука, слышалась глубокая скорбь объ умершихъ.

На мой вопросъ: кто былъ этотъ Шаховской?—садовникъ ничего не могъ сказать мнѣ. Но въ «Историческомъ описаніи Спасо-Ефиміева монастыря» онъ названъ княземъ, бывшимъ узникомъ судальской монастырской тюрьмы. Это указаніе навело меня на мысль обратиться за свѣдѣніями по этому поводу къ извѣстному общественному дѣятелю князю Дмитрію Ивановичу Шаховскому, съ которымъ мнѣ и ранѣе приходилось переписываться по вопросамъ народнаго образованія и съ которыми не разъ приходилось встрѣчаться на разныхъ съѣздахъ, выставкахъ и т. п.

Я написалъ Д. И. Шаховскому письмо, въ которомъ просилъ его сообщить мнѣ: не извѣстно ли ему, кто такой былъ князь Федоръ Петровичъ Шаховской? Спустя нѣсколько дней послѣ этого получилъ отвѣтъ.

«Федоръ Петровичъ Шаховской,—писалъ Дмитрій Ивановичъ,—мой родной дѣдъ (отецъ моего отца), декабристъ, одинъ изъ основателей Союза Благоденствія, повидимому, отставшій затѣмъ отъ политики, такъ какъ съ

1821 года онъ жилъ у себя въ деревнѣ (въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи), и арестованъ только въ началѣ марта 1826 года.

«О немъ говорится въ донесеніи слѣдственной комиссіи, издан. 1826 года, стр. 8, 10 и 11. По опредѣленію верховнаго суда онъ былъ сосланъ на поселеніе именно въ Туруханскъ, затѣмъ переведенъ въ Енисейскъ, гдѣ вскорѣ сошелъ съ ума и перевезенъ въ Суздальскій монастырь, въ которомъ онъ и умеръ. Въ монастырѣ его посѣтила жена его княгиня Наталья Дмитріевна (родная внучка кн. Михаила Михайловича Щербатова), которая, конечно, и поставила памятникъ на могилѣ».

Впослѣдствіи, когда мнѣ удалось проникнуть въ монастырскій архивъ, я имѣлъ возможность ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ «государственнаго преступника Шаховскаго», и такъ какъ оно представляетъ несомнѣнный интересъ, то я постараюсь въ одной изъ слѣдующихъ статей передать содержаніе этого «дѣла».

— Это все могилы людей, которые здѣсь похоронены? — спросилъ я садовника, указывая на ряды насыпей, заросшихъ травой и уходящихъ въ глубь монастырскаго сада.

— Да, это все колодники, которые сидѣли здѣсь въ прежнее время въ тюрьмѣ, а также ссыльные изъ духовныхъ лицъ, которые были здѣсь въ монастырѣ на послушаніи... Много ихъ здѣсь сидѣло въ заточеніи, много и помирало...

Съ тяжелымъ, подавленнымъ чувствомъ смотрѣлъ я на эти ряды могилъ, скрывшихъ въ землѣ измученныя тѣла несчастныхъ узниковъ... Въ моемъ воображеніи вставали тѣни людей, исчахшихъ за желѣзными рѣшетками монастырскихъ казематовъ — въ теченіе долгихъ лѣтъ суроваго заточенія.

— Вы—здѣшній? — спросилъ я садовника.

— Нѣтъ... я—дальній.

— А откуда вы, можно узнать?

— Я... съ юга... екатеринославскій, — не сразу отвѣтилъ садовникъ, смотря куда-то въ сторону.

Въ его отвѣтахъ чувствовалась какая-то особенная сдержанность, отсутствіе желанія говорить о себѣ.

— А что священникъ Цвѣтковъ сидитъ въ крѣпости? — спросилъ я.

— Да, сидитъ.

— А Подгорный?

— Тоже сидитъ.

— А еще кто?

— Еноховцы сидятъ... четыре человѣка, изъ Саратовской губерніи... Николай Ивановичъ Добролюбовъ, изъ Нижняго-Новгорода вотъ уже больше двадцати лѣтъ сидитъ здѣсь... Крестьянинъ Уточкинъ... іеродіаконъ Пиментъ изъ Молдавіи. Ермолай Федосѣевъ за то, что въ пещерѣ жилъ... Священники Рудаковъ и Синцоровъ...

— А Бовалевъ? — спросилъ я.

— Да... сидеть... вы простите... мнѣ пора идти, — какъ-то вдругъ спохватился онъ.

— Ну, что же, идите вѣстѣ.

Мы вышли изъ сада. Мой спутникъ заперъ на замокъ калитку и попросился со мной.

Увидѣвъ, что онъ направляется къ крѣпости, я пошелъ вслѣдъ за нимъ. Вотъ онъ остановился у воротъ, ведущихъ въ крѣпость и — я не замѣтилъ хорошенько, постучалъ ли онъ въ нихъ, или же позвонилъ.

— Кто тамъ?—раздался окрикъ изъ-за воротъ.

— Это я... Федоръ,—отвѣчалъ садовникъ.

Загремѣли замки, и затѣмъ одна половина воротъ чуть-чуть пріоткрылась. Садовникъ проскользнулъ туда, ворота быстро захлопнулись, и снова загромыхали замки.

Только тутъ я догадался, кто былъ тотъ садовникъ, съ которымъ я только что бесѣдовалъ и разбиралъ могильныя надписи. Это былъ не кто другой, какъ самъ Федоръ Ковалевъ, печальный герой ужасной трагедіи, разразившейся въ самомъ концѣ 1896 и въ началѣ 1897 года въ Терновскихъ плавняхъ, подъ Тирасполемъ, трагедіи, отъ которой содрогнулась не только Россія, но и весь цивилизованный міръ.

Въ числѣ 25 человѣкъ, которыхъ онъ замуровалъ на смерть въ склепъ и закопалъ живыми въ землю, были самые близкіе, самые дорогіе ему люди: родная мать—старуха, родной братъ, и, наконецъ, молодая любимая жена съ двумя его малолѣтними дѣтьми...

Но о Ковалевѣ и другихъ узникахъ Суздальской крѣпости, томившихся въ ней въ 1902—1905 годахъ мы поговоримъ въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

А. Пругавинъ.

Русскій государственный бюджетъ 1908 года.

Событія послѣднихъ лѣтъ создали для разсмотрѣнія нашей росписи новый государственно-правовой фундаментъ. Но въ то же время они рѣзко нарушили правильность веденія государственнаго хозяйства, и только теперь, послѣ болѣе чѣмъ годового періода временныхъ ежемѣсячныхъ кредитовъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію, но безъ какой бы то ни было отвѣтственности исполнительной власти, мы впервые приближаемся къ общему разсмотрѣнію прошедшей черезъ бюджетную комиссію росписи собраніемъ представителей населенія.

Двѣ основныхъ задачи всегда лежать въ основѣ такого общаго разсмотрѣнія бюджета представительнымъ собраніемъ: установленіе баланса государственнаго хозяйства для даннаго бюджетнаго періода и общая критика политики правительства съ точки зрѣнія затрачиваемыхъ государственныхъ средствъ и достигаемыхъ этой затратою результатовъ.

Умѣстно поэтому было въ настоящее время разсмотрѣть внесенный министромъ финансовъ въ Государственную Думу проектъ росписи на 1908 г. съ обихъ этихъ точекъ зрѣнія. Но необходимо оговориться, что вторая изъ отмѣченныхъ задачъ слишкомъ сложна и многообъемлюща. Государственная роспись доходовъ и расходовъ связана рѣшительно со всеми проявленіями жизни государства, представляя ихъ нежизненною матеріальною основу.

На Западѣ бюджетныя пренія обычно превращаются въ критику всей финансовой и административной системы правительства, и, несмотря на давно упрочившійся представительный строй, жизнь никогда не перестаетъ давать все новый и новый матеріалъ для такой критики.

Во много разъ труднѣе вопросъ въ Россіи. Существующая донинѣ система извлеченія государственныхъ доходовъ на-ряду съ архаическими элементами включаетъ въ себя, правда, рядъ налоговыхъ учреждений новѣйшаго происхожденія, созданныхъ политикою послѣднихъ десятилѣтій, начиная съ эпохи Н. Х. Бунге. Но и эта модернизированная фискальная система, выйдя изъ-подъ сдерживавшаго вліянія Бунге, вновь въ сильной степени стала отражать на себѣ тенденціи, пытаемыя всѣмъ строемъ социальныхъ и политическихъ отношеній.

По яркой характеристикѣ проф. Озерова, которую въ свое время такъ пренебрежительно вышучивалъ министръ финансовъ, «нашъ доходный

бюджетъ отпечатлѣваетъ въ себѣ политическое рабство, пренебреженіе интересами массъ и господство группъ владѣющихъ»). Еще болѣе архаическихъ элементовъ включаетъ въ себя наша расходная роспись.

Она способна дать необозримый матеріалъ для критики, но изученіе ея представляетъ чрезвычайно сложную и кропотливую работу, въ отдѣльныхъ областяхъ государственной дѣятельности невозможную безъ спеціальныхъ парламентскихъ анкетъ.

Трудность работы еще усугубляется тѣми условіями, въ какія она поставлена нынѣ. Мы не станемъ касаться объективныхъ условій—они общезвѣстны; въ то же время мы во всякомъ случаѣ имѣемъ слишкомъ недостаточно данныхъ для сужденія о работоспособности элементовъ, изъ которыхъ нынѣ состоитъ бюджетная коммиссія Государственной Думы. Не даже въ лучшемъ случаѣ на первый разъ возможно ожидать лишь весьма скромныхъ результатовъ въ области критики деталей нашего бюджета въ итогѣ разсмотрѣнія его коммиссіей.

И пока не будетъ официально, и не только на словахъ, а и на дѣлѣ, признана отрицаемая нынѣ даже въ принципѣ необходимость, въ порядкѣ правительственной инициативы, перестройки всего нашего бюджета на новыхъ началахъ, бюджетныя детали, несмотря на всю ихъ важность, будутъ сохранять лишь подчиненное значеніе. Тѣмъ болѣе задача настоящей статьи можетъ быть ограничена разсмотрѣніемъ проекта бюджета на 1908 годъ главнымъ образомъ лишь въ его общей перспективѣ.

I.

Общія цифры проекта росписи на 1908 годъ, сравнительно съ бюджетами двухъ предшествующихъ лѣтъ, таковы (въ мил. руб.):

Доходовъ:	Было назнач. по росписи на 1906 г.	Дѣйствитель- но поступило въ 1906 г.**).	Назначено по проекту рос. на 1907 г.	Назначено по проекту рос. на 1908 г.
Обыкновенныхъ .	2.027,9	2.271,7	2.175,0	2.318,9
Чрезвычайныхъ .	2,0	7,1	1,8	7,0
Сверхъ того отъ займовъ . . .	—	1.077,0	47,7	189,6
Сверхъ того остат- ковъ отъ пре- дыдущихъ лѣтъ.	—	68,0	60,6 ***)	—
Итого . . .	2.029,9	3.423,8	2.285,1	2.515,5

*) Стеногр. отчетъ. Государственная Дума, 27 ноября 1907 г., стр. 623.

**) По отчету государственнаго контроля.

***) По болѣе позднимъ подсчетамъ (см. объясн. записка къ проекту росписи на 1908 г. стр. 15) этотъ остатокъ опредѣлился въ суммѣ 58,5 м. р., т.-е. на 2,1 м. р. меньше, соотвѣтственно чему надо увеличить и предложенный дефицитъ.

Расходовъ:	Назначено на 1906 г.	Выполнено *) въ 1906 г.	Назначено на 1907 г.	Ассигновано по времени, росписаниямъ на 1907 г.	Назначено на 1908 г.
Обыкновенныхъ.	2.018,1	2.061,1	2.173,1	2.173,4	2.317,5
Чрезвычайныхъ.	492,9	1.151,6	298,6	324,6	198,0
Итого.	2.511,0	3.212,7	2.471,7	2.498,0	2.515,5
Дефицитъ (за вы- четомъ зай- мовъ)	—481,1	—865,9	—234,3	—	—189,6

Что можетъ дать намъ анализъ этихъ цифръ? Прослѣживая послѣднюю строку таблицы, мы наталкиваемся на рядъ крупныхъ ежегодныхъ дефицитовъ: бюджетъ не могъ и не можетъ быть сбалансированъ безъ займовъ. Но этотъ выводъ и по существу и по размѣрамъ не можетъ быть принятъ безъ существенныхъ оговорокъ. Дефицитъ 1906 г. былъ, конечно, вполне естественъ, какъ выраженіе ликвидаціи военныхъ расходовъ; внѣшній заемъ этого года далъ возможность ликвидировать и всѣ краткосрочныя обязательства, заключенныя во время войны (444,9 мил. руб.) Чрезвычайные расходы по ликвидаціи войны постепенно уменьшаются. Они состоятъ:

- По росписи на 1906 г. . . . . 405,4 мил. руб.
- По проекту росписи на 1907 г. . . . 124,3 » »
- » » » » 1908 » . . . . 66,7 » »

А съ ними вмѣстѣ уменьшаются и дефициты въ значительной ихъ части.

Что касается дефицита 1907 г., то по росписи, какъ мы видимъ, онъ опредѣленъ былъ въ 234,3 мил. руб. Но большая часть его приходится на долю преуменьшеннаго вычисленія обыкновенныхъ доходовъ. По росписи они были опредѣлены въ 2.175 мил. руб., т.-е. на 96,7 мил. руб. менше дѣйствительнаго поступления предыдущаго года. На дѣль, по послѣднимъ опубликованнымъ свѣдѣніямъ по 1 декабря 1907 года, поступленіе обыкновенныхъ доходовъ идетъ съ превышеніемъ противъ поступленій 1906 года на 57,1 мил. руб. Такимъ образомъ съ суммы дефицита надо скинуть около 150 мил. руб. Остальные 85 мил. руб. покрыты двумя выпусками ренты номинально на 120 мил. руб., давшихъ по курсу какъ разъ 85,4 мил. руб. Однако надо замѣтить, что указанный въ таблицѣ и въ примѣчаніи свободный остатокъ въ 58 миллион. руб. образовался почти цѣлкомъ (на 53 мил. руб.) также на счетъ займа—выпуска краткосрочныхъ обяза-

*) По отчету государственнаго контроля.

тельство въ Германіи въ концѣ 1906 года. Этотъ дефицитъ перенесенъ нынѣ на 1908 г. путемъ пересрочки указанныхъ обязательствъ. Кроме того, какъ видно изъ общаго итога расходовъ 1907 г., онъ превысилъ смѣту на 26,3 мил. руб. Эти сверхсметные расходы тоже должны быть причислены къ дефициту 1907 года. Если вѣрны окажутся расчеты министра финансовъ, опредѣляющіе вѣроятный итогъ поступления обыкновенныхъ доходовъ въ 2.320 мил. руб., т.-е. на 50 мил. руб. болѣе 1906 г., то всѣ приведенныя только что указанія приведутъ насъ къ цифрѣ истиннаго дефицита для 1907 года около 70 мил. руб.; изъ которыхъ, какъ сказано, 53 мил. перечислены въ роспись 1908 года. Такимъ образомъ въ 1907 году удастся свести концы съ концами, не прибѣгая къ вѣншему займу. Такой результатъ, конечно, надо признать благопріятнымъ и по существу, и въ особенности въ виду чрезвычайно напряженнаго состоянія международнаго денежнаго рынка за все послѣднее время.

Разсмотримъ, какой характеръ имѣеть дефицитъ, предполагаемый проектомъ росписи на 1908 годъ. Прежде всего, уже въ настоящее время размѣръ его долженъ быть нѣсколько увеличенъ. Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ по росписи было опредѣлено 7,7 мил. руб. на помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая. Но уже въ моментъ внесенія росписи въ Думу министерствомъ внутреннихъ дѣлъ заявлено было дополнительное требованіе въ 6,6 мил. руб. Въ результатъ разсмотрѣнія въ Думѣ общія размѣры ассигнованія увеличены были до 15,2 мил. руб.; съ тѣхъ поръ уже возникли новые вопросы о дополнительныхъ ассигнованіяхъ на борьбу съ голодомъ, а плохое состояніе озимей внушаетъ серьезнѣйшія опасенія дальнѣйшей необходимости увеличенія этого кредита.

За три послѣднихъ года этотъ расходъ составилъ:

Въ 1905 году	40,6	мл. руб.
» 1906 »	110,5	» »
» 1907 »	89,7	» »

Всего такимъ образомъ за три года израсходовано свыше 240 мил. руб. на потребность, которой не должно быть мѣста ни при какомъ государственномъ строѣ, наличность которой является яркимъ отрицаніемъ и нынѣшняго правительственнаго режима.

Цифра дефицита, такимъ образомъ, можетъ весьма рѣзко измѣниться, если окажутся необходимы сверхсметныя ассигнованія, или, наоборотъ, если невѣрными окажутся исчисленія обыкновенныхъ доходовъ.

Наконецъ, разсмотрѣніе проекта росписи Думою и Государственнымъ Совѣтомъ навѣрное не оставитъ безъ измѣненія итоговъ ассигнованій, испрашиваемыхъ вѣдомствами и министрами финансовъ.

Въ прошломъ году Государственный Совѣтъ закончилъ разсмотрѣніе росписи въ отдѣлахъ своей финансовой комиссіи; работы Думской бюджетной комиссіи были преждевременно прерваны. Мы не имѣемъ подъ руками свода измѣненій въ росписи, проектированныхъ въ Государствен-

номъ Совѣтъ. Что касается Государственной Думы, то предварительная сводка ихъ, сдѣланная въ изданіи М. П. Федорова *), даетъ прибавку въ исчисленіи доходовъ на 53,9 мил. руб., увеличеніе расходовъ—на 4,4 мил. руб., а сокращеніе ихъ на 24,5 мил. руб., т.-е. общее сокращеніе расходовъ на 20,1 мил. руб., (впрочемъ, нѣкоторыя составныя части этой суммы носятъ лишь предположительный и временный характеръ).

За роспускомъ Думы, министерство приобрѣло свободу распоряженія кредитами росписи и приняло во вниманіе большую часть замѣчаній, сдѣланныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но лишь въ ничтожной мѣрѣ замѣчанія Думскихъ подкомиссій. Всего такимъ образомъ сокращено было расходовъ изъ проекта росписи на сумму 12,5 мил. руб.

Въ нынѣшнемъ году, мы надѣемся, можно ожидать болѣе плодотворныхъ результатовъ участія законодательныхъ учреждений въ обсужденіи бюджета.

Что касается исчисленія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, то оно можетъ также оказаться невѣрнымъ. Для 1907 года оно основывалось на данныхъ о поступленіи доходовъ за 9 мѣсяцевъ года.

Это поступленіе составляло по тогдашнимъ свѣдѣніямъ министра финансовъ **) 1.661,8 мил. руб. (потомъ оно оказалось равнымъ 1.660,8 мил. р.) ***). Предполагая, что за послѣдніе 3 мѣсяца поступленіе доходовъ не превыситъ очень высокихъ, въ самомъ дѣлѣ, поступленій 1906 г. (658,5 мил. р.), министръ финансовъ опредѣлялъ вѣроятную сумму доходовъ за весь 1907 г. въ 2.320 милліон. руб., а на 1908 годъ—въ 2.319 мил. руб., т.-е. во столько же, какъ и на 1907 годъ. Естественный ростъ огромной страны, даже въ предвидѣніи крупнаго неурожая, позволяетъ намъ надѣяться, что это исчисленіе окажется чрезмѣрно осторожнымъ.

Однако, такое мнѣніе раздѣляется далеко не всѣми. Такъ, П. Н. Милюковъ на основаніи авторитетныхъ источниковъ указалъ въ своей бюджетной рѣчи, что «въ данномъ году, въ настоящемъ бюджетѣ сдѣлано нововведеніе: ожидаемые обыкновенные доходы исчислены въ цифрахъ, которыя повидимому гораздо ближе къ возможнымъ действительнымъ поступленіямъ, а иногда исчислены скорѣе въ обрѣзъ, а не съ запасомъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчислены даже не совсѣмъ осторожно» ****).

Намъ извѣстно, что такое нововведеніе действительно было сдѣлано,— въ цѣляхъ ли показанія меньшаго дефицита, какъ полагалъ П. Н. Милюковъ, или въ цѣляхъ просто большей корректности передъ лицомъ Думы, какъ скорѣе готовы мы предположить, но во всякомъ случаѣ было, сколько

*) Доклады бюджетной комиссіи второй Государственной Думы. Сиб., 1907 г., стр. 19—22.

**) Объяснительная записка, стр. 15.

***) *Вѣстникъ Финансовъ*, 1908 г., № 1.

****) Засѣданіе Думы 27 ноября. Стеногр. отч., стр., 673.

намъ известно, стремленіе установить возможное приближеніе доходныхъ предположеній къ дѣйствительности.

Насколько это стремленіе удалось осуществить министерству финансовъ—отвѣтитъ будущее.

Мы отмѣтили основные факторы, могущіе вліять на размѣры дефицита отрывшагося бюджетнаго года. Но не менѣе, а, напротивъ, еще болѣе серьезны иные факторы, которые, быть можетъ, не имѣютъ непосредственнаго значенія дѣлькомъ именно для бюджета 1908 года, которые въ немъ обойдены, но учитывать которые тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы видѣть и разбираемый бюджетъ и вообще ближайшее будущее русскаго государственнаго хозяйства въ правильной перспективѣ.

Мы можемъ усмотрѣть изъ приведенной нами таблицы, что наши дефициты относятся дѣлькомъ къ бюджету чрезвычайному, не затрогивая баланса обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, который сводится всегда съ избыткомъ. И мы готовы признать, что если и можетъ быть споръ относительно неправильнаго включенія какихъ-либо расходовъ вмѣсто обыкновенныхъ въ чрезвычайные, то во всякомъ случаѣ этотъ споръ можетъ идти о сравнительныхъ мелочахъ. Наоборотъ, въ нынѣшней росписи 34 мил. руб. по смѣтѣ военнаго министерства, числившихся въ прошломъ году въ графѣ чрезвычайныхъ, съ нарушеніемъ закона о предѣльномъ бюджетѣ занесены въ обыкновенную часть росписи. Замѣчанія В. Д. Кузьмина-Караваева *) въ бюджетной комиссіи второй Думы повидимому возымѣли вліяніе, и нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, по существу обыкновенныхъ расходовъ (на содержаніе вновь сформированныхъ и перестроенныхъ частей и на рядъ хозяйственныхъ операцій военнаго вѣдомства), значившихся въ 1907 году въ неподходящей рубрикѣ «чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ русско-японскою войною и ея послѣдствіями», перенесены—хотя и безъ законнаго титула—въ обыкновенную смѣту.

Правда, въ той же рубрикѣ имѣется до сихъ поръ также совершенно неподходящій для нея расходъ «на содержаніе второочередныхъ казачьихъ полковъ, мобилизованныхъ для внутренней службы, и на довольствіе войскъ, призываемыхъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ»—8 мил. руб. Врядъ ли я военное вѣдомство, и министръ финансовъ признаютъ ту точку зрѣнія, съ которой этотъ расходъ въ самомъ дѣлѣ можетъ считаться вызваннымъ «русско-японскою войною и ея послѣдствіями», хотя «чрезвычайности» его мы, конечно, не станемъ отставать. Любопытно во всякомъ случаѣ ихъ выдѣлить отсюда, и если мы не можемъ подсчитать общаго итога расходовъ на «успокоеніе» страны, то интересъ представляютъ, конечно, и его составныя части.

Въ 1905 году «на дополнительное содержаніе войскъ, привлеченныхъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, было ассигновано сверхсмѣтныхъ

*) См. В. Кузьминъ-Караваевъ. „Бюджетный самообманъ“. Русь 15 ноября.

кредитомъ по Высочайшему повелѣнію 22 ноября 1905 года 4 милл. руб. Въ 1906 г. въ рубрику чрезвычайныхъ расходовъ, «вызванныхъ войною», кредитъ «на дополнительное содержаніе мобилизованныхъ войскъ для внутренней службы въ Европейской Россіи и на Кавказѣ» занесенъ былъ въ суммѣ 9.740,775 руб. *). Выдѣлить этотъ кредитъ по проекту росписи 1907 г. можно лишь косвенно. Въ смѣтѣ канцеляріи военнаго министерства на 1908 г. **) указывается, что кредитъ, благодаря «сокращенію численности войскъ, призываемыхъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ», убавляется на 2.650,000. А такъ какъ на 1908 г. назначено, какъ сказано выше, 8 милл., то, слѣдовательно, въ 1907 году ассигновано было, повидимому, 10.650,000 руб.

Это, конечно, далеко не всѣ расходы на указанную государственную потребность. «Анализируя *новые*, въ составѣ *обыкновеннаго* бюджета, расходы, которыми обременяется съ 1906 г. государственное казначейство», департаментъ государственной экономіи въ 1906 г. къ категоріи расходовъ, «обусловленныхъ происходящими внутри Имперіи тревожными событіями революціоннаго свойства», относилъ въ предѣлахъ обыкновеннаго бюджета сумму почти въ 23 милл. руб. ***), а съ указанными выше чрезвычайными расходами, стало быть, свыше 32½ милл. однихъ только *новыхъ* расходовъ. Въ 1907 г. эта сумма должна была, вѣроятно, нѣсколько уменьшиться, но и по настоящее время она должна представлять крупную величину, общіе размѣры которой мы однако затрудняемся опредѣлить.

Это невольное отступленіе въ сторону отклонило насъ отъ вопроса о характерѣ нашего дефицита. Вернемся къ нему.

Мы указали, что дефициты 1906—1908 годовъ относятся дѣлкомъ или почти дѣлкомъ къ чрезвычайному бюджету. Мы готовы согласиться съ тѣмъ мѣстомъ изъ бюджетной рѣчи министра финансовъ, гдѣ онъ говоритъ: «одно дѣло, когда дефицитъ есть послѣдствіе недостатка въ повседневныхъ средствахъ, на удовлетвореніе повторяющихся изо дня въ день обыкновенныхъ расходовъ, и совершенно иное, если обнаружится недостатокъ въ средствахъ или для того, чтобы увеличить свое достояніе, или же—покрыть расходы, вызванные какою-либо происшедшею бѣдою и восстановить снова дальнѣйшую нормальную здоровую работу. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ дефицитомъ со всѣми его губительными послѣдствіями, но во второмъ—мы имѣемъ налицо только недостатокъ въ средствахъ обыкновенныхъ на покрытие расходовъ чрезвычайныхъ».

Вопросъ только въ томъ, дѣйствительно ли нашему бюджету *обезпечено* равновѣсіе въ области обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ въ ближайшемъ будущемъ? Дѣйствительно ли вслѣдъ за ликвидаціей экстраординар-

*) Деп. гос. экономіи Гос. Совѣта. Журналъ засѣданія 8 декабря 1905 года № 241, стр. 11. Деп. экономіи требовалъ, чтобы этотъ расходъ занесенъ былъ въ роспись отдельной статьёю, но это не было выполнено.

**) Чрезв. расх. § 1, ст. 1.

***) Журналъ деп. гос. экономіи 20 декабря 1905 г., № 244, стр. 25, 26 и 29.

наго бремени, наложеннаго на Россію войною и бурями переходнаго времени, ея обыкновенный бюджет будетъ въ силахъ свободно удовлетворять всё неизбѣжно вызываемыя развитіемъ ея государственной и экономической жизни текущія потребности? Нѣтъ ли условій, подтачивающихъ прочность ея бюджета, и не грозитъ ли ему откуда-либо опасность?

Нашъ доходный бюджетъ стойко выдерживаетъ всё тяжкія испытанія, налегшія на наше отечество, и намъ скажутъ, что подобныя опасенія не должны бы имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что наиболѣе бурное и трудное время, казалось бы, остается уже позади насъ.

Тѣмъ не менѣе, при болѣе пристальномъ взглядѣ на условія нашего государственнаго хозяйства, мы боимся, нельзя окажется сохранить успокоительный взглядъ г. Воковцова на вещи, и если не въ 1908 году, то въ весьма недалекомъ будущемъ финансовый оптимизмъ рискуетъ подвергнуться весьма серьезнымъ испытаніямъ.

Въ своей бюджетной рѣчи министръ финансовъ указываетъ на необходимость «величайшей сдержанности въ расходахъ на будущее время» и приводитъ угрожающія сравненія роста бюджетовъ въ различныхъ странахъ, изъ которыхъ явствовало, что «мы не только не отстали отъ общаго теченія въ жизни всѣхъ государствъ, но въ дѣлѣ возрастанія расходовъ можемъ смѣло выдержать соревнованіе».

Мы должны прежде всего отвергнуть довольно распространенное мнѣніе о томъ, что нашъ бюджетъ растетъ непомерно быстро, обгоняя въ темпѣ своего развитія бюджеты другихъ культурныхъ странъ.

Вотъ небольшая таблица роста *обыкновенныхъ* государственныхъ расходовъ Пруссіи, Англій и Россіи за послѣднее десятилѣтіе *).

	Обыкновен. расходы.			На одного жителя.		
	1896—7 г. 1906—7 г.		Увеличеніе.	1896—7 г. 1906—7 г.		Увелич. госуд.
	млн. мар.			въ рубляхъ.		расход. на душу населенія.
Пруссія .	1859,4	2903,2	+56%	27	36,2	+34%
	1895—6 г. 1905—6 г.			1895—6 г. 1905—6 г.		
	млн. ф. ст.			въ рубляхъ.		
Англія . .	97,8	140,5	+44%	23,4	33,6	+43%
	1896 г. 1906 г.			1896 г. 1906 г.		
	млн. руб.			въ рубляхъ.		
Россія . .	1010	1430	+41,6%	8,2	9,8	+19,5%

Два вывода вытекаютъ изъ нашего сопоставленія. За послѣднее десятилѣтіе, т.-е. именно тогда, когда создалась легенда о непомерно быстромъ ростѣ нашего бюджета, на дѣлѣ онъ возрасталъ менѣе быстро, чѣмъ бюджеты двухъ приводимыхъ нами культурныхъ странъ.

*) Изъ русскаго бюджета исключены оборотные расходы по эксплуатациіи казенныхъ жел. дорогъ и винной монополіи; изъ прусскаго бюджета они не исключены, но это не можетъ значительно вліять на % возрастанія доходовъ; зато изъ русскаго бюджета не исключены расходы по желѣзнодорожнымъ долгамъ и приплатамъ по гарантіи частнымъ дорогамъ. Сверхъ того, не принято во вниманіе развитіе мѣстныхъ бюджетовъ. А всё эти обстоятельства еще *значительно усилены бы невыгодной еррацией для Россіи.*

Во-вторыхъ, на душу населенія государственныхъ расходовъ у насъ приходится въ нѣсколько разъ менѣе, чѣмъ тамъ, и сверхъ того увеличеніе суммы этихъ расходовъ на одного жителя идетъ несравненно медленнѣе, чѣмъ въ Пруссіи, и еще болѣе медленно сравнительно съ Англійей.

А вѣдь государственные расходы выражаютъ или должны выражать ту сумму матеріальныхъ затратъ, которыя государство возвращаетъ населенію въ видѣ организаціи его общественной, культурной и политической жизни. Русская государственная организація стоитъ на чрезвычайно низкой ступени развитія. Какъ всякая примитивная организація, она къ тому же беретъ несоотвѣтственно много сравнительно съ тѣмъ, что даетъ. Мы видимъ, что *количественно* даетъ она очень мало. А если бы мы еще углубились въ *качественный* разборъ русскихъ государственныхъ расходовъ сравнительно съ западно-европейскими, наши выводы усиллись бы еще въ совершенно несомнѣнной степени.

Мы не забываемъ о томъ, что въ Западной Европѣ населеніе богаче. Но надо поставить вопросъ: стчего же оно богаче?

Когда мы поймемъ до глубины великую идею животворящаго дѣйствія политической свободы, мирнаго, просвѣщеннаго и энергичнаго содѣйствія правительства развитію экономическихъ силъ страны, вмѣсто безжалостнаго подавленія ихъ,—тогда совершенно ясно станеть, что ростъ русскаго бюджета ничтоженъ, что суммы, затрачиваемыя государствомъ на развитіе страны, скудны, и что даже говоря о возможности крупнаго сокращенія непроизводительныхъ расходовъ въ бюджетѣ всегда надо имѣть въ виду, что не можетъ быть и рѣчи о сокращеніи общей его величины, что, наоборотъ, жизненные интересы страны требуютъ безостановочнаго и гораздо болѣе быстро, чѣмъ нынѣ, роста ея государственныхъ расходовъ.

Но такой ростъ наталкивается на предѣлы, неизбѣжно поставляемые ему борьбою реакціи за сохраненіе отжившихъ привилегій и нерациональностью финансовой системы.

Разъ исходить изъ предпосылки сохраненія существующаго дониндѣ въ Россіи политическаго и фискальнаго строя, выхода, конечно, найти невозможно. Та культурная миссія, которую призвано выполнять государство, во имя которой оно только и имѣетъ моральное право собирать съ населенія средства и возвращать ихъ ему въ видѣ системы культурныхъ учреждений—такая миссія при режимѣ нынѣшней реакціи выполнена быть не можетъ.

Намъ однако скажутъ, что наши соображенія о необходимости увеличенія расходнаго бюджета—слишкомъ общаго характера и не могутъ претендовать во всякомъ случаѣ на неотложность.

Но существуютъ еще иныя, спеціальныя соображенія, которыя имѣютъ значеніе уже для самаго ближайшаго будущаго.

Общая характеристика положенія нашего государственнаго хозяйства для настоящаго момента такова: помимо перенесенныхъ катастрофъ, помимо неизбежности новыхъ крупныхъ затратъ, рассчитанныхъ на подъемъ

материальной и духовной культуры, поддержание уже существующаго огромнаго аппарата государственнаго хозяйства сильно запущено. А запущенное—разрушается, и тѣмъ дальше отсрочивается поддержаніе, тѣмъ дороже приходится расплачиваться за вредную экономію.

Это уже не общія соображенія, это непосредственная и совершенно реальная государственная неизбѣжность, для которой отчасти могутъ быть обозначены даже цифровыя контуры.

Наше гипертрофированное казенное хозяйство требуетъ вообще чрезвычайно интенсивной дѣятельности, ослабленіе которой быстро разрушаетъ его. Такъ, по поводу нашей казенной желѣзно-дорожной сѣти мы можемъ привести такое мнѣніе специалиста: «интенсивность эксплуатаціи въ теченіе многихъ лѣтъ должна была сопровождаться сильнымъ изнашиваніемъ подвижнаго состава и различныхъ оборудованій; а такъ какъ при этомъ средства на возстановленіе ихъ отпускались крайне скудно, то въ концѣ концовъ дѣло завершилось такимъ разстройствомъ техническаго хозяйства сѣти, что министерство путей сообщенія для поправленія его признаетъ необходимымъ произвести громадные затраты, превышающія полмилліарда рублей. Подобный же результатъ уже имѣлъ мѣсто въ исторіи прусскихъ дорогъ: въ первое десятилѣтіе казеннаго желѣзно-дорожнаго хозяйства Пруссія политива министра Майбаха была направлена на извлеченіе возможно большаго чистаго дохода съ казенныхъ дорогъ путемъ усиленнаго сокращенія расходовъ по ремонту и приобрѣтенію новыхъ матеріаловъ и подвижнаго состава, и въ результатѣ сѣть была сдана имъ въ весьма разстроенномъ состояніи» *).

Но лучше будемъ цитировать официальную записку министра финансовъ **).

«Въ послѣдніе три года естественное развитіе дѣятельности въ различныхъ частяхъ государственнаго управленія соответственно нормальнымъ запросамъ жизни страны приостановилось... Приходилось откладывать всѣ расходы, которые по существу допускали какую-либо отсрочку. Въ этомъ смыслѣ принятъ былъ рядъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ».

«Такая задержка, будучи сама по себѣ явленіемъ искусственнымъ и ненормальнымъ, не можетъ, конечно, длиться произвольно долго. Наростаніе государственныхъ потребностей идетъ своимъ чередомъ, неуклонно развивающаяся жизнь выдвигаетъ передъ нами все новыя и новыя задачи, и къ государственному казначейству съ разныхъ сторонъ предъявляются все болѣе и болѣе настоячивыя требованія объ отпускѣ средствъ на осуществленіе этихъ задачъ».

*) Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. Спб., 1907 г., стр. 133—134, статья М. П. Федорова: „Пути сообщенія въ Россіи“. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, сумма, испрашиваемая министерствомъ путей сообщенія, возросла до 916 милл. руб.

**) По поводу внесенныхъ проектовъ установленія новыхъ налоговъ и преобразованія некоторыхъ существующихъ видовъ обложенія. Записка, внесенная въ Думу 17 апрѣля 1907 г. по общей канцеларіи министерства финансовъ № 2553.

«Для всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ финансовымъ хозяйствомъ Россіи, должно быть совершенно ясно, что при этомъ условіи различныхъ источниковъ обыкновеннаго доходнаго бюджета не можетъ хватить на удовлетвореніе новыхъ потребностей, значеніе которыхъ и въ смыслъ ихъ государственной важности, и по объему предъявляемыхъ ими запросовъ къ казніи представляется совершенно исключительнымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно самаго общаго обзора хотя бы главнѣйшихъ изъ этихъ потребностей».

«Исправленіе недостатковъ организаціи нашихъ вооруженныхъ силъ и пополненіе того, что утрачено въ недавно завершившуюся войну, по необходимости будетъ сопровождаться требованіемъ дополнительныхъ ресурсовъ. Удовлетвореніе потребности поднятія хозяйственныхъ силъ крестьянства въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ сопряжено съ необходимостью крупныхъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства. Осуществленіе общедоступности начальнаго образованія составляетъ задачу первостепенной государственной важности. Въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ развитіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи значительно отстало отъ тѣхъ требованій, которыя въ правѣ предъявлять къ нимъ насущнѣйшіе интересы страны. Производство лишь самыхъ неотложныхъ въ этомъ отношеніи работъ и усиленіе пропускной и провозной способности существующихъ желѣзныхъ дорогъ потребуютъ, по произведенному подсчету, громадныхъ суммъ, исчисляемыхъ сотнями милліоновъ рублей. Оборудованіе водныхъ путей является также одною изъ настоятельнѣйшихъ потребностей. Такую же потребность составляетъ развитіе и усовершенствованіе гужевыхъ путей» *).

Хотя въ этомъ перечнѣ смѣшаны какъ затраты, которыя могутъ быть осуществлены лишь путемъ займовъ, причемъ въ бюджеты ближайшихъ лѣтъ должны войти лишь расходы по уплатѣ $\frac{1}{2}\%$, такъ и расходы, по существу требующіе ассигнованій изъ обыкновеннаго бюджета; хотя нѣкоторые изъ нихъ и не столь неотложны и могутъ быть разсрочены,—во всякомъ случаѣ это въ большей своей части уже не тѣ расходы, которые нужны, чтобы двинуть нашъ бюджетъ впередъ и сравнять его съ бюджетами культурныхъ странъ. Наоборотъ, эти расходы неизбежны для поддержанія уже существующаго и для удовлетворенія столь жгучихъ потребностей, что чрезмѣрно долгое игнорированіе ихъ потрясло до основанія весь укладъ политической и соціальной жизни. Дальнѣйшее ихъ игнорированіе грозитъ самосохраненію государства.

Вотъ та перспектива, въ которой надо рассматривать русскій расходный бюджетъ вообще и бюджетъ 1908 г. въ частности. А параллельно неизбежному росту расходовъ должны быть изыскиваемы и источники ихъ покрытія.

Отсюда единственный выводъ: Россія стоитъ передъ неизбежностью многомилліоннаго увеличенія своего расходнаго, а стало быть и доходнаго

*) Записка, стр. 2—5.

бюджета. Пока—доходы оказывались достаточными, но лишь при условиях долговременного и искусственного сдерживания потребностей. Но «такая задержка,—повторимъ слова министра финансов—не может длиться произвольно долго». Съ каждымъ мѣсяцемъ приближается моментъ, когда долженъ выступить неотвратимый вопросъ: гдѣ вы возьмете денегъ? Окажется ли нашъ, столь стойко прошедшій сквозь невзгоды доходный бюджетъ въ уровень съ расплатою за долговременное насильственное сжатіе потребностей огромнаго государства и народа?

И необходимо прибавить, что перечисленный длинный рядъ расходовъ обнимаетъ собою лишь потребности, съ которыми нельзя не согласиться, избѣгать которыхъ невозможно.

Каково при такихъ условіяхъ должно быть наше отношеніе къ присоединяемымъ еще сюда химерическимъ проектамъ неотложнаго созданія миллиарднаго броненоснаго флота—мы считаемъ излишнимъ распространяться.

II.

Обратимся теперь отъ общихъ итоговъ къ важнѣйшимъ деталямъ проекта росписи на 1908 г.

Относительно росписи доходовъ мы можемъ ожидать мало новаго. Изъ прежнихъ налоговъ съ 1907 г. окончательно отменены выкупные платежи, а роспускъ второй Думы помѣшалъ обсужденію и вѣроятному принятію уже въ 1907 г. подоходнаго налога. Думою были рассмотрѣны только нѣкоторые болѣе мелкіе проекты налоговъ и найдены ею неподлежащими одобренію.

Для оцѣнки предположеній доходнаго бюджета на 1908 г. мы имѣемъ данныя о поступленіи доходовъ за 1906 и за 9 мѣсяцевъ 1907 г. Мы видимъ рядъ доходовъ, по которымъ все превышеніе расчета росписи 1908 года уже превзойдено въ истекшую часть 1907 г., т.-е. доходы, относительно которыхъ съ весьма значительной вѣроятностью можно сказать, что они преуменьшены въ исчисленіяхъ росписи. Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

(Въ милліонахъ рублей.)

	Поступило въ 1906 г.	Предлож. на 1908 г.	+ Превышен. въ помил. млн. руб.	Превыш. на 9 мѣс. 1907 г. ст. ст. гдѣмъ же год. 1908 г.
§ 1. Налоги поземел. и т. д. .	60,5	61,6	+1,1	+ 2,
§ 2. Промысловый налогъ. .	82,4	90,7	+8,3	+15,
§ 3. Налогъ на денежн. кап.	20,2	21,0	+0,8	+ 1,
§ 7. Нефтяной доходъ . . .	29,9	38,1	+8,2	+ 8,
§ 9. Таможен. » . . .	241,3	249,5	+8,2	+11,
§§ 10—15. Пошлины	113,3	116,9	+3,6	+ 5,
§ 21. Оброчн. ст. и промыслы.	22,3	27,4	+5,1	+ 9,

По некоторымъ сборамъ, наоборотъ, дѣйствительно можно опасаться, что исчисленіе ихъ нѣсколько преувеличено.

По крайней мѣрѣ за 9 мѣсяцевъ поступленіе ихъ идетъ или съ несоразмѣрно меньшимъ превышеніемъ, или даже даетъ абсолютную убыль противъ 1906 г. Таковы:

	Поступленіе 1906 г.	Роспись на 1908 г.	+или—	+или—за 9 м. 1907 г.
Почтовый доходъ	46,0	51,5	+5,4	+2,7
Телеграфъ. »	28,2	31,1	+2,9	—1,3
Казен. продажа питей	697,5	696,2	—1,3	—3,2
Обязат. платежи частн. ж. д.	7,0	9,3	+2,3	—1,7
Возвратъ ссудъ	34,5	36,6	+2,1	—0,8
Пособія отъ родовъ, земствъ и т. дал.	19,9	26,5	+6,4	+2,8

Въ общемъ, однако, если посчитать всѣ превышенія за 9 мѣсяцевъ 1907 г. (+90,1) и вычесть рубрики, по которымъ поступленіе уменьшилось (всего на 42,5 м.), то получившееся уже превышеніе за 9-мѣсячный періодъ (+47,6) дѣлкомъ покрываетъ превышеніе, рассчитанное по росписи на 1908 г. (2,318,9 м. р. противъ 2,271,7 м. поступившихъ въ 1906 г.), т.-е, за періодъ времени въ цѣлыхъ 2 года.

Кромѣ перечисленныхъ рубрикъ, вѣроятно превышеніе также питейныхъ сборовъ, по которымъ за 9 мѣсяцевъ поступило на 2,1 м. р. болѣе, чѣмъ въ 1906 г. (а на 1908 г. превышеніе противъ 1906 г. рассчитано въ 2,3 м. р.), а также спичечнаго дохода (+0,7 м. противъ предположенныхъ +1,0 м.).

Мы не рѣшились бы также опредѣленно высказаться по поводу табачнаго и сахарнаго доходовъ. Первый изъ нихъ на 1908 г. исчисленъ въ размѣрѣ 51,6 м. р., тогда какъ въ 1906 г. поступило 59,9 м. Но въ 1906 г. поступило отсроченнаго акциза 1905 г. 3,6 м. р. Съ этой поправкой уменьшеніе дохода по росписи 1908 г. противъ 1906 г. составляетъ 4,7 м. р., а за 9 мѣсяцевъ 1907 г. его поступило лишь на 0,7 милл. руб. менѣе, чѣмъ въ соответственный періодъ 1906 г. Скорѣе здѣсь вѣроятно для 1908 г. поступленіе, превышающее расчетъ росписи.

Что касается сахарнаго дохода (1906 г. 108,8 м. р., роспись 1908 г. 93,2 м. р.) то въ 1906 г. поступило 15,7 м. р. акциза отсроченнаго за 1905 г. Такимъ образомъ дѣйствительное поступленіе 1906 г. опредѣляется въ 93,1 м. р., а за 9 мѣсяцевъ 1907 г. поступило на 2,7 милл. руб. болѣе, чѣмъ за тотъ же періодъ 1906 г. Это сопоставленіе также указывало бы на возможность превышенія дѣйствительностью предположеній росписи 1908 г., но кризисъ въ этой отрасли промышленности, которымъ ознаменовалась минувшая осень, заставляетъ отнестись къ предположеніямъ съ большою осторожностью.

Мы не рѣшились бы также безъ детальнаго анализа высказать мнѣніе о предположеніяхъ росписи относительно дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ

дорогъ (530,7 м. р. противъ 490,0 м. р. 1906 г.). Прибавка—въ 40 к. руб., между тѣмъ какъ превышеніе за 9 мѣсяцевъ 1907 г. составитъ всего 15,3 м. р. *).

Относительно казенной продажи питей надо сказать, что поступления 1906 г. были дѣйствительно ненормально высоки. Съ 75 мил. водки 40%, вина потребление его сразу поднялось до 85 мил. вед. Сыграло ли тутъ роль повышенное состояніе народной психологіи, или также и отъ выкупныхъ платежей въ связи съ прекращеніемъ взиманія недоимокъ и даже окладныхъ сборовъ напуганными властями, во всякомъ случаѣ дѣйствительнаго значительнаго повышенія нельзя было ожидать, и уже съ концемъ 1906 г. здѣсь наблюдается застой.

Но во всякомъ случаѣ даже этотъ застой не представляетъ движенія назадъ, и за 10 мѣсяцевъ 1907 г. вышито уже 70,6 мил. вед. (противъ 69,9 м. в. 1906 г.), такъ что небольшая убыль этого дохода, рассчитанная на 1908 г., вѣроятно, покроется и во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ отрицательную сторону.

Что касается, наконецъ, полной отмены выкупныхъ платежей, являющейся ущербомъ нашему доходному бюджету наступившаго года, то она обыкновенно недостаточно оцѣнивается одна изъ элементарныхъ истинъ финансовой науки. Отмена неравномернаго и разорительнаго налога обыкновенно не только не создаетъ бреши въ бюджетѣ, но сплываетъ и рядомъ въ первые же годы возмѣщается даже съ излишкомъ, ибо она не только освобождаетъ въ народномъ доходѣ свободныя средства, но и

*) Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы исправить невѣрный расчетъ баланса нашего казеннаго желѣзно-дорожнаго хозяйства, имѣющійся въ нашей статьѣ о бюджетѣ 1907 года. (*Русская Мысль*, сентябрь, стр. 123). Его надо изложить въ такомъ видѣ:

	1906 г.	1907 г.
	Милл. руб.	
ДОХОДЫ.		
§ 23. Эксплоатация казенныхъ желѣзныхъ дорогъ	474,9	489,0
§ 13. Сборъ съ пассажировъ и грузовъ	18,0	18,2
§ 31. Обязательные платежи обществъ жел. дорогъ	10,8	8,2
§ 26. Прибыли отъ участія казенн въ доход. части. жел. дор. .	1,8	0,7
Итого .	505,5	516,1
РАСХОДЫ.		
№№ 198—199, 201—203 и 207. Казенныя желѣзныя дороги . .	370,9	397,0
№№ 413—416. Платежи по желѣзн. займамъ	182,5	187,0
№№ 126—128. Деп. желѣзнодорож. дѣл	23,5	23,3
№№ 410—412. Желѣзнодорожный контроль	3,9	3,8
Итого .	580,8	611,1
Дефицитъ .	75,3	111,0

Для расчета взяты лишь данныя обыкновенной части бюджета; изъ него исключены №№ 200, 204—206, какъ расходы по существу чрезвычайнаго характера. См. также расчеты М. П. Федорова („Доклады бюджетной комиссіи второй“ стр. 155—157).

оодоравлиаетъ нѣкоторое количество хозяйствъ, находившихся раньше на рубежѣ разоренія.

Если бы эта истина была лучше усвоена нашими финансовыми руководителями, они съ болѣе спокойнымъ сердцемъ и съ болѣе рѣшительностью освобождали бы нашъ бюджетъ отъ нѣкоторыхъ нераціональныхъ налоговъ, не опасаясь дефицита.

Бъ несчастію, при общей ирраціональности и нашей налоговой системы и нашей, въ особенности, деревенской жизни,—средства, освободившіяся отъ выкупныхъ платежей, ушли, повидимому, главнымъ образомъ въ ту же всеобъемлющую монополію.

Въ связи съ вопросомъ объ отиѣнѣ выкупныхъ платежей необходимо попутно сдѣлать еще два замѣчанія. Необходимо отиѣнить упущенные манифестомъ 3 ноября 1905 г. 686 тыс. р. выкупныхъ платежей съ чиншевиговъ западныхъ губерній *). Въ бюджетномъ отношеніи этотъ сборъ ничтоженъ—въ экономическомъ для этой небольшой группы жалкихъ людей разорителейъ.

Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ сообщеніяхъ печати **).

«Эти люди принадлежатъ въ разряду *самыхъ обездоленныхъ* и постоянно подвергались большимъ стѣсненіямъ, чѣмъ рядовые крестьяне. Въ бытовомъ отношеніи они—такіе же мелкіе земледѣльцы, какъ крестьяне. Когда ихъ переименовали въ крестьянство изъ бывшихъ «однодворцевъ» (въ концѣ шестидесятыхъ годовъ), то *надѣла имъ не дали*, признавъ ихъ только вольными арендаторами помѣщичьихъ земель. Не задавались вопросомъ, есть ли у нихъ, кромѣ арендаторскаго, какое-либо еще право на землю.

Въ результатѣ помѣщики сейчасъ же стали однихъ сгонять съ участковъ, выселяя даже изъ наследственныхъ усадебъ, а другимъ набавлять платежи. Такъ, часть чиншевиговъ вошла въ составъ сельскаго пролетаріата, а положеніе прочихъ ухудшилось. Затѣмъ вслѣдствіе нѣсколькихъ судебныхъ дѣлъ, дошедшихъ до сената, послѣдній доглядѣлся, что у чиншевиговъ есть *особое право на землю*, чиншевое, и возникъ, наконецъ, новый вопросъ, затянувшійся на многіе годы. Только во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ чиншевой вопросъ разрѣшенъ былъ законодательно; часть чиншевиговъ получила право на свою землю; *послѣдняя пошла на выкупъ, но платежи на нее назначены были уже значительно выше сосѣднихъ крестьянскихъ*. Таково было положеніе при общей отиѣнѣ выкупныхъ платежей, которая однако именно обошла чиншевиговъ, ставшихъ въ Россіи выдающимся исключеніемъ» ***).

Другое замѣчаніе, связанное съ отиѣною выкупныхъ платежей, касается недоимокъ по нимъ за прѣжніе годы. Казалось бы совершенно послѣдова-

*) См. объяснит. записка къ росписи на 1908 г., стр. 70.

**) См. *Русскія Вѣдомости* 21 декабря 1907 г., № 292.

***) Доходъ отъ выкупныхъ платежей съ чиншевиговъ можно найти въ смѣтѣ доходовъ деп. окл. сборовъ, отд. VII, ст. I (стр. 22—23) и въ приложеніи къ ней.

тельный, отбѣняя сборъ, признанный вредоноснымъ, отбѣнить и недоимку его, лежащую въ общемъ на наиболѣе обремененныхъ нуждою хозяйствъ. Этого не только не было сдѣлано, но, наоборотъ, во взысканіи этихъ недоимокъ нынѣ наблюдается столь поразительное усердіе, что ему намъ только изумляться. По росписи на 1907 годъ ихъ поступленіе опредѣлено было въ 2½ милл. руб. *), а на 1908 г.—5 милл. И самъ министръ финансовъ призналъ, что «дальнѣйшее повышеніе дохода отъ сего источника едва ли можетъ быть оправдано, въ особенности въ виду принимаемыхъ мѣръ къ пополненію продовольственныхъ долговъ» **).

Какъ же можетъ объяснить министръ финансовъ, лично подписавшій только что приведенныя строки, тотъ фактъ, что уже за 10 месяцевъ 1907 года усердствующая администрація взыскала недоимокъ по выкупнымъ платежамъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 7,080 милл. руб., т.-е. почти втрое болѣе, чѣмъ назначено по росписи этого года, и въ 1½ раза болѣе, чѣмъ «можетъ быть оправдано» для будущаго ***)?

Мы не хотимъ касаться въ этой статьѣ широкаго вопроса о роли косвенныхъ налоговъ въ нашемъ бюджетѣ и полномъ министра финансовъ съ проф. Озеровымъ на эту тему. Этотъ отдѣлъ бюджетной рѣчи вызвалъ значительное количество замѣтокъ въ периодической печати. Указывая на отвѣтныя статьи проф. Озерова въ *Русскомъ Словѣ*, сопровождавшія опять-таки нападами на него на столбцахъ офиціозовъ.

Наше мнѣніе по этому вопросу мы бѣгло намѣтили въ замѣтѣ *Русскихъ Вѣдомостей* ****), и сейчасъ размѣры статьи не позволяютъ болѣе къ этому обращаться.

Переходя къ расходной части росписи, мы ограничимся по новоду *фискальных* расходовъ лишь тѣми замѣчаніями, какія приведены были нынѣ выше. Не можемъ воздержаться лишь отъ указанія на условный кредитъ въ 7½ милл. руб. «на выдачу ссуды обществу Восточно-Китайской ж. д. для покрытія расходовъ по усилению ея и Уссурийской ж. д.»

Этотъ условный кредитъ былъ внесенъ въ проектъ росписи в 1907 годъ и, несмотря на то, что по существу его не было внесено никакихъ представленій, не было дано никакихъ объясненій,—онъ былъ ассигнованъ въ порядкѣ 11 статьи основныхъ законовъ, причѣмъ 2,2 милліона было перенесено въ обыкновенную сдѣлку. Можно было надѣяться, что это была единовременная ссуда злополучному «обществу», но оказывается, что и въ росписи на 1908 годъ она внесена въ томъ же размѣрѣ. Видно, это крупный кредитъ, разсроченный на рядъ лѣтъ

*) По той же сдѣлкѣ деп. окл. оборовъ отд. IX, стр. 3 (стр. 26—27), а и росписи въ § 35 „доходы“ разнаго рода (объясн. зап., стр. 77).

**) Объясн. записка къ сдѣлкѣ деп. окл. оборовъ, стр. 5.

***) См. *Торж. Пром. Газета* „Поступленіе окладныхъ сборовъ за 10 мѣс. за 1907 г.“, также *Русь*, 29 декабря „Пережитки крѣпостной эпохи“.

****) „Роль косвенныхъ налоговъ въ нашемъ бюджетѣ“. *Русск. Вѣд.*, 20 янв. 1907 года.

ными частями. Но ни объ основаніяхъ, ни объ общихъ размѣрахъ его ниниому ничего донинѣ не сообщено. Сверхъ этого кредита, по обыкновенному бюджету дефицитъ по эксплуатаціи Китайской дороги вмѣстѣ съ Уссурийской на 1907 годъ опредѣлялся въ 15.470,000 руб. На 1908 годъ онъ опредѣляется въ 17.349,000 *).

Въ дѣйствительности онъ долженъ быть значительно больше **).

Намъ представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы на этотъ разъ Дума не приняла всѣхъ зависящихъ отъ нея мѣръ для полного изученія и освѣщенія этой вредной статьи нашего бюджета, не ликвидированной вмѣстѣ съ войною и требующей ежегодно все большіе и большіе жертвы.

Что касается смѣты обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, то на 1908 г. она опредѣляется по проекту росписи въ 2,317,5 м. р., т.-е. на 144,1 милл. руб. болѣе 1906 года.

Размѣры этого увеличенія по сравненію съ предыдущими годами опредѣляются такъ:

Годы.	Обычн. гос. расходм.	Увеличеніе сравн. съ предыдущ. годомъ въ милл. руб.	въ %/о.
1902 . . .	1,802,1	—	—
1903 . . .	1,883,0	+ 80,9	+ 4,5%
1904 . . .	1,906,8	+ 23,8	+ 1,3%
1905 . . .	1,925,2	+ 18,4	+ 1,0%
1906 ***) .	2,075,8	+ 150,6	+ 7,8%
1907 . . .	2,173,4	+ 97,6	+ 4,7%
1908 ****) .	2,317,5	+ 144,1	+ 6,6%

Согласно сказанному выше, начавшееся послѣ войны увеличеніе расходовъ надо пока все еще признать искусственно сдерживаемымъ, и ближайшіе годы грозятъ гораздо болѣе крупнымъ, притомъ прогрессирующимъ ростомъ бюджета обыкновенныхъ расходовъ.

Размѣры прибавокъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ опредѣляются такъ (въ м. руб.):

	Ассигновано въ 1907 г.	Назначено на 1908 г.	Увеличеніе.
Военное министерство	389,6	433,1	+ 43,5
Морское >	75,0	87,1	+ 12,1
Мин. путей сообщенія	507,3	552,3	+ 45,0
(Въ т. ч. по каз. жел. дор.)	(475,9)	(517,1)	(+ 41,2)

*) Прил. къ смѣтѣ деп. желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

**) См. докладъ бюдж. комиссіи 2-й Думы, проектъ заключеній по смѣтѣ деп. желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

***) Для сравнимости съ новой классификаціей расходовъ 17,7 м. р. перенесены изъ чрезвычайной смѣты въ обыкновенную, а 3 м. р.—обратно.

****) По проекту росписи.

Мин. финансовъ	403,8 *)	428,5	+ 24,7
(Въ т. ч. по каз. прод. путей)	(198,4 *)	(214,0)	(+ 15,6)
Гл. упр. землеустройства	46,8	58,9	+ 12,1
Мин. вн. дѣль	137,8	144,1	+ 6,3
М. юстиціи	53,1	58,9	+ 5,8
М. нар. просвѣщенія	45,9	53,1	+ 7,2
М. торг. и промысл.	31,5	33,6	+ 2,1
Прочія вѣдомства	80,0	81,6	+ 1,6
Платежи по гос. долгамъ	384,5	386,0	+ 1,5

Что касается отдѣльныхъ наиболѣе интересныхъ рубрикъ расходовъ, то надо замѣтить, что значительная часть прибавки по военному министерству состоитъ изъ расхода по вновь сформированнымъ и переформированнымъ частямъ (34 м. р.), значившагося уже и въ прошломъ году, но въ рубрикѣ чрезвычайныхъ расходовъ. Расходы на содержаніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ, значащагося, какъ извѣстно, въ смѣтѣ военнаго министерства, увеличены съ 7,130 тыс. до 8,259 тыс., т.-е. на 1,129 т. р.

Увеличеніе по морскому вѣдомству, главнымъ образомъ по военнымъ портамъ (+ 4,5 м.) и вооруженію (+ 3,3 м.). На судостроеніе определено 27,2 м. р., всего на 1,7 м. р. болѣе 1907 года. Эти расходы представляютъ въ значительной мѣрѣ приступъ къ постройкѣ новаго флота. На постройку новыхъ судовъ, «согласно программѣ» по смѣтѣ на 1908 г., испрашивается 14.160,000 руб., не считая артиллерійскаго и миннаго вооруженія ихъ. Опубликованная пока часть судостроительной программы такова **).

Полная стоимость съ артиллерійскимъ и миннымъ вооруженіемъ.	По техническ. смѣтамъ и первоначальнымъ предположеніямъ исчислено.	Ассигновано до 1908 г.	Испрашивается на 1908 г.
1-й броненосецъ въ 21 тыс. тоннъ	21.000,000	400,000	3.350,000
2-й » » » » »	21.000,000	400,000	3.350,000
3-й » » » » »	21.000,000	—	2.400,000
4-й » » » » »	21.000,000	—	2.150,000
Плавучая база	3.000,000	—	700,000
5 эскадр. миноносцевъ по 700 тоннъ	5,000,000	—	960,000
3 подводныхъ лодки по 450 тоннъ	3,000,000	—	1.250,000
	95.000,000	800,000	14.160,000

Такимъ образомъ предвѣшена уже первоначальная затрата въ 95 м. р., изъ которыхъ 800 т., оказывается, были отпущены помимо законодательныхъ учрежденій уже въ 1907 году. По министерству путей сообщенія весьма небольшія суммы отпущены на новыя работы и ремонтъ водныхъ

*) За вычетомъ 18 м. р. перерасхода по винной монополіи, относящ. къ 1906 г.

**) См. § 14, ст. 1 смѣты морского министерства и приложение къ ней.

и сухопутныхъ дорогъ, все же остальное относится къ эксплуатаціи и усиленію казенной желѣзнодорожной сѣти, о которой мы говорить не будемъ, такъ же, какъ о расходахъ по казенной продажѣ питей. Изъ прочихъ расходовъ министерства финансовъ замѣтная прибавка въ 4,5 м. р. относится къ пенсіямъ (77,7 вмѣсто 73,2 м. р.) и пособиямъ изъ казны (+4,7 м. р.).

Эта послѣдняя прибавка цѣлкомъ относится къ погашенію все увеличивающихся убытковъ крестьянскаго банка по его операціямъ закупки земель и вслѣдствіе пониженія платежей его заемщиковъ до 4½%, по Высочайшему указу 14 октября 1906 года. Въ 1907 году эта приплата государственнаго казначейства опредѣлена была въ 3,953 т. руб., но въ росписи внесено было только 3 м. р. Въ 1908 году приплата по росписи составляетъ уже 7.050,000 *) и должна еще возрасти.

Главная часть прибавки по главному управленію землеустройства и земледѣлія (+6,7) относится къ переселенческому дѣлу (18,8 м. р. вмѣсто 12,1) въ виду необычайно высокой волны переселенческаго движенія въ 1907 году; прибавка на землеустройство составляетъ 4,3 мил. руб. (10,7 м. р. противъ 6,4 м.). По росписи 1906 года объ послѣднія потребности удовлетворялись кредитами: переселеніе 4,8 м. р., землеустройство и сѣльская промышленность всего 2,5, въ томъ числѣ собственно на землеустройство всего 919 т. р. Остается ждать благихъ результатовъ отъ этихъ крупныхъ прибавокъ въ кредитахъ.

Главными прибавками на министерство юстиціи являются суды (+1,8 м.) и еще значительно болѣе—тюрьмы (+2.955 т.). Сюда надо прибавить еще и большую часть кредитовъ на сооруженіе и ремонтъ зданій, главнымъ образомъ тоже тюремныхъ.

Единственной крупной прибавкой по министерству народнаго просвѣщенія составляетъ условный новый кредитъ въ 6,7 м. р. на низшія учебныя заведенія (21 м. вмѣсто 14,3). На высшія прибавлено всего 109 т. р. (7,068 т. вмѣсто 6,959); на среднія 701 т. (14,534 т. противъ 13,833).

Прибавка на полицію по министерству внутреннихъ дѣлъ составляетъ 1,987 руб., всего же расходы на полицію по всей росписи составляютъ 67,6 м. р. и увеличены противъ 1907 года на 3,1 м. руб., а противъ 1906 г. на 9,6 м. р. Свыше 3,2 м. прибавлено также по министерству внутреннихъ дѣлъ на почтово-телеграфные расходы.

Этотъ блѣдный перечень измѣненій въ отдѣльныхъ рубрикахъ главнѣйшихъ расходовъ не представляетъ ничего новаго сравнительно съ послѣдними годами. Намъ рисуется всеи известная картина, и сужденіе о каждой изъ приведенныхъ цифръ можетъ измѣняться въ связи съ точкой зрѣнія, какой кому угодно придерживаться на политику нынѣшнихъ правящихъ круговъ.

* См. сѣту особой канц. по кред. части, § 5, ст. 4, и прилож.

Можно сказать только одно, что бюджеты наших последних лѣтъ представляютъ собою жизнь изо дня въ день, отсрочиваніе съ года на годъ расплаты по все расширяющимся прорѣхамъ государственнаго хозяйствованія, жизнь безъ программы, безъ творческихъ идей и потому безъ будущаго. Для такого прозябанія—старыхъ источниковъ еще хватаетъ. Новыя потребности вызываютъ необходимость усиленнаго использованія ихъ. Для этого проектируются новыя налоги, но, даже включая подоходный налогъ, они могутъ дать ничтожную сравнительно съ новыми потребностями сумму: всего въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. И министръ финансовъ въ своей бюджетной рѣчи признается, что «другихъ налоговъ мы выдумать не можемъ».

Если мы вспомнимъ о стоящихъ передъ бюджетомъ огромныхъ новыхъ расходахъ, которые мы перечисляли выше, пользуясь точными цѣнтами изъ той же записки министра финансовъ, въ которой онъ проектируетъ указанное повышеніе налоговъ, единственное, которое онъ можетъ «выдумать», то передъ нами станетъ одинъ совершенно простой и неопровержимый выводъ: на старой основѣ нашъ бюджетъ развиваться долго не можетъ. Немного ранѣе, немного позже—безъ коренной реформы его не обойтись.

Министръ финансовъ отрицаетъ это; онъ считаетъ нашъ бюджетъ здоровымъ и картинно изображаетъ это въ своей бюджетной рѣчи.

«Я спрашиваю себя,—говоритъ онъ,—съ какою оцѣнкою нашего финансоваго положенія должна приступить Государственная Дума къ разсмотрѣнію внесеннаго правительствомъ бюджета на предстоящій 1908 г.

«Находится ли она въ положеніи врача, приглашеннаго къ постели тяжело и даже безнадежно больного,—того врача, передъ которымъ стоитъ одна задача—спасти больного во что бы то ни стало, напрячь всю силу своего разумія только на то, чтобы прервать теченіе недуга и дать затѣмъ жизненнымъ силамъ и послѣдующему длительному осторожному леченію—довершить благотворное дѣло?»

«Или же не находится ли Государственная Дума въ болѣе выгодномъ, но зато и менѣе отвѣтственномъ положеніи врача, приглашеннаго впервые къ пациенту, не проявляющему рѣзко выраженныхъ симптомовъ вполнѣ очевидной болѣзни, и который просто говоритъ: «посмотрите на меня, изучите меня, выпросите и скажите, здоровъ ли я, или боленъ, и если боленъ, то чѣмъ именно, и какому режиму слѣдуетъ меня подчинить для того, чтобы я сталъ совсѣмъ здоровъ. Миѣ хотѣлось бы, чтобы Государственная Дума предпочла быть въ этомъ второмъ положеніи, и это всецѣло зависѣть отъ нея одной».

Мы готовы согласиться съ министромъ финансовъ: нашъ пациентъ силенъ и выносливъ. Онъ не боленъ, но онъ покрытъ съ головы до ногъ паразитами, обезсильвающими его. У него были до сихъ поръ худыя врачи и опекуны, пленавшіе его по рукамъ и ногамъ, гноившіе его въ

подпольи, не пускавшіе его на свѣтъ и воздухъ. Сбросить съ себя все это, расправить свои члены, омыться отъ скверны и дохнуть свѣжимъ воздухомъ—вотъ все, что ему нужно.

Тотъ, кто не понимаетъ этого—готовъ доказывать, что и въ подпольи жить хорошо, что и здѣсь замѣчаются признаки улучшенія. Доказательству этого тезиса посвящена заключительная часть объяснительной записки министра финансовъ къ росписи 1908 года. Онъ пытается здѣсь набросать общую картину финансоваго экономическаго положенія Россіи, и разборъ приводимыхъ здѣсь фактовъ и дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ былъ бы чрезвычайно интересенъ, но, къ сожалѣнію, размѣры нашего обзора и безъ того уже разрослись, и отъ этого намъ приходится пока отказаться.

Л. Яснопольскій.

Новая Дума и старая дума

(Впечатлѣнія и размышленія депутата.)

Составъ и преобладающее политическое направленіе третьей Государственной Думы выяснились съ первыхъ же дней ея существованія. Для большинства общественныхъ дѣятелей было ясно, что ея контуры вполнѣ предсказывались характеромъ самаго акта 3 іюня и составляли его главнѣйшую, если не единственную цѣль. Своеобразный, съ истинно-русскимъ оттѣнкомъ, «парламентаризмъ наоборотъ» требовалъ не министерства, единомышленнаго съ большинствомъ народныхъ представителей, а покладистаго большинства Думы, согласнаго съ направленіемъ министерства. Старыя вождедѣнія и давнишнія дурныя привычки небольшой правящей группы вполнѣ сказались въ самомъ неподкрашенномъ видѣ; и послѣ 3 іюня избирательная кампанія шла въ прежнемъ направленіи, не довольствуясь даже вновь созданными правовыми нормами, не устранивъ обычнаго усмотрѣнія и фактической возможности примѣненія силы.

L'appetit vient en mangeant... Даже крупныя правоограниченія новаго избирательнаго закона, лишившія массу демократическаго населенія равнѣрныхъ избирательныхъ правъ, даже крайнее преобладаніе среди изборщиковъ имущихъ землевладѣльческихъ классовъ, даже рѣзкое уменьшеніе представительства окраинъ и, наконецъ, полное уничтоженіе представительства многочисленнаго населенія нѣкоторыхъ областей и инородческихъ племенъ—не могли удовлетворить все возраставшаго реакціоннаго домогательства. Всего этого казалось мало, и на мѣстахъ шла настоящая «разъяснительная» охота на отдѣльныхъ лицъ того или другаго оппозиціоннаго толка. Бое-гдѣ можно было наблюдать картины своеобразнаго избирательнаго спорта. Успѣютъ или нѣтъ «разъяснить»? Таковъ былъ жгучій вопросъ во многихъ избирательныхъ собраніяхъ, гдѣ заподозрѣнные обыватели всячески увертывались отъ всевозможныхъ «разъясненій», а надзирающіе всѣми способами спѣшили примѣнить тѣ или другія формы разъясняющаго метода. Извѣдка бдительность была обманута, и оппозиціонные обыватели становились «неприкосновенными» депутатами; значи-

тельно чаще торжествовали разъяснители во всѣхъ инстанціяхъ, обыватель же въ самомъ лучшемъ случаѣ оказывался за бортомъ избирательныхъ собраній, а въ худшемъ—испытывалъ примѣненіе терній и скорпіоновъ, включительно до «принудительнаго отчужденія» отъ привычнаго дѣла и мѣстожительства.

Охота не прекратилась и послѣ выборовъ, и только приняла новыя формы. Передъ нами уже три случая требованія выдачи оппозиціонныхъ депутатовъ, въ томъ числѣ—А. М. Колюбакина.

А казалось бы, что самый характеръ акта 3 іюня дѣлалъ почти излишними эти дополненія. Надежды на землевладѣльческое большинство не были обмануты, и въ трехъ четвертяхъ всѣхъ губернскихъ избирательныхъ собраній прошли въ лучшемъ случаѣ только кандидаты союза 17 октября, а въ худшемъ—силошь ставленники «истинно-русскихъ» партійныхъ группъ, во главѣ съ бессарабцами, курянами, херсонцами, подтавцами и прочими представителями крайнихъ реакціонеровъ.

И точно ради метода сравненія, для контрастовой демонстраціи результатовъ болѣе справедливаго избирательнаго права по акту 3 іюня въ немногихъ крупныхъ городахъ во второй куріи городскихъ избирателей при прямыхъ выборахъ масса населенія попрежнему отдала свои симпатіи вселючительно оппозиціоннымъ дѣтелямъ.

Наружное спокойствіе и внѣшній успѣхъ политическаго переворота оказывались обманчивыми, призрачными, а господствующее настроеніе широкихъ народныхъ слоевъ не измѣнившимся, несмотря на преждевременную и трагическую гибель первыхъ двухъ Государственныхъ Думъ. Оно попрежнему не соответствовало все болѣе и болѣе отклоняющемуся направо курсу правительственной политики...

Третья Дума собиралась въ хмурое, ненастное ноябрьское утро. Прилегающія къ Таврическому дворцу пустынные улицы тщательно охранялись конной и пѣшей полиціей. Запретительныя заставы стояли на большомъ протяженіи, охраняя свободный проѣздъ для новыхъ «представителей» народа, или, вѣрнѣе, охраняя ихъ самихъ отъ возможнаго недоброжелательства народной толпы. Расклеенное вездѣ постановленіе градоначальника обязательно предупреждало о карахъ за всякое скопленіе и сборище народа въ день открытія новой Думы вблизи стараго Потемкинскаго дворца.

Было что-то унылое, почти трагическое, въ этихъ сумрачныхъ, пустынныхъ улицахъ, тщательно забронированныхъ отъ народа, по которымъ ѣхали въ Думу въ шикарныхъ экипажахъ и на убогихъ извозчичьихъ пролеткахъ новые представители. Казались излишними, странно-ненужными всѣ эти фигуры охранителей, всѣ эти бросающіеся въ глаза бѣлые плакаты постановленій градоначальника: охранять было не зачѣмъ и карать было некого. Улицы вблизи Думы оставались пустыми на далекомъ протяженіи; равнодушная, сосредоточенно-молчаливая, вѣчно озабоченная и дѣловито-спѣшащая петербургская толпа шла мимо нихъ. Не было видно

даже одиноких любопытствующих. Новой Думой Петербургъ не интересовался.

Не такъ встрѣчало его населеніе первоизбранниковъ первой Думы! Недавнія картины той, первой встрѣчи еще у всѣхъ въ памяти, еще такъ свѣжи и ярки. «То было раннею весной», то было въ «утро» народныхъ надеждъ, не омраченныхъ горечью сомнѣній и неудачъ, не отравленныхъ мстительными посягательствами; то было на залитыхъ солнцемъ, ликующихъ улицахъ хмурой столицы, переполненныхъ необъятной, живой и возбужденной народной волной, когда среди привѣтственныхъ кликовъ и восторженнаго гуда несмѣтной толпы шли въ старый Потемкинскій докъ будущіе страстотерпы и герои небывалаго въ исторіи судебного процесса нашихъ дней, тогдашніе «лучшіе люди», соль русской земли, посланные народомъ на тяжкое дѣло переустройства и обновленія обветшалаго строя безграничной родины...

Встрѣчала народная толпа и вторую Думу. Встрѣчала болѣе сдержанно, спокойно, любопыествуя. Было мало охраны, стѣны домовъ не пестрѣли предупреждающими постановленіями, живая стѣна людей на Шпалерной, Потемкинской, Таврической и сосѣднихъ улицахъ привѣтствовала новыхъ посланниковъ государственнаго строительства, и они шли на открытіе второй Думы съ тяжкими сомнѣніями въ душѣ, съ упорнымъ желаніемъ созидательнаго труда, съ горечью утраты перваго созыва, но шли, бодрые народнымъ привѣтомъ и сочувствіемъ, оживленные предстоящей трудной задачей, воодушевляемые не утраченной еще надеждой...

Собравшаяся третья Дума была молчаливо-сосредоточенна, однообразно-черна по внѣшности. Первое, что бросалось въ глаза немногимъ прежнимъ депутатамъ, избраннымъ вновь—своеобразная однотонная внѣшность новаго состава. Разница съ прежними была рѣзкая, тяжелая.

Прежде казалось, что въ старые Потемкинскіе покои дворца сама необъятная Русь, раскинувшаяся на тысячи и десятки тысячъ верстъ съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ, вмѣстившая въ себя десятки народовъ и народностей, сама убогая и обильная, многоязычная и многоплеменная Русь, съ безконечно-демократическимъ составомъ населенія—пришла со своими представителями. Всюду и вездѣ видѣлись типичныя фигуры сѣрыхъ земледѣльцевъ, типичныя крестьянскія лица, типичное крестьянское одѣяніе. Они преобладали по своей численности надъ всѣми другими группами, они приносили съ собою исконную думу о вольной землѣ, они являлись съ трудовыхъ полей черноземщины, Поволжья, средней и сѣверной Руси, съ одной завѣтной надеждой, плѣненные стихійною «властью земли», той земли, которую сотни поколѣній ихъ предковъ обрабатывали своими мозолистыми руками.

Это была настоящая трудовая демократія глубокоземледѣльческой страны, съ генеалогіей неизмѣримо болѣе древней, чѣмъ любая генеалогическая вѣтвь недавней и немногочисленной аристократіи служилой и сановной. Это были подлинныя, настоящіе сыны сто-милліоннаго народа, плоть

отъ плоти его и кость отъ его костей, носящiе въ себѣ всѣ преобладающiя черты національной души и всѣ типичныя общенародныя изъязыны и недочеты. Это была сама безбрежная сермяжная трудовая Русь.

И вмѣстѣ съ ними и рядомъ съ ними пестрой, разноязычной толпой выдѣлялись представители иныхъ народностей и племенъ. И кого только не было среди нихъ. Бросались въ глаза красивые польскiе щеголеватые жупаны, расшитые красной, желтой и черной оторочкой; пестрѣли вышитыя рубахи сыновъ Украйны, съ пунцовыми застежками; скромно бѣлѣла светло-сѣрая бѣлорусская свитка; мельгали татарскiя черныя или узорчатыя шапочки-ермолки, чалмы мусульманскихъ муллъ, полосатыя халаты далекаго Туркестана; останавливали на себѣ вниманiе стройныя и легкiе фигуры кавказцевъ, типично-монгольскiя, добродушныя лица киргизовъ, калмыкъ, сартъ.

И все это смѣшивалось съ бездомовой интеллигенцией вольныхъ профессiй, съ земцами и горожанами, съ дородными землевладѣльцами и среднимъ купечествомъ, рясами православнаго духовенства и черными сутанами католическихъ патеровъ, военными чересками казачества, парадными сюртуками и бѣлоснѣжнымъ крахмальнымъ бѣльемъ, убогими пиджаками и косоворотками рабочихъ.

И вся эта «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчiй, состоянiй», вся эта толпа пятисотъ представителей Россiйской имперiи являлась таинмъ внѣшне-живописнымъ, таинмъ подлиннымъ ея микрокосмомъ, отразившемъ въ себѣ весь безграничный ея просторъ, всю сложность ея состава и весь ея настоящiй обликъ.

Первыя двѣ Думы отошли въ вѣчность; восхваляемыя или критикуемыя, превозносимыя или оклеветанныя—онѣ съ каждымъ днемъ становятся, все съ большимъ правомъ, достоинствомъ безпристрастной исторiи, и, кто знаетъ, повторятся ли онѣ вновь на авансценѣ великой исторической трагедiи великаго народа.

Что бы ни говорилось про нихъ и какъ бы старательно ни замалчивалась ихъ внутренняя духовная жизнь, столь же типично народная, какъ и ихъ внѣшнiй обликъ и какъ бы сознательно или бессознательно ни искажались ихъ стремленiя, надежды и невольныя промахи,—воспоминанiе о нихъ конструируемо изъ народнаго достоинства, сравненiе съ ними является невольно и неизбежно. Ихъ яркое изображенiе народныхъ нуждъ и желанiй, ихъ стремительныя попытки созиданiя права и правды не достигли своихъ ближайшихъ цѣлей, оказались отвергнутыми, непонятыми или нежелательными.

Съ ними была заподозрѣна и самая возможность подобнаго представительства, а съ ихъ крушенiемъ погнбло на время даже то справедливое, что было въ системѣ ихъ представительства.

При новыхъ избирательныхъ порядкахъ всѣ права и преимущества отошли отъ народной толщи, миновали оградны государственныйя колосса, исчезли у инородцевъ и иноплеменниковъ и были сосредоточены въ не-

многочисленномъ словѣ 130 тысячъ землевладѣльцевъ и немногихъ группъ городского торгово-промышленнаго міра.

И третья Дума дала другую внѣшнюю картину, ту самую однотонную, черную, суртучную, выхоленную и чистую толпу новыхъ депутатовъ, вторую съ полной справедливостью сравнивали съ многочисленными собраніемъ какаго-либо губернскаго, сплошь дворянскаго земства.

На этомъ основномъ, немного уныломъ и траурномъ фонѣ терли порѣдѣвшіе больше чѣмъ вдвое представители крестьянскаго «сословія», исчезли національные и яркіе костюмы, и только сильно выросшая группа православнаго духовенства какъ-то не нарушала общаго выдержаннаго тона.

И эти новыя крестьянскія фигуры! Какъ мало въ нихъ осталось вѣчнаго, вѣковѣчнаго Микулы-Селяниновича. Тонкаго сукна поддевки, вшиванные сапоги, цѣпочки массивныхъ часовъ, самовольный видъ знакомаго облика деревенскихъ воротилъ, мірскихъ главарей, кулаковъ, ступинъ съ солдатскими георгиевскими крестами, и лишь изрѣдка настоящій, скромный и сѣрый земледѣлецъ, истинный представитель народной нужды.

Пусть не говорятъ, что внѣшній обликъ—ничто, что «по платью» можно только встрѣчать новыхъ законодателей, но никоимъ образомъ не опредѣлять ихъ будущую работу; пусть не относятся отрицательно, какъ къ пустяку, мишурѣ—этому внѣшнему виду третьей Государственной Думы. Ея измѣнившаяся внѣшность—не только характерная, но и опредѣляющая внутреннее содержаніе оболочка. Настоящаго, истиннаго, справедливаго представительства страны нѣтъ не только по внѣшнему виду; демократическая, земледѣльческая и разноплеменная Русь дѣйствительно представлена здѣсь неполно, несправедливо или вовсе не представлена, и, наоборотъ, преобладающее, чрезъ мѣру гипертрофированное значеніе получили немногочисленные, наиболѣе далеко стоящіе отъ реальныхъ общенародныхъ интересовъ слои земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ.

По мѣрѣ хода работъ новой Государственной Думы, по мѣрѣ проявленія ея во внѣшнемъ мірѣ, не только внѣшними качествами, но и опредѣленными дѣйствіями, рѣзко классовою, по преимуществу землевладѣльческой характеръ ея долженъ сказаться съ неизбѣжной ясностью, быть можетъ даже преувеличенной.

Для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя уже и теперь намѣчаются характерныя черты предстоящаго классоваго законодательства, въ которомъ интересы 130 тысячъ помѣщиковъ, столь близкіе сердцу притѣлственныхныхъ органовъ, могутъ занять доминирующую роль, рѣзко протъположную интересамъ десятковъ милліоновъ населенія, если только воиже этимъ послѣднимъ суждено играть какую-либо роль на фонѣ новой Думы. Первые недѣли, первые мѣсяцы ея работы ушли почти исключительно на подготовительную, организационную работу. Избрано безчисленное множество всевозможныхъ комиссій по существующимъ и даже еще несуществующимъ, но возможнымъ законопроектамъ; предварительно разсмотрѣно

нѣсколько незначительныхъ проектовъ въ самой Думѣ, но серьезная законодательная работа еще ждетъ своей очереди.

Можетъ казаться преждевременнымъ уже теперь пытаться оцѣнить возможное проявленіе работоспособности новой Думы или очертить предѣлы ея воздѣйствія на русскую жизнь.

Можетъ казаться напрасной такая попытка еще и потому, что само большинство «господской» Думы еще не сформировалось окончательно, не отлилось въ законченныя формы опредѣленныхъ рѣшеній и группировокъ, подвержено внезапнымъ и не всегда легко объяснимымъ колебаніямъ. Это съ одной стороны. А съ другой—и сама политическая жизнь страны остается въ высокой мѣрѣ неопредѣленной, чреватой новыми и неожиданными сюрпризами сверху и снизу. Можно ли говорить о предстоящемъ законодательствѣ новыхъ народныхъ представителей, о какой-либо созидательной работѣ ихъ, когда еще весьма сильны сферы, отрицающія начисто какую бы то ни было работу представительнаго учрежденія, когда еще такъ живы традиціи неумирающаго прошлаго, когда даже самое существо обновленнаго, а по понятіямъ большинства даже господской Думы—конституціоннаго, строя все еще разсматривается руководителями внутренней политики, какъ «даръ мгновенный, даръ случайный».

Невольно припоминается по этому поводу ходячая отвѣтная фраза одного изъ крупныхъ бюрократовъ по поводу сожалѣнія о прекращеніи работъ первой и второй Государственной Думы какъ разъ въ тѣ моменты, когда въ нихъ всего интенсивнѣе начиналась законодательная работа. «Да вѣдь въ томъ-то и дѣло,—иронически замѣтилъ этотъ собесѣдникъ,—что именно работа Думъ всего менѣе была нужна».

Измѣнилось ли положеніе съ тѣхъ поръ? Укрѣпилъ ли новый составъ третьей Государственной Думы самую идею народнаго представительства, укрѣпилъ ли онъ ее не въ народномъ сознаніи, конечно, а хотя бы въ представленіи правящей бюрократіи?

Говоря по совѣсти, положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока дать совершенно невозможно, если трезво относиться къ текущимъ фактамъ русской дѣйствительности.

У насъ какъ-то всегда роковымъ образомъ не знали предѣла именно въ періоды реакціонныхъ волнъ. У насъ очень робко и нерѣшительно принимались за необходимѣйшія реформы, побуждаемыя народнымъ недовольствомъ, и очень быстро били отбой, объявляли о невозможности вводить реформы въ періодъ волненій; затѣмъ переходили къ «успокоенію» этихъ волненій цѣлымъ арсеналомъ репрессивныхъ мѣръ, примѣняли ихъ широко, неутомительно, съ поразительной энергіей и настойчивостью, часто безъ разбора и безъ удержки. Когда же удавалось получить полицейское успокоеніе, или когда утомленное безплодной и неравной борьбой само населеніе теряло охоту къ «политикѣ» и возвращалось къ мирной общественной жизни Щедринскихъ пещераей,—тогда о необходимыхъ реформахъ и вовсе забывалось до... новаго проявленія недовольства обывателей или

до какого-нибудь крупнѣйшаго государственнаго несчастья. Формула «пока громъ не грянетъ» получила въ нашей исторической жизни какое-то роковое значеніе. Отъ волненія или несчастья—къ реформамъ, отъ недоконченныхъ и заподозрѣнныхъ реформъ—къ мѣрамъ «успокоенія» и, наконецъ, къ полному забвенію реформъ—такъ вертѣлась наша скудная государственная жизнь, точно въ заколдованномъ кругу или бѣлчьемъ колесѣ.

Временами съ горькимъ чувствомъ приходилось констатировать, что самыя тяжкія несчастья народныя, самый жгучій національный позоръ, самыя грозныя междоусобныя столкновенія какъ-то необычайно быстро забывались, а навѣянные ими рѣшенія отвергались начисто или передѣлывались по новому, примѣнительно къ старымъ завѣтамъ. Ничему не учаясь, проходила наша государственность самыя тяжкія испытанія исторической Немезиды и, какъ будто все съ легкостью забывая, роковымъ образомъ шла навстрѣчу новымъ невѣдомымъ потрясеніямъ.

Ни разу планомерно, послѣдовательно и до конца не были проведены страстно ожидаемыя и неотложныя реформы устарѣвшаго строя, и, наоборотъ, весьма, весьма часто достигали высочайшаго предѣла попытки обузданія, репрессій и административнаго гнета.

У насъ почти нѣтъ широкаго и продолжительнаго реформаторскаго опыта, и мы стали невѣроятно богаты опытомъ чрезвычайныхъ полномочій, всевозможныхъ охранъ, исключительныхъ положеній, карательныхъ экспедицій и массоваго примѣненія смертныхъ казней.

Дни минувшихъ несчастныхъ «свободъ» послѣдняго періода были именно короткими, очень короткими немногочисленными днями, а съ тѣхъ поръ уже третій годъ идетъ непрерывное усиленіе репрессій, давно превзошедшее до-освободительныя нормы. И ничто пока не предсказываетъ, что близокъ конецъ этихъ репрессій, что не будутъ предприняты попытки возвести ихъ еще на высочайшую, едва мыслимую уже степень.

У насъ первыя созданныя представительныя учрежденія были эфемерны и недолговѣчны, какъ весенніе цвѣты, и быстро погибли при столкновеніяхъ съ правящей бюрократіей, не успѣвъ дать странѣ новое законодательство, и несравненно дольше, чѣмъ ихъ существованіе, длились періоды нашего междудумья, когда въ отсутствіи народныхъ избранниковъ по 87 ст. смѣло издавались временные законы по капитальнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни.

На чемъ же можетъ укрѣпиться новая Государственная Дума, когда ея предшественницы такъ быстро перешли отъ активнаго существованія—въ небытіе?

Можетъ ли гарантировать прочное житіе—ея привилегированный, господскій составъ, столь близкій, по плоти и по духу, самой правящей бюрократіи? Или упрочить ея положеніе ея послушность, почтительность и почорная невинность?

Но вѣдь горе-то именно въ томъ и состоитъ, что можно быть безъ

ины виноватыхъ, или вина будетъ заключаться лишь въ томъ, что «хочется кому-то кушать».

А вѣдь извѣстно, что реакціонный аппетитъ ненасытитъ никогда... Да кромѣ того, трудно себѣ представить безгранично-послушную Думу какого бы то ни было состава, вродѣ извѣстной *Chambre introuvable* Франціи 1815 года. Уже не говоря про то, что сплошная банда союза русскаго народа была бы самой задорной, самой требовательной кликой въ Думѣ, даже Дума, составленная исключительно изъ правыхъ и умѣренно-правыхъ элементовъ, поневолѣ и неизбежно утратила бы привычки холопства стараго московскаго уклада и пыталась бы осуществлять свои собственные постановленія.

Власть есть самая притягательная, самая заманчивая для политическихъ дѣятелей сфера и въ то же время сфера наиболѣе ревниво оберегаемая всѣми иными властью. Всякая общественная группа не легко будетъ уступать доставшуюся ей власть, и было бы противоестественно, если бы иныи классы и слои населенія, представленныя правыми партіями въ Думѣ, легко отказались бы отъ осуществленія принадлежащей имъ теперь законодательной власти.

Ея разграниченіе, ея точное примѣненіе даже въ странахъ съ давно установившимися традиціями и упроченнымъ представительнымъ строемъ иногда вызываютъ тяжелые конфликты. Весьма консервативные и лойяльные прусскіе юнкеры, крупнѣйшіе землевладѣльцы, нерѣдко вступали въ серьезныя столкновенія со своимъ правительствомъ, и имъ не даромъ приписывается рѣшительное заявленіе, по которому *1st der König absolut, wenn er in sein Willen thut!* Примѣры бурныхъ столкновеній можно во множествѣ найти въ прошломъ западныхъ представительныхъ учрежденій, хотя и составленныхъ съ крупнымъ преобладаніемъ владѣльческихъ умѣренныхъ классовъ.

Возможность будущихъ конфликтовъ не только не исключена въ новой третьей Думѣ, но иногда какъ будто даже и неизбежна. Каковъ бы ни былъ ея составъ, но ея большинство заявило себя солидарнымъ съ конституціоннымъ строемъ и въ засѣданіи 13 ноября дважды отвергло поправку «самодержавный», считая, что неограниченнаго самодержавія послѣ манифеста 17 октября нѣтъ въ Россійской имперіи. Правда, что центральная партія, поставившая этотъ манифестъ на своемъ знамени, весьма часто забываетъ про его существованіе и даже робѣетъ заявить о немъ въ своемъ отвѣтѣ на декларацію министерства; правда, что ея покладистость и приверженность «послѣднему правительственному распоряженію» помогутъ ей еще не разъ обойти острые вопросы и отступить при серьезномъ натискѣ, но вѣдь и этой уступчивости можетъ найтись предѣлъ, тогда какъ посягательства реакціи могутъ быть безпредѣльны.

Особенно вопросы бюджетнаго свойства обладаютъ способностью нивелировать партійныя разногласія и создавать конфликты съ кабинетомъ.

Расходованіе народныхъ денегъ—это та область, въ которой всего

сильнѣе играть роль чувство ответственности народныхъ представителей и на которой во многихъ случаяхъ крѣпло и развивалось право представительныхъ учреждений. Но именно здѣсь же—одно изъ наиболѣе чувствительныхъ мѣстъ правящихъ сферъ крупнаго чиновничества, привыкшихъ къ бюджетнымъ грѣхамъ и своевольному хозяйничанью.

Работы бюджетной комиссіи—быть можетъ, наиболѣе интересное и ответственное дѣло въ третьей Думѣ; но кто поручится, что они будутъ доведены до благополучнаго конца пятилѣтія или достигнуть хотя бы бюджета будущаго 1909 года?

Двусмысленное положеніе, которое готова занять октябристская фракція въ бюджетныхъ вопросахъ, ярко сказала въ недавнихъ преніяхъ о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы. Какая разногласица обнаружилась въ октябристскихъ рѣчахъ! Теперь октябристы готовятъ запросъ о выпускѣ новаго внутренняго займа въ 163 милл. руб. Это какъ будто первый шагъ обученія бюджетной конституціонности. Но окажутся ли они способными продолжить это «конституціонное» воспитаніе?

Вѣдь остается же серьезной угрозой мирному теченію русской жизни отрицаніе самой возможности «привить къ русскому историческому стволу иноземный цвѣтокъ». Конечно, это лишь красивая метафора, да къ тому же еще и лишняя соотвѣтствія съ истинной, ибо весьма много и зѣло непривлекательныхъ цвѣтовъ запада въ различныхъ областяхъ пытались и пытаются привить у насъ съ неослабной энергіей; историческій стволъ русской жизни уже во многихъ случаяхъ покрылся иноземными культурами самаго разнообразнаго вида и формы. Но въ противоположеніи этой метафоры попыткамъ умѣреннѣйшихъ октябристовъ, въ рѣзкомъ тонѣ отбѣта министерской деклараціи звучитъ что-то несравненно большее, чѣмъ простая метафора, и эти отзвуки пока не заглушены еще ни привѣтственнымъ маршемъ на раутѣ, ни дружнымъ хоровымъ пѣніемъ «объединенныхъ» центровъ Совѣта и Думы...

Меньше всего желательно быть теперь пессимистическимъ прорицателемъ, всего неприянѣе именно теперь звуки унынія и безнадежности среди томительной общественной подавленности и апатіи.

Но мысли, невольнымъ образомъ приходящія въ голову по поводу новой Государственной Думы, продолжаютъ оставаться все тѣми же старыми, давнишними мыслями.

И не уныніе, не безнадежность должны онѣ вызывать, а лишь требованіе самодѣятельности и пробужденія общества, безъ котораго все время будетъ дѣйствовать система «неограниченныхъ возможностей».

Въ самомъ дѣлѣ, ну съ чѣмъ могутъ быть сообразны негѣныя, невероятные слухи о томъ, что даже вопросъ о проверкѣ полномочій пресловутаго «излюбленнаго» ставленника города Минска истинно-русскаго Шинда можетъ какии-то образомъ стать серьезнымъ думскимъ вопросомъ! И все же эта тема, эта унизительная для достоинства всякой Думы тема—разбирается въ печати, обсуждается обывателями и депутатами.

И не важенъ самъ по себѣ вопросъ, поднятый по этому поводу, не важно то, что распускаемые слухи, быть можетъ, гроша мѣднаго не стоятъ, рѣшительно ничему не соотвѣтствуютъ въ дѣйствительности и лишены всякаго реального содержанія. Тяжела и безконечно мучительна сама претензія на правдоподобность такихъ слуховъ, сама возможность ихъ возникновенія!

И въ чемъ же найдетъ себѣ опору новая Дума, такъ рѣшительно и добровольно отрещивающаяся въ лицѣ своихъ руководителей отъ солидарности съ первыми двумя Думами?

Въ законодательной работѣ—ея единственное предназначеніе. Но можетъ ли быть общенароднымъ это законодательство, можетъ ли оно для широкихъ и наиболѣе обездоленныхъ слоевъ населенія дать закономѣрный выходъ изъ бѣдственнаго положенія, можетъ ли оно въ дѣйствительности заставить забыть печать происхожденія и составъ новой Думы путемъ разумнаго и справедливаго строительства?

Стоитъ обратиться хотя бы къ *земельному*, основному вопросу русскаго бытія, чтобы понять, что въ новой Думѣ—этотъ старый, большой и многосложный вопросъ едва ли найдетъ себѣ хотя бы мало-мальски серьезное рѣшеніе.

Крестьянское малоземелье и планомѣрныя мѣропріятія, его устраняющія,—пока далеко внѣ сферы думскихъ законопроектовъ. Въ портфель новой Думы имѣются лишь правительственные временные законы, изданные по 87 ст., да проекты крестьянскаго землеустройства и землевладѣнія.

Крупнѣйшія фракціи Думы пока не внесли ничего, лично ими разработаннаго. Одни, какъ правые и октябристы, не сдѣлали этого или потому, что всецѣло раздѣляютъ правительственную точку зрѣнія, или потому, что вслѣдствіе своей инертности ничего путнаго не придумали и не могли придумать за время своего политическаго бытія; другіе, какъ представители партій народной свободы, имѣющіе подробно разработанные проекты, или прочія оппозиціонныя группы не вносятъ своихъ основныхъ земельныхъ положеній въ виду полной безнадежности ихъ проведенія въ новомъ составѣ Думы.

Въ министерскихъ же проектахъ вопросъ о малоземельи, объ остротѣ крестьянской нужды отошелъ куда-то на задній планъ, если вовсе не исчезъ.

Въ нихъ все захвачено доминирующей идеей силы и значенія мелкой частной собственности на землю, все приноровлено къ устройенію хуторовъ, отрубныхъ участковъ и прочихъ аксессуаровъ будущихъ лояльныхъ «крѣпкихъ работниковъ земли».

Обеспеченіе земель малоземельныхъ и безземельныхъ, смягченіе земельного голода русскаго крестьянства и уменьшеніе остроты кризиса какъ-то затерялось, забыто подъ давленіемъ господствующей культуры иноземнаго цвѣтка, усиленно прививаемаго къ исконному народному стволу.

Что дадутъ въ совокупности эти земельные законы, изданные столь поспѣшно безъ участія народныхъ представителей въ періодъ междудумья?

Ихъ содержаніе извѣстно давно, новаго къ нему прибавить почти ничего не приходится... Всѣ они связаны въ одно цѣлое, всѣ проникнуты основной погоней за *побочными политическими цѣлями*, не имѣющими ничего общаго съ разумной земельной программой. Знаменитый указъ 9 ноября, опредѣляющій право выхода и выдѣла изъ общины, не справившись съ крупными затрудненіями въ этой области, создаетъ какое-то череполосно-общинно-личное землевладѣніе и грозитъ въ будущемъ крупнейшими неурядицами на мѣстахъ.

Всѣ эти грозные и труднѣйшіе вопросы, вызываемые указомъ, едва ли смогутъ остановить на себѣ вниманіе не только земельной комиссіи, но и большинства третьей Думы,—такъ велико въ немъ желаніе принять правительственную земельную программу.

«Ну какіе тамъ новые безземельные,—живо возразилъ на массу доводовъ одинъ изъ вліятельныхъ членовъ земельной думской подкомиссіи, гдѣ обсуждался правительственный временный законъ,—ихъ будетъ, конечно, не такъ уже много, а какіе будутъ—*пойдутъ по сосѣдству съ батраками житься*».

Здѣсь-то, быть можетъ, и зарыта собака новой земельной политики и обеспечено сочувствіе ей со стороны крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Нѣмецкій юнкеръ давно уразумѣлъ, что безземельные батраки нудны пріятнѣе для веденія сельскаго хозяйства, чѣмъ обеспеченное сельское населеніе.

Итакъ, съ одной стороны, пріятные правительству «крѣпкіе люди земли», скупившіе участки ихъ собратьевъ и высоко держащіе знамя частной земельной собственности, а съ другой—безземельные батраки, дающіе возможность дешевымъ подневольнымъ трудомъ поднять ренту мало доходнаго помѣщичьяго хозяйства.

Какая это великодушная и соблазнительная перспектива, могущая иго бы истребить всякое мечтаніе о ненавистномъ принудительномъ отчужденіи по планамъ крамовельныхъ кадетъ.

Пусть даже это—перспектива для близорукихъ, но на первое время и она хороша. А тамъ поживемъ—увидимъ, попечительное начальство что-нибудь, можетъ быть, и новое выдумаетъ.

Въ несчастіе, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что указъ 9 ноября, даже безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій,—третьей владѣльческой Думой будетъ принятъ и, конечно, не поспособствуетъ укрѣпленію ея авторитета въ народныхъ массахъ.

Далѣе, въ правительственномъ циклѣ земельныхъ начинаній стоитъ еще *продажа* казенныхъ земель, и такъ какъ она будетъ совершаться по отѣлкамъ крестьянскаго банка, и могутъ быть продаваемы участки въ тройномъ размѣрѣ противъ высшихъ нормъ надѣловъ 64 года, и такъ какъ и здѣсь хутороманія и отрубныя хозяйства стоятъ на первомъ планѣ,—то очевидно, что и солидный казенный земельный фондъ нерѣдко попадетъ въ руки наиболѣе обеспеченныхъ крестьянъ и всего менѣе достанется тѣмъ, е

комъ должно было бы всего необходимѣе позаботиться—малоземельныхъ и безземельныхъ. Къ тому же и земли этого фонда преимущественно расположены вдали отъ селеній, внѣ районовъ острой земельной нужды, потребуютъ переселенія на нихъ, а при спѣшности или безсистемности ликвидаціи это переселеніе какъ разъ минуетъ тѣхъ, поднять благосостояніе которыхъ является государственной необходимостью; или же переселеніе пойдетъ, какъ отмѣчаетъ А. А. Чупровъ, такъ рационально, какъ въ настоящее время, когда «Самара переселенцевъ не пускаетъ, Калуга ихъ радушно зоветъ, а степной югъ заселяетъ своими земляпашцами Среднюю Азію».

А затѣмъ, какъ крупный факторъ ликвидаціи частнаго землевладѣнія, неизбежно въ правительственной доктринѣ стоитъ крестьянскій банкъ. Черезъ его посредство или имъ самимъ было куплено съ ноября 1905 г. по ноябрь 1907 г. свыше 5 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ свыше $4\frac{1}{2}$ милліоновъ куплено банкомъ за его собственный счетъ.

Ликвидационная дѣятельность во всемъ разгарѣ, требуется проявленіе необычайной энергіи отъ мѣстныхъ ликвидаторовъ, идетъ немолчная бумажная работа и непрерывныя телеграфныя приказанія; планы ликвидаціи создаются съ поразительной поспѣшностью, два съ половиною милліона десятинъ уже запродано крестьянамъ, и остается только совершенно неизвѣстнымъ, какая доля исчезающаго государственнаго запаса земли пошла на удовлетвореніе вопиющей земельной нужды, а какая на хуторскіе, отрубные участки или на увеличеніе достатка и безъ того обезпеченныхъ землею сельскихъ обществъ. При крайней поспѣшности можно ли останавливаться на мелочахъ, можно ли тормозить вопросъ соображеніями о какихъ-то малоземельныхъ, которые къ тому же, при отсутствіи средствъ, такъ неохотно идутъ на хуторское хозяйство.

При этомъ неудержимо растутъ и цѣна земель, скупаемыхъ крестьянскимъ банкомъ *). «Государственный социализмъ», желающій облегчить крестьянству приобрѣтеніе въ собственность помѣщичьихъ земель по вольной цѣнѣ и стремящійся для этого понизить покупателямъ процентные платежи, неизбежно, фатальнымъ образомъ ведетъ лишь къ новому росту цѣнъ на землю, поглощающему съ избыткомъ всякія возможныя пониженія уплаты процентовъ, неизмѣнно отягчающему непосильнымъ долгомъ крестьянское землевладѣніе и крупнѣйшими приплатами государственное казначейство въ пользу помѣщиковъ, продающихъ свои земли.

Значительныя площади купленныхъ крестьянами черезъ банкъ земель поступаютъ въ публикацію за невзносъ причитающихся съ нихъ платежей,—такъ неустойчиво оказывается новое обремененное крупнымъ долгомъ землевладѣніе и такъ некредитоспособны его новые собственники.

Для вящаго эффекта этой будущей земельной мобилизаціи, для дове-

*) См. объ этомъ, напр., компетентныя указанія Н. Н. Кутлера въ его послѣдней работѣ—*Русская Мысль*, декабрь прошлаго года.

денія покупныхъ цѣнъ на землю до еще болѣе высокаго предѣла, для созданія возможности со стороны безденежныхъ крестьянскихъ обществъ солидныхъ доплатъ къ оцѣнкамъ крестьянскаго банка—цѣликомъ почти направленъ указъ 15 ноября о *залогъ* надѣльныхъ земель. И онъ, конечно, найдетъ себѣ въ третьей Думѣ радушный приѣмъ, хотя трудно было бы указать примѣръ болѣе опаснаго, болѣе необдуманнаго сословнаго законодательства, чреватаго самыми тревожными послѣдствіями.

Мы не знаемъ, конечно, куда пойдутъ полученныя за землю капиталы у господъ землевладѣльцевъ, поднимутъ ли они промышленность и культуру страны, или же въ массѣ будутъ такъ же непродуцибельно инвентаризованы, какъ когда-то выкупныя свидѣтельства эпохи освобожденія, сдѣйствуя перемѣщенію цѣнностей за предѣлы русской имперіи; но мы насъ едва ли можемъ быть сомнительнымъ, что задолженность послѣдняго крестьянскаго достоянія—надѣльной земли, ничего не можетъ создать, кромѣ немигнуемаго обнищанія и разоренія новыхъ залогодателей.

Вліяніе ипотечнаго кредита на наше частное и особенно дворянское землевладѣніе, кажется, достаточно хорошо извѣстно, и въ частности дѣятельность чрезвычайно дешеваго дворянскаго банка ничего другого не создала, кромѣ растущей некредитоспособности заемщиковъ и вѣчныхъ публикацій заложённыхъ имѣній.

И это несмотря на «культурное» (?) хозяйство и постоянныя поблики государственной политики.

Земельный кредитъ сельскому населенію подъ обезпеченіе надѣльныхъ земель долженъ кончиться или невозможностью осуществить права залогодержателя при неизбежной несостоятельности землепашцевъ, и лечь новымъ бременемъ на казну, или завершиться небывалымъ отчужденіемъ крестьянской земли и массовымъ обезземеленіемъ.

Уйдя въ главнѣйшихъ чертахъ на доплаты верховъ, на удовлетвореніе appetitovъ земельной спекуляціи, онъ не можетъ стать кредитомъ производительнымъ. Другая значительная часть возможнаго его употребленія можетъ пойти на выплату выходящимъ изъ общины неземледѣльческимъ элементамъ (по закону 9 іюня) и снова, кромѣ излишняго отягощенія, ничего благотельнаго для деревни дать не можетъ.

Остается еще для безземельныхъ и малоземельныхъ надежда на переселеніе...

Но здѣсь даже представитель главнаго управленія кн. Васильчиковъ самъ заявляетъ, что переселеніе не можетъ считаться разрѣшеніемъ земельного вопроса на мѣстахъ.

Итакъ, основной, мучительнѣйшій вопросъ внутренней жизни имперіи, вопросъ, разрѣшить который не берется даже обладающее всею полнотою власти правительство, и пытается его по своему усмотрѣнію лишь «разрѣшать»,—колоссальнѣйшей важности вопросъ не найдетъ своего справедливаго и рациональнаго рѣшенія въ третьей Государственной Думѣ, въ ея владѣльческомъ большинствѣ. А такъ какъ онъ не исчезнетъ отъ этого

съ нашего горизонта и даже не утратить своей остроты, то въ немъ не можетъ Дума рассчитывать на широкія симпатіи массъ населенія.

На земельномъ вопросѣ, какъ на главнѣйшемъ факторѣ нашей социальной жизни, приходилось остановиться нѣсколько подробнѣе; но отъ него почти ничѣмъ не отличаются и всѣ другіе проклятые вопросы нашей современности.

Что будетъ сдѣлано Думой, напримѣръ, въ рабочемъ вопросѣ, требующемъ широкихъ реформаторскихъ стремленій, крупныхъ государственныхъ средствъ, а главное—признанія необходимости законодательнымъ путемъ уменьшать остроту борьбы труда и капитала, содѣйствовать увеличенію социальной справедливости и установленію обязанности государства обезпечить рабочему населенію возможность человеческого существованія и страхование на случай болѣзни, инвалидности и старости.

Всякому ясно, что необходимыхъ для этого элементовъ нѣтъ въ большинствѣ третьей Думы, нѣтъ, повидимому, и соответствующихъ серьезныхъ намѣреній. А правительственная политика въ профессиональномъ движеніи идетъ какъ разъ въ сторону отъ рациональнаго разрѣшенія рабочаго вопроса.

Будетъ ли совершена новою Думой демократическая реформа земствъ и городского самоуправления?

Но трудно предположить, чтобы настоящіе хозяева положенія въ земствахъ и городахъ, къ голосу которыхъ стало такъ чутко относиться правительство, были бы способны настаивать хотя бы на своихъ собственныхъ прежнихъ проектахъ необходимой реформы.

Не даромъ же большинство типичныхъ представителей знаменитыхъ июнскаго и августовскаго съѣздовъ правыхъ земцевъ отвергало даже скромныя правительственныя попытки, считая ихъ данью революціонной эпохѣ.

Многіе изъ тогдашнихъ рѣдкихъ образчиковъ «зубровъ», какъ окрестивъ ихъ одинъ изъ ихъ лидеровъ, Марковъ 2-й, попали вмѣстѣ съ нимъ въ члены третьей Государственной Думы въ качествѣ умѣренно и неумѣренно правыхъ. Но еще больше прошло въ Думу членовъ съѣзда октябристовъ, занимавшихъ въ немъ нѣсколько двусмысленную роль приверженцевъ реформъ туманнаго свойства, которыя, однако, не были одобрены большинствомъ участниковъ. Октябристы не смогли или даже не хотѣли провести на съѣздѣ вопроса о мелкой земской единицѣ, занявъ какое-то неопредѣленное положеніе, будучи подавлены «зубровымъ» настроеніемъ.

Да и отъ нихъ ли ждать обновленія земской жизни и искреннихъ попытокъ въ этомъ направленіи, когда въ существующихъ земскихъ собраніяхъ, являясь во многихъ случаяхъ господами положенія, они ничѣмъ не обнаруживаютъ своихъ реформаторскихъ намѣреній и, наоборотъ, часто примыкаютъ къ поразительнымъ мѣропріятіямъ современныхъ земствъ вродѣ елизаветградскихъ, херсонскихъ, екатеринославскихъ и прочихъ охранительныхъ мѣръ съ помощью ингушей, стражниковъ и платнаго поощренія доносовъ.

Трудно представить себѣ, чтобы въ такой средѣ своеобразныхъ культуртрегеровъ, сибивившихъ прежнее культурное земство, въ этой атмосферѣ раздраженной классовой злобы, при полномъ поклоненіи системамъ напора и нагайки, при убогомъ политическомъ горизонтѣ, вполне удовлетворяющемся Мышрецовской формулой «тащить и не пущать», могло зародиться и окрѣпнуть—требованіе здоровой реформы выродившагося самоуправления.

И надежды на такую реформу пока остаются весьма сомнительными, въ то время какъ рыцари кнута и свистопляски получаютъ полное удовлетвореніе своихъ домогательствъ.

Октябристы до настоящаго времени съ своей стороны ничего не сдѣлали для проекта соответствующей реформы; они ждутъ, какъ всегда правительственныхъ предложеній, а правительство ждетъ указаній «политическихъ» земствъ и отзыва своего же соподчиненнаго органа—сема по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

Конечно, по русской пословицѣ, обещаннаго три года ждутъ, но къ со времени манифеста 17 октября трехъ лѣтъ еще не прошло, какъ уж самое напоминаніе о немъ кажется еретическимъ свободомыслиемъ.

Про какія же другія реформы возможно теперь говорить? Вѣдь не про осуществленіе же всяческихъ свободъ во время торжественной апофеи всевозможныхъ охранъ и усиленныхъ положеній!

Ну какая можетъ быть свобода личности, слова, печати, собраній, совѣзовъ, какая будетъ соблюдена неприкосновенность жилищъ и тайна корреспонденціи, когда вся колоссальная масса жизненныхъ фактовъ применения административныхъ полномочій давнымъ-давно искоренила ихъ безъ слѣда и можетъ искоренить вновь въ любое время; когда независимость суда поколеблена, и тѣмъ не менѣе ему все еще грозитъ отиѣной несамостоятельности судей, когда вся мѣстная жизнь «автономныхъ» губерній бьется въ канонъ-то глухомъ тупикѣ и гаснутъ всѣ культурныя начинанія обществъ.

Даже если бы Дума приняла необходимые для этого законопроектъ, даже если бы и Государственный Совѣтъ не воспротивился ихъ принятію, то что же они могли бы значить до тѣхъ поръ, пока система чрезвычайныхъ положеній остается неизбѣжной, пока безъ ея пригнѣнія никто считаетъ невозможнымъ осуществлять государственное управленіе.

Впрочемъ, и законопроектъ о «свободѣ» личности и прочихъ свободахъ такъ своеобразны, что скорѣе извращаютъ самое понятіе о свободѣ, чѣмъ его укрѣпляютъ. Стоитъ только посмотреть на засѣданія думской коммисіи о неприкосновенности личности, чтобы поразиться направленною ея работой. «Неприкосновенность» истребляется даже въ министерскихъ проектахъ, и депутатъ Замысловскій уличаетъ самого товарища министра, завѣдующаго полиціей, въ пропускѣ чиновъ жандармскаго корпуса среди лицъ, имѣющихъ право арестовывать людей безъ нестановленія суда!

Какіхъ еще «свободъ» ждать отъ такого рвенія охранителей и защитниковъ своеобразнаго «успокоенія».

По высокоавторитетнымъ заявленіямъ, успокоеніе у насъ наступаетъ:

но во многих ли случаях отиѣнена усиленная или чрезвычайная охрана, продолженіе которыхъ на значительные сроки публикуется почти непрерывно въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Изданныя въ видѣ «временныхъ» мѣръ въ 1881 г., онѣ благополучно дожили до нашихъ дней, ежегодно подновляемыя, захвативъ въ свои цѣпкія объятія почти все населеніе имперіи. Онѣ изданы ради прекращенія смуты и крамолы. Смута и крамола ушли въ подполье или выродились въ безсмысленные анархистическіе порывы злобной, всеразрушающей мести; этихъ порывовъ ни предупредить, ни истребить чрезвычайныя положенія оказались не въ силахъ; грабежи, убійства продолжаются и растутъ, но отъ охранъ гибнуть культурныя начинанія, разрушаются многолѣтнія культурныя организаціи, гаснутъ и безъ того немногочисленные свѣточи образованія, тратятся зря культурныя силы.

А между тѣмъ впереди еще не видно какого-либо конца. Создается какая-то непрерывная атмосфера взаимнаго недоувѣрія, сѣются сѣмена злобы и мести. Апологія торжества силы надъ правомъ еще въ полномъ расцвѣтѣ. Причемъ же тутъ законопроекты о какихъ-то свободахъ, когда сама система исключительныхъ положеній не вызываетъ даже возраженій большинства новой Думы, а на мѣстахъ многіе ея члены являлись горячими защитниками этой системы.

Наконецъ, быть можетъ, пройдутъ въ Думѣ широкія реформы народнаго образованія, получатся солидныя ассигновки на неотложное дѣло развитія просвѣщенія народа?

Да, можетъ быть. Вопросы народнаго образованія всего менѣе будутъ возбуждать въ новой Думѣ партійныя разногласія.

На словахъ всё, даже крайніе правые, являются въ этомъ отношеніи прогрессивно настроенными. И они якобы «жаждутъ» развитія народнаго образованія, и они за «мирное обновленіе», по словамъ ихъ хлесткаго оратора, который всёхъ причислялъ къ мирнообновленцамъ, забывъ про погромные подвиги своихъ партійныхъ организацій, про одесскія резины и хулиганскія банды наемныхъ убійцъ союза русскаго народа, про вѣчную травлю прогрессивныхъ профессоровъ университетовъ, про постоянныя, увѣнчавшіяся недавнимъ успѣхомъ вылазки противъ «либеральныхъ» руководителей министерства народнаго просвѣщенія и т. д. и т. д. И крайніе правые стоятъ крѣпко за развитіе грамотности, иначе вѣдь народъ даже почтаевскихъ листовъ читать не будетъ.

Возможно, что вопросы народнаго образованія въ новой Думѣ займутъ почетное мѣсто и не встрѣтятъ серьезныхъ тормозовъ. Они будутъ служить отвѣтомъ на назрѣвшую, страшно набольвшую нужду громаднаго государства.

Быть можетъ, здѣсь, кромѣ бюджетныхъ работъ, лежитъ главная и осуществимая задача новой Думы, но...

Именно здѣсь-то и приходится поставить самое горькое, самое обидное вѣчно-русское «но».

Едва ли не наибольшимъ трагическимъ обстоятельствомъ, не самымъ серьезнымъ симптомомъ тяжелой государственной болѣзни является у насъ настоящее положеніе всякой культурной работы.

Обществу и общественной свободной инициативѣ—выражено явное недоверіе и общество отвѣчаетъ тѣмъ же представителямъ управленія.

Интеллигенція разгромлена и почти поголовно заподозрѣна въ крамоулѣ. Ея идеалы, вѣрованія и надежды находятся по ту сторону существующей системы, она не можетъ ни помириться съ нею, ни тѣмъ паче помогать ей. Трагизмъ глубокъ и кажется надолго неразрѣшимымъ.

Въ атмосферѣ розни и недоверія, вѣчныхъ подозрѣній и вѣчной конспираціи—не можетъ развиваться хрупкая культура.

Малѣйшее слово, малѣйшее дѣло—и уже въ ревнивомъ надзорѣ возникаютъ сомнѣнія въ допустимости ихъ, въ благонадежности.

Гибнетъ заподозрѣнная школьная матица въ Польшѣ; завядаетъ, не успѣвъ расцвѣсти, автономія высшихъ разсадниковъ просвѣщенія; иссекаетъ московская лига образованія; закрываются десятками просвѣтительныя общества и библіотеки Кіева, Одессы, Полтавы и ряда другихъ городовъ. Саратовскій университетъ отложенъ за несвоевременностью, проситъ университета Шанаявскаго въ Москвѣ взять министерствомъ назадъ. Все случается, все кажется подозрительнымъ. Непрерывно конфискуются книги, вытуютъ въ школахъ преподавательскія мѣста, и десятки тысячъ учителей отрываются отъ культурнаго дѣла. Все кажется опаснымъ, во всемъ ждуть нелегальной пропаганды, ничему нельзя довѣряться, ничего нельзя разрѣшить.

Даже врачебныя лекціи о холерѣ не разрѣшаются изъ-за соображеній «общественной тишины и безопасности».

Въ деревнѣ необходимы школы, библіотеки, лекціи, чтенія. Это признаютъ всѣ. Но какъ за всѣмъ этимъ усмотришь, какъ предупредишь вездѣсущую и многообразную крамолу, которая заползаетъ даже въ землеустроительныя учрежденія. Проще—не допускать ничего. Крайне настоятельно, необходимо поднятіе производительныхъ силъ населенія, образованіе сельско-хозяйственное, техническое, художественно-ремесленное, организація мелкаго кредита. Но какъ все это осуществить, когда для всего необходимы тѣ же работники-интеллигенты, а ихъ «неблагонадежность», ихъ несочувствіе существующей политикѣ распространены почти поголовно. И вотъ даже культурныя земскія учрежденія гибнутъ подъ напоромъ своеобразныхъ преслѣдованій: закрываются агрономическія, ветеринарныя и санитарныя организаціи, книжныя склады, библіотеки, музеи; прекращаются ссуды и субсидіи школамъ, особенно частнымъ; изгоняются, какъ вредоносная зараза, культурные работники третьяго элемента; широкими ассигновками заполняются новыя графы земскихъ смѣтъ, возникаютъ расходы на земскихъ стражниковъ, на поощреніе доносовъ, на оплату общественныхъ ссылки «порочныхъ» элементовъ пробуждающейся деревни. Идетъ настоящая охота на «крамольниковъ», гоненіе на интеллигенцію, на слово, на мысль, на убѣжденія!

Сугубый трагизмъ заключается именно въ томъ, что все это продѣлывается во имя государственности въ то время, какъ государство страдаетъ отъ разрушенія культуры, дичаетъ въ вѣчной политической травлѣ однихъ другими.

Мстительность или неразуміе идетъ до конца, борьба съ интеллигенціей обостряется еще сильнѣе, надъ побѣжденными продолжаются новыя воздѣйствія и при массовомъ запустѣніи культурныхъ учреждений нарастаетъ массовая безработица интеллигентныхъ тружениковъ.

Можно быть стойкимъ и убѣжденнымъ поборникомъ просвѣщенія, пытаться провести его въ жизнь, но какъ можно ждать успѣха тамъ, гдѣ единенія между властью и народомъ нѣтъ, гдѣ работники могутъ трудиться на культурной нивѣ не за совѣсть, а только за страхъ, ибо совѣсть не насаждается чрезвычайными полномочіями.

И въ настоящее время, какъ въ недавнее прошлое—во время знаменитаго доклада Страннолюбскаго, Россія до сихъ поръ продолжаетъ оставаться между культурнымъ Западомъ и возродившимся Востокомъ «огромнымъ пятномъ невѣжества».

Можно быть честнымъ и мирнымъ гражданиномъ, можно страдать и мучиться болью своей родины, можно страстно желать ея обновленія, могущества и развитія, можно всѣ силы души жаждать положить на культурную работу во имя блага своей отчизны и своего родного народа, но... достаточно простого усмотрѣнія, личной неприязни, мѣстныхъ сплетенъ, добровольческой клеветы охранниковъ или перепуганныхъ собственниковъ,—и уже погибли намѣренія, никакая культурная работа человѣку становится невозможной, и нѣтъ силъ одолѣть невѣдомое, неизнаемое, неустрашимое и безформенное, что плетется вслѣдъ за человѣкомъ, отравляетъ его жизнь, гаситъ и озлобляетъ душу и умерщвляетъ силы. Даже самыя мысли о культурныхъ начинаніяхъ ликующему стану «побѣдителей» и ихъ наемнымъ писакамъ кажутся новой революціонной интригой, новымъ подвохомъ, который будто бы разгаданъ охранителями.

Гибнуть культурные работники, отстраняемые отъ работы, и гибнуть родина безъ культурныхъ учреждений.

Обоюдная убыль, обоюдная мука и обоюдное горе.

Антагонизмъ между властью и народомъ не взрастаетъ просвѣщенія, ибо оно заподозрѣно въ самомъ корнѣ. Никакой чисткой, никакими реформами ежевыхъ рукавицъ не спасешь отъ гибели Щедринскую «академію де-сянсъ», ибо всегда возможенъ грозный и самый откровенный вопросъ, «а сянсы-то зачѣмъ?» И отвѣта искренняго быть не можетъ, ибо сянсамъ необходима, какъ сама жизнь, свобода труда и свобода тружениковъ, необходима иная политическая атмосфера. А этихъ-то элементарныхъ условій и не можетъ дать взрисиь обоюднаго недовѣрія, обоюдной тайной или явной враждебности.

Грустнѣ всего именно то, что все это уже было, было по долгу испытано, неукоснительно примѣнено и признано въ свое время негоднымъ и

сдано въ архивъ. И съ странной живучестью, съ странной забывчивостью вновь воскрешаются прежніе методы вразумленія и попеченія культуры. Какихъ только, казалось бы, не было примѣнено, наприм., къ университетамъ скорпіоновъ и «предохранительныхъ связей». Кому не памятно хотя бы не очень давнія времена введенія новаго университетскаго устава, знаменитая Брызгаловская исторія въ Московскомъ университетѣ 1887 г., прокатившаяся крупнѣйшими беспорядками чуть не во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. А вѣдь то было время, когда даже за отсутствующую пуговицу на форменной одеждѣ, за позабытую шпагу, за неснятую въ раздѣвальнѣ фуражку студенты попадали въ карцеръ, а многократные ослушники лишались стипендій и чуть не выключались изъ заведенія, когда шпионство свило себѣ прочное и грязное гнѣздо среди учащейся молодежи, насаждаемое своеобразной инспекторской системой. И тѣмъ не менѣе, въ результатѣ—крупнѣйшіе беспорядки.

Пережилъ университетъ и отдачу студентовъ въ солдаты, и полное игнорированіе коллегіи профессоровъ, и назначеніе «фельдфебелей въ Вальтеры».

Все, все это было въ недавней исторіи нашей многострадальной школы, и все это въ свое время было взвѣшено, обсуждено и отвергнуто.

Отвергнуто не вразумленіями, не свободными преподавателями, а самими вдохновителями этихъ методовъ, запечатлѣно ихъ собственной трагической судьбой.

И все это вновь начинаетъ возрождаться, все вновь возбуждаетъ какія-то несбыточные надежды, привлекаетъ чьи-то симпатіи.

А между тѣмъ единственно послѣдовательное, но въ то же время—увы!—и невозможное даже для союза русскаго народа,—рѣшеніе, было бы только одно радикальное и полное закрытіе высшихъ учебныхъ заведеній, и давній совѣтъ, «чтобы въ корни зло пресѣчь, забрать бы книги всѣ—да сжечь!» Ибо, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ же «съясны», когда примѣненію и старыхъ методовъ неизбѣжно дать старые же результаты, да и не можетъ дать ничего другаго, ибо высшее образованіе и фельдфебель, благо науки и политическій надзоръ съ воедѣйствіемъ педделей и инспекторовъ, ищущее свѣта и знанія юношество и дисциплина полицейской казармы несоизмѣстимы, какъ день и ночь, какъ холодъ и зной.

И трагедія автономнаго университета въ несвободной странѣ будетъ вѣчной трагедіей чуждыхъ другъ другу началъ, вѣчнаго дисгармоничнаго колебанія «межъ двухъ властей», межъ двухъ несоединимыхъ системъ свободы науки и боязни ея вліянія.

А наша средняя школа! Какихъ только мрачныхъ дней она не пережила и сколько разъ была она объявлена несостоятельной, не достигши дѣли. Даже прочнѣйшіе «аттестаты зрѣлости» Д. Тостого не уберегли юношество отъ тлетворной заразы и не сдѣлали его подготовленнымъ къ дальнѣйшему образованію.

А въ то же время ея строители и главнѣйшіе руководители положили

все на алтарь господствующих теорій служенія старому строю и все принесли въ жертву охранительной политикѣ.

Даже цѣльный и безгранично настойчивый, жертвующій духъ покойнаго Побѣдоносцева не могъ спасти духовныя среднія учебныя заведенія отъ заразы, и цѣлый рядъ ихъ въ недавнее время пережили тяжкія нестроенія и безпорядки.

А военныя учебныя заведенія? Что дали они намъ въ минувшую войну, когда всѣ жаловались на отсталость и неподготовленность офицерства. Даже техническія познанія не смогли пронарасти на нивѣ голой дисциплины и умаленія наукъ.

И все это было, все, все было и вновь пытается воспріять жизнь, и вновь стремится получить право гражданства и одобренія!

Безконечная періодическая трагедія русской культуры и старой русской бюрократической государственности! Ни первая пока не можетъ побѣдить, ни вторая не желаетъ отойти въ прошлое.

Ни первая не истребима, какъ сама жизнь стомилліоннаго народа, ни вторая еще неуловима въ своихъ традиціяхъ и неизмѣнна въ своей основѣ.

На грани двухъ эпохъ, въ переходное смутное время, въ періодъ обостренной борьбы и междоусобицы, въ многовѣковой споръ, возникшая на останкахъ двухъ первыхъ Думъ, сумѣетъ ли новая Дума найти гармоничное сочетаніе, сдѣлать новый шагъ къ неизбѣжному этапу будущаго развитія государства? Суждено ли ей все время плыть по теченію, или сдѣлать серьезныя культурныя завоеванія?

Останутся ли попрежнему наивными или лицемерными увѣренія въ необходимости просвѣщенія со стороны тѣхъ, кому вѣдать сіе надлежитъ, или грозная необходимость культурнаго развитія отсталой страны, или долгъ совѣсти народныхъ представителей и даже простое требованіе самосохраненія государства среди сильныхъ и просвѣщенныхъ соперниковъ побудитъ къ новымъ попыткамъ найти общую почву для культурной работы, заставитъ снова заговорить о необходимости довѣрія къ общественнымъ силамъ? Кто отгадаетъ въ туманѣ будущаго?

Думскіе дни 25—29 января поднимаютъ и другой тяжелый вопросъ: сумѣетъ ли Дума возвыситься до дѣйствительно патриотической позиціи въ великомъ дѣлѣ обезпеченія обороны родины отъ внѣшнихъ враговъ? Въ вопросѣ, въ которомъ русская Дума должна была бы стать, какъ одинъ человекъ, думское большинство первое сознательно всколыхнуло междупартійные счеты и не выставило на трибунѣ ничего, кромѣ грубой демонстраціи зоологическаго «нутра» или прикровенныхъ увертливо-злобныхъ и ележно истительныхъ рѣчей.

Пока же всѣ эти кардинальнѣйшіе вопросы предстоящей дѣятельности новой Думы остаются открытыми вопросами. Минувшій періодъ ея дѣятельности ничего не далъ для ихъ разрѣшенія.

Старыя, старыя мысли невольно приходятъ въ голову и упорно требуютъ отвѣта отъ новой Думы.

Угрюмыя, хмурыя, привычныя мысли, безконечныя, какъ безграничная равнина родной страны, невеселыя, какъ знакомыя, родныя картины, скоро ли онѣ получатъ свой разъясняющій конецъ?

Мы знаемъ, мы твердо знаемъ, что конечный итогъ будетъ за новымъ государственнымъ строемъ и новымъ народнымъ представительствомъ, что будущее колоссальнаго государства, талантливейшаго народа, не можетъ быть унылымъ, что величіе его духа приобщится къ великой сокровищницѣ мировой культуры, и никакія силы земныя не въ состояніи этому воспрепятствовать.

Мы убѣждены, что общественная самодѣятельность и упорная настойчивость въ вѣчно-разрушаемой культурной работѣ въ конечномъ результатѣ побѣдятъ, и, быть можетъ, даже грядущее торжество русской культуры и русскаго конституціоннаго строя уже не за горами. Мы можемъ смѣло повторить красивыя и глубоко-вѣрныя слова предсѣдателя второй Государственной Думы, что народное представительство могуче и, *разъ высказанное къ жизни, оно умереть не можетъ*, но... тѣмъ трагичнѣе попытки реставраціи, тѣмъ тяжелѣе продолжающаяся коллизія и разрушеніе родной культуры, тѣмъ отвратительнѣе партійная нетерпимость и злоба.

Затянувшаяся болѣзнь даетъ рецидивы, осложненія и угрожаетъ все новымъ и новымъ частямъ государственнаго организма. Какое мѣсто въ ея лѣченіи займетъ новая Дума?

Она еще сочувствуетъ примѣненію *medicamenta heretica* изъ старой лабораторіи, она легко поддается внушеніямъ доморощенныхъ цѣлителей. Она даже благоволяетъ къ ихъ собственнымъ экспериментамъ малой хирургіи по прежнимъ методамъ очистительныхъ и кровопусканій, она видимо тяготеетъ къ симптоматическому и палліативному врачеванію.

И, быть можетъ, самое высшее ея искусство не превзойдетъ степени приглашеннаго консультанта, а ея роль и главная задача сведется къ тому, чтобы протянуть свое существованіе до лучшихъ дней въ теченіе всего срока ея полномочій.

И гордое заявленіе одного депутата-октябриста въ избирательномъ собраніи «мы не отдадимъ конституціи!», можетъ быть, сведется съ болѣе умѣренному—«мы протянемъ третью Думу до новыхъ выборовъ». При этомъ настоящее большинство окажется роковымъ образомъ наиболѣе разошедшимся съ народомъ, наиболѣе скомпрометтированнымъ. Тяжелая роль Думы «на запяткахъ», Думы политической слабости и безвременья, она можетъ стать и могильщикомъ ея собственного большинства!

А въ теченіе этихъ лѣтъ слово все же останется за общественной самодѣятельностью и культурной, организаціонной работой.

А. Шингаревъ.

Изъ дневника журналиста.

I.

Декаденты и сознание.

Бердяевъ—слишкомъ серьезный писатель для того, чтобы разбирать и оцѣнивать только что вышедшую его книгу «Новое религиозное сознание и общественность» на нѣсколькихъ страницахъ. Ей нужно посвятить цѣлую статью. Въ данный моментъ мнѣ хочется только отмѣтить интересное отношеніе декадентовъ и «декадентской прессы» къ Бердяеву и его мыслямъ. На этомъ частномъ примѣрѣ легко увидѣть и общее отношеніе декадентовъ къ мысли, а можетъ быть даже ихъ отношеніе и къ искусству.

Что къ мысли наши художественные (декадентскіе) журналы относятся отрицательно—ясно видно изъ того, что они ее тщательно обѣгаютъ. Бердяевъ чуждъ и враждебенъ имъ какъ разъ съ этой стороны. «Переваль» предоставилъ однажды свои страницы самому Бердяеву, но это была статья «всетаки о полѣ», да и то въ концѣ-концовъ оказалось, что статья Бердяева и «Переваль» остались раздѣленными, какъ вода и масло. Въ другихъ журналахъ еще хуже: говорить о мысляхъ, о вопросахъ, затронутыхъ Бердяевымъ—вовсе запрещается. Не въ направленіи.

Но случилось однажды глѣтомъ, что редакторъ самаго «направленскаго» журнала не остерегся,—и проскочила любопытная замѣточка о Бердяевѣ и объ искусствѣ. Критикъ неизвѣстный и, по всѣмъ видимостямъ, прозевать своего «направленія». Но тѣмъ интереснѣе. Новообращенные очень горячи и, по неопытности, по самому усердію, часто обнаруживаютъ то, что болѣе опытные скрываютъ. Таковъ и нашъ критикъ, — г. Эллисъ изъ *Вѣсн*, только что посвященный, весь горящій, «жрецъ» искусства.

Г. Эллисъ нарушилъ молчаніе, хранимое декадентами объ извѣстныхъ движеніяхъ мысли вообще, и о Бердяевѣ въ частности. Онъ напалъ на Бердяева за его статью о декадентствѣ и общественности, напечатанную въ *Русской Мысли* (№ 7).

Обстоятельство это, съ перваго взгляда, кажется чрезвычайно мало-важнымъ. Незвѣстный рецензентъ въ непопулярномъ журналѣ написалъ

нѣсколько опрометчивыхъ страничекъ. Да и стоитъ ли вообще интересоваться, какъ къ чему относятся наши новѣйшіе поклонники искусства?

А пожалуй, и стоитъ. Наша художественная литература въ послѣднее время сильно выдвинулась, раздѣлилась на особыя теченія, направленія; каждое изъ нихъ, такъ или иначе, претендуетъ на свою идеологію. Направленіе, къ которому принадлежитъ г. Эллисъ, какъ ближайшій сотрудникъ московскихъ *Вѣсовъ*, считается наиболѣе серьезнымъ, представителя его считаютъ себя самыми «новыми» и очень искренно борются съ разными другими литературными теченьями: съ такъ называемыми «мистическими анархистами», съ оргастами, съ діонисіанцами и проч. Въ ихъ общей защитѣ историческихъ и культурныхъ устоевъ искусства есть, конечно, своя, вѣчная, правда. Но вѣдь это—ихъ отношеніе къ прошлому. А каковъ же ихъ взглядъ на настоящее и будущее, гдѣ ихъ движеніе, въ чемъ ихъ идеологія и ея новизна?

Посмотримъ, чтó открываетъ намъ г. Эллисъ, этотъ влюбленный и пылкій рыцарь, сражаясь съ Бердяевымъ. Прежде всего онъ объявляетъ истину, что «искусство должно быть свободно». Признаюсь, это меня поразило. Неужели г. Эллисъ думаетъ, что убилъ Бердяева и открылъ новые горизонты подписчикамъ *Вѣсовъ*? Всѣ это знаютъ объ искусствѣ, и Бердяевъ вмѣстѣ со всѣми; неужели г. Эллисъ до сихъ поръ этого не зналъ? Бердяевъ не говоритъ, что «искусство свободно», но вѣдь не говорить же изо дня въ день и по всякому поводу о томъ, что небо голубое, а вода мокрая: это само собой разумѣется. И дагѣ г. Эллисъ тревожитъ старые призраки, выдвигая утвержденіе, что искусство есть «самоцѣль», «искусство для искусства», между тѣмъ какъ Бердяевъ, будто бы, дѣлаетъ это божество «средствомъ». Еще немного—и г. Эллисъ воскресилъ бы передъ нами всѣ животрепещущіе вопросы конца прошлаго столѣтія. Неужели съ тѣхъ поръ ничего не произошло, никто ничего не творилъ и ни о чемъ не думалъ, неужели опять вытаскивать полинявшее знамя и тѣми же словами защищать «свободное искусство—для искусства?»

Нѣтъ, дѣло проще: г. Эллисъ говоритъ *мимо* Бердяева; Бердяевъ объ одномъ, а г. Эллисъ совсѣмъ о другомъ, о своемъ.

Если бы г. Эллисъ не былъ ослѣпленъ своимъ «направленіемъ», и если бы направленіе это не было чуждо мыслямъ вообще и бердяевскимъ въ частности,—онъ, конечно, нашелъ бы у Бердяева другой, болѣе любопытный матеріалъ для спора. И не испугался бы, какъ ребенокъ, слова «средство», до котораго «низводитъ» Бердяевъ искусство. Вѣдь не съ одной, а съ очень многихъ точекъ зрѣнія искусство не можетъ быть названо иначе, какъ «средствомъ»; и если это «низводитъ» искусство, то лишь въ глазахъ прямого идолопоклонника, а ихъ все меньше и меньше. Даже не касаясь соотношеній между религіей, понятіемъ мирообъемлющимъ, и искусствомъ, понятіемъ въ міръ входящимъ,—можно установить, что искусство не болѣе и не менѣе какъ «средство». Не одно ли оно изъ «средствъ» выявленія связей личности съ міромъ? Не одно ли изъ средствъ

воплощенія реального сопряженія нуменального и феноменального въ челоѣчествѣ? Оно—цѣтокъ, одинъ изъ многихъ цѣтотъ земли, который мы растимъ; мы пользуемся искусствомъ какъ *средствомъ*, чтобы двинуть мѣръ дальше, все дальше, къ послѣдней цѣли. Понятіе «творчества», которое шире «искусства»,—даже оно съ правомъ можетъ быть названо «средствомъ», если только мы остережемся признать цѣлью состояніе міра въ каждый данный моментъ, признать цѣль уже достигнутой, то-есть утвердить «безконечный прогрессъ», «дурную безконечность». Бердяевъ, очевидно, не могъ остановиться на дурной безконечности, но г. Эллисъ и до нея не доходитъ: онъ просто требуетъ, чтобы вся многообразная тварь міра избрала изъ своей среды одну и поклонилась ей. Вѣдь «искусство»—въ высшей степени тварь,—съ этимъ врядъ ли будетъ спорить г. Эллисъ. Тутъ и обнаруживается глубочайшій абсурдъ всякаго идолопоклонства: понятіе Бога, каковъ бы этотъ Богъ ни былъ, прежде всего понятіе творящаго въ противоположность творимому. Стави тварь на мѣсто Божіе,—мы непремѣнно, хотя бы и бессознательно, теряемъ: или понятіе Бога, или понятіе твари. То-есть, въ сущности, одинаково теряемъ оба понятія, потому что какой же Богъ безъ твари, какая же тварь безъ Бога?

Но, можетъ быть, впрочемъ, мы не поняли г. Эллиса? Можетъ быть, онъ вовсе не требуетъ примата для искусства съ подчиненіемъ ему всего остального, вплоть до личности, и называетъ искусство самоцѣльнымъ лишь въ смыслѣ его автономности, причемъ готовъ признать существованіе рядомъ и другихъ, столь же автономныхъ и самоцѣльныхъ явленій? Это было бы ужъ лучше, съ этой стороны искусство можетъ быть названо и цѣлью; но всетаки отнюдь не только цѣлью, а «цѣлью, «средствомъ». Такъ же, какъ личность можно, рассматривая ее, признать и цѣлью и средствомъ въ одно время. Но тогда почему же всетаки возмущаться словомъ «средство»? Бердяевъ вполне законно употреблялъ его, говоря объ искусствѣ. Если же г. Эллисъ, признавая сосуществованіе многихъ самоцѣльныхъ явленій, возводитъ ихъ автономность до абсолюта, то-есть отрицаетъ единую послѣднюю цѣль, по отношенію къ которой эти явленія и могутъ быть названы средствами—онъ тѣмъ самымъ разрушаетъ всякую реальную и мысленную мировую связь, разрушаетъ всякое понятіе о мировомъ цѣломъ.

Таково міросозерцаніе новыхъ противниковъ Бердяева; надо сознаться,—оно сильно сближаетъ ихъ съ тѣми же «мистическими анархистами». Да, если искусство никогда, ни въ какомъ соотношеніи, не «средство»—то этимъ утверждается: либо устарѣвшее, надѣвшее, слабо-философское, обожествленіе, обожненіе искусства, примитивное идолопоклонство бывшихъ «эстетотъ» и «декадентотъ»,—либо не менѣе произвольное, не менѣе недодуманное, хотя гораздо болѣе претенціозное міросозерцаніе «мистическаго анархизма», разрушающее мѣръ, вопреки всякой реальности, на части, то-есть очень опредѣленно мѣръ (вѣсть съ искусствомъ) уничтожающее.

Всѣ слова о динамикѣ звучать противорѣчіемъ внутри глубокаго статическаго круга этихъ идей.

Совершенно такъ же, какъ г. Эллисъ, возражалъ бы Бердяеву и настоящій «мистическій анархистъ». Такъ же упрекалъ бы его въ непониманіи «свободнаго искусства» и такъ же пригрозилъ бы ему въ концѣ-концовъ «клерикализмомъ». «Догматизмъ» и, для усиленія дѣйствія, «клерикализмъ»—это излюбленные жупелы нашего времени; ими стараются запугать нечестныхъ. Не могу, впрочемъ, не замѣтить, что слово «догматизмъ» стало у насъ и вообще словомъ очень туманнымъ, понятіемъ очень растяжимымъ и неопредѣленнымъ. Выясненіемъ, что такое «догма» и «догматизмъ»—завланы теперь наиболѣе острые философскіе умы въ Европѣ. Замѣчательна, между прочимъ, книга Le Roy: «Dogmes et critique», этого тончайшаго и, въ смыслѣ клерикализма, коварнѣйшаго философа... Наши правотѣрные поклонники искусства, вродѣ г. Эллиса, или «мистическіе анархисты»—философіей, конечно, не занимаются, да и употребляютъ слово «догматизмъ» самымъ грубымъ образомъ, грубо смѣшивая съ «клерикализмомъ»... Мнѣ только казалось необходимымъ отмѣтить, что есть дѣйствительно опасныя слова, значеніе которыхъ было бы очень важно когда-нибудь выяснить.

Заговоривъ объ опасности словъ—хочу перейти прямо къ Бердяеву, оставить г. Эллиса. Да и что его еще тревожить? Онъ открылъ намъ все, что знаетъ и знаетъ. Во всей его статьѣ, вромѣ вышеприведенныхъ «обличеній» Бердяева и утвержденій, что «искусство»—цѣль, искусство должно быть свободно» и т. п.—ничего нѣтъ. Въ сознанію, какъ къ бердяевскому, «религіозному», такъ и вообще ко всякому, г. Эллисъ, подобно своимъ единомышленникамъ, не выразилъ никакого отношенія. Отношеніе же его къ искусству оказалось не только общезвѣстнымъ, но даже почти забытымъ, какъ забываются картинки дѣтской азбуки. Мы лишь изъ добросовѣстности пытались построить на этихъ банальностяхъ какое-нибудь, хоть ошибочное, міросозерцаніе. Вѣроятно же всего, что у г. Эллиса и у представителей его направленія вовсе нѣтъ никакого міросозерцанія: они считаютъ, что это совершенно лишнее для людей «чистаго, истиннаго искусства».

А Бердяева, при всей моей къ нему любви и уваженіи, мнѣ хочется упрекнуть за неосторожное обращеніе со словами. Уже не говоря о его терминахъ «мистическій реализмъ», «неохристіанство» и пр.—какъ опасно излюбленное имъ слово—«теократія!» Въ утвержденіи «теократія» Бердяеву грозитъ опасность внѣшне слиться, смѣшаться уже не съ лучшою маловѣдомыхъ міру, захудалыхъ «мистическихъ анархистовъ» (съ которыми онъ смѣшивается своимъ «мистическимъ реализмомъ») — нѣтъ, но съ группой людей болѣе значительныхъ и страшныхъ... Мнѣ психологически понятна угроза «клерикализмомъ», которую г. Эллисъ бросаетъ Бердяеву въ концѣ своей замѣтки: г. Эллисъ видитъ дѣло привычно, грубо,—понимаетъ его, *какъ есть*.

«Теократія»—въ точномъ смыслѣ «Боговластіе». Что же такое «бого-

власти?» Это значитъ (въ реально-историческомъ пониманіи)—*власть людей*, поставленныхъ, помазанныхъ на то Богомъ. Въ этомъ, повторяю, только въ этомъ смыслѣ понималось доселѣ слово «теократія», и только такою она была намъ показана въ исторіи. Чтобы съ правомъ употреблять это слово въ иномъ значеніи,—(какъ, я думаю, употребляетъ его Бердяевъ)—ему нужно бы не десять статей, а десять томовъ написать о теократіи. Да и этого, пожалуй, недостаточно; надо, пожалуй, теократію не доказывать, а показывать; надо ее, новую, сдѣлать такой же реальной, какою была сдѣлана старая въ исторіи.

А пока для этого не пришелъ срокъ—нельзя съ легкостью подъ старое слово подставлять новое понятіе. Надѣяться тутъ избѣжать недоразумѣній—это просто значитъ не считаться съ реальностью. А Бердяевъ, конечно, хочетъ считаться съ реальностью, иначе не отставалъ бы реальности и въ мистикѣ.

Мистика! Вотъ тоже слово, которое теперь повторяетъ каждый, и каждый вкладываетъ въ него свое содержаніе. Такъ оно стало обычно, что звучитъ прямой непонятностью...

Мнѣ кажется (да проститъ мнѣ философъ наивную смѣлость моихъ опредѣленій),—что мистика существуетъ реально лишь тогда, когда она уже заключена въ реальный кругъ религіи. Такъ что собственно «мистики», какъ чего-то отдѣльнаго, и не существуетъ; есть слово—безъ понятія, слово, которое нѣтъ нужды и употреблять. Бердяевъ борется, конечно, за эту настоящую мистику противъ пустого мѣста. Зачѣмъ же онъ говоритъ о «мистикѣ», а не прямо только о религіи, одно изъ свойствъ которой—мистика?

У Бердяева много *тактических* ошибокъ: онъ называетъ новое старымъ словомъ «мистика»,—словомъ изжитымъ, какъ «теократія». Надо быть смѣлѣе: что-жъ дѣлать? къ дѣйствительной мистикѣ *нѣтъ* путей черезъ то, что мы привыкли называть мистикой. Для чего же мы и устанавливаемъ верхнюю точку, центръ, какъ не для того, чтобы всегда отъ этого центра искать окружности, идти къ окружности, а не наоборотъ? Увы, они утѣшители, наши внѣшнія, скорыя, словесныя соглашенія съ людьми—но они обманны и никого никуда не двигаютъ, ничего не измѣняютъ, только запутываютъ; отъ нихъ надо умѣть отказываться.

Можно подумать, однако, что я дѣлаюсь врагомъ словъ и проповѣдую молчаніе. Да, я врагъ легкаго отношенія къ словамъ; но именно потому, что я—убѣжденный врагъ молчанія; потому что словамъ, рѣчи—этому необходимому и великому выявленію личности, этому ея воплощенію, ея реализаціи—я придаю почти несравненное значеніе. Слова человѣка—не созерцаніе, и не дѣйствіе: они стоятъ на рубежѣ между созерцаніемъ и дѣйствіемъ; отъ нихъ въ зависимости оба: и созерцаніе, и дѣйствіе; въ этомъ смыслѣ «отъ нихъ оправдаешься и отъ нихъ осудишься». Больше скажу: если выбирать между двумя опасностями,—опасностью словъ лишнихъ, неосторожныхъ, и опасностью молчанія—вторая страшнѣе. Не-бытіе

всегда страшнѣе бытія. Но этикъ я не хочу приуменьшить, затереть въ значительность и первой опасности. Не трусость передъ словами я привѣдую, но благоговѣйный страхъ въ сознаниі ихъ силы и великой важности, страхъ, который не долженъ никого останавливать передъ рискомъ, удерживать отъ риска, но долженъ придавать самому риску безкьерыстие и смиренное благородство.

Этотъ страхъ, это божественное, непрепобѣдимое «чувство жѣры» — всегда есть, между прочимъ, и у настоящаго «художника». Возвращаясь къ г. Эллису и декадентамъ, я хочу, чтобъ они вспомнили это, — или понамъ и сознали. И если такой высшій критерій можетъ быть названъ закономъ, если это одинъ изъ «догматовъ» истиннаго искусства, то не будетъ ли мы правы, утверждая, что и для искусства нѣтъ полной «свободы»? Нѣтъ свободы, — какъ беззаконія?

II.

Толстой и Плехановъ.

И. Толстой написалъ «Не убій никого». За границей эта статья была напечатана дѣлкомъ, въ русскихъ газетахъ съ пропусками, которые, впрочемъ, никому не помѣшали понять ея общій смыслъ.

Да вѣдь онъ и не новъ. Толстой ничего не прибавляетъ къ тому, что говорятъ уже много лѣтъ, и, можетъ быть, къ тому (это самое главное), что человечество знаетъ давно безъ Толстого, знаетъ съ незанятныхъ временъ. Древній, вѣчный законъ «не убій» не отрицаетъ и Плехановъ, который однако выступилъ противъ Толстого и его статьи, противъ лѣвыхъ газетъ, напечатавшихъ ее съ поспѣшностью. Не одинъ Плехановъ, многіе встали тогда на Толстого за его статью, а вѣдь и эти многіе, конечно, знаютъ, что Толстой правъ; слышали о вѣчности древняго закона «не убій».

Въ чемъ же дѣло? Значить ли, если правъ Толстой, что неправы упрямкающіе его?

Нѣтъ, не значить. Они такъ же правы, совершенно такъ же, въ тѣ же жѣры, какъ правъ Толстой. У Толстого настоящая правда, только и полная, — половина правды; у возражающихъ — другая половина. А неправда — между, неправда въ томъ, что двѣ половины отрицаютъ другъ друга, враждуютъ, считая себя, каждая — дѣльнымъ.

Толстой мнѣ страшень иногда, несмотря на правду его. Толстой такъ возненавидѣлъ міръ, такъ осудилъ его и, осудивъ, такъ безнадежно (рѣшилъ его, — что всякому, кто уходитъ съ Толстымъ, надо бы умереть отъ страха за міръ, а остающемуся въ мірѣ, съ міромъ, — умереть отъ страха за Толстого. Въ самомъ дѣлѣ, что намъ говорить Толстой?

Будьте совершенны. Сію минуту, сейчасъ, всѣ сдѣлайтесь, сразу, вѣщны совершенными. «Стоитъ только сговориться» — и вы все исполните. Вы можете исполнить, стать въ одинъ мигъ всѣ совершенными, вы тѣ же

не хотите. Это злая воля. Ваша человѣческая злая воля, одна, причиною тому, что міръ несовершенъ. Вы виноваты во всемъ. Если вы несчастны—вы наказаны достойно, если кто-нибудь еще счастливъ—это обманъ, несчастье придетъ. Всѣ осуждены безъ прошенія, потому что могли исправиться—и не хотѣли, и такъ и умираютъ несовершенными въ несовершенномъ, по ихъ винѣ и злой волѣ, міръ.

Толстой, который столько говорилъ намъ о любви,—въ сущности идетъ тутъ не только противъ любви, но, можетъ быть, противъ Высшаго Разума, Высшей Воли—противъ Бога. Вѣдь если «жизнь» есть достиженіе совершенства *во времени*, если такова была высшая воля,—Толстой, отрицая жизнь, исторію, *движеніе* къ совершенству—идетъ противъ Бога, въ котораго самъ вѣритъ.

Какъ могъ онъ не осудить «освободительное движеніе», если онъ осуждаетъ всякое, осуждаетъ все движеніе жизни? Его абсолютная правда—звѣзда, но онъ не только не указываетъ къ ней путей—онъ не хочетъ, чтобы къ ней былъ путь, онъ не любитъ ищущихъ пути, не вѣритъ ищущимъ. Онъ требуетъ, чтобы всѣ тотчасъ же и сразу очутились на этой звѣздѣ, а если нѣтъ—то всѣ равны, всѣ одинаково никуда негодны. Пропало человѣчество. Насмѣшка—исторія. Какъ были люди злы волей—такъ и остались. И какія основанія вѣрить, что завтра или послѣзавтра вдругъ наступитъ моментъ, когда всѣ люди сразу сдѣлаются совершенными, вѣрить, несмотря на длинную цѣпь прошлыхъ безплодныхъ дней? Это могъ бы развѣ безумецъ. Ужъ, конечно, не Левъ Толстой, уважающій не только высшій разумъ, но даже простой «здравый смыслъ»,—наставляющій на здравомъ смыслѣ. Толстой—величайшій пессимистъ нашего времени. И онъ не учитель, потому что онъ ничему не учитъ. Онъ только показываетъ намъ абсолютъ, цѣль, совершенство—и утверждаетъ непреходимую бездну, отдѣляющую человѣчество отъ этого абсолюта.

Съ высоты абсолюта—всѣ равны. Неразличимы отбѣнки, нѣтъ не только отдѣльных индивидуальностей, но даже исторической смѣны времени. Для утверждающаго: «Не убій никого», какъ законъ, которому слишкомъ давно надо было исполниться и который не исполнился лишь благодаря злонаравію людскому,—для него какая можетъ быть разница между убійствомъ—казнью и между убійствомъ—самоубійствомъ революціонера-идеалиста, между убійцей-воромъ и убійцей по нечаянности? О, конечно, ни малѣйшей. Мало того: если быть послѣдовательнымъ, то надо признать, что даже будущіе люди, не убивающіе людей, въ сущности, равны въ глазахъ Толстого людямъ теперешнимъ; пусть они и животныхъ не будутъ убивать: остаются растенія, остаются живые организмы, которыхъ убиваетъ наше тѣло. А вѣдь законъ—«не убій *никого*». Гдѣ же границы осужденію человѣчества? Нѣтъ границъ, потому что нѣтъ отбѣнковъ, нѣтъ времени. Для Толстого нѣтъ міра становящагося, нѣтъ переходовъ неабсолютнаго въ абсолютное. Есть проклятый міръ—и одиноко сіяющая надъ нимъ, недостижимая и безплодная, страшная для него—абсолютная правда. Царство Божіе,—но куда нѣтъ

пути людямъ, куда всё были званы, но званы точно въ насмѣшку, потому что ни одинъ не оказался избраннымъ.

Плехановъ видитъ движеніе жизни. Во имя этого движенія онъ востаетъ на Толстого—и тутъ онъ правъ. Грубо говоря, Плехановъ признаетъ «тактику» и «практику», то, отъ чего Толстой навсегда отвернулъ лицо. Можно бы взять и другой примѣръ,—я беру Плеханова почти случайно, узко, лишь какъ одного изъ возражавшихъ на данную статью Толстого. Плехановъ видитъ и признаетъ обыденную, поступательную работу въ реальной жизни. Я не сузу сейчасъ, вѣрна или невѣрна «тактика» Плеханова. Это другой вопросъ. Важно отмѣтить, что онъ каку-то тактику признаетъ, смотреть въ жизнь. Тутъ его правда, вѣрнѣе—половина правды; другая ея половина—у Толстого. Потому что, если Толстой владеть центръ тяжести въ абсолютъ, утверждаетъ цѣль безъ средствъ ея достиженія, то Плехановъ, съ своей стороны, заботится только о средствахъ, о движеніи... неизвѣстно куда, неизвѣстно къ чему. Можетъ быть, къ нѣсколькимъ, неопредѣленнымъ, попутнымъ цѣлямъ, во всякомъ случаѣ не къ абсолютной цѣли, такъ какъ никакой абсолютъ, съ точки зрѣнія Плеханова, недопустимъ.

И вотъ, у одного получается безцѣльное движеніе, у другого—недостижимая, а потому ненужная цѣль. Плехановъ съ миромъ, съ человѣчествомъ—противъ Бога, Толстой со своимъ Богомъ—противъ человѣчества и жизни.

Повторяю, я беру Плеханова очень узко, только въ его протестъ, данномъ,—противъ данной статьи Толстого. Плехановъ тутъ характерный выразитель множества, раздѣляющаго, въ общемъ, его міросозерцаніе и праведно возстающаго на Толстого за его отказъ отъ міра. Обѣ эти силы, столь противоположныя, сходятся лишь въ одномъ: въ полной безличности. Всякое безцѣльное міросозерцаніе—непрѣменно безлично; человѣческая личность, какъ абсолютная монада, не можетъ существовать для того, кто признаетъ лишь общее историческое движеніе человѣчества—движеніе для движенія; поэтому логически вѣличенъ Плехановъ. Но равно вѣличенъ и Толстой. Вѣдь онъ не видитъ даже разницы временъ,—какъ можетъ онъ отдѣлать одного человѣка отъ другого? Они оба совершаютъ то же дѣйствіе, они одинаково далеки отъ абсолютъ.

Меня удивляютъ тѣ, кто удивляется отношенію Толстого къ освободительному движенію. Онъ измѣнилъ бы себѣ, если бы отнесся къ нему иначе. А Толстому мѣняться поздно. Не въ упрекъ ему говорю,—а скорѣе въ упрекъ тѣмъ, кто требуетъ отъ человѣка, даваго въ своемъ безиѣрно много, еще чего-то, ему несвойственнаго и непосильнаго. При этомъ я вовсе не хочу сказать, что слѣдуетъ «забросать цвѣтами Ясную Поляну» за то, что Толстой далъ намъ такія великія художественныя произведенія, какъ предлагалъ Яблоновскій въ *Товарищѣ*, возражая на какую-то газетную статью противъ Толстого. Я считаю, что Толстой дѣлаетъ свое великое дѣло, утверждая съ такой искренностью и силой вѣчную правду вѣчной цѣли. Онъ не устаетъ повторять «не убій»—и онъ правъ. Потому

что вѣдь дѣйствительно... *убивать нельзя*. Если мы остановимся на формулѣ: человѣку нельзя убивать человѣка,—то ее несомнѣнно принимаетъ и Плехановъ, онъ ее вскользь и принялъ въ своей статьѣ... не обративъ, положимъ, на это особаго вниманія,—ибо тутъ ужъ нѣкая «цѣль», и она ему органически чужда. Ни Плехановъ, ни Толстой, ушедшіе каждый лишь въ свое, одинаково не видятъ и не чувятъ страшной, глубоко-реальной, жизненной антиноміи, которая такъ часто теперь встаетъ въ душѣ каждаго человѣка, начинающаго видѣть обѣ правды: и правду жизни, и правду ея смысла. Убивать нельзя... это вѣчно, это абсолютно, это непереступимо. Убиваютъ... это переступается, это было, это *еще* есть. Въ одной и той же душѣ, смятенной и окрыленной, кричатъ иногда два голоса: «нельзя... а можетъ быть, еще надо». Вотъ благодатнаго ужаса, которымъ полно столкновеніе «нельзя, и надо»—не видятъ ни Толстой, осуждающій всѣхъ во имя абсолюта, ни Плехановъ, готовый простить многое во имя безцѣльнаго движенія человѣчества. О, слишкомъ я знаю, что никакими словами нельзя заставить Плеханова повѣрить въ то, во что онъ не вѣритъ, какъ Толстого—увидѣть то, чего онъ не видитъ. А между тѣмъ это одно, такое явное для многихъ, могло бы утѣшить Толстого въ его упорномъ одиночествѣ. Неужели толстовское «нельзя убивать»—совершенно такой же внѣшній законъ теперь, какъ и въ тѣ далекія времена, когда онъ былъ данъ? Неужели трудно прослѣдить его постепенное вращеніе въ душу человѣческую, увидѣть не внѣшнее, а медленное внутреннее приближеніе человѣчества къ нему?

Ветхозавѣтный Давидъ, святой и пророкъ, отлично знавшій этотъ законъ и чтившій Бога, безъ всякихъ сомнѣній перепиливалъ однако тупыми пилами тысячи людей. У него въ душѣ было одно: «надо» и ни малѣйшаго «нельзя». А маленькій сѣрый человѣчекъ нашихъ дней, президентъ Фальеръ, менѣе всего святой и даже не занимающійся Богомъ, твердо милуетъ всѣхъ осужденныхъ на смертную казнь, твердо чувствуя, что ужъ казнить-то навѣрно больше «нельзя», и что касается открытаго, обдуманнаго, безцѣльнаго убійства одного—всѣми другими, убійства-казни,—то и антиноміи уже нѣтъ, не встаетъ рядомъ съ «нельзя» никакое «надо»; человѣчество, почти все, уже перешло тутъ извѣстную черту.

Было бы ошибкой принять то, что я говорю, за легкомысленный оптимизмъ. Путь человѣчества тѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе. Антиноміи ярче и мучительнѣе. Но путь, движеніе,—или есть—или нѣтъ. Что-нибудь одно. И я только говорю, что движеніе,—и движеніе по извѣстному уклону—есть. Хорошо ли это, или дурно, даже становится ли отъ этого человѣчество счастливѣе или несчастнѣе—вопросы посторонніе, которые могутъ обсуждаться отдѣльно. Я ихъ не касаюсь. Я здѣсь утверждаю только факты, реальность измѣненія внутреннихъ человѣческихъ переживаній. Многія изъ нихъ еще не воплощены: между осознанной волей и осуществленіемъ всегда лежатъ время. Но едва ли какое-нибудь истинное внутреннее переживаніе можетъ остаться внутреннимъ, не перейти въ міръ,—въ дѣйствительность.

Если бы Толстой, ослепленный сиянием своего абсолюта, могъ обернуться лицомъ къ людямъ, увидѣть ихъ,—онъ никогда не осудилъ бы ихъ огуломъ и, конечно, никогда не осудилъ бы «освободительное движеніе». Говоря, повторяя свою вѣчную правду «нельзя убивать никого», онъ всестаянъ понималъ бы глубочайшую пропасть, которая отдѣляетъ человѣка-звѣря, убивающаго въ безуміи, отъ человѣка, убивающаго умирая, въ мукахъ души между «нельзя—надо», и, наконецъ, этихъ обонхъ—отъ государственнаго убійства-казни, убѣжденнаго убійства многими—одного, безъ иной цѣли, нежели убійство само по себѣ.

Да, нельзя убивать. Да, убійство нельзя ни оправдать, ни простить. Но наше ли дѣло осуждать, прощать или оправдывать? Толстой забываетъ, что и онъ самъ—часть того человѣчества, которое онъ отвергъ. А только принявъ его сейчасъ во всемъ его несовершенствѣ, можно его понять, можно любить и можно повѣрять, что *будетъ* «Царствіе Божіе» на землѣ.

III.

Острая точка.

Очень много у насъ говорятъ теперь о «молодежи». Много, а можетъ быть, и слишкомъ мало. Болтаютъ скорѣе, а не говорятъ. Передъ литературной молодежью—то преклоняются, то ее осмѣиваютъ. Фактъ, что дѣти нашего времени внезапно, не по лѣтамъ, не по годамъ,—выросли, не только въ литературѣ, но и во всей жизни, этотъ фактъ или не замѣчаютъ, или его пугаются, кричатъ, бранятся и съ перепугу клеветуютъ. Отцы, впрочемъ, чрезвычайно склонны бояться своихъ дѣтей: трудно имъ взглянуться тутъ объективно, судить безпристрастно. А между тѣмъ взглядываться необходимо. Когда происходитъ общій переломъ жизни, одна изъ самыхъ острыхъ его точекъ—въ полосѣ юности. Кто они, какія они, эти сразу выросшія, среди обломковъ нашего быта, дѣти? Чего они хотятъ, какіе вопросы ихъ стали мучить, чѣмъ они страдаютъ—и страдаютъ ли? И смогутъ ли они жить, совершенно оторвавшись отъ прошлаго, одни, между собой, своимъ собственнымъ лагеремъ, враждебнымъ лагерю отцовъ?

Въ томъ-то вся и трудность, что надо бы раньше всего разбить эту взаимную враждебность,—а ее, кажется, разбить нельзя. Для этого надо было бы отцамъ отказаться отъ своей «отцовской» психологій, а дѣтямъ—отъ ихъ дѣтской. А это глубокій и общій переворотъ, и не достигается онъ единичнымъ усміемъ разума. Здѣсь замѣшано начало въразумно-родовое, начало стихійное и безличное. Дана именно *безличность* взаимныхъ отношеній, тогда какъ только отношенія личныя могутъ привести къ пониманію другъ друга. Спросите любого отца по совѣсти (сейчасъ говорю о родныхъ отцахъ и дѣтяхъ), развѣ для него сынъ—личности хотя бы только становящаяся? Нѣтъ, но прежде всего сынъ, и чаще всегъ только сынъ. Отецъ можетъ, притворяясь равнымъ (съ педагогическо-

цѣлю) — учить сына, но согласится ли онъ, что сынъ кое-что лучше знаетъ, дальше видитъ и можетъ поучить его? О, никогда. Отцы упрямы, независимо отъ ихъ тѣна, т.-е. не соглашаются ли они, запугивая, или не соглашаются запуганно, какъ старикъ Базаровъ у Тургенева. Въ обоихъ случаяхъ они ничего отъ сыновей не принимаютъ и ничего не понимаютъ.

Таковы родные отцы. Но развѣ у человѣка, имѣющаго психологію отца по отношенію къ своимъ дѣтямъ, не вырабатывается эта отцовская психологія и къ дѣтямъ вообще, къ юности, къ слѣдующему поколѣнію? Непремѣнно вырабатывается. Конечно, и «дѣтская» психологія не лучше; вѣдь и она равно безлична. Виноваты ли въ ней «отцы» — трудно сказать. Кто виноватъ? Да и есть ли тутъ вообще чья-нибудь вина? Не знаю. Я только изслѣдую фактъ, — несомнѣнный, — и его причины.

Плохо, что обѣ стороны винять другъ друга. Ужъ лучше бы имъ молча разойтись. Но молча уходить скорѣе дѣти, они свободнѣе, да и молодой самоувѣренности, иногда опрометчивой, у нихъ больше. Отцы, въ бессильномъ раздраженіи, въ искренней любви своей, можетъ быть, — или отвертываются, или преувеличиваютъ «ужасы» новыхъ взглядовъ молодежи.

Грубость статьи Меншикова «Зеленая опасность» безпримѣрна. Но на то онъ и Меншиковъ — единственный въ своемъ родѣ. Однако элементъ... не то что грубости, а негодующаго страха передъ иными «направленіями» молодежи, страха, сквозящаго и у Меншикова, встрѣчается повсюду. Страхъ этотъ не обоснователенъ... но бесплоденъ. Никакая педагогія, никакое внушеніе, напоминаніе о «вѣчныхъ, привычныхъ нравственныхъ законахъ» не убѣдитъ члена общества «Огарковъ» (если такое существуетъ) и не приведетъ его кающагося на грудь отца. По признанію самихъ «дѣтей», проповѣди кончались лишь тѣмъ, что отецъ кричалъ: «далтонистъ! Нравственный уродъ!» и хлопалъ дверью. Напрасно только дѣти жалуются на это, ставятъ отцамъ въ вину: «сердится, не хочетъ спокойно разсудить, понять»... Не не хочетъ, а не можетъ. И такъ оно и должно быть. О половой морали, наприимѣръ (а это самый острый вопросъ) — сыну съ отцомъ говорить не то, что «безнравственно», а просто невозможно; противно это самой природѣ человѣческой, ея тончайшимъ внутреннимъ ощущеніямъ.

Одинъ изъ нашихъ глубокихъ «плотовидцевъ», проникновенный учитель свойствъ рода и пола, В. Розановъ, — замѣчаетъ гдѣ-то, что родовое чувство — тоже чувство половое, и оно всегда обращено впередъ, никогда назадъ. Волны рода не текутъ вспять. Полъ сына, личный, долженъ быть отвращенъ отъ отца, сокрытъ отъ него, такъ же какъ и отцовскій — отъ сына. Сынъ и отецъ не могутъ бесѣдовать о вопросахъ пола и половой этики, какъ равные, не могутъ тутъ встрѣчаться лицомъ къ лицу: между ними ужъ есть полъ, — и полъ опредѣленный, законченный, безличный: родовая связь. Скрѣпляя ихъ — она вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ между ними непереступное разстояніе, утверждаетъ ихъ взаимное положеніе — на близкихъ, но разныхъ ступеняхъ лѣстницы.

О всяких обществах «Огарковъ», «Лови моментъ» и другихъ—много, конечно, напутано, наплутано и навьдумано: тутъ опять отцовскій страхъ, а у страха всегда глаза велики. Но несомнѣнно, что переломъ какой-то совершается, что молодость нашихъ дней, въ громадномъ большинствѣ своемъ, ищетъ новыхъ устоевъ внутренней жизни; а ихъ нельзя искать безъ коренного пересмотра старыхъ.

Опасны эти пересмотры... о, да. Но неизбѣжны, необходимы и желанны. Для молодежи они тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше она предоставлена самой себѣ, чѣмъ безнадежнѣе она порываетъ свою связь съ прошлымъ. А она иногда ее порываетъ всю, отчаявшись сговориться съ «отцами»... Да зачѣмъ съ ними сговариваться? Учитъ отцы ничему не могутъ, въ некоторыхъ вопросахъ нравственности даже и не должны,—но учиться у отцовъ, на отцахъ—должно и можно. «Я не пролетарій,—говоритъ Бердяевъ въ своей послѣдней книгѣ,—я дорожу наслѣдствомъ моихъ предковъ, наслѣдствомъ исторіи». Человѣкъ, вступающій въ жизнь и принципиально отказывающійся отъ этого наслѣдства, заранѣе, безъ пересмотра, рѣшающій, что тамъ нѣтъ ничего для него годнаго,—такой человѣкъ дальше «пролетарства» въ самомъ дурномъ смыслѣ, даже босячества, внутренняго хулиганства,—не пойдетъ. Пусть онъ и силенъ, пусть гениаленъ,—не пойдетъ. Онъ безъ корней, и никакой новой жизни ему не создать, да пожалуй и старой, какъ слѣдуетъ, не разрушить.

Разрывъ съ отцами—еще вовсе не отказъ отъ «прошлаго», и даже отнюдь не разрывъ непремѣнно со всѣмъ предыдущимъ поколѣніемъ. Молодежь не можетъ и не должна отказываться отъ живого общенія со своими современниками только потому, что они ихъ старше; нельзя запирается въ себѣ. Вѣдь иначе выходило бы, что опредѣленіе личности—ея возрастъ, или что вообще никакой «личности» нѣтъ, а есть особая породы людскія, одна до 20—24 лѣтъ, другая—свыше. Психологія «отцовъ»—не всеобщая психологія людей, прожившихъ извѣстное количество лѣтъ на свѣтѣ. Такъ же, какъ и «дѣтская»; чѣмъ ярче личность—тѣмъ слабѣе въ ней чувство родовое. Кромѣ того, мнѣ иногда кажется, что между «отцами» и «дѣтьми» всегда стоитъ, на самомъ переломѣ, какое-то третье поколѣніе. Это люди промежуточной ступени, люди свободные отъ обоихъ родовыхъ психологій, не «отцы» и не «дѣти», но одинаково видящіе и тѣхъ и другихъ. Они есть и въ литературѣ нашихъ дней (Какъ первый попавшійся примѣръ—приведу Ф. Сологуба). Вѣдь литература—кусочекъ все той же, сложной, жизни. Если это «третье» поколѣніе гораздо ближе къ «дѣтямъ», чѣмъ къ отцамъ, то потому, что съ «отцами» вообще нечего дѣлать, нечѣмъ вмѣстѣ заниматься: они неподвижны, имѣютъ что имѣютъ, у нихъ можно только брать, а сами они ни съ кѣмъ уже не идутъ.

Моя тема шире литературы. Меня сейчасъ занимаетъ духовная жизнь общей массы молодежи, а не одно отраженіе ея въ искусствѣ, не художественное творчество талантливыхъ представителей юнаго поколѣнія. Большинство не пишетъ, не печатаетъ, не имѣетъ опредѣленнаго таланта,—

а вѣдъ живутъ же они какъ-то, и умираютъ, и есть же между ними общность вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ они какъ-то стремятся, мучаются; можетъ быть, съ одинаково новой остротой встаютъ передъ ними эти вопросы, и чувствуется одинаковая потребность разрѣшать ихъ сызнова, по мному, не по-отцовски, а по-своему...

Литература—лишь одна изъ областей для изслѣдованія. Она помогаетъ изслѣдованію, но... надо выбирать изъ нея вещи наименѣе литературныя: онѣ цѣннѣе. Онѣ ближе къ жизни. Онѣ—почти человѣческіе документы, а это-то въ данномъ случаѣ намъ и важно. Блокъ, даже Городецкій, ихъ сборники стиховъ—характерны въ своемъ родѣ, но сейчасъ намъ ненужны. У Городецкого, помимо таланта, столько еще чистой литературщины, что до него и не доберешься. На немъ осѣла вся копотъ петербургской литературной среды. Леонидъ Андреевъ—и тотъ для данного случая интереснѣе. Хотя онъ, въ общемъ, сильно отсталъ отъ наиболѣе острыхъ переживаній молодежи,—но имѣетъ съ нею фактическую связь, и его «художественныя» произведенія, благодаря ихъ оголенности отъ литературы, ихъ откровенной, естественной неискренности—интереснѣе, документальнѣе Блоковъ и Вячеславовъ Ивановыхъ. А еще интереснѣе—тамъ и сямъ разбросанные отрывки подлинныхъ «рефератовъ» молодежи, беспомощныя, «понедѣльничныя» статьи въ «Руси», иногда неумѣло оправленные въ литературную форму разсказа, «Записки», «Исповѣди», вродѣ недавно вышедшей въ Москвѣ книжечки «Антихристъ»... Именъ я не называю, не въ именахъ тутъ дѣло. Важно, что при полной разности личностей и даже самыхъ переживаній—несомнѣнно есть между ними какая-то глубокая общность. Конечно, если вопросы, которыми заняты теперь люди, начинающіе мыслить и жить,—коренные и серьезные—то они извѣстны: такихъ вопросовъ немного; они неперемѣнно касаются которой-нибудь изъ трехъ,—если не всѣхъ трехъ,—частей нашего бытія: личности, или пола, или общности. Но вопросы эти всегда встаютъ въ новомъ освѣщеніи... Каждая эпоха имѣла свои рѣшенія, годныя лишь для нея. Слѣдующая ищетъ своихъ.

Нашъ недавній уклонъ къ индивидуализму несомнѣнно подготовилъ самыя крайнія и яркія личныя переживанія, о какихъ разсказываетъ намъ хотя бы авторъ девятнадцатилѣтняго «Антихриста».

— Что мнѣ дѣлать съ собою? Что такое «я»? Я какой-то абсолютъ. Христось я или Антихристъ?

Это совсѣмъ не смѣшно. Это—обыкновенно, скажутъ мнѣ. Да; и очень важно, что это *стало* обыкновенно. Конечно, и Толстой въ свое время переживалъ острую внутреннюю трагедію, помышлялъ о самоубійствѣ, спрашивалъ, «что же такое я?», говорилъ, что жить нельзя, не рѣшивъ ничего о «я». А потомъ, однако, остался жить, не рѣшивъ или такъ рѣшивъ, что его рѣшеніе теперь никого уже не удовлетворитъ. Но это былъ Толстой, т.-е. именно не обыкновенный человѣкъ... тогда какъ авторъ «Антихриста»—самый обычный юноша, изъ десятка, а можетъ

быть, изъ тысячи... Это я говорю не потому, что знаю его или не знаю—нѣтъ, сама книжка кричитъ объ этомъ, каждая страница ея—ликъ и одного, а многихъ такихъ же, такъ же томившихся смертною тоскою о себѣ, о своемъ «я», о которомъ, «если не рѣшить, что оно такое—жить нельзя». Герой въ «Запискахъ друга» (Русь)—родной братъ Антихристу. «Записки» эти, конечно, сочинены, другъ вымышленъ, никто не застрѣлился. И всѣмъ «сочиненія» никакого нѣтъ, все-таки это подлинный документъ. Искусство чаще всего говоритъ намъ о томъ, что «могло бы быть» или «должно бы быть», но чего, можетъ быть, и нѣтъ; при отсутствіи же искусства—ли ровно ничего нѣтъ, или, въ рассказанномъ, черезъ слова, мы ощущаемъ реальную подлинность бытія. Оно, можетъ, и не должно быть,—но оно непременно было и есть, сейчасъ, въ эту минуту. Выдуманный «другъ» непременно все это пережилъ, продумалъ, и, возможно, въ эту самую минуту готовить револьверъ, черезъ полчаса застрѣлится. Убивать ему себя по самому ходу переживаній, нѣтъ никакой логической нужды; но и онъ дышитъ жизненною, неслѣдственной правдой: такъ именно *было*, но такъ не *сочиняютъ*.

Здѣсь же, кстати, упомянемъ—хотя это и кажется страннымъ,— последней повѣсти Л. Андреева—«Тьма». Какъ ни «сочиняетъ» этотъ очень способный литераторъ—его «документальность» перевѣшиваетъ его талантъ. Сочинительство, правда, лишаетъ героевъ Андреева полной реальности бытія. Мы не вѣримъ, что террористъ сидитъ гдѣ-нибудь въ клубничномъ доми, и напротивъ вѣримъ, что сейчасъ «другъ» застрѣливается, а юный «антихристъ» кричитъ извозчику: «вези меня къ дѣвкамъ!» В голое, психологическое касанье къ вопросу—у Андреева очень вѣрное, и опять къ тому же вопросу «о себѣ», о томъ, «что я такое» и «что нѣтъ съ собой дѣлать». Хорошій я? Плохой я? Какимъ мнѣ быть? Хорошимъ или плохимъ?

Андреевъ, конечно, запутался въ собственныхъ сѣтяхъ съ перваго шагу онъ не знаетъ, ни что зоветь хорошимъ, ни что плохимъ; взявъ эти нити очень легкомысленно—онъ рѣшаетъ, что хорошимъ можно быть, ставъ плохимъ. Но вѣдь намъ неинтересны его рѣшенія.

Острота переживаній вопроса «о личности» неизбежно толкаетъ къ столь же острой постановкѣ и слѣдующаго вопроса: о полѣ. «Я» слышится; «я» встрѣчается съ «ты». Загадка о внутреннемъ смыслѣ первой любви и половыхъ отношеній можетъ приобрести громадную важность. И мы видимъ, какое значеніе имѣетъ этотъ вопросъ въ глазахъ молодежи. О вопросѣ третьемъ и последнемъ,—общественномъ,—и говорить не мнѣ. Слишкомъ врѣзался онъ въ нашу жизнь, слишкомъ ясно для всѣхъ что онъ-то ужъ не обходится стороною.

Если бы это были одни разговоры, еслибы сущность вопросовъ (да и самаго времени нашего) была такова, что все сводилось бы къ однихъ философскимъ размышленіямъ и опредѣленіямъ—дѣло бы, конечно, о степило иначе. Но это не одни разговоры. Опредѣленіе «что я такое» гот-

часть же тянетъ за собою другой вопросъ: «что мнѣ дѣлать», то-есть вопросъ морали, жизненнаго дѣйствія, поведенія. Тройственная мораль: личная, половая и общественная—немедленно вступаетъ въ свои права. Жизнь стучится въ двери кабинета, и волей-неволей каждый «философствующій» — не философствуетъ отвлеченно.

«Мы не хотимъ ничего принимать безъ провѣрки», — заявляетъ молодежь. И это очень хорошо, если только это правда, это очень важно, и хотя, повторяю, страхъ «отцовъ» имѣетъ свои основанія, — было бы гораздо хуже, если бы дѣти соглашались на все «безъ провѣрки».

Программа молодого общества (не знаю, какъ оно велико), намѣченные вопросы, темы рефератовъ и даже сами рефераты — въ сущности ничего «ужаснаго» не представляютъ. Напримѣръ, вопросъ о націонализмѣ только фарисейскому сердцу Меншикова могъ показаться «предѣломъ разврата»; вѣдь онъ даже завопилъ: «домъ горитъ!» Съ его дубровнянско-союзной точки зрѣнія, конечно, «развратъ», что «мальчишки» рассуждаютъ о націонализмѣ вообще, да еще о Россіи въ частности. А между тѣмъ сама постановка вопроса у «мальчиковъ» даже и не особенно нова. Къ рѣшеніямъ окончательнымъ они не приходятъ, но спрашиваютъ: «не есть ли назначеніе Россіи — погибнуть, сказавъ свое новое слово міру?»

Это лишь одна изъ вариаций опредѣленія Россіи, какъ «народа-богослужителя». Помнится, не разъ поставленный такимъ образомъ вопросъ проскальзывалъ въ литературѣ. Самъ Достоевскій могъ бы, пожалуй, счесть его ересью, но никакъ не развратомъ. Даже если рѣшить этотъ вопросъ утвердительно, то мораль, изъ такого рѣшенія вытекающая, еще не будетъ моралью голаго разрушенія: вѣдь надо же думать и о созданіи «новаго слова», сказавъ которое, должна «погибнуть» Россія.

Это частный примѣръ, конечно, но не думаю, чтобы и другіе общественные вопросы ставились молодыми кружками въ какомъ-нибудь болѣе «страшномъ» видѣ... Отношенія пола и семейныя, общепризнанные законы этическіе обсуждаются въ молодыхъ кружкахъ съ наибольшимъ вниманіемъ. Члены ихъ признаются: «что бы мы ни обсуждали, мы всего чаще сбивались на вопросы половой морали». И прибавляетъ, подтверждая сказанное мною выше: «ужъ объ этомъ-то съ отцомъ никакъ нельзя говорить. Сейчас же уйдетъ, хлопнувъ дверью». Да, но не слѣдуетъ за это осуждать отца, а помнить, что такъ оно и должно быть.

Вопросы половой морали и, тѣсно связанные съ ней, вопросы морали вообще — самая острая, но, конечно, и самая опасная для молодежи точка. Положеніе трудное: ни съ отцами говорить нельзя, ни тѣсно между собою ничего тутъ рѣшить нельзя. Какъ не придти людямъ, полнымъ юношеской смѣлости, неустойчивымъ, не имѣющимъ, конечно, даже серьезной философской подготовки, къ легкому выводу: «не нужно никакой морали». Имъ преподносятъ готовые нравственные законы, общіе, большею частью безличные, базированные на чувствахъ стихійно-родовыхъ, зачастую дѣйствительно непріемлемыхъ. На коренной ихъ пересмотрѣ, на отдѣленіи въ

нихъ вѣчнаго отъ ветхаго—не у всѣхъ еще есть силы и средства. Какъ легко тутъ крикнуть: «долгой старую мораль. Не надо никакой морали. Все позволено!»

«Мы, подростки, страдаемъ гипертрофіей *последовательности*», чуть-чуть хвастливо заявляетъ одинъ изъ членовъ молодого кружка. «Можетъ быть, наша последовательность есть общее свойство молодости, можетъ быть, она привита математикой и чистыми науками, но во всякомъ случаѣ она спасаетъ насъ отъ противнаго лицемерія и фарисейства».

О, да, спасала бы, существуя она дѣйствительно,—и не только отъ фарисейства и лицемерія (кто сомнѣвается въ искренности большинства молодежи?), а еще отъ многого и многого. Но авторъ приведенной цитаты неумышленно льститъ себѣ и своимъ единомышленникамъ: последовательности-то какъ разъ у нихъ и нехватаетъ. Вотъ это «долгой старую мораль! Не надо никакой морали!»—и оно уже недостаточно последовательно. Изъ того положенія, что плохо, неприемлема *старая* этика—еще нельзя вывести, что плохо и неприемлема *всякая*. Кроме того, это произвольное, хотя тоже догматическое, *отрицаніе* напрасно противопоставляютъ прежнему—всетаки *утвержденію*. Ни одинъ положительный догматъ, какъ бы онъ ни былъ старъ, не можетъ быть побѣжденъ голымъ его отрицаніемъ. Новый а-морализмъ безсиленъ передъ старой моралью. Онъ ее не разрушить, даже не поколеблетъ. А-морализмъ, собственно, никакого и отношенія не имѣетъ къ морали, къ старой, къ новой,—къ какой угодно. Мораль, въ самомъ точномъ смыслѣ, непремѣнно дѣло лично-общественное. Дѣло отношеній моего «я» съ другими людьми, съ міромъ,—съ «не-я». Въ какой мѣрѣ преобладаетъ начало стихійно-безличное надъ личнымъ въ старой морали,—это другой вопросъ. Такъ или иначе, но она не вполне, не сплошь только безлична. А-морализмъ же вполне и только личенъ, безъ потенцій общаго, общности. Формула «все позволено», провозглашеніе «все всѣмъ позволено»—чистѣйшій абсурдъ. Самое слово «позволено», (къмъ?)—уже не вяжется съ понятіемъ а-морализма. А-морализмъ, отрицающая мораль, отрицаетъ, если онъ последователенъ, всякое отношеніе моего «я» къ «не-я», т.-е. отрицаетъ «не-я». А-морализма, въ противоположность морализму, не существуетъ. Есть а-моралисты. Провозглашая, что «все всѣмъ позволено», въ видѣ «новаго закона», говорить: «пусть будетъ отнынѣ все всѣмъ позволено»—это значить, въ сущности, играть на звукахъ. Даже не а-моралисты есть, но а-моралисть. Свое чувство, или ощущеніе, или убѣжденіе онъ могъ бы выразить, самое большее, въ такихъ словахъ: «я намѣренъ поступать каждый разъ такъ, какъ на этотъ разъ мнѣ будетъ хотѣться». И только. Онъ можетъ и этого не объявлять, совсѣмъ не выражать своего чувства. Никому до него никакого внутренняго дѣла нѣтъ, такъ же какъ и ему нѣтъ ни до кого, даже до рядомъ стоящаго, другого а-моралиста.

Это самые отвлеченные люди въ мірѣ, а-моралисты. Вступая въ реальную жизнь, они тотчасъ же сталиваются фактически съ «не-я», котораго

не признають, а потому немедленно вступаютъ въ компромиссъ со своимъ убѣжденіемъ. Измѣняютъ ему, не исполняютъ принятаго намѣренія «поступать каждый разъ такъ, какъ захочется». Реальное «не-я» то и дѣло мѣшается, и не только «каждый разъ», а, можетъ быть, изъ десяти въ одинъ едва удастся а-моралисту поступить по «хочется». И живетъ онъ всетаки по морали, по какой-то «линии поведенія», не по своей, правда, но по чужой, а это, пожалуй, еще хуже. Теорія его отвлеченна, къ жизни неприменима,—и онъ живетъ... по случаю. А-моралисту, этому крайнему, предѣльному индивидуалисту, чтобы быть до конца послѣдовательнымъ, надо застрѣлиться. Вотъ логическій выводъ.

Молодые члены кружка могутъ возразить мнѣ: но мы вовсе не желаемъ доходить до конца. Мы только не хотимъ никакихъ запрещеній, мы не даемъ никакихъ обѣщаній, но мы желаемъ «prendre notre bien où nous le trouvons». Мы согласны жить «по случаю».

Если такъ—дѣло другое. Но если такъ—не стоило и говорить о послѣдовательности. «Честные», послѣдовательные а-моралисты должны, какъ мы видѣли, неминуемо придти къ самоубійству или къ абсурду. Что же сказать о «нечестныхъ», о тѣхъ, кто останавливается на полдорогѣ, исповѣдуя: «nous prenons notre bien où nous le trouvons?» Что—они?

Да они совсѣмъ не а-моралисты. Фактически—это дѣти, вполне похожія на отцовъ, не ушедшія ни на шагъ, ни на одну пядь впередъ. Неужели секретъ, что лозунгъ, громко произносимый теперь дѣтьми «prendre son bien» и т. д.—былъ всегда главнымъ—сердечнымъ и тайнымъ—лозунгомъ и «отцовъ»? Они при этомъ морализируютъ, дѣти а-морализируютъ, но не все ли равно? Дѣти говорятъ, что хотятъ дѣлать, какъ жить,—отцы совершенно такъ же дѣлали и жили, но молчали.

Вся разница къ этому только и сводится. Было общее старое правило—скрывать, теперь новое общее правило—не скрывать. И еще надо вникнуть въ смыслъ обоихъ правилъ, прежде чѣмъ предпочесть которое-нибудь.

Вѣчные, истинно человѣческіе, нравственные законы въ той же мѣрѣ далеки отъ сознанія дѣтей, какъ были отъ сознанія отцовъ. Ничего новаго дѣти пока не открыли. Но они обнажили старое, тайное. Что это значитъ? Лицемеріе, ложь—разрушены. Да, но въ старомъ прикрываніи не было ли, кромѣ дурного лицемерія—хорошаго стыда? Не было ли подсознательнаго чувства, что существуетъ какая-то настоящая нравственность, истинные ея законы, которымъ жизнь не соответствуетъ? Все равно чѣмъ—но надо прикрыть это несоотвѣтствіе, затаять... У дѣтей же нѣтъ стыда. Значитъ ли это, что они не чувствуютъ несоотвѣтствія, внутренней дисгармоніи между своими желаніями и своею жизнью? У нихъ нѣтъ стыда. А что, если эта потеря стыда, это обнаженіе и заголеніе,—послѣднее заголеніе покойничковъ Достоевскаго въ рассказѣ «Бобокъ»?

«Ахъ, какъ интересно, ахъ, давайте ничего не стыдиться. Когда же мы начнемъ не стыдиться?» Покойничкамъ нечего было терять, все равно

через два-три мѣсяца имъ предстояло «уснуть» уже навѣки, а «состѣннимъ милосердіемъ» они воспользоваться не желали...

Неужели у нашей юности, у новыхъ а-моралистовъ, у членовъ «молодого кружка»—та же покойничья психологія? Страшныя мысли...

Но онѣ несправедливы, слава Богу.

Вѣдь самый а-морализмъ—только легкая струя этого теченія. Вѣроятно, въ литературѣ она ярче, нежели въ самой жизни. Нѣтъ никакихъ рѣшеній, никакихъ еще отвѣтовъ у молодежи: только вопросы, и вопросы важные, настоящіе, остро поставленные...

Главнѣйшій признакъ того, что наша молодость дѣйствительно живетъ, дѣйствительно смотритъ дальше отцовъ и можетъ создать новые устои жизни, это—ея страданіе. Покойнички въ Боббѣ нисколько не страдали, и крайности были довольны собою и своимъ положеніемъ. А я врядъ ли ошибусь, предположивъ, что всѣ, сплошь, за немногими исключеніями, въ выросшія «дѣти» нашихъ дней—переживаютъ безпримѣрно-глубокую трагедію личности; рѣдная изъ этихъ трагедій видна: сколько ихъ такъ и кончается въ подпольи! И, конечно, это не только трагедія «о личности», это общій трагическій узелъ, завязывающійся пока только въ личности, и съ которыми одинокая, не дошедшая до своего полного развитія личность часто не можетъ справиться. Однородное, схожее страданіе у многихъ, хотя каждый изъ этихъ многихъ еще одинокъ. Подлинное страданіе у автора «Антихриста», подлинная мука у сочиненнаго, будто бы, студента въ «Запискахъ друга». И страданье воистину смертное. «Записки» выдуманы, студентъ не застрѣлился... а мы, вотъ, знаемъ же, чувствуемъ, что онъ застрѣлился, и сейчасъ стрѣляется, самымъ дѣйствительнымъ и реальнымъ образомъ, въ комнатѣ четвертаго этажа, на Забалканскомъ, ходъ со двора... И еще кромѣ него, въ Харьковѣ, гимназистъ четвертаго класса, сынъ достаточныхъ родителей... И еще—да что ихъ называть! Завтра въ газетѣ прочтемъ краткое сообщеніе, если попадется на глаза.

«А попечитель учебнаго округа даже не знаетъ о невѣроятномъ гнѣствѣ самоубійствъ среди молодежи». Такой до грубости наивной фразой обмолвился недавно одинъ изъ членовъ «молодого кружка». Ужъ не вѣрнѣ ли это? Причемъ тутъ попечитель? Если бы все дѣло было въ томъ, что педагогическое начальство плохо—то, ей-Богу, не стоило бы все это ни серьезнаго вниманія, ни разговоровъ. Оставляю вышеприведенную фразу на совѣсти автора.

Нѣтъ, дѣло касается не столько министерства народнаго просвѣдѣнія, идъ, сколько всѣхъ думающихъ и чувствующихъ людей нашего переломнаго времени. Вопросы, которые съ такой мукой, съ такой новой остротой таются передъ молодежью, вѣчные, неразрѣшенные—но непремѣнно разрѣшаемые каждымъ временемъ въ мѣру общаго сознанія. Подрастающее поколѣніе, юность, предоставленная себѣ одной, съ ними не справится. Имъ ее задавать.

Гдѣ же люди? Не отцы только, но люди, личности? Чѣмъ они заняты? Какими «дѣлами»? Внѣшней культурной постепенщиной? Или безъидейной наукой? Или внѣ-идейной революціей? Или просто спать?

Увы, безумцы! «Домъ горить», но не тотъ, гдѣ живутъ молодые, а ихъ. И даже не горить, а тлѣть; даже не тлѣть, а просто гнѣть. Но рухнетъ непременно.

Все, что живетъ внѣ живыхъ мыслей—обречено на разрушеніе, обращено къ прошлому. Внѣ мыслей—или, какъ говорили прежде, внѣ идей,—нѣтъ движенія исторіи, движенія истинной культуры.

Страданья, ошибки, борьба юнаго поколѣнія нашего обращены къ будущему,—потому что это страданья живыхъ людей и трепеть живыхъ мыслей.

З. Гиппиусъ.

На разные темы.

Крушение „направленства“.—Религиозный максимализм.—От народнического максимализма къ хамскому поруганію народа.—Къ характеристикѣ Н. К. Михайловскаго.

Нашъ журналъ въ нѣкоторыхъ кругахъ принято считать «кадетскимъ» ежемѣсячникомъ, на томъ основаніи, что редакторами его состоятъ два члена партіи, принимавшіе и принимающіе участіе въ активной политикѣ, и что среди ближайшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ его значатся люди, имена которыхъ тѣсно связаны съ партіей народной свободы и ея работой. Но я лично долженъ сказать, что для меня идея «партійнаго» толстаго журнала представлялась бы весьма странной и прямо несчастной.

Время «партійныхъ» и даже «направленскихъ» журналовъ, думается мнѣ, прошло. По умственной косности, по извѣстному идейному консерватизму они могутъ имѣть еще наибольшій успѣхъ въ кругахъ интеллигенціи, посвящающей свои досуги серьезному чтенію, но внутренно они жертвецы.

О «партійномъ» характерѣ не только беллетристики, философіи, литературной критики, но даже сколько-нибудь углубленной, сколько-нибудь философской публицистики странно говорить. Партія есть цѣнное и необходимое орудіе политической работы, но этотъ инструментъ имѣетъ свое опредѣленное назначеніе, подгибать подъ которое невозможно даже идейную работу и въ области политики.

Такая идейная работа должна раскрывать новые горизонты, которые часто невидимы для «партійнаго» взора, проглядывать новые пути, по которымъ еще не можетъ шествовать такая тяжеловѣсная и громоздкая «машина», какой неизбѣжно является всякая партія.

Въ области творчества неполитическаго это уже окончательно ясно. Въ философіи или религіи, какъ они могутъ твориться современнымъ человѣчествомъ, не можетъ и не должно быть мѣста «партійности». Но русская національная литература—литература въ обширѣйшемъ смыслѣ—и въ томъ числѣ наша журналистика должна не только не укладываться въ новыя рамки партійности; она должна разорвать и старыя, традиціонныя узы «направленства».

Какъ сложилось «направленство» въ нашей литературѣ, рассказать объ этомъ значило бы въ известномъ смыслѣ написать исторію русской мысли, если угодно, русской интеллигенціи за послѣднія сто лѣтъ. Тутъ дѣйствовали общія условія, вездѣ и всегда играющія роль, осложняемыя условіями специфически русскими. Но въ настоящее время, когда условія русской печати въ сферѣ высказыванія *идей* кореннымъ образомъ измѣнились, воинствующее «направленство» и соответствующая ему идейная нетерпимость стали явленіемъ прямо смѣшнымъ. Какъ бы, напримѣръ, редакторы *Русской Мысли* ни относились къ тому движенію, которое, подъ именемъ религіозно-философскаго, захватило известные круги русскаго общества, съ ихъ стороны такъ оберегать читателей своего журнала отъ этого «направленія» мыслей и умовъ, какъ въ свое время *Современникъ* оберегалъ своихъ читателей отъ Юркевича, а *Русское Богатство* отъ Волинскаго,—было бы смѣшной и уродливой претензіей. То же относится и къ разнымъ видамъ социалистической мысли. Когда эта мысль выступаетъ не какъ продуктъ идейной работы, а какъ навязывающій себя приказъ партійнаго начальства или какъ установленный «образецъ», ей конечно не мѣсто на страницахъ журнала, служащаго выработкѣ идей и культуры. Но когда она является *мыслью*, работой ищущаго духа, она необходимая участница въ общемъ культурномъ творествѣ.

Мнѣ могутъ сказать, что подобныя различенія и разграниченія весьма текучи и весьма условны. Но дѣло здѣсь не въ формулѣ разграниченія, а въ живомъ пониманіи той черты, которая отдѣляетъ свободное общеніе съ читателемъ и между собой разныхъ ищущихъ писательскихъ индивидуальностей отъ веденія читателей писателями на помочахъ единосопающаго «направленія» или, еще хуже, партійной доктрины.

То, что я высказываю, не есть вовсе проповѣдь безпринципности или индиферентизма. Разница между *Современникомъ* 60-хъ гг. и современнымъ идейнымъ журналомъ не въ томъ, конечно, что у Чернышевскаго и его товарищей было свое міросозерцаніе, а у новѣйшихъ писателей его нѣтъ. Міросозерцаніе не есть догма. У пишущаго эти строки есть сильнѣйшее оттапливаніе отъ всякаго догматизма и скептическое отношеніе ко всякой притязающей на абсолютное значеніе догмѣ. Но вѣдь это оттапливаніе отъ догмы есть своего рода міровоззрѣніе, пронизанное крѣчайшими убѣжденіями.

Такое недогматическое міросозерцаніе, конечно, есть прежде всего фактъ, фактъ историческаго развитія человѣческаго духа. Были ли «догматы» у Гете, у Шелли, у Герцена, у Ренана, у Ибсена, у Ницше? И въ то же время оно есть глубочайшая и—да позволено будетъ такъ выразиться—жесточайшая философская проблема духовнаго бытія современнаго чловека вообще и русскаго въ частности. Посмотрите кругомъ себя. Старое «направленство» рушилось. Но въ то же время именно за самое послѣднее время русскіе люди стремительно перешли отъ догматизма «позитивистическаго» разныхъ отбѣнковъ къ догматизму «новаго религіознаго созна-

нія». *Русская Мысль* охотно удѣляетъ этому направленію мѣсто на своихъ страницахъ. Нашимъ читателямъ, конечно, памятны статьи Д. С. Меражковскаго и Н. А. Бердяева, наконецъ, умная и тонкая защита догматизма у Д. В. Философова въ его статьѣ «Весенній вѣтеръ» *). Во имя дѣйствительнаго догматизма воли тотъ же писатель на этихъ дняхъ въ ежедневной печати обрушился на увлеченіе русской интеллигенціи госпожами Дунканъ и Дузе **). Отъ этой статьи на многихъ читателей пахнуло духомъ 60-хъ гг. съ ихъ «разрушеніемъ эстетики» или 70-хъ гг. съ ихъ проповѣдью «долга интеллигенціи передъ народомъ». Даже корректно-радикальная, но не вполне свободная отъ современныхъ настроеній и вѣяній редакція *Столичной Почты* сочла нужнымъ сопроводить статью Философова редакціонной оговоркой. Изъ читательскихъ круговъ она вызвала недоумѣвающей откликъ ***). Видно, что призывъ къ догматизму, хотя бы и новому, встрѣчаетъ какой-то отпоръ въ душахъ современныхъ русскихъ людей.

А въ то же время волны догматизма растутъ. И самымъ высокимъ гребнемъ ихъ является идейный, или религиозный максимализмъ нашихъ непримиримыхъ христіанъ. Съ нѣкотораго времени кружокъ лицъ, группирующихся около В. П. Свѣнцицкаго и В. Ф. Эрва, издаетъ свой органъ *Живая Жизнь*, изданіе чрезвычайно живое, руководители и сотрудники котораго подкупаютъ искренностью и тѣмъ внутреннимъ благородствомъ, котораго такъ мало въ нашей журналистикѣ. Даже когда они становятся грубы,—какъ, напримѣръ, грубъ по отношенію къ В. В. Розанову и, въ особенности, къ кн. Е. Н. Трубецкому В. П. Свѣнцицкій въ своей «защитѣ максимализма Бранда» ****)—эта грубость не злая и не мелкая, не пошлая, а, при всей своей жестокости, какая-то дѣтская.

Религиозный максимализмъ, провозглашающій: «*все или ничего*» и во имя этой формулы защищающій максимализмъ политическій и социальный отъ критики «постепенства», «обновленства» и «примиренства», ставитъ проблему догматизма во всей ея рѣзущей до боли остротѣ. Статья г. Свѣнцицкаго озаглавлена: «Въ защиту «максимализма Бранда». Ибсеновскій герой служить какъ бы живымъ образомъ, воплощеніемъ того способа отношенія къ жизни и міру, который дорогъ нашимъ религиознымъ максималистамъ, которымъ они желаютъ регулировать все свое поведеніе.

Вопросъ о максимализмѣ, понимаемомъ въ такомъ смыслѣ, есть морально-философская проблема. Для нея нечего было русской публикѣ воспроизводить Ибсеновскаго Бранда въ яркомъ изображеніи Московскаго Художественнаго театра.

У насъ былъ свой живой Брандъ, могучій и безконечно милый всѣмъ намъ, Левъ Толстой. Что онъ такое, какъ не моральный максималистъ? Проблема Бранда въ области нравственнаго дѣянія давно поставлена пе-

*) *Русская Мысль*, 1907 г., декабрь.

***) *Столичная Почта*, № отъ 31-го января.

****) Письмо въ редакцію М. В. Х. въ № отъ 2-го февраля.

*****) *Живая Жизнь* № 2 за 1907 г. (отъ 20-го декабря).

редъ русскимъ обществомъ Львомъ Толстымъ. Гдѣ же ключъ къ рѣшенію этой проблемы? Въ чемъ правда, въ жестокихъ ли словахъ: «все или ничего!» или въ «примиренствѣ»?

Въ качествѣ человѣка, который не притязаетъ давать заповѣди, для всѣхъ непреерекаемо - обязательныя, я могу черпать отвѣтъ на этотъ вопросъ только изъ своего душевнаго опыта. Но пусть читатель не подумаетъ, что я буду дѣлиться съ нимъ какими-либо автобіографическими, интимными подробностями. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что все, что я буду говорить ниже, будетъ философскимъ итогомъ «пережитого». Съ объективной точки зрѣнія созданія и накопленія культуры идейный максимализмъ такъ же нуженъ, какъ и противоположный способъ отношенія къ міру и жизни. Это такъ ясно, что на этомъ не стоитъ останавливаться. Въ культурной цѣнности творческаго догматизма не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но рѣчь идетъ не о культурной цѣнности тѣхъ или иныхъ человѣческихъ «способовъ», а объ ихъ непосредственномъ моральномъ оправданіи.

Я думаю, что максималистомъ человѣкъ можетъ, вѣрнѣе, имѣть право быть только для себя и внутри себя. Всякая же проповѣдь максимализма, адресованная къ другимъ, есть догматическое изувѣрство (моральнаго или иного) деспотизма, если, что еще хуже, она не покрываетъ собой лицемерія.

Но и для себя, или внутри себя человѣкъ не можетъ, не уродуя себя и не насильничая надъ другими, быть максималистомъ всегда и сплошь. Максимализмъ законенъ только какъ *одно* изъ настроеній въ творческой борьбѣ за свою личность.

Таковы границы максимализма. Всякій человѣкъ, пережившій какую-нибудь сложную душевную борьбу и оставшійся послѣ нея свободнымъ, *долженъ*, мнѣ кажется, ощущать это. Замѣчательно, что именно это и вложилъ Ибсенъ въ своего «Бранда». Въ «Брандѣ» нѣтъ никакой «морали», никакого «вывода»; его философское содержаніе «пережито» Ибсеномъ.

Я приведу—не въ качествѣ историко-литературной справки, а чтобы показать, чѣмъ можетъ быть максимализмъ для современнаго человѣка—нѣсколько мѣстъ о Брандѣ изъ переписки Ибсена *).

11 июня 1870 г. онъ писалъ г-жѣ Лаурѣ Петерсонъ: «Брандъ»—всецѣло произведеніе поэтическое, и ничего больше. Насколько оно оказалось въ состояніи «разрушить или создать что-либо», меня совсѣмъ не касается. Явилось оно въ свое время результатомъ кое-чего пережитого, но не прожитого; мнѣ было необходимо путемъ поэтическаго воспроизведенія освободиться отъ того, съ чѣмъ я въ глубинѣ души уже покончилъ, и какъ только я такимъ путемъ освободился отъ этого, книга моя потеряла для меня всякій интересъ» (стр. 220).

*) Генрикъ Ибсенъ. Статьи, рѣчи, письма. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзель. (Полное собраніе сочиненій. Изд. С. Смирмута, т. VIII).

Въ томъ же году Ибсенъ такъ поясняетъ свое внутреннее отношеніе къ Бранду въ письмѣ къ Петру Гансену:

«Пріѣздъ мой въ Копенгагенъ совпалъ съ паденіемъ Дюббеля *). Въ Берлинѣ же я видѣлъ торжественный вѣздъ Вильгельма съ трофеями войны. Въ тѣ дни зародилась у меня идея «Бранда» и стала расти во мнѣ. Въ Италиі, куда я затѣмъ пріѣхалъ, идея объединенія уже была пущена въ ходъ, благодаря безграничной готовности народа къ жертвамъ, тогда какъ у насъ на родинѣ!... Прибавъ къ этому Римъ съ его идеальнымъ миромъ, общеніе съ беззаботнымъ кружкомъ художниковъ, жизнь, которую по настроенію можно сравнить развѣ только съ Шекспировской комедіей «Какъ вамъ угодно»,—и вотъ тебѣ первоначальныя основы «Бранда». Чистѣйшее недоразумѣніе, будто я изображалъ въ немъ судьбу Сѣрена Биркегора (я вообще очень мало читалъ Биркегора, а понималъ изъ его сочиненій еще того меньше). То, что Брандъ—священникъ, въ сущности не важно; заповѣдь «все или ничего» сохраняетъ свое значеніе во всѣхъ областяхъ жизни—и въ любви, и въ искусствѣ и т. п. Брандъ—я самъ въ лучшія минуты моей жизни, это такъ же вѣрно, какъ то, что я путемъ самоанатомірованія нашелъ многія черты Пера Гюнта и Стенсгора. Въ то время, когда я писалъ «Бранда», у меня на столѣ, въ пустомъ стаканѣ лежалъ скорпионъ. Время отъ времени животное начинало хрипѣть; и тогда я бросалъ ему кусочекъ мякоти плода, на который онъ съ яростью набрасывался, источалъ свой ядъ и опять выздоравливалъ.

«Не творится ли нѣчто подобное съ нами, поэтами? Законы природы сказываются и въ другихъ областяхъ» (стр. 228).

Въ письмѣ къ Георгу Брандесу (отъ 26 іюня 1869 г.) говоритъ о томъ же: «Бранда не такъ поняли; во всякомъ случаѣ—несогласно съ моими намѣреніями. Коренной причиной ошибочныхъ толкованій, видимо, является то, что Брандъ—священникъ и что проблема поставлена религіозная. Но оба эти обстоятельства совершенно несущественны. Я сумѣлъ бы построить такой же симлогизмъ, взявъ скульптора или политическаго дѣятеля, какъ и священника. Я могъ излечь свое душевное настроеніе, заставившее меня творить, и въ сюжетѣ, героемъ котораго явился бы вмѣсто Бранда, напримеръ, Галилей (съ тою лишь разницею, что онъ не сдался бы, не призналъ, что земля недвижна). Да, кто знаетъ, родился я сотней лѣтъ позже, я бы, пожалуй, могъ взять героемъ васъ съ вашей борьбой противъ «философіи компромиссовъ» Расмуса Нильсена. Въ общемъ въ Брандѣ больше замаскированной субъективности, нежели до сихъ поръ подмѣчено, чѣмъ я и горжусь въ качествѣ поэта» (стр. 205).

Какъ извѣстно, конькомъ вульгарной критики Льва Толстого, какъ норалиста, и толстовства, служить тотъ фактъ, что Левъ Толстой (и нѣко-

*) Рѣчь идетъ о знаменитомъ штурмѣ нѣмцевъ на окопы Дюппеля 6 (18) апрѣля 1864 г., одномъ изъ рѣшающихъ военныхъ дѣйствій въ борьбѣ Германіи съ Даніей за обладаніе Шлезвигомъ-Гольштейномъ. «Скандинавскій» патріотизмъ Ибсена былъ глубоко задѣтъ пораженіемъ Даніи. II. С.

торые толстовцы) въ своей личной жизни отнюдь не осуществляютъ цѣлкомъ своей проповѣди. Въ томъ, что максимализмъ Льва Толстого остановился передъ его собственной семьей и не перешагнулъ черезъ нее, очень многие видятъ лицемеріе. Какъ моральный максималистъ, Левъ Толстой долженъ былъ бы бросить свою семью и разрушить тотъ экономическій фундаментъ, на которомъ она существуетъ. А онъ даже не лишилъ своей семьи права собственности на главнѣйшія свои беллетристическія произведенія. Однако съ точки зрѣнія живой морали именно это «лицемеріе» въ Толстомъ для меня гораздо цѣннѣе, чѣмъ его неумолимая *проповѣдь* максимализма, точно такъ же какъ «примиренскій» эпизодъ съ грѣшницей въ исторіи Христа безконечно цѣннѣе «максималистскаго» изгнанія торговцевъ изъ храма. Вѣдь моральный максимализмъ, распространенный на другихъ людей (и максимализмъ В. П. Свѣщичаго и его товарищей не составляетъ исключенія), жестокъ, онъ топчетъ—во имя абсолюта!—чужую личность; «примиренство» же, если оно не есть просто приспособленіе къ «подлости», проникнуто совершенно другимъ отношеніемъ къ человѣческой личности, нравственно положительнымъ, а не отрицательнымъ. Это отношеніе создаетъ иную моральную атмосферу. Оставаясь въ сферѣ моральныхъ переживаній, можно сказать, что максимализмъ питается ненавистью, «примиренство»—любовью.

Что же выше?

Какъ ни высока можетъ быть культурная цѣнность той или иной формы максимализма, какъ ни привлекательны искренностью и порывомъ его представители, максимализмъ какъ *проповѣдь* и какъ всепоглощающая норма поведенія есть изувѣрство и деспотизмъ, непереносимые для современнаго человѣка. Тотъ же Ибсенъ уже на склонѣ лѣтъ прекрасно выразилъ это въ самой общей формѣ: «Я давно пересталъ ставить общія для всѣхъ требованія, такъ какъ больше не вѣрю во внутреннее право человѣка ставить такія требованія. Я думаю, что у всѣхъ у насъ нѣтъ иной и лучшей задачи, какъ стараться въ духѣ и истинѣ осуществить самихъ себя. Это, по моему мнѣнію, настоящее свободомысліе...»

То же въ сущности мы видимъ и на противоположномъ идейномъ полюсѣ. Развѣ свобода личности и индивидуализмъ не превращаются въ пошлую гримасу и—*vit venia verba!*—въ распутство, въ которомъ гибнетъ личность, когда люди начинаютъ обобщать въ норму поведенія то, что можетъ жить только какъ религиозное настроеніе, въ тайникахъ интимной жизни, и что, вынесенное на базаръ и предложенное улицѣ, разомъ въ корнѣ извращается? Будучи убѣжденнымъ индивидуалистомъ, я отрицаю, чтобы индивидуализмъ можно было *проповѣдывать* современнымъ людямъ. Вообще современнымъ людямъ нельзя *проповѣдывать* никакой религіи. Это не значитъ, что настоящая религія умерла въ людяхъ. Но она ушла внутрь человѣка, она стала стыдливымъ, интимнымъ, непоказуемымъ выраженіемъ человѣческаго существа.

Я знаю, что представители религиознаго максимализма, вѣрящіе въ

осуществленіе апокалипсиса, со мной не согласятся. Тутъ сталкиваются не только различные принципы, тутъ сталкиваются различные религиозныя міроощущенія.

Отъ религиознаго максимализма такихъ людей, какъ Свѣнцицкій и Эрнъ, какъ-то совѣстно переходить къ тому Katzenjammerу народническаго максимализма, который недавно предъявилъ русскому обществу г. Михаилъ Энгельгардтъ въ своей напущѣвшей статьѣ въ *Свободныхъ Мысляхъ*. Лично г. Энгельгардтъ мало интересенъ. Но его Katzenjammer заключаетъ въ себѣ одну очень серьезную проблему, на которой стоитъ остановиться.

Отсутствие «направленства» въ нашемъ журналѣ сказывается, между прочимъ, въ томъ, что мы даемъ на его страницахъ мѣсто такой статьѣ, какъ «Иванушка-дурачокъ» г. Смирнова-Бутаческаго. Въ ней ужасно много народничества: оно такъ и переливается черезъ край. Между тѣмъ я лично никогда не былъ народникомъ и, думается, не только никогда имъ не стану, но еще съ нимъ повоюю.

Завелъ я объ этомъ рѣчь «примѣнительно», а именно примѣнительно къ все той же статьѣ г. Михаила Энгельгардта. Долженъ сказать: послѣ прочтенія этой статьи я почувствовалъ бы себя народникомъ, если бы для того, чтобы возмущаться хамскимъ поруганіемъ русскаго народа, нужно было быть «народникомъ».

Русскій народъ оказался «фефелой», потому что не сумѣлъ осуществить ни одной политической программы, «даже (sic! II. C.) программы кн. Е. Трубецкого или покойнаго Гейдена». «Усилія лицъ и энергія партій,—говорить г. Энгельгардтъ,—разбились о бессміе, дряблость и мелкоту народа, массу, большинство націи».

«Въ движеніи 1904—1906 гг. впервые выступилъ на сцену народъ, масса, большинство населенія.

«Помню, какъ въ теченіе 1904—1905 гг. съ недоувѣріемъ, съ колебаніями отмѣчали мы, публицисты, послѣдовательное присоединеніе къ движенію все болѣе и болѣе широкихъ круговъ населенія: городской буржуазіи, рабочихъ, крестьянства.

«Такъ ли? Вѣрно ли? Да, вѣрно пришелъ конецъ старому, изжитому. Проснулся народъ.

«Была тутъ и радость, и испугъ.

«Одни думали: всталъ Илья Муромецъ! Конецъ.

«Другіе скулили: всталъ сильный Самсонъ, но вѣдь онъ слѣпъ, крикнетъ: «погибни душа моя вмѣстѣ съ филистимлянами!» и обрушить капище Дагона, и погубить себя, а, главное, насъ. Эти труслики. Но и тѣ, и другіе ошиблись. Народъ, русскій народъ показалъ себя въ этомъ покушеніи на революцію не Ильей Муромцемъ, и не сильнымъ Самсономъ, а всего только Поприщинимъ, который вообразилъ себя Фердинандомъ VII, королемъ испанскимъ, и давай чертить. Начальство опѣшило, а тамъ, види,

что Поприщинъ только Поприщинъ, собралось съ духомъ. «Я тебѣ покажу, какой ты испанскій король». И показали!

«Мы думали, передъ нами вулканъ, а нъ оказался пузырь! Пнулъ его носкомъ господскій сапогъ, и весь революціонный духъ изъ пузыря вонъ...» *).

Вотъ какъ пишется исторія! Говорю: исторія, ибо тутъ, конечно, не только обвинительный актъ противъ народа прокурора отъ интеллигенціи; тутъ вѣдь объясненіе «причинной связи» между событіями. Эту «исторію» надлежитъ запомнить: нужно, чтобы «Фефела» и «Поприщинъ» г. Энгельгардта перешли не только въ исторію, но и въ политику современности.

Оказывается, интеллигенція сдѣлала все, а народъ проигралъ.

Не будучи вовсе народникомъ, и долженъ сказать, что дѣйствительная исторія происходила какъ разъ обратно: народъ сдѣлалъ все, а «интеллигенція», отъ лица которой говорили разные гг. Энгельгардты, все проиграла.

Народъ оказался способенъ на огромный подъемъ и огромный подвигъ въ своемъ октябрьскомъ порывѣ. Въмѣсто того, чтобы въ эту великую стихію внести разумъ и свѣтъ, стали безмѣрно подстегивать ее, въ то же время экономически обезсиливая народъ. Народъ всегда и всюду по существу есть стихія; отдѣльныя лица, организаціи, партіи представляютъ сознаніе. Въ стихіи нельзя предъявлять требованія, которыя можно и должно предъявлять даже къ... гг. Энгельгардтамъ. Даже если бы г. Энгельгардтъ въ своей объективной оцѣнкѣ народа былъ правъ,—на тѣхъ, кто систематически закрывалъ себѣ и другимъ глаза на объективныя свойства народа лежала бы ответственность за событія.

Г. Энгельгардтъ говоритъ теперь, что народъ—«Фефела», потому что онъ не осуществилъ даже мирнообновленческой программы. А самъ-то онъ, г. Энгельгардтъ, развѣ работалъ для осуществленія такой программы? Нѣтъ, онъ глупѣйшимъ образомъ призывалъ интеллигенцію и народъ къ немедленному осуществленію социализма, т.-е. къ тому, что, за ничтожными исключеніями, всѣ образованные люди всѣхъ странъ, и въ томъ числѣ огромное большинство социалистовъ считаетъ завѣдомымъ шарлатанствомъ. Народъ не осуществилъ даже «программы покойнаго графа Гейдена». Но г. Энгельгардтъ,—что же онъ-то дѣлалъ и какъ просвѣщалъ онъ народъ? Во время первой Думы онъ—съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ это дѣлаютъ теперь черносотенные дворяне—травилъ «кадетовъ», какъ представителей «дворянской», «неимовѣрно живучей, энергичной расы, характеризующейся замѣчательной способностью къ приспособленію» **). Отъ нихъ онъ предостерегалъ крестьянъ и рабочихъ. Ссылаясь на пресловутое изреченіе Коффиналя: «Республика не нуждается въ ученых!» , г. Энгельгардтъ нахо-

*) *Свободная Мысль*, № 35, отъ 7 января 1906 г., статья „Безъ выхода“ М. А. Энгельгардта.

**) Газета *Народный Вѣстникъ* № — отъ 26 мая 1906 г. Цитировано въ моей статьѣ „Черносотенный социализмъ“ („Замѣтки публициста“ въ № 8 журнала *Свобода и культура* отъ 31 мая 1906 г.).

диль въ немъ «зерно правды» и подчеркивалъ, какъ «опасны для революціи» служащіе «либеральному дворянству» «свѣтила науки, адвокатуры и проч.». Эти «дѣти солнца» «мудрятъ отъ большого ума и великой учености—и перемудрятъ».—Весь невѣроятный цинизмъ ссылки на Коффиналя, вѣроятно, ускользнулъ тогда отъ большинства читателей: Коффиналь вѣдь не просто сболтнулъ, онъ сказалъ эти слова, когда, будучи вице-президентомъ революціоннаго трибунала, отказывалъ великому химику Лавуазье въ отсрочкѣ казни на 15 дней, о которой тотъ просилъ, чтобы окончить важный научный опытъ.

«Представителямъ крестьянства и рабочимъ мудрить нечего. Они должны идти прямо къ цѣли. Они должны забыть дрянную поговорку: «прямо только вороны летаютъ». Вонъ наши либералы столько лѣтъ ползли правыми путями, а куда приползли? А какъ выступилъ народъ, да повалилъ напрямомъ, такъ дѣло-то иначе повернулось. Такъ и продолжать нужно его представителямъ».

Въ теченіе менѣе чѣмъ двухъ лѣтъ г. Энгельгардтъ, описавъ полный кругъ, отъ народническаго максимализма, дошелъ до хамскаго поруганія народа. Когда онъ травилъ «кадетовъ», какъ цѣпкихъ «дворянъ», и указывалъ на его писанія, какъ на «типичный образчикъ того паденія, до котораго дошла въ нѣкоторыхъ своихъ современныхъ развѣтвленіяхъ русская социалистическая мысль. Это—полная безшабашность, теоретическая и моральная».

Есть люди, у которыхъ есть особое призваніе, объективно необходимая миссія—собрать въ себѣ какъ въ фокусѣ известную ложь, всенародно показать и тѣмъ обличить ее. Таково, очевидно, призваніе и г. Энгельгардта. Ложь интеллигентскаго максимализма, который, вопреки совѣсти и наукѣ, безъ всякой мысли объ отвѣтственности, разжигалъ народную стихію, эта ложь, въ лицѣ г. Энгельгардта, обличила и морально уничтожила самое себя.

Это—немая заслуга. «Фефела» г. Энгельгардта послужить дѣлу оздоровленія политическаго сознанія русской интеллигенціи и—черезъ нее—всего русскаго народа.

Въ историческомъ журналѣ *Минувшіе годы* *) помѣщены чрезвычайно интересные письма Н. К. Михайловскаго къ П. Л. Лаврову, относящіяся къ 1873 г. Въ этихъ письмахъ вскрывается съ полной ясностью чисто народническая подошма Михайловскаго, какою онъ былъ въ началѣ 70-хъ гг., въ то время, когда онъ по поводу «Бѣсовъ» Достоевскаго такъ напиралъ «на мысль о предпочтительности социальныхъ реформъ передъ политическими» **). Эта мысль владѣла въ то время Михайловскимъ.

*) Январь 1908 г.

***) Ср. Сочиненія, т. I, стр. 868—869, и мои замѣчанія по этому поводу въ предисловіи къ книгѣ Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“.

Письма касаются вопроса объ изданіи заграничнаго «свободнаго» журнала, въ участіи въ которомъ Лавровъ приглашалъ Михайловскаго. Послѣдній отъ постояннаго участія, сопряженнаго съ переселеніемъ за границу, отказался, такъ какъ не считалъ себя «въ правѣ промѣнять 8,000 читателей, обезпеченныхъ прочнымъ соединеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ литературныхъ силъ, на дѣло невѣрное и трудное». Въ связи съ этимъ Михайловскій дѣлаетъ такое признаніе: «Я не революціонеръ, всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже. Смотри такъ на дѣло, я могу до извѣстной степени быть въ дружбѣ съ старыми богами и, слѣдовательно, писать и въ Россіи».

Въ другомъ письмѣ Михайловскій пишетъ по тому же поводу:

„Надѣюсь, вы не мечтаете направлять на путь истиннмъ правительство. Остаются двѣ дѣли: мѣсто, гдѣ можно вволю наплакаться и насмѣяться для однихъ, и повелительное наклоненіе для другихъ. Первыхъ вамъ придется искать и организовывать съ большимъ трудомъ, потому что готовый человѣкъ—писать къ вамъ не пойдетъ. Я первый не пойду, пока я живу въ Россіи. Легко сказать: высказывайте, что въ васъ накипѣло, выкрикивайте, что въ васъ наболѣло, какъ будто человѣка, къ которому приглядѣлись, не узнать съ перваго десятка строкъ и не упрячуть въ тундры сибирскія, не лишать его общества и не лишать общества его. А ломаться, не быть искреннимъ, выкрикивать, что наболѣло, поддѣлываеся подъ чужой голосъ, развѣ это возможно? Вотъ почему я, незадолго передъ отъѣздомъ, сказалъ нашему посреднику: или я буду принимать въ журналѣ самое близкое участіе, или никакого.“

Я думалъ тогда объ эмигрантствѣ. Кстати, эта мысль, въ концѣ-концовъ мимолетная, неизвѣстна никому, ни даже самымъ близкимъ ко мнѣ людямъ. Считаю не лишнимъ предупредить васъ объ этомъ.

Что касается до повелительнаго наклоненія, то молодежь его очень ждетъ, и голосъ „Впередъ“, какъ бы онъ ни устроился, если только вы будете вести его, будетъ имѣть большой вѣсъ. Скажите же мнѣ ваше повелительное наклоненіе не въ теоретической области, а въ практической. Въ ожиданіи я вамъ скажу свое: сидите смиренно и готовьтесь.

Другого я не знаю, другого, по-моему, русскій социалистъ теперь имѣть не можетъ. Никакой радикально-соціалистической оппозиціи въ Россіи нѣтъ, ее надо воспитать. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать. Само оно безсильно его вызвать и будетъ только задаромъ гибнуть въ этихъ попыткахъ. А что моментъ настанетъ и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это, по-моему, несомнѣнно. Японія, Турція имѣютъ конституцію*), долженъ же прійти и нашъ чередъ. Я, впрочемъ, не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что теперь его нѣтъ и что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молашоттомъ на устахъ и не съ ягрусечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи. Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи. Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію какъ слѣдуетъ, можно, и, слѣдовательно, должно. Въ тотъ часъ, когда это станетъ невозможнымъ,—я вѣнъ, несмотря ни на что, до тѣхъ поръ—нѣтъ“.

*) Ни въ Японіи, ни въ Турціи конституціи тогда не было. П. С.

Суровая оцѣнка Михайловскимъ подготовленности русской интеллигенціи къ «революціи» весьма интересна, она даже особенно пикантно и какъ-то современно звучитъ въ наше время, но, въ сущности, самое поучительное, что раскрываютъ цитированныя письма, не въ этомъ. Любопытнѣе и важнѣе, что самъ суровый судья подпадаетъ подъ свою оцѣнку. Вѣдь совершенно ясно, что подъ «старыми богами» онъ разумѣлъ въ 1873 г. абсолютизмъ, а подъ новыми капитализмъ и буржуазію. Вѣдь такъ же ясно, что онъ считалъ интеллигенцію неподготовленною именно къ борьбѣ съ «новыми богами». Въ этой постановкѣ на очередь проблемы социалистической вмѣсто проблемы политической и культурной именно и заключалась идейная неподготовленность русской интеллигенціи къ ея общественнымъ задачамъ и въ 60-хъ гг., и въ 70-хъ гг., и въ эпоху революціи 1905—1906 гг. Вѣдь крайній *политическій* радикализмъ интеллигенціи въ послѣднюю эпоху былъ лишь выраженіемъ неспособности представить себѣ общественное развитіе страны въ надлежащей исторической перспективѣ. Конечно, съ «Мошеоттомъ на устахъ» и «съ игрушечными комунами» нельзя было ничего встрѣтить надлежащимъ образомъ, но съ «дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи» нельзя было также готовить русскую молодежь къ социалистическому перевороту. А между тѣмъ именно этимъ занимался тогда Михайловскій, имъ владѣла мысль о борьбѣ съ «новыми богами»: революціи онъ потому боялся больше, чѣмъ реакціи, что отъ близкаго торжества революціи онъ—по своей народнической схемѣ—ждалъ пришествія капитализма и буржуазіи, къ борьбѣ съ которыми онъ считалъ молодежь (=интеллигенцію) еще неподготовленною.

Въ концѣ 70-хъ гг., какъ извѣстно, Михайловскій кореннымъ образомъ измѣнилъ свой взглядъ на соотношеніе между проблемой социалистической и политической: выражаясь терминомъ конкретно-политическимъ, онъ сталъ «народовольцемъ». Это не значить, чтобы онъ сталъ «революционеромъ». Говоря о себѣ въ 1873 г., что онъ «не революционеръ», Михайловскій характеризовалъ не только то общественное міросозерцаніе, которое имъ тогда владѣло, онъ весьма искренно и совершенно справедливо отмѣчалъ характерную черту, присущую его личности, входившую, такъ сказать, въ его натуру. Михайловскій былъ *литераторомъ* въ лучшемъ и самомъ возвышенномъ смыслѣ слова, но онъ былъ только литераторомъ. Въ его натурѣ не было той специфической дѣятельности и активности, которая создаетъ «дѣятеля» и, при извѣстныхъ условіяхъ, неизбежно дѣлае человека революционеромъ.

Петръ Струве.

7 февраля 1908 г.

Законодательство и жизнь.

Дума послѣ святокъ.—Народное мнѣніе о ней.—Новая крестьянская партія.—Самостоятельныя попытки народа улучшить свое экономическое положеніе.—Кооперативное движеніе и различныя его формы.—Неурожаи и голодь.—Литература.—Нравственный кризисъ.—Религиозные вопросы и вопросъ свободы совѣсти.—Московское дворянское собраніе.—Нетерпимость въ дворянствѣ и въ Думѣ.—† А. И. Эртель.

Побывавши на святкахъ у себя дома и окунувшись, по выраженію *Русскихъ Вѣдомостей*, «въ провинціальную гущу», многіе изъ депутатовъ Государственной Думы вынесли, повидимому, отсюда нѣкоторыя новыя впечатлѣнія, не оставшіяся безъ вліянія и на направленіе ихъ думской дѣятельности. Прежде всего эти впечатлѣнія отразились, какъ кажется, на крестьянахъ. Причина этому, вѣроятно, та, что крестьянскіе депутаты, каковы бы ни были ихъ личныя мнѣнія, въ общемъ ближе стоятъ къ своей крестьянской средѣ, тѣснѣе связаны съ ней, чѣмъ другіе депутаты со своей. Конечно, и классовые интересы, напримѣръ, дворянъ землевладѣльцевъ играютъ очень важную, въ большинствѣ случаевъ даже рѣшающую роль какъ при выборахъ, такъ и въ дальнѣйшей дѣятельности дворянскихъ депутатовъ; однако, все же послѣдніе лишь постольку считаются и сами считаютъ себя обязанными защищать дворянскія тенденціи, поскольку съ ними совпадаютъ ихъ собственные интересы и убѣжденія. Иначе складываются эти отношенія въ крестьянской средѣ, гдѣ крестьянская масса смотритъ на крестьянина, идущаго противъ общаго мнѣнія, прямо какъ на измѣнника и врага, который «продался» панамъ, въ особенности, если дѣло касается земельного вопроса. Такое отношеніе при постоянной экономической и бытовой связи каждаго отдѣльнаго крестьянина со всей остальной крестьянской массой, легко можетъ превратиться въ самую тяжелую форму бойкота. Естественно, что въ крестьянской средѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой, отдѣльныя лица внимательно прислушиваются къ голосу общества. И теперь этотъ голосъ, повидимому, повліялъ на крестьянскихъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ правымъ партіямъ, которые раньше и въ земельномъ вопросѣ шли заодно съ правыми дворянами. Оказывается, по ихъ рассказамъ, что у себя на родинѣ они подверглись

жестокимъ упрекамъ своихъ односельчанъ за то, что они молчатъ о землѣ: «безъ земли къ намъ не возвращайтесь», говорили имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Сообщивши это другъ другу, крестьяне-депутаты рѣшили образовать въ Думѣ особую группу, голосовъ въ восемьдесятъ, къ которой, кромѣ крестьянъ, должны были примкнуть также и нѣкоторые депутаты изъ сельскихъ священниковъ. Въ основу программы вновь образующейся группы положенъ, конечно, земельный проектъ, съ которымъ она, какъ говорятъ, намѣрена выступить въ ближайшемъ будущемъ. Въ немъ прежде всего выдвигается требованіе надѣленія землею безземельныхъ и малоземельныхъ до потребительной нормы; для этой цѣли должны быть отчуждены въ законодательномъ порядкѣ земли государственныя, удѣльныя, кабинетскія и монастырскія бесплатно, и та часть владѣльческихъ земель, которая сдается въ аренду или обрабатывается изъ части, за вознагражденіе по справедливой оцѣнкѣ. Крестьяне, не получившіе надѣла въ 1861 году, должны получить его теперь изъ земель своихъ прежнихъ помещиковъ. Всѣ земли, поступающія въ вольную продажу, должны покупаться правительствомъ для крестьянъ, а гдѣ земли для надѣленія по трудовой нормѣ окажется недостаточно, тамъ для нуждающихся оказывается содѣйствіе переселенію. Пока новая группа объединилась, сколько извѣстно, только еще на земельномъ вопросѣ, и что она будетъ дѣлать дальше, неизвѣстно. Но слухъ о ея образованіи всполюшилъ управителей того обществія, гдѣ живутъ правые крестьяне. Завѣдующая обществіемъ г-жа Степанова, — она же предсѣдательница общества активной борьбы съ революціей, — созвала собраніе, на которомъ присутствовали священникъ Гепсекій и нѣкоторые другіе правые депутаты, и крестьянскимъ депутатамъ изъ обществія былъ сдѣланъ выговоръ, при чемъ г-жа Степанова называла нѣкоторыхъ изъ нихъ, принимавшихъ участіе въ образованіи новой группы, смутьянами и угрожала имъ участіемъ лѣвыхъ депутатовъ двухъ первыхъ думъ. Затѣмъ были имъ объявлены правила; не вступать ни въ какія новыя группы безъ разрѣшенія, не читать газетъ: *Речь*, *Слово* и друг., и не принимать никакихъ газетныхъ корреспондентовъ. Явившіеся въ обществіе корреспонденты петербургскихъ газетъ не были допущены. Нѣкоторые крестьяне извинялись въ примирительномъ тонѣ, ссылаясь на требованія своихъ односельцевъ; но другіе заявили, что они отказываются подчиниться требованіямъ обществія и будутъ защищать крестьянскіе интересы, послѣ чего ушли изъ собранія. Во всякомъ случаѣ исторія эта характерна для того положенія, въ которое поставлены «независимые и неприкосновенные» крестьянскіе депутаты третьей Думы. Не на однихъ, однако, депутатовъ изъ крестьянъ повлияли рождественскія каникулы: многихъ изъ нихъ заставило задуматься то безучастное отношеніе къ третьей Думѣ, котораго они не могли не замѣтить у себя на мѣстахъ и которое представляло столь рѣзкій контрастъ съ живымъ интересомъ, съ которымъ все населеніе относилось къ двумъ первымъ Думамъ. Впечатленіе это выразилось отчасти и въ разслоеніи октябристской группы. Явные

октябристы по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ, по дѣлу объ устраненіи депутата Босоротова, высказали свое самостоятельное мнѣніе, отличное отъ мнѣнія правыхъ октябристовъ. Нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ запросу депутата Махлакова по поводу незаконныхъ дѣйствій виленскаго охраннаго отдѣленія. Основная разница въ воззрѣніяхъ этой лѣвой группы октябристовъ состоитъ, повидимому, въ опредѣленномъ признаніи за народнымъ представительствомъ права на дѣйствительное, а не мнимое существованіе, въ силу чего они готовы его защищать въ тѣхъ случаяхъ, когда правые октябристы способны отнестись къ нему съ совершеннымъ равнодушіемъ.

Однако всѣ эти симптомы начавшагося какъ будто въ средѣ третьей Думы броженія не дадутъ основаній надѣяться, чтобы въ ней могло когда-нибудь сложиться прочное большинство, хотя бы съ самой умѣренной, но ясной и содержательной программой, которая бы удовлетворила хотя нѣкоторую часть предъявляемыхъ народомъ серьезныхъ требованій. Для выработки и проведенія такой программы нужно понимать смыслъ и значеніе этихъ требованій, ихъ относительную важность, настоятельность выполнения однихъ и возможность отсрочки другихъ и вѣроятные результаты того и другого образа дѣйствій,—словомъ, нужно имѣть хотя бы и умѣренную или консервативную, но дѣльную и опредѣленную государственную систему. Быть умнымъ консерваторомъ вовсе не такъ просто: для этого требуется, можетъ быть, еще большее знаніе государственной и народной жизни, чѣмъ для дѣйствія въ либеральномъ направленіи. Во всякомъ случаѣ и консервативное парламентское большинство, чтобы быть работоспособнымъ, должно постоянно опираться на реальную силу народа, сознавать свою связь съ нимъ. Но этой-то связи съ народомъ у третьей Думы и нѣтъ. Поэтому она, такъ сказать, по существу своему не можетъ быть работоспособной, не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы она не могла въ теченіе извѣстнаго времени рассмотреть и утвердить нѣсколько десятковъ или сотенъ законопроектовъ, особенно слѣдуя при этомъ за указкой правительства, но въ томъ смыслѣ, что она не можетъ внести во всѣ эти законопроекты живой души, которой у нея нѣтъ, а потому все ею сдѣланное будетъ такимъ же бумажнымъ, канцелярскимъ произведеніемъ, какъ и тѣ законы, указы и циркуляры, которые съ такимъ легкимъ сердцемъ писались и издавались и безъ Думы. Поэтому, если мы говоримъ о впечатлѣніяхъ, полученныхъ на святкахъ членами Думы, то не потому, чтобы они были интересны по своему вліянію на дальнѣйшую дѣятельность Думы, а потому, что въ нихъ отразилось воззрѣніе самого народа на эту дѣятельность, воззрѣніе, до извѣстной степени характеризующее современное духовное состояніе народа. Это состояніе можетъ быть выражено однимъ словомъ: безнадежность, т.-е. потеря всякой надежды на помощь сверху. Прежде ждали этой помощи отъ правительства, потомъ стали ждать отъ Думы,—теперь не ждутъ ни отъ кого. Въ этомъ глубокомъ измѣненіи народной психологіи нельзя не видѣть революціи даже

болѣе важной, чѣмъ та, которая проявляется внѣшними бурными движеніями. Практическій выводъ изъ этого дѣлается двоякій: въ лучшемъ случаѣ люди пытаются сами какъ-нибудь наладить свою жизнь и, не имея возможности сдѣлать въ ней крупныхъ радикальныхъ улучшеній, обращаются къ устройству своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, или къ переселенію въ другія мѣста, гдѣ, правильно или нѣтъ, предвидятся лучшія условія. Когда, съ новымъ курсомъ, земская дѣятельность въ этомъ направленіи начала сокращаться и когда и довѣріе къ земству вообще стало пропадать среди крестьянъ, то не вездѣ это выразилось только упадкомъ въ дѣлѣ агрономическихъ улучшеній; во многихъ случаяхъ устраненіе земства возбудило самостоятельность самого населенія и повело за собой учрежденіе самостоятельныхъ агрономическихъ организацій въ формѣ сельскохозяйственныхъ обществъ, состоящихъ преимущественно изъ крестьянъ. Наибольшаго распространенія они достигли въ Полтавской губерніи, гдѣ по послѣднимъ извѣстіямъ число ихъ дошло до семидесяти. Главная задача ихъ—реформы въ области техники крестьянскаго сельскаго хозяйства; но они не чуждаются и коммерческихъ предпріятій, которыя даютъ имъ возможность увеличить свои средства и упрочить свое положеніе. Особенно широко поставлена дѣятельность обществъ Константиноградскаго уѣзда, которыхъ тамъ имѣется десять. Ихъ коммерческія предпріятія, вродѣ продажи машинъ, сыпки хлѣба, устройства лѣсныхъ складовъ и т. п., дали имъ возможность расширить и собственно агрономическую ихъ дѣятельность. Въ одномъ изъ этихъ обществъ продажа хлѣба достигла 500,000 пудовъ; другое, карловское, при оборотномъ капиталѣ всего въ 2,000 руб., продало въ послѣдній годъ до 70,000 пудовъ зерна и этой продажей повысило цѣны на хлѣбъ у скупщиковъ на 2—3 к. на пудъ, давъ такимъ образомъ мѣстному населенію нѣсколько лишнихъ тысячъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и само заработало средства на агрономическія предпріятія. Есть сельскохозяйственныя общества, широко развившія свою дѣятельность и въ другихъ губерніяхъ, кромѣ Полтавской; такъ, Алексѣевское общество, возникшее въ 1901 году въ Самарской губ., началъ свою дѣятельность со склада земледѣльческихъ орудій и продалъ ихъ въ первый же годъ на 10,000 руб., устроило столярно-слесарную и ткацкую мастерскія и заарендовало у казны 250 десят. земли, на которой ведетъ сѣмянное хозяйство, снабжающее всю округу хорошими сѣменами; сверхъ того имъ ведется крупная операція по сынкѣ хлѣба и имѣется собственный элеваторъ на 200,000 пудовъ. Значительное развитіе получили сельско-хозяйственныя общества также въ Харьковской и Петербургской губерніяхъ. Къ сожалѣнію, изъ имѣющихся свѣдѣній не видно, каковъ составъ сельскохозяйственныхъ крестьянскихъ обществъ, входятъ ли въ нихъ болѣе частью обыкновенные, рядовые крестьяне, или же, что весьма вѣроятно, преимущественно болѣе развитые и болѣе зажиточные; впрочемъ, по неслыханному среднему членскому взносу (50 коп.—1 руб.) они доступны и болѣе богатымъ крестьянамъ. Во всякомъ случаѣ, если даже главная роль

Организаціи сельскохозяйственныхъ обществъ принадлежить болѣе сильному экономически и культурно слою крестьянства, то все же такое проявленіе въ немъ самостоятельной инициативы есть явленіе новое и въ силу близости этого слоя къ остальной крестьянской массѣ есть большая вѣроятность, что оно послужитъ примѣромъ и для нея; конечно, если къ этому не возникнутъ какія-либо препятствія. Между русскими агрономами возникла даже полемика по поводу того, слѣдуетъ ли сохранять земскую агрономическую организацію и черезъ ея посредство содѣйствовать улучшенію крестьянскаго сельскаго хозяйства, или, отказавшись отъ связи съ земствомъ, продолжать сельскохозяйственную культурную работу, базируясь на самостоятельныхъ крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществахъ. Можетъ быть, рациональнѣе всего было бы установленіе такихъ отношеній, чтобы земства оказывали только помощь самостоятельно возникающимъ обществамъ. Многія земства такъ и дѣлаютъ: интересныя свѣдѣнія о содѣйствіи такимъ обществамъ губернскихъ земствъ даны въ статьѣ А. А. Шлыкова, бывшаго вологодскаго агронома, помѣщенной въ 41, 42 и 43 №№ *Вѣстника Сельскаго Хозяйства* за 1907 годъ. Бѣ сожалѣнію, въ числѣ 21 земства, о которыхъ авторъ могъ получить свѣдѣнія, нѣтъ многихъ земствъ центрально-черноземной полосы, гдѣ, вслѣдствіе полного упраздненія въ настоящее время агрономическихъ отдѣловъ, некому было отвѣтить на запросъ автора. Изъ полученныхъ свѣдѣній оказывается, что существующая въ настоящее время помощь земства мелкимъ обществамъ сельскаго хозяйства выражается главнымъ образомъ въ видѣ денежныхъ субсидій различнаго размѣра, а также въ отпускѣ товара для сельскохозяйственныхъ складовъ обществъ или въ кредитъ, или на льготныхъ условіяхъ. Другой способъ помощи выражался въ томъ, что земство давало обществамъ пособия на приглашеніе ученыхъ секретарей-агрономовъ. Такихъ случаевъ было пока три: въ полтавскомъ, харьковскомъ и черниговскомъ земствахъ. Два земства: вятское и черниговское давали еще безвозвратныя пособия на приглашеніе специалистовъ по отдѣльнымъ отраслямъ сельскохозяйственной промышленности (садоводство, пчеловодство и т. д.). Рязанское земство давало крупное пособие въ 2,000 руб. на содержаніе обществомъ сельскохозяйственной школы; олонекое — на устройство опытныхъ полей и станцій.

Одновременно съ сельско-хозяйственными обществами и тоже подъ влияніемъ усилившагося за послѣднее время въ крестьянской средѣ движенія, стремящагося по собственной инициативѣ крестьянства къ поднятію матеріальнаго его благосостоянія, стали развиваться и другія кооперативныя учрежденія, особенно кредитныя товарищества. Послѣднихъ въ настоящее время (вмѣстѣ со ссудо-сберегательными товариществами, т. е. болѣе ранней формой народныхъ кредитныхъ учреждений) насчитывается до 2,500. Прошлымъ лѣтомъ былъ въ Кіевѣ съѣздъ представителей учреждений мелкаго кредита, а недавно, въ началѣ января, такой же съѣздъ состоялся въ Нижнемъ-Новгородѣ. На послѣдній съѣздъ собралось свыше

ста человекъ. Сначала члены съезда ознакомились съ положеніемъ дѣла мелкаго кредита въ Нижегородской губерніи: оказалось, что хуже всего оно ведется въ сословныхъ учрежденіяхъ, особенно въ такъ называемыхъ удѣльныхъ банкахъ; нѣсколько лучше ведутъ свои дѣла ссудосберегательныя товарищества стараго типа, которыя преимущественно насаждались земствами въ семидесятыхъ годахъ по образцу Шульце-Деличевскихъ товариществъ въ Германіи. Но большая часть ихъ замкнулась въ кругу болѣе состоятельныхъ крестьянъ, въ особенности мелкихъ деревенскихъ торговцевъ, и не распространяется на остальное населеніе. Гораздо болѣе жизненными и способными къ развитію являются новыя кредитныя товарищества, число которыхъ въ Нижегородской губерніи 72 съ 16,275 членами; кредитъ ихъ въ государственномъ банкѣ равняется 814,000 руб., а средній кредитъ на одно лицо 50 руб. Эти товарищества ведутъ довольно успѣшную борьбу съ мѣстными «кулаками», скупщиками и т. п., притомъ при ничтожномъ участіи интеллигенціи, которая вслѣдствіе подозрительности администраціи не подпускается близко къ дѣлу мелкаго кредита, точно также какъ и мѣстные священники и учителя. Съѣздомъ приняты были нѣкоторыя постановленія общаго характера, напр. о томъ, что правленія кредитныхъ товариществъ при выдачѣ ссудъ должны входить въ обсужденіе ихъ цѣлесообразности, и посредническихъ операціяхъ въ кустарно-промышленныхъ районахъ и субсидированія трудовыхъ артелей и объ учрежденіи союза кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществъ Нижегородской губерніи. Уставъ такого союза представленъ на утвержденіе. 9 января открылось въ Москвѣ совѣщаніе по мелкому кредиту, на которомъ инспекторъ мелкаго кредита при Московской конторѣ Государственнаго банка И. А. Бондаревъ сдѣлалъ сообщеніе о положеніи этого дѣла въ Московской губерніи. Оказывается, что оно представляетъ полнѣйшее сходство съ тѣмъ, что происходитъ въ Нижегородской губерніи: сословныя кредитныя учрежденія прекращаютъ или уже фактически прекратили свою дѣятельность; ссудосберегательныя товарищества, развивавшіяся въ 70-хъ годахъ, въ послѣднее время стали падать, и большинство ихъ совсѣмъ закрылось; причина охлажденія къ нимъ — такое направленіе ихъ дѣятельности, что ими заинтересована лишь наиболѣе состоятельная часть деревенскаго населенія. Широкіе слои крестьянства привлекаются только кредитными товариществами новаго типа. Все это подтверждалось и делегатами отъ кредитныхъ учрежденій, которые кромѣ того указывали, что и въ Московской губерніи, хотя инициатива учрежденія товариществъ принадлежитъ чаще всего мѣстной интеллигенціи, но дальнѣйшее ея участіе нерѣдко встрѣчаетъ препятствія. Противъ товариществъ ведется усиленная агитація мѣстныхъ скупщиковъ и торговцевъ, а полиція крайне бездѣтельна при взысканіяхъ долговъ товариществамъ. Затѣмъ совѣщаніе обсудило вопросъ о посредническихъ операціяхъ учрежденій мелкаго кредита по приобрѣтенію земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, удобреній, а также сыраго матеріала для кустарей, и по сбыту продуктовъ сельскаго хозяйства

и кустарныхъ издѣлій. Всѣ эти операціи признаются весьма желательными, равно какъ и установленіе живой связи между кредитными товариществами и мелкими сельско-хозяйственными обществами. Что касается до отношеній кооперативныхъ организацій къ земству, то многіе члены совѣщанія высказывались рѣшительно противъ того, чтобы дѣятельность этихъ учрежденій основывалась исключительно на помощи земства, хотя и не отрицали возможности пользоваться этой помощью въ извѣстныхъ случаяхъ. Вообще же въ дѣлѣ коопераціи населеніе должно главнымъ образомъ рассчитывать на свои собственные силы; развитіемъ этихъ силъ за послѣдніе годы и объясняется быстрый ростъ кооперативнаго дѣла въ Россіи. Дѣйствительно, кооперативное движеніе за послѣднее время получило такое развитіе, которое несомнѣнно указываетъ на значительный подъемъ самодѣятельности, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой части народа, и въ свою очередь, конечно, будетъ служить для практическаго использования народной энергіи и уясненія въ сознаніи народа значенія его собственныхъ, независимыхъ отъ вѣшняго вліянія силъ. Особенную прочность дѣлу коопераціи можетъ дать единеніе различныхъ ея формъ. Кромѣ собственно кредитныхъ товариществъ, своимъ путемъ идетъ также развитіе потребительныхъ обществъ и трудовыхъ артелей. Потребительныхъ обществъ въ настоящее время въ Россіи около 1,500. Прошлымъ лѣтомъ, послѣ бывшаго въ Кіевѣ сѣзда учрежденій мелкаго кредита, тамъ же было совѣщаніе представителей потребительныхъ обществъ. О трудовыхъ артеляхъ за послѣднее время извѣстно, что онѣ особенно развились въ Олонецкой губерніи, которая вся покрыта сѣтью такихъ артелей. Послѣднія представляютъ большое разнообразіе, но наибольшую жизненность проявляютъ рыболовные артели. Характерно, по словамъ *Вѣстника Олонецкаго Губернскаго Земства*, то обстоятельство, что въ артели изъ крестьянской среды выделяется «все болѣе сильное, энергичное, не мирящееся съ рутинной; за этимъ передовымъ отрядомъ идетъ уже остальная крестьянская масса». Для болѣе успѣшнаго развитія артельного труда, по мнѣнію земскаго органа, необходима широкая организація кредита артелямъ со стороны земства и распространеніе техническихъ знаній. Но еще болѣе нужно,—добавимъ мы,—чтобы саморазвитію и самодѣятельности народа не ставилось вѣшнихъ препятствій. А между тѣмъ, въ дѣлѣ коопераціи, какъ и во многихъ другихъ, эти препятствія ставятся на каждомъ шагѣ и не только тѣми, для кого всякое стремленіе народа къ экономической самостоятельности естественно является невыгоднымъ, препятствуя безграничной его эксплуатаціи, но и тѣми близко стоящими къ крестьянской средѣ властями, для которыхъ это эксплуатирующее меньшинство ближе и симпатичнѣе, чѣмъ эксплуатируемая масса, и которые, кромѣ того, поддерживаются въ этихъ своихъ симпатіяхъ тѣмъ соображеніемъ, что и высшее начальство видитъ въ этихъ «солидныхъ и хозяйственныхъ» крестьянахъ представителей консервативнаго направленія и политической благонадежности, тогда какъ оно съ недовѣріемъ и подозрительностью относится къ инициаторамъ коопера-

тивных начинаний, особенно если они принадлежать къ интеллигенціи или стоять близко къ ней. Поэтому всякому новому кооперативному учрежденію приходится выдерживать жестокую борьбу съ мѣстными промышленниками и торговцами, которые обыкновенно не ограничиваются мѣрами чисто экономической борьбы, а прибѣгаютъ нерѣдко и къ другимъ приѣмамъ, стараясь дискредитировать новое начинаніе въ глазахъ окружающихъ и въ особенности мѣстнаго начальства. Устранивъ дѣятельнаго организатора, секретаря или бухгалтера, подъ крайне легко возникающими теперь предлогами политической неблагонадежности, можно, конечно, очень затруднить или и вовсе уничтожить всякое такое начинаніе, не пріятное тѣмъ, кому выгодно, чтобы все оставалось по-старому. Иногда развитіе кооперативныхъ учреждений обазывается невыгоднымъ не только мелкимъ торговцамъ, но и болѣе крупнымъ торгопромышленнымъ предпріятіямъ, изъ которыхъ многія имѣютъ свои провіантскіе магазины, изъ которыхъ рабочіе забираютъ харчи подъ заработки. Забирая впередъ, рабочіе никакъ не могутъ отдѣлаться отъ забора продуктовъ въ заводскихъ магазинахъ, хотя тѣ же самые продукты въ частныхъ лавкахъ стоятъ дешевле и лучше качествомъ. Во многихъ мѣстахъ кустари не могутъ освободиться отъ кабалы скупщиковъ, главнымъ образомъ по невозможности получить кредитъ на покупку сырыхъ продуктовъ и трудности устройства сбыта помимо скупщиковъ. То и другое должно быть организовано, а этой-то организаціи въ большинствѣ случаевъ и нѣтъ. Пытались взяться за это дѣло земства, но болшею частію неудачно, главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣнчивости земскихъ направленій и устраненія способныхъ и дѣятельныхъ земскихъ работниковъ. Правительство относится къ такому важному дѣлу, какъ кустарная промышленность, совершенно безучастно: по росписи на 1908 г. на нужды кустарной промышленности ассигновано всего 158 тыс. руб., та же самая сумма, какая была ассигнована и на 1907 годъ. Между тѣмъ существуетъ миллионный спросъ за границу на нѣкоторые предметы, производимые нашими кустарями. Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* сообщалось, со словъ г. Погрузова, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ, что парижскія, берлинскія, гамбургскія и лейпцигскія фирмы изъявляли желаніе покупать ежегодно русскихъ кустарныхъ издѣлій на 300 т. фр. каждая, а изъ Нью-Йорка одна фирма прислала г. Погрузову предложеніе заключить съ ней договоръ на поставку однихъ только вышивокъ на миллионъ рублей. Но чтобы вступить въ опредѣленные соглашенія съ иностранными фирмами, нужны опять-таки кредиты и организація. Для первой потребности всего цѣлесообразнѣе было бы употребить хотя часть тѣхъ народныхъ сбереженій, которыя въ настоящее время скопляются въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ; но и вѣстно, что эти сбереженія, общая сумма которыхъ превышаетъ миллиарды рублей, помѣщаются теперь въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, гарантированныхъ правительствомъ желѣзнодорожные займы, закладные листы земельныхъ банковъ,—словомъ, служатъ или непосредственно нуждамъ

казны, или покровительствуемымъ государствомъ крупнымъ торгово-промышленнымъ предприятиямъ. И при общемъ направленіи нашей государственной политики едва ли можно рассчитывать на возможность иного отношенія къ кооперативнымъ учрежденіямъ. Столь же мало можно ожидать какого-нибудь содѣйствія имъ и отъ Государственной Думы, состоящей изъ представителей крупнаго землевладѣнія и крупной промышленности и торговли. Независимо отъ принципиальныхъ причинъ, дѣлу развитія кооперации мѣшаетъ и общая бюрократически-канцелярская волокита, задерживающая разрѣшеніе устройства кооперативныхъ союзовъ и съѣздовъ. Такъ, напр., въ первыхъ числахъ января въ Москвѣ предполагалось устроить общій съѣздъ представителей потребительныхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществъ и другихъ кооперативныхъ учреждений всей Россіи. Важность такого съѣзда для объединенія и взаимной поддержки различныхъ формъ кооперации очевидна. Значеніе его видно и изъ его программы, въ которую входитъ: ознакомленіе съ общимъ положеніемъ дѣла кооперации какъ въ Россіи, такъ и за границей, законодательство о кооперативныхъ товариществахъ, задачи и взаимоотношенія различныхъ формъ кооперации и объединеніе ихъ дѣятельности; союзы; кооперация въ деревнѣ; роль и положеніе служащихъ въ кооперативныхъ учрежденіяхъ. Однако разрѣшеніе на устройство съѣзда получено было почти наканунѣ срока, назначеннаго для его созыва (30 декабря), вслѣдствіе чего онъ и не могъ состояться и былъ отложенъ до Пасхи, т.-е. до 16—21 апрѣля.

Мы остановились на кооперативномъ движеніи, какъ на такомъ проявленіи народной энергіи и самодѣятельности, которое несомнѣнно представляетъ большую важность въ смыслѣ характеристики различныхъ теченій, нарождающихся въ народной жизни. Но само собой разумѣется, что какъ бы энергично ни развивалось это движеніе, оно не можетъ быть панацеей отъ всѣхъ народныхъ бѣдствій, хотя бы даже только экономическаго характера. Прежде всего, конечно, въ этомъ движеніи могутъ принимать дѣятельное участіе лишь тѣ группы населенія, которымъ есть что улучшать въ своемъ экономическомъ положеніи и которыя, принимая мѣры къ такому улучшенію, могутъ до полученія результатовъ отъ этихъ мѣръ, всетаки какъ-нибудь просуществовать. Въ дѣлѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній могутъ принимать участіе лишь тѣ, кто имѣетъ землю, иригомъ въ такомъ количествѣ, что обработка ея даже и при рутинныхъ способахъ позволяетъ не умереть съ голоду до тѣхъ поръ, пока улучшенные способы увеличатъ ея доходность. Въ сферахъ непроизводительной промышленности кустарь можетъ разсуждать о кооперативной организаціи производства и сбыта и о техническихъ улучшеніяхъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ не живетъ исключительно со дня на день, въ зависимости отъ скупщика, безъ котораго онъ не можетъ при существующихъ условіяхъ прожить ни одного дня; фабрично-заводскій рабочій можетъ думать о защитѣ своего труда въ формѣ профессиональныхъ союзовъ лишь въ

томъ случаѣ, когда онъ хотя бы до нѣкоторой степени можетъ свободно распоряжаться своимъ трудомъ, не рискуя очутиться вовсе безъ заработка и, слѣдовательно, безъ всякихъ средствъ существованія. Между тѣмъ огромное большинство рабочаго населенія, какъ земледѣльческаго, такъ и другаго, лишено возможности посвятить хотя небольшую часть своего времени и своихъ силъ на попытки улучшить свое экономическое положеніе, такъ какъ всѣхъ этихъ силъ едва оказывается достаточно, а иногда и недостаетъ даже для того, чтобы существовать впрямую. Земледѣльческое населеніе той, то другой значительной части Россіи ежегодно подвергается неурожаю, принявъ послѣдствіемъ котораго является голодавіе. Нынѣшній годъ тоже, повидимому, не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Уже въ декабрѣ выяснилось, что во многихъ губерніяхъ требуется немедленная продовольственная помощь, съ ходатайствами о которой обратились къ правительству земскія собранія Казанской, Черниговской и другихъ губерній. Само министерство внутреннихъ дѣлъ принуждено было признать, что оптимистическіе расчеты, дѣлавшіеся имъ осенью, не оправдались и что необходимость въ продовольственной помощи значительно больше, чѣмъ сколько представлялось въ началѣ. Въ декабрѣ Дума ассигновала на продовольствіе и обмѣненіе еще 7.450,000 руб., и тогда представитель министерства говорилъ, что «въ половинѣ января 1908 г. Дума получить еще третье представленіе, въ которомъ будетъ указана остальная сумма, необходимая на покупку сѣмянъ для яровыхъ посѣвовъ, и что этимъ «исчерпываются тѣ нужды, которыя выяснились по обследованіи на мѣстахъ». Теперь, послѣ святокъ, дѣйствительно внесено въ Думу новое, третье представленіе объ ассигновкѣ 7.126,000 руб., но при этомъ уже говорится, что «размѣръ продовольственной и сѣменной потребности по отдѣльнымъ губерніямъ не могъ быть съ точностью определенъ къ 25 января. Дѣйствительно, свѣдѣнія о неурожаѣ и наступающемъ голодѣ продолжаютъ идти все изъ большаго числа мѣстностей. Въ Самарской губерніи, въ Бугурусланскомъ уѣздѣ начали уже печь хлѣбъ изъ лебеды съ незначительной прибавкой ржаной муки, и во многихъ селеніяхъ на почвѣ недоѣданія начался голодный тифъ; въ Николаевскомъ уѣздѣ появилась пынга; крайне печальныя вѣсти идутъ также изъ Новоузенскаго уѣзда. Нужда въ помощи крайняя; между тѣмъ въ ней отказывалось тѣмъ, кто не выплатилъ старой продовольственной недоимки, а также вовсе были лишены права на помощь всѣ «пришлые», т.-е. въ приписанные къ мѣстнымъ обществамъ крестьяне. Въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, голодали по мѣстнымъ подсчетамъ, сдѣланнымъ еще въ концѣ декабря, свыше ста тысячъ крестьянъ, питающихся рѣзкими суррогатами хлѣба. Такія же извѣстія, идущія даже изъ официального источника, были получены тогда же изъ Вологодской губерніи. Схоныя вѣсти были изъ Баневскаго уѣзда, Кіевской губерніи и Сосницкаго, Черниговской, гдѣ тоже наблюдались заболѣванія вслѣдствіе питанія суррогатами хлѣба. Подобныя же сообщенія имѣются изъ Вятской, Смолен-

ской, Орловской, Воронежской, Волинской губерній. Голодь сопровождается распродажей за безденокъ всякаго имущества. А въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, крестьяне нѣкоторыхъ селеній, по словамъ *Волжскаго Слова*, «рѣшили подѣлить общественную землю съ тѣмъ, чтобы использовать ее на правахъ собственниковъ», т.-е. богатые купить, а бѣдные одни вовсе отдѣлаться отъ земли, не дающей урожая, а другіе, которые и желали бы сохранить ее,—просто для того, чтобы какиъ-нибудь путемъ добыть хлѣба, не взирая на дальнѣйшія послѣдствія продажи. Рядомъ съ такими фактами изъ большинства голодныхъ мѣстъ идутъ извѣстія объ усиленномъ взысканіи недоимокъ, какъ продовольственныхъ, такъ и другихъ. Какіе размѣры принимаетъ выколачиваніе недоимокъ, видно изъ извѣстія *Волжскаго Слова* о «продажѣ уѣзда». По словамъ газеты, «все движимое и недвижимое имущество крестьянъ всего Вольскаго уѣзда за недоимки описано и продается съ аукціона». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такія взысканія, сопровождаемыя настоящими карательными экспедиціями противъ недоимщиковъ, вызывали даже сопротивленіе; такіе случаи были, наприм., въ Ельнинскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи и въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Разумѣется, при такихъ условіяхъ у большинства населенія не можетъ быть и рѣчи о какиъ-нибудь хозяйственныхъ улучшеніяхъ, теряется всякая энергія и опускаются руки. Начинаются разныя фантастическія ожиданія, вродѣ того, что въ Брянскомъ уѣздѣ, по словамъ *Орловскаго Вѣстника*, ожидаютъ какого-то легендарнаго «хлѣбнаго манифеста». А тѣмъ временемъ тысячи нищихъ наводняютъ города. Въ голодающимъ вслѣдствіе неурожая присоединяются другія тысячи безработныхъ, потерявшихъ возможность заработка вслѣдствіе сокращенія производства на фабрикахъ и заводахъ. Вопросъ о безработныхъ дѣлается однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ городского управленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ безработица является связанной съ неурожаемъ; такъ, въ Кіевѣ и въ Самарѣ мукомольная промышленность переживаетъ кризисъ вслѣдствіе отсутствія подвоза хлѣба, мельницы сокращаютъ производство или вовсе закрываются, а рабочіе ихъ превращаются въ безработныхъ; такихъ безработныхъ возлѣ Бременчуга собралось около тысячи человекъ. Въ то же время, параллельно уменьшенію средствъ идетъ и вздорожаніе продуктовъ первой необходимости, что тяжело отражается не только на крестьянахъ, но и на бѣднѣйшей части городского населенія. Дорожаетъ хлѣбъ, мясо, дрова, керосинъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта дороговизна объясняется не одними естественными экономическими условіями, но и ростомъ торговой спекуляціи, которая въ послѣднее время стремится къ объединенію посредствомъ организаціи торгово-промышленныхъ синдикатовъ; въ противовѣсъ этому стремленію нѣкоторыя городскія управленія дѣлали попытки организовать дешевую продажу хлѣба и другихъ продуктовъ первой необходимости, и иногда довольно удачно; такъ, въ Минскѣ городская управа выписала рожь по льготному тарифу и устроила печеніе хлѣба въ своихъ хлѣбопекарняхъ, чѣмъ сразу заста-

вила хлѣботорговцевъ понизить цѣну на полкопейки за фунтъ; городская дума рѣшила также принять мѣры къ удешевленію керосина, для чего приступить къ сооруженію керосиноваго резервуара. Нѣкоторые земства также стали продавать хлѣбъ по удешевленнымъ цѣнамъ. Но такія отдѣльныя мѣропріятія все же не измѣняютъ того общаго факта, что жизнь для громадной массы бѣднѣйшаго населенія становится въ послѣднее время крайне тяжела, почти невыносима и заставляетъ его бросаться во всѣ стороны, чтобы выйти изъ этого положенія. Кромѣ громаднаго развитія переселеній въ Азіатскую Россію, усиливается и эмиграція за границу, и не однихъ евреевъ, а самыхъ настоящихъ русскихъ. Такъ, въ Самарѣ въ канцелярію губернатора отъ мѣстныхъ крестьянъ поступаетъ множество просьбъ о выдачѣ паспортовъ для выѣзда въ Америку, куда уже посланы ходоки для присканія работы. Многіе крестьяне теперь же берутъ съ собою и свои семьи. Экономическая тягота усугубляется нравственнымъ кризисомъ, какъ послѣдствіемъ все усиливающейся распатанности всякихъ жизненныхъ устоевъ. Неудовлетворенность жизнью распространяется и не на одну только бѣдноту, а на всѣ слои населенія и заставляетъ множество людей искать утѣшенія въ искусственномъ возбужденіи. Отъ этого развивается все сильнѣе пьянство, противъ котораго въ послѣднее время стали много говорить, между прочимъ, и въ Думѣ. Правда, что говорящіе рѣдко касаются глубокихъ причинъ этого явленія. Что основной причиной распространенія пьянства является именно недовольство дѣйствительной жизнью, на это указываетъ и то, что исканіе искусственныхъ возбужденій проявляется и въ другихъ формахъ; извѣстно, наприм., что въ послѣднее время очень усилились всякія азартныя игры: онѣ процвѣтаютъ и между крестьянской молодежи и въ городскихъ клубахъ, въ сравнительно богатой и культурной средѣ городского населенія; здѣсь онѣ получили такое распространеніе, что съ ними вступила въ борьбу и администрація, дѣйствуя, конечно, единственными доступными ей запретительными мѣрами. Къ этой же категоріи возбуждающихъ азартныхъ игръ относится и бѣговой тотализаторъ, о закрытіи котораго давно хлопочетъ московское городское управленіе, но который имѣетъ, повидимому, очень вліятельныхъ покровителей. Наконецъ, та же потребность въ искусственномъ возбужденіи и стремленіе хотя бы въ воображеніи выйти изъ существующей дѣйствительности заставляютъ и въ литературѣ искать необыкновеннаго и непохожаго на дѣйствительную жизнь. Здѣсь, впрочемъ, не мѣсто входить въ разборъ литературы послѣдняго времени, и мы намѣрены вторгаться въ непрінадлежащую намъ область. Но литература есть отраженіе жизни: она, съ одной стороны, отвѣчаетъ потребности читающей публики, съ другой—въ ней самой отражается общественное строеніе даннаго времени. И вотъ мы видимъ, что года два тому назадъ, когда въ русскомъ обществѣ и даже въ широкихъ слояхъ народа появилась надежда на возможность дѣятельнаго участія въ проведеніи политическихъ экономическихъ и политическихъ реформъ, стала въ небывало

количество требуется популярная литература по политическим и экономическим вопросам; книжный рынок был завален дешевыми брошюрами такого содержания. Теперь эта полоса прошла: исчезли надежды, исчезли и соответствующія брошюры. Теперь опять пошло требование на беллетристику, и преимущественно на беллетристику особаго сорта; мы бы назвали ее кошмарною; часть ея, конечно, носить такой характер потому, что она изображает нашу кошмарную действительность; но другая написана такъ, вѣроятно, отчасти вследствие ненормальнаго душевнаго состоянія своихъ авторовъ, отчасти потому, что и публика требуетъ небывалыхъ, изъ ряду вонъ выходящихъ ощущений, вродѣ какъ бы литературнаго сдирания кожи. Это тоже своего рода пьянство. Въ связи съ этимъ отъ литературы требуется теперь и раздраженіе эротическаго чувства, отътомъ на что является цѣлая серія изданій, вродѣ записокъ маркиза де Садъ и т. п. вещей. Рядомъ съ ними мы видимъ одурманивающую литературу другаго характера: спиритизмъ, оккультизмъ и т. п., очевидно, тоже рассчитанную на удовлетвореніе потребности болѣе или менѣе широкой публики. Вотъ, наприм., для образчика объявленія въ двухъ предпраздничныхъ номерахъ газетъ. Въ одномъ—«Тайны жизни»; это именно серія книгъ, начинающаяся съ маркиза де Садъ и кончающаяся «тайнами жизни и смерти». «Явленія умершихъ, внушенія и матеріализация». Рядомъ объявленія о двухъ газетахъ: «Декольте», дающей премію въ видѣ альбома подъ названіемъ «Первая ночь новобрачныхъ», и «Новобрачной газетъ», обещающей сочиненія Баркова. Въ другой газетѣ рядомъ стоятъ объявленія о журналѣ «Тайныхъ знаній»: «голосъ всеобщей любви», вѣстникъ общенія съ загробнымъ міромъ, и спиритуально-оккультной газетѣ «Оттуда». Все это знаменія времени, и какъ таковыя, мы и заносимъ ихъ въ свою хронику; все это симптомы того же бѣгства отъ действительности, которая становится все мрачнѣе не только съ матеріальной, но и съ нравственной стороны: атмосфера всеобщаго сыска и взаимнаго предательства становится все гуще. Она пронизываетъ даже въ такія явленія провинціальной жизни, которыя, казалось бы, не должны были имѣть никакой связи съ преслѣдованіемъ крамолы. Такъ, наприм., выдѣлъ изъ общинъ на основаніи указа 9 ноября, осуществляемый обыкновенно при содѣйствіи земскаго пачальника, вызываетъ почти всюду въ деревнѣ междоусобицу, которая ведетъ за собой взаимное озлобленіе между выдѣляющимися и остающимися въ общинѣ; а затѣмъ начинаются взаимные доносы и обвиненія въ политической неблагонадежности. Этимъ пользуется союзъ русскаго народа, члены котораго являются въ деревню и заявляютъ требованіе о присоединеніи выдѣлившихся къ общинѣ, чѣмъ вражда различныхъ частей деревенскаго населенія еще болѣе, такъ сказать, формально, закрѣпляется, получая въ то же время политическую окраску. Такимъ образомъ, по выраженію газеты *Слово*, землеустройство перестаетъ имѣть значеніе дѣятельности, направленной къ поднятію хозяйственнаго и экономическаго благосостоянія населенія... къ земле-

устройству были пристегнуты политическія соображенія и расчеты. Но и помимо этихъ причинъ взаимной ненависти и вытекающихъ изъ нея доносовъ, потребность въ добровольцахъ для сыска обуславливается уже тѣмъ, что одна формальная полиція не справляется съ этимъ дѣломъ. И охотники всегда находятся, вслѣдствіе чего всюду въ провинціи получаются приблизительно такая же картина мѣстной жизни, какую описываетъ Бурмышскій (Симбирской губ.) корреспондентъ *Волжскаго Листка*. «Нельзя не указать, — пишетъ онъ, — на ростъ въ нашемъ городѣ низкаго предательства, тонкаго напештыванія, темной преступности и трусливой угодливости. Власть и мущіе видные дѣятели и неимѣющіе никакой власти простые обыватели по горло заняты сыскомъ, невольнымъ и добровольнымъ шпионствомъ. И видимо трудъ этотъ хорошо оплачивается. Атмосфера сыска и предательства такъ разрослась въ ширь, что даже въ ней самой теряется наконецъ всякое представленіе о томъ, кто за кого, кто кому обманываетъ, вслѣдствіе чего получаютъ такіе факты, какъ недавній арестъ въ Варшавѣ помощника начальника варшавскаго охраннаго отдѣленія и другихъ лицъ, служившихъ въ охранной агентурѣ и подозрѣваемыхъ въ близкомъ отношеніи къ нѣсколькимъ бывшимъ въ столицѣ грабежамъ. По справедливому замѣчанію *Русскихъ Вѣдомостей*, «когда въ жизни страны получаетъ такое значеніе сыскъ, то на обнаруживавшіяся спрость отталкиваются изъ среды общества элементы, наиболѣе въ нравственномъ смыслѣ безразличные и неустойчивые. Не все ли въ самомъ дѣлѣ имъ равно, гдѣ и какъ дѣйствовать, лишь бы «заработать» побольше денегъ. Кого и какъ обманывать, — этотъ вопросъ для людей, для которыхъ обманъ и притворство суть вѣчныя профессиональнаго долга и практикуются походя, является совершенно празднымъ. Обманываютъ одну или другую сторону въ зависимости отъ того, что въ данный моментъ представляется болѣе выгоднымъ. На этой почвѣ развиваются весьма широкіе аппетиты, и страна наполняется удушливыми испареніями доносительства и предательства, въ которыхъ свои не познаютъ своихъ». Такая общественная деморализація создаетъ въ странѣ истинно-трагическое положеніе. И, какъ всегда бываетъ въ моменты такихъ нравственныхъ кризисовъ, мысль значительной части общества обращается къ религіи и ищетъ въ ней разрѣшенія волнующихъ ее вопросовъ. Доколѣ, Господи! слышится скорбный голосъ русскаго народа. Но отъ тѣхъ, кто должны бы быть по преимуществу представителями религіи, не получается никакого отвѣта, ибо одни изъ нихъ смотрятъ на религію исключительно какъ на средство въ рукахъ государственной власти, и сами становятся въ ряды агентовъ правительственной бюрократіи и воинствующей реакціи, а другіе насильственно лишаются возможности сказать свое слово. Православное духовенство раздѣляется на преслѣдуемыхъ и преслѣдующихъ, и въ средѣ его, вмѣсто христіанской любви, процвѣтаютъ тѣ же способы дѣйствія, интриги и доносы, какъ и въ другихъ общественныхъ слояхъ. Навѣстна печальная судьба бывшихъ священниковъ-депутатовъ Государственнаго

Думы, виновных лишь въ высказываніи въ Думѣ своихъ убѣжденій согласно со своей совѣстью. На дняхъ въ синодѣ закончилось давно начатое преслѣдованіе священника Г. С. Петрова. Уже изъ отношенія митрополита Антонія къ этому дѣлу, казалось бы, «благонамѣренность» его политическаго направленія не могла возбудить сомнѣній. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи отвѣтъ, данный имъ женской депутаціи, ходатайствовавшей о посѣщеніи имъ петербургскихъ тюремъ, что тяжелое время убійствъ, грабежей и покушеній не даетъ ему права поступать по примѣру древнихъ патріарховъ и что ему, какъ представителю православія, чужаго миръ и въ человѣкахъ благоволеніе, недостойно вмѣшиваться въ участь заподозрѣнныхъ въ нарушеніи этого христіанскаго завѣта. Тѣмъ не менѣе и митрополитъ Антоній оказался не на высотѣ современныхъ требованій, такъ какъ не проявилъ достаточной ревности къ сближенію съ союзомъ русскаго народа. Поэтому епископы Гермогенъ и Серафимъ стали дѣйствовать помимо него: получивъ отъ союза благодарственную телеграмму за «изверженіе» Петрова, они, не говоря ничего митрополиту, послали союзу благословеніе какъ бы отъ синода. Затѣмъ они же въ предѣлахъ петербургской митрополіи, не спрашивая согласія митрополита, задумали устроить общество для защиты о. Іоанна Бронштадтскаго. Митрополиту пришлось высказать «въ братскомъ разговорѣ» съ епископами свое огорченіе по поводу ихъ дѣйствій. Таковы взаимоотношенія и порядки въ средѣ высшихъ представителей русской церкви, вполнѣ напоминающіе таковыя же въ средѣ бюрократическихъ свѣтскихъ учрежденій, наприм. инцидентъ Шауфуса и ф. Вендриха въ министерствѣ путей сообщенія. Какое нравственное вліяніе могутъ оказывать такіе пастыри на общество и народъ? Между тѣмъ, предложенный церковнымъ соборъ, который долженъ былъ бы заняться вопросами о реформѣ церковнаго быта, повидимому, отложенъ на неопредѣленное время. Не давая простора свободному исканію религіозной истины, существующій политическій и церковный строй толкаетъ людей въ глубину самаго низменнаго суевѣрія, проникающаго всѣ общественные слои съ самыхъ высшихъ до низшихъ. Извѣстно суевѣрное поклоненіе о. Іоанну Бронштадтскому въ самыхъ аристократическихъ петербургскихъ сферахъ. Это же поклоненіе въ низшихъ классахъ народа выродилось въ суевѣрную секту, прямо обожествляющую своего кумира и, помимо религіозной экзальтаціи, не гнушающуюся самой беззастѣчивой эксплуатаціи невѣжественной толпы. Не одинъ Іоаннъ Бронштадтскій служитъ предметомъ, на который направляется суевѣріе; являются и другіе пророки, предсказатели, юродивые. Возможность такихъ явленій указываетъ на высокую степень некультурности даже въ той средѣ, изъ которой образуется правящій классъ. И конечно, эта некультурность играетъ тоже очень большую роль въ упорномъ отставаніи не только отжившаго государственнаго строя, но и всѣхъ первобытныхъ способовъ его охраненія, а также въ непримиримомъ и озлобленномъ преслѣдованіи всѣхъ не только прямыхъ противниковъ, но и вообще несогласно мыслящихъ. Однимъ изъ самыхъ рельефныхъ примѣровъ

такого некультурнаго образа дѣйствій правящихъ въ настоящее время круговъ можетъ служить происходившее на-дняхъ московское дворянское собраніе. Изъ постановленій его особое вниманіе публики и литературы обратили на себя исключеніе изъ московскихъ дворянъ Ф. Ф. Коккошкина и представленіе московскимъ дворянствомъ Государю Императору всенеподданѣйшаго адреса. Мы не будемъ говорить объ этихъ постановленіяхъ по существу. Мы хотимъ только обратить вниманіе на тѣ приемы, къ которымъ прибѣгло большинство московскаго дворянскаго собранія; рѣчи противниковъ заглушались криками и шумомъ. Н. А. Андрееву просто не дали говорить, и предсѣдательствующій не былъ въ состояніи или не пожелалъ возстановить порядокъ. Принятіе адреса произошло совершенно необычнымъ образомъ: адресъ не былъ прочитанъ въ собраніи, а только келейно въ частномъ совѣщаніи; въ собраніи не позволено было ни обсуждать его, ни вносить поправокъ. Нельзя не обратить вниманія, между прочимъ, на то, что въ числѣ оппонентовъ противъ принятой редакціи оказались такіа лица, пользовавшіяся до сихъ поръ величайшей популярностью въ московскомъ дворянствѣ, какъ бывшій губернскій предводитель князь П. Н. Трубецкой, политическая благонамѣренность котораго стоитъ, конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, и которому однако теперешнее собраніе тоже не дало говорить. Очевидно, волна некультурной реакціи подымается все выше и выше: тѣ, кто годъ тому назадъ считались консерваторами, теперь уже оказываются въ представленіи большинства дворянства чуть ли не революціонерами, противъ которыхъ дозволены всякія средства. Таковой же подъемъ некультурности и нетерпимости проявляется и въ Думѣ въ видѣ травли Миллюкова и тайнаго обсуждения морскаго бюджета. До чего это дойдетъ и чѣмъ это кончится, неизвѣстно, но расплачиваться за все это придется, конечно, опять русскому народу.

В. Амидъ.

Скончался извѣстный беллетристъ Александръ Ивановичъ Эрталь. Въ послѣднее время онъ сошелъ съ литературной сцены, но въ 80-хъ и 90-хъ годахъ его имя было очень извѣстно и желанно. Оно появлялось подъ талантливыми повѣстями и разсказами; и всѣ они обнаруживали въ авторѣ глубокое знаніе народной жизни и души, яркую способность діалога и движенія.

Русская Мысль считала его въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ. У насъ были напечатаны его *Миніатюры*, *Минеральныя воды*, *Дѣя пары*, большіе и сильныя романы *Гарденины*, *Смѣна*; разсказы *Макарьевское попечительство*, *Духовидцы*, *Въ сумеркахъ*.

Ред.

Иностранная политика.

Говоря о событіяхъ истекшаго мѣсяца, намъ естественно приходится начинать съ лиссабонской трагедіи, которая произвела повсюду въ Европѣ такое потрясающее впечатлѣніе. И трагиченъ здѣсь былъ не только самый фактъ царубійства. Мы знаемъ, хотя бы по убійству императрицы Елизаветы, короля Гумберта и по покушенію на жизнь Альфонса XIII, что въ нѣдрахъ европейскихъ обществъ, особенно романскихъ, есть темныя силы, которыя развиваются, какъ стихійныя катастрофы, и которыя столь же мало, какъ эти послѣднія, могутъ быть предусмотрѣны. Какой мотивъ хотя бы самаго извращеннаго политическаго изувѣрства могъ побудить отнять жизнь у престарѣлой императрицы, жизнь которой была посвящена дѣламъ чело-вѣколюбія и высшимъ культурнымъ интересамъ? Трагизмъ гибели Донъ-Педро и его сына усугубляется тѣмъ, что она произошла на фонѣ общаго положенія страны, чтѣ и было отмѣчено органами самыхъ разнообразныхъ направленій. Въ этомъ отношеніи ее можно было бы сравнить съ убійствомъ Александра сербскаго; но обстановка португальскихъ событій носила еще болѣе фатальный характеръ.

Извѣстно, насколько эта страна выбита была за послѣднее время изъ рамокъ нормальной политической и общественной жизни. Уже съ середины XIX вѣка здѣсь установился порядокъ, который мы, примѣняясь къ обычной терминологіи, должны охарактеризовать, какъ парламентарный. Правда, этотъ парламентаризмъ вовсе не представлялъ особой принципиальной вы-соты: регенераторы (консервативная партія) смѣняли прогрессистовъ (ли-бераловъ) и обратно, но особаго контраста въ управленіи страной и въ законодательствѣ при этихъ перемѣнахъ не замѣчалось; въ Португаліи, какъ и въ Испаніи, установилась такъ называемая система чередованья (dos rotativos), согласно которой каждая изъ партій имѣетъ какъ бы мол-чаливо признанное право въ періодическіе промежутки времени пользо-ваться благами пребыванія у власти.

Но всетаки это былъ режимъ политической свободы, который посте-пенно воспитывалъ націю. Между тѣмъ диктатура Франко, вызванная рас-

тушимъ броженіемъ, проявлявшемся въ весьма острыхъ формахъ (кителъ мвтрсовъ на «Донъ-Карлосъ» и «Васко-де-Гама»), могла казаться подготовленъ возстановленія абсолютизма. 10 мая прошлаго года кортесы были распущены, причемъ срокъ ближайшихъ выборовъ не обозначался, а Франко открыто заявлялъ, что онъ съ палатами или безъ палатъ «обезпечитъ блж и будущность страны». Виѣстѣ съ этимъ начались обычные репрессіи, особенно относительно печати, и крайняя суровость по адресу политическихъ противниковъ. Чрезвычайно трудно съ объективностью установить, какъ психологически въ массѣ страны переживалась диктатура, которую ея обладатель защищалъ передъ американскимъ корреспондентомъ, ссылаясь на темпераментъ южной расы. Ясно было однако, что кризисъ весьма тяжелый. Замѣчательно, что убійство короля совершилось уже послѣ того, какъ выборы въ кортесы были вновь назначены правительствомъ.

Новый король принялъ отставку Франко, не отиѣнилъ выборовъ и заявилъ о своей вѣрности конституціи. Кабинетъ основанъ на коалиціи всѣхъ монархическихъ партій и уже поэтому можетъ возбуждать сомнѣнія относительно своего единства. А предстоящіе выборы имѣютъ глубокий не только политическій, но и психологическій интересъ. Республиканскіе элементы, несомнѣнно весьма усилившіеся за послѣднее время, встрѣтятся съ принятымъ, вслѣдствіе трагической гибели короля и наследника, настроеніемъ монархическаго лоялизма. Для устойчивой, хладнокровной политики, которая опиралась бы на твердое соблюденіе конституціонныхъ началъ и возвратила бы монархіи подобающее ей положеніе—время кажется мало благоприятнымъ, хотя, повидимому, въ эту сторону направлены всѣ желанія юнаго короля. Тѣмъ не менѣе ожидать въ Португаліи диктаторскаго анархическаго состоянія, подобно тому, что такъ часто происходило въ южно-американскихъ республикахъ, основанія нѣтъ. Португалія слишкомъ близка отъ великихъ европейскихъ державъ и слишкомъ подвергается риску иностраннаго вмѣшательства. Извѣстно, что португальская внѣшняя политика была въ теченіе всего столѣтія построена на тѣсномъ союзѣ съ Англій, этой традиціонной покровительницей монархіи Браганцевъ. Быть можетъ, на португальскомъ вопросѣ будетъ испробована сила «западнаго тройственнаго союза». Впрочемъ, въ настоящее время эти предположенія преждевременны.

Оцѣнка событія была, естественно, единодушна. Вождь португальскихъ республиканцевъ Лима, находящійся въ настоящую минуту въ Парижѣ, заявилъ, что всѣ португальцы осуждаютъ это дѣло, являющееся анархическимъ актомъ, но главная отвѣтственность падаетъ на Франко. Кроме въ парламенты вытисрвали выраженіе глубокаго сочувствія; здѣсь не было ни малѣйшей между французской палатой депутатовъ, англійской палатой общаго, нашей Государственной Думой, между монархіями и республиками. Голосовало признаніе, что рѣчь идетъ объ охранѣ высшихъ нравственно-гражданскихъ началъ, на которыхъ держится европейская цивилизація! Прочее

такой постановки не могли даже возразить социалистическія партіи съ ихъ традиционнымъ неучастіемъ въ соответствующихъ парламентскихъ постановленіяхъ. Вѣдь призракъ кровавой мести, ставшей орудіемъ политической борьбы, не менѣе страшенъ для социалистическаго, чѣмъ для «буржуазнаго» сознания, ибо онъ открываетъ собой цѣпь разрушенія и истребленія, которыя уходятъ въ неопредѣленную даль. И судьба Португаліи тѣмъ трагичнѣе, чѣмъ менѣе случайнаго было въ событіи 2 февраля.

По контрасту естественно отъ нея перейти къ чрезвычайно знаменательной борьбѣ, которая ведется въ Пруссіи за всеобщее избирательное право. Вѣдь всеобщее избирательное право—есть высшій символъ политическаго и социальнаго мира, есть то, что въ идеалѣ всего болѣе противорѣчить всякой насильственной революціи. Избирательный бюллетень способенъ дѣлаться наиболѣе совершеннымъ орудіемъ прогресса въ современныхъ человѣческихъ обществѣхъ, какъ бы часто окружающая историческая обстановка ни лишала его возможности играть эту благородную роль.

Дѣйствующій прусскій избирательный законъ это до сихъ поръ—самый типическій памятникъ европейской вообще и нѣмецкой въ частности реакціи, которая смѣнила буря 1848 г. Въ самомъ своемъ принципѣ онъ является полной противоположностью того всеобщаго избирательнаго права, къ которому тяготеетъ европейская цивилизація, къ которому за послѣднее время перешли отъ архаическихъ системъ сословнаго и классоваго представительства Австрія и Финляндія. Прусская система трехкласснаго расчлененія распределяетъ политическія права между различными элементами страны какъ бы пропорціонально ихъ имуществамъ, отъ чего, конечно, происходитъ колоссальная неравномѣрность: по даннымъ, относящимся къ 1899 г., въ Берлинѣ первый классъ представлялъ собой 0,24% населенія, второй 2,41%, третій — 97,38%, а вѣдь отъ каждаго изъ нихъ было равное число выборщиковъ. Какъ извѣстно, прусскіе выборы—двухстепенные. При этомъ выборы въ прусскій ландтагъ совершаются открытымъ путемъ. Этотъ избирательный законъ получилъ нѣкогда отъ Бисмарка, котораго менѣе всего можно было бы заподозрить въ демократическомъ доктринерствѣ, характеристику какъ самаго бессмысленнаго и жалкаго изъ всѣхъ существующихъ избирательныхъ законовъ. И однако онъ просуществовалъ болѣе полувѣка, и когда въ 90-хъ годахъ правительство хотѣло нѣсколько взмѣнить его аутократическій характеръ, оно не могло исполнить своего намѣренія вслѣдствіе сопротивленія «палаты господъ». Между тѣмъ чувство противорѣчія все возрастало—не только противорѣчіе между дѣйствующимъ въ Пруссіи порядкомъ и системой выборовъ въ имперскій рейхстагъ, но и той демократизаціей представительства, которая совершилась въ южногерманскихъ государствахъ. Какъ теперь оказывается, напряженность «давленія страны» (pressure from without) въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права въ Пруссіи была гораздо сильнѣе, чѣмъ это предполагалъ самъ князь Бюловъ, когда 10 января онъ съ самоувѣренностью заявилъ,

что правительство во всякомъ случаѣ не допуститъ ни всеобщности, ни тайны выборовъ. Отвѣтомъ были не только негодующія заявленія, исходящія отъ представителей, которыхъ можно было причислить къ правительственному блоку, не только энергичный призывъ Наумана въ *Hilfe* ко всемъ либеральнымъ элементамъ—совершенно отказаться отъ припрительной политики. Отвѣтомъ явились извѣстные уличныя демонстраціи въ Берлинѣ и въ цѣломъ рядѣ мѣстъ Пруссіи.

Повторяются сцены, которыя заставляютъ вспоминать о 1848 годѣ. Вѣдь за послѣднее столѣтіе ни о какихъ уличныхъ демонстраціяхъ въ Пруссіи не было слышно, и если онѣ приняли такіе размѣры, то это именно въ Пруссіи является весьма серьезнымъ симптомомъ. Вѣдь вся психологія населенія съ его привычкою къ дисциплинѣ, къ неизмѣнно охраняемому полицейскому порядку, съ воспитательнымъ вліяніемъ, которое оказываетъ воинская повинность въ Пруссіи еще больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, и темпераментъ этихъ людей и та государственная атмосфера, въ которой они живутъ—все это крайне неблагоприятствуетъ уличнымъ выступленіямъ. Симптоматическое значеніе такихъ выступленій именно поэтому нельзя измѣрять одной внѣшней стороною. Если правительство устави кн. Бюлова заявило, что оно во всякомъ случаѣ не допуститъ улицъ навязывать свою волю органамъ государства—оно взяло вопросъ лишь формально правильно. Важна не сама улица, важно то, насколько и на ней проявляются извѣстныя глубокія перемены общественной психологіи. А германскій канцлеръ не разъ заявлялъ, что онъ можетъ управлять, лишь опираясь на общественное мнѣніе, хотя Германія и не страна парламентаризма. Не дала ли послѣдняя избирательная побѣда при выборахъ въ рейхстагъ слишкомъ преувеличенное представленіе о легкости, съ которой можно направлять эту силу общественного мнѣнія? Упорство въ проведеніи избирательной реформы несомнѣнно окончательно ослабитъ ту весьма некрѣпкую связь, которая существовала между правительствомъ и либеральными элементами.

Что касается связи съ консервативными элементами, то поскольку дѣло идетъ о Пруссіи, здѣсь тоже нѣтъ полного «entente cordiale». Въ этомъ смыслѣ чрезвычайный интересъ представляетъ приѣмъ въ налѣтѣ господъ проекта о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель. Происходитъ явное столкновеніе двухъ началъ, входящихъ въ общую систему прусскаго соціально-политическаго консерватизма. Съ одной стороны, правительство заявляетъ, что безъ этой мѣры приходится вовсе отказаться отъ системы нѣмецкой колонизаціи польскихъ областей, признать полнѣе крушеніе всей политики германизаціи и готовить себѣ крайне опасное и острое положеніе при конфликтахъ на восточной границѣ. Съ другой—здѣсь, хотя и въ видѣ исключенія, подъ прикрытіемъ патріотическаго лозунга—вводитъ принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, т.-е. начало, угрожающее всемъ соціальнымъ интересамъ прусскаго консерватизма. В ъ ость-эльбскіе аграріи до сихъ поръ—незыблемая основа этого консерватизма,

и замѣнить ихъ индустриальными элементами невозможно. И на заявленіе правительства, что предлагаемая мѣра есть исключительная, но что вопросъ поставленъ о принципѣ, изъ среды представителей крупнаго землевладѣнія данъ былъ отвѣтъ, что вопросъ дѣйствительно поставленъ о принципѣ и потому не можетъ быть трактованъ въ духѣ поверхностнаго государственнаго утилитаризма, который готовъ какою угодно цѣной купить желаемый результатъ. «Вы требуете, — говоритъ графъ Тиле-Винклеръ, — отчужденія польскихъ земель по политическимъ соображеніямъ; но нѣтъ ручательства, что другое правительство, сославшись на этотъ прецедентъ, не потребуетъ по социальнымъ и этическимъ соображеніямъ экспроприации крупнаго землевладѣнія вообще». Что бы могло противопоставить правительство этой тревогѣ, которая высказывается съ опредѣленной откровенностью, присущей защитѣ собственныхъ реальныхъ интересовъ? Во всякомъ случаѣ позиція прусскаго правительства оказывается такимъ образомъ необезпеченной съ обѣихъ сторонъ. Комиссія палаты господъ уже внесла въ правительственный законопроектъ чрезвычайно существенное ограниченіе: не подлежатъ стчужденію земли, которыя находятся въ однихъ рукахъ 10 лѣтъ, а при этомъ всѣ результаты закона почти сводятся къ нулю: площадь, подлежащая принудительному отчужденію, оказывается ничтожной.

Можно ли говорить, исходя изъ этого, о кризисѣ господствующей въ Пруссіи политической системы? Ясно во всякомъ случаѣ, что тѣ организованныя отношенія между властью и различными общественными элементами, которыя существуютъ и въ имперіи и, въ особенности, въ Пруссіи, не соответствуютъ уже общему европейскому политическому уровню. Этимъ приходится объяснять и крайнюю тусклость нѣмецкаго либерализма. Исходъ прошлогоднихъ выборовъ въ рейхстагъ открывалъ для этого либерализма благоприятную перспективу, но за истекшій годъ никакихъ пріобрѣтеній имъ сдѣлано не было. Съ другой стороны, и правительство не сумѣло удержать той популярности, которую оно получало послѣ избирательной побѣды. Тучи сгущаются.

Въ виднымъ событіямъ послѣдняго мѣсяца нельзя не отнести новаго обращенія къ конгрессу Рузвельта. Правда, главное содержаніе его мы найдемъ уже въ декабрьскомъ президентскомъ посланіи, но новый памятникъ отличается особенно энергичнымъ тономъ. Вліаніе, которое оказалъ послѣдній американскій кризисъ на европейскій финансовый міръ, ясно показываетъ, что вопросъ объ урегулированіи спекуляціи заатлантическихъ трестовъ принимаетъ мировой интересъ. Рузвельтъ рѣшительно слагаетъ съ себя вину за кризисъ, вину, которую многіе были бы склонны признавать за нимъ, указывая на возбужденную его нападками противъ трестовъ панику.

Рузвельтъ особенно привѣтствуетъ судебный приговоръ, который присудилъ къ многомилліонному штрафу Standard Oil Company. Нужно энергично бороться съ гигантскими злоупотребленіями компаніи: тутъ не только злоупотребленія финансовыя, вродѣ тѣхъ, что недавно имѣли мѣсто среди

обществѣ страхованія жизни, вредѣ произвольныхъ тарифовъ, которые получаются съ цѣлью уничтожить конкурентовъ, тутъ глубокое политическое развращеніе страны. У всѣхъ на глазахъ вымогательства Тамшану Нанъ и ньюйоркской полиціи, подвиги санъ-францискаго мэра. Уровень финансово-политическихъ дѣльцовъ, по выраженію Рузвельта, сталъ близко подходить къ уровню притонодержателей и убійць. Какъ законодательное противодіе, президентъ предлагаетъ изданіе закона, предоставляющаго правительству брать въ свое завѣдываніе желѣзныя дороги тѣхъ компаній, которыя нарушаютъ законъ, и запрещеніе передавать по телефону и телеграфу сдѣлки, носящія азіотажный характеръ или связанныя съ покупкой или продажей на срокъ.

Въ своемъ посланіи Рузвельтъ указываетъ, что право собственности, какъ всякое право, по справедливости должно имѣть противобѣсъ въ соответствующихъ обязанностяхъ. Можно ли дѣйствительно отвергать, что практика американскихъ трестовъ указала на возможность такихъ выводовъ изъ понятія собственности, которые раньше оставались какъ бы скрытыми? Передъ могуществомъ денегъ оказалась недостаточно вооруженная самая могучая политическая демократія. Это могущество оказывается несовѣстимымъ даже съ интересомъ самого торговаго оборота. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ этотъ оборотъ безнаказанно выдерживать хотя бы спекуляціи съ мѣдью, производившіяся въ 1907 г., когда тонна мѣди въ Лондонѣ въ февралѣ стоила 107 ф., а въ октябрѣ 60! А крайнее развитіе началъ экономическаго индивидуализма приводитъ къ слѣдствіямъ, разрушительнымъ для этого же самаго индивидуализма. И, безъ сомнѣнія, въ пересмотрѣ концепціи собственности не останется безъ вліянія и послѣдній американскій кризисъ.

Очевидно, существующій законъ о трестахъ, такъ называемый законъ Шермана, недостаточенъ. Какими практическими мѣрами онъ долженъ быть дополненъ? Повидимому, Рузвельтъ видитъ одну изъ нихъ въ устраненіи покупокъ и продажъ на срокъ. Онъ ссылается даже на примѣръ Германіи, что едва ли удачно: вѣдь Германія, уничтоживши эти сдѣлки, вновь ввела ихъ. Та точка опоры, съ которой можно поразить американскую плутократію, еще не найдена. Но сознаніе въ странѣ необходимости бороться болѣе энергично совершенно созрѣло, какъ и сознаніе растущей деморализаціи, которая проникаетъ политическую и административную жизнь. Въ этомъ смыслѣ характерно то единодушное одобреніе, которое было встрѣчено заявленіе Рузвельта даже въ политически враждебныя ему кругахъ. Видный представитель демократической партіи, сенаторъ Джефферсонъ Дэвисъ заявилъ въ сенатѣ, что это лучшее демократическое посланіе, которое только можно себѣ представить. И это передъ кампаніей президентскихъ выборовъ, когда всѣ партійные контрасты такъ обостряются. Все заставляетъ думать, что въ ближайшемъ будущемъ борьба съ плутократіей займетъ центральное мѣсто въ американской жизни и создастъ

новыя отрасли экономического и социального законодательства. Очевидно, то законодательство, которое под силу лишь федеральному правительству, будет укрѣплять централизацию въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ области международныхъ отношеній едва ли не самымъ крупнымъ фактомъ за истекшій періодъ являются разъясненія, данныя австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Эренталемъ въ делегаціяхъ. Выяснилось намѣреніе Австріи получить у Турціи концессию на постройку желѣзнодорожной линіи между Митровицами и боснійской границей. Такимъ образомъ новый желѣзнодорожный путь свяжетъ Берлинъ и Вѣну съ Эгейскимъ моремъ. Значеніе этого проекта было отмѣчено всей европейской прессой.

Несомнѣнно, Австрія получаетъ новое чрезвычайно сильное средство воздѣйствія на балканскія дѣла, и равновѣсіе, которое яко бы установлено мюнхенской системой взаимодѣйствія Россіи и Австро-Венгрии, совершенно поколеблено. Многое, конечно, зависитъ здѣсь отъ того, насколько въ данномъ случаѣ существуетъ параллелизмъ интересовъ Австріи и Германіи. Петербургскій *Kraj* отнесся къ заявленіямъ Эренталя сочувственно, ибо, по мнѣнію польскаго органа, увеличеніе австрійскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ само по себѣ не опасно для славянскаго міра. Но что значить это «само по себѣ»? Развѣ традиціи австрійской внѣшней политики такъ рѣзко измѣнились? Вѣдь и во время мюнхенскаго соглашенія нѣкоторые находили, что оно полезно, какъ противовѣсъ Германіи, и однако оказалось, напротивъ, что оно вполне соответствуетъ общей линіи германской ближневосточной политики. Психологически совершенно невѣроятно, чтобы Турція согласилась на это соединеніе боснійскихъ и своихъ желѣзныхъ дорогъ, противъ котораго она всегда энергично боролась, если бы это соединеніе не рекомендовалось бы и Германіей. Послѣдняя, впрочемъ, лишь выигрываетъ, приобрѣтая новое сообщеніе съ Салониками, которыя, по словамъ *Temps*, въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаются австро-нѣмецкимъ портомъ. Въ смыслѣ же международнаго транспорта здѣсь открывается путь въ Египетъ и Индію, который можетъ конкурировать съ линіей Калѣ-Бриндизи, обслуживавшей до сихъ поръ англо-индійскую почту. Неудивительно, что германская пресса осыпаетъ Эренталя похвалами и крайне рѣзко обрушивается на русскую печать, довольно единодушную въ оцѣнкѣ австрійской программы.

Очевидно, это согласіе не дано султаномъ безъ извѣстныхъ условій, и здѣсь расходы по сдѣлкѣ будутъ платитъ повидному та же Македонія; на это указала въ своей критикѣ рѣчи Эренталя Крамаржъ. Дѣло реформъ не подвигается нисколько, и обструкціонистская энергія относительно правительства не слабѣетъ, новыя уступки даютъ больше возможности отказываться въ европейскихъ требованіяхъ. Такимъ образомъ ближневосточный кризисъ затягивается, и вмѣстѣ съ послѣдствіями для злополучнаго македон-

скаго населенія, новый шагъ Австріи является довольно тяжелой угрозой для Сербіи и для Болгаріи—въ особенности, конечно, для первой.

Передъ русской дипломатіей тоже открывается новое осложненіе. Наша внѣшняя политика на Балканскомъ полуостровѣ за последнее десятилѣтіе, когда получили особое значеніе проекты на Дальнемъ Востокѣ, не отличалась никакой планомѣрностью. Въ общемъ мы принимали совершившіеся факты. Официальная совмѣстная дѣятельность съ Австріей фактически почти сводится къ предоставленію Австріи картъ-бланша. А рядомъ съ этимъ происходитъ энергичная германизация всего Ближняго Востока и въ особенности Малой Азіи. Въ настоящую минуту было бы невозможно рекомендовать русской дипломатіи болѣе активное выступленіе для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Но тѣмъ настоятельнѣе является потребность для Россіи выступить въ дѣлахъ Ближняго Востока самостоятельной, не связанной мюнхенской традиціей. Фактически, мюнхенскаго соглашенія и не существуетъ болѣе. Опасность, угрожающая Сербіи и Болгаріи отъ новыхъ шаговъ Австріи, могла бы, при разумной политикѣ съ нашей стороны, оказаться только полезной дѣлу объединенія балканскихъ славянъ. Впрочемъ, извѣстный противовѣсъ сараево-нигровицкой линіи создается въ линіи дунайско-адриатической, которая открываетъ прямой доступъ къ Адриатическому морю Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Эта линія представляетъ видоизмѣненіе стараго проекта линіи Варна-Антивари. Россія, конечно, можетъ только поддерживать своимъ моральнымъ вѣсомъ новую линію, поскольку она является соответствующей жизненнымъ интересамъ славянскихъ народностей на Ближнемъ Востокѣ.

Мы въ настоящую минуту не можемъ опредѣлить, въ какомъ отношеніи находятся эти перемены на Балканскомъ полуостровѣ къ тому движенію, которое наблюдается въ турецкихъ районахъ около кавказскихъ границъ. Движеніе это таково, что не только вызываетъ извѣстную тревогу среди газетныхъ алармистовъ, но и въ средѣ лицъ, коротко знающихъ положеніе дѣлъ въ Закавказьѣ. Правда, турецкое правительство дементируетъ эти слухи. Фактъ тотъ, однако—и турецко-персидскій конфликтъ это тоже подтверждаетъ,—что въ Турціи преобладаетъ теперь довольно активное настроеніе. А при этомъ конфликты всегда возможны, если только Германія, которая до сихъ поръ имѣетъ наибольшее вліяніе на политику турецкаго правительства, не проявитъ достаточной энергіи въ ихъ предупрежденіи.

Бъ удивленію *Times* сначала выразила нѣкоторое сочувствіе планамъ Австріи, которые, укрѣпляя вліяніе Германіи, представляются скорѣе неблагоприятными для Англіи. Въ этомъ отношеніи либеральная англійская пресса разошлась съ органомъ лондонскаго Сити, который, впрочемъ, самъ нѣсколько измѣнилъ оцѣнку; въ Англіи опредѣлялось ясное сознаніе всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, и политическихъ и коммерческихъ, новаго поло-

женія вещей на Балканахъ. Дѣлу англо-русскаго сближенія это обстоятельство можетъ быть даже полезнымъ.

Обсужденіе тронной рѣчи дало возможность консерваторамъ и въ палатѣ общинъ и въ палатѣ лордовъ выступить съ критическими замѣчаніями по поводу англо-русскаго соглашения. Нельзя сказать, чтобы Бальфуръ и лордъ Ландсдоунъ высказались по поводу его особенно рѣзко. Они сожалѣли, что русскому вліянію предоставлена вся сѣверная Персія—лучшая часть страны; они выражали извѣстный скептицизмъ по поводу обязательства Россіи не стремиться къ утверженію на Персидскомъ заливѣ, но видно, что англо-русское сближеніе включаетъ въ себѣ такое объективное оправданіе, которое сильнѣе партійныхъ тенденцій. Противъ него не протестуетъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, принимаетъ его такой типичный представитель англійскаго империализма въ Азіи, какъ лордъ Керзонъ, бывший вице-король Индіи, и бывший «египетскій проконсулъ» лордъ Кромеръ. Англо-русское сближеніе есть во всякомъ случаѣ фактъ неизмѣримо болѣе реальный, чѣмъ то сближеніе Англии и Германіи, которое усмотрѣлъ баронъ Эренталь и въ устройствѣ котораго онъ приписывалъ извѣстную роль Австріи. Для русской дипломатіи теперь представляется особенно существеннымъ—именно теперь, когда политика на Ближнемъ Востокѣ нѣсколько обостряется—вступить на путь совмѣстныхъ съ Англійей и, естественно, Франціей дѣйствій какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ передней Азіи.

Вопросъ о переговорахъ, связанныхъ съ Балтійскимъ моремъ, привлекъ неожиданное вниманіе, главнымъ образомъ вслѣдствіе той тайны, которая окружала международные переговоры, сюда относящіеся. Говорили о томъ даже, что имѣется въ виду создать изъ Балтійскаго моря *Mare clausum*. Это, конечно, противорѣчило бы всѣмъ дипломатическимъ традиціямъ и въ частности договору 11 марта 1857 г., подписанному, какъ всѣми великими державами, такъ и государствами прилежащими къ Балтійскому морю, а также Бельгіей и Голландіей. Между прочимъ, согласно этому договору, Данія отказалась отъ тѣхъ пошлинъ, которыя она взимала въ Зундскомъ проливѣ. Это противорѣчило бы и реальнымъ интересамъ Россіи. Въ Германіи, какъ извѣстно, эта мысль пользуется нѣкоторой популярностью въ пангерманистскихъ кругахъ, и очевидно Германія, въ случаѣ войны, нашла бы въ этомъ крупныя преимущества; но повидимому имперское министерство иностранныхъ дѣлъ сейчасъ не выставляетъ этого своей цѣлью. Дѣло идетъ лишь объ обезпеченіи *status quo* на Балтійскомъ морѣ.

Правительственное сообщеніе указывало лишь на переговоры между Россіей, Германіей и Швеціей, причѣмъ какъ бы центромъ тяжести ставилось обезпеченіе интересовъ Швеціи, не желавшей воспользоваться, подобно Норвегіи, территоріальной неприкосновенностью. Самое соглашеніе оно сопоставляло съ соглашеніемъ, которое недавно заключили Англія, Франція и Испанія. Ссылка не изъ удачныхъ. Западный тройственный союзъ возникъ изъ весьма реальныхъ причинъ—изъ опасности, которую пред-

ставляло виѣшательство Германіи въ мароккскія дѣла. Онъ былъ какъ бы завершеніемъ того сближенія, которое произошло уже на алжирской конференціи. Но что подобнаго было въ районѣ Балтійскаго моря? Противъ кого нужно принимать гарантіи путемъ новаго соглашенія? Единственное государство, которое могло бы внушить опасеніе обладателямъ Балтійскаго побережья—это Англія. Поскольку соглашеніе сознательнымъ образомъ направлено противъ нея, постольку оно всего болѣе слѣдуетъ интересамъ Германіи. Но совершенно непонятно здѣсь участіе Россіи; что она выигрываетъ отъ усиленія Германіи за счетъ Англіи? И не идетъ ли подобная политика въ явный разрѣзъ съ общими, опредѣлившимися уже, характеромъ дѣятельности нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Во это объясняетъ нѣкоторую тревогу, съ которой русская пресса относилась къ слухамъ о предстоящей «балтійской деклараціи».

Въ настоящую минуту, кажется, нѣтъ основаній опасаться, что изъ этого выйдетъ ограниченіе у Россіи свободы ея дѣйствій, созданное въ пользу Германіи, но *raison d'être* возбужденія всего этого «балтійскаго вопроса» остается темнымъ попрежнему. Онъ страннымъ образомъ соединяется съ нелѣпыми предположеніями, которыя, къ несчастію, культивируются среди нашей правой прессы—о шведско-финнскій опасности. Эти фантастическія запугиванья могутъ оказать извѣстное дѣйствіе при совершенномъ обостреніи финляндскаго вопроса.

Наконецъ, въ дополненіе карты современнаго международнаго положенія безусловно заслуживаетъ быть отмѣченной замѣчательная рѣчь Делькассе, произнесенная во время обсужденія въ палатѣ депутатовъ мароккскихъ событій. Она говоритъ, правда, болѣе о прошедшемъ и является какъ бы оправданіемъ виѣшной политики бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, — но это прошедшее связано столькими живыми нитями съ настоящимъ, это прошедшее, можно сказать, не законченное, продолжающееся. Смыслъ рѣчи Делькассе заключался въ томъ, что его политика, отстоявшая естественные интересы Франціи въ Марокко, служила дѣлу обезпеченія европейскаго мира, и что послѣдующія событія ее оправдали. Рѣчь была произнесена съ темпераментомъ и вообще принадлежитъ къ лучшимъ вещамъ, которыя когда-либо высказывались Делькассе съ парламентской трибуны, хотя по содержанію многое въ ней было обозначено слишкомъ суммарно. Онъ былъ награжденъ шумными оваціями, въ которыхъ принялъ участіе и группы палаты, нѣкогда допустившія его паденіе—непослѣдовательность, въ которой ихъ упрекали Жоресъ.

Делькассе былъ совершенно правъ, когда указывалъ, что про себѣ естественной изоляціи Германія есть по существу процессъ, направленный къ охранѣ мира. И замѣчательно, что именно агрессивная попытка Германіи въ 1905 г. послужила ему могущественнымъ толчкомъ. Въ этомъ перипетическомъ международномъ силъ англо-французское сближеніе, которое въ весьма значительной мѣрѣ обязано Делькассе, играетъ одну изъ главныхъ ролей.

Но вытекает ли изъ этого, что 1905 г., когда Россія была цѣликомъ занята на Дальнемъ Востокѣ и претерпѣла тамъ тяжкія пораженія, Франція должна была рисковать всетаки возможностью вооруженнаго столкновѣнія съ Германіей? Нѣмецкая пресса отнеслась къ рѣчи Делькасса, павшаго такъ или иначе подъ давленіемъ Германіи, болѣе сдержанно, чѣмъ можно было ожидать. Она говорила лишь о безтактности, о томъ, что подобныя рѣчи обостряютъ всѣ международныя затрудненія вмѣсто того, чтобы ихъ смягчать и т. п. Но она не могла сдѣлать одного—она не могла доказать, что тенденція международной политики, характеризованная Делькассомъ, въ дѣйствительности не существуетъ.

С. Котляревскій.

О душѣ холопа.

(Полемиическая замѣтка.)

Сущность холопства всегда опредѣлялась двойственной формулой: либо въ морду, либо ручку пожалуйте. Для психологін холопа характерно не только его рабство передъ сильнымъ, но и стремленіе воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы изъ зашасаемаго превратиться въ зашасателя, чтобы «смазать» того, передъ кѣмъ вчера пресмыгался. Холопу непонятно только одно: свободное, безпристрастное, достойное независимаго чловѣка отношеніе къ своему противнику, даже къ врагу. Тяжелыя условия русской жизни насытили нашу атмосферу спертымъ духомъ холопства. Вы встрѣтитесь съ нимъ не только въ темныхъ подвалахъ у «правыхъ», въ валяхъ-нибудь степановскихъ депутатскихъ «живопырныхъ», составляющихъ истинный позоръ для родины, но и въ кружкахъ, именующихъ себя радикальными. Слѣпое преклоненіе передъ вожаками, которыхъ приказано чить («ручку пожалуйте!»), грубая ругань по адресу того, кто не раздѣляетъ предписаннаго катехизиса («въ морду!»), полная неспособность честно и правдиво отнестись къ противнику—всѣ эти истинно холопскія черты еще прочно царятъ во многихъ нашихъ интеллигентскихъ кружкахъ.

Когда я писалъ свою статью о П. А. Столыпинѣ (см. № 12 *Русской Мысли* за прошлый годъ), въ которой попытка безпристрастно освѣтить дѣятельность этого чловѣка, я былъ увѣренъ, что люди съ холопскими чувствами обрушатся на меня и закричатъ объ «измѣнѣ». Какъ я осмѣливаюсь утверждать, что П. А. Столыпинъ хорошій ораторъ, что онъ смѣлый чловѣкъ, обладаетъ сильной волей! Ну, конечно, я «продался», «измѣнилъ» и проч., и проч. Вѣдь не постѣснялся же въ свое время какой-то...—право, не подберу цензурнаго слова—обозвать П. Б. Ст. «агентомъ Витте». Каждому, кто на Руси осмѣлится самостоятельное мѣть, грозить опасность не только со стороны правительственной ценз. Во сто кратъ хуже ея цензура кружковая. За независимое, честное сл. на васъ спустятъ особаго типа журналистовъ, дозволивъ имъ дѣлать и что угодно, и прикрывая ихъ подлоги своими авторитетными именами.

Какъ на примѣрѣ, останавлиюсь на выходкѣ противъ меня, дозволяетъ

г. Петрищеву въ журналѣ *Русское Богатство* (1908 г., № 1), редакторомъ котораго подписывается Вл. Гал. Короленко. Г. Петрищевъ, бойкій провинціальный газетчикъ, весь багажъ котораго состоитъ изъ двухъ-трехъ фразъ, въ такомъ родѣ: «Побѣдитель лопалъ на наклонную плоскость. И онъ летитъ стремглавъ. Куда—едва ли нужно объяснять» (*Русское Богатство*, 1908 г., № 1, стр. 131). Но онъ въ-время примкнулъ къ хору и поддѣлывалъ, какъ могъ: ругалъ, конечно, кадетовъ, доказывалъ ихъ половничатость, измѣны. Создавалъ, однимъ словомъ, свою литературную карьеру тѣми способами, которые въ рукахъ небрезгливаго человѣка даютъ почти всегда желательные результаты. Однажды онъ попался. Случилось это во время полемики съ В. Д. Набоковымъ, когда г. Петрищевъ, орудуя надъ текстомъ одного документа, проявилъ черезчуръ большую ловкость рукъ, извративъ фразу пропускомъ нѣсколькихъ словъ. Г. Петрищевъ былъ въ этомъ уличенъ В. Д. Набоковымъ и жестоко имъ наказанъ (см. № 240 *Речи* за 1906 г.). Поступокъ г. Петрищева вызвалъ негодованіе даже въ сферахъ, враждебныхъ кадетамъ, и, наприм., въ № 2 эсъ-эровской *Новой Мысли* тогда писали: «Бритика, подобная петрищевской, дѣйствительно, украшаетъ часто страницы печати, но только печати черной, отверженной, а не лѣвой. И въ оппозиціонной и въ революціонной печати было и есть много пристрастія, несправедливыхъ сужденій, запальчивости, преувеличеній. Но между самымъ пристрастнымъ, самымъ несправедливымъ сужденіемъ и свободной передѣлкой чужого текста съ определенной цѣлью, съ цѣлью добиться ложныхъ выводовъ и ложныхъ обвиненій—лежитъ дѣлая пропасть. Г. Петрищевъ отважился перескочить эту пропасть, это должно быть отмѣчено и заклемено» (стр. 53). Однако это наказаніе послужило г. Петрищеву только къ славі. Когда послѣ «разгрома иллюзий» пошли въ ходъ «понебѣдѣннычьи радикалы», *Русское Богатство* пригласило г. Петрищева на ампула Н. К. Михайловскаго, и онъ теперь изощряетъ ловкость своихъ рукъ въ этомъ почтенномъ изданіи.

Надъ моей статьёй г. Петрищевъ продѣлалъ такую операцію. На стр. 198 онъ пишетъ: «Не обольщается надеждами относительно ближайшаго будущаго и г. Изгоевъ. Правда, по его мнѣнію, «П. А. Столыпинъ борется за новый строй, отстаиваетъ реформы». «Даже политическіе противники,— утверждаетъ г. Изгоевъ,— не стануть оспаривать у П. А. Столыпина выдающихся личныхъ качествъ». Начнемъ съ того, что первая фраза взята со страницы 149, вторая—съ 151 (*Русская Мысль*, 1907 г. № 12). Соединилъ ихъ вмѣстѣ г. Петрищевъ, но онъ сдѣлалъ гораздо больше. Дѣло въ томъ, что послѣ слова «П. А. Столыпинъ борется за новый строй, онъ отстаиваетъ реформы», у меня непосредственно слѣдуетъ: «Но странная получается борьба. Подъ барабанный бой и подъ аплодисменты враговъ развертываются широкія и заманчивыя программы будущихъ реформъ, затѣмъ происходитъ какой-то маневръ, поражение безъ боя, отступление безъ сраженія, и изъ программы исчезаетъ значительная часть того, что недавно въ ней красовалось. Такимъ путемъ мы въ сущности подошли уже

къ полной ликвидациі манифеста 17 октября». Изъ этихъ словъ, кажется, ясно, какъ я отношусь къ «борьбѣ» П. А. Столыпина за реформы. Добро-совѣстный человекъ, казалось бы, послѣ этихъ словъ не можетъ сомнѣваться относительно того, какъ я оцѣниваю реформаторство нашего премьера. Вѣдь слова «Столыпинъ борется за новый строй» выражаютъ мое мнѣніе, а есть только резюме приводимой тутъ же, двумя строками выше, корреспонденціи нѣмецкой консервативной газеты *Tägliche Rundschau!* Но г. Петрищевъ поступаетъ очень «ловко»: онъ просто скрылъ отъ читателей мои слова о характерѣ «борьбы» и ироническую фразу превратилъ въ похвальную. Дальше онъ обнаружилъ еще больше мужества. Онъ уже прямо, отъ моего имени, называетъ П. А. Столыпина «борцомъ за новый строй», приводя въ кавычкахъ эти слова, *которые найдъ можно въ моей статьѣ*, и прямо обвиняетъ меня въ партійномъ «сватовствѣ» по адресу П. А. Столыпина. Таковы приемы г. Петрищева, и ихъ нельзя охарактеризовать иначе, какъ обыкновенное литературное шулерство, второе, какъ справедливо въ свое время указали *Новая Мысль*, должно быть «отмѣчено и замлеймено».

Ловкость рукъ г. Петрищева на этомъ не останавливается. И дальше онъ пускаетъ въ ходъ тѣ же «литературные» приемы. Ему надо доказать, что я «раскаялся», какъ и М. Энгельгардтъ, который изъ максималиста, рассчитывавшаго на немедленную социальную революцію, превратился въ пессимиста, обругавшаго народъ «Попринцинымъ» и «Фефелой». Г. Петрищевъ великодушно допускаетъ, что, «насколько ему помнится», я «не ожидалъ немедленнаго осуществленія социализма», но и я всетаки покаялся. Въ чемъ? Да во взглядѣ на П. А. Столыпина; и въ доказательство приводится отрывокъ изъ отвѣда, данной мною въ *Речи* 2 іюля 1906 года нововременскому журналисту А. А. Столыпину и къ затронутому вопросу имѣющей мало отношенія. Въ это время, какъ извѣстно, П. А. Столыпинъ не былъ еще премьеромъ, дѣятельность его совершенно не опредѣлилась. У г. Петрищева, тщательно выковыривающаго изъ *Речи* для уязвленія меня даже библиографическія замѣтки А. С. И--ва, нехваткой честности сообщить своему читателю, что не 2 іюля 1906 г., а черезъ пять мѣсяцевъ, 29 ноября, я, дѣйствительно, писалъ въ *Речи* о П. А. Столыпинѣ и въ общемъ, принимая во вниманіе тонъ и спѣшность газетныхъ статей, высказалъ тогда то же самое, чтò въ декабрѣ 1907 года писалъ въ *Русской Мысли*. Въ своей газетной статьѣ я говорилъ: «А между тѣмъ былъ моментъ, когда судьба какъ бы давалась въ руки г. Столыпину, когда казалось даже и не оптимистамъ, что, несмотря на всѣ трудности положенія, онъ, дѣйствительно, можетъ овладѣть имъ и сильной рукой повести русскій государственный корабль въ конституціонную гавань. Это было въ срединѣ августа послѣ покушенія на Аптекарскомъ островѣ, встрѣченнаго съ негодованіемъ широкими слоями общества. Надо отдать справедливость г. Столыпину, что въ первые дни послѣ обрушившагося на него несчастія, онъ нашелъ слова, достойныя государственнаго чело-

вѣка. Онъ не поддастся страху и, казалось, не поддастся и чувству личного озлобления. Реформы не будутъ приостановлены, правительство останется вѣрно манифесту 17 октября—таковъ былъ смыслъ его первоначальныхъ заявленій. *Но шлози длились не болѣе двухъ-трехъ дней* (Речь, 1906 г., № 229).

Вотъ когда началась моя измѣна, вотъ когда г. Петрищевъ долженъ былъ кричать о моемъ раскаяніи, покаяніи, поумнѣніи, предательствѣ, какъ предпочитаютъ выражаться болѣе простодушные понедѣльничные радикалы! Но даже на это нехватило у него добросовѣстности! Касаясь того же самаго эпизода изъ жизни П. А. Столыпина, я въ своей статьѣ въ *Русской Мысли*, такъ возмущившей г. Петрищева, говорилъ: «Террористы, отдавшіе на Аптекарскомъ островѣ свою жизнь ради того, чтобы, уничтоживъ около сотни случайно собравшихся людей, поразить между ними и П. А. Столыпина, воздвигли ему прочный и красивый пьедесталъ. Они помогли бы, быть можетъ, ему и выиграть его «дѣло», если бы судьбы народа действительно зависели отъ отдѣльныхъ лицъ, какой бы властью и какими бы способностями послѣдніе ни обладали». И послѣ подчеркнутыхъ мною словъ г. Петрищевъ со смѣлостью, достойной Ноздрева, рѣшается поучать меня: «ни откуда не слѣдуетъ, что «П. А. Столыпинъ борется за новый строй». Это г. Изгоевъ изъ собственного пальца высосалъ. Ни откуда не слѣдуетъ, что при данномъ настроеніи «сферъ» вообще возможенъ на мѣстѣ г. Столыпина «борецъ за новый строй», и что этому «борцу» позволять столкнуть политику съ ея нынѣшняго русла». Что прикажете дѣлать съ такимъ беззащѣтнымъ до наивности шулеромъ!

Я знаю, что по скудости своего образования г. Петрищевъ не могъ выработать себѣ міровоззрѣнія и замѣнять его пѣсколькими налету схваченными фразами. Поэтому онъ не способенъ понять и міровоззрѣнія другихъ. Если бы онъ былъ немого добросовѣстиѣ, если бы онъ къ тому же обладалъ способностью улавливать въ чужихъ статьяхъ идеи, а не вылавливать слова, онъ, быть можетъ, догадался бы, что невозможность единенія между П. А. Столыпинымъ и конституціонной демократіей я объясняю даже не влияніемъ «сферъ», какъ думаетъ г. Петрищевъ, а гораздо болѣе глубокими социальными причинами, тѣмъ обстоятельствомъ, что господствующими социальными силами въ Россіи являются бюрократія и дворянско-помѣщичье классовое чувство. А социальныя силы не устраняются и не побѣждаются при помощи журнальныхъ статей. И меня, настаивающаго на объективной невозможности союза между дворянскими ставленниками и конституціонной демократіей, г. Петрищевъ обвиняетъ въ «сватовствѣ» и Богъ знаетъ въ чемъ! Воистину не вѣдаетъ, что говорить! Почему? Да только потому, что онъ прочелъ въ моей статьѣ нѣсколько похвальныхъ словъ по адресу личности П. А. Столыпина. Онъ не понялъ, что идея статьи къ тому и сводится, что каковы бы ни были личныя качества носителя власти, онъ безсиленъ противъ выдвинувшей его социаль-

ной силы, и его личные качества только подчеркивают вредность господствующей социальной силы.

Когда г. Петрищевъ прочелъ въ моей статьѣ признаніе за П. А. Столыпиннымъ физическаго мужества и силы воли, вся душа его, душа холопа, запротестовала. Онъ не могъ допустить, чтобы къ носителю власти можно было отнестись безпристрастно. Онъ почувствовалъ, что если бы онъ похвалилъ какъ-нибудь П. А. Столыпина, то сдѣлалъ бы это только по холопскимъ соображеніямъ и чувствамъ. И свои чувства онъ попытался перенести въ мою душу, не останавливаясь для того передъ подлогами и другими операціями. Гг. Петрищевымъ органически непонятенъ голосъ свободного человѣка, считающаго совмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ только правдивое и честное отношеніе къ противникамъ. Заслышавъ такой голосъ, гг. Петрищевы приходятъ въ изступленіе и они кидаются, очертя голову, на «измѣнника».

Мнѣ въ послѣднее время пришлось перенести не одну такую атаку и долженъ сознаться, что онѣ меня не только не огорчали, но даже радовали. Когда гг. Петрищевы набрасываются на меня, это служить для меня только подтвержденіемъ, что, значить, я сказалъ правду, именно то, что надо было сказать. Ничто такъ не раздражаетъ холоповъ, хотя бы и съ радикальнымъ ярлыкомъ, какъ правда.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу отношенія моего къ партіи народной свободы. Г. Петрищевъ пытается связать мои статьи съ дѣятельностью партіи и на этотъ разъ освобождаетъ ее отъ отвѣтственности за мои грѣхи. Долженъ сказать разъ на всегда, что принадлежность къ партіи отнюдь не исключаетъ въ моихъ глазахъ возможности самостоятельныхъ оттѣнковъ въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ членовъ. Никогда я не говорю отъ имени партіи, и за мои писанія никакой на ней отвѣтственности лежать не можетъ. Я прежде всего журналистъ, а потомъ уже политикъ, да притомъ такой, который не промѣняетъ своего пера на должность, сопряженную съ властью. Худо ли это, или хорошо, но таковъ фактъ.

Надѣюсь, что послѣ этого объясненія мои литературные «друзья» отвѣтственность за мои многочисленные грѣхи будутъ возлагать только на меня, а не на партію.

А. С. Изгоевъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль

1908 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Правовѣдніе, социологія.—Публицистика.—Естествознаніе.—Народное образованіе. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го января по 1-е февраля 1908 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Федоровъ. Стихи.—С. М. Степнякъ - Брачевскій. Собраніе сочиненій. Ч. IV. Андрей Кожуховъ.—Сѣверные сборники. Кн. II и III.

А. Федоровъ. Стихи. Спб., 1908 г. Ц. 1 руб. То, что составляет истинную сущность поэзіи Федорова, постигается не сразу. При бѣгломъ чтеніи его стиховъ бросаются въ глаза, невольно останавливаютъ вниманіе прежде всего нѣсколько изящныхъ и пѣвучихъ стихотвореній, которыя словно созданы для того, чтобы къ нимъ была написана музыка, и въ которыхъ тѣмъ не менѣе чуткое ухо различитъ отгѣненъ подражательности, а быть можетъ, даже и банальности.

Я весной люблю одиночество,
Я весной лишь природу люблю,
Въ каждомъ вadoхъ я слышу пророчество,
Въ каждомъ звукѣ намеки довью.
Пусть ничто никогда и не сбудется—
Мнѣ восторга дороже всего,
Лишь въ несбыточномъ счастіи чудится,
Лишь въ далекомъ свѣтлѣ божество.
Я весной брожу, какъ потерянный,
Небо слушаю, землю, себя
И капризнымъ волнамъ, неувѣренный,
Отдаю грусти и любви.
Въ сладкой глѣни и дѣтской безконечности
Никого ни о чемъ не молю,
Я плыву по волнамъ безконечности,
Я весну одиноко люблю.

Безспорно, красивая вещь, передающая настроеніе автора. И тѣмъ не менѣе передъ читателемъ проходитъ легкая, едва уловимая тѣнь поэзіи Бальмонта, также какъ при чтеніи стихотвореній: „Призракъ, бѣлая ночь—я тебя полюбилъ“, „На зарѣ“ и многихъ другихъ—вспоминаются невольно Ал. Толстой, Надсонъ, Фетъ и Майковъ.

Это—не подражанія; въ этихъ стихахъ слишкомъ много своего, личного, пережитого; очевидно лишь, что передъ красотой извѣстныхъ вещей и настроеній авторъ не можетъ стоять непосредственно лицомъ къ лицу, что между ними въ этихъ случаяхъ лежитъ безконечно тонкая пелена чужихъ переживаній, чужого воспріятія и чужого таланта. Быть можетъ, этотъ цимъ стихотвореній наиболѣе эффектенъ по

формѣ и, останавливая на себѣ прежде всего поверхностное вниманіе, баюкаетъ его легкой и красивой музыкой. Но уже при вторичномъ чтеніи эти стихотворенія меркнутъ, отходятъ на задній планъ, почти не играютъ роли въ стремленіи постичь истинный смыслъ дарованія поэта, слиться съ нимъ въ тайникахъ его творчества.

Господствующая черта поэзіи Федорова—это ея необычайная простота. Современные поэты приучили насъ въ своеобразной изысканности. Въ наиболѣе строгихъ, величавыхъ и чеканенныхъ стихахъ Брюсова чувствуется поэтъ, прошедшій много ступеней, поклонившійся многимъ богамъ, поэтъ съ большимъ и многограннымъ дарованіемъ. Самая простота стихотвореній Бунина таитъ въ себѣ что-то капризное и изысканное, что можетъ прорваться каждую минуту наружу неожиданными блестками, иногда въ грубоватомъ, но прелестномъ сравненіи, иногда и въ элегическомъ порывѣ, находящемъ свое разрѣшеніе въ сочетаніи самыхъ возвышенныхъ настроеній и самыхъ будничныхъ вещей. Ничего подобнаго нѣтъ у Федорова. Его безыскусственность доходитъ до крайнихъ, иногда досадныхъ предѣловъ; достаточно указать на обиліе банальныхъ рیمовъ, стертыхъ отъ долгаго употребленія до того, что онѣ теряютъ уже почти всякій смыслъ. Разсудочная оцѣнка стихотвореній Федорова могла бы ихъ погубить. И, однако, читатель, чувствуя непосредственно ихъ прелесть, долго ищетъ ея источника, который могъ бы объяснить ему „красоту вещей простыхъ, но великихъ“. Маленькое стихотвореніе является въ этомъ отношеніи своего рода откровеніемъ:

Мнѣ кажется, что я былъ тяжело боленъ,
Опомился и слышу наяву
Вечерній звонъ съ далекихъ колоколенъ
И пѣвье птицъ и счастливъ, что живу,
Что вновь къ землѣ могу прижаться грудью
И цѣловать душистую траву.
Любя людей, я такъ здѣсь радъ безлюдью,
И лишь тебя, одну тебя зову.

Напряженная жажда жизни, слияніе съ природой, простота и великолѣпіе первыхъ впечатлѣній, когда послѣ перенесенной тяжелой болѣзни человекъ воспринимаетъ все такъ же остро и непосредственно, какъ въ дни далекой и чистой молодости—таковъ характеръ поэзіи Федорова, таково ея очарованіе. Это пѣвецъ сѣверной природы, готовый каждый мигъ гордую и живую красоту юга отдать за одинъ подсибаникъ, за крики скворцовъ, за улыбки милаго сѣвера. „Мой отецъ былъ крестьянинъ-пастухъ“,—замѣчаетъ онъ. „Мнѣ пріятнѣй всѣхъ пѣсенъ земныхъ—сочный свистъ перепеловъ степныхъ; первый жаворонокъ, трелью звеня, слаще скрипокъ ласкаетъ мой слухъ“. Торжественные гимны слагаетъ онъ матери-землѣ и не разъ въ несказанной любви прижимаетъ онъ къ сердцу и цѣлуетъ комъ земли: „И вдругъ въ какомъ-то свѣтломъ откровеніи поцѣловалъ я землю“,—замѣчаетъ онъ. Природа, весна, яркое солнце и молодость привлекаютъ его болѣе всего. Торжественный звонъ субботняго колокола умиленіемъ переполняетъ его сердце:

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Какъ тишина чутка,
Земля темна, а глубь небесъ свѣтла
И такъ таинственно близка.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Прозрачна и легка
Въ настороженныхъ вѣткахъ бродитъ мгла,
Предвѣстница весенняго тепла.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалика. Звенить моя тоска
Предчувствіемъ весны, и огня
Моя душа, какъ подо льдомъ рѣка.
Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалика. Ни вѣдоха вѣтерка.
Ночь первую вѣду свою зажгла.
Весна идетъ. Жди перваго цвѣтка.

Одно изъ лучшихъ стихотвореній посвящено юности, которая мчитъ насъ на своихъ размахистыхъ крыльяхъ вмѣстѣ съ вѣтрами къ недо-
ступному и, щедро усыпая цвѣтами путь, страстно кропитъ его слезами:

Неудачи, коварство, измѣна
И чугуныя пѣни заботъ,—
Все, какъ въ бурю налетная пѣна,
По поверхности жизни плыветъ.

Только тогда, когда мы поймемъ источникъ поэзіи Федорова, всѣ разрозненные намеки и переживания встанутъ на свое мѣсто, сольются въ стройную и звучную гармонию. Если, наприм., разсматривать любовные мотивы въ стихотвореніяхъ Федорова отдѣльно, они поразятъ насъ своей скудостью, бѣдностью своего выраженія. „Я зову лишь тебя одну“, „ты—далеко“, „мой другъ, далекій другъ, отълинься, не забудь“ и т. д.—все это въ отдѣльности слабо, банально и подражательно. Но подъ лучами весенняго солнца, пронизывающаго стихи Федорова, въ гимнъ пробуждающейся природы, они оживаютъ и составляютъ, быть можетъ, даже необходимый штрихъ въ общей картинѣ.

Молодость поэта—это непосредственность воспріятія послѣ пережитой тяжелой болѣзни—поэтому она отличается отъ настоящей молодости. Поэтъ любитъ природу и людей, но онъ радъ безлюдью; онъ знаетъ „привередливость друзей“, „надоѣдливость враговъ“, „безславное вѣроломство“ и „любовь, пережившую свою весну“. Одиночество, въ которомъ онъ отдыхаетъ, и грусть играютъ большую роль въ его поэтическихъ мотивахъ:

Что радость, скорбь, любовь, измѣна—
Все суета и тлѣнъ, и прахъ,—
Мгновенно таящая пѣна
На вѣчно плещущихъ волнахъ.
И я внимаю ихъ призывамъ,
Живу отъ міра вдалькѣ,
Покуда смерть своимъ приливомъ
Не смоетъ слѣдъ мой на пескѣ.

Въ общемъ Федоровъ—небольшой, но несомнѣнный поэтъ; изъ современныхъ поэтовъ онъ ближе всего примыкаетъ къ Бунину, хотя и уступаетъ послѣднему въ силѣ и разработанности дарованія.

О. Арнольдъ.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть IV. Андрей Кожуховъ. Библ. „Свѣточъ“. Подъ ред. С. А. Венгерова. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Авторъ романа—извѣстный революціонеръ семидесятихъ годовъ С. М. Кравчинскій, принимавшій дѣятельное участіе въ террористической борьбѣ партіи „Народной воли“ съ правительствомъ. Лично онъ въ 1878 г. по приговору исполнительнаго комитета нанесъ ударъ кинжаломъ въ сердце начальнику тайной полиціи Мезенцеву, которому хотѣли отомстить за жестокое обращеніе съ политическими заключенными, на одной изъ людныхъ площадей Петербурга, вслѣдъ за тѣмъ моментально вскочилъ въ элегантный экипажъ, стоявшій наготовѣ, и ускрылся.

Известный критик Брандесъ, предпославшій роману небольшую биографію автора, замѣчаетъ по этому поводу, что Кравчинскій никогда въ послѣдствіи не раскаивался. Разъ вечеромъ въ ноябрѣ 1895 года онъ написалъ слѣдующія слова молодой дѣвушкѣ, просившей его автографа: „Оставайся вѣрной самой себѣ, и ты никогда не будешь знать утрызеныи совѣсти, которыя составляютъ единственное дѣйствительное несчастье въ жизни“. Когда „камни петербургской мостовой стали для него слишкомъ жгучими“, друзья удалили его за границу, гдѣ первая книга его „Подпольная Россія“, съ предисловіемъ ветерана-революціонера Петра Лаврова, была написана имъ на итальянскомъ языкѣ. Всю остальную жизнь Кравчинскій провелъ въ Англіи, сталъ писателемъ на англійскомъ языкѣ и главнымъ истолкователемъ въ Англіи русскихъ дѣлъ и внутренней русской жизни. Въ 1895 году онъ трагически погибъ подъ повѣдомъ въ то время, когда, погруженный въ книгу, переходилъ рельсы вблизи своего дома.

Предлагаемый въ настоящее время читателю романъ Степняка былъ написанъ имъ первоначально на англійскомъ языкѣ и только послѣ его смерти переведенъ на русскій языкъ подъ редакціей Крапоткина. „Книга Степняка, — замѣчаетъ Брандесъ, — представляетъ собою обреченную въ романтическую форму автобиографію. Онъ выступаетъ въ обихъ герояхъ: Андрей и Жоржъ. И его книга показываетъ, съ какими внутренними муками и отказомъ отъ всякаго притязанія на личное счастье нигилисты шли въ то время на свои кровавыя дѣла“. „Увлечательный романъ, вѣрный жизни, содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ такой тонкій и проницательный анализъ, какового не встрѣчается во всей европейской литературѣ, внутреннихъ мотивовъ, двигавшихъ интеллигентной русской молодежи въ тотъ періодъ при Александрѣ II, когда нигилизмъ достигъ своего полного расцвѣта и когда смѣлая выступленія молодежи совершались съ героизмомъ и подавлялись съ жестокостью“.

Исторія возникновенія и характеристика романа, приложенная въ видѣ небольшой статьи Крапоткина, совпадаетъ съ мнѣніемъ Брандеса: „Романъ—Андрей Кожуховъ, — пишетъ Крапоткинъ, — даетъ живую страницу изъ жизни революціоннаго движенія въ концѣ семидесятыхъ годовъ и началѣ восьмидесятыхъ. Быть можетъ, будущій художникъ напишетъ когда-нибудь лучшій, болѣе художественный романъ изъ жизни этого періода, но болѣе вѣрное отраженіе жизни и дѣйствительности едва ли кто-либо можетъ дать. Впечатлѣніе реальной, пережитой жизни, которымъ переполненъ „Андрей Кожуховъ“, уже не повторится“.

Многіе русскіе читатели задолго до появленія „Андрея Кожухова“ въ легальной печати, зачитывались этимъ увлечательнымъ романомъ. Тѣмъ не менѣе мы должны здѣсь отмѣтить и крупныя отрицательныя стороны этого произведенія. Прежде всего, написанный для англійской публики, романъ ставитъ на первый планъ интересы занимательности. Дѣйствіе происходитъ въ слишкомъ узкой ередѣ, такъ что получается впечатлѣніе, что вся борьба ведется Кожуховымъ и его нѣсколько друзей, совершенно оторванная отъ социальныхъ условій того времени. Въ психологическомъ отношеніи разработанъ только одинъ мотивъ: нарастающая жажда мести, потребность принести себя въ жертву и борьба этихъ чувствъ съ личной привязанностью и стремленіемъ къ личному счастью. Въ остальномъ—психологія дѣйствующихъ героевъ высшей степени примитивна; это—благородные манекены, которымъ пущены авторомъ известныя, заранѣе отвѣшенныя дозы—Жоржу—психическаго энтузіазма, Андрею—желданой и холодной рѣшимости и эн-

гнѣ, Василю—гнѣваго юмора и т. д. Вообще чисто-художественная сторона романа стоитъ невысоко. Захватывающій интересъ чтенія объясняется темой и живымъ и увлекательнымъ ея развитіемъ и изложеніемъ.

Ө. Арнольдъ.

Сѣверные сборники. Издательство „Шиповникъ“. Книга вторая и третья. 600 стр. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к. Самыя цѣнныя страницы сборника—„Мистерія“ Кнута Гамсуна. Кромѣ „Пана“, у Кнута Гамсуна нѣтъ вещи, равной этому произведенію. И чувствуется въ немъ, что душа писателя со времени появленія „Пана“ сдѣлала еще одинъ шагъ на своемъ пути, купленный вольно или невольно, дорогой цѣной. Отъ благоуханнаго и опьяненнаго пантеизма тѣхъ временъ, когда Глазъ провозглашалъ свои одинокіе тосты, въ желѣзную норвежскую ночь въ лѣсу, за тишину и за ночь, за дикую кошку, пританцующую во мракѣ, и за сосновую шишку, упавшую въ тишинѣ,—писатель такъ же просто, не подозрѣвая своей отваги, повернулся къ темнымъ глубинамъ человѣческой души. Вокругъ Нагеля, героя Мистерій, такъ же, какъ и вокругъ Глана—лѣсъ и море, но они уже не сливаются съ нимъ неразрывно. По временамъ еще онъ видитъ себя „въ ладѣ, кольхающей на волнахъ небеснаго моря“, гдѣ онъ удитъ „серебряной удочкой“, и „ладья его изъ ароматнаго дерева, а весла сверкаютъ, какъ бѣлыя крылья“. Но эта, спасающая изъ капкана дѣйствительности его душу, красота мечты, эти смѣлые символы дивнаго таинства слиянія человѣка съ „цѣлымъ“, какими такъ богаты „Панъ“, только рѣдкими просвѣтами сіяютъ теперь. Кошмаръ неотвратимости рока и темныхъ предопредѣленій, помимо насъ возникающихъ изъ глубинъ нашего я, завладѣлъ его душою. И къ этому прибавилось горькое и гнѣвное сознаніе ничтожества человѣка во всѣхъ его проявленіяхъ, во всѣхъ его судьбахъ. Ничего не осталось у Нагеля, изъ-за чего онъ могъ бы пожелать для себя той или другой судьбы. Только любовь, только Дагни, восемнадцатилѣтняя смѣющаяся дѣвушка, чужая невѣста, приноситъ ему съ собою дуновение великаго, обѣтъ какой-то священной связи съ міромъ, обѣтъ священнаго успокоенія въ его скитаніяхъ безъ цѣли и безъ дорогъ.

Кто знаетъ, исполнился ли бы этотъ обѣтъ, если бы Дагни измѣнила своему лейтенанту и пошла рядомъ съ Нагелемъ.

Онъ—бродяга, искатель новыхъ цѣнностей, пытатель неизвѣданнаго людьми, и странно представить его у очага, въ мирной волѣ благополучной супружеской жизни.

Онъ былъ у той грани, гдѣ кошмаръ и дѣйствительность соприкасаются такъ тѣсно, что трудно понять, гдѣ начинается невозможное и гдѣ кончается чудовищность возможнаго.

Человѣкъ съ сильными мускулами, съ молодой горячей кровью, съ сѣверной отважной волей къ жизни, онъ живетъ страшной, призрачной жизнью, гдѣ реально лишь усиліе той или другой цѣною пробудиться отъ кошмара.

Кто сдѣлалъ такъ, кто привелъ его въ этотъ міръ сновидѣній, ясно-видѣній, галлюцинацій, Гамсунъ не говоритъ. Ясно только, что не такъ называемая „неврастенія“ или родители-алкоголики. Это актъ драмы общечеловѣческой души, пожелавшей для себя иного отвѣта отъ высшей справедливости, чѣмъ тотъ, какой въ „Драмѣ жизни“ предлагаетъ старикъ Тю Терезитъ, когда стрѣляетъ въ нее. Нагель предпочитаетъ не дожидаться этого отвѣта, и мы застаемъ его на первыхъ страницахъ книги уже готовымъ къ самоубійству.

Онъ бы совершилъ его безотложно, если бы не встрѣча съ Дагни, продлившая его мистерию на 500 страницъ. Во время этой отсрочки онъ встрѣтился съ самымъ униженнымъ на свѣтѣ существомъ—Минуткой, надъ которымъ всѣ издѣвались. И такъ какъ Нагель жилъ уже внѣ обычныхъ отношеній жизни, а въ темной и глубокой мистеріи существованія, онъ постигъ, что нѣтъ разницы между людьми, и часто наиболѣе униженный наиболѣе благороденъ, и онъ же можетъ совершить какое угодно преступленіе.

И самъ Нагель, чувствуя въ себѣ зачатки всѣхъ человѣческихъ склонностей, нарочно клевететь на себя передъ Дагни—ему хотѣлось бы, чтобы мимо всѣхъ его земныхъ проявленій, внѣ ихъ, не изъ-за нихъ, а изъ-за его неизмѣняемой сущности, Дагни, несмотря на всѣ его признанія, любила бы его.

У Дагни, какъ всегда въ исторіяхъ любви Гамсуна, нехватаетъ цѣльности чувства. Она отвѣчаетъ ему, но неровно, неполно, скрытно, мучаетъ его, и скоро ему становится яснымъ, что исходъ остался одинъ.

Что-то есть въ „Мистеріяхъ“ сближающее ихъ съ „Навьями чарами“ Сологуба. И жуткимъ знаменіемъ является эта черта сходства въ одномъ, въ томъ простомъ, безъ оговорокъ, допущеніи жизненнаго значенія кошмара, привидѣній, все равно какихъ—съ навьяхъ ли тропь, или изъ воспаленнаго дѣйствительностью мозга. Сонъ, который рассказываетъ Нагель о „Минуткѣ“ оставляетъ впечатлѣніе яркой дѣйствительности, и всѣ другіе его мечты и сны, привидѣнія и предвидѣнія держатъ насъ все время у какой-то хрупкой перегородки. Кажется, вотъ-вотъ упадетъ она, и откроется то, что такъ мучительно, такъ настоятельно нужно для спасенія Нагеля. И не его одного.

В. Малахѣва-Мировичъ.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ.—Б. Б. Глязский. Борьба за конституцію. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями.—П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и враги.—Н. А. Роскоговъ. Отъ самовластиа къ народовластию. Очеркъ изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи.—Н. Котляревскій. Старинные портреты.—Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ.

Цареубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ. Съ 17 портретами, видами и планами. Изданіе второе, дополненное. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1908 г., стр. 458. Ц. 3 р. Обстоятельства кончины имп. Павла въ послѣднее время не разъ уже были рассказаны съ полной подробностью въ различныхъ русскихъ историческихъ сочиненіяхъ. Г. Пандчулидзевъ въ „Исторіи кавалергардовъ“, гг. Шильдеръ, Брикнеръ, Шумигорскій въ своихъ извѣстныхъ работахъ использовали всѣ данныя нашихъ историческихъ источниковъ, относящихся до этого вопроса. Въ печатающемся въ *Историческомъ Вѣстникѣ* романѣ г. Энгельгардта сцена убійства имп. Павла заговорщиками воспроизведена и въ беллетристической формѣ. Помѣщаемая въ настоящей книгѣ драма г. Мережковскаго представляетъ собою художественную обработку тѣхъ же историческихъ данныхъ, уже извѣстныхъ русскому читателю. Изданіе А. С. Суворина, заглавіе котораго вышесано выше, содержитъ подлинный текстъ тѣхъ самыхъ мемуаровъ и показаній современниковъ, которые легли въ основу упомянутыхъ историческихъ и поэтическихъ сочиненій. Здѣсь собраны записки Саблукова,

Бенигсена, Коцебу, Гейкина, княгини Ливень, показанія Палена, сообщенныя Ланжерону, записки Фонвизина, Вельяминова-Зернова и кн. Чарторыйскаго. Такимъ образомъ, изданныя А. С. Суворинимъ тексты принадлежать отчасти непосредственнымъ участникамъ описываемыхъ событий, отчасти такимъ лицамъ, которыя имѣли возможность собрать сообщаемыя ими свѣдѣнiя по самымъ горячимъ слѣдамъ. Въ предисловіи, предпосланномъ этимъ текстамъ, сдѣлана попытка критическаго освѣщенiя издаваемыхъ матеріаловъ. Къ сожалѣнiю, эта попытка выполнена весьма поверхностно. Авторъ предисловія не остановился на детальномъ сравнительномъ анализѣ обсуждаемыхъ имъ текстовъ и ограничился бѣглыми характеристиками и слышномъ общими замѣчанiями, которыя не могутъ получить въ глазахъ читателя полнобѣсной доказательной силы.

А. Кизеветтеръ.

Б. В. Глинскій. Борьба за конституцію. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб., 1908 г., стр. 619. Цѣна 3 р. 50 к. Многообѣщающее заглавіе книги г. Глинскаго не отвѣчаетъ въ точности ея содержанію. Въ рядѣ очерковъ авторъ перебираетъ наиболѣе крупныя событія политической исторiи Россiи отъ 1612 г. по 1861 г., но читатель напрасно сталъ бы искать въ этихъ очеркахъ исторiю возникновенiя и роста конституціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ или исторiю борьбы за конституціонные идеалы. И въ группировкѣ матеріала и въ приемахъ историческаго изложенiя въ авторѣ на каждомъ шагѣ связывается типичный популяризаторъ-диллетантъ. Повидимому, г. Глинскій стремился объединить въ своемъ разсказѣ всѣ главные факты, относящiяся до борьбы передовыхъ общественныхъ элементовъ противъ господствовавшаго въ странѣ государственнаго порядка. Но, вопреки данному имъ въ предисловіи обѣщанію, онъ не сумѣлъ выдержать въ своемъ изложенiи единства поставленной себѣ темы. Очень часто онъ привлекаетъ къ дѣлу немалое количество совершенно побочнаго матеріала и обходитъ полнымъ молчанiемъ въ высшей степени важныя вопросы, непосредственно къ его темѣ относящiяся. Достаточно указать на то, что въ главахъ, посвященныхъ XVIII стол., историкъ „борьбы за конституцію“, обстоятельно излагая дворцовые перевороты, не имѣвшіе ничего общаго съ постановкой конституціоннаго вопроса, не счелъ нужнымъ заняться разсмотрѣнiемъ многочисленныхъ конституціонныхъ проектовъ шляхетства 1730 г. и ограничился лишь воспроизведенiемъ подписанныхъ Анною Іоанновною ограничительныхъ „кондицій“! О многообразныхъ разногласiяхъ между различными группами шляхетства по вопросамъ политической реформы авторъ упоминаетъ лишь вскользь, какъ бы „между дѣломъ“, тогда какъ ему надлежало по свойству его темы посвятить этому вопросу цѣлую самостоятельную главу. Бѣгло и поверхностно излагаются и конституціонные проекты Сперанскаго и декабристовъ, и, повидимому, автору остаются неизвѣстными подлинныя тексты этихъ проектовъ, опубликованные въ печати. Касающiяся такихъ сложныхъ общественныхъ явленiй, какъ западничество и славянофильство, кружокъ петрашевцевъ, дѣятельность Герцена, крестьянская реформа 1861 г.,—авторъ сосредоточивается на внѣшней, фактической сторонѣ всѣхъ этихъ явленiй и болѣе чѣмъ поверхностно скользитъ по ихъ внутренней сущности, ограничиваясь въ этомъ послѣднемъ отношенiи весьма банальными и водянистыми разсужденiями. Образцомъ легковѣснаго диллетантизма могутъ служить разсужденiя автора о „гармонiи и единствѣ политической жизни“ въ московскомъ государствѣ XVII стол.

послѣ замиренія „смуты“ (стр. 17). Пишетъ г. Глинскій бойко и гладко, но шаблонно и блѣдно.

А. Кизеветтеръ.

П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги. 1780—1790. С.-Петербургъ, 1907. Стр. 784. Ц. 3 р. Книга г. Митрофанова является диссертацией, представленной въ историко-филологическій факультетъ с.-петербургскаго университета на степень магистра всеобщей исторіи. Написанная на основаніи длиннаго ряда источниковъ—переписки Іосифа II и его современниковъ, правительственныхъ указовъ и распоряженій, памятниковъ законодательства той эпохи, дѣловой переписки присутственныхъ мѣстъ, докладовъ чиновниковъ и высочайшихъ резолюцій на нихъ, протестовъ земскихъ чиновъ и жалобъ отдѣльныхъ сословій, донесеній иностранныхъ пословъ своимъ дворамъ, мемуаровъ современниковъ, газетъ и памфлетовъ,—она представляетъ изъ себя продуктъ восьмилѣтняго труда, а серьезности котораго достаточно свидѣтельствуяютъ длинныя подстрочныя примѣчанія на каждой страницѣ, содержащая выписки изъ изданныхъ и неизданныхъ источниковъ. Изложеніе въ книгѣ г. Митрофанова построено по нѣскольکو утомляющей своимъ однообразіемъ схемѣ: въ каждой главѣ сначала говорится о самой дѣятельности Іосифа II, а затѣмъ объ оппозиціи разнаго рода, направлявшейся противъ его реформъ со стороны сословій или отдѣльныхъ національностей. Такое расположеніе матеріала помимо своего однообразія представляетъ и другого рода неудобство: иногда автору приходится объ одномъ и томъ же событіи говорить въ обѣихъ частяхъ главы, потому что оно касается и дѣятельности самого Іосифа, и оппозиціи противъ нея со стороны враговъ императора.

Что касается дѣятельности Іосифа II, то г. Митрофановъ даетъ ей общепринятое названіе просвѣщеннаго абсолютизма, но вводитъ въ это понятіе такіа поправки, которыя представляютъ значительныя отступленія отъ обычнаго его пониманія. Г. Митрофановъ очень обстоятельно, шагъ за шагомъ доказываетъ, что идеологическій элементъ игралъ въ реформахъ Іосифа II очень незначительную роль, и что теоретическія положенія просвѣтительной философіи только въ очень незначительной степени опредѣляли правительственную практику императора-революціонера. Отъ философіи онъ бралъ только „то, что совпадало съ реальными государственными потребностями“; требованія вѣротерпимости, отмены крѣпостного права, уравниванія всѣхъ передъ закономъ и передъ налогомъ „создала сама жизнь, но синтезировали и теоретически обосновали ихъ писатели, а осуществили ихъ на практикѣ представители абсолютной монархіи“. Правительство Іосифа II отнеслось бы „съ полнымъ презрѣніемъ“ къ цѣлесообразнымъ философовъ, „но къ перевѣсу сосѣдей, заведшихъ у себя новыя цѣлесообразныя порядки, оно не могло остаться равнодушнымъ“. Въ сущности Іосифъ II даже не сочувствовалъ просвѣтительной философіи. Онъ не выносилъ „людей, говоравшихъ на современномъ и модномъ языкѣ человеколюбія“. Несмотря на то, что Іосифъ долго считался убѣжденнымъ сторонникомъ физиократической школы, о „не желалъ руководствоваться никакой теоріей, а полагался на людей, которые своими глазами видѣли мѣстныя условія. Мало того, онъ инокъ не прочь былъ даже посмѣяться надъ физиократами и на основаніи практики доказать всю несостоятельность ихъ попытокъ осчастливить челоувѣчество“. И на отдѣльныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ Іосифа г. Митрофановъ отмѣчаетъ эклектичскій, а иногда и прямо меркантилистскій характеръ его дѣятельности. Затѣмъ и въ судебной реформѣ Іо

фа II г. Митрофановъ находить „очень многое“ прямо противорѣчившее „указаніямъ и выводамъ Беккари“. Даже при освобожденіи крестьянъ Іосифомъ главнымъ образомъ руководило желаніе, съ одной стороны, поправить финансовое положеніе страны, а съ другой—„окончательно сломить сословное устройство, становившееся поперекъ дороги монархической реформы“. Все это были практическіе мотивы, диктовавшіеся реальными интересами государственной власти; идейный же моментъ, „возникшій подъ вліяніемъ ученія объ естественномъ правѣ—стремленіе превратить каждаго подданнаго въ сознательно относящагося къ своимъ обязанностямъ гражданина“ игралъ далеко не главную роль. Авторъ доказываетъ, что никто „не зналъ такъ хорошо всѣхъ мѣстныхъ условій своей страны, какъ неутомимый и неутомный Іосифъ, и никто, быть можетъ, не имѣлъ за собой такой основательной практической школы“. Вообще въ выясненіи практическаго, а не идейнаго происхожденія реформъ Іосифа заключается наиболѣе цѣнная часть книги г. Митрофанова.

Но больше всего мѣста г. Митрофановъ отдаетъ изученію оппозиціи, направленной противъ Іосифа. Онъ самъ замѣчаетъ, что главная его цѣль изучить „оппозицію іозефинскимъ преобразованиямъ, которая пока еще не вызвала ни одного спеціального цѣльнаго труда“. И въ заключеніи своей диссертации, въ которомъ авторъ ставитъ центральный для всей книги вопросъ—почему не удалась реформа Іосифа II?—онъ даетъ на него отвѣтъ въ зависимости отъ той опѣнки, которой онъ подвергаетъ оппозицію противъ императора. Г. Митрофановъ придаетъ нѣкоторое значеніе въ неудачѣ реформъ Іосифа и личнымъ свойствамъ самого „революціонера на тронѣ“, его догматическому отношенію къ идеѣ о государствѣ и фанатическому преслѣдованію общаго блага, которое онъ понималъ „догматично и предвзято“, и въ осуществленію котораго онъ шелъ прямолинейно и съ излишней торопливостью, не обращая вниманія на прочно укоренившіяся въ обществѣ идеи. Но, спрашиваетъ авторъ, почему же реформа Петра Великаго, который былъ такимъ же государственнымъ и фанатичнымъ общаго блага, оставила послѣ себя прочные результаты, а Іосифъ II умеръ всѣми оставленный, унося съ собой въ могилу весь трагизмъ сознанія бесплодности потраченной энергіи и оставшихся безъ отвѣта добрыхъ стремленій? Отвѣтъ г. Митрофановъ находитъ въ томъ, что враги Петра боролись за отжившее дѣло и шли вразбродъ, а оппозиція противъ Іосифа II имѣла несомнѣнное, и моральное, и матеріальное, преимущество надъ нимъ. Императоръ былъ „двуликимъ политическимъ Янусомъ“, отталкивавшимъ отъ себя и прогрессивную и консервативную часть общества: первую—своимъ абсолютизмомъ, а вторую—проведеніемъ въ жизнь многихъ просвѣтительныхъ идей. И хотя на сторонѣ императора была сила просвѣщенной мысли, рѣдкая энергія и трудоспособность, страстное желаніе работать во имя культурнаго и социальнаго прогресса,—но неспособность дѣйствовать иначе, какъ средствами крайняго деспотизма, дала его врагамъ перевѣсъ надъ нимъ.

Большинство изъ нихъ, за исключеніемъ небольшой кучки прогрессистовъ, защищали консервативные интересы духовенства и помѣщиковъ, но въ то же время выступали на защиту общественной самостоятельности и свободы, опирались на крѣпкую организацію сословныхъ штатовъ, комитетскихъ сеймиковъ и провинціальныхъ собраній. И матеріальная сила крѣпкой организаціи, и моральная мощь, вытекавшая изъ увѣренности оппозиціи въ ея правотѣ, сломали въ концѣ-концовъ твердую волю

императора и заставили его опустить руки и отступить от дѣла всей его жизни.

Характерно, какъ указываетъ г. Митрофановъ, то, что оппозиція противъ прогрессивныхъ реформъ Іосифа, часто оправдывала себя также прогрессивными теоріями, напр., теоріей общественнаго договора, равно обязательной для обѣихъ сторонъ, и для монарха, и для народа. Удерживая, такимъ образомъ, „старый порядокъ вещей, покоившійся на средневѣковыхъ устояхъ“, оппозиція „доводы для защиты его силонъ и радомъ брала у новыхъ писателей“—Монтескье, Мабли и Руссо. И поводъ къ этому ей давалъ самъ Іосифъ своимъ деспотическимъ образомъ дѣйствій. „По странной ироніи судьбы,—говоритъ г. Митрофановъ,—антиклерикальные іозефиніане, закрывавшіе монастыри и проповѣдовавшие подчиненіе духовенства свѣтской власти, должны были ссылаться на божественное право, чтобы удержать бунтовавшихъ бельгийцевъ въ повиновеніи, а оппозиція, имѣвшая на своей сторонѣ всѣхъ ультрамонтанъ, черпала свои доводы изъ философіи XVIII в., стремившейся постоянно къ тому, чтобы „écraser l'infâme“. Объективная логика исторіи высказалась въ концѣ-концовъ противъ принципа Іосифа: „все для народа, но ничего—посредствомъ народа“, и дала побѣду его врагамъ, „сильнымъ оскорбленнымъ національнымъ чувствомъ, сознаниемъ поправнаго и поруганнаго своего права на привилегіи, освященные не только вѣками и кровью предковъ, но и положительнымъ законодательствомъ, религиознымъ своимъ міровоззрѣніемъ, которое въ теченіе вѣковъ превратилось въ святая-святыхъ, стремленіемъ своимъ къ свободѣ, быть можетъ, исключительно и своеобразно понятой, но искреннимъ и неуверотимымъ“. И сильный духомъ императоръ окончилъ свою многотрудную жизнь грустно и въ мучительной агоніи. Его письма въ послѣдніе мѣсяцы его жизни были „жалостнымъ воплемъ человѣка, загнаннаго неумолимой судьбой и потерявшаго надежду на спасеніе“. Съ пустыми руками стоялъ онъ передъ крѣпнувшей оппозиціей: деспотическія привычки управленія выбили изъ его рукъ прогрессивное знамя, а на консервативные общественные слонъ онъ самъ не захотѣлъ опереться.

Справедливость требуетъ прибавить, что въ книгѣ г. Митрофанова не вполне хорошо выясненъ сословный и классовый составъ австрійскаго общества времени Іосифа II. Тѣ моральныя и матеріальныя силы, которыми располагала оппозиція, и личности которыхъ авторъ приписываетъ ей побѣду надъ императоромъ, обрисованы неясно, бѣгло и несистематично. Г. Митрофановъ очень подробно говоритъ о всякомъ проявленіи общественнаго недовольства противъ реформъ Іосифа, но относительно сословной и классовой подкладки этого недовольства у него сказано мало. Есть только нѣсколько бѣглыхъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги замѣчаній о сословномъ и классовомъ строѣ австрійской монархіи, и всѣ они сводятся къ тому, что сословія располагали, благодаря своей организованности, довольно крупными финансовыми средствами, могли выставлять, въ случаѣ нужды, вооруженныя банды, дѣйствовали дружно и энергично, при чемъ духовенство поддерживало дворянство, а дворянство—третье сословіе, и что всѣ три сословія обладали полной увѣренностью въ своей моральной правотѣ.

Другимъ крупнымъ недостаткомъ книги г. Митрофанова является то, что, давая общую характеристику дѣятельности Іосифа II, какъ почтенной неудачи, авторъ самъ вводитъ оговорку, лишающую эту характеристику ея обобщающаго значенія. Именно онъ говоритъ, что въ г. Меккахъ провинціяхъ, гдѣ „абсолютизмъ успѣлъ пустить глубокіе корни

„сословные чины потеряли свое значеніе“, и „войска твердо держались присяги“,— оппозиція не имѣла прочнаго и постоянного успѣха, и дѣятельность императора оставила послѣ себя глубокіе слѣды. Но къ нѣмецкимъ землямъ авторъ относитъ всю Священную Римскую имперію вмѣстѣ съ Богеміей, Моравіей и австрійской Силезіей; кромѣ того онъ утверждаетъ, что такъ же, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ, дѣло обстояло и въ Ломбардіи. Слѣдовательно, *общая* характеристика г. Митрофанова, если вычестъ упомянутыя области, можетъ относиться только къ *меньшей* части австрійской монархіи. И дѣйствительно, о крупныхъ успѣхахъ оппозиціи авторъ говоритъ только въ примѣненіи къ Бельгіи и Венгрии. Можно подвергнуть также сомнѣнію утвержденіе автора, что, германизируя иноплеменные части государства, Іосифъ II „преслѣдовалъ не расовыя, націоналистическія, а чисто политическія цѣли и не хотѣлъ уничтожать національную культуру отдѣльныхъ народовъ, бывшихъ подъ его скипетромъ“. Это представляется во всякомъ случаѣ спорнымъ и требующимъ обстоятельныхъ доказательствъ, которыхъ г. Митрофановъ не приводитъ; но, если это и было такъ, то и тогда политика Іосифа II, независимо отъ его личныхъ намѣреній, въ случаѣ успѣха должна была повести къ подавленію національной самобытности; недаромъ оппозиція противъ нея имѣла именно націоналистическій характеръ.

Большая работа г. Митрофанова представляетъ изъ себя цѣнное и оригинальное изслѣдованіе, полная научность котораго стоитъ выше всѣхъ сомнѣній. Выводы автора въ большинствѣ случаевъ прочно обоснованы, и съ ними придется считаться всякому будущему историку Іосифа II. Напримѣръ, обычныя, традиціонныя воззрѣнія на безпочвенно теоретическій характеръ просвѣщеннаго абсолютизма Іосифа II со времени выхода въ свѣтъ диссертациі г. Митрофанова придется оставить. Что касается полноты привлеченнаго г. Митрофановымъ къ разсмотрѣнію матеріала, то въ этомъ отношеніи его книга занимаетъ первое мѣсто не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ объ Іосифѣ. Нельзя, однако, не пожалѣть, что при всей солидности книги въ ней нѣтъ критическаго обзора литературы объ Іосифѣ. Отсутствие послѣдняго не даетъ возможности читателю составить себѣ ясное понятіе о томъ, что новаго вложила въ литературу объ императорѣ-революционерѣ книга г. Митрофанова и что и до нея было уже прочно установлено. Оригинальность книги г. Митрофанова при отсутствіи въ ней исторіографическаго элемента недостаточно ясно выступаетъ, и потому можно было бы пожелать, чтобы авторъ хотя бы въ заключительной главѣ болѣе выпукло подчеркнул тѣ поправки, которыя онъ вноситъ въ общепринятыя воззрѣнія на дѣятельность Іосифа II.

В. Перцевъ.

Н. А. Рожковъ. Отъ самовластиа къ народовластию. Очеркъ изъ исторіи Англій, Франціи и Германіи. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. Стр. 248. Книжка г. Рожкова написана въ духѣ самаго примитивнаго экономическаго матеріализма—написана съ полной увѣренностью, что весь историческій процессъ можетъ безъ всякаго ущерба уместиться на просторѣвомъ ложѣ этой схемы. Надо сознаться, что эта ясность и категоричность нѣсколько обезоруживаютъ рецензента. Религіозное движеніе XVII в. въ Англій объясняется, какъ слѣдствіе ухудшихся экономическихъ условій послѣ переворота XVI в. („когда люди не находили для себя ничего хорошаго въ жизни, они всегда сначала (?) ищутъ утѣшенія въ „религіи,“ стр. 31). Самыя крупныя явленія въ области французской политической и экономической жизни объясняются цѣликомъ изъ вульгарнѣй-

шимъ образомъ понятыхъ классовыхъ интересовъ. Выразителемъ интересовъ буржуазіи былъ Вольтеръ (109), выразителемъ крупной, богатой, зажиточной буржуазіи—Монтескье (111), мелкой, бѣдной—Руссо (стр. 113). Въ XIX в. самымъ крупнымъ представителемъ буржуазіи былъ Бенжаминъ Констанъ, по поводу котораго мы узнаемъ, что „политическое учение, выражающее интересы крупной буржуазіи, носитъ названіе либерализма“. Главное въ Конкордатѣ 1801 г. то, что духовенство, получивъ взаменъ отнятыхъ у него земель жалованье, въ принципѣ признаю переходъ земель въ руки буржуазіи. Чѣмъ же это отличалось отъ *constitution civile du clergé*? Въ такомъ же духѣ изложена исторія Германіи. Изъ нея мы между прочимъ узнаемъ, что австрійская потребительная теорія отличается отъ трудовой тѣмъ, что первая преслѣдуетъ интересы буржуазіи, тогда какъ вторая имѣетъ въ виду интересы пролетаріата.

Г. Рожковъ повидимому не думаетъ, чтобы читатель его задалъ себѣ вопросъ: имѣетъ ли значеніе въ области социальной мысли общечеловѣческая логика, или тамъ важны лишь тѣ или другіе стоящіе за данною мыслью интересы.

Книга г. Рожкова не лучше и не хуже всевозможныхъ произведеній марксистской публицистики. Жалею лишь, что она написана человѣкомъ, доказавшимъ свою способность къ настоящей научной работѣ.

С. Котляревскій.

Н. Котляревскій. Старинные портреты. Спб., 1907 г. 457 стр. Ц. 2 р. Въ этой книгѣ извѣстный петербургскій проф. Н. Котляревскій собралъ свои статьи о Баратынскомъ, Веневитиновѣ, кн. В. Одоевскомъ, Бѣлинскомъ, Тургеневѣ, какъ драматургѣ и объ А. Толстомъ. Въ концѣ, въ видѣ приложенія, даны воспоминанія автора объ одномъ москвитѣ, философѣ В. П. Преображенскомъ.

Перечитывая снова всѣ эти статьи, появившіяся въ печати на протяжении послѣднихъ 10—12 лѣтъ, еще разъ убѣждаешься, что авторъ принадлежитъ къ такимъ историкамъ литературы, которыхъ вниманіе и интересъ направлены гораздо болѣе на внутренній міръ отдѣльныхъ писателей, чѣмъ на общую историческую картину той или другой эпохи. Такимъ образомъ заглавіе книги выражаетъ не только случайное ея содержаніе, но и основные приемы изученія. Г. Котляревскій прежде всего портретистъ; историческія условія дѣятельности его героев не отсутствуютъ совершенно въ его портретахъ—что и немисливо въ скольконибудь широкомъ и опредѣленномъ литературномъ портретѣ,—но они даются авторомъ, лишь когда это необходимо, и лишь въ самыхъ общихъ контурахъ фона.

Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, чувствуется, что болѣе детальная разработка этого фона дала бы яркую жизнь и рельефность той или другой чертѣ фізіономіи писателя; портреты г. Котляревскаго—не масляные портреты со всей силой лѣпки, со всей иллюзорной реальности, — скорѣе тонкія, вязныя акварели, какія писали старинные мастера. Дѣствительно, книга обращаетъ на себя вниманіе большимъ мастерствомъ, умѣнемъ глубоко нащупать основныя черты душевнаго строя писателя и тонко вырисовать ихъ со всѣми деталями и переливами настроеній.

Особенно отличаются въ этомъ отношеніи статьи о Баратынскомъ, Веневитиновѣ, В. Преображенскомъ и отчасти объ А. Толстомъ.

Между прочимъ, въ первой статьѣ есть пунктъ, который касается какъ разъ историческаго фона и который напрасно обойденъ полнымъ молчаніемъ. Мы говоримъ о сношеніяхъ Баратынскаго во время

граничной поѣздн съ русскими эмигрантами; его дружелюбное отноше-
нiе къ нимъ, объѣдъ, данный имъ эмигрантамъ въ Парижѣ, сближенiе
съ Огаревымъ, стихи послѣдняго на смерть Баратынскаго—все это дало бы
нѣсколько новыхъ штриховъ для личности сумрачнаго пѣвца, прекрасно
очерченной нашимъ авторомъ.

Большой интересъ представляетъ статья о В. П. Преображенскомъ.
Она занимаетъ особое мѣсто въ сборникѣ. В. П. Преображенскiй, ре-
дакторъ журнала *Вопросъ Философiи и Психологiи*, секретарь москов-
ской думы, очень памятный многимъ москвичамъ, не успѣлъ выразить
своихъ недюжинныхъ способностей и обширныхъ познанiй въ крупныхъ
научныхъ трудахъ и мало кому извѣстенъ. Поэтому г. Котляревскiй
счелъ долгомъ въ предисловiи объяснить присоединенiе этого неизвѣст-
наго имени къ собранiю общезвѣстныхъ дѣятелей, высказавъ, что, по его
глубокому убѣжденiю, ранняя смерть унесла въ Преображенскомъ круп-
ную надежду русской философской науки. Мы сказали бы, что для чи-
тателей, не знавшихъ Преображенскаго, и самая личность его и связанная
съ ней крупная надежда не выступаютъ вполне явственно изъ статьи г.
Котляревскаго; тѣмъ не менѣе мы считаемъ эту статью очень интерес-
ной и важной. Авторъ, университетскiй товарищъ покойнаго, подробно
рассказалъ о ходѣ духовнаго развитiя небольшого кружка московскихъ
студентовъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Направленiе и смѣна ихъ умствен-
ныхъ интересовъ, бѣглый очеркъ университетскихъ влiянiй—все это дано
такъ живо и значительно, что представляетъ общiй интересъ, помимо
личности Преображенскаго, любопытной и намѣченной очень искусно.
Въ тѣсныхъ рамкахъ индивидуальнаго развитiя, представленнаго въ об-
щихъ очертающахъ, г. Котляревскiй сумѣлъ дать типичную картину ду-
ховной жизни цѣлаго поколѣнiя, не задаваясь опредѣленно этой цѣлью,
такъ что картина эта возникаетъ у читателя невольно, сама собой. Какъ
въ самомъ дѣлѣ типично для той эпохи это удаленiе отъ жизни и за-
мыканiе въ сферу чистой науки или эстетики, вкусъ къ музыкѣ, театру
и европейской литературѣ, а въ области философiи—изученiе позитивизма
и быстрое разочарованiе въ немъ, переходъ къ Канту; какъ характерно
дальше увлеченiе Шопенгауэромъ, наклонъ отъ созерцательности къ роли
волевыхъ импульсовъ въ жизни и вмѣстѣ съ этимъ оживленiе спавшаго
дотогѣ вниманiя къ общественной сторонѣ жизни, знакомство съ соци-
ализмомъ, наконецъ, послѣднiй переходъ къ Ницше. Въ исторiи развитiя
данной личности это осложнено индивидуальными отбѣнками, очень тонко
наложенными, но общiй ходъ и характеръ духовной жизни, повторяемъ,
во многомъ типиченъ для цѣлаго поколѣнiя 80-хъ годовъ, и это состав-
ляетъ главную прелесть очерка.

Мы не касались еще двухъ самыхъ большихъ статей, занимающихъ
болѣе половины книги. Статья о Бѣлинскомъ, написанная къ 50-лѣтiю
его смерти и напечатанная при собранiи главныхъ его статей, издавшихъ
подъ редакцiей автора О. Поповой, довольно широко извѣстна благодаря
распространенности этого прекраснаго изданiя; это обстоятельный, та-
лантиво написанный очеркъ развитiя идей Бѣлинскаго въ связи съ его
временемъ; здѣсь авторъ менѣе, чѣмъ для него обычно, сосредоточился
на лицѣ и отдалъ довольно много мѣста исторiи взглядовъ и характеру
эпохи.

Еще больше по размѣрамъ статья объ А. Толстомъ, занимающая до
150 стр. Она распадается на четыре главы; первыя двѣ трактуютъ объ
отношенiи Толстого къ своему времени и объ общихъ основахъ его по-
этического мiросозерданiя, третья рассматриваетъ его трилогию какъ на-

циональную трагедию; послѣдняя посвящена Толстому-сатирику. Главными мысли первыхъ двухъ статей не новы; что А. Толстой былъ запоздалый романтизмъ съ культомъ искусства и особаго рода религіозностью въ первомъ планѣ, что поэзія его проникнута духомъ гуманности и свободы личности, въ которомъ можно усмотрѣть своеобразно переработаннымъ вѣянія нашей освободительной эпохи, несмотря на несочувствіе поэта къ многимъ сторонамъ общественнаго движенія 60-хъ годовъ, что исторія и русская старина у него подерашена по эстетическимъ или тенденціознымъ мотивамъ,—все это было уже сказано въ русской литературѣ до г. Котляревскаго.

Его заслуга, быть можетъ, въ томъ, что онъ полнѣе прослѣдилъ ту связь поэта-мечтателя съ его бурнымъ временемъ, которая на первый взглядъ казалась такъ мало вѣроятной и отрицалась въ раннихъ оцѣнкахъ критики до статей *Голоса* 70-хъ годовъ, Меньшикова въ 90-хъ гг. и др. Изложеніе г. Котляревскаго очень искусно и интересно, но онъ стремится доказать, что Толстой въ своей символической поэзіи отразилъ въ сущности всѣ основныя задачи 60-хъ гг., сведя лишь ихъ къ приклемой для него общей формулѣ; въ этомъ стремленіи авторъ обнаруживаетъ больше находчивости, чѣмъ убѣдительности. Та общая (черезчуръ общая) формула, въ которой Толстой могъ отъликиваться на задачи своей эпохи, плохо прикрѣпляетъ его къ 60-мъ годамъ, часто вытучъ не больше, чѣмъ къ 20-мъ или 40-мъ. Обще-гуманное направленіе, хотя бы самое широкое, само по себѣ еще не дѣлаетъ писателя сыномъ своего времени, а конкретные символы свои Толстой бралъ изъ такой далекой старины, притомъ такъ эстетически и романтично обработанной, что отъ связи съ эпохой обыкновенно оставался лишь тонкій, не очень ясный ароматъ. Прикрѣпить къ 60-мъ гг. А. Толстого, да еще почти исключительно въ его творчествѣ (какъ сдѣлалъ нашъ авторъ)—задача не легкая; отрицанія и оговорки тутъ естественно должны занимать видное мѣсто, и г. Котляревскій, сосредоточившись почти всецѣло на положительной сторонѣ задачи, невольно лишилъ вопросъ правильной перспективы и свою работу — опредѣленныхъ выводовъ, хотя далъ интересный и въ частностяхъ вдумчивый этюдъ.

Лучше другихъ статей, наиболѣе свѣжо и тонко, даже виртуозно написана глава о Толстомъ, какъ сатирикѣ.

Вся книга въ цѣломъ очень содержательна и блестяще нечастымъ у насъ изяществомъ формы; читать ее—большое удовольствіе.

А. Е. Грузинскій.

Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ. Стр. 84. Ц. 80 к. Эта брошюра—очень симпатичное и культурное явленіе, и хорошо бы, если бы она встрѣтила сочувственный пріемъ и подражаніе среди работниковъ библиотечнаго дѣла: она представляетъ собою очень толковый систематическій каталогъ одного отдѣла при библиотекѣ Общества взаимнаго вспомошествованія приказчиковъ евреевъ въ Одессѣ и даетъ подробный и тщательный перечень новѣйшихъ произведеній русской и европейской беллетристики и критики въ оригиналѣ и (больше) переводахъ. Библиотечная коммиссія объясняетъ въ предисловіи, что издать настоящую книжку ее побудили „все возрастающій спросъ на произведенія современныхъ писателей, частая просьба указывать литературу о томъ или иномъ представителѣ новѣйшихъ литературныхъ направленій“. Каталогъ, составленному съ такой любовью и дѣлу, такъ искусно и внимательно, что не упущены и самыя послѣдні

новинки, даже только что появившіяся журнальныя статьи, предпосланы руководящій историческій очеркъ, посвященный модернизму и его предпшественникамъ; этотъ краткій обзоръ не отличается самостоятельностью характеристикъ и суждений и, какъ указываютъ сами авторы его, скомпилированъ по книгамъ Балмонта, Венгеровой, Полякова и др.; но какъ вступленіе въ каталогъ, какъ справочное пособие, онъ вполне удовлетворяетъ свѣжестю и полнотою указаній. Написанная хорошимъ языкомъ, сжатая и содержательная, эта страничка изъ исторіи литературы несомнѣнно позволитъ ориентироваться въ новѣйшей беллетристикѣ и принесетъ большую пользу не только рядовымъ читателямъ, но и лицамъ болѣе освѣдомленнымъ въ сферѣ изящнаго слова.

Вообще, лежащая передъ нами работа одесской бібліотеки—интересное пріобрѣтеніе для современной бібліографіи.

Ю. А.

ПРАВОВѢДѢНІЕ, СОЦІОЛОГІЯ.

Борисъ Велиховъ. Теорія и практика пропорціональнаго представительства.—9д. Виллей. Избирательное законодательство въ Европѣ.—Францъ Лютенану. Естественная и социальная религія.

Борисъ Велиховъ. Теорія и практика пропорціональнаго представительства. Спб., 1907 г. Стр. 176. Ц. 1 р. Еще недавно вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ весьма живо интересовалъ русское общественное мнѣніе, когда оно вообще вдумывалось во всѣ подробности того нормальнаго избирательнаго режима, который представлялся столь близкимъ. Теперь послѣ всего пережитаго къ этимъ вопросамъ несомнѣнно чувствуется извѣстное охлажденіе; и на нихъ лежитъ извѣстный отпечатокъ академичности. Но это позволяетъ отнестись къ нимъ съ тѣмъ болѣею объективностью. Г. Велиховъ убѣжденный защитникъ пропорціональнаго представительства. Онъ безъ труда опровергаетъ главныя софистическія противъ него возраженія и указываетъ, что это представительство соотвѣтствуетъ высшимъ принципамъ и жизненнымъ интересамъ демократіи. Между прочимъ, онъ основательно опровергаетъ предразсудокъ, будто пропорціональное представительство ведетъ къ системѣ обязательныхъ мандатъ. Съ другой стороны, въ книгѣ г. Велихова пріятно отмѣтитъ то обстоятельство, что онъ чуждъ и обычныхъ преувеличеній сторонниковъ пропорціональной системы; послѣдняя для него не является всемогущею политической панацеею.

Центръ тяжести книги лежитъ, однако, не въ этихъ общихъ принципахъ, а въ изложеніи и критикѣ различныхъ формъ пропорціональнаго представительства. Очень удачнымъ слѣдуетъ признать новое истолкованіе, которое авторъ даетъ способу Гондта (стр. 37). По словамъ автора количество мѣстъ, предоставляемыхъ той или другой партіи стоитъ въ зависимости отъ числа голосовъ, которымъ она можетъ оплатить cadaго своего депутата. Благодаря такому пониманію г. Велиховъ избѣгаетъ ошибки Коркунова. Заслуживаетъ также вниманія такъ называемый сокращенный терминъ Гагенбаха-Бишофа, который очень облегчаетъ пользование гондтовскою системою и который получаетъ весьма наглядное графическое изображеніе. Благодаря этому получается возможность устроить такъ называемый механическій „гондтомѣръ“. Въ заключеніе приведены различныя примѣры осуществленія пропорціональнаго представительства въ Сербіи, Женевѣ и Бельгіи.

Книга представляетъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ нашу небогатую литературу по вопросу о пропорціональныхъ выборахъ.

С. Котляревскій.

Эд. Виллей. Избирательное законодательство въ Европѣ. Библиотека „Просвѣщенія“. Стр. 232. Ц. 75 к. Книга Виллея—одна изъ лучшихъ работъ, посвященныхъ избирательному праву, и потому можно привѣтствовать ея переводъ, хотя на русскомъ языкѣ уже имѣется по этимъ вопросамъ превосходная книга Георга Мейера и хорошая Шиферуна.

Переводъ сдѣланъ удовлетворительно; въ приложеніи кратко, но точно изложенъ новый австрійскій избирательный законъ, нѣсколько подробно—финляндскій (здѣсь есть кое-что и лишнее, напр., разсужденіе о неясности и неопредѣленности тѣхъ обязанностей и правъ, которыми пользуется финляндскій сеймъ, стр. 219), а также дана характеристика перемѣнъ, совершившихся въ русскомъ избирательномъ правѣ. Можно рекомендовать книгу тѣмъ особенно, для кого Мейеръ покажется слишкомъ труднымъ.

С. К.

Францъ Лютгенау. Естественная и социальная религія. Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной. Спб., 1908 г. 289 стр. Ц. 1 р. Книга эта стремится, повидимому, удовлетворить двумъ цѣлямъ: дать популярную исторію религіи и выяснитъ значеніе религіи какъ социальнаго явленія, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма и нѣмецкой социаль-демократіи.

Но эти двѣ задачи такъ въ ней переплетаются другъ съ другомъ, что въ результатѣ не достигается ни та, ни другая. Какъ исторія религіи, она, съ одной стороны, мало научна, а съ другой—и недостаточно популярна. Авторъ строитъ свои научныя сужденія главнымъ образомъ на филологической теоріи Макса Мюллера, въ настоящее время во многихъ своихъ частяхъ значительно устарѣвшей. Въ то же время онъ отводитъ слишкомъ большое для популярной книги мѣсто полемикѣ съ Липпертомъ и другими историками культуры и изложенію ихъ противорѣчивыхъ взглядовъ на различные спорные вопросы. Все это, думается намъ, мало отвѣчаетъ потребностямъ тѣхъ читателей, которыхъ имѣлъ въ виду авторъ, говорящій въ предисловіи, что книга эта написана не для „компетентныхъ“ людей, а прежде всего имѣетъ въ виду читателей изъ рабочаго класса. Тѣмъ менѣе она можетъ отвѣчать потребностямъ русскаго общества и въ особенности русскаго рабочаго класса, хотя и было бы очень желательно имѣть дѣйствительно популярную русскую исторію религіи. Авторъ различаетъ естественную религію отъ социальной; въ послѣдней онъ относитъ и христіанство. Происхожденіе социальной религіи обусловлено возникновеніемъ классовою борьбою и „противоположностью въ степени образованія въ народной общинѣ“. „Экономическія измѣненія и новыя социальныя условія отразились въ религіи и повели за собой измѣненіе религиозныхъ представленій... Социальныя же условія, а слѣдовательно косвенно и религиозное мышленіе новой общественной ступени, опредѣлялись товарнымъ производствомъ, которое открыло людямъ существованіе социальныхъ силъ“. Но такъ какъ авторъ признаетъ вѣстѣ съ тѣмъ, что „сущность религіи состоитъ въ представленіи о непонятномъ, которое имѣетъ власть надъ человѣкомъ и вліяетъ на его моральное поведеніе“, то потребовалось логически соединить эти различныя положенія. Нельзя сказать, чтобы этотъ логическій переходъ сдѣлался яснымъ въ такихъ фразахъ, какъ „самъ товаръ является теогоническимъ элементомъ“.

...„Товаръ является великой тайной въ нашемъ производствѣ; Марксъ очень остроумно приписываетъ ему фетишистскій характеръ“. ...„Ци-

ность является какъ бы мистически присущимъ продуктамъ свойствомъ, по которому они узнаютъ другъ друга и посредствомъ котораго они таинственно общаются другъ съ другомъ“. Приведенныя цитаты могутъ также служить и образчиками перевода, слогъ котораго вообще довольно тяжелъ, иногда неправиленъ и очень часто неясенъ. Бываетъ и то, что переводъ превращаетъ Мепената въ Масену. Что касается до содержания, то оно чрезвычайно разнообразно: въ послѣдней главѣ изложены статистическія данныя о числѣ послѣдователей различныхъ религій въ настоящее время; затѣмъ говорится о значеніи религій въ современномъ обществѣ и о томъ, какъ, съ одной стороны, ею пользуются имущіе классы въ союзѣ съ духовенствомъ, а съ другой—какъ они же опасаются, чтобы религія не обратилась въ могущественное орудіе въ рукахъ социаль-демократіи; далѣе объ отношеніи государства къ религіи, наконецъ, объ отношеніи социализма къ религіи. Послѣднее опредѣляется такимъ образомъ: „Что религія во всякомъ случаѣ исчезнетъ въ социалистическомъ обществѣ, это не требованіе, но чисто-теоретическое, явившееся результатомъ мышленія мнѣніе. Это только взглядъ, а не стремленіе“. Это мотивируется опять тѣмъ же соображеніемъ, что когда „общество возьметъ въ свои руки средства производства“, то „наши продукты перестанутъ тогда казаться намъ могущественной невѣдомой силой, а съ этимъ исчезнетъ и послѣдняя невѣдомая сила, которая теперь еще отражается въ религіи“. Кому они и теперь не кажутся такою силой, тотъ едва ли, конечно, согласится съ такимъ заключеніемъ. Въ общемъ книга является довольно безсистемнымъ нагроможденіемъ разнообразнѣйшихъ фактовъ и мыслей.

В. Дундъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Georg. Cleinow. Aus Russland Not und Hoffen.—Гр. Ис. Ис. Толстой и Юлій Гессель. Факты и мысли. Еврейскій вопросъ въ Россіи.—Мис. Моммалтскій. Первая Государственная Дума.—А. Н. Брѣжневичевъ. Междуумье. Вып. I.—Ва. Беренштамъ. Около политическихъ.

Georg. Cleinow. Aus Russlands Not und Hoffen. Zweiter Band (Verfassungskämpfe). Berlin, 1907. S. 315. Нѣмецкій бюргеръ, либераль и конституціоналистъ, не лишенный здраваго смысла, но довольно поверхностный, призываетъ въ Россію въ качествѣ корреспондента и безъ особаго смущенія довольно авторитетнымъ тономъ начинать судить и рядить о русскихъ дѣлахъ. Маккензи Уоллесъ, *открывавшій Россію* въ семидесятыхъ годахъ, прожилъ у насъ около пяти лѣтъ. Онъ жилъ въ столицахъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ деревняхъ. Онъ заводилъ обширныя знакомства и среди правящихъ классовъ, и среди интеллигенціи, и среди крестьянъ. Плодомъ такого труда явилась и серьезная книга. Но нынче времена перемѣнились. Все пожирающая газета требуетъ быстро доставленія свѣдѣній. Современному корреспонденту невозможно тратить пять лѣтъ на изученіе тѣхъ странъ, о которыхъ онъ долженъ писать. Весь его багажъ неизбѣжно сведется, поэтому, къ десятку указанныхъ ему газетъ и журналовъ и къ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ разговоровъ съ лицами, съ которыми ему удалось завязать знакомства. Смотря по тому, въ какую среду попадаетъ корреспондентъ и съ какими людьми онъ чаще всего бесѣдуетъ, варьируется и окраска его писанія. Обыкновенно корреспонденты призываютъ къ намъ уже съ извѣстными предвзятыми мыслями, диктуемыми либо ихъ партійной ролью въ своемъ отечествѣ, либо національностью.

Г. Клейновъ настроенъ къ Россіи довольно доброжелательно, но, конечно, онъ не можетъ во взглядѣ на нашъ народъ отрѣшиться отъ того высокомерія, съ которымъ каждый „культурный нѣмецъ“ неизбежно долженъ смотрѣть на „русскихъ варваровъ“. Въ сущности говоря, всѣ знанія г. Клейнова о русскомъ народѣ сводятся лишь къ тому, что русскій крестьянинъ преданъ царю и зоветъ его батюшкой. Все остальное содержаніе книги Клейнова составлено изъ свидѣній, почерпнутыхъ изъ чтенія русскихъ газетъ и изъ бесѣдъ съ знакомыми русскими. Последніе, очевидно, въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ лѣвымъ октябристамъ или къ мирнообновленцамъ. Поэтому-то партію мирнаго обновленія г. Клейновъ считаетъ партіей будущаго, призванной реформировать Россію. Но представленія г. Клейнова о русскихъ партіяхъ довольно-таки смутны. Кое-кто изъ собесѣдниковъ, очевидно, мистифицировалъ иной разъ нѣмецкаго корреспондента, а послѣдній не могъ догадаться, что надъ нимъ шутятъ. Въ результатъ, наприм., дважды повторенное сообщеніе, что въ первой Думѣ засѣдало 15 анархистовъ, скрывавшихся подъ кличкой свободомыслящихъ! Оказывается, что нашъ парламентъ былъ первымъ въ мірѣ, который почти своимъ присутствіемъ анархисты, а мы до сихъ поръ объ этомъ и не подумывали! Не менѣе фантастичны представленія Клейнова и о народныхъ социалистахъ. Эта безобидная группа немногочисленныхъ интеллигентовъ народнической закваски, открыто выступавшая и добивавшаяся легализаціи, рисуется автору въ видѣ очень вліятельнаго грознаго сообщества, не признающаго никакой морали, готоваго на убійства, грабежи и поджоги. Въ группѣ народныхъ социалистовъ Клейновъ видитъ признакъ реакціи націоналистическаго настроенныхъ массъ противъ космополитическаго социализма. Читая всю эту ахинею Клейнова, сначала недоумѣваешь, откуда онъ все это взялъ, и только затѣмъ догадываешься, что социалистовъ-революціонеровъ онъ смѣшалъ съ народными социалистами, а послѣднихъ отождествилъ съ редакціей *Русскаго Богатства*. Недаромъ во главѣ народныхъ социалистовъ у Клейнова оказался не принадлежащій ни къ какой партіи Владиміръ Галактионовичъ Короленко.

Вообще, курьезовъ, нелѣпостей и ошибокъ въ книгѣ Клейнова не оберешься. Говоря о знаменитомъ ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ, онъ совершенно не понимаетъ, по какому именно пункту собраніе раскололось на большинство и меньшинство. Не обративъ вниманія на то, что меньшинство отрывало дорогу для законосовѣщательнаго учрежденія, онъ свелъ все различіе взглядовъ къ желанію или нежеланію подробно опредѣлять функціи народныхъ представителей. Говоря о возвышеніи Витте и назначенія его на постъ министра, Клейновъ приписываетъ въ этомъ дѣлѣ большую роль Каткову, умершему за пять лѣтъ до того: очевидно, факты изъ біографіи Вышнеградскаго перенесены въ біографію Витте. Кадеты въ первой Думѣ, по его словамъ, предоставили рѣшеніе вопроса о монархіи и республикѣ большинству голосовъ; Петрушевичъ оказывается республиканцемъ и автономистомъ и т. д. Очевидно, кто-то усердно мистифицировалъ Клейнова. Причину аграрнаго движенія онъ видитъ не въ нуждѣ крестьянъ въ землѣ, а въ агитаціи безземельно сельской интеллигенціи, такимъ путемъ добивавшейся для себя политической свободы. Кадетовъ Клейновъ обвиняетъ въ федерализмѣ, а говоря съ похвалой о децентрализаторскихъ стремленіяхъ мирнообновленцевъ, на самомъ дѣлѣ выписываетъ пункты кадетской программы. О мелкихъ ошибкахъ, вродѣ зачисленія Гурко въ министерство земледѣлія, приписыванія М. М. Ковалевскому изданія газеты *Думы*, оставленія въ

живыхъ давно погибшаго журнала *Русскаго Вѣстника* и т. д., мы уже не будемъ и говорить.

Грѣшно было бы однако не сказать, что книга Клейнова не лишена и нѣкоторыхъ достоинствъ. Очень живо и психологически довольно тонко описана имъ, какъ очевидцемъ, сцена приѣма членовъ первой Думы въ Зимнемъ дворцѣ. Къ политикѣ, послѣдовавшей за роспускомъ второй Думы и августомъ 3 іюня, Клейновъ относится отрицательно и правильно указываетъ на ея опасныя стороны. Несмотря на всю свою нелюбовь къ кадетамъ, Клейновъ далъ вѣрную оцѣнку возбужденія преслѣдованія противъ лицъ, подписавшихъ выборгское воззваніе. Глава книги, посвященная оцѣнкѣ бюджетныхъ правъ Думы, написана обдуманно и серьезно. Общій выводъ Клейнова тотъ, что въ области урегулированія финансовъ права Думы ничтожны, въ области контроля надъ займами равны нулю и что, если правительство рассчитываетъ пріобрѣсти прочное довѣріе иностранныхъ кредиторовъ, оно должно будетъ обезпечить за народнымъ представительствомъ право дѣйствительнаго контроля надъ финансами.

А. С. Изюевъ.

Графъ Ив. Ив. Толстой и Юлія Гессенъ. Факты и мысли. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб., 1907 г. Стр. XII. + 220. Ц. 1 р. 50 к. Исторія этой книги, какъ видно изъ предисловія къ ней, слѣдующая. Незадолго до роспуска первой Государственной Думы, Юлія Гессенъ приступилъ къ составленію записки по еврейскому вопросу, которую имѣлось въ виду раздать народнымъ представителямъ. Понуждаемый срѣшностью работы, авторъ воспользовался литературной помощью А. И. Израилитина, И. Я. Ландау, С. Марголина, М. І. Могилевскаго, М. А. Финкеля и Г. Б. Сліозберга. Но Думу распустили, прежде чѣмъ записка была готова, и ее пришлось раздать народнымъ представителямъ второго призыва. Гр. Ив. Толстой, задумавъ свою работу по еврейскому вопросу, которая должна была содержать общія по нему соображенія, и разыскивая источники, остановился на брошюрѣ Гессена, какъ на трудѣ, который, исчерпывая въ краткомъ изложеніи относящіяся къ дѣлу данныя чисто-фактическаго характера, могъ служить наилучшимъ основаніемъ для его статьи. Войдя въ соглашеніе съ Ю. Гессеномъ, гр. Толстой закупилъ у издателя оставшіеся нераспроданными экземпляры вышеназванной брошюры. Присоединивъ, затѣмъ, къ статьѣ Гессена свою статью и предисловіе, гр. Толстой заключилъ все это въ одну обложку и выпустилъ въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: „Мысли и факты“. *Факты* по преимуществу—это статья Гессена „О жизни евреевъ въ Россіи“; *мысли*,—статья Толстого „Антисемитизмъ въ Россіи“.

Статья Гессена представляетъ собой краткое, объективное и безстрастное изложеніе исторіи правового положенія евреевъ за все время ихъ пребыванія въ русскомъ подданствѣ, т. е. начиная съ 1772 года и до нашихъ дней. Прочтя это сухое повѣствованіе „О жизни евреевъ въ Россіи“, хочется воскликнуть: Нѣтъ, это разсказъ не о томъ, какъ жили люди, а о томъ, какъ они задыхались! Вотъ, напримѣръ, строки, относящіяся къ исторіи отбыванія евреями воинской повинности по уставу 1827 года: „Съ евреевъ брали рекрутъ даже дѣтей, начиная съ 12-лѣтняго возраста (у христіанъ брали дѣтей только военнослужащихъ)... Во время длинныхъ зимнихъ переходовъ изъ западныхъ губерній куда-нибудь въ глубь въ Россіи, эти дѣти-рекруты гибли массами. Лишь меньшая часть изъ нихъ выживала. Выжившихъ истязаніями и лишеніями заставляли принимать христіанство. Объ этомъ въ литературѣ сохрани-

лось много трагическихъ воспоминаній“. „Былое и Думы“ содержатъ одно такое воспоминанье. Рассказывая о своей встрѣчѣ, по дорогѣ изъ Перми въ Вятку, съ партіей еврейскихъ дѣтей-рекрутъ, А. И. Герценъ рисуетъ поистинѣ ужасную картину. Среди рекрутъ были дѣти 8 и 10 лѣтъ. Третья часть дѣтей, составлявшихъ первоначально партію, которую видѣлъ Герценъ, уже перемерла, а оставшіяся „шли въ могилу“, по выраженію автора. Описывая впечатлѣніе, производимое этими дѣтьми, Герценъ замѣчаетъ: „Ни одна черная кисть не вызоветъ такого ужаса на холстѣ“.

А черта осѣдлости! Эта прихотливая черта, которая, капризно извиваясь, дѣлаетъ для еврея запретнымъ проживанье въ громадномъ большинствѣ русскихъ городовъ и сельскихъ мѣстностей; черта, которая не оставляетъ его въ покоѣ даже внутри города, гдѣ евреи имѣютъ право жительства: какъ общее правило, она окружаетъ такой городъ по официальной его границѣ, а иногда выключаетъ отдѣльные его кварталы. „Евреи, незаконно проживающіе въ данной мѣстности, высылаются мѣрами полиціи въ мѣсто приписки и одновременно привлекаются къ судебной отвѣтственности“, читаемъ мы у Ю. Гессена. Сколько горя скрыто за этими словами! Кто измѣритъ море страданій, которыя перенесли еврейскія семьи, то тутъ, то тамъ перебрасываемыя черезъ новый кагибъ черты, сдѣлавшія ихъ „незаконно проживающими“ въ мѣстѣ, гдѣ ихъ родина, гдѣ ихъ крѣпко держатъ тысячи нитей. Есть предѣлъ, за которымъ нельзя найти словъ, чтобы выразить мѣру негодованья и возмущенья, волнующихъ душу. Этотъ предѣлъ достигнуть въ еврейскомъ вопросѣ въ Россіи. А въ такомъ случаѣ сухое изложеніе фактовъ, быть можетъ, наиболѣе уместно. Ю. Гессенъ и слѣдуетъ этому рецепту, что, впрочемъ, вызывается, конечно, и первоначальнымъ назначеніемъ его статьи—служить запиской для членовъ Думы, которой предстояло рѣшать въ числѣ другихъ и еврейскій вопросъ.

Отсылая интересующихся въ самой книгѣ, мы позволимъ себѣ только еще одну выдержку изъ „итоговъ“, подводимыхъ авторомъ статьи „О жизни евреевъ въ Россіи“: „Русскіе ограничительные законы о евреяхъ въ своей совокупности не преслѣдовали одной какой-либо цѣли, ясно намѣченной и устойчивой... Законодательный аппаратъ работалъ, но не созидалъ... Двигающая сила, возбуждавшая законодателя къ лихорадочной работѣ, лежала внѣ сферы фактовъ жизни, за предѣлами требованій дѣйствительности. Предубѣжденіе противъ евреевъ, и не столько, какъ нехристіанъ, сколько именно какъ евреевъ, съ предъями которыхъ связанъ трагическій вонецъ земной жизни Христа; ненависть въ конкуренту-врагу, котораго какъ будто нельзя побѣдить; суевѣрный страхъ передъ народомъ, духовная жизнь котораго столь непонятна, столь ненавистна, что кажется даже страшной,—всѣ эти чувства, щедро рассыпанныя въ душѣ отдѣльныхъ людей, но не объединяющіяся при свѣтѣ дня въ душѣ цѣлаго народа, всѣ эти чувства и составили ту скрытую силу, которая исказила въ глазахъ законодателя дѣйствительный обликъ и жизнь еврея“, и т. д. Приведенная характеристика русскаго законодательства въ отношеніи евреевъ представляется намъ въ высшей степени удачной. Какъ это ни невѣроятно, но именно недоувѣріе и предубѣжденіе, основанныя на суевѣрномъ страхѣ, руководили законодателями во всемъ, что касалось евреевъ. Конечно, въ самыхъ неумолимо ясныхъ и понятныхъ словахъ закона, запрещающаго или предписывающаго, почти никогда не видно слѣдовъ этого суевѣрія, и, чтобы открыть его присутствіе, нужно глубоко и всесторонне изучить исторію законодательства

о евреяхъ, что, повидимому, и сдѣлалъ авторъ разбираемой нами статьи. Но, какъ иллюстрація утвержденія, высказываемаго Ю. Гессеномъ, быть можетъ, окажется не лишнею интереса ссылка на одну статью свода законовъ, гдѣ какъ бы вырывается на свободу языкъ пламени, которымъ скрыто горитъ мысль законодателя. Мы имѣемъ въ виду текстъ присяги для евреевъ-свидѣтелей. Его можно найти въ приложеніи къ 1061 ст., I ч., XI т. св. зак., изд. 1875 г. Присяга начинается слѣдующими словами: „Я, нижепоименованный, общаю и клянусь Господомъ Богомъ, Богомъ Израилевымъ, съ чистымъ сердцемъ и *не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣднію приводящихъ меня къ присягѣ*, въ томъ, что по дѣлу, по которому я вызванъ въ свидѣтели, откроя самую сущую правду“... и т. д. Чѣмъ инымъ, кромѣ суевѣрнаго страха, можно объяснить присутствіе подчеркнутыхъ нами словъ? Для свидѣтелей всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданій законодатель не нашелъ нужнымъ дѣлать такой или подобной оговорки, считая, что она необходима только еврею, чтобы показать „самую сущую правду“.

Перу гр. И. И. Толстого въ разбираемой книгѣ, какъ упомянуто выше, принадлежитъ статья „Антисемитизмъ въ Россіи“, которая дополняетъ „мыслями“ статью Гессена, поскольку приводимые послѣднимъ „факты“ не говорятъ сами за себя.

С. Б. Айзенманъ.

Мих. Могилянскій. Первая Государственная Дума. Спб., 1907 года. Стр. 200. Ц. 1 р. Книга г. Могилянскаго состоитъ изъ ряда статей, написанныхъ разновременно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣятельности первой Думы, роспуска ея и послѣдовавшихъ за нимъ событій. Очерки эти, по необходимости бѣглыя и лишенные поэтому обстоятельности, написаны живо, интересно, сразу вводятъ читателя въ почти забытую уже, подъ вліяніемъ быстро развивающейся реакціи, атмосферу бурной и содержательной жизни перваго русскаго народно-представительнаго собранія. Авторъ описываетъ всѣ выдающіеся моменты изъ жизни первой Думы: поразительно-единодушное принятіе отвѣтнаго адреса, въ которомъ запечатлѣлись освободительныя стремленія огромнаго большинства населенія, энергичную и яркую отвѣдь министерству въ отвѣтъ на его декларацію, громовую рѣчь вв. Урусова и пр. Онъ отмѣчаетъ любопытную позицію покойнаго гр. Гейдена, этого убѣжденнаго прогрессиста и демократа, руководившаго *правымъ* флангомъ замѣчательнаго парламента. Большое вниманіе г. Могилянскій удѣляетъ полемикѣ съ крайними лѣвыми, вдохновенно поносившими, въ несознаваемомъ союзѣ съ просыпающейся и сплывающей черносотенною ратью, „кадетскую Думу“ и дѣятельно подрывавшими въ массахъ ея престижъ. Автору приходилось отражать нелѣпныя нападки какого-нибудь „Двадцатаго вѣка“, возмущавшагося, наприм., тѣмъ, что за цѣлую недѣлю существованія Дума не сумѣла добиться амнистіи политическимъ узникамъ и ссыльнымъ и осуществить цѣлый рядъ мѣропріятій. По тому времени нужно было серьезно доказывать, что законопроектъ, принятый Думой безъ соблюденія необходимыхъ формальностей, не можетъ получить силы закона, и что отказъ кадетовъ отъ такого шага нисколько не означаетъ еще ни „измѣны“, ни даже „оппортунизма“.

Къ очеркамъ о Думѣ приложены „Очерки крестьянскихъ настроеній“, составленные г. Могилянскимъ на основаніи личныхъ наблюденій на Украйнѣ, гдѣ авторъ сталкивался съ крестьянами въ качествѣ выборщика и защитника въ дѣлахъ о крестьянскихъ волненіяхъ.

Л. Шифъ.

А. Н. Брянчаниновъ. Междудумье. Вып. I. Сборникъ матеріаловъ для характеристики политическаго положенія передъ созывомъ второй Думы. Спб., 1907 г. Стр. 357. Ц. 1 руб. 50 коп. Авторъ собралъ наиболѣе значительныя официальныя мѣропріятія, относящіяся къ періоду перваго междудумья. Въ книгѣ приведемъ всѣ официальныя мѣры репрессій этого періода, въ формѣ циркуляровъ министровъ и обязательныхъ постановленій мѣстныхъ властей, законодательныя мѣры кабинета Столыпина на основаніи ст. 87 осн. зак., а также знаменитыя сенатскія „разъясненія“ объ избирательныхъ правахъ нѣкоторыхъ категорій населенія. Кромѣ данныхъ о чисто-официальныхъ проявленіяхъ правительства, большой политическій интересъ представляетъ „нѣсколько данныхъ для сужденія объ отношеніи конституціоннаго правительства къ партіямъ, стремящимся возстановить неограниченное самодержавіе“. Изъ матеріала для характеристики политическихъ партій отмѣтимъ, наряду съ резолюціями съѣздовъ и комитетовъ, такіе любопытные документы, какъ письмо предсѣдателя „союза русскаго народа“ Дубровина митрополиту Антонію и знаменитое письмо А. И. Гучкова кн. Е. Н. Трубецкому, содержащее одобреніе акту введенія военно-полевыхъ судовъ. Собранный г. Брянчаниновымъ цѣнный справочный матеріалъ, предназначавшійся къ свѣдѣнію депутатовъ второго созыва, представляетъ, несомнѣнно, большой интересъ и для дѣятелей третьей Думы.

Л. Шифъ.

Вл. Беренштамъ. Около политическихъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ „Гиблыя мѣста“—Якутскую область. Изданіе С. В. Бунина. Спб., 1908 г. I—IX+289 стр. Ц. 1 р. Книжка Вл. Беренштама, изданная замѣчательно опрятно, интересна во многихъ отношеніяхъ. Мы находимъ въ ней талантливыя путевыя замѣтки, пересыпанныя множествомъ анекдотическихъ подробностей сибирскаго „житія“, дѣльныя этнографическія отступленія и поучительныя статистическія данныя. Интересны также страницы, посвященныя весьма цѣннымъ автобиографическимъ замѣткамъ нѣкоторыхъ политическихъ. Затѣмъ интересно и важно все, что касается выясненія условій Якутской ссылки („Гиблыя мѣста“), характеристики преобладающихъ властей всякихъ ранговъ и наименованій и насаждаемыхъ ими порядковъ.

Означенныя замѣтки были результатомъ поѣздки автора въ Якутскъ на заштиту по извѣстному дѣлу „о вооруженномъ возстаніи романовцевъ“. Печальный исходъ этой исторіи (одинъ убитый и нѣсколько раненыхъ—послѣ вызова войскъ) завершился процессомъ, о которомъ уже вышла большая книга П. П. Теплова.

Всѣмъ 59 подсудимымъ грозила вѣчная каторга, но фактически они пробыли въ заключеніи около 1½ года и были совершенно освобождены, по почину самихъ властей.

Книжку Вл. Беренштама или надо пересказывать всю, или прямо отослать къ ней читателя: въ ней каждая изъ семи главъ и всякаго страничка представляетъ своеобразный интересъ.

Къ книжкѣ приложены шесть удачно-выполненныхъ фототипій, томъ числѣ и группа „романовцевъ“, а также „первый съѣздъ якутовъ“ среди группы котораго помѣстился авторъ и его коллега А. С. Зрудный.

Стоитъ книжка очень недорого—1 рубль.

С. А. Поносъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Ж. Константенъ. Растеніе и среда.—М. Новорусскій. Земля и ея жизнь.

Ж. Константенъ. Растеніе и среда. Переводъ съ французскаго подъ редакціей К. Тимирязева. Изд. журнала „Русская Мысль“. 1908 г. XII + 341. Ц. 1 р. 50 к. Книга Ж. Константена предлагаетъ въ маломъ объемѣ обильный матеріалъ фактовъ изъ новой области—физиологической ботаники, разсѣянный въ массѣ специальныхъ работъ.

Факты эти авторъ искусно сгруппировалъ и далъ въ результатѣ прекрасную, доказательную картину уже давно подозрѣваемой причинной связи между формой организма и условіями, при которыхъ она образуется.

Но для неспециалиста-біолога въ книгѣ Константена будутъ интересны не столько факты, имъ излагаемые, сколько та теоретическая точка зрѣнія, которой онъ придерживается.

Константенъ является горячимъ сторонникомъ того объясненія происхожденія органическихъ формъ, которое дано задолго до Дарвина Ламаркомъ и примыкаетъ, слѣдовательно, къ школѣ неоламаркистовъ. Въ послѣднее время это ученіе, въ особенности среди ботаниковъ, приобретаетъ все большій и большій кругъ сторонниковъ, и съ этой точки зрѣнія появленіе книги Константена на русскомъ языкѣ можно только приветствовать.

Все сочиненіе распадается на XXIII главы, причѣмъ изложенію фактовъ предпосылается историческій обзоръ ученія той школы, къ которой принадлежитъ авторъ (начиная съ Вольфа). Къ сожалѣнію, авторъ мало говоритъ о развитіи ламаркизма послѣ Дарвина, почему современное положеніе этой школы остается у Константена невыясненнымъ.

Остальныя XXII главы посвящены изложенію экспериментальныхъ изслѣдованій о вліяніи на растенія тепла и холода (II—IX), свѣта (X—XV), силы тяжести (земного притяженія) (XVI—XVIII) и своеобразныхъ условій существованія въ водной средѣ (XIX—XXIII), и надо только удивляться таланту автора, который умѣетъ излагать эти изслѣдованія такимъ яснымъ, простымъ и точнымъ языкомъ, какъ Константенъ.

Излагать эти наблюденія въ настоящей рецензій, значило бы переписывать всю книгу, такъ какъ въ ней нѣтъ ни одного лишняго слова, ни одного лишняго факта. Мы ограничимся только тѣмъ, что позволимъ себѣ горячо рекомендовать книгу Константена всѣмъ интересующимся біологіей, и въ особенности тѣмъ, кто знакомъ съ основами ботаники, съ одной стороны, и эволюціоннаго ученія—съ другой; ибо, какъ ни популярно изложеніе автора, оно все же требуетъ знакомства съ основными проблемами естествознанія, разсматриваемыми въ книгѣ Константена. Мы считаемъ ее болѣе всего пригодной лицамъ, слушающимъ или прослушавшимъ курсъ ботаники въ высшемъ учебномъ заведеніи.

В. Муралевичъ.

М. Новорусскій. Земля и ея жизнь. Всѣмъ доступное изложеніе науки о землѣ. 26 иллюстрацій. 1907 г. Ц. 40 к. Популярныя книжки по естествознанію все болѣе и болѣе завоевываютъ себѣ поле дѣятельности. На страницахъ *Русской Мысли* намъ пришлось не разъ уже говорить о подобнаго рода изданіяхъ, о той пользѣ, которую онѣ могутъ принести зарождающейся теперь въ Россіи потребности къ образованію, вообще, и къ познанію окружающей природы—въ частности.

Лежащая передъ нами небольшая книжка представляетъ собой одно

изъ такихъ нужныхъ въ наше время изданій. Масса такъ мало знакомъ съ жизнью земли, на которой она влачитъ свое существованіе! Авторъ этого труда „только въ зрѣлые годы впервые узналъ о землѣ такія вѣстныя истины, которыя долженъ бы знать всякій ребенокъ... И ему хотѣлось изложить эти знанія такъ понятно, чтобы ими легко могъ воспользоваться и усвоить ихъ каждый толковый ребенокъ, даже безъ помощи учителя“ (пред.). Этой системы „понятнаго“ изложенія авторъ придерживается на всемъ протяженіи своего труда.

Книжка раздѣляется на двѣ части. Первая, какъ бы вводная, даетъ понятіе о состояніи тѣла, измѣненіи состоянія, основныхъ законахъ химіи и физики, при чемъ изложены всѣ эти свѣдѣнія простымъ, общепонятнымъ языкомъ, безъ помощи сложныхъ названій. Вторая часть посвящена самой землѣ, ея геологій. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о жизни и возрастѣ земли, объ огнѣ, водѣ, вѣтрахъ, растеніяхъ, животныхъ и т. д., однимъ словомъ передъ глазами читателя развертывается вся картина сложной жизни нашей планеты. Книжка издана очень опрятно, цѣна ея невысока (40 к.); все это даетъ поводъ думать, что „Земля и ея жизнь“ найдутъ широкое распространеніе въ кругахъ читающей публики, такъ жадно стремящейся въ послѣднее время къ познанію силъ вселенной.

А. Дятинскъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Ежегодникъ народной школы. Подъ ред. В. И. Чарнолукача. Вып. I.

Ежегодникъ народной школы. Подъ ред. В. И. Чарнолукача. Вып. I. М. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 461 стр. Ц. 1 р. 50 к. Новая работа г. Чарнолукача выполнена съ обычной для него эрудиціей и талантомъ, и его „Ежегодникъ“—объемистая книга въ 461 стр. убористой печати—даетъ вполне обстоятельные отвѣты на всѣ основные вопросы, которые могутъ въ данный моментъ интересовать дѣятелей народной школы—учителей и частныя и общественныя организаціи. Особые условія переживаемаго нами періода неизбежно должны были отразиться и на характерѣ справочника. Освободительное движеніе, какъ извѣстно, ознаменовалось критикою всѣхъ сторонъ русской жизни, результатомъ которой явилось стремленіе построить эту жизнь на новыхъ, вполне опредѣленныхъ началахъ; не была, конечно, забыта и народная школа: школьный строй, созданный старымъ бюрократическимъ режимомъ, полный „произвола, гнета, свѣтобоязни и всякаго рода насилій“, былъ осужденъ, явилась настоятельная потребность въ созидательной работѣ, которая и была произведена въ 1906—7 гг. многими общественными организаціями, партійными группами и, наконецъ, отдѣльными, пользующимися авторитетомъ, дѣятелями въ области народнаго образованія. Всѣ эти работы разбросаны по отдѣльнымъ органамъ, и только теперь, съ выходомъ „Ежегодника“, каждый интересующійся имѣетъ возможность детально познакомиться съ ними, или, крайней мѣрѣ, съ наиболее выдающимися изъ нихъ. Сюда вошли проекты, внесенные группами членовъ Государственной Думы втораго созыва, и проекты, выработанные какъ лигой образованія, такъ и московскимъ областнымъ отдѣломъ, и положенія, принятые на съѣздахъ учительскихъ союзовъ, законопроектъ о введеніи всеобщаго начальнаго

обученія, внесенный во вторую Думу министр. народн. проsv., положенія, разработанныя отдѣльными лицами: А. В. Овсянниковымъ, С. И. Шохоръ-Троцкимъ, Я. И. Душечкинымъ, Н. В. Чеховымъ, В. Самсоновымъ, Г. А. Фальборкомъ и В. Н. Сторожевымъ и т. д. Въ прекрасной вступительной статьѣ г. Чарнолуcкій вполне вѣрно опредѣляетъ практическое значеніе этихъ работъ: соглашаясь съ тѣмъ, что въ настоящее время органическая реформа школьнаго дѣла неосуществима, авторъ стоитъ за необходимость „дѣлаго ряда законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій частнаго и временнаго характера, имѣющихъ цѣлью, даже не выходя изъ рамокъ существующаго строя, уничтожить возможно больше ненормальностей въ дѣйствующемъ школьномъ законодательствѣ, рѣзко противорѣчащихъ даже уже сдѣланнымъ и юридически закрѣпленнымъ завоеваніямъ освободительнаго движенія“; выработанные общественными группами и организаціями основные принципы, на которыхъ должна быть построена органическая реформа, когда придетъ ея время, и являются при проведеніи въ жизнь мѣропріятій частнаго характера тѣмъ надежнымъ компасомъ, по которому во всякій данный моментъ можно опредѣлить, „не идетъ ли оно вразрѣзъ съ общими принципами предстоящаго странъ органическаго строительства школьнаго дѣла, не осложнитъ ли оно этого строительства и не свяжетъ ли его въ какомъ-либо отношеніи“.

Съ неменьшей полнотой представлены въ „Ежегодникъ“ матеріалы по другому, выдвинутому въ данный моментъ вопросу—о народной школѣ повышеннаго типа; затѣмъ очень цѣнными являются свѣдѣнія, касающіяся дѣлаго ряда учреждений и организацій, обслуживающихъ тѣ или другія нужды народной школы и ея преподавательскаго персонала; цѣнность ихъ увеличивается благодаря тому, что всѣ эти справочныя свѣдѣнія даны въ строго систематизированномъ видѣ; что касается учительскихъ организацій (обществъ взаимопомощи и учительскихъ союзовъ), то въ этомъ отношеніи „Ежегодникъ“ является изданіемъ единственнымъ по полнотѣ и новизнѣ данныхъ; то же самое должно сказать и относительно отдѣла „законы и циркуляры“. Сравнительно слабѣе представленъ отдѣлъ „новости народнаго образованія въ другихъ странах“. Есть, конечно, и недочеты. Такъ, напримѣръ, не приведены нѣкоторые *нормальные* уставы (нормальный уставъ общества вспомошествованія нуждающимся учащимся), причемъ читатели отсылаются въ другому справочнику, который не вездѣ и не всегда можно достать; литература по однимъ вопросамъ дается съ отзываютъ о каждой книгѣ (см. „Популярныя книжки по народному образованію“), по другимъ, не менѣе важнымъ для школы отдѣламъ, наприм., „дѣтскіе журналы“, дается только списокъ ихъ съ ссылкой на то, что характеристиву ихъ можно найти въ газетѣ и журналѣ, причемъ приведено названіе только одной газеты и одного журнала, къ тому-жъ за прошедшій годъ; списокъ руководствъ для собиранія коллекцій, совершенія экскурсій и т. д. данъ даже безъ указанія, для кого то или другое руководство предназначается: для учащихся или учениковъ и для какой школы—средней или низшей. Вообще библиографическая часть „Ежегодника“ нуждается въ коренной реорганизаціи: въ спискахъ нѣрѣдко фигурируютъ устарѣвшія изданія, утратившія свое значеніе въ виду появившихся новыхъ, болѣе полно трактующихъ тотъ или другой вопросъ.

Н. А. Скорцовъ.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля
1908 г.**

- Абрамовъ, И.** Старообрядцы на Вѣт-
кѣ. Слб., 1907 г.
- Аграевъ, Г.** Родители, учителя, уче-
ники. Слб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Алешинъ, В.** Цѣтникъ, сборн. раз-
сказовъ. М., 1908 г. Ц. 75 к.
- Андрусонъ, Л.** Сказка любви. Слб.,
1908 г. Ц. 1 р.
- Баулинъ, А.** Думы и пѣсни. Слб.,
1907 г.
- Библиотека для дѣтей.**—Горбунова-Посадо-
ва, И. Мыльные пузыри. Ц. 30 к. Ма-
лыш. Ц. 30 к. Веселая тройка. Ц. 30 к.
Цыплятки. Ц. 30 к. Крошка. Ц. 15 к.
Дары счастья. Ц. 40 к. М., 1908 г.
- Вогородицкій, В.** Общій курсъ рус-
ской грамматики. Казань, 1907 г. Ц. 2 р.
- Водлѣръ, Шарль.** Исканія райа. Слб.,
1908 г. Ц. 1 р.
- Вончъ-Вруевичъ, Вл.** Избранныя
произведенія русской поэзии. Слб., 1908 г.
Ц. 2 р.
- Врандтъ, Н.** Тихія пѣсни. Стихотв.
Киевъ, 1907 г. Ц. 50 к.
- Вродеръ, X.** Психологія и теорія по-
знанія. Перев. съ нѣмецк. М., 1907 г.
Ц. 40 к.
- Врянчаниновъ, Н.** Впечатлѣнія
бытія. Парижъ, 1907 г.
- Вялоконскій, И.** Библиографическій
сборникъ. В. I. М., 1908 г. Ц. 35 к.
- Вѣльскій, Л.** Думы. М., 1908 года.
Ц. 1 р.
- Васнецовъ, Аполлинарій.** Ху-
дожество. М., 1908 г. Ц. 1 р.
- Ветуховъ, А.** Заговоры, заклинанія.
Варшава, 1907 г. Ц. 4 р.
- Вейнбергъ, В.** Физика для всѣхъ.
М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Випперъ, Р.** Общественныя ученія и
историческія теоріи XVIII и XIX вв.
2-е изд. М., 1908 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Войтоловскій, Л.** Текущій моментъ
и текущая литература. Слб., 1908 г.
Ц. 35 к.
- Гагенъ, В.** Обязательная помощь бѣд-
нымъ въ Германіи. Слб., 1908 г. Ц. 50 к.
- Геккель, Э.** Естественная исторія жи-
вотворенія. Слб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Гершензонъ, М.** Исторія молодой
Россіи. М., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Горнфельдъ, А.** Книги и люди. Ли-
тературныя бесѣды. I. Слб., 1908 годъ.
Ц. 1 р. 25 к.
- Д'Аннунціо, Габріэле.** Фрагменты
да Римини. Перев. Корзухиной. Слб.,
1908 г. Ц. 2 р.
- Денисюкъ, Н.** Ник. Гав. Чернышев-
скій. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Добрышинъ, В.** Задачи современной
интеллигенціи. Слб., 1908 г. Ц. 25 к.
- Драгомановъ, М.** Политическія со-
чиненія. Подъ ред. проф. И. Гревса и
В. Костяковскаго. Т. I. Центръ и окре-
пим. М., 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ернефельтъ, Арвидъ.** Чаша зем-
ли. Пер. съ финск. М. Благовѣщенской.
М., 1908 г. Ц. 45 к.
- Жаковъ, К.** Неганализа. Ц. 12 коп.
Въ хвойныхъ лѣсахъ. Ц. 40 коп. Слб.,
1908 г.
- Западные сборники.** Кв. I. М., 1908 г.
Ц. 1 р.
- Зюгафъ, Н.** Курсъ зоологіи. Для
студентовъ. Ч. I. Изд. 2-е. М., 1908 г.
Ц. 3 р.
- Избранныя мысли Лабрюйера.** Переводъ
Г. Русанова и Л. Н. Толстого. М.,
1908 г. Ц. 75 к.
- Измайловъ, В.** Цѣтныя жазны. Разс.
Слб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Ильинскій, Вл.** Общественное слу-
женіе женщинамъ въ христіанской церк-
вѣ. Слб., 1908 г. Ц. 40 к.
- Ильинъ, В.** Аграрный вопросъ. I.
Слб., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Казминъ-Вьюговъ, Н.** О р-
ономъ воспитанія дѣтей. Слб., 19
Ц. 35 к.
- Калантаръ, А.** Инструкторская
ательность по молочному хозяй-
ству. Тифлисъ, 1907 г.
- Карпенгеръ, Э.** Я поднимаюс-
тъ. Откъ въ прозѣ. М., 1908 г. Ц.

- Караскевичъ, С.** Повѣсти и рассказы. Слб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Кедровъ, П.** Вознагражденіе увѣчныхъ рабочихъ, по закону 2 іюня 1903 года. М., 1903 г. Ц. 10 к.
- Киплингъ, Р.** Маленькія сказки. М., 1908 г. Ц. 75 к.
- Клоссовскій, А.** Метеорологія. Ч. I. (Общій курсъ). Одесса, 1908 г.
- Ковалевскій, К.** Терновый вѣнецъ. Рассказъ. Слб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Ковальскіе К. и О.** Тамъ, за желѣзными дверями. Драма. Слб., 1908 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, С. А.** Исторія русской государственности. Т. I. Слб., 1908 года. Ц. 2 р. 50 к.
- Котикъ, Н.** Непосредственная передача мыслей. М., 1908 г. Ц. 1 р.
- Курчинскій, М.** Муниципальный социализмъ и развитіе городской жизни. (Библ. самообраз. В. VI). Слб., 1907 г.
- Steinow, Georg.** Aus Russlands Not und Hoffen. Zweiter Band. Berlin. 1907.
- Ладыженскій, Вл.** Стихи. Изд. II. Слб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Локоть, Т.** Бюджетная и податная политика Россіи. М., 1908 г. Ц. 1 р.
- Лукьяновъ, А.** Стихи. Слб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Львовъ, Т.** Ушла... М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Майдановъ Д. и Рыбаковъ I.** Новый карманный словарь иностран. словъ. Одесса, 1908 г. Ц. 75 к.
- Мельгуновъ, С.** Студенческія организаціи 80—90 гг. въ Москов. универс. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Милуковъ, П.** Вторая Дума. Публицистическая хроника. Слб., 1908 года. Ц. 1 р. 50 к.
- Мирбо, Окт.** Голгова. М., 1908 г. Ц. 1 р.
- Н. В.** Единая радость. Стихи. М., 1908 г.
- Немировичъ-Данченко, Вас.** Маревъ. Изд. IV. Ц. 1 р. За далекихъ братьевъ. М., 1908 г. Ц. 80 к.
- Нечаевъ, А.** Работа вѣтра. М., 1908 г. Ц. 25 к.
- Николаевъ, А.** Кооперация. Слб., 1908 г. Ц. 30 к.
- Никольскій, В.** О русскомъ національномъ самосознаніи. Слб., 1907 г.
- Оршанскій, И.** Художественное творчество. М., 1907 г.
- Острогорскій, А.** Русское православіе. В. I. Слб., 1908 г. Ц. 15 к.
- Очерки по философіи марксизма.** Сборн. Слб., 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Очеркъ забастовочнаго движенія рабочихъ Вакинскаго нефтепромышленнаго района за 1903—1906 г. Баку, 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.**
- Пеллико, С.** Обязанности человека. М., 1908 г. Ц. 30 к.
- Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства.** В. 20-й. Т. X. Слб., 1907 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Понрковъ, Н.** Стихи. М., 1908 г. Ц. 80 к.
- Практическая грамматика.** Ч. I. М., 1908 г. Ц. 10 к.
- Протоколи учредительнаго съѣзда федерации национальныхъ и территориальныхъ союзовъ учителей и др. дѣятелей по народному образованію.** Слб., 1907 г. Ц. 50 к.
- Профессиональные союзы во Франціи.** Сборн. стат. Пер. съ франц. М., 1908 г. Ц. 40 к.
- Рах—овъ, Н.** Къ философіи марксизма. Рига, 1908 г. Ц. 30 к.
- Рикардо, Давидъ.** Собр. соч. Т. I. Слб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Робесъ, Пьеръ.** Нѣдра революціи. В. I. Слб., 1907 г. Ц. 10 к.
- Сажинъ, И.** Алкоголизмъ въ арміи. Слб., 1907 г. Ц. 15 к.
- Сахаровъ, А.** Ариметика. Слб., 1908 г. Ц. 70 к.
- Сборникъ товарищ. „Знаніе“ за 1907 г. Кв. XVIII.** Слб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Сиземскій, Л.** Обученіе чтенію въ семьѣ. Слб., 1908 г. Ц. 35 к.
- Словарь литературныхъ типовъ.—Тургеневъ.** Слб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Соколовъ, Н. и Сахаровъ, И.** Новый ардем. вадчикъ. Ч. II. М., 1908 г. Ц. 25 к.
- Сорель, А.** Европа и французская революція. Т. VII и VIII. Слб., 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Стражевъ, В.** Путь голубиный. Стих. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Сандерлендъ, I.** Виблія. М., 1908 г. Ц. 60 к.
- Тарвевъ, М.** Христианская свобода. Сер. Пос., 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Толстой, Л. Н.** Религія и нравственность. Ц. 5 к. Вѣрье себѣ. Ц. 4 к. Нежданіе. Ц. 5 к. М., 1908 г.
- Тотоміанцъ, В.** Сельскохозяйственная кооперация. Слб., 1908 года. Цѣна 2 руб.
- Троцкий, Н.** О германской социалъ-демократіи. М., 1908 г. Ц. 30 к.
- Турже-Туржанская, Е.** „Отгалики“. Въ пользу ягги образов. Смоленскъ, 1908 г. Ц. 30 к.
- Уголовное право и социализмъ.** Сборн. статей. М., 1908 г. Ц. 1 р.
- Фалъевъ, Н.** Дуэля. Рассказъ. Слб., 1908 г. Ц. 3 р.
- Форшъ, О.** Рыцарь изъ Нюрнберга. Кіевъ, 1908 г. Ц. 75 к.
- Френсенъ, Густавъ.** „Рукопись“ жавъ Спасителя. Изд. 2-е. Слб., 1908 г. Ц. 75 к.
- Хавкина, Л.** Индія. М., 1908 года. Ц. 80 к.
- Чижевъ, Е.** Тайны и чудеса Божьяго міра. М., 1908 г. Ц. 60 к.
- Ш—гъ, Л.** Трагедія шестимилліоннаго народа. Слб., 1908 г. Ц. 10 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: <i>А. Федоровъ. Стихи.—С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Ч. IV. Андрей Кожуховъ.—Сѣверные сборники. Кн. II и III.</i>	19
Исторія, исторія литературы: Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ.— <i>Б. В. Глинскій. Борба за конституцію. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями.—П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Юсіфа II, ея сторонники и враги.—Н. А. Росковъ. Отъ самоцарствія къ народоцарствію. Очеркъ изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи.—Н. Котляревскій. Старинные портреты.—Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ.</i>	22
Правовѣдѣніе, социологія: <i>Борисъ Великовъ. Теорія и практика пропорціональнаго представительства.—Эд. Виллей. Избирательное законодательство въ Европѣ.—Францъ Лютгенау. Естественная и социальная религія.</i>	31
Публицистика: <i>Georg Steinow. Aus Russlands Not und Hoffen.—Гр. Ив. Ив. Толстой и Юлій Гессенъ. Факты и мысли. Еврейскій вопросъ въ Россіи.—Мих. Мошманскій. Первая Государственная Дума.—А. Н. Врѣштинскаго. Междумье. Вып. I.—Вл. Беренштамъ. Около политическихъ.</i>	33
Естествознаніе. <i>Ж. Константенъ. Растеніе и среда.—М. Новорусскій. Земля и ея жизнь.</i>	39
Народное образованіе: Ежегодникъ народной школы. Подъ ред. <i>В. И. Чарюлускаго. Вып. I.</i>	40

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1908 г.

